

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІ.

1885.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан , № 78.

1885.

Киевський базис, № 78

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (8-го мая 1885 года). Объ учрежденіи преміи при русской учительской семинаріи въ Дерптѣ.

Попечитель Дерптскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что проживающіе въ Дерптѣ православные, желая ознаменовать день чествованія памяти славянскихъ первоучителей, передали ему три билета восточнаго займа, по сто руб. каждый, для учрежденія при русской учительской семинаріи въ Дерптѣ Кирилло Меѳодіевской преміи, съ тѣмъ, чтобы на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала выдавались ежегодно русскія книги оканчивающимъ въ семинаріи курсъ православнымъ воспитанникамъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной преміи.

2. (8-го мая 1885 года). О формѣ одежды студентовъ Императорскихъ російскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго, св. Владиміра и Новороссійскаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на утверженіе рисунка и описанія форменной одежды студентовъ Императорскихъ російскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго, св. Владиміра въ гор. Кіевѣ и Новороссійскаго.

При этомъ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть 1) не дѣлать пошенія мундира обязательнымъ и 2) на актахъ и другихъ торжественныхъ собраніяхъ, гдѣ студенты бывають въ сборѣ, быть имъ въ одинаковой формѣ.

На подлинномъ написано: «Нижеописанная форменная одежда студентамъ Высочайше утверждена»

8-го мая 1885 года.

Подписалъ: министр народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь *И. Деляновъ*.

Описание форменной одежды студентовъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго, св. Владимира и Новороссійскаго.

§ 1. Фуражка (съ козырькомъ) темнозеленаго сукна, съ околышемъ изъ темносиваго сукна; по верху фуражки темносинія выпушка.

§ 2. Мундиръ темнo-зеленаго сукна, однобортный, застегивающійся на девять желтыхъ металлическихъ пуговицъ съ изображеніемъ на нихъ государственнаго герба. Воротникъ (съ откошенными концами) и обшлага (прамье) изъ темносиваго сукна съ двумя петлицами изъ золотаго галуна на воротникѣ и обшлагахъ и съ двумя желтыми металлическими пуговицами на каждомъ рукавѣ. При мундирѣ шпага, которая носится безъ темляка и портупей, въ разрѣзѣ, имѣющемся на лѣвой сторонѣ мундира.

§ 3. Сюртукъ темнозеленаго сукна двубортный, застегивающійся на 6 желтыхъ металлическихъ пуговицъ съ изображеніемъ государственнаго герба; воротникъ (съ откошенными концами) темносиваго сукна. На лѣвой сторонѣ разрѣзъ для шпаги.

§ 4. Шаровары темнозеленыя длинныя, сверхъ сапоговъ, безъ канта.

§ 5. Пальто темнозеленаго сукна, съ отложнымъ того же сукна воротникомъ и съ лацканами. На воротникѣ темносинія суконная петлица съ желтою металлическою пуговицею.

Студентамъ предоставляется право носить и шинели изъ темносѣраго сукна, офицерскаго образца. Въ зимнее время, какъ шинель, такъ и форменное пальто, могутъ быть съ мѣховымъ воротникомъ.

§ 6. Галстукъ черннй, перчатки бѣлыя замшевыя.

§ 7. Башлыкъ общаго образца, верблюжьяго цвѣта.

3. (18-го мая 1885 года). По проектамъ положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института.

Его Императорское Величество ниспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проектамъ положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института, Высочайше утвердить соизволѣлъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института, мнѣніемъ положилъ:

I. Проекты: 1) положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и 2) штата сего установленія поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утверженію и, по воспослѣдованіи онаго, привести въ дѣйствіе.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и при содѣйствіи совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны, составить, въ развитіе издавасмаго положенія, подробный уставъ клиническаго института и утвердить его собственною властію.

Подлинное мнѣніе подисано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ Петергофѣ. 18-го мая 1885 года. *Быть по сему.*

Положеніе о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны.

§ 1. Клинической институтъ великой княгини Елены Павловны имѣть цѣлю: а) содѣйствовать практическому изученію свойствъ болѣзней и способовъ ихъ врачеванія; б) способствовать молодымъ врачамъ усовершенствоваться на практикѣ въ важнѣйшихъ отрасляхъ медицинской науки и в) оказывать врачебную помощь боль-

нымъ обоего пола, какъ помѣщаемымъ въ заведеніи, такъ и приходящимъ.

§ 2. Высшее направленіе дѣятельности клиническаго института къ достиженію указанной ему цѣли и попеченіе о его преуспѣяніи принадлежатъ Покровителю (или Покровительницѣ) изъ Особь Императорской Фамиліи, по непосредственному избранію Государя Императора.

§ 3. Клиническій институтъ, состоя въ вѣдомствѣ совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 8-го іюня 1874 года правилъ о центральномъ управленіи сими учрежденіями (Собр. узак. 1874 г., № 927), подчиняется въ научно-учебномъ отношеніи вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 4. Общее наблюденіе за благосостояніемъ института и руководство его дѣлами ввѣряется попечительному его комитету. Непосредственное же управленіе институтомъ въ врачебно-административномъ, учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ возлагается на директора, который всѣ относящіяся до научно-учебной части вопросы передаетъ на предварительное разсмотрѣніе собранія преподавателей.

§ 5. Попечительный комитетъ составляютъ: предсѣдатель, членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, директоръ института, штатный профессоръ клиническаго отдѣленія, одинъ изъ консультантовъ и четыре члена, назначаемые изъ числа благотворителей или другихъ лицъ, могущихъ быть полезными институту. Сверхъ того, въ засѣданія комитета могутъ быть приглашаемы предсѣдателемъ, съ правомъ совѣщательнаго глоса, также и другія лица, извѣстныя своими спеціальными знаніями и опытностью.

§ 6. Личный составъ попечительнаго комитета назначается: а) предсѣдатель—Высочайшею властію, по избранію Покровителя (или Покровительницы) института; б) членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія — министромъ; в) два члена изъ благотворителей и другихъ лицъ — Покровителемъ (или Покровительницею); г) два такихъ же члена — совѣтомъ управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны, по представленію комитета; д) членъ изъ консультантовъ — тѣмъ же совѣтомъ, по выбору собранія преподавателей института; причеиъ члены изъ постороннихъ институту лицъ и консультантовъ назначаются на трехлѣтній срокъ. Секретарь попечительнаго комитета назначается его предсѣдателемъ.

Примѣчаніе. Предсѣдатель попечительнаго комитета состоитъ, по званію своему, членомъ совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны.

§ 7. Въ случаѣ болѣзни или временнаго отсутствія предсѣдателя, должность его исправляетъ одинъ изъ членовъ попечительнаго комитета, по назначенію Покровителя (или Покровительницы).

§ 8. Директоръ избирается изъ числа профессоровъ, завѣдывающихъ клиническими отдѣленіями института, совѣтомъ управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, и утверждается Покровителемъ (или Покровительницею).

§ 9. Директоръ института, сверхъ исполненія обязанностей по сей должности, завѣдываетъ также однимъ изъ клиническихъ отдѣленій института.

§ 10. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія директора, исполненіе его обязанностей возлагается попечительнымъ комитетомъ: по учебно-учебной части — на штатнаго профессора клиническаго отдѣленія, а по части хозяйственно-административной — на сего профессора, или на одного изъ старшихъ ассистентовъ.

§ 11. Клиническія отдѣленія института, по учебной и научно-учебной частямъ, находятся въ завѣдываніи профессоровъ. Въ распоряженіи каждаго профессора состоятъ старшіе, младшіе и сверхштатные ассистенты, а также всѣ врачи и слушатели, допущенные къ занятіямъ въ завѣдываемомъ профессоромъ отдѣленіи.

§ 12. Профессорамъ вѣняется въ обязанность чтеніе практическихъ курсовъ и руководство научными занятіями врачей вѣрннанаго имъ отдѣленія. Профессоры, завѣдующіе клиническими отдѣленіями института (не исключая и директора), обязаны преподавать до трехъ разъ въ недѣлю безъ особаго за то вознагражденія.

§ 13. Къ слушанію лекцій и вообще къ занятіямъ въ институтѣ допускаются: а) студенты высшихъ курсовъ медицинскихъ факультетовъ Императорскихъ университетовъ и Императорской военно-медицинской академіи и б) врачи, желающіе усовершенствоваться въ своей спеціальности. За слушаніе лекцій взимается плата, размѣръ которой опредѣляется попечительнымъ комитетомъ. Если составъ и объемъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ институтѣ будутъ соответствовать одному или двумъ полугодіямъ курса, проходимаго

въ медицинскихъ факультетахъ университетовъ, то время слушанія лекцій въ институтѣ можетъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, быть зачислено въ счетъ десяти факультетскихъ полугодій, требуемыхъ отъ студентовъ для допущенія къ испытанію на степень лекаря (Выс. утв. 23-го августа 1884 г. уст. унив., ст. 77).

Примѣчаніе 1-е. Правила о посѣщеніи института студентами Императорскихъ университетовъ и военно-медицинской академіи составляются попечительнымъ комитетомъ и утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію, въ подлежащихъ частяхъ, съ военнымъ министромъ.

Примѣчаніе 2-е. Директору, по соглашенію съ преподавателемъ, предоставляется, въ особенныхъ случаяхъ, освободить слушателей отъ ввешенія платы, установленной въ пользу института.

§ 14. На должности профессоровъ опредѣляются лица, имѣющія степень доктора и составившія себѣ извѣстность, какъ самостоятельными трудами по своей специальности въ наукѣ, такъ и практическою и преимущественно больничною дѣятельностью, если притомъ лица сіи доказали свою способность къ преподаванію или имѣютъ званіе приватъ-доцента, приобретенное на основаніи положенія о военно-медицинской академіи или общаго устава российскихъ университетовъ.

§ 15. Старшіе ассистенты клиническихъ отдѣленій суть ближайшіе помощники профессоровъ и замѣняютъ ихъ въ случаѣ отсутствія или болѣзни.

§ 16. На младшихъ и сверхштатныхъ ассистентовъ возлагаются: научное наблюденіе за больными, производство изслѣдованій въ клиническихъ кабинетахъ и лабораторіи, веденіе клиническихъ исторій и непосредственное попеченіе о больныхъ въ порученныхъ симъ должностнымъ лицамъ палатахъ.

§ 17. На должности штатныхъ (какъ старшихъ, такъ и младшихъ) ассистентовъ назначаются врачи, имѣющіе степень доктора и доказавшіе притомъ, своими научными трудами, достаточную клиническую подготовленность къ своему званію по соотвѣтственной специальности.

§ 18. Прозекторскою института, въ научно-учебномъ отношеніи, завѣдываетъ профессоръ патологической анатоміи, а если вмѣсто него будетъ опредѣленъ при институтѣ прозекторъ (шт. инст., примѣч. 1), то — сей послѣдній. На обязанности лица, завѣдывающаго прозекторскою,

лежитъ производство анатомическихъ разсѣченій, изготовленіе препаратовъ и руководство врачей и слушателей института въ практическихъ занятіяхъ по патологической анатоміи и гистологіи. На должность прозектора назначается врачъ, имѣющій степень доктора и приобрѣвшій извѣстность самостоятельными трудами по патологической анатоміи.

§ 19. Прозектору и ассистентамъ, доказавшимъ свою способность къ преподаванію или имѣющимъ званіе приватъ-доцента, приобретенное въ порядкѣ, опредѣленномъ положеніемъ о военно-медицинской академіи или общимъ уставомъ российскихъ университетовъ, разрѣшается чтеніе курсовъ, на условіяхъ, которыя устанавливаются директоромъ, по соглашенію, въ подлежащихъ случаяхъ, съ завѣдывающимъ отдѣленіемъ профессоромъ и съ утвержденія попечительнаго комитета.

§ 20. Прозекторъ и ассистенты, читавшіе два года сряду практическіе курсы (ст. 19) съ полнымъ успѣхомъ, могутъ быть удостоиваемы, по представленію директора, съ одобренія попечительнаго комитета и съ утвержденія совѣта управленія учреждениями великой княгини Елены Павловны, званій: первый—штатнаго профессора патологической анатоміи въ институтѣ, а вторые—доцентовъ онаго, по соответственной спеціальности. Удостоенные сихъ званій приобретаютъ право участвовать, на правахъ членовъ, въ собраніи преподавателей института. Предварительно утвержденія означенныхъ лицъ въ упомянутыхъ званіяхъ, совѣтъ управленія входитъ въ соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 21. Для завѣдыванія фізіологической лабораторіей въ томъ случаѣ, если должность профессора фізіологіи не будетъ замѣщена (шт. инст., примѣч. 1), можетъ быть приглашаемо лицо, имѣющее степень доктора и доказавшее спеціальныя свои познанія научными трудами по фізіологіи. Ему разрѣшается чтеніе практическихъ курсовъ, а затѣмъ можетъ быть предоставлена и штатная должность профессора фізіологіи, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ прозекторъ удостоивается званія штатнаго профессора патологической анатоміи (ст. 19 и 20).

§ 22. Штатные профессора, прозекторъ и фізіологъ опредѣляются въ должности, на основаніи представленія совѣта управленія учреждениями великой княгини Елены Павловны, Покровителемъ (или Покровительницею), по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 23. Ассистенты и завѣдывающій аптекою института утверждаются въ должностяхъ, по представленію директора: младшіе и сверхштатные ассистенты — попечительнымъ комитетомъ, а прочія лица—совѣтомъ управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 24. Для доставленія больнымъ, какъ помѣщающимся въ институтъ, такъ и приходящимъ, возможности пользоваться совѣтами извѣстныхъ врачей, занимающихся тою или другою спеціальною, а равно ихъ взаимными консультаціями, при институтѣ состоятъ медики-консультанты, по избранію совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны и съ утвержденія Покровителя (или Покровительницы).

§ 25. Въ консультанты назначаются спеціалисты, пріобрѣвшіе извѣстность по одной изъ отраслей практической медицины, имѣющіе притомъ докторскую степень и доказавшіе свою опытность продолжительною практическою, ученою или учебною дѣятельностью. Обязанности консультантовъ опредѣляются подробнымъ уставомъ института.

§ 26. Консультанты, доказавшіе свою способность къ преподаванію или имѣющіе званіе приватъ-доцента, пріобрѣтенное порядкомъ, опредѣленнымъ положеніемъ о военно-медицинской академіи или общимъ уставомъ россійскихъ университетовъ, допускаются къ чтенію практическихъ курсовъ и, въ такомъ случаѣ, участвуютъ, съ правомъ голоса, въ собраніи преподавателей института. Они могутъ быть удостоиваемы званія почетнаго профессора на основаніяхъ, указанныхъ для предоставленія прозектору института званія штатнаго профессора патологической анатоміи (ст. 20).

§ 27. Почетные профессора института (ст. 26) не пользуются по сему званію ни содержаніемъ, ни служебными преимуществами, присвоенными штатнымъ профессорамъ сего учрежденія (ст. 39).

§ 28. При институтѣ, подъ предсѣдательствомъ директора, состоитъ собраніе профессоровъ и доцентовъ института. Въ этомъ собраніи обсуждаются: а) мѣры, могуція способствовать расширенію и лучшему устройству ученой и учебной дѣятельности института; б) программы и планы учебныхъ занятій, въ видахъ согласованія и взаимнаго дополненія читаемыхъ въ институтѣ практическихъ курсовъ и в) научныя заслуги и прочія права кандидатовъ на замѣщеніе должностей штатныхъ профессоровъ, прозектора и физиолога въ институтѣ.

§ 29. Въ составъ собранія профессоровъ и доцентовъ (ст. 28)

входятъ, съ правомъ голоса, также врачи другихъ медицинскихъ учрежденій великой княгини Елены Павловны, читающіе въ нихъ практическіе курсы и имѣющіе званіе академическаго или факультетскаго преподавателя.

§ 30. Обязанности секретаря собранія исполняетъ одинъ изъ членовъ онаго, утверждаемый въ сей должности попечительнымъ комитетомъ, по представленію предсѣдателя.

§ 31. Въ званіи членовъ-благотворителей утверждаются попечительнымъ комитетомъ, съ согласія Покровителя (или Покровительницы) лица, сдѣлавшія значительныя пожертвованія въ пользу института, или оказавшія ему иныя важныя услуги.

§ 32. Больные, какъ помѣщаемые въ заведеніи, такъ равно приходящіе, признанные директоромъ или подлежащимъ профессоромъ дѣйствительно немущими, пользуются бесплатно, а остальные обязаны вносить умѣренную плату, размѣръ которой устанавливается попечительнымъ комитетомъ, съ утвержденія совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны.

§ 33. Хозяйственною частью института, подъ непосредственнымъ надзоромъ директора, завѣдываетъ смотритель, въ помощь которому для веденія счетоводства, отчетности и переписки, назначается писмоводитель. Лица сіи опредѣляются, по представленію директора, попечительнымъ комитетомъ.

§ 34. Средства института составляютъ:

1) сумма, ежегодно отпускаемая изъ государственнаго казначейства, на основаніи Высочайшихъ повелѣній ^{11/22} іюня 1875 года и 16 ноября 1884 года;

2) плата, взимаемая: а) за пользованіе и лекарьства съ больныхъ, какъ помѣщаемыхъ въ заведеніи, такъ и приходящихъ; б) съ врачей и студентовъ за слушаніе практическихъ курсовъ и пользованіе учебно-вспомогательными средствами института; в) съ посѣщающихъ отърываемыя институтомъ общедоступныя чтенія, и

3) пожертвованія и деньги, выручаемыя по статьѣ 36-й.

§ 35. Институтъ имѣетъ печать съ государственнымъ гербомъ и своимъ наименованіемъ.

§ 36. Институтъ имѣетъ право приобрѣтать недвижимую собственность, устраивать въ свою пользу концерты, спектакли, общественныя гулянья и тому подобное, выставлять кружки и собирать пожертвованія иными способами, съ соблюденіемъ установленныхъ по сими предметамъ правилъ.

§ 37. Институтъ пользуется правомъ безплатно получать изъ-за границы, для собственнаго употребленія, необходимыя ему инструменты, печатныя произведенія и учебныя пособія, на основаніяхъ, указанныхъ въ статьѣ 1273 устава таможеннаго (свод. зак. т. VI, изд. 1857 г.).

§ 38. Институтъ имѣетъ право издавать, на общемъ основаніи, труды ученаго содержанія, относящагося до врачебной науки, съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны.

§ 39. Директоръ и штатные профессора института пользуются всѣми правами учебной службы, какъ по производству въ чины, такъ равно по выслугѣ пенсій и единовременныхъ пособій, на одинаковыхъ основаніяхъ съ профессорами медицинскихъ факультетовъ (ст. 148, 149, 154, 155 и 156 уст. универс. 1884 г.) при чемъ директоръ, относительно размѣра пенсіи, сравнивается съ ординарными профессорами университетовъ. Прозекторъ и физиологъ, если не состоятъ профессорами института, пользуются тѣми правами, которыя принадлежатъ прозекторамъ медицинскихъ факультетовъ. Доцентамъ института предоставляются служебныя преимущества, присвоенныя приватъ-доцентамъ университетовъ (ст. 150 и 152 уст. университет. 1884 г.).

§ 40. Старшіе, младшіе и сверхштатные ассистенты, завѣдывающій аптекою, смотритель и письмоводитель института, состоящіе при немъ фельдшеры, равно какъ секретарь попечительнаго комитета, пользуются правами государственной службы. Пенсіи и единовременныя пособія назначаются: штатнымъ ассистентамъ и завѣдывающему аптекою — на основаніи статей 505 — 533 устава о пенсіяхъ (свод. зак. т. III, изд. 1876 г.); смотрителю, письмоводителю и секретарю попечительнаго комитета — по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 1—241 того же устава; фельдшерамъ — на основаніи общихъ о нихъ постановленій (ст. 505 и слѣд. уст. пенс., изд. 1876 г.), а повивальной бабкѣ — согласно статьѣ 544 устава врачебнаго (свод. зак. т. XIII, изд. 1857 г.).

§ 41. Пенсіи всѣмъ вообще чинамъ клиническаго института, имѣющимъ право на оныя, производятся изъ государственнаго казначейства, въ средства котораго поступаютъ установленныя изъ содержанія вычеты въ пенсіонный капиталъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Быть по сему.

Въ Петергофѣ, 18-го мая 1885 года.

Ш Т А Т Ъ

Клиническаго института великой княгини Елены Павловны.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.					Классы и разряды.		
		Жылованья.	Столовыхъ.	Квартир-ныхъ.	Одному.	Всего.	По должности.	По шитью на мушкетрѣ.	По пенсіи.
		Р у б л я .							
Предсѣдатель попечительнаго комитета	1								
Членовъ комитета	6	не получаютъ.					V	V	
Консультантовъ	—						VI	VI	
Директоръ института (онъ же профессоръ одного изъ клиническихъ отдѣленій института)	1	1600	800	1200	3600	3600	V	V	
Профессоръ { другого клиническаго отдѣленія	1	1600	800	—	2400	2400	V	V	По учебной службѣ.
	патологической анатоміи и физиологіи	2	1000	500	—	1500	3000	V	
Ассистентовъ { старшихъ	2	700	300	пату- рою.	1000	2000	VI	VI	По медицинской службѣ.
	младшихъ	4	550	250	—	800	3200	VII	
Завѣдывающій аптекою	1	600	300	—	900	900	VIII	VIII	
Фельдшеровъ	2	—	—	пату- рою.	300	600			
Священникъ	1	500	—	—	500	500			
Секретарь попечительнаго комитета	1	480	240	—	720	720	VIII	VIII	VI
Смотритель (онъ же экономъ и казначей)	1	500	300	пату- рою.	800	800	VIII	VIII	VI
Письмоводитель (онъ же бухгалтеръ)	1	400	200	—	600	600	IX	IX	VII
Итого	—	—	—	—	—	18320			

Примѣчанія: •

1-е. Въмѣсто профессоровъ патологической анатоміи и физиологии, при институтѣ могутъ быть опредѣляемы прозекторъ и физиологъ (они же доценты названныхъ предметовъ), съ предоставленіемъ имъ 1200 руб. содержанія въ годъ (въ томъ числѣ 800 руб. жалованья и 400 столовыхъ денегъ), VI класса по чинопроизводству и VI разряда по мундиру.

2-е. Независимо отъ ассистентовъ, положенныхъ симъ штатомъ, разрѣшается опредѣлять при институтѣ до шести сверхштатныхъ ассистентовъ, съ отнесеніемъ сихъ должностей къ VIII классу по чинопроизводству и къ VIII разряду по мундиру, но безъ содержанія и правъ на пенсію изъ государственнаго казначейства.

3-е. Лица, состоящія въ институтѣ на дѣйствительной службѣ, носятъ мундиръ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

4. (16-го апрѣля 1885 года). По проектамъ положенія и штата Харьковскаго практическаго технологическаго института.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проектамъ положенія и штата Харьковскаго практическаго технологическаго института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ положенія и штата Харьковскаго практическаго технологическаго института, мнѣніемъ положилъ:

I. Проекты положенія о Харьковскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ и штата сего учебнаго заведенія поднести въ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи онаго, привести ихъ въ дѣйствіе съ начала 1885 учебнаго года.

II. На содержаніе упомянутого технологическаго института вносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія: въ 1886 году — восемьдесятъ одну тысячу двадцать три руб.; въ 1887 году—сто двадцать одну тысячу триста семьдесятъ руб.; въ 1888 году—сто шестьдесятъ одну тысячу сто шестьдесятъ восемь руб.; въ 1889 году—сто восемьдесятъ семь тысячъ девятьсотъ тридцать девять руб., а начиная съ 1890 года—по стѣ восьмидесяти девяти тысячъ шестисотъ пяти руб. ежегодно. Въ текущемъ же 1885 году отпустить изъ государственнаго казначейства на означенный предметъ 25537 руб. и, сверхъ того, 104435 руб. на первоначальное внутреннее устройство института, а всего сто двадцать девять тысячъ девятьсотъ семьдесятъ два руб., причежь обратить на покрытіе сего расхода 78,453 руб., занесенные въ дѣйствующую смѣту министерства народнаго просвѣщенія условно на содержаніе харьковскаго технологическаго института; остальные же затѣмъ 51,519 руб. отнести на счетъ назначеннаго по государственной росписи кредита въ 3 мил. руб. на удовлетвореніе непредусмотрѣнныхъ смѣтами экстраординарныхъ въ теченіе года надобностей.

III. Впредь до разрѣшенія общаго вопроса о служебныхъ правахъ, приобретаемыхъ окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ, предоставить лицамъ, удостоеннымъ званія инженеръ-технолога или технолога, право на утвержденіе при поступленіи въ государственную службу на штатныя должности техникувъ въ слѣдующихъ чинахъ: инженеръ-технологу—въ чинѣ X класса, а технологу—въ чинѣ XII класса; и

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія внести въ смѣту расходовъ министерства на 1886 годъ сумму, потребную на постройку вчернѣ зданій химическихъ мастерскихъ и жилого дома при Харьковскомъ технологическомъ институтѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Положеніе о Харьковскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ.

Цѣль и средства института.

§ 1. Харьковскій практическій технологическій институтъ имѣеть цѣлью сообщать учащимся въ немъ высшее технологическое образо-

ваніе по спеціальностямъ механической и химической. Сообразно съ симъ, институтъ подраздѣляется на два отдѣленія.

§ 2. Внимаемая за обученіе въ институтѣ плата, равно какъ суммы, выручаемыя за приготовленныя въ учебныхъ мастерскихъ института издѣлія, поступаютъ въ доходъ государственнаго казначейства полностью; въ подлежащія же подраздѣленія смѣты расходовъ министерства народнаго просвѣщенія вносятся, на усиленіе средствъ института, весь сборъ за обученіе въ немъ, а также деньги, получаемыя отъ продажи упомянутыхъ издѣлій, въ размѣрѣ дѣйствительнаго ихъ поступления въ году, предшествующемъ составленію смѣты.

Примѣчаніе. Суммы, ассигнуемыя на усиленіе средствъ института, могутъ быть, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, употребляемы: а) на пособія учащимся, служащимъ въ институтѣ и семействамъ этихъ лицъ; б) на выдачу стипендій инженеръ-технологамъ, оставляемымъ при институтѣ для подготовленія къ преподавательской дѣятельности; в) на издержки по напечатанію научныхъ сочиненій, издаваемыхъ отъ имени института или съ его одобренія; г) на издержки при торжественныхъ собраніяхъ и на мелочные расходы по разнымъ предметамъ; д) на командировки профессоровъ и преподавателей; е) на улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учреждений и ж) на добавленіе къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе и ремонтъ институтскихъ зданій.

Учебная часть.

§ 3. Учебный курсъ института продолжается пять лѣтъ и раздѣляется на пять годовичныхъ курсовъ.

§ 4. Въ институтѣ преподаются: 1) законъ Божій; 2) высшая математика; 3) начертательная геометрія; 4) теоретическая механика; 5) физика; 6) химія; 7) анатомія и фізіологія растений; 8) минералогія съ геогнозіей; 9) геодезія; 10) строительное искусство съ архитектурой; 11) прикладная механика и теорія машинъ; 12) механическая технологія; 13) химическая технологія; 14) металлургія; 15) политическая экономія и статистика; 16) бухгалтерія; 17) иностранные языки (французскій, нѣмецкій и англійскій); 18) черченіе; 19) рисованіе.

§ 5. Независимо отъ исчисленныхъ въ статьѣ 4-й предметовъ, въ составъ учебнаго курса входятъ также практическія занятія по физикѣ, химіи, механикѣ, естественной исторіи и другимъ предметамъ.

Занятія эти происходят какъ въ мастерскихъ и лабораторіяхъ института, такъ и внѣ оного: на заводахъ, фабрикахъ и при строительныхъ работахъ.

§ 6. При институтѣ имѣются: бібліотека; коллекціи, къ предметамъ преподаванія относящіяся; физическій кабинетъ; механическая и химическая лабораторія и мастерскія по механической и химической технологіи.

Учащіеся въ институтѣ.

§ 7. Въ студенты института принимаются: а) имѣющіе аттестаты или свидѣтельства объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) получившіе аттестаты или свидѣтельства зрѣлости отъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, а равно свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ при нихъ классомъ, и в) имѣющіе аттестаты или свидѣтельства отъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, курсъ которыхъ будетъ признанъ министромъ народнаго просвѣщенія достаточнымъ для поступленія въ институтъ, при чемъ преимущество отдается русскимъ подданнымъ предъ иностранцами.

Примѣчаніе. Если число желающихъ поступать въ институтъ и представившихъ надлежащіе аттестаты или свидѣтельства будетъ превышать число свободныхъ вакансій, то между всѣми кандидатами открывается въ институтѣ состязательный экзаменъ изъ математики, физики и русскаго языка, въ предѣлахъ гимназическаго курса, и затѣмъ право на занятіе вакансій предоставляется получившимъ на семь экзаменѣ большее число балловъ.

§ 8. Учащіеся въ институтѣ уплачиваютъ за право обученія по пятидесяти руб. за каждый учебный годъ, внося эту сумму впередъ. Въ случаѣ выхода учащагося изъ института до окончанія года, деньги эти не возвращаются.

§ 9. Отличнѣйшіе по успѣхамъ и поведенію изъ недостаточныхъ студентовъ института, русскихъ подданныхъ, могутъ получать стипендіи или могутъ быть освобождаемы отъ взноса платы за ученіе. Съ этою цѣлью въ институтѣ полагается пятьдесятъ стипендій, по триста рублей въ годъ каждая, и пятьдесятъ учащихся могутъ пользоваться бесплатнымъ обученіемъ. Остатки, которые могутъ образоваться отъ суммы, назначенной на содержаніе стипендіатовъ, образъ часть ссхл., отд. 1.

щаются на выдачу единовременныхъ пособій бѣднѣйшимъ слушателямъ.

Студенты института, получавшіе упомянутыя стипендіи, обязываются государственною службою, по одному году за каждый годъ полученія стипендіи, въ томъ случаѣ, если, при самомъ окончаніи этими стипендіатами курса въ институтѣ, имъ будетъ заявлено, что правительство встрѣчаетъ надобность воспользоваться ихъ техническими познаніями.

§ 10. При институтѣ могутъ быть учреждаемы стипендіи, какъ частными лицами, такъ равно обществами и вѣдомствами, на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены учредителями, съ тѣмъ однако чтобъ эти условія не противорѣчили положенію объ институтѣ и общимъ законамъ и были одобрены министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 11. О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ студентомъ внѣ института, полиція немедленно увѣдомляетъ директора. Въ случаѣ полученія директоромъ свѣдѣнія о студентахъ, подвергшихся взысканіямъ по приговору суда, директоръ доноситъ попечителю округа, который или предлагаетъ на обсужденіе учебнаго комитета, или рѣшаетъ самъ вопросъ о томъ, не подлежитъ ли виновный увольненію или исключенію изъ института. Такой же порядокъ соблюдается и относительно совершенныхъ студентами внѣ института проступковъ, которые имѣютъ вообще предосудительный характеръ.

§ 12. Студенты, прошедшіе успѣшно полный курсъ науки въ институтѣ, подвергаются испытанію въ особыхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, члены коихъ ежегодно назначаются министромъ народнаго просвѣщенія, по программамъ и правиламъ, министромъ же утвержденнымъ, и, буде успѣшно выдержатъ таковое испытаніе, удостоиваются означенными комиссіями: отличнѣйшіе — званія инженеръ-технолога, а всѣ остальные — званія технолога. Тѣ и другіе получаютъ право носить особый знакъ, по образцу, Высочайше утвержденному для окончившихъ курсъ ученія съ такими же званіями въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ.

§ 13. Постороннія лица допускаются къ испытанію въ означенныхъ въ ст. 12 сего положенія комиссіяхъ лишь на званіе инженеръ-технолога. Желавшіе подвергнуться сему испытанію предварительно представляютъ свидѣтельство о своемъ образованіи, дающее право на поступленіе въ институтъ (ст. 7).

§ 14. Удостоенные званія инженеръ-технолога или технолога

имѣютъ право возводить фабричныя и заводскія зданія, съ ихъ принадлежностями, и жилия помѣщенія, въ непосредственной связи съ ними находящіяся, а также производить строительныя работы, состоящія въ вѣдѣніи и подъ надзоромъ министерства путей сообщенія. Равнымъ образомъ, означеннымъ лицамъ предоставляется занимать по сему министерству должности, съ коими соединено производство строительныхъ работъ. Поступая на штатныя должности преподавателей въ специальныхъ или реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, инженеръ-технологи в технологи пользуются служебными преимуществами, на основаніяхъ, опредѣленныхъ уставами сихъ заведеній для преподавателей оныхъ.

§ 15. Инженеръ-технологи и технологи, не имѣющіе, по происхожденію, правъ высшаго состоянія, причисляются къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ, безъ взиманія установленной за грамоты пошлины. Министру народнаго просвѣщенія предоставляется ходатайствовать о причисленіи къ потомственному почетному гражданству тѣхъ изъ удостоенныхъ званія инженеръ-технолога или технолога, которые представляютъ достовѣрныя доказательства того, что они успѣшно занимались не менѣе десяти лѣтъ управленіемъ фабрикъ или заводовъ или же исполняли обязанности техническихъ инженеровъ.

§ 16. Инженеръ-технологи и технологи пользуются относительно отбыванія воинской повинности правами, опредѣленными въ уставѣ о сей повинности (свод. зак. т. IV кн. I, изд. 1876 г.).

Управленіе институтомъ.

§ 17. Институ ть состоитъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Харьковскаго учебнаго округа.

§ 18. Управленіе институтомъ ввѣряется директору, при участіи, въ подлежащихъ случаяхъ, учебнаго и хозяйственнаго комитетовъ.

§ 19. Директоръ института избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, извѣстныхъ своею ученою и преподавательскою дѣятельностію, и опредѣляется Высочайшею властію.

Примѣчаніе. Должность директора, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, можетъ быть соединена съ должностью профессора. Въ семъ случаѣ директору производится, сверхъ штатнаго его оклада, добавочное жалованье, въ размѣрѣ 1,500 руб. въ годъ.

§ 20. Директору, какъ ближайшему начальнику института, подчиняются всѣ служащія и учащіяся въ ономъ лица.

§ 21. Въ помощь директору института, по учебной части, назначается помощникъ директора, а по завѣдыванію дѣлами учебнаго комитета—секретарь, опредѣляемые министромъ народнаго просвѣщенія изъ профессоровъ института, по представленію директора, черезъ попечителя учебнаго округа.

§ 22. Учебный комитетъ института состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ преподавателя Закона Божія и профессоровъ.

§ 23. Въ кругъ дѣятельности учебнаго комитета входятъ: I. Дѣла, представляемыя на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія: а) составленіе плановъ и программъ теоретическаго и практическаго преподаванія въ институтѣ; б) распредѣленіе, на основаніи утвержденныхъ плановъ и программъ, преподаванія и практическихъ занятій по курсамъ, кабинетамъ, лабораторіямъ и мастерскимъ, съ назначеніемъ для каждаго предмета необходимаго учебнаго времени; в) составленіе предположеній о порядкѣ контроля за занятіями учащихся и о производствѣ испытаній какъ по теоретическому преподаванію, такъ и по практическимъ занятіямъ; г) обсужденіе достоинствъ кандидатовъ на открывающіяся въ институтѣ вакансіи профессоровъ и адъюнктовъ-профессоровъ; д) разсмотрѣніе и обсужденіе годичнаго отчета по учебной части института; е) составленіе предположеній о распредѣленіи суммъ, предназначенныхъ на учебную часть института; ж) избраніе почетныхъ членовъ института и удостоеніе почетнаго званія инженеръ-технолога; з) обсужденіе мѣръ къ временному замѣщенію учебныхъ должностей. II. Дѣла, представляемыя на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа: и) составленіе предположеній о предоставленіи, на основаніи утвержденныхъ министромъ правилъ, учащимся стипендій и бесплатныхъ вакансій, а равно о лишеніи учащихся этихъ преимуществъ; і) составленіе правилъ для пользованія библіотекой, учебными коллекціями и прочими учебными пособиями, а равно правилъ для пополненія библіотеки, учебныхъ коллекцій и учебныхъ пособій; к) обсужденіе достоинствъ кандидатовъ на должности преподавателей и механика, и л) обсужденіе вообще всѣхъ вопросовъ, предлагаемыхъ попечителемъ округа. III. Дѣла, рѣшаемыя собственною властью комитета и касающіяся приема, переводныхъ экзаменовъ, разсмотрѣнія полугодичныхъ отчетовъ по учебной части и разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію отъ имени или на счетъ института.

§ 24. Преподаваніе физики, химіи, механики, строительнаго искусства, механической технологіи, химической технологіи и руководство практическими занятіями, относящимися къ этимъ предметамъ, возлагается на профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ. Преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ поручается преподавателямъ. Число профессоровъ и адъюнкты-профессоровъ опредѣляется штатомъ; число же преподавателей хотя штатомъ не опредѣляется, но такіе преподаватели могутъ быть зачисляемы на дѣйствительную службу при институтѣ.

Профессоры и адъюнкты-профессоры института назначаются изъ лицъ, извѣстныхъ трудами по своей специальности и обладающихъ даромъ преподаванія. При этомъ, профессоры и адъюнкты-профессоры физики и химіи должны имѣть ученую степень: первые — доктора, а вторые — магистра по разряду наукъ, соответствующему каедру каждого изъ нихъ. Профессоры и адъюнкты-профессоры прочихъ предметовъ могутъ и не имѣть ученыхъ степеней, но въ такомъ случаѣ они должны имѣть высшее образованіе, соответствующее предметамъ ихъ преподаванія. Преподаватели института назначаются изъ лицъ, съ полнымъ успѣхомъ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; преподавателями же иностранныхъ языковъ, черченія и рисованія могутъ быть и лица, не удовлетворяющія симъ условіямъ, но во всякомъ случаѣ получившія право на преподаваніе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 25. Механикомъ и лаборантомъ могутъ быть только лица, получившія высшее образованіе по тѣмъ предметамъ, которые составляютъ специальность ихъ занятій въ институтѣ, и удостоенныя соответствующаго такому образованію диплома или свидѣтельства.

§ 26. Надзоръ за поведеніемъ учащихся и за сохраненіемъ надлежащаго порядка въ зданіяхъ института поручается инспектору, въ помощь которому назначаются три помощника.

§ 27. Хозяйственный комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ трехъ членовъ, опредѣляемыхъ попечителемъ учебнаго округа на три года изъ лицъ, преподающихъ въ институтѣ, а также завѣдывающихъ отдѣльными учебными учрежденіями института.

§ 28. Хозяйственный комитетъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи все имущество института; составляетъ годовыя смѣты расходовъ; разрѣшаетъ всѣ денежныя выдачи изъ суммъ, штатомъ опредѣленныхъ, а изъ поступающихъ въ распоряженіе института, согласно ст. 2, суммъ на усиленіе его средствъ — въ размѣрѣ не свыше трехсотъ руб. въ годъ на одинъ предметъ, и утверждаетъ контракты по подрядамъ до

пяти тысячъ руб. собственною властью. На производство расходовъ изъ тѣхъ же суммъ (на усиленіе средствъ) въ размѣрѣ не свыше тысячъ руб. въ годъ на одинъ предметъ и на заключеніе контрактовъ по подрядамъ на сумму не свыше семи тысячъ руб., комитетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, испрашиваетъ разрѣшенія попечителя округа; о производствѣ же расходовъ, превышающихъ эти суммы, представляетъ, чрезъ попечителя, министру народнаго просвѣщенія.

§ 29. При институтѣ состоятъ: дѣлопроизводитель, бухгалтеръ, помощникъ его (завѣдывающій матеріальною частью), смотритель зданій (онъ же эзекуторъ), библіотекаръ, архитекторъ и врачъ.

§ 30. Профессоры, адъюнкты-профессоры и инспекторъ опредѣляются министромъ народнаго просвѣщенія. Прочіе чины института, занимающіе штатныя должности, опредѣляются попечителемъ учебнаго округа. Преподаватель Закона Божія назначается министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ. Писцы по найму, мастера, подмастерья, фельдшеръ и служители при институтѣ опредѣляются директоромъ, которому предоставляется устанавливать число ихъ и размѣръ получаемаго ими содержанія, не выходя изъ назначенныхъ для того по штату суммъ.

Права и преимущества служащихъ въ институтѣ.

§ 31. Служащіе при институтѣ, считаясь, доколѣ состоятъ въ своихъ должностяхъ, въ присвоенныхъ имъ по штату классахъ, пользуются вообще преимуществами, означенными въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, изд. 1876 г.). Профессоры, адъюнкты-профессоры, преподаватели, механикъ и лаборантъ утверждаются въ чинахъ, соответствующихъ классамъ сихъ должностей.

§ 32. Профессоры, адъюнкты-профессоры, преподаватели, механикъ, лаборантъ, инспекторъ, его помощники и библіотекаръ могутъ быть производимы двумя чинами выше класса, присвоеннаго ихъ должностямъ.

§ 33. Профессоры и адъюнкты-профессоры, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуются слѣдующими правами: а) пенсія по выслугѣ 25 лѣтъ и половинная пенсія по выслугѣ 20 лѣтъ назначаются по размѣру жалованья, опредѣленнаго штатомъ института; б) если профессоръ или адъюнкты-профессоръ, по выслугѣ 25 лѣтъ, остается на службѣ при институтѣ, то пенсія, сверхъ жалованья, не получаетъ; в) находясь на службѣ внѣ института, въ случаяхъ, когда

дѣйствующими постановленіями допускается совмѣщеніе пенсіи и жалованья, выслужившій 25-лѣтіе профессоръ или адъюнктъ-профессоръ получаетъ пенсію сверхъ жалованья, въ размѣрѣ половины выслуженнаго имъ оклада оной; г) послѣ 30 лѣтъ учебной службы, профессоръ и адъюнктъ-профессоръ получаютъ въ пенсію полныя оклады ихъ содержанія (полагая въ составѣ содержанія жалованье, столовыя и квартирныя деньги); д) званіе заслуженнаго профессора даетъ преподавателю право сохранить свою пенсію въ полномъ размѣрѣ, сверхъ жалованья, при службѣ внѣ института; е) единовременныя пособія назначаются на основаніи дѣйствующихъ постановленій, по размѣру полнаго оклада содержанія профессора или адъюнктъ-профессора.

Директоръ института, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуется тѣми же правами, какъ и профессора, получая, въ сравненіи съ сими послѣдними, пенсію, по выслугѣ 25 лѣтъ и половинную пенсію, по выслугѣ 20 лѣтъ, изъ оклада въ 2,400 руб. Послѣ 30 лѣтъ учебной службы директору назначается въ пенсію 3,000 рублей.

Примѣчаніе 1-е. Пенсіи семьямъ умершихъ пенсіонеровъ назначаются на основаніи дѣйствующихъ постановленій, по размѣру пенсіоннаго оклада умершаго. Пенсіонныя оклады профессора и адъюнктъ-профессора, выслужившихъ 30 лѣтъ, не увеличиваются чрезъ пятилѣтія.

Примѣчаніе 2-е. Преподаватель Закона Божія, по выслугѣ при институтѣ 25 лѣтъ, получаетъ пенсію въ размѣрѣ одной тысячи рублей въ годъ, а по выслугѣ 20 лѣтъ—половину этой суммы. Пенсія сія самому преподавателю, равно какъ и причитающаяся по закону часть пенсіи его семейству, производится имъ независимо отъ того призрѣнія, коимъ лица сіи могутъ пользоваться по духовному вѣдомству.

§ 34. Профессоры и адъюнктъ-профессоры, выходящіе въ отставку по совершенно разстроеному на службѣ здоровью или по приключившейся неизлѣчимой болѣзни, получаютъ въ пенсію: прослужившіе отъ 10 до 20 лѣтъ—одну треть оклада; прослужившіе отъ 20 до 25 лѣтъ—двѣ трети оклада; прослужившіе же 25 лѣтъ и болѣе—полный окладъ причитающейся пенсіи (ст. 33 п. 3).

Профессоры и адъюнктъ-профессоры, одержимые тяжкими и неизлѣчимыми болѣзнями, которыя лишаютъ ихъ не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постояннаго посторонняго

ухода, получаютъ при отставкѣ въ пенсію: прослужившіе отъ 5 до 10 лѣтъ—одну треть оклада, прослужившіе отъ 10 до 20 лѣтъ—двѣ трети оклада, а прослужившіе 20 лѣтъ и болѣе—полный окладъ причитающейся пенсіи (ст. 33 п. 4).

§ 35. Профессоръ, прослужившій 25 лѣтъ въ должности преподавателя въ институтѣ, удостоивается званія заслуженнаго профессора института.

§ 36. Для продолженія службы при институтѣ профессору или адъюнкту-профессору, получившему послѣ 25 лѣтъ учебной службы право на пенсію, требуется разрѣшеніе министра. Для другихъ лицъ по учебной части требуется, въ подобныхъ случаяхъ, разрѣшеніе попечителя учебнаго округа.

§ 37. По истеченіи 30 лѣтъ учебной службы, за профессоромъ или адъюнкту-профессоромъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, можетъ быть сохранена его должность срокомъ на пять лѣтъ, съ назначеніемъ ему вознагражденія по 1,200 руб. въ годъ. Вознагражденіе сіе производится независимо отъ выслуженной профессоромъ или адъюнкту-профессоромъ пенсіи и, по истеченіи указаннаго срока, можетъ быть продолжено министромъ на слѣдующее пятилѣтіе.

§ 38. Преподаватели, механикъ при механическихъ мастерскихъ, лаборантъ при химической лабораторіи, бібліотекаръ и помощники инспектора, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуются правами лицъ, состоящихъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія, причемъ пенсіи имъ назначаются: преподавателямъ, механику и помощникамъ инспектора—изъ оклада въ 750 р., а бібліотекарю и лаборанту—изъ оклада въ 650 р.

Примѣчаніе. Полный пенсіонный окладъ назначается только тѣмъ изъ преподавателей института, которые, состоя на дѣйствительной службѣ при институтѣ, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ передъ выслугою пенсіи получали отъ института вознагражденіе за занятія не менѣе 750 р. въ годъ; въ противномъ же случаѣ, преподавателямъ назначается въ пенсію половина полнаго оклада.

§ 39. Инспектору студентовъ пенсія назначается изъ оклада въ 1,500 р. Инспекторъ, въ случаѣ оставленія его по выслугѣ 25 лѣтъ на дальнѣйшей службѣ при институтѣ, получаетъ пенсію сверхъ содержанія, въ размѣрѣ, равномъ половинѣ выслуженнаго имъ пенсіон-

наго оклада, и за симъ опредѣленными ст. 363 устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ прибавками къ пенсіонному окладу не пользуется.

Права института.

§ 40. Институтъ имѣетъ большую и малую печати, съ изображеніемъ герба и надписью: „Харьковскій практическій технологическій институтъ“.

§ 41. Институту предоставляется, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, избирать почетныхъ членовъ изъ числа лицъ, оказавшихъ существенныя услуги отечественной промышленности или техническому образованию, и возводить въ почетное званіе инженеръ-технолога лицъ, приобрѣтшихъ извѣстность своею полезною дѣятельностью на техническомъ поприщѣ. Лица, удостоенныя этимъ путемъ званія инженеръ-технолога, не пользуются правами, присвоенными тѣмъ лицамъ, кои получаютъ сіе званіе на основанія установленнаго настоящимъ положеніемъ испытанія.

§ 42. Выморочныя имущества, остающіяся послѣ служащихъ въ институтѣ лицъ, обращаются въ собственность института на основаніяхъ, указанныхъ въ ст. 1168 законовъ гражданскихъ (свод. зак. т. X, ч. I, изд. 1857 г.).

§ 42. Изданія, выходящія отъ имени института или съ его одобренія, и вообще все, отъ имени института печатаемое, не подлежатъ, при какомъ бы ни было объемѣ, предварительной цензурѣ.

§ 44. Приобрѣтаемыя для института за границею книги, рукописи и поврежденныя изданія ученаго содержанія не подлежатъ разсмотрѣнію комитета иностранной цензуры.

§ 45. Институтъ имѣетъ право безплатно выписывать изъ за границы для своихъ надобностей всякія учебныя пособія, не исключая машинъ. Ящичи съ ними вещами, адресованные въ институтъ, не вскрываются въ таможи, а только пломбируются; въ институтѣ же они вскрываются и свидѣлствуются въ присутствіи таможеннаго чиновника.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайль.

На подлинномъ Собоветвенномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Быть по сему.

Въ Гатчинѣ 16-го апрѣля 1885 года.

Ш Т А Т Ъ

Харьковскаго практическаго Технологическаго института.

	Число чиновъ.	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.		
		Одному.		Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсіи.
		Жило-воня.	Столовыхъ.				
		Р у б л я к.					
Личный составъ.							
Директоръ	1	3000	1200	4200	IV	IV	
Профессоровъ	10	2400	300	27000	V	V	
Адъюнкты-профессоровъ	7	1600	200	12600	VI	VI	
Законоучитель	1	1000	—	1000			
На преподавателей	—	—	—	19320	VII	VII	
Помощнику директора прибавочныхъ	—	—	—	900			
Секретарю учебнаго комитета	—	—	—	600			
Механикъ при механическихъ мастерскихъ	1	1500	300	1800	VII	VII	
Лаборантъ при химической лабораторіи	1	700	300	1000	IX	IX	
Библіотекаръ	1	700	300	1000	VIII	VIII	
Инспекторъ	1	1800	600	2400	V	V	
Помощниковъ инспектора	3	900	300	3600	VII	VII	
Дѣлопроизводитель	1	700	300	1000	VII	VII	IV
Помощникъ его (онъ же архивариусъ)	1	420	180	600	IX	IX	VII
Бухгалтеръ (онъ же приходорасходчикъ)	1	700	300	1000	VII	VII	IV
Помощникъ его (онъ же комиссаръ при мастерскихъ)	1	420	180	600	IX	IX	VII

Смотритель зданій (онъ же экзе- кutorъ)	1	700	300	1000	VII	VII	IV
Архитекторъ	1	450	150	600	УШ	VIII	У
Врачъ	1	450	150	600	VII	VII	По медич. полож.
Фельдшеръ	1	240	—	240			
На писцовъ и канцелярскіе рас- ходы	—	—	—	2500			
Хозяйственные статьи.							
На учебныя пособія	—	—	—	2000			
На библіотечу и учебныя кол- лекціи	—	—	—	3000			
На лабораторію химическую	—	—	—	6930			
На лабораторію механическую	—	—	—	1300			
На физическій кабинетъ	—	—	—	1990			
На химическія мастерскія	—	—	—	9325			
На механическія мастерскія	—	—	—	19800			
На печатаніе программъ, отчетовъ, диссертаций и проч.	—	—	—	750			
На расходы по руководству гѣт- ними занятіями учащихся	—	—	—	2000			
На прислугу	—	—	—	7000			
На отопленіе	—	—	—	14000			
На освѣщеніе	—	—	—	3000			
На водоснабженіе	—	—	—	2000			
На лазаретъ	—	—	—	450			
На ремонтъ классной мебели	—	—	—	500			
На ремонтъ зданій	—	—	—	10000			
На чистоту по зданіямъ, дворамъ и улицамъ	—	—	—	4000			
На наемъ квартиръ служащимъ, не имѣющимъ помѣщенія	—	—	—	3000			
На стипендіи учащимся	—	—	—	15000			
Итого	—	—	—	189605			

Примѣчаніе. Всѣ служащіе въ институтѣ пользуются, по мѣрѣ возможности, казенными квартирами, съ отопленіемъ. Въ случаѣ неимѣнія помѣщеній въ принадлежащихъ институту зданіяхъ, выдаются квартирные деньги: профессорамъ по 300 р. въ годъ каждому, адъюнкты-профессорамъ—по 200 р. въ годъ, а прочимъ чинамъ—въ разнѣрѣ, опредѣляемомъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

5. (7-го мая 1885 года). Объ учрежденіи въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственною совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить съ 1-го іюля сего года, для надзора за низшими училищами въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ по одной должности инспектора народныхъ училищъ съ служебными правами и преимуществами, присвоенными той же должности въ Имперіи (Высочайше утвержденное 25-го мая 1874 года мнѣніе государственнаго совѣта) и съ окладомъ содержанія въ 2,250 р. въ годъ (въ томъ числѣ: жалованья 750 р., столовыхъ 750 р. и на наемъ квартиры, канцелярскіе расходы и разѣзды 750 р.); и

II. Потребный на указанный предметъ расходъ, въ количествѣ четырехъ тысячъ пятисотъ рублей въ годъ, вносить, съ 1-го января 1886 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія; причитающуюся же въ нынѣшнемъ

году сумму. въ размѣрѣ 2,250 р., покрыть на счетъ кредита, внесеннаго на сей предметъ въ условному отпуску въ ст. 1 § 11 дѣйствующей сметы названнаго министерства.

Подлинное мѣтвіе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 10-й день текущаго мая, пожаловать бывшаго воспитанника Минской гимназій, сына статскаго совѣтника Михаила Онацевича и ученика Голопристанскаго мореходнаго класса, очаковскаго мѣщанина Георгія Долгаго, серебряными медалями съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“ для ношенія на Владимірской лентѣ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го мая 1885 года). Положеніе о стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества, Великой Княжны Ксении Александровны при Слободской женской прогимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, воспослѣдовавшаго въ 8-й день мая 1885 года, учреждается при Слободской женской прогимназій одна стипендія имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксении Александровны на проценты съ капитала въ двѣсти рублей, пожертвованнаго членами попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ означенной прогимназій.

§ 2. Обеспечивающей стипендію капиталъ, заключающийся въ двухъ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа за №№ 5060 и 5061, оставленъ навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназій.

§ 3. Стипендія состоитъ во взносѣ за стипендіатку платы за ученіе.

§ 4. Могущіе образоваться отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала остатки, употребляются на учебныя пособія для стипендіатки и на пополненіе платы за ученіе въ случаѣ увеличенія ея.

§ 5. Право выбора стипендіатки изъ бѣдныхъ воспитанницъ прогимназіи предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта, по соглашенію съ совѣтомъ педагогическимъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

2. (9-го мая 1885 года). Положеніе о стипендіи Ярославскаго дворянства.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На остатки отъ процентовъ съ имѣющагося при Демидовскомъ юридическомъ лицейскомъ капиталѣ Ярославскаго дворянства, сверхъ пяти стипендій имени Его Величества Государя Императора Александра Александровича, учреждаются стипендіи Ярославскаго дворянства въ двѣсти семьдесятъ пять рублей.

§ 2. Стипендіи эта предоставляется дѣтямъ, потомственныхъ дворянъ Ярославской губерніи.

§ 3. Назначеніе стипендіата зависитъ отъ Ярославскаго дворянства, съ соблюденіемъ общихъ установленныхъ правилъ о назначеніи стипендій.

§ 4. Стипендіатомъ можетъ быть, какъ студентъ Демидовскаго юридическаго лицея, такъ и другаго высшаго учебнаго заведенія, и въ послѣднемъ случаѣ деньги для выдачи въ стипендію высылаются лицеемъ въ то учебное заведеніе, въ которомъ будетъ находиться этотъ стипендіатъ, на полгода впередъ.

§ 5. Студентъ, удостоенный стипендіи, пользуется оною до окончанія курса или до выѣзда изъ того учебнаго заведенія, въ которомъ онъ воспитывался, подъ условіемъ успѣшныхъ занятій и одобрительнаго поведенія.

§ 6. Если успѣшности занятій студента препятствовали какія-либо уважительныя причины, то онъ можетъ сохранить за собою стипендію, не иначе какъ съ согласія Ярославскаго дворянства и по удостовѣренію того учебнаго заведенія, въ которомъ воспитывается.

§ 7. Пользованіе стипендіей не влечетъ за собою никакихъ со стороны стипендіата обязательствъ.

3. (10-го мая 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно веденія формулярныхъ списковъ привать-доцентовъ въ университетахъ.

При производствѣ дѣлъ въ центральномъ управленіи министерства народнаго просвѣщенія обнаружилось, что въ одномъ изъ университетовъ не ведутся формулярные списки привать-доцентовъ.

Принимая во вниманіе, что на основаніи § 97 общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденнаго 23-го августа 1884 года, къ личному составу университетовъ по учебной части принадлежатъ также и привать-доценты, и въ случаѣ поступленія ихъ на государственную службу, время, проведенное ими въ семь званіи, зачисляется имъ, согласно § 150 того же устава, въ дѣйствительную службу, я признаю необходимымъ, чтобы на будущее время велись формулярные списки привать-доцентовъ и покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать надлежащее по этому предмету распоряженіе.

4. (16-го мая 1895 года). Правила о приѣмѣ въ студенты университета.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ студенты университета принимаются молодые люди, получившіе отъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости (ст. 116 устава).

Примѣчаніе 1-е. Министру народнаго просвѣщенія представляется, въ случаѣ совершенной одинаковости курса и испытательныхъ требованій какого-либо учебнаго заведенія съ курсомъ и требованіями вышеозначенныхъ гимназій, признавать за выдаваемыми симъ заведеніемъ свидѣтельствами силу аттестатовъ зрѣлости (примѣч. къ ст. 116 устава).

Примѣчаніе 2-е. Лица женатыя въ число студентовъ не принимаются.

§ 2. Приѣмъ студентовъ происходитъ одинъ разъ въ годъ, передъ 20-го августа (ст. 117 устава).

§ 3. Прошенія о приѣмѣ въ студенты, съ обозначеніемъ избираемаго факультета и отдѣленія, подаются ректору университета съ 15-го іюля по 10-е августа.

При прошеніи должны быть приложены слѣдующіе документы, вмѣстѣ съ копіями на простой бумагѣ:

а) гимназическій аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости, или аттестатъ другаго средняго учебнаго заведенія, приравненнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія по курсу къ гимназіямъ;

б) лицами христіанскихъ исповѣданій—метрическія свидѣтельства о времени рожденія и крещенія, удостовѣренныя установленнымъ порядкомъ; лица нехристіанскаго исповѣданія должны представить свидѣтельства о рожденіи;

в) документы о состояніи, къ которому проситель принадлежитъ по своему происхожденію; лица податнаго состоянія должны приложить сверхъ того увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ;

г) свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію воинской повинности, и

д) двѣ фотографическія карточки съ собственноручною подписью просителя на каждой.

Примѣчаніе 1-е. Документы, писанные на иностранныхъ языкахъ, должны быть представлены съ переводами, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованными.

Примѣчаніе 2-е. Независимо отъ исчисленныхъ выше документовъ, желающій поступить въ университетъ долженъ представить свидѣтельство о безукоризненномъ поведеніи отъ мѣстной полиціи. Отъ представленія такого свидѣтельства освобождаются только лица, окончившія въ юнѣ того же года курсъ гимназій или равнаго съ ними учебнаго заведенія.

Примѣчаніе 3-е. Въ случаѣ недостаточности или неполноты документовъ, не препятствующей опредѣленію правъ просителя на поступленіе въ студенты, назначается годовой срокъ для пополненія документовъ, по истеченіи котораго не пополнившій ихъ увольняется изъ университета.

§ 4. Переходъ студентовъ изъ одного университета въ другой допускается только предъ началомъ cadaго полугодія. Прошенія объ этомъ принимаются съ 15-го іюля по 10-е августа и съ 20-го декабря по 5-е января.

§ 5. Студентъ, желающій перейти въ другой университетъ, подаетъ о томъ просьбу ректору того университета, въ которомъ онъ состоитъ студентомъ. На основаніи этого прошенія всѣ документы

просителя вмѣстѣ со всѣми свидѣніями объ его успѣхахъ и поведеніи пересылаются въ указанный просителемъ университетъ. Въ случаѣ предварительнаго согласія правленія сего университета на пріемъ просителя, сему послѣднему выдается отпускной билетъ, который онъ обязанъ лично представить ректору избраннаго имъ университета немедленно по своемъ пріѣздѣ, при чемъ предлагаетъ свою фотографическую карточку съ собственноручною подписью на оной; отпускной же билетъ его по окончательномъ его пріемѣ возвращается въ тотъ университетъ, которымъ онъ выданъ. Если же студенту будетъ отказано въ пріемѣ, то онъ можетъ возвратиться обратно въ университетъ къ сроку своего отпуска.

§ 6. Вопросъ о зачисленіи въ студенты переходящаго изъ другаго университета рѣшается правленіемъ (ст. 118 устава) на основаніи свидѣній объ его успѣхахъ и поведеніи, полученныхъ отъ прежняго его университетскаго начальства, и вообще имѣющихся о немъ данныхъ.

§ 7. Принятый въ студенты, по взносѣ платы въ пользу университета, обязанъ, до начала лекцій, явиться къ инспектору студентовъ, отъ котораго получаетъ:

а) свидѣтельство на жительство, выдаваемое не болѣе какъ на одинъ годъ, и

б) по одному экземпляру правилъ для студентовъ, учебныхъ плановъ и требованій, которымъ должны удовлетворять испытуемые въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ.

§ 8. По полученіи свидѣтельства на жительство и правилъ, вновь вступившій подаетъ въ инспекцію, до начала лекцій, заявленіе, по установленной формѣ, о тѣхъ лекціяхъ, на которыя онъ желаетъ записаться. Если подписка на эти лекціи не прекращена, то инспекція дѣлаетъ помѣтку на заявленіи и выдаетъ его обратно студенту для предъявленія декану или секретарю факультета, а затѣмъ казначею университета при взносѣ особой платы въ пользу преподавателей. Затѣмъ заявленіе, съ отмѣткой казначея въ пріемѣ платы, подается студентомъ инспектору, который выдаетъ билетъ для входа въ университетъ на предстоящее полугодіе, съ обозначеніемъ лекцій, на которыя записался вновь вступившій.

Студентъ, въ присутствіи инспектора или одного изъ его помощниковъ, подписываетъ этотъ билетъ и записываетъ въ имѣющуюся часть ссхл, отд. 1.

въ инспекціи книгу свой адресъ, который вписывается инспекціей въ билетъ. Тѣмъ же порядкомъ и въ то же время выдаются билеты для входа въ университетъ на каждое полугодіе.

Примѣчаніе 1-е. Не взявшій свидѣтельства на жительство и не получившій, до начала лекцій, входнаго билета не вносится въ списокъ студентовъ.

Примѣчаніе 2-е. Форма входнаго билета и заявленій при семъ прилагается.

Правила о платѣ за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 1. Съ каждаго студента и посторонняго слушателя взимается за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ въ пользу университета по пяти руб. за каждое полугодіе (ст. 129 устава).

§ 2. Кромѣ указанной въ предыдущемъ параграфѣ платы, съ каждаго студента и посторонняго слушателя взимается особая плата въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и руководствомъ которыхъ студентъ или слушатель желаетъ пользоваться, въ размѣрѣ одного рубля за недѣльный часъ въ полугодіе (ст. 129 устава).

Примѣчаніе. Плата за практическія занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей въ лабораторіяхъ, кабинетахъ и клиникахъ опредѣляется каждымъ факультетомъ съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія.

§ 3. Деньги за слушаніе лекцій должны быть внесены до начала лекцій (до 20-го августа и 15-го января) казначею университета, который выдаетъ квитанцію въ полученіе платы въ пользу университета (§ 1), въ полученіи же особой платы въ пользу преподавателей расписывается на особомъ заявленіи.

§ 4. Внесенная казначею плата, указанная въ § 1, ни въ какомъ случаѣ не возвращается; что же касается до платы, обозначенной въ § 2-мъ, то она возвращается въ томъ случаѣ, когда объявленный курсъ не состоялся или прекращенъ ранѣе половины полугодія.

§ 5. Никакія отсрочки во взносѣ платы не допускаются.

§ 6. Для облегченія недостаточныхъ студентовъ правленіе можетъ ходатайствовать предъ попечителемъ округа объ освобожденіи ихъ отъ денежныхъ взносовъ, указанныхъ въ §§ 1 и 2.

§ 7. Этою льготой могутъ пользоваться только студенты отличнаго поведенія, засвидѣтельствованнаго инспекторомъ студентовъ, представившіе притомъ установленное свидѣтельство о бѣдности.

Примѣчаніе. Отъ усмотрѣнія правленія зависитъ признать представленное о бѣдности свидѣтельство удовлетворительнымъ или нѣтъ. Правленіе, помимо свидѣтельства о бѣдности, можетъ требовать надлежащихъ по сему предмету свѣдѣній, откуда признаетъ нужнымъ.

§ 8. При обсужденіи прошеній объ освобожденіи отъ взноса платы берутся во вниманіе:

а) для вступающихъ въ университетъ — полученные ими аттестаты зрѣлости,

б) для прочихъ студентовъ — ходатайства факультетовъ, основанныя на успѣшности занятій просителя въ теченіе истекшаго полугодія и на результатахъ составительныхъ испытаній.

§ 9. Студентъ, желающій быть освобожденнымъ отъ взноса платы, подаетъ о томъ прошеніе на имя инспектора передъ началомъ полугодія, не позже 15-го августа и 10-го января, прилагая установленное свидѣтельство о бѣдности.

Примѣчаніе. Вступающіе въ университетъ, если желаютъ быть освобожденными отъ платы, должны подать объ этомъ прошеніе ректору, съ приложеніемъ свидѣтельства о бѣдности, вмѣстѣ съ просьбой о приѣмѣ въ студенты.

§ 10. Освобожденіе отъ платы имѣетъ силу въ теченіе полугодія, но можетъ быть возобновляемо.

§ 11. Общее число освобожденныхъ отъ взноса платы не должно превышать 15% всего числа студентовъ. Сверхъ того, освобождаются отъ взноса платы студенты, получающіе стипендіи, соединенныя съ обязательною, по назначенію правительства, службою по окончаніи курса.

§ 12. Преподаватели не имѣютъ права ни въ какомъ случаѣ ни освобождать студентовъ отъ взноса причитающейся имъ платы за чтеніе лекцій или руководство ихъ занятіями, ни даже принимать отъ нихъ таковыхъ прошеній.

Правила для студентовъ университета во время прохожденія курса.

§ 1. Каждый принятый въ студенты долженъ до начала лекцій явиться къ инспектору, отъ котораго получаетъ свидѣтельство на жительство.

§ 2. Студенты обязаны повиноваться университетскому начальству и соблюдать въ зданіяхъ и установленіяхъ университета порядоки, вводимый настоящими и особыми для каждого установленія университета правилами. Во время пребыванія своего въ университетскихъ зданіяхъ они непосредственно подчиняются инспекціи, а въ отдѣльныхъ университетскихъ установленіяхъ, сверхъ того, завѣдывающимъ этими установленіями (библіотекой, кабинетами, лабораторіями, университетскимъ садомъ, клиниками и т. д.).

§ 3. Всѣ распоряженія университетскаго начальства, касающіяся студентовъ, сообщаются имъ или словесно или письменными объявленіями ректора, декановъ и инспекціи. Каждый студентъ обязанъ знать эти объявленія, не можетъ отговариваться незнаніемъ содержащихся въ нихъ распоряженій.

§ 4. Предъ началомъ каждого полугодія студентамъ выдаются бесплатно именные, за номеромъ, билеты для входа въ университетъ, подписанные инспекторомъ. Билеты эти къ началу новаго полугодія теряютъ силу и должны быть возвращаемы въ инспекцію при полученіи входнаго билета на новое полугодіе.

§ 5. Студентъ долженъ всегда имѣть при себѣ входной билетъ и предъъявлять его по требованію ректора, университетскихъ преподавателей, лицъ, завѣдывающихъ отдѣльными установленіями университета, и лицъ, служащихъ по инспекціи, а также по требованію полиціи. Безъ билета или съ билетомъ, потерявшимъ силу, никто не допускается къ слушанію лекцій и къ занятіямъ въ университетскихъ помѣщеніяхъ.

§ 6. Въ случаѣ потери свидѣтельства на жительство или входнаго билета, студентъ обязанъ немедленно заявить о томъ полиціи и инспекціи. По представленіи изъ полиціи копій явочнаго прошенія, вмѣсто утеряннаго свидѣтельства или билета, выдается дубликатъ.

§ 7. Студентъ обязанъ, при полученіи входнаго билета, вписать въ находящуюся въ инспекціи книгу свое мѣсто жительства, съ точнымъ обозначеніемъ части города, улицы и дома, и затѣмъ, при всякой перемѣнѣ квартиры, немедленно вписывать свой новый адресъ въ книгу и предъъявлять помощнику инспектора свой билетъ для записи въ немъ новаго адреса.

§ 8. Студенты обязаны являться къ университетскому начальству и во всѣ установленія университета по требованію, объявленному имъ черезъ помощниковъ инспектора или служителей инспекціи, или черезъ вызовъ посредствомъ объявленія, или черезъ повѣстки.

§ 9. Какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его, студенты обязаны быть въ форменной одеждѣ установленнаго образца.

Примѣчаніе. Студентамъ, поступившимъ въ университетъ до 1-го іюля 1885 года, дозволяется въ теченіе трехъ лѣтъ, считая съ 1-го іюля 1885 года, донашивать партикулярное платье.

При входѣ въ университетъ верхнюю одежду, калоши, вонтики и фуражки студенты обязаны оставлять въ шинельной на указанномъ для каждаго мѣстѣ.

§ 10. Отъ студентовъ требуется соблюденіе приличія и вѣжливости. Выраженіе одобренія или неодобренія преподаванія ни подѣ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ не допускается.

§ 11. Ко времени прихода преподавателя на лекцію всѣ студенты должны быть въ аудиторіи на своихъ мѣстахъ, и послѣ начала лекціи никому изъ слушателей не дозволяется входить въ аудиторію.

§ 12. Студентамъ запрещается курить табакъ на крыльцахъ, при входахъ въ университетъ и во всѣхъ помѣщеніяхъ университета, кромѣ особо назначенныхъ для того комнатъ.

§ 13. Студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета, а потому не допускается никакое дѣйствіе ихъ, носящее на себѣ характеръ корпоративный. На семъ основаніи не допускается подача адресовъ и прошеній за подписями нѣсколькихъ лицъ, посылка депутатовъ, выставленіе какихъ бы то ни было объявленій отъ имени студентовъ и тому подобное.

Примѣчаніе. Никакія вообще объявленія безъ подписи инспектора или его помощника не могутъ быть выставляемы.

§ 14. Въ зданіяхъ, дворахъ и садахъ университета безусловно воспрещается устройство студенческихъ читаленъ, столовыхъ, кухмистерскихъ, а также театральныхъ представлений, концертовъ, баловъ и другихъ подобныхъ публичныхъ собраній, не имѣющихъ научнаго характера.

Примѣчаніе. Устройство въ пользу студентовъ, внѣ зданій университета, концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній подлежитъ дѣйствию изданныхъ по сему предмету общихъ постановленій.

§ 15. Студентамъ воспрещаются всякія сборища и сходки съ цѣлью обсужденія какихъ-либо дѣлъ сообща, произнесеніе публичныхъ рѣчей, а равно какіе бы то ни было денежныя сборы.

§ 16. Студентамъ воспрещается принимать участіе въ какихъ бы то ни было тайныхъ обществахъ и кружкахъ, хотя бы и не имѣющихъ преступной цѣли.

§ 17. Студентамъ воспрещается вступать въ бракъ во все время пребыванія ихъ въ университетѣ.

§ 18. Въ университетѣ студентъ по всѣмъ своимъ дѣламъ, касающимся учебныхъ занятій, обращается къ декану своего факультета; по всѣмъ остальнымъ дѣламъ—къ инспектору, а за справками—въ инспекцію.

§ 19. Въ вакаціонное время студенты, желающіе выѣхать изъ города, получаютъ увольнительные билеты отъ инспектора; въ учебное время, по особо уважительнымъ причинамъ, они увольняются имъ же не долѣе какъ на 28 дней. Студенты, отлучившіеся изъ города безъ разрѣшенія инспектора, теряютъ право на зачетъ полугодія. Правило это не относится къ кратковременнымъ отлучкамъ въ подгородныя мѣста.

Увольнительный билетъ выдается лишь по представленіи въ инспекцію свидѣтельства на жительство, билета для входа въ университетъ и удостовѣренія о томъ, что за просителемъ не числятся никакихъ книгъ, взятыхъ имъ изъ бібліотеки, а также и другихъ принадлежностей учебно-вспомогательныхъ установленій.

§ 20. Студентъ, который не можетъ возвратиться изъ отпуска въ назначенный срокъ по болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, обязанъ увѣдомить о томъ инспектора, не входя въ переписку объ отсрочкахъ.

§ 21. Получившій отпускъ долженъ возвратиться въ назначенный срокъ и немедленно явиться къ инспектору; до явки же считается въ отпуску. Пропустившій срокъ отпуска обязанъ, при явкѣ къ инспектору, представить объясненіе причинъ опозданія.

Возвратившійся изъ отпуска студентъ получаетъ отъ инспекціи оставленные имъ при выѣздѣ документы.

§ 22. Студентъ, получившій отпускъ, но не явившійся въ срокъ и не представившій уважительныхъ причинъ просрочки, терчетъ право на зачетъ полугодія.

§ 23. Исправное посѣщеніе лекцій и участіе въ установленныхъ факультетомъ и призванныхъ обязательными практическихъ занятіяхъ вѣняется въ обязанность каждому студенту.

§ 24. Студентамъ безусловно воспрещается литографированіе лекцій и конспектовъ. Всѣ тетради, литографированныя студентами самовольно, инспекція должна отбирать. Литографированіе лекцій и

конспектовъ дозволяется только самимъ преподавателямъ и стритомъ съ тѣмъ, чтобы литографированныя записки поступали въ продажу наравнѣ съ печатными книгами (Высочайшее повелѣніе 8-го іюля 1869 г.)

§ 25. Студенты пользуются бібліотекою университета и пособиями другихъ учебно-вспомогательныхъ установленій университета на основаніи особыхъ правилъ, опредѣленныхъ для каждаго установленія въ отдѣльности.

§ 26. Студенты недостаточнаго состоянія, подъ условіемъ безукоризненнаго поведенія и успѣшныхъ занятій изучаемыми ими предметами, могутъ получать стипендіи и вспоможенія или быть освобожденными отъ платы за слушаніе лекцій.

§ 27. Студенты пользуются бесплатно совѣтами университетскаго врача, а стипендіаты получаютъ бесплатно лѣкарства по его рецептамъ и, въ случаѣ надобности и возможности, помѣщаются въ больницу за счетъ университета.

Примѣчаніе. Допускается бесплатная выдача лѣкарствъ по рецептамъ университетскаго врача бѣднѣйшимъ студентамъ и не пользующимся стипендіями, по особому каждый разъ разрѣшенію инспектора.

§ 28. Стипендіи и пособия студенты получаютъ непосредственно отъ инспектора или его помощника въ назначенное для того время.

§ 29. Правила объ условіяхъ и порядкѣ зачета студентамъ годной излагаются въ особой инструкціи, выдаваемой студентамъ вмѣстѣ съ прочими правилами.

§ 30. Внѣ зданій университета студенты подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій на общемъ основаніи; по подчиненіе надзору полиціи не освобождаетъ ихъ отъ повиновенія своему учебному начальству и внѣ зданій университета.

§ 31. Проступки студентовъ по нарушенію ими вышеозначенныхъ правилъ разбираются инспекторомъ, ректоромъ или правленіемъ. По соображенію важности проступка, виновные подвергаются одному изъ слѣдующихъ взысканій:

- а) выговору;
- б) выговору со внесеніемъ въ штрафную книгу;
- в) аресту въ карцерѣ отъ 24 часовъ до 4-хъ недѣль;
- г) выговору и аресту съ объявленіемъ, что виновный, въ случаѣ новаго проступка, будетъ немедленно удаленъ изъ университета;
- д) увольненію изъ университета по собственному прошенію, по предложенію ректора;

е) увольненію изъ университета безъ прошенія и безъ права обратнаго поступленія въ тотъ же университетъ, но безъ воспрещенія поступленія въ другіе университеты, и

ж) исключенію изъ университета.

§ 32. Студентъ, не подчинившійся приказанію идти въ карцеръ или самовольно ушедшій изъ-подъ ареста, подвергается увольненію или исключенію изъ университета.

§ 33. Стипендіаты и пользующіеся другими льготами, смотря по вѣдѣ, могутъ быть, сверхъ указанныхъ въ § 31 взысканій, лишены стипендій и льготъ, или подвергнуты одному изъ означенныхъ наказаній.

§ 34. Если нарушеніе студентомъ университетскихъ правилъ сопровождалось уголовнымъ преступленіемъ, то, по исключеніи виновнаго изъ университета, онъ передается вѣдѣнію подлежащей судебной власти.

§ 35. Въ случаѣ полученія университетскимъ начальствомъ свѣдѣній о студентахъ, подвергшихся взысканіямъ по приговору суда, ректоръ предлагаетъ каждый разъ на обсужденіе правленія вопросъ о томъ, можетъ ли виновный быть оставленъ въ числѣ студентовъ, или же онъ подлежитъ увольненію или исключенію изъ университета (ст. 124 устава).

§ 36. Равнымъ образомъ, по полученіи университетскимъ начальствомъ свѣдѣній о такихъ, совершенныхъ студентами виѣ университета, проступкахъ, которые хотя и не повлекли за собою судебного преслѣдованія, но имѣютъ предосудительный характеръ, ректоръ предлагаетъ о семъ на обсужденіе правленія, для постановленія надлежащаго рѣшенія (ст. 124 устава).

§ 37. Студентъ, подвергшійся одному изъ взысканій, обозначенныхъ въ пунктахъ г), д) и е) § 31, лишается права на какія бы то ни было льготы (стипендіи, пособія и освобожденіе отъ платы).

Правила о назначеніи студентамъ стипендій и денежныхъ пособій.

§ 1. Виды вспоможенія студентамъ суть: а) стипендіи изъ средствъ государственнаго казначейства, различныхъ вѣдомствъ, установленій, обществъ и частныхъ лицъ, соединенныя съ обязательною, по назначенію правительства, земства или городскаго общественнаго управленія, или же сословнаго общества, службою по окончаніи курса; б) стипендіи, пользованіе которыми не сопряжено съ означеннымъ обяза-

тельствомъ, и в) единовременныя, ни съ какими обязательствами не соединенныя, пособія изъ штатныхъ и иныхъ суммъ.

Впоможенія эти назначаются студентамъ правленіемъ, съ утвержденія попечителя учебнаго округа, на основаніяхъ, указанныхъ въ послѣдующихъ параграфахъ.

§ 2. Занятія студентовъ, получающихъ стипендіи, находятся подъ особымъ наблюденіемъ и контролемъ, по правиламъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 3. Стипендіи, не соединенныя съ обязательствомъ службы, если въ положеніяхъ объ учрежденіи оныхъ не востановлено особыхъ на сей предметъ правилъ, назначаются по особому составительному испытанію, которое производится по правиламъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 41 § III п. 4 и ст. 121 устава).

§ 4. Стипендіи и пособія должны быть назначаемы правленіемъ, съ утвержденія попечителя, только даровитымъ студентамъ недостаточнаго состоянія, о поведеніи которыхъ будутъ даны одобрительныя отзывы инспектора, и о которыхъ будутъ представлены ходатайства факультетовъ, основанныя на успѣшности ихъ занятій въ теченіе полугодія и на результатахъ составительныхъ испытаній.

§ 5. Пособія могутъ быть назначаемы и лицамъ, только что принятымъ въ студенты, на основаніи представленныхъ ими аттестатовъ зрѣлости.

§ 6. Прошенія о назначеніи стипендіи и пособій, съ приложеніемъ установленнаго свидѣтельства о бѣдности, подаются студентами передъ началомъ полугодія инспектору, который передаетъ ихъ деканамъ подлежащихъ факультетовъ со всѣми справками о просятеляхъ.

Примѣчаніе. Вступающій въ студенты, буде пожелаетъ получить пособие, обязанъ подать о томъ прошеніе ректору, съ приложеніемъ свидѣтельства о бѣдности, вмѣстѣ съ просьбой о приѣмѣ въ студенты.

§ 7. Стипендіи и пособія изъ средствъ государственнаго казначейства назначаются только лицамъ христіанскихъ исповѣданій.

§ 8. Студентъ, получающій стипендію изъ средствъ государственнаго казначейства, сохраняетъ ее за собою и на слѣдующее полугодіе лишь въ томъ случаѣ, если при отличномъ поведеніи, засвидѣтельствованномъ инспекторомъ, будетъ продолжать оказывать усилія въ занятіяхъ, дающіе факультету основаніе ходатайствовать о продолженіи ему этой льготы.

Состоявшееся по этому поводу постановленіе правленія представляется на утвержденіе попечителя.

§ 9. Студентъ, получавшій стипендію изъ государственнаго казначейства, лишается таковой, если ему не зачтено полугодіе. Впрочемъ, если на незачетъ полугодій вліяли особыя обстоятельства, не зависѣвшія отъ воли получающаго стипендію (например, болѣзань и пр.), то въ случаѣ ходатайства факультета и одобрительнаго о семъ студентѣ отзыва инспектора, правленіе можетъ ходатайствовать предъ попечителемъ о сохраненіи стипендіи.

§ 10. Студентъ, получавшій стипендію изъ суммъ государственнаго казначейства, обязанъ, по выходѣ изъ университета, за каждый годъ пользованія стипендіей прослужить, по назначенію правительства, полтора года.

§ 11. Частныя стипендіи, соединенныя съ обязательною службою по окончаніи курса, назначаются и сохраняются за получающими ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и стипендіи изъ суммъ государственнаго казначейства.

§ 12. Частныя стипендіи, не соединенныя ни съ обязательною службою, ни съ другими какими-либо условіями, назначаются только на одно полугодіе, при чемъ преимущество отдается лицамъ, получившимъ лучшія отмѣтки на состязательныхъ испытаніяхъ.

§ 13. Студенты, получающіе стипендіи или пособія, освобождаются отъ взноса платы за слушаніе лекцій не иначе какъ по особому о томъ постановленію правленія, утвержденному попечителемъ, и съ соблюденіемъ условія, чтобы общее число всѣхъ студентовъ, освобожденныхъ отъ взноса платы, не превышало 15% всего числа студентовъ. Сверхъ того, освобождаются отъ взноса платы студенты, получающіе стипендіи, соединенныя съ обязательною, по назначенію правительства, службою по окончаніи курса.

Правила для арестованныхъ въ карцерѣ студентовъ.

§ 1. Продовольствіе арестованныхъ производится на счетъ университета и должно состоять изъ простой и свѣжей пищи въ достаточномъ количествѣ.

Освѣщеніе карцера полагается до 11 часовъ вечера; общій же корридоръ и ватерклозетъ освѣщается въ продолженіе всей ночи.

§ 2. Инспекторомъ можетъ быть дозволено арестованному студенту имѣть книги учебныя и ученныя, а также письменныя принадлежности.

Отъ усмотрѣнія инспектора зависитъ разрѣшить арестованному: посылать или получать письма, курить въ самомъ карцерѣ, заниматься легкимъ чтеніемъ ненаучнаго содержанія книгъ и газетъ, а также просить о посылкѣ за разными себѣ покупками. Вино, пиво, вообще всѣ крѣпкіе напитки и карты безусловно воспрещаются арестованнымъ.

§ 3. Со всѣми своими просьбами и заявленіями арестованный обращается или лично къ инспектору, или къ помощнику его, при посѣщеніи ими карцера, или только къ служителю инспекціи, котораго можетъ вызвать звонкомъ, отнюдь не дозволяя себѣ тревожить его безъ крайней надобности. Безъ дежурнаго при карцерѣ служителя инспекціи (или чиновъ инспекціи и начальства университета) никто, даже изъ прислуги, не имѣетъ права входить къ арестованному. Ключъ отъ занятаго карцера находится постоянно у дежурнаго служителя инспекціи.

§ 4. Свиданія съ арестованнымъ студентомъ могутъ быть дозволены только роднымъ его (или лицамъ, замѣняющимъ ему родныхъ), но и то не иначе каждый разъ какъ съ особаго разрѣшенія инспектора.

§ 5. Инспекторомъ можетъ быть дозволяема, въ случаяхъ, признанныхъ имъ уважительными, временная отлучка арестованнаго студента изъ карцера (не болѣе впрочемъ какъ на 2 часа) или съ провожатымъ солдатомъ, или на честное слово студента.

Отпущенный изъ карцера студентъ за каждый часъ просрочки подвергается продолженію его ареста на 6 часовъ, а если при этомъ онъ былъ отпущенъ на честное слово, то считается, кромѣ того, нарушившимъ довѣріе.

§ 6. Инспекторомъ можетъ быть также разрѣшено арестованному посѣщеніе лекцій. Для этого арестованный предварительно долженъ заявить, на какія именно лекціи, изъ числа тѣхъ, которыя записаны въ его входномъ билетѣ, онъ желаетъ быть отпущенъ; затѣмъ, получивъ разрѣшеніе инспектора, арестованный, уходя изъ карцера, записываетъ на листѣ у служителя инспекціи часъ своего ухода на лекціи, а придя на послѣднія, является къ дежурному помощнику инспектора и проситъ его отмѣтить также время его явки; по окончаніи лекцій, на которыхъ ему дозволено было присутствовать, арестованный вновь является къ дежурному помощнику инспектора съ просьбой отмѣтить время его ухода, а придя въ карцеръ, онъ точно также самъ отмѣчаетъ на томъ же листѣ у служителя инспекціи время своего возвращенія.

Студентъ, нарушившій довѣріе, не отпускается болѣе на лекціи и подвергается за просрочку каждаго часа продолженію ареста на 6 часовъ.

Время отпуска арестованнаго на лекціи или куда-либо съ разрѣшенія инспектора не исключается изъ положеннаго ему срока ареста.

§ 7. Арестованный студентъ долженъ вести себя въ карцерѣ скромно и прилично, исполняя всѣ законныя требованія дежурнаго служителя инспекціи; въ противномъ случаѣ онъ подвергается, по усмотрѣнію инспектора, или продолженію срока ареста, или ограниченію предоставленныхъ ему удобствъ и льготъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ инспекторъ входитъ въ правленіе съ представленіемъ объ увольненіи или исключеніи арестованнаго изъ университета.

§ 8. За порчу стѣнъ, окна, дверей, мебели и звонка въ карцерѣ, равно за разбитію столовую или чайную посуду, арестованный уплачиваетъ по составленной для сего таксѣ, независимо отъ взыскапія, которому можетъ за сіе подвергнуться.

Правила о допущеніи въ университетъ постороннихъ слушателей.

§ 1. Если дозволить виѣстимость аудиторій, то по окончаніи приѣма студентовъ, съ разрѣшенія ректора, допускаются къ слушанію лекцій и къ другимъ университетскимъ занятіямъ также посторонніе слушатели (ст. 120 устава), а именно:

- а) лица, находящіяся на государственной службѣ, съ условіемъ ручательства въ ихъ благонадежности со стороны ихъ начальства, и
- б) лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или занятіе (ст. 120 устава), окончившія притомъ полный курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и представившія свидѣтельства о ихъ благонадежности отъ полиціи.

Примѣчаніе. Лица, не принадлежащія къ этимъ двумъ категоріямъ, допускаются въ посторонніе слушатели лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа.

§ 2. Желаящій слушать университетскія лекціи въ качествѣ посторонняго слушателя подаетъ о томъ прошеніе на имя ректора университета. Въ прошеніи должно быть: а) обозначено, по какому факультету и отдѣленію проситель желаетъ посѣщать лекціи и какія именно; б) дано обязательство повиноваться университетскому начальству и подчиняться въ зданіяхъ и установленіяхъ университета су-

ществующимъ правиламъ наравнѣ со студентами; в) означены число, мѣсяць, годъ, когда подано прошеніе, и мѣсто жительство просителя.

§ 3. Къ прошенію прилагается удостовѣреніе о нахожденіи на государственной службѣ или свидѣтельство объ окончаніи курса учебнаго заведенія, а также свидѣтельство о благонадежности и фотографическая карточка. Документы хранятся въ университетѣ до выбытія представившаго ихъ изъ числа постороннихъ слушателей.

§ 4. Прошенія о дозволеніи посѣщать университетскія лекціи въ качествѣ посторонняго слушателя принимаются въ продолженіе всего академическаго полугодія.

§ 5. Такія прошенія, по полученіи ихъ въ канцеляріи, немедленно передаются тѣмъ преподавателямъ, лекціи которыхъ посторонніе слушатели желаютъ посѣщать. Преподаватели на самыхъ прошеніяхъ отмѣчаютъ, согласны ли они на то, чтобы просителямъ было выдано дозволеніе посѣщать ихъ лекціи.

§ 6. Если со стороны ректора университета не встрѣтятся препятствій къ выдачѣ дозволенія, то подавшій прошеніе вноситъ установленную плату (§§ 1 и 2 правилъ о платѣ за слушаніе лекцій) и за симъ, по представленіи инспектору студентовъ квитанціи объ уплатѣ денегъ, получаетъ отъ него билетъ для входа въ университетъ, съ обозначеніемъ предметовъ, къ слушанію которыхъ допущенъ проситель. вмѣстѣ съ билетомъ выдается по одному экземпляру университетскихъ правилъ. При посѣщеніи университета посторонній слушатель долженъ имѣть этотъ билетъ при себѣ и предъявлять его чинамъ инспекціи всякій разъ, когда они того потребуютъ. При возобновленіи билета на слѣдующее полугодіе, или для слушанія другихъ лекцій, билетъ, прежде выданный постороннему слушателю, долженъ быть возвращенъ въ инспекцію. Безъ такого билета посторонній слушатель не допускается на лекціи.

§ 7. Билетъ, выданный отъ университета постороннему слушателю, не можетъ быть переданъ имъ другому лицу, подъ опасеніемъ отобранія его, безъ возврата денегъ, внесенныхъ за слушаніе лекцій, и съ потерей права на будущее время посѣщать университетскія лекціи.

§ 8. Позволеніе постороннимъ слушателямъ посѣщать лекціи выдается не долѣе, какъ до конца текущаго полугодія, въ которое подано прошеніе; оно можетъ быть возобновлено на слѣдующее полугодіе, по взносу установленной платы, если со стороны инспекціи не будетъ заявлено къ тому препятствій.

§ 8. Посторонніе слушатели допускаются къ посѣщенію лекцій

не иначе, какъ за опредѣленную въ §§ 1 и 2 правилъ о платѣ за слушаніе лекцій плату, когда бы они на нихъ ни записались. Освобожденіе отъ взноса платы ни подъ какимъ предлогомъ ни допускается.

§ 10. Посторонніе слушатели подчиняются въ аданіяхъ и установленіяхъ университета существующимъ правиламъ наравнѣ со студентами (ст. 121 устава).

§ 11. Посторонніе слушатели за нарушеніе университетскихъ правилъ могутъ быть временно удалены изъ университета по распоряженію инспектора. Воспрещеніе симъ лицамъ дальнѣйшаго входа въ университетъ зависитъ отъ ректора (ст. 122 устава).

§ 12. Если нарушеніе постороннимъ слушателемъ университетскихъ правилъ сопровождалось какимъ-либо проступкомъ, а тѣмъ болѣе уголовнымъ преступленіемъ, то дѣло его, какъ ве подлежащее иѣдомству университета, передается надлежащей судебной власти, для поступленія съ виновнымъ по закону (ст. 124 устава).

§ 13. Посторонніе слушатели не получаютъ отъ университета никакого документа для жительства въ городѣ, или для отѣзда изъ онаго.

§ 14. Временные и случайные посѣтители университета, въ качествѣ гостей, получаютъ право присутствовать на отдѣльныхъ лекціяхъ преподавателей не иначе, какъ съ согласія послѣднихъ и съ разрѣшенія ректора; но ни ректоръ, ни профессоръ не имѣютъ права дозволить постороннему лицу, не имѣющему установленнаго билета для входа, быть на лекціяхъ или при университетскихъ занятіяхъ болѣе трехъ разъ.

§ 15. Къ слушанію университетскихъ лекцій на медицинскомъ факультетѣ и естественно-историческомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета допускаются, на основаніи вышеприведенныхъ правилъ, также аптекарскіе помощники, ищущіе званія провизора.

Аптекарскіе помощники подаютъ прошеніе на имя ректора о допущеніи ихъ въ слушанію лекцій передъ началомъ каждаго полугодія (до 10-го августа и 5-го января) съ приложеніемъ: а) свидѣтельства на званіе аптекарскаго помощника; б) свидѣтельства, выданнаго имъ при выходѣ изъ аптеки, о двухлѣтнемъ или трехлѣтнемъ пребываніи въ ней, смотря по тому, гдѣ проситель получилъ предварительное образованіе (ст. 485 врач. устава), о хорошемъ поведеніи и усердіи въ своему дѣлу, и в) свидѣтельства о ихъ благонадежности отъ полиціи.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ § 8 ПРАВИЛЪ О ПРИЕМЪ ВЪ СТУДЕНТЫ УНИВЕРСИТЕТА.

БИЛЕТЪ

ДЛЯ ВХОДА

ВЪ ИМПЕРАТОРСКІЙ.....УНИВЕРСИТЕТЪ.

Въ теченіе перваго полугодія 18 .. ак. с.

№.....

№.....

СТУДЕНТЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

записался въ первомъ полугодіи 18 г. на слѣдующіе курсы:

Фамилія преподавателя.	Предметы чтенія.	№ аудиторій.
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Господину инспектору студентовъ **ИМПЕРАТОР-**
СКАГО университета.

Студента юридического факультета

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прилагая у сего квитанцію въ уплатъ денегъ, имѣю честь
 заявить, что на предстоящее..... полугодіе 18.....
 академич. г. я записался на слѣдующіе курсы:

Фамилія преподава- теля.	Предметъ чтеній.	Число лекцій.

руб.
 (Сколько-то)
 приняло
 188... г.

М. П.

5. (20-го мая 1885 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Петроковскаго окружнаго суда, Владиміра Николаевича Варварина, при Петроковской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе дня открытія ипотечнаго отдѣленія при Петроковскомъ окружномъ судѣ, на проценты съ капитала въ семьсотъ рублей, пожертвованнаго нѣкоторыми изъ жителей г. Петрокова, учреждается при Петроковской мужской гимназіи одна стипендія имени Владиміра Николаевича Варварина.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ петроковской гимназіи, составляя неприкосновенную собственность этой гимназіи.

§ 3. Назначеніе стипендіи зависитъ отъ Владиміра Николаевича Варварина, по смерти же его—отъ педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 4. Назначенный стипендіатъ пользуется стипендіей до тѣхъ поръ, пока останется въ гимназіи и будетъ заслуживать того своими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Проценты съ капитала назначаются для взноса платы за право ученія стипендіата, могущіе же быть за взносомъ таковой платы остатки выдаются ему на приобрѣтеніе книгъ и учебныхъ принадлежностей.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (25-го мая 1885 года). Правила для стипендій, учрежденныхъ на капиталъ, завѣщанный статскимъ совѣтникомъ Марковымъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждаются двѣ стипендіи на капиталъ въ 10,000 руб., внесенный вѣчнымъ вкладомъ въ государственный банкъ, согласно духовному завѣщанію умершаго статскаго совѣтника Трофима Пвановича Маркова. Одна изъ нихъ именуется стипендіей умершаго генерала отъ инфантеріи князя Петра Дмитріевича Горчакова, другая— стипендіей умершаго статскаго совѣтника Трофима Ивановича Маркова.

§ 2. Каждая стипендія образуется изъ процентовъ, ежегодно получаемыхъ съ половины пожертвованнаго капитала, то-есть, съ 5,000 р., и составляетъ 200 руб. въ годъ.

§ 3. Правомъ полученія стипендій пользуются студенты математическаго отдѣленія физико-математическаго факультета, изъ уроженцевъ Харьковской губерніи, дворянъ, русскаго происхожденія, которые, при недостаточномъ состояніи, удовлетворяютъ правиламъ, установленнымъ согласно 132-й статьѣ устава университетскаго 1884 года.

§ 4. Проценты, не выданные въ стипендію по какой-либо причинѣ, причисляются къ основному капиталу.

7. (27-го мая 1885 года). Правила о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Алексѣя Александровича Потемкина.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго императорскому Московскому университету надворнымъ совѣтникомъ Потемкинымъ капитала въ 52,000 руб. учреждается при семъ университетѣ восемь стипендій „имени надворнаго совѣтника Алексѣя Александровича Потемкина“.

§ 2. Стипендіи дѣлятся по ровну между четырьмя факультетами, по двѣ на каждый.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи триста двадцать пять рублей въ годъ.

§ 4. Стипендіи назначаются по представленіямъ подлежащихъ факультетовъ, согласно существующимъ на сей предметъ общимъ правиламъ.

§ 5. Свободные остатки отъ процентовъ присоединяются къ основному капиталу.

8. (28-го мая 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. печителямъ учебныхъ округовъ о форменной одеждѣ для студентовъ университетовъ.

Высочайше утвержденнымъ въ 23-й день марта сего года положеніемъ комитета министровъ постановлено: 1) установить для студентовъ университетовъ: Московскаго, С.-Петербургскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Одесскаго форменную одежду для постояннаго ношенія оной, какъ въ самыхъ университетскихъ зданіяхъ, такъ и въ оныхъ и 2) предоставить министру народнаго просвѣщенія принять и повергнуть на Высочайшее Его Императорскаго Величества

возвръніе и утверждение образецъ новой форменной одежды студентовъ и вводить оную въ университетахъ съ тою постепенностью, какую онъ, министр народнаго просвѣщенія, признаетъ нужною, издавъ подробныя правила объ употребленіи форменной одежды.

Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, я всеподданнѣйше повергалъ на всемилостивѣйшее возвращеніе Государя Императора проектъ рисунка и описанія форменной одежды студентовъ поименованныхъ выше университетовъ.

Его Императорскому Величеству, въ 8-й день мая сего года, благоугодно было высочайше утвердить означенные образцы форменной одежды и прилагаемое при семъ описаніе этой одежды. При этомъ Государь Императоръ высочайше соизволилъ повелѣть: 1) не дѣлать ношенія мундира обязательнымъ и 2) на актахъ и другихъ торжественныхъ собраніяхъ, гдѣ студенты бывають въ сборѣ, быть имъ въ одинаковой формѣ.

Сообщая о такомъ высочайшемъ повелѣніи вашему превосходительству, я, на основаніи высочайше утвержденного 23-го марта сего года положенія комитета министровъ, имѣю честь почтительнѣе просить васъ, милостивый государь, ввести форменную одежду во вѣренномъ вамъ университетѣ съ начала 1885—1886 учебнаго года, обязавъ вновь поступающихъ и оставшихся на первомъ семестрѣ студентовъ обзавестись форменною одеждою, остальнымъ же студентамъ нынѣшняго состава предоставить, если пожелаютъ, донашивать прежнее платье.

Описаніе форменной одежды студентовъ императорскихъ россійскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго, св. Владимира и Новороссійскаго.

(Высочайше утверждено 8-го мая 1885 года).

§ 1. Фуражка (съ козырькомъ) темно-зеленаго сукна, съ околышемъ изъ темно-синяго сукна; по верку фуражки темно-синяя выпушка.

§ 2. Мундиръ темно-зеленаго сукна, односторонній, застегивающійся на девять желтыхъ металлическихъ пуговицъ, съ изображеніемъ на нихъ государственнаго герба. Воротникъ (съ откошенными концами) и обшлага (прямые) изъ темно-синяго сукна, съ двумя петлицами изъ золотатаго галуна на воротникѣ и обшлагахъ и съ двумя

желтыми металлическими пуговицами на каждомъ рукавѣ. При мундирѣ шпага, которая носится безъ темляка и портупен, въ разрѣзѣ, имѣющемся на лѣвой сторонѣ мундира.

§ 3. Сюртукъ темно-зеленаго сукна двубортный, застегивающійся на шесть желтыхъ металлическихъ пуговиць, съ изображеніемъ государственнаго герба; воротникъ (съ откошенными концами) темно-синяго сукна, на лѣвой сторонѣ разрѣзъ для шпаги.

§ 4. Шаровары темно-зеленыя длинныя, сверхъ сапоговъ, безъ канта.

§ 5. Пальто темно-зеленаго сукна, съ отложнымъ того же сукна воротникомъ и лацканами. На воротникѣ темно-синяя суконная петлица съ желтою металлическою пуговицею.

Студентамъ предоставляется право носить и шинели изъ темносѣраго сукна, офицерскаго образца. Въ зимнее время какъ шинель, такъ и форменное пальто могутъ быть съ мѣховымъ воротникомъ.

§ 6. Галстухъ черный, перчатки бѣлыя замшевыя.

§ 7. Башлыкъ общаго образца верблюжьяго цвѣта.

9. (30-го мая 1885 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ разъясненіемъ статьи 105-й университетскаго устава 1884 года.

По поводу возбужденнаго начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ вопроса о томъ, какъ понимать статью 105-ю университетскаго устава 1884 года, имѣю честь сообщить вашему превосходительству, для руководства въ надлежащихъ случаяхъ, нижеслѣдующее:

§ 1. Какъ только по истеченіи тридцати лѣтъ учебной службы профессоръ не включается болѣе въ число штатныхъ профессоровъ, обозначенное въ статьѣ 60-й, присвоенный ему штатный окладъ содержанія становится свободнымъ; но окладъ этотъ можетъ быть употребленъ только въ пользу той же самой кatedры, которую занималъ означенный профессоръ, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ заявилъ желаніе сохранить за собою званіе профессора, ибо онъ можетъ и переимѣнить свое желаніе, или по болѣзни сдѣлаться неспособнымъ къ исполненію профессорскихъ обязанностей, или умереть, и въ такомъ случаѣ, при неизмѣнн свободнаго оклада для замѣщенія его кatedры, быть можетъ, имѣющей первостепенную важность для факультетскаго преподаванія, университетъ остался бы вовсе безъ представителя этой кatedры. Если же при назначеніи доцентовъ нѣкоторыхъ университетовъ въ экстраординарные профессора министер-

ствомъ народнаго просвѣщенія были сдѣланы нѣкоторыя отступленія отъ сего правила, то это вызывалось лишь необходимостью привести въ дѣйствіе новый уставъ, упраздняющій должность штатнаго доцента, по возможности безъ всякаго ущерба для отдѣльныхъ лицъ, и мѣра эта должна быть разсматриваема только какъ исключеніе изъ вышеизложеннаго общаго правила.

§ 2. Сдѣлавшимся свободнымъ въ силу статьи 105-й окладомъ профессорскаго содержанія желательно пользоваться для усиленія преподаванія и контроля за занятіями студентовъ по той же кафедрѣ, если прежній профессоръ и продолжаетъ по ней свое преподаваніе; но если кафедра эта такова (какъ, напримѣръ, кафедры факультетскихъ и госпитальныхъ клиникъ), что преподаваніе по ней невозможно безъ соотвѣтственнаго учебно-вспомогательнаго установленія, то назначеніе новаго по ней профессора возможно лишь при трехъ условіяхъ: или чтобъ это новое лицо само располагало таковымъ установленіемъ, или чтобъ завѣдываніе таковымъ было всецѣло предоставлено новому профессору, или чтобъ оно было раздѣлено между нимъ и прежнимъ профессоромъ, буде это оказалось бы возможнымъ и полезнымъ для дѣла. Какому изъ сихъ рѣшеній отдать преимущество, это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, которыя и должны быть принимаемы въ самое серьезное соображеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

§ 3. Въ статьѣ 105-й обозначаются права и преимущества того профессора, который, по истеченіи 30 лѣтъ своей учебной службы, выразилъ желаніе продолжать ее на пользу университета. Въ числѣ этихъ правъ упоминается и право читать лекціи и, какъ само собою разумѣется, пользоваться за эти лекціи особою платою отъ слушателей. Но изъ того, что чтеніе лекцій разсматривается въ данномъ случаѣ какъ право, отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ оно не было и обязанностію означеннаго профессора, и чтобъ онъ могъ быть только членомъ факультета и совѣта и возможнымъ кандидатомъ на всѣ должности по университету, не неся на себѣ существеннѣйшихъ обязанностей профессора, которыя заключаются въ преподаваніи и обученіи студентовъ. Такимъ образомъ всякій профессоръ, который, по истеченіи тридцати лѣтъ учебной службы, заявилъ желаніе оставаться профессоромъ, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя обязательство продолжать свое преподаваніе и свои занятія со студентами. Но размѣръ этихъ трудовъ его на пользу учащихся въ университетѣ лицъ въ томъ случаѣ, если онъ не занимаетъ кафедры, по

коей преподаваніе не возможно безъ соответственнаго учебно-вспомогательнаго установленія, или если онъ не пользуется указаннымъ въ статьѣ 105-й вознагражденіемъ въ 1,200 руб. въ годъ изъ государственнаго казначейства, зависитъ вполне отъ собственнаго его усмотрѣнія; въ означенныхъ же двухъ случаяхъ вмѣстѣ, и въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, профессоръ-пенсіонеръ обязанъ продолжать свои чтенія и занятія со студентами, подчиняясь дѣйствию всѣхъ статей устава, опредѣляющихъ обязанности профессора, въ томъ числѣ статьѣ 66-й (о полнотѣ, послѣдовательности и правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ, а равно научныхъ по нимъ упражненій студентовъ), статьѣ 67-й (о достаточномъ числѣ его лекцій при мѣнительно къ 6-ти часовой нормѣ) и статьѣ 69-й (объ исполненіи порученій подлежащихъ факультетскихъ собраній, университетскаго совѣта и попечителя учебнаго округа).

Считаю не излишнимъ присовокупить, что вы, милостивый государь, не преминете обращать особенное вниманіе на заслуги и усердіе профессоровъ, пожелавшихъ, по истеченіи тридцати лѣтъ своей учебной службы, продолжать оную на пользу университета, при какихъ бы условіяхъ они не продолжали ее, и будете своевременно доводить о нихъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія для исходатайствованія имъ соответственныхъ почетныхъ наградъ.

10. (30-го мая 1885 года). Циркулярное предписаніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о невключеніи въ 15% общаго числа студентовъ университета тѣхъ студентовъ, которые нынѣ освобождены отъ платы за слушаніе лекцій.

На основаніи § 11 утвержденныхъ мною 16-го сего мая правилъ о платѣ за слушаніе лекцій въ университетѣ, общее число освобожденныхъ отъ взноса платы не должно превышать 15% всего числа студентовъ. Сверхъ того, освобождаются отъ платы студенты, получающіе соединенныя съ обязательною службою стипендіи.

Въ разъясненіе сего § правилъ о платѣ за слушаніе лекцій въ университетѣ, долгомъ считаю увѣдомить ваше превосходительство, для зависящихъ съ вашей стороны распоряженій, что въ упомянутое число 15% освобождаемыхъ отъ взноса платы студентовъ не слѣдуетъ включать тѣхъ изъ находящихся нынѣ въ университетѣ студентовъ, коимъ уже была предоставлена эта льгота за хорошіе ихъ успѣхи и отличное поведеніе, если начальство университета признаетъ ихъ достойными оной и на будущее время. Что же касается вновь посту-

пающихъ въ университетъ студентовъ, то по отношенію къ нимъ не должно быть допускаемо отступленія отъ требованія, установленнаго § 11 правилъ.

11. (5-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Сѣдлецкой мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи триста сорокъ шесть рублей тридцать семь копѣекъ, пожертвованнаго жителями города Влодавы, Сѣдлецкой губерніи, по случаю исполнившагося 19-го февраля 1880 года 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, учреждается при Сѣдлецкой мужской гимназій стипендіи имени Императора Александра II.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ II восточнаго займа и въ наличныхъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ и состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

§ 3. Избраніе кандидата на стипендію принадлежитъ педагогическому совѣту Сѣдлецкой мужской гимназій, утвержденіе же—попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіей до тѣхъ поръ, пока остается въ гимназій и будетъ заслуживать того своими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Стипендія предоставляется бѣднѣйшему ученику изъ числа уроженцевъ г. Влодавы, безъ различія исповѣданія, преимущественно сиротѣ, оказавшему при отличномъ поведеніи и прилежаніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 6. О вакантной стипендіи публикуется всякій разъ въ сѣдлецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ одной изъ болѣе распространенныхъ варшавскихъ газетъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Сѣдлецкой мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи триста девяносто одинъ рубль сорокъ копѣекъ, пожертвованнаго жителями г. Пар-

чева, Сѣдлецкой губерніи, по случаю исполнившагося 19-го февраля 1880 года 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, учреждается при Сѣдлецкой мужской гимназій стипендія имени Императора Александра II.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ II восточнаго займа и въ наличныхъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ и состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

§ 3. Избраніе кандидатовъ на стипендію принадлежитъ педагогическому совѣту Сѣдлецкой мужской гимназій, утвержденіе же ихъ — попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіей до тѣхъ поръ, пока остается въ гимназій и будетъ заслуживать того своими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Стипендія предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ изъ числа уроженцевъ Влодавскаго уѣзда, безъ различія исповѣданія, преимущественно сиротѣ, оказавшему при отличномъ поведеніи и прилежаніи удовлетворительныя успѣхи въ наукахъ.

§ 6. О вакантной стипендіи публикуется всякій разъ въ Сѣдлецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ одной изъ болѣе распространенныхъ варшавскихъ газетъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (5-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Михаила Антоновича Фирсова при Тифлисской мужской 2-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шестьсотъ рублей, заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, пожертвованнаго дворянкою Юзефиною Антоновною Фирсовою, учреждается при Тифлисской 2-й мужской гимназій одна стипендія имени брата жертвовательницы, дворянина Михаила Антоновича Фирсова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Тифлисской 2-й гимназій, составляя неотъемлемую собственность учебнаго заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ учени-

ковъ 2-й гимназій, безъ различія происхожденія, національности и вѣроисповѣданія, оказавшему при отличномъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій, по соглашенію съ жертвовательницей при ея жизни.

§ 5. Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ въ слѣдующій классъ по малоуспѣшности или неудовлетворительному поведенію, и на мѣсто его назначается другой, заслуживающій стипендіи по успѣхамъ въ наукахъ и по поведенію.

§ 6. Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются для взноса платы за право ученія стипендіата въ гимназій. Если же процентовъ по случаю увеличенія въ гимназій платы за ученіе, окажется недостаточно, то недостающая часть приплачивается родителями или родственниками стипендіата или жертвовательницею.

§ 7. Могушіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ въ стипендіальнаго капитала причисляются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Стипендія имени Фирсова сохраняется на вышеприведенныхъ основаніяхъ и въ томъ случаѣ, если Тифлисская 2-я гимназія будетъ преобразована въ какое-либо другое учебное заведеніе.

13. (5-го іюня 1885 года). Правила о стипендіи имени покойнаго доцента императорскаго Московскаго университета доктора медицины Дмитрія Ивановича Найденова.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 7,000 рублей, завѣщаннаго доцентомъ императорскаго Московскаго университета докторомъ медицины Найденовымъ, учреждается при семъ университетѣ стипендія, которой присвоивается наименованіе: стипендія покойнаго доцента Московскаго университета доктора медицины Дмитрія Ивановича Найденова.

§ 2. Размѣръ стипендіи обуславливается количествомъ процентовъ съ капитала, по обращеніи его изъ наличныхъ денегъ въ процентныя бумаги и будетъ не менѣе трехсотъ пятидесяти рублей въ годъ.

§ 3. Стипендія назначается, согласно существующимъ на сей пред-

метъ правиламъ, правленіемъ университета съ утвержденія г. попечителя Московскаго учебнаго округа, одному изъ недостаточныхъ и отличныхъ по успѣхамъ и поведенію студентовъ медицинскаго факультета, изъ воспитанниковъ Рязанской гимназій.

§ 4. Стипендіатъ лишается стипендіи при неуспѣшности въ наукахъ, а также и въ случаѣ неодобрительнаго поведенія.

§ 5. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(6-го іюня 1885 года). Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивановъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 7-го мая 1885 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лазаревичъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора; экстраординарные профессора Императорскаго университета съ Владимира статскій совѣтникъ Боригауптъ и коллежскіе совѣтники Тритцель и Ходинъ—ординарными профессорами сего университета по кафедрамъ: первый—хирургической госпитальной клиники, второй—терапевтической госпитальной клиники и послѣдній—офтальмогической факультетской клиники, всѣ трое съ 27-го мая 1885 года; доцентъ института сельскаго хозяйства и дѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ химіи, титулярный совѣтникъ Вагнеръ—профессоромъ сего института по кафедрѣ общей и аналитической химіи, съ 1-го мая 1885 года; инспекторъ Московской синодальной типографіи, статскій совѣтникъ Румянцевъ—членомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 7-го мая 1885 года; бывшій директоръ С.-Петербургской военной прогимназій, состоящій въ запасѣ полковыхъ инженерныхъ войскъ, полковникъ Аничковъ—директоромъ Пензенской учительской семинаріи, съ 11-го мая 1885 года.

Опредѣленъ на службу бывшій воспитанникъ Императорскаго Гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института, сынъ коллежскаго секретаря Петръ Кузнецовъ—въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя сего департамента, съ 1-го мая 1885 года.

Причи сленъ къ министерству народнаго просвѣщенія

учитель Витебской гимназіи Зейвангъ, съ 14-го апрѣля 1885 года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Оставленъ на службѣ директоръ Ревельской Александровской гимназіи статскій совѣтникъ Гюберъ-фонъ-Грейффенфельсъ—на одинъ годъ, съ 18-го апрѣля 1885 года.

Командированы съ ученою цѣлю въ Россіи: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Лучицкій—на лѣтнее вакаціонное время 1885 года, въ Полтавскую и Черниговскую губерніи; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Ментянъ—на три мѣсяца, въ городъ Одессу; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Веселовскій—на лѣтнее вакаціонное время и по 30-е сентября 1885 года, во внутреннія губерніи; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головинскій—по декабрь мѣсяць 1885 года, на южный берегъ Крыма.

Уволены въ отпускъ: въ Россіи: на двадцать восемь дней: директоры народныхъ училищъ губерній: Пермской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Шшонко, въ Казань, Москву и С.-Петербургъ, по болѣзни, и Черниговской—статскій совѣтникъ Ждановичъ, въ разныя губерніи; на двадцать девять дней: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ростовцевъ, въ Одессу и Крымъ, по болѣзни; на мѣсяць: окружный инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Чеховичъ, въ Одессу и С.-Петербургъ; директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, статскій совѣтникъ Фармаковскій, въ разныя губерніи, и директоръ Житомирской гимназіи, статскій совѣтникъ Омелянскій, въ Волинскую губернію; съ 1-го іюля по 7-е августа 1885 года: директоръ Ейскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Чечелевъ, въ разныя губерніи, по болѣзни; съ 20-го іюня по 1-е августа 1885 года: директоръ Тифлискаго Александровскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Колдовичъ, въ разныя губерніи; на шесть недѣль: предсѣдатель Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій, въ Могилевскую губернію, и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Вѣликовъ, во внутреннія губерніи, по болѣзни; на полтора мѣсяца: начальникъ Сувалкской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абрамовичъ, въ городъ Псковъ,

и директоръ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи Малевянской, въ разныя губерніи, послѣдній по болѣзни; съ 20-го іюня по 7-е августа 1885 года, директоръ Костромской гимназіи, статскій совѣтникъ Пречанъ, въ Москву, Тверь и С.-Петербургъ; на два мѣсяца: ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ренненкампфъ, въ разныя губерніи; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Вейнбергъ, въ Крымъ; Кіевскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Шульженко, въ Полтавскую и южныя губерніи, и Казанскаго—коллежскій совѣтникъ Альбрехтъ, въ разныя губерніи; начальникъ Калишской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановъ, въ разныя губерніи; директоръ народныхъ училищъ: Терской области—дѣйствительный статскій совѣтникъ Грушевскій, въ гор. Кіевъ и Москву, и Тамбовской губерніи—статскій совѣтникъ Ильченко, въ Москву и на Кавказъ; директора гимназій: С.-Петербургскихъ: третьей—тайный совѣтникъ Лемониусъ, въ Галсаль, и шестой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Пустонскій, въ разныя губерніи; Орловской—статскій совѣтникъ Бѣлоруссовъ, во Владимирскую губернію; Полтавской—статскій совѣтникъ Марковъ, во внутреннія губерніи; Прилукской—статскій совѣтникъ Вороной, въ гор. Кіевъ и на Кавказъ; Нижегородской—статскій совѣтникъ Миротворцевъ, во внутреннія губерніи, и Елатомской—Яблонскій, въ Москву и Смоленскъ; начальница Шуйской женской гимназіи Ананьина, въ разныя губерніи; директоръ Александровской Борисоглѣбской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Вязьминъ, въ разныя губерніи; директоръ Казанскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Орловъ, въ С.-Петербургъ и Москву; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Скоробогатый, въ Лифляндскую и Эстляндскую губерніи; правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Пинаевъ, во внутреннія губерніи; по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители: VII класса—коллежскій ассессоръ Дебольскій и VIII класса—надворный совѣтникъ Еліашевичъ, въ разныя губерніи; журналистъ, коллежскій ассессоръ Купинскій, въ Галсаль; помощникъ бухгалтера, коллежскій ассессоръ Оедоровъ, въ разныя губерніи; помощники дѣлопроизводителей: коллежскій секретарь Паткинъ, въ разныя губерніи, и коллежскій регистраторъ Бычковъ, въ Ярославскую губернію, и исправляющій должность помощника

часть сссл, отд. 1.

5

дѣлопроизводителя, не имѣющій чина Гергитъ, въ Полтавскую губернію, изъ нихъ Ренненкампфъ, Вейнбергъ, Шульженко, Барановъ, Ильченко, Миротворцевъ, Яблонскій, Орловъ, Скоробогатый, Пинаевъ, Купинскій, Оедоровъ, Пяткинъ, Вычковъ и Гергинъ—по болѣзни; на два мѣсяца и четыре дня: ректоръ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Андреевскій, въ Полтавскую и Харьковскую губерніи, и начальница Тверской Маринской женской гимназіи Гросвальдъ, въ С.-Петербургскую губернію; съ 10-го іюня по 15-е августа 1885 года: окружный инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Соловьевъ, на Кавказъ; съ 8-го іюня по 16-е августа 1885 года: директоръ Нижегородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Бобровскій, въ равныя губерніи, по болѣзни; на два мѣсяца и десять дней, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламанскій, во внутреннія губерніи; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: ректоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Буличъ, въ Казанскую и Самарскую губерніи; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янсонъ, въ Московскую губернію и Финляндію; инспекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Барсовъ, въ Смоленскую губернію и Мосьву; директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ; Деритскій директоръ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Геекъ, оба—въ разныя губерніи; директоры гимназій: Кронштадской—статскій совѣтникъ Козеко, въ Могилевскую губернію; Харьковской, третьей—статскій совѣтникъ Бѣляцкій, въ Херсонскую губернію; Кишеневской, первой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ, на Кавказъ и во внутреннія губерніи; Рязанской—статскій совѣтникъ Кульчицкій, Киевской, второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ Пясецкій, Черниговской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Чизимовскій, Немировской—статскій совѣтникъ Тихомировъ, Одесской третьей—дѣйствительный статскій совѣтникъ Поруновъ, Керченской—статскій совѣтникъ Громачевскій, Николаевской—статскій совѣтникъ Баликъ, Бердянской—статскій совѣтникъ Алаевъ, Феодосійской—Виноградовъ, Таганрогской—статскій совѣтникъ Нейкирхъ, Варшавскихъ мужскихъ: III—коллежскій совѣтникъ Соколовъ, всѣ одиннадцать въ разныя губерніи, и V—статскій совѣтникъ

Банскій, въ Лифляндскую губернію; исправляющій должность директора Оренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ Якубовскій, въ разныя губерніи; завѣдывающій гимназіей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ Златоустовскій, на Кавказѣ и Крымѣ; начальница Казанской Ксеніинской женской гимназіи Камкова, въ разныя губерніи; начальница Владимірской земской гимназіи Кожошкина, въ городѣ Москву и Московскую губернію; директоры прогимназій: Нижнечирской—статскій совѣтникъ Норовъ, на Кавказѣ и Златопольской—коллежскій совѣтникъ Ильинъ, въ Крымѣ и на Кавказѣ; директоры реальныхъ училищъ: Тульскаго—статскій совѣтникъ Даниловъ, въ разныя губерніи; Вольскаго—статскій совѣтникъ Можайскій, въ Крымѣ; Ровенскаго—Павловъ, въ разныя губерніи; Кременчугскаго—статскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко, на Кавказѣ и Крымѣ; Курскаго—статскій совѣтникъ Радкевичъ; Урюпинскаго—Ренчицкій; Воронежскаго—статскій совѣтникъ Вяхиревъ; Херсонскаго—Месняевъ; Севастопольскаго—статскій совѣтникъ Урусовъ; Николаевскаго—статскій совѣтникъ Таралыгинъ; Мелитопольскаго—коллежскій совѣтникъ Милашевичъ; Елисаветградскаго—коллежскій совѣтникъ Петрушевскій и Ростовскаго Петровскаго на Дону—Сарандиани, всѣ девять въ разныя губерніи; директоръ Казанскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ, въ Лашевскій уѣздъ Казанской губерніи; директоры учительскихъ семинарій: Тотемской—статскій совѣтникъ Соболевъ; Вольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Зимницкій и Новинской—статскій совѣтникъ Товаревскій; послѣдніе трое—въ разныя губерніи; изъ нихъ—по болѣзни: Яисонъ, Геекъ, Бѣлицкій, Златоустовскій, Норовъ, Месняевъ и Товаревскій; на лѣтнее вакаціонное время и по 15-е августа 1885 года: директоръ Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Словцовъ, въ Тобольскую и Пермскую губерніи; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и пятнадцать дней: директоры гимназій: С.-Петербургской, десятой—статскій совѣтникъ Костевъ, въ разныя губерніи, и Могилевской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Фурсовъ: въ Москву; директоръ С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эвальдъ, въ разныя губерніи, и директоръ Несвижской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Николаевскій, въ Самарскую губернію,—всѣ четверо по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать восемь дней: заслужен-

ный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Васильевъ, въ Казанскую губернію; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и двадцать девять дней: директоръ Демидовскаго юридическаго лица, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ; директоры гимназій: Императоркой Николаевской Царскосельской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Пискаревъ и Новгородской — статскій совѣтникъ Филоновъ, въ разныя губерніи; на три мѣсяца, чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Аннинъ, въ разныя губерніи, по болѣзни; на мѣсяцъ и лѣтнее вакаціонное время 1885 года, ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Боголѣповъ, по болѣзни; на мѣсяцъ и десять дней, сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1885 года, экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Праховъ, въ городѣ Кіевѣ; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и два мѣсяца директоръ Елецкой гимназій, статскій совѣтникъ Заксъ, въ южныя губерніи, по болѣзни; на четыре мѣсяца: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ графъ Мусиянъ-Пушкинъ, во внутреннія губерніи, и учитель Вѣрненской мужской гимназій Черницкій, въ разныя губерніи; въ Россіи и за границу: на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: директоръ Ревельскаго реальнаго училища Оссе и учитель Вологодской мужской гимназій Рене-Маркъ-Лемерсье; за границу на мѣсяцъ: законоучитель Ломжинской мужской гимназій, протоіерей Ливчакъ и учитель 1-го Збѣрскаго однокласснаго начальнаго училища Цѣслинскій, послѣдній — по болѣзни; на два мѣсяца: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Оношковичъ-Яцына; бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кеппенъ, регистраторъ сей Библиотеки, коллежскій совѣтникъ Милгеръ; учитель Бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Шмидтъ; ученый еврей при управленіи Одесскаго учебнаго округа, титулярный совѣтникъ Геникесъ и старшій садовникъ Варшавскаго помологическаго сада Янковскій; изъ нихъ Оношковичъ-Яцына, Шмидтъ, Геникесъ и Янковскій — по болѣзни; съ 15-го іюня по 16-е августа 1885 года, учитель Елисаветградскаго реальнаго училища Сорока; съ 15-го іюня по 20-е августа 1885 года: учи-

тели Херсонской прогимназіи: Индра и Марекъ; на два мѣсяца и восемь дней, учитель С.-Петербургской пятой гимназіи, статскій совѣтникъ Гошеронъ-де-Ляфоссъ; на два мѣсяца и тринадцать дней; учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины фонъ-Лингенъ; на два съ половиною мѣсяца: лаборантъ физическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Хамонтовъ, на время лѣтнихъ вакацій 1885 года: врачъ Одесской женской гимназіи Бертепсонъ и исправляющій должность врача Холмской мужской гимназіи Висьневскій, послѣдній по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный совѣтникъ Караваяевъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: харьковскаго—статскій совѣтникъ Оболенскій и Дерптскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Тейхмюллеръ; статскій совѣтникъ Вальць и палатный совѣтникъ Линштедтъ; экстраординарный профессоръ сего университета фонъ-Лорандъ; доцентъ того же университета Дегио; приватъ-доцентъ упомянутаго университета, статскій совѣтникъ Подвысоцкій; лекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета Гердъ; учитель музыки Императорскаго Дерптскаго университета Цельнеръ; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Миллеръ; наставникъ-руководитель гимназіи сего института, завѣдывающій ономъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ; наставникъ упомянутаго института, статскій совѣтникъ Варонъ; Лазаревскаго института восточныхъ языковъ: экстраординарный профессоръ, коллежскій ассессоръ Веселовскій; исправляющіе должности: экстраординарныхъ профессоровъ, коллежскіе совѣтники: Муркосъ и Саковъ, и доцента, статскій совѣтникъ Окромчеделовъ-Серебряковъ; преподаватель сего института Теръ-Захаровъ; преподаватель и воспитатель пансіона гимназическихъ классовъ того же института, палатный совѣтникъ Юргенсенъ; доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Леманъ; директоры гимназій: Московской третьей—Лавровскій; Ковенской—статскій совѣтникъ Шекальскій; Симферопольской — Тимошевскій и Анаьевской — Гасплъ; инспекторъ Ришельевской гимназіи Чеховскій; законоучитель лютеранскаго исповѣданія Варшавской VI мужской гимназіи Медвигъ; учителя гимназій: С.-Петербургской, шестой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Вастень и статскій совѣтникъ Клеманъ; Мо-

сковской, четвертой—статскій совѣтникъ Нибергъ; Кіевскихъ: первой: Григоровичъ и Иващенко и второй—статскій совѣтникъ Ростоцкій; Лубенской: Дюранъ, Андерле и Скробанскій; Каменецъ-Подольской: Чехахъ и Залевскій; Ковенской — Токсъ; Воронежской—надворный совѣтникъ Норупъ; Одесскихъ второй—Лисовскій, Ліоте и третьей—Копце; Николаевской: Деннгардтъ и Кейвларъ; Ришельевской—Вирланъ; Херсонской—Флигель; Бердянской—Янъ; Кишиневскихъ первой—Клосовскій и второй—Фотъ и Проданъ; Симферопольской—Кашнаръ; Варшавскихъ, мужскихъ: III—Уздовскій; IV—Наркевичъ; V—надворный совѣтникъ Стефановичъ и VI: Гольдбергъ, Фровейнъ и Гайкевичъ; Люблинской мужской: Евстахевичъ и Гостковскій; Сѣдлецкой мужской — Коладинскій; Ломжинской мужской: Давидъ и Краузе; Митавской губернской — титулярный совѣтникъ Детлофъ; воспитатель пансіона Пензенской первой гимназіи, коллежскій совѣтникъ Ваагъ; старшій учитель Перновской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Виндеръ; учителя женскихъ гимназій: Одесской—Гурьяновъ и Дренгеръ; Симферопольской—Ящуржинскій и Кишиневской—Караманъ; надзирательница Варшавской IV женской гимназіи Филипеусъ; учительницы женскихъ гимназій: Роменской — Шевчикъ и Варшавской первой—Тиссеранъ; классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавской II—Щебальская и Байеръ и Плоцкой—Рау; учители прогимназій: Вольской—надворный совѣтникъ Целаръ; Мензелинской — Эндѣ; Стародубской—Рыбарчъ; Одесской первой: Драгошъ и Шуллеръ; Вознесенской — Гаферкорнъ; Ялтинской — Шкорниль и Цинчовской, мужской: Раубаль и Хрупчаловскій; законоучитель Ровенскаго реальнаго училища, священникъ Подиѣшальскій; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго, втораго—статскій совѣтникъ Кизерицкій; Кіевскаго: Альдингеръ и коллежскій ассессоръ Степовичъ; Темиръ-ханъ-Шуринаскаго — Пламеновскій; Динабургскаго: Цежо и Булле; Николаевскаго: Неклѣвичъ и Плетневъ; Кишиневскаго: Зефиоровъ и Аллендорфъ; Херсонскаго: Романовскій и Якобсонъ; Либавскаго—старшій Ретгеръ и Рижскаго: Бингеръ и Голландеръ; помощникъ классныхъ наставниковъ частнаго реальнаго училища Хайновскаго въ Москвѣ фонъ-Дитмаръ; исправляющій должность директора мужскаго училища, состоящій при евангелическо-лютеранской св. Петра и Павла въ Москвѣ, инспекторъ сего училища, коллежскій совѣтникъ Чекала; учителя учительскихъ семинарій: Дерптской, первой—коллежскій ассессоръ Глаге и Варшавской—

Клемке; старшій учитель Севастопольскаго приходскаго училища Чайковскій; законоучитель Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго уѣзднаго училища, священникъ Калантаріанцъ; учитель Либавскаго уѣзднаго училища Аустерманъ; сверхштатный учитель Ревельскаго уѣзднаго училища Монкевицъ; учитель втораго трехкласснаго Варшавскаго воскресно-ремесленнаго училища Вызго; учителя Лодзинскихъ училищъ: высшаго ремесленнаго — коллежскій совѣтникъ Шмидтъ и Александровскаго 4-хкласснаго городскаго — Швабъ; учитель Пржеводскаго начальнаго училища, Пултускаго уѣзда, Сухоцкій и учителя одноклассныхъ начальныхъ общихъ училищъ: Водзиславовскаго — Брушницкій и въ посадѣ Ксенжъ-Велькомъ Колодзей, — изъ нихъ по болѣзни: Леманъ, Лавровскій, Шокальскій, Нибергъ, Стефановичъ, Евстаховичъ, Гостковскій, Колядинскій, Давидъ, Детловъ, Ваачъ, Виндериъ, Филипеусъ, Щекальская, Байериъ, Рау, Раубаль, Хручаловскій, Бингнеръ, Вызго, Сухоцкій, Брушницкій и Колодзей; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и десять дней: учитель Курской гимназій, коллежскій совѣтникъ Брезоваръ; на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1885 года, учитель Уфимской гимназій, коллежскій ассесоръ Пасоло; на лѣтнее вакаціонное время 1885 года и семнадцать дней, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій секретарь Вржесніовскій, по болѣзни; на двадцать восемьъ дней, сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1885 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, надворный совѣтникъ Рейнъ; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Дерптскаго университета Шлуттеръ; преподаватель Варшавскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ Козеровскій; учитель Московской четвертой гимназій, коллежскій совѣтникъ Петипьеръ; учитель Оедосійской гимназій Мильковичъ; учитель С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Рейнботъ; старшій учитель Аренсбургской гимназій, коллежскій совѣтникъ Экерле и сверхштатный учитель Ревельскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Яненцъ, — изъ нихъ Хвольсонъ, Шлуттеръ, Козеровскій, Петипьеръ, Рейнботъ и Экерле по болѣзни; на двадцать девять дней и лѣтнее вакаціонное время 1885 года: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Люгебилъ, по болѣзни; на три мѣсяца: причислен-

ный къ министерству народнаго просвѣщенія и откомандированный для занятій въ Московскій публичный и Румянцевскій музей, тайный совѣтникъ Ренаръ; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Патвановъ; почетный смотритель С.-Петербургскаго Андреевскаго городского училища, надворный совѣтникъ Бенардаки и врачъ Бердичевскаго двухкласснаго училища, надворный совѣтникъ Ротенбергъ; изъ нихъ Ренаръ и Бенардаки—по болѣзни; съ 10-го іюня по 15-е сентября 1885 года: учитель Симферопольской гимназіи Лашковъ; на четыре мѣсяца: врачъ С.-Петербургской пятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Станевичъ и причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, откомандированные для занятій въ Императорскую Публичную Библиотеку, Крихъ и баронъ Медемъ.

Уволены согласно прошеніямъ: статскій совѣтникъ Хайновскій—отъ должности директора содержимаго имъ въ Москвѣ реальнаго училища, съ 1-го мая 1885 года; заслуженный сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Зедерштедтъ; директоръ Пензенской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хохряковъ и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Деларю—отъ службы, первый съ 30-го, второй съ 11-го и третій съ 9-го мая 1885 года, съ дозволеніемъ Зедерштедту и Хохрякову носить въ отставкѣ мундирные полукафтаны, послѣднимъ должностямъ присвоенные.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: окружному инспектору Виленскаго учебнаго округа, коллежскому совѣтнику Бѣлецкому, председательствовавшему въ комисіи по устройству народныхъ чтеній въ г. Вильнѣ—за энергическую и руководительную дѣятельность его въ этомъ дѣлѣ, участковому мировому судѣй, Духовщинскаго округа, надворному совѣтнику Кусакову—за заслуги его на пользу дѣла народнаго образованія; коммерціи совѣтнику Романову—за заботы и усердіе его къ дѣлу народнаго образованія; казанскому 1-й гильдіи купцу Иванову—за пожертвованіе имъ участка земли въ пользу учебнаго вѣдомства Туркестанскаго края.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру В. Г. Котельникова „Бесѣды по земледѣлію. О сѣнокосныхъ угодьяхъ и травосѣяніи“. С.-Пб. 1885. 8°, 44 стр. Цѣна 25 коп. — рекомендовать для библиотекъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Книга упражненій по латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца, составленная Ю. Ходобаемъ и П. Виноградовымъ. Часть вторая. Синтаксическія упражненія. Изданіе пятое. М. 1884. Цѣна 70 коп.“ — одобрить какъ учебное пособіе, рекомендуя составителямъ воспользоваться при послѣдующей ея переработкѣ сдѣланными замѣчаніями (въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія).

— Книгу: „Поэтика Аристотеля. В. П. Захарова. Варшава, 1885“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Ариметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Никульцевъ, преподаватель Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища. М. 1886. Цѣна 70 коп.“ — допустить въ число руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, съ тѣмъ, чтобъ авторъ исправилъ указанные недостатки при слѣдующемъ изданіи его книги.

— Книгу: „Задачи по начертательной геометріи. (Курсъ реальнаго училища). Составилъ преподаватель начертательной геометріи въ реальномъ училищѣ при реформатской церкви въ Москвѣ В. А. Немолодышевъ. Москва. 1884. Цѣна 40 коп.“ — допустить въ число учебныхъ пособій для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ магистръ математики Н. А. Шапошниковъ. Изданіе 2-е, нѣсколько измѣненное и дополненное. Москва. 1885. Цѣна 80 коп.“ — одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній и самообученія. Съ 255 полиטיפажами въ текстѣ. Составилъ П. П.

Ясенскій. Второе, значительно дополненное и исправленное издание. С.-Пб. 1885. Цѣна 2 руб. — допустить какъ учебное пособие для реальныхъ училищъ, съ обязательствомъ исправить въ слѣдующемъ изданіи замѣченные недостатки.

— Книгу: „Сборникъ разказовъ, анекдотовъ и отрывковъ, выбранные изъ лучшихъ русскихъ писателей, для упражненія дѣтей въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и нѣмецкій, и русско-французско-нѣмецкій словарь. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1885“ — допустить къ употребленію какъ учебное пособие въ старшихъ классахъ, начиная съ четвертаго.

— Книгу: „Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, съ приложеніемъ грамматики и словаря. В. С. Игнатовича. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1885“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ гимназій и прогимназій и въ качествѣ учебнаго пособия для женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу священника Николая Пономарева, подъ названіемъ „Въ школь и дома (Книга третья. Москва. 1883)“ — допустить къ употребленію въ старшихъ отдѣленіяхъ начальныхъ, городскихъ и сельскихъ училищъ, для ознакомленія дѣтей съ богослуженіемъ православнои церкви.

— Брошюру: „Кассіанъ одинокій“. Разказъ стараго матроса. С.-Пб. 1884. Изданіе редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ“, стр. 63 въ 8-ю д. л. — одобрить для ученическихъ библиотекъ городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Церковно-славянская азбука и первая книга для чтенія на церковно-славянскомъ и русскомъ языкѣ. Въ память святыхъ славянскихъ первоучителей издалъ А. Радонежскій. Цѣна 25 коп. С.-Пб. 1885“ — допустить въ библиотеки городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Черволясье (лиственный лѣсъ). Сочиненіе Дмитрія Кайгородова, профессора С.-Петербургскаго лѣснаго института. Со многими рисунками. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1886. Цѣна 1 руб.“ — рекомендовать для библіотекъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Брошюру: „Лѣсъ. Значеніе лѣса. Какъ хозяйствовать въ лѣсу и какъ разводить его. Составилъ народный учитель А. Леонтьевъ. (Редактировалъ И. И. Мещерскій). Работа, представленная на конкурсъ 1884 г. Изданіе редакціи журнала „Русскій начальный учитель“. С.-Пб. 1885. Стр. 25. Цѣна 8 коп.“ — допустить въ библіотеки начальныхъ училищъ.

— Сборникъ: „Баянъ. 150 одногласныхъ и двухгласныхъ пѣсень для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ; составили Г. В. Дольдъ и А. С. Фаминцынъ; двѣ части, изданіе второе. Цѣна первой части 60 коп., второй 80 коп.“ — допустить для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній, какъ среднихъ, такъ и низшихъ.

— Книгу: „Книжка для чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ. (Съ обозначеніемъ удареній особымъ шрифтомъ). Составилъ А. Сердобольскій. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное новыми прозаическими статьями и стихотвореніями. Для иновѣрцевъ. Казань, 1885. Цѣна 45 коп.“ — допустить къ употребленію въ иновѣрческихъ школахъ Казанскаго учебнаго округа, но съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было непременно исправлено, согласно слѣдующимъ замѣчаніямъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ на имя попечителя Варшавскаго учебнаго округа разрѣшилъ назначить во вновь открываемой въ предмѣстьи гор. Варшавы, Прагѣ, мужской гимназій размѣръ платы за ученіе: въ приготовительномъ классѣ по тридцати и въ прочихъ классахъ по сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ на имя попечителя Кіевскаго учебнаго округа разрѣшилъ закрыть, съ на-

чала 1885 — 1886 учебнаго года, параллельныя отдѣленія при III, V и VI классахъ Бѣлоцерковскаго реального училища.

— По донесенію попечителя Одесскаго учебнаго округа, 30-го апрѣля сего года послѣдовало открытіе однокласнаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ с. Малаешти, Тираспольскаго уѣзда Херсонской губерніи.

О ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ¹⁾.

Отзывы комиссій, разсматривавшихъ труды, удостоенные
премій Императора Петра Великаго въ 1885 году.

I.

Греческо-русскій словарь, составленный *А. Д. Вейсманомъ*, экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института. Изданіе второе, дополненное и исправленное. С.-Пб. Изданіе автора. 1892. Больш. 8°. столбцовъ 1372.

Книга эта, вышедшая первымъ изданіемъ въ ноябрѣ 1878 года, разошлась довольно быстро, такъ что по прошествіи четырехъ лѣтъ, въ началѣ 1882 года, оказалась потребность во второмъ ея изданіи, не смотря на то, что въ этотъ промежутокъ времени, въ 1881 году, въ Кіевѣ, Кіевскимъ отдѣленіемъ общества классической филологіи и педагогикѣ былъ изданъ греческо-русскій словарь по Бензелеру. Быстрое распространеніе составленнаго г. Вейсманомъ словаря отчасти, конечно, объясняется неизмѣнимъ до появленія его въ свѣтъ

¹⁾ Утвержденное г. министромъ опредѣленіе ученаго комитета о девятомъ присужденіи премій императора Петра Великаго напечатано въ юльскій выпускъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

годнаго пособия для чтенія греческихъ авторовъ; единственный, бывший въ ходу, греческо-русскій словарь Синайскаго далеко не удовлетворялъ требованіямъ нашихъ гимназій и университетовъ; но сочувствіе, съ которымъ былъ встрѣченъ трудъ г. Вейсмана, сочувствіе, выразившееся въ приобрѣтеніи публикою большого числа экземпляровъ, несомнѣнно говоритъ въ пользу книги, выдерживающей и донинѣ конкуренцію однороднаго съ ней кіевскаго изданія.

Составленіе общаго греческо-русскаго словаря, по существу дѣла требующаго разработкѣ огромнаго матеріала, не можетъ, конечно, представлять собою совершенно самостоятельнаго труда, но необходимымъ образомъ должно быть компиляціей, которая опять, въ свою очередь, можетъ быть болѣе или менѣе самостоятельною. Если авторъ, помимо собственныхъ наблюденій, пользовался спеціальными словарями къ отдѣльнымъ авторамъ, комментированными изданіями, диссертациями и другими научными трудами, то его сочиненіе слѣдуетъ считать самостоятельнымъ даже и тогда, когда онъ многое просто переписалъ въ свое сочиненіе изъ книгъ, служившихъ ему пособиями. Другое дѣло, если авторъ беретъ готовый словарь и, по этому образцу, посредствомъ сокращенія, видоизмѣненія, случайныхъ дополненій, составляетъ другой словарь; его сочиненіе нельзя назвать самостоятельнымъ даже и тогда, когда обработанный имъ лексиконъ написанъ на чужомъ языкѣ, такъ что ему приходилось не переписывать просто, а переводить. Г. Вейсманъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ (стр. VI): „Пользовался я при составленіи словаря слѣдующими пособиями: большими греческо-нѣмецкими Пассова и Пале, а также спеціальными словарями къ избраннымъ писателямъ: словарямъ Зейлера къ Гомеру, Эллендта къ Софоклу, Ветана къ Оувидиу, Аста къ Платону, Штурца къ Ксенофонту, Швейггейзера къ Геродоту, Велауера къ Эсхилу, Шлейзнера къ Новому Завѣту (къ Еврипиду индексомъ Мусgrave и къ Демосену индексомъ Рейске, такъ какъ къ нимъ спеціальныхъ словарей не имѣется). Не малое пособіе оказалъ мнѣ также учебный греческо-нѣмецкій словарь Шенкля, особенно при выборѣ матеріала. Кромѣ того, приняты были мною во вниманіе лучшія изданія и комментаріи къ авторамъ, входящими въ кругъ этого лексикона“.

Судя по этимъ словамъ, трудъ г. Вейсмана представляетъ самостоятельную компиляцію; на дѣлѣ же оказывается, что въ основаніи его словаря положенъ словарь Шенкля. При извѣстныхъ достоинствахъ этого словаря нельзя порицать г. Вейсмана за такой выборъ;

но если онъ не счелъ нужнымъ сказать, что онъ работалъ по Шенкля, то это менѣе похвально. Правда, онъ не умалчиваетъ о томъ, что „словарь Шенкля оказалъ ему не малое пособіе“; но онъ упоминаетъ о немъ только между прочимъ и на послѣднемъ мѣстѣ, выставивъ сперва всѣ остальные пособія, къ которымъ онъ, конечно, также обращался, но которыя гораздо менѣе повліяли на ходъ его работы.

Приступая къ разбору словаря, мы считаемъ долгомъ съ самаго начала заявить слѣдующее: для окончательно вѣрнаго опредѣленія достоинствъ и недостатковъ такого труда, каковъ лексиконъ, требуется продолжительное пользованіе имъ при чтеніи различныхъ авторовъ; такого долговременнаго опыта сдѣлать намъ не пришлось; мы должны были знакомиться съ словаремъ г. Вейсмана посредствомъ внимательнаго чтенія одной, сравнительно небольшой, части книги и выбирать то или другое слово для разсмотрѣнія, при чемъ сравненіе отдѣльныхъ статей съ соответствующими статьями словаря Шенкля значительно облегчало правильную оцѣнку. Надобно сознаться, что при такомъ способѣ разсмотрѣнія книги скорѣе, можетъ быть, бросаются въ глаза ея недостатки, нежели ея достоинства, и этимъ отчасти объясняется характеръ нашихъ замѣчаній.

Весьма важенъ вопросъ о помѣщеніи въ греческо-русскомъ словарѣ именъ собственныхъ. Относительно этого вопроса составитель въ предисловіи къ словарю говоритъ слѣдующее: „Помѣщены въ словарь и имена собственные боговъ, храмовъ, праздниковъ и т. п., а также имена собственные, употребляемыя въ нарицательномъ значеніи. Изъ именъ географическихъ я помѣстилъ только главнѣйшія, преимущественно тѣ, которыя встрѣчаются у поэтовъ. Помѣщать же всѣ имена собственные, какія только упоминаются избранными мною авторами, я считалъ излишнимъ, такъ какъ это увеличило бы напрасно объемъ лексикона, безъ всякой пользы для учащихся“. Не вполне ясно опредѣлено въ этихъ словахъ, чѣмъ собственно г. Вейманъ руководствовался при выборѣ именъ собственныхъ; требуетъ объясненія, напримѣръ, то соображеніе, по которому именамъ географическимъ, встрѣчающимся у поэтовъ, дано преимущество передъ тѣми, которыя упоминаются у прозаиковъ; можно думать, и кажется— не безъ основанія, что, для пониманія историческаго разказа или политической рѣчи, географическія свѣдѣнія важнѣе, нежели для пониманія поэтическаго произведенія. Шенкль гораздо точнѣе опредѣлилъ кругъ именъ собственныхъ, которыя онъ счелъ нужнымъ

помѣстить въ своемъ словарѣ, говори на стр. V предисловія: „Daher glaubte der Verfasser den Weg einschlagen zu müssen, dass er mythologische, geographische und solche Eigennamen, welche sich auf staatliche Institute, gottesdienstliche Bräuche und dergl. bezogen, sämtlich aufnahm und in gedrängter Kürze erklärte, Personennamen hingegen nur dann berücksichtigte, wenn ihre eigenthümliche grammatische Form oder weitere Bildungen, die von ihnen ausgingen, ihre Aufnahme rechtfertigten“. Г. Вейсманъ, желая сократить объемъ своего лексикона—желаніе весьма похвальное и проявляющееся, хотя и не всегда удачно при другихъ случаяхъ — пропустилъ большее число именъ собственныхъ, помѣщенныхъ въ словарь Шенкля. Такъ напримѣръ, подъ буквою Θ нѣтъ слѣдующихъ: Θάσος, Θασιακία, Θάψακος, Θάψος, Θεμισκύρα, Θεονότη, Θεράπνη, Θέρμη, Θερμόδων, Θεσπεια или Θεσπια, Θεσπρωτία, Θεσσαλία и производныя, Θεσσαλιώτις, Θεσσαλονίκη, Θεσπιάς, Θεσπιας, Θεσπρωτιος μάντις, Θεσπορίδης, Θήρα, Θησής, Θήχης, Θιάβη, Θμοῦς, Θορικός, Θόρναξ, Θουρία, Θούριοι, Θούριον, Θράκιον, Θραύστος, Θρινακίη, Θρονіον, Θρούεσσα, Θυάτιρα, Θύμβρη, Θύμβραρα, Θύμβρον, Θύμβρις (Tiberis), Θυраіον, Θυρέα, Θυσαγέται и Θύσσος. Помѣщены только слѣдующія: Θαλής (нѣтъ у Шенкля), Θαρρηλίωv, Θέτις, Θήζαι и производныя, Θησεῦς и производныя, Θράκη и производныя, Θρία и Θιέσπης. Въ этомъ выборѣ не проявляется никакого опредѣленнаго принципа; видно только то, что въ словарѣ помѣщено недостаточное количество именъ собственныхъ. Самъ составитель показалъ, что онъ раздѣляетъ это мнѣніе, и помѣстилъ, въ концѣ книги, при второмъ изданіи „дополненіе къ именамъ собственнымъ“. Сознаніе допущенной ошибки — похвально, но способъ исправленія ея не годится. Можно допустить только одно изъ двухъ: или имена собственные всѣ должны помѣщаться въ лексиконѣ наравнѣ съ другими словами, или они, опять-таки всѣ, должны образовывать отдѣльное дополненіе къ общему словарю—*tertium non datur*. Нельзя же заставлять пользующагося словаремъ отыскивать имя собственное въ двухъ мѣстахъ книги. При первомъ изданіи подобное дополненіе еще простительно: при второмъ — не можетъ быть допущено, тѣмъ болѣе, что на имена собственные было обращено вниманіе составителя авторомъ рецензіи, напечатанной въ апрѣльскомъ выпускѣ Журн. Мин. Народн. Просв. 1879 года, то-есть, вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ перваго изданія.

Способъ объясненія именъ собственныхъ нерѣдко слишкомъ обширенъ. Такъ, напримѣръ, подъ именемъ Θιέσπης мы читаемъ: „Оба

брата, Оіестъ и Атрей, прослыли въ преданіи взаимною враждою и взаимными злодѣаніями. Между прочимъ, разказывается, что Атрей, желая отмстить своему брату, пригласилъ его на пиръ и, заколовъ двухъ его сыновей, приготовилъ изъ нихъ пищу и предложилъ ее брату". Подъ именемъ Пелопъ разказывается: „По преданію, Пелопъ переселился изъ Малой Азіи въ Элиду и получилъ въ награду за побѣду въ конской скачкѣ дочь царя Элиды, Гипподамію, а съ нею и царство. Изъ сыновей его наиболѣе извѣстны Оіестъ, отецъ Эгиста, и Атрей, отецъ Агамемнона и Менелая. Отъ него получилъ названіе свое Пелопоннесъ, ἢ Πέλοπος νῆος“. Подъ именемъ 'Hρακλῆς исчисляются всѣ 12 подвиговъ Геракла; срв. еще Προμηθεύς, 'Ιριγένεια, Περσεύς, Τάνταλος и т. д. Подобнымъ разказамъ мифовъ не мѣсто въ греческо-русскомъ словарѣ, особенно когда эти сообщенія случайны; при многихъ именахъ собственныхъ нѣтъ такихъ подробностей, и потому пользующійся словаремъ не можетъ впередъ знать, стоить ли ему въ данномъ случаѣ обращаться за мифологическими свѣдѣніями въ лексикону, или нѣтъ.

Всѣ остальные слова, находящіяся въ словарѣ Шенкля, вошли и въ составъ словаря г. Вейсмана; иногда даже помѣщены слова, не занесенныя Шенклемъ. Не смотря на то, разсматриваемый лексиконъ относительно объема значительно уступаетъ словарю Шенкля. Это происходитъ отъ того, что слова, требующія, по обширности своего значенія и разнообразію употребленія, болѣе обстоятельнаго объясненія, разбираются гораздо короче, чѣмъ въ словарѣ Шенкля. Это само по себѣ представляется скорѣе преимуществомъ, нежели недостаткомъ, конечно, если отъ такого сокращенія не страдаетъ точность и полнота объясненія. Статьи, посвященныя подобнымъ словамъ, у г. Вейсмана принимаютъ другой видъ, чѣмъ у Шенкля, такъ что на первый взглядъ можно и не замѣтить, что онѣ выкроены изъ статей Шенкля. Но г. Вейсманъ часто затрудняетъ пониманіе логическаго развитія отдѣльныхъ значеній слова тѣмъ, что соединяетъ въ одну рубрику то, что Шенклемъ отнесено къ различнымъ рубрикамъ, и перемѣняетъ безъ видимой причины порядокъ распредѣленія значеній словъ. Изъ цѣлой груды различныхъ значеній, не распредѣленныхъ по логическимъ категоріямъ, выборъ подходящаго значенія въ данномъ случаѣ весьма труденъ особенно ученикамъ, тѣмъ именно читателямъ, которыхъ преимущественно долженъ былъ имѣть въ дѣйствительно имѣлъ въ виду составитель словаря. Только тогда, когда различныя значенія слова распредѣлены

часть ссл., отд. 1. 6

въ логическомъ порядкѣ, такъ, чтобы видно было, какъ одно значеніе вытекаетъ изъ другаго, можно основательно ознакомиться съ дѣйствительнымъ содержаніемъ понятія, выраженнаго даннымъ словомъ. Необходимо также, чтобы это распредѣленіе было обозначено внѣшними знаками, какъ-то: крупною печатью, буквами и цифрами, соотвѣствующими раздѣленіямъ общаго значенія слова.

На эту внѣшнюю сторону дѣла, значительно облегчающую пользование словаремъ, недостаточно обращено вниманія въ словарь г. Вейсмана. Въ доказательство справедливости изложеннаго выше замѣчанія позволяемъ себѣ сличить нѣсколько статей разбираемаго словаря съ соотвѣствующими статьями словаря Шенкля. Возьмемъ для примѣра слово λόγος; диспозиція у Шенкля слѣдующая: первоначальное, хотя утраченное въ греческомъ языкѣ, значеніе этого слова — собраніе; оно употребляется лишь въ переносныхъ значеніяхъ: А. слово и В. счетъ.

А. I. слово:

1. слово, рѣчь какъ способъ выраженія мысли;
2. рѣчь, какъ дѣйствіе;
3. бесѣда, разговоръ;
4. слово въ особенномъ, прегнантномъ, значеніи.
 - a) изреченіе, приказаніе;
 - b) торжественное обѣщаніе;
 - c) договоръ;
 - d) условіе;
 - e) научный разборъ, научное изслѣдованіе;
 - f) пустыя слова, предлогъ;

II. содержаніе словъ:

1. молва.
 - a) слава;
 - b) разказъ;
 - α) басня;
 - β) исторія;
2. прозаическое сочиненіе;
3. ораторская рѣчь;
4. научное положеніе;

III. то, о чемъ говорятъ:

- a) предметъ рѣчи;
- b) матеріалъ для рѣчи;

В. I. счетъ, въ собственномъ значеніи.

- a) счетъ, расчетъ;
- b) число, разрядъ;
- c) отчетъ;
- d) соотношеніе, пропорція;

II. въ переносномъ значеніи:

1. почитаніе вообще:
 - a) вниманіе, забота;
 - b) почтеніе, вѣсъ;
2. мышленіе вообще:
 - a) размышленіе;
 - b) мнѣніе;
 - c) желаніе;
 - d) разумное основаніе;
 - e) смыслъ или суть дѣла.

3. способность къ размышленію, разумъ.

Г. Вейсманъ сохраняетъ существенное содержаніе статьи Шенкля, помѣщаетъ даже почти дѣликомъ приведенные имъ примѣры изъ древнихъ авторовъ, но измѣняетъ порядокъ слѣдующимъ образомъ: вмѣсто указанія на первоначальное значеніе слова λόγος и объясненія изъ него двухъ главныхъ значеній, г. Вейсманъ нелогично принимаетъ три основныя значенія: dictum, oratio, ratio, нелогично потому, что dictum и oratio, какъ два вида одного и того же общаго понятія „говорить“, относятся другъ къ другу совершенно иначе, чѣмъ каждое изъ нихъ къ понятію ratio. Впрочемъ, это раздѣленіе, помѣщенное во главѣ статьи, ни къ чему не служитъ; въ статьѣ матеріалъ расположенъ по другимъ категоріямъ, а именно: I рѣчь, II счетъ и III разумъ; здѣсь опять II и III представляютъ однородныя понятія, въ противоположность первому значенію. Странно, что такое противорѣчіе самому себѣ не убѣдило г. Вейсмана въ томъ, что слово λόγος имѣетъ только два главныхъ значенія. Дальнѣйшія подраздѣленія также не отличаются строгою логичностію:

- I. a) слово (сказанное, не грамматическое ¹⁾); изреченіе (по смыслу иногда: приказаніе, общаніе); рѣчь (оратора); разговоръ, бесѣда;

¹⁾ Это выраженіе неудобопонятно. У Шенкля мы читаемъ въ соответствующемъ мѣстѣ:—nicht im grammatischen Sinne, wie λόγος, ὄνομα, ἔπος, sondern wie vox (im Gegensatz zu vocabulum).

- b) условіе, договоръ;
- c) предлогъ, отговорка;
- d) разказъ (устный), молва, преданіе, слава;
- f) ¹⁾ разказъ (писанный), исторія;
- fb) басня;
- g) проза, прозаическое сочиненіе;
- h) положеніе, опредѣленіе (въ философскомъ смыслѣ), ученіе;
- i) иногда въ значеніи дѣло;

- II. a) счетъ (число);
- b) отчетъ;
 - c) соотношеніе, пропорція, соразмѣрность;
 - d) въ пер.—значеніе, вѣсь;
 - e) въ пер.—вниманіе, работа.

- III. разумъ; разумное основаніе; причина; разсужденіе; мнѣніе; предположеніе; понятіе; смыслъ.

Послѣ пункта II. e) въ скобкахъ прибавлено слѣдующее примѣчаніе: „Значеніе фразъ подъ d и e можетъ быть выведено изъ перваго (?) значенія“. Лучше нельзя доказать, до чего мало г. Вейсманъ убѣжденъ въ состоятельности принятаго имъ раздѣленія, какъ этимъ добровольнымъ признаніемъ, что помѣщенные имъ въ однихъ пунктахъ значенія относятся и къ другому пункту. Примѣчаніе это выражаетъ своего рода критику заимствованнаго у Шенкля распредѣленія значеній; но Шенкль правъ, если выраженіе ἄλλος λόγος отдѣляетъ отъ выраженій πλείστον, ἐλαχίστου, οὐδενός λόγος εἶναι и λόγος τινός; ἔχει, ποιῶσαι; въ первомъ случаѣ λόγος имѣетъ значеніе „слово“, а во второмъ—„счетъ“.

Обращаемся къ другому примѣру, показывающему, что г. Вейсманъ не особенно заботится о точномъ и опредѣленномъ различеніи значеній. Значенія глагола οἶμαι, по его словамъ, слѣдующія: „a) полагать, думать, предполагать, предчувствовать; b) безличное οἶται думается, предчувствуется; c) οἶμαι часто употребляется, какъ вставочное предложеніе: думаю, полагаю“. Кажется, слово οἶμαι различныхъ значеній не имѣетъ, а только есть различіе въ употребленіи этого слова; однако есть существенная разница, прекрасно указанная Шенклемъ; онъ говоритъ: „meinen, glauben als Gegensatz von „wissen“: doch liegt häufig auch der Begriff des völlig Ueberzeugtseins

¹⁾ Буква e пропущена—неизвѣстно почему?

darinnen, wenn das Wort der Bescheidenheit wegen oder ironisch gebraucht wird. Im Besondern mit Bezug auf etwas Zukünftiges: a) ahnen, vermuthen, und zwar je nachdem dieses Gutes oder Schlimmes ist, hoffen oder argwöhnen, fürchten, b) gedenken, beabsichtigen, vorhaben, wollen". Затѣмъ слѣдуетъ весьма подробный перечень случаевъ управленія этого глагола, о чемъ у г. Вейсмана сказано весьма коротко. О различіи значеній прямо не говорится у г. Вейсмана, на это есть только намекъ въ примѣрахъ: οὐ γὰρ οἷω πολεμίζειν не думаю сражаться и ἐν κρώτοισι οἷω ἔμμεναι думаю, что и проч.

Указаніе на логическое развитіе значеній болѣе еще, чѣмъ въ знаменательныхъ словахъ, важно въ словахъ относительныхъ, какъ то: въ предлогахъ, союзахъ и мѣстоименіяхъ. Для примѣра, какъ подобнаго рода слова разбираются г. Вейсманомъ, возьмемъ слово οἷος; читается тамъ: „мѣстоименіе относительное (въ косвенныхъ вопросахъ: какой, каковой. qualis; a) οἷος τέ εἶμι; b) οἷος подвергается часто аттракціи, то-есть, ставится въ падежѣ того слова, къ которому относится; c) οἷος = ὅτι τοιοῦτος; d) οἷος при переводѣ служитъ для усиленія; e) οἷον и οἷα, какъ нарѣчіе, какъ, какъ бы; подобно тому, какъ; какъ напримѣръ". Въ этой статьѣ нѣтъ связи и послѣдовательности, а объясненіе аттракціи изложено въ ней неудобопонятно: сказавъ, что οἷος ставится часто въ падежѣ того слова, къ которому относится, авторъ продолжаетъ: „Аттракціи подвергается даже цѣлое относительное предложеніе, въ которомъ οἷος; вмѣстѣ съ глаголомъ вспомогательнымъ (глаголь εἶναι нельзя здѣсь называть вспомогательнымъ, а можно назвать связкой) есть сказуемое и имѣетъ при себѣ подлежащее, а именно: глаголь вспомогательный выпускается, а οἷος со своимъ подлежащимъ ставится въ падежѣ того слова, къ которому относится".

Относительно предлагаемыхъ въ словарѣ переводовъ и толкованій греческихъ словъ замѣтимъ слѣдующее: 1) Иногда нѣтъ перевода, но греческія слова объясняются: a) греческими же словами, напримѣръ, надъ словомъ θάμιζω: „οὐτι κομίζομαινός γε θάμιζεν = οὐτι θάμι ἐκομίζετο": здѣсь русскій переводъ (онъ не часто былъ предметомъ заботы) тѣмъ болѣе необходимъ, что слово κομίζω употреблено въ рѣдкомъ значеніи: „заботиться, ухаживать"; или b) латинскимъ словомъ, напримѣръ, θῆσα — латинскимъ tensa, а это слово, обозначающее колесницу, на которой въ Римѣ во время ludī circenses развозили изображенія боговъ, врядъ ли можетъ быть извѣстно уче-

никакъ. 2) Иногда слово совсѣмъ не переводится, но указываются только обороты, въ которыхъ оно встрѣчается, и обозначается общій смыслъ этихъ оборотовъ, напримѣръ, *θολερός* грязный, мутный, въ переводѣ *λόγοι* мутныя рѣчи, то-есть, неясныя, *θολερός χειμών* (*Soph.*) объ умопомѣшательствѣ (ср. Шенкль: *düsterer Sturm des Wahnsinns*); или: *θύελλα* буря; эпическое *πυρός θύελλα* о вулканахъ (ср. Шенкль: *von dem vulkanischen Sieden und Wallen der Charybdis*). 3) Переводъ бываетъ неточнымъ, напримѣръ, *θήγω* въ переносномъ смыслѣ не значитъ раздражать, а только возбуждать; подъ словомъ *λόγος* выраженіе *οὐ πολλῶ λόγῳ εἰπεῖν* не значитъ „чтобы не говорить много“, но „чтобы не распространяться о чемъ-либо“. 4) Иногда данный переводъ, хотя и соответствуетъ по смыслу греческому, но не поясняетъ греческаго выраженія, напримѣръ, *θυρός* (*θυρεῖν*) буйный, неукротимый, неистовый; слѣдовало сказать: „стремительный“, чтобъ ясно было производство слова отъ глагола *θυρεῖν*. Подъ словомъ *θυρός* выраженіе *εἰς κέρασ θυροῦσθαι* переводится = въ ярости угрожать рогами; слѣдовало объяснить значеніе предлога *εἰς*, какъ это и дѣлаетъ Шенкль: *gleichsam sich die Wuth ins Horn sammeln, damit die Wuth auslassen, in cornua trasci*. 5) Не всегда для выраженія греческаго слова подбирается точно соответствующее ему русское, но иногда частное понятіе при переводѣ замѣняется родовымъ; это, конечно, скорѣе всего можетъ случиться при словахъ, обозначающихъ предметы спеціальнаго назначенія, напримѣръ, одежду, утварь, орудія разнаго рода.

Но если для составителя словаря оказывается труднымъ найти въ этихъ случаяхъ подходящее выраженіе, то пользующійся словаремъ находится еще въ большемъ затрудненіи, если онъ въ словарѣ находитъ только общее обозначеніе вмѣсто настоящаго названія предмета; его положеніе дѣлается совершенно безвыходнымъ, если, къ несчастію, въ читаемомъ имъ мѣстѣ древняго автора встрѣчаются синонимы или названія подобнаго рода предметовъ. Если ученикъ при чтеніи Гомера долженъ пользоваться, какъ единственнымъ пособіемъ, словаремъ г. Вейсмана, то онъ не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, перевести, напримѣръ, ст. 468 слл. XII пѣсни Илиады; тамъ разказывается, какъ Андромаха, увидавъ со стѣны трупъ Гектора, влекомый лошадьми Ахиллеса, *τῆλε δ' ἀπὸ κρατὸς βάλε δέσματα σιγῶσαντα, ἄμφοσ κερύφαλον τε ἰδὲ πλεκτήν ἀναδέσμευν κρήδεμνόν τε... κ.т.λ.*

Русскій переводъ этихъ словъ, составленный при помощи разбираемаго словаря, былъ бы приблизительно таковъ: „далеко бросила

съ головы головныя повязки, повязку и сѣтку головныя и плетеную головную повязку и покрывало“ (вуаль, головную повязку). Въ чемъ состояли эти головные уборы, и чѣмъ различались они другъ отъ друга — объ этомъ въ словарѣ ничего не сказано; изъ пяти словъ только два слова нѣсколько отличены отъ остальныхъ, а именно: κεκρόφαλον—сѣть и κρήδεμνον—покрывало, вуаль; послѣднее не точно, потому что вуали не были въ употребленіи у гомеровскихъ женщинъ. Шенкль также не богатъ разными выраженіями для обозначенія частей женскаго головнаго убора, и у него также посредствомъ одного и того же слова Hauptbinde переводятся слова δέσματα, ἀναδέσμη и κρήδεμνον; но онъ при этомъ даетъ необходимыя разъясненія, напримѣръ, ἄμφοι Stirnband zum Zusammenhalten der Stirnhaare, κρήδεμνον ein Tuch, welches die Frauen bald zusammengelegt um die Stirn schlugen, bald wie einen Schleier vor das Gesicht zogen. Выраженіе wie einen Schleier, вѣроятно, послужило поводомъ къ переводу слова κρήδεμνον черезъ „вуаль“. Въ Гомеровскомъ словарѣ г. Краузе каждое изъ этихъ пяти словъ переведено другимъ словомъ: ἀναδέσματα — головной уборъ, ἄμφοι — повойникъ, κεκρόφαλον — чепчикъ, ἀναδέσμη — діадема (или плетеный жгутъ, обхватывающій голову), а κρήδεμνον — фата.

Указывая на нѣкоторые, замѣченные нами недостатки словаря, изъ которыхъ надобно считать наиболѣе существеннымъ недостаткомъ неточность въ распредѣленіи отдѣльныхъ значеній одного и того же слова, мы не имѣли въ виду доказать, что трудъ г. Вейсмана не заслуживаетъ уваженія, или что книга не имѣетъ достоинствъ. Первая несомнѣнная заслуга г. Вейсмана состоитъ въ томъ, что, послѣ долгаго промежутка времени, онъ первый предпринялъ такой громадный трудъ, каковымъ представляется составленіе греческо-русскаго словаря, учебнаго пособия, въ которомъ такъ сильно нуждались ученики нашихъ гимназій и студенты-филологи, а также и сами преподаватели. Вторая заслуга г. Вейсмана состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ выбрать для образца при составленіи своего словаря отличный учебный словарь Шенкля. Если г. Вейсману и не удалось украсить свой трудъ всѣми тѣми преимуществами, которыми можетъ похвалиться сочиненіе австрійскаго ученаго, то это въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что онъ не имѣлъ въ русской ученой литературѣ такихъ богатыхъ пособій, какія доставляла нѣмецкая ученоя литература составителю греческо-нѣмецкаго словаря; не слѣдуетъ также забывать, что русскій языкъ далеко еще не такъ

приспособленъ къ точной передачѣ греческихъ словъ и выраженій. какъ нѣмецкій, который выросъ и воспитывался подъ постояннымъ вліяніемъ латинскаго и отчасти греческаго языка, и въ которомъ выработались даже особый стиль и особая фразеологія для перевода древнихъ авторовъ. Всѣ эти нелегко преодолимые затрудненія, съ которыми приходилось бороться составителю греческо-русскаго словаря, не позволяютъ прилагать къ результатамъ его трудовъ высшую мѣрку, и по справедливости нельзя отрицать, что во многихъ отношеніяхъ онъ успѣлъ рѣшить свою задачу удовлетворительно. Напечатана его книга весьма хорошо и исправно; опечатки, искажающія смыслъ (какъ напримѣръ, подъ словомъ *φιρματιστής*, порицатель, вмѣсто прорицатель) весьма рѣдки. Греческо-русскій словарь, составленный г. Вейсманомъ,—книга весьма полезная и пока—лучшая въ своемъ родѣ.

II.

Рѣчь Цицерона о назначеніи Князя Помпея полководцемъ. Объяснилъ *Августъ Гюфманъ*. Третье изданіе, исправленное. С.-Пб. 1885.

Рѣчь Цицерона въ защиту Свкта Росція Америкскаго. Объяснилъ *Августъ Гюфманъ*, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи. С.-Пб. 1881.

Оба изданія принадлежать одному и тому же составителю, предназначены для одной и той же цѣли, и потому могутъ быть рассмотрѣны совмѣстно.

Комментированное изданіе избранныхъ рѣчей Цицерона, и именно тѣхъ, которыя по преимуществу читаются въ гимназіяхъ, есть дѣло существенно важное: въ рѣчахъ знаменитаго оратора учащійся встрѣчается съ такою массою данныхъ самаго разнообразнаго свойства, требующихъ разъясненія, что при помощи имѣющихся у него пособій—грамматики и лексикона—справиться съ нею не можетъ: тутъ необходимы спеціальныя указанія, и притомъ не исключительно грамматическія или стилистическія, но и реальныя. Кромѣ того, всякая рѣчь представляется сказанною *ad hoc*, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ, ознакомить съ которыми читателя тѣмъ болѣе необходимо, что изъ этого знакомства находитъ себѣ объясненіе значительное количество частныхъ, заключающихся въ рѣчи. Все это дѣлаетъ комментированное изданіе рѣчей Цицерона существенно необходимымъ. Не даромъ, поэтому, въ Германіи, Франціи и Англіи мы

имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ изданій, начавшихся уже давно — съ XVII вѣка— и продолжающихся понинѣ; нѣкоторыя, излюбленныя рѣчи, насчитываются въ этихъ изданіяхъ десятками. Поэтому, нельзя не признать существенно полезнымъ намѣреніе г. Гофмана дать и русскому учащемуся иностранству объяснительныя изданія нѣкоторыхъ изъ рѣчей Цицерона, приспособленныя къ потребностямъ гимназистовъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ эти рѣчи прочитываются.

Изданія эти не ученые, а учебныя, а потому искать въ нихъ чего-либо, двигающаго науку въ данномъ вопросѣ, неумѣстно: текстъ комментаторъ взялъ изъ изданія Гальма, съ небольшими измѣненіями. Гальмъ приобрѣлъ себѣ заслуженную репутацію знатока Цицерона и отличнаго педагога; его *Cicero's ausgewählte Reden* выдержали много изданій и до сихъ поръ ничѣмъ не замѣнены. Текстъ Гальма взять имъ, за немногими отступленіями, изъ 2-го изданія Цицерона, сдѣланнаго имъ совместно съ Байтеромъ и извѣстнаго подъ общимъ названіемъ изданія Орелли. Эта рецензія, основанная на довольно тщательномъ изученіи рукописнаго преданія, къ которому издатели отнеслись съ надлежащею осторожностію, до послѣдняго времени считалась лучшею и авторитетнѣйшею. Только недавно появилось другое изданіе, если не вытѣснившее вышеупомянутое, то во всякомъ случаѣ ставшее рядомъ съ нимъ — это изданіе К. Ф. В. Мюллера (*C. F. W. Müller*), къ которому въ настоящее время необходимо обращаться, какъ къ содержащему наиболѣе точныя данныя относительно рукописнаго преданія, и текстъ котораго представляется установленнымъ на основаніи наиболѣе твердыхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, это изданіе еще не окончено, и въ немъ имѣется лишь рѣчь pro Sexto Roscio. Критическихъ примѣчаній г. Гофманъ ввелъ въ свои комментаріи весьма мало. Это мы не поставимъ ему въ вину, принявъ во вниманіе, что въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ читается Цицеронъ, они являются мало пригодными для учащихся. Тѣмъ не менѣе, для наставниковъ было бы не безынтересно найти, хотя бы въ особомъ прибавленіи, разъясненіе нѣкоторыхъ критическихъ особенностей текста, въ родѣ: *Rosc. III, 8, tum [ad] hoc indignissimum est*, гдѣ слово *ad*, хотя и поставлено издателемъ въ скобкахъ, тѣмъ не менѣе, въ примѣчаніяхъ объясняется; или *ibid. IV, II. huc eidem quaestioni [index] praecesses* и т. д. Образцы такихъ критическихъ прибавленій можно найти во многихъ нѣмецкихъ изданіяхъ древнихъ классиковъ.

О своемъ комментаріи издатель говоритъ подробно въ предисло-

вінъ въ рѣчи за Секста Росція: „Примѣчанія къ тексту“—читаемъ мы такъ, — „составлены сообразно съ ихъ предназначеніемъ и данными условіями и цѣлями нашихъ гимназій. Главнѣйшею цѣлю при составленіи комментарий (і) было то, чтобы, съ помощью моихъ объясненій, юные читатели были въ состояніи, конечно, при собственномъ стараніи, вникнуть въ это прекрасное сочиненіе латинскаго писателя, не нуждаясь въ другихъ пособіяхъ, кромѣ своей учебной грамматики и словаря. Имѣя въ виду гимназическое юношество, какъ почти исключительный кругъ читателей этихъ толкованій, я, съ одной стороны, приводилъ, по мѣрѣ того, какъ самый текстъ подаетъ поводъ къ тому, все то, что, для точнаго и всесторонняго пониманія рѣчи, мнѣ казалось важнымъ или необходимымъ, а съ другой стороны, опустилъ всѣ такія свѣдѣнія, пониманіе которыхъ требовало бы большихъ познаній, нежели можно ожидать отъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; поэтому-то, я и не вдавался въ филологическое разсужденіе о вопросахъ, касающихся грамматики, критики текста и древностей, но представилъ только результаты научныхъ изслѣдованій, при чемъ старался низвести ихъ на степень пониманія учащихся въ такомъ видѣ, въ какомъ они мнѣ казались достаточными для толковаго чтенія автора. Довольно значительная часть примѣчаній къ тексту касается особенностей грамматики: они приведены въ видахъ того, что безъ основательнаго знанія грамматики осмысленное чтеніе писателя вообще не возможно, однако у меня не было намѣренія составить сборникъ грамматическихъ правилъ и не хотѣлось давать повода преподавателямъ тратить наибольшую часть урока, назначаемаго для основательнаго, направляемаго, главнымъ образомъ, къ пониманію содержанія и смысла рѣчи чтенія, на односторонній разборъ грамматическихъ вопросовъ; поэтому, подобныя указанія и приведены только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они казались необходимыми для разъясненія особенностей языка. Въ примѣчаніяхъ обращено надлежащее вниманіе и на особенное значеніе отдѣльныхъ словъ, на ихъ производство и метафорическое употребленіе, на риторическіе термины, въ особенности же на синонимическія выраженія, часто встрѣчаемыя въ этой рѣчи. Много мѣста удѣлено такъ-называемымъ вещественнымъ или реальнымъ примѣчаніямъ и между ними на первомъ планѣ — толкованіямъ о римскомъ правѣ: ихъ требуетъ содержаніе самой рѣчи, они же способствуютъ лучшему пониманію ея, а этимъ, конечно, увеличивается интересъ изученія. Чтобы довести учащихся до возможности точнаго и хорошаго перевода,

я обращалъ особенное вниманіе на передачу отдѣльныхъ словъ и оборотовъ; при этомъ я не удовольствовался поверхностнымъ перифразомъ, но старался передавать слова, безъ ущерба, разумеется, чисто русскому строю рѣчи, со всею силою, точностью и со всѣми оттѣнками мысли, держась, какъ можно ближе, подлинника и выводя истинное значеніе изреченія изъ его первоначальнаго понятія". Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ фразахъ и выраженіяхъ выписаннаго мѣста, представляющихся не вполнѣ удачными; выписали мы его съ цѣлю указать ту точку зрѣнія, съ которой смотритъ самъ авторъ на свой комментарий. Онъ придаетъ ему исключительно учебное значеніе: такое ограниченіе круга читателей нельзя не одобрить: уже прошла пора, когда писались комментарии для учащихся и учащихся вмѣстѣ, и, въ большинствѣ случаевъ, не удовлетворяли ни тѣхъ ни другихъ: для учащихся они были мало доступны, для учащихся—рядомъ съ учеными разъясненіями, представляли указанія непригодныя и излишнія. Имѣя, такимъ образомъ, въ виду только учащихся, г. Гофманъ не оставилъ безъ вниманія и того, что онъ составлялъ комментарий для русскаго юношества. Съ этою цѣлю онъ далъ своимъ объясненіямъ объемъ несравненно болѣе широкій, чѣмъ тотъ, который мы привыкли видѣти въ иностранныхъ изданіяхъ подобнаго рода: дѣйствительно, имѣя подъ руками массу весьма пригодныхъ, а иногда и превосходныхъ пособій, нѣмецкій или французскій читатель Цицерона можетъ довольствоваться въ комментированномъ изданіи ссылкой тамъ, гдѣ русскій учащійся, лишенный этихъ пособій, потребуетъ подробнаго изложенія того или другого факта. Мы дѣлаемъ это замѣчаніе для того, чтобы предупредить предъявленіе г. Гофману укоризны въ чрезмѣрномъ объемѣ, приданномъ имъ его объясненіямъ. Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ ближайшей ихъ характеристикѣ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о предпосланныхъ изданіямъ рѣчей введеніяхъ: къ рѣчи за С. Росція издатель присоединилъ очеркъ римскаго уголовнаго процесса, къ рѣчи pro lege Manilia — изложеніе историческихъ событій, при которыхъ была вызвана рѣчь Цицерона; затѣмъ къ тому и другому изданію присоединилъ обзорніе риторическаго построенія рѣчи. Это обзорніе, въ сжатомъ объемѣ, заключаетъ схему произведенія и представляется существенно важнымъ и даже необходимымъ: дѣло въ томъ, что рѣчи Цицерона, помимо другихъ достоинствъ, представляютъ превосходные образцы художественной диспозиціи ораторскихъ произведеній, на которыхъ

учащемуся легче всего можно ознакомиться съ этою стороною античнаго творчества, игравшею столь важную роль во всѣхъ произведеніяхъ древнихъ литературъ, а въ ораторскихъ по преимуществу. Думается, что было бы еще практичнѣе, еслибъ издатель отмѣтилъ главные отдѣлы рѣчи въ самомъ текстѣ, что придало бы его замѣчаніямъ еще болѣшую наглядность. Очеркъ римскаго уголовного процесса заключаетъ въ двухъ отдѣлахъ: а) краткій историческій очеркъ уголовного процесса и б) судоустройство и судопроизводство постоянныхъ судовъ (*quaestiones perpetuae*). Эта статья, хотя и не содержитъ въ себѣ новыхъ взглядовъ на отдѣльныя формы римскаго судопроизводства, составлена тѣмъ не менѣе толково и съ знаніемъ дѣла; у автора были подъ руками хорошія пособія, въ родѣ трудовъ Цумпта, Гейба, Загурскаго, благодаря которымъ авторъ сумѣлъ стать въ данномъ вопросѣ на высоту его современнаго разсмотрѣнія. Если и есть нѣкоторыя мѣста, вызывающія замѣчанія, то мѣста эти не многочисленны и не на столько важны, чтобы оказать влияние на правильность того, что сообщается авторомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

На стр. 2, говоря о *diuum viri perduellionis*, авторъ обобщаетъ случаи отказа царя отъ суда по этому преступленію; на такое обобщеніе источники намъ не даютъ права, такъ какъ приурочиваютъ этотъ отказъ къ единичному случаю убійства Гораціемъ своей сестры, при чемъ играло значительную роль не само *perduellio*, а то, что подлежащій смертной казни преступникъ былъ въ то же время спасителемъ своего отечества.

Стр. 3. Предѣлы провокаціи показаны несовѣтмъ точно: „въ Римѣ и на тысячу миль въ его окрестностяхъ“. Тысяча миль невѣрно передаетъ *mille passuum*, о которыхъ говорятъ источники (*Liv. III, 20 neque enim provocationem esse longius ab urbe mille passuum*).

Стр. 4. *Leges Valeriae Horatiae* неточно названы: *lex Horatiana*.

Стр. 7, гдѣ рѣчь идетъ о Гаѣ Гракхѣ: „Желая принести пользу партіи плебеевъ уничтоженіемъ могущества господствовавшаго сословія сената“ и такъ далѣе. Врядъ ли справедливо сенатъ времени Гракховъ называть сословіемъ; точно также сомнительнымъ представляется названіе *tribuni aetatis* сословіемъ, на стр. 14.

Стр. 14. Говорится, что Гай Гракхъ передалъ обязанности присяжныхъ судей сословію всадниковъ, а на стр. 15— что со времени Гая Гракха избирались въ присяжные и лица изъ другихъ сословій.

Стр. 16. „Занятіе (?) обвинителя могло быть очень выгоднымъ,

и часто избирали эту профессію (?) для пріобрѣтенія чести и славы; кромѣ того, оно (?) значительно содѣйствовало увеличенію юридическихъ познаній и развитію краснорѣчія". Фраза неудачная по формѣ и странная по содержанію.

Стр. 17. „Оправданіе (подсудимаго) было возможно въ двухъ случаяхъ: когда обвинитель ложно обвинялъ невиннаго, или когда небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу бывалъ причиною осужденія обвиняемаго“. Последнія слова невразумительны.

Стр. 18. „Но чтобы имѣть возможность въ уголовныхъ дѣлахъ обвинять и высшихъ должностныхъ лицъ, заставляли извѣстныхъ должностныхъ лицъ подавать въ отставку, чтобы за тѣмъ начать противъ нихъ процессъ“. Строго говоря, *de iure* римскій магистратъ во все время отправленія должности былъ несмѣняемъ, и потому не было возможности законнымъ путемъ заставить его подать въ отставку; если мы и встрѣчаемъ крайне рѣдкіе случаи такъ-называемой *abrogatio*, какъ напримѣръ, на *L. Tarquinius Collatinus, M. Marcellus* (VI в.), то они обставляются экстраординарными мѣрами и требуютъ непремѣнно распоряженія, изданнаго законодательнымъ путемъ.

Стр. 19. Говорится, что служба *scribae* не была правительственною, а что они находились на частной службѣ у предсѣдателя суда, тогда какъ *lictors, viatores* и *praesones* были государственными чиновниками и назначались на болѣе продолжительное время. Источники намъ говорятъ о томъ, что и *scribae* не зависѣли отъ магистрата, и что они также нерѣдко занимали свою должность пожизненно.

Число подобныхъ замѣчаній можно было бы увеличить, но мы полагаемъ, что и приведенныхъ достаточно для того, чтобы видѣть, что отдѣльныя неточности въ изложеніи автора не на столько важны, чтобы лишить его очеркъ римскаго уголовного процесса извѣстнаго значенія.

Переходимъ къ отчету о комментаріи и рассмотримъ сперва объясненія, приложенныя къ рѣчи *pro S. Roscio*, и затѣмъ—къ рѣчи *pro lege Manilla*. Мы отдѣляемъ эти объясненія потому, что, имѣя между собою много общаго, они тѣмъ не менѣе представляютъ и существенную разницу, которая, какъ будетъ показано ниже, сообщаетъ тому и другому комментарію нѣсколько различный характеръ.

Понятіе объ общемъ составѣ комментарія г. Гофмана можно составить по проведенной выше выпискѣ изъ предисловія: объясненія издателя касаются одинаковымъ образомъ какъ особенностей подлин-

ника грамматическихъ и риторическихъ, такъ и частныхъ реальныхъ; въ общемъ эти объясненія достаточно опредѣленны и обстоятельны, такъ что, дѣйствительно, содѣйствуютъ правильному пониманію и вѣрной передачѣ подлинника. Они сопровождаются надлежащими указаніями и ссылками на параллельныя мѣста, выписываемыми большею частью дословно; пріемъ этотъ вполне заслуживаетъ одобренія, такъ какъ опытомъ дознано, что при простыхъ цифровыхъ указаніяхъ они проходятъ большею частью безслѣдно; ученику обыкновенно не бываетъ ни времени, ни охоты, а иногда даже и возможности справляться по этимъ указаніямъ, и они въ огромномъ большинствѣ остаются мертвою буквой; между тѣмъ, будучи приведены *in extenso*, ссылки на параллельныя мѣста тутъ же останавливаютъ на себѣ вниманіе учащагося и приносятъ желаемую пользу.— Кромѣ нихъ, издатель помѣстилъ массу указаній на новую ученую литературу, списокъ которой приложенъ имъ въ началѣ книги: тутъ мы имѣемъ указанія на труды: Аваньева, Буслаева, Велишскаго, Келлера, Модестова, Пухты, Сгоюнина, Страхова-Негельсбаха, Корсена, Курціуса, Дрегера, Форчеллини, Госсрау, Гаазе, Кюнаста; Ланге, Марквардта, Моммзена, Нейе, Паули, Преллера, Рейна, Рейзига, Тейффеля, Ваничка и такъ далѣе. Сравнительное достоинство этихъ пособій различно, и нѣкоторыя изъ нихъ безъ ущерба для дѣла могли бы быть опущены. Такъ напримѣръ, можно было бы оставить безъ упоминанія и ссылки на книгу В.А. Беккера: „Гадль. Сцены изъ римской жизни“ времени Августа. Переводъ съ нѣмецкаго* (С.-Пб. 1876), которая представляетъ ничто иное какъ переводъ, и притомъ довольно плохой, фабулы извѣстнаго труда Беккера, не имѣющей ровно никакого научнаго значенія, и оставляетъ безъ передачи существенно важное, то-есть, экскурсы. Точно также можно бы не упоминать и книги Ильенкова: „Краткая латинская синонимика, изложенная по Дедерлейну“ (С.-Пб. 1845); помимо того, что книга эта значительно устарѣла, она давно уже вышла изъ продажи и даже сдѣлалась рѣдкостью. Но если бы даже и всѣ труды, на которые ссылается издатель, имѣли одинаковое ученое достоинство, все же можно усумниться въ томъ, полезны ли на нихъ ссылки въ комментаріѣ, предназначенномъ исключительно для учащихся. Предположимъ даже—что на самомъ дѣлѣ трудно предположить, — что у учащагося есть время и возможность заглянуть, напримѣръ, въ книгу Ланге или Моммзена; вынесетъ ли онъ изъ чтенія нѣсколькихъ страницъ ихъ учебниковъ желаемую пользу, и не окажется ли время,

которое онъ потратитъ при этомъ, употребленнымъ безплодно. Но труды Ланге и Моммзена суть труды, которые, при всей детальности и иногда мудрености ихъ изложенія, все же трактуютъ о такихъ матеріяхъ, которыя болѣе или менѣе доступны для гимназиста старшихъ классовъ. Но что сказать, напримѣръ, про трудъ Корссена: *Ueber Aussprache Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache*, въ которомъ съ трудомъ можетъ разобраться даже опытный гимназическій преподаватель, или про книгу его же: *Beiträge zur Italischen Sprachkunde*, наполненную полемикой Корссена съ его учеными антагонистами и доступную только для узкаго кружка спеціалистовъ? И цитаты на эти и имъ подобныя книги производятъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ и такія объясненія, чисто элементарнаго свойства, какъ напримѣръ, объясненіе понятія объективности, или указанія на опущеніе *ut* послѣ глаголовъ желать, требовать, послѣ *fac, factio* и такъ далѣе. Мы не колеблясь рѣшаемся признать всѣ вышеуказанныя мысли, какъ ненужную роскошь, совсѣмъ не пригодную для учащихся и мало полезную даже для учащихся.

Комментарій г. Гофмана на столько обширенъ и разностороненъ, что касается почти всѣхъ особенностей подлинника, заслуживающихъ замѣчанія въ какомъ-либо отношеніи; поэтому трудно указать что-либо, что было бы опущено издателемъ безъ объясненія, а между тѣмъ заслуживало бы такового: намъ представляется, что было бы не излишне, еслибы издатель обратилъ вниманіе на частности, въ родѣ слѣдующихъ: гл. I, 8, 2. *Ita fit, ut adsint propterea, quod officium sequuntur, taceant autem idcirco quia periculum vitant*. Здѣсь не излишне было бы указать на разницу оборотовъ: *propterea quod* и *idcirco quia*; гл. I, § 3, *multo plura dixisse quam dixisset putaretur*—достойно примѣчаніе полѣтѣтовъ въ *dixisse—dixisset*; гл. III, § 7, *ut audacium sceleri resistatis, innocentium calamitatem levetis et in causa Sex. Roscii periculum, quod in omnes intenditur, propulsetis*— тутъ слѣдовало бы обратить вниманіе на искусно проведенный *climax* въ глаголахъ: *resistatis, levetis, propulsetis*; то же слѣдуетъ замѣтить и въ гл. IV, § 9, *neque satis me commode dicere neque satis graviter conqueri neque satis libere vociferari posse intellego*; въ гл. IV, § 9, заслуживала бы вниманія адлиттерация: *opprimi me onere officii malo*. Но повторяемъ, такихъ мѣстъ, опущенныхъ издателемъ безъ объясненія, весьма мало, и его комментарий свободенъ отъ упрека въ неполнотѣ. Скорѣе можно было бы назвать его не въ мѣру об-

ширнымъ, если бы не принять во вниманіе высказаннаго въ началѣ рецензіи соображенія объ отсутствіи у русскихъ учащихся многихъ существенныхъ пособій.

Что касается содержанія примѣчаній, то оно въ общемъ представляется весьма удовлетворительнымъ: издатель обнаружилъ въ нихъ близкое знакомство съ литературою предмета, точное знаніе особенностей языка Цицерона, большой педагогическій тактъ въ выборѣ и развитіи объясненій. Всѣ эти достоинства дѣлаютъ изъ его труда явленіе весьма почтенное, заслуживающее признательности со стороны всякаго, кто интересуется развитіемъ классическихъ штудій въ нашей школѣ.

Частныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ подробностей докажутъ лучше всего справедливость только что сдѣланной оцѣнки:

Стр. 35. „Nobilis... назывался тотъ римлянинъ изъ сословія патриціевъ и плебеевъ, который“ и пр. Здѣсь неточно сказано: сословіе патриціевъ и плебеевъ, какъ будто бы тѣ и другіе образовали когда нибудь одно сословіе.

Стр. 42. „Per scelus... per luxuriam—преступнымъ образомъ... въ роскоши“. Удобою было бы передать по русски это per scelus... черезъ: „путемъ преступленія“.

Стр. 44. „О многихъ латинскихъ существительныхъ на—tas и отглагольныхъ на—io, которыя по своему богатому содержанію не могутъ быть выражены однимъ словомъ въ переводѣ на русскій языкъ см.“ и пр. Здѣсь, очевидно, имѣется въ виду не богатое содержаніе существительныхъ (выраженіе маловразумительное), но ихъ прегнантное значеніе.

Ibid. „orshus—сочный“. Лучше это слово передать черезъ русское: „тучный“.

Стр. 45. Примѣчаніе къ словамъ: sententias—iurandum можно было бы опустить, замѣнивъ его ссылкой на стр. 26 введенія.

Стр. 49. „Cum praesidio—, съ конвоемъ, состоящимъ изъ заступниковъ (advocati) и друзей подсудимаго“. По русски слово „конвой“ имѣетъ спеціальное значеніе и никакъ не можетъ быть приложено къ вліятельнымъ знакомымъ и друзьямъ подсудимаго.

Ibid. „Occidere первоначально ударить, caedere, кого-нибудь такъ, что онъ падаетъ, cadit“. Выраженное въ такой формѣ объясненіе можетъ навести учащихся на невѣрное предположеніе, не стоитъ ли occido въ связи съ cado.

Стр. 50. „Domesticus usus et consuetudo — знакомство и близкое

отношеніе съ ихъ семействомъ"—выраженіе неудачное, точно также какъ на стр. 54: „отношеніе патрона къ клиенту было наследствен- ное, между тѣмъ какъ отношеніе между патрономъ и вольноотпущен- нымъ перешло только къ дѣтямъ патрона и прекратилось во второмъ поколѣніи“, вмѣсто: „переходило“—и „прекращалось“.

Стр. 56. „Ne diutius teneam, iudices, societas colitur, то-есть, между Хрисогономъ и двумя братьями Титами Росціями“. Здѣсь слѣдовало бы указать на специальное значеніе слова *societas*, въ смыслѣ проти- возаконнаго сообщества.

Стр. 65. „Hercules. Культъ греческаго героя Геркулеса распро- странился черезъ греческія колоніи по Италіи, особенно въ Лаціумѣ. Въ Римѣ почитали его какъ благодѣтельнаго генія изобилія полей и творца всего богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ генія правды и вѣрности; имъ владѣли точно также, какъ и сабинскимъ геніемъ *Se- no sapius*“ и пр. Неизлишне было бы указать, что *Hercules* (*hercere, herciscere*) есть чисто латинское божество, слившееся только впослед- ствіи съ греческимъ Геракломъ.

Стр. 72. „*Nimigum* (= *ne nigum*, не чудно, не удивительно) „раз- умѣется“. Но рядомъ съ формою *nimigum* встрѣчаются, преимуще- ственно у комиковъ, и другіе обороты, въ родѣ: *nigum ni, nira sunt ni, nigum est ni, nisi nigum est*, указывающіе на иную этимологію слова. См. Ribbeck. *O. Beiträge zur Lehre von d. lateinisch. Partikeln*. p. 16.

Стр. 74. „*Ordinis*. Разумѣются римскіе помѣщики, занимавшіеся въ муниципальныхъ городахъ преимущественно земледѣліемъ“. Фраза, выраженная недовко, такъ какъ въ городѣ заниматься земледѣліемъ не возможно.

Стр. 78. „*Tribules*... Римскій народъ былъ раздѣленъ по мѣсту жительства на трибы, городскія и деревенскія“. Основаніемъ дѣленія на трибы было не мѣстожительство, но обладаніе поземельною соб- ственностью, сообразно съ мѣстонахожденіемъ которой ея владѣлецъ былъ приписанъ къ той или другой трибѣ.

Стр. 91. „*Monstrum*, ужасное явленіе, поражающее своимъ не- естественнымъ явленіемъ (?) и возбуждающее отвращеніе, „уродъ“— *Monstrum*, происходя отъ *monere*, первоначально обозначаетъ всякое явленіе вообще, затѣмъ, въ авгуральной терминологіи,—такое, которое, выходя изъ ряда обыкновенныхъ, предвозвѣщаетъ людямъ божеское наказаніе.

Ibid. „*Species, visus, cernitur* „видъ“, бросающійся въ глаза по своей части *scil.*, отд. 1.

наружности, напримѣръ, по свѣту; *figura* (отъ *figere*), „образъ“, фигура въ архитектурномъ отношеніи, то-есть, только по наружнымъ очеркамъ“. Здѣсь прибавка словъ „по свѣту“ непонятна.

Стр. 107. „*L. Cassius*. При неточномъ обозначеніи личности (нѣтъ граепомен) нельзя опредѣлить, и пр. Безъ сомнѣнія, вмѣсто граепомен издатель хотѣлъ сказать *согпомен*).

Стр. 114. „*Percussores*. Ораторъ употребляетъ слово *percussores* (убійцы) какъ болѣе мягкое выраженіе (*leviore nomine*) вмѣсто *sicarii* (бандиты)“. Неизлишне было бы прибавить, что подобное употребленіе входитъ въ область такъ-называемаго евфемизма.

Стр. 134. „*Geminus* (отъ корня санскр. *gama*, *copulare*, соединять)“. Помимо того, что подобное замѣчаніе излишне, оно въ добавокъ и невѣрно, такъ какъ даетъ учащемуся неправильное представленіе о происхожденіи латинскаго слова отъ санскритскаго.

Стр. 147. „*beatus* (считаетъ) богатымъ... *Beatus* значитъ, обыкновенно, блаженный“. Болѣе распространенное значеніе *beatus* будетъ чисто матеріальное, сообразно съ общераспространеннымъ у древнихъ взглядомъ на счастье, какъ на вѣншее довольство.

Переходимъ къ отчету о комментарий г. Гофмана къ рѣчи *pro lege Manilla*; мы отдѣляемъ его отъ предыдущаго не потому, чтобъ онъ существенно разнился по внутреннимъ своимъ качествамъ: и въ немъ мы видимъ то же знаніе предмета, ту же педагогическую опытность, то же умѣнье останавливать вниманіе читателя на существенно важномъ; отдѣлили мы его вслѣдствіе того, что по вѣншности онъ является несравненно болѣе приспособленнымъ нуждамъ и развитію учащихся, чѣмъ комментарий къ рѣчи за С. Росція.

Приспособленность эта сказывается, главнымъ образомъ, въ томъ, что издатель опустилъ всѣ указанія на новѣйшую литературу, о малопригодности которыхъ мы говорили выше. „Перечень сочиненій“, говоритъ онъ въ предисловіи къ третьему изданію, — „которыя мнѣ служили пособіемъ при составленіи комментарія, равно и ссылки въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ на тѣ же сочиненія, опущены въ новомъ изданіи; я убѣдился, что подобныя свѣдѣнія имѣютъ существенное значеніе только для немногихъ преподавателей и, поэтому, лишны въ учебной книгѣ, назначенной преимущественно для учащихся“. Разумность этой перемѣны нельзя не признать безусловно, и она-то сообщаетъ комментарий къ рѣчи *pro lege Manilla* (въ 3-мъ изданіи) тотъ особый оттѣнокъ, который побудилъ насъ отдѣлить его разсмотрѣніе отъ разсмотрѣнія предыдущаго. Кромѣ того, въ это изданіе г. Гоф-

манъ ввелъ гораздо большее число сопоставленій латинскихъ словъ и оборотовъ съ русскими (см. напр. стр. 1 *frequens conspectus*; 2 — *aditu laudis*; 6 *huic qui successerit*; *ibid. deposci atque expeti*; 7 *ipso-gum causa*; и т. д.), чего также нельзя не одобрить вполне; наконецъ третье, также заслуживающее одобрения измѣненіе, внесенное г. Гофманомъ въ 3-е изданіе, заключается въ ограниченіи и упрощеніи указаній на этимологию словъ, которыя своимъ обиліемъ могли отвлекать учащагося отъ непосредственной его задачи — пониманія текста Цицерона.

При томъ вниманіи, съ которымъ издатель отнесся къ улучшенію и исправленію комментарія, число мѣстъ въ немъ, возбуждающихъ недоумѣніе, или вызывающихъ возраженіе, незначительно. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Гл. 1, § 1. „*Agendum. Agere* употребляется здѣсь о высшихъ должностныхъ лицахъ (*magistratus maiores*), которыя представляли народному собранію, путемъ голосованія, окончательное рѣшеніе (принятіе или непринятіе) обсужденныхъ уже предложеній по государственнымъ дѣламъ“. Строго говоря, *ius cum populo agendi* имѣли не только *magistratus maiores*, но и трибуны народные.

Ibid. „dicendum. Въ народныхъ собраніяхъ (*contiones*)“ и пр. Здѣсь не излишне было бы указать на различіе между *contiones* и *comitia*, намекъ на которое былъ уже сдѣланъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

Гл. 1, § 2. „*propter dilationem comitiarum*. Предъ комиціями устанавливались гаданія, *auspicia*, состоявшія въ наблюденіи небесныхъ явленій или въ наблюденіяхъ птицъ; а когда авгуръ усматривалъ неблагоприятные признаки (напримѣръ, молнію), то онъ объявлялъ, что гаданія совершались ненадлежащимъ образомъ, и комиціи были откладываемы“. Примѣчаніе изложено не вполне точно, такъ какъ въ немъ смѣшаны два акта: совершеніе ауспцій передъ комиціями, при чемъ явленіе молніи, особенно съ лѣвой стороны, считалось знаменіемъ благоприятнымъ, и такъ-называемое *vitium*, то-есть, небесное знаменіе или какое-либо иное необычайное явленіе (напр. *torvus comitalis*), случавшееся во время самыхъ комицій и уничтожавшее значеніе всѣхъ актовъ, на нихъ совершившихся.

Гл. VI, § 16. „*familias* (на языкѣ осковъ *faama* = домъ“) и пр. Заявленіе невѣрное. Слова *faama* въ оскомъ нарѣчій нѣтъ; есть *faamat* = *habitat* и *famelo* = *familia*.

Ibid. „in portubus atque custodis. Въ гаваняхъ служители (*familia*) должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы товары, подлежащіе пошлинѣ,

не были пропускаемы. *Custodiae*... здѣсь обозначаетъ „сторожевые посты“. Правильнѣе было бы этихъ служителей назвать рабами, а терминъ *custodiae* передать черезъ: „кордонъ, кордонная линия“.

Гл. VII, § 17. терминъ *anacoluthia* лучше выразить по русски черезъ „непоследовательность“, чѣмъ черезъ „несвязность“.

Ibid. § 18. „*Partim*, обыкновенно употребляемое какъ нарѣчіе, часто, какъ и здѣсь, ставится какъ имя существительное“ и пр. Правильнѣе было бы сказать наоборотъ: *partim* есть архаическій *accusativus* отъ слова *pars*, употребляющійся обыкновенно, какъ нарѣчіе.

Ibid. „*A republica*. Коротко, вмѣсто *a rei publicae calamitate*“. Неизлишне было бы упомянуть, что подобные обороты, входящіе въ категорію такъ-называемаго *comparatio comparatiua*, встрѣчаются и въ греческомъ языкѣ.

Гл. XII, § 33. „*In... potestatem fuisse*. Нѣкоторые глаголы, означающіе: быть, находиться, принимаютъ... предлогъ *in* съ винительнымъ... И въ греческомъ языкѣ говорится: *παράγει εις την πόλιν*. Сравни съ русскимъ „прибывать въ городъ“. Русскій примѣръ къ данному случаю не относится.

Гл. XVII, § 51. „*At enim...* Слѣдующее за *enim* предложеніе заключаетъ въ себѣ причину къ возраженію, котораго ораторъ ожидаетъ отъ своихъ претивниковъ и которое онъ самъ себѣ дѣлаетъ союзомъ *at*“ и пр. Неизлишне было бы замѣтить, что подобный приемъ носитъ техническое названіе *oscuratio*.

Въ заключеніе, не можемъ не высказать одного пожеланія: комментаріи г. Гофмана заключаютъ въ себѣ такую массу разнообразнаго рода данныхъ, что представляются полезными не только для послѣдовательнаго чтенія и изученія, но даже и для справокъ; съ этою послѣднею цѣлью было бы весьма сообразно, если бы составитель присоединилъ къ нимъ обстоятельныя алфавитныя указатели.

III.

Пчеловодство-самоучитель. Священника Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, с. Любимова, А. И. Успенскаго. Изданіе 2-е. Тула. 1882. (Съ дополненіемъ для третьяго изданія).

Книга отца Успенскаго касается чисто-практической стороны ухода за пчелой въ ульѣ-болодѣ. Это составляетъ ея односторонность, на которой нужно прежде всего остановиться. Здравый

смыслъ и практика говорить, что предпочтеніе должно быть отдано тому улью, въ которомъ сподручно работать пчеляку, и отъ котораго можно получить большій доходъ. Съ этой точки зрѣнія разборные ульи стоятъ несомнѣнно выше ульевъ колодныхъ; съ этимъ согласенъ и самъ отецъ Успенскій; но, съ одной стороны, разборные ульи сравнительно очень дороги, а съ другой—въ нихъ можетъ работать только опытный пчеловодъ по этому теперь разборные ульи еще недоступны для большинства нашихъ русскихъ пчеловодовъ, особенно для крестьянъ, въ средѣ которыхъ отецъ Успенскій больше всего желаетъ развитія пчеловодства. Вотъ главныя основанія, вполне оправдывающія односторонность руководства отца Успенскаго. Нужно также обратить вниманіе и на то, что колодный улей не устраиваетъ рациональныхъ приѣмовъ пчеловожденія; а такъ какъ вся средняя и сѣверная полоса Россіи (за немногими исключеніями) водить пчелъ въ ульѣ-колодѣ, то въ такой книгѣ, какъ книга отца Успенскаго, есть настоятельная нужда, и она своими послѣдними изданіями составляетъ прекрасный вкладъ въ нашу сельско-хозяйственную популярную литературу. Конечно, и всякое хорошее руководство въ значительной степени даетъ возможность приложить рациональные приѣмы пчеловожденія къ уходу за пчелой въ ульѣ-колодѣ; тѣмъ не менѣе на практикѣ много встрѣтятся приѣмовъ, приложеніе которыхъ къ ульѣ-колодѣ потребуетъ своихъ особенностей. Вотъ эти-то особенности совершенно игнорируются лучшими нашими руководствами: Берлепша, Любенецаго, Табусина, Бутлерова, Куланды и другихъ. Подобно отцу Успенскому, Табусинъ въ своемъ руководствѣ излагаетъ уходъ за пчелой исключительно въ ульѣ Долиновскаго; но эта односторонность не мѣшаетъ руководству стоять на ряду съ руководствами безусловно прекрасными, какими у насъ считаются руководства Берлепша и Бутлерова, хотя ульи Долиновскаго большинствомъ русскихъ пчеловодовъ уже давно заброшены. Эта же односторонность не помѣшала Императорскому Вольному Экономическому Обществу, осторожному въ своихъ наградахъ, премировать это руководство своею высшею наградой—золотою медалью. Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, по нашему мнѣнію, односторонность книги отца Успенскаго, въ смыслѣ ухода за пчелой въ ульѣ-колодѣ, не можетъ служить препятствіемъ къ премированію этой книги.

„Самоучитель“ отца Успенскаго, обнимающій весь кругъ пчеловожденія, замѣчательнѣе прежде всего тѣмъ, что авторъ, передавая

извѣстный пчеловодный приемъ, довольно часто ставитъ его въ жизненные условия практики, согрѣваетъ его чувствомъ любителя пчеловодства и природы, и изложение является иногда почти художественнымъ. Примѣромъ можетъ служить стр. 102, гдѣ авторъ переноситъ способъ водсаживанія пчелъ для усиленія семьи. Подобные примѣры встрѣчаются на стр. 5, 37, 150 и друг. Такъ какъ авторъ употребляетъ этотъ удачный приемъ довольно часто, владѣя при этомъ сильною и образною рѣчью, то книга читается легко и пріятно. Однако мѣстами авторъ впадаетъ въ крайности этого приема и разказываетъ факты, которымъ не должно было бы отводить мѣста въ популярномъ руководствѣ, напримѣръ, на стр. 90, говоря о формѣ пчелинаго гнѣзда, авторъ пускается въ разсужденіе о шарообразности міровыхъ тѣлъ, кольцеобразности ихъ орбитъ и объ округленности въ нравственномъ мірѣ человѣка въ связи съ подобными явлениями въ жизни пчелъ, и все это мотивируетъ привычкой „благовѣстить благовременно и безвременно“. Подобные примѣры встрѣчаются на стр. 138, 139 и др. Недостаткомъ по изложенію является употребленіе иностранныхъ словъ, неумѣстныхъ въ популярномъ руководствѣ, значительное количество опечатокъ, мѣстные выраженія и неправильные обороты рѣчи, послѣдніе впрочемъ довольно рѣдко. Но изложение свободно даже отъ недомолвокъ, если не считать единственной замѣченной нами недомолвки о сбереженіи вошанокъ и медковъ: авторъ не упоминаетъ, что они должны быть по временамъ окуриваемы сѣрой, безъ чего въ иные годы ихъ не возможно бы-ваетъ уберечь отъ моли.

Мы уже упоминали, что матеріалъ, излагаемый въ руководствѣ, вполнѣ охватываетъ собою кругъ пчеловожденія. Если принять во вниманіе, что руководство имѣетъ въ виду улей-колоду, то можно сказать, что матеріалъ этотъ даетъ возможность вести пчеловодство на уровнѣ, требуемомъ современнымъ состояніемъ этого дѣла. Основаніемъ такому нашему мнѣнію служить то, что авторъ въ другой изданной имъ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Улей-колода“, вычисляетъ цѣли, достигаемыя наиболѣе усовершенствованными способами пчеловожденія, и доказываетъ, какъ онъ тѣхъ же цѣлей достигаетъ своими приемами въ ульѣ-колодѣ; а эти приемы и изложены обстоятельно въ его „Самоучителѣ“. Безспорно, что въ разборныхъ ульяхъ опытный пчеловодъ любую операцію сдѣлаетъ и лучше, и легче; но за отцомъ Успенскимъ всегда останется право сказать „моими прие-

мами, хотя не такъ чисто, но можно сдѣлать то же и въ ульѣ-колодѣ⁴.

Нѣкоторые изъ этихъ приѣмовъ даже прекрасны по своей идеѣ и оригинальности, какъ, на примѣръ, способъ искусственнаго роенія и способъ устройства медовиковъ чрезъ пристраиваніе одного улья (послѣ отбора роа) къ задней стѣнкѣ другаго. Эта опытная разумность, если можно такъ выразиться, и оригинальность приѣмовъ составляютъ несомнѣнное и весьма важное достоинство сочиненія отца Успенскаго. Практичность въ руководствѣ такъ велика, что ею иногда вполне оправдываются и приѣмы, неправильные съ теоретической точки зрѣнія; такъ, на примѣръ (стр. 44), совѣтъ исправлять ульи съ трутовками чрезъ подсаживаніе натуральныхъ матокъ безъ уничтоженія трутовки. Нужно однако замѣтить, что съ измѣненіемъ условій пчеловодства къ худшему, вопросъ о приведеніи пчелиныхъ семействъ въ наибольшую силу ко времени главнаго взятка, а также вопросъ о роеніи занимаетъ все болѣе и болѣе важное мѣсто, какъ въ пчеловодной литературѣ, такъ и въ практикѣ. Нельзя сказать, чтобъ отецъ Успенскій отвелъ въ своемъ руководствѣ должное мѣсто первому изъ этихъ вопросовъ и достаточно разработалъ второй. Останавливаясь на первомъ вопросѣ, авторъ указываетъ способы кормленія на черву, но при этомъ назначаетъ неправильные сроки кормленія и упускаетъ изъ виду, или упоминаетъ лишь мимоходомъ, другое весьма важное обстоятельство, именно — сбереженіе теплоты въ ульяхъ. Говоря о всякихъ вырѣзкахъ изъ улья и не упоминая о задымленіи вырѣзанныхъ мѣсть, а также не указывая нигдѣ способовъ уменьшенія гнѣзда съ цѣлью сбереженія теплоты, онъ даже прямо грѣшитъ противъ этого важнаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, на вопросѣ о теплотѣ въ ульяхъ для усиленія червленія авторъ не достаточно останавливается. Правда, колодные ульи сравнительно теплы; тѣмъ не менѣе неопытный пчеловодъ много сдѣлаетъ улучшеній, если не будетъ знать значенія теплоты въ ульѣ. Не вполне удачно рѣшевъ авторомъ и вопросъ о роеніи: первый и второй способы, имъ предлагаемые, совершенно неудовлетворительны. Самъ авторъ говоритъ о рояхъ, взятыхъ этимъ способомъ, что они побунтуютъ два-три дня, а затѣмъ пойдутъ въ работу. Но эти бунтующіе рои, во первыхъ, тратятъ время своего бунта совершенно непроизводительно; а во вторыхъ, этимъ бунтомъ они перепортятъ натуральные рои, которые будутъ выходить въ это время. Непонятно

также, почему авторъ въ каждомъ способѣ получения искусственнаго роя сносить съ своего мѣста тотъ улей, отъ котораго беретъ рой, и ни разу не говоритъ о постановкѣ роя на полета съ тѣмъ ульемъ, отъ котораго онъ взять. Остальные приемы роенія, предлагаемые авторомъ, хороши; а способъ, въ которомъ ульи названы именами птицъ, хорошъ и по идеѣ, и по своей оригинальности.

Кромѣ того, есть, конечно, въ книгѣ и другіе недостатки въ матеріалѣ, каковыми можно считать: а) отсутствіе теорій, б) отсутствіе указаній къ ограниченію вывода трутней; в) совѣты, удовлетворительный результатъ которыхъ сомнителенъ, г) совѣты, совершенно неправильные, и е) расположеніе матеріала, неудобное для справокъ. Примеромъ совѣтовъ съ сомнительными результатами могутъ служить указаные нами 1-й и 2-й способъ искусственнаго роенія (стр. 105 и 106), а также совѣтъ вносить вошанки за пчельникъ для того, чтобъ отвлечь воровство (стр. 75); совѣтъ перемѣнять матокъ съ пороками въ крыльяхъ (стр. 42) и друг. (стр. 94—о вѣшнихъ признакахъ качества матки; стр. 83 — объ оплодотвореніи матки; стр. 70—о разстояніи для перевозки пчелъ; стр. 4—о вѣшнихъ признакахъ качества рабочей пчелы).

Совершенно неправильные взгляды и совѣты встрѣчаются на слѣдующихъ страницахъ: на стр. 20, ширина сотовой рамки назначается вершокъ, а нужно $\frac{3}{4}$ вершка. На стр. 54 читается „И давъ сыту на волѣ, черезъ два, кончить кормъ въ недѣлю, въ полторы“. Впереди авторъ говоритъ, что начинать кормленіе сытой нужно за 4—5 недѣль до главнаго взятка, и тутъ же назначаетъ срокъ окончить кормленіе въ полторы недѣли. Время прекращенія кормленія обуславливается появленіемъ достаточнаго взятка въ полѣ; а если выполнить совѣтъ автора, то черва, усиленно заложная подъ влияніемъ кормленія, можетъ пропасть, и полторонедѣльное кормленіе принесетъ не пользу, а вредъ. О маткѣ-царицѣ авторъ говоритъ (стр. 66), что она повелѣваетъ въ ульѣ; на самомъ же дѣлѣ все ея дѣло состоитъ въ кладкѣ яичекъ. На стр. 77 авторъ говоритъ, что рой отыскиваетъ матку по издаваемымъ ею звукамъ; это не вѣрно: рой отыскиваетъ матку по запаху ея. На стр. 123 авторъ говоритъ, что можно вырѣзать голову улья, перворачивая его вверхъ ногами и обращая ноги въ голову; это не вѣрно, потому что противорѣчить естественнымъ свойствамъ строенія пчелинаго гнѣзда.

Разсматривая „Пчеловодство-Самоучитель“, намъ пришлось говорить больше о недостаткахъ, чѣмъ о достоинствахъ; но это никакъ не означаетъ того, что руководство имѣетъ больше отрицательныхъ свойствъ, чѣмъ положительныхъ. Указанные недостатки не роняютъ общаго достоинства сочиненія, такъ какъ почти всѣ не одобряемыя нами наставленія автора не имѣютъ первостепенной важности въ пчеловодствѣ и на практикѣ допускаются очень многими пчеловодами. Положительныя достоинства сочиненія, передъ которыми и недостатки блѣднѣютъ, заключаются въ слѣдующемъ: а) матеріалъ, излагаемый въ руководствѣ, охватываетъ полный кругъ пчеловоденія и даетъ возможность не только рационально вести его въ ульѣ-кокодѣ, но и поднять его производительность въ этомъ ульѣ почти до уровня, требуемаго современнымъ состояніемъ пчеловодной науки, съ ея разборными ульями; б) изложеніе въ общемъ отличается ясностью, краткостью и хорошею рѣчью; освѣщенное опытомъ и согрѣтое страстною любовью къ природѣ и пчеловодству, изложеніе, какъ замѣчено выше, мѣстами достигаетъ художественности.

Въ отношеніи и изложенія, въ книгѣ отца Успенскаго ясно отличаются два теченія: во первыхъ, его, такъ-сказать, дидактическая сторона, гдѣ авторъ даетъ свои совѣты и дѣлаетъ наставленія читателю-пчеловоду, какъ поступать ему въ извѣстныхъ случаяхъ, и во вторыхъ, сторона чисто описательная. Вотъ на удачу взятый образецъ дидактическаго рода изложенія.

Описывая первый день по выставкѣ ульевъ весной на пчельникѣ изъ омшаника (что дѣлать сразу и на ночь), авторъ говоритъ:

„Утромъ пчелы начнутъ облетываться.... Вечеромъ, когда ужъ онѣ летать перестали, нужно переслушать въ летки ¹⁾ всѣ ульи. Если улей, какъ сказано выше, гудитъ низкими басомъ и густо, значитъ—рой силенъ и во всемъ исправенъ. Гулъ прерывистый, какъ бы голосящій,—признакъ сиротства: рой обезматчилъ, или матка нездорова. Рой малосильный гудеть хотя слабо, но ровно. Повторяю: слушаете—улей молчитъ, стукнете пальцемъ по боку—жукнетъ и смолкнетъ; это значитъ: рой очень слабъ, но матка въ немъ есть. Безъ матки рой, послѣ стука, воетъ. Слушая пчелъ, нужно нюхать летки. Изъ летка хорошаго, во всемъ исправнаго улья пахнетъ пріятно, на

¹⁾ Летокъ—сигнажина или дыра въ ульѣ для входа и выхода пчелъ.

подобіе молочной каши; изъ плохихъ—гнидью, сыростью, кислотою. Ульи, слабо и неровно гудущіе, а равно и съ дурнымъ запахомъ, отмѣчать мѣломъ условнымъ знакомъ на самомъ ульѣ или въ спискѣ противъ нумера, если ульи занумерованы“ (стр. 33).

Рядомъ съ этими практическими наставленіями у автора проходятъ описанія или картины всей жизни пчельника въ разные его періоды, и должно сознаться, написанныя мастерскою рукою. Напримѣръ, стр. 37:

„Вообще весной нужно спѣшить осмотромъ пчельника, работать, на сколько хватитъ силъ, и прежде всего осмотрѣть сомнительныхъ... Иногда видишь, что улей весело летаетъ, а заглянешь въ нутро — тамъ гнѣздо мышинное, пчелы ѣдятъ верхомъ на мышахъ, иную заѣли, и она застряла внутри пчелинаго гнѣзда, разлагается—вотъ и прощай, сильный улей: слетитъ. Трудна достается первая недѣля по выставкѣ, труднѣй всякой недѣли въ году на большомъ пчельникѣ; но пошли Господи всякому такое наслажденіе въ трудѣ, особенно если стоять хорошая погода. Что тутъ раздѣлываютъ пчелы—передать нельзя! И смѣхъ, и грѣхъ съ ними... Шумъ, ревъ, драка на колодезняхъ ¹⁾; тамъ, глядишь, пчела-воръ нашлась, какъ пудя и улетываетъ, какъ бы не догнали; тамъ вора поймали—за пельки ²⁾ тянутъ; тамъ погребальная процессія—мертвую пчелу изъ летка тянутъ; тамъ стрекаетъ, какъ молнія, рой передъ колодезней, съ горя не зная, что дѣлать съ мышью; тамъ уцѣпились пчелы за соломинку, застрявшую въ леткѣ отъ затычки... И посередиться-то некогда. „Олухъ! тебѣ кричали, глины подай, а ты приперъ курушекъ ³⁾... Бѣги скорѣй!“.. Только олухъ задумалъ обидѣться, какъ типнетъ его пчела подъ лытками: пропала и обида, усѣвай почесываться и бѣжать подъ общій хохотъ сотрудниковъ... Надо всѣмъ этимъ парить широкое облако торжествующей пчелы, и міръ съ своими дрязгами забыть, весь остался за убогимъ плетнемъ!“

Подобныхъ мѣстъ въ книгѣ отца Успенскаго можно бы указать очень много (напримѣръ, на стр. 61). Но и приведенной выписки достаточно, чтобы судить о писательскомъ талантѣ автора. Видно, что онъ глубоко изучилъ свое дѣло, страстно любитъ его, наблюдалъ

¹⁾ Покрышка на ульѣ.

²⁾ Виски, гудри, волоса, космы и пр.

³⁾ Курево для подкура пчелъ.

его малѣйшія особенности и подробности, и эта любовь и наблюдательность даютъ удивительную ясность его взгляду и слову, увлекательность и картинность въ изображеніяхъ, въ которыхъ, сверхъ того, что хочетъ нарисовать или разказать повѣствователь, видѣнъ и онъ самъ, видна его поэтическая душа, сроднившаяся съ тою частью Божьяго міра, какая дана въ удѣлъ пасѣчнику. Многія мѣста его книги, безъ сомнѣнія, могутъ быть поставлены на ряду съ картинками и описаніями изъ жизни рыболова и охотника въ „Запискахъ объ уженъѣ“ и въ „Запискахъ ружейнаго охотника“ С. Т. Аксакова.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (20-го мая 1885 года). Объ открытіи въ Сумскомъ реальномъ училищѣ двухъ низшихъ классовъ, въ замѣнъ коммерческаго отдѣленія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи въ Сумскомъ реальномъ училищѣ двухъ низшихъ классовъ, въ замѣнъ коммерческаго отдѣленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николай.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи въ Сумскомъ реальномъ училищѣ двухъ низшихъ классовъ, въ замѣнъ коммерческаго отдѣленія, мнѣніемъ положилъ:

1) Открыть, съ 1-го іюля сего года, въ Сумскомъ реальномъ училищѣ два низшихъ класса, въ замѣнъ существующаго тамъ коммерческаго отдѣленія.

2) На содержаніе упомянутыхъ классовъ обратить отпускавшіеся изъ казны на коммерческое отдѣленіе три тысячи пятьсотъ рублей, а недостающую сумму, въ размѣрѣ 1,420 рублей, покры-

вать на счетъ средствъ, жертвуемыхъ для сего мѣстнымъ городскимъ обществомъ.

3) Могущіе быть остатки отъ штатныхъ суммъ на содержаніе двухъ нижнихъ классовъ Сумскаго реального училища раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціальную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю мѣстнаго городского общества, оставлять въ распоряженіи сего общества, для употребленія на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

7. (28-го мая 1885 года). О сокращеніи сроковъ на выслугу пенсій лицамъ женскаго пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта о сокращеніи сроковъ на выслугу пенсій лицамъ женскаго пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николай.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о сокращеніи сроковъ на выслугу пенсій лицамъ женскаго пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ, мнѣніемъ положилъ: въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: лицамъ женскаго пола, служащимъ по учебно-воспитательной части въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ, при совершенномъ оставленіи ими службы, назначаются пенсіи: прослужившимъ отъ 15 до 20 лѣтъ — въ размѣрѣ половины оклада, а прослужившимъ 20 лѣтъ и болѣе — въ размѣрѣ полнаго оклада, присвоеннаго должности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (28-го мая 1885 года). Объ учрежденіи при попечителѣ Кавказскаго учебнаго округа должности третьяго окружнаго инспектора.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при попечителѣ Кавказскаго учебнаго округа должности третьяго окружнаго инспектора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николай.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при попечителѣ Кавказскаго учебнаго округа должности третьяго окружнаго инспектора, мнѣніемъ положила:

1) учредить въ Кавказскомъ учебнаго округѣ должность третьяго окружнаго инспектора, съ служебными правами, предоставленными по нынѣ дѣйствующему штату инспекторамъ сего округа;

2) потребныя на содержаніе упомянутаго инспектора три тысячѣ рублей вносить ежегодно, начиная съ 1-го января 1886 года, въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія; и

3) увеличить до четырехъ процентовъ производимое нынѣ отчисленіе изъ спеціальныхъ средствъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа для покрытія расходовъ по издаванію и продолженію трудовъ барона Услара.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (11-го іюня 1885 года). Объ окладахъ пенсій должностнымъ лицамъ Курской земской учительской школы.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ окладахъ пенсій должностнымъ лицамъ Курской земской учительской школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ Новосильскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ окладахъ пенсій должностнымъ лицамъ Курской земской учительской школы, мнѣніемъ положилъ: должностнымъ лицамъ означенной земской учительской школы присвоить оклады пенсій, положенные для правительственныхъ учительскихъ семинарій, а именно: директору одну тысячу рублей, законоучителю и преподавателямъ по шестисотъ рублей, съ тѣмъ, чтобы въ отношеніи источника, изъ котораго должны быть производимы эти пенсіи, были сохранены правила, изложенныя въ Высочайше утвержденномъ, 18-го октября 1875 года, мнѣніи государственнаго совѣта, о правахъ на пенсіи должностныхъ лицъ земскихъ учительскихъ семинарій и школъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

3-го іюня 1885 года (№ 9-й). Назначаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Флоринскій — попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа.

Профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Кирпичевъ — директоромъ Харьковскаго практическаго технологическаго института, съ 1-го іюля 1885 года.

Дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Скоробогатый — дѣлопроизводителемъ V класса сего департамента.

Утверждаются: коллежскій совѣтникъ Давыдовскій, отставной коллежскій ассессоръ князь Аргутинскій-Долгоруковъ и гельсингфорскій вунецъ Синебрюховъ — почетными попечителями гимназій: первый — Тобольской, второй — Тифлисской первой и послѣдній — Гельсингфорской мужской; изъ нихъ Давыдовскій и Синебрюховъ на три года.

Статскій совѣтникъ Хайновскій — почетнымъ попечителемъ

содержимаго имъ частнаго реальнаго училища въ Москвѣ на три года.

Командируются съ ученою цѣлю за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ — на девять дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитскій, ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лиція, статскій совѣтникъ Тарасовъ, и доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, надворный совѣтникъ Краузе — на лѣтнее вакаціонное время 1885 года.

Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ Струве—на три мѣсяца.

Увольняется въ отпускъ: попечитель Харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Воронцовъ-Вельяминовъ—на двадцать восемь дней, въ разныя губерніи Россіи.

Объявляется Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе: директору Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайному совѣтнику Струве—за особые труды по сооруженію при означенной обсерваторіи новаго рефрактора.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

14. (14-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Николая Алексѣевича Стремоухова при Курской гимназій.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ статскимъ совѣтникомъ Н. А. Стремоуховымъ на дѣло народнаго образованія капитала, простирающагося до одной тысячи рублей, учреждается при Курской мужской гимназій одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ государственнаго банка хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія назначается одному изъ учениковъ Курской гимназіи изъ дѣтей бѣднѣйшихъ дворянъ Львовскаго уѣзда.

§ 4. Назначеніе стипендіата принадлежитъ Львовскому уѣздному предводителю дворянства по сношенію его съ начальствомъ гимназіи относительно нравственныхъ качествъ кандидата, если онъ уже обучается въ гимназіи.

§ 5. Стипендіатъ лишается стипендіи въ случаѣ улучшенія матеріальнаго положенія его родителей или его самого, а также вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія и малоусиѣнности, и стипендія предоставляется другому ученику.

§ 6. Въ случаѣ оставленія стипендіата въ томъ же классѣ на второй годъ по безуспѣшности его въ ученіи, продолженіе выдачи ему стипендіи зависитъ отъ согласія на то предводителя дворянства.

§ 7. Стипендія употребляется на плату за ученіе въ гимназіи и на приобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій, равно какъ на удовлетвореніе другихъ нуждъ стипендіата, какъ ученика гимназіи.

§ 8. Деньги на эти послѣдніе расходы выдаются на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата или же расходуются по непосредственному распоряженію начальства гимназіи.

§ 9. Могушіе образоваться остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 10. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (14-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ при Самаркандскомъ, Ташкентскомъ, Перовскомъ, Казалинскомъ и Петро-Александровскомъ городскихъ училищахъ въ память двадцати пятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 28 день февраля 1885 года, при Самаркандскомъ, Ташкентскомъ, Перовскомъ, Казалинскомъ и Петро-Александровскомъ городскихъ училищахъ учреждается по двѣ стипендіи на счетъ процентовъ съ капитала въ тридцать двѣ тысячи шестьсотъ пятьдесятъ руб., пожертвованнаго Бухарскимъ эмиромъ въ память двадцати пятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II.

§ 2. Капиталь, обезпечивающій стипендіи, заключается въ облигаціяхъ 1-го, 2-го и 3-го восточныхъ займовъ, изъ которыхъ 28 облигацій по 1000 р., 46—по 100 руб. и 1 въ 50 руб.

§ 3. Въ случаѣ выхода облигацій въ тиражъ, капиталъ обращается въ соответственныя государственныя процентныя бумаги.

§ 4. На полученные съ капитала проценты при Самаркандскомъ, Ташкентскомъ, Перовскомъ, Казалинскомъ и Петро-Александровскомъ городскихъ училищахъ содержится по два стипендіата, съ платою за нихъ по 150 р. въ годъ.

Въ случаѣ увеличенія или уменьшенія штатовъ содержанія воспитанниковъ въ ученическихъ квартирахъ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края, Туркестанскому генераль-губернатору предоставляется право, сообразно этому, увеличить или уменьшить и размѣры самыхъ стипендій.

§ 5. Могущій образоваться остатокъ долженъ быть обращаемъ въ процентныя бумаги для образованія, на указанныхъ основаніяхъ, по усмотрѣнію Туркестанскаго генераль-губернатора, новыхъ стипендій.

§ 6. Назначеніе на стипендіи предоставляется Туркестанскому генераль-губернатору.

§ 7. Означенными стипендіями могутъ пользоваться только бухарскіе подданные.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на пользующихся ими никакихъ особыхъ обязательствъ.

§ 9. Стипендіаты пользуются предоставленными имъ стипендіями только во время обученія ихъ въ училищѣ.

и § 10. Въ случаѣ полной неуслѣшности или неодобрительныхъ поступковъ со стороны стипендіатовъ, педагогическимъ совѣтамъ означенныхъ училищъ предоставляется право входить установленнымъ порядкомъ къ Туркестанскому генераль-губернатору съ представленіемъ о лишеніи ихъ получаемыхъ стипендій и предоставленіи послѣднихъ другимъ кандидатамъ.

16. (14-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіи врача коллежскаго совѣтника Павла Андреевича Верболозова, при Николаевской Александровской гимназій.

Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго врачомъ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Андреевичемъ Верболозовымъ капитала, простираю-

шагося до двухъ тысячъ шестисотъ рублей, учреждается при Николаевской Александровской гимназій стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственнаго банка, составляетъ неприкосновенную собственность Николаевской Александровской гимназій и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ ея въ Николаевскомъ казначействѣ.

§ 3. Билеты, по выходѣ въ тиражъ погашенія, обмѣниваются, по опредѣленію педагогическаго совѣта сей гимназій, на такія же или другія государственныя процентныя бумаги, а имѣющая получиться вслѣдствіе сего прибыль присоединяется къ стипендіальному капиталу.

§ 4. До поступленія въ число учениковъ названной гимназій внука завѣщателя, сына капитанъ-лейтенанта Николая Верболозова, Павла Верболозова, назначеннаго стипендіатомъ самимъ завѣщателемъ, проценты съ стипендіальнаго капитала, а равно 18 р. 42 к., получившіеся послѣ обмѣна завѣщаннаго капитала на билеты государственнаго банка, обращаются въ государственныя процентныя бумаги и присоединяются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Со дня поступленія въ число учениковъ Николаевской Александровской гимназій Павла Верболозова, онъ, согласно волѣ завѣщателя, считается стипендіатомъ его имени и получаетъ проценты съ образовавшагося къ этому времени въ билетахъ стипендіальнаго капитала.

§ 6. Право Павла Верболозова на пользованіе стипендіей прекращается: а) по окончаніи имъ полнаго гимназическаго курса, б) съ увольненіемъ его изъ Николаевской Александровской гимназій по опредѣленію педагогическаго совѣта безъ права поступленія въ эту же гимназію, еслибы таковое воспослѣдовало, в) по истеченіи десятилѣтняго срока, со дня утвержденія сего положенія, если онъ, Павелъ Верболозовъ, до истеченія этого срока не поступитъ въ число учениковъ Николаевской Александровской гимназій, г) въ случаѣ заявленія родителей или опекуновъ Павла Верболозова объ отказѣ пользоваться стипендіей и д) въ случаѣ его смерти.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выбитія Павла Верболозова изъ числа учениковъ Николаевской Александровской гимназій безъ причины, мѣшающей ему вновь поступить въ число учениковъ этой гимназій, онъ лишается права полученія стипендіи, но приобретаетъ это право вновь, если опять вступить въ число учениковъ Николаевской Александровской гимназій до истече-

ніа десятилѣтняго срока, со дня утвержденія настоящаго положенія; образовавшіеся же за время его небытности въ гимназіи проценты причисляются порядкомъ, указаннымъ въ пунктѣ четвертомъ сего положенія, къ стипендіальному капиталу.

§ 7. По прекращеніи пользованія стипендіей внука завѣщателя Павла Верболозова, педагогическій совѣтъ Николаевской Александровской гимназіи избираетъ въ стипендіаты одного изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ Николаевской Александровской гимназіи, православнаго исповѣданія и, согласно волѣ завѣщателя, преимущественно изъ сиротъ.

§ 8. Стипендіатъ, избранный педагогическимъ совѣтомъ, лишается стипендіи: а) вслѣдствіе неодобрительнаго его поведенія или дурныхъ успѣховъ, по лѣности и б) въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ его средствъ, дающихъ ему возможность продолжать ученіе безъ помощи стипендіи.

§ 9. Если стипендіатъ остается въ томъ же классѣ на второй годъ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то продолженіе или прекращеніе ему стипендіи зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта.

§ 10. Стипендія употребляется на плату за право ученія въ гимназіи стипендіата, а остатки выдаются ему пополугодно въ февралѣ и сентябрѣ.

§ 11. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (24-го іюня 1875 года). Положеніе о стипендіи имени св. Кирилла и Меѳодія при Якобштадтскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, учреждается при Якобштадтскомъ городскомъ училищѣ одна стипендія имени св. Кирилла и Меѳодія, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго Прибалтійскимъ православнымъ братствомъ Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери въ ознаменованіе дня чествованія славянскихъ первоучителей.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ,

остається навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ Якобштадтскомъ уѣздномъ казначействѣ въ вѣдѣніи училищнаго начальства, а проценты съ онаго обращаются на стипендію одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ православнаго исповѣданія, воспитывающихся въ Якобштадтскомъ городскомъ училищѣ.

§ 3. Стипендіаты избираются братствомъ, лишеніе же стипендіи за дурное поведеніе, малоусидѣнность въ наукахъ и по другимъ причинамъ предоставляется педагогическому совѣту Якобштадтскаго городского училища, о чемъ увѣдомляется братство.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала обращаются прежде всего на взносъ платы за ученіе; остающаяся за симъ сумма употребляется на содержаніе стипендіата.

§ 5. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остающіеся не выданными проценты причисляются къ капиталу, и когда основной капиталъ возростетъ до тысячи рублей, то учреждается вторая стипендія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18. (28-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Тверскаго купца Владиміра Григорьевича Чибисова, учреждаемыхъ при Тверской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Тверской Маріинской женской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи имени Тверскаго купца В. Г. Чибисова, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго имъ на этотъ предметъ и заключающагося въ одной облигаціи 2-го восточнаго займа за № 54,382, въ одну тысячу рублей, и двухъ облигаціяхъ того же займа за №№ 265,787 и 321,730, въ сто рублей каждая.

§ 2. Стипендіальный капиталъ въ одну тысячу двѣсти рублей, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, а проценты съ него употребляются ежегодно на взносъ платы за ученіе въ гимназіи двухъ стипендіатокъ.

§ 3. Стипендіатками могутъ быть дочери лицъ всѣхъ сословій; но при этомъ онѣ должны быть непременно кореннаго русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія.

§ 4. Стипендіи замѣщаются преимущественно дочерьми бѣдныхъ родителей, служащихъ на фабрикѣ „Товарищества Тверской мануфактуры“; при неимѣніи же ихъ, на эти стипендіи принимаются дочери бѣдныхъ родителей обывателей города Твери.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно В. Г. Чибисову; послѣ же его смерти право это переходитъ къ попечительному совѣту гимназій.

§ 6. Стипендіатки пользуются правомъ получать стипендіи во все время ученія ихъ въ гимназій и лишаются этого права лишь вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ, происходящей отъ лѣности.

§ 7. Остатокъ, могущій быть отъ суммы процентовъ, означенныхъ въ § 2 сего положенія, выдается стипендіаткамъ въ видѣ вспоможенія, но не иначе какъ при условіи окончанія ими полнаго курса ученія въ гимназій; въ противномъ случаѣ остатокъ этотъ сохраняется для слѣдующихъ стипендіатовъ.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

19. (30-го іюня 1885 года). Положеніе о стипендіи имени надзирательницы Люблинской женской гимназій, Софіи Кириловны Жиліяй.

(Утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на собранный отъ почитателей надзирательницы Люблинской женской гимназій Софіи Кириловны Жиліяй капиталъ въ одну тысячу шестьсотъ пятьдесятъ рублей, въ билетахъ восточнаго займа, учреждается стипендія при Люблинской женской гимназій имени Софіи Кириловны Жиліяй.

§ 2. Стипендіальный капиталъ находится въ депозитѣ Польскаго банка и состоитъ въ распоряженіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, которому предоставляется, въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ восточнаго займа, составляющихъ стипендіальный капиталъ, покупать новыя государственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги.

§ 3. Стипендіей имѣютъ право пользоваться воспитанницы Люблинской женской гимназій безъ различія вѣроисповѣданія во все

время пребыванія въ гимназій, если по своему прилежанію и поведенію будутъ этого признаны достойными педагогическимъ совѣтомъ гимназій.

§ 4. Въ случаѣ вакансіи по этой стипендіи, педагогическій совѣтъ Люблинской женской гимназій избираетъ трехъ кандидатокъ для представленія и выбора одной изъ нихъ Софією Кириловной Жиліяй.— Послѣ смерти Жиліяй выборъ кандидатокъ принадлежитъ педагогическому совѣту Люблинской женской гимназій. Утвержденіе кандидатокъ на эту стипендію принадлежитъ попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

§ 5. О всякой вакантной стипендіи доводится до общаго свѣдѣнія трехкратнымъ опубликованіемъ о томъ въ Люблинскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіату никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Этимологія русскаго языка для нѣвѣдшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили А. Кирпичниковъ и Ѳ. Гиляровъ. Изданіе 20-е, исправленное и дополненное по „Руководству“ Академіи Наукъ (51 десятокъ тысячъ). Москва. 1885. Цѣна 40 коп.“—рекомендовать какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Синтаксисъ русскаго языка примѣнительно къ правописанію. Составилъ А. Кирпичниковъ. Изданіе 15-е, исправленное по „Руководству“ Академіи Наукъ. Москва. 1885. Цѣна 40 коп.“—рекомендовать какъ руководство для гимназій и прогимназій (мужскихъ и женскихъ), реальныхъ и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Фонетика русскаго и древне-церковно-славянскаго языка (опытъ элементарнаго изложенія теорій звуковъ названныхъ языковъ). Издана Новгородскимъ губернскимъ земствомъ въ ознаменованіе тысячелѣтней памяти равноапостольныхъ первоучителей славянъ Кирилла и Меводія (6-го апрѣля 1885 года). Составилъ Рома-

новичъ. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб."—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для бібліотекъ учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Русская хрестоматія. Часть I. Для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Петръ Смирновскій. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1884. Цѣна 85 коп."—одобрить какъ учебное пособіе для первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Русская хрестоматія для приготовительнаго класса средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста и орфографическихъ упражненій. Составилъ Н. Покровскій, преподаватель Маріинскаго института. Часть I. Москва. 1885. Цѣна 50 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ географіи Н. Раевскаго, главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1885. Въ трехъ книжкахъ: I. Описаніе земнаго шара. 64 стр. Цѣна 50 коп.—II. Вѣв-европейскія страны. 82 стр. Цѣна 50 коп. — III. Западная Европа. 68 стр. Цѣна 60 коп."— допустить въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Школьное изданіе. Сочиненія И. С. Никитина съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, подъ редакціей С. Миропольскаго. С.-Пб. 1885. Цѣна 1 руб. 252 стр."—допустить въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Руководство въ начальному обученію библіи священной исторіи и древне-еврейскому языку, для русско-еврейскихъ дѣтей младшаго возраста. Составилъ Л. Р. Клячко. Варшава. 1883"—допустить въ употребленію въ еврейскихъ училищахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министр народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Саратовской гимназій, съ начала будущаго 1885—1886 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ двадцати-шести до тридцати руб., а въ остальныхъ классахъ съ сорока до сорока шести руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, разрѣшилъ открыть, съ начала 188^{5/6} учебнаго года, параллельное отдѣленіе при V классѣ Черниговской мужской гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода, въ количествѣ одной тысячи девятисотъ руб., на спеціальныя средства названной гимназій.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, разрѣшилъ возвысить, съ начала будущаго 188^{5/6} учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Кіевской 1-й гимназій въ приготовительномъ классѣ съ 30 до сорока руб. и въ остальныхъ классахъ съ 45 до пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, разрѣшилъ назначить въ открываемомъ въ г. Могилевѣ шестиклассномъ реальномъ училищѣ плату за ученіе въ размѣрѣ тридцати четырехъ руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, разрѣшилъ закрыть, съ начала 188^{5/6} учебнаго года, параллельное отдѣленіе при I классѣ Новгородсверской гимназій и открыть, въ замѣнъ онаго, таковое же отдѣленіе при V классѣ названной гимназій.

СЛѢДЫ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ ВЪ ВИЗАНТІИ ¹⁾.

IV.

Хиляндарскій Практикъ.

Хиляндарская писцовая книга недавно издана нами въ Запискахъ Новороссійскаго университета ²⁾. Такимъ образомъ здѣсь не предстоитъ надобности въ извлеченіи изъ этого довольно обширнаго документа, ни въ реальномъ комментарий. Можно ограничиться лишь указаніемъ существенныхъ чертъ этой писцовой книги по связи съ матеріаломъ, затронутымъ въ предыдущей главѣ. И такъ, въ чемъ состоятъ особенности Хиляндарскаго Практика, и какія данныя можно изъ него извлекать для исторіи византійской писцовой книги?

Въ Хиляндарскомъ Практикѣ сохранился типъ византійско-славянской писцовой книги, чѣмъ и опредѣляется научное его значеніе. Византійскіе элементы Практика открываются въ такихъ чертахъ, которыя или свойственны исключительно византійской писцовой книгѣ, напримѣръ, зевгарь, или обличаютъ заимствование византійскихъ учреждений и терминологіи, напримѣръ, валанистро, ономія, парикъ, стихъ, стась, пронія, перперъ, хиродекатія, прикія и т. п., свидѣтельствуя о вліяніи политической, экономической и податной визан-

¹⁾ Окончаніе. См. февральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія* за 1884 годъ.

²⁾ Матеріалы для исторіи землевадѣнія въ XIV вѣкѣ, въ 38-мъ томѣ *Записокъ* и отдѣльной брошюрѣ, Одесса. 1883 г.

тійской системы. Затѣмъ собственно славянскіе элементы усматриваются въ самой формѣ землевладѣнія: въ понятіяхъ двора, усадебной и пахатной земли и податнаго тагла, въ отношеніи между подворнымъ (участковымъ) и общиннымъ владѣніемъ земель, въ правѣ наследованія и распоряженія землей и т. п. Эти послѣднія черты въ Хиландарской писцовой книгѣ сближаютъ ее съ соответствующими русскими памятниками и могутъ служить драгоценнымъ матеріаломъ при рѣшеніи вопросовъ, стоящихъ въ связи съ крестьянскою общиной.

Принадлежащее Хиландарскому Практику мѣсто среди другихъ сродныхъ съ нимъ матеріаловъ для изученія крестьянскаго быта и землевладѣнія опредѣляется слѣдующими соображеніями. Съ точки зрѣнія исторіи писцовыхъ книгъ, Практикъ одною стороною своею счастливо восполняетъ весьма чувствительный пробѣлъ, наводя на утраченные почти слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи, другою же, и именно славянскими своими элементами, соединяетъ юго-славянскую писцовую книгу съ русскою, обнаруживая черты принципиальнаго сходства въ бытѣ южныхъ и восточныхъ славянъ. По связи съ коренными вопросами древняго устройства Руси, по скольку эти вопросы вообще отражаются въ писцовой книгѣ, значеніе Практика обуславливается, во первыхъ, тѣмъ, что онъ относится къ половинѣ XIV вѣка и, слѣдовательно, старше почти на 200 лѣтъ извѣстныхъ доселѣ русскихъ писцовыхъ книгъ; во вторыхъ, ясными и опредѣленными указаніями на такія черты общиннаго быта, которыя утрачиваются въ позднѣйшихъ писцовыхъ книгахъ. Хиландарскій Практикъ, подобно Лампсакской писцовой книгѣ, старшей его еще на сто лѣтъ, заставляетъ полагать экономическую силу древней славянской общины въ громадномъ излишкѣ находящихся въ общемъ пользованіи земель противъ такихъ, которыя раздѣлены на подворные участки и составляютъ усадебную и пахатную землю отдѣльныхъ домохозяевъ.

Независимо отъ указанныхъ условий, Практикъ заслуживаетъ вниманія и самъ по себѣ, какъ любопытная юго-славянская писцовая книга, какъ памятникъ юго-славянскаго языка и письма и какъ богатый сборникъ личныхъ именъ и прозвищъ, изъ которыхъ безъ особеннаго затрудненія можно дѣлать выводы касательно этнографіи населенія. Почерпаемая въ Практикѣ данныя относительно этнографіи Солунской области могутъ быть особенно рекомендуемы вниманію славистовъ. Уже послѣ эпохи значительнаго подъема греческаго элемента во Фракіи и Македоніи, послѣ многообразныхъ средствъ, принятыхъ

царями Комнинами къ отгѣсненію Славянъ отъ береговыхъ областей Архипелага, въ половинѣ XIV вѣка мы находимъ въ самомъ южномъ углу Халкидики, въ сосѣдствѣ съ Аеонскимъ полуостровомъ, шесть селъ, изъ которыхъ четыре носятъ безспорно славянскія названія: Градецъ, Лужьца или Лужьско, Каменица, Ковьдогрица. Населеніе этихъ селъ если и не исключительно славянское, то живетъ по славянскому обычаю — въ славянскомъ общинномъ быту. Далѣе, Практикъ свидѣтельствуетъ объ административной зависимости нашихъ селъ отъ Солуни: села принадлежали къ Солунской области, къ жупѣ Стружской. Это указаніе также весьма важно въ смыслъ разъясненія старой исторіи Солуни.

Специалистамъ извѣстенъ четвертый томъ „Документовъ“ г. Сааа¹⁾ трактующій между прочимъ и объ исторіи Солуни. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ обширномъ введеніи въ этотъ томъ для предупрежденія читателей. Г. Сааа снова выступаетъ противъ славянской стихіи въ греческой исторіи и на этотъ разъ старается оправдать свои положенія новыми документами, касающимися Солуни. Весьма недавно этотъ ученый сдѣлалъ открытіе, что славяне Македоніи, Эпира и Пелопонниса не суть славяне — потому что греческіе источники знаютъ тамъ ολλάζοι, ολλάζινοι, то-есть, что вставленное θ указываетъ совсѣмъ не на славянскую стихію. Теперь г. Сааа продолжаетъ забавныя разслѣдованія въ томъ же направленіи. Между прочимъ онъ затронулъ любопытный вопросъ о греческой коммунальной жизни и въ частности исторію Солунской общины. Эта послѣдняя разсматривается имъ подъ новымъ угломъ зрѣнія, о которомъ можно дать понятіе по слѣдующимъ выдержкамъ. Напримѣръ, о славянскомъ движеніи въ южной Македоніи VI вѣка онъ выражается: „Ne voulant pas revenir dans cette série des Monuments sur la question si ridicule d'une invasion Avaro-Slave en Grèce et sur l'extirpation par elle de la race hellénique, je publierai à part tous ces documents“²⁾. Г. Сааа не соглашается дать мѣсто въ исторіи Солуни славянскому элементу, пропускаетъ для этого дѣятельность Кирилла и Меѳодія, по-своему толкуетъ очень ясныя мѣста о славянскихъ поселеніяхъ близъ Солуни I. Камениаты и совершенно отрицаетъ историческое значеніе за житіемъ Дмитрія Солунскаго. Далѣе г. Сааа

¹⁾ *Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce, Paris. 1883.*

²⁾ *Préface, p. X, n. 2.*

наносить ударъ теоріи славянскихъ поселеній въ Греціи, по-своему расправившись съ мѣстными именами ¹⁾, при чемъ попали въ греческія слѣдующія деревни: Ἐλοζα, Ἀνατάσοβα, Λοχαΐτιζα, Προτοΐτιζα, Αραχοΐτιζα, Κοοτοΐτιζα, Πετροΐτιζα. Αδοΐβας, Μπροτοβα Ἐτάνοοον, Ράγριβα, Κραζοβα, Πεσχοβα, Σταρόβα. Передъ г. Саеѣ не устоять, конечно, и селамъ Хиландарскаго Практика: Градецъ, Лужьца и Каменица попадутъ въ греческія мѣстныя имена! Съ неменьшею отвагой г. Саеа раскрываетъ принципы эллинизма въ Греціи въ средніе вѣка, при чемъ даетъ новое значеніе слову *στρατιώτης* ²⁾. Но снѣшимъ отдать справедливость неутомимому издателю въ лицѣ г. Саеа. Своею „Греческою Библіотекою“ и „Не изданными документами“ онъ привнесъ много свѣта въ средневѣковую исторію славянства при всей нелюбви къ славянамъ. И въ четвертомъ томѣ „Documents inédits“ онъ поднялъ новый и весьма интересный вопросъ о средневѣковой городской общинѣ въ Византіи, разработкой котораго должна воспользоваться съ благодарностію къ г. Саеѣ славянская наука.

Въ сущности односторонность греческихъ ученыхъ вредитъ болѣе имъ же самимъ. Г. Саеѣ, по видимому, нѣтъ никакого дѣла при изученіи городской жизни не только до славянской общины, но и до ученыхъ теорій, выработанныхъ западно-европейскою наукой въ приложеніи къ средневѣковой коммунальной жизни. Для него греческая коммуна „paraît plutôt modelée sur les anciennes républiques helléniques que sur les Munitia des Romains“ ³⁾. Въ этомъ отношеніи г. Саеа недалеко ушелъ отъ своихъ знаменитыхъ соотечественниковъ XV вѣка, кардинала Виссаріона и Гемистія Плинона, которые рекомендовали современному имъ правительству, какъ лучшее средство спасти Грецію отъ Турокъ и Латинянъ, возвращеніе къ спартанскому режиму Ликурга, съ раздѣленіемъ всего населенія на касты. Конечно, безъ улыбки нельзя читать замѣчаніе г. Саеа ⁴⁾, что онъ не можетъ утверждать — помогло ли бы осуществленіе программы, предлагаемой патриотами XV вѣка. Какъ будто неясно, что не Ликурговы учрежденія, даже не Солововы и не Клисеновы, могли спасти греко-славянскій міръ XV вѣка, а другія реформы, которыя на западѣ уже поколебали феодализмъ, усилили городское сословіе, — что сло-

¹⁾ Ibid. p. XLIII и слѣд.

²⁾ Ibid. p. LV и слѣд.

³⁾ Ibid. p. IV.

⁴⁾ Ibid. p. LXXXVIII.

вомъ нужно было подать руку сельской и городской общинѣ, если она не была еще задавлена. Вотъ тутъ-то мы и можемъ сказать спасибо г. Саеѣ, что онъ собралъ любопытныя данныя для исторіи города Солуни и далъ возможность составить нѣкоторое понятіе о внутренней жизни общины. Мы приведемъ небольшой отрывокъ изъ введенія ¹⁾.

„Съ древнихъ временъ Солунъ была одарена обширными привилегіями, которыя она умѣла сохранять и подъ господствомъ завоевателей. Она подчиняется Латинскому императору Балдуину. (1204 г.), Иоанну Ватацѣ (1246 г.), Венеціи (1423 г.), подъ условіемъ быть свободною и управляться по своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ. Солунская община заключалась не въ одномъ городѣ, — юрисдикція ея простиралась на довольно обширную территорію отъ города Веррин до полуострова Кассандры: къ Солунской общинѣ принадлежала и страна противъ Кассандры между Аксіемъ и Пенеемъ, границы ея къ Стримону не могутъ быть съ точностію опредѣлены“.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности разсмотрѣнія солунскаго устройства—предметъ, повторяемъ, весьма новый и достойный вниманія. Можетъ быть, и тѣ данныя, которыя приведены г. Саеой, позволяютъ уже сдѣлать заключеніе въ пользу иныхъ основаній городской жизни Солуни, чѣмъ какія предполагаетъ г. Саеа.

Возвращаясь къ Практику, прежде всего замѣтимъ, что хотя наши села принадлежатъ къ Солунской области и лежатъ въ жупѣ Струмской, но не подчинены юрисдикціи Солунской общины, которая въ XIV вѣкѣ, очевидно, многое уже утратила въ пользу центральной власти: власть въ шести селахъ раздѣляетъ церковь и проиары—помѣщики, получившіе населенныя земли отъ Сербскаго царя съ обязательствомъ нести съ нихъ военную службу. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть мѣста ни администраціи, ни суду общины.

Все населеніе упомянутыхъ селъ доходитъ до 482 душъ, именно 262 мужскаго и 220 женскаго пола, если къ первому отнесемъ не совсѣмъ опредѣленное выраженіе „дѣти“, встрѣчающееся девять разъ. Изъ общаго числа въ зависимости отъ церкви находится 252 души; это суть церковныя парики. Очень значительное число крестьянъ, именно 170, зависитъ отъ помѣщиковъ, по тогдашнему выраженію — находится въ проиіи. Остальные, въ числѣ 58, со-

¹⁾ Ibid. p. XVIII—XIX.

ставляютъ особый разрядъ населенія и называются „клеветери“ или свободные. Такимъ образомъ во всѣхъ селахъ церковныхъ крестьянъ 52%, помѣщичьихъ 35%, свободныхъ 12%. Самая крупная цифра зависимыхъ отъ одного помѣщика крестьянъ выражается въ числѣ 67, самая меньшая въ числѣ 5. Въ одномъ селѣ Граднѣ владѣютъ проніей шесть помѣщиковъ (на всѣхъ приходится 146 крестьянъ), въ томъ же селѣ за церковью считается 115 душъ.

Хиландарская писцовая книга можетъ служить подтвержденіемъ тому, что пронія, то-есть, отдача населенныхъ мѣстъ служилымъ людямъ, развивалась въ Сербскомъ царствѣ, какъ и въ Византіи, на почвѣ не церковнаго, а свободнаго общиннаго землевладѣнія. Отдача земель въ пронію была средствомъ эксплуатаціи общинныхъ земель съ военными и экономическими цѣлями. Введеніемъ помѣстнаго служилаго сословія въ составъ общины разрывалась административная и правовая связь, во первыхъ, городской общины съ крестьянами, во вторыхъ, въ средѣ самой крестьянской общины; въ среду общины вступалъ новый элементъ—власть помѣщика, вслѣдствіе чего крупная доселѣ община раздроблялась на мелкія части. Пронія въ Сербіи исполнила ту же задачу, какую ей суждено было выполнить и въ Византіи. Практикѣ отличается замѣчательною полнотой въ описаніи статей каждаго крестьянскаго хозяйства. Въ немъ находимъ отвѣтъ приблизительно на девять вопросовъ, касающихся благосостоянія и платежной силы крестьянской семьи. Перепись должна была наполнить слѣдующія графы: 1) домохозяинъ и вся семья поименно, 2) количество крупнаго скота: лошадей, воловъ, коровъ, ословъ, 3) мелкаго скота: свиней, овецъ, 4) ульи или фруктовыя деревья, 5) огородная, садовая или виноградная земля—мѣрою кобла, 6) пахатная земля—также мѣрою кобла, 7) наконецъ количество идущей съ хозяйства подати. Совокупность усадебной, огородной или виноградной плантаціи, пахатной земли и остальнаго крестьянскаго имущества составляетъ паричскую стась или крестьянскій дворъ, благосостояніемъ котораго и опредѣляется количество обложенія податями. Стась въ Практикѣ имѣетъ то же широкое значеніе, какое принадлежитъ ей въ другихъ памятникахъ; стась драгова с нивнема с' виногради с' млины с' ливадами с' всѣми правинами ¹⁾. Но главный предметъ обложенія, доставляющій самую крупную сумму сбора, находится внѣ паричскихъ стасей, если въ понятіе стаси вводитъ только тѣ

¹⁾ *Гласникъ*, XV, 376.

хозяйственныя статьи, которыя указаны въ приведенныхъ выше графахъ, и если исключить то, что подразумѣвается подъ „правинами“. Достаточно обратить вниманіе на то любопытное обстоятельство, что вся подать съ усадебной земли или собственно съ паричскихъ стасей даетъ только 178 перперовъ, между тѣмъ какъ всего съ шести селъ собирается 568 перперовъ. Только 31% идетъ съ подворныхъ участковъ и почти 76% выбирается изъ другихъ источниковъ.

Самый крупный доходъ доставляетъ крестьянамъ земля общинная, не раздѣленная на стасы. Каждое село, кромѣ подворныхъ участковъ, то-есть, кромѣ земли записанной за каждую крестьянскую стасью въ отдѣльности, владѣетъ еще огромнымъ экономическимъ ресурсомъ въ видѣ нераздѣльныхъ общинныхъ земель, которыя составляютъ особое владѣніе „особо отъ паричскихъ стасей“. Такъ одно село Градецъ владѣетъ площадью нераздѣльной земли въ 800 хиліадъ, то-есть, 800,000 кобловъ, между тѣмъ какъ въ подворномъ владѣніи у него всего 2160 кобловъ, то-есть, менѣе 4% всей земли. Съ этой общинной земли идетъ подать въ 160 перперовъ. Точно также село Муньвени, у котораго въ подворномъ владѣніи всего 300 кобловъ, имѣетъ общинной земли 2400 кобловъ, то-есть, у жителей этого села только 12% всей земли раздѣлено на подворные участки, съ паричскихъ стасей они платятъ только 13, а за общинную землю 48 перперовъ. У села Лужицы въ подворномъ владѣніи всего 230, а въ общинномъ 2000 кобловъ земли, съ первой они платятъ 14, а со второй 40 перперовъ. Присоединимъ еще 30 перперовъ, причитающихся за общинную землю другихъ селъ; тогда получимъ сумму въ 278 перперовъ, падающую исключительно на излишнюю отъ дворовыхъ участковъ землю, въ эксплуатаціи которой посредствомъ сдачи въ наемъ главную роль играли сами члены общины.

Благосостояніе крестьянъ главнѣйше обуславливается количествомъ воздѣлываемой каждымъ дворомъ земли и виноградниками. Полное хозяйство съ достаточнымъ числомъ работниковъ и съ необходимымъ въ сельскомъ хозяйствѣ скотомъ можетъ быть рассматриваемо какъ нормальное крестьянское хозяйство, обладающее высшими платежными средствами. Но установить типъ нормальнаго крестьянскаго двора не такъ легко. Норма высшаго надѣла можетъ быть принята слѣдующая: 8 кобловъ виноградника и 100 кобловъ пахатной земли, только въ одномъ случаѣ количество пахоты доходить до 125 кобловъ. Подать съ крестьянъ колеблется между 1 и 5 перперами. Колебаніе стоитъ въ очевидной связи съ количествомъ пахатной

земли, числящейся за дворомъ, и съ количествомъ крупнаго и мелкаго скота: есть дворы съ 70 коблами, есть съ 50, даже съ 25, наконецъ встрѣчаются и совсѣмъ безъ пахатной земли.

Общинный характеръ въ шести селахъ усматривается не только въ присутствіи огромныхъ запасовъ общинной земли, не раздѣленной на дворовые участки и оплачиваемой по раскладѣ на весь міръ, но еще и въ другихъ платежныхъ статьяхъ, которымъ подлежатъ не дворы, а въ совокупности всѣ села, какъ *сουλестатаі* или соплательщики. Сюда относится общій выпасъ скота, хиродекатія, десятина съ пчелъ и свиней, офелія, еномія, ирь и др. Въ этомъ мы видимъ остатокъ того времени, когда всѣ означенныя въ Практикѣ села составляли одну нераздѣльную крестьянскую общину.

Выше сказано, что въ политическомъ отношеніи перечисленные въ Практикѣ крестьяне суть зависимые или отъ монастыря, или отъ помѣщика, или свободные. Въ экономическомъ отношеніи степень благосостоянія разныхъ дворовъ весьма различна. Общее число описанныхъ дворовъ 127, между ними меньше половины полныхъ хозяйствъ, именно только 49: 27 зевгарей у церковныхъ крестьянъ, 20 у проиарскихъ и 2 у свободныхъ (елевтери). Слѣдовательно, 79 дворовъ приходится отнести въ разрядъ неисправныхъ, напри- мѣръ, къ числу бобыльскихъ русской писцовой книги.

Предполагая еще нѣсколько разъ возвращаться къ Хиландарскому Практику въ заключительной главѣ, гдѣ будутъ сдѣланы дополненія и частію исправленія къ сказанному въ отдѣльномъ изданіи, здѣсь мы ограничимся замѣчаніемъ объ общемъ характерѣ этой писцовой книги. Хиландарскій Практикъ имѣетъ внутреннюю связь съ Ламисавскою писцовой книгой: детали первой писцовой книги могутъ быть поняты и объяснены при посредствѣ второй, и на оборотъ. До сихъ поръ это единственныя отрывки византійской писцовой книги, и, слѣдовательно, всѣ заключенія, какія только возможны въ настоящее время о византійскомъ землевладѣніи, податной системѣ и вообще по вопросамъ внутреннего устройства, могутъ основываться главнымъ образомъ на этихъ отрывкахъ. И такъ какъ ницущій эти строки старался тщательно изучить ихъ, объяснить и поставить въ связь съ доступными ему другими матеріалами по изученію Византіи, то онъ не могъ не считать своимъ долгомъ сдѣлать попытку общихъ выводовъ и заключеній, которые и предлагаются въ слѣдующей главѣ.

V.

Выводы изъ разсмотрѣнія византійскихъ писцовыхъ книгъ.
Зевгарать, вондаты и организаціи военныхъ участковъ.

1. Зевгаръ.

Выходя изъ того положенія, что въ писцовой книгѣ вообще подвергается перемѣнамъ не матеріальное содержаніе и не подлежащіе переносу предметы, а способы отношеній административной власти къ экономическимъ и социальнымъ условіямъ населенія, мы вывели принципъ историческаго изученія писцовыхъ книгъ, который долженъ состоять въ разъясненіи смѣны терминовъ и въ анализѣ выражаемыхъ этими терминами понятій. *Iugum* въ писцовой книгѣ римскаго періода и *mansus* въ средневѣковой западноевропейской писцовой книгѣ—измѣняющіеся термины, остальное же составляетъ общую принадлежность писцовыхъ книгъ. Разсмотрѣніе слѣдовъ византійской писцовой книги приводитъ насъ къ указанію новаго принципа въ экономическомъ и административномъ устройствѣ Византійскаго государства, выражающагося въ появленіи двухъ терминовъ для выраженія идеи податнаго тягла, изъ которыхъ одинъ идетъ изъ римскаго періода и, слѣдовательно, стоитъ въ родствѣ съ *iugum*, другой же представляется выразителемъ новыхъ административныхъ и экономическихъ воззрѣній и составляетъ поэтому существенный признакъ и особенность византійскаго устройства. Въ зевгаратѣ и вондатѣ—двухъ терминахъ византійской писцовой книги, выражающихъ идею податнаго тягла,—мы имѣемъ главный выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія. Теперь предлагаемъ провѣрку его и дѣлаемъ ближайшія изъ него заключенія. Прежде всего постараемся обставить доказательствами дѣйствительность двоякой природы этихъ терминовъ, затѣмъ выяснимъ разность идеи, лежащей въ основаніи зевгаратнаго и вондатнаго тягла, наконецъ покажемъ, какими принципами руководилось византійское правительство при организаціи крестьянскаго и военноподатнаго тягла.

Въ теченіе минувшаго года, со времени появленія въ печати первыхъ статей о византійскихъ писцовыхъ книгахъ, мы имѣли случай убѣдиться изъ разговоровъ съ людьми, мнѣніемъ которыхъ не можемъ пренебрегать, что наши заключенія о терминахъ зевгаръ и

вондаты поспѣшны и недостаточно обставлены доказательствами; что подъ зевгаремъ все-таки нужно разумѣть пару воловъ, вондаты же, если и нельзя больше переводить его словами „воловь земля“, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ terra bovata англійской писцовой книги. Такъ какъ существенные выводы нашего изслѣдованія сосредоточиваются на названныхъ терминахъ византійской писцовой книги, то понятна настоятельная необходимость остановиться на этомъ вопросѣ съ особеннымъ вниманіемъ.

Нужно прежде всего различать употребленіе этихъ терминовъ въ писцовой книгѣ и въ обыкновенномъ хозяйственномъ и житейскомъ обиходѣ, напримѣръ, въ перечисленіи предметовъ крестьянскаго имущества. Изслѣдователь по русскимъ писцовымъ книгамъ хорошо пойметъ, что нужно дѣлать различіе между сохой писцовой книги и сохой—орудіемъ для обработки земли, между душой въ смыслѣ земельного надѣла и тѣмъ же словомъ въ другомъ значеніи, между шестомъ или веревкой въ обыкновенномъ житейскомъ обиходѣ и тѣми же предметами въ примѣненіи къ разверсткѣ земли и луговъ. Имѣя дѣло съ терминологіей византійской писцовой книги, мы неизбежно встрѣчаемъ не только техническій смыслъ въ этихъ терминахъ, но и прямое значеніе, обиходное и житейское. Мы никогда не могли бы придти къ соглашенію въ спорѣ и оказались бы неправыми, если бы стали утверждать, что iugum не значитъ пара воловъ, или что λίθος не значитъ кирпичъ, или что соха не значитъ орудіе для обработки земли; но и тотъ, кто защищалъ бы только указанный смыслъ названныхъ словъ, оказался бы равно неправымъ, если бы шла рѣчь о терминахъ землевладѣнія и писцовой книги.

Нѣтъ сомнѣнія, что подразумеваемыя выраженія у славянъ и у грековъ въ приложеніи къ хозяйственному обиходу обозначали также и то понятіе, какое дается словомъ iugum въ прямомъ смыслѣ. Само собою разумѣется, что должны быть мѣста, касающіяся перечисленія статей и предметовъ крестьянскаго имущества, въ которыхъ ζευγάριον или зевгаръ и нельзя будетъ иначе передать какъ выраженіемъ пара воловъ. Такъ напримѣръ, въ дарственной записи Георгія Чауша Малиссина въ пользу Лемвійскаго монастыря ¹⁾ „два зевгара“ не можетъ быть толкуемо въ иномъ смыслѣ какъ двѣ пары воловъ. Точно также, когда іеромонахъ Θεодосίη въ дарственной записи на монастырь

¹⁾ Miklosich et Müller, Acta et diplomata Graeca, IV, 267: ἀπέλιον μόδιων δύοδεκα, γῆν μόδιων τριακοσίων, ζευγάρια δύο, τὸ μὲν ἐν βουβαλλικόν κ̄ проч.

Макринитиссы, перечисляя даримыя статьи ¹⁾, между прочимъ называетъ βοῖδια ζευγόμενα τέσσαρα, не можетъ быть сомнѣнія, что подѣ βοῖδια онъ означаетъ здѣсь воловъ. Такимъ образомъ, если въ византийскихъ памятникахъ встрѣчаются означенные термины въ прямомъ значеніи, то навѣрное можно допустить возможность такого же употребленія ихъ и въ славянскихъ памятникахъ, то-есть, и въ послѣднихъ зевгаръ долженъ имѣть также значеніе пары воловъ. Въ монастырскомъ актѣ, трактующемъ объ изыятіи монастыря отъ повинностей ²⁾ и отъ вмѣшательства провинціальныхъ властей, выраженіе „ни зевгаре енгареписати“ должно быть толкуемо въ одномъ значеніи, что свѣтская власть не имѣетъ права брать подѣ извозъ быковъ монастырскихъ крестьянъ. Такихъ случаевъ употребленія подразумеваемыхъ словъ найдется множество, но эти случаи относятся къ другому кругу отношеній и не мѣшаютъ разсматривать зевгаръ какъ терминъ.

Разсматривая же зевгаръ какъ земельный и экономическій терминъ, котораго натура выясняется изъ изученія писцовыхъ книгъ, мы должны стремиться къ установленію значенія этого термина на основаніи или тѣхъ же писцовыхъ книгъ, или такихъ источниковъ, которые весьма близко къ нимъ относятся. Какъ первыя, такъ и вторыя, то-есть, писцовыя книги и акты землевладѣнія, во-первыхъ, даютъ основаніе исключить изъ понятія о зевгарѣ непосредственный и прямой смыслъ (пара воловъ), во-вторыхъ, позволяютъ вывести заключеніе къ переносному значенію слова, и притомъ не въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ. Ближайшая наша задача и будетъ заключаться въ выясненіи круга переносныхъ значеній, соединяемыхъ съ понятіемъ о зевгарѣ въ писцовой книгѣ и въ актахъ.

Какъ въ византийскихъ, такъ и въ славянскихъ актахъ, подѣ зевгаремъ разумѣется участокъ земли, который предполагалъ въ себѣ опредѣленное измѣреніе. Возможна ли въ дѣйствительности измѣримость зевгара единицами мѣры, на это мы отвѣтимъ ниже; теперь же приведемъ мѣста, на которыхъ основывается толкованіе термина зевгаръ въ смыслѣ участка земли. Свидѣтельство оказывается такъ много, что можно дѣлать изъ нихъ выборъ. Таковы: „земля четыремъ

¹⁾ Ibid. IV, 428: εἰσὶ δὲ ἐν τῷ τοιοῦτῳ μονηρίῳ βοῖδια ζευγόμενα τέσσαρα, ὄνομοιχόν ἐν, ὄνικα δύο, πρόβατα ἑβδομήκοντα и проч. сравни. IV, 202: βοῖδια χαματηρὰ πέντε, ἀγελῖδια τρία, μοσχάρια δύο....

²⁾ Гласникъ VII, 186.

зевгарема“¹⁾; „поле во сто зевгарей“; „два зевгаря земли“ „земля въ шесть зевгарей“²⁾; „парики съ землей ихъ въ девятнадцать зевгарей“³⁾. Приведенныя мѣста такъ ясны, что устраняютъ, всякія сомнѣнія въ толкованіи: зевгарь здѣсь не можетъ обозначать ничего другаго, какъ участокъ земли.

Если же зевгарь имѣеть отношеніе къ землѣ и обозначаетъ земельный участокъ, то не естественно ли ожидать, что онъ представляетъ собою участокъ опредѣленной величины и измѣренія? Съ этимъ запросомъ подходилъ уже однажды къ нашему термину В. Г. Васильевскій⁴⁾, который и вывелъ заключеніе, что зевгарь дѣйствительно есть участокъ земли опредѣленной величины и измѣренія. Такъ какъ вопросъ этотъ примыкаетъ къ давно поставленному и не рѣшенному еще вопросу о терминѣ *jugum* (есть ли *jugum* реальная величина или идеальная), въ заключеніяхъ о которомъ расходятся Савиньи, Моммсенъ, Марквардтъ и Брунсъ, то тѣмъ больше поводовъ находимъ мы строже отнестись къ тѣмъ мѣстамъ, которыя даютъ основаніе такъ или иначе судить объ измѣримости зевгаря. Считаеиъ нужнымъ подвергнуть разсмотрѣнію слѣдующія мѣста, въ которыхъ употребленіе термина зевгарь обставлено описательными и дополнительными выраженіями съ присоединеніемъ употребительной тогда земельной мѣры.

Таковъ, воиервыхъ, приказъ царя Мануила Палеолога отъ 1407 года объ отводѣ монастырю Русіюу трехъ зевгарей земли на островѣ Лимнѣ⁵⁾. Этотъ актъ имѣеть для насъ особую важность потому, что при немъ сохранился самый протоколъ отмежеванія трехъ зевгарей. Царскіе чиновники, производившіе тогда на островѣ поземельную перепись, приступили къ исполненію этого приказа слѣдующимъ образомъ. Затрудняясь пріискать земли на три зевгаря и притомъ хорошаго качества въ одномъ мѣстѣ, они рѣшились произвести отме-

¹⁾ *Гласникъ* XIII, 376.

²⁾ *Harmenopouli* III, 111, 74; *Miklosich* IV, 142; ἡ βασιλεία μου δωρεῖται γῆν ζευγαρίων δύο; *ibid.*, 146: γῆν ἕξ ζευγαρίων.

³⁾ Хризовуль Андроника Палеолога 1332 года, издавъ г. *Παναδοπούλο-Γερασσώμω*, *Katálogos τῶν χειρογράφων τῆς ἐν Σμύρνῃ βιβλιοθήκης*, р. 66 παροίκους ἐνοποιήσας μετὰ τῆς αὐτῶν ζευγάρια ἰθ.

⁴⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880 г., августъ, стр. 362.

⁵⁾ Акты Русскаго на святомъ Авоиѣ монастыря. Кіевъ, 1873, стр. 191 и слѣд.

жеваніе по частямъ—гдѣ находили свободную и удобную землю. Между прочимъ оказался запущенный участокъ Николая сына Евдокимова, составляющій часть пожалованной ему прони; переписчики выдѣлили изъ этого участка нѣсколько полосъ въ пользу монастыря: одну въ три, другую въ пять модіевъ, третью въ двѣнадцать и т. п. Далѣе нашли въ усадьбѣ Серріота, очевидно тоже покинутой, болѣе значительный участокъ, величиной въ сорокъ модіевъ, который тоже присоединенъ былъ въ счетъ отбѣриваемыхъ зевгарей. Затѣмъ встрѣтилась неудобная для обработки земля, каменистый склонъ горы, которую не стали намѣрять, а просто присоединили въ счетъ трехъ зевгарей какъ землю подъ пастбище. Словомъ, переписчики для составленія трехъ зевгарей откладывали участки по небольшимъ клочкамъ, изъ которыхъ большая часть показана въ количествѣ модіевъ, а пастбищная земля по склону горы разсматривалась, по видимому, какъ надбавка. Если сложить всѣ внесенныя въ актъ величины, то получимъ сумму модіевъ, 1446, что и составляетъ площадь земли въ три зевгара. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Въ самомъ актѣ, въ заключительной его части, показана другая сумма модіевъ—748, которая официально должна была соответствовать тремъ зевгарямъ. Есть, слѣдовательно, разность между реальною величиною участка и квалификаціей его въ качествѣ зевгара, реальная и дѣйствительная величина почти вдвое больше показанной въ актѣ условной. Какъ понимать эту разность, мы покажемъ ниже; теперь же можемъ удовлетвориться заключеніемъ, что на основаніи приведеннаго мѣста нельзя дѣлать выводовъ къ количеству модіевъ въ зевгарѣ, ибо, съ одной стороны, къ зевгарю прибавлялась не въ счетъ пастбищная земля, съ другой же—два реальные модія могли при составленіи зевгара считаться за одинъ.

Второе мѣсто, дающее возможность судить о признакахъ термина зевгарь, находится въ четвертомъ томѣ монастырскихъ актовъ Миклошича ¹⁾. Хотя мы не находимъ тутъ указанія на количество модіевъ въ зевгарѣ, тѣмъ не менѣе придаемъ особую цѣну акту ради указанія въ немъ способовъ отвода земли. Въ 1234 году царь Іоаннъ Дука Ватаца, жалуетъ Лемвійскому монастырю изъ казенной земли въ Кукулѣ шесть зевгарей, дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы дука Фракисійской темы Іоаннъ Дука Куртия озаботился приведеніемъ въ исполненіе царской воли. Весьма любопытно, что въ наказѣ гово-

¹⁾ Miklosich, IV, 146—150.

рится не объ измѣреніи земли на шесть зевгарей, а объ оцѣнкѣ; точно также не землемѣры рѣшаютъ вопросъ о томъ, какое количество земли составитъ шесть зевгарей, а лучшіе люди и домохозяева Кукула. Протоколъ отвода гласитъ слѣдующее: „Я отправился на мѣсто, пригласилъ лучшихъ домохозяевъ Кукула и изъ жителей Палата и всѣ мы осмотрѣли казенную землю, границы которой идутъ (слѣдуетъ межевая опись)... Въ силу царскаго указа и предписаніи господина Дмитрія Комнина Торники всю эту землю мы передали сторонѣ названной святой обители Лемвійской. И оцѣнена эта земли въ количество шести зевгарей¹⁾, считая пахотной земли пять зевгарей и одинъ зевгарь пастбищной и луговой, а всего, какъ сказано, шесть зевгарей“. Этотъ актъ свидѣтельствуетъ, что мѣра не есть существенный и единственный признакъ зевгаря, что для признанія извѣстнаго участка земли зевгаремъ требовалась еще оцѣнка качественности земли, откуда необходимость свѣдущихъ людей и домохозяевъ. Неизвѣстнаго измѣренія площадь квалифицирована была свѣдущими людьми какъ пять зевгарей, то-есть, какъ пять хозяйственныхъ и экономическихъ единицъ. Необходимое же для этихъ хозяйствъ число десятинъ выгона принято было считать за одинъ зевгарь. Относительно этого послѣдняго замѣтимъ еще: нужно быть совершенно не свѣдущимъ въ вопросахъ о поземельномъ владѣніи, чтобы не знать, что пастбищной и луговой земли бываетъ больше, чѣмъ пахотной. Такимъ образомъ, упоминаемый въ нашемъ актѣ одинъ зевгарь несомнѣнно выражаетъ собою не такое количество модіевъ, какое можетъ быть принято въ одномъ изъ первыхъ пяти. Прямое заключеніе будетъ то, что въ терминѣ зевгарь нельзя видѣть реальную величину опредѣленнаго измѣренія. Зевгарь есть терминъ экономическій и податной; при составленіи зевгаря принималась во вниманіе качѣственность и производительность земли.

Втретьихъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на межевой актъ, помѣщенный въ сборникѣ Терновскаго²⁾. Монастырю Русику пожаловано было помѣстье на полуостровѣ Касандринъ съ землей въ тридцать зевгарей. Стефанъ Дука Рединъ, производившій отводъ земли, измѣрялъ ее посредствомъ веревокъ (σχοινία) и насчиталъ во всемъ

¹⁾ Ibid. 149: δεδωχαμεν τὴν τοιαύτην ἄρασαν γῆν... τὴν καὶ πεποσμημένην εἰς ποσότητα ζευγαρίων ἕξ, ἀφ' ὧν καταλογίσθη ὑπερῶς ζευγαρίων πέντε καὶ ἡ ἑτέρα ζευγαρίον ἑνός, νομαδιὰ τε καὶ λιβαδιὰ, ὡς ὁμοῦ διὰ πάντων γῆ ζευγαρίων ἕξ.

²⁾ Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря, 203.

участкѣ 413 веревокъ. Затѣмъ, переведа эту мѣру на общеупотребительную, получили сумму модіевъ 4039 съ половиной, которая и должна бы соответствовать тридцати зевгарамъ, еслибы только въ этомъ и было дѣло. Но оказывается, что при переложеніи веревокъ на модіи обращено было вниманіе на качество земли. Въ участкѣ встрѣтилась земля негодная для пашни и каменистая, ее нужно было прибавить не въ счетъ; а это обстоятельство, съ другой стороны, повело къ необходимости выравниванія и въ другихъ частяхъ. Весьма важно, что итогъ 4039^{1/2}, модіевъ полученъ μετὰ τὸν ἀποδεχτικόν, то-есть, послѣ скидки ¹⁾, послѣ выдѣленія, что не можетъ не свидѣтельствовать противъ реальнаго соответствія суммы модіевъ суммѣ зевгарей. Такимъ образомъ и этотъ актъ не можетъ быть приводимъ въ доказательство того, что зевгарь есть участокъ земли опредѣленнаго измѣренія.

Хотя приведенныя мѣста не даютъ основанія принимать въ зевгарѣ какъ въ участкѣ земли, опредѣленную площадь во столько-то модіевъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ могутъ быть найдены важные элементы для дальнѣйшаго разслѣдованія. Въ зевгарѣ заключается болѣе сложное понятіе, чѣмъ какое дается выраженіемъ участокъ земли. Земля не только измѣривалась для составленія зевгара обычной мѣрой, но еще оцѣнивалась по качественности и производительности. Чтобы стать зевгаремъ, участокъ земли квалифицировался какъ таковой свѣдущими людьми, и при этомъ актѣ часть земли могла быть прибавлена не въ счетъ, а часть исключена. Такъ не считались пастбища, хотя они были необходимы для организаціи зевгара. Но самое важное заключается въ томъ, что въ понятіе о зевгарѣ входитъ цѣлый рядъ статей, принадлежащихъ къ крестьянскому хозяйству, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго акта, изданнаго ученымъ грекомъ :. Пападопуло-Керамевсомъ.

Царь Андроникъ Палеологъ въ 1332 году пожаловалъ епископу и клирикамъ Стагійской епископіи въ Фессалии землю, право на которую церковь основывала на древнихъ и очень важныхъ документахъ, именно на хризовулахъ Никифора Вотаниата и Алексѣя Комнина и на писцовыхъ книгахъ. Главную часть хризовула Андроника Палеолога, въ

¹⁾ ὅμοι τὰ ὅλα σχοινία τετρακόντα δέκα τρία ἄτινα μετὰ τὸν ἀποδεχτικόν ἐπεὶ ἐντός τοῦ περιόρισμοῦ εὐρίσκειται καὶ μέρος ἀχρησίμευτον καθόλου καὶ τραυτάτων συμφερεζόμενα κατὰ κεφαλὴν καὶ πόδας ἀποτελοῦσι γῆν μοδίων βασιλικῶν τετρακισχίλων τριάκοντα ἑννέα ἤμισυ.

которой упоминается о зевгарѣ, считаемъ нужнымъ привести вполнѣ¹⁾. „Поелику боголюбивѣйшій епископъ и клирики заявили, что у нихъ есть два хризовула, которыми пожалованы этой епископіи тягловые парики съ девятнадцатью ихъ зевгарями, и кромѣ земли таковыхъ зевгарей другая земля на тысячу модіевъ, находящаяся въ селеніи Кобельче (Κουβέλτζιον), и что они господствуютъ и держатъ означенныхъ тягловыхъ цариковъ съ землею ихъ въ количествѣ девятнадцати зевгарей и, кромѣ того, владѣютъ тѣмъ, что значитса по Практику“... то мы, рассмотрѣвъ представленные хризовулы и писцовыя книги, нашли возможнымъ подтвердить ихъ права настоящимъ хризовуломъ и проч. Любопытно въ этомъ актѣ сопоставленіе того и другаго мѣста о зевгаряхъ. Въ первомъ названы „парики съ ихъ 19 зевгарями“, во второмъ—„парики съ землей ихъ въ количествѣ 19 зевгарей“; это значитъ, что парики приурочены къ девятнадцати зевгарямъ, или что то же, подъ 19 зевгарями нужно понимать 19 стасей или крестьянскихъ дворовъ. Далѣе, въ хризовулѣ упоминается еще другая земля, показанная въ количествѣ не зевгарей, а модіевъ. Несомнѣнно, что первая обозначаетъ усадебную и пахотную землю, раздѣленную на участки (зевгари), вторая же—не занятую париками землю, находящуюся въ общемъ пользованіи всѣхъ 19 зевгарей.

Последнее изъ рассмотрѣнныхъ жѣсть приводитъ насъ къ тому сложному и обширному понятію о зевгарѣ, какое дается писцовыми книгами и уже было намѣчено въ третьей главѣ этого изслѣдованія. Какъ въ нѣкоторыхъ актахъ, относящихся къ землевладѣнію, такъ въ особенности въ писцовой книгѣ, зевгарь имѣетъ совершенно особое и техническое значеніе, которое получается отъ перехода на этотъ терминъ комплекса понятій, заключающихся въ выраженіи крестьянскій дворъ или податное тягло. Въ этомъ смыслѣ зевгарь будетъ значить то же, что паричская стась византійской писцовой книги и крестьянскій дворъ русской. Въ этомъ смыслѣ будутъ законны выраженія: „земля съ пятью зевгарями и пятью вилланами“

¹⁾ Κατάλογος τῶν χωρογράφων, р. 66: Ἐπειδὴ ὁ θεοφιλέστατος ἐπίσκοπος καὶ οἱ κληρικοὶ τῆς ἀγιωτάτης ἐπισκοπῆς Σταγῶν ἀνέφερον ὅτι κέχτηνται δύο χρυσοβούλλα... δωρούμενα τῇ αὐτῇ ἐπισκοπῇ παροίκους ἐνοποστάτους μετὰ τῆς αὐτῶν ζευγάρια ἰθ' καὶ ἐπέκεινα τῆς γῆς τῶν τοιοῦτων ζευγαρίων ἑτέραν γῆν μοδίῳν χιλίων, ἧτις εὐρίσκεται ἐν τῇ χωρίῳ λεγομένῳ Κουβέλτζιον.... εἶναι δεσπότης καὶ κατοῦχος (епископъ и клирики) τῶν ἀναγεγραμμένων ἐνοποστάτων παροίκων μετὰ τῆς γῆς αὐτῶν χωροῦσα ζευγάρια ἰθ'.

и „да да юна зевгарь по четыре кобла жита“¹⁾, то-есть, такіа выраженія, въ которыхъ зевгарь понимается какъ экономическая и податная единица, какъ условно принятый объектъ для равномернаго обложенія податями. Для обоснованія значенія термина зевгарь въ этомъ смыслѣ и для раскрытія совокупности заключающихся въ немъ понятій, необходимо обратиться къ сравнительному методу изслѣдованій.

Какая же идея соединяется съ понятіемъ о зевгарѣ въ обширномъ смыслѣ слова? Намъ было бы достаточно сказать, что зевгарь заключаетъ въ себѣ такой же обширный смыслъ, какъ *mansus*, *hufa* или *huba* и *virgata* западно-европейской писцовой книги, но ради большей точности и убѣдительности, а также для устранения недоразумѣній, находимъ не лишнимъ сдѣлать попытку вывести частныя понятія, соединяемыя съ терминомъ зевгарь, на основаніи употребленія этого слова въ византійской писцовой книгѣ. Когда съ зевгаремъ соединяется смыслъ участка земли, то безразлично употребляется терминъ зевгарь и зевгаратъ; такимъ образомъ какъ правильно выраженіе: столько-то зевгарей земли, такъ законно и другое: зевгаратная земля. Расширеніе объема въ понятіи о зевгаратѣ дается въ особомъ актѣ правительственной власти, именно въ переписи крестьянъ, слѣдовательно, въ понятіи о зевгаратѣ приходится элементъ административно-податной и экономической. Сдѣлать перепись значило вмѣстѣ съ тѣмъ поднести цариковъ подъ зевгаратное или воидатное состояніе, соотвѣтственно которому они и облагались податями и повинностями²⁾. Въ точности мы однако не можемъ сказать, какая крестьянская семья записывалась на зевгаратъ и какая нѣтъ; пока знаемъ только, что при этомъ принималась во вниманіе экономическая сила семьи и платежныя средства крестьянскаго хозяйства. Ближайше такимъ образомъ можно опредѣлять зевгаратъ какъ такой участокъ земли, который занятъ крестьяниномъ, отбывающимъ опредѣленныя подати и повинности, или что то же — зевгаратъ соотвѣтствуетъ *mansus vestitus* западно-европейской писцовой книги. Технической греческой терминъ для подведенія крестьянскаго двора подъ такое состояніе, въ которомъ онъ рассматривался какъ экономическая и податная единица, подлежащая опредѣленнымъ податямъ и

¹⁾ *Trincherà*, № 156 а. 1136: μετὰ τετραρίων πέντε καὶ βελλάνων πέντε; Монахенъ *Serbiea* 192: и да даю на зевгарь по 4 кобла жита.

²⁾ *Miklosich*, *Acta* IV, 182.

повинностямъ, есть ἀνταράξει или ἀποκαταστήσει ¹⁾). Такой дворъ назывался ζευγάριον ἑπιστατικόν ²⁾).

Именно такой уже болѣе обширный смыслъ слѣдуетъ дать термину зевгарать въ Лампсакской писцовой книгѣ. Ссылка на эту писцовую книгу тѣмъ болѣе уместна, что въ ней нашъ терминъ встрѣчается нѣсколько разъ, и притомъ въ разныхъ значеніяхъ, изъ которыхъ и можно сдѣлать заключеніе о полномъ объемѣ смысла его. Выѣсто обычной и ожидаемой описи крестьянскихъ дворовъ съ именами домохозяевъ и съ указаніемъ состава семей, выѣсто переписи экономическихъ статей каждаго двора и проч., мы находимъ здѣсь готовый экстрактъ изъ писцовой книги, выражающійся лишь въ перечнѣ объектовъ обложенія и въ нормѣ подати: двадцать одинъ зевгарать платитъ 208 перперовъ, пятьдесятъ два воидата обложены 251 перперомъ. Эти зевгараты не могутъ быть объяснены ни въ смыслѣ пары воловъ, ни въ смыслѣ участка земли; они обозначаютъ паричскія стаси или крестьянскіе дворы, подведенные подъ классъ зевгаратныхъ на основаніи ихъ экономической и платежной силы; ибо зевгаратамъ противопоставляются воидаты, которые обложены податью вдвое тѣмъ первые меньшею. Ниже воидатовъ стоятъ активоны (ἀκτιῶνες), съ которыхъ идетъ подати вчетверо меньше; наконецъ, послѣднюю ступень на экономической лѣстницѣ составляютъ апоры (ἀποροι), обложенные въ восемь разъ меньше зевгаратовъ.

Далѣе, въ той же писцовой книгѣ (статья de plenis) отдѣльно упоминаются пахатныя земли, какъ зевгаратныя, такъ и воидатныя, изъ чего можно заключить, что въ понятіе о зевгарѣ входитъ не только крестьянскій дворъ съ хозяйственными статьями, составляющими экономическую силу крестьянина, но и различныя права, въ данномъ случаѣ право зевгаратныхъ и воидатныхъ стасей на общинную землю, не раздѣленную на подворные участки. Наконецъ, въ статьѣ объ ангаріяхъ зевгарать является прямо замѣстителемъ парика или крестьянина. Въ этой статьѣ говорится: „относительно ангарій, зевгаратовъ и воидатовъ мы (то-есть, переписчики) нашли слѣдующее: они объявили подъ присягой, что въ греческое время они платили за семь ангарій съ каждаго“. Очевидно, дающіе присягу

¹⁾ Ibid. 182: ἀνταράξει καὶ ἀποκαταστήσει; въ Хиландарскомъ Практикѣ ОУТЬКЪМИТИ.

²⁾ Терновскою, Акты, 210.

и исполняющіе натуральныя повинности зевгараты и войдаты не могутъ быть иначе понимаемы какъ въ томъ смыслѣ, что это суть парики или крестьяне, сидящіе на зевгаратномъ или войдатномъ тяглѣ. Провѣряя данныя Ламисакской писцовой книги на другихъ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ, мы находимъ также и въ послѣднихъ употребленіе термина зевгарать въ значеніи паричской стаси или крестьянина, сидящаго на зевгаратскомъ участкѣ и обязаннаго отбывать соединенныя съ такимъ состояніемъ подати и повинности. Таковъ отрывокъ писцовой книги въ актахъ Терновскаго: Кампанъ имѣетъ жену Марію, дочь Марію, зевгарать тагловой (или приписной), данъ два перпера. Такое же условное значеніе принимаетъ иногда и первичная форма: зевгарь. Когда въ хризовулѣ Андроника Палеолога говорится о даримыхъ епископѣмъ парикахъ съ ихъ девятнадцатью зевгарями, или когда въ актахъ у Тринкеры читается: „пять зевгарей и пять вилялановъ“, го очевидно возможность замѣны и эквивалентность словъ зевгарь и парикъ или виляланъ, ибо какъ тамъ, такъ и здѣсь, количество зевгарей есть вмѣстѣ съ тѣмъ и количество париковъ-домохозяевъ.

Предшествующими доказательствами мы пытались выяснитъ смыслъ зевгаря и зевгарата византійской писцовой книги. Едва ли есть мѣсто сомнѣніямъ относительно того условнаго смысла, который выдаютъ въ зевгарѣ приведенные тексты. Можетъ быть, справедливѣе предъявить различныя запросы по отношенію къ совокупности тѣхъ реальныхъ предметовъ, которые входятъ въ понятіе о паричской стаси. Для подобныхъ запросовъ нашлось бы законное основаніе въ томъ обстоятельстве, что до сихъ поръ мы не привели ни одного отрывка писцовой книги, гдѣ описывалась бы паричская стаса со всѣми принадлежащими къ ней статьями хозяйственными. Для этого слѣдуетъ обратиться къ Хиландарскому Практику, по которому всего удобнѣе составить себѣ понятіе объ организаціи паричской стаси.

Въ этой писцовой книгѣ подробно описаны 127 паричскихъ стасей, изъ которыхъ 49 помѣчены занимающимъ насъ терминомъ зевгарь. По поводу этого термина въ Хиландарскомъ Практикѣ спѣшимъ прежде всего сдѣлать нѣкоторыя поправки къ сказанному въ отдѣльной статьѣ: „Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV вѣкѣ“¹⁾. Вновь пересмотрѣвъ въ настоящее время Хиландарскій Практикъ, мы убѣдились, что болѣе надежный приемъ къ выясненію употребляюща-

¹⁾ Поправки относятся къ стр. 25, 27—28.

госи въ немъ термина зевгаръ заключается въ простомъ сопоставленіи описи стасей, помѣченныхъ зевгаремъ и не помѣченныхъ. Такъ, если сравнимъ такой, напримѣръ, столбецъ ¹⁾: „Федоръ Акрионнъ имѣеть Марію и братьевъ Михаля и Василья, зевгаръ, три говѣди, овецъ пятьдесятъ, конь и осель, свиней двадцать, виноградника четыре кобла, земли сто кобловъ, дань пять перперовъ“ съ слѣдующимъ столбцомъ, принадлежащимъ другой стаси: „Коста сынъ Михаля Кукулела имѣеть Станулу, сына Михаля, дочь Прину, брата Яна и сноху за нимъ Анну, волъ одинъ, двѣ говѣди, виноградника два съ половиной кобла, земли пятьдесятъ кобловъ, дань полтора перпера“, то замѣтимъ, что въ первомъ столбцѣ зевгаръ и три говѣди стоятъ на томъ мѣстѣ, на которомъ поставлено волъ одинъ и двѣ говѣди. Такое соотношеніе въ употребленіи слова зевгаръ и волъ существуетъ не только въ указанныхъ столбцахъ, но проходитъ во всемъ Практикѣ, то-есть, зевгаръ всегда появляется тамъ, гдѣ не показано вола, а гдѣ есть волъ, тамъ не показано зевгара. Далѣе, нужно признать за дѣствѣрное, что говѣди въ Практикѣ обозначаетъ не вообще рогатый скотъ и не быковъ, какъ объяснено это слово, напримѣръ, въ сербско-русскомъ словарѣ П. А. Лавровскаго, и какъ понято было нами это слово при изданіи Практика, но именно коровъ. Однѣмъ разъ въ самомъ Практикѣ встрѣчается такое выраженіе: „зевгаръ одинъ, коровъ четыре“, вмѣсто обычнаго говѣди ²⁾. Если же это такъ, то и слово зевгаръ должно быть толкуемо въ простомъ переносномъ смыслѣ: въ столбцѣ является зевгаръ, если у хозяина была пара воловъ, и наоборотъ, записано волъ, когда въ хозяйствѣ нѣтъ пары, а одинъ только быкъ. Тамъ, гдѣ при волѣ были еще коровы, послѣднія показаны въ отдѣльной графѣ: волъ, говѣдо, осле; волъ и двѣ говѣди; волъ, двѣ говѣди ³⁾. Такимъ образомъ, Хиландарскій Практикъ долженъ быть исключенъ изъ тѣхъ памятниковъ, по которымъ восстанавливается переносный смыслъ термина зевгаръ. Но независимо отъ этого, Практикъ нисколько не теряетъ въ своемъ значеніи, какъ единственный образецъ византійско-славянской писцовой книги XIV вѣка. Въ немъ находимъ между прочимъ матеріалъ къ уразумѣнію организаціи паричской стаси, ибо здѣсь въ подробности перечислены хозяйственныя статьи, которыя входятъ въ понятіе

¹⁾ Матеріалы, 104—109 (отмѣчаемъ строки въ актѣ).

²⁾ Матеріалы, II.

³⁾ Ibid. 229, 270. 305.

крестьянскаго двора и которія составляютъ объектъ обложенія по датами.

Паричская стась или крестьянскій дворъ слагается, вопервыхъ, изъ совокупности лицъ по семейному положенію, занимающихся обработкою земли, или ремеслами и промыслами, вовторыхъ, изъ разнообразныхъ хозяйственныхъ статей и наконецъ, втретьихъ, изъ нѣкоторыхъ правъ. Такимъ образомъ, въ организаціи стаси нужно различить личный составъ, экономическій и правовой — въ смыслѣ участія въ общихъ пастбищахъ и въ общинной землѣ. Именно, въ описаніи каждаго двора находимъ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: 1) имена домохозяина и живущей съ нимъ семьи; 2) крупный скотъ: волю, коровы, лошади и ослы; 3) мелкій скотъ: свиньи и овцы; 4) фруктовыя деревья; 5) ульи; 6) огородная, садовая земля или виноградная плантація; 7) пахатная земля. Но кромѣ усадебной и пахатной земли, каждая стась принимала еще участіе въ эксплуатаціи общинной земли, которая въ практикѣ называется землей „особь отъ паричскихъ стасей“, и за которую, равно какъ и за пастбищную, всѣ стаси платили повинности по раскладѣ.

Что касается до личнаго состава, то онъ состоитъ изъ домохозяина, жены его и дѣтей мужеска и женска пола. Домохозяиномъ считается и вдова, даже при наличности женатаго сына, зятя или брата, живущихъ въ той же семьѣ ¹⁾. Иногда при имени домохозяина обозначается ремесло его: ковачъ, млинарь, швецъ, вивлографъ, ловець ²⁾ и т. п. Встрѣчаются указанія на происхожденіе: болгаринъ, албанецъ. Въ числѣ домохозяевъ упоминаются и духовныя лица: попъ, вдова попадья. Подъ однимъ дворомъ нерѣдко значатся и родственники домохозяина и приватые въ домъ: мать, племянники и племянницы, зять, снохи — даже при живомъ мужѣ, братъ хотя бы и женатый, сведеникъ и сведеница ³⁾. Но замѣтна также широкая свобода выдѣленія, раздѣла семей и дробленія ихъ на отдѣльныя стаси. Взрослый сынъ или живетъ съ отцомъ въ одномъ дворѣ, или въ раздѣлѣ — и тогда записанъ домохозяиномъ; къ новой стаси приываютъ иногда братья и сестры съ зятьями. Выдѣлившіеся домо-

¹⁾ Матеріалы, 261, 263, 271, 298.

²⁾ Матеріалы, указатель.

³⁾ Матеріалы, 23, 14, 123, 148, 45, 56, 114, 123, 136, 163, 70, 286, 291, 298, 104, 108, 148, 274, 200, 246.

хозяева отиѣчаются какъ сынъ такого-то, братъ, другой братъ и т. п. ¹⁾.

Экономическій или хозяйственный составъ стаси рисуется въ Практикѣ съ рѣдкою полнотою, которая позволяетъ весьма наглядно опредѣлить источники пропитанія и платежныя средства населенія.

	П а р и ч е с к і я с т а с и .					
	Числоста- сей.	Пахотная земля.	Виноград- ники.	Крупный скотъ.	Мелкій скотъ.	Дань.
Градецъ . .	71	2,160 кобл.	151 к.	198	375	120 п.
Мульзени . .	9	300	4	15	55	13
Дужьца . .	9	230	8	30	95	14 ¹ / ₂
Каменца . .	18	—	29 ¹ / ₂	21	52	14
Ковьдогрица	5	13	12	7	34	6 ¹ / ₂
Кумица . .	15	—	7	30	70	10
Сумма .	127	2,703	211 ¹ / ₂	301	681	178(?) ²⁾

Благосостояніе крестьянскаго двора главнѣйше обусловливается количествомъ отведенной къ нему пахотной земли, садовою и виноградною плантаціей и необходимымъ въ сельскомъ хозяйствѣ домашнимъ скотомъ. Количество земли за паричскими стасями колеблется на половину, на треть, даже на четверть противъ нормальной величины, часто встрѣчаются стаси совсѣмъ безъ надѣла земель. Высшій надѣлъ въ Хиландарскомъ Практикѣ 125 кобловъ, но такимъ участкомъ владѣетъ всего одна стась. Затѣмъ въ десяти хозяйствахъ записано земли по сту кобловъ, въ нѣсколькихъ по семидесяти, во многихъ по пятидесяти; наконецъ, есть стаси съ двадцатью пятью и даже съ тринадцатью коблами пахотной земли. Вообще же цѣлыхъ 85 стасей не имѣютъ земельного надѣла, кромѣ усадебнаго, и только 42 съ надѣлами весьма различной величины. Изъ этого можно было бы вывести весьма неблагоприятное заключеніе объ экономическомъ положеніи париковъ Практика, еслибы не имѣлся въ виду обширный запасъ земель „особо отъ паричскихъ стасей“, въ обработкѣ которыхъ должны были принимать главнѣйшее участіе безземельные парики въ качествѣ сьемщиковъ, арендаторовъ и т. п.

Для оцѣнки экономическихъ средствъ стаси имѣется весьма надежное средство въ норжѣ обложенія податями. Высшею податію въ пять перперовъ обложена, во первыхъ, стась со 125 коблами земли,

¹⁾ Ibid. 72, 32, 35, 41, 99, 132, 204, 221, 53, 63, 93, 102, 115, 166 и мн. др.

²⁾ Объясненія въ Материалахъ, стр. 29—30.

вовторыхъ, двѣ со ста коблами; изъ остальныхъ же, при равномъ надѣлѣ, пять платятъ по четыре перпера и четыре стаси по три перпера. Дворы съ 70 коблами обложены въ два съ половиной перпера. Что касается до дворовъ съ 50 коблами, въ обложеніи ихъ находимъ также значительную неравномѣрность. Одно хозяйство платитъ три перпера, то-есть, столько же, сколько нѣкоторыя стаси съ двойнымъ количествомъ земли. Другія платятъ то по два съ половиной перпера, то по два, то, наконецъ, по одному. Дворъ съ 25 коблами обложенъ однимъ, а съ 13 коблами двумя перперами. Но всего любопытнѣе то, что безземельные дворы обложены однимъ, полутора и даже двумя перперами, то-есть, по платежнымъ средствамъ они сравнены съ такими, за которыми числится 50 кобловъ пахотной земли. Всѣ эти данныя должны вести къ заключенію, что не одна пахотная земля обуславливаетъ экономическую и платежную силу паричской стаси.

Въ Хиландарскомъ Практикѣ пахотная земля уравнивается между прочимъ виноградною плантаціей, садовою землею и, наконецъ, числомъ скота. Если за стасью не значится пахотной земли, наѣрное эта отсутствующая статья возмѣщается съ большимъ сравнительно размѣромъ виноградной земли и количествомъ скота, когда обложена она такою же податью, какъ стась съ землей. Сравнимъ слѣдующіе два столбца ¹⁾: „Георгій имѣетъ Ирину и сына Іоанна, зевгарь и двѣ говѣди, виноградъ прикію половина кобла, земли 50 кобловъ, дань по два перпера“, — „Янъ имѣетъ Калию и дочь Зою, зятя Іоанна, внуковъ Іоанна и Дмитрія и сестеръ Ксевию и Марію, зевгарь и три говѣди, и овецъ 15, свиней 4, винограда три съ половиной кобла и еще полтора кобла, дань два перпера“. Легко видѣть, почему эти двѣ стаси, изъ которыхъ одна владѣетъ 50 коблами земли, другая же не имѣетъ ни одного, приняты однако за одинаковые податные объекты. Первая имѣетъ только полкобла виноградника, вторая же, при отсутствіи пахотной земли, владѣетъ пятью коблами виноградника, пятнадцатью овцами и четырьмя свиньями, что при переписи и служило основаніемъ подвести эту стась подъ одинаковое съ первой экономическое и податное состояніе. Нѣтъ сомнѣнія, что при оцѣнкѣ экономическихъ и платежныхъ средствъ стаси пахотная земля уравнивалась не только виноградниками, но и другими хозяйственными статьями, какъ показы-

¹⁾ Матеріалы, 53, 55.

ваетъ сравненіе нижеслѣдующихъ столбцовъ ¹⁾: „вдовца Маріа имѣеть сына Константина и дочь Ирину и племянника Георгіа и племянницу Калію, одинъ волъ, двѣ коровы, пятнадцать овецъ, четыре свиньи, виноградника семь кобловъ, земли 50 кобловъ, дань три перпера“, — „Михалъ имѣеть брата Іоанна и сестру Марію, зевгаръ, винограда семь кобловъ, земли 100 кобловъ, дань три перпера“. Первая стась имѣеть земли вдвое меньше, чѣмъ вторая, виноградника у обоихъ домохозяевъ одинаковое количество, а между тѣмъ объ стаси приравнены и обложены одинаковой податью — и конечно, на томъ основаніи, что въ первомъ хозяйствѣ есть коровы, овцы и свиньи, которыхъ во второмъ нѣтъ.

Было бы, конечно, излишне притязательнымъ дѣлать провѣрку на каждомъ столбцѣ и во всѣхъ случаяхъ объяснять норму обложения паричскихъ стасей, ибо нѣкоторая неравномѣрность всегда возможна и легко объяснима возрѣніями и отношеніемъ къ дѣлу переписчиковъ и участвовавшихъ въ оцѣнкѣ свѣдущихъ людей, которые квалифицировали экономическое состояніе стаси. Но это не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важнѣе то, что стась Правника не только не обозначаетъ опредѣленнаго земельного надѣла, но можетъ совсѣмъ не предполагать его, такъ какъ есть безземельныя стаси; не менѣе важно и другое заключеніе, что въ понятіе стаси приводить элементъ оцѣнки или квалификаціи экономической силы крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ въ стаси мы имѣемъ до нѣкоторой степени эквивалентъ византійскаго зевгаря и зевгарата. Разница та, что стась въ дѣйствительности не обозначаетъ экономической и податной единицы, подлежащей равномѣрному и одинаковому обложению, но дѣлится на половины, трети и четверти подобно тому, какъ въ писцовыхъ книгахъ у Бюшона ²⁾: „pro medietate unius stasie“, „pro tertia parte stasie sue“, „pro sexta parte unius stasie“. Хотя въ приложеніи къ зевгарю нигдѣ не встрѣчалось частей его, не попадалось такихъ выраженій, какъ половина или треть зевгаря, тѣмъ не менѣе нужно думать, что и въ византійскомъ терминѣ для обозначенія крестьянской стаси, по внимательномъ изслѣдованіи, можно открыть многообразіе состояній и видовъ податнаго крестьянскаго двора, а не разъ установленное и неизмѣнное единство опредѣленнаго количества пахотной земли. Прежде чѣмъ продолжать изслѣдованіе въ

¹⁾ Ibid. 22—26.

²⁾ Bouchon, 'Nouvelles Recherches II, 57.

этомъ направленіи, намъ нужно бросить взглядъ на производныя слова, имѣющія этимологическую связь съ зевгаремъ и выражающія различныя земельныя и податныя отношенія. Какъ самыя слова ζεῦχος и ζευγάριον, такъ и нѣкоторыя другія, отъ нихъ производныя употребляются въ смыслѣ поземельной подати. Таково между прочимъ употребленіе слова ζευγάριον у Теофилакта Болгарскаго въ значеніи подати съ крестьянскаго двора; въ такомъ же значеніи и тѣмъ писателямъ употребляется выраженіе ζευγόμενος и ζευγολόγιον ¹⁾. Жалобы Болгарскаго архіепископа на притѣсненія духовенству по сбору этой подати находятъ себѣ оправданіе въ актѣ, приводимомъ у Цахаріа ²⁾ и свидѣтельствующемъ объ изыятіи духовенства отъ земельной подати, которая называется ζευγολόγιον. У Михаила Авомината находимъ выраженіе ζευγολογεῖν и ζευγοσταεῖν въ смыслѣ произведенія перенеси ³⁾. Однозначачее съ ζευγολόγιον слово ζευγαράτῃσιον — также обычно въ значеніи земельной подати: ἀτέλαια τοῦ ζευγαράτῃσιου то же, что ἀτέλαια τοῦ ζευγαράτῃσιου ⁴⁾. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть выраженіе ζευγηλάτιον и ζευγηλάτης въ смыслѣ пашня и пахарь, равно какъ славянское слово зевгелин ⁵⁾.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ вывести, что выраженіе зевгарь съ производными отъ него словами употребляется въ пяти значеніяхъ: пара воловъ, участокъ земли, крестьянскій дворъ въ обширномъ смыслѣ слова, земельная подать и, наконецъ, пахотная земля.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что различныя значенія слова зевгарь должны имѣть соотношеніе между собою. Но есть ли средства разъяснить связь между парой воловъ и крестьянскимъ дворомъ?

Этимологическая связь ζεῦχος съ jugum позволяетъ предполагать, что въ римской земельной системѣ можно искать аналогій для объясненія византийскаго земельного и экономическаго термина зевгарь.

¹⁾ Migne, Patrologia graeca vol. 126, p. 448—449: ἐν ζευγάριον ἕκαστος ἐξκομισέοντες; ἐφ' ἐν ζευγαρίῳ ἀτέλαια; сравн. p. 516... μόνῃ καταβαρυνάμενην τῇ τοῦ ζευγόμενω τέλει; ibid: 536 ζευγολόγον πάντως καταθροῦμεθα, ὡς καὶ εἰς πάντας ὀραμεῖται τοῦτο.

²⁾ Zachariae a Lingenthal III, 432: ἀτέλαια τοῦ ζευγολόγιου, сравн. p. 447.

³⁾ Λ α μ π ρ ος II, 106, сравн. ap. Migne vol. 126, p. 316.

⁴⁾ Zachariae III, 432, 694. Ζευγαράτῃσιον въ смыслѣ поземельной подати встрѣчается во множествѣ въ актахъ Терновскаго p. 174 и особенно Т. Д. Флоринскаго p. 83, 86, 93, 95, 97, 99 и др.

⁵⁾ Zachariae I, 60, III, 324; Терновскій 56, 172, 290; Флоринскій 92, 93; Гласникъ XV, 274

Наблюдаемая римскимъ правительствомъ практика по отношенію къ колонизаціи свободныхъ государственныхъ земель (*Ager publicus*) заключалась между прочимъ въ раздачѣ ихъ ветеранамъ. Въ законахъ императоровъ IV вѣка ¹⁾ весьма ясно обозначена искомая связь между волами и крестьянскимъ хозяйствомъ. Правительство давало ветеранамъ первоначальное хозяйственное обзаведеніе, вообще заботилось, чтобъ они были въ состояніи заниматься хлѣбопашествомъ. Сообразно званіямъ и заслугамъ ветерановъ, однимъ выдавалось по двѣ пары воловъ и по 100 модіевъ ржи и овса или другаго жита, другимъ по одной парѣ воловъ и по 50 модіевъ двухъ сортовъ зерна. Это было, такъ сказать, снаряженіе крестьянскаго участка, который по своей величинѣ приведенъ былъ въ связь съ парой или двумя парами воловъ, съ сотней или двумя сотнями модіевъ для посѣва. Извѣстно, что со времени Діоклетіана *jugum* былъ принятъ какъ единица при обложеніи податями.

Какъ реальный надѣлъ земли, *jugum* можетъ быть до извѣстной степени опредѣленъ въ единицахъ мѣры. Надѣлъ въ одну пару воловъ имѣлъ на обмѣненіе 50 модіевъ ржи и 50 другаго жита. По свидѣтельству римскихъ писателей-экономистовъ ²⁾, нужно было четыре съ половиной или пять модіевъ зерна на засѣвъ одного югера земли, такъ что своимъ 50 модіями ветеранъ могъ засѣять 10 югеровъ; предполагается также, что онъ былъ въ состояніи и обработать это количество земли парой воловъ. Другими 50 модіями онъ могъ засѣять другое поле, и, предполагая трехпольное хозяйство, мы должны представлять его участокъ въ 30 югеровъ — по 10 въ каждомъ изъ трехъ полей. Надѣлъ ветерана, получившаго двойное ярмо въ четыре вола и по 100 модіевъ двухъ сортовъ зерна, долженъ быть вдвое больше, то-есть, около 60 югеровъ.

Другой путь къ объясненію связи между крестьянскимъ дворомъ

¹⁾ Codex Theodosianus, VII, XX, 3.

²⁾ Varro, de Re Rustica I, 44. Seruntur fabae modii IV in jugero, tritici V, ordei VI; Columella II, 9; Cicero in Verrem III, 27. Эти мѣста древнихъ примыняли для своихъ выводовъ о средневѣковомъ землевладѣніи Guérard, Polyptique de l'abbé Irminon, I, 169—170, 183; въ самое послѣднее время и, нужно сознаться, съ большимъ успѣхомъ проведено это примыненіе къ книгѣ англичанина Seebohm, The English village Community, London 1883, p. 274—275 и слѣд. Гераръ отправляется въ своихъ вычисленіяхъ отъ 4½ модіевъ на югеръ, Симонъ — отъ 5. Само собою разумѣется, числа могутъ имѣть относительную и приблизительную точность.

и волами представляет изученіе англійскихъ писцовыхъ книгъ, образецъ котораго имѣемъ въ недавно вышедшемъ прекрасномъ сочиненіи Сибома. Оказывается, что средневѣковые крестьянскіе участки не только впрочемъ въ Англіи, но и почти во всей западной Европѣ, организованы были по соотношенію съ полной запряжкой въ плугъ. На земляхъ, зависящихъ отъ свѣтскихъ и духовныхъ сеніоровъ, земельные надѣлы, обрабатываемые крѣпостными крестьянами, были снаряжаемы, также какъ ветеранскіе участки въ римской имперіи, рабочимъ скотомъ: однимъ воломъ, парой, двумя парами. Такъ какъ нормальная запряжка плуга въ Англіи и почти во всей западной Европѣ требовала по крайней мѣрѣ 8 воловъ или 4 пары, то отношеніе зависящихъ крестьянскихъ участковъ къ полному плугу выражалось въ слѣдующихъ видахъ: 1) отбывая господскую барщину пашни, крестьянинъ долженъ былъ впрягать въ господскій плугъ то количество воловъ, которое было ему дано вмѣстѣ съ земельнымъ надѣломъ; 2) снаряженіе участка однимъ, или двумя парами воловъ стояло въ связи съ размѣрами участка, ибо предполагалось, что съ большимъ количествомъ воловъ можно обработать болѣе обширный участокъ, съ меньшимъ небольшой; 3) такъ какъ однако въ плугъ нужно было впрягать 8 воловъ, а такого количества не было у владѣльцевъ небольшихъ участковъ, то искони явилась необходимость артельного паханья или пашни въ складчину: крестьяне соединились въ группы для составленія полнаго плуга, кто доставлялъ одного, кто двухъ воловъ, кто больше. Необходимостью соблюсти правильный и безобидный раздѣлъ вспаханной земли обуславливались весьма важныя явленія земельной экономіи, напримѣръ, мелкія полосы, черезполосность владѣнія, общинное землевладѣніе.

Соотношеніемъ земельныхъ участковъ съ запряжкой въ плугъ объясняются термины землевладѣнія и податной системы въ Англіи и западной Европѣ. Полному плугу въ 8 воловъ соответствуетъ усадьба или участокъ, имѣющій названіе гиды; полгида есть земельный участокъ, снаряжаемый двумя парами воловъ; самый обыкновенный земельный надѣлъ крестьянина есть виргата; онъ соответствуетъ парѣ воловъ или латинскому *jugum*; виргата раздѣляется еще на двѣ боваты, то-есть, такіе участки, которые соответствуютъ каждый одному волу. Такимъ образомъ бовата равна $\frac{1}{2}$ гиды, то-есть, въ восемь разъ меньше земельного участка, называемаго гидой, владѣлецъ боваты выставляетъ въ господскій и артельный плугъ только одного вола. Всѣ названныя участки, имѣя определенное отношеніе къ за-

пряжкѣ плуга въ 8 воловъ, съ другой стороны, приведены въ податномъ и барщинномъ отношеніи въ связь съ гидой какъ единицей обложенія. Нормальная величина виргаты 30 акровъ, нормальная величина гиды 120 акровъ, но бываютъ и двойныя гиды и виргаты, какъ мы видѣли выше двойныя и простые падѣлы римскимъ ветеранамъ ¹⁾. Если такимъ образомъ связь между парой воловъ и земельнымъ надѣломъ или крестьянскимъ дворомъ устанавливается на изученіи западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ, то очевидно, что и по отношенію къ зевгарю или зевгарату умѣстны вопросы о реальной величинѣ его или измѣримости, объ организаціи его въ смыслѣ надѣла, стаса или крестьянскаго тягла, наконецъ, объ общемъ значеніи его въ земельномъ хозяйствѣ.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ Римской имперіи *jugum* не есть мѣра поверхностей, а податная земельная единица. Крестьянскіе и вообще земельные участки измѣрялись югеромъ, и число югеровъ въ *jugum* было весьма различно: земли подъ виноградною плантаціей шло на *jugum* только 5 югеровъ, пахатная земля могла быть лучшаго, средняго и худшаго качества, почему за *jugum* принималось 20, 40 и 60 югеровъ ²⁾. Самый югеръ опредѣляется какъ такая мѣра земли „*quod juncti boves uno die exarare possint*“. Отсюда болѣе древнія земельныя мѣры у всѣхъ народовъ имѣютъ отношеніе къ рабочему дню: *Morgen*, *Iurnalis* или *Diurnalis* и славянское *Донница*. Римскій югеръ въ ширину былъ 100 или 120 стопъ, длиною вдвое больше ³⁾; но день пашни у другихъ народовъ не вполне соответствуетъ римскому, и это зависитъ отъ свойствъ почвы, отъ запряжки въ плугъ и тому подобнаго. Если оставить безъ вниманія небольшую неточность, то для круглаго счета можно принять, что югеръ соответствуетъ моргену и $\frac{1}{4}$ нашей десятины.

Переходя къ примѣненію этихъ данныхъ къ византійскимъ писцовымъ книгамъ, мы находимъ здѣсь, съ одной стороны, терминъ зевгаръ, который, какъ и *jugum*, можетъ выражать различную величину, будучи собственно единицей обложенія, съ другой — въ нѣкото-

¹⁾ *Seebohm*, p. 35—40, 61—66.

²⁾ *Bruno und Sachau*, *Syrisch-Römisches Rechtsbuch*, § 121, s. 37. Разборомъ мѣста о податной реформѣ Діоклетіана занимались мы въ первой главѣ этой статьи, *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*, январь 1884 года.

³⁾ *Bluhme, Lachmann*—*Gromatici veteres* 1. 368 *iugerum autem constat longitudine pedum CCXL, latitudine CXX*.

рыхъ случаяхъ показаніе реальныхъ величинъ, которыми измѣрялись земельные участки. Какъ на востокѣ, такъ и въ славянскихъ земляхъ, встрѣчается между прочимъ земельная мѣра модій, бывшая первоначально мѣрою сыпучихъ тѣлъ. Римскіе землемеры опредѣляютъ отношеніе модія къ югеру двоякимъ образомъ: какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ—модій относится къ югеру какъ 5 къ 1, то есть, на объѣмъ одного югера требуется 5 модіевъ; какъ земельная мѣра, модій составляетъ $\frac{1}{3}$ югера—*iugerum unum faciunt terra modiorum 3*¹⁾. Припоминая, что нормальный надѣлъ ветерана соединяемъ былъ съ выдачей 100 модіевъ жита, которыми онъ при трехпольной системѣ могъ засѣять два поля, по 10 югеровъ каждое, мы примемъ пока за болѣе вѣрное, что въ югерѣ было пять модіевъ. Имѣя въ виду практику, наблюдавшуюся въ Римской имперіи, по которой *iugerum* могъ заключать отъ 20 до 60 югеровъ, смотря по доброкачественности почвы, мы можемъ по аналогіи заключить, что зевгарь византійской писцовой книги, если выразить его въ модіяхъ долженъ былъ имѣть отъ 100 до 300 модіевъ соответственно съ качествомъ почвы. И дѣйствительно, этотъ расчетъ оказывается соответствующимъ фактамъ, находимымъ въ византійской писцовой книгѣ. Имѣемъ въ виду вышеприведенные акты изъ сборника Терновскаго: въ одномъ изъ нихъ 4039 модіевъ приравняются къ 30 зевгарямъ, въ другомъ 748 модіевъ къ 3 зевгарямъ, въ первомъ случаѣ на зевгарь приходится около 135 модіевъ, во второмъ около 250. И такъ, цифровыми данными можно доказать, какаѣ площадь земли понималась подъ зевгаремъ²⁾, но практически отъ этого мы весьма мало выигрываемъ, ибо въ дѣйствительности крестьянская стась никогда не организовалась согласно круглому счету модіевъ.

¹⁾ Ibid. p. 359. *Iugerum unum pedes CCXL et in latitudine pedes C faciunt terra modiorum III*. Некоторое несоответствіе этого мѣста съ свидѣтельствами Варрона, Колумеллы и Цицерона, по которымъ югеръ соответствуетъ пяти модіямъ посѣва, нужно объяснить различіями въ организаціи самаго югера, см. предыдущее примѣчаніе. Самая центурія имѣла не одну и ту же организацію: *Bluhme, Lachmann*, p. 96, in *centuria agri iugera CC, modii DC*; но свѣдуетъ принять въ соображеніе разсужденіе Сикста Флакка (ibid. p. 154—156) *pluribus ergo personis inaequaliter assignatur modus; sed nec singulis acceptis modi per omnes regiones aequalitus est: nam secundum bonitatem agrorum computatione acta acceptas partiti sunt, melioris itaque agri minorem modum acceperunt*. Поэтому самая центурія могла имѣть и 200 и 240 югеровъ.

²⁾ 135 модіевъ соответствуютъ $26\frac{1}{3}$ югерамъ (около 7 десятинъ), 250 равняются 50 югерамъ (около 12 десятинъ).

Пока еще мы не можемъ указать такую писцовую книгу, въ которой было бы прямо обозначено, сколько модіевъ земли имѣло крестьянское хозяйство, записанное зевгаратнымъ. Но у насъ есть другой терминъ измѣренія земли, именно кобль, сохранившійся въ Хиландарскомъ Практикѣ. Какъ извѣстно, въ этой писцовой книгѣ количествомъ кобловъ отмѣчается виноградная и пахотная земля каждой крестьянской стаси. По всей вѣроятности, кобль является замѣнителемъ модія въ славянской писцовой книгѣ, то-есть, представляетъ $\frac{1}{4}$ югера и $\frac{1}{100}$ десятины. На этомъ основаніи крестьянскія стаси Хиландарской писцовой книги, земельный надѣлъ которыхъ колеблется отъ 125 до 25 кобловъ, изображаютъ собою реальные участки различной величины отъ 6 до $1\frac{1}{4}$ десятины. Что эти надѣлы пахотной земли могли быть сильнѣе нормальныхъ, легко понять изъ того обстоятельства, что почти за каждымъ дворомъ числится кромѣ того виноградная плантація, которая при одинаковой величинѣ считалась теоретически ¹⁾ въ 8 разъ выше и доходнѣе пахотной земли средняго качества (5 югеровъ виноградника и 40 югеровъ пахотной земли принимались за одинъ jugum). Если же перевести виноградники Хиландарской писцовой книги, отмѣченные также мѣрою кобла, въ среднія величины пахотной земли, то найдемъ, что надѣлы крестьянскихъ стасей колеблются между 200 и 100 кобловъ, что весьма близко подходитъ къ нормальному количеству модіевъ въ зевгарѣ (отъ 134 до 250), выведенному на основаніи византійскихъ актовъ. Такимъ образомъ, хотя между модіемъ и кобломъ нѣтъ этимологической связи, но весьма вѣроятно, что оба термина выражаютъ одну и ту же мѣру сыпучихъ тѣлъ и поверхностей.

У южныхъ славянъ, какъ оказывается, кобль не пользовался общимъ распространеніемъ въ смыслѣ земельной мѣры. Межевая опись Тетовскаго монастыря ²⁾ упоминаетъ слѣдующіе термины земельной мѣры: погонъ, вѣроятно, тожественное слово съ употребительнымъ въ Великороссіи загонъ или гонъ (стрѣнца), плугъ, комать, дънина, заметь. Послѣдній терминъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе въ исторіи преемства землемѣрныхъ терминовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что заметь находится въ ближайшемъ сродствѣ съ мѣть, мѣрой сыпучихъ тѣлъ и поверхностей. Въ Тетовскомъ актѣ почти

¹⁾ Практически кобль виноградной плантація стоить въ шесть разъ дороже кобла пахотной земли; мѣста указываемъ ниже.

²⁾ Матеріалы для исторіи землевладѣнія, стр. 30—39.

сплошь мѣрою замети отмѣчаются небольшіе крестьянскіе участки и полосы, такъ что нельзя не приходить къ заключенію о примѣнимости этой мѣры къ мелкому крестьянскому землевладѣнію, иначе говоря о тожествѣ замети съ кобломъ. У Миялошича въ Monumenta Serbica ¹⁾ находимъ далѣе такое мѣсто: да шроу ѿ мѣти пшенице, ѿ швѣса, ѿ винограда, мѣть мѣроми тако и по нинухъ цркъваухъ. Легко видѣть, что здѣсь излагается положеніе о барщинѣ церковныхъ крестьянъ, обязанныхъ пахать въ пользу церкви 10 мѣти земли, или что то же—положеніе о церковной десятинѣ. Употребляя выраженіе Тетовскаго акта, церковные парики обязаны вспахать каждый по 10 заметей въ пользу церкви, или десятую часть своего собственнаго крестьянскаго надѣла. Отсюда можно выводить, что обыкновенный крестьянскій надѣлъ былъ во 100 заметей, но въ такой же мѣрѣ кобломъ сводится средній крестьянскій надѣлъ въ Хиландарской писцовой книгѣ. Въ концѣ концовъ является вѣроятная возможность сблизить оба землемѣрные термина заметь и кобль. Мѣть можетъ представлять уже и этимологическое сродство съ модіемъ (modus—μόδιος), будучи реальнымъ эквивалентомъ римской и греческой земельной мѣры ²⁾. Что касается другихъ землемѣрныхъ выраженій, они также до известной степени объясняются при сравнительно-историческомъ методѣ. „Нива на 6 плуговъ“ означаетъ такой участокъ, на обработку котораго требуется шесть рабочихъ дней съ парой воловъ. Въ римской имперіи за нормальную величину „quod juncti boves exagare possint uno die“ принять былъ югеръ, то-есть, пять кобловъ. Такимъ образомъ, когда говорится о нивѣ на 6 плуговъ, нужно понимать участокъ въ 30 кобловъ или около 1½ десятины. Равнымъ образомъ выраженіе „нива на 15 днннѣ“ должна означать участокъ, на обработку котораго потребно 15 дней, то-есть, 75 кобловъ или до четырехъ десятинъ. Терминъ погонь или гонь, употребляющійся и понинѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ Турецкой имперіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Каллига ³⁾, представляетъ собой по отношенію къ коблу въ три

¹⁾ Monumenta Serbica p. 97; сравн. другія мѣста ibid. p. 98, 565; Гласникъ XII, 61.

²⁾ Прямая связь славянской мѣры кобла съ греческимъ терминомъ зевгарь замѣчается въ Monumenta Serbica p. 192, и да даю на зевгарь по 4 кобле жита.

³⁾ Παύλου Καλλιγά, Μελέται καὶ λόγοι. Αθήναι: 1882 p. 185—304: ἡ ἕκτασις τοῦ ζευγαρίου εἶναι μετατῶν 100 καὶ 200 στρεμμάτων κατὰ τὴν πόστητα τῆς

раза меньшую величину. Такимъ образомъ, выраженіе „нива на 15 погонь“ должно быть понимаемо въ смыслѣ участка въ 5 кобловъ или заметей. Но болѣе точныя вычисленія по этому вопросу мы предлагаемъ въ концѣ главы.

Указанныя доли или части, на которыя распадается зевгарь въ смыслѣ крестьянскаго земельнаго надѣла, позволяютъ намъ бросить въ заключеніе взглядъ на общій характеръ крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи. Въ этомъ отношеніи любопытнѣйшія данныя для наблюденія представляетъ „Межевая опись Тетовскаго монастыря“, изученіе которой проливаетъ новый свѣтъ на организацію крестьянскаго землевладѣнія, какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ областяхъ Византійской имперіи. Поставленный рядомъ съ однородными межевыми актами сборниковъ Миклошича и Терновскаго, Тетовскій актъ пріобрѣтаетъ весьма важное общее значеніе.

При изданіи Тетовскаго акта въ „Матеріалахъ для исторіи землевладѣнія“, мы обратили вниманіе только на внѣшнюю его сторону, назвавъ его сборникомъ актовъ, оправдывающихъ права монастыря на землю. Интересно, конечно, и то, что по этому акту является возможность возсоздать пути и средства, которыми церковь пользовалась для увеличенія своихъ владѣній на счетъ мелкаго землевладѣнія; не менѣе важно и богатство новыхъ терминовъ, относящихся къ сельскому хозяйству, къ названію земельныхъ участковъ, какъ это показано выше. Но болѣе существенная сторона Тетовской межевой описи заключается именно въ самомъ фактѣ смежнаго и черезполоснаго владѣнія церкви съ крестьянами. Тетовскій монастырь является по нашей описи помѣщикомъ-землевладѣльцемъ, который имѣетъ не только свою особенную, отдѣленную отъ крестьянской земли усадьбу, но массу мелкихъ участковъ или полосъ среди крестьянскихъ полей. Актъ и представляетъ собственно перечисленіе этихъ полосъ неравной величины съ точнымъ обозначеніемъ ихъ размѣровъ, мѣстоположенія и съ указаніемъ способовъ пріобрѣтенія ихъ. Такъ какъ полосы въ большинствѣ случаевъ небольшихъ размѣровъ и раскинуты по большому пространству крестьянскихъ пахотныхъ полей, то оказалось несостоятельнымъ обозначать ихъ, во первыхъ, по именамъ прежнихъ владѣльцевъ, отъ которыхъ онѣ перешли къ монастырю, во вторыхъ, по именамъ владѣльцевъ смежныхъ полосъ. Гдѣ возможно, участокъ отмѣчается

γῆς (р. 291). Ниже покажемъ, что на коблъ или модій слѣдуетъ считать три стремны или погоня.

межевыми знаками, дорогами, тропами, деревьями, положеніемъ относительно рѣки и т. п. Еслибъ изобразить на планѣ перечисленныя въ актѣ монастырскія полосы, то наглядно можно было бы убѣдиться, какъ глубоко и широко разрослись корни монастырскаго хозяйства по окружающимъ крестьянскимъ землямъ.

Въ Тетовскомъ актѣ почти исключительно перечисляются бывшія крестьянскія полосы, перешедшія разными путями въ монастырскую собственность. Съ этой точки зрѣнія, принадлежа къ однороднымъ съ писцовыми книгами памятникамъ, онъ имѣетъ передъ ними особенное преимущество. На основаніи изученія писцовыхъ книгъ мы пришли къ опредѣленному представленію о зевгарѣ, то-есть, о надѣлѣ или крестьянской стаси, можемъ даже судить—сколько пахотной земли заключалъ зевгаръ и нормальный крестьянскій надѣлъ, вообще какъ организовано было крестьянское хозяйство. Но на основаніи доселѣ извѣстныхъ писцовыхъ книгъ нельзя себѣ составить понятіе о взаимномъ отношеніи между зевгарами, о практическомъ приспособленіи крестьянскихъ надѣловъ въ полеводствахъ, словомъ — представляли ли собой крестьянскіе надѣлы въ 50, во 100 и болѣе кобловъ или модіевъ сплошные участки во владѣніи cadaго двора, или же нѣтъ. Тетовскій актъ даетъ на это самый опредѣленный отвѣтъ. Перечисляемые въ немъ участки не суть полныя крестьянскіе надѣлы, а только части ихъ, то-есть, полосы большей и меньшей ширины. Съ другой стороны, эти доли или части не суть клочки тутъ же рядомъ находящагося остальнаго двороваго надѣла, ибо во многихъ мѣстахъ показаны межи или межевые знаки съ той и другой стороны и обозначены по именамъ владѣльцы смежныхъ полосъ. Нѣсколько примѣровъ разяснять дѣло: „Нива у вербы дана Алавандомъ церкви на поминъ души—на 10 земель, другая ниже этой нивы, которую продалъ Пардо съ родомъ своимъ“¹⁾. Первая нива, очевидно, представляетъ собою полосу въ 10 кобловъ или модіевъ, то-есть, можетъ быть разсматриваема какъ $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{7}$ или $\frac{1}{6}$ часть крестьянскаго надѣла. Другой примѣръ, „Нива подъ Вельгощемъ на 5 плуговъ, которую дала дочь Францлева, рядомъ съ Дарьмановой нивой“²⁾. Это уже гораздо большей величины полоса, до 25 кобловъ, но и она представляетъ собою только часть надѣла, рядомъ съ нею находится чужая полоса. „Нива на 6 земель, что купили у Стрѣза.

¹⁾ Тетовская опись 52—55 (отмѣчаются строки).

²⁾ Ibid. 111—112.

отъ Лѣшкаго пути внизъ по Хмѣтовскому пути до князевой нивы", — небольшая полоса въ 6 кобловъ ¹⁾). Приведенные примѣры не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезпослоснымъ владѣніемъ по системѣ общиннаго землевладѣнія. Крестьянскій надѣлъ не представлялъ собою отдѣльнаго усадебнаго участка, а состоялъ изъ большей или меньшей величины полосъ, разбросанныхъ по общинной землѣ. Есть случаи, когда въ самомъ актѣ отмѣчены полосы одного и того же хозяина въ разныхъ мѣстахъ: „Экономъ Матѣей купилъ двѣ полосы у Мишата, одну на бродцѣ до нивы лопя Влада и до пути, другую въ Никифоровцѣ до Будрича и до пути прямо клена и до гумяницъ“ ²⁾).

Были, конечно, случаи, когда въ монастырю отходило нѣсколько полосъ рядомъ, но и тогда назывались старыя владѣльцы ихъ, хотя необходимость межевыхъ знаковъ уже устранялась вслѣдствіе соединенія нѣсколькихъ полосъ въ рукахъ одного владѣльца ³⁾).

И такъ, Тетовскій актъ привноситъ новую черту въ изучаемый нами вопросъ. Назвать ли крестьянскій надѣлъ зевгаремъ или стасью, или таглою — подъ нимъ надо разумѣть не отдѣльный усадебный участокъ, а совокупность большихъ и малыхъ полосъ, разбросанныхъ въ общинныхъ крестьянскихъ поляхъ и раздѣленныхъ одна отъ другой межами. Трудно, на основаніи имѣющихся въ распоряженіи скудныхъ матеріаловъ, сказать — обусловлено ли было раздѣленіе на полосы трехпольною системою сельскаго хозяйства или другими не выясненными еще обстоятельствами. Величина полосъ, по всей вѣроятности, соответствовала вообще величинѣ надѣла и качеству почвы въ данной мѣстности. Владѣвшій надѣломъ въ 200 кобловъ натурально долженъ былъ имѣть и полосы шире, чѣмъ тотъ, чей надѣлъ былъ вдвое меньше. Изъ того обстоятельства, что реальные крестьянскіе надѣлы распадались на малыя и большія полосы, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ, отличающихся качествомъ почвы, а также, что реальные надѣлы выражались въ весьма различномъ количествѣ кобловъ, получается другой важный выводъ для термина зевгарь: Казенный и податной зевгарь могъ не принимать въ расчетъ детальныя различія, могъ не считаться съ отдѣльными крестьянскими полосами, а долженъ былъ имѣть дѣло въ совокупности со всѣми

¹⁾ Ibid. 121.

²⁾ Ibid. 138.

³⁾ Ibid. 146—152.

крестьянскими полями, кругомъ обозначивъ платежную силу ихъ. Между тѣмъ крестьянскій дворъ организованъ былъ именно въ соотвѣтствіи съ детальными сторонами, во имя которыхъ получалось многообразіе въ размѣрахъ надѣла земель. Въ числѣ деталей принимался во вниманіе домашній скотъ, разныя хозяйственныя статьи и т. п., словомъ, нужно предполагать разверстку казеннаго зевгаря по мѣстнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ. Слѣдствіемъ этого было то, что податной зевгарь не могъ совпадать съ реальнымъ хозяйственнымъ зевгаремъ. Казенный зевгарь долженъ былъ имѣть 200 и 300 кобловъ, а хозяйственный и реальный имѣлъ 50, 100, 150 кобловъ.

Добытыми изъ разсмотрѣнія Тетовскаго акта данными можно воспользоваться для болѣе широкихъ цѣлей. И между греческими земельными актами находимъ такіе, въ которыхъ весьма подробно описываются межи, межевые знаки. Находящійся въ сборникѣ Терновскаго актъ объ отводѣ трехъ зевгарей монастырю Русику на островѣ Лимносъ представляетъ собою не менѣе любопытный документъ ¹⁾. Такъ какъ не оказалось возможнымъ найти отдѣльный свободный участокъ въ три зевгаря, то царскіе землебѣры рѣшились отвести три зевгаря въ общинныхъ поляхъ. Прежде всего нашлась свободная пронія, бывшая за Николаемъ Евдокимовымъ, иначе говоря—помѣщичье имѣніе, изъ котораго и стали составлять монастырскій надѣлъ. Изъ чего же состояла бывшая помѣщичья земля? 1) изъ полосы въ три модія рядомъ съ полосой Палеолога; 2) изъ полосы въ пять модіевъ рядомъ съ полосой Фоки; 3) изъ полосы въ четыре модія рядомъ съ полосами Кучука и Влата; 4) изъ полосы въ четыре модія рядомъ съ полосой Салага; 5) изъ полосы въ 12 модіевъ, сосѣдняя полоса Амиралессы; 6) изъ участка въ 40 модіевъ, гдѣ была Евдокимова усадьба, въ сосѣдствѣ съ усадьбой Палеолога; 7) изъ полосы въ 5 модіевъ, рядомъ съ полосой Палеолога и Кувуланта; 8) изъ неудобной для пахоты земли, которую Николай Евдокимовъ употреблялъ подъ настбище, 70 модіевъ... Было бы излишне высчитывать всѣ полосы; достаточно сказать, что три зевгаря нарѣзаны были по крайней мѣрѣ въ 22 мѣстахъ, то-есть, состояли изъ столькихъ же отдѣльныхъ полосъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ 18 несомнѣнно входили въ пронію Николая Евдокимова. Вообще изъ этого

¹⁾ Терновскій, Акты, 192.

примѣра ясно, что чрезполосность свойственна не только крестьянскимъ, но и помѣщичьимъ усадьбамъ, не только Балканскому полуострову, но и греческимъ островамъ.

Слѣдующій примѣръ греческой межевой описи позволяетъ распространить обобщеніе и на византійскія владѣнія въ Азіи. Въ 1234 году царь Іоаннъ Дука приказалъ отмѣрять шесть зевгарей въ пользу Лемвійскаго монастыря изъ казенныхъ земель въ Кукулѣ¹⁾. Хотя межевая опись рассматриваетъ участки въ шесть зевгарей какъ отдѣльную безъ чрезполосности, но въ ней тщательно отмѣчены границы участка въ шесть зевгарей, на которыя и слѣдуетъ обратить вниманіе. Между прочимъ тутъ встрѣчаемъ: τὰ χωράφια τῶν Σμυρναίων—общинныя поля крестьянъ Смирны, τὰ δίκαια τῶν ἐποίκων τῆς Πέτρας—общинныя владѣнія крестьянъ Петры, τὰ δίκαια τῶν Μοορμούντων—общинная земля Мурмутцевъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ правильности толкованія этихъ мѣстъ, ибо гдѣ границы участка въ шесть зевгарей сталкивались не съ общинными полями, а съ частными усадьбами или полосами, эти послѣднія и обозначены по именамъ ихъ владѣльцевъ: χωράφια τοῦ Ἀσάνη καὶ τοῦ Μαυροπόδου, χωράφια τοῦ Ἀρταβάδου, Κοριολήθινος и проч. На основаніи этихъ примѣровъ межевыхъ описей можно заключать, что на всемъ протяженіи Византійской имперіи крестьянскіе участки вообще находились въ общинныхъ поляхъ, и что крестьянскіе зевгари распадались на множество большихъ или малыхъ полосъ, разбросанныхъ по общинной землѣ.

2. Вондаты.

Сказанное о зевгаратѣ далеко не облегчаетъ рѣшенія вопроса о другомъ терминѣ византійской писцовой книги—вондатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если зевгарь не представляетъ собою земельного надѣла съ опредѣленнымъ количествомъ модіевъ или кобовъ, если въ организаціи зевгара, понимаемаго въ смыслѣ крестьянской стаси, а не въ смыслѣ овладной казенной единицы, встрѣчаемъ полную свободу выраженія мѣстныхъ и частныхъ хозяйственныхъ особенностей, то какое остается возлѣ него мѣсто термину вондаты, который не иначе можетъ быть опредѣленъ какъ 'земельный надѣлъ, крестьянская стась и т. п.? Теоретически разсуждая, съ точки зрѣнія крестьянскаго землевладѣнія, могла быть разница между простыми и двойными надѣлами, то-

¹⁾ Miklosich, Acta IV, 146—150.

есть, между надѣлами во 100 и въ 200 модіевъ, или въ 75 и 150. Когда писцовая книга не отмѣчаетъ модіями надѣла каждаго двора, естественно предполагать, что ова должна какъ-нибудь выразить неравенство надѣловъ; иногда дѣйствительно и говорится: половина стаси, треть стаси и т. п. Слѣдовательно, теоретически нѣтъ ничего легче, какъ допустить два термина для обозначенія крестьянскаго двора, изъ которыхъ одинъ будетъ относиться къ другому, какъ меньшій къ большему, часть къ цѣлому, и на оборотъ.

Существующіе—правда очень немногочисленные—тексты возстаютъ однако противъ такого толкованія термина вондаты. Намъ нужно здѣсь частію напомнить тѣ мѣста, которыя приведены въ третьей главѣ нашего изслѣдованія, частію дополнить ихъ новыми.

Самый полный и, можно сказать, объяснительный текстъ о вондатѣ читается въ инструкціи Іоанна Дуки Ватаца Константину Ласкарию ¹⁾. Вдумываясь въ этотъ текстъ, нельзя не придти къ тому выводу, что вондаты не можетъ относиться къ зевгарю, какъ часть къ цѣлому, что напротивъ терминомъ вондаты обозначается какая-то другая, отличная отъ зевгарата система организаціи землевладѣнія. „Отправься въ селеніе Милу, принадлежащее Лемвійскому монастырю: обревизуй тамъ пришлыхъ париковъ и, сдѣлавъ имъ перепись, запиши каждаго парика или зевгаратомъ или вондатомъ, смотря по ихъ средствамъ и силѣ, и обложи ихъ соотвѣтствующей зевгарату и вондату паричской податью и службой (παροικίον τέλος και δουλείαν αὐτοῦ)“²⁾. Трудно, конечно, утверждать, чтобы выраженіе ἡ δουλεία не могло заключать въ себѣ указанія на совокупность служебныхъ и барщинныхъ отношеній, которыми обязано было крѣпостное населеніе къ своему господину; но мы позволимъ себѣ обратить вниманіе и на специальное значеніе этого слова въ средневѣковыхъ памятникахъ. Δουλεύω, δουλεία специально употребляется въ приложеніи къ благородной службѣ ³⁾, то-есть, къ военной; достаточно сослаться на жалованныя грамоты Гемистію Плинеону и его дѣтямъ. Далѣе, въ инструкціи читается еще слѣдующее: «поелику Михаилъ Гунаропулъ имѣлъ прежде въ Милѣ землю въ три вондата, изъ которой отдѣ-

¹⁾ Ibid. 182.

²⁾ Miklosich, IV, 161: στρατιωτικὴ δουλεία; въ особенности хризовулъ въ пользу Плинеоновъ въ III томѣ Миклошича: καὶ ἐχθουλεύωσι τῇ βασιλείᾳ ἡμῶν τὴν ἀνήκουσαν ὑπὲρ τούτων (за помѣстье) δουλείαν (р. 173), ὀφειλόντων τῶν αἰεὶ κατεχόντων αὐτὸ (τὸ κάστρον τοῦ Φαναρίου) ἀποδιδόνα ὑπὲρ αὐτοῦ τὴν ἀνήκουσαν δουλείαν (р. 176).

лиль участокъ въ одинъ воидатъ Влаттеру, а отъ него этотъ участокъ перешелъ церкви, нынѣ же Гунаропулъ хочетъ передать его другому лицу (πρὸς ἕτερον πρόσωπον), то повелѣвается или оставить этотъ воидатъ за Гунаропуломъ, но тогда онъ обязывается нести съ него въ пользу монастыря повинности и прочія паричскія тяжести, или утвердить его въ непрекословномъ владѣннй церкви“. Мѣсто въ высшей степени любопытное для исторіи воидата, хотя и не менѣе того трудное. Прежде всего, на основаніи изученія четвертаго тома актовъ Миклошича, можно приходитъ къ несомнѣнному выводу, что Гунаропулы и Влаттеры суть дворянскія фамиліи, ведшія вѣковую борьбу съ Лемвійскимъ монастыремъ изъ-за поземельныхъ владѣннй. Въ Милѣ и окрестныхъ деревняхъ владѣли они родовыми и жалованными помѣстьями, которыя постепенно ускользаютъ изъ ихъ рукъ, такъ какъ тяжёбныя дѣла съ монастыремъ чаще рѣшались не въ ихъ пользу. Ныстоящій случай, упоминаемый въ инструкціи царя Ватаци, долженъ быть разсматриваемъ по связи съ положеніемъ борющихся сторонъ — свѣтскаго и духовнаго землевадѣльца. У Гунаропула былъ здѣсь участокъ въ три воидата, но одинъ воидатъ онъ проигрываетъ ибо владѣніе имъ обусловлено въ инструкціи такими обстоятельствами, которыя несовмѣстны съ владѣніемъ другими двумя воидатами. Юридически воидатъ можетъ остаться за нимъ, но практически поселенный на немъ крестьянинъ долженъ будетъ тянуть къ монастырю въ податномъ и барщинномъ отношеніи. Гунаропулу несомнѣнно придется отказаться отъ одного изъ своихъ воидатовъ. Но здѣсь мы находимъ одну черту къ характеристикѣ занимающаго пастъ термина.

Ускользающій изъ рукъ Гунаропула воидатъ поступаетъ въ рядъ такихъ участковъ, съ которыхъ въ пользу церкви идетъ подать и прочія паричскія тягости (τελέσματα καὶ λοιπὰ παρῳκῖα βάρη). Остающіеся за Гунаропуломъ два воидата, очевидно, изъяты изъ подобныхъ отношеній къ церкви,—было бы излишне оговариваться, что по отношенію ко всѣмъ трѣмъ воидатамъ нужно подразумѣвать не самаго Гунаропула, который есть помѣщикъ, а париковъ, державшихъ эти участки въ зависимости отъ помѣщика. Ближайшій выводъ, получаемый изъ разсмотрѣннй инструкціи,—тотъ, что подъ воидатомъ разумѣется помѣщичья земля, сидящее на которой населеніе отбываетъ повинность въ пользу помѣщика. Но этого мало. Воидатами называется такая земля, съ которой идетъ военная служба. Правда, что въ текстѣ инструкціи для такого заключенія есть лишь

одно и пожалуй спорное основаніе въ выраженіи δουλεία, но мы ссылаемся въ подтвержденіе своей догадки на служебный и военный характеръ рода Гунаропуловъ, который весьма рельефно выступаетъ въ тѣхъbachъ этого дворянскаго рода съ Лемвійскимъ монастыремъ. Жалуемая благороднымъ людямъ земля съ обязательствомъ отбывать съ доходовъ съ нея военную службу имѣеть въ Византіи техническій терминъ для своего обозначенія въ словѣ пронія. Какъ организовались военные или проніарскіе участки, объ этомъ почти ничего не извѣстно. Поэтому предпринимаемая нами задача—сблизить военную проніарскую землю съ терминомъ воидатъ должна и теперь представляться смѣлою и рискованною, какъ это было въ 1883 году, когда и мы въ первый разъ высказались объ этомъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но на этотъ разъ мы имѣемъ возможность опереться на новый текстъ.

Въ IV томѣ аѳинскаго журнала Аѳиней издано нѣсколько земельныхъ актовъ, относящихся къ XIII в. и имѣющихъ для нашего вопроса большой интересъ ¹⁾. Именно, здѣсь воидатная земля ясно выдаетъ свой военно-служебный характеръ. Оказывается, вопервыхъ, что были такіе земельные участки, которые назывались стратіями, каждая стратія раздѣлялась на страты, а въ стратѣ было до 500 модіевъ ²⁾, иначе говоря, въ сферѣ землевладѣтельской употреблялась военная терминологія, обусловливавшая своеобразную организацію земельныхъ участковъ. Во вторыхъ, стратія или военная земля имѣеть отношеніе къ воидату, что доказывается слѣдующею описью: „Μετόχια Ἰησοῦς Χριστὸς Σπασίτης προνομιᾶς Ἀμβελά, со всѣми ея правами, именно два воидата земли“ ³⁾. Эти послѣдніе, какъ видно изъ продолженія описи, состоятъ изъ стратіи Стиха и Мамуры, то есть, собственно изъ двухъ военныхъ участковъ или воидатовъ, которые составляютъ вмѣстѣ 300 модіевъ. То обстоятельство, что вои-

¹⁾ На этотъ журналъ обратилъ наше вниманіе профессоръ Г. С. Дестунисъ своею статьею, помѣщенною въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть 230, отд. 2. Специально къ нашему вопросу относятся два акта въ IV томѣ, въ 4 выпускѣ, изданные г. Сакеллионемъ.

²⁾ Α θ η α ι ο ν, τόμ. Δ', τεύχος δ' 1875, р. 240. Μετόχιον ἢ ὑπεραγία Θεότοκος ἢ ἐπονομαζομένη τῶν Σποδῶν μετὰ πασῶν τῶν δικαίων καὶ προνομίων αὐτοῦ, ἔχουσαν γῆς ἀπὸ τῶν ἐγχεσίως λεγομένων στρατιῶν στρατοὶ δύο ἕτοι γῆ μοδίων διακόσιων.

³⁾ Ibid. 241. μετόχιον τὸ ἐπονομαζόμενον τοῦ Ἀμβελά—μετὰ πάντων τῶν διαφορόντων αὐτῆ δικαίων, ἔχουσαν τῆς βοϊδατικῆς δύο... τῆς ἀπὸ τῆς στρατίας τοῦ Στιχῆ καὶ τῆς ἀπὸ τοῦ Μамούρον ἐκείνων.

дать является здѣсь участкомъ въ 150 модіевъ, то-есть, почти уравнивается съ обыкновеннымъ крестьянскимъ надѣломъ, объясняется культурой земли, на которой были масличныя и дубовыя деревья; съ другой стороны ясно, что воидацкіе участки организованы были по аналогіи съ зевгаратными. Иначе впрочемъ и быть не могло по тогдашней системѣ землевладѣнія и условіямъ быта. Тотъ, кто получалъ земельное пожалованіе съ обязательствомъ нести съ него военную службу, долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы земля приносила доходъ, чтобъ ее обрабатывали. Самъ проиаръ или служилый помѣщикъ не занимался, конечно, земледѣіемъ; обязанный выставлять съ своего пожалованія опредѣленное число людей или извѣстную сумму денегъ, онъ неизбежно долженъ былъ раздавать отдѣльные участки или надѣлы зависимому крестьянскому населенію. Очень можетъ быть, что въ выраженіи стратія мы имѣемъ военно-податную единицу, согласно съ которою регулировалась служба военно-помѣстнаго сословія. Нѣкоторыя соображенія въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы на основаніи организациі въ Византіи стратіотскихъ участковъ, предшествовавшихъ проиарской системѣ, о чемъ скажемъ въ заключеніи настоящей главы. А теперь позволимъ себѣ одно замѣчаніе на переводъ любопытныхъ актовъ изъ Аѳиняя, дѣлаемый Г. С. Дестунисомъ. Выраженіе два воидата онъ по обычаю переводитъ словомъ „воловья земля“, а къ числу два дѣлаетъ примѣчаніе, что здѣсь, вѣроятно, разумѣются модіи. Переводъ воидата словомъ „воловій“ могъ быть внушенъ только предположеніемъ, что земля совершенно чужда культуры, напримѣръ, что она годится только для пастбища. Въ настоящемъ же случаѣ воидацкая земля имѣетъ рѣшительный признакъ культуры—масличныя и дубовыя деревья; да и вообще воидацкій участокъ является такимъ, на которомъ сидитъ и который обрабатываетъ крестьянская семья.

Приведеннымъ мѣстомъ изъ описи метохіи Амбела утверждается, по нашему мнѣнію, соотношеніе между выраженіями „стратіа“ и „ἡ βοιδατικῆ“. Воидатъ есть нормальный участокъ, заключающій въ себѣ почти такое же количество кобловъ, какъ и зевгаръ. Онъ былъ организованъ также, какъ и послѣдній, то-есть, заключаетъ въ себѣ всю совокупность понятій паричской стаси. Отличается воидатъ отъ зевгаря не существомъ, а служебными цѣлями земли.

Такъ какъ казенная, военнопомѣстная и монастырская земля находилась въ постоянномъ движеніи, переходя изъ одного вида въ другой, и какъ предѣлы распространенія одного вида не ограничивались

особенными провинціями и округами, то весьма естественно встрѣчать рядомъ зевгараты и воидаты и дѣлать заключеніе о приблизительно одинаковой организаціи ихъ—въ смыслѣ крестьянскихъ дворовъ, земельныхъ надѣловъ и податныхъ единицъ. Такъ дѣйстви- тельно и находимъ перечисленіе воидатныхъ и зевгаратныхъ парич- скихъ стасей въ одномъ изъ жалованныхъ актовъ Пантелеймонов- скому монастырю на Аѳонѣ ¹⁾. За описаніемъ границъ, весьма на- глядно свидѣтельствующимъ о томъ, что участки имѣющихъ быть по- именованными зевгаратовъ и воидатовъ лежатъ въ общинныхъ по- лахъ, въ актѣ слѣдуетъ перепись ихъ: два воидата, два зевгарата и два хозяйства, не подведенныя ни подъ то, ни подъ другое состоя- ніе, вѣроятно—потому, что сѣли вновь и пользуются льготой. Ни- сколько не должно смущать насъ то, что воидаты подписываются здѣсь подъ церковь. Земля была казенная (ἀπό τῆς προσηούσης τῆ βασιλείᾳ αὐτοῦ ἡγῆς), и два воидата означаютъ здѣсь бывшую военно- помѣстную землю, только что возвратившуюся въ казну. Зевгараты и воидаты здѣсь разсматриваются совершенно равными паричскими стасями и эквивалентными податными единицами; тѣ и другіе пла- тятъ по два перпера со стаси. Подъ монастырскимъ господствомъ воидатъ перейдетъ въ зевгаръ, изъ котораго произошелъ.

Мы разсмотрѣли одинъ родъ воидатныхъ участковъ, составляв- шихъ часть военнослужебной земли. Занимающій такой участокъ крестьянинъ находится въ зависимости отъ помѣщика, несущаго военную службу съ пожалованной ему земли, которая раздѣлена на болѣе или менѣе равныя крестьянскія стаси по аналогіи съ зевга- ремъ. По личному состоянію такой крестьянинъ есть парикъ, онъ платитъ подати и несетъ барщинныя обязанности по отношенію къ своему господину; хотя онъ и сидитъ на военнослужилой землѣ, но самъ остается парикомъ, а не дѣлается стратиготомъ. Существующіе матеріалы позволяютъ думать, что былъ и еще родъ воидатныхъ участковъ, то-есть, именно мелкихъ надѣловъ, съ правомъ владѣнія которыми соединялось обязательство личной военной службы, съ соблюденіемъ широчемъ особенныхъ условий призыва, которыми имѣ- лось въ виду обезпечить интересы сельскаго хозяйства.

Имѣемъ въ виду хризовуль царя Андроника Янинской жупѣ отъ 1319 года ²⁾. въ которомъ есть одно мѣсто, прямо относящееся къ

¹⁾ Термоовскій, Акты, 210—211.

²⁾ Χρονογράφει τῆς Ηπειρώου II, 294—307.

организации лично-обязательной военной службы на условияхъ владѣнія военными участками. „Жители города Янины не обязываются и не понуждаются нести военную службу внѣ этого города, поелику обязательная военная служба лежитъ на строевыхъ стратіотяхъ (ὀφείλουσι ἐκδοῦσθαι), держащихъ военнoслужебные участки (ἔχοντες οἰκονομίαν) и раздѣленныхъ на разряды по призывамъ“ (συναριθμοῦμενοι δὲ εἰς τὰς συντάξεις τῶν ἀλλαγίων). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ не о привилегированномъ сословіи, не о помѣщикахъ-проніарахъ, а о простыхъ служилыхъ людяхъ, которые и названы стратіотами. Они, съ одной стороны, относятся къ составу городской Янинской общины, большая часть населенія въ которой была землевладѣльцами; а съ другой—отдѣляются отъ нея въ смыслѣ строевыхъ стратіотовъ, держащихъ военные участки. Если бы мы имѣли писцовую книгу Янинской жупы, то въ ней, по всей вѣроятности, и послѣдніе были бы равносильны выраженію стратіоты.

Къ счастью, примѣръ писцовой книги съ двумя рядомъ поставленными терминами зевгараты и воидаты сохранился въ Лампсакскомъ окладномъ листѣ, который представляетъ собою одну изъ болѣе полныхъ византійскихъ писцовыхъ книгъ ¹⁾. Послѣ событій IV крестоваго похода городъ Лампсакъ подпалъ власти Венеціи, подъ управленіемъ которой и находился до 1231 года. Въ 1219 г., къ которому относится писцовая книга, городская территория Лампсака была въ бенефиции или въ проніи у трехъ венеціанскихъ дворянъ, въ пользу которыхъ и шли доходы съ земли. Изъ общей суммы сборовъ 1670 перперовъ они должны были вносить въ государственную казну 1000 перперовъ. Окладная сумма получается, какъ съ разныхъ статей городского хозяйства, такъ и съ земельныхъ участковъ, называемыхъ зевгаратами и воидатами. Два термина упоминаются здѣсь нѣсколько разъ: 1) въ смыслѣ крестьянскаго двора, 2) пахотныхъ общинныхъ полей, 3) плательщиковъ натуральныхъ повинностей. Словомъ, по Лампсакской писцовой книгѣ зевгараты и воидаты оказываются одинаково крестьянами, зависимыми отъ упомянутыхъ венеціанскихъ помѣщиковъ. Но можно догадываться, что приравненіе ихъ произошло со времени латинскаго завоеванія, что частью доказываетъ редакція статьи объ ангаріяхъ (angarias de castellis). Общая подать съ крестьянскихъ стасей слишкомъ возвышена противъ обычнаго и нормальнаго обло-

¹⁾ *Tafel und Thomas*. Urkunden zur älteren Handels—und Staatsgeschichte der Republik Venedig II, 208—209.

женія византійской эпохи. На сколько можно судить по существующимъ даннымъ, зевгарать въ Византіи облагался не больше 5 перперовъ, у венеціанцевъ же онъ обложенъ почти десятью. Чѣмъ объяснить разницу въ Лампсакской писцовой книгѣ между податью съ зевгаратовъ и вондатовъ—сказать трудно. Если первые платятъ вдвое больше вторыхъ, не значитъ ли это, что зевгаратные крестьяне имѣли больше земли, чѣмъ вондатные? А если это такъ, то вондаты не есть ли въ дѣйствительности участокъ или хозяйство съ однимъ воломъ въ противоположность къ участку или хозяйству съ двумя водами?

Для изслѣдователя вопросовъ о землевладѣніи въ Византіи представляется въ данномъ случаѣ двоякій способъ отношенія къ дѣлу: или, слѣдуя сравнительно-историческому методу, принять для объясненія организаціи крестьянскихъ участковъ въ Византіи теоріи артельной пашни и складчинной плуговой запряжки; или, держась смысла немногочисленныхъ правда текстовъ, не обинуясь признать, что въ Византіи были свои особенности въ организаціи крестьянской земельной собственности. Мы не можемъ сослаться ни на одинъ текстъ, изъ котораго можно было бы заключить, что вондаты есть участокъ вдвое меньшій зевгарата; такимъ образомъ не можемъ допустить, что вондаты также относится къ зевгарату, какъ *terra bovata* англійской писцовой книги въ виргатѣ, то-есть, нормальному крестьянскому участку, для обработки котораго потребна пара воловъ. Византійскій вондаты, будучи организованъ по аналогіи съ зевгаратомъ, имѣеть болѣе тѣсное отношеніе къ военнослужебной землѣ. И въ этомъ смыслѣ онъ не является исключеніемъ въ исторіи землевладѣнія. Какъ въ организаціи стратіотскихъ участковъ въ Византіи, такъ въ устройствѣ военноподатной системы, напримѣръ, въ Англійи могутъ быть указаны любопытныя аналогіи. Сибомъ обратилъ вниманіе на подать со щита (*scutum*) или рыцарскаго помѣстья ¹⁾. Оказывается, что эта подать приведена была въ соотношеніе съ количествомъ нормальныхъ крестьянскихъ участковъ въ каждомъ *scutum*, принятомъ

¹⁾ The English Village Community, p. 39: The normal amount of This (scutage) is assumed to be 40 s. for each *knight's fee*, or *scutum*: And it appears that the knight's fee was assumed to contain four normal hides. There is an entry, «One hide gives scutage for a fourth part of one scutum». И какъ въ гдѣ полагается четыре виргаты, то каждая виргата должна облагаться $\frac{1}{4}$ долей цѣлаго *scutum*, то-есть, 2 шиллингами и 6 пенсами, что и доказывается массой примѣровъ изъ писцовыхъ книгъ.

за податную военную единицу. Такъ какъ *scutum* заключаетъ въ себѣ 16 виргатовъ, то окладная сумма разлагается на отдѣльные, въ этомъ случаѣ военноподатные участки, которые не перестаютъ однако оставаться обыкновенными крестьянскими надѣлами, то-есть, виргатами. И въ Византіи военноподатная система, основанная на началѣ землевладѣнія, могла имѣть свою терминологию, слѣды которой сохранились въ стратіи, можетъ быть, соответствующей *scutum*, и въ воидатѣ. Воидаты соединялись въ разряды или группы, называемыя *συνόται* и *σύνταξις*, по которымъ и раскладывалась личная или переведенная на деньги военная повинность.

Приходя путемъ анализа греческихъ текстовъ къ выводу, что воидатъ есть военноподатный участокъ, по своей организациіи не отличающійся впрочемъ отъ *зевгарата*, мы не имѣемъ теперь нужды съ особенною силой выдвигать латинизированную форму этого термина, о которой было довольно говорено въ III-й главѣ нашего изслѣдованія. Изученіе *зевгарата* и *воидата* ввело насъ въ сущность вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи, ознакомило съ организацией крестьянской стаси, съ мелкими полосами пахатной земли, разбросанными въ общинныхъ поляхъ, наконецъ, съ запасами общинной земли „особо отъ парическихъ стасей“.

3. Организациія военноподатныхъ участковъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать вѣскольکو словъ объ организациіи военной службы въ Византіи на системѣ пожалованія небольшихъ земельныхъ надѣловъ и помѣстій. Давно уже и совершенно основательно замѣчено было, что въ Византіи существовалъ особый родъ военно-служебной земли ¹⁾. Организациія военноподатныхъ участковъ весьма не нова; въ Византію перешла она отъ Римской имперіи. Первые начатки ея даны были въ военномъ устройствѣ пограничныхъ съ варварами провинцій, гдѣ отводились были государственныя земли охотникамъ римскаго происхожденія, по преимуществу ветеранамъ, а также и варварамъ, съ обязательствомъ нести съ занятаго участка

¹⁾ По вопросу объ организациіи военныхъ участковъ сошлемся на труды: *Zachariae von Lingenthal, Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, II-e Auflage, s. 255 (die Soldgüter); Παύλου Καλλιγᾶ, Μελέται καὶ λόγοι, p. 183—304 (περὶ δοολοπορικίας); В. Г. Васильевскаго, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мартъ 1879 (Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія).*

военную службу. Хотя военные участки и въ Римской имперіи не достигали прямыхъ дѣлей, ради которыхъ бни были устроены, ибо населеніе ихъ, обремененное податями и натуральными повинностями, не въ состояніи было отбывать при этомъ и военную службу, тѣмъ не менѣе система военныхъ участковъ, какъ наслѣдіе, досталась Византійской имперіи и долго держалась въ ней. Отводъ казенныхъ земель для добровольныхъ или подневольныхъ поселенцевъ, а также объявленіе на военноподатномъ положеніи уже занятыхъ земель—это была весьма обычная практика въ Византіи, примѣнявшаяся одинаково на западныхъ и восточныхъ границахъ и даже внутри государства. Въ первомъ случаѣ на отведенныя земли приглашались охотники изъ варваровъ и грековъ, во второмъ крестьянское населеніе просто облагалось военною повинностью натуральною и денежною, при чемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, обязанность военной службы переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну, который по этому самому становился наслѣдникомъ и военного участка.

Такимъ образомъ и на границахъ имперіи, и внутри ея существовали классъ земельныхъ участковъ, называемыхъ *στρατιωτικὰ κτήματα*, *στρατιωτοῦλα*, иначе *τόποι τῆς στρατίας* или *κτήματα ἐξ ὧν αἱ στρατεῖαι ἔκτρατεύονται*. О судьбѣ военныхъ участковъ, какъ и вообще о землевладѣніи въ Византіи, весьма мало извѣстно до X вѣка, то-есть, до эпохи новеллъ императоровъ Македонской династіи въ защиту крестьянской земельной собственности противъ захватовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Изученіе этихъ законодательныхъ памятниковъ привело къ выводу, что военные участки испытали ту же судьбу, какую переживала въ X вѣкѣ вообще мелкая земельная собственность въ Византіи. Но какъ прежними изслѣдователями не вѣрно поматы результаты борьбы императоровъ противъ развитія крупнаго землевладѣнія, такъ недостаточно выясненъ вопросъ объ отношеніи военныхъ участковъ къ общей системѣ землевладѣнія, къ администраціи, податной системѣ и т. п. На сколько затронуты были частные интересы системой военноподатныхъ участковъ, какаа судьба постигла эту систему послѣ X вѣка и т. п.—на эти вопросы не дано удовлетворительнаго отвѣта.

Организація военно-податныхъ участковъ сводится къ организаціи вондата, а этотъ послѣдній устроенъ былъ по аналогіи съ зевгаратомъ: таковъ былъ выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія. По видимому, единственная особенность, отличающая владѣльца военного участка, заключалась въ томъ, что онъ не могъ быть записываемъ

подъ церковь или подъ духовное лицо, обращаемъ въ состояніе парика: такъ было по крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ, хотя впоследствии вондатные участки приравняются къ паричскимъ стасямъ. Но на это была своя причина, начавшая дѣйствовать съ конца XI вѣка. И такъ, нужно различать исторію военно-податныхъ участковъ до конца XI вѣка и послѣ. Что касается до перваго періода, источникомъ для ознакомленія съ судьбой военныхъ участковъ служатъ между прочимъ новеллы X вѣка. Во второмъ періодѣ исторія военно-податныхъ земель совпадаетъ съ системой раздачи помѣстій военно-служилому сословію, то-есть, совпадаетъ съ исторіей провіа. О судьбахъ этого учрежденія можно судить на основаніи писцовыхъ книгъ, жалованныхъ и дарственныхъ грамотъ, земельныхъ актовъ и т. п. Не входя въ подробности, которыя требуютъ отдѣльнаго изслѣдованія, мы остановимся здѣсь на выясненіи одной стороны вопроса. Военные участки, будучи организованы по аналогіи съ крестьянскими стасами, имѣютъ известное отношеніе къ гражданскимъ земледѣльческимъ и административнымъ группамъ, иначе говоря, не порываютъ связи съ организаціей сельской волости и болѣе сложной административной и финансовой группы-комтуры. Это видно изъ цѣлаго ряда мѣръ, которыми императоры Македонской династіи старались предупредить поглощеніе военныхъ участковъ крупными землевладѣльцами ¹⁾.

Новеллы, вопервыхъ, редактируютъ или устанавливаютъ право движенія военныхъ участковъ, то-есть, условия перехода ихъ изъ руки въ руки. Преимущественное право на военный участокъ обезпечивается: 1) за ближайшими родственниками владѣльца; 2) за родственниками въ дальнихъ степеняхъ; 3) за тѣми, которые находятся въ одномъ разрядѣ по отбыванію воинской повинности, то-есть, за членами, называемыми складчиками и сокопейщиками (*συνδοταί καὶ σόκοπειχοί*). 4) за членами группы стратіотовъ, причисленныхъ къ одной податной общинѣ (*συντάξασται*); 5) еслибы не оказалось тамъ желающихъ принять воинскій участокъ, то право на него переходитъ на крестьянскую волость, то-есть, въ концѣ концовъ военная община растворяется въ крестьянской.

Въ основаніи законовъ о неотчуждаемости военныхъ участковъ лежитъ законъ о предпочтеніи (*πρότιμασις*), имѣющей общее приложе-

¹⁾ Новеллы изданы въ III т. *Дазаріе* (*Jus Graecoromanum*). Отдѣльных мѣстъ приводить не будемъ, такъ какъ новеллы можно читать и въ русскомъ переводѣ въ статьѣ профессора *Васильевского*.

ніе къ движенію мелкой поземельной собственности. Для наглядности мы приводимъ ниже основныя его положенія.

Вовторныхъ, новеллами устанавливаются частныя правила о военныхъ участкахъ, изъ которыхъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ организаціи. И прежде всего весьма любопытны указанія на экономическую квалификацію военныхъ участковъ. Цѣнность участка, съ котораго идетъ военная служба на конѣ, опредѣлена въ 4 литры; для морской службы или также 4, или 2, смотря по тому, въ какомъ флотѣ служить морякъ. Цѣнность участковъ простыхъ пѣхотинцевъ, къ сожалѣнію, не показана въ новеллахъ, но ясно, что она не могла быть установлена менѣе 2 литръ золота. Цѣнность литры опредѣляется суммой отъ 800 до 1200 нынѣшнихъ греческихъ драхмъ ¹⁾, что соответствуетъ 300 — 400 нашихъ рублей. Но какъ въ земельныхъ актахъ и писцовыхъ книгахъ мы имѣемъ дѣло со счетомъ по перперамъ, то для нижеслѣдующихъ вычисленій, слѣдуетъ сейчасъ же сказать, что литра золота состояла изъ 72 номисмъ или перперовъ, въ каждомъ перперѣ можно полагать отъ 11 до 17 драхмъ, то-есть, отъ 4 до 5 рублей. Чтобы до нѣкоторой степени подойти къ опредѣленію реальной величины участка, который квалифицируется въ 1, 2 и такъ далѣе литры, мы сдѣлаемъ небольшой экскурсъ въ область продажной и мѣновой стоимости земли въ Византіи.

Прежде всего сохранилось нѣсколько указавій на доходность земли при отдачѣ ея въ аренду. По видимому, среднюю нормальную платой за арендное содержаніе былъ одинъ перперъ за 12 модіевъ, или что тоже— $\frac{1}{4}$ перпера, то-есть, 6 каратовъ или коккіевъ за 3 модія ²⁾. По этому расчету выходитъ, что сдаваемый въ арендное содержаніе участокъ въ 60 модіевъ долженъ былъ приносить аренды 5 перперовъ. Мѣновая цѣнность земли при продажѣ опредѣляется слѣдующими случаями сдѣлокъ: два модія продаются за полтора перпера,

¹⁾ Καλλιγὰ, р. 247 примѣч. 4; Λαμπρος, Μισυὰλ Αχομινатов II. 577.

²⁾ Miklosich Acta III, 238: καὶ παρέγειν ἐτησίως... τὸ ἀναλογοῦν πρὸς δωδεκά βασιλικὸς μόδιος τῶ ἐνὶ ὑπερπύρῳ, ἦτοι κόκκη ἀπερπυρική ἕξ. Шесть коккіевъ или каратовъ составляли $\frac{1}{4}$ перпера, участокъ былъ двѣнадцативно въ три модія, то-есть, составлялъ $\frac{1}{4}$ часть 12. Вѣрность этого расчета подтверждается другимъ актомъ у Миклошича IV, 85, въ которомъ идетъ рѣчь также объ участкѣ въ три модія — χωράφιον ὅσαι μόδιων τριῶν — даваемомъ въ аренду съ слѣдующимъ условіемъ: ὁφείλει δὲ ὁ ποιητὸς ἐπιτελεῖν ὑπὲρ τοῦτου ἐτησίως ὑπερπύρου τέταρτον (то-есть, тѣже 6 коккіевъ).

то-есть, каждый модій нѣсколько меньше одного перпера ¹⁾). По мѣн-
вой стоимости къ модію совершенно подходитъ славянскій терминъ
земельной мѣры „заметъ“; нива на 30 заметъ продается за 28 пер-
перовъ ²⁾). Виноградныя плантаціи круглымъ счетомъ въ шесть разъ
выше и цѣниѣе пахотной земли: одинъ модій виноградника продает-
ся за 7 ¹/₂ перперовъ, полмодія за три перпера, два модія за 11 пер-
перовъ ³⁾). На основаніи продажной цѣнности модія можно сдѣлать
нѣкоторыя соображенія къ выясненію реальной величины тѣхъ земле-
мѣрныхъ терминовъ, которые часто встрѣчаются въ земельных ак-
тахъ рядомъ съ модіемъ. Терминъ *стрѣма*—южно-славянскій погонъ,
русскій гонъ или загонъ—нѣсколько разъ встрѣчается въ запродаж-
ныхъ сдѣлкахъ: тридцать стрѣммъ проданы за 10 перперовъ, двад-
цать за 7, то-есть, на одинъ перперъ идетъ три погона, иначе говоря,
такое же количество погоновъ нужно предполагать въ каждомъ
модіѣ ⁴⁾). Точно такимъ же путемъ разъясняется терминъ „коматъ“.
Два комата пахотной земли продаются за 12 перперовъ ⁵⁾); другой
разъ указаны пять коматовъ съ именемъ одного хозяина и одинъ
коматъ виноградника у того же хозяина,—можно думать весь крестьян-
скій надѣлъ ⁶⁾). Изъ этого можно выводить, что коматомъ назывался
участокъ около 7 модіевъ, и что въ немъ было около 20 погоновъ
или полосъ. Такимъ же образомъ выраженіе „нива на 30 заметъ
продана за 28 перперовъ“ разлагается на 90 приблизительно стрѣм-
мата или гоновъ, а какъ каждый погонъ стоитъ ¹/₃ перпера, то лег-
ко можно доходить до нормальной цѣны участка и признанія то же-
ственности замети и модія ⁷⁾).

¹⁾ Miklosich IV, 205: τὰ χωράφια ἡμῶν — μοδίων δύο εἰς ὑπέρπερον ἐν ἡμῶν, τῆς δὲ Καταφυγιστίσης εἰς τὸ Γονοπάτην ὡσεὶ μοδίων τριῶν ἡμῶν εἰς ὑπέρπερα τρία.

²⁾ Тетовскій актъ, 18; половина надыла 27 перп. (стр. 33), половина 20 пер-
перонъ и кобыла (43) нива на 20 заметъ 5 перп. и воля.

³⁾ Miklosich IV, 201: τὰ γονικά ἡμῶν ἀμπέλια... τοῦ Εἰνού μοδίου ἐνός εἰς ὑπέρπερα ἑπτὰ ἡμῶν, τοῦ δὲ Ἰωάννου ἡμῶν μοδίου εἰς ὑπέρπερα τρία; *ibid.* IV, 132: πηγάχομεν—εἰς ὑπέρπερα ἑξάγια ἑνδεκα ὡσεὶ μοδίων ὃν τὸ ἀμπέλιον δύο.

⁴⁾ Miklosich IV, 173: στρέμματα τριάκοντα... ὑπέρπερων δέκα, ἧθουν εἰς τὸ ἔν ὑπέρπερον στρέμματα τρία; *ibid.* 171 στρέμματα εἴκοσι—ὑπέρπερα ἑπτὰ; но встрѣчаются и отступленія: 6 стрѣммъ продано за 1 перперъ, 20 за пять—р, 151, 157.

⁵⁾ Тетовскій актъ, 140.

⁶⁾ *Ibid.* 100.

⁷⁾ Такимъ образомъ является возможность составить себѣ понятіе о реаль-
ныхъ размѣрахъ участка и составѣ участка по такимъ, наприимѣръ, даннымъ

Въ земельныхъ актахъ запродажныхъ и дарственныхъ мы имѣемъ дѣло вообще не съ цѣлыми крестьянскими надѣлами—продаются и жертвуются большею частію небольшія доли земельного владѣнія, рѣдко превышающія половину обыкновеннаго надѣла, большею же частію составляющія треть или четверть, всего вѣротивѣ—участокъ въ одномъ изъ полей. Когда говорится въ Тетовскомъ актѣ о половинѣ надѣла, проданной за 27 перперовъ, въ такихъ случаяхъ легко возстановить цѣнность цѣлага участка (въ 60 модіевъ) въ 50 или 54 перпера; точно также, когда говорится о $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ или $\chi\omega\rho\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\nu$ цѣной въ 50 перперовъ въ греческихъ актахъ, можно догадываться, что это цѣлая стась въ 60 модіевъ, но въ большинствѣ случаевъ приходится имѣть дѣло съ долями въ 3, 5, 10, 20 и 30 модіевъ¹⁾. Казенный податной зевгарь, какъ мы видѣли, считался съ участками отъ 100 до 200 и болѣе модіевъ, реальная же крестьянская стась никогда не была организована по такому круглому счету модіевъ, а всегда въ ней было меньше пахотной земли, что зависѣло отъ весьма многихъ условий: принималась въ расчетъ культура земли, высчитывалась усадебная и пастбищная земля и многое другое. Разнообразіе индивидуальныхъ особенностей въ организаціи крестьянской стаси весьма наглядно рисуется Хиландарскимъ Практикомъ, гдѣ земельный надѣлъ колеблется отъ 50 до 100 кобловъ и даже съ разнообразіями въ ту и другую сторону отъ этихъ крайнихъ цифръ.

Все это мы должны принять въ соображеніе, если хотимъ познать квалификацію военно-податныхъ участковъ въ двѣ или одну и въ четыре литры.

Конный участокъ, мѣновая цѣнность котораго простирается до 288 перперовъ, то-есть, 1152 до 1440 рублей. Реальная величина его должна была имѣть не меньше 300 модіевъ земли подъ культурой, то-есть, участокъ долженъ былъ приносить доходъ соответственно мѣновой цѣнности земли. Сумма дохода съ участка можетъ быть рассчитана или по аналогіи съ обычною арендой — одинъ перперъ на 12 модіевъ, или по аналогіи съ обычною податью на пахотную землю, установленную Хиландарскимъ Практикомъ, по которому подать на

$\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ τῶν Κάπριναν, τὸ εἰς ὑπέροτρα ποσοῦμενον πενήκοντα (*Miklosich IV, 389*), этотъ участокъ заключаетъ около 60 модіевъ.

¹⁾ *Miklosich, IV, 151, 157, 162, 169; 57, 85, 126, 232.* Очень рѣдко идетъ рѣчь объ участкѣ, напримѣръ, во 100 модіевъ (*ibid. 163*).

землю распредѣляется нѣсколько благопріятнѣе, чѣмъ при отдахѣ въ аренду, а именно: идетъ 1 перперъ на 18 кобловъ ¹⁾). При первомъ предположеніи, доходъ съ 300 модіевъ опредѣляется въ 25 перперовъ, при второмъ—въ 16¹/₂ перперовъ; но мы останавливаемся предъ почтительнѣе на первой цифрѣ въ 25, такъ какъ результатъ втораго вычисленія можетъ стоять въ зависимости или отъ неполнаго соотвѣствія между модіемъ и кобломъ, или отъ разницы въ системѣ обложенія у казны и у монастыря. Далѣе, никакъ нельзя предполагать, что конный участокъ въ 4 литры организованъ только изъ 300 модіевъ пахотной земли, и мы имѣемъ основаніе думать, что подъ стратомъ описи, данной въ журналѣ Аонкей, разумѣется именно искомый конный участокъ, въ которомъ 500 модіевъ являются нормальной мѣрой. Но будемъ продолжать наши счеты съ пахотною землею на 300 модіевъ. Если нормальная крестьянская стась въ 60 модіевъ, или даже менѣе, оцѣниваемая въ 50 перперовъ, можетъ быть принимаема за типъ земельного надѣла, то конный участокъ въ 4 литры долженъ заключать въ себѣ отъ 5 до 6 нормальныхъ крестьянскихъ надѣловъ, каждый изъ которыхъ платитъ подати отъ 4 до 5 перперовъ. Но какъ такую податю облагается меньшинство дворовъ, большинство же платитъ меньше, по два и по три перпера, то легко видѣть, что въ дѣйствительности конный участокъ въ 4 литры могъ представлять группу въ 8 или 10 среднихъ крестьянскихъ дворовъ, податной итогъ которыхъ въ 25 перперовъ и составляетъ среднюю сумму, необходимую для военной службы на конѣ. Точно такимъ же путемъ приходимъ къ выводу, что военный участокъ простаго пѣхотинца стоимостью въ двѣ литры, въ реальной дѣйствительности представлялъ группу изъ 4 или 5 среднихъ крестьянскихъ дворовъ, называемыхъ вондатами, обложенныхъ суммой въ 12 или 13 перперовъ.

Спеціальныя постановленія въ новеллахъ по отношенію къ военно-податнымъ землямъ заключаются въ слѣдующемъ:

¹⁾ Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV в., стр. 28. Пахотной земли за жителями села Градца 2160 кобловъ—модіевъ, подати идетъ 120 перперовъ, то-есть, ¹/₄ перпера приходится не на 12 кобловъ, какова была арендная плата, а на 18. Точно также за жителями села Муныени пахотной земли 300 кобловъ, но они платятъ не 25, а только 13 перперовъ; то-есть, опять-таки меньше ¹/₄ перпера съ 12 кобловъ.

1) Стратіотамъ воспрещается продавать имущество, съ котораго они несутъ военную службу. Военный участокъ обязательно переходитъ отъ отца къ сыну съ одинаковымъ обязательствомъ военной службы. Въ случаѣ дѣлежа участка между нѣсколькими наследниками, они обязываются въ складчину нести съ него службу.

2) Частная собственность стратіота, внесенная въ военныя писцовыя книги, раздѣляетъ судьбу военноподатнаго надѣла, то-есть, не подлежитъ отчужденію.

3) Отъ покупки военныхъ участковъ и права наследованія въ нихъ спеціально устраняются знатныя или чиновныя лица, митрополитъ, епископъ, монастырь, богоугодныя учрежденія, властель и т. п.

4) Признается однако право сорокалѣтней давности, вслѣдствіе котораго военный участокъ теряетъ свой военноподатной характеръ, если кто докажетъ сорокалѣтнюю давность владѣнія имъ по частному праву.

Таковы въ главныхъ чертахъ законоположенія X и начала XI вѣка о военноподатныхъ участкахъ. Что такая организація военного устройства „*in Ganzen*“ какъ выражается Цахаріэ ¹⁾, сохранилась до завоеванія Константинополя турками,—это не справедливо. Военное устройство въ Византіи развивалось и измѣнялось; первая эпоха его еще во многомъ напоминаетъ военную организацію Римской имперіи IV и V вѣка. Для насъ въ вопросѣ организаціи военныхъ участковъ до конца XI вѣка особенно важна одна черта, въ которой обобщается исторія мелкаго землевладѣнія въ Византіи съ исторіей военныхъ участковъ. Черту сближенія мы видимъ въ редакціи закона о *prociptosis*, который одинаково обезпечиваетъ судьбу крестьянскихъ и военныхъ участковъ. По отношенію къ послѣднимъ онъ формулируется въ приведенныхъ выше пяти правилахъ, по отношенію къ первымъ въ нижеслѣдующихъ пяти положеніяхъ.

Если продается крестьянскій участокъ, то предпочтительное право на покупку его предоставляется слѣдующимъ пяти категоріямъ, исключаемымъ изъ родовыхъ, общинныхъ и административно-податныхъ отношеній: 1) семейная или родовая община, 2) домохозяева-общинники, 3) обыватели общины, 4) солдательщики, 5) члены союзныхъ общинъ, соединенныхъ въ одну комитуту или жуцу.

¹⁾ Geschichte d. Griech.-Römisch. Rechts. S. 258—259.

Въ общемъ, по отношенію къ крестьянскимъ и военнымъ участкамъ дѣйствуетъ родовое, сосѣдское и волостное или жупное право: Здѣсь мы не входимъ въ объясненіе текстовъ, на основаніи которыхъ дѣлаемъ заключеніе о пяти категоріяхъ, и ограничиваемся ссылкой на статьи: „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи“ ¹⁾.

Ф. Успенскій.

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, февраль 1883 г., стр. 311, 323.

САГА О ФИННБОГѢ ¹⁾.

III.

Мы разобрали ту часть Финнбоговой саги, которая, какъ намъ кажется, составляетъ ея основу. По приложенному переводу главъ 23-й—39-й можно было видѣть характеръ изложенія: простой, отрывистый и съ весьма незначительною примѣсью баснословной окраски. Объясненіе поднявшейся бури тѣмъ, что Далла наколдовала; прозвище Торвальда оборотнемъ и нѣсколько преувеличенная сила и отвага Финнбога—вотъ все, что есть въ этихъ главахъ сказочнаго. Стремленіе къ правдивости сказывается во всякомъ эпизодѣ: „мы слышали“, „такъ передавали намъ“, „до насъ дошелъ слухъ“ являются обычными вступительными фразами. Тѣмъ не менѣе замѣтна нѣкоторая неровность изложенія: въ эпизодѣ съ Уксомъ есть недосказанности; разкащикъ точно колеблется: или память ему измѣняется, или онъ не могъ раз-
узнать дѣло обстоятельнѣе. Принятіе христіанства является извѣст-
нымъ, такъ какъ Асбиорну, въ пору его введенія на островѣ,
должно было быть уже за сто лѣтъ. Притомъ, тутъ же на похоро-
нахъ устраиваются игрища (вспоминаніе языческихъ обрядовъ), но
какъ-то странно: въ видѣ развлеченія въ то время, когда погребаль-
ная процессія остановилась передохнуть. Не смотря на все это, при-
веденныя главы вполне подходят по характеру къ тѣмъ древнѣй-
шимъ исландскимъ сагамъ, которыя принято называть историческими.

Рѣзко отличается отъ нихъ вся первая часть саги, главы 1-я—23-я,
которая представляется въ общемъ какимъ-то богатырскимъ сказа-

¹⁾ Окончаніе. См. февральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за теку-
щій годъ.

ніемъ. Историческаго въ ней врядь ли что есть, а отдѣльные эпизоды могутъ быть сближены то съ мифологическими преданіями (гл. 7-я), то съ разказами изъ другихъ сагъ (гл. 13-я), на что указывалъ ужь Герингъ; иные просто присочинены. Разбирать каждый эпизодъ въ отдѣльности врядь ли представило большой интересъ, но высказавъ предположеніе, что сага уже въ значительной степени сложилась въ устномъ преданіи, прежде чѣмъ дошла до рукъ записывателя, мы стараемся уловить схему, по которой нарастали приращенія. Нѣкоторые эпические мотивы выступаютъ, какъ намъ кажется, довольно ясно; мы отмѣтимъ ихъ сперва въ этой части, прилагая вслѣдъ затѣмъ и переводъ ея; потомъ укажемъ общіе мотивы и въ послѣдней части саги, гл. 39-я—43-я. Причина же, почему первичные разказы о Финнбогѣ, какъ объ историческомъ лицѣ, и его ссорахъ съ сосѣдами вышли изъ рамокъ мѣстныхъ преданій и толковъ на общественныхъ собраніяхъ и подверглись литературной разработкѣ, зависитъ, какъ намъ кажется, отъ того, что личность самого Финнбога легко поддавалась обобщенію: поселяясь то тамъ, то здѣсь, нигдѣ долго не уживаясь, но вездѣ оставляя память о себѣ, какъ объ отважномъ и сильномъ противникѣ, онъ невольно становился предметомъ толковъ въ разныхъ участкахъ Исландіи, между тѣмъ какъ его кочеванія легко сбивали точность извѣстій объ его семьѣ, родныхъ, его генеалогію и время его жизни. Тогда какъ близкими къ дѣйствительности оставались лишь нѣкоторые разказы, послужившіе основой раньше разсмотрѣнныхъ нами главъ Финнбоговой саги, именемъ Финнбога овладѣвала народная фантазія, и пробѣлы его прошлой жизни стали восполняться болѣе или менѣе правдоподобными измышленіями. Наконецъ, интересоватъ стала не столько историческая личность Финнбога, сколько извѣстныя черты характера, качества, доблести, которыхъ онъ являлся олицетвореніемъ. Это тотъ интересный и трудно-уловимый моментъ въ историко-литературныхъ явленіяхъ, когда дѣйствительная личность перестаетъ быть историческою, въ фактическомъ смыслѣ слова, а обобщаясь въ идеальныхъ чертахъ, становится типомъ или народнымъ героемъ. Такимъ лицомъ является въ нашей сагѣ Финнбогъ, и потому мы назвали эту сагу героическою, въ отличіе отъ другаго рода сагъ—областныхъ, родовыхъ, историческихъ и т. п., гдѣ главное вниманіе сосредоточивается на воспоминаніи того или другаго событія, на исторіи области, генеалогіи и т. д.

Прежде всего Финнбогъ примкнулъ къ циклу сказаній объ Торгейрѣ, Лосветнингскомъ гѣдѣ, являющемся своего рода эпическимъ собира-

тельнымъ лицомъ въ старо-сѣверной литературѣ. Личность Торгейра—одинъ изъ самыхъ интересныхъ типовъ, выводимыхъ сагами, и потому можетъ быть не лишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ. Въ 985 г. Торгейръ, гдѣ Льосветнингскій, одинъ изъ знатныхъ и вліятельныхъ жителей сѣверной Исландіи, былъ избранъ председателемъ (lögsögumadr) на обще-исландскомъ вѣчѣ (allthing) и пребывалъ въ этой должности шестнадцать лѣтъ. То было смутное время въ Исландіи: усиливающаяся партія родовитыхъ людей, замкнутая ограниченностью числа лицъ, допускаемыхъ въ гдды, получила рѣшающее значеніе на всѣ общественныя дѣла. Несправедливости, предвзятость рѣшеній, притѣсненія этой партіи вызывали всеобщее недовольство. Все болѣе и болѣе сознавалась непригодность законовъ Ульфлютта, утвержденныхъ въ 930 г., и потребность преобразованій настойчиво сказывалась. Исландская община раздѣлилась на партіи, между которыми не рѣдко происходили довольно кровавыя столкновенія. Во главѣ реформаціонной партіи стоялъ Ньяль, и медленно подготовлялся переворотъ, совершившійся въ 1004 г., но который принесъ желанные плоды только частью. Въ эту пору Торгейръ, пользовавшійся извѣстнымъ вліаніемъ благодаря занимаемому имъ посту, старался по возможности сдерживать враждующія стороны и мѣшать открытымъ столкновеніямъ. Но волненіе между умами возбуждалось еще другимъ вопросомъ—именно религіознымъ. Пренія мнѣологическія вѣрованія и преданія, которыми главнымъ образомъ поддерживалось республиканское устроеніе Исландіи, такъ какъ съ ними тѣсно была связана всякая общественная должность, въ значительной степени успѣли расшататься. Христіанство дѣлало быстрые успѣхи на островѣ; но если часть жителей его принимала новую вѣру, другіе стали безразлично отвѣряться къ вопросамъ религіи, третьи, въ силу реакціи, особенно упорно привязались къ древнимъ традиціямъ. Последняя партія приняла характеръ національнаго движенія въ соблюденіи вѣрности завѣтамъ старины. Между тѣмъ король Норвежскій, Олафъ Тригвассонъ, самъ недавно принявшій христіанство, посылалъ однихъ за другими миссіонеровъ, чтобы обратить островитянъ къ Христовой вѣрѣ. Последняя миссія, во главѣ которой были два исландскіе уроженцы—Гидуръ и Гьяльти, была встрѣчена на островѣ особенно недоброжелательно: на пути къ альтингу миссіонеры были остановлены толпой вооруженныхъ язычниковъ. Чтобы избѣжать кровопролитнаго столкновенія, рѣшились обратиться къ человѣку, всѣми уважаемому, могущественному и славному Торгейру; ему довѣрили обсудить вопросъ и

представить свое мнѣніе на общественномъ собраніи. Торгейръ почувствовалъ, что прежняя религія не можетъ бороться съ новымъ ученіемъ Христа, и будучи самъ язычникомъ, изъ сознанія важности общаго дѣла, желанія водворить спокойствіе и миръ на островѣ, предложилъ признать христіанство господствующею религіею въ Исландіи. Только выговорено было прежнимъ язычникамъ право исповѣдывать по желанію свою вѣру, запрещены всякія мѣры насилуванія и преслѣдованія, а также сохранены нѣкоторые обычаи. Исландцы подчинились этому рѣшенію, и тѣмъ выказалось, какъ велико было влияние Торгейра. Мы не знаемъ его дальнѣйшей судьбы, но имя его перешло во многія саги, стало достояніемъ общественной молвы; и вездѣ изображается онъ одинаковыми чертами—кроткій, миролюбивый, справедливый, усмиряющій раздоры и водворяющій порядокъ и доброе согласіе ¹⁾. Этотъ-то человекъ и давнѣ въ нашей сагѣ въ дяди и покровители Финнбогу, хотя родство ихъ *de facto* подвержено сильному сомнѣнію, а въ покровители его, какъ нами было указано, онъ уже потому не подходилъ, что былъ значительно моложе нашего героя; но Торгейръ здѣсь не историческое лицо, а лишь эпическое, вокругъ котораго группировался циклъ сказаній.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ складывались разказы о первоначальномъ дѣтствѣ и юности Финнбога. Мальчику еще до рожденія угрожаетъ гибель, и по приказанію его отца, разгнѣвавшася на его мать за непослушаніе, онъ долженъ быть выброшенъ на голодную смерть, едва появится на свѣтъ. Случайно спасенный, онъ долгое время живетъ въ загонѣ, на чужихъ рукахъ, но съ раннихъ поръ уже выказываетъ необычайную силу и доблесть. Вотъ является у него мощный покровитель, который принимаетъ большое участіе въ счастливо одаренномъ, но еще не признанномъ маленькомъ богатырѣ. За симъ герой растетъ не по днямъ, а по часамъ. Какъ бы посвященіе въ богатыри получаетъ онъ отъ Финнбога (старшаго), который, умирая, завѣщаетъ ему свое имя, оружіе и предсказываетъ громкую славу въ будущемъ. Теперь онъ уже признаетъ отцомъ своимъ, но жажда подвиговъ и приключеній заставляеть его покинуть отеческій домъ и ѣхать въ дальнія страны: „Твоя поѣздка“, говоритъ юношѣ Торгейръ,—„напередъ опредѣлена судьбой“ (гл. 1—15).

¹⁾ Главнѣйшій источникъ объ дѣятельности Торгейра—*Kristnisaga*, также *Njals-saga*; затѣмъ вошелъ онъ и во многія другія саги. Объ немъ см. у *K. Maurer*—*Die Bekehrung des Norwegischen Stammes dem Christenthum*; его же—*Island*; затѣмъ, *Klaehn*—*Island (Geschichte)* въ *Encycl. Ersch und Gruber* Bd. XXXI.

Этотъ мотивъ преслѣдованія героя невольно вызываетъ на сближенія съ нѣмецкими сказаніями о Вольфъ-Дидрихъ и Гугъ-Дидрихъ. Въ нихъ тоже герой первоначально обреченъ на гибель, спасенъ случайно, живетъ въ неизвѣстности своего настоящаго происхожденія и выдается только лишь по необычайнымъ дарованіямъ своимъ. Торгейръ, Сирпа, Финнбогъ Старшій являются такими же покровителями и руководителями молодого героя, какъ Берхтунгъ, Птоломей, Гильдебрантъ въ нѣмецкихъ сказаніяхъ. Схема разказа до сихъ поръ представляетъ мало отличій.

Вотъ Финнбогъ отправился въ путь, въ погоню за громкими подвигами, и потерѣвъ на пути кораблекрушеніе и много всякихъ бѣдъ-свѣй, добирается до Галогаланды. Здѣсь совершаетъ онъ свой подвигъ съ медвѣдемъ, а затѣмъ является нѣсколько ступешанный въ разказѣ эпизодъ съ Альфомъ. Намъ кажется, что объясненіе ему мы найдемъ въ дальнѣйшемъ развитіи разказа: герою надо жениться, но сватовство его должно быть сопряжено съ извѣстными препятствіями; силой и изворотливостью долженъ онъ взять себѣ въ жены красавицу, слава о которой далеко разошлась. Естественно, отецъ невѣсты долженъ стать къ нему во враждебныя отношенія. Можетъ быть, это мѣсто, не выясняющее намъ сначала причины, побудившей Финнбога ѣхать въ домъ Альфа, дошло до насъ въ неполномъ видѣ. Дѣйствительно, не зная, по видимому, раньше о существованіи дочери у послѣдняго, онъ сразу является къ нему въ домъ похищать красавицу. Тутъ есть недосказанность. Тѣмъ не менѣе основной мотивъ ясно обрисовывается при дальнѣйшемъ развитіи разказа: убивъ Альфа и хитростью похитивъ свою будущую жену, Финнбогъ является тайнымъ врагомъ Гакона, ярла, ближайшаго родственника его невѣсты, при дворѣ котораго онъ поселяется. Но Финнбогъ пренебрегаетъ опасностью; весело и открыто живетъ онъ съ толпой двѣнадцати вѣрныхъ служителей; множество подвиговъ совершаетъ онъ, и однимъ изъ нихъ между прочимъ является поѣздка въ Грикландію; наконецъ, поженившись на красавицѣ, руки которой онъ такъ добивался, благодаря чему и совершалъ свои подвиги, покрывъ имя свое славой, онъ возвращается въ Исландію (гл. 15-я—23-я).

Мотивъ добыванія невѣсты и похищенія ея, служащій основой этой второй части разказа, также весьма распространенный въ эпической литературѣ. Многія частности жизни Финнбога при дворѣ Гакона очень близко напоминаютъ извѣстные эпизоды изъ сказаній о королѣ Ротарѣ, сѣверн. *Didrekssaga*, объ Ортнитѣ и такъ далѣе.

Интересно и число спутниковъ Финнбога (гл. 16-я, 19-я, 20-я, 29-я). Оно является какъ-то извнѣ прицѣпленнымъ; говорится просто: „никогда Финнбогъ не имѣлъ менѣе двѣнадцати спутниковъ“; но откуда взялись они, и почему именно двѣнадцать — это остается не выясненнымъ и невольно заставляетъ предполагать, что оно является отголоскомъ эпическихъ или мифологическихъ сказаній, въ которыхъ число 12 весьма обычно. Чтобы не идти далеко, укажемъ хоть на 12 азовъ, окружающихъ главу сѣвернаго Олимпа—Одина. Высадка Финнбога въ Грикландіи, сперва никогнито, также напоминаетъ пребываніе Ротаря, подъ именемъ Дидриха, при дворѣ Византійскаго императора, съ Аспремоноу и его двѣнадцатью великанами. Но Ротарь домогается руки дочери императора Константина, между тѣмъ какъ невѣста Финнбога на далекомъ сѣверѣ, при дворѣ Гакона. Если видѣть въ конунгѣ Іонѣ Византійскаго императора Іоанна Цимискія, какъ то дѣлаетъ Сумъ ¹⁾, то его отношеніе къ сватовству Финнбога все-таки лишь косвенное: Финнбогъ сватаетъ Рагнагильду у Гакона; Гаконъ, подвергнувъ его двумъ искусамъ, отсылаетъ напоследокъ къ Іону, у котораго служитъ его бывший дружинникъ Берсъ, задолжавшій ему; такимъ образомъ отъ успѣха въ выполненіи порученія у Іона зависитъ косвенно успѣхъ сватовства Финнбога. Все это очень натануто, да и основной мотивъ не высказанъ явно: Финнбогъ проситъ только, чтобы Рагнагильду не выдавали замужъ, пока „будутъ доходить слухи, что онъ еще живъ“. Эту часть саги, главы съ 15-й по 23-й, мы назвали бы самою слабою и во всякомъ случаѣ позднѣе присочиненною: противъ сношеній скандинавовъ съ Константинополемъ въ X—XI вв. категорично высказался В. Г. Васильевскій. Но въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в., время, къ которому

¹⁾ Верлауэ объясняетъ Грикландію не Греціей, а вообще страной, лежащею къ юго-востоку отъ Норвегіи, то-есть, Россіей; въ связи съ этимъ у него Іоанъ—русскій князь или начальникъ надъ дружиной, служившій при византійскомъ дворѣ (см. *Antiquités Russes d'après les monuments histor. des Islandais et des anciens Scandinaves*, изд. Рафн). Не входимъ въ разборъ этой догадки, которая все-таки не объясняетъ эпизода поѣздки Финнбога и не можетъ служить доказательствомъ ея подлинности, какъ историческаго факта, ибо о какомъ русскомъ князѣ Іоанѣ идетъ рѣчь? Верлауэ отбрасываетъ толкованіе Сума главнымъ образомъ лишь на несоотвѣтствіи хронологическихъ данныхъ: Гаконъ, ярль, правилъ Гакогаландой съ 978 г. по 999, Іоаннъ же царствовалъ съ 969 г. по 976. Но выше мы указывали на еще большую спутанность хронологіи по отношенію къ самому Финнбогу и его ближайшимъ родственникамъ.

относится наша сага, эти отношенія уже установились. Весьма возможно, что они послужили поводомъ заставить и Финнбога совершить свою поѣзду, при чемъ имя Иона было вставлено для большей правдоподобности, такъ какъ Иоаннъ Цимискій тоже жилъ въ концѣ X в., какъ и Финнбогъ, Гаконъ, Торгейръ и другіа лица саги. Два или три года несоотвѣствія его царствованія съ правленіемъ ярла Гакона, не могли остановить записывателя или слагателя саги, не разъ уже погрѣшавшаго противъ хронологіи. Любопытно въ этомъ эпизодѣ требованіе конунга Иона, чтобы Финнбогъ принялъ христіанство. „Если вы пошлете на сѣверъ проповѣдниковъ христіанства“, отвѣчаетъ Финнбогъ, — „то немногіе раньше меня примутъ эту вѣру, и обещаюсь я способствовать ея распространенію“. Мы видѣли въ гл. 36-й, что Финнбогъ сдержалъ слово, но тамъ уже конунгъ Ионъ не упоминается больше, и не говорится, что проповѣдники христіанства были имъ присланы. Если исландцы въ дѣйствительности приняли христіанство отъ Римской церкви, то все-таки съ значительными отступленіями: священники вступали въ бракъ, богослужебныя книги были рано переведены на туземный языкъ и такъ далѣе. Въ своеобразномъ устройствѣ Исландской церкви видать отчасти вліяніе ирландскихъ миссіонеровъ, частью объясняется оно отдаленнымъ положеніемъ острова отъ Рима. Зависимость отъ послѣдняго во всякомъ случаѣ не могла быть сильна, когда мы видимъ, что въ XIII в. починъ къ обращенію островитянъ въ христіанство могъ приписываться конунгу Грикландіи.

Послѣ возвращенія Финнбога на родину начинается исторія его дѣятельности въ Исландіи, которую мы предпослали его сказочнымъ похожденіямъ. Сближивъ схему, по которой слагается разказъ о дѣтствѣ и юности Финнбога, съ мотивами эпическихъ сказаній сѣверныхъ и западныхъ германцевъ, мы не входимъ въ разборъ вопроса, какія именно произведенія повліяли на сравнительно болѣе позднюю редакцію саги о Финнбогѣ. Единственный выводъ, который мы пока дѣлаемъ изъ этого сближенія, — тотъ, что было бы рискованно довѣряться мѣстнымъ приуроченіямъ, къ которымъ примыкаетъ тотъ или другой эпизодъ саги. Finnbogakambr, Finnbogastein, Almannakambr, Sleggjufall, даже Finnbogastadr могли получить свои наименованія вслѣдствіе сложившихся разказовъ, а не обусловили послѣдніе. Именно общность схемы говорить въ пользу первенства литературной разработки. Относительно замка Борга, по свидѣтельству Олавсена и

Повельсена ¹⁾, одержало верхъ другое преданіе, приписывающее основаніе его не Финнбогу, а скальду Гундмунзону: это колебаніе побуждаетъ къ еще большей осторожности въ томъ, на сколько можно довѣриться мѣстнымъ пріуроченіямъ. Они главнымъ образомъ могутъ служить лишь мѣриломъ распространенности даннаго преданія.

Глава 1-я.

Быль мужъ по имени Асбиорнъ, звали его Деттиасъ. Онъ былъ сынъ Гуннбиорна, сына Ингялова; рослый былъ онъ мужъ, сильный и прекрасный собою. Жилъ онъ въ Флатейардаль, во дворѣ, что зовется „у Эйра“. Онъ былъ женатъ и поелъ въ жены Торгерду сестру Торгейра, Льосветнингскаго гѣда: то была красивѣйшая изъ женъ, мужественная женщина.

Велико было въ ту пору могущество Торгейра и его сыновей. Самъ Асбиорнъ былъ родомъ норвежець, изъ числа именитѣйшихъ. Пришелъ онъ сюда отъ мужей, власть имущихъ, не стерпя ихъ несправедливости и беззаконій, какъ то дѣлали иные достойные люди. У Асбиорна былъ годордъ у Флатейардала, вверхъ до владѣній его шурина Торгейра.

Бреттингомъ звался мужъ, жившій въ Бреттингстадахъ въ Флатейардаль; у него была жена, по имени Тора; одному изъ ихъ сыновей было имя Торстейнъ, другому—Гримъ, третьему—Сигурдъ.

У Юкульсы ²⁾ въ долинѣ жилъ мужъ, по имени Ингъ; Сигридой звали его жену; у нихъ было два сына: одного звали Ториръ; другаго—Гримъ. Они были надежные, дѣльные люди, изъ сильныхъ.

Асбиорнъ былъ изъ древнихъ поселенцевъ, какъ и всѣ выше названные. У него была дочь, именемъ Торни; за нее посватался норвежець Скидъ, но Асбиорнъ не соглашался ее выдать. Однажды, когда, въ лѣтнюю пору, Асбиорнъ отправился на вѣче ³⁾, Скидъ по-

¹⁾ См. *Eg Olavsen's*, В. Povelsen's Reise durch Island, veranstaltet durch die Kon. Soc. der Wissenschaft zu Kopenhagen, Leipzig 1774—1775. Объ Финнибогастадѣ и Слеггюфаллѣ см. *Kjalund*, Hist. typogr. beskrivelse af Island I bd, s. 624.

²⁾ *Jokulsá*—, рѣка Юкула“ въ сѣверномъ кварталѣ Исландіи.

³⁾ *Thing* — вѣче; по всей вѣроятности, здѣсь подразумѣвается альтингъ, который проходилъ лѣтомъ. Областные вѣча собирались весной и осенью, и на нихъ сходились члены трехъ годордовъ въ каждомъ *тинксоннѣ* (*thingsoknir*). Исландія была раздѣлена на четыре квартала — сѣверный, южный, западный и

хитилъ дѣвушку, съ согласія ея матери Торгерды. Онъ увезъ ее въ Норвегію и тамъ сыгралъ съ нею свадьбу. Пригожимъ молодцемъ былъ Скидъ; была у него знатная родня и отличныя средства. Когда Асбиорнъ вернулся съ вѣча, сильно разгнѣвался онъ на Торгерду и норвежца, что дочь его увезена. Суровымъ и жестокимъ и крайне раздражительнымъ становился онъ, когда бывалъ гнѣвнъ.

Глава 2-я.

Немного спустя послѣ этого поѣхалъ какъ-то Асбиорнъ на вѣче, вмѣстѣ со своими людьми. Тогда сказалъ онъ Торгердѣ: „Думаю я теперь проѣхать на вѣче, по обыкновенію; но мнѣ вѣдомо, что ты тяжела и скоро родишь. Какое бы ни былъ твой приплодъ, будь то сынъ или дочь, ребенка нечего кормить, лучше его прямо выкинуть“¹⁾.

Говорить Торгерда, что не слѣдъ ему дѣлать этого, будучи столь мудрымъ и могущественнымъ мужемъ. Такъ какъ и то было бы неслыханнымъ дѣломъ, когда подобный поступокъ совершилъ бы бѣд-

восточный; каждый кварталъ распадался на три тинисокна, кромѣ сѣвернаго. въ которомъ ихъ было четыре; каждый тинисокнъ заключалъ въ себя три годорда географически между собою не раздѣленные.

¹⁾ Обычай выкидыванія дѣтей существовалъ въ Исландіи издавна и обуславливался скудостью и суровостью климатическихъ условій страны, вследствие которыхъ бѣдному человѣку было не легко прокормить многочисленную семью. Въ *Islandingabok* Ари мудраго (1067—1148 гг.) встрѣчаются указанія, что въ годъ этотъ обычай являлся обязательнымъ. Такъ, гдѣто Лютотъ былъ изданъ указъ своимъ прихожанамъ убивать стариковъ и выкидывать дѣтей. Другой годъ Аскель усилилъ призываніе, утверждая, что этииъ почтятся святость храма (см. *Klaehn—Island (geschichte)* въ *Encycl. f. W. et K. Egsch und Gtuber*). Такъ сильно укоренился этотъ обычай между исландцами, что даже при принятіи христіанства (1000 г.) было выговорено для бѣдныхъ людей право выкидывать дѣтей. Мы видимъ, что и жена Асбиорна главнымъ образомъ направляетъ на то, что у нихъ нѣтъ недостатка въ добрѣ; а фраза, что „для бѣднаго человѣка оно было бы неслыханнымъ дѣломъ“ есть, вѣроятно, позднѣйшая окраска. Вполнѣ вывелся этотъ обычай лишь значительно позднѣе. Обыкновенно ребенка, обреченнаго на смерть, бросали въ воду или зарывали въ землю; иногда выносили въ пустынное мѣсто, предоставляя на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Если же имѣлась тайная надежда, что кто-нибудь подберетъ ребенка и возьметъ его къ себѣ на воспитаніе, то его прикрывали какими-нибудь предметами и вкладывали въ ротъ, вопреки закону, кусокъ сала, какъ въ нашей сагѣ и было поступлено съ сыномъ Асбиорна и Торгерды (см. *Weinhold, Altnord. Leben*, стр. 261).

ный человекъ, — „Но у васъ всего въ избыткѣ и нѣтъ недостатка въ добрѣ“. Отвѣчалъ Асбиорнъ: „Я рѣшилъ еще тогда, когда ты отдала дочь нашу, Торни, на руки Скиду, норвежцу, безъ моего вѣдома, что не стану больше выкармливать дѣтей за тѣмъ, чтобы ты спроваживала ихъ вопреки моей воли. Если ты не поступишь такъ, какъ я тебѣ наказалъ, то не одобровать тебѣ, равно какъ и всѣмъ тѣмъ, которые ослушиваются, моего приказанія и не дѣлаютъ такъ, какъ я вѣлю“. Послѣ этого поѣхалъ Асбиорнъ на вѣче. Немного спустя родила Торгерда мальчика; то былъ большой, здоровый и красивый ребенокъ. Всѣ расхваливали его, кто только видѣлъ, и слуги, и служанки. Думалось и Торгердѣ, что ребенокъ вышелъ бы прекрасный, и сильно полюбила бы она его, но все-таки приказала она унести его, такъ какъ знала нравъ своего мужа, что не доводитъ до добра идти на перекоръ его слову.

Призвала она людей, передала имъ ребенка и велѣла его унести, какъ было приказано. Люди вынесли ребенка за ограду дома и положили между двумя камнями, а сверху прикрыли большимъ гладкимъ осколкомъ скалы и, сунувъ въ ротъ мальчику кусокъ сала, отошли.

Глава 3-я.

Былъ мужъ, по имени Гестъ; онъ жилъ въ томъ мѣстѣ, что зовется „у Топта“; жена его называлась Сирпой. Она пестовала Торгерду много лѣтъ тому назадъ, когда та была еще ребенкомъ. Торгерда очень любила Сирпу и взяла ее съ собою въ Эйръ, когда была выдана за мужъ. Была Сирпа очень свѣдущая во всемъ томъ, что она должна была дѣлать; всякаго звѣря безобразнѣе была она на видъ. Присматривался къ ней Асбиорнъ, и показалось ему, что она слишкомъ много работы наваливаетъ на Торгерду¹⁾; поэтому онъ отпустилъ Сирпу и выдалъ ее за Геста. Имѣла она скудное имущество, а равнше ничего много не было, какъ то, что подарила ей Торгерда. Не много имѣлъ Гестъ; бабья власть заправляла имъ, такъ какъ былъ онъ бѣдняга, никуда не пригодный человекъ.

¹⁾ Эта фраза характеризуетъ отношенія, бывшія между исландскими женами и прислушницами ихъ, гдѣ на долю хозяйки выпадало не меньше работы; чѣмъ служанкамъ ея, а въ данномъ случаѣ даже больше. Сирпа, вѣроятно, была рожденная въ домъ рыбака (*fostra, fostirmenn, fostrir*) и какъ таковая считалась почти членомъ семьи (ср. *Weinhold*, стр. 432 и слѣд.).

Разказываютъ, что въ тотъ самый день когда Торгерда родила, Сирпа послала своего хозяина добыть моху ¹⁾, такъ какъ онъ много дѣлалъ для своей кормилицы ²⁾ изъ того, что могло той понадобиться. Случилось въ тотъ день, что онъ побѣжалъ около ограды и луга; вотъ услышалъ онъ плачь ребенка. Гестъ принялся раскидывать камень за камнемъ, пока не отыскалъ ребенка; тогда онъ взял его и показался ему мальчикъ прекраснымъ; онъ кладетъ его къ себѣ въ полу и бѣжитъ домой къ Сирпѣ, какъ только можетъ скорѣе, не заботясь уже о томъ, зачѣмъ былъ посланъ. Спросила его Сирпа, къ чему онъ идетъ такъ поспѣшно. Гестъ отвѣчалъ, что онъ нашелъ ребенка, только что рожденнаго: „Никогда не видалъ я столь прекраснаго“. Сирпа попросила показать ей его и, взглянувъ, подумала, что узнать, какого онъ роду. Затѣмъ попросила она Геста взять ихъ шубы и внести въ горницу. „Улягусь я, и пусть такъ будетъ, какъ будто мы имѣли этотъ ребенокъ“. Гестъ сказалъ, что этому никто не повѣритъ: „Этотъ мальчикъ гораздо пригожѣ на видѣ, чѣмъ было бы наше дитя“. Сирпа велѣла ему замолчать и не смѣть говорить иное, чѣмъ то, что она хочетъ. Затѣмъ послала она его въ Эйръ попросить Торгерду дать все то, что нужно ей было; Гестъ тотчасъ стирался.

Гл. 4-я Гестъ пришелъ въ Эйръ.

Пришелъ Гестъ въ Эйръ и сказалъ Торгердѣ, что Сирпа, кормилица, ея, родила ребенка и, говорить: „Нѣту ни пищи, ни одежды“. Торгерда очень удивилась этому и подумала, что кормилица ея уже на столько престарѣла, что не должно бы ей дѣтей имѣть; не промолвила она объ этомъ ни слова, но приказала отослать все, что той нужно было.

¹⁾ *Brungrass*—особый родъ моху, употреблявшійся въ пищу на ряду съ другими кореньями и считавшійся очень питательнымъ.

²⁾ Кормилицей, воспитательницей или опекуницей (*fostra*) Геста называется здѣсь очевидно жена его, съ нѣкоторою насмѣшкою надъ неспособностью самого Геста заботиться о своемъ пропитаніи — «ибо бабья власть заправляла имъ». Бѣдняги, вообще, были въ большомъ презрѣніи у исландцевъ, такъ какъ считалось, что только неспособные, лишенные энергии и трудолюбія люди составляли классъ бѣдныхъ. Но разореннымъ по какому-нибудь независящему отъ нихъ случаю—отъ пожаровъ, падежа скота и т. п., община оказывала всегда помощь и давала возможность снова стать на ноги. (См. *К. Маурера, Клена и Вейнгольда*).

Сирпа была крѣпкая, сильная женщина и не хотѣла, чтобы другія ей прислуживали; беретъ она отъ всякихъ дѣтскихъ платьевъ, какія были; а много лучше были они, чѣмъ какія ей надобились. Взяла она все, что взять можно было, и зажила скромно.

Разошлась молва о томъ, что ребенокъ Асбиорна и Торгерды былъ выкинутъ, и всѣмъ показалось это неслыханнымъ дѣломъ для такихъ богатыхъ и могущественныхъ людей; также и то, что Сирпа родила, казалось не вѣроятнымъ людямъ, знавшимъ ея возрастъ.

Асбиорнъ воротился домой съ вѣча, и ему было передано обо всемъ случившемся; онъ пропустилъ это мимо (ушей), и доброе согласіе установилось между тѣми супругами.

Разказываютъ, что Гестъ и Сирпа выкармливали дитя; такъ быстро росло оно, что едва глазамъ вѣрилось. Ребенокъ былъ такъ красивъ и пригожъ, что всѣ думали: не могъ онъ быть изъ рода Геста. Вотъ спросилъ Гестъ у Сирпы: „А какъ долженъ ребенокъ этотъ назваться?“ Отвѣчала она, что справедливо ему именоваться Урдаркоттомъ ¹⁾, такъ какъ онъ былъ найденъ въ каменьяхъ.

Со дня на день росъ мальчикъ. Сирпа сдѣлала ему шерстяные, порты и гетту ²⁾. Онъ подвязывалъ ее къ портамъ, а въ рукахъ держалъ влюку и такъ бѣгалъ день деньской.

Былъ Урдаркоттъ большой помощи своимъ пестунамъ во всемъ, въ чемъ только могъ: крѣпко полюбили они его. Когда ему было три зимы, то не меньше былъ онъ тѣхъ, которымъ седьмая зима шла. Урдаркоттъ часто бѣгалъ на морской берегъ, и рыбаки ласково съ

¹⁾ *Urdarkauttr*, дикая кошка. Такъ объясняетъ это прозвище К. Мауреръ въ своей рецензіи на изданіе Г. Геринга (*Jenaer litter. Zeitschr.* 1879, № 10). Собственно *Urd* значить скалистое, каменистое мѣсто; *urdar-madr* — *aspreticola* i. e. *exul* (см. словарь Мёбуса).

²⁾ *Hetta*—шляпа, только не въ нашемъ смыслѣ слова. Вейнгольдъ сближаетъ *hetta* съ *kapi*—одеждой, покрывавшею все тѣло и имѣвшей навѣстное приспособленіе для прикрытія головы въ видѣ капюшона (*heitr*), и какъ бы забрало для лица (*grima*). *Hetta* была только проще, чѣмъ *kapi*, и служила нижнимъ платьемъ; покровъ для головы составлялъ ея главную принадлежность. Концы гетты подвязывались между ногъ, къ портамъ. Такимъ образомъ *hetta* представляется въ родѣ большаго башлыка съ очень длинными и широкими концами. При неудобствѣ перевода этого слова шляпой, мы принуждены были удержать исландскій терминъ. *Brekr* — порты (брюки?), покрывади только пространство отъ бедръ до коленъ; ниже *brekr* надѣвались *hosa*—штаны, вѣрше—гетты; наконецъ шли башмаки, *skofot*; ни тѣхъ, ни другихъ нашъ Урдаркоттъ не носилъ.

нимъ обращались и радовались ему; имѣлъ онъ всегда хорошее подспорье дома у воспитательницы своей; часто приходилъ онъ въ Эйръ, но тамъ былъ не любимъ изъ-за служавокъ Торгерды: ударилъ ли онъ ихъ, или палкой своей зацѣпилъ за ноги, только онъ не долбилвали его и бранили; постоянно жаловались онѣ Торгердѣ, но она мало ихъ слушала, говоря, что ему нужна еще нянька ей, Сирпа (то-есть, слишкомъ онъ малъ, чтобы съ него взискать за шалости), и наказывала съ нимъ ласково обращаться. Никогда не попадался онъ на глаза Асбиорну, чтобы этотъ дозволилъ себѣ замѣтить его и отпосылся къ нему ни хорошо, ни худо. Но другіе всё удивлялись ему, если былъ онъ сыномъ этихъ Геста съ Сирпой: столь уродливы были они оба, онъ же рослъ, красивъ и силенъ. Часто просила Сирпа, чтобы не ходилъ Урдаркоттъ въ Эйръ: „Чуетъ мое сердце, что тамъ дождусь себѣ я какого-нибудь горя; но проку нѣтъ мнѣ запрещать тебѣ“. Урдаркоттъ говорилъ, что ничего такого не будетъ.

Проходитъ такъ время, пока не минуло ему шесть зимъ, и былъ онъ тогда не менѣе тѣхъ, которымъ было 12 зимъ и не слабѣ ихъ.

Гл. 5-я. Урдаркоттъ поймалъ рыбу.

Разказываютъ, что однажды Урдаркоттъ побѣжалъ, по обыкновенію, на берегъ моря къ рыбакамъ. Много тамъ было собравшихся, а нѣкоторые отгреблись: ловъ былъ удачный, и они бросали рыбу съ корабля. Вотъ поймали они рыбу въ четыре локтя большую и хорошую; они кинули ее на берегъ и сказали: „Дружище Урдаркоттъ, возьми и стащи эту рыбу“. Онъ спросилъ: „Хотите ли вы отдать мнѣ рыбу, если я протащу ее“? „Они сказали, что онъ вполне заслужить имѣть ее, если проявитъ такую ловкость, — и всё подтвердили это. Урдаркоттъ былъ въ тотъ день въ своихъ шерстяныхъ портахъ и кожухѣ¹⁾, а на ногахъ не имѣлъ ничего: босымъ бѣгалъ онъ ежедневно; вокругъ себя онъ постоянно обматывалъ веревку (вмѣсто пояса?) и одѣвалъ свою гетту. Вбѣгаетъ онъ въ воду (у берега) и зацѣпляетъ за рыбу однимъ концомъ веревки, другой же (конецъ) онъ держитъ у себя на плечахъ; сильно понатужился онъ

¹⁾ *Skinnstakr*—Pelz-joppe (*Möbius*), родъ меховой куртки, доходившей до бедра и безъ покрыва для головы. *Stakr* былъ меховой (*skinnstakr*), изъ кожи морской собаки (*selskinnstakr*), или изъ шерстяной матеріи (*vöruvadarstakr*). См. *Вейнгольда*, стр. 170.

и то пойдетъ, то остановится; всё смотрять и смѣются надъ нимъ. Не такъ долго возился онъ съ этимъ, какъ слѣдовало бы ждать. Все лучше и лучше дѣло идетъ у него, пока онъ не вытануль добычу (на берегъ). Было тамъ круто, куда онъ выбрался; тогда подбѣжали рыбаки, отняли у него рыбу и не хотѣли продолжать споръ съ нимъ, но Урдаркотту это не полюбилось; отправился онъ и пожаловался сыновьямъ Бреттинга, прося ихъ помочь ему (въ горѣ). Тотчасъ же пошли они (вмѣстѣ) къ рыбакамъ и просили выпустить рыбу и продолжать споръ съ Урдаркоттомъ. Всѣ находили, что онъ и такъ молодцомъ справился, на удивленіе. Однако на томъ порѣшили, чтобъ Урдаркоттъ опять былъ допущенъ къ рыбѣ, и сильно онъ тому обрадовался. Снова принялся онъ за нее и притащилъ домой на лужайку, къ Сирпѣ, воспитательницѣ своей. Очень были они довольны. Разошлась молва объ мальчикѣ, и много рѣчей было объ сынѣ Геста и Сирпы. Всѣ удивлялись тому, какъ могли они имѣть такого славнаго сына, какимъ казался этотъ молодецъ. Не мало имъ любовались и допытывались объ родѣ его; но Гестъ съ Сирпой старательно оберегали его, какъ только могли лучше.

Гл. 6-я. Приглашеніе въ гости Торгейра.

Такъ разказываютъ, что была большая дружба между Асбиорномъ и Торгейромъ, гѣдомъ, и родственная пріязнь; они устраивали другъ другу пиршества и обмѣнивались хорошими подарками. Однажды осенью случилось такъ, что Асбиорнъ пригласилъ къ себѣ Торгейра, своего шурина, и онъ прибылъ со множествомъ людей; Асбиорнъ принялъ его очень радушно: пиръ былъ на славу. Урдаркоттъ не измѣнилъ привычекъ своей являться въ Эйръ: каждый день прибѣгалъ онъ туда, а въ этотъ день угодилъ какъ разъ къ тому времени, когда они (то-есть, гости) садились за пиръ. Не удержать его ни чѣмъ, и принимается онъ бороться со служанками: онѣ сопротивлялись ему и вчетверомъ напали на него; произошелъ большой шумъ. Урдаркоттъ втащилъ ихъ въ горницу, и тутъ пошла расправа. Забавлялись люди, глядя на свалку ихъ. Тѣмъ кончилось дѣло, что Урдаркоттъ повыгналъ ихъ всѣхъ и сильно прибилъ. Когда совершилъ онъ свой подвигъ, всталъ онъ на полъ въ одеждѣ своей: то были его коужъ и кюка, которую онъ постоянно въ рукахъ держалъ. Торгейръ окинулъ его долгимъ взглядомъ и затѣмъ сказалъ Асбиорну: „Кто этотъ мальчикъ, который пришелъ сюда?“ Отвѣчалъ

Асбюрнъ: „Кажется, это сынъ Геста и Сирпы изъ Топта“. Возговорилъ Торгейръ: „Это не вѣроятно и не можетъ быть“. Тогда подзываетъ онъ къ себѣ Урдаркотта; тотчасъ подошелъ онъ къ нему и усѣлся на палку, что торчала передъ нимъ.

Молвилъ Торгейръ: „Кто ты таковъ, мальчакъ въ кожухъ?“ Отвѣчалъ тотъ: „Зовутъ меня Урдаркоттомъ, а сынъ я Геста и Сирпы, тѣхъ, что въ Топтѣ живутъ“. Спрашиваетъ Торгейръ: „Какого ты возраста мужъ, Урдаркоттъ?“ Сказалъ онъ, что ему 12 зимъ возрасту. Молвилъ Торгейръ: „Рослый же ты мальчишъ, сильный и сложенъ такъ, какъ никто другой; не видывалъ я княжескаго сына, который могъ бы равняться съ тобою во всемъ“. Тутъ заговорилъ Асбюрнъ, хозяинъ: „Не сказалъ бы ты, любезный шурнишъ, повидавъ Геста и Сирпу, родителей его, что положи они на князей, такъ какъ никогда не видывалъ я такихъ свиней, какъ они оба. Удивительно, что ты тутъ толкуешь, будто ни съ кѣмъ не сравнится Урдаркоттъ: вижу я, потому приглянулся тебѣ онъ, что на видъ смазливъ“. Сильно осерчалъ Торгейръ и сказалъ: „Я думаю, что могу говорить здѣсь кое о чемъ, а по моему разсужденію, не тебѣ подобаетъ указывать, о чемъ рѣчь вести“. Спросилъ Торгейръ Урдаркотта: „Не пойдешь ли ты за Гестомъ съ Сирпой? Скажи имъ, что я хочу видѣть ихъ“. Онъ отвѣчалъ, что не пойдетъ: „Знаю я, что ты хлопочешь о томъ, какъ бы дать мнѣ другаго отца и мать; за это не будутъ они (то-есть, теперешніе мои родители) тебѣ очень благодарны, да наконецъ и я не знаю, лучше ли будетъ для меня другихъ отца и мать имѣть, чѣмъ этихъ. Кажется, это было больше изъ вѣжливости сказано. Засимъ былъ посланъ человекъ за ними (то-есть, Гестомъ съ Сирпой), но они не хотѣли ѣхать „Сбывается такъ“, говоритъ Сирпа,— „какъ давно уже чуялось мнѣ, что навлечетъ несчастье Урдаркоттъ тѣмъ, что каждый день бѣгаетъ туда, въ Эйръ; ужъ когда-нибудь да случится, что онъ тамъ въ бѣду попадетъ“.

Передали Торгейру, что они не хотятъ ѣхать. „Сказалъ Торгейръ: „Сдѣлай по моей просьбѣ, чтобы они прибыли сюда, и я дамъ тебѣ все, что ты ни попросишь“. Отвѣчалъ Урдаркоттъ: „Не стану я дѣлать того, пока не общаешься ты, что не будетъ имъ отъ встрѣчи съ тобою ничего худаго, когда придутъ они“. Общала Торгейръ хорошо обоидтись съ ними. За симъ пошелъ Урдаркоттъ домой и попросилъ Гесту съ Сирпой ѣхать съ нимъ: „Общаюсь я вамъ, что пока я въ живыхъ, не будетъ у васъ недостатка въ добрѣ, если только давалъ я когда-либо лучшій совѣтъ, чѣмъ теперь“.

Сказала Сирпа: „Нечего тутъ перекоряться, пусть выйдетъ изъ этого навлучшее, хотя намъ и сдается противное; надо отправляться“. Когда прибыли они въ Эйръ, сѣли они передъ Торгейромъ на стулѣ, а между ними помѣстился Урдаркоттъ. Тогда молвилъ Торгейръ: „Сдается мнѣ, Сирпа, что Урдаркоттъ не вашъ сынъ; теперь еще не поздно признаться: скажи же, какъ добыла ты его, и получишь отъ меня благодарность и милость, иначе плохо придется,—и это правда“. Отвѣчаетъ Сирпа: „Такъ странно случилось оно, что лучше всю правду сказать, и послѣ того, какъ что было“. За симъ повѣдали они о томъ, какъ дѣло было и внимательно слушали всѣ, которые тутъ были. Молвилъ Торгейръ: „Думаю я, что ты правду сказала“. Спросилъ онъ Торгерду: много ли времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ у нея ребенокъ родился? Сказала она, что тому уже двѣнадцать зимъ. Спрашиваетъ Торгейръ: приказала ли она выкинуть его? „Это правда“, отвѣчала она. „Почему ты это сдѣлала?“ Торгерда говоритъ, что не осмѣлилась она супротивъ гнѣва и суровости хозяина своего, Асбиорна: то было его приказаніе. „Сама я такъ крѣпко любила мальчика, что съ радостью выкормила бы его“. Молвилъ Торгейръ Асбиорну: „Станешь ли ты, деверь мой, отказывать этому мальчику—признать въ немъ сына своего, взять къ себѣ въ домъ и обходиться съ нимъ, какъ съ роднымъ чадомъ?“ Отвѣчалъ Асбиорнъ: „Того не вѣдаю я, кто онъ такой, но могу кормить его наравнѣ съ другими людьми, если это тебѣ нравится“. „Коли поступишь ты съ нимъ не по отцовски и не будешь давать ему то, что онъ захочетъ, то на этомъ разойдется наша дружба, такъ какъ не могу я не видѣть, что скоро онъ превзойдетъ равно твоихъ друзей, какъ и моихъ. Сирпѣ съ мужемъ нужно дать восемьдесятъ-восемь головъ скота за то, что они выростили Урдаркотта; я заплачу половину и ты половину; пусть будетъ имъ затѣмъ всякая честь и благополучіе“. Отправились Гестъ съ Сирпой домой, и все обошлось благополучно: Урдаркоттъ теперь живетъ въ Эйрѣ; одѣтъ онъ заново, и снято съ него то, что раньше на немъ было; лучшее платье дано ему, и казалось, не видно было юноши столь красиваго и всѣмъ пригожаго, какъ онъ. Всѣ находили, что Торгейръ вдоволь наградилъ тѣхъ (Геста съ Сирпой) почестью и дарами. Послѣ этого поѣхалъ Торгейръ домой вмѣстѣ съ спутниками своими; разстались родственники дружелюбно. Урдаркоттъ теперь дома въ Эйрѣ; Асбиорнъ съ нимъ мало бываетъ, но обходится хорошо; мать же его даетъ ему все, что бы тотъ ни пожелалъ, и это отъ большой любви. Приучается онъ те-

перь ко всякимъ искусствамъ, какія только можетъ доблестный мужъ знать.

Такъ прошло немного времени съ того полугодія.

Глава 7-я.

Появствуютъ о томъ, что весной поѣхалъ Асбюрнъ на вѣче, но обыкновенію. Говорятъ, что со стадомъ ходилъ быкъ трехгодовалый и необыкновенной силы; съ трудомъ могли служанки доить молоко изъ-за него; ко всѣмъ былъ онъ свирѣпъ. Однажды утромъ съ крикомъ вбѣжали служанки и повѣдали, что быкъ опрокинулъ все молоко. „Стоишь ты тутъ, лѣнтяй Урдаркоттъ, а нѣту ни одного мужчины кромѣ тебя, хоть бы пособилъ немного“. Стали они его всячески бравить и понукать. Урдаркоттъ сказалъ: „Тѣмъ лучше, что быкъ вамъ бѣды натворилъ и не справиться вамъ съ нимъ, потому что вы все поносите меня. Служанки подбѣжали къ нему и сказали: „Повди, милый Урдаркоттъ, пособи намъ“. Хвалили они его всячески; тогда молвилъ онъ: „Гораздо лучше и приличіе просить меня, и теперь я отправлюсь, конечно“. Встаегъ онъ и идетъ туда, гдѣ стоялъ скотъ. Какъ только увидѣлъ его быкъ, бросился на него; а былъ онъ съ большими рогами и думалъ подкинуть его на нихъ; но Урдаркоттъ схватился обѣими руками за рога, и такъ упорно начали они бороться, что земля взрылась подъ ними. Такъ удачно дѣйствовалъ Урдаркоттъ, что пригнулъ быку голову, завернулъ ее за спину, и на двое переломилась шейная кость; затѣмъ отошелъ онъ; а служанки обступили быка. Асбюрнъ воротился домой, и ему было повѣдано объ этомъ; онъ мало на то обратилъ вниманія. Всѣмъ казалось, что это необычайное проявленіе силы для мужа двѣнадцати зимъ. Вѣсть объ этомъ расходилась отъ человѣка къ человѣку вдаль и вблизь)¹.

Съ каждымъ днемъ становился Урдаркоттъ молчаливѣе; мало на что смотрѣлъ онъ; носился онъ со своею работою денно и пошно.

¹) Въ прозаической Эддѣ, въ главѣ „*Thorr dregr Midgardsorminn*“ разказывается, какъ богъ Торъ, отправившись вмѣстѣ съ великаномъ Имаромъ на рыбный ловъ, достаетъ себя приманку на удочку, сорвавъ голову близъ стоящему быку тавнимъ же способомъ, какъ то сдѣлалъ двѣнадцатилѣтній Урдаркоттъ (См. *Analæsta* поггоева, von *Th. Möbbius*). Герингъ предполагаетъ, что этотъ мифъ повліялъ на данный эпизодъ нашей саги.

Асбиорнъ началъ къ нему лучше и лучше относиться, по мѣрѣ того какъ видѣлъ, что онъ видѣляется надъ другими людьми. Проходить полугодіе, и всѣ поживаютъ спокойно.

Глава 8-я.

Какъ-то осенью, повадился Урдаркоттъ выходить каждый вечеръ, когда стемнѣетъ, и не раньше возвращался, какъ когда уже давно наступала ночь. Не вѣдали люди, что онъ дѣлаетъ. Разъ воротился онъ, когда Асбиорнъ уже легъ въ постель, и вся челядь его улеглась. Подошелъ Урдаркоттъ къ постели и спросилъ: „Спать ли отецъ мой?“ Отвѣчалъ тотъ, что нѣтъ: „Но что тебѣ нужно?“ Урдаркоттъ сказалъ: „Вотъ семь вечеровъ, какъ я выходилъ изъ дому, и всякій разъ видѣлъ одно и то же зрѣлище: не знаю я, что это такое. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты вышелъ и разглядѣлъ это, такъ какъ мужъ ты опытный“. Асбиорнъ всталъ и вышелъ съ нимъ. Молвилъ Урдаркоттъ: „Вижу я какой-то свѣтъ на морѣ, такъ далеко, какъ только могу я видѣть. Сдается мнѣ, что это во всякомъ случаѣ огни. Что скажешь ты на это?“ Говорить Асбиорнъ: „Что это можетъ быть“. „Я не знаю“, говоритъ Урдаркоттъ,—„такъ какъ я молодъ и мало понять могу, но слыхалъ я отъ людей, что тѣ, кому плохо приходится на морѣ, зажигаютъ призывные огни, и видно ихъ издалека. Съ перваго вечера слѣдовало бы разглядѣть это и пособить въ несчастіи“. Асбиорнъ говоритъ, что очень возможно было такому случиться: „Но какъ думаешь ты подѣхать туда?“ Отвѣчалъ онъ: „Хочу я, чтобы ты далъ мнѣ свою лодку и людей; я поѣду раззнать, что тамъ такое“. Асбиорнъ сказалъ, что пусть будетъ такъ. Урдаркоттъ тотчасъ же сталъ снаряжаться; принесъ онъ въ лодку все то, что, казалось ему, должно наиболѣе пригодиться; трое слугъ поѣхало, а онъ былъ четвертымъ. Отгребли они отъ Скяльфанта, а Урдаркоттъ рулемъ править. Когда они прогребли нѣкоторое время, Урдаркоттъ сказалъ: „Теперь за вами очередь править, а я на весла сяду: посмотримъ, какъ-то мы поѣдемъ“. Такъ и было сдѣлано: одинъ всталъ на корму, а Урдаркоттъ взялся за весла. Тогда замѣтили они (сотоварищи), что лодка у него гораздо скорѣе идетъ, чѣмъ у нихъ у троихъ: гребъ онъ долго и много проѣхалъ. Тогда сказалъ Урдаркоттъ: „Теперь погребите вы, а я буду править“. Такъ и сдѣлали: принялись они грести, а Урдаркоттъ править“. Когда они еще немного прогребли, вскочилъ одинъ изъ нихъ и ска-

залъ: „Коли трудимся мы такъ усердно, что цѣлую ночь гребемъ, то много намъ достанется на обратный путь (а приходится возвращаться), такъ какъ сдается мнѣ, мы видимъ предъ собою лишь мертвѣго кита“. Урдаркоттъ сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы то былъ китъ: „Не слѣдъ намъ переставать грести“. Когда приблизились они, то разглядѣли, что то было купеческое судно, глубоко погрузившееся въ воду. Причалили они къ кормѣ и втащили цѣпь на бортъ; затѣмъ вошли они на корабль. Видать они, что былъ разведенъ призывный огонь, и много дерева сожжено. Казалось, можно было догадаться, что тяжелымъ пришелся имъ (то-есть, незнакомцамъ) приѣздъ. Урдаркоттъ взялъ за голову одного человѣка и увидѣлъ, что онъ былъ мертвъ: всѣ люди на кораблѣ оказались мертвыми. Урдаркоттъ прошелъ по всему судну и на палубѣ увидѣлъ раскинутъ шелковый шатеръ, а въ шатрѣ стоитъ хорошо убранная постель. Подходить къ ней Урдаркоттъ и находитъ человѣка, который лежалъ въ постели: узнаетъ онъ, что мужъ этотъ живъ еще. Тогда спрашиваетъ онъ: „Живъ ли ты, добрый человѣкъ?“ Тотъ отвѣчалъ, что это правда. Молвилъ Урдаркоттъ: „Какъ зовутъ тебя, и откуда ты? Кажется намъ, ты съ моря прибыл, хотя и неблагополучно вамъ путь обошелся“. Сказалъ мужъ: „Зовутъ меня Финнбогомъ, а Бардомъ отца моего; норвежецъ онъ по рожденію. Но кто этотъ мужъ, который насъ разыскалъ“. „Называюсь я Урдаркоттомъ“. „Странное это имя“, сказалъ Финнбогъ. Тогда Урдаркоттъ спросилъ: „Остался ли на кораблѣ кто-нибудь въ живыхъ, кромѣ тебя?“ „Было девять человѣкъ въ живыхъ, когда я пошелъ спать“, отвѣчалъ онъ. Урдаркоттъ освѣдомился, отъ чего больше они потерпѣли? Говорить Финнбогъ, что прежде всего пришлось имъ потерпѣть отъ бури, а затѣмъ и отъ жажды, и отъ голода. „Много лишеній выпало намъ на пути: сломался руль, и корабль наполнился водой съ килевой стороны“. Урдаркоттъ приказалъ вынести съ корабля людей, которые были еще въ живыхъ: ихъ было столько, сколько сказалъ Финнбогъ. Не было недостатка ни въ молокѣ, ни въ другомъ чемъ, чтобы возвратитъ ихъ къ жизни, такъ какъ Урдаркоттъ напередъ предвидѣлъ, что понадобится имъ. Вотъ сказалъ онъ: „Теперь, Финнбогъ, ты долженъ дать мнѣ ключи, чтобы я досталъ лучшія сокровища, какія тутъ есть“. Такъ и сдѣлано было: Урдаркоттъ хлопотался такъ, что бѣгалъ взадъ и впередъ по кораблю; онъ выбиралъ то, что казалось ему цѣннѣе и относилъ въ лодку—сколько могла она вмѣстятъ. Когда все было готово, они отгрѣбли и ровно держа-

лись одного направленія, пока не прибыли домой, въ Эйръ. Вышелъ на встрѣчу имъ Асбиорнъ и ласково привѣтствовалъ; видитъ онъ, что поѣздка прошла не даромъ; онъ приказалъ оказать имъ всякую помощь и перевести во дворъ. Финнбогъ поѣхалъ въ Эйръ и еще два человѣка съ нимъ. Урдаркоттъ просиживалъ дни и ночи, ухаживая за нимъ. Говорятъ, что всѣ люди, которые были на кораблѣ, умерли, кромѣ одного Финнбога; онъ выздоровѣлъ и былъ мужъ славный, рослый и сильный; имѣлъ онъ прекрасное оружіе — мечъ, щитъ, шлемъ и панцырь. Онъ былъ кормчимъ и завладѣлъ всѣмъ имуществомъ послѣ корабельщиковъ. Пробылъ онъ здѣсь зиму въ хорошемъ почетѣ. Урдаркоттъ во всемъ его слушался; они продали товары около Флатейрдала и къ сѣверу отъ Кинна.

Проходить зима, и ничего новаго не произошло за это полугодіе.

Глава 9-я.

Былъ мужъ по имени Рафнъ; онъ былъ человѣкъ еще молодой, родственникъ Асбиорну и изъ домочадцевъ его. Рафнъ былъ очень проворенъ и никогда на лошадь не садился, куда бы ни отправлялся. Разказываютъ, что Финнбогъ съ Урдаркоттомъ собрались весной уѣхать изъ дому: рѣшили они отправиться вмѣстѣ къ сѣверу, около Дала; ѣхали они оба, а Рафнъ-малышъ бѣжалъ впереди. Къ вечеру прибыли они въ Лозаватнъ: Торгейръ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями ¹⁾ и просилъ оставаться у него, сколько имъ пожелается. Много бесѣдовали они между собою и были очень довольны и веселы, Торгейръ нашелъ, что Финнбогъ былъ мужъ прекрасный, и ко всему пригодный.

На слѣдующій день справились они довольно поздно; Торгейръ поѣхалъ съ ними вверхъ по Дьупѣ; къ вечеру прибыли всѣ, и съ Финнбогомъ, въ Фелль. Тамъ жилъ тогда Драумафиннъ, сынъ Торгейра; умный былъ онъ человѣкъ и свѣдущій. Онъ не былъ единокровнымъ братомъ другаго сына Торгейра, а по матери считался финномъ: Ленкви было имя матери его. Драумафиннъ принялъ ихъ очень радушно. Вели они разумную бесѣду объ разныхъ вещахъ. На утро попросилъ Финнбогъ выѣхать пораньше: „Пробудемъ мы у васъ дольше, когда будемъ возвращаться, такъ какъ ты очень

¹⁾ *Yid badum höndum* — обѣими руками.

миѣ понравился, финнъ мудрый“. „Не велики были теперъ на васъ издержки, а еще того менѣ будутъ, когда побѣдете обратно“¹⁾. Затѣмъ выѣхали они изъ Фелля; когда они проѣхали немного, Финнбогъ сказалъ: „Миѣ сильно неможется“. Взглянулъ на него Урдаркоттъ и сказалъ: „Сойдемъ съ коней, потому что—вижу я—ты очень блѣденъ; быть можетъ, оно пройдетъ тогда“. Такъ и было сдѣлано: пустили лошадей пастись. Спустя нѣкоторое время Финнбогъ предложилъ ѣхать, говоря, что ему полегчало. Выѣхали они у холма и подѣхали къ большому камню; тогда сказалъ Финнбогъ: „Расположимся здѣсь; можетъ быть, тутъ произойдетъ нѣкоторое событие въ нашей поѣздкѣ“. Сошли съ лошадей и раскинули подъ камнемъ шатерь. Урдаркоттъ сѣлъ и на колѣни себѣ положилъ голову Финнбога; тогда сказалъ онъ (то-есть, Финнбогъ): „Кажется, одной участи обречены были всѣ наши товарищи: ни кому изъ насъ въ живыхъ не воротиться въ Норвегію; но ты, Урдаркоттъ, хорошо обошелся со мною и всѣми нашими; станутъ объ этомъ люди разказывать въ моей землѣ, что счастье благопріятствовало тебѣ въ этой встрѣчѣ. Изъ того, что я не въ состояніи отблагодарить тебя, отъ этого ничуть не должно умалить то, что есть. Вотъ оружіе, которое далъ миѣ отецъ мой: я увѣренъ, что ты не найдешь лучшаго, когда бы объѣхалъ всю Норвегію и смежныя съ нею земли. Хочу я подарить тебѣ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ сокровища, которыя ты нашелъ на кораблѣ: это все, что я имѣлъ, и чѣмъ по праву завладѣлъ послѣ смерти корабельщиковъ. Также хочу я передать тебѣ и свое имя, и хоть я и не вѣщунъ, но предвижу, что будетъ имя твое славно, пока на свѣтѣ живутъ люди. Для меня и для друзей моихъ нѣтъ больше чести, какъ то, чтобы перенилъ имя мое такой славный мужъ, какимъ, я долженъ думать, ты станешь, такъ какъ не долго миѣ думать осталось“. Урдаркоттъ горячо поблагодарилъ его за этотъ подарокъ; не долго посидѣлъ онъ надъ нимъ, какъ тотъ уже и умеръ.—Финнбогъ (то-есть, бывший Урдаркоттъ) послалъ Рафна въ Фелль: прибылъ финнъ и похоронили они тѣло подъ камнемъ, который съ той поры и сталъ именоваться

¹⁾ Можетъ быть, въ этой фразѣ, которую слѣдуетъ приписать Драумаинну, кроется своего рода предказаніе смерти Финнбога, который дѣйствительно уже не возвращается болѣе на обратномъ пути къ гостепріимному хозяину; вслѣдствіе сего „издержки“ послѣдняго на пріемъ гостей должны были уменьшиться. Финнамъ вообще приписывалась, по повѣрью скандинавовъ, большая мудрость и даръ предвидѣнія, иногда прямо называются они чародѣями и вудеснигами.

камнемъ-Финнбога. Затѣмъ поѣхали они домой въ Фелль. Финвъ сказалъ, что сбылось все по его предчувствію: „Видѣлъ я, что хотя человѣкъ этотъ былъ и прекраснымъ и изученія молваго, но уже на исходѣ дней своихъ“. Финнбогъ пробылъ съ другомъ своимъ финномъ нѣскольکو ночей, затѣмъ поѣхали они въ Лозаватнъ и разказали Торгейру, другу своему, о случившемся, и какую честь принялъ Финнбогъ (Урдаркоттъ). Торгейръ очень порадовался этому; онъ сказалъ, что давно предсказывалъ ему, что онъ выдвинется надъ другими людьми. Посиживаютъ себѣ друзья вполне довольные и веселые; Торгейръ за одно отказалъ Финнбогу и свое имущество, какое у него было. Затѣмъ поѣхали они всѣ вмѣстѣ въ Эйръ.

Стала тогда расходиться вѣсть отъ одного человѣка къ другому, какой выдающійся надъ другими людьми Финнбогъ. Асбиорнъ и Торгерда нашли удобный случай распространить о томъ, какъ благопріятствуетъ ему счастье во всемъ, что касается почести и отличій.

Поѣхалъ Торгейръ домой, а Финнбогъ остался дома, въ Эйръ, съ родителями своими, въ большой холѣ.

Глава 10-я.

Въ это же лѣто прибѣжалъ съ моря корабль; на немъ былъ кормчимъ Бардъ, норвежскій уроженецъ. Корабль этотъ присталъ у Кваррарейя ¹⁾; Бардъ, кормчій, отправился въ Лозаватнъ и тутъ свидѣлся съ Торгейромъ, гѣдомъ.

Тѣмъ временемъ правилъ Норвегіей Гаконъ, ярль; могущество его и власть были чрезвычайны.

Бардъ провелъ зиму у Торгейра; тутъ же постоянно находился и Финнбогъ, такъ какъ дружба его съ Торгейромъ была очень тѣсная. Весной Финнбогъ сказалъ Торгейру, другу своему, что онъ хочетъ уѣхать на лѣто вмѣстѣ съ Бардомъ, кормчимъ. Возговорилъ Торгейръ: „Хотя насъ очень радуетъ пребываніе твое, другъ мой, но бесполезно было бы отговаривать тебя, такъ какъ поѣздка твоя напередъ опредѣлена (судьбой). Кажется мнѣ, твои друзья много наговорили тебѣ о злобѣ людей и вѣроломствѣ, но ты вездѣ останешься прекраснѣйшимъ человѣкомъ, куда бы ни случилось тебѣ придти“. Затѣмъ поѣхали они въ Эйръ, разказали дѣло Асбиорну;

¹⁾ А *Kvarraverji*, у острова Кварра.

молвилъ онъ: „Было бы гораздо желательнѣе, чтобы Финнбогъ оставался дома съ нами; но такъ какъ ему хочется рѣшить отъѣздъ, то не пойду я ему наперекоръ“. Они устроили Финнбогу путь виѣстѣ съ Вардомъ, кормчимъ; сталъ онъ кормчимъ надъ половиной корабля. Когда все было готово, поѣхали Асбјорнъ и Торгейръ къ кораблю, который отведенъ былъ Финнбогу; взялъ онъ съ собою немного добра. Родичи разстались очень дружелюбно, затѣмъ поднятъ былъ якорь, и корабль поплылъ въ море.

Когда они проплавали нѣсколько дней, попутный вѣтеръ стихъ; корабль сбился съ пути, и не извѣстно было, куда онъ плыветъ. Наступала осень, и море становилось грознымъ. Вдругъ погнало ихъ съ моря на берегъ: день тогда уже былъ на склонѣ, и ничего нельзя было разглядѣть, кромѣ скалъ и огромныхъ волнъ, съ шумомъ бьющихся о нихъ. Такъ какъ вѣтеръ въ прибрежья дулъ очень сильно, то онъ погналъ корабль (на скалы) и разбилъ его въ дребезги. Всѣ люди погбли, только Финнбогу удалось выбраться на берегъ, съ оружіемъ своимъ и кожаной сумой. То былъ лишь небольшой мысокъ, и ничего вокругъ не увидѣлъ Финнбогъ, кромѣ скалъ и холмовъ. Прошелъ онъ немного вдоль утеса до того мѣста, гдѣ, казалось, онъ расщеплялся: тамъ сверху сбѣгалъ ручей. Финнбогъ попытался тутъ взобраться на утесъ, и этого достигъ онъ по своей ловкости. Было совѣтъ темно отъ ночи и довольно морозило, и вѣтеръ дулъ: все платье обмерзло на Финнбогъ; сильный снѣгъ валилъ. Закинулъ онъ себѣ за плечи котомку и пошелъ (въ глубь страны).

Когда онъ отошелъ немного, то почувалъ запахъ дыма, а немного спустя онъ подошелъ къ жилью: то былъ большой и прекрасный дворъ. Финнбогъ сложилъ съ себя котомку и подошелъ къ двери; слышитъ онъ, внутри не мало народу: сидятъ они у огня. Онъ постучался въ дверь; мужъ (хозяинъ) заговорилъ и попросилъ, чтобы одинъ изъ молодыхъ пошелъ къ дверямъ. Они отвѣчали, что нечего вниманія обращать на это, такъ какъ такой стукъ каждую ночь бываетъ. Финнбогъ вторично постучался и на этотъ разъ гораздо слышнѣе. Мужъ попросилъ отворить дверь, но молодые отвѣчали, что не сдѣлаютъ этого, такъ какъ нечистый каждую ночь стучится. Финнбогъ въ третій разъ постучался и такъ сильно, что всѣ вздрогнули. Хозяинъ вскочилъ и сказалъ, что видно ужъ очень они нерадивы, что не хотятъ къ воротамъ пойти; люди отвѣчали, что вѣрно тамъ кто-нибудь, который гораздо лучше бы дѣлалъ, еслибы сидѣлъ дома въ такую непогоду, какая теперь. Тогда бондъ взялъ самъ то-

поръ въ руки и пошелъ къ дверямъ. Онъ поклонился гостю и освѣдомился объ имени его. Отвѣчалъ тотъ: „Зовуть меня Финнбогомъ, а сынъ я Асбиорна и по роду мужъ исландскій“. Говорить бондъ: „Давно ли прибылъ ты въ эту страну?“ „Вечеромъ прибылъ я сюда“, сказалъ Финнбогъ. „Должно быть доступъ тебѣ былъ не легокъ!“ Финнбогъ разказалъ, что корабль разбился, и все погибло — люди и добро: „Одинъ я добрался до земли. Но куда это загнало насъ?“ Бондъ сказалъ: „Вы пристали къ Норвегіи, болѣе къ сѣверу, у Галогаланды, а дворъ этотъ, въ который ты пришелъ, именуется Гренмо“. Тогда Финнбогъ освѣдомился, какъ зовуть самого бонда. „Называюсь я Бардомъ“, отвѣчалъ тотъ. „Не ты ли правитель Галогаланды?“ Онъ сказалъ, что это правда. Тогда спросилъ бондъ: „Какого возраста ты мужъ, Финнбогъ?“ „Миѣ теперь пятнадцать зимъ“. Молвилъ бондъ: „Никогда не видывалъ я такого мужа шестнадцати зимъ. По росту и по наружности суда, ты долженъ быть очень отважнымъ человекомъ. Но развѣ отецъ твой исландецъ?“ „Нѣтъ“ сказалъ Финнбогъ, — „онъ родомъ отсюда изъ Галогаланды“. „Не сынъ ли ты Асбиорна Гунибиорнова сына, Деттиасса?“ „Такъ и есть“. Заговорили объ волкѣ, а онъ ужъ и тутъ, сказалъ бондъ ¹⁾. „Предлагаю теперь взойдти и здѣсь провести ночь“. Такъ и сдѣлалъ Финнбогъ. Снято было съ него оружіе и платье, и дали ему сухую одежду. Весь людъ очень былъ радъ ему.

Раннимъ утромъ Бардъ уже былъ на ногахъ и разбудилъ Финнбога: „Можетъ быть, что-нибудь изъ имущества вашего пригнало (къ берегу)“. Финнбогъ всталъ, и пошли они къ морю; случилось такъ, какъ говорилъ Бардъ, и большинство добра ихъ пригнало на землю. Бардъ приказалъ все снести къ себѣ домой и беречь, какъ свое: не мало тутъ было добра. Бардъ просилъ Финнбога оставаться у него столько, сколько ему ножелается. Провелъ онъ тамъ зиму: обходились съ нимъ хорошо, и не имѣлъ онъ заботъ. Бардъ былъ къ нему очень привѣтливъ; много тамъ было народу и жилось весело. Финнбогъ имѣлъ хорошій достатокъ и ни въ чемъ не нуждался; такъ какъ онъ былъ кормчимъ, то завладѣлъ всѣмъ имуществомъ послѣ своихъ корабельщиковъ, по обычаю того времени.

¹⁾ *Thadan er mer ulfs van er ek eyrun seg*—Оттуда и волка мнѣ ждать, какъ я заговорю объ немъ. Въ авглійскомъ языкѣ существуетъ подобная поговорка: *When you speak from a wolf he schows you his teeh*.

Гл. 11-я Финнбогъ переломилъ спину медвѣдя.

Тюю зимою въ Галогаландѣ случилось происшествіе, такое, что могло нерѣдко случаться: появился медвѣдь и сталъ разорять скотину жителей; ни въ какомъ мѣстѣ не причинилъ онъ столько убыли, какъ въ Гренно. Случилось такъ, что Бардъ созвалъ вѣче; онъ объявилъ медвѣдя подъ судомъ, и назначилъ цѣну за его голову ¹⁾). Послѣ этого люди постоянно охотились за нимъ; сильно былъ онъ не любимъ и становился съ каждымъ днемъ все злѣе: людей убивалъ наравнѣ со скотиной.

Разказываютъ, что Бардъ имѣлъ помѣстья, и далеко было разстояніе между дворомъ его и помѣстьями; тамъ-то предложилъ онъ домогаться назначенной награды, тюю зимою. Ему оно было тѣмъ убыточнѣе, что медвѣдь постоянно лежалъ (находился) тамъ. Всѣ остерегались идти за наградой, хотя случаевъ тому представлялось не мало.

Однажды вечеромъ сказалъ Бардъ людямъ своимъ, чтобъ они готовились идти на медвѣдя: каждый съ оружіемъ по своимъ силамъ. „Такъ какъ утромъ мы пойдемъ на медвѣдя“. Добыли себѣ, кто топоръ, кто копые, и все, по возможности, было приготовлено для боя. Рано утромъ люди были на ногахъ, и каждый молодецъ со своимъ оружіемъ.

Теперь надо объ Финнбогѣ сказать. Еще раньше, съ вечера, когда всѣ спали, всталъ онъ и взялъ свое оружіе; идетъ онъ по слѣдамъ, которые ведутъ его къ берлогѣ. Такова была отвага его, что шель онъ, пятясь, и держался слѣдовъ, пока не достигъ берлоги. Видитъ онъ, лежитъ тамъ медвѣдь, смявъ подъ себя барана, и высасываетъ его кровь. Тогда возговорилъ Финнбогъ: „Подымайся-ка ты, медвѣдина, и выходи со мной побороться; это лучше будетъ, чѣмъ лежать на этомъ барашкѣ“. Медвѣдь поднялся, посмотрѣлъ на него и улегся наземь. Возговорилъ Финнбогъ: „Если тебѣ кажется, что я

¹⁾ Интересное указаніе на древнія повѣрія, по которымъ животнымъ приписывались человѣческія свойства, при чемъ онѣ признавались такими же ответственными существами, какъ и люди. Ниже мы увидимъ, что Финнбогъ, вступая въ бой съ медвѣдемъ, ведетъ съ нимъ раньше бесѣду, а о медвѣдѣ Гакона, яра, прямо говорится, что онъ понималъ людскую рѣчь. Изъ всѣхъ животныхъ медвѣдь пользовался наибольшою популярностью на сѣверѣ, и разказы о немъ до сихъ поръ держатся въ народѣ (ср. *Jon Arnsson—Islenzker tyoti og afintyri*).

слишкомъ вооруженъ, то можно этому горю пособить". Снялъ онъ съ себя шлемъ, отбросилъ щитъ и сказалъ: „Вставай же теперь, если осмѣливаешься“. Медвѣдь усѣлся и покачалъ головой; затѣмъ онъ опять улегся. Тогда сказалъ Финнбогъ: „Вижу я, что ты хочешь, чтобы мы оба были при равномъ оружїи“. Отбросилъ онъ отъ себя мечъ и сказалъ: „Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь; вставай только, если сердце у тебя, какъ и слѣдуетъ ждать, получше (отважнѣе), чѣмъ въ этомъ звѣрькѣ, что изъ самыхъ трусливыхъ“. Поднялся медвѣдь; дыбомъ взъеропилась на немъ шерсть, и громко заревѣлъ онъ; бросился онъ на Финнбога и занесъ уже лапу, чтобы ударить его, но пока замалчивался онъ для этого, Финнбогъ ударилъ его снизу. Упорно боролись они, и вся земля подъ ними варилась. Жаркій былъ бой, а тѣмъ кончился, что Финнбогъ повалилъ медвѣдя навзничъ и переломилъ ему спину; посадилъ онъ его по прежнему, затѣмъ взялъ оружіе свое и пошелъ домой. Очень усталъ онъ послѣ этого, легъ въ постель и сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ все спалъ. Немного позднѣе поднялся Бардъ и снарядился въ путь, какъ выше было сказано. Освѣдомился онъ, желаетъ ли Финнбогъ идти съ ними? Тотъ отвѣчалъ, что очень охотно. Затѣмъ отправились они и пришли къ берлогѣ. Видятъ они, что медвѣдь лежитъ тамъ, а подъ низомъ у него барашекъ. Тогда Бардъ предложилъ спутникамъ своимъ помогать награды и напасть на медвѣдя. Никто изъ нихъ не рѣшался даже близко подойти. Возговорилъ Бардъ: „Не знаю я, чѣмъ это такъ страшенъ медвѣдь, такъ какъ, сдается мнѣ, онъ даже и не шевелится. Такъ какъ я объявилъ его виновнымъ, то справедливо, чтобы я первый и пошелъ на него. Послѣ этого, Бардъ отважно кинулся впередъ; вдругъ видитъ онъ, что медвѣдь-то мертвый. Тогда всѣ стали тѣсниться вокругъ, и давка была не малая (собственно: не было недостатка въ приступѣ). Видитъ Бардъ, что кто-то поранилъ медвѣдя; всмотрѣлся онъ и нашелъ у него спину переломанною. Возговорилъ Бардъ: „Неслыханная это отвага и смѣлый подвигъ; ни одинъ галоголандецъ такого не совершалъ. Должно быть это ты сдѣлалъ, Финнбогъ?“ Финнбогъ подтвердилъ и просилъ считать правдой, когда бы онъ не желалъ. „Ни я, ни другіе не станутъ въ этомъ сомнѣваться“, сказалъ Бардъ.— „Но какимъ образомъ совершилъ ты это?“— „Это все равно, сказалъ Финнбогъ,— „ни ты, ни сынъ твой такъ не поступать“. „Правда, что не легко достать людей на такое дѣло“, сказалъ Бардъ. „Теперь я удерживаю награду, какъ будто самъ совершилъ подвигъ“. Послѣ этого содрали они шкуру съ медвѣдя и поѣхали домой.

Время идетъ, и ничего новаго не произошло. Бардъ со дня на день все ласковѣе становился къ Финнбогу. Когда наступила весна, стали въ Галогаландѣ снаряжаться для плаванія по морю, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу. Финнбогъ принялъ за обыкновеніе отправляться на гору каждый день послѣ обѣда; оттуда наблюдалъ онъ за приготовленіями къ отплытію: казалось, большое удовольствіе доставляло-ему смотрѣть на красивые корабли въ разныхъ видахъ.

Гл. 12-я. Финнбогъ встрѣтилъ Альфа.

Случилось однажды, что Финнбогъ шелъ съ горы; онъ увидѣлъ что какой-то человекъ гребетъ съ юга на большой лодкѣ; былъ этотъ мужъ высокаго роста и суроваго вида; на немъ былъ надѣтъ красный плащъ и широкій серебрянный поясъ обхватывалъ его станъ; волосы его, густые и прекрасные, лежали въ беспорядкѣ, спадая ниже плечъ. Онъ гребъ такъ сильно, что, казалось, лодка летѣла подъ нимъ. Финнбогъ окликнулъ его; тогда онъ подѣхалъ ближе. Финнбогъ спросилъ: какъ его зовутъ? Тотъ пересталъ грести и отвѣтилъ, что зовутъ его Альфомъ, а прозванъ онъ „косматыѣ“. „Откуда ты?“ спросилъ Финнбогъ. Альфъ отвѣчалъ, что онъ правитъ островомъ, по имени Сандей, и находится въ свойствѣ съ ярломъ, на племянницѣ котораго Ингиборгъ онъ женатъ: „Не стану я больше слова по морю тратить, такъ что я даже не узналъ въ замѣнъ, кто таковъ этотъ мужъ, который такъ любопытствуетъ“. Финнбогъ назвалъ себя по имени и отчеству. Возговорилъ Альфъ: „Не ты ли убилъ медвѣдя лѣсовъ галогаландцевъ?“ „Это, правда“ отвѣтилъ Финнбогъ. „Какъ сдѣлалъ ты это?“ спросилъ Альфъ. „Это все равно“, отвѣтилъ Финнбогъ, — „такъ какъ ты не станешь такъ убивать“. „Какой Асборнъ твой отецъ?“ „Снѣгъ Гуниборна, родомъ норвежецъ“. „Онъ былъ прозванъ Деттасомъ?“ „Это правда!“ „Тогда не удивительно, что ты вышелъ столь отважнымъ. Но сколько тебѣ зимъ отъ роду?“ „Мнѣ семнадцать зимъ“. „Будь тебѣ другіе семнадцать зимъ (въ придачу), ты не былъ бы больше и сильнѣе, чѣмъ теперь“. „Не тебѣ судить о томъ, какимъ я тогда буду, такъ какъ ты умрешь ранѣе того времени. Но куда ты ѣдешь?“

Альфъ сказалъ, что ему нужно на сѣверъ, у Морка, ѣхать за получкою. Финнбогъ спросилъ: „Зачѣмъ ты ѣдешь совершенно одинъ?“ „Мнѣ не нужно большаго количества людей для этого“. „Скоро воротиться ты съ сѣвера?“ „Черезъ полмѣсяца, а можетъ быть, и того ранѣе“.

„Не возьмешь ли ты меня съ собою, когда поѣдешь съ сѣвера обратно“. „Сдается мнѣ, что ты могъ бы хорошо прогрести и самъ по себѣ; я тебя захвачу когда пробѣду съ сѣвера. Но зачѣмъ тебѣ нужно на югъ?“ „Мнѣ нужно повидать Гакона, ярла, для того я и выѣхалъ изъ Исландіи“. „Тебѣ предстоитъ почетный путь. Долженъ ты быть большимъ искусникомъ, въ тому пригоденъ родъ твой (чему способствуетъ твое происхожденіе); на этотъ разъ мы расстаемся“.

Альфъ пожелалъ Финнбогу благополучія и такъ каждый другому.

Поѣхалъ Альфъ на сѣверъ, а Финнбогъ воротился домой и сказалъ Барду объ ихъ уговорѣ—что онъ собирается на югъ съ Альфомъ.

Бардъ сказалъ: „Зналъ бы я это заранѣе, то отсовѣтовалъ бы; боюсь я, чтобы не вышло чего худаго, такъ какъ Альфъ ненадежный человѣкъ и полный вѣроломства; большая поддержка ему та, что своякъ онъ ярлу и изъ дружинниковъ его; поэтому принуждены люди переносить его великую злобу“. Финнбогъ сказалъ, что, конечно, это очень важно (быть въ родствѣ съ ярломъ). „Позаботься, Бардъ, о моихъ имуществѣхъ и наблюдай за нимъ такъ, какъ хочешь“.

Время идетъ, и такъ до срока—Альфъ быть съ сѣвера.

Гл. 13-я. Смерть Альфа Косматаго.

Въ тотъ день, въ который назначилъ Альфъ, что воротится онъ съ сѣвера, Финнбогъ сталъ снаряжаться изъ Гренмо. Взялъ онъ съ собою котомку свою и тѣ припасы, что, казалось, ему всего нужнѣе.

Не долго прождали они (Финнбогъ съ Бардомъ), какъ Альфъ уже гребъ съ сѣвера, и лодка его стала очень на виду. Альфъ вѣрно сдержалъ свое слово и причалилъ тамъ (къ берегу) кормой. Они поздоровались, какъ слѣдуетъ; затѣмъ Финнбогъ вошелъ въ лодку; показалось Альфу, что она очень погрузилась (въ воду), и сказалъ онъ: „Вижу я по твоей котомкѣ, что не въ серебрѣ (деньгахъ) нуждаться будешь ты, для благополучія, когда прибудешь къ Гакону, ярлу“. Послѣ этого дружелюбно разстался Финнбогъ съ Бардомъ и поѣхалъ онъ съ Альфомъ къ югу, куда путь лежалъ. Когда Альфъ немного прогрелъ, онъ предложилъ Финнбогу взяться за весла: такъ и сдѣлалъ онъ, а Альфъ сталъ на корму и правилъ. Финнбогъ гребъ такъ (сильно), что Альфу казалось, что лодка стояла спокойно, когда онъ (раньше) самъ гребъ. Много бесѣдовали они между собою. Финнбогъ спросилъ: „А будемъ ли мы дома, въ Сандей, къ вечеру?“ Альфъ

отвѣчалъ: „На срединѣ пути лежитъ островъ. Туда прибываю я обыкновенно къ ночи, когда ѣзжу съ сѣвера, а домой поспѣваю я на другое утро въ равней закускѣ“¹⁾. Спросилъ Финнбогъ: „Какъ скоро тебѣ ѣхать на югъ, за получкою?“— „Пробуду я въ некоторое время дома“, отвѣтилъ Альфъ. Вотъ подъѣхали они къ острову: тамъ была большая пещера отъ свалившихся (напавшихъ) обломковъ скалъ. Альфъ сказалъ: „Сбережемъ себѣ труда по возможности и не станемъ лодки вытаскивать; ступай ты на носъ, а я пойду на корму: такъ мы введемъ лодку въ пещеру“. Такъ они и сдѣлали и наладили хорошо. Затѣмъ подѣлялись они работой промежъ себя: Финнбогъ разводилъ огонь, а Альфъ воду таскалъ. У Финнбога тихо шло дѣло, и дерево плохо разгоралось; усердно занялся онъ костромъ и съ силой раздувалъ его; вдругъ слышитъ онъ за собою свистъ (летащаго орудія); быстро перескочилъ онъ по ту сторону костра; то подкрался къ нему Альфъ, думалъ онъ живо совладать съ Финнбогомъ. Вскочилъ тотъ и обхватилъ Альфа: дюжій молодецъ былъ онъ по силѣ; долго боролись они; огонь тогда разгорѣлся и освѣщалъ всю пещеру. Финнбогъ внутри ея разглядѣлъ какой-то камень, былъ онъ сверху заостренъ какъ яйцо. Вотъ захотѣлъ Альфъ подобраться къ нему; Финнбогъ этому не противился, а когда они подошли къ камню, Финнбогъ перескочилъ его и съ силою прижалъ Альфа: переломилъ ему спину объ камень. Такъ Альфъ покончилъ тутъ жизнь безславно, какъ того и заслуживалъ²⁾.

¹⁾ *Til tagverdardrykkju*—утренняя ѣда и питье. Исландцы трапезовали всего два раза въ день — утромъ (въ христіанскую пору послѣ обѣдни) и вечеромъ, какъ только замигались огни. Сутки же раздѣлялись на 8 частей, по три часа каждая: 1) съ 4¹/₂ — 7¹/₂, часовъ, время перваго завтрака, 2) съ 7¹/₂ — 10¹/₂ — *öndverdar dagr*, 3) съ 10¹/₂—1¹/₂, *middegi*, 4) 1¹/₂—4¹/₂ *efrilutr dag*, 5) 4¹/₂—7¹/₂ *quöld* 6) 7¹/₂—10¹/₂—*öndverdnott* 7) 10¹/₂—1¹/₂ *midnoetti*, 8) 1¹/₂—4¹/₂—*tlwridjungr lifr noetti*.

²⁾ Убіеніе Альфа Финнбогомъ очень напоминаетъ эпизодъ съ Онундомъ (*Onundr*) изъ *Hallfredarsaga*. Герингъ считаетъ заимствование возможнымъ. Для сравненія приведемъ краткіе содержаніе послѣдней (см. изд. *Th. Möbius—Fornsbögr*, Hallfr. s., сар. 6, стр. 99—101). Гальередъ, скальдъ короля Олава, похвалъ къ ярлу Сигвальду, которому онъ посвятилъ похвальное стихотвореніе. На обратномъ пути, къ нему направляется въ спутники нѣкто *Audgisl*, недавно прибывшій изъ Англіи. Похвали они выѣсть, а когда выѣхали изъ владѣній Сигвальда, то повстрѣчались съ Онундомъ, который тоже присоединился къ нимъ. Подъезжаютъ они къ постоялому двору; молвалъ Гальередъ: «Раздѣлимъ между собою работу: ты, Онундъ, руби дрова, такъ какъ у тебя топоръ есть; пусть *Audgisl* разво-

Гл. 14-я. Финнбогъ прибылъ къ ярлу.

Послѣ этого Финнбогъ расположился и проспалъ ночь въ полномъ спокойствіи. На утро была ему забота вытащить лодку; беретъ онъ оружіе свое — вѣтѣмъ направляетъ лодку къ югу, какъ только могъ быстрѣе. Не приостанавливался онъ, пока не прибылъ къ Сандею рано утромъ. Когда онъ прибылъ туда, въ Сандей, вышли къ нему на встрѣчу люди, такъ какъ узнали лодку и думали, что то пріѣхалъ Альфъ. Финнбогъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Поздоровались они и спросили: какія извѣстія? Отвѣчалъ онъ, что ему нечего сообщать. „Гдѣ Ингибюрга?“ спросилъ Финнбогъ. Они сказали, что она въ терему. Финнбогъ попросилъ провести его туда. Когда онъ явился къ Ингибюргѣ, она привѣтствовала его и спросила: кто онъ такой? Финнбогъ назвалъ себя по имени и отчеству. Ингибюрга спросила: не онъ ли убилъ медвѣдя въ Галогаландѣ? „Это правда“, сказалъ Финнбогъ. „Какъ поступилъ ты, чтобы справиться съ нимъ?“ спросила она. „Это тебѣ все равно, отвѣчалъ Финнбогъ,—такъ какъ твой сынъ не станетъ такъ убивать (охотиться)“. Молвила Ингибюрга: „Не Асбюрнъ ли Деттиасъ твой отецъ?“ Финнбогъ сказалъ, что это правда. Такъ заговорила она: „Не удивительно, что ты такой доблестный мужъ; но съ кѣмъ пріѣхалъ ты съ сѣвера?“ „Ѣхалъ я съ сѣвера вѣстѣ съ Альфомъ, твоимъ хозяиномъ“. — „А гдѣ вы разстались?“ „Къ сѣверу отсюда, на томъ островѣ, къ которому онъ обыкновенно пристааетъ,

дить огонь, а я за водой пойду». Онундъ замѣтилъ, что пристойнѣе всего дрова рубить на дворѣ, ибо могутъ они и другимъ пригодиться, съ чѣмъ всѣ согласились. Аудгиваль предпочелъ за водой идти, а Гальереду предоставилъ огонь разводить. У послѣдняго дѣло плохо подвигалось, и онъ занялся усилленно своею работой, сбросивъ съ себя даже плащъ, а ножъ висѣвшій на немъ, откинулъ удобствъ ради назадъ. Вотъ вернулся съ ношей дровъ Онундъ; тотчасъ же напалъ онъ на Гальереда, но не удачно, ибо ударъ топора осѣкся объ ножъ Гальереда, висѣвшій у него за спиной. Гальереду обхватило Онунда за ноги и сталъ молиться: «Христосъ праведный (собственно — бѣлый: hvíta), помоги мнѣ, если только ты вѣрнѣе такъ могучъ, какъ говорить о тебѣ король Олафъ; не дай этому человѣку одержать верхъ надо мною». Справившись съ Онундомъ, «съ Божьего благословенія и на счастье короля Олафа», Гальереду спросилъ его: «Убилъ ты Аудгиваль?» «Это правда», отвѣчалъ Онундъ. Гальереду однако не тотчасъ лишилъ его жизни, а прокарավилъ всю ночь, пока утромъ не убѣдился, что Аудгиваль дѣйствительно убилъ Онундомъ изъ корыстныхъ цѣлей, и что на него самого онъ покушался изъ таковыхъ же побужденій. Тогда Гальереду заврѣзавъ Онунда и обо всемъ случившемся сложилъ пѣсню.

когда проѣзжаетъ мимо. Альфъ отказался плыть сюда и хотѣлъ прямо проѣхать на свиданіе съ Гакономъ, ярломъ. Онъ послалъ меня за своею дочерью Рагнагильдой; и вотъ доказательство: просилась она туда часто, но никогда не удавалось ей это, а теперь говоритъ онъ, пусть она побѣдетъ“. „Знаю я, что это правда“, сказала Ингибиорга, — „но страннымъ мнѣ кажется, что онъ послалъ совершенно незнакомаго человѣка для такого порученія. Теперь надо тебѣ выпить и поѣсть, а потомъ узнаешь ты объ этомъ дѣлѣ“. Финнбогъ такъ и сдѣлалъ, а Ингибиорга пошла поговорить съ дочерью и спросила ее: хочеть ли она ѣхать съ этимъ человѣкомъ? Она изъявила согласіе. Тогда Ингибиорга снарядила свою дочь, какъ можно лучше; дала ей серебра и золота вь всякихъ драгоцѣнностей, какія у ней были; когда все было готово, Ингибиорга проводила ихъ до лодки. Подхватилъ Финнбогъ Рагнагильду къ себѣ на руки и перелесъ ее на лодку. Тогда сказала Ингибиорга: „Кажется, Финнбогъ, ты подѣлалъ обманомъ и ложью: вь такомъ случаѣ остерегайся обидѣть дѣвушку, вь чемъ бы то ни было. Если же ты поступишь дурно, или худое замыслишь, то будешь за то платиться всю жизнь, до смерти“. Финнбогъ отчалилъ; тогда сказала Рагнагильда: „По какому случаю говоришь ты, Финнбогъ, расстался съ тобою мой отецъ?“ „Такъ расстались мы“, отвѣчалъ онъ, „что отецъ твой умеръ“. „Нечего мнѣ больше и спрашивать“, воскликнула Рагнагильда. — „Отвези меня обратно на мой островъ, будь столь милостивъ“. Но Финнбогъ отвѣчалъ: „Я тебя увезу для того, чтобы ты со мной ѣхала“. Дѣвушка принялась плакать. Финнбогъ сказалъ ей: „Будь весела (утѣшись), такъ какъ я тебѣ не учиню ничего худаго; будетъ, по возможности, мое поведеніе иное“. Затѣмъ они подѣлхали къ острову, и Финнбогъ нагрузилъ лодку добромъ, о которомъ было сказано выше; тецерь дѣвушка повеселѣла. Затѣмъ, когда все было готово, Финнбогъ опять сталъ грести къ югу. Какъ только прибыли они къ пристави, Финнбогу не было недостатка вь людяхъ для того, что ему нужно было; раздаеть онъ сокровища обѣими руками; не прерывалъ онъ путь свой, пока не прибылъ вь Гладеръ, гдѣ правилъ ярлъ. Входить во дворъ Финнбогъ вмѣстѣ съ Рагнагильдой и идетъ въ терему племянницъ ярла, Ульфгильды и Ингибиорги. Тамъ приняли Рагнагильду съ распростертыми объятіями; онъ спросили: кто этотъ мужъ который выдается надъ другими людьми? Финнбогъ сказалъ о себѣ. „Большое же довѣріе оказалъ тебѣ Альфъ тѣмъ, что передалъ тебѣ на руки свою дочь; должно быть ты хорошій человѣкъ“. Финн-

богъ отвѣчалъ: „Такъ обходился я съ дѣвушкой, какъ онъ довѣрился мнѣ“ (то-есть, я постарался оправдать его довѣріе въ обращенія съ Ингиборгой). Послѣ этого онъ пожелалъ имъ всякаго благополучія, и онѣ тѣмъ же отвѣтили ему.

Финнбогъ навѣялъ себѣ подворье и перенесъ туда все, что имѣлъ; много людей держалъ онъ при себѣ.

Гл. 15-я. О Финнбогѣ.

Однажды предсталъ Финнбогъ передъ ярломъ и по добру поздоровался съ нимъ; ярль принялъ поклонъ его и спросилъ: Кто этотъ мужъ, столь рослый и прекрасный? „Финнбогомъ называюсь я“, отвѣчалъ онъ,—„а сынъ а Асбиорна Деттиаса, котораго многие знаютъ здѣсь въ Норвегіи; по матери же я исландецъ и Торгейръ, Льосветнингскій гѣдъ, мнѣ доводится дядей“. Сказалъ ярль: „У тебя славный родъ; извѣстна мнѣ родня твоя; не всякій въ состояніи равняться съ нею. Ты зиму пробылъ въ Галогаландѣ?“ „Это правда“, сказалъ Финнбогъ. „Ты убилъ медвѣдя?“ Финнбогъ сказалъ, что это подлинно вѣрно. „Какимъ образомъ совладалъ ты съ нимъ безъ оружія?“ спросилъ ярль. „Нѣтъ проку вамъ знать это и не придется вамъ такъ убивать другаго медвѣдя“. Возговорилъ ярль: „Съ кѣмъ ѣхалъ ты съ сѣвера?“ ѣхалъ я съ сѣвера вмѣстѣ съ Альфомъ-Косматымъ, шуриною вашимъ“. „Гдѣ вы разстались?“ „Онъ остался на одномъ островѣ“. „Зачѣмъ онъ остался тамъ?“ „Я убилъ его“, отвѣтилъ Финнбогъ.

Ярль побагровѣлъ, какъ кровь, и сказалъ: „Неужели ты смерти не боишься, что послѣ такого поступка осмѣлился явиться ко мнѣ? Развѣ не знаешь ты, что не было мнѣ на свѣтѣ человѣка милѣе, чѣмъ Альфъ, шурина мой и дружинникъ“¹⁾. „Я его убилъ потому“, сказалъ Финнбогъ,—„что мнѣ поводъ тому былъ достаточный, такъ какъ онъ самъ хотѣлъ извести меня. А знаю я также и то, что не-

¹⁾ *Hirdmadr*—дружинникъ. Такъ именовались тѣ члены дружины, которые стояли всего ближе къ вождю и пользовались наибольшимъ почетомъ. За *hirdmenn* шли *gestir* и наконецъ *huskarlar*; послѣдніе часто бывали временно-наемными союзниками, которые набирались передъ походомъ. Чтобы получить званіе *hirdmadr*, нужно было сперва прослужить нѣкоторое время въ дружинѣ и заслужить довѣріе и уваженіе вождя. Мы увидимъ, что Финнбогъ, даже послѣ того какъ онъ снискалъ расположеніе ярла и проявилъ свое мужество во многихъ искусахъ, не сразу становится его *hirdmadr*’омъ, а лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (см. гл. 17-я).

бывало худшаго злодѣя около насъ, въ Норвегiи, чѣмъ какимъ былъ Альфъ. Къ вамъ же на свиданiе поѣхалъ я потому, что хотѣлъ предложить себя на службу вамъ въ сопутники на мѣсто Альфа. Только злодѣйствъ, которыхъ онъ не преминувалъ совершать, не стану я дѣлать; но ко служенiю и доблестной защитѣ я гожусь не хуже большинства вашихъ людей“.

Возговорилъ Гаконъ, ярлъ: „Скажутъ всѣ, что у меня самого злодѣйскiя руки, если ты уйдешь отъ меня живымъ и невредимымъ. По сему приказываемъ мы строго наказать тебя, — хотя бы ты и мало провинился, или даже совсемъ нѣтъ. Пусть называли вѣкторые Альфа порочнымъ и дурнымъ человекомъ, но знай ты, что никто въ свѣтѣ не приходился мнѣ больше по мысли, чѣмъ онъ, и не былъ мнѣ всѣмъ милѣ“.

Финногъ сказалъ: „Не долженъ я скрыть отъ васъ то, что я еще въ добавокъ сдѣлалъ: я увезъ изъ Сандея Рагнагильду, дочь Альфа, родственницу вашу; прибыла она сюда подъ вашу власть“.

Воскликнулъ ярлъ: „Не видывалъ я, да и не слыхивалъ (доселѣ) объ такомъ плутѣ, какъ ты! Или ты просто безумецъ, или гораздо больше ума въ тебѣ, чѣмъ мы полагали. Было бы теперь слишкомъ благодушно такъ скоро казнить тебя: побережемъ себѣ забаву и удовольствие въ малыхъ дѣлахъ попытать тебя“. Послѣ этого отправился Финногъ ко двору своему; принялся онъ пить и весело проводилъ время со своими людьми.

Гл. 16-я. Смерть Синяго человѣка ¹⁾.

Настало время, что ярлъ созвалъ вѣче. Приказалъ онъ вынести сѣдалище посрединѣ поляны, затѣмъ призвалъ Финнога передъ собой. Когда онъ пришелъ туда, то ярлъ сказалъ: „Вотъ молодецъ, Финногъ, съ которымъ ты долженъ побороться. Не долженъ ты щадить его, такъ какъ и онъ тебя не пожалѣетъ“. Увидѣлъ Финногъ, что за столомъ ярла стоитъ какой-то Синій-человѣкъ, и подумалъ, что никогда не видывалъ онъ такового. За симъ принялись они бороться, и было состязанiе упорно и ожесточенно. Пришлось Финни-

¹⁾ *Bla-madr*—синій человѣкъ, (veioþ?) . Страна, гдѣ жили эти люди именовалась *Baland hit mikla*. Синие люди являлись существами надъчелювечными необычайною силой и сверхъестественными свойствами. Упомянанiе о нихъ встрѣчается во многихъ сагахъ—*Hrömundar, kjalnesingar, etc.*

богу убѣдиться въ томъ, что Синій-человѣкъ силачемъ былъ не малымъ. Лежалъ на полянѣ камень очень большой: объ этотъ-то камень хотѣлъ Синій-человѣкъ ушибить Финнбога; тотъ далъ себѣ праволочъ, а когда они подошли, онъ отскочилъ и завернулъ Синему-человѣку въ тылъ: придавилъ ему Финнбогъ спину о камень и переломилъ ее на двое. Тогда возговорилъ ярль: „Знай Финнбогъ, что ты становишься опаснымъ для моихъ людей“. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Думаю я, господине, что многіе назвали бы (скорѣе) этого—чертомъ, нежели человекомъ“. Ярль приказалъ Финнбогу уйдти: „Не смѣй ты мнѣ на глаза показываться раньше, чѣмъ я пришлю за тобой“. Ушелъ Финнбогъ; онъ велъ себя хорошо и благородно; никогда не имѣлъ онъ около себя менѣе двѣнадцати человѣкъ; не было ни одного человѣка въ дружинѣ ярля, который не получилъ бы отъ Финнбога подарка, отъ чего славенъ былъ (онъ) далеко и почитаемъ. Большое богатство находилось въ рукахъ у него; это было то, что привезъ съ собою Альфъ, когда ѣхалъ съ сѣвера: сказали ярлу, что было оно очень велико и еще больше, чѣмъ обыкновенно бываетъ.

Ярль повидалъ Рагнагильду, родственницу свою, и ласково привѣтствовалъ ее. Она сказала, что Финнбогъ обошелся съ нею хорошо и съ большимъ достоинствомъ. Обѣ родственницы ярля и Рагнагильда просили для Финнбога мира и милости; говорили онъ, что хотя онъ поступилъ дурно, но въ тому обстоятельства вынудили его. Ярль былъ въ сильномъ гнѣвѣ и не соглашался въ угоду Финнбога повѣрить, что онъ былъ принужденъ совершить дурное дѣло.

Прошло нѣсколько недѣль съ того времени, о которомъ мы рѣчь вели.

Гл. 17-я. Убіеніе медвѣди.

Однажды призвалъ къ себѣ ярль Финнбога, и когда тотъ пришелъ къ нему, сказалъ: „Нечего тебѣ больше людей моихъ портить въ угоду мнѣ. Теперь попытайся-ко ты въ плаваньи съ моею животной¹⁾. Не стану я скрывать отъ тебя, что увѣренъ въ томъ, что звѣрь этотъ долженъ убить тебя. Если же случится маловероятное, что ты осилишь звѣря, то придется думать объ тебѣ больше, чѣмъ объ остальныхъ людяхъ“. Показалось это (подобный искусъ) всемъ вѣрною гибелью, и жалѣли Финнбога равно слуги

¹⁾ *Alidyr*—ручной звѣрь (въ давномъ случаѣ медвѣдь).

и служанки. Медвѣдь былъ рослый и сильный, понималъ онъ людскую рѣчь. Ярль пошелъ къ морю со всѣми дружинниками своими. Вотъ сталъ Финнбогъ готовиться къ плаванью. Когда онъ бросился съ берега, ярль приказалъ медвѣдю догонять его; но этотъ улегся къ ногамъ его и не хотѣлъ идти. Ярль сталъ подстрекать медвѣда и убѣждалъ его не щадить (Финнбога); тогда кинулся (медвѣдь) вслѣдъ за Финнбогомъ. Можно было видѣть тамъ смѣлую и продолжительную игру, упорное состязаніе. Вотъ замѣтилъ Финнбогъ, какъ и слѣдовало ожидать, что утомился онъ не менѣе медвѣдя. Видитъ онъ, что мало проку ему безразсудно кинуться впередъ. Висѣлъ у него на шеѣ ножикъ, который подарила ему мать его; говорила она, что это въ знакъ памяти, и просила беречь, такъ какъ послужить онъ ему охраной. Подошло время, что оба (пловца) на мгновеніе опустили, тогда Финнбогъ схватился одною рукою за ножъ, а другою за шкуру медвѣдя подъ мышками; вонзилъ онъ ножъ въ него, какъ только могъ (глубже), затѣмъ содралъ кожу съ раны; клынула кровь у звѣря, и быстро стали у него силы слабѣть, кончилось дѣло тѣмъ, что Финнбогъ убилъ медвѣдя. Тогда разыгрался Финнбогъ на разные лады, что только подъ силу человѣку, и сталъ онъ искусство свое казать въ плаваніи; очень радовались тому люди. Затѣмъ направился Финнбогъ къ берегу и предсталъ передъ Гаконномъ, ярломъ. Тогда спросилъ его ярль: „Ты убилъ медвѣдя?“ Финнбогъ сказалъ, что это правда. „Великій же ты мужъ послѣ того, и мало похожъ на остальныхъ людей, которые приходили при мнѣ изъ Исландіи. Да будетъ это извѣстно всѣмъ, что тѣ проступки, которые ты совершилъ противъ меня или противъ кого бы то ни было въ Норвегіи, тебѣ отпускаются, и это потому, что никто не совершитъ передъ мною подобнаго подвига, чтобы не заслужить того же. Поступай ко мнѣ на мѣсто Альфа и служи мнѣ вѣрой и правдой, какъ ты предлагалъ раньше“. Финнбогъ возблагодарилъ ярла за это слово, и всѣ люди тому весьма порадовались; говорили, что мало найдется мужей 17 зимъ, которыхъ было бы такъ дорого приобрести, какъ Финнбога. Отправился онъ вмѣстѣ съ дружинниками въ хоромы.

Ярль очень полюбилъ Финнбога, и къ Іолу¹⁾ былъ онъ сдѣлать

¹⁾ *At Iolum, Iol*—праздникъ передъ зимнимъ поворотомъ солнца, считавшійся на сѣверѣ однимъ изъ важнѣйшихъ. «Самый терминъ *Iol*», говоритъ Вейнгольдъ, — принадлежитъ къ древнѣйшимъ временамъ, и смыслъ его уже для насъ утраченъ. Празднованіе Іола падало на 14-е декабря и продолжалось три дня;

дружинникомъ. Никто не былъ любезнѣе ярлу, чѣмъ Финнбогъ. Пробылъ онъ зиму у Гакона, ярла, въ хорошемъ обхожденіи.

Гл. 18-я. О Финнбогѣ.

Весной послѣ того, разговорились ярлъ съ Финнбогомъ. Ярлъ спросилъ его, что онъ предполагаетъ дѣлать на лѣто? „Должно быть, захочешь ты поѣхать въ Исландію. Разъѣзжаетесь вы всего чаще. Какъ только войдете въ милость и дружбу съ княземъ, тотчасъ же и собираетесь въ путь“¹⁾. Финнбогъ сказалъ, что совсѣмъ у него и на умѣ не было такъ скоро разстаться съ Гакономъ, ярломъ. „Такъ какъ желаешь ты быть съ нами“, молвилъ Гакоуъ,—„то я придумалъ для тебя посольство: былъ мужъ, по имени Берсъ; а родомъ онъ отсюда изъ Норвегіи; онъ былъ дружинникомъ моимъ, и богатымъ купцомъ. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока не лишился онъ всего своего имущества и потерялъ все добро свое. Тогда попросилъ онъ меня дать ему въ займы сколько нибудь и я ссудилъ его двѣнадцатью марками пережженными²⁾. Послѣ этого уѣхалъ Берсъ - Бѣлый

позднѣе, со времени короля Гакона, срокъ былъ удлинненъ на 10 дней. Послѣ принятія христіанства, Іоль былъ замѣненъ святками, въ которыхъ перешли многіе изъ связанныхъ съ нимъ языческихъ обычаевъ.

¹⁾ Для поясненія этой фразы приводимъ слѣдующую выписку изъ Маурера (Island, стр. 120—121): «Издавна вошелъ въ обычай у молодыхъ исландцевъ, даже самыхъ знатныхъ родовъ, отправляться на службу ко дворамъ королей и ярловъ сѣвера и запада. Если бывало, что такіе искатели приключеній иногда доходили до Константинополя, гдѣ вступали въ число варинговъ, то само собою разумѣется, что наибольшее число ихъ отправлялось въ Норвегію, какъ страну, болѣе близкую къ Исландіи по мѣстоположенію и, кромѣ того, связанную съ нею узами родства и общаго происхожденія. Многіе изъ этихъ исландскихъ служилыхъ людей Норвежскаго короля оставались въ Норвегіи на всю свою жизнь; однако, другіе и все-таки большинство возвращались со временемъ домой, въ Исландію; но даже изъ своего отчества продолжали поддерживать со своимъ бывшимъ господиномъ прежнія отношенія». Мауреръ приводитъ далѣе нѣсколько примѣровъ взаимныхъ одолженій, которыя оказывали другъ другу норвежскій ярлъ и исландскій выходецъ. Въ данной же фразѣ ярла Гакона отмѣчается, что эти выходцы старались главнымъ образомъ заручиться покровительствомъ могущественнаго лица, и мало заботились, чтобы быть ему дѣйствительно полезными.

²⁾ *Mer brendar*—марки пережженныя (ср. сербск. „жежено злато“) по стоимости ниже, чѣмъ марки изъ чистаго серебра (*merkir skiru gulli*). Отношеніе тѣхъ и другихъ по Вейнгольду, равнялось отношенію—2: 1.

и вотъ уже семь зимъ какъ онъ не возвращался болѣе сюда. Теперь дошли до меня слухи, будто онъ поселился въ Грикландію, и тамъ службу несетъ онъ конунгу, по имени Іону, князю именитому. Сдѣлался Берсъ дружинникомъ Іона, конунга, и въ большой милости у него. Вотъ и хочу я послать тебя за (моимъ) добромъ: пусть возвратятъ его мнѣ въ полтора раза больше, а не то такъ голову его (то-есть, Берса). Хотя и считаютъ меня могущественнымъ и далеко славнымъ, но въ чужихъ земляхъ я не богатъ друзьями изъ княжескаго рода, потому ли, что я кажусь жестокимъ или отъ того, что родъ мой не довольно знатенъ. Того не могу я знать, какъ приметъ Іонъ твое ходатайство о моемъ дѣлѣ. Выбирай изъ людей, кого хочешь, и въ путь снаряжайся наилучшимъ образомъ". Финнбогъ такъ сдѣлалъ: онъ сварядилъ себѣ хорошій корабль и выбралъ изъ спутниковъ ярла тѣхъ, которые казались ему лучшими воинами. Когда все было готово, Финнбогъ отправился къ ярлу и сказалъ: „Хочу я попросить васъ объ одной вещи". „Объ чемъ это?" спросилъ ярль. „А объ томъ хочу я просить, чтобы вы, господине, оставили здѣсь при себѣ родственницу вашу Рагнадильду въ хорошемъ обхожденіи, и не отсылали бы ее домой въ Сандей. Пусть она не выходитъ замужъ, пока будутъ до васъ слухи доходить, что я живъ". Ярль сказалъ, что это ему можно обѣщать: „Быть можетъ, это еще тогда у тебя на умѣ было, когда ты увелъ ее изъ Сандея". Далъ ярль Финнбогу въ подарокъ золотое кольцо, цѣной въ марку и плащъ, прекрасный подарокъ. Затѣмъ были розданы дары каждому сообразно его достоинству.

Гл. 19-я. Глава о Финнбогѣ.

Послѣ этого выѣхалъ Финнбогъ въ море. Путь ихъ прошелъ благополучно и прибыли они въ Грикландію. Финнбогъ высадился неслышно и поселился не вдалекѣ отъ палатъ конунга. Завели они торговлю съ мѣстными жителями. Въ ту пору Грикландія была уже христіанскою землей. Финнбогъ разузналъ, что Берсъ былъ въ ладахъ съ конунгомъ. Однажды собрался Финнбогъ на свиданіе съ конунгомъ: взялъ онъ оружіе свое и справился отменно. Предсталъ онъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью людьми передъ конунгомъ. Финнбогъ поклонился ему; конунгъ принялъ привѣтствіе его и спросилъ: кто онъ такой? Финнбогъ разказалъ объ себѣ; сказалъ, что родомъ онъ изъ Норвегіи и изъ Исландіи. Говоритъ ему конунгъ: „Сильный ты че-

ловѣкъ и, должно быть, въ своей землѣ ты не въ маломъ почетѣ, Но въ кого вѣришь ты?" „Я вѣрю въ самого себя“. „Какого ты возрасту мужъ?" спросилъ конунгъ. „Мнѣ теперь 18 зимъ". „Такъ кажется мнѣ, что многіе изъ тѣхъ, которые вѣрятъ въ то же, во чтѣ и ты, имѣютъ меньше основаній для своей вѣры" ¹⁾. „Но чтѣ привело тебя сюда?" „Меня послалъ ярлъ, по имени Гаконъ, который въ Норвегіи править, а я дружинникъ его. У него есть добро за тѣмъ челоувѣкомъ, что зовется Берсомъ и (состоить) вашимъ дружинникомъ". Разказалъ онъ конунгу все, какъ было. Молвилъ конунгъ: „Слыхалъ я объ ярлѣ Гаконѣ и всегда лишь одно худое; никогда ничего хорошаго. Станнымъ кажется мнѣ, чтобъ онъ сталъ требовать челоувѣка, котораго я захочу держать (при себѣ). Однако, такъ какъ ты, Финнбогъ, долгимъ путемъ отыскивалъ насъ, и много славнѣе ты другихъ людей, которые при мнѣ приходили съ сѣвера, то справедливо, чтобъ я повскалъ для тебя какой-нибудь исходъ, который могъ бы тебѣ понравиться. Пока пробудьте здѣсь зиму и занимайтесь торговлей съ моими людьми".

Финнбогъ поблагодарилъ конунга за это слово и отправился домой, въ свои хоромы. Такъ провели они зиму благополучно.

Гл. 20-я. Испытаніе силы Финнбога

Весною Финнбогъ предсталъ передъ конунгомъ; говорить онъ, что хочеть узвать объ своемъ дѣлѣ. Ионъ, конунгъ, сказалъ: „Пусть будетъ такъ". Затѣмъ созвалъ онъ вѣче; пришелъ туда Берсъ-Бѣлнй и много другихъ людей. Тогда возговорилъ конунгъ: „Есть ли у тебя, Берсъ, долгъ, который ты долженъ уплатить Гакону, ярлу?" Отвѣчалъ онъ, что имѣеть уплатить 12 марокъ пережженныхъ. „Но не рассчитываю я ихъ когда-нибудь ему выплатить". Говорить конунгъ: „Такъ заплати ихъ тотчасъ же". Приходится Берсу выплачивать долгъ, а конунгъ приплачиваетъ половиной больше. Финн-

¹⁾ То-есть: „Ты такъ превосходишь другихъ людей своею наружностью, и т. п., что имѣешь по всемъ даннымъ больше основаній вѣрить въ себя, чѣмъ другіе". Мауреръ усматриваетъ въ этомъ заявленіи Финнбога своего рода атеизмъ, проявившійся у исландцевъ въ переходную пору, когда прежнія вѣрованія были значительно расшатаны и еще не замѣнены новыми (см: Die Bek. d. Norw. St. zum. Christ., Bd. II). Однако, отсутствіе цѣльнаго религіознаго міросозерцанія не исключало вѣры въ отдѣльныя божества, въ добрыхъ и злыхъ духовъ и равныя сверхъестественныя силы. Указанія на послѣднее неоднократно и въ нашей сагѣ.

богъ не бралъ мѣѣ того. Тогда возговорилъ конунгъ: „Знай Финнбогъ и вы всѣ, что собрались сюда, что я сдѣлалъ это по одному твоему (то-есть, Финнбога) слову. Но хочу я о томъ просить тебя, чтобы далъ ты намъ поглядѣть, какъ проявишь ты силу свою, хоть на чемъ бы то ни было, такъ какъ доподлинно знаю я, что силою ты одаренъ много больше другихъ людей. Затѣмъ прими христіанскую вѣру“. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Обѣщаюсь я вамъ, что если вы пошлете на сѣверъ посольство (о христіанской проповѣди), то не многіе примутъ эту вѣру раньше меня, и буду я побуждать къ этому всѣхъ, кто захочетъ слово мое слушать“. Конунгъ сидѣлъ на престолѣ, и 12 человекъ по сторонамъ его: по шести на каждую руку. Финнбогъ стоялъ передъ конунгомъ: былъ онъ прекрасно сложенъ, и всѣ удивлялись его красотѣ и ловкости. Финнбогъ подошелъ къ престолу поднялъ его къ себѣ на плечи и вышелъ изъ круга собравшихся и тамъ поставилъ престолъ. Всѣ взиумились силѣ этого человека. Конунгъ далъ Финнбогу золотое кольцо, которое стоило 10 брѣ, мечъ и щитъ, прекрасные подарки. „При этомъ“, говоритъ конунгъ,—„хочу я переименовать тебѣ имя и прозвать тебя Финнбогомъ-Сильнымъ. Такъ думаю я, что имя твое будетъ славно, пока на свѣтѣ люди живутъ. Будь же намъ другомъ любезнымъ на всегда: свидѣйся ли мы когда-нибудь, или съ этой поры не суждено намъ болѣе встрѣчаться“. Послѣ этого сталъ Финнбогъ-Сильный снаряжаться въ путь вмѣстѣ со своими товарищами. Разстались они съ конунгомъ, какъ лучшіе друзья. Нигдѣ не прерывалъ Финнбогъ пути своего, пока не прибылъ онъ домой, въ Норвегію. Ярль встрѣтилъ его очень радушно и увидѣлъ, что поѣздка Финнбога обошлась наилучшимъ образомъ: привезъ онъ много добра, да и почетъ отъ конунга Греческой земли. Просить ярль Финнбога оставаться у него; приблизилъ онъ его къ себѣ и не было никого передъ нимъ (то-есть, выше его въ глазахъ ярля). Теперь Финнбогъ именуется Финнбогомъ-Сильнымъ.

Пробылъ онъ съ ярломъ все лѣто и былъ въ большомъ почетѣ.

Гл. 21-я. Женитьба Финнбога.

Однажды Финнбогъ повелъ рѣчь съ ярломъ и попросилъ его съѣздить въ Саудей, чтобы помирить его съ Ингибюргой: „Хочу я при вашемъ посредствѣ сосватать Рагнагильду, дочь ея, а также возмездье ей дать за смерть Альфа, супруга ея“. Ярль благосклонно со-

гласился на это и послалъ людей въ Сандей къ Ингибиоргѣ: просилъ онъ ее устроить ему пиръ. Ингибиорга же потребовала, чтобы Финнбогъ на пиршество не пришелъ, такъ какъ, говорить она: „Не могу я видѣть челоуѣка, который столько зла надѣлалъ мнѣ“. Ярль сказалъ, что надо съ этимъ покончить. Затѣмъ снарядились они вмѣстѣ съ Финнбогомъ ѣхать на островъ, и много людей съ ними. Когда же они прибыли на островъ, то было тамъ уже много народу, и пиръ былъ заготовленъ отличный. Лишь только ярль свидѣлся съ Ингибиоргой, родственницей своею, сталъ онъ посредникомъ между ними (между нею и Финнбогомъ)—вразилась ли ей это, или нѣтъ. Финнбогъ послалъ за Бардомъ, бондомъ изъ Гренмо. Прибылъ онъ и принесъ большія богатства, какія Финнбогъ имѣлъ. Ярль наложилъ на Финнбога большую виру за убійство Альфа-Косматаго; затѣмъ обручилъ онъ Финнбога съ Рагнагильдой, родственницей своею: вира та должна была перейти обратно, къ Рагнагильдѣ. Ингибиорга охотно на то согласилась, такъ какъ мужъ былъ изъ лучшихъ, и она исполнила желаніе ярла. Вотъ стали всѣ вмѣстѣ пировать; а Рагнагильда сидѣла на скамейкѣ вмѣстѣ съ толпой женщинъ; всѣ теперь были очень довольны и веселы. Послѣ трапезы Финнбогъ поднесъ ярлу богатые дары; также и Барда, изъ Гренмо, наградилъ онъ щедро; всѣмъ влѣстительнымъ людямъ, какіе тутъ были, роздалъ онъ дорогіе и почетныя подарки.

Остается теперь Финнбогъ на островѣ Сандей, а ярль поѣхалъ домой со своими спутниками. Сильно любили другъ друга Финнбогъ и Рагнагильда. Зимой, на Іюль, поѣхали они къ ярлу, и вмѣстѣ съ нимъ отпраздновали Іюль; а послѣ праздника Финнбогъ сталъ собираться домой; когда всѣ сборы были окончены, пошелъ ярль вмѣстѣ съ ними на побережье. Тогда Финнбогъ сказалъ ему: „Дѣло такъ обстоитъ теперь, господине, что думаю я лѣтомъ поѣхать въ Исландію, повидать тамъ родныхъ своихъ: отца моего и прочихъ пріятелей. Вы со мною хорошо обходились, господине, и съ честью; долженъ признать я въ васъ самаго славнаго князя изъ тѣхъ, что случалось мнѣ видѣть тамъ, гдѣ я бывалъ“. Говорить ярль: „Поѣжай, куда хочешь, съ моего разрѣшенія. Не бывало еще здѣсь челоуѣка, равнаго тебѣ по силѣ, по другимъ достоинствамъ, по любезности“. Ярль далъ Финнбогу прекрасный корабль, съ парусами и снастями; говорить онъ: „Не бери съ собою больше попутчиковъ на Исландскомъ морѣ: такой уже случай привлекчился съ тобою, какъ ѣхалъ ты сюда, на свиданіе со мною“. Финнбогъ въ прекрасныхъ выраже-

нѣхъ отблагодарилъ ярла за весь тотъ почетъ, который онъ оказалъ ему; разстались они въ величайшей дружбѣ. Казалось всѣмъ не мало-важнымъ дѣломъ, что ярлъ такъ отличалъ этого человѣка отъ другихъ, что были съ нимъ или прѣзжали къ нему, или службу несли на него. Поѣхалъ Финнбогъ въ Сандей и пробылъ тамъ зиму въ полномъ довольствѣ.

Глава 22-я.

Весной Финнбогъ поѣхалъ въ Исландію; не было у него недостатка ни въ богатствахъ, ни въ дорогихъ подаркахъ. Разстались они съ Ингиборгой, какъ наилучшіе друзья. Вотъ поѣхали (Финнбогъ съ женой) по морю; путь прошелъ благополучно, и пристали они къ Арнарею. Далекое разошлась молва, что Финнбогъ возвращается съ великимъ почетомъ и жену похлъ себѣ изъ Норвегіи. Тогда Асбиоръ, отецъ его, и Торгейръ, Льосветингскій гдъ, поѣхали къ кораблю. Встрѣча была изъ самыхъ радостныхъ: Финнбогъ оказалъ большую ласку родственникамъ своимъ и пріятелямъ. Послѣ того поѣхалъ онъ домой въ Эйръ и тамъ приказалъ выгружать свои товары. Каждый мальчишка радовался ему. Вотъ поживаетъ онъ дома, въ Эйрѣ, въ почетѣ и славѣ, и въ полномъ довольствѣ.

IV.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ главахъ Финнбоговой саги, съ 39-й по 43-ю. Мы видѣли въ главѣ 39-й, что разказъ какъ будто заканчивается: перечислены еще разъ всѣ сыновья Финнбога и вкратцѣ повѣдана ихъ судьба; затѣмъ разказано объ устройствѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ Финнбога, о его домашнемъ обиходѣ: „Началъ Финнбогъ въ лѣта входить, и былъ онъ старцемъ самымъ почтеннымъ;... сталъ онъ княземъ и правителемъ надъ всѣмъ людомъ (что жили близъ него) и былъ онъ всѣми любимъ... обходился онъ хорошо и съ честью со всѣми, кто обращался къ нему“. На этомъ, казалось бы, сага и закончилась, но являются новыя усложненія: противники Финнбога не успокоились съ его переѣздомъ и подсылаютъ къ нему одного за другимъ двухъ убійцъ, которыхъ Финнбогъ удачно одолеваетъ, и только тогда происходитъ полное примиреніе враговъ, на чемъ сага и заканчивается. Конечно, примиреніе это врядъ ли на самомъ дѣлѣ состоялось, но разказъ о

дальнѣйшей судьбѣ Финнбога является такимъ же естественнымъ приращеніемъ къ первоначальной основѣ саги, какимъ приращеніемъ явилась и вся исторія о юности и заморскихъ походахъ нашего героя. Послѣдняя фраза 39-й главы служитъ нѣкоторымъ освѣщеніемъ дальнѣйшихъ эпизодовъ: именно, пользуясь добротой и привѣтливостью Финнбога, убійцамъ его удается вкратъ въ его довѣріе, чтобъ исполнить свой замыслъ. Послѣдній, понятно, все-таки не удается. Относительно этихъ эпизодовъ замѣтимъ слѣдующія любопытныя черты:

Вопервыхъ, она всѣ между собою довольно схожи; особенно глава 39-й и 40. Разница лишь въ томъ, что первый убійца является подъ видомъ человѣка, умѣлаго изгороди строить, второй—косаря; третій мужъ, тоже являющійся просить прибѣжища, не имѣлъ особой специальности. Глава 39-я и 40-я легко могли быть вариантами одного и того же эпизода, только помѣщенными здѣсь оба, одинъ вслѣдъ за другимъ.

Вовторыхъ, отмѣтимъ довольно любопытный мотивъ сна, повторяющійся здѣсь три раза подъ рядъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ: герою предстоитъ опасность, но его начинаетъ неудержимо клонить ко сну, такъ что онъ не въ состояніи противиться ему и два раза захваченъ въ располкъ. Въ третій разъ его неоднократно будитъ его челядинецъ, предупреждая о приближающейся опасности, но Финнбогъ два раза отсылаетъ его и только на третій зовъ рѣшается страхнуть съ себя сонъ и узнать, въ чемъ дѣло. Близкая параллель къ первымъ двумъ случаямъ представляется въ Фритіофовой сагѣ: Фритіофъ является къ королю Рингу подъ видомъ солевара, какъ Торгримъ къ Финнбогу—подъ видомъ строителя изгородей, какъ Торбюрнъ, назвавъ себя косаремъ. Король Рингъ, желая испытать Фритіофа, заявляетъ, что его сильно клонитъ ко сну и притворяется спящимъ. Фритіофъ, во избѣжаніе искушенія, далеко отбрасываетъ отъ себя мечъ, и Рингъ тѣмъ удостовѣряется, что у него нѣтъ злостныхъ намѣреній. Финнбогъ тоже приходитъ къ приюченнымъ имъ бродягамъ и начинаетъ разговоръ съ заявленіемъ, что его сильно ко сну клонитъ. Разница лишь та, что Финнбогъ ввѣрившись засыпаетъ, и тогда дѣлаются на него покушенія ¹⁾. Впрочемъ, герой, засыпающій передъ битвой или грозящею опасностью, является мотивомъ, общимъ весьма многимъ ска-

¹⁾ См. Fridthiofs saga froekna, edid. Rafn (Fornald. sög. Nordl. II, 1829; русскій переводъ *Ленстрема* въ Опытахъ историко-литерат. трудовъ студ. педагог. инстит. 1852).

заніямъ, такъ что мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ параллелей, которыя могли бы завлечь насъ слишкомъ далеко. Знакомство съ общностью этого мотива проглядываетъ въ нашей сагѣ въ фразахъ Финнбога: „Меня клонитъ ко сну теперь, какъ и прежде“; въ главѣ 41-й прибавлено: „какъ всегда со мною бываетъ, когда грозитъ опасность“.

Втретыхъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ глава 41-я. Тогда какъ предшествующія главы прививаются нѣсколько невѣроятно къ прежней исторіи вражды Финнбога съ Юкулемъ, глава 41-я стоитъ болѣе или менѣе особо и представляетъ самостоятельный эпизодъ. Кромѣ того, въ формѣ и въ содержаніи этой главы усматриваются нѣкоторые архаизмы, заставляющіе предполагать объ относительной древности ея происхожденія. Такъ, для опредѣленія времени въ сагѣ обыкновенно употреблялись сравнительно болѣе новыя обозначенія: „весной“, „осенью“. Древнѣйшее различеніе времени было по полугодіямъ (*missari*), при чемъ принимались въ расчетъ лишь зима и лѣто¹⁾. Въ 41-й главѣ только разъ сказано „осенью“, въ остальныхъ случаяхъ употреблены описательныя выраженія: „проходить лѣто и много отъ зимы и устанавливается хорошей путь“; „проходить зима и много отъ лѣта“. Въ ней же, далѣе, употребляются вмѣсто обычныхъ *segir*, *saelti* (говоритъ, сказалъ) болѣе картинныя выраженія: „*Brandr segir quad*“, „*segir, quaz*“ и т. п., что соотвѣтствуетъ нашимъ: „возговорилъ“, „сказалъ“. Наконецъ, описаніе боя Финнбога съ Брандомъ здѣсь живѣе, чѣмъ описаніе другихъ битвъ, и крайне удачно наименованіе камней, употребленныхъ имъ для самозащиты, своими вѣрными слугами. „И всѣ то слуги мои“, говоритъ онъ, — „одноименды большіе, и зовутся они камнями“. Слуги Бранда безсильны противъ этихъ неуязвимыхъ противниковъ и платятся жизнью за всякую попытку состязаться съ ними. Разказъ продолжается въ главѣ 42-й, такъ что въ данномъ случаѣ раздѣленіе главъ сдѣлано не совсѣмъ умѣстно.

Последнія страницы саги — о состоявшемся полномъ примиреніи между Финнбогомъ и Юкулемъ, при чемъ роль умершаго въ то время Торгейра, какъ примирителя враждебныхъ сторонъ, принимаетъ на себя Торстейнъ, а частью и Брандъ; затѣмъ—предложеніе Финнбогу опять вернуться въ Боргъ и т. п.; все это, конечно, вымышлено ради

¹⁾ Счетъ по полугодіямъ встрѣчается въ нашей сагѣ лишь два раза—въ гл. 6-й и 7-й.

законченности возстановленія славы Финнбога. Легко можетъ статья, что оно присочинено было книжникомъ, записавшимъ сагу.

Гл. 39-я. Смерть Торgrimъ.

Повѣствуютъ о томъ, что какъ-то разъ пришелъ человекъ въ Финнбога-стадъ на почевку; то былъ мужъ рослый и отважный. Предсталъ онъ передъ Финнбогомъ и низко поклонился ему; Финнбогъ принялъ поклонъ и спросилъ: кто онъ таковъ? Отвѣчалъ мужъ, что зовется Торgrimомъ, изъ Вацдала, и былъ присужденъ на вѣчъ. Финнбогъ спросилъ: кто присудилъ его? Говоритъ Торgrimъ, что это сдѣлали мужи изъ Гофа. „Что же намъренъ онъ дѣлать теперь?“ спросилъ его Финнбогъ. Отвѣчалъ Торgrimъ, что не знаетъ и самъ, что дѣлать; обращался онъ, говоритъ, ко многимъ князьямъ, но никто за него заступиться не хотеть: „Вотъ дошелъ до меня слухъ, что мужъ ты много добрѣ большинства другихъ людей, и пришло мнѣ на умъ придти къ вамъ: стану просить я у васъ защиты и прибѣжища“. Молвилъ Финнбогъ: „Не слишкомъ хорошо пускать въ себѣ человекъ подсуднаго; бывали у меня постоянно столкновенія съ Вацдаловцами, и хотя всего менѣе былъ я виноватъ, но подвергся изъ за нихъ изгнанію. Всего лучше теперь, что расстались мы, такъ какъ много перетерѣли мы одинъ отъ другаго. Скажи-ка, обученъ ли ты какому нибудь ремеслу?“ Отвѣчалъ Торgrimъ, что онъ не ремесленникъ. „Но если ужъ поискать, то пожалуй умѣю я огороды городить не хуже другаго; много я ихъ построилъ и ни одинъ не свалился, скорѣе въ землю входилъ“. Говоритъ Финнбогъ: „А здѣсь нужно построить ихъ не мало, такъ какъ лугъ совсѣмъ не огороженъ и сильно топчутъ его“.

Торgrimъ просилъ Финнбога порѣшить съ нимъ такъ, какъ будетъ ему угодно, и на томъ дѣло стало, что Торgrimъ остался и взялся изгородь построить. Споро и хорошо шла работа у него, и увидѣлъ Финнбогъ, что онъ тому хорошо обученъ. Время идетъ, и Торgrimъ обвелъ лугъ изгородью; работалъ всего онъ два мѣсяца и находили всѣ, что ловкость оказалъ онъ большую, сдѣлавъ эту изгородь. Торgrimъ былъ кротокъ нравомъ и миролюбивъ. Вотъ спросилъ онъ Финнбога, вѣтъ ли ему какого-нибудь дѣла; охотно остался бы онъ у него. Отвѣчалъ Финнбогъ, что есть у него поле одно, пусть идетъ онъ туда и построить изгородь. Такъ и сдѣлалъ Торgrimъ. Не много спустя, какъ-то разъ поѣхалъ Финнбогъ въ то поле. Торgrimъ по-

здоровался съ нимъ; въ ту пору ужь изгородь сильно подвинулась: удивился Финнбогъ быстротѣ и ловкости работы этого человѣка. Жара въ тотъ день стояла большая, и моляль Финнбогъ: „Такъ ко сну меня клонить и дремлетса, что ничего иного не могу я дѣлать теперь, какъ только спать“. Тогда Торгримъ предложилъ ему ѣхать домой и тамъ лечь спать. Отвѣчалъ Финнбогъ, что не можетъ одолѣть себя; легъ онъ на земь, подложилъ подъ себя одежду и тотчасъ же заснулъ и громко захрапѣлъ. Тутъ Торгримъ попробовалъ зашумѣть, но Финнбогъ не проснулся; тогда побѣжалъ онъ къ рогу, который лежалъ не вдалекѣ, вытащилъ изъ торфяной кочки мечъ ¹⁾, схватилъ его и побѣжалъ туда, гдѣ лежалъ Финнбогъ; замахнулся онъ, что есть мочи, но Финнбогъ не такъ вѣриво спалъ, какъ казалось и какъ думалъ Торгримъ; живо вскочилъ онъ, плащемъ отстранилъ мечъ и тотчасъ наскочилъ на Торгрима. Подхватилъ Финнбога Торгримъ, но хотъ и былъ онъ силенъ, не могъ сравняться съ нимъ. Финнбогъ скоро прижалъ его подъ себя и тутъ спросилъ: нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ вѣроломства, и по чьему наущенію все это случилось? Отвѣчалъ Торгримъ, что лгать долѣе не можетъ, а подосланъ онъ былъ Йокулемъ: „Казалось, пришлось ему плохо отъ вашего обращенія. Прошу я у васъ милости и прощенія за свой проступокъ“. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Не боюсь я, чтобы мнѣ пришлось бѣды нажить отъ тебя; но такъ какъ посланъ ты былъ Йокулемъ на такое дѣло, то не иначе, какъ съ врагами буду я обходиться съ вами“. Выхватилъ Финнбогъ мечъ свой и отрубилъ ему голову. А за то, что Торгримъ много сдѣлалъ Финнбогу и большія услуги оказалъ ему, за то ему великая похвала слѣдуетъ.

Время проходить, и дошла вѣсть о томъ до Йокуля; пуще прежняго обозмился онъ, а Финнбогъ поживаетъ себѣ дома, у себя, и нѣтъ недостатка ему ни въ добрѣ, ни въ почетѣ.

Гл. 40-я. Смерть Торбіорна.

Годъ спустя послѣ смерти Торгрима пришелъ на ночлегъ въ Финнбога-стадъ какой-то человѣкъ. Былъ онъ мужъ рослый и сильный, но темнаго виду и скорѣе не добрый. Пошелъ онъ къ Финнбогу и поклонился ему. Финнбогъ поклонъ принялъ и спросилъ его:

¹⁾ Вѣроятно, рогъ служилъ замѣткой того мѣста, гдѣ былъ заранѣе запрятанъ мечъ Торгримомъ.

что онъ за человѣкъ? Отвѣчалъ мужъ, что называется Торбюрномъ. и свой человѣкъ онъ повсюду: „Многіе признають меня, какъ услышать мое прозвище, зовутъ же меня Ударъ-молотомъ“¹⁾. Финнбогъ спросилъ его: куда думаетъ онъ путь держать? Отвѣчалъ Торбюрнъ, что точно не знаетъ и самъ того. Совсѣмъ плохо, говоритъ, придется ему: „Судомъ присудили меня, и теперь я скитаюсь, ища того князя, который согласился бы взять меня“. „Кто же обвинилъ тебя на судъ?“ спросилъ Финнбогъ. Отвѣчалъ Торбюрнъ, что провинился онъ передъ Вадаловцемъ, сыномъ Ингимунда; съ женою его, говоритъ, прижилъ онъ ребенка. „Затѣмъ я пришелъ сюда, что много прослышалъ о твоёмъ милосердіи. Стану я просить у тебя пріюта и защиты“. Отвѣчалъ Финнбогъ. „Ненадежный ты человѣкъ, и не разберу я, правду ли ты говоришь или ложь. Трудно разузнать намъ о судѣ Вадала, а лучше всего и не говорить мнѣ съ тобою“. Возговорилъ Торбюрнъ: „Во истину такъ все, какъ сказано вамъ: не слышу я мужемъ, съ которыми легко шутить, а чаще всего выходило, что зналъ я цѣну себѣ и въ обиду себя не давалъ; также и то многіе находили, что во мнѣ нѣтъ недостатка. отвѣга, но въ точности знаю я, Финнбогъ, что ты за мужъ. Не въ моемъ положеніи спорить съ тобою—этого нѣтъ у меня на умѣ. Стану я лучше просить у васъ милости и прязрѣнія ко мнѣ“. Молвилъ Финнбогъ: „Въ какомъ дѣлѣ ты посверстнѣе?“ Отвѣчалъ Торбюрнъ: „Не знаю я никакого искусства; вотъ развѣ въ полѣ работать половчѣ буду я другихъ людей“. „А какая работа пригоднѣ тебя?“ Говоритъ Торбюрнъ: „Въ косьбѣ, пожалуй, не уступлю я троиъмъ дюжимъ работникамъ; эта работа мнѣ наиболѣе будетъ по плечу“. Молвилъ Финнбогъ: „Большой бѣды нѣтъ, хоть бы и остался ты вдѣсь на недѣлю и взялся бы за косьбу. Теперь сѣнокосъ въ полномъ разгарѣ, работниковъ же очень не много“. Торбюрнъ сказалъ, что охотно возьмется подсоблять: попросилъ онъ сготовить ему косу и косовище покрѣплче, чѣмъ у другихъ косарей. Такъ и сдѣлалъ Финнбогъ и принялъ Торбюрна на сѣнокосъ. Всѣ удивились тому, какъ косилъ Торбюрнъ. Увидалъ и Финнбогъ, что не прихвастнулъ онъ умѣньемъ своимъ косить. Косилъ онъ размашисто и гладко. Лугъ густо проросъ тамъ травой, такъ что не легче было выгрѣбать (сѣно, чѣмъ косить). Торбюрнъ наизыдывалъ (сѣно?) съ двухъ сторонъ, и казалось, то была скорѣе работа

¹⁾ *Slegfall*, дословно—паденіе молота. *Sleggia*—большой молотъ, употребляемый кузнецами.

чорта, чѣмъ человѣка. Когда покончилъ онъ стогъ, то спросилъ: нѣтъ ли еще чего-нибудь ему дѣлать? Послалъ его Финнбогъ на лугъ; тамъ, говоритъ, всякому много дѣла найдется. Торбјорнъ поѣхалъ на лугъ и тамъ пустилъ (лошадь) пастись, какъ дома. На всѣхъ свысока онъ смотрѣлъ, только Финнбогу всегда оказывалъ большее смиреніе; никакъ не предполагалъ Финнбогъ, чтобы Торбјорнъ замышлялъ ему измѣну.

Случилось однажды, что Финнбогъ пошелъ на лугъ. Торбјорнъ по добру поздоровался съ нимъ; тамъ много тогда уже было накошено; стали они между собою бесѣдовать, и говоритъ Финнбогъ, въ этотъ разъ также, какъ и прежде: „Клонить ко сну меня такъ, что просто не могу и удержаться: навѣрное мнѣ что-нибудь угрожаетъ,—лягу я спать“. Возговорилъ Торбјорнъ: „Ступайте домой, хозяинъ, и сосните тамъ“. Финнбогъ растянулся подъ стогомъ, накинулъ мѣховой плащъ на себя, тотчасъ заснулъ и громко захрапѣлъ. Торбјорнъ-молотъ ¹⁾ сталъ усердно работать на лугу; наточилъ онъ косу. Когда онъ покосилъ немного; оглянулся туда, гдѣ лежалъ Финнбогъ; за вѣрное показалось ему, что тотъ крѣпко спитъ. Попробовалъ онъ зашумѣть, но Финнбогъ не проснулся. Затѣмъ принялся Торбјорнъ усиленно косить. Вторично наточилъ онъ косу и произвелъ шумъ,—Финнбогъ все спалъ; пошелъ онъ опять косить. Вотъ въ третій разъ точитъ Торбјорнъ косу свою и все сильнѣе: коса была большая и твердая, какъ самый лучший ножъ. Показалось Торбјорну, что лучшаго оружія ему и не надо; другаго же, кромѣ косы, у него не было; подскочилъ онъ къ Финнбогу, туда, гдѣ тотъ лежалъ, и казалось ему легко съ нимъ будетъ покончить. Вотъ замаянудся онъ своею косою и думалъ поразить Финнбога; но этотъ вскочилъ, схватился за косовище и пытался вырвать у Торбјорна оружіе изъ рукъ; не раньше удалось это, какъ когда коса разломилась на двое. Тогда они бросили обломки и вступили въ борьбу. Схватка была изъ самыхъ жаркихъ; видитъ Финнбогъ, что надо ему принадлець силой; долго и упорно боролись они, а кончилось дѣло тѣмъ, что Торбјорнъ палъ. Спросилъ Финнбогъ: не мыслялъ ли онъ измѣну при самомъ приходѣ? Отвѣчалъ Торбјорнъ, что думалъ, не тѣмъ завершится борьба ихъ. Молвилъ Финнбогъ: „Сдается мнѣ, что вначалѣ тутъ долженъ быть умыселъ другаго“. Торбјорнъ сказалъ, что

¹⁾ Торбјорнъ зовется теперь уже просто *Sleggia*—молотъ, а не *Slegfall*.

такъ и есть, и Йокуль—говорить—подослалъ его, суля ему въ жены родственницу свою, очень богатую. „Это если я осилю тебя. Пощади мнѣ жизнь и не казни за то, что я такъ худо съ тобой обошелся; никогда больше не предаму я тебя“. Молвилъ Финнбогъ: „Хоть ты и рослъ и силенъ, но не боюсь я, чтобы сталъ ты мнѣ страшенъ и другой разъ меня обманулъ. Но такъ какъ недруги мои все не хотятъ перестать мнѣ козни устраивать, то слѣдуетъ воздать по заслугамъ и вамъ всѣмъ“. Отвѣчалъ Торбјорнъ: „Что тутъ упрашивать долго. Никогда нельзя знать напередъ, кому придется миръ предлагать“. Принатужился онъ, но съ такою силой налегъ, что Финнбогъ подумалъ, что совсѣмъ онъ покончить съ нимъ; только оружье не было у него наготовѣ. Совсѣмъ не на руку было Финнбогу выпустить Торбјорна: краемъ плаща придавливаетъ онъ горло ему и надрѣзываетъ его. Затѣмъ хватаетъ онъ его за голову и заворачиваетъ ее назадъ. Успокоился Торбјорнъ, когда его такъ прикрутили. Тогда Финнбогъ выхватываетъ ножъ, что висѣлъ у него на шеѣ, и до смерти вмъ поражаетъ Торбјорна.

А было и то, что много наработалъ Торбјорнъ, и за косябу ему большая слава. Финнбогъ признавался потомъ, что было сомнительно, кто верхъ возьметъ, и говорить: казалось,—боролся онъ съ самымъ что ни на есть чертовскимъ человѣкомъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ поле то прозвано было „Смерть-Молота“. Быстро разошлась объ этомъ молва, такъ какъ Торбјорнъ былъ извѣстенъ; казалось людямъ, что Финнбогъ счастливо отдѣлался отъ такого чортова сына ²⁾ какъ этотъ мужъ. Обозлился на это Йокуль, и казалось, чѣмъ больше дѣло имѣли они съ Финнбогомъ, тѣмъ труднѣе было уловить его.

Время идетъ, и все тихо и спокойно. Финнбогъ живетъ въ подворьѣ своемъ, подъ хорошею охраной. Сыновья его стали отличными мужами. Ториръ постоянно пребывалъ у модрувелльскихъ друзей своихъ.

Гл. 41-я. О Вермундѣ глава.

Надо теперь о томъ рѣчь повести, какъ пришелъ въ Финнбогстадъ человѣкъ на ночевку, что часто могло приключаться. Финн-

¹⁾ *Et mesta tröllmenni*—человѣкъ, одержимый дьявольскимъ духомъ, *tröllkona*—вѣдьма.

²⁾ *Heljar-madr*,—*hel* (g. *heljr*)—Гелла, богиня смерти и владычица преисподней; такъ что дословно—человѣкъ, принадлежащій Геллѣ, адское отродіе.

богъ спросилъ того мужа объ имени. Отвѣчалъ онъ, что зовется Вермундомъ, а родомъ онъ съ востока; тамъ, говорить, живетъ отецъ его. Былъ этотъ мужъ ростомъ не великъ, но живой и проворный; просилъ онъ Финнбога принять его; говорить, что человекъ онъ подсудимый, а къ суду призывалъ его Брандъ-Великодушный, Вермундовъ сынъ, за то, что обидѣлъ онъ родственника его. „Нѣтъ у меня поддержки, нѣтъ и надежды на подспорье!“ Отвѣчалъ Финнбогъ, что не больно долюбливаетъ онъ всякихъ бродягъ, и уже заплатился не разъ изъ-за ихъ вѣроломства. „Однако, то правда, слышалъ я, что нынѣшнимъ лѣтомъ нѣкотораго мужа судомъ присудили; Брандъ-мужъ почтенный и богатъ друзьями: это будетъ пойдти противъ него, если тебя взять къ себѣ“.

Сталъ Вермундъ молить да упрашивать, даль бы ему Финнбогъ пристанище и оказалъ бы заступничество; говорить онъ, что много, куда указывали ему (обращаться), да мало въ томъ проку, коли никто пособить ему не хочетъ. Посовѣстился Финнбогъ отказать ему: да и мужъ то былъ не изъ опасныхъ, хотя бы и обманывалъ онъ; предлагаетъ онъ остаться у него на время, если того ему хочется; говорить Финнбогъ, что полагаетъ—Брандъ и выкупомъ удовольствуется; не станеть онъ съ боя добывать человекъ, который самъ по себѣ не великой цѣны. Обрадовался Вермундъ, и сталъ онъ Финнбогу угодливъ и преданъ.

Проходить лѣто, зима приближается; установился зимній путь. Вотъ провѣдалъ Брандъ о томъ, что Финнбогъ принялъ къ себѣ Вермунда; тотчасъ посылаетъ онъ людей за нимъ; наказываетъ, чтобы Финнбогъ отпустилъ того мужа, не держалъ его у себя, не то быть изъ-за него бою; а еще общалъ Брандъ, покончить съ нимъ счеты и не взыскивать съ Финнбога за то, что онъ сдѣлалъ, коли исполнить онъ по просьбѣ его. Отвѣчалъ Финнбогъ, что не отпустить мужа въ зимнюю пору; говорить онъ, что готовъ за него выкупъ дать, такъ что Брандъ въ обидѣ не будетъ; сочтутся они, когда свидятся.

Воротились гонцы съ этою вѣстью, и сильно разсердился Брандъ; послалъ онъ сказать Финнбогу, чтобы не смѣлъ онъ удерживать человекъ, котораго онъ хочетъ добыть; свѣрѣнымъ человекомъ становился Брандъ и крайне заносчивымъ, когда замѣчалъ онъ, что перечатъ ему; говорить Брандъ, что такъ свидятся они съ Финнбогомъ, что не возрадуется онъ тому. Но Финнбогъ представился,

будто ничего объ этомъ не знаетъ, хотя объ угрозахъ Бранда было ему передано, и все оставилъ по прежнему.

Проходить зима, стало лѣто; живеть себѣ Финнбогъ спокойно; всегда имѣлъ онъ около себя много народу, а порой еще больше (?); разсыдалъ онъ людей въ поиски по морю; то было не трудно, такъ какъ отплывать было не издадека.

Однажды осенью ушли всѣ люди со двора: кто въ море уѣхалъ, а кто за другими дѣлами. Дома оставался Финнбогъ, при немъ Вермундъ, а изъ челяди почти никого не было. Говорить Финнбогъ: „Усталъ я сегодня почему-то, какъ всегда бываетъ со мною, когда грозить мнѣ опасность, улягусь-ка я спать“. Говорить Вермундъ: „Чуется мнѣ, что Брандъ не долго промедлитъ явиться; не выходитъ у него изъ ума, что я здѣсь проживаю. Плохо, хозяинъ, когда ты въ бѣду попадешь ради меня“. Отвѣчалъ Финнбогъ, что этому не бываетъ; улегся онъ и тотчасъ же заснулъ.

Недалеко оттуда, между горой и побережьемъ, было три холма, прямо противъ двора Финнбога, и можно было по нимъ стороной проѣхать. Вермундъ вышелъ и усѣлся; видитъ онъ, какъ на дальнемъ холму либо вихрь поднялся, либо ѣдутъ люди, и всѣхъ-то ихъ не мало. Воротился онъ въ домъ и постучалъ; проснулся Финнбогъ и спросилъ: чего онъ хочетъ? Разказалъ Вермундъ то, что видѣлъ; Финнбогъ наказалъ ему высмотрѣть, въ чемъ дѣло, а самъ, — говорить — соснетъ онъ еще. Вышелъ Вермундъ и видитъ — ѣдутъ люди; были они ужъ на среднемъ холмѣ. Опять вернулся онъ и сказалъ Финнбогу, что ѣдутъ люди. Говорить Финнбогъ, что это очень вѣроятно. „Всегда здѣсь большой проѣздъ бываетъ весной на покупку судовъ, а нынѣ самый разгаръ. Да къ тому же теперь ничего не могу я (дѣлать), какъ только спать, такъ меня ко сну клонить“. Опять вышелъ Вермундъ и пробылъ наружу немного времени; вернулся онъ и сказалъ Финнбогу, что люди тѣ ужъ на ближнемъ холму: „Узналъ я Бранда-Великодушнаго, Вермундова сына, а съ нимъ полъ-тридесять людей, во всемъ вооруженіи. Обошелся ты со мною хорошо и великодушно, и за то спасибо вамъ. А такъ какъ теперь немного причастенъ я вашей ссорѣ, то лучше пойду я прямо къ Бранду, отдамся на милость его; человекъ онъ хорошій: быть можетъ, добромъ и уберется; когда же гордые люди столкнутся, то и онъ становится мало уступчивъ“. Говорить Финнбогъ: „Къ чему будемъ мы торопиться уступать передъ Брандомъ? Сперва потолкуемъ мы съ нимъ; пусть и Брандъ говоритъ свое слово. А коли не за-

хочетъ онъ того, то посмотримъ: теперь я уже выспался и больше лежать не стану⁴. Вскочилъ Финнбогъ, взявъ оружіе свое, и вышли они оба на пригорокъ. Тамъ было большое ущелье, а сверху камень нависъ; туда, съ одного боку можно было добраться; Финнбогъ и Вермундъ взобрались къ камню. Видеть Брандъ, что изъ дому вышли какіе-то люди; показалось ему, что должно быть это Финнбогъ, тотъ, что былъ рослъ и силенъ; тотчасъ повернули они къ этимъ людямъ. Говорить Брандъ, что, по видимому, не большого труда будетъ стоять имъ предпріятіе ихъ.

Слышала все Гальфрида, что говорили между собою Финнбогъ съ Брандомъ, когда еще не вышли они изъ дому, и послала мальчика къ сосѣднему двору—просить людей поскорѣе придти, по скольку можно было дозваться съ корабля. Наказывала она сказать, что Финнбогъ нуждается въ людяхъ.

Разказываютъ, что раньше, чѣмъ тѣ подошли, Финнбогъ отвалилъ нѣсколько каменьевъ. Когда приблизился Брандъ, Финнбогъ поздоровался съ нимъ по добру, и Брандъ тѣмъ же отвѣтилъ ему. Спросилъ Финнбогъ: что новаго? Говорить Брандъ, что сами знаютъ они, въ чемъ дѣло. Ищетъ онъ человѣка, котораго присудилъ, а Финнбогъ—говорить—взялъ къ себѣ его, на зло ему; и вотъ—говорить—теперь думаетъ онъ воротить того человѣка, хотя бы Финнбогу и желалось держать его при себѣ: „Но такъ какъ, Финнбогъ, мужъ ты хорошій во многомъ, то напередъ предложу я тебѣ: отпусти теперь человѣка мнѣ въ полную власть, тогда не стану я тягаться съ тобою за его укывательство, скорѣе готовъ я свою дружбу предложить и помощь, коли будетъ тебѣ въ ней нужда⁴. Отвѣчалъ Финнбогъ: „Предложено хорошо и великодушно; много отъ тебя и ждать нельзя. Но такъ какъ не отпустилъ я его раньше по первому слову твоему, то надо мнѣ скорѣй отказаться отъ того, что ты предлагаешь. Я прошу, какъ и тогда, чтобы ты дозволилъ мнѣ выкупъ заплатить за этого мужа, а сколько самъ ты назначишь цѣну. Отказываю я тебѣ изъ-за того почтенія, которое оказывалъ мнѣ Вермундъ все это время, такъ что было бы неблагородно теперь прогнать его. Не велика тебѣ прибыль казнить этого мужа, хотъ видимо къ тому очень ты склоненъ⁴. Возговорилъ Брандъ и сказала, что мужъ не многого стоитъ: „Но такъ какъ выѣхали мы всѣ изъ дому сюда по этому случаю, а мужъ былъ въ полной власти нашей, то бойся Финнбогъ, чтобы изъ-за него не втянуться тебѣ въ бой не малый, а кончится онъ смертью твоею.

Придется тогда принять то, что теперь предлагаемъ тебѣ по доброй волѣ". Говорить Финнбогъ, что не боится онъ этого: „А и мой совѣтъ, Брандъ, не идти тебѣ первому мнѣ на встрѣчу: вышли лучше людей своихъ, пока хватаетъ у меня челядинцевъ". „Какіе тамъ слуги?" спросилъ Брандъ,—„не вижу я больше людей, кромѣ васъ двухъ, стоящихъ тамъ". Молвилъ Финнбогъ: „Вотъ они, мои слуги: числомъ ихъ шесть; не слабы они, да и всё-то одноименцы большіе, ибо зовутся камнями. Ну-ка, выпусти противъ нихъ столько же изъ своихъ слугъ, посмотримъ—это верхъ одержитъ". Возговорилъ Брандъ и сказалъ, что нечего страшиться тому, что Финнбогъ камнями грозить. Разказываютъ, что одинъ изъ спутниковъ Бранда рѣшился и побѣжалъ къ тѣмъ одноименцамъ и тутъ же къ Финнбогу; были у него отличные щитъ и копые, и думалъ онъ напасть на Финнбога. Финнбогъ беретъ одинъ изъ камней; мужъ былъ силенъ и думалъ прикрыться щитомъ; но слуга Финнбога проворнѣе былъ и стремглавъ полетѣлъ; не выдержалъ мужъ натиска его; упалъ онъ навзничь, сватился въ ущелье, на этомъ и съ жизнью покончилъ. Спрашиваетъ Финнбогъ у Бранда, что случилось съ нимъ? Отвѣчаетъ Брандъ, что человѣку его плохо пришлось.

Гл. 42-я. О Финнбогѣ и Брандѣ.

Разказываютъ, что Финнбогъ выпустилъ всѣхъ шестерыхъ своихъ слугъ, и каждый изъ нихъ по человѣку уложилъ. Тогда спросилъ онъ Бранда: нравится ли ему, какъ дѣло идетъ? Отвѣчалъ Брандъ, что не можетъ онъ слишкомъ похвалиться. Тогда Финнбогъ опять предложилъ ему то же, что и раньше, и на томъ покончить; но Брандъ говоритъ, что ничуть не испугался онъ. „Побольше", говоритъ, „испробовать надо, прежде чѣмъ дѣло рѣшать". Молвилъ Финнбогъ, что не бываетъ и тому, чтобъ онъ устранился. Брандъ людямъ своимъ наказалъ идти осторожно, разомъ напасть и смѣло биться. „Вѣдь это", говоритъ,—„просто срамъ, что столько народу такъ долго не можетъ справиться съ двумя мужами".

Финнбогъ выхватилъ мечъ и смѣло и отважно защищался; но труднѣе было съ нимъ справиться, чѣмъ казалось. Немного спустя, какъ начали они биться, молвилъ Финнбогъ: „Вотъ ѣдутъ сюда люди съ моря; хорошо вооружены они и бѣгутъ поспѣшно. Такъ думаю я, что люди эти слѣшаютъ мнѣ на помощь противъ тебя, Брандъ; пожалуй вѣдь они верхъ возьмутъ". Отвѣчалъ Брандъ, что не устра-

шать его какіе-нибудь рыбаки, сколько бы ни было ихъ тамъ — много ли, мало ли. Тогда молвилъ Финнбогъ: „Ѣдутъ тамъ люди съ моря, не мало ихъ числомъ, и все изъ самыхъ отважныхъ: видно, то наши молодцы. Еще разъ прошу я тебя, Брандъ, согласишься на тотъ выборъ, что я предлагалъ тебѣ. Даю тебѣ полное право рѣшать самому: любой выкупъ назначь, какой ты захочешь. Такъ думаю я о тѣхъ, что тамъ идутъ, что если мы раньше не покончимъ нашъ споръ, то мало будутъ они довольны тому“.

Взглянулъ Брандъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ спѣшить народъ, и все молодцы: одни бѣгутъ, другіе несутся, что есть мочи. Тогда молвилъ онъ: „Никогда не испугался бы я рыбъ (рыбаковъ?) вашихъ, что тамъ торопятся; но отъ чего бы намъ и самимъ не порѣшить дѣло. Скажутъ, что все-таки дѣло наше не въ проигрышѣ, если мы примемъ право самимъ рѣшать отъ такого человѣка, какъ ты, Финнбогъ“.

Отвѣчалъ Финнбогъ, что охотно идетъ на это, и поблагодарилъ; подошелъ онъ къ Бранду, взялъ его за руку, и примерились они въ виду тѣхъ людей, что были тамъ. Какъ только порѣшили они дѣло, подоспѣла и помощь: то прибыли сыновья Финнбога, а съ ними много родни и пріятелей; въ такомъ сильномъ гнѣвѣ были они, что тотчасъ хотѣли напасть на Бранда и всѣхъ перебить. Вмѣшался между ними Финнбогъ и велѣлъ перестать; просилъ онъ не портить ему дѣла своимъ приходомъ. До того договорился Финнбогъ, что они успокоились. Тогда онъ пригласилъ къ себѣ Бранда, и этотъ принялъ зовъ его; пробыли они тамъ съ недѣлю въ весельѣ и довольствѣ. Обходился съ ними Финнбогъ ласково, а послѣ того собрался Брандъ въ путь. Тогда Финнбогъ спросилъ Вермунда: хочетъ ли онъ оставаться или ѣхать съ Брандомъ? Отвѣчалъ Вермундъ, что тянетъ его домой: „Столь славный мужъ Брандъ, что охотно пошелъ бы за нимъ я отсюда въ спутники ему. Хорошо обошлись вы со мною и по княжески, за что большое спасибо вамъ“.

Собрался Вермундъ въ путь вмѣстѣ съ Брандомъ; тогда Финнбогъ молвилъ Бранду: „А скоро ли покончишь ты дѣло съ нами“. Отвѣчалъ Брандъ: „Отложу я это до лѣтняго вѣча; тогда, кажется мнѣ, больше будетъ чести повѣдать о договорѣ нашемъ“. Финнбогъ согласился на это. Дружелюбно расстались они: ѣдетъ Брандъ домой на востокъ; а вмѣстѣ съ нимъ былъ Вермундъ.

Время проходить, и собралась лѣтомъ на вѣчѣ толпа народу; прибыли туда изъ Вацдала Торстейнъ и Юкулъ и всѣ другіе братья,

Ингимундовы сыновья; прибылъ Брандъ-Меньшакъ, Вермундовъ сынъ, и Финнбогъ-Сильный, и Эйульфъ-Хромоногий, родичъ его, и много другихъ славныхъ мужей.

Какъ-то разъ встрѣтились Финнбогъ и Брандъ и дружелюбно поздоровались. Спросилъ Брандъ: какъ дѣла идутъ—о тяжбѣ съ Вацдаловскими? Отвѣчалъ Финнбогъ, что все спокойно, и нѣтъ новостей; разказалъ онъ ему, какъ все дѣло у нихъ вышло. Брандъ предложилъ Финнбогу попытаться съ ними въ миръ войти; говоритъ онъ, что все тамъ друзья ему полныя. Отвѣчалъ Финнбогъ, что готовъ онъ принять миръ.

Вотъ однажды пошли Брандъ, Финнбогъ и Эйульфъ и много людей съ ними къ тому двору, гдѣ Вацдаловцы жили. Торстейнъ съ радостью принялъ ихъ; зашла между ними бесѣда; тотчасъ Брандъ завелъ рѣчь съ Торстейномъ о той ссорѣ и просилъ помириться съ Финнбогомъ; говоритъ онъ, что безразсудно Юкулю враждовать съ такимъ человѣкомъ. Хорошо и красно отвѣчалъ Торстейнъ; говоритъ онъ, что охотно послѣдуютъ они примѣру Финнбога, если онъ захочетъ примириться; но—говоритъ—соперникъ (то-есть, Юкуль) противное мыслить, и предложилъ Торстейнъ стать посредникомъ ихъ. Юкуль плохо склонялся на миръ, но Брандовы рѣчи, и дружба ихъ тѣсная, и уговоры братьевъ,—но то, что, казалось, онъ заплатился зломъ во время ихъ ссоры съ Финнбогомъ, а былъ онъ мужемъ очень могучимъ и отважнымъ,—все это привело къ тому, что примирились они по добру по здорову. Брандъ все порѣшилъ и поладилъ между ними: Наложилъ онъ на братьевъ тѣхъ виру небольшую, и тотчасъ же вскорѣ выплатили они ее.

Разказываютъ, что съ той поры удержалась дружба ихъ, и Финнбогъ съ Юкулемъ обмѣнялись подарками. Тогда возговорилъ Финнбогъ Бранду и сказалъ, что зачѣмъ долше откладывать рѣшеніе и ихъ дѣла между собою; говорилъ онъ, что не хочетъ долше оттягивать его и волочить.

Молвилъ Брандъ: „Хотя ты, Финнбогъ, и мудрый мужъ, но кажется, столько же смыслю я, какъ и ты. Не такъ глупъ я былъ, чтобы не замѣтить, что попалъ я, со всѣми людьми своими, въ располхъ, когда со всѣхъ сторонъ наша на насъ помощь твоя, также грозно на насъ подвигаясь, какъ раньше этого мы на тебя. Такъ и подобало тогда не вступаться намъ въ бой (не оспаривать побѣды). Скорѣе по горячности своей и гордынѣ говорилъ я тогда, чѣмъ чтобы не замѣтить тѣхъ, кто подходили, и къ чему привело бы

столкновеніе. Вотъ и думаю я, что не такъ велика заслуга моя передъ вами, чтобы братъ мнѣ выкупъ съ тебя за то, что помиловалъ ты мнѣ жизнь, равно какъ и людямъ моимъ. Кажется, побольше значу я, и они всё, чѣмъ ничего не стоящій мужъ (то-есть, Вермундъ), хотя изъ гордости и хотѣлъ я съ тобою дѣло затѣять. Нынѣ же не меньше буду я прославлять, что ты мнѣ жизнь даровалъ, какъ и предлагать тебѣ полную дружбу свою; рассчитывай и на всегдашнее заступничество мое, коли будетъ въ немъ надобность тебѣ или сыновьямъ твоимъ; не должна нарушаться дружба ничѣмъ, пока мы оба живы“.

Возблагодарилъ Финнбогъ Бранда за милости и всё попеченія его въ прекрасныхъ словахъ. Поднесъ онъ ему тотъ самый подарокъ, что получилъ отъ Юна, конунга Грикландіи; то были кольцо золотое и мечъ. Брандъ благодарилъ его, и они разстались, какъ самые лучшіе и вѣрные друзья.

Глава 43-я.

Ингимундовы сыновья просили Финнбога выѣхать съ запада изъ Викинна и купить землю въ Боргѣ, въ Витидалѣ; но онъ этого не пожелалъ и сказалъ, что ему тамъ очень хорошо. Поѣхалъ онъ домой со своими спутниками въ Финнбога-стадъ и зажилъ спокойно. Казалось, не мало онъ выросъ (то-есть, приобрѣлъ славы) ото всѣхъ этихъ дѣлъ.

Состарился Финнбогъ; видно было, что мужемъ былъ онъ изъ самыхъ доблестныхъ, какъ по силѣ своей, по росту, такъ и по привѣтливости. Вошелъ онъ во многія саги и прослылъ самымъ славнымъ и именитымъ мужемъ; очень любилъ онъ подвиги и отважныя дѣла, хотъ здѣсь и не много объ этомъ разказано. Говорятъ, что онъ дожилъ до глубокой старости; умеръ онъ отъ болѣзни и былъ похороненъ въ той самой церкви, что построили они вмѣстѣ съ Гальфридой, женой его. Сыновья ихъ всё стали прекрасными мужами и разъѣзжали по разнымъ странамъ; о каждомъ изъ нихъ сложилось много сагъ. Съ честью принимали ихъ люди властительные, къ которымъ случалось имъ пріѣзжать, и слыли они за людей именитаго рода. Гунибюрнъ, сынъ Финнбога, съ той поры уже никогда не возвращался въ Исландію, и сталъ онъ властительнымъ мужемъ въ Норвегіи; тамъ отъ него пошло большое потомство. Всѣхъ больше

изъ дѣтей своихъ любилъ Финнбогъ Берга: это было отъ той любви, что имѣлъ онъ къ другу своему Бергу-Собаку.

Бергъ проживалъ, послѣ смерти отца своего, въ Финнбога-стадѣ, въ томъ округѣ слылъ онъ самымъ лучшимъ хозяиномъ и правителемъ былъ надъ другими людьми. Другіе братья его бывали больше въ развѣздахъ, пока не свершили они завѣта Финнбога и не стали всѣ мужами большой славы.

На этомъ заканчиваю я сагу о Финнбогѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ общей оцѣнкѣ Финнбоговой саги. Мы видѣли въ ней два элемента, которые не на столько слились, чтобы нельзя было выдѣлить ихъ даже чисто внѣшнимъ образомъ: съ одной стороны, мы поставили среднюю часть, главы съ 23-й по 36-ю, какъ отголосокъ разказовъ на вѣчяхъ, по типу подходящую къ разряду древнихъ историческихъ сагъ, рассмотрѣнныхъ Мёбиусомъ; съ другой стороны, начало и конецъ саги представляютъ развитіе сюжета по схемамъ эпическихъ сказаній. Мѣстный колоритъ въ сагѣ все-таки весьма силенъ и выражается въ приуроченіи разказа къ той или другой мѣстности, во множествѣ бытовыхъ чертъ, изъ которыхъ мы отмѣчали лишь главнѣйшія, ссылаясь для остальныхъ на книгу Вейнгольда „*Altnordisches Leben*“. Тѣсная связь саги съ общимъ строемъ исландской жизни несомнѣнна, и тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы она сложилась только на основаніи мѣстныхъ происшествій: эпитетъ *kyrteysi* (фр. *courtois*) говорить о знакомствѣ съ рыцарскими романами, которые проникли въ Исландію еще съ конца XIII в.; другія мѣста не остались безъ вліянія нѣмецкихъ произведеній, знакомство съ которыми весьма легко предположить для данной эпохи, не отыскивая ихъ болѣе древнихъ прототиповъ. Выдѣлить въ сложеніи саги то, что можно приписать на долю неизвѣстнаго слагателя ея, отъ того, что принадлежитъ еще устной традиціи, конечно, въ точности нельзя. Но если мы склоняемся дать первенствующее значеніе второй, вопреки Герингу и др., то главнымъ образомъ по двумъ причинамъ, которыя и были рассмотрѣны нами. Впервыхъ, отбросивъ предположеніе, что сага о Финнбогѣ была составлена по *Vatnsd. s.*, хоть и въ извѣстномъ противоположеніи въ послѣдней, мы не можемъ понять—почему бы грамотѣю XIII в. пришло въ голову сочинить сагу о Финнбогѣ, еслибъ уже именемъ послѣдняго не овладѣла народная фантазія? Вовторыхъ, отсутствіе цѣдности и ступешанность нѣкоторыхъ

эпизодовъ саги удобнѣе, намъ кажется, объяснить не „скудостью фантазіи автора“, а именно внѣшнимъ отношеніемъ къ народнымъ преданіямъ записывателя. Возможно, что тамъ и здѣсь онъ прибавлялъ кое-что отъ себя, но въ общемъ все-таки держался готовыхъ преданій и, при ихъ нѣкоторой разрозненности, не сумѣлъ даже скрыть слѣды спайки. Мы охотно вѣримъ его заявленію, что о Финнбогѣ сложилось много разказовъ, изъ которыхъ онъ только часть привелъ (гл. 43-я). Не самъ онъ задумалъ создать типъ героя, а воспользовался уже готовымъ матеріаломъ, и развѣ только придалъ разказамъ нѣкоторую законченность, и то не вполне. Ея не было и въ устномъ преданіи, и сага о Финнбогѣ представляется намъ именно на промежуточной стадіи между воспоминаніями объ историческомъ дѣятелѣ и идеализаціей его, которая приводитъ къ созданію народнаго героя.

Ф. Батюшковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскій лицевой Апокалипсисъ.

6. *Буслаевъ*. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI-го вѣка по XIX-й. Москва. 1884. (Изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности).

„... Написать страшныхъ тайнъ откровеніе еже Іоанну Θεологу, въ наказаніе бы души озорѣніемъ и ухослышаніемъ, и что явлено и откровено апостолу, написать бы по словописанію съ толкованіи знаменіемъ, живописаніемъ составительню шаротвореніи, одежду преиснещреніи и произъгбеніи (драпировкою).. Изобрѣте (логоеетъ нѣкій) себѣ въ дѣлѣ семь человекъ худа и не славна.. и сего взыска въ нѣкоей веси малолюдной“ и пр. Такъ говорить о себѣ и своемъ богоизбранномъ дѣлѣ безыменный писецъ и иллюстраторъ одной любопытной рукописи лицеваго Апокалипсиса 1636—1643 годовъ. (Двинской, гл. VI-я, стр. 527). „Повѣсть“ или записъ этого Двинскаго старца вводитъ насъ, такимъ образомъ, въ глубину народнаго религіознаго искусства, указывая, что для его познанія пришлось бы обойти и города, и веси малолюдныя. И дѣйствительно, во всей области русской художественной старины мало найдется отдѣловъ столь же обширныхъ и важныхъ, какъ исторія русской миниатюры, а въ ней затѣмъ едвали не на первомъ планѣ станеть русскій лицевой Апокалипсисъ.

Знаменитый авторъ названнаго въ заглавіи сочиненія ясно доказалъ это и хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда посвятилъ своему труду около восьми лѣтъ. Ученый основатель науки русской народ-

ной словесности уже давно и одинъ изъ первыхъ своими изслѣдованіями по символикѣ и мифологіи древняго русскаго искусства положилъ основаніе его историческому изслѣдованію. Нынѣ, не довольствуясь общимъ методологическимъ построеніемъ будущей науки, онъ возводитъ одно изъ главныхъ ея изданій, и если прежде научность доводовъ и глубина высокихъ мыслей, присущія изслѣдованіямъ автора по народному искусству, лишь намѣчали тотъ путь, по которому его наука должна направиться, то теперь капитальный трудъ ученаго наставника нашихъ изслѣдователей отечественной древности даетъ имъ въ руки образецъ для ихъ послѣдующихъ трудовъ и прочное основаніе будущему зданію науки. Авторъ далъ русскому читателю полное описаніе всего известнаго ему матеріала, ничего не пропуская: какъ миниатюры разсматриваемыхъ имъ 41 рукописи служатъ толкованіемъ къ Апокалипсису, такъ и его книга есть тщательный комментарий къ лицевымъ Апокалипсисамъ. Полнота изслѣдованія и самое обиліе матеріала служатъ сами по себѣ порукою за важность и научность результатовъ: книга Ф. И. Буслаева ясно убѣждаетъ, что и другіе изслѣдователи должны идти по его слѣдамъ, сводя, группируя, подбирая рукописи по редакціямъ, переводамъ и пошибамъ. Сравнительно-историческій методъ, которымъ только и можно пользоваться, коль скоро критически разобранъ обильный матеріалъ, указанъ авторомъ, какъ единственно научный въ археологическихъ вопросахъ, и становится отнынѣ обязательнымъ. Отнынѣ самое собраніе матеріаловъ, описаніе отдѣльныхъ лицевыхъ рукописей должны основываться на томъ же принципиальномъ методѣ.

Правда, въ своемъ предисловіи (VII - X) авторъ съ самаго начала спѣшитъ оговориться, что ни обиліе имъ привлеченнаго матеріала, ни самое его изслѣдованіе не даютъ всесторонняго и полнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи и историческомъ развитіи русскаго лицеваго Апокалипсиса, и самое сближеніе есть только подготовительная монографія для этого рѣшенія. „Новыя открытія“, говоритъ авторъ,—„и безъ всякаго сомнѣнія, очень значительныя со временемъ, могутъ не только обогатить данный матеріалъ существенными вкладками, но повести къ изысканію болѣе глубокихъ и отдаленныхъ историческихъ слѣдовъ для уразумѣнія нашей апокалипсической топографіи. Постоянно питая это убѣжденіе, я предпочелъ извлекать только частные выводы изъ определенной суммы известныхъ мнѣ данныхъ, всякій разъ опасаясь обобщать свой взглядъ до послѣднихъ результатовъ“. Приводимая выдержка весьма важна и

существенна для пониманія книги почтеннаго автора, которому и не было бы нужды дѣлать ее изъ мотивовъ побочныхъ: слова эти вѣрно опредѣляютъ самую задачу сочиненія. Однакоже, самую нашу рецензію мы посвятимъ отчасти именно этимъ выводамъ и обобщеніямъ, съ цѣлю, во первыхъ, доказать, что сочиненіе богато и съ этой стороны, какъ со стороны матеріала, а во вторыхъ, попытаться выяснить, въ какомъ именно смыслѣ и въ какой формѣ эти выводы и обобщенія должны быть наиболѣе плодотворны для будущихъ изслѣдованій.

Оговоримъ заранѣе, что авторъ, согласно принятой и вышеуказанной системѣ, на всемъ протяженіи своей книги смотритъ на свою задачу, какъ на критическое собраніе матеріала, и для успѣховъ науки желаетъ лишь, чтобъ его книга, возможно въ скоромъ времени, вызвала подобныя же и еще болѣе того цѣнныя дополненія. Мы, съ своей стороны, никакъ на то не рассчитываемъ,—развѣ эти дополненія выйдутъ отъ того же автора, но признаемся, что въ данное время, для полученія выводовъ, въ этихъ дополненіяхъ не настоятъ и нужды. Мы не согласны съ авторомъ и въ томъ, что появленіе (во время печатанія книги) рукописи Силина оправдало опасливость автора въ усвоеніи внѣшней системы описанія рукописей: ея описаніе нарушило, быть можетъ, послѣдовательность въ ихъ обзорѣнн, но только по мѣсту, которое ей пришлось отвести, а никакъ не тронуло прежняго распредѣленія по редакціямъ. Мы, слѣдовательно, позволяемъ себѣ расходиться съ авторомъ въ самомъ взглядѣ на его сочиненіе, какъ на исполненіе задачи, что, впрочемъ вполне натурально; но будемъ для доказательства этого взгляда пользоваться его же собственнымъ матеріаломъ.

Такимъ образомъ, авторъ не сдѣлалъ свода или общаго очерка самаго содержанія русскихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ, и читателю, интересующемуся вопросомъ именно объ этомъ содержаніи, придется самому почерпать матеріалы для этого отвѣта въ 20 главахъ „Описанія рукописей“. Въ этомъ условіи книги заключается и большая доля пользы для читателя: онъ по необходимости знакомится самъ со всѣми подробностями лицевыхъ рукописей, замѣчаетъ многое, что прошло бы иначе предъ его глазами, не возбудивъ къ себѣ вниманіе, и что, при ближайшемъ разсмотрѣнн, оказывается первостепенно важнымъ. Чтобы подготовить читателя къ сознательному чтенію своего описанія рукописей, авторъ предпосылаетъ ему въ VII главахъ на 200 страницахъ большое введеніе.

Введение служитъ въ то же время подготовкой къ спеціальной темѣ сочиненія и содержитъ въ себѣ какъ описаніе внѣшнихъ качествъ въ рукописяхъ русскаго лицеваго Апокалипсиса, такъ и характеристику метода, принятаго при ихъ изученіи. Методъ сравнительно-историческій (главы 3-я и 4-я) открываетъ зачатки апокалипсической иконографіи въ искусствѣ древне-христіанскомъ, византійскомъ и средне-вѣковомъ и указываетъ тѣ основанія, на которыхъ построена критическая сторона самаго изслѣдованія. Последняя 7-я глава введения трактуетъ объ апокалипсической иконографіи и о томъ отличіи стила иконографическаго и живописнаго, которое руководитъ описаніемъ русскихъ рукописей. Такимъ образомъ введение, какъ и само описаніе русскаго лицеваго Апокалипсиса, представляетъ по существу сочиненіе по иконографіи Апокалипсиса, и такъ какъ авторъ не нашелъ для себя въ предыдущихъ работахъ ничего дѣйствительно готоваго по этой иконографіи, и какъ самыя западныя изслѣдованія оказывались лишенными научнаго фонда, то заслуга сочиненія столько же велика, сколько оно само вполне самостоятельно. Лишь небольшая (въ 18 стр.) 6-я глава разсматриваетъ русскій лицевой Апокалипсисъ по его историческимъ редакціямъ. Но авторъ ограничиваетъ свой очеркъ этого историческаго движенія однимъ общимъ наблюденіемъ: лицевой Апокалипсисъ раздѣляетъ историческую судьбу нашей иконописи. „Чѣмъ древнѣе иллюстраціи, тѣмъ богаче онѣ традиціоннымъ содержаніемъ и тѣмъ самостоятельныѣ; чѣмъ позднѣе, тѣмъ бѣднѣе въ отношеніи иконографическомъ, и тѣмъ болѣе теряютъ свою самостоятельность въ рабскомъ копированіи, неудачномъ эклектизмѣ и въ безразборчивомъ усвоеніи западныхъ сюжетовъ и стила“. Отсюда авторъ устанавливаетъ (стр. 49) два главные типа или два теченія: одно болѣе чистое и неприимѣсное, наше православное, русское и византійское, и другое, помутившееся западнымъ наплывомъ. Затѣмъ авторъ самъ отрицаетъ последовательность или преемственность развитія въ иллюстраціи—такъ позднѣйшія рукописи даютъ ясныя слѣды древнѣйшей иконографіи. „Однимъ словомъ находящійся передъ нами матеріалъ, по рукописямъ отъ XV до XIX вѣка, на разстояніи почти четырехъ столѣтій, въ сплошной массѣ представляетъ хаотическое смѣшеніе стараго съ новымъ, архаизмовъ, восходящихъ ко временамъ древнехристіанской и ранней византійской иконографіи, съ позднѣйшими напосами самой дешевой пробы изъ дюжинныхъ заграничныхъ изданій XVI и XVII столѣтій, лишенныхъ всякаго значенія для христіан-

ской археологіи". Такимъ образомъ, задачей автора служить (глава 7-я) освѣтить это смѣшеніе сравнительно-историческою критикою, чтобъ имѣть возможность опознаться въ анахроническомъ хаосѣ элементовъ и отдѣлить свое отъ чужаго, лучшее отъ худшаго, древне-христіанское и византійское отъ западныхъ новшествъ.

Но спрашивается: когда бываетъ возможенъ анализъ иконографическихъ элементовъ помимо такового же анализа художественно историческихъ типовъ того произведенія, въ которомъ эти элементы даны или заключаются? Въ исторіи христіанской иконографіи и искусства мы и теперь уже различаемъ рядъ опредѣленныхъ историческихъ типовъ: древне-христіанскаго, ранняго византійскаго, карловингскаго, поздне-византійскаго, латинскаго, средневѣковаго романскаго, готическаго и проч. и проч., не говоря о многихъ другихъ посредствующихъ. Каждому типу свойственны опредѣленные темы, сюжеты, способы изображенія; типъ различается столько же стилемъ и манерою, сколько духовнымъ содержаніемъ. Если анализъ этого типа научно проведенъ хотя въ одномъ примѣрѣ, то будетъ доказана внутренняя историческая связь извѣстнаго стиля или манеры представленія съ сюжетомъ, притомъ во всѣхъ главныхъ его частяхъ. Съ этой точки зрѣнія ясно опредѣляются признаки главные и второстепенные, то или другое значеніе деталей и атрибутовъ. Въ христіанской иконографіи художественная манера представленія тѣсно связывается съ сюжетомъ, даетъ ему извѣстный смыслъ: усвоеніе этой манеры предполагаетъ усвоеніе извѣстнаго содержанія религіознаго взгляда, богословской идеи. Когда мы видимъ литургическій переводъ Тайной Вечери внѣ Византіи, то обязательно полагаемъ, что византійскій образецъ усвоенъ здѣсь не по одной лишь внѣшней формѣ. Равно и всѣ важнѣйшіе элементы, символы и атрибуты получаютъ свое законное мѣсто внутри этого типа, какъ цѣлаго. Если же настаетъ эпоха, когда движеніе типа останавливается, и наступаетъ его разложеніе, а все художественное наслѣдіе разбирается по частямъ, то очевидно, мы имѣемъ тогда дѣло не съ прежнимъ живымъ преданіемъ, а съ другою основой. Средневѣковыя итальянскія школы, поставившія во главѣ художественной жизни живопись, усвоили себѣ цѣльный византійскій типъ и вели его къ освобожденію отъ условностей, къ новой жизни. Лирической характеръ ихъ произведеній былъ усиленъ и сталъ основнымъ направленіемъ религіозной живописи, но онъ явно присутствовалъ въ тѣхъ византійскихъ образцахъ — иллюстраціяхъ рукописныхъ Евангелія и Протоевангелія, которые въ XII и XIII сто-

лѣтіяхъ смѣнили собою на западѣ болѣе ранній оригиналь догматической. Съ этими иллюстраціями или миниатюрами въ рукахъ, мы можемъ прослѣдить исторію флорентинской и сіенской школы живописи. Иное рода движеніе оригинала представляется намъ въ италіанской миниатюрѣ XIV и XV столѣтія мистической школы Умбріи: цѣлое или утрачено, или забыто, древніе оригиналы стали непонятны; въ памяти уцѣлѣли атрибуты и детали часто второстепеннаго значенія, и вотъ они-то получаютъ вновь священный мистическій характеръ: искусство занято ихъ примиреніемъ съ новымъ реальнымъ типомъ; наступаетъ переживаніе догмата, богословской идеи въ новой чуждой имъ средѣ.

Сводя все вмѣстѣ, мы должны сказать: наука христіанской древности должна изслѣдовать, какъ классическая археологія, двоякій процессъ: общаго поступательнаго развитія христіанскаго искусства въ связи съ исторіей національных художественныхъ движеній и на основѣ общаго противопоставленія искусства западнаго и восточнаго—задача исторіи искусства; отложенія въ этомъ процессѣ суммы тѣхъ данныхъ или результатовъ, которые составляютъ общее содержаніе христіанскаго искусства, гдѣ бы и когда бы мы его ни находили: догматическій сюжетъ истиніановской мозаики, полная глубокой экспрессіи икона Распятія, италіанскія фрески изъ житія святыхъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы, быть можетъ, перенести общія рубрики искусства древне-христіанскаго, средневѣковаго, возрожденія въ самую среду исторіи отдѣльныхъ національных искусствъ. Но прежде всего, должно признать, что мы имѣемъ дѣло съ дѣльными историческими типами и внутри ихъ должны искать опредѣленія отдѣльныхъ элементовъ. Найдя въ средневѣковомъ сюжетѣ древне-христіанскій символъ, мы должны будемъ систематически изслѣдовать, взяты ли онъ болѣе или менѣе произвольно изъ старины далекой и чуждой, но съ прежнимъ смысломъ, или же онъ подвергся предварительной переработкѣ въ иной исторической средѣ и получилъ уже иное значеніе. Въ этомъ отношеніи, мы полагаемъ, изслѣдованіе элементовъ искусства можетъ стать вполне научнымъ лишь тогда, когда будутъ изучены всѣ крупныя художественно-историческія типы, иначе говоря, когда археологія будетъ находить себѣ опору въ исторіи искусства. Укажемъ на одинъ лишь представившійся случай. Извѣстный Дидронъ, комментируя первую картину Апокалипсиса по подлиннику Діонисія, порицаетъ византійское искусство за жестокость изображенія Христа Еммануила съ двумя мечами, исходящими изъ устъ на

грѣшныхъ и на праведныхъ. Авторъ (стр. 157), напротивъ, полагаетъ, что Дидронъ былъ введенъ здѣсь въ заблужденіе плохую аеонскою редакціей, и что это порицаніе вовсе не относится къ византійскому искусству, такъ какъ наши лицевые Апокалипсисы никогда не изображаютъ въ этой картинѣ Христа съ двумя мечами, а всегда съ однимъ, два же меча составляютъ именно примѣту западную. Розыскивая между ранними италіанскими лицевыми рукописями такіе, которыя копировали бы безусловно византійскій оригиналъ, мы нашли въ Лаврентіанской бібліотекѣ въ Флоренціи рукопись Библии XIII столѣтія, въ которой иллюстрація Апокалипсиса (единственная) представляетъ Христа именно съ двумя мечами и, явно, копируетъ греческій образецъ. Съ другой стороны, мы вполне раздѣляемъ тонкій критическій взглядъ автора на этотъ пресловутый византійскій подлинникъ, о чемъ скажемъ ниже.

Характеристика важнѣйшихъ символическихъ образовъ и иконографическихъ типовъ, какъ-то: Агнца, Христа Еммануила, ангеловъ и геніевъ грома и молніи, ангеловъ облачныхъ и иныхъ, Апокалиптическихъ всадниковъ, жены агнчей (какъ образа рая въ вертоградѣ, Богородицы въ купинѣ) 1-го и 2-го звѣря, круговъ, царей отъ восхода солнечнаго и проч. и проч., — намъ кажется, зависить отъ тѣхъ богословскихъ и мірскихъ взглядовъ на Откровеніе Іоанна, которые, независимо отъ основнаго толкованія, развивались и видоизмѣнялись согласно движенію религіозной мысли и чувства. Именно въ этихъ важнѣйшихъ вопросахъ наука не можетъ ограничиться одною ссылкою на преданіе, и его хаотическое смѣшеніе съ новшествами и вліяніями запада рано или поздно должно быть подчинено историческому закону. Спѣшимъ однако оговориться, что всѣ эти требованія относятся къ наукѣ будущаго и никоимъ образомъ не могутъ быть предъявляемы современнымъ изслѣдованіямъ.

За то въ средѣ иконографическихъ изслѣдованій автора мы позволимъ себѣ построить нашу рецензію на сводѣ общихъ историческихъ данныхъ этой замѣчательной книги, оставивъ въ сторонѣ самую иконографію Апокалипсиса. Мы попробуемъ указать, какіе богатые матеріалы заключаются въ ней именно по той сторонѣ вопроса, которую авторъ какъ бы совсѣмъ жемаетъ обойти.

Мы видѣли, что авторъ намѣренно не различаетъ въ лицевомъ Апокалипсисѣ русское отъ византійскаго и сливаетъ эти историческія формы христіанскаго искусства въ одинъ потокъ чистаго, не затемненнаго преданія, идущаго отъ временъ древняго христіанства. На

взглядъ автора, если въ настоящее время не отыскано византійскаго оригинала этой лицевой рукописи, то это обстоятельство есть только случайность, и такой оригиналъ долженъ былъ существовать, такъ какъ мы имѣемъ его многочисленныя копіи въ русскихъ рукописяхъ. Авторъ подробнымъ анализомъ подлинника Діонисія Фурнографіота доказываетъ, что этотъ пресловутый кодексъ вовсе не даетъ намъ византійскаго матеріала по иконографіи Апокалипсиса. Напротивъ того, онъ представляетъ смѣшеніе съ западными типами, преданіе или подновленное, или вовсе искаженное: „Эта пресловутая Ерминія относится къ дюжинной, испорченной западнымъ вліяніемъ редакціи; о ней не стоило бы и говорить (стр. 161), еслибы это аеонское руководство не пользовалось и доселѣ не заслуженною репутаціей православнаго уложенія нашей восточной иконографіи“. Последнее замѣчено вполне вѣрно, и каждый изъ насъ могъ чувствовать научную фальшь, встрѣчая въ книгахъ о византійскомъ искусствѣ (особенно западныхъ) подробный въ концѣ трактатъ объ этой Ерминіи. Только въ послѣднее время стали замѣчаться въ западной наукѣ попытки къ освобожденію отъ прежнихъ предвзятыхъ взглядовъ. Авторъ „Исторіи византійскаго искусства“ Бабе напечаталъ въ журналѣ *Revue Archéologique* 1885 г. статью, подробно доказывающую, что этотъ подлинникъ по времени своего происхожденія не восходитъ выше XVI столѣтія; то, что было давно доказано въ сочиненіяхъ покойнаго архимандрита Порфирія, становится только теперь научнымъ фактомъ. Намъ извѣстно, между прочимъ, что Велудо, бывший префектъ Марціаны, найдя въ одной изъ рукописей ученика этого Діонисія, жившаго въ XVII вѣкѣ, никакъ не рѣшался однако отвести самого Діонисія къ той же эпохѣ и сообщить о своей находкѣ ученому міру. Подлинникъ Діонисія дорогъ западнымъ историкамъ, такъ какъ съ его помощью они еще долгое время могутъ доказывать свою теорію византійской муміи, и въ виду этого 5-я глава нашей книги имѣетъ очень большое значеніе.

Но оставимъ этотъ подлинникъ и перейдемъ къ вопросу о византійскомъ оригиналѣ. Такого оригинала въ видѣ рукописи не существуетъ, или доселѣ не найдено. Что можетъ значить этотъ фактъ? Византійское искусство, какъ извѣстно уже, представлено главнымъ образомъ лицевыми рукописями. Большая часть ихъ была предметомъ изученія иди, по крайней мѣрѣ, извѣстна, если не говорить о немногихъ еще не рассмотрѣнныхъ бібліотекахъ: Смирны, Патмоса, Малой Азіи. Можно ли предполагать, что со временемъ можетъ открыться

гдѣ-либо греческая рукопись лицеваго Апокалипсиса? Съ своей стороны думаемъ, что нѣтъ, и, рискуя своимъ наведеніемъ, находимъ тому въ исторіи византійскаго искусства основательныя причины. Указанная рукопись библии въ Лаврентіанской бібліотекѣ даетъ лишь одну миниатюру къ Апокалипсису. Отрывочныя сцены находятся въ Библии церкви св. Павла въ Римѣ (соч. Даженкура, таб. 42, 9) въ рукописи такъ-называемой *Exultet* Пизавской и въ Новомъ Завѣтѣ на латинскомъ языкѣ XII — XIII столѣтія № 39 Ватиканской бібліотеки. Однако именно послѣдняя рукопись (Даженкуръ, таб. 103, 7) своими пятью любопытными апокалиптическими сюжетами наименѣе зависитъ именно въ этой части отъ византійскаго обрада. Сравнивая эту крайнюю бѣдность греческихъ миниатюръ съ обиліемъ лицевыхъ Апокалипсисовъ на западѣ, начиная съ XII столѣтія, приходимъ къ выводу, что эта бѣдность не случайная. Авторъ книги говоритъ (стр. 50): „За немѣнѣемъ византійскихъ оригиналовъ, что же мы должны взять за основу и въ руководство по методу сравнительно-историческому?“ Другаго ничего не остается, какъ обратиться къ тому же западу, который предлагаетъ намъ въ произведеніяхъ раннихъ богатый запасъ древне-христіанскихъ и византійскихъ преданій: „Начала апокалиптической иконографіи восходятъ“, по мнѣнію автора, — „ко времени, задолго предшествовавшему эпохѣ иконоборства“, и авторъ доказываетъ это древне-христіанскимъ типомъ Агнца, повторяемымъ во всѣхъ русскихъ редакціяхъ Апокалипсиса и между тѣмъ возбраненнымъ въ византійской иконописи въ силу 82-го правила VII вселенскаго собора. Но византійское искусство чуждалось изображенія Агнца и гораздо ранѣ данной эпохи, тогда какъ изъ древне-христіанской иконографіи оно перешло въ латинскія рукописи Карловингской эпохи. Авторъ (стр. 211) считаетъ возможнымъ опредѣлить примѣты греческаго оригинала по древнѣйшей редакціи русскаго Апокалипсиса (рукоп. Буслаева XVIII в.). Если брать эти примѣты въ отдѣльности, то онѣ, дѣйствительно, указываютъ на эпоху иконоборства или также на греческія рукописи VIII — XI столѣтія. Такое значеніе имѣеть скульптурный характеръ миниатюръ этой рукописи, въ которой одна фигура замѣняетъ собою сцену или видѣніе (стр. 227); событіе представлено іероглифически, какъ и его результатъ; нѣтъ ландшафта и вообще условій картины, бѣлое поле и т. д. Эти черты свойственны византійской миниатюрѣ въ IX вѣкѣ, но онѣ же повторяются въ иныхъ грубо подражательныхъ рукописяхъ XIV столѣтія. Античное одѣяніе мѣшается въ русскую редакцію съ византійскимъ орнатомъ XIII — XIV

столѣтія. Олицетворенія жены — Церкви, Ада, Аполліона, Сатаны, Звѣря въ человѣкообразномъ типѣ, Гога и Магога, Моря, Вѣтровъ, Пустыни, атрибуты и детали, какъ напримѣръ, вѣнцы въ формѣ діадемы, ритоны, свитки, киворія, мраморныя колоды идутъ, дѣйствительно, изъ миниатюръ IX столѣтія, наиболѣе обильныхъ образами огрубѣлаго античнаго стиля.

Но если вліяніе византійскаго искусства на Россію совершалось въ теченіе продолжительнаго періода отъ IX—XVI столѣтія включительно, и съ болѣе или менѣе долгими перерывами, и было разнообразно, какъ само византійское искусство за это время, то спрашивается: идетъ ли весь этотъ матеріалъ прямо изъ глубины IX столѣтія, или же онъ проходитъ черезъ посредство позднѣйшихъ списковъ? Обиліе олицетвореній свойственно также греческимъ рукописямъ XIV—XV вѣковъ. Именно въ нихъ мы встрѣчаемъ множество сочиненныхъ по шаблону олицетвореній и символовъ. Та связь письма съ миниатюрами, которая отличаетъ собою древнѣйшую русскую редакцію, напоминаетъ намъ всего ближе греческую Александрію XV столѣтія. Главнѣйшіе типы или редакціи русскаго лицеваго Апокалипсиса могутъ быть, по нашему мнѣнію, сведены столько же къ образцамъ византійскимъ, сколько и къ южно-славянскимъ, но это сходство по формѣ или стилю не простирается на содержаніе. Пусть иконографическое преданіе русскихъ рукописей будетъ отыскано, возстановлено, возведено до древне-христіанской эпохи, — византійское искусство все же останется въ сторонѣ, такъ какъ оно не даетъ въ данномъ вопросѣ прямого образца.

Древнѣйшій источникъ апокалиптической иконографіи или ея зачатки принадлежитъ тому древне-христіанскому искусству (римскія мозаики), которое еще не знаетъ различія Запада и Востока: разница въ бытовыхъ деталяхъ и отчасти въ мѣстныхъ пошибахъ не вліяетъ еще вовсе на художественные образы христіанской религіи. Но именно изъ этой среды почерпала свое содержаніе та латинская иллюстрація Апокалипсиса, которая, начинаясь съ IX вѣка, танется черезъ весь періодъ такъ-называемаго романскаго стиля и незамѣтно сливается съ работами стиля готическаго. Именно здѣсь, хотя тоже не сразу и уже въ результатѣ разработки отдѣльныхъ апокалипсическихъ сценъ, встрѣчаемъ мы рукопись лицеваго Апокалипсиса съ полною иллюстраціей. Это Бамбергскій Апокалипсисъ — латинская рукопись отъ X—XI вѣковъ. Автору принадлежитъ исполнѣ заслуга полнаго обзорнѣя драгоцѣннаго кодекса въ оригиналѣ и достойной его оцѣнки.

Изъ разбора 50-ти миниатюръ ея мы извлекаемъ слѣдующія общенія: большинство миниатюръ сохраняютъ древній христіанскій типъ, а именно представляютъ торжественную обстановку Второго пришествія, суда и славы небесной, согласно съ композиціями мозаикъ: это скорѣе варианты основной темы, нежели особня сцены. Такъ миниатюры: первая восемь, 28-я, 44-я, 48-я, 50-я имѣютъ главнымъ содержаніемъ своимъ изображеніе Верховнаго судьи Христа съ его ангелами: Христосъ даетъ книгу Евангелисту, предстаётъ ему съ мечемъ въ устахъ, указываетъ ему на 7-мъ церквей, держитъ книгу за 7-ю печатями; Ему поклоняются 24 старца, они полагаютъ вѣнцы къ подножію Его престола. Особенно типично по своему мозаическому характеру изображеніе въ миниатюрѣ 9-й и 49-й Горняго Іерусалима, надъ которымъ виденъ стоящій Агнецъ въ крестномъ сіяніи, окруженный шестокрылыми серафимами и созерцаемый тайновидцемъ. Древнее христіанское представленіе Спасителя въ символическомъ образѣ Агнца повторяется въ миниатюрахъ 10-й, 16-й, 34-й съ перемѣною только атрибутовъ: печати, книги, хартии. Это изображенія основныя, какъ убѣждаемся въ этомъ черезъ рукописи карловинскія, и символическій (а не историческій) типъ юнаго Еммануила приданъ здѣсь суди—Слову Божію. Но еще сильнѣе выраженъ древне-христіанскій характеръ въ миниатюрѣ 14-й къ главѣ VI, 9—17, изображающій души убиенныхъ за слово Божіе подъ алтаремъ, на которомъ сложены орари—одежда, даруемая служителямъ слова, или въ миниатюрѣ 15-й, представляющей вѣтры по четыремъ угламъ небснаго поприща, управляемаго ангелами. Согласно съ указаннымъ характеромъ, Бамбергскій кодексъ или избѣгаетъ (какъ мозаики и миниатюры V—VI вѣковъ), или не знаетъ нагляднаго представленія тѣхъ испытаній и казней, которыя посылаются землѣ и людямъ: вездѣ видимъ лишь изображеніе самаго акта воли Божественной и не видимъ казни. Четыре миниатюры (10—13 къ главы VI 1—8) изображаютъ четырехъ всадниковъ, ѣдущихъ торжественно на коняхъ; семь ангеловъ или три, или одинъ облачный ангелъ трубятъ, возвѣщая казни, но исполненія возвѣщенныхъ напастей на землѣ не изображено. Самый Великій Змій представленъ лишь въ сценѣ мученической проповѣди Еноха и Иліи (м. 27, жены съ отрокомъ м. 29 и пораженія своего отъ руки ангеловъ м. 30); первый звѣрь (глав. XIII, 1—4), выходящій изъ моря, и другой звѣрь изъ земли представлены въ двухъ миниатюрахъ, но безъ всякихъ подробностей, начертанія печатей и прочее. Миниатюристъ подробно передаетъ текстъ откровенія по изображенію ангеловъ

семи церквей (мин. 23), ангеловъ съ фіалами (мин. 37), ангеловъ, изливающихъ чаши на людей, море, источники водные, звѣриное царство, городъ, но кромѣ одной миниатюры (42), изображающей ниспровергнутый городъ, всѣ остальные представляютъ лишь небесныя знаменія Апокалипсиса, и слѣдовательно, по мысли, или что называется въ принципѣ, разнятся съ нашими лицевыми Апокалипсисами. Миниатюра 47-я (глав. XX) изображаетъ заключеніе въ узы Великаго Змія Сатаны, 48-я и 49-я—Воскресеніе изъ мертвыхъ (глав. XXI, 1—18) и Горній Иерусалимъ (21, 2) а послѣдняя 50-я—небо новое и землю новую (глав. XXII) подъ престоломъ Бога Еммануила. Именно этотъ покойно торжественный тонъ всѣхъ иллюстрацій Бамбергскаго кодекса показываетъ намъ, что, во первыхъ, кодексъ происходитъ отъ неизвѣстнаго намъ древняго оригинала, VI—VII столѣтій. Возможно, что этотъ оригиналъ появился на христіанскомъ востокѣ, но онъ не былъ чисто византійскимъ, какъ не былъ чисто западнымъ, и, подобно Ашбурнгамской Библии и вѣнскимъ отрывкамъ Библии, имѣлъ еще общій древне-христіанскій характеръ ¹⁾. О византійскомъ оттѣнкѣ стиля не можемъ судить, не видавъ въ оригиналъ указаннаго кодекса. Но что этотъ кодексъ былъ копіей, можно судить на основаніи общаго характера лицевыхъ рукописей X столѣтія на западѣ: въ большинствѣ случаевъ онѣ повторяютъ вмѣстѣ съ карловинскимъ древнѣйшимъ утраченныя образцы. Мы убѣждаемся также, повторныхъ, что эта древнѣйшая редакція еще далеко отстоитъ отъ той, которая легла въ основу русскихъ Апокалипсисовъ.

Иное, маловажное на нашъ взглядъ, значеніе имѣетъ Апокалипсисъ Альтамировскій, рукопись XII вѣка, не смотря на руководящее имъ древне-христіанское преданіе. Авторъ излагаетъ характеристику рукописи по описанію Башелена и ссылается также на оцѣнку извѣстнаго графа Бастара, но приложенныя къ статьѣ Башелена снимки позволяютъ составить о рукописи нѣсколько иное понятіе. Рукопись эта, въ отличіе отъ предыдущихъ, не имѣетъ прямой связи со стилемъ древне-христіанскимъ, но напротивъ, стоитъ въ побочной связи съ искусствомъ византійскимъ и именно носитъ на себѣ тотъ условный подражательный характеръ въ сухомъ рисункѣ

¹⁾ Ср. миниатюру изъ лат. рик. X в., изображающую Жену апокалипсическую и Звѣря, въ изд. *Les miniatures des mss. de la bibl. de Cambrai. dess. par Durieux.* Cambrai v. a. pl. 3, № 364. Ев. Іоаннъ представленъ здѣсь юнымъ и безъ бороды, какъ повсюду и въ Бамбергеной рукописи.

и мертвенномъ колоритѣ, который напоминаетъ и лиможскія эмали, и италіанскія миниатюры конца XII или начала XIII вѣка. Композиціи апокалипсическихъ сценъ—зачастую дутыя, если можно такъ выразиться: 110 миниатюръ рукописи могли бы быть сведены всего на 20. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 23 выходныхъ миниатюръ, иллюстрирующихъ вступленіе къ толковому Апокалипсису, большинство повторяется по своимъ темамъ въ послѣдующихъ, таковы: Агнець, Христось Судія, Господь и Іоаннь Богословъ, Апостоль и Ангель, два Архангела съ печатами, Іоаннь и Орель, Адамъ и Ева и проч. Другія миниатюры изображаютъ въ медальонахъ Исаака на тронѣ; Іакова, Илію, Давида, или представляютъ мавританскія арки на радужномъ фонѣ въ тяжеломъ и педантическомъ вкусѣ Карловингскихъ рукописей. Сближаясь съ византійскимъ стилемъ лишь по внѣшней манерѣ, миниатюры эти отходятъ далеко отъ него по содержанію. Въ виду снимковъ нельзя согласиться и съ замѣчаніями Башлена о величавомъ характерѣ позъ, объ античной красотѣ фигуръ, о близости съ византійскими диптихами или фресками Помпей. Весьма важно, напротивъ, признать то обстоятельство, что въ этой рукописи, при ея убогомъ тяжеломъ убранствѣ, нѣтъ уже чистаго преданія, и многое относится къ досужему монашескому измышленію. Человѣческія фигуры олицетворяютъ здѣсь города и семь церквей, но это не есть древнее олицетвореніе; 4 всадника въ видѣ 4 звѣрей, тоже сочиненныхъ изъ формъ Барса, крылатой собаки, Медвѣдя, и какого-то фантастическаго звѣря съ десятью рогами и головою женщины. Эмблематическія животныя то группируются по принципу древне-христіанскихъ мозаикъ, то сочинены уже по новому: одно изъ нихъ, напримѣръ, хватаетъ лапою за руку Іоанна Богослова. Рукопись, по нашему мнѣнію, болѣе важна по частностямъ и деталямъ, воспоминаніямъ стиля и древней манеры, нежели по своему цѣлому. Многія сцены—какъ будто увеличенныя въ размѣрѣ подробности древнихъ миниатюръ: отдѣльныя эмблемы, пальмы, нарисованныя на цѣлыхъ листахъ. Вся религіозная символика имѣетъ здѣсь значеніе больше внѣшней обстановки, нежели въ силу своего внутренняго смысла: иллюстраторъ старается даже придать характеръ религіозной экспрессіи евангельскимъ эмблемамъ; поиски за символическими тонкостями въ подобныхъ работахъ должны быть ведены съ большою осторожностію, чѣмъ ихъ вели Кайэ и Дидронъ. Наконецъ, существенное различіе съ Вамбергскою рукописью состоитъ въ томъ, что въ Альтамировскомъ Апокалипсисѣ мы находимъ уже обильныя сцены

земныхъ казней и страданій со всѣми ихъ ужасами: скалы, давящія людей въ своемъ паденіи, море, наполненное трупами и проч. При условномъ архаическомъ стилѣ миниатюръ выступаетъ, однако же, и вліаніе болѣе живыхъ и свѣжихъ художественныхъ сферъ: лиса, перегрызающая горло пѣтуху, очевидно, срисована съ церковныхъ барельефовъ; рѣзныя романскія двери послужили, вѣроятно, оригиналами для орнаментаціи мавританскихъ арокъ. Духъ воображенія пришелъ въ движеніе, занять фантастическими образами и уходитъ въ сторону отъ древняго образца.

Въ послѣдующемъ движеніи западнаго Апокалипсиса находимъ еще болѣе рѣшительное вліаніе національнаго художественнаго стиля на христіанское искусство. Пражскій Апокалипсисъ XIV столѣтія интересенъ, по нашему мнѣнію, только какъ одинъ изъ образчиковъ готической миниатюры. „Иллюстраторъ этой рукописи, хотя еще не вполне отказался отъ символовъ и стилизаціи древне-христіанской и романской иконографіи и предлагаетъ очень любопытныя для этого предмета данныя, но уже принадлежитъ къ школѣ стиля готическаго, которая, съ пробужденіемъ интереса къ человѣческой личности и къ окружающей ее дѣйствительности, ищетъ новаго матеріала для творчества на пути подражанія природѣ и воспроизведенія образовъ видимаго міра и текущей жизни“. Такъ опредѣляетъ авторъ (стр. 112) любопытную рукопись, въ которой выпрепнѣнія апокалиптическія видѣнія низведены на почву исторической дѣйствительности, и всѣ отвлеченныя идеи о борьбѣ добра со зломъ и о судьбахъ христіанской церкви „олицетворены съ точки зрѣнія католической въ конкретныхъ образахъ историческихъ дѣятелей, императоровъ и папъ, пресловутыхъ гонителей христіанства и святочтимыхъ подвижниковъ и проповѣдниковъ, даже огуломъ разныхъ средневѣковыхъ народностей, отмѣченныхъ въ надписяхъ поименно“. Дѣйствительно, въ этихъ иллюстраціяхъ есть своя особаго рода художественная свѣжесть, и будь ихъ меньше, онѣ могли бы быть содержательнѣе, но ихъ такъ много, что въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ только пустыя буквенныя иллюстраціи къ тексту, лишеныя всякой мысли. Апокалипсисъ уподобленъ здѣсь рыцарской хроникѣ, и миниатюристъ, изучивъ нѣсколько скульптурныхъ композицій въ фигурахъ и сценахъ, повторяетъ ихъ до безконечности; пышная орнаментика еще одолеваетъ въ художественной манерѣ и служитъ причиною тщательной разработки фантастическихъ сюжетовъ, появленія волосатыхъ зѣбръ и проч. Подобныя лицевыя Апокалипсисы изобилу-

ють на западѣ ¹⁾ между рукописами французскими и нѣмецкими. Тѣмъ важнѣе то обстоятельство, что въ миниатюрѣ италіанской XIII, XIV и XV столѣтій мы не встрѣчаемъ ни одной подобной лицевой рукописи Апокалипсиса, и та единственная рукопись, которую намъ удалось найти—Толковый Апокалипсисъ и Дѣянія Апостоловъ XIII вѣка Лаврентіанской бібліотеки Plut. III, cod. 11, fol.—иллюстрирована только немногими инициалами французско-италіанской манеры; въ первомъ инициалѣ представленъ Христосъ Еммануиль, благословляющій по гречески, въ другихъ же плетения звѣринаго стили. Чтò было причиною этого отсутствія изображеній? Общій характеръ италіанской миниатюры, сосредоточившейся на сценахъ Евангелія и Псалтыри, или же, прямѣе, отсутствіе византійскаго оригинала, отъ котораго пошла миниатюра италіанская? Правда, что иллюстраціи Божественной Комедіи Данта заступаютъ мѣсто лицеваго Апокалипсиса.

Эти общія наблюденія надъ западными лицевыми Апокалипсисами показываютъ, что въ нихъ мы не имѣемъ того чистаго, законченнаго типа рукописи, какой представляютъ собою русскія лицевыя рукописи этого рода. „Искусство на западѣ“, говоритъ авторъ (стр. 182 и 183),—„открыло для себя новые пути къ высшему развитію въ подражаніи природѣ и въ воспроизведеніи дѣйствительности, то-есть, на той же животворной почвѣ, на которой нѣкогда возникли величайшія произведенія автентичнаго классицизма. Между тѣмъ наши лицевые Апокалипсисы, не смотря на вліаніе на нѣкоторые изъ нихъ живописнаго стили, въ громадномъ большинствѣ своемъ остались вѣрны церковному преданію даже до текущаго столѣтія. Это былъ не застой, не лѣнливое косненіе, чему служить свидѣтельствомъ масса дошедшихъ до насъ памятниковъ разнообразныхъ редакцій, а консерватизмъ, обращенный къ прямому непосредственному источнику религіознаго вдохновенія—къ Священному Писанію. Искусство свѣтское или мірское должно было идти впередъ своимъ путемъ и уже не возвращаться къ Апокалипсису. Только искусство церковное, въ стилѣ иконографическомъ, могло во всемъ подобающемъ величіи воспроизвести таинственныя видѣнія Отеровенія Іоанна Богослова. Въ этомъ принципѣ, данномъ

¹⁾ См. *Bachelin*, l. c., *Bibliophile Français* IV, 1869, p. 98 sq., также *P. L. Martinov*, *Iconographie de S. Jean L'Evangeliste*, *Revue de l'Art chrétien*, II-e Série, t. X, XI, 1479, extrait p. 10, note.

самою исторіей художественныхъ стилей, полагается основа эстетической критики для апокалиптической иллюстраціи. Въ иконѣ, также какъ и въ миниатюрѣ, изящество подчинено практическимъ цѣлямъ; но все же миниатюрность, сколько бы ни былъ онъ преданъ служенію воспроизводимого имъ текста, можетъ съ большею свободою располагать своими творческими способностями. Въ иконѣ мастеръ ограничивается установленнымъ типомъ и, какъ священный предметъ чествованія, не смѣетъ онъ его измѣнять по собственному домыслу. Миниатюрность, воодушевляясь религіозными идеями на чтеніи Писанія, бываетъ вынужденъ доискиваться подходящаго къ тексту образа и подобія, согласно толкованію отцевъ церкви. Икона—уже готовый результатъ поисковъ и соображеній, то-есть, того самодѣтельнаго процесса, который составляетъ существенную задачу миниатюриста. Въ иконѣ главное и единое—это изображеніе; въ лицевой рукописи главное и существенное — текстъ и его толкованіе; что же касается до миниатюръ, то въ разнообразіи ихъ редакцій и переводовъ, свидѣтельствующемъ о свободѣ въ вымыслахъ, онъ болѣе или менѣе исчерпываютъ идеи Писанія, подходятъ къ нимъ съ той или другой стороны, болѣе или менѣе удачно приравливаются къ нимъ, въ различной степени ясности намекаютъ на нихъ, болѣе или менѣе допускаютъ въ свой составъ постороннія подробности, не намѣченныя въ словахъ текста, но нужныя для воспроизведенія указываемаго въ немъ образа. Такимъ образомъ, миниатюры даютъ лучшее понятіе о разнообразіи и видоизмѣненіяхъ иконографическаго преданія, нежели иконы, которыя, по своему практическому назначенію, болѣе подчинены неизмѣнности, охраняемой Номоканономъ и религіознымъ порядкомъ. Икона предназначена только для молитвы; миниатюру же разсматривали въ часы благоговѣйнаго досуга, ее, такъ-сказать, читали безграмотные, а грамотные сличали изображеніе съ прочитаннымъ текстомъ и провѣряли и тѣмъ болѣе углублялись въ Писаніе и уясняли его себѣ“.

Къ этимъ словамъ автора, которыя не только опредѣляютъ значеніе русскаго лицеваго Апокалипсиса въ христіанской иконографіи, но и устанавливаютъ самый методъ его изслѣдованія, остается прибавить немногое. Въ исторіи византійской миниатюры мы, съ своей стороны, пришли къ убѣжденію, что истинно научный методъ требуетъ историческаго разсмотрѣнія лицевыхъ рукописей по группамъ на основаніи ихъ содержанія: Библій, Псалтырей, Евангелій, Минеи, житій и проч. Только подъ этимъ условіемъ возможно обнару-

жить внутреннюю связь между художественною дѣятельностію и литературою, слѣдовательно, опредѣлить нравственные и богословскіе взгляды, заправлявшіе тою и другою областію. Византійскія миниатюры доказываютъ, что самый выборъ тѣхъ или иныхъ книгъ и текстовъ Священнаго Писанія, богословскихъ и поучительныхъ сочиненій каждый разъ зависитъ отъ особенныхъ внутреннихъ мотивовъ и причинъ—пусть дѣло идетъ даже о копіяхъ,—и потому играетъ важную роль въ исторіи христіанскаго искусства вообще и національнаго въ частности. Многіе фазисы духовной жизни народовъ христіанскаго востока выступаютъ на свѣтъ, когда исторія ихъ искусства будетъ построена на столько научно, какъ классическая археологія. Въ настоящее же время можно бы было считать достаточнымъ, если бы историческая группировка русскихъ лицевыхъ рукописей помогла должнымъ образомъ оцѣнить и на свое мѣсто поставить современную характеристику русской иконописи, какъ тысячелѣтняго подчиненія византійскому преданію. Мы надѣемся, что утверждаемая такими руководителями, какъ авторъ нашей книги, наука христіанской археологіи не допуститъ въ будущемъ изслѣдователей ограничиваться терминомъ преданія въ вопросахъ исторической жизни искусства. Византійскія преданія были сильныя, вѣковыя; они дали неизмѣняемые образцы въ иныхъ сферахъ иконописи, но за то въ другихъ они или вовсе отсутствовали, или же заранѣе разложились на составные элементы и приготовили, такимъ образомъ, почву для новаго оригинальнаго творчества. Въ вопросѣ о преданіи необходимо повтормостоянно имѣть въ виду, изъ какой среды, отъ какого историческаго типа элементъ преданія берется. Недостаточно указать сходство памятника VI вѣка съ другимъ X столѣтія,—надо уяснить себѣ ихъ различіе, какъ то дѣлаетъ историкъ литературы, ибо именно въ этой разницѣ, хотя бы иногда мелкой и неважной, заключается историческая характеристика послѣдняго. Археологія должна со временемъ стать на такую научную ногу, чтобы, сравнивая между собою афонскую икону съ фрескою катакомбъ, быть въ состояніи, еслибы потребовалось, прослѣдить все движеніе сюжета и такимъ образомъ объяснить ихъ тысячелѣтную разницу.

Возвращаясь къ русскому лицевому Апокалипсису, мы находимъ, что эта избранная авторомъ группа можетъ быть названа одною изъ самыхъ счастливыхъ по выбору именно въ видахъ постановки руководящихъ взглядовъ на исторію русскаго религіознаго искусства. Ибо именно здѣсь мы встрѣчаемся съ наиболѣ живымъ примѣромъ

историческаго хода такъ-называемаго преданія. Русскій лицевой Апокалипсисъ не есть только часть Новаго Завѣта: по своему типу Толковаго Апокалипсиса (сравни. съ византійскою Псалтырью) это есть особая священная книга, обставленная Хожденіемъ Іоанна Богослова, Словомъ Палладія Мниха о второмъ пришествіи, Повѣстію о славѣ небесной, Словомъ Блаженнаго Ипполита о скончаніи міра и антихриста, Житіемъ Андрея Юродиваго, Житіемъ Василя Новаго, Пророчествомъ Даниїла. Иллюстраціи Апокалипсиса служатъ дополненіемъ къ его толкованію или прямо изъ него взяты; миниатюры распредѣляются по 72-мъ главамъ или зачаламъ (иногда число ихъ доходитъ до 250); связь съ текстомъ тѣснѣйшая или неразрывная. Миниатюра или предшествуетъ тексту (большинство подносныхъ экземпляровъ), или слѣдуетъ за текстомъ (эземпляры, такъ-сказать, настольные), при чемъ текстъ окружаетъ миниатюру или какъ бы сливается съ нею. Темы апокалипсической иллюстраціи построены и слѣдуютъ по 4 седмицамъ: семь церквей, семь печатей, семь ангеловъ съ трубами и семь ангеловъ съ фіалами. Начало — откровеніе Небеснаго Судіи, конецъ — судъ и скончаніе міру. Всѣ эти части, затѣмъ, обставляются многочисленными эпизодами. Такъ цѣльно и неизмѣнно устанавливается типъ и содержаніе самой книги, которая пишется всегда уставомъ или полууставомъ, какъ книга священная по преимуществу, но никакъ не скорописью. Сравнимъ же съ этимъ литературнымъ типомъ то неисчерпаемое разнообразіе въ миниатюрахъ, которое, какъ говоритъ авторъ (стр. 163), „свидѣтельствую о богатствѣ матеріаловъ, имѣвшихся подъ руками у нашихъ иконописцевъ, выѣстъ съ тѣмъ говорить въ пользу ихъ большей самостоятельности и даже, до извѣстной степени, свободы въ изобрѣтеніи, нежели какъ объ этомъ полагають. Разнообразіе матеріаловъ осложняется источниками, отъ которыхъ они исходятъ, именно: или отъ вліянія западныхъ иллюстрацій позднѣйшаго столѣтія эпохи Возрожденія, или же наконецъ, отъ собственнаго изобрѣтенія самихъ иконописцевъ нашихъ. Хотя, какъ уже сказано выше, западное вліяніе замѣтною полосой проходитъ черезъ всю исторію нашего лицеваго Апокалипсиса, начиная съ XVI вѣка, однако оно никогда не составляло у насъ основнаго принципа для происхожденія и образованія самостоятельной редакціи, а входило, какъ болѣе или менѣе распространенный элементъ, уже въ готовныя редакціи, составленныя первоначально внѣ условій этого вліянія, и болшею частію, ограничивалось оно, какъ уже замѣчено прежде,

очень немногими апокалипсическими сюжетами, а особенно костюмомъ и внесеніемъ натурализма и искусственныхъ приемовъ живописи. Словомъ, западная примѣсь составляетъ у насъ признакъ не редакціи, а переводовъ". И такъ, разнообразіе въ типахъ русскаго лицеваго Апокалипсиса зависитъ отчасти отъ западныхъ вліяній. „Впрочемъ (стр. 164), на долю личной самодѣятельности мастера предоставлялось собирать въ одно цѣлое матеріалы разнаго происхожденія и давать имъ единство вѣшняго пошиба, дополнять одну редакцію другой, буде въ его оригиналѣ недоставало какихъ-либо миниатюръ, или замѣнять одинъ переводъ другимъ, который почему-либо казался лучше и, наконецъ, прибѣгать и къ собственному изобрѣтенію, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если оригиналъ отъ ветхости былъ неразборчивъ, или негдѣ было позаимствоваться для недостающей въ немъ миниатюры. Такъ какъ наши лицевыя Апокалипсисы дошли до насъ въ рукописяхъ очень позднихъ, не ранѣе XVI вѣка, а содержатъ они въ себѣ, даже и по рукописямъ позднѣйшимъ, явственные слѣды древней иконографіи, то основываясь на принципѣ преданія, господствующемъ въ исторіи нашего отечества, надобно признать за непремѣнный фактъ, что и въ самыхъ раннихъ изъ нашихъ апокалипсическихъ иллюстрацій мы имѣемъ передъ собою не первоначальныя редакціи въ ихъ оригиналѣ, а только болѣе или менѣе измѣненные переводы“. Съ другой стороны, авторъ находитъ, что то же разнообразіе происходитъ изъ древнихъ образцовъ. „Такимъ образомъ“ (стр. 165), говоритъ онъ,—„въ принятой мною системѣ во всей очевидности является передъ нами необычайное разнообразіе иллюстрацій, свидѣтельствующее о богатыхъ вкладахъ, какіе нашъ лицевой Апокалипсисъ вноситъ въ исторію русской иконописи“.

Наконецъ, „все разнообразіе это (стр. 179) подводится къ двумъ главнѣйшимъ разрядамъ, изъ которыхъ одинъ, ранній, обнимаетъ иконографическія преданія византійскаго происхожденія, и другой, поздній, содержитъ въ себѣ западныя вліянія, начиная съ эпохи Возрожденія. Оба эти элемента русскаго лицеваго Апокалипсиса, какъ показано, являются уже въ самыхъ раннихъ изъ дошедшихъ до насъ рукописей, и затѣмъ въ продолженіе слѣдующихъ столѣтій не перестаютъ давать разнообразное содержаніе его многочисленнымъ редакціямъ. Изъ предложеннаго мною общаго обзорнія явствуетъ, что исторія нашего лицеваго Апокалипсиса состоитъ не въ послѣдовательномъ преусиѣваніи изъ вѣка въ вѣкъ, а въ случайномъ чередованіи и перевѣсѣ тѣхъ или другихъ элементовъ изъ этихъ двухъ про-

тивоположных другъ другу разрядовъ. Историческій процессъ совершился не силою внутреннего роста изъ творческаго зерна вдохновенія, а механически, посредствомъ вѣшняго наслоенія. Вся работа состояла въ прилаживаніи готоваго матеріала къ новымъ подѣлкамъ, въ большемъ или меньшемъ его видоизмѣненія и переименованія. Изна изъ попытокъ XVII вѣка являютъ нѣкоторые проблески самостоятельности, но, какъ рѣдкія исключенія, не оставляютъ по себѣ благотворнаго вліянія на массу иллюстрацій, въ которыхъ господствуетъ болѣе ремесленное мастерство, а не искусство. Потому все производство мастеровъ главнѣйшимъ образомъ состояло въ зависимости отъ имѣвшихся у нихъ подъ руками образцовъ, которыми они пользовались цѣлкомъ, или по частямъ допoлняя. Пользуясь образцами византійскаго происхожденія, они держались на высотѣ чистаго иконографическаго преданія, оставивъ намъ драгоценныя данныя для исторіи настоящаго иконографическаго стиля въ типахъ Божества, въ символикѣ, стилизаціи, архитектурѣ и, вообще, въ разныхъ подробностяхъ костюма“.

Въ главѣ VI-й, обозрѣвающей редакціи русскаго лицеваго Апокалипсиса, авторъ принимаетъ, что всѣ эти редакціи, безъ исключенія, сложились такъ или иначе на русской почвѣ. Признаки редакціи состоятъ „въ выборѣ извѣстныхъ сюжетовъ и въ способѣ ихъ представленія, въ отношеніи ихъ къ тексту и, наконецъ, въ самомъ количествѣ миниатюръ или гравюръ, а иногда и въ ихъ формѣ“. Въ отличіе отъ редакцій, ихъ переводы представляютъ болѣе или менѣе переименованныя копія. Но, затѣмъ, слѣдующее описаніе рукописи представляетъ въ 20-ти главахъ разборъ отдѣльныхъ рукописей Апокалипсиса, при чемъ нельзя рѣшить, и авторъ самъ, видимо не беретъ этого на себя,—имѣетъ ли каждая группа значеніе редакціи, или только перевода. Первые три рукописи, напротивъ, представляютъ и три отдѣльныя редакціи. Пусть другія будутъ редакціями составными, или подредакціями, все же фактъ крайняго разнообразія лицевыхъ Апокалипсисовъ остается несомнѣннымъ и указываетъ, на нашъ взглядъ, прежде всего на отсутствіе одного общаго оригинала. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же русскія лицевыя Евангелія такъ однообразны, а лицевыя Псалтыри могутъ быть подведены къ двумъ-тремъ типамъ? Если русскій лицевой Апокалипсисъ сложился, въ теченіи долгаго времени и на большомъ пространствѣ изъ самостоятельной комбинаціи древнихъ иконографическихъ преданій, то само собою было бы понятно это разнообразіе его рукописи. Когда-то, приблизительно

въ XIV столѣтіи, возникла потребность въ этой книгѣ, притомъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ сѣверной и южной Россіи, и вотъ въ результатъ получается нѣсколько типовъ, за которыми вновь является нѣсколько другихъ приблизительно въ XV столѣтіи и далѣе въ XVI вѣкѣ. Таково наше общее предположеніе, котораго единственною цѣлю служитъ указаніе общаго факта—самостоятельнаго сложения у насъ апокалипсической иллюстраціи и такого же самостоятельнаго ея развитія. Если и былъ здѣсь въ основѣ какой-либо оригиналъ, то скорѣе западно-византійскій или романскій, или по просту средневѣковъ, хотя не чуждый позднѣйшаго византійскаго стиля XIII—XIV столѣтій; возможно, что древнѣйшій оригиналъ шелъ изъ Новгорода. Второй типъ представляетъ ту же самую иллюстрацію въ ближайшей связи съ южно-славянскими рукописями, а также и западными оригиналами (рукопись Соловецкаго монастыря въ Казанской духовной академіи XVI в., стр. 318). Третій типъ—иконописный (юсовая Бусл. XVI в.): самостоятельная русская редакция, но въ связи съ обновленіемъ византійскихъ традицій XV вѣка. Четвертый, крайне цѣльный типъ Филарето-Чудовской редакціи—иконописной, и какъ подредакция его—подносные экземпляры съ характеромъ Московской рукописи. Виѣсть съ западнымъ влияніемъ, помогавшимъ освобождаться отъ иконографическаго стиля, выступаетъ оригинальнѣе и русскій типъ (рукоп. Тихоново-Уваровская). Но иныя рукописи (Моск. духов. акад. XVII в.) сближаются съ афонскою иконописью (таблицы 19 и 20).

Понятно поэтому, что автору приходилось ограничить свою задачу общимъ изслѣдованіемъ апокалипсической иконографіи въ ея лучшемъ традиціонномъ стилѣ, на сколько это возможно было сдѣлать на основаніи русскаго матеріала, бывшаго у него подъ руками. „Господствующій въ этой иконографіи способъ выраженія“, говоритъ авторъ (стр. 189),—„состоитъ въ символизмѣ на той ступени его полного процвѣтанія, на которой онъ оказался въ стилѣ древне-христіанскомъ и въ византійскомъ лучшей эпохи. Согласно маститому содержанію Откровенія Іоанна Богослова, къ этой же отдаленной эпохѣ христіанскаго искусства относятся въ лучшихъ редакціяхъ костюмы, полатное письмо, утварь и вообще бытовая обстановка, уже освященная преданіемъ для символическаго стиля“. Слѣдующія прекрасныя строки объясняютъ сущность этой иконографіи: „Въ ней на первомъ планѣ не художественные интересы, а созерцаніе Священнаго Писанія очами фантазій въ высокомъ подъемѣ религіознаго восторга, къ

которому устремлялся иконописецъ, слѣдуя призыву самого тайновидца въ горній міръ его видѣній: „Выхъ въ дусъ“, что въ лицевомъ Апокалипсисѣ изображается представленіемъ, какъ ангелъ возводитъ Іоанна въ небесныя сферы. Чтобы быть вѣрною Писавію, въ эти жегорнія сферы должна была возносить фантазію и апокалипсическая иллюстрація. Итакъ, главное и существенное для творческой фантазіи вознесено на небо. Это—видѣнія по преимуществу небесныя. Тамъ источникъ, тамъ начало и конецъ всему, совершающемуся на землѣ. Оттуда нисходятъ на нее гласы, громы и сокрушительныя силы. Все благословляемое Богомъ и святое подымается въ небо, и на землѣ торжествуетъ и безчинствуетъ только одно зло, которое тутъ же въ пропастяхъ и разщелинахъ земныхъ находитъ себѣ возмездіе въ пламени „горящаго озера“. Все необычайно и сверхъестественно. Фантазія живетъ и дѣйствуетъ въ мірѣ чудесъ, гдѣ возможно все небывалое и несбыточное. Потому и небо, изображаемое въ древнѣйшихъ и лучшихъ редакціяхъ, вовсе не то, какое мы видимъ, и земля не та, къ какой мы привыкли“. Эта выпренность и этотъ символизмъ происходятъ, главнымъ образомъ, отъ условности геометрическихъ формъ неба и земли, облаковъ и моря, условнаго фона геометрическихъ фигуръ небесныхъ сферъ — круговъ, квадратовъ, многоугольниковъ, щитовъ и щитковъ, стилизованныхъ звѣздъ, вообще архитектурнаго типа небесной среды. Но именно это богатство условностей указываетъ уже на характеръ искусства средневѣковаго что призываетъ и самъ авторъ, какъ видно изъ его словъ (стр. 203): „Многое, что считалось въ нашей иконописи доморощеною грубостью и варварствомъ въ сравненіи съ натуральностью живописнаго стиля, какъ напримѣръ, противная законамъ природы стилизація неба и облаковъ, горъ, рѣкъ и деревьевъ и проч.“. И далѣе: „Постепенное искаженіе античной красоты и натуральности искусства древнехристіанскаго и византійскаго, происшедшее отъ неумѣлости средневѣковыхъ мастеровъ, само собою выработалось въ новыя формы стиля романскаго на западѣ и соответствующаго ему у насъ византійскорусскаго, въ которыхъ погрѣшности противъ натуры очень удачно были стилизованы или какъ символическій знакъ, или же какъ условный орнаментъ“. Авторъ указываетъ далѣе (стр. 194) на символическое сокрашеніе ландшафта при помощи стилизованныхъ формъ, на простоту и краткость въ манерѣ представленія и господства олицетвореній (стр. 226). Эти черты, положенныя въ основу характеристики ранней апокалипсической иконографии (по рук. Бусл. XVII

в.), также указываютъ, по нашему разумѣнію, на средневѣковой источникъ лицеваго Апокалипсиса. Переходъ отъ византійскаго искусства къ романскому (Корсунскія врата, прилѣпы Дмитровскаго собора во Владимірѣ) отличается именно общимъ отступленіемъ отъ византійскаго сложнаго перевода: пластическое упрощеніе сюжета по требованіямъ скульптуры и литейнаго дѣла связано здѣсь съ извѣстнымъ натурализмомъ и простыми аллегоріями, осмысливающими общее содержаніе. Миниатюры лицеваго Апокалипсиса стремятся передать въ образахъ каждую строку Священнаго Писанія и приписываютъ реальный смыслъ даже риторическимъ уподобленіямъ: труба въ устахъ Господа Бога, мельничный жерновъ въ рукахъ ангела. Сюда же можно отнести и общее стремленіе къ иллюстраціямъ буквального характера, воспроизводящимъ предметъ рѣчи, хотя бы онъ былъ совершенно неумѣстенъ въ данной сценѣ. Примѣры этой черты крайне многочисленны; укажемъ на одинъ. Къ главѣ XIV, 19—20, миниатюра 50-я рукописи Буслаева XVII вѣка (стр. 267—268): „Необыкновенно энергичное, по своей малосложной простотѣ и архаической стилизации, изображеніе это, составляя отличительную примѣту ранней редакціи, принадлежитъ къ замѣчательнымъ фактамъ въ исторіи нашей иконописи. Четвероугольное продолговатое точило, въ формѣ античнаго и древне-христіанскаго саркофага, наполнено какою-то дымчатою содержимостью съ красными и черными пятнами. Надъ нимъ стоитъ ангелъ въ античномъ же одѣяніи изъ широкой тунники и тоги и обѣими руками направляетъ серпъ, чтобы срѣзывать „виноградъ земскій“, который поднимается изъ-за точила въ стилизованной формѣ пяти тростей, съ суставами изъ колѣнцевъ желтаго и киноварнаго цвѣта, при чемъ каждое колѣно отдѣляется перемычкой изъ трилистника, тоже желтою или красною, и такимъ же трилистникомъ завершается каждая изъ тростей, будто столбики къ орнаментации заглавныхъ буквъ. Направо скачетъ отъ точила миниатюрный всадникъ, въ соотвѣтствіе тексту: „до уздъ конскихъ“. Такого рода детали, какъ это изображеніе всадника, напоминаютъ византійскія рукописи Евангелія, житія Іова и проч. XIII—XIV столѣтія. Наконецъ, одна крайне важная черта лицеваго Апокалипсиса указываетъ намъ на средневѣковой романскій циклъ религиозныхъ сюжетовъ. „Иконописныя изображенія (стр. 196), указываемыя миниатюристу въ видѣніяхъ Откровенія, стоятъ еще внѣ иконографическаго цикла Евангельскихъ событій. Тутъ нѣтъ еще ни Рождества Іисуса Христа, ни Крещенія Его, ни Преображенія, ни Тайной

Вечери, ни Страстей Господнихъ, ни даже Его Воскресенія. Не касаясь земной жизни Иисуса Христа, Откровеніе не вноситъ въ видѣнія и Богоматери, но, учреждая высокій идеалъ христіанской церкви, представляетъ ее въ типахъ святой Жены, преслѣдуемой Древними Зиємь, гл. XII, и Невѣсты Агнчей, XIX, 7 и 8". Византійское искусство, напротивъ того, принципиально развиваетъ и всюду проводитъ параллель между Вѣтхимъ Завѣтомъ и Новымъ, открывая эту тему съ самаго начала своего существованія. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ въ данномъ случаѣ согласиться съ уважаемымъ авторомъ, что указанные имъ символическіе образы относятся къ первымъ вѣкамъ христіанской иконографіи, когда циклъ церковныхъ праздниковъ (стр. 196) не могъ или не успѣлъ еще опредѣлиться.

Попытаемся, дагѣе, основать нашъ взглядъ на средневѣковые источники русскаго лицеваго Апокалипсиса въ его художественной сторонѣ или техникѣ. „О технической сторонѣ русскихъ рукописей, независимо отъ художественнаго замысла“, говоритъ авторъ (стр. 23, 24),— „надобно замѣтить, что главное достоинство описанныхъ здѣсь иллюстрацій состоитъ въ рисункѣ или въ очеркахъ, а не въ колоритѣ; потому что главное вниманіе миниатюриста сосредоточивалось на воспроизведеніи смысла писанія, а не на натуральности вѣшнихъ предметовъ, для представленія которой необходимо сочетаніе разнообразныхъ красокъ и ихъ гармоническіе переливы въ свѣтотѣни, причиняемые ракурсомъ и перспективою. Преобладаніе рисунка надъ колоритомъ, обусловленное вообще малымъ у насъ въ старину развитіемъ художественной техники, особенно естественнымъ и пригоднымъ дѣломъ оказалось въ миниатюрѣ, когда одинъ и тотъ же мастеръ былъ и писецъ рукописи, и составитель ея иллюстраціи, начертивавшій тѣмъ же перомъ или тростью и буквы письма, и рисунокъ изображеній. Потому уже въ древнѣйшихъ изъ нашихъ Апокалипсисовъ утрачена изящная техника византійская, въ которой очерки, дѣланные мѣстнымъ колоритомъ, сливались въ одно гармоническое цѣлое съ раскраскою, положенною на левкасъ съ густою подмалевкою. Техника эта, по преданію, сохранявшаяся у насъ для иконъ на деревѣ, была употребляема и старинными нашими миниатюристами; но изъ всѣхъ бывшихъ у меня подъ руками нашихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ она оказалась вполнѣ только въ одномъ, второй половины XVII вѣка, именно въ подносномъ экземплярѣ“. Къ этимъ словамъ автора мы рѣшились бы присоединиться вполнѣ, еслибы намъ была допущена слѣдующая частная оговорка; именно, въ древнѣйшихъ

русскихъ Апokalипсисахъ византійская техника не была утрачена, но скорѣе, вовсе не была дана, и ихъ грубый наивно-варварскій стиль гораздо ближе къ средневѣковымъ барельефамъ (обиліе монохромовъ или одноцвѣтныхъ темновеленыхъ, дымчатыхъ и коричневыхъ фигуръ), чѣмъ къ византійской миниатюрѣ; напротивъ того, позднѣйшія рукописи отличаются сравнительно нестрою раскраской. Характеръ колорита въ лицевыхъ рукописяхъ едва ли можетъ быть поставленъ въ исключительную зависимость отъ идеальныхъ взглядовъ, управлявшихъ иконографіей: онъ стоитъ въ связи, какъ съ историческими вкусами, такъ и практическимъ назначеніемъ самыхъ рукописей. Евангелія, Псалтырь также требуютъ отъ миниатюриста сосредоточиться на смыслѣ Писанія, но являются въ роскошной красочной иллюминировкѣ. Что касается художественнаго стиля русскихъ лицевыхъ Апokalипсисовъ, то онъ не только опредѣляется, какъ говоритъ авторъ на стр. 27, совокупностью внѣшнихъ формъ иллюстраціи съ содержимыми въ ней идеями и воззрѣніями, что можно сказать вообще о каждомъ художественномъ типѣ, но чего, съ другой стороны, ни одинъ изъ нихъ не даетъ вполне, — но помимо стиля замѣчается въ нихъ и манера, независимая отъ самаго содержания.

Впрочемъ, перейдемъ къ самому описанію рукописей и попытаемся на отдѣльныхъ примѣрахъ прослѣдить характеристическія черты русскаго лицеваго Апokalипсиса. Справедливо поставленная надъ авторомъ во главѣ собственная рукопись XV столѣтія представляетъ древній высоко своеобразный характеръ; именно для нея считали бы мы возможною гипотезу новгородскаго происхожденія: она стоитъ ближе къ иконописи новгородскаго письма. Многие ея рисунки въ пропорціяхъ фигуръ, въ малосложности сценъ и деталяхъ рѣзко напоминаютъ собою средневѣковые барельефы: укажемъ, на примѣръ, на фигуры или сцены на верху скалистаго холма, на изображеніе ангеловъ въ формахъ кокона или видныхъ на половину въ небѣ, на изображеніе святой жены (табл. 16 и 17). Въ простомъ рисункѣ, безъ соблюденія правилъ натуральности и подчиняя природу условнымъ формамъ, миниатюристъ собираетъ на бѣломъ листѣ бумаги вѣскольکو фигуръ символическаго характера, составляющихъ цѣлое только по смыслу: получается группа отдѣльныхъ іероглифовъ, смыслъ которыхъ надо разгадывать. Архаическіе остатки древней иконографіи въ олицетвореніяхъ и символическихъ типахъ представляютъ, дѣйствительно, первостепенную важность, но вопросъ о древнѣйшемъ источникѣ, отъ котораго пошла

редакція описуваного Апокалипсиса, разрѣшаютъ двѣ рукописи (стр. 249), хотя уже значительно подготовленные, но состоящія въ очевидномъ родствѣ съ нею. Одна изъ нихъ—начала XVII вѣка, а другая—XVI столѣтія, и въ ней древняя редакція подверглась уже полнѣйшей переработкѣ подѣ влияніемъ западнаго искусства. „Нужно было“, говоритъ авторъ (стр. 250),—„много времени, чтобы простота и суровость маститой редакціи успѣли утратить свою оригинальность и архаичность и переработаться за-ново въ другія формы, согласныя съ требованіями искусства, уже значительно развитаго“.

Сродный типъ одной и той же редакціи (но иной переводъ) представляетъ рукопись XVII вѣка въ Московскомъ публичномъ музеѣ, съ характеромъ болѣе иконописнымъ. Быть можетъ, подѣ влияніемъ иконописи, въ ней появляются архаическія подробности—гетимасія, киворій и проч.; есть прямо иконописныя сцены оцѣпенѣлаго типа (см. 54 и 55), но тутъ же рядомъ сцены присочиненныя и довольно живыя. Уродливыя каллиграфическія формы архитектуры или ландшафта указываютъ на хорошій оригиналъ, съ котораго копировала неумѣлая рука. Авторъ находитъ (стр. 292), что формы растительности по стилю своему соотвѣтствуютъ средневѣковому орнаменту каллиграфическому или скульптурному. Вторая рукопись того же типа, изъ бібліотеки Соловецкаго монастыря, XVI вѣка (юсовая), исправляетъ традиціонную редакцію на основаніи разныхъ пособій, не только греко-восточныхъ, но и особенно западныхъ. Однако же, не смотря на смѣсь такихъ элементовъ, каковы Лютеровъ Апокалипсисъ и преданія ранней русской редакціи, „иллюстрація эта“—говоря словами самого автора (стр. 349) „представляетъ довольно стройное цѣлое, выдержанное въ одномъ стилѣ, какъ бы произведеніе сознательнаго художества, въ извѣстной степени подчиненное личному замыслу мастера. Выстѣ съ матеріаломъ мастеръ усвоилъ уже себѣ и западный стиль и на столько имъ овладѣлъ, что все заимствованное изъ византійско-русскихъ преданій умѣлъ подновить въ стилѣ всей иллюстраціи, устранивъ изъ этихъ преданій всѣ архаическія формы символовъ и стилизаціи? Приложенными въ атласъ снимками съ гравюръ Лютерова Апокалипсиса ясно показано, какъ пользовался ими иллюстраторъ, передавая ихъ по своему. Пусть этотъ своеобразный стиль западнаго происхожденія утвердился и окрѣпъ уже въ первой половинѣ XVI вѣка и могъ выдержать свою самостоятельность даже при слѣдованіи такимъ типическимъ оригиналамъ, какъ Лютеровъ Апокалипсисъ, — все же взаимная ассимиляція была въ данномъ случаѣ

обусловлена средствомъ новаго живописнаго стиля съ натуралистическою средневѣковою иконописью. Тотъ основной источникъ русскаго лицеваго Апокалипсиса, котораго приходится доискиваться разными косвенными путями лежить, быть можетъ, ближе и въ средѣ, значительно переработавшей византійское преданіе. 56-я миниатюра давной рукописи—изображеніе Невѣсты Агнчей въ овальномъ пространствѣ, занятомъ листовъ и плодами,—хотя даетъ западный переводъ, однако же полна старины и характерности именно средневѣковой.

Археологія средневѣковаго искусства есть цѣликомъ задача будущаго, и намѣченныя въ ней когда-то научныя рубрики принесли столько же вреда, сколько и пользы. Преобладающій въ этой наукѣ отдѣлъ исторіи архитектуры и отчасти пластика помогъ, правда, на первыхъ порахъ установить общіе нункты историческаго движенія искусства, но не далъ и не можетъ дать руководящую нить для исторіи національныхъ искусствъ средневѣковой Европы. Исторія средневѣковой живописи, лицевыхъ рукописей, промышленныхъ искусствъ является передъ нами въ статистическихъ очеркахъ антиварскаго характера. Научная любознательность держится еще въ рамкахъ узко-патріотическихъ и не переходить границы условленныхъ раіоновъ. Даже въ общихъ руководствахъ эти раіоны изслѣдуются порознь. Но у насъ, гдѣ вопросы исторіи христіанскаго искусства, такъ сказать свои, у насъ,—можемъ надѣяться,—будетъ положено и основаніе будущей науки, и потому нельзя не привѣтствовать почтеннаго труда автора, открывающаго пути будущимъ изслѣдователямъ.

Иного рода типъ и иную редакцію, а вмѣстѣ съ нею иныя мысли и духовныя идеалы, представляетъ рукопись профессора Буслаева XVI вѣка юсовая и къ ней три описанныя авторомъ копія. Здѣсь нѣтъ ничего средневѣковаго; это русскій ренессансъ на византійской основѣ, но скомпонованной по-своему и самостоятельно. Мелочной изящный жанръ этой редакціи имѣеть, конечно, свой основной источникъ въ византійскихъ рукописяхъ XI и XII вѣковъ и однако же очень далеко отъ этого источника отходить. „Эта иллюстрація“, говоритъ авторъ (стр. 425), — „предлагаетъ не слѣды только и не руины уже отжившаго свой вѣкъ преданія, а до извѣстной степени сознательное его возрожденіе къ новой жизни, подъ благоприятными условіями хорошей иконописной школы, давшей отличные образцы и воспитывавшей по нимъ вкусъ и художественное исполненіе. Что мастеръ пользовался отличными византійскими образцами, можно заключить изъ того, что онъ въ изящ-

номъ стилѣ этихъ образцовъ умѣеть соединять символическія и стилизованныя формы съ натурализмомъ, какъ это постоянно встрѣчается въ византійскихъ миниатюрахъ лучшей эпохи. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ подѣ руками и матеріалы западныя, какъ это замѣчено выше относительно нѣкоторыхъ подробностей въ полатномъ письмѣ и въ орнаментахъ. Эта иллюстрація (стр. 426) относится къ разряду тѣхъ произведеній русскаго искусства, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ возрожденію у насъ классическаго византійскаго стиля, при развитой до нѣкоторой степени сознательной дѣятельности мастеровъ, подѣ нѣкоторымъ влияніемъ образцовъ и западныхъ, которыми, однако, они пользовались осмотрительно, не допуская изъ нихъ ничего такого, что могло бы нарушить строгій стиль иконописи греко-русской⁴. Самое видное качество миниатюръ этой рукописи состоитъ во множествѣ мелкихъ фигуръ и разныхъ подробностей, но причина этой сложности сюжетовъ состоитъ уже не въ одномъ стремленіи возможно полно передать текстъ и толкованіе, но и проявить свое художественное творчество. При извѣстной работѣ миниатюръ и ихъ строгой иконографической композиціи, рѣзко выступаетъ стремленіе къ натурализму въ подробностяхъ и обстановкѣ. Это не тотъ однако наивный средневѣковой натурализмъ, проникающій собою главные образы сюжета, это—оживленіе шаблоннаго, но священнаго сюжета въ деталяхъ, въ жанровыхъ подробностяхъ. Рисунокъ беретъ въ этихъ миниатюрахъ перевѣсъ надѣ красками и колоритомъ на столько, что рукопись представляетъ собою, по всей вѣроятности, копию съ оригинала, имѣвшаго полную византійскую раскраску. Но за отсутствіемъ этого оригинала, блестящія свойства копии, ея извѣстное палатное письмо въ стилѣ византійскомъ и западномъ средневѣковомъ, ея горныя ландшафты византійскаго характера дѣлаютъ изъ этой рукописи памятникъ такой же важности, какъ иные византійскіе кодексы. Олицетворенія земли и пустыни (пустыни горной, каковая извѣстна христіанскому востоку и византійской миниатюрѣ) и энтузіастическій жанръ ихъ типовъ и жестовъ напоминаютъ ближе всего Лѣствицу Климаса и подобныя монашескаго происхожденія византійскія рукописи XIII вѣка. Миниатюра отошла здѣсь далеко отъ своего прежняго наивно-народнаго характера; она стала дѣломъ книжной и иконописной премудрости, и изъ такихъ произведеній трудно почерпнуть точныя свѣдѣнія о символикѣ, такъ какъ многія схемы лишены здѣсь дѣйствительнаго смысла и внутренней необходимости. За то здѣсь, какъ въ

извѣстномъ Брєвіаріѣ Гримани, мы встрѣчаемъ любопытнѣйшія сцены жанра, и въ этомъ отношеніи трудно было бы выбрать что-либо лучшее, что-либо болѣе характерное. Въ сценѣ паденія Вавилона града великаго, у городскихъ стѣнъ совершается безчинное пиршество (сним. 86), за длиннымъ столомъ, подъ предсѣдательствомъ самой вавилонской любодѣицы; на право полуобнаженные валятся другъ за другомъ пьяницы. Ко главѣ XVIII детальная сцена (снимокъ 285) жизни и торговли Вавилона: корабли и возы съ товарами, носильщики, выгружающіе кипы, купцы и мѣнялы за столами и торговый рынокъ на берегу; эта миниатюра, по всей вѣроятности, копируетъ западный рисунокъ XV столѣтія. Еще любопытнѣе миниатюра 30-я рукописи къ Апокалипсису VIII, 10, 11, со сценою паденія въ воду звѣзды и отравы ею рѣкъ: всюду разбросаны умирающіе и умершіе въ разнообразныхъ позахъ, представленныхъ иногда въ замѣчательномъ ракурсѣ.

Лицевая редакція Апокалипсиса, къ которой авторомъ отнесено десять рукописей (множество копій этой редакціи распространено повсюду), и которая получила у него наименованіе Филарето-Чудовской по двумъ главнымъ (старца Филарета иконника XVI в. и Чудовскаго перевода 1638 г.), могла бы быть сочтена за основной типъ русскаго лицеваго Апокалипсиса. „Эта лицевая редакція (стр. 468, 6) преимущественно передъ всѣми другими полюбилась нашимъ предкамъ, и въ теченіе послѣднихъ двухъсотъ лѣтъ вплоть до настоящаго времени, оставалась господствующею въ литературѣ нашихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ, будучи распространяема во множествѣ, болѣе или менѣе подновленныхъ копій и передѣлокъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ; она же принята и въ дюжинномъ производствѣ лицевыхъ Апокалипсисовъ, такъ - называемаго Поморскаго письма, довольно красиво изготовляемыхъ въ настоящее время, съ пышными орнаментами въ заставкахъ и бордюрахъ и съ богато росписанными и украшенными золотомъ миниатюрами, и сбываемыхъ невзыскательнымъ любителямъ иконописныхъ рѣдкостей по очень дорогимъ цѣнамъ. Редакція обязана такимъ предпочтеніемъ и безусловнымъ преобладаніемъ надъ прочими своей благочинной простотѣ и довольно строго выдержанному характеру византійско-русскаго стиля, какъ въ выборѣ сюжетовъ, за устраненіемъ изъ нихъ всего посторонняго, несогласнаго съ текстами Писанія, такъ и въ соблюденіи основныхъ преданій православной иконографіи. впрочемъ, съ одной стороны, нѣсколько усложненныхъ немногими западными наносами и нововведеніями въ костюмѣ и

утвари". Размѣры лицевыхъ рукописей этого типа (непремѣнно въ листъ) и ихъ болѣе или менѣе пестрая раскраска, монументальная иконописная композиція и многоличность сюжетовъ, — вотъ что способствовало усвоенію этого канона. Онъ предоставлялъ болѣе широкій просторъ воображенію и большее мѣсто подробностямъ: чудесные образы, церемоніальныя сцены, а также ужасы и казни умножились. Въѣсть съ тѣмъ, въ редакцію вошла развитая художественная манера, выразившаяся въ сентиментальной экспрессіи фигуръ и лицъ, преувеличенныхъ пропорціяхъ и изысканной миловидности типовъ. Въ архитектурѣ господствуетъ стиль рококо въ видѣ фантастической манерной передѣлки стараго и новыхъ вліаній. Но основной характеръ иллюстраціи выражается въ преувеличенно-умильной экспрессіи жестовъ и фигуръ, которая по своему значенію и приложенію соотвѣтствуетъ на западѣ стилю Перуджино. Если предыдущіе типы редакцій носятъ характеръ средневѣковья, то настоящій типъ относится къ нимъ, какъ явленіе новаго искусства, въ которомъ сама символическая обстановка имѣетъ лишь значеніе особой декорациі, подчиненной общему вкусу и разрабатываемой согласно направленію эпохи. Византійскія преданія, какъ и самая иконописная манера, стали здѣсь любопытною вѣщью, которую требовалось заключить въ канонъ, чтобъ удержать отъ разложенія. Начала жанра и сатиры сводятся цѣлкомъ къ западнымъ вліаніямъ. Новѣйшія копія этой редакціи, по заключенію автора, различаются лишь одною характеристическою особенностію—сценою группы или симплегмы Гога и Магога.

Однако же эта редакція не оставалась безъ измѣненій: рукопись Силива (Двинская) 1686—43 гг. представляетъ комбинацію ея съ иконописною редакціей юсоваго Апокалипсиса профессора Буслаева (стр. 535, 536, 538): этотъ сборный лицевой Апокалипсисъ сочиненъ, однако, вполне обдуманно, съ художественнымъ тактомъ и стремится удовлетворить потребности наиболѣе понятнаго лицеваго истолкованія апокалипсическихъ видѣній. Очевидно, въ этихъ оригинальныхъ передѣлкахъ стараго, въ любви къ живописнымъ потребностямъ и, главное, въ личномъ отношеніи къ художественной задачѣ (см. „повѣсть“ о рукописи, стр. 526—531) заключается и главный интересъ пробудившагося къ сознательной жизни личнаго художественнаго творчества.

Подновленіе, при помощи западныхъ оригиналовъ, иконографическаго типа, ставшаго уже старинною, продолжается далѣе въ рукописи графа Уварова первой половины XVII вѣка. Авторъ сближаетъ эту

иллюстрацію (стр. 591) съ позднѣйшими западными Апокалипсисами стиля возрожденія: мастеръ тѣмъ болѣе выпускаетъ изъ виду преданіе, чѣмъ болѣе преслѣдуетъ задачи внѣшней художественной формы; но его претендующія на живость и экспрессию композиціи переходятъ по неволѣ въ крайнюю грубость. Варварски уродующій фигуры стиль и извѣстнаго рода разнузданность рисунка сочетаются съ сильной экспрессіей и жизнью въ рукописи профессора Н. С. Тихонова половины XVII столѣтія. По мнѣнію автора, ея иллюстрація предлагаетъ намъ слѣды и остатки того оригинала, который предшествовалъ составленію олютераненной иллюстраціи Соловецкой и самъ по себѣ составлялъ западную редакцію. На-первый взглядъ въ рукописи имѣются рисунки со старинныхъ гравюръ южной Германіи и Италіи.

Одиннадцатая глава сочиненія даетъ описаніе подносныхъ экземпляровъ русскаго лицеваго Апокалипсиса. „Подносный экземпляръ“, говоритъ авторъ (стр. 271), „съ замѣчательною изящною иллюстраціей и съ небрежнымъ отношеніемъ къ Писанію, даетъ намъ любопытный образчикъ того именно состоянія русскои иконографіи, когда съ развитіемъ художественности и искусственности въ школахъ такъ-называемыхъ царскихъ иконописцевъ второй половины XVII вѣка оказался чувствительный разладъ между древними иконописными преданіями и новыми задачами художественнаго исполненія; когда уже порвалась родственная связь иконографіи съ текстомъ, и мастеръ, не вникая въ самый источникъ ея, заключающійся въ разумѣніи Писанія, искалъ для себя руководства только въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ приемахъ, предписываемыхъ иконописнымъ Подлинникомъ“. Авторъ указываетъ далѣе, что, не смотря на погрѣшности и новшества, подносный экземпляръ точно наблюдаетъ правила иконописнаго Подлинника въ иконографическихъ типахъ. Съ замѣчательною критическою тонкостью авторъ характеризуетъ это явленіе, какъ относящееся уже къ новой эпохѣ въ развитіи нашей иконописи: прежняго смѣшенія архаизмовъ нѣтъ и слѣда; безсознательная работа древнихъ мастеровъ уступила мѣсто правиламъ и системѣ. Утративъ подъ собою твердую почву, иконографія обратилась къ руководству учебника; получились крупныя промахи противъ основныхъ принциповъ преданія и точное выполненіе деталей. Все же главное значеніе этой иллюстраціи заключается въ художественной сторонѣ выполненія и живописномъ стилѣ. Автору удается, однако, отыскать и здѣсь интересный для иконографіи матеріалъ. Болѣе

важны, съ иконографической точки зрѣнія, рукописи, разрабатывающія редакцію Филарето-Чудовскую (рукописи Барсова, Хлудова, князя Вяземскаго, Тихонравова), въ которыхъ авторъ вскрываетъ или сюжеты, идущіе изъ отдаленной старины (стр. 733—734), или же черты архаическаго стиля на ряду съ самостоятелною художественностью мастеровъ начала XVIII столѣтія (стр. 755), или указываетъ безпримѣрное дробленіе сюжетовъ (стр. 763) и т. под. Рукописи позднѣйшія, XVIII и XIX вѣка, или повторяютъ уже извѣстные переводы, или копируютъ вполнѣ западные образцы (стр. 803, 808 и друг.). Авторъ оставляетъ безъ изслѣдованія и тѣ безсмысленныя поддѣлки, извѣстныя подъ именемъ раскольниковыхъ Апокалипсисовъ, которыя, какъ библиографическіе курьезы, не имѣютъ никакого отношенія къ иконографіи: „Для меня“—говоритъ авторъ—„въ нихъ замѣчательно только совпаденіе нашихъ ревнителей старообрядства съ католическимъ фанатизмомъ и протестантскимъ высокоуміемъ въ произвольномъ и легкомысленномъ отношеніи къ Св. Писанію“.

Изъ этого очерка историческаго движенія русскаго лицеваго Апокалипсиса явствуетъ, что сочиненіе высоко-уважаемаго автора по существу своему столь же плодотворно для будущей науки исторіи древне-русскаго искусства, сколько богато иконографическими данными. И если нельзя не пожалѣть объ отсутствіи въ книгѣ подробнаго иконографическаго указателя къ ней, то также желательно было бы найдти въ сочиненіи собственноручный сводъ всѣхъ художественно-историческихъ наблюденій, которыми такъ богато это сочиненіе. Если вѣрно, что новый эстетико-историческій методъ изслѣдованія памятниковъ искусства, не ограничиваясь уже движеніемъ одной художественной формы, долженъ охватить и исторію ея внутренняго содержанія въ ихъ тѣсной взаимной связи, то русская лицевая рукопись, рано или поздно, должна занять въ исторіи искусства одно изъ видныхъ мѣстъ.

Русская миниатюра, поставленная отнынѣ во главу угла будущаго зданія, есть именно та самостоятельная, объективная и народная среда художественнаго и духовнаго творчества, которая ждетъ изслѣдователя, чтобъ отблагодарить его плодотворнѣйшими результатами и открыть ему тайники народной жизни. Она явѣе другихъ художественныхъ сферъ докажетъ, что существо движенія заключалось именно въ средѣ народнаго искусства, шло изъ начала рука объ руку съ западомъ и если отставало по художественной техникѣ, то расширялось по содержанію, шло послѣдовательно и безъ скач-

ковъ, воспринимая въ себя всѣ пригодные элементы, гдѣ бы они ни оказывались, и удерживая цѣльный національный типъ. Намъ остается только пожелать, чтобы сочиненіе знаменитаго автора стало примѣромъ и руководствомъ для работъ русскихъ археологовъ. Работы въ данномъ направленіи послужатъ и для построенія общей науки христіанскаго искусства.

И. Кондаковъ.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной библиотекѣ. Изданіе Виленской археографической комиссіи. Выпускъ I (1432—1548 гг.). Вильна. 1884.

Настоящее изданіе состоитъ изъ двухъ частей: снимковъ съ рукописей и печатныхъ текстовъ. Число снимковъ 59, расположенныхъ на 30 листахъ; изъ нихъ 29 исполнены съ подлинныхъ грамотъ и актовъ, хранящихся частію въ Виленскомъ центральномъ архивѣ, частію въ Виленской публичной библиотекѣ, а 30 сняты съ разныхъ мѣстъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ названномъ архивѣ. Всѣ грамоты и акты, здѣсь изданные, — юридическаго содержанія; изъ нихъ 14 уже давно извѣстны въ печати; остальные впервые увидѣли свѣтъ въ „Сборникѣ“. Тексты заключаютъ въ себѣ: 1) подлинныя слова тѣхъ частей документовъ, которыя изданы въ снимкахъ, и 2) или подлинныя слова документовъ, не находящихся въ снимкахъ (если эти документы издаются въ первый разъ), или краткое изложеніе содержанія не находящихся въ снимкахъ частей документовъ (если послѣдніе были уже прежде напечатаны). Къ текстамъ приложены краткія описанія грамотъ и актовъ, съ указаніемъ нумера, подъ которымъ они значатся въ каталогѣ, размѣра, числа строкъ и т. под.

Изданные въ „Сборникѣ“ снимки исполнены посредствомъ простой литографіи; тѣмъ не менѣе имъ нельзя отказать не только въ точности, но даже въ изяществѣ ¹⁾. Величина документовъ и недостатокъ денежныхъ средствъ не позволили комиссіи снять всѣ грамоты и акты цѣликомъ. Нѣкоторая часть ихъ издана въ „Сборникѣ“

¹⁾ Просматривая снимки, мы нашли только одно сомнительное мѣсто: для большаго ужитку (грамота № 3). По нашему мнѣнію, въ подлинникѣ должно быть написано: большого.

вполнѣ, но въ большинствѣ случаевъ оказалось необходимымъ ограничиться снятіемъ нѣсколькихъ начальныхъ строкъ документовъ съ датами и подписями. По нашему мнѣнію, это не повредило достоинству изданія и не умалило его значенія: о почеркахъ грамотъ и актовъ можно составить достаточно ясное понятіе по нѣсколькимъ строкамъ. Вообще снимки даютъ надлежащее количество свѣдѣній о западно-русскомъ актовомъ письмѣ XV—XVI вѣковъ и его разнообразіи. Одни изъ его почерковъ оказываются имѣющими вполнѣ русскій типъ и представляющими болѣе или менѣе значительное сходство съ почерками Московской Руси. Грамоты и акты, писанные такими почерками, или относятся къ XV вѣку (№№ 1, 2, 3), или выданы частными лицами. Таковы: актъ Александра Ходковича, писанный въ Пинскѣ въ 1513 году (№ 9), актъ Дороты Дилелевичевой, писанный въ Вильнѣ въ 1538 году (№ 23), актъ Алжбеты Салогубовны, писанный тамъ же въ 1542 году (№ 26). Изъ грамотъ Польскихъ королей сюда могутъ быть отнесены сравнительно немногія, и то съ нѣкоторыми ограниченіями (№№ 11, 21, 22, 24 слѣд.). Въ большей части этихъ грамотъ мы видимъ почерки, образовавшіеся подъ вліяніемъ латинно-польскаго письма того времени. Въ канцеляріи Польскихъ королей употреблялись разные языки: латинскій, польскій, русскій; возможно, что одни и тѣ же писцы писали грамоты на разныхъ языкахъ; въ виду этого, вполнѣ понятно вліяніе латинно-польскаго письма на русское. Изъ почерковъ, въ которыхъ замѣтно вліяніе латинно-польскаго письма, особенно характеристичны почерки грамотъ №№ 8 и 17.

Печатные тексты, такъ или иначе передающіе содержимое снимковъ, не смотря на всю тщательность ихъ приготовленія и изданія, нуждаются въ большей исправности. Прежде всего, они не свободны отъ опечатокъ; мы въ нихъ читаемъ: бѣ день (грамота № 18), вмѣсто: бѣ, индикта б (грамота № 23), — вмѣсто: в̄ и т. под. Затѣмъ, издатели, раскрывая титла и сокращенія подлинниковъ и печатая всѣ слова цѣликомъ, не избѣгли нѣкоторыхъ погрѣшностей. Они, напримѣръ, напечатали: рождества (грамота № 1), вмѣсто: рождства, писанъ (грамоты №№ 1, 5, 7 и др.), вмѣсто: псапъ. Сверхъ того, они не вполнѣ точно передали написанія нѣкоторыхъ словъ. Такъ, въ снимкахъ мы читаемъ: мѣстичохъ, сентябрия (грамота № 1), сведожи, в городе, семтября (грамота № 2), вѣдикое, Калениковичъ (грамота № 3), в мѣсте, немци, з ѣшними, неколько, выжчають, канцлеръ (грамота № 5), между тѣмъ какъ въ печатныхъ текстахъ ошибочно на-

печатано: мѣстичахъ, сентяери, свѣдоки, въ городѣ, сентября, великое, Калемниковичъ, въ мѣстѣ, немци, зѣ мѣшиши, несколько, выѣжчаютъ, концлеръ. Наконецъ, нѣкоторыя слова подлинниковъ раздѣлены издателями невѣрно; они читаютъ: по мостомъ, по ставомъ, гдѣ николи будутъ мыта (грамота № 1), вмѣсто: гдѣ ни коли будутъ..., въ Овручемъ (грамота № 3), вмѣсто: во Вручемъ (сравни въ той же грамотѣ: тивунъ Вруцкій). Конечно, эти неточности имѣютъ очень мало значенія и не умаляютъ достоинства и цѣны „Сборника“, но они показываютъ, что изданіямъ Виленской археографической комиссіи не должно всегда и во всемъ довѣрять.

По языку и содержанію изданныя вновь въ „Сборникѣ“ документы не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Ихъ языкъ—обычный officialный языкъ западной Руси, и только въ документахъ, занесенныхъ въ актовыя книги города Дорогичина, встрѣчаются—въ небольшомъ количествѣ—особенности малорусскаго нарѣчія и, рядомъ съ ними, отголоски такъ-называемаго мазураканья сосѣднихъ поляковъ. Въ актѣ 1535 года № 36 мы читаемъ: возни Дорогички замкови Бартошь, абихмо, ми висидали, отъбулку; въ актѣ 1530 года № 31: слугбу, тамоснимъ; въ актѣ 1531 года № 32: черезъ соцкого. По содержанію и по заключающимся разнаго рода даннымъ представляетъ нѣкоторый интересъ актъ второй половины XV вѣка № 3, писанный въ Овручѣ, гдѣ въ числѣ свидѣтелей значатся князь Иванъ Борисовичъ Глинскій, тивунъ Вруцкій Костушко, Васько Олешковичъ, землянинъ Снепородскій, и войтъ Каневскій Юшко. Названіе: землянинъ Снепородскій, указываетъ на то, что Снепородомъ называлась въ древности не только рѣка, притокъ Сулы, но и городъ, лежавшій при этой рѣкѣ (сравни „Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства“, Н. П. Дашкевича, стр. 52); упоминаніе о войтѣ Каневскомъ даетъ основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Руси, между прочимъ въ Каневѣ, магдебургское право было введено довольно рано. Нѣкоторые изъ изданныхъ въ „Сборникѣ“ актовъ интересны тѣмъ, что выданы лицами польскаго и литовскаго происхожденія, католиками по вѣроисповѣданію. Они показываютъ, что русскій языкъ былъ употребляемъ въ XVI вѣкѣ въ качествѣ юридическаго языка не только среди русскаго населенія и не только въ чисто русскихъ областяхъ Польско-Литовскаго государства, но и среди поляковъ и литовцевъ, въ мѣстахъ съ кореннымъ литовскимъ населеніемъ—въ Вильнѣ, въ Ковнѣ.

Вообще „Сборникъ“ Виленской археографической комиссіи пред-

ставляет цѣнный матеріалъ, главнымъ образомъ, для исторіи русскаго письма и является пріятною новинкой въ нашей литературѣ. Нельзя не поблагодарить Н. А. Сергіевскаго, попечителя Виленскаго учебнаго округа, за доставленіе комиссіи средствъ на изготовленіе палеографическихъ снимковъ; нельзя также не пожелать, чтобы комиссія не отказалась отъ продолженія столь хорошо начатаго ея труда, и чтобы наши богатѣя хранилища древнихъ грамотъ и актовъ—Московский архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Московскій архивъ министерства юстиціи и др., послѣдовали благому примѣру виленскихъ тружениковъ.

А. Соболевскій.

Прошлое Петербурга.

Исторія Санктъ-Петербурга, съ основанія города до введенія выборнаго городского управленія по учрежденіямъ о губерніяхъ 1703 — 1782. Сочиненіе П. Н. Петрова. Изданіе Глазунова. С.-Пб. 1885.

Столѣтіе С.-Петербургскаго городского общества 1785—1885 гг. Издано по постановленію С.-Петербургской городской думы въ память дня 21-го апрѣля 1785 года. Съ портретомъ императрицы Екатерины II 1784 года и факсимиле ея собственноручной подписи на экземплярѣ жалованной грамоты, принадлежащемъ городу С.-Петербургу, отъ 29-го января 1786 года. С.-Пб. Апрель 1885.

Первоначальная исторія С.-Петербурга съ 1703 по 1782 г., трудъ г. Петрова, есть, какъ говорится въ предисловіи,—„плодъ долгихъ работъ автора, задумавшаго, по возможности, очертить и выставить на видъ всѣ стороны столичнаго быта. Не обходя условій, вытекающихъ изъ обихода столицы, авторъ не оставлялъ и чисто техническихъ вопросовъ устройки на этой мѣстности обширнѣшаго города, съ устраненіемъ или ослабленіемъ всего, что могло невыгодно вліять на ходъ дѣла. Въ послѣдовательномъ, погодномъ очеркѣ здѣсь представлены разнообразныя указанія обстоятельствъ и явленій мѣстной бытовой обстановки, независимо историческихъ происшествій, въ свою очередь, конечно, не забытыхъ.... Можно даже сказать, не пускаясь въ преувеличенія“, говорить далѣе авторъ,—„что тамъ, гдѣ слѣдуетъ, самое изображеніе событій въ С.-Петербургѣ, благодаря новымъ разслѣдованіямъ, оказывается въ нѣсколько иномъ видѣ, съ выясненіемъ доселѣ неизвѣстныхъ мотивовъ и при освѣщеніи фактовъ тоже нѣ-
часть ссхл, отд. 2.

сколько иномъ, чѣмъ встрѣчали читатели въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ“.

Судя по ссылкамъ и примѣчаніямъ, большинство источниковъ, которыми пользовался г. Петровъ, рукописные, открытые самимъ авторомъ, который ихъ впервые и употребилъ въ дѣло. Работа по рукописнымъ источникамъ, до того неизвѣстнымъ, дѣйствительно дала ему возможность изложить застройку Петербурга совершенно иначе, чѣмъ то было сдѣлано въ прежнихъ сочиненіяхъ по исторіи Петербурга. Эти послѣдніе авторъ разбираетъ въ вступленіи (стр. 1—28); къ вступленію же относятся и первыя 59 (изъ 869) примѣчаній. За вступленіемъ идетъ изложеніе исторіи застройки и заселенія Петербурга, въ послѣдовательномъ порядкѣ за 79 лѣтъ, и заканчивается открытіемъ монумента Петру I.

Книга „Столѣтіе С.-Петербургскаго городского общества“ должна бы собственно служить продолженіемъ труда г. Петрова. Особая коммисія, избранная С.-Петербургскою думой для устройства праздника по случаю образованія петербургскаго городского общества, признала полезнымъ составить къ дню празднованія историческій очеркъ, который заключалъ бы въ себѣ „разъясненіе значенія дарованія городской грамоты, съ изложеніемъ предначертаній и дѣяній великой государыни, относящихся къ настоящему предмету, и указаніе благотворныхъ послѣдствій дарованныхъ ею городамъ правъ самоуправленія“. Для составленія этого труда приглашенъ былъ профессоръ Харьковскаго университета И. И. Дятининъ.

Сочиненіе г. Дятнина состоитъ изъ введенія и двухъ отдѣловъ, изъ коихъ первый содержитъ въ себѣ „Очеркъ городскихъ общественныхныхъ учрежденій С.-Петербурга, со дня изданія жалованной грамоты городамъ“, а второй—„Очеркъ исторіи городского хозяйства С.-Петербурга, со дня изданія жалованной грамоты городамъ“. Каждый отдѣлъ раздѣленъ на три главы, и первыя главы очерковъ объемлютъ время отъ 1785 г. до 1846, вторыя—отъ 1846 до 1870 и послѣднія—съ 1870 г. до настоящаго времени. Такимъ образомъ, всю прошлую исторію развитія русскихъ городовъ, въ томъ числѣ и столицу, основанной Петромъ I, г. Дятининъ заключилъ въ одно введеніе небольшого объема. Между тѣмъ, по программѣ, ему предложенной, это введеніе должно было заключать въ себѣ изложеніе взгляда современниковъ на жалованную грамоту городамъ, объяснить значеніе города у насъ въ XVII вѣкѣ и реформы городского управленія при Петрѣ I, а также дальнѣйшей судьбы городскихъ

учреждений при преимуществах Преобразователя; далее — объяснить значение города при Екатерине II, согласно идеям „Наказа“ и учреждению о губерниях. Кроме того, все по той же программѣ, введение должно было представлять характеристику жалованной грамоты и учреждений, въ ней обозначенныхъ, а именно: городского общества, городскихъ общественныхъ собраній, городского главы и гласныхъ, общей думы съ ея засѣдающими и отношеніемъ къ шести-гласной думѣ и правительственнымъ органамъ. Говоря же о думѣ вообще, конечно, требовалось бы очертить объемъ ея власти, а также состояніе мѣщанства и цеховъ и отношенія къ нимъ думы. Сказавъ обо всемъ эгомъ весьма кратко, безъ приведенія необходимыхъ данныхъ, г. Дитятинъ пришелъ (стр. 67) къ заключенію, что новой мысли Екатерины II „въ средѣ городского населенія трудно было найти благоприятную почву для своего роста и развитія. Почва была не восприимчива, первые насадители нерадивы, и если они что и разработывали, то именно эту невосприимчивость почвы, а администрація болѣе помнила прежній порядокъ вещей, къ которому она привыкла вѣками, нежели сочувствовала мысли Екатерины Великой“.

Такой приговоръ о временахъ до-екатерининскихъ рѣчи однако не оправдывается въ повѣствованіи автора о городскихъ порядкахъ и городской жизни вообще, о которыхъ изъ введенія получается едва ли самое призракное понятіе. Собственно фактовъ, какъ мы сказали, въ его введеніи нѣтъ, ибо нельзя же считать за изложеніе фактовъ такой, напримеръ, разказъ, какъ нижеслѣдующее начало введенія: „Утромъ перваго января 1786 года, во время параднаго приема при дворѣ императрицы Екатерины II, графъ Кириллъ Разумовскій, генералъ-фельдмаршалъ, поздравляя Екатерину II съ наступленіемъ новаго года, произнесъ отъ имени сената рѣчь и въ ней говорилъ: „Сверхъ многихъ славы и вѣчности достойныхъ твоихъ, монархиня, дѣяній, коимъ Россія не находитъ примѣра ни въ единомъ вѣкѣ бытія своего, угодно еще было тебѣ, великая монархиня, дворянство и грады царства твоего возвысить и ихъ блаженство утвердить на вѣчныя времена изданными въ 21-й день апрѣля истекшаго года, всемидостивѣйшими грамотами“, почему „свать приемишь долгъ принести всеподданнѣйшее благодареніе“ и проч. Безъ сомнѣнія, въ этой торжественной рѣчи не выражается еще взглядъ современниковъ на введеніе городского положенія, и притомъ тутъ нѣтъ ничего, что могло бы быть отнесено исключительно къ городской грамотѣ. Да и она сама, съ устанавливаемыми ею формами введенія дѣлъ, еще не успѣла, за

краткостью времени, войти въ колею административнаго порядка, чтобы сдѣлаться уже предметомъ оцѣнки послѣ осьмимѣсячнаго только опыта. Притомъ же въ грамотѣ городамъ Екатерина проводила только общую идею своихъ учрежденій для управленія губерній, въ составъ которыхъ городамъ и ихъ управленію удѣлено лишь нѣсколько пунктовъ и статей ¹⁾. На мысль объ опредѣленіи правъ сословій императрица была наведена, несомнѣнно, ходатайствами обществъ и управленій, посылавшихъ депутатовъ своихъ въ комиссію новаго уложенія (1767 года). Замѣтимъ также, что отъ учрежденія бурмистерской палаты Петромъ I до созванія Екатериною II комиссіи уложенія двѣ трети осмнадцатаго вѣка прошли въ культурномъ развитіи общества, создающемъ новыя условія быта.

Принявъ сперва хвалебный гимнъ сената за отзывъ современниковъ, г. Дитятинъ, впрочемъ, потомъ спохватывается и на страницахъ 20—23 пытается изложить собственныя идеи Екатерины II, въ которыхъ очевидны идеальныя стремленія, но обнаруживается невѣденіе мѣстныхъ условій. Самъ авторъ (на стр. 5—20) указываетъ всѣ ненормальности магистратскаго управленія, какъ результаты столкновеній городскихъ учрежденій съ воеводскою властью, вслѣдствіе безсилія магистрата противоборствовать имъ. Что же касается личныхъ злоупотребленій, выразившихся во вліаніи воеводъ на выборы въ главы магистрата людей, не желаемыхъ гражданами, то это вѣдь повальный недугъ, общая язва выборнаго начала; приводитъ же примѣры злоупотребленій воеводъ, не допускавшихъ членовъ магистрата до выполненія возлагавшихся на нихъ по закону обязанностей, не значить еще доказать вредъ или односторонность совершенной Петромъ I реформы городского управленія. Злоупотребленія воеводъ при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ, въ сущности, составляютъ результатъ отмѣны петровскихъ административныхъ формъ, при чемъ коменданты были замѣнены воеводами на старо-московскихъ правахъ, противъ чего собственно и были направлены указы и регламентъ главнаго магистрата, издавныя Петромъ. Смѣшеніе сословныхъ правъ всѣхъ вообще, а не только дворянъ и посадскихъ, при преимуществахъ Петра I, даже при Елизаветѣ, когда воротились къ буквѣ, но не къ духу петровскихъ законоположеній, должно было, понятно, вызывать повсемѣстныя жалобы. При ростѣ общества въ культурномъ отношеніи,

¹⁾ А именно: о городахъ и лицахъ городского управленія говорится въ пунктахъ: 25—31, 55—57, 72, 277—304, 384, 393 и 411.

въ этихъ жалобахъ высказывались, прежде всего, конечно, стремленія къ уравненію купечества съ дворянами въ правахъ владѣнія населенною землею, послѣ того какъ дворяне-помѣщики занялись, со временъ Петра, фабричнымъ дѣломъ на посессионномъ правѣ обязаннаго труда. Когда, въ XVII вѣкѣ, купечество столичное и городское существовало одною перекупною торговлею, безъ фабрикъ, то была еще возможна и достаточна защита его интересовъ отъ притѣсненій воеводъ и ихъ вымогательства чрезъ посредство гостей. Судимыхъ лично государемъ и могшихъ представлять ему жалобы на воеводъ. Петръ I задумалъ развить и торговлю, и городскіе промыслы, желая поднять доходы государственные развитіемъ промышленности. Сборъ доходовъ и съ земли, и съ торговыхъ заведеній, и съ промысловъ возложенъ былъ на бурмистерскую палату; а по открытіи ея обнаружилась необходимость учрежденія и магистрата, для вѣданія всякаго рода торговыхъ дѣлъ и вообще городскихъ сословій. Самъ магистратъ не могъ ничего своею властью брать изъ окладныхъ сборовъ на мѣстныя нужды, но долженъ былъ представлять о томъ высшему начальству, если встрѣчалъ необходимость улучшеній по части мостовыхъ и дорогъ. Понятно, что при дальнѣйшемъ развитіи такой порядокъ долженъ былъ повести къ правильной постановкѣ вопроса о городскихъ нуждахъ. Въ Петербургѣ на улучшеніе города и чистоту его расходовались уже со временъ Петра I установленные сборы съ жителей, поступавшіе въ вѣдѣніе полиціи, которая также учреждена была преобразователемъ. По примѣру Петербурга, стала дѣйствовать и Москва. Другіе же города имѣли доходы съ торжковъ. Поэтому учрежденіе ярмарокъ является единственною мѣрой къ образованію средствъ на мѣстныя улучшенія въ городахъ и посадахъ. Магистраты облагали податями подчиненныхъ имъ посадскихъ и ремесленниковъ, какъ въ пользу государства, такъ и на свои расходы по управленію и проч. Все это представляетъ, хотя и въ зародышѣ, тѣ же самыя положенія о городскихъ доходахъ, которыми распоряжается и нынѣ существующая С.-Петербургская городская дума.

Вообще г. Дитятинъ старается выставить городовую грамоту Екатерины II такимъ явленіемъ для установленія городской администраціи, ничего подобнаго которому у насъ не было ранѣе. На Петра I и его реформу онъ набрасываетъ покровъ непроницаемости съ предвзватою цѣлью пожертвовать старымъ, хотя бы и очень существеннымъ, ради новаго, далеко не существеннаго и уже во всякомъ случаѣ подра-

жательнаго, въ сравненіи съ оригинальностью петровскаго почина въ выработкѣ формъ городского управленія. Между тѣмъ, въ сущности, важна не городоваѣ грамота 1785 г., съ ея параграфами, кое-какъ осуществившая требованія, которыя были заявлены депутатами коммиссіи уложенія, а оцѣнка городскихъ имуществъ въ 1803 году, давшая городамъ средства существовать на процентъ, уступленный правительствомъ для собственнаго хозяйства городовъ. И иначе нельзя назвать этотъ процентъ, какъ именно уступкою со стороны правительства, потому что искони только оно само пользовалось поземельнымъ доходомъ. Что же касается правъ городскихъ сословій по грамотѣ, и въ томъ числѣ городскихъ учреждений, съ думою во главѣ, то тѣ и другія должны были явиться, какъ необходимое дополненіе къ дѣйствовавшему съ 1775 года учрежденію о губерніяхъ. Усмирненіе Пугачевскаго бунта и практическія мѣры, воздѣйствовавшія при этомъ, разумѣется, дали основной матеріалъ для установленія прочныхъ административныхъ единицъ, каковы губерніи меньшаго размѣра, съ концентрированіемъ властей по уѣздамъ, въ замѣнъ прежняго, безсильнаго въ своихъ средствахъ и способахъ, провинціального управленія. Затѣмъ призывъ дворянъ къ дѣятельности въ уѣздахъ на выборныхъ должностяхъ, съ предводителями уѣздными и персоналомъ членовъ судебныхъ и административныхъ учреждений, крѣпко сплотилъ цвѣтъ населенія въ одну корпорацію взаимностью выгодъ и правомъ служить отечеству, поддерживая существующій порядокъ. Пользуясь десятилѣтнимъ опытомъ и давая окончательную форму административно-служебной силѣ дворянства, правительству нельзя было оставить и города въ неопредѣленномъ положеніи относительно правъ сословій. Потому-то Екатерина II и призвала городскія сословія, какъ въ уѣздахъ дворянство, къ дѣятельности въ учрежденіяхъ, уже раньше того воспріявшихъ начало. Требуя же, по городской грамотѣ, дѣятельности, правительство ничего почти не давало членамъ городскихъ учреждений за службу, такъ какъ она ничѣмъ не оплачивалась, какъ и дворянская. Говоримъ — ничѣмъ не оплачивалась служба и по грамотѣ, потому что право на чины заурядъ или на соотвѣтственный почетъ во время исполненія обязанностей службы по выборамъ опредѣлялись уже учрежденіями 1775 года. Что же касается правъ сословныхъ корпорацій, то нельзя не согласиться, что по городской грамотѣ 1785 года, даны только гильдейскія преимущества купцамъ, да предоставлено всѣмъ право мирно производить дѣло по спеціальнос-

тямъ, не затрогивая интересовъ другихъ сословій. Вопросъ же о бѣдѣ въ экипажахъ и чинахъ и о сравненіи фабрикантовъ съ дворянами въ правахъ приобрѣтенія населенныхъ имѣній поднимался еще во всѣхъ наказахъ городскихъ обществъ депутатами 1767 г. И даны по грамотѣ права купечеству гораздо меньшія, чѣмъ про- сили тогда.

Точно также и вопросъ о полиціи поставленъ въ городской гра- мотѣ не широко: указана только обязательность порядка. Но обра- щаясь къ вопросу о полиціи, нельзя не замѣтить, что г. Дитятинъ и въ этомъ отношеніи даетъ немного, а что даетъ, то невѣрно. Откуда, напримѣръ, усмотрѣлъ онъ (стр. 9), что до Екатерины „полиція и магистраты вѣдали однѣ и тѣ же функціи по отношенію къ городу“, и что „нигдѣ не находится въ законодательствѣ Петра Великаго опредѣленія взаимныхъ отношеній полиціи и магистратовъ“.

До учрежденія полиціи, то-есть, до 1718 года, магистраты дѣй- ствительно завѣдывали отчасти благоустройствомъ въ городахъ; но съ введенія должности полиціймейстеровъ, магистраты стали вѣдать одни сословно-торговныя дѣла, а о благоустройствѣ города стала за- ботиться полиція, самостоятельная поставленная и заводившая свои порядки. Да и послѣ введенія городской грамоты содержаніе полиціи назначалось въ С.-Петербургѣ изъ общихъ государственныхъ суммъ, а думское управленіе не имѣло никакихъ своихъ штатныхъ суммъ. Даже въ своихъ присутствіяхъ оно заставляло членовъ служить изъ чести, а канцелярскихъ исполнителей—на правѣ пользованія подачками отъ имѣвшихъ дѣла въ городскихъ мѣстахъ. И этой невоз- можности давать жалованье дѣлопроизводителямъ городского учрежде- нія обязаны были дурною репутациею о себѣ, какъ о мѣстахъ, гдѣ все дѣлается за подачку, а даромъ ничего. Въ этомъ злѣ, а никакъ уже не въ нехотѣ и апатіи членовъ, не понимавшихъ, будто бы, благо- дѣтельности стремленій Екатерины II, скрывается неуспѣхъ всяче- скихъ мѣропріятій объ искорененіи золь, прикрытіи преступленій и притѣвленій слабыхъ сильными. Конечно, неназначеніе жалованья повѣчникамъ, секретарямъ и писцамъ городскихъ учреждений слѣ- дуетъ объяснить не чѣмъ инымъ, какъ неимѣніемъ тѣми мѣстами иныхъ доходовъ, кромѣ штрафной пени. А такой источникъ во всѣ времена былъ, очевидно, очень ограниченный и не могъ бы ни въ одно изъ городскихъ учреждений покрыть издержки на оплату жалованья однимъ даже писцамъ. Но такой порядокъ продолжался въ адѣйшей столицѣ относительно лицъ, занимавшихъ вештатныя должности, до

Николая I, а относительно штатныхъ должностей — до 1804 года, стало быть, двадцать почти лѣтъ спустя послѣ грамоты.

Касательно перваго періода городского управленія послѣ введенія городской грамоты г. Дитятинъ также сказалъ очень немного, и не обнаружилъ знакомства съ бытомъ Петербурга въ XVIII вѣкѣ. Такъ, на стр. 69 его книги мы находимъ, напримѣръ, слѣдующее: „Вслѣдъ за изданіемъ жалованной грамоты, открыты были въ Петербургѣ, въ слѣдующемъ году, созданныя ею городскія учрежденія“ и т. д. Въ подстрочномъ примѣчаніи оказывается однако такая загадка: „Нельзя опредѣлить точно ни дни, ни даже мѣсяца открытія городскихъ учреждений въ Петербургѣ, такъ какъ на это нѣтъ никакихъ указаній и въ самомъ архивѣ С.-Петербургской думы. Въ провинціальныхъ городахъ, напримѣръ, въ Черниговѣ, они были уже открыты въ ноябрѣ 1785 года“. Мѣста эти въ Черниговѣ были слѣдующія: городская дума, магистратъ, сиротскій судъ, словесный судъ. Въ С.-Петербургѣ первыя два мѣста открыты были задолго до 1780 года, а остальные при открытіи С.-Петербургской губерніи въ маѣ 1780 года. Въ „Исторіи Петербурга“ (стр. 838) г. Петровъ, ссылаясь на С.-Петербургскія Вѣдомости 1780 г., именно говоритъ о выборахъ на должности въ Петербургѣ, при открытіи губерніи: „23-го и 25-го мая выполнены выборы, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ собиралось каждое сословіе. Прежде всѣхъ были выбраны предводители, и изъ числа ихъ губернской, а въ домѣ Волкова (начальника С.-Петербургской губерніи)—городской голова, засѣдателя въ совѣстный судъ и губернской магистратъ, да въ городской магистратъ бургомистры и ратманы. Мая 23-го выбранъ городскимъ головою президентъ магистрата, тит. сов. Никита Тучковъ; въ губернской магистратъ, въ каждый департаментъ по три засѣдателя, всего шесть; а въ городской магистратъ два бургомистра (Степанъ Андреевъ и Григорій Амвросимовъ). Судьею совѣстнаго суда избранъ сенаторъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ“. Зачѣмъ же было г. Дитятину искать открытія присутственныхъ мѣстъ въ 1786 году, когда они открыты ранѣе и ни въ какомъ случаѣ не позднѣе 29-го мая 1780 года и уже дѣйствовали ранѣе городской грамоты? Шесть засѣдателей магистрата, два бургомистра и четыре ратмана, и составляли городскую шестигласную думу, составлявшую присутствіе магистрата.

Еще сильнѣе увеличивается наше удивленіе къ загадочному замѣчанію г. Дитятина, когда на стр. 70 мы находимъ у него пока-

заніе, что засѣданіе образованной выборами шестигласной думы состоялось еще въ 1767 году, и что никакой отміны самой формы выборовъ съ того времени не послѣдовало, какъ доказалъ ему порядокъ выборовъ 1804 года, найденный въ архивѣ думы (см. 1-е прим. на стр. 70). Вся бѣда произошла, кажется, отъ того, что г. Дитятинъ не догадался заглянуть ни въ Полное Собраніе Законовъ, ни въ С.-Петербургскія Вѣдомости раньше 1786 года. Породила эта недогадка въ ученомъ профессорѣ бурю сомнѣній о томъ, что дважды два четыре, а можетъ быть — и не четыре, и не могъ онъ отъ этихъ сомнѣній освободиться даже тогда, когда въ дѣлахъ 1802 и 1804 годовъ нашелъ подтвержденіе тому, что порядокъ производства дѣлъ и формы выборовъ издавна шли неуклонно. Между тѣмъ кажется, что знакомство съ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года могло бы разрѣшить всякія сомнѣнія, а наказъ депутату города С.-Петербурга, отысканный г. Петровымъ и напечатанный цѣлкомъ (см. приложение къ его „Исторія“, прим. 774, стр. 81—90), подалъ бы автору мысль, что еще выборные 1767 года обнаруживали заботливость о городѣ и его интересахъ торговыхъ и гигиеническихъ. Безъ сомнѣнія, могли понимать идеи Екатерины II о городскомъ благоустройствѣ тѣ люди, которые включали въ свой наказъ пунктъ 13-й (см. стр. 84 прил. къ „Исторія С.-Петербурга“ г. Петрова), содержащій въ себѣ слѣдующее ходатайство: „Чтобъ повелѣно было учредить рагушу, или судъ городской, на такомъ основаніи, какъ оный есть въ прочихъ городахъ европейскихъ. А для скорѣйшей управы и искорененія ябедъ, волокитъ, тажебъ и прочихъ хлопотъ—опредѣлить при ономъ (то-есть, при городскомъ судѣ) судъ словесный, гдѣ бы всѣ граждане и жители безъ различія, яко въ первомъ нижнемъ мѣстѣ, судимы были во всякихъ междоусобныхъ ссорахъ и обидахъ. А до какого, по состоянію дѣлъ, степени, или до какой цѣны производить судъ словесный, оное представляется благоразсмотрѣнію высшаго правительства. Въ сей городской судъ судей избрать изъ гражданъ здѣшнихъ городомъ или повѣренными отъ онаго, $\frac{2}{3}$ изъ купцовъ и $\frac{1}{3}$ изъ дворянъ, и повсягодно или черезъ два года перемѣнять, а новыхъ на ихъ мѣста опредѣлять обществу же. Чего ради установить къ симъ выборамъ точныя времена для собранія избранныхъ къ тому городомъ повѣренныхъ, кои въ время оныхъ собраній, подъ предводительствомъ городского головы, избирать балотированіемъ судей городского суда и наполнять мѣста повѣренныхъ. Впрочемъ, въ случаѣ неправосудія и неудоволь-

ствія, предоставляются переносы въ высшее мѣсто, на основаніи общихъ узаконеній. Въ разсужденіи вышеобъявленныхъ причинъ, отъ сего новаго учрежденія частная польза тѣмъ меньше сомнѣнію подверженною быть кажется, когда подъ крѣпкою защитою законовъ будетъ тутъ производиться судъ скорый и нелицепріятный ко всѣмъ, кто какаго бы достоинства, чина, богатства и убожества не былъ, равный. Главному же магистрату и онаго конторѣ купечество и мѣщанство здѣшнее уже ни въ чемъ не вѣдать, но управлять оному выборами, нарядомъ, раскладами общественными, вексельнымъ и прочимъ до внутренняго порядка касающимся дѣломъ. Тако жъ цехамъ состоять подъ помянутою ратушею, то-есть, судомъ городскимъ, о которомъ покорно всеподданнѣйше просимъ, чтобъ былъ подъ опекой и апелляціей правительствующаго сената*.

Относительно учрежденія цеховъ въ наказѣ петербургскому депутату высказано (въ параграфѣ 21-мъ) слѣдующее ходатайство (см. стр. 85 приложенія къ „Исторіи С.-Петербурга“ г. Петрова): „Въ числѣ нуждъ и недостатковъ города здѣшняго есть установленіе цеховъ настоящимъ порядкомъ и смотрѣніе надъ ремесленниками. Простирается же сей недостатокъ даже до того, что почти нѣтъ свѣдѣнія не токмо объ искусствѣ и неискуствѣ, но ниже о жительствѣ многихъ; ибо едва ли кто изъ нихъ въ ремеслѣ своемъ свидѣтельствованъ, и не всякій имѣетъ вывѣску. А притомъ они ли кого, или ихъ кто обидитъ, ни суда, ни расправы почти не имѣютъ, особливо безпомощные. Чего для повелѣно бѣ было всѣмъ ремесленникамъ, какъ російскимъ, такъ и чужестраннымъ, сдѣлать обстоятельную перепись и учредить порядочные цехи. И по онымъ ихъ росписать съ опредѣленіемъ старшины каждому; тако жъ особня привилегіи и правила. А поелику возможно предписать безобидныя за работу цѣны и чтобъ не записаннымъ въ цехъ и не имѣющимъ отъ оныхъ письменныхъ объ искусствѣ своемъ свидѣтельство и дозволенія, какъ мастерамъ, такъ и подмастерьямъ, производить работу мастерства своего накрѣпко запрещено было; судомъ же и расправою состоять имъ въ цехахъ, а тѣмъ въ вѣдомствѣ ратуши, то-есть, суда городскаго. А впрочемъ, всѣмъ ремесленникамъ нести на ряду съ прочими тягости городскія. Въ казенныя мѣста никакъ для работъ силою и съ принужденіемъ ихъ не брать, но отдавать или подряжать оныя работы по договору или за добровольную цѣну“.

Въ городской грамотѣ мы находимъ параграфъ 123-й, разбитый на 117 пунктовъ („Ремесленное положеніе“), въ которомъ нельзя не

видѣтъ правилъ, вытекавшихъ изъ ходатайства, изложеннаго въ 21-мъ пунктѣ наказа депутату С.-Петербурга. Обязанность приписки всякаго ремесленника къ цеху (съ чего начинается 120-й параграфъ) указываетъ на буквальное примѣненіе ходатайства наказа о цехахъ. Новыми узаконеніями въ ремесленномъ положеніи являются чисто формальныя условія, которыя ходатайство 21-го пункта наказа разумѣло подъ словами: „такоежъ особыя привилегіи и правила“. При ходатайствѣ о вещахъ болѣе важныхъ, ихъ и не могло быть даже заявлено въ комиссіи новаго уложенія. Затѣмъ, согласованія положеній о каждомъ сословіи съ выборнымъ порядкомъ лицъ самоуправленія, по учрежденіямъ о губерніяхъ, должны были потребовать новыя второстепенныя подробности дѣлопроизводства сословнаго и отношеній къ мѣстамъ и лицамъ, занимавшимъ административныя посты. Но главное и существенное все выражено въ наказѣ и нашло себѣ мѣсто въ городовомъ положеніи.

Указавъ значеніе ходатайствъ въ наказѣ депутату С.-Петербурга, мы позволимъ себѣ спросить любого изъ читателей книги г. Дяткина: есть ли въ ней намекъ хотя на одинъ пунктъ наказа депутату? Мы убѣждены, что отвѣтъ будетъ отрицательный. А не зная этого наказа, трудно пускаться въ опредѣленіе оригинальности положеній городской грамоты даже въ новомъ, казалось бы, вопросѣ о цехахъ, опредѣляемыхъ законоположеніемъ 21-го апрѣля 1785 года. Между тѣмъ авторъ книги „Столѣтіе С.-Петербургскаго городского общества“ указываетъ, какъ на нѣчто существенное (на стр. 71), на размѣщеніе въ залѣ думы шести членовъ ея, по примѣру Чернигова, наугадъ заявляя, что „то же происходило и въ С.-Петербургѣ передъ открытіемъ думы“. Не то, вѣроятно, сказалъ бы онъ, еслибы прочелъ описанный въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1780 года церемоніаль открытія С.-Петербургской губерніи, но описаніе это осталось ему неизвѣстнымъ, какъ и наказъ депутату. Потому г. Дяткинъ и заявляетъ (на стр. 71), что кромѣ чисто-внѣшней стороны организаціи общей думы, по городовому положенію 1785 года, нѣтъ, будто бы, „никакихъ прямыхъ указаній“—слѣдуетъ добавить: ему извѣстныхъ. Думаемъ мы такъ потому, что авторъ, смотря только съ внѣшней стороны на думу и разсуждая о томъ, какъ затруднительно было ей, въ концѣ 1780-хъ годовъ, осуществлять благоустройство города, даже не выяснилъ себѣ источники этихъ затрудненій—неимѣніе средствъ и невозможность создать ихъ, слѣдуи буквально наказамъ городского положенія. Въ немъ, по 9-му параграфу, предписывалось „имѣть

книгу съ описаніемъ домовъ, строеній, мѣстъ и земель городскихъ подъ нумерами, дабы желающій дать въ займы деньги на закладъ дома, — съ тою книгою справясь, давать деньги могъ съ надежностью^а. Между тѣмъ, кромѣ личнаго заявленія хозяина о стоимости его дома, нѣтъ ни слова о вѣрной оцѣнкѣ при заведеніи городской обывательской книги. Да и въ ней цѣнность домовъ указывается только мѣстами, случайно, необязательно; а безъ вѣрной оцѣнки стоимости немислима, разумѣется, раскладка платежа процентовъ въ пользу города. Во все царствованіе Екатерины II никто и не думалъ о ней при заведеніи обывательской книги. Самая форма внесенія въ обывательскую книгу принята была обычная для ревизскихъ сказокъ, то-есть, отвѣчающая сословной справкѣ, а не стоимости городского имущества обывателя. И то можно сказать о не-дворянахъ. Что же касается дворянъ, то указаніе ихъ, какъ домовладѣльцевъ, въ обывательской книгѣ было негодно для какой бы ни было справки, потому что самыя чины и даже имена показаны ошибочно; подробностей же о живущихъ въ домѣ, за отвѣтственность хозяина, какъ принято относительно отца семейства, заявлявшаго о всѣхъ лицахъ, живущихъ при немъ, вовсе не существуетъ; въ обывательской книгѣ не указывается даже жена домовладѣльца-дворянина; о дворнѣ же, указаніе которой по полицейской отвѣтственности должно было лежать на баринѣ, державшемъ дворовыхъ въ столицѣ, нѣтъ и помину; оттого и не знала полиція подлиннаго числа дворовыхъ, хотя и требовала заявленія о всякомъ вновь прибывшемъ, согласно городскому положенію.

Оцѣнка имущества, признанная основаніемъ городскихъ обложений, произведена была только въ 1803 году, и это было только болѣе совершенное повтореніе операціи 1722 года, правда — сдѣланной лишь съ цѣлью раскладки квадратныхъ денегъ. Но при Екатеринѣ II раскладка при заведеніи обывательскихъ книгъ не производилась. Операція же раскладки квадратныхъ денегъ на содержаніе полиции, при генералъ-полицеймейстерствѣ Дивіерѣ, была, единственно вѣрнымъ и удобнымъ способомъ устроить, по мѣстнымъ средствамъ обывателей, городское хозяйство, идея котораго преслѣдуется г. Дитятинымъ. Но даже зная (хотя не вполне, а только изъ Собранія Законовъ) о попыткѣ Дивіера создать источникъ для покрытія расходовъ на городскія надобности процентами со стоимости городскихъ имуществъ, г. Дитятинъ не придалъ ей надлежащаго значенія; а затѣмъ (на стр. 194) это не помѣшало ему сдѣлать ни на чемъ

не основанный выводъ, что „въ самый годъ жалованной грамоты городамъ городскіе доходы Петербурга выражались скромною цифрою какихъ-нибудь двухъ или трехъ десятковъ тысячъ рублей“. Высказавъ это и прибавивъ, что въ Петербургѣ все дѣлало само правительство, а никто другой (стр. 197), г. Дитятинъ въ замѣнъ подтвержденія своего—по нашему мнѣнію—произвольнаго вывода о доходахъ Петербурга въ 1785 году, оговаривается только въ подстрочномъ примѣчаніи слѣдующими словами: „въ 1797 году, то-есть, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ изданія жалованной грамоты, доходы Петербурга простирались всего до 36.000 рублей“, и тутъ ссылка на XXV т. I, II. С. З. № 18664. Мы остаемся и послѣ этой цитаты въ убѣжденіи, что съ 1727 года, когда послѣдовала ссылка Дивіера, до 1804 года нельзя вычислять никакихъ доходовъ собственно города Петербурга, потому что налогъ съ обывателей за землю собирался не въ городскую казну, а въ государственное казначейство, наравнѣ съ другими обще-государственными доходами, а сборы съ членовъ сословій частью шли туда же, частью на надобности каждаго сословнаго управленія, и городскихъ суммъ никто не думалъ учитывать. Да съ этимъ согласенъ въ сущности и г. Дитятинъ, такъ какъ, взявшись написать очеркъ исторіи городского хозяйства Петербурга въ XVIII вѣкѣ, ничего не сказалъ о немъ, а прямо перешелъ къ указу 1802 года объ оцѣнкѣ имущества и къ составленію, на основаніи этой оцѣнки, росписи городскихъ доходовъ и расходовъ на 1803 годъ (стр. 205 — 208), сочиненной комитетомъ о повинностяхъ.

Книга г. Петрова за время, о которомъ г. Дитятинъ ничего не говоритъ сказать о хозяйствѣ Петербурга, даетъ подборъ свѣдѣній всякаго рода, въ томъ числѣ и о благоустройствѣ города, которое входитъ въ обязанность думскаго управленія, въ предѣлахъ обозрѣваемаго періода, по 1782 годъ.

Сказавъ о поводѣ застройки сперва военнаго пункта на Невѣ и скорого образованія при немъ торговаго города, подъ шведскимъ владѣтельствомъ, авторъ „Исторіи С.-Петербурга“ знакомитъ съ обстоятельствами взятія Нѣншанца Петромъ I и основанія столицы, при чемъ это послѣднее событіе приурочиваетъ не къ 16-му мая 1709 года, какъ вездѣ говорится, а только къ 29-му іюня того года. Доказательства необходимости отмѣны первой даты помѣщены на стр. 39 текста. Борьба со шведами въ первые пять лѣтъ тоже очерчена г. Петровымъ достаточно для общей связи повѣствованія. Описаніе

мѣстности будущей столицы и условий, при которыхъ послѣдовала застройка каждой почти улицы, проходить въ хронологической постепенности черезъ все сочиненіе. Авторъ останавливается на вопросѣ выполнения въ Петербургѣ работъ земскимъ нарядомъ, при Петрѣ I, и разбираетъ вопросъ объ обязательности застройки столицы помѣщиками, по раскладкѣ съ числа душъ крестьянъ. Затѣмъ разсматривается вопросъ о переселеніяхъ въ столицу, съ указаніемъ на двѣ исконныя на Руси правительственныя мѣры—собственно переселеніе и земскій нарядъ, какъ на наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ, замѣненное при Петрѣ I новыми положеніями, болѣе согласными съ культурными условіями государства. Затѣмъ въ „Исторіи Петербурга“ указаны разныя черты городского благоустройства: освѣщеніе улицъ, введенное при Петрѣ I, мощеніе ихъ и заведеніе въ Петербургѣ полиціи, со всѣми мѣропріятіями перваго вводителя порядка и чистоты въ столицѣ, генералъ-полиціймейстера Дивьера. Обязательность застройки Васильевского острова при Петрѣ I, со всѣми условіями и льготами, предоставленными строившимся тамъ, изложена въ „Исторіи Петербурга“ наравнѣ съ другими постановленіями, постепенно издававшимися до временъ Елизаветы Петровны. При этой государынѣ, какъ извѣстно, заботы правительства направлены были къ достиженію лучшей и болѣе безопасной отъ огня застройки центральной части города, между Невой и Фонтанкою. Рядомъ съ застройкою, въ „Исторіи“ излагаются и мѣры къ доставленію нѣкоторыхъ удобствъ жителямъ, по крайней мѣрѣ, привилегированному классу, уже успѣвшему усвоить себѣ привычки и удовольствія, доступныя образованнымъ гражданамъ. Указано затѣмъ, какъ посѣщеніе сценическихъ представленій съ музыкою, пѣніемъ и танцами вошло при Елизаветѣ въ обиходъ стличныхъ удовольствій, и какъ образованы были не только французскій театръ и италіанская опера, но и русскій театръ. Кромѣ того, въ „Исторіи“ описываются и наиболѣе характерныя изъ придворныхъ празднествъ.

Съ другой стороны, такъ какъ столица стала средоточіемъ правительственнаго движенія, то въ „Исторіи“ излагаются и главныя черты событій въ правительственной сферѣ, здѣсь происходившихъ, при чемъ даются иногда новыя о нихъ подробности. Къ низодамъ такого обще-историческаго характера принадлежатъ: обстоятельства, сопровождавшія празднованіе брака царевны Анны Ивановны (стр. 80—82), помѣщеніе въ Петербургѣ Алексѣя Петровича съ женою (стр. 100—102) и застройка улицъ къ Невѣ въ Литейной части при-

ближенными къ царевичу и царскому семейству вообще (стр. 104—107); обстоятельства, предшествовавшія бѣгству царевича и присага архіереевъ передъ отъѣдомъ Петра I въ послѣднее путешествіе въ Европу (стр. 136—138); мѣропріятія, связанныя съ судомъ царевича Алексѣя (стр. 154, 155 и 161), и т. д. Происшествія 1724—1727 годовъ (стр. 222—248) до оставленія Петербурга Петромъ II представляются въ „Исторіи Петербурга“ въ очень характерныхъ чертахъ. Затѣмъ слѣдуетъ повѣствованіе о житіи-бытіи императрицы Анны въ С.-Петербургѣ (стр. 266—279).

Воцареніе Елизаветы и пребываніе ея въ Петербургѣ до отъѣзда на коронацію опять обрисовывается рядомъ своеобразныхъ явленій, знакомыхъ съ состояніемъ столичной культуры. Особенно характерны въ это время постановленія о придворной помпѣ выѣздовъ и о сохраненіи умѣренности въ расходованіи средствъ на одежду, какъ черты нравовъ общества и слѣдствіе борьбы двухъ партій, взаимно старавшихся вырвать власть у соперниковъ. Не упущены въ „Исторіи Петербурга“ и эпизоды борьбы Лестока съ Бестужевымъ и низверженіе этого канцлера Шуваловыми (стр. 473—474, 483—486, 588). Положеніе русскихъ вообще при Елизаветѣ, послѣ приниженія народнаго духа при Аннѣ, также обставлено рядомъ эпизодовъ въ столичномъ быту, развитію котораго съ 1732 года въ три десятилѣтія, предшествовавшія воцаренію Екатерины II, посвящена видная часть книги (стр. 266—654). Наконецъ, обстоятельства воцаренія Екатерины II и борьба ея съ партіей, силившейся въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка возвести на престолъ Павла I, тоже отведено не мало мѣста, при чемъ авторомъ въ первый разъ указаны обстоятельства, влиявшія на удаленіе наслѣдника въ свою загородную резиденцію.

Останавливаясь на постепенномъ развитіи удобствъ для жизни обывателей въ Петербургѣ, что, конечно, прежде всего содѣйствовало приливу населенія въ столицу со дней Екатерины II, авторъ „Исторіи“ собралъ много подробностей, имѣющихъ значеніе для уясненія хода культуры у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Такъ, на примѣръ, призрѣніе бѣдныхъ, сдѣланное обязательнымъ въ постановленіяхъ Петра I, обозрѣно г. Петровымъ до 1780 года во всѣхъ подробностяхъ. То же можно сказать и о народномъ образованіи. Въ „Исторіи Петербурга“ (стр. 214—215) указано первое открытіе ученія въ школахъ по приходамъ (1722—1723 гг.), когда предписано было самимъ учившихъ въ этихъ начальныхъ училищахъ подвергать экзамену въ Александро-Невской школѣ. Образованіе

кадетскаго корпуса, въ періодъ величайшаго подражанія нѣмецкимъ порядкамъ, вызвало реакцію только въ послѣдніе годы Елизаветы, когда, при наступленіи Семилѣтней войны, послѣдовало окончательное введеніе въ корпусѣ русскихъ порядковъ и заведена корпусная типографія, принесшая пользу и развитію литературнаго движенія.

Условія жизни въ столицѣ, со стороны стоимости предметовъ первой необходимости, тоже указываются въ „Исторіи Петербурга“, гдѣ приведено даже первое установленіе торговой таксы на мясо и рыбу (стр. 436), а съ царствованія Екатерины II приводятся и самыя итоги подвоза къ столицѣ славомъ, по каналамъ, какъ предметовъ внутренняго потребленія, такъ и товаровъ для заграничнаго отпуска. Наконецъ, и гигиеническія мѣры, которыя принимало правительство въ разное время и по разнымъ поводамъ, описаны въ „Исторіи“ обстоятельно, равно какъ и послѣдовавшія узаконенія по внутренней и внѣшней торговлѣ, мѣры противъ корчемства, контрабанды, злоупотребленія общественнымъ довѣріемъ, а также предписанія, дававшіяся съ цѣлью остановить азартныя игры, вредную для проходящихъ по улицамъ быструю ѣзду и прочія охранительныя мѣропріятія правительства. Не забыты и не опущены, гдѣ можно было, указанія на бывшіе порядки и обычаи обывателей, представляющіе отлічіе отъ существующихъ нынѣ. Наконецъ, авторъ „Исторіи Петербурга“ обращалъ вниманіе и на ученое движеніе, на ходъ литературы, на развитіе книжнаго торга, печатнаго дѣла, журналовъ и типографій.

Конечно, при настоящемъ положеніи нашихъ архивовъ, за уничтоженіемъ во множествѣ ненужнаго и мнѣшаго очень важнаго и нужнаго, на многое желаемое и розыскиваемое не находится разъясненій и пополненій. Авторъ въ концѣ вступленія самъ заявляетъ, что многое желалъ бы онъ точнѣе выяснить, но не могъ, за неимѣніемъ болѣе полныхъ извѣстій. Не смотря на обширность своей задачи, онъ разрабатывалъ, по возможности, всѣ стороны столичнаго быта въ ихъ историческомъ развитіи, и если не все могъ сдѣлать, чтѣ хотѣлъ, то все же едва ли можно обвинять его въ недостаткѣ внимательнаго изслѣдованія.

Статистика состава населенія столицы также не оставлена въ „Исторіи Петербурга“ безъ вниманія. Сдѣлана даже попытка опредѣлить болѣе точно, чѣмъ допускали до сихъ поръ описыватели Петербурга, итогъ жителей за 1762 годъ, съ котораго, въ продолженіе 34-лѣтняго правленія Екатерины II, ростъ населенія пошелъ осо-

бенно быстро, оказывая несомненное влияние и на развитие общественных учреждений и на удобства столичной жизни. Равнымъ образомъ, какъ указываетъ также г. Петровъ, и вопросъ о продовольствіи столицы только при Екатеринѣ II получилъ опредѣленную форму и границы, какъ и положеніе городской администраціи.

Г. Дятатинъ, толкуя о недостаткахъ городского управленія, но не излагая совсѣмъ хода его съ 1785 по 1843 г. (ибо за это время онъ говоритъ только о комитетѣ уравниванія городскихъ повинностей), въ сущности не очертилъ даже влияния городского устройства на городскую жизнь и на оцѣнку имуществъ 1803 года. А между тѣмъ существуетъ за этотъ годъ печатная роспись домовъ, при чемъ стоимость каждаго дома обозначена съ количествомъ городского вноса полупроцентнаго сбора. Одни статистическіе выводы изъ этой росписи могли бы дать достаточное понятіе о томъ, что было тогда въ столицѣ, и объяснить, какъ могла составиться по росписи сумма, которую можно было израсходовать на продленіе нужды въ теченіе года. Почему и въ какихъ частяхъ своихъ городское положеніе 1785 года нуждалось въ замѣнѣ новымъ (въ 1846 году), этого изъ книги г. Дятатина также не видно. Не узнаешь изъ нея читатель и о томъ, почему еще въ 1821 году министерство внутреннихъ дѣлъ вошло въ государственный совѣтъ съ предположеніемъ о необходимости „устроить или преобразовать думу“, и почему съ вводомъ членовъ отъ короны преобразование думы признано было совсѣмъ не лишнимъ. Подобные вопросы возбуждаются у читателя книги г. Дятатина постоянно, отъ начала ея до конца.

Приведенными примѣрами мы указали на недостаточность этого сочиненія и, въ заключеніе, можемъ только пожалѣть, что авторъ такъ неудачно выполнилъ возложенное на него порученіе С.-Петербургской думы. Напротивъ того, мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе почтеннаго труда г. Петрова и радуемся, что столѣтіе городского положенія вызвало на свѣтъ это дѣльное сочиненіе. Если внѣшняя сторона изложенія у г. Петрова, къ сожалѣнію, нерѣдко неудовлетворительна, за то внутреннее содержаніе его книги дѣлаетъ ее серьезнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу.

И. Д—въ.

По поводу рецензіи А. И. Соболевскаго на „Очерки русской исторической географіи“.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія г. Соболевскій обязательно сообщилъ свои указанія на промахи и недостатки, замѣченные имъ во второмъ изданіи моихъ „Очерковъ русской исторической географіи“. Такъ какъ почтенный рецензентъ взялъ на себя этотъ трудъ съ благою цѣлью помочь издателю устранить эти недостатки и промахи на тотъ конецъ, если изслѣдованіе со временемъ можетъ быть еще перепечатано, и такъ какъ, съ другой стороны, нельзя предвидѣть такого перепечатанія, ибо и это второе изданіе состоялось по стеченію совершенно случайныхъ обстоятельствъ, которыя едва ли повторятся, то я рѣшаюсь теперь же сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчаній г. Соболевскаго.

Рецензентъ самымъ главнымъ основнымъ недостаткомъ изслѣдованія, недостаткомъ, котораго необходимымъ результатомъ явились всѣ другіе замѣченные имъ промахи, считаетъ то обстоятельство, что при комментаціи Несторовой географіи я упустилъ изъ виду Толковую Палю, памятникъ, дошедшій до насъ въ спискахъ не ранѣе XIV вѣка, и представляющій важный источникъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній древней Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Соболевскій самъ согласится, что опредѣленіе, сдѣланное имъ Палеѣ, далеко не соответствуетъ сущности этого памятника, что „перечисленіе народовъ изъ племени Сима, Хама и Афета, съ указаніемъ странъ, ими занимаемыхъ, и съ поименованіемъ острововъ и рѣкъ“, занимаетъ далеко не первое мѣсто въ этомъ сочиненіи, по существу своему не столько историческомъ, сколько экзегетико-полемическомъ, какъ справедливо замѣтилъ изслѣдователь этого памятника г. Успенскій (Толковая Палея, стр. 5).

Такое направленіе сочиненія само по себѣ заставляетъ предполагать, что авторъ его по крайней мѣрѣ по вопросамъ, имѣющимъ лишь косвенное отношеніе къ главному его предмету, долженъ былъ имѣть уже готовый фактический матеріалъ, которымъ онъ могъ свободно пользоваться въ своихъ специальныхъ видахъ и цѣляхъ; искать же въ подобнаго рода трудахъ—оригинальныхъ, первоначальныхъ свѣдѣній по предметамъ второстепеннымъ для ихъ содержанія можно

только въ виду несомнѣнныхъ и ясныхъ указаній на такую оригинальность и первоначальность этихъ свѣдѣній.

Но такихъ указаній относительно географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній Толковой Пален о востокѣ Европы мы совершенно не имѣемъ. Вообще весь этотъ памятникъ представляетъ пока еще очень много темнаго, хотя мы и имѣемъ о немъ прекрасное изслѣдованіе г. Успенскаго. Греческій подлинникъ его остается неизвѣстнымъ; древнѣйшіе славяно-русскіе списки его дошли до насъ только изъ XIV вѣка. Правда, признается несомнѣннымъ, что Пален существовала на Руси гораздо ранѣе, чѣмъ показываютъ ее списки, но тѣмъ не менѣе у историковъ до XIV вѣка не встрѣчается никакихъ указаній на нее. Подробная исторія расселенія племенъ на земномъ шарѣ по столпотворенію занимаетъ сравнительно незначительную часть этого памятника, и не представляетъ ничего оригинальнаго. „Изъ сличенія текста Пален съ Пасхальной Хроникой“, говоритъ г. Успенскій, —, нельзя не видѣть, что авторъ, если не пользовался непосредственно Пасхальною Хроникой, то по крайней мѣрѣ, имѣлъ подъ рукою одинъ источникъ съ Пасхальною Хроникой. Сходство простирается до буквальности; разница является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только въ порядкѣ перечня странъ и названій народовъ“. Въ заключеніе этого этнографическаго отрывка Толковая Пален приводитъ перечень народовъ и земель восточной и сѣверной Европы, котораго нѣтъ въ Пасхальной Хроникѣ, и котораго, вѣроятно, не было въ греческомъ оригиналѣ Пален.

Этотъ географическій отрывокъ Пален совпадаетъ съ космографическимъ вступленіемъ въ нашу Начальную (Несторову) лѣтопись; но различіе между ними очевидно. Тогда какъ византійскій географическій очеркъ Пален заимствованъ изъ Пасхальной Хроники, въ Начальной лѣтописи онъ взятъ у Георгія Амартолы. Что касается географіи восточной и сѣверной Европы, то въ обоихъ памятникахъ представляются свѣдѣнія о ней, почерпнутыя, очевидно, не изъ византійскихъ источниковъ, а изъ домашнихъ, собранныя на мѣстѣ, явившіяся, вѣроятно всею, на русской почвѣ; между ними есть разница довольно значительная, такъ что, естественно, возникъ вопросъ о соотношеніи этой части географическихъ перечней Пален и Начальной лѣтописи, вопросъ о томъ, послужила ли лѣтопись историкомъ для Пален, или Пален для лѣтописи.

До сей поры этотъ вопросъ рѣшался въ пользу оригинальности лѣтописи, и изслѣдователи (академикъ М. И. Сухомлиновъ, г. Ус-

пенскій) видѣли въ этой послѣдней источникѣ Палея. Г. Соболевскій считаетъ это однако крайне сомнительнымъ и держится совершенно противоположнаго взгляда: по его мнѣнію, Палея была источникомъ лѣтописи. Мнѣніе свое г. Соболевскій поддерживаетъ нѣкоторыми данными, которыхъ мы коснемся ниже, но главнымъ образомъ вывести путемъ логическимъ, путемъ домысла—изъ того соображенія, что если въ Палеѣ есть свѣдѣнія, внесенныя въ ея текстъ въ Россіи (стр. 300) и представляющія большое сходство со свѣдѣніями нашей Начальной лѣтописи (301), то всѣ, сколько извѣстно г. Соболевскому, списки Палея заключаютъ въ себѣ мѣста, сходныя съ мѣстами лѣтописи (стр. 302). Признаемся, хотя мы привели буквально аргументацію г. Соболевскаго, но никакъ не можемъ признать за нею убѣдительности.

Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ списки Палея имѣютъ въ себѣ мѣста, сходныя съ мѣстами лѣтописи, то мы имѣемъ болѣе рѣзкій фактъ: при массѣ лѣтописныхъ списковъ, при существованіи нѣсколькихъ отдѣльныхъ редакцій лѣтописныхъ сборниковъ или сводовъ, большая часть ихъ начинается Повѣстью временныхъ лѣтъ, и вездѣ перечень земель и народовъ—за мелочными измѣненіями—совпадаетъ съ перечнемъ Повѣсти въ древнѣйшемъ (Лаврентьевскомъ) спискѣ и нигдѣ не совпадаетъ съ Палеей. Ясно, что Палея не только не послужила источникомъ для первоначальной лѣтописи, но не имѣла даже вліянія на дальнѣйшія ея редакціи.

По видимому, г. Соболевскій отдастъ преимущество Палеѣ потому, что географическая вставка въ ней полнѣе и правильнѣе, чѣмъ въ лѣтописи: „Въ перечисленіи народовъ финскаго и литовскаго племени“, говоритъ онъ, — „лѣтопись не такъ полна, какъ Палея: она не упоминаетъ Лопи, Корелы, Мещеры, Ятвяговъ, ПруССовъ, хотя говоритъ о Сѣтъголь, известной Палеѣ, и тотчасъ послѣ перечисленія народовъ называетъ ПруССовъ. Это всего легче объясняется тѣмъ, что составитель лѣтописи сократилъ перечень народовъ Палея, выпустивъ изъ него по той или по другой причинѣ нѣсколько названій, но сдѣлалъ это небрежно“.

Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя согласиться. Для этнографическаго распредѣленія финскихъ и литовскихъ племенъ древнѣйшей эпохи, эпохи возникновенія Русскаго государства, лѣтопись гораздо полнѣе Палея: въ послѣдней опущены, кромѣ Сѣтъголы (Летьглы), Вель, Заволоцкая Чудь, Черемись. Откуда взялись бы эти имена въ лѣтописи, еслибы источникомъ ея была Палея? Если же принять во

вниманіе, что Палея совершенно не знаетъ ни населенія побережьевъ Западной Европы, ни восточно-славянскихъ племенъ, которыя такъ хорошо знаетъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“. то невольно приходитъ на мысль: не составила ли географическая часть ея уже въ ту болѣе позднюю эпоху, когда на Руси если не забыли преданій о глубокой старинѣ, сохранный Начальной лѣтописью, то потеряли къ ней сколько-нибудь живой интересъ. А это могло быть не ранѣе, какъ въ темную эпоху нашей исторіи во второй половинѣ XIII вѣка. Къ тому времени и въ другихъ памятникахъ встрѣчаются извѣстія и о Лопи, Корелѣ, Мещерѣ...

Другой аргументъ г. Соболевскаго въ пользу первенства Палеи—ея большая сравнительно съ лѣтописью правильность или систематичность изложенія. Хотя это мнѣніе и не высказано прямо, но оно очень ясно изъ замѣтки г. Соболевскаго о Кавказскихъ горахъ, которыя, по его словамъ, „въ Палеѣ упомянуты весьма встати и у мѣста, между тѣмъ какъ въ лѣтописи ихъ названіе приведено нѣсколько выше, чѣмъ бы слѣдовало, между названіями рѣкъ. Это—объясняетъ г. Соболевскій—произошло оттого, что составитель лѣтописи или имѣлъ передъ собою неисправный списокъ, или, внося въ лѣтопись текстъ Палеи, искажилъ его“. Но, по крайнему нашему разумѣнію, чтеніе лѣтописи гораздо правильнѣе и древнѣе чтенія Палеи и неопровержимо свидѣтельствуетъ о старѣйшинствѣ лѣтописной географіи по происхожденію. Передавъ свѣдѣнія о югѣ Европы, почерпнутыя изъ Амартолы, составитель переходитъ къ полуночнымъ странамъ отъ Понтійскаго моря, называетъ Дунай, Днѣстръ и Кавкасскія горы рѣше Угорскія, — затѣмъ идетъ далѣе на сѣверо-востокъ—оттолѣ даже до Днѣпра, перечисляетъ его притоки, и наконецъ, рѣки къ сѣверу и востоку отъ Днѣпра. Здѣсь не только нельзя видѣть ошибку, а тѣмъ паче искаженіе текста, а напротивъ мы имѣемъ ясное указаніе, что составитель перечня имѣлъ совершенно точныя и отчетливыя свѣдѣнія о описываемой имъ странѣ, что онъ излагалъ ихъ, не мудрствуя лукаво, въ естественномъ порядкѣ, какъ ему представлялась хорографія страны,—а упомянувъ Угорскія горы въ самомъ началѣ своего описанія восточно-европейской равнины, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что онъ зналъ хорошо ихъ положеніе относительно Дуная и Днѣстра и понималъ важное ихъ значеніе, какъ естественной границы славяно-русскаго міра на юго-западѣ. Что касается большей правильности, то-есть, систематичности изложенія, то она скорѣе можетъ служить доказательствомъ болѣе позд-

наго происхожденія памятника, чѣмъ самостоятельности или оригинальности сообщаемыхъ имъ фактовъ. Перечневая система Палея — записи географическихъ данныхъ по областямъ, народамъ, рѣкамъ, островамъ — несомнѣнно заимствована ею изъ Паскальной Хроники.

Такимъ образомъ, представленныя г. Соболевскимъ соображенія вовсе не убѣждаютъ насъ въ неправильности установившагося въ наукѣ мнѣніи, что лѣтопись была источникомъ Палея, а не на оборотъ; и если я не обратилъ должнаго, какъ полагаетъ почтенный рецензентъ, вниманія на этотъ послѣдній памятникъ, то конечно, не здѣсь надо искать настоящую причину тѣхъ промаховъ и недостатковъ, которые онъ замѣтилъ въ комментаріи Начальной лѣтописи. Впрочемъ, мы вовсе не отрицаемъ, что ошибочность основнаго взгляда или неправильность исходнаго пункта въ каждомъ изслѣдованіи всегда ведетъ къ неизбѣжнымъ ошибкамъ и промахамъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что увлеченія г. Соболевскаго „Толковою Палеею“ дало именно такіе результаты. Оставимъ въ сторонѣ уже отмѣченныя выше неловкости въ доказательствахъ и положеніяхъ почтеннаго рецензента; но какъ пострадалъ именно вслѣдствіе его увлеченія самый взглядъ его на внутреннее достоинство такого важнаго, и — для своего времени — единственнаго памятника, какъ Начальная или Несторова лѣтопись! Г. Соболевскій коснулся своею критикою только двухъ мѣстъ прославленной Шлецеромъ географіи нашего лѣтописца и, увлекаемый предвзвѣтою идеей, сдѣлалъ два вывода, одинаково неутѣшительные для достоинства памятника. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ искажалъ имѣвшійся у него для переписки текстъ, въ другомъ по неизвѣстной причинѣ выпустилъ нѣсколько названій, но сдѣлалъ это небрежно. Какъ мы старались доказать, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не было однако ни искаженія, то-есть, невѣжества, ни небрежности. Памятникъ нельзя оцѣнивать своею произвольно взятою мѣркою; критерій для его оцѣнки надо искать прежде всего въ немъ самомъ, въ его полномъ уясненіи. При соблюденіи такого условія многое, что кажется на первый взглядъ непонятнымъ, ошибочнымъ, вымышленнымъ, можетъ сдѣлаться яснымъ, стать непреложнымъ фактомъ.

Перехода въ частности къ тѣмъ промахамъ, которые вкравлись въ „Очерки“ вслѣдствіе незнакомства изслѣдователя съ Толковою Палеею, г. Соболевскій прежде всего останавливается на комментаріи извѣстнаго мѣста лѣтописной космографіи: „отъ сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ Словенскъ отъ племени же афетова, нарицаемѣи Норци (въ Лавр. Нарци), иже суть Словѣни (Ипат. 3). „Онъ рас-

пространается (такъ свидѣтельствуеъ г. Соболевскій объ авторѣ „Очерковъ русской исторической географіи“) о Норцѣхъ или Нарцахъ лѣтописи и приводитъ мнѣнія о нихъ разныхъ ученыхъ, при чемъ склоняется къ мнѣнію, что слово норци замѣняетъ въ лѣтописи слово иллирцы; между тѣмъ, на основаніи текста Палея, можно прямо сказать, что норци = Норики Норихи Пасхальной лѣтописи, хотя, конечно, не видно, почему они отождествлены съ Славянами“. Такое свидѣтельство г. Соболевскаго о разбираемомъ имъ мнѣніи, очевидно,—недоразумѣніе. „Очерки“ въ послѣднемъ изданіи не только не стараются установить тожество норцовъ (вѣрнѣе—норковъ) лѣтописи съ нориками классической географіи, но и взяли на себя смѣлость объяснить непонятное отождествленіе ихъ съ славянами. Въ новомъ изданіи „Очерковъ“ ясно выражено предположеніе, что автору или редактору Начальной лѣтописи могла быть извѣстна одна изъ составныхъ частей обширной Иллирійской области бывшей Римской имперіи — Норикъ (Noricum), подъ которымъ разумѣлась теперешняя Верхняя и Нижняя Австрія между Инномъ и Дунаемъ и горными отрогами подъ Вѣною (Wiener-Wald), большая часть Штирія, Каринтія, часть Краины, Баварія, Тироля и Зальцбурга. Значительная часть населенія этой страны принадлежала къ славянству, а авторъ или редакторъ космографическаго вступленія въ лѣтопись очень легко могъ воспользоваться именемъ этой области или скорѣе—ея населенія (Norigi), какъ ученымъ комментариемъ, когда ему пришлось, по ходу изложенія, связывать византійскія географическія и этнографическія свѣдѣнія съ преданіемъ о происхожденіи и первоначальномъ расселеніи славянъ (Очерки, стр. 247—248). Благодаря отождествленію Палею Норцовъ (Норковъ) съ славянами, на которое такъ обязательно указалъ г. Соболевскій, высказанная въ „Очеркахъ“ догадка получаетъ нѣкоторую опору. Теперь „Норци иже суть Славяне“ Начальной лѣтописи не составляютъ уже единичнаго явленія въ нашихъ памятникахъ,—и тѣмъ самымъ раз навсегда устраняются разногласія въ чтеніи и толкованіи этого мѣста Иллирцы, Нарцы, Инородцы, Новгородцы).

Съ вопросомъ о норикахъ-славянахъ г. Соболевскій связываетъ сообщеніе Палея о тожествѣ иверовъ съ обезами. Такъ какъ иверы Пасхальной лѣтописи — предки теперешнихъ грузиновъ,—то слѣдовательно обезы, съ которыми Русь стояла въ непосредственныхъ сношеніяхъ еще въ XII вѣкѣ, — грузины. Этотъ выводъ былъ бы вполне безукоризненъ, еслибы можно было доказать, что иверы

Палеи дѣйствительно суть иверы Пасхальной лѣтописи ¹⁾; еслибы, съ другой стороны, не было сильнаго нѣкогда Аварскаго племени, обрвавъ древняго лѣтописнаго преданія, племени, остатки котораго до сей поры живутъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа въ сосѣдствѣ съ абазинцами, однимъ изъ кавказскихъ племенъ, въ которомъ до сей поры видятъ обезовъ, извѣстныхъ древней Руси. Указаніе обезовъ за Желѣзными Воротами (Дербентомъ), слѣдовательно—въ Закавказьи, которое приводитъ г. Соболевскій изъ Ипатьевскаго списка лѣтописи, принадлежитъ, какъ извѣстно, какому-то эпическому сказанію, и принимать его буквально не совсѣмъ удобно.

Далѣе г. Соболевскій находитъ новый промахъ въ томъ, что я будто бы признаю въ Перми лѣтописи не только вышѣпныхъ Пермиковъ и Зырянъ, но и Кореловъ, племени, по моимъ словамъ, не извѣстнаго лѣтописцу, тогда какъ изъ Палеянаго текста ясно, что Пермь назывался народъ отличный отъ Корелы. Новое недоразумѣніе! Я замѣтилъ только, что въ связи съ лѣтописною Пермью несомнѣнно стоятъ Біармія Нормановъ, которые обозначали этимъ именемъ область нижняго теченія Сѣверной Двины и Бѣломорское побережье; но ни въ этой области, ни въ Поморьи населеніе никогда не состояло изъ пермяковъ: тамъ искони жили карелы — племя неизвѣстнаго лѣтописцу, и такимъ образомъ въ немъ слѣдуетъ искать норманскихъ біармовъ. Норманны могли пользоваться именемъ Перми для обозначенія Корельской земли и т. д. (Очерки 57). Гдѣ же тутъ признаніе въ лѣтописной Перми—кареловъ?

Наконецъ, г. Соболевскій, находитъ промахъ въ принятомъ мною чтеніи по Ипатьевскому списку „Норома“ (въ др. Нерома), вмѣсто „Норова“ старѣйшаго Лаврентьевскаго списка. Правильность перваго чтенія (Норома, Нерома) и его филологическое значеніе, какъ названія одного изъ литовскихъ поколѣвій, давно объяснены извѣстнымъ знатокомъ инородческой этнографии русской равнины, академикомъ Шегреномъ, и въ Очеркахъ приведены результаты его изысканій. Г. рецензентъ, опираясь на Толковую Палею, защищаетъ однако чтеніе „Норова (Нерова)“, и приводитъ рядъ данныхъ, на основаніи

¹⁾ Chron. Pasch. (ed Bonnae. I, 47): Iberi qui et Tuganni (также какъ ниже: Latini qui et Romani); но далѣе въ перечнѣ народовъ, возникшихъ послѣ столпотворенія, — тиранин отождествлены съ испанцами: Σλαβοὶ ὅτι καὶ Τυραννίαι, слѣдовательно, Пасхальной лѣтописи была извѣстна древняя Иберія, — сѣверная часть теперешней Испаніи. Но въ томъ же перечнѣ выше: *Iberes* между арменіями, бебранами и скивами, — очевидно, кавказскіе иберы (57).

которыхъ, какъ онъ выражается, должно восстановить лѣтописное названіе финскаго племени въ видѣ Неровы или Неревы. Не смотря на этотъ рядъ данныхъ, мы все-таки принуждены повторить высказанное въ Очеркахъ мнѣніе, — „что 1) лѣтописецъ въ перечнѣ племенъ сѣверо-восточной равнины несомнѣнно держится того порядка, въ какомъ они по его представленію расселились, и помѣщая Норову, Нерому съ Корсю и Либыю, тѣмъ самымъ указываетъ на ихъ близкое сосѣдство; 2) сѣверно-русскія лѣтописи, сообщая довольно подробныя свѣдѣнія о названныхъ размѣщеніяхъ чудскихъ племенъ въ Прибалтійскомъ краѣ, вовсе не знаютъ племени Норовы; имъ извѣстна только рѣка Норова (Нерова), протокъ изъ Чудскаго озера въ Финскій заливъ“ (Очерки, 230—231). Въ самомъ дѣлѣ вотъ рядъ данныхъ, приводимыхъ г. Соболевскимъ:

1) Въ Ипатьевскомъ спискѣ читается въ рассматриваемомъ мѣстѣ, по заявленію г. рецензента, „Морома“, при чемъ ссылка на фото-литографическое изданіе Повѣсти временныхъ лѣтъ этого списка (стр. 8), то-есть, повторяется (опять, конечно, по небрежности или искаженію?) раньше названная Мурома. Дѣйствительно, въ названномъ фото-литографическомъ изданіи это слово написано такъ, что можно прочесть и Морома, но только едва ли это будетъ вѣрно. Дѣло въ нечеткости или опискѣ первой буквы; но, при внимательномъ разсмотрѣніи снимка, во всякомъ случаѣ буква эта оказывается не м, а н: м—нигдѣ въ спискѣ не имѣетъ такого страннаго начертанія; здѣсь видно, что къ обычному начертанію м прибавлена спереди лишняя черта, которая могла образоваться или въ подлинникѣ по неосторожности или неаккуратности переписчика при написаніи обычныхъ раздѣльныхъ знаковъ, или при фото-литографическомъ исполненіи (ретушковкѣ) снимка, которое не устраняетъ возможности погрѣшностей, особенно такихъ мелочныхъ. Вѣроятно, такъ понимала дѣло и археографическая коммиссія, которая приняла чтеніе Норома и въ 1-мъ томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей въ вариантахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку, и въ послѣднемъ изданіи лѣтописи по Ипатьевскому списку. Далѣе, 2) списки Палеи имѣютъ въ показанномъ мѣстѣ Недрова, Недрева; но изъ этой ссылки г. Соболевскаго видно только, что списки Палеи здѣсь испорчены. 3) Въ Новгородѣ извѣстенъ Неревскій конецъ, но этотъ конецъ назывался также Неровскимъ, и существованіе его указываетъ только на то, что при его заселеніи, могло имѣть какое-то значеніе Нерева или Нерова, вѣроятно же всего—мѣстное урочище, и вывести

изъ этого названіе особаго финскаго племени, не имѣя никакихъ другихъ данныхъ—по крайней мѣрѣ не осмотнительно. При такомъ пріемѣ, какіе занимательные выводы можно сдѣлать, напримѣръ, изъ существованія въ Новгородѣ Прусской улицы.. Да вѣдь и пытались дѣлать... 3) Извѣстна рѣка Нарова или Нерова. 4) Самый важный фактъ въ ряду данныхъ г. Соболевскаго: „Наконецъ“, говоритъ онъ,—„извѣстно финское племя Нерова, упомянутое въ Суздальской лѣтописи подъ 1214 г.: иде князь Мстиславъ съ Новгородци на Чудь на Нереву къ морю (лѣтопись по Лаврентьевскому списку стр. 467). Чего бы казалось лучше? Но и здѣсь г. Соболевскій упустилъ изъ виду, что объ этомъ походѣ есть извѣстіе изъ старѣйшаго, болѣе близкаго къ мѣсту дѣйствія, и слѣдовательно, болѣе компетентнаго источника, чѣмъ лѣтопись по Лаврентьевскому списку, именно подробное и, по всей вѣроятности, современное извѣстіе первой Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III. 32) подъ тѣмъ же 1214 годомъ о походѣ князя Мстислава съ Новгородцами къ морю, на Чудь Ереву и городъ Воробинь. Эта Ерева или Ервенъ область съ городами Верпелемъ и Вейсенштейномъ была извѣстна и въ XVI вѣкѣ: въ числѣ другихъ она была завоевана Іоанномъ Грознымъ въ Ливонскую войну. Въ виду этого Нереву Лаврентьевскаго списка можно считать только опискою при внесеніи извѣстія о походѣ 1214 года изъ Новгородскихъ лѣтописей въ Суздальскій лѣтописный сводъ.

Покончивъ съ промахами новаго изданія „Очерковъ“, происшедшими отъ невниманія ихъ автора къ Толковой Палѣ, г. Соболевскій представилъ еще нѣсколько соображеній и указаній по комментаціи начальной лѣтописи, какъ историко-географическаго источника. Мы не можемъ не принять съ благодарностью филологическихъ указаній почтеннаго рецензента, заявившаго себя солидными трудами по исторіи Русскаго языка,—и конечно, подобныя промахи, какъ „Деревы“ и „Поли“ не повторятся въ будущемъ изданіи „Очерковъ“. Точно также заслуживаетъ полнаго вниманія предложенное г. Соболевскимъ чтеніе Добрянскъ вмѣсто до Брянскъ, хотя все еще сомнительно, чтобъ изъ первоначальной формы Дьбрянскъ (отъ дьбрь, дьрбь), изъ которой образовался позднѣе Брянскъ, могла явиться въ XIV—XV в. форма Добрянскъ. Но тѣмъ не менѣе признаваемое г. Соболевскимъ тожество Колбиговъ и Корлазей кажется намъ столь же бездоказательнымъ, какъ недостаточнымъ и объясненіе загадочной Толковины; также не видно достаточныхъ основаній принять чтеніе „Домагощъ“ вмѣсто „до Магощъ“ и выбросить до передъ словомъ

Воробинъ въ извѣстіи Игнатьевского списка подъ 1147 годомъ. Вопросъ объ этнографическомъ составѣ Болоховцевъ и предложеннаго г. Дашкевичемъ домысла о ихъ русскомъ или румынскомъ происхожденіи мы не касались по совершенной отдаленности этого предмета отъ прямыхъ задачъ нашего изслѣдованія. Что же касается невѣрныхъ сближеній староплеменныхъ названій съ теперешнею географическою номенклатурою, допущенныхъ въ нашемъ изслѣдованіи, то мы признаемъ совершенно справедливымъ замѣчаніе г. Соболевскаго, что большее знакомство съ лингвистикою избавило бы насъ отъ такихъ сближеній. Но почтенный рецензентъ могъ бы, кажется, нѣсколько смягчить свой суровый приговоръ, если бы принялъ во вниманіе заявленіе, сдѣланное въ предисловіи къ первому изданію „Очерковъ“, что такого рода историко-географическій матеріалъ, какъ географическая номенклатура, тогда только получить прочность и несомнѣнность, когда будетъ провѣренъ путемъ филологическаго изученія, и что, не смѣя основывать (исключительно) на нихъ никакихъ положеній и заключеній, мы не считали себя въ правѣ оставить ихъ вовсе безъ вниманія и старались собрать ихъ, какъ матеріалъ для другихъ, болѣе счастливыхъ и болѣе подготовленныхъ изслѣдователей.

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что, по крайнему нашему убѣжденію, строго-научный филологическій разборъ географической номенклатуры необходимъ не только для надлежащаго разрѣшенія вопросовъ о древнѣйшей этнографіи Русской равнины и объ историческомъ распространеніи славяно-русскаго племени на прострaнствѣ ея, но и для исторіи русскаго языка, съ одной стороны, а съ другой — для важнаго любопытнаго вопроса о началѣ и истинномъ значеніи и характерѣ теперешняго этнографическаго расчлененія великаго русскаго племени.

И. Барсовъ.

АЛЬБРЕХТЪ, ГЕРЦОГЪ ПРУССКІЙ, И РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ.

10-го апрѣля 1525 года Краковъ былъ свидѣтелемъ важнаго историческаго событія. Бывшія земли Тевтонскаго ордена передавались въ ленъ великому магистру этого ордена въ качествѣ свѣтскаго владѣнія—герцогства. Присяга въ вѣрности перваго Прусскаго герцога происходила съ обычною въ подобныхъ случаяхъ торжественностью. На Краковскомъ рынкѣ, передъ ратушей, на особо построенномъ возвышеніи, сидѣлъ король Сигизмундъ I, облеченный во всѣ знаки королевскаго достоинства; по правую руку его находились четырехлѣтній сынъ его—Сигизмундъ-Августъ, будущій король Польши, котораго держалъ на рукахъ Сѣрадскій воевода Ярославъ Ласкій, а по лѣвую—девять епископовъ; затѣмъ по обѣимъ сторонамъ короля разстѣлились, сообразно рангамъ, свѣтскіе сенаторы и приближенные короля. Между 10 и 11 часами утра явились отъ герцога Альбрехта его совѣтники съ просьбою, чтобы король соблаговолилъ пожаловать его леномъ. Получивъ согласіе на это, они отправились за Альбрехтомъ. Немедленно отправляется послѣдній съ своимъ братомъ Георгомъ и герцогомъ Лигницкимъ Фридрихомъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, на Краковскій рынокъ.

Подѣхавъ близко къ королевскому трону, всѣ сѣшались. Герцогъ Альбрехтъ обратился къ королю съ краткою рѣчью, обѣщая соблюдать въ строгости свои обязательства по отношенію къ Польшѣ. Затѣмъ наступилъ самый актъ ленной присяги. Альбрехтъ, вмѣстѣ съ двумя другими сопровождавшими его князьями, сталъ на колѣни передъ королемъ и получилъ изъ рукъ послѣдняго новое знамя изъ

бѣлой матеріи, на которомъ былъ изображенъ черный орелъ съ золотыми когтями и съ такою же короною на шеѣ; на груди орла была начертана серебряная буква S, то-есть, начальная имени Польскаго короля. Держа въ одной рукѣ знамя и протянувъ два пальца другой надъ Евангеліемъ, которое было положено королю на колѣни епископами Краковскимъ и Гнѣзненскимъ, Альбрехтъ произнесъ ленную присягу. По окончаніи ея, онъ всталъ, и тогда наступило посвященіе его въ рыцари. Король взялъ мечъ и три раза коснулся имъ Альбрехта, который долженъ былъ вновь стать на колѣни. Послѣ этого король надѣлъ ему на шею дорогую золотую цѣпь и передалъ знамя. Этимъ кончилась церемонія пожалованія Пруссія въ ленъ Альбрехту.

Герцогъ Альбрехтъ въ то время былъ еще молодымъ человекомъ: ему шель тридцать-пятый годъ, тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ заявить себя, какъ разумный и ловкій князь, и притомъ честолюбивый и энергичный. Онъ происходилъ изъ Гогенцоллернскаго дома и приходился внукомъ извѣстному Бранденбургскому курфирсту Альбрехту Ахиллесу (1470 — 1486). Отецъ нашего Альбрехта, Фридрихъ, маркграфъ Анспахскій, младшій сынъ Альбрехта Ахиллеса, былъ женатъ на дочери Польскаго короля Казимира IV Ягеллончика, Софьѣ, такъ что герцогъ Альбрехтъ приходился племянникомъ царствовавшему въ это время въ Польшѣ королю Сигизмунду I. Трудно было бѣдному маркграфу Фридриху пристроивать своихъ сыновей, которыхъ у него было восьмеро. Поэтому, онъ былъ не мало обрадованъ, когда его третій сынъ, двадцатилѣтній Альбрехтъ, былъ избранъ гротмейстеромъ Тевтонскаго ордена на мѣсто умершаго въ 1510 году Фридриха, герцога Саксонскаго.

Со времени Торнскаго мира 1466 года Тевтонскій орденъ считался леномъ Польши, и вслѣдствіе того юный гротмейстеръ былъ обязанъ принести ленную присягу Польскому королю.

Но тутъ-то и сказались гордость и честолюбіе Альбрехта и стремленіе его къ полной независимости. Онъ упорно уклоняется отъ принесенія ленной присяги, не смотря на настойчивыя требованія короля Сигизмунда I, такъ что въ 1519 году вспыхиваетъ даже вслѣдствіе того ожесточенная война между племянникомъ и дядею. Въ теченіе двухъ лѣтъ ведетъ Альбрехтъ непосильную для него войну съ Польшей и совершенно разбитый успѣваетъ заключить перемиріе на четыре года. Въ это время реформаціонное движеніе охватываетъ и орденскія земли. Герцогъ Альбрехтъ видитъ, что

если онъ пойдетъ противъ духа времени, то потеряетъ популярность у своихъ подданныхъ; а онъ понимаетъ, что выполнение его честолюбивыхъ замысловъ возможно только при полной солидарности его съ народомъ, что въ этомъ его сила и залогъ будущаго успѣха, и онъ рѣшился на геройскій шагъ. Съ согласія короля Сигизмунда I, онъ секуляризируетъ орденскія владѣнія. Затѣмъ, не видя благоприятнаго исхода войны съ Польшей, Альбрехтъ приноситъ наконецъ ленную присягу своему сюзерену, которая только что была описана нами.

Казалось, что молодой герцогъ долженъ теперь смириться, стать покорнымъ вассаломъ, и что война между нимъ и королемъ Польскимъ совершенно окончена. Дѣйствительно, мысль о войнѣ была оставлена Альбрехтомъ. Онъ понималъ, что съ его теперешними слабыми силами нельзя и помышлять о войнѣ, а разчитывать на помощь Германіи нечего. За то теперь должна была начаться война другаго рода противъ Польши, и на этотъ разъ для нея болѣе опасная. Дѣло шло о мирномъ развитіи силъ Гогенцоллернскаго дома въ предѣлахъ собственныхъ владѣній, объ упроченіи тамъ его власти, а также приобрѣтеніи себѣ и въ самой Польшѣ союзниковъ для того, чтобы открыть доступъ туда своему вліанію. Послѣ приобрѣтенія въ Польшѣ союзниковъ, друзей и преданныхъ людей, открылась бы возможность болѣе свободно и независимо дѣйствовать въ предѣлахъ своихъ владѣній, конечно, не безъ нарушенія интересовъ и правъ сувереннаго государства; быть можетъ, въ головѣ молодаго герцога шевелились уже и болѣе широкіе и смѣлые планы: освободиться совершенно отъ зависимости отъ Польши, а даже, пожалуй, изъ ленника Польши превратиться въ ея повелителя. И дѣйствительно, Прусскіе герцоги являлись въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ во время наступившихъ въ концѣ XVI вѣка безкоролевій. Не осуществившіяся тогда мечты ихъ стали, однако, дѣйствительностью при болѣе могущественныхъ ихъ потомкахъ....

Послѣ признанія со стороны Польши секуляризаціи Тевтонскаго ордена и наступленія мира съ нею, герцогъ Альбрехтъ могъ вполне отдаться устроенію протестантской церкви, которая чрезвычайно успѣшно прививалась къ Пруссіи. Не мало труда стоила, однако, организація церкви, а также проведеніе всѣхъ реформъ, стоявшихъ въ связи съ требованіями духа новой церкви. Но еще болѣе труда стоило выполненіе всего этого по отношенію къ не-вѣмецкому элементу герцогства, а именно—литовскому и польскому. Тѣмъ не менѣе, это не испугало Альбрехта, и онъ даже съ особеннымъ усердіемъ работалъ надъ

распространеніемъ протестантизма среди литовскаго и польскаго населенія своего герцогства. Такимъ путемъ онъ разчитывалъ сильнѣе сплотить эти чужіе элементы съ нѣмцами и объединить всѣхъ своихъ подданныхъ. Сверхъ того, онъ зналъ, что протестантизмъ сталъ уже пробираться въ предѣлы Польши, и что его тамъ встрѣчаютъ не особенно дружелюбно. Это давало ему возможность, ставъ покровителемъ и поддержкою польскихъ протестантовъ, снисывать ихъ симпатіи и воспользоваться ими при случаѣ для политическихъ цѣлей. Дѣйствительно, въ теченіе долгаго княженія герцога Альбрехта, мы постоянно видимъ его слѣдящимъ внимательно за ходомъ развитія протестантизма въ Польшѣ, сносящимся съ польскими нововѣрцами и имѣющимъ тамъ своихъ агентовъ. На это серьезное и дѣятельное участіе Альбрехта въ пропагандированіи протестантизма въ Польшѣ, на его далеко не безкорыстные виды въ этомъ дѣлѣ мы имѣемъ намѣреніе обратить вниманіе читателей въ этомъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе что на указанномъ отношеніи герцога Альбрехта къ польской реформаціи никто до сихъ поръ не останавливался болѣе обстоятельно. Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ помогаетъ пролить отысканная нами въ Кенигсбергскомъ государственномъ архивѣ переписка Альбрехта съ польскими протестантами.

Юго-восточная часть земель Тевтонскаго ордена, граничившая съ польскими землями, съ XIV вѣка была колонизована поляками и по преимуществу выходцами изъ Мазовіи. Начиная отъ городовъ Ангербурга и Лыка на востокѣ и кончая городами Гильгенбургомъ, Гогенштейномъ и Солдау (Дзялдовъ по польски) на западѣ, польское населеніе тянулось сплошною массою въ только что созданномъ герцогствѣ Пруссіи. Не одна религіозная ревность, но и политическія соображенія, заставляли герцога Альбрехта позаботиться о распространеніи протестантизма среди этого польскаго населенія, составлявшаго не незначительный процентъ населенія его маленькаго герцогства. Дѣло это облегчалось тѣмъ, что среди поляковъ были замѣтны симпатіи къ новой религіи. Нужно было только воспользоваться этимъ. Но навязывать полякамъ Священное Писаніе, богослужебныя и иныя книги, необходимыя для распространенія среди нихъ лютеранства, на вѣмецкомъ языкѣ значило бы рисковать потерпѣть неудачу или, по крайней мѣрѣ, замедлить успѣхъ дѣла. Нижніе классы населенія не знали нѣмецкаго языка, и онъ былъ для нихъ столько же непонятенъ,

накъ и латинскій. Сверхъ того, распространеніе лютеранскаго ученія на нѣмецкомъ языкѣ среди польскаго населенія противорѣчило бы самому духу этой религіи, требовавшей, чтобы каждый народъ имѣлъ священныя книги и совершалъ богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. А еслибы прусскіе поляки приняли лютеранія, то религія связала бы ихъ сильнѣе съ нѣмцами и развѣдила бы съ католическими со-племенниками Польскаго королевства. Со временемъ они могли бы и совершенно онѣмѣться. Все это хорошо понималъ Альбрехтъ и разчитывалъ на это. И въ самомъ дѣлѣ, онъ принялся за дѣло съ большимъ умѣньемъ.

Прежде всего онъ заботится о томъ, чтобы распространить среди польскаго населенія Священное Писаніе на его родномъ языкѣ. Найти переводчика священныхъ книгъ на польскій языкъ было не легко. Образованныхъ богослововъ, воспитавшихся въ протестантскихъ школахъ, почти не было еще въ это время среди прусскихъ поляковъ. Тогда Альбрехтъ обращаетъ свои взоры на сосѣднюю Польшу. Во второй половинѣ царствованія короля Сигизмунда I, тамъ стали появляться зародыши реформаціоннаго движенія. Хотя эти зародыши были крайне слабы и выражались, главнымъ образомъ, только въ неуваженіи къ нѣкоторымъ обрядамъ католической церкви или въ насмѣшкахъ надъ духовенствомъ, вполнѣ, впрочемъ, заслуженныхъ имъ, тѣмъ не менѣе теперь можно было встрѣтить въ Польшѣ нѣсколькихъ образованныхъ богослововъ, которые открыто стали выражать свое сочувствіе къ ученію Лютера. Понятно, что они должны были подвергаться сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства. Прусскому герцогу оставалось только воспользоваться этимъ и явлечь для себя выгоду. Давъ пріютъ подобнымъ лицамъ въ Пруссіи, онъ не только имѣлъ прекрасный случай получить нужныхъ ему переводчиковъ богослужебныхъ и священныхъ книгъ на польскій языкъ, но и могъ обратить на себя вниманіе всѣхъ сочувствующихъ въ Польшѣ протестантизму лицъ и завязать съ ними болѣе близкія отношенія. Однимъ изъ такихъ дѣятельныхъ переводчиковъ Священнаго Писанія на польскій языкъ, привлеченныхъ Альбрехтомъ изъ Польши въ Пруссію, былъ Янъ Секлюціанъ. Онъ былъ родомъ изъ Бромберга (Бидгоща) и, какъ кажется, по національности нѣмецъ. По крайней мѣрѣ, онъ проповѣдывалъ для нѣмцевъ въ церкви св. Маріи Магдалины въ Познани. Степень бакалавра онъ получилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ (какъ о томъ самъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ), но уже въ очень зрѣломъ возрастѣ, когда ему было

около сорока лѣтъ, потому что въ число студентовъ Лейпцигскаго университета онъ записался въ 1536 году ¹⁾). Въ 1525 году нѣкоторыя его проповѣди вызвали подозрѣніе, что онъ сочувствуетъ ученію Лютера. Тогда король потребовалъ отъ познанскаго магистрата, чтобы Секлюціану было воспрещено проповѣдывать. Дважды пришлось Сигизмунду I повторять свое распоряженіе, и только послѣ втораго очень строгаго указа, въ которомъ король угрожалъ наложить на городъ Познань штрафъ въ десять тысячъ венгерскихъ флориновъ, если Секлюціанъ не будетъ удаленъ изъ города, послѣдній дѣйствительно былъ устраненъ отъ обязанностей проповѣдника ²⁾). Однако, онъ тотчасъ же нашелъ покровителя въ лицѣ Гурки, генерала Великой Польши, предоставившаго ему мѣсто писаря въ познанской таможнѣ. Пользуясь покровительствомъ этого магната, Секлюціанъ продолжаетъ распространять лютеранское ученіе. Но около 1540 года, какъ видно изъ его сочиненія: „Исповѣданіе вѣры христіанской Яна Секлюціана“ (*Wyznanie wiary chrześcianskiej Jana Seklucjana*), въ которомъ открыто объявляетъ себя послѣдователемъ Лютера, онъ опять подвергся гоненіямъ со стороны духовенства, которыя на этотъ разъ повели къ серьезнымъ и печальнымъ для него послѣдствіямъ. Не помогло ему теперь и заступничество Гурки. Онъ былъ лишенъ своего мѣста, объявленъ еретикомъ и приговоренъ къ тюремному заключенію на всю жизнь. Въ это время герцогъ Альбрехтъ вырываетъ Секлюціана изъ бѣды и беретъ его къ себѣ въ Кенигсбергъ.

Съ большимъ рвеніемъ принимается Секлюціанъ за распространеніе лютеранства среди прусскихъ поляковъ. Не только живымъ словомъ внушалъ онъ новое ученіе: герцогъ назначилъ его польскимъ проповѣдникомъ при кафедральномъ соборѣ, а также и при приходской церкви на старомъ городѣ; но и перомъ работаетъ онъ для этого дѣла. Въ августѣ 1547 года выходятъ на польскомъ языкѣ издавныя имъ духовныя пѣсни ³⁾, а въ іюнѣ того же года появился

¹⁾ *Tomkowiś. Metrica Universitatis Lipsiensis. Archivum do dziejów literatury w Polsce. T. II, p. 428.*

²⁾ *Muczkowski. Mieszkania i postępowanie uczniów Krakowskich. Kraków. 1842. Стр. 132.*

³⁾ *Seklucyan Jan. Piśni duchowne a nabożne, nowo zebrane i wydane. Królewice pruski, u J. Weinreicha, mense Augusto 1547. См. Przewodnik Bibliografisty, издаваемый въ Краковѣ, 1884 г., № 6.*

его катехизисъ, также, конечно, на польскомъ языкѣ, который черезъ два года выдерживаетъ уже второе изданіе ¹⁾). Къ новому изданію катехизиса Секлюціанъ присоединилъ „науку чтенія и писанія“ а также „экономію или науку потребную людямъ всѣхъ сословій“. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ стали выходить на польскомъ языкѣ по частямъ книги Новаго Завѣта. Въ теченіе двухъ лѣтъ окончень былъ Секлюціаномъ переводъ Евангелія, также Дѣявій и Посланій апостольскихъ. По обычаю того времени, онъ снабжалъ каждую издаванную имъ книгу посвященіемъ тому или другому высокопоставленному лицу. Переводъ Дѣявій апостольскихъ, вышедшій въ сентябрѣ 1552 года, онъ посвятилъ королю Сигизмунду II. Посвященіе книги въ ту эпоху имѣло совершенно иное значеніе и цѣль, нежели теперь. Когда въ Польшѣ оживились занятія науками и литературою, каждый образованный полякъ хотѣлъ казаться меценатомъ. Ему было особенно пріятно, когда это выставлялось на показъ и признавалось публично. Посвященія же, предпосылавшіяся книгамъ, сопровождались всегда лестными отзывами и похвалами заслугамъ даннаго лица. Такимъ образомъ, посвященіе какому-либо лицу книги возвышало его въ глазахъ общества и составляло предметъ его гордости. Особенно дорожили поляки такого рода вниманіемъ, оказаннымъ имъ со стороны иностранныхъ ученыхъ. Но этого мало. Полученіе даже письма отъ такихъ людей, какъ Кальвинъ и Лютеръ, сильно подкувало въ пользу этихъ реформаторовъ лицо, ошачествленное ихъ вниманіемъ. Кальвинъ и другіе швейцарскіе реформаторы были постоянно заваливаемы со стороны руководителей польскаго реформаціоннаго движенія просьбами написать тому или другому вліятельному въ Польшѣ лицу посланіе въ пользу ихъ дѣла. И письма эти, равно какъ и посвященіе книгъ, не оставались безъ результата. Секлюціанъ зналъ это и съ тѣмъ большею охотою пользовался этимъ оружіемъ относительно Сигизмунда II, что о послѣднемъ ходили слухи, будто онъ въ душѣ сочувствуетъ протестантизму. Въ посвященіи вышеупомянутой книги Сигизмунду - Августу Секлюціанъ говоритъ даже, что онъ счелъ бы за преступленіе съ своей стороны, еслибы слово Божіе на польскомъ языкѣ посвятилъ кому-

¹⁾ Catechismus to iest krotka a prosta (starey wiary Chrzescianskiej) nauka. Powtore wydana przez Jana Secluciana. Ktemu przydana krotka nauka czytania y puszczania. Jtem Oeconomia abbo nauca wszelkiego stanu ludziom potrzebna zpusma swiętego. W Krolewezu pruskim. 1549.

либо иному. Заванчиваетъ онъ свое обращеніе къ королю увѣщаніемъ читать эту книгу. Не мало издалъ онъ другихъ книгъ, полезныхъ для распространенія протестантизма. Можно только удивляться трудолюбію, энергіи и преданности своему дѣлу этого человѣка, тѣмъ болѣе что почти всѣ свои сочиненія онъ издавалъ на собственный счетъ. Часто жалуется Секлюціанъ въ предисловіяхъ къ своимъ книгамъ на недостатокъ своихъ средствъ и на то, что онъ долженъ былъ входить въ долги для ихъ напечатанія. Затруднительное положеніе его денежныхъ дѣлъ вызывало даже ходатайство со стороны нѣкоторыхъ польскихъ пановъ передъ герцогомъ Альбрехтомъ, чтобы послѣдній помогъ ему ¹⁾. Но эти ходатайства были совершенно излишни, потому что, если сотрудники Альбрехта въ дѣлѣ распространенія лютеранизма бѣдствовали, то никакъ не вслѣдствіе его равнодушія къ судьбѣ ихъ, а потому только, что онъ самъ былъ очень не богатъ, а между тѣмъ расходы его теперь значительно увеличились ²⁾.

Менѣе извѣстно о дѣятельности другаго переводчика лютеранскихъ книгъ на польскій языкъ, также работавшаго подѣ покровительствомъ герцога Альбрехта. Мы разумѣемъ Евстафія Трепку. Онъ былъ полякъ по происхожденію. Въ 1542 году мы находимъ его имя въ спискѣ лицъ, записавшихся въ витгенбергскій университетъ ³⁾. Затѣмъ изъ письма Гурки къ Альбрехту, въ которомъ онъ проситъ герцога оказать полное довѣріе шляхтичу Евстафію Трепкѣ, секретарю его, и выслушать давнее ему порученіе, мы узнаемъ, что семь лѣтъ спустя Трепка оказался на службѣ у Гурки ⁴⁾. Вѣроятно, бла-

¹⁾ Письмо Яна Лютомірскаго, каштеляна Равскаго, къ герцогу Альбрехту изъ Ленцицы, отъ 25-го января 1558 года, рукопись Кенигсбергскаго государственнаго архива. Лютомірскій пишетъ Альбрехту, что встрѣтился съ Секлюціаномъ на послѣдней ярмаркѣ въ Торнѣ, и тотъ жаловался ему на крайне стѣсненное матеріальное положеніе. Поэтому Лютомірскій проситъ герцога, насколько возможно, помочь Секлюціану.

²⁾ Относитедьство Секлюціана см. *Friese*, Beiträge zu der Reformationsgeschichte in Polen und Lithauen. Zweyten Theils Erster Band. Breslau. 1786, стр. 163 и слѣд.; *Wiszniewski*. Historia literatury polskiei. T. VII, p. 550 et seq.; Preussische Sammlungen. Danzig 1750, T. III, pp. 77—91 и мног. др. сочиненія.

³⁾ *Foerstemann*. Album Academiae Vittembergensis. Lipsiae. 1841, стр. 197.

⁴⁾ Письмо Гурки къ герцогу Альбрехту изъ Гнѣзна отъ 10-го декабря 1549 г.: «Dedi mandata huic nobili Eustachio Treпка, secretario meo, ut nomine meo ad Illustrissimam Dominationem Vestram verba faceret Ad cuius sermonem ut benignamentem adferat et ea quae proferret a me profecta credat, plurimum rogo et oro» Рукопись Кенигсбергскаго госуд. архива.

годаря этому случаю, герцогъ Альбрехтъ успѣлъ ближе познакомиться съ Трепкою и, находя его полезнымъ для своихъ цѣлей, привлекъ его къ себѣ на службу. Въ 1552 году мы застаемъ его трудящимся надъ переводомъ Евангелія. Не смотря на то, что оно было только что издано въ польскомъ переводѣ Секлюціаномъ. Трепка, вѣроятно, находя послѣдній неудовлетворительнымъ, принялся за новый переводъ. По видимому, однако, его трудъ пропалъ даромъ, такъ какъ намъ ничего не извѣстно о напечатаніи его перевода, хотя онъ и просилъ у герцога Альбрехта согласія на изданіе по крайней мѣрѣ Евангелія отъ св. Матвѣя. Кромѣ того, по порученію герцога, онъ занялся теперь также и пересмотромъ комментарія Секлюціана къ апостольскимъ Посланіямъ и нашелъ тамъ, по словамъ его, много заблужденій, отзывающихся ересью ¹⁾. Дѣйствительно, комментарія Секлюціана не появились въ печати ²⁾.

Въ теченіе трехъ лѣтъ затѣмъ мы не имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности Трепки. Но когда въ 1556 году въ Кенигсбергъ прибылъ извѣстный Петръ Павелъ Вергерій, занялся, вмѣстѣ съ герцогомъ Альбрехтомъ, составленіемъ плановъ, какъ обратить Польшу и ея короля въ протестантизмъ, и сталъ издавать протестантскія сочиненія, а также памфлеты, направленные противъ католической церкви, то въ Трепкѣ онъ нашелъ усерднаго союзника и помощника. Вергерій, зная, какимъ влияніемъ на короля Сигизмунда-Августа пользуется Виленскій воевода Николай Радзивиллъ, и видя его сочувствіе реформаціонному движенію въ Польшѣ, естественно долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы снискать симпатіи этого магната для лютеранскаго вѣроученія. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ изъ Кенигсберга къ Радзивиллу, ухаживаетъ за нимъ, прославляетъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Наконецъ, онъ издаетъ на латинскомъ языкѣ родъ лютеранскаго катехизиса, въ краткой и чрезвычайно доступной формѣ, который посвящаетъ старшему сыну Виленскаго воеводы Николаю. Катехизисъ этотъ, озаглавленный Вергеріемъ: „Духовное млеко для питанія и воспитыванія христіанскихъ дѣтей во славу Божию“, тотчасъ находитъ себѣ переводчика въ лицѣ Трепки ³⁾. Въ томъ же 1556

¹⁾ *Wiszniewski. Historia literatury polskiéj. T. VI, p. 557.*

²⁾ *Frisse. O. c., p. 165, nota.*

³⁾ *Lac Spirituale, pro Alendis ac Educandis Christianorum pueris ad gloriam Dei. Munusculum Vergerii Illustrissimo Domino Nicolao... Domini Nicolai... Radivilli primogenio* было переведено Трепкою на польскій языкъ подъ слѣдующимъ загла-

году Трепка переводить на польскій языкъ еще одинъ лютеранскій катехизисъ, а именно, составленный Бренциемъ, реформаторомъ виртембергскимъ. Въ предисловіи къ этому переводу Трепка прямо говорить, что изданіе его сдѣлано по желанію и на средства герцога Альбрехта, который, стараясь о наибольшемъ распространеніи слова Божія и видя его успѣхи въ Польшѣ, заботится о томъ, чтобы оно и тамъ преуспѣвало и распространялось. Въ слѣдующемъ году онъ издаетъ, опять на средства герцога Альбрехта, переводъ сочиненія, направленного противъ католической церкви и озаглавленнаго: „Книжка о томъ, откуда получило начало слово Божіе, и каковъ его авторитетъ, а также о томъ, какъ мы должны думать о папахъ, святыхъ отцахъ и соборахъ—вещи, въ настоящее время весьма необходимы“¹⁾. Переводъ этотъ былъ посвященъ пріятелю Альбрехта, Лукѣ Гуркѣ, воеводѣ Брестскому. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, герцогъ Альбрехтъ издаетъ въ переводѣ Трепки посланіе или собраніе проповѣдей Антонія Корвина на посланія апостола Павла, которая посвящается другому польскому магнату, Станиславу Остророгу, каштеляну Мендже-рѣцкому, одному изъ немногихъ сторонниковъ лютеранизма въ средѣ польскихъ магнатовъ. Такъ снискивалъ себѣ друзей герцогъ Альбрехтъ среди польскихъ магнатовъ, которые въ эту эпоху стали уже составлять все въ Польшѣ. Вскорѣ послѣ изданія упомянутой посланія скончался Трепка (въ 1558 году).

Не менѣе достойна вниманія литературная дѣятельность другаго подьяка—Мартина Квятковскаго, привлеченнаго Альбрехтомъ на службу къ себѣ въ Кенигсбергъ²⁾. Если онъ оказался менѣе плодовитъ по части перевода на польскій языкъ книгъ церковно-богослужебнаго

віемъ: «Upominek ktori Vergērius Jasnemu Panu Mikolaiowi Oswieconego Pana Mikolaiu Radziwila Książca w Olice y Wniewięku Woiewody Wilenskiego etc. Synowi pierwszemu posiał». На послѣднемъ листѣ: «Wycisnął Alexander Auguzedusky u Krolewcu Pruskym. Roku Panskiego. 1556». Эту чрезвычайно рѣдкую книжку я отыскалъ въ Кенигсбергской университетской библиотекѣ.

¹⁾ Książki o tym skład wzięto początec słowo boze, a która jest jego poważność, tysz o tym iako o papieżoch, o Oycach świętych dzierzec mamy, rzeczi tych czasow barzo potrzebne... *Jocher*, *Obraz bibliograficzno-historyczny literatury w Polsce*. T II, p. 208, № 2898.

²⁾ Нѣкоторые біографы Квятковскаго сообщаютъ, между прочимъ, что онъ занимался обученіемъ польскому языку сына герцога Альбрехта—Альбрехта Фридриха. См. *Wengerscius*, *Slavonia Reformata Amstelodami*. 1679, стр. 414; *Siorczyński*, *Obraz Wieku Panowanta Zygmunta III*, t. I, p. 262; *Chodyncki*, *Dukcyonarz Uczonych Polaków*, t. I, pp. 390, 391 и иные.

характера, нежели Сеплюціалъ и Трепка, то это, быть можетъ, значительно менѣе зависѣло отъ него самого, а не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. За то онъ издаетъ не мало сочиненій на латинскомъ языкѣ, касающихся исторіи его отечества и вопроса о пользѣ славянскаго языка. Квятковскій былъ шляхтичъ родомъ изъ Сѣрадзскаго воеводства и получилъ воспитаніе за границею. Старанія его на пользу распространенія лютеранства въ Польшѣ не лишены интереса, такъ какъ раскрываютъ передъ нами нѣсколько характерныхъ чертъ польскаго реформаціоннаго движенія и отгѣняютъ разницу между этимъ движеніемъ въ Польшѣ и Пруссіи.

Въ 1561 году вышелъ сдѣланный Квятковскимъ переводъ Аугсбургскаго исповѣданія вѣры. Издать его пришлось ему на свой счетъ, по всей вѣроятности, потому, что герцогъ уже поручилъ перевести Аугсбургское исповѣданіе вмѣстѣ съ Апологіей, другому поляку, родомъ изъ Пруссіи, Яну Радомскому, пастору въ Нейденбургѣ, и переводъ послѣдняго появился нѣсколькими мѣсяцами ранѣе перевода Квятковскаго ⁴⁾. Этотъ послѣдній, равно также какъ и переводъ Радомскаго, былъ сдѣланъ не съ первоначальнаго изданія Аугсбургскаго исповѣданія, а съ позднѣйшаго, 1551 года, въ которое были внесены нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ. Эти измѣненія нѣсколько сглаживали разницу между лютеранскимъ и кальвинскимъ ученіемъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ первостепенной важности. Строго-протестантская партія встрѣтила поэтому указанные переводы крайне недружелюбно. Нужно замѣтить, что среди прусскихъ богослововъ происходили въ это время сильныя раздоры. Одна партія, численно болѣе значительная и опиравшаяся на городское сословіе и дворянство, строго держалась ученія Лютера, другая же примыкала къ лагерю тѣхъ лютеранскихъ богослововъ, которые дали болѣе мѣста рационализму въ ученіи вѣры и нѣсколько приблизили лютеранизмъ къ кальвинизму. Послѣдняя партія, числившая въ своихъ рядахъ въ Германіи Бренція и даже Меланхтона подъ конецъ его жизни, могла удержаться въ Пруссіи благодаря только Альбрехту, который былъ всею душою на ея сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, издать вторую часть своего перевода, а именно, апологію Аугсбургскаго исповѣданія вѣры, Квятковскому не удалось, такъ какъ

⁴⁾ *Ringeltambe. Beiträge zu der Augspurgschen Confessions Geschichte. Danzig. 1746. Pp. 37, 46.*

этому помѣшалъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуеъ, недостатокъ средствъ и зависть „не столько ученыхъ людей, сколько недоброжелательныхъ“. Интересно, что напечатанный Квятковскимъ переводъ Аугсбургскаго исповѣданія былъ переданъ отъ его имени королю Сигизмунду-Августу на Петровскомъ сеймѣ 1562—1563 года Іоанномъ Дульскимъ, старостою Роговинскимъ, и что извѣстный поэтъ того времени, Николай Рей, одинъ изъ наиболѣе выдающихся въ то же время поборниковъ реформаціи въ Малой Польшѣ, отозвался на томъ же сеймѣ передъ королемъ съ похвалою объ этомъ переводѣ и рекомендовалъ его послѣднему ¹⁾. Николай Рей былъ кальвинистъ и въ частности принадлежалъ къ той вѣтви этого ученія, которая была введена въ Польшѣ Ласкамъ. Но въ это время малопольскіе кальвинисты, которые никакъ не могли согласиться между собою относительно изданія собственнаго исповѣданія вѣры, очень охотно пользовались исповѣданіями другихъ протестантскихъ церквей, что вело къ невообразимой путаницѣ въ ихъ церкви. Достоинно также вниманія отношеніе польскихъ магнатовъ-нововѣрцевъ къ дѣлу реформаціи. Сочувствуя протестантизму, они, однако, не хотѣли нести никакихъ матеріальныхъ жертвъ для распространенія его. Съ ними встрѣчаешься на всѣхъ синодахъ, гдѣ они хотятъ заправлять всѣмъ, даже разрѣшеніемъ чисто богословскихъ вопросовъ, но какъ только дѣло коснется матеріальной поддержки дѣлу церковной реформы, то все ограничивается обыкновенно одними только обѣщаніями или добрыми нахѣреніями. И на Квятковскомъ оправдалось это. Графъ Янъ Тенчинскій, находя желательнымъ, чтобы переводъ апологіи былъ напечатанъ, обращается съ просьбою къ герцогу Альбрехту, чтобы онъ далъ на это средства. Вотъ что писалъ Тенчинскій герцогу: „...Мы еще рекомендуемъ вашему высочеству его (Квятковскаго) переводы на польскій языкъ, а въ особенности апологію Аугсбургскаго исповѣданія, которая, какъ мы полагаемъ, будетъ очень полезна для мно-

¹⁾ Эти подробности почерпнуты нами изъ предисловія Квятковскаго къ его чрезвычайно рѣдкой книжечкѣ, находящейся въ Кенигсбергской университетской библиотекѣ: *Xiążeckki rozkoszne a wielmi uzyteczne o pociwym wychowaniu y w rozmaitych wyzwoionych naukach czwiczaniu Krolewskich, Xiążęcych, Slachezskich y inszych stanow dziatek do Ubertina na ten czas Xiążecia Padewskiego Laczinskim ięzykiem napisane. A teraz z wielką pilnością a pracą z Lacinckiego na polski przez Marcjna Gwjatkowskiego z Rozyez na ten czas X. I. M. Pruskiego etc. etc. Jorgieltnika przelożone y nakładem ubogim wydrukowane. Roku Panskiego 1654. Na послѣднемъ листѣ: Drukowano w Krolewcu Pruskim przez Jana Daubmanna.*

гихъ, и усильно просимъ, чтобы ваше высочество милостиво соизволили оказать помощь къ ея напечатанію. Мы не сомнѣваемся, что это будетъ въ высшей степени угодно всемогущему Богу и чрезвычайно полезно для нашей республики, и мы будемъ считать себя крайне обязанными за это вашему высочеству“¹⁾). Между тѣмъ было бы значительно проще самому Тенчинскому издать этотъ переводъ Квятковскаго.

Поляки-протестанты, дѣйствительно, сознавали всю пользу предпринятыхъ въ Пруссіи переводовъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ на польскій языкъ и относились къ этому дѣлу сочувственно. Мы находимъ и печатное подтвержденіе тому. Большая часть этихъ книгъ была напечатана въ Кенигсбергѣ чехомъ Александромъ, который былъ въ началѣ типографщикомъ въ Литомышлѣ, а послѣ изданія королемъ Фердинандомъ I въ 1548 году эдикта, изгонявшаго братьевъ чешскихъ изъ ихъ родины, переселился вмѣстѣ со многими другими своими соотечественниками въ Пруссію. Въ 1554 году онъ, между прочимъ, издалъ переводъ чешскаго канціонала или сборника духовныхъ пѣсень и въ посвященіи этой книги королю Сигизмунду II Августу объяснялъ слѣдующимъ образомъ свои побужденія къ этому. „Послѣ напечатанія польскаго перевода Новаго Завѣта, сдѣланнаго Сежлюціаномъ“, — разказываетъ онъ — „нѣкоторые благочестивые люди и христіанскіе паны изъ Польши требовали отъ меня, чтобы я продолжалъ издавать какъ можно болѣе подобныхъ книгъ, способствующихъ къ устроенію церкви, и чтобы такимъ образомъ слово Божіе еще болѣе распространялось и процвѣтало среди польскаго народа“. Тѣмъ не менѣе никто изъ польскихъ пановъ не оказалъ ему денежной помощи для напечатанія этого канціонала²⁾). Переводъ его съ чешскаго языка былъ сдѣланъ Валентиномъ Бржозовскимъ. О личности послѣдняго и дѣятельности намъ почти ничего не извѣстно. Свидѣтельство Венгерскаго, будто Бржозовскій былъ консе-

¹⁾ Янъ Тенчинскій герцогу Альбрехту изъ Данцига отъ 16-го августа 1552 г. Рукопись Кенигсбергскаго государственнаго архива.

²⁾ Cantional Albo Ksiegy chwal Boskich, to jest Piesni Duchowne. Kosciola swiętego podlug Ewangeliei y Prawdziwego Pisma Swiętego slozone. A teraz s Czeskiego jezuka na Polski przez Xiadz Walentego z Brzozowa nowo przelorone etc. Na posladnemъ лѣтъ: Roku... MDLIII Wydrukowan a dokonan iest tento cantional we czwartek po S. Grzegorz u etc. To iest dzień 15 Marca w Krolewcu Pruskim, przez mie Alexandra z Augezda a Zwoienic, Impressora z Litomysla z wielką pracą i pilnością a barzo wielkim nakładem...

пиромъ въ Краковскомъ округѣ кальвинскихъ церквей, лишено всякаго основанія ¹⁾; напротивъ, есть уваженія, что въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія онъ былъ проповѣдникомъ при церкви св. Петра въ Данцигѣ ²⁾.

Кромѣ вышеупомянутыхъ переводчиковъ протестантскихъ сочиненій на польскій языкъ, заслуживаетъ вниманія еще одинъ полякъ— Андрей Самуилъ. Онъ былъ монахомъ доминиканскаго ордена и жилъ, какъ и Секлюціанъ, въ Повнани. Реформаціонныя идеи, которыя около сороковыхъ годовъ находили довольно усильное распространеніе въ Повнани, увлекли и доминиканца. Его симпатія къ новому ученію не могли укрыться отъ духовнаго начальства, которое нашло почему-то полезнымъ отправить его за границу для усовершенствованія въ богословскихъ наукахъ. Въ 1542 году мы встрѣчаемъ его въ числѣ студентовъ, записавшихся въ Лейпцигскій университетъ ³⁾. Въ слѣдующемъ уже году онъ получаетъ степень доктора богословія и вступаетъ въ бракъ. Не нужно прибавлять, что Андрею Самуилу нечего было теперь и думать о возвращеніи на родину. Еще во время своихъ занятій въ Лейпцигѣ и Виттенбергѣ, не имѣя средствъ къ существованію, онъ обратился къ герцогу Альбрехту съ просьбой, чтобы тотъ оказалъ ему денежную поддержку для окончанія его занятій. Герцогъ, помогавшій и нѣкоторымъ другимъ полякамъ получить образованіе за границею, не отказалъ и ему. Въ бытность свою въ Виттенбергѣ Андрей Самуилъ успѣлъ обратить на себя вниманіе Меланктона, который въ письмѣ къ герцогу Альбрехту рекомендуетъ его, какъ хорошаго богослова, могущаго быть очень полезнымъ профессоромъ въ нѣвшемъ скорѣ открытѣя университетѣ въ Кенигсбергѣ, такъ какъ онъ зналъ польскій языкъ. Дѣйствительно, герцогъ принимаетъ доктора Самуила къ себѣ на службу, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду поручить ему переводы церковныхъ книгъ для поляковъ ⁴⁾. Переводы доктора Андрея не дошли до насъ; но что они были, на это существуютъ несомнѣнныя доказательства; такъ, напримѣръ, въ спискѣ писателей, сочиненія

¹⁾ *Wengerscius, Libri quatuor Slavoniae Reformatae*, p. 425.

²⁾ *Zeitschrift für Histor. Theologie* 1867. 1 Heft: *Schnaase, Die böhmischen Brüder in Polen*, p. 143, n. 31.

³⁾ *Archivum do dziejów literatury w Polsce*. Т. II, p. 429.

⁴⁾ *Cosack. Paulus Speratus*, p. 179 et seq.

которыхъ запрещены римскою куріей, упоминается Андрей Самуилъ ¹⁾. Сверхъ того, сохранилось распоряженіе, изданное королемъ Сигизмундомъ I 10-го іюля 1544 года, въ силу котораго воспрещался ввозъ въ Польшу сочиненій Самуила ²⁾. Не нужно забывать, что отъ протестантской польской литературы XVI вѣка до насъ дошло далеко не все: въ эпоху католической реакціи Польша съ фанатическою яростью принялась за истребленіе всего, что напоминало ей о ненавистномъ увлеченіи реформаціонными идеями, и это истребленіе шло такъ удачно, что отъ сравнительно богатой протестантской литературы той эпохи уцѣлѣло очень немногое.

Герцогъ Альбрехтъ, заботившійся, чтобы его подданные польскаго происхожденія имѣли всѣ необходимыя церковныя книги на своемъ родномъ языкѣ, естественно долженъ былъ подумать и о томъ, чтобы они имѣли возможность сами ознакомиться съ новою организаціей церкви и обрядами ея. Для того, чтобы новая церковь пустила глубокіе корни и твердо установилась, нужно было немедленно дать ей строго определенное устройство. Понятно, что многое приходилось нѣсколько измѣнять въ послѣдствіи, но герцогъ Альбрехтъ вполне благоразумно постановлялъ тотчасъ же издать описаніе порядка новой церковной организаціи и религіозныхъ церемоній и обрядовъ. Первое изданіе его вышло въ 1525 году лишь на нѣмецкомъ языкѣ, и только третье, появившееся въ 1554 году и значительно переработанное, согласно указаніямъ церковной практики и богословской лютеранской литературы, было переведено на польскій языкъ, равно какъ и нѣкоторыя послѣдующія изданія ³⁾.

¹⁾ *Jocher*, *Obraz bibliograficzno-hist. literatury w Polsce*. Т. III, р. 391. Сарниціи говорятъ, что Мартинъ Глосса, Іоаннъ Секлюціанъ и Самуилъ, проживавъ въ Бенигсбергѣ, распространили много книгъ духовнаго содержанія въ Польшу на языкѣ этой страны: *Annales*. 1587, Стр. 391. О литературной дѣятельности Глоссы намъ ничего не извѣстно. Мы знаемъ только, что онъ получилъ степень магистра въ 1535 году въ Краковскомъ университетѣ (*Muszkowski Liber Promotionum*, pp. 191, 192) и затѣмъ, будучи взятъ герцогомъ Альбрехтомъ въ Пруссію, получалъ отъ него порученіе очистить пограничныя польскія церкви въ Пруссіи отъ папистскаго суевѣрія и былъ сдѣланъ въ 1550 году пасторомъ въ Іоганнсбургѣ (*Toeppen. Gesch. Masurens*, p. 226).

²⁾ *Zakrzewski*. *Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce*, p. 242, n. 22.

³⁾ *Jacobson*. *Gesch. der Quellen des evangelischen Kirchenrechts der Provinzen Preussen und Posen*. Т. II, pp. 39, 40; *Hartknoch*. *Kirchen-Historie*, p. 289; *Toeppen*. *Gesch. Masurens*, p. 231.

Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ и усиліямъ герцога Альбрехта, на польскомъ языкѣ появилась цѣлая литература, которая не только помогла быстрому обращенію въ лютеранство польскаго населенія Пруссіи, но и содѣйствовала широкому распространенію реформаціонныхъ идей въ самой Польшѣ.

Не меньшая услуга была оказана герцогомъ Альбрехтомъ распространенію лютеранизма среди поляковъ открытіемъ университета въ Кенигсбергѣ. Въ Пруссіи ощущался сильный недостатокъ въ подготовленныхъ пасторахъ. Герцогъ вынужденъ былъ постоянно обращаться съ просьбами къ Лютеру и Меланхтону рекомендовать ему лицъ, способныхъ принять пасторскія обязанности; но и они не были въ состояніи удовлетворять всѣмъ этимъ просьбамъ его, такъ какъ Германія не изобиловала еще въ данную эпоху подходящими для этой цѣли людьми. Еще труднѣе было достать пастора-поляка. Мы видѣли, какъ усердно привлекалъ Альбрехтъ на свою службу поляковъ съ богословскимъ образованіемъ, и какъ охотно давалъ онъ средства нѣкоторымъ для окончанія ихъ образованія въ протестантскихъ университетахъ. Но этихъ лицъ было все-таки слишкомъ недостаточно, чтобы удовлетворить потребностямъ края. Поэтому герцогъ задумываетъ учредить высшее учебное заведеніе въ Пруссіи, которое могло бы подготовить нужныхъ людей. Въ 1541 году онъ основываетъ такъ-называемый партикуляръ, въ которомъ, между прочимъ, преподавались языки и богословскія науки. А затѣмъ, три года спустя, 17-го августа 1544 года, въ Кенигсбергѣ открывается уже протестантскій университетъ. Это было событіемъ не послѣдней важности и для судьбы реформаціоннаго движенія въ Польшѣ. Что касается Пруссіи, то она имѣла теперь возможность привести быстро къ концу реформированіе своей церкви и положить твердыя основы для лютеранизма; кромѣ того, она достигала и иныхъ цѣлей. Основывая новый очагъ для просвѣщенія, она обращала на себя вниманіе всей, по крайней мѣрѣ, протестантской Европы и выступала изъ прежней неизвѣстности. Устроивъ же въ этомъ университетѣ нѣсколько кафедръ богословія на польскомъ языкѣ, герцогъ не только могъ удовлетворить потребностямъ прусскихъ поляковъ въ богословскомъ образованіи, но привлекалъ въ него слушателей даже изъ сосѣдней Польши. И дѣйствительно, Кенигсбергскій университетъ пріобрѣлъ тѣмъ большее значеніе для Польши, что ея университетъ въ Краковѣ находился въ сильномъ упадкѣ, и всѣ болѣе зажиточные поляки отправляли своихъ дѣтей учиться за границу.

Какъ только былъ открытъ въ Кенигсбергѣ университетъ, тотчасъ

были равосланы и по всей Польшѣ приглашенія поступать въ него. Достоинъ вниманія, что приглашенія эти разсылались католическимъ епископомъ въ Кульмъ, Тидеманомъ Гизе. Этотъ епископъ спрашивалъ даже совѣта у короля, не развѣсить ли такія приглашенія въ церквахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, какъ того требовалъ герцогъ Прусскій. Хотя епископъ и не получалъ испрашиваемаго разрѣшенія, и постановлено было даже сдѣлать распоряженіе, чтобы никто изъ польскихъ подданныхъ не смѣлъ посѣщать Кенигсбергскій университетъ ¹⁾, тѣмъ не менѣе само же польское духовенство на свои собственные средства посылало туда молодыхъ людей учиться; такъ, напримѣръ, дѣлали епископы Уханскій, Зеброжидовскій и другіе ²⁾. Кромѣ того, лица, знающія польскій и литовскій языки, могли разчитывать на казенныя стипендіи: герцогомъ Альбрехтомъ было учреждено по семи стипендій для владѣющихъ тѣмъ или другимъ языкомъ.

Первымъ ректоромъ Кенигсбергскаго университета былъ Георгъ Сабинъ, зять Меланхтона, а первымъ польскимъ профессоромъ богословія—Станиславъ Рапагеллакъ, который, впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего назначенія умеръ ³⁾. Мѣсто его занялъ Стафилъ, рекомендованный Меланхтономъ.

Но не только такими косвенными путями герцогъ Альбрехтъ пытался проложить путь лютеранизму въ Польшу. Когда Сигизмундъ-Августъ былъ еще наслѣдникомъ престола, то уже стали ходить слухи, что онъ не несочувственно относится къ реформаціоннымъ идеямъ. Въ противоположность своему отцу, онъ не высказывалъ благочестивой приверженности къ католической вѣрѣ. При его дворѣ, когда онъ проживалъ на Литвѣ въ послѣдніе четыре года царствованія своего престарѣлаго отца, проповѣдниками были лица, завѣдомо стоявшія на сторонѣ протестантской реформы, и которыя вскорѣ приняли участіе въ пропагандѣ ея въ Польшѣ ⁴⁾. Все это было извѣстно герцогу Альбрехту, зорко слѣдившему за всѣмъ, что про-

¹⁾ См. мое сочиненіе: *Исторія Реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и Антитринитаріи*, стр. 63.

²⁾ *Wierzbowski*. *Uchańsciana*. Т. I, р. 1; *Wisłocki*. *Korespondencja Zebrzydowskiego*, р. 35, № 77.

³⁾ См. о Рапагеллакъ мое соч. *Исторія Реформаціи въ Польшѣ*, стр. 71, пр. 1.

⁴⁾ См. *Исторія Реформаціи въ Польшѣ*, стр. 60, 61.

исходило въ Польшѣ, и онъ не упускаетъ случая обратиться къ королевичу съ письмомъ, въ которомъ увѣщаетъ его распространять „слово Божіе“ ¹⁾). А когда въ 1548 году умеръ Сигизмундъ I, и престолъ занялъ Сигизмундъ-Августъ, въ головѣ герцога сталъ созрѣвать планъ побудить молодого короля на отважный шагъ—отказаться отъ вѣры своихъ предковъ и принять лютеранизмъ. Тогда, какъ казалось Альбрехту, и вся Польша немедленно послѣдуетъ примѣру своего короля, тѣмъ болѣе, что повсюду говорилось такъ много о симпатіи поляковъ къ новымъ религіознымъ ученіямъ. Мы не знаемъ, говорилъ ли по этому поводу Альбрехтъ съ Сигизмундомъ II въ свою бытность въ Краковѣ на похоронахъ его отца; но какъ только герцогъ узналъ о томъ, что папа черезъ своего легата, присланнаго къ Сигизмунду II для выраженія ему соболѣзнованія по поводу смерти его отца, просилъ короля вступить въ союзъ съ императоромъ Карломъ V для борьбы съ протестантскими князьями,—онъ немедленно предостерегаетъ его отъ подобнаго союза. 10-го сентября 1548 г. Альбрехтъ пишетъ своему повѣренному при польскомъ дворѣ, чтобъ онъ поставилъ на видъ Сигизмунду-Августу то обстоятельство, что значительная часть польскаго дворянства привержена къ слову Божію (то-есть, къ протестантизму) и не допуститъ отнять его у себя. Поэтому для короля будетъ чрезвычайно вредно, если онъ согласится на просьбу папы. Въ заключеніе Альбрехтъ проситъ напомнить ему, чтобы ради вѣчности онъ не далъ увлечь себя временному и предпочелъ первую послѣднему ²⁾).

Безуспѣшность этихъ увѣщаній не смущаетъ Альбрехта. Герцогъ не отказывается отъ мысли побѣдить нерѣшительность короля; онъ ждетъ только болѣе удобнаго времени и выходитъ въ тѣсныя сношенія съ польскими протестантами. Онъ состоитъ въ дѣятельной перепискѣ съ руководителями реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, и ему подробно доносятъ о томъ, что тамъ дѣлается. Въ случаѣ гоненія на какого-либо протестанта, онъ даетъ ему приѣхать у себя въ Пруссію и, по возможности, пристраиваетъ къ какому-либо дѣлу. Въ государственномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ находится не мало писемъ поляковъ къ Альбрехту, которыя доказываютъ, что между нимъ и подданными Польскаго короля установились чрезвычайно тѣсныя отношенія, и что

¹⁾ Ibid., p. 83.

²⁾ *Rindfleisch*. Herzog Albrecht von Hohenzollern, der letzte Hochmeister, und die Reformation in Preussen, p. 62.

они привыкли смотрѣть на Пруссію, какъ на убѣжище для гонимыхъ за свои протестантскія религіозныя убѣжденія. Когда, напримѣръ, въ 1550 году Лаврентій Пражницкій, бывшій проповѣдникъ короля Сигизмунда-Августа, а теперь ярый протестантъ, подвергся преслѣдованію со стороны католическаго духовенства, Андрей Гурка, генералъ Великопольскій, обращается къ герцогу Альбрехту и проситъ его принять подъ свою опеку Пражницкаго, который вынужденъ оставить Польшу ¹⁾. Нѣсколько лѣтъ ранѣ переселились братья чешскіе въ Пруссію, и опять тотъ же Гурка рекомендуетъ особенному вниманію герцога Альбрехта одного изъ старшинъ ихъ—Матвѣя Сіонскаго ²⁾. Еще большее участіе принимаетъ Гурка въ судьбѣ Станкара при переселеніи его въ Пруссію. Итальянецъ Станкаръ прибылъ въ Польшу въ 1549 году и занялъ катедру еврейскаго языка въ Краковскомъ университетѣ. Когда тамъ замѣтили, что онъ проводитъ въ своихъ лекціяхъ протестантскія идеи, его посадили въ тюрьму. Освобожденный изъ нея поляками-протестантами, Станкаръ поселился у Николая Олесницкаго, владѣльца мѣстечка Пинчова, и убѣдилъ этого приверженца реформаціи открыто ввести у себя протестантское богослуженіе. Дѣйствительно, образа были вынуты изъ Пинчовской церкви, а монахи—изгнаны изъ монастыря, находившагося въ этомъ мѣстечкѣ. Это вызвало сильное неудовольствіе на Олесницкаго со стороны духовенства, но главнымъ образомъ, заплатился Станкаръ, который вынужденъ былъ оставить Польшу. Въ это-то время выхлопотываетъ ему Гурка у герцога Альбрехта мѣсто профессора еврейскаго языка въ Кенигсбергскомъ университетѣ ³⁾. Неудивительно, что при такихъ отношеніяхъ къ польскимъ протестантамъ герцогъ Альбрехтъ не колебался и открыто выступать въ качествѣ ихъ союзника. Когда на сеймѣ 1552 года въ Петроковѣ шляхта начала съ ожесточеніемъ возставать противъ духовной юрисдикціи и требовала для себя свободы совѣсти, то герцогъ Альбрехтъ поддерживалъ также эти требованія черезъ своихъ пословъ и просилъ короля вмѣшаться въ религіозный вопросъ и проиязвести необходимыя реформы въ польской церкви ⁴⁾.

Поведеніе короля въ религіозномъ вопросѣ было крайне дву-

¹⁾ См. Исторія Реформаціи въ Польшѣ, стр. 118, пр. 4.

²⁾ Письмо Андрея Гурки къ Альбрехту отъ 1-го октября 1549 г. Рукопись Кенигсбергск. государств. архива.

³⁾ См. Реформацію въ Польшѣ, стр. 105.

⁴⁾ *Szujski*, *Odrodzenie i Reformacya w Polsce*. Kraków, 1881. Pr. 84, 180,

смысленно. На упомянутомъ Петроковскомъ сеймѣ онъ является посредникомъ между протестантами и католиками; онъ соглашается на приостановку дѣйствія духовной юрисдикціи до слѣдующаго сейма говоря иначе, открываетъ протестантамъ возможность почти безпрестанно исповѣдывать свое ученіе; затѣмъ обѣщаетъ отправить пословъ на Тридентскій соборъ и обнадеживаетъ, что если послѣдній не приведетъ къ желаннымъ результатамъ, въ Польшѣ созванъ будетъ національный соборъ. Такъ какъ Тридентскій соборъ разошелся въ томъ же году, не окончивъ своихъ занятій, то вся протестантская Польша была увѣрена, что въ скоромъ времени будетъ созванъ національный соборъ, и король старался поддерживать эту надежду. Что же касается духовной юрисдикціи, то, не смотря на все сопротивленіе духовенства, шляхта продолжаетъ достигать отсрочки дѣйствія ея отъ одного сейма до другаго. Такимъ образомъ развитію реформаціи не было положено почти никакихъ преградъ, и протестанты смотрѣли на Сигизмунда-Августа, какъ на своего тайнаго сторонника. Стоить только энергичнѣе приняться за дѣло, думали они, и нерѣшительность короля будетъ преодоленна. Такого же мнѣнія былъ и вѣрный союзникъ ихъ, герцогъ Альбрехтъ. Въ особенности ожили надежды польскихъ протестантовъ на осуществленіе своихъ домогательствъ въ 1555 и слѣдующемъ годахъ. Они были глубоко убѣждены, что съ сеймомъ, созваннымъ на 1556 году въ Варшаву, совпадетъ и устройство національнаго собора; они даже стали усердно подготавливаться къ нему и хотѣли выписать изъ-за границы знаменитѣйшихъ протестантскихъ богослововъ. Въ это время чрезвычайно кстати для реформаціонной партіи является на помощь ей Петръ-Павель Вергерій. Это былъ одинъ изъ новыхъ талантливыхъ прозелитовъ протестантизма. Онъ началъ свою службу при папскомъ дворѣ, и ему улыбалась въ будущемъ блестящая карьера. Еще сравнительно очень молодымъ человѣкомъ онъ получалъ цѣлый рядъ трудныхъ дипломатическихъ порученій отъ папскаго двора и за успѣшное выполненіе ихъ былъ награжденъ епископіей въ своемъ родномъ городѣ Капо д'Истрія. Но частыя сношенія Вергерія съ протестантами не остались безъ вліянія. Въ религіозныхъ убѣжденіяхъ его сталъ происходить переломъ, и въ 1548 году онъ окончательно порвалъ связи съ католическою церковью и сдѣлался вскорѣ однимъ изъ наиболѣе видныхъ бойцовъ лютеранскаго лагеря. Въ эпоху, о которой мы говоримъ, онъ находился на службѣ у герцога Христофора Виртембергскаго.

Какія были первоначально причины, побудившія герцога Альбрехта

вызвать Вергерія въ 1556 году въ Пруссію, и кто собственно изъ Польши послалъ ему въ то же время приглашеніе посѣтить ее, намъ не извѣстно. Несомнѣнно только то, что Вергерій дѣйствовалъ въ Польшѣ по соглашенію съ герцогомъ Альбрехтомъ, а можетъ быть, даже просто, какъ его орудіе тамъ. Въ составленіи плана кампаніи противъ католической церкви въ Польшѣ, а также плана обращенія Сигизмунда-Августа въ протестантизмъ, участвовали, безъ всякаго сомнѣнія, и нѣкоторые польскіе магнаты, какъ напримѣръ, Николай Радзивиллъ Черный.

Прибывъ ко двору герцога Альбрехта въ Кенигсбергъ, Вергерій имѣлъ тутъ полную возможность сразу познакомиться съ ходомъ дѣлъ въ Польшѣ. Помимо того, что герцогу постоянно доносили о томъ, что совершается въ Польшѣ, помимо его дѣятельной переписки съ нѣкоторыми протестантскими магнатами, Вергерій могъ также узнать подробности о взаимныхъ отношеніяхъ католической и протестантской партій, о руководителяхъ этихъ партій, наконецъ, о характерѣ и духѣ польскаго протестантскаго движенія и изъ другаго источника. Мы разумѣемъ тѣхъ поляковъ, которые находились на службѣ у герцога и содѣйствовали распространенію протестантизма на своей родинѣ переводами лютеранскихъ сочиненій на польскій языкъ. Поэтому, живя въ Кенигсбергѣ, Вергерій могъ уже выступать въ качествѣ дѣятельнаго союзника польскихъ протестантовъ, тѣмъ болѣе, что онъ пустилъ въ ходъ такого рода оружіе, какое почти не было извѣстно въ Польшѣ, и не было до сихъ поръ тамъ употребляемо. Онъ воспользовался печатнымъ словомъ въ формѣ небольшихъ ѣдкихъ брошюръ, часто очень остроумныхъ и всегда хорошо приноровленныхъ ко вкусамъ читателей, чтобы воддѣйствовать на общественное мнѣніе польскаго общества и сдѣлать для него ненавистными руководителей католической партіи, а въ особенности главнаго представителя ея въ это время—Алоизія Липпомана, присланнаго недавно въ Польшу папою съ цѣлью сдержать тамъ реформанціонное движеніе, и не допустить короля до отпаденія отъ католической вѣры, чего сильно опасались въ Римѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, Вергерій не мало помогъ сплоченію протестантской партіи и еще большому обостренію отношеній между шляхтой и католическимъ духовенствомъ. Нѣсколько поѣздокъ, предпринятыхъ Вергеріемъ изъ Кенигсберга въ Польшу въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1556 года, дали ему возможность не только собрать много матеріала для нѣкоторыхъ его брошюръ, направленныхъ про-

тивъ происковъ тамъ римской куріи, но главнымъ образомъ, имѣли цѣлю устроить совѣщанія съ нѣкоторыми наиболѣе вліятельными протестантами относительно положенія религіозныхъ дѣлъ въ этой странѣ и относительно мѣръ для обращенія ея въ лютеранизмъ. Такъ какъ надежды на созывъ національнаго собора въ Польшѣ рухнули, то по видимому, на совѣщаніяхъ съ польскими магнатами, а въ особенности съ Николаемъ Радзивилломъ, было условлено обратиться съ просьбою къ протестантскимъ князьямъ Германіи, чтобъ они соединенными силами воздѣйствовали на колеблющагося и нерѣшительнаго Сигизмунда-Августа и убѣдили его реформировать церковь своего государства по лютеранскому образцу.

Дѣйствительно, тотчасъ по окончаніи Варшавскаго сейма, въ началѣ 1557 года, Вергерій выѣхалъ изъ Польши въ Кенигсбергъ, а оттуда къ герцогу Христофору Виртембергскому. Онъ везъ къ нему и къ курфирсту Пфальцскому Оттону-Генриху письма отъ герцога Альбрехта и Николая Радзивилла, въ которыхъ послѣдніе просили упомянутыхъ государей снарядить посольство къ королю Сигизмунду-Августу отъ лица протестантскихъ князей съ вышеупомянутою цѣлю. И герцогъ Виртембергскій, и курфирстъ Пфальцскій сочувственно отнеслись къ плану герцога Альбрехта и тотчасъ отправили Вергерія къ королю Чешскому Максимилиану, чтобъ убѣдить и его принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Но переговоры Вергерія съ Максимилианомъ не имѣли успѣха, и фантастическій планъ обратить Польшу и ея короля въ лютеранство былъ оставленъ. Самъ же Вергерій вызвалъ противъ себя сильное неудовольствіе со стороны значительной части польскихъ протестантовъ, такъ какъ отнесся враждебно къ распространявшемуся тамъ кальвинизму и интриговалъ противъ Іоанна Ласкаго, стоявшаго въ эту эпоху во главѣ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и пользовавшагся тамъ огромнымъ вліаніемъ. Вергерій-лютеранинъ враждебно относился къ Ласкому-кальвинисту и предпочиталъ даже видѣть въ Польшѣ утвержденіе ученія братьевъ чешскихъ. Этимъ онъ сильно повредилъ своему дѣлу, такъ какъ ученіе братьевъ чешскихъ не могло разчитывать на успѣхъ, демократическій характеръ его совершенно не соотвѣтствовалъ духу шляхетской Польши, а между тѣмъ кальвинизмъ прививался тутъ успѣшнѣе всѣхъ прочихъ вѣтвей протестантскаго ученія ¹⁾.

¹⁾ Подробности о дѣятельности Вергерія въ Польшѣ см. въ V и VII главахъ моей книги «Исторія Реформаціи въ Польшѣ».

Поэтому, во вторичный прїѣздъ свой въ Польшу, въ началѣ 1650 года, Вергерій былъ встрѣченъ протестантами не съ такимъ уже вниманіемъ и удовольствіемъ, какъ года четыре тому назадъ. Онъ посѣтилъ только Вильну, гдѣ велъ переговоры съ Радзивилломъ и самимъ королемъ относительно отдачи замужъ сестеръ послѣдняго за протестантскихъ князей, а также отчасти и относительно дѣлъ Прусскаго герцогства. По видимому, Вергерій и даже герцогъ Альбрехтъ думали, что болѣе тѣсныя родственныя связи Польскаго короля съ протестантскими князьями могутъ облегчить обращеніе его въ лютеранизмъ. Но нѣмецкіе князья не увлеклись этииъ новымъ планомъ, и сватовство польскихъ королевенъ не удалось, тѣмъ болѣе, что немолодые годы невѣстъ устрашили, по словамъ самого Вергерія, жениховъ ¹⁾.

Такъ, чуть не на проломъ шель престарѣлый герцогъ къ осуществленію своей идеи распространить лютеранство во владѣніяхъ Сигизмунда-Августа, будучи убѣжденъ, что благодарная Польша согласится тогда на ослабленіе ленной зависимости отъ себя Пруссіи, а быть можетъ, и признаетъ ее даже независимымъ герцогствомъ. Эта мечта никогда не оставила герцога, и можно только удивляться тому, съ какою настойчивостью преслѣдовалъ онъ свою цѣль въ теченіе сорока лѣтъ. Мы видѣли его усилія стать, если не главою протестантскаго движенія въ Польшѣ, то по крайней мѣрѣ, заступникомъ и покровителемъ его тамъ. Не скупился онъ и на матеріальныя жертвы, чтобы дать возможность лютеранству пустить поглубже корни въ польскомъ обществѣ: Кенигсбергскій университетъ былъ, можно сказать, и польскимъ протестантскимъ университетомъ, такъ какъ и нѣкоторые профессора читали тамъ по польски, и было не мало поляковъ-студентовъ и своекоштныхъ, и стипендіатовъ, какъ самого герцога, такъ и польскихъ пановъ и епископовъ; благодаря стараніямъ герцога, создавалась на польскомъ языкѣ и цѣлая лютеранская литература. Но этого мало. Онъ даже, по видимому, посылалъ въ польскія области своихъ проповѣдниковъ. Такъ, Бернгардъ Погибель, именующій себя его секретаремъ, доноситъ ему изъ Вильны отъ 27-го января 1562 года, что нѣкій пасторъ, бывшій прежде въ Кенигсбергѣ, проповѣдывалъ въ этомъ городѣ въ прошлое воскресенье при боль-

¹⁾ Sixt. Petrus Paulus Vergerius, p. 437 et seq. (ср. также и приложения). 124-те Publication des Litterarischen Vereins in Stuttgart, pp. 215, 227, 229.

шомъ стеченіи вѣмцевъ, а также молящихся и другихъ націй. Проповѣдь его очень понравилась, и его пригласили продолжать проповѣдывать, такъ какъ другой пасторъ, присланный герцогомъ раньше, лежитъ больной ¹⁾). Просьба же Станислава Остророга, обращенная къ герцогу, указываетъ, что среди извѣстной части польскихъ лютеранъ, которыхъ, къ несчастью Альбрехта, было очень немного, на него дѣйствительно смотрѣли, какъ на своего главу въ дѣлахъ вѣры. Остророгъ пишетъ герцогу, что истинное ученіе о Богѣ начало было уже распространяться среди поляковъ, но что теперь вслѣдствіе возникновенія различныхъ мѣннй относительно обрядовъ и церемоній винница Божія начинаетъ приходить въ запустѣніе. Вотъ и у него, продолжаетъ онъ далѣе—проповѣдникъ въ Гродзискѣ старается ввести много новшествъ. Поэтому—онъ принуждалъ его, а также и другихъ единомышленниковъ послѣдняго, изложить письменно свое исповѣданіе вѣры, которое онъ перешлетъ герцогу съ тѣмъ, чтобы тотъ передалъ его на разсмотрѣніе кенигсбергскимъ богословамъ и затѣмъ сообщилъ ему, Остророгу, ихъ мѣннйя. Въ заключеніе Остророгъ изъявляетъ надежду, что герцогъ, если понадобится, пришлетъ ему ученаго проповѣдника ²⁾).

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе убѣждался герцогъ Альбрехъ въ томъ, что спокойнымъ выжиданіемъ не добиться ему завѣтной мысли стать независимымъ княземъ въ своей Пруссіи. Результаты, достигнутые имъ въ этомъ отношеніи послѣ сорока лѣтъ неустанной работы, были слишкомъ ничтожны, чтобы удовлетворить его. И въ разслабленномъ, пораженномъ прогрессивнымъ параличемъ герцогъ, на склонѣ дней его, вспыхиваетъ опять съ новою силою стремленіе добиться своей цѣли. Теперь онъ выбираетъ путь болѣе прямой и прибѣгаетъ къ содѣйствію приближенныхъ къ королю лицъ. Помощникомъ его и посредникомъ въ Польшѣ является Францискъ Лисманинъ, который былъ ему рекомендованъ еще въ 1558 году Станиславомъ Остророгомъ, когда тотъ задумалъ посѣтить Кенигсбергъ ³⁾).

¹⁾ Бернардъ Погибель (Pohibell) герцогу Альбрехту изъ Вильмы отъ 27-го января 1562 г. Рукопись Кенигсб. государства. архива.

²⁾ Стан. Остророгъ Альбрехту изъ Познани отъ 1-го февр. 1562 г. Рукопись Кенигсбергскаго государственнаго архива.

³⁾ Письмо Стан. Остророга къ герцогу Альбрехту изъ Гродзиска отъ 21-го марта 1558 года. Рукопись Кенигсбергск. государств. архива.

Лисманинъ, грекъ съ острова Корфу, выросъ въ Польшѣ; протежируемый королевою Боною, онъ достигъ высокихъ духовныхъ должностей и былъ, между прочимъ, комиссаромъ францускаго ордена. Но когда король послалъ его за границу для закупки книгъ для своей бібліотеки, онъ принялъ тамъ кальвинизмъ и женился, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ короля. Тѣмъ не менѣе, благодаря хлопотамъ своихъ друзей-протестантовъ, онъ былъ прощенъ королемъ и затѣмъ игралъ видную роль въ реформаціонномъ движеніи Польши. Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ въ политическіе агенты, такъ какъ Лисманинъ близко стоялъ ко многимъ влиятельнымъ лицамъ въ Польшѣ, превосходно зналъ отношенія при дворѣ и самъ отличался большою дипломатическою ловкостью и тактомъ.

Нѣсколько писемъ отъ герцога Альбрехта къ Лисманину и обратно сохранившихся въ Кенигсбергскомъ государственномъ архивѣ, не даютъ возможности составить точное представленіе о томъ, чего добивался герцогъ, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются только намеки, которые могли быть вполне понятны лишь лицамъ, близко стоявшимъ къ этому дѣлу; но тѣмъ не менѣе письма эти ясно свидѣтельствуютъ, что въ 1565 году политическая интрига при польскомъ дворѣ въ пользу Альбрехта была въ полномъ ходу. Въ 1564 году Лисманинъ провелъ нѣкоторое время въ Кенигсбергѣ при дворѣ Альбрехта, и вѣроятно, въ это время завязываются между ними болѣе близкія отношенія. Въ слѣдующемъ году мы узнаемъ уже о какихъ-то переговорахъ Лисманина съ королемъ по поводу прусскихъ дѣлъ, а также видимъ, какъ усердно заботится онъ о томъ, чтобы наберовать сторонниковъ Альбрехту среди польскихъ государственныхъ людей. Онъ совѣтуетъ, на примѣръ, герцогу не пренебрегать поддержкою влиятельнаго вице-канцлера Петра Мышковскаго, и Альбрехтъ тотчасъ приказываетъ ему передать Мышковскому, что онъ всегда относился къ послѣднему съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ, и впредь всегда сохранить по отношенію къ нему тѣ же чувства, а также, что еслибы пришлось поручить кому-либо устроить важныя дѣла при королевскомъ дворѣ, то онъ - герцогъ, желаетъ, чтобы вице-канцлеръ принималъ въ этомъ участіе. Затѣмъ Лисманинъ въ одномъ письмѣ сообщаетъ Альбрехту, что Евстафій Воловичъ, Іоаннъ Дульскій и Андрей Ницецкій, прекрасный филологъ и королевскій секретарь, въ вѣдѣніи котораго находились прусскія дѣла, заявляли о своей преданности и усердіи къ герцогу, и послѣдній поручаетъ выразить этимъ лицамъ свою благодарность, что на языкѣ

того времени обозначало обѣщаніе богатыхъ подарковъ¹⁾. Кроме того, Лисманинъ даетъ герцогу Альбрехту совѣтъ держать постояннаго агента при дворѣ Сигизмунда - Августа, и послушный герцогъ проситъ его самого указать на кого-нибудь изъ числа своихъ совѣтниковъ или довѣренныхъ лицъ. Самый тонъ этихъ писемъ показываетъ, что въ Пруссіи къ чему-то готовились²⁾.

Трудно однако утверждать, какъ это дѣлаютъ польскіе историки, что герцогъ Альбрехтъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, освободиться отъ ленной зависимости отъ Польши. Дѣйствительно, онъ нарушилъ многія постановленія своего завѣщанія, утвержденнаго Польскимъ королемъ, и по внушенію своихъ совѣтниковъ, наконецъ, совсѣмъ уничтожилъ его и составилъ новое. Сверхъ того, не обращая вниманія на сдѣланное въ 1542 году постановленіе о регентствѣ на случай своей смерти, а также и на то, что постановленіе это было одобрено и признано королемъ, герцогъ Альбрехтъ хотѣлъ теперь назначить своего зятя Іоанна-Альбрехта, герцога Мекленбургскаго, регентомъ Пруссіи и отдаетъ ему нѣкоторые замки въ своемъ герцогствѣ, чего не имѣлъ права сдѣлать безъ особаго на то разрѣшенія своего сюзерена. Затѣмъ, хотя Сигизмундъ-Августъ и согласился признать старшую линію Гогенцоллерновъ, курфирстовъ Бранденбургскихъ, наслѣдниками Пруссіи въ случаѣ, если младшая линія угаснетъ, тѣмъ не менѣе это не давало имъ права принять присягу въ вѣрности отъ прусскихъ государственныхъ чиновъ, такъ какъ они сами не принесли ленной присяги королю Сигизмунду-Августу. Между тѣмъ, курфирстъ Бранденбургскій Іоакимъ II, послѣ того, какъ на Петровскомъ сеймѣ 1563 года его дому было предоставлено королемъ Сигизмундомъ-Августомъ право наслѣдованія въ Пруссіи, заставилъ государственные чины ея, съ согласія герцога, присягнуть себѣ въ 1565 году, предполагая, по всей вѣроятности, возможность въ скоромъ времени прекращенія младшей линіи Гогенцоллерновъ, такъ какъ она заключалась теперь лишь въ сынѣ герцога Альбрехта, болѣзненнымъ Альбрехтѣ-Фридрихѣ, и еще одномъ племянникѣ его. Та-

¹⁾ Ницецкій, дѣйствительно, получилъ отъ Альбрехта въ подарокъ золотую цѣпь съ его изображеніемъ. *Eichhorn*, *Stap. Nosius*, p. 270, n. 2.

²⁾ Письма герцога Альбрехта къ Лисманину отъ 11-го августа и 9-го сентября (два письма) 1565 года и Лисманина къ Альбрехту отъ 17-го іюля того же года. Рукопись Кенягсбергскаго государств. архива. Намъ не удалось, къ сожалѣнію, найти другихъ писемъ, хотя ихъ было, несомнѣнно, значительно болѣе.

кимъ образомъ Іоакимъ II являлся законнымъ наслѣдникомъ Пруссіи, а отъ ленной зависимости отъ Польши былъ свободенъ. Но особенное подозрѣніе возбудило то обстоятельство, что ближайшій совѣтникъ герцога, Павелъ Скаликъ, нанялъ отрядъ конницы въ тысячу человекъ подъ начальствомъ Вобсера, который въ началѣ августа вступилъ въ Пруссію и приближался уже къ Кенигсбергу подъ тѣмъ предлогомъ, что отправляется въ Ливонію, куда будто бы посылается герцогомъ на помощь Польскому королю, ведущему тамъ войну.

Но все это, повторяемъ мы, не даетъ еще права заключать, что герцогъ готовъ былъ прибѣгнуть къ открытому, вооруженному возстанію противъ своего сюзерена, чтобъ свергнуть свою ленную зависимость. Невозможно допустить, чтобъ урокъ, полученный имъ въ началѣ своего правленія, былъ совсѣмъ забытъ, и чтобъ онъ думалъ, что исходъ войны съ Польшею можетъ теперь быть для него счастливѣе, чѣмъ слишкомъ четыре десятка лѣтъ тому назадъ. Наемъ имъ войска объясняется довольно просто. Въ это время герцогъ находился въ чрезвычайно натянутыхъ отношеніяхъ со своими подданными, и чтобы устрашить или даже сломить ихъ противодѣйствіе и неподслушаніе себя, ему нужно было войско; но ни въ какомъ случаѣ не думалъ онъ обратить этихъ наемниковъ противъ Польши. Все, чего добивался въ настоящее время герцогъ, заключалось, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобъ узаконить тѣ нарушенія, которыя были сдѣланы имъ въ его ленныхъ обязательствахъ, свести послѣднія до нуля и стать фактически вполне независимымъ отъ Польши. Въ теченіе всего своего правленія герцогъ добивался отмѣны нѣкоторыхъ тяжелыхъ и стѣснительныхъ для него вассальныхъ узъ, но всегда встрѣчалъ упорный отказъ. Тогда онъ сталъ нарушать ихъ, и при слабости правительства въ Польшѣ, это сходило ему съ рукъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, вида, что Польскій король занятъ серьезными вѣшними и внутренними дѣлами, герцогъ хочетъ воспользоваться этимъ. Онъ вступаетъ, при посредствѣ Лисманина, въ сношенія съ различными влиятельными государственными людьми Польши, а также продолжаетъ съ еще большею настойчивостью просить у короля различныхъ уступокъ. Подкупность лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ управленія Польши, давала ему возможность надѣяться, что хлопоты его передъ королемъ будутъ поддержаны, а на его дѣйствія будутъ смотрѣть сѣвось пальцы.

Но на бѣду герцога у него былъ сильный врагъ въ Польшѣ. Въ окруженномъ владѣніями Альбрехта Вармійскомъ епископствѣ жилъ,

возвратившись съ Тридентскаго собора, кардиналъ Гозій, епископъ Вармін, и въ этомъ качествѣ бывший тамъ чѣмъ-то въ родѣ удѣльнаго князя, вполне зависимаго отъ Польши. Зорко слѣдилъ онъ за тѣмъ, что происходитъ въ Пруссіи, которую, какъ фанатическій католикъ, ненавидѣлъ отъ всей души, и много разъ обращалъ онъ вниманіе короля на нарушеніе герцогомъ Альбрехтомъ своихъ вассальныхъ отношеній. Но этого мало. Герцогъ находился въ сильномъ разладѣ съ дворянствомъ и городами. Удаливъ прежнихъ своихъ совѣтниковъ, онъ окружилъ себя людьми недостойными. Большое вліяніе на герцога имѣлъ придворный проповѣдникъ Функъ, зять и сторонникъ умершаго въ 1552 году проповѣдника и богослова Осіандра, который пользовался глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ со стороны Альбрехта. Но не смотря на то, что Осіандръ своимъ религіознымъ ученіемъ, расходившимся во многомъ съ ученіемъ Лютера, вызвалъ сильныя смуты въ Пруссіи, Функъ, пользуясь поддержкою герцога, продолжалъ его распространять. Еще большимъ вліяніемъ на герцога пользовался Павелъ Скалихъ, поселившійся въ Кенигсбергѣ въ 1561 году. Это былъ авантюристъ, выдававшій себя за члена италіанской аристократической фамилиі Скала. Функъ и Скалихъ нашли себѣ союзниковъ и въ лицѣ другихъ союзниковъ герцога— Ганца Шнелля, Юганна Штейнбаха и Матвѣя Горста, выскочекъ, не имѣвшихъ никакихъ правъ на свое высокое положеніе. Вытѣснивъ прежнихъ совѣтниковъ герцога, эти авантюристы стали самымъ безсовѣстнымъ образомъ хозяйничать въ Пруссіи: казна грабидась, государственныя земли закладывались или жаловались чужестранцамъ и вообще лицамъ, не имѣвшимъ на то никакихъ правъ; а всякій, кто осмѣливался возставать противъ этихъ злоупотребленій, былъ строго наказываемъ и даже подвергался изгнанію изъ отечества. Наконецъ, такое положеніе дѣлъ стало невыносимымъ, и пруссаки начали обращаться къ Сигизмунду-Августу, прося его вмѣшаться въ это дѣло и положить конецъ безпорядочному управленію авантюристовъ въ Пруссіи. При этомъ они обращали вниманіе короля и на то, что герцогъ совершенно вышелъ изъ-подъ его власти и распоряжается такъ, какъ будто онъ вполне независимый государь.

Послѣ всего этого король не могъ уже продолжать смотрѣть такъ снисходительно на то, что происходило въ его ленныхъ земляхъ. Необходимо было заняться дѣлами Пруссіи и разслѣдовать идущія оттуда жалобы. Съ этою цѣлью была назначена польская комиссія, которая прибыла въ концѣ августа 1566 года въ Кенигсбергъ и тотъ

часть же приступила къ слѣдствію по поводу жалобъ пруссаковъ. Всѣ обвиненія были направлены противъ совѣтниковъ короля—Скалика, Функа, Шнелля, Герста, Штейнбаха, и они были преданы суду. Скаликъ былъ предусмотрительнѣе своихъ товарищей и передъ самымъ прибытіемъ польской комиссіи успѣлъ уѣхать во Францію, будто по дѣламъ герцога. Функъ, Шнелль и Герстъ сложили головы на плахѣ. Штейнбахъ, смертельно больной во время производства слѣдствія, получалъ прощенье и долженъ былъ немедленно оставить Пруссію.

По окончаніи суда надъ совѣтниками герцога, оставалось только успокоить страну. Дѣйствительно, жалобы дворянства и городовъ были удовлетворены, и первому были теперь предоставлены даже большія права и привилегіи, нежели какими оно пользовалось до того; нѣкоторымъ изъ прежнихъ устраненныхъ совѣтниковъ герцога было возвращено ихъ прежнее положеніе; земли и замки, пожалованные герцогу Мекленбургскому и другимъ лицамъ, не имѣвшимъ на это права, по законамъ страны, были отняты у нихъ; по религіозному вопросу было постановлено отиѣнить видоизмѣненія, сдѣланныя въ лютеранскомъ ученіи въ духѣ Осіандра, и возвратиться къ Аугсбургскому исповѣданію 1530 года, какъ того требовали прусскіе чины. Понятно, что и на нарушеніе ленныхъ обязательствъ герцогомъ Альбрехтомъ было обращено строгое вниманіе. Прежнее завѣщаніе герцога, утвержденное Польскимъ королемъ, должно было остаться обязательнымъ для него. И онъ не только былъ принужденъ отказаться отъ того, что было имъ сдѣлано для ослабленія вассальныхъ отношеній Пруссіи къ Польшѣ, но напротивъ, узы зависимости отъ нея были затянуты еще сильнѣе и крѣпче, чѣмъ прежде.

Дѣло цѣлой жизни, плодъ искусно составленныхъ и легко приводимыхъ въ исполненіе плановъ, все это сразу рухнуло теперь. Герцогъ Альбрехтъ пережилъ самого себя, и это было главною причиною того страшнаго униженія и горя, которое ему пришлось испытать послѣ того, какъ всѣ мечты, которыя онъ такъ нѣжно дѣлалъ и которыя начали по немногу осуществляться, были разрушены. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы своего правленія онъ сталъ неузнаваемъ: болѣзнь сломила не только его организмъ, но и умственные силы. Въ это время онъ вполне подпалъ вліянію своихъ дурныхъ совѣтниковъ, преслѣдовавшихъ исключительно личныя цѣли и выгоды, и прежняя политическая мудрость измѣнила ему. Вмѣсто того, чтобъ идти рука объ руку съ подданными для достиженія своей цѣли, онъ,

напротивъ того, довелъ свой разладъ съ ними до крайней степени, и они выдали герцога своему собственному врагу.

Польша небезосновательно торжествовала по поводу событій 1566 года ¹⁾, но болѣе всѣхъ имѣлъ право праздновать блестящую побѣду кардиналъ Гозій, единственный столбъ католицизма въ Польшѣ въ ту эпоху: имъ былъ нанесенъ ужасный ударъ отступнику отъ католической вѣры, который не только въ собственныхъ земляхъ ввелъ лютеранство, но не мало содѣйствовалъ посадженію его и въ сосѣднихъ польскихъ.

. Н. Любвицъ.

¹⁾ *Eichhorn. Stan. Hosius. T. II, p. 271.*

СКАЗАНІЯ О КУЛИКОВСКОЙ ВІТВѢ.

(Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія).

Съ первыхъ вѣковъ существованія Русскаго государства ему пришлось вести непрерывную борьбу съ сосѣдями-кочевниками. Сперва то были печенѣги, половцы. Затѣмъ, въ первой четверти XIII вѣка, изъ степей средней Азіи двинулись на Русь татары. Между тѣмъ какъ дикіе предшественники ихъ только опустошали Русскую землю, татары окончательно заповили ее и держали подъ своимъ игомъ въ теченіе слишкомъ полутораго вѣка. Не красна была жизнь русскаго народа въ это тяжелое время. Князья ради спасенія себя и народа отъ „потока и разграбленія“, ради избѣжанія столкновенія съ татарами, брали на себя доставку дани въ орду и сборъ ея съ народа; но князьямъ необходимы были еще средства для междоусобной борьбы, которая не прекращалась и теперь, какъ въ прежній періодъ независимости,—и вотъ они увеличиваютъ назначенную монголами дань и излишекъ берутъ въ свою казну. Одинъ изъ проповѣдниковъ эпохи монгольскаго ига, Серапіонъ, говоритъ, что въ то время „села поросли травою, большія часть братьевъ и дѣтей отведена въ плѣнъ“. Грамотность остановилась, какъ бы замерла, и лишь въ монастыряхъ, куда часто укрывался отъ міра сего русскій чело-вѣкъ, велась скорбная лѣтопись скорбныхъ событій.

Къ этимъ внѣшнимъ, такъ сказать, матеріальнымъ бѣдствіямъ при-соединились и духовныя страданія: тяжелое сознаніе господства „безбожныхъ агарянъ“ надъ „православными хрестьяны“ угнетало русскаго чело-вѣка, утратившаго всякую надежду избавити-ся отъ этого бича Божіа, посланнаго, по выраженію того же Серапіона, за грѣхи, „по Божію поущенію“. Воспоминаніе объ этой тяжелой годичѣ по-

родило въ нашей литературѣ особый цѣль произведеній, героями которыхъ являются богатыри, ведущіе борьбу съ татарами, переносимыми въ эпоху Владиміра. Воспѣвая князя Владиміра Красное Солнышко, съ его „душей“ Апраксѣевой, или Илью-богатыря, народъ—вполнѣ естественно—преувеличивалъ ихъ качества и подвиги; но всѣмъ безъ исключенія богатырямъ онъ приписываетъ борьбу съ татарами, особенно удручавшими Русскую землю.

„Въ лицѣ Ильи Муромца, великаго въ силѣ и несокрушимаго во гнѣвѣ“, говоритъ покойный С. П. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ, — „какъ бы проснулась вся сила русскаго народа, стала однимъ человѣкомъ и отомстила хану съ его татарами за всѣ обиды князьямъ и землѣ русской“. Въ пѣсняхъ, имѣющихъ предметомъ татарщину, мы слышимъ ясный голосъ великой скорби народной о тяжеломъ игѣ. Такъ, пѣсня о Михаилѣ Казариновѣ напоминаетъ народу безчисленныя страданія полоненныхъ русскыхъ женщинъ у татаръ. Былина о Василѣ Игнатьевичѣ повѣствуетъ объ обложеніи Кіева Батыгой Батыговичемъ. Слишкомъ хорошо помнилъ народъ о мукахъ, вынесенныхъ имъ отъ татаръ, помнилъ, что татары

Запирали церкви Божія (Рыби. III, 25).

и вотъ—по одной былинѣ—„мужики-турговцы“ просятъ Илью:

Возьми же ты золоты-ключи,

Будь-ко ты у насъ воеводою,

Береги насъ отъ поганыхъ отъ татаръ (Рыби. IV, 9).

Когда калѣка перекожая приходитъ на поле и говоритъ Ильѣ, что въ Кіевѣ между княземъ и княгиней сидитъ татаринъ и

Не даетъ волюшки князю съ княгиней думу подумати (Рыби. III, 29),

Ильа, какъ и всегда, и здѣсь является на помощь князю:

Бралъ татарина за желты кудри

И вдвинулъ его выше буйной головушки

И бросилъ татарина на дубовый полъ

И тутъ ему ноги и руки повывломалъ.

Такъ сильна въ народѣ память о татарахъ, объ этихъ „безбожныхъ агарянахъ“, которыхъ народъ переносилъ даже въ эпоху Владиміра Святаго, отдавая ихъ на расправу тому или другому богатырю, по преимуществу Ильѣ Мурому.

Въ русскихъ народныхъ причитаніяхъ мы тоже находимъ упоминаніе о татарахъ. „Когда крестьянка“, говоритъ Шевыревъ, — „провождаетъ сына на горькую жизнь и нужду, то чтобы выразить ему всю

силу бѣдствій, его ожидающихъ, она говоритъ ему въ своихъ жалобныхъ причетахъ: „Назовешь ты, мой батюшка, злаго татарина роднымъ батюшкой; назовешь ты, мой батюшка, злую татарку родной матушкой“. Ненависть къ татарамъ такъ сильно сказалась въ народѣ, что самое имя татаринъ рѣдко употребляется безъ эпитета собака.

Весьма понятно теперь то радостное чувство, то сознание своей силы, которымъ проникся русскій человѣкъ послѣ удачной, хотя и тяжелой по потерямъ, Куликовской битвы. Вся Русь, какъ одинъ человѣкъ, кромѣ Рязани да Литвы, встала въ этой битвѣ на защиту отечества, по зову великаго князя Дмитрія, получившаго въ исторіи прозваніе Донскаго. Татары были разбиты, и самъ „Мамай-собака, безбожный-царь“, такъ кичившійся своею силой, обратился въ постыдное бѣгство. Русскій человѣкъ сразу почувствовалъ въ себѣ мощь великую, сразу созналъ, что много еще на Руси „сильно-могущихъ богатырей“, что, сплотивъ въ одно цѣлое, съ любимымъ княземъ во главѣ, онъ одолѣетъ такихъ враговъ, которые еще недавно были для него гораздо страшнѣе и опаснѣе, чѣмъ всѣ предшествовавшіе кочевники. Если до пораженія татаръ на полѣ Куликовѣ, до этого почина въ дѣлѣ сверженія ига монгольскаго, въ былинахъ проглядываетъ, а иногда и рѣзко высказывается, сознание невозможности „перевести“ татаръ, если въ это время Ильѣ приписывается убѣжденіе, что ему не устоять противъ враговъ, что „переступить сила черезъ великъ законъ“,—то повдѣе, когда явилось у народа сознание своей силы, возможности окончательно одолѣть татаръ и освободиться отъ нихъ, въ былинахъ появляется выраженіе: „Святая Русь земля не пуста стоитъ—много на ней сильно-могучихъ богатырей“; а по окончательномъ освобожденіи отъ татаръ, народъ заставляеть ихъ произносить самимъ себѣ такой зарокъ: „Ни самимъ, ни дѣтямъ, ни внучатамъ не бывать болѣе на Святой Руси“.

И вотъ забитая, приниженная, смолкшая подъ тягостнымъ гнетомъ литература народа, его поэтическое творчество пробуждается какъ бы отъ летаргіи и начинаетъ разрабатывать эту новую тему—пораженіе татаръ, твердо помня основные факты и измѣняя лишь частности его.

Рядомъ съ массой пѣсень, торжествующихъ это освобожденіе Руси отъ Мамаея „безбожнаго“, появляются литературныя произведенія, описывающія и нашествіе Батмъ, и подвиги князей въ ордѣ, а главное—Куликовскую битву въ связи съ личностью Мамаея, съ одной стороны, и героя побѣды, Дмитрія Донскаго—съ другой. Та-

ковъ, напримѣръ, стихъ о Дмитріи Солунскомъ. Этотъ стихъ слышаетъ всѣхъ безыменныхъ начальниковъ сарацинскихъ полковъ въ одинъ, хорошо знакомый народу, образъ Мамай-невѣрнаго, котораго сближало съ солунскимъ героемъ (святымъ Дмитріемъ) имя его настоящего, историческаго побѣдителя, князя Дмитрія.

Весьма замѣчательна другой нашъ стихъ, имѣющій отношеніе къ знаменитой битвѣ—стихъ о Дмитровской субботѣ¹⁾. Происхожденіе этой „субботы“, назначенной для поминовенія усопшихъ („родительской“) и приуроченной ко дню памяти святаго Дмитрія Солунскаго (26-го октября), объясняется въ стихѣ такъ: Наканунѣ Дмитріевой субботы (тогда еще не чествованной) князь Дмитрій Ивановичъ съ княгиней Евдокіей, князьями и боярами слушалъ обѣдню въ Успенскомъ (sic) соборѣ, которому служилъ митрополитъ Кипріянь. Передъ Достойной князю было видѣніе:

Не горять свѣчи передъ иконами,
Не сіяютъ камни на златыхъ окладахъ,
Не слышать онъ пѣнія святаго,
А видитъ онъ чистое поле,
То ли чистое поле Куликово.

Поле покрыто трупами христіанъ и татаръ:

Христіане какъ свѣчки тешатся,
А татары какъ смола черна.

По полю ходитъ Богородица, а за нею апостолы, архангелы и ангелы: они отпѣваютъ тѣла православныхъ христіанъ, на которыхъ въ это время вѣяны сходятъ съ неба, и Богородица кадитъ на нихъ. Обойдя поле, она спрашиваетъ у апостола Петра: „А гдѣ жь да князь Дмитрій?“ Петръ отвѣчаетъ, что тотъ въ Успенскомъ соборѣ съ княгиней слушаетъ молебенъ. Богородица замѣчаетъ:

„Не въ своемъ Дмитрій князь мѣстѣ:
„Предводитъ ему лики мучениковъ,
„А его княгиня—въ моемъ стадѣ“.

Затѣмъ видѣніе исчезло. Князь понялъ это видѣніе, какъ знаменіе своей близкой кончины, и на память его „уоставилъ Дмитровску субботу“.

Русскія народныя преданія и легенды часто группируются около того или другаго участника въ славной Куликовской битвѣ. Въ Ря-

¹⁾ *Безсоновъ. Калѣныя переходы. Вып. 3, № 156, стр. 673—675.*

занской губерніи, близъ города Скопина, въ монастырѣ святаго Дмитрія хранится посохъ или костьль, сдѣланный изъ яблоноваго дерева, по преданію принадлежавшій извѣстному сподвижнику Дмитрія, монаху Пересвѣту, побѣдившему въ единоборствѣ татарскаго богатыря Челубея. Этому посоху народное преданіе, по свидѣтельству М. Н. Макарова, приписываетъ чудесную силу отъ зубной боли. Преданіе распространяется слѣдующими подробностями. Посланный преп. Сергіемъ къ великому князю, Пересвѣтъ шелъ простымъ чернецомъ убогимъ и на берегу небольшой рѣчки, „на немногія поприща отъ степей Куликовыхъ“, довѣрилъ свой посохъ въ храненіе „невѣстимому“ обитателю часовни (впоследствии монастырѣ) св. Дмитрія. Передъ его небеснымъ ликомъ затеплилъ онъ свѣчу общаинную—продолжаетъ преданіе,—препоясалъ себя мечемъ, положилъ на грудь свою крестъ съ изображеніемъ того же угодника Божія и явился героемъ на страшную битву Донскаго съ Мамаемъ.

Есть и другое преданіе, соединенное, съ воспоминаніемъ о Куликовской битвѣ. Оно записано тѣмъ же Макаровымъ. На рѣкѣ Окѣ, подъ Коломною, существуетъ Голутвинъ монастырѣ. Тамъ находится костьль, съ которымъ, по преданію, шелъ на Куликово поле преп. Сергіій благословить и поздравить великаго князя съ побѣдой надъ Мамаемъ.

До того памятна была народу битва съ Мамаемъ, что описаніе ея мы встрѣчаемъ—конечно, въ извращенномъ нѣскольکو видѣ—въ народныхъ сказкахъ. Вотъ, на примѣръ, содержаніе сказки „Про Мамаю безбожнаго ¹⁾“:

На Руси было на православной, княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ данней русскаго посла Захарія Тютрина къ Мамаю безбожному, псу смердящему. На предложеніе посла принять дань, Мамаю отвѣчаетъ приказомъ — омыть сначала его ноги царскія и поцѣловать „бахилы“, а до тѣхъ поръ опъ не приметъ дани. Обиженный посолъ раздражается бранью за такое предложеніе: „За эвти-то слова“, говоритъ онъ,—„раздуй твою утробу толще угольной ямы“. Пусть Мамаю безбожный самъ, „буде есть вѣра“, цѣлуетъ ноги русскаго посла Захарія Тютрина. Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои черныя кудри, металъ ихъ на земь по застолью, княжескія бумаги придралъ и писалъ свои ярлыки скоро-

¹⁾ *Афанасьевъ*, Сказки, изд. 2-е, кн. Ш, № 182.

писчатые: „Когда будетъ овесъ кудравъ, баранъ мохнать, у коня подь коньтомъ трава и вода, въ тѣ поры Мамай безбожный будетъ съ святой Русью воевать: въ тѣ поры мнѣ ни воды, ни хлѣба, не надо!“. Затѣмъ Мамай, вручивъ ярлыки послу, отпустилъ его, а самъ набралъ изъ татаръ „сильныхъ могучихъ богатырей—тридцать человекъ безъ одного“ и послалъ ихъ на нечестное побоище—убить Захарія, подкарауливъ его въ лѣсу. Но Захарія былъ остороженъ. Когда „на восхожемъ солнышкѣ“ онъ увидѣлъ засѣвшихъ въ лѣсу татаръ, то вооружась „корзоватой уразиной“, началъ гостей „подбивать“: которыхъ ударить—„грязей“ сдѣлаеть. Изъ „тридцати человекъ безъ одного“ осталось въ живыхъ пять головъ, да и тѣ „уразиной испроломаны, кушаками завязаны“. Таковы результаты битвы, первой прелюдіи къ Мамаеву побоищу. Плѣнные татары начали „конаться хорошими рѣчами“ Захарію; Захарія отпустилъ ихъ, а самъ нанявъ 12 соколовъ да 30 кречетовъ, привязавъ къ ихъ хвостамъ ярлыки о безбожнаго Мамаея походѣ, примовлявъ: „Полетите ко князю, накажите, чтобы задонской князь Дмитрій Ивановичъ собиралъ силу рать несмѣтную, кромѣ слѣпыхъ да хромыхъ да ребятъ недоростковъ, а я пойду—накажите—въ свое мѣсто, стану собирать мохначей, бородачей—донскихъ казаковъ“.

На Москвѣ князь кликнулъ кличь, и вотъ собрались „всѣ князи и бояра, сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя“ къ князю, въ свѣтлый теремъ на трапезу—выслушать его разумныхъ рѣчей, а и того пуце „посмотрѣть его очи ясныя“. Дмитрій страшно перепугался нашествія Мамаея и въ рѣчи, которую онъ держитъ къ собранію, предлагаетъ „изладить“ легкія струны и бѣжать изъ „окіанъ-моря“ въ море Хвалынское, къ Соловецкимъ чудотворцамъ. Князья, напротивъ того, совѣтуютъ ему драться съ Мамаемъ до послѣдней капли крови, „и будетъ на Мамаея безбожнаго побѣда!“ Дмитрій, обрадованный подобнымъ настроеніемъ „собранія“, шлетъ „крѣпкіе наказы“, чтобы собирали рать-силу великую по городамъ съ пригородками. Сила была такъ велика, что забросала семь дубовъ съ камня до верху, причемъ каждый бросалъ „по камушку, по змаченой пуговкѣ“. Эту силу несмѣтную раздѣлили на три полка: первый взялъ Захарій Тютринъ, второй Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашининъ и семь князь Бѣлозерскихъ, третій—самъ Дмитрій Ивановичъ. На долю Захарія выпалъ жребій начинать битву. Когда Шведскій король узналъ о предстоящей битвѣ, онъ послалъ на поле Куликово 40 тысячъ войска, приказавъ пристать къ побѣдителямъ. „Лукавъ былъ Шведскій

король“—замѣчаетъ сказка—„велѣлъ ко правой силѣ приставать“. Турецкій король, на оборотъ, приказываетъ своему сорокатисячному войску пристать къ той силѣ, которую побивать стануть. „Простъ былъ Турецкій король: по виноватой силѣ велѣлъ приставать“¹⁾.

Битва начинается единоборствомъ двухъ „татарь-криволиновъ“ (вышиной каждый 7 сажень) съ двумя незнамыми русскими воинами. Та и другая пара „поединщиковъ“ билися три дня и три ночи, „ни пивавчи, ни ѣдавчи“, а на четвертый день тутъ и „упокоились“. Тутъ началъ битву Захарія съ своимъ полкомъ, бился цѣлый день—оказалось, что у русскаго посла на каждого донскаго казака „по двѣ тысячи по двѣсти татаровой выпало“. Такъ много было татарскаго войска въ битвѣ. Пустился другой отрядъ Семена Туника: „красное солнышко изъ-за лѣса привадывается, бой-драка не умалается“; наконецъ на закатѣ солнца, самъ Дмитрій пустился въ бой, такъ какъ „нашу силу“ побивать стали. Храбро дерется Донской: „куда проѣдетъ на конѣ—тамъ улица, поворотится—перелучекъ, оборота на конѣ даетъ—площадью силу сдѣлаетъ“. Когда Дмитрію биться стало не въ могѣту („забрызгали свои очи ясныя поганомъ кровью татарскою“), онъ ускочилъ на конѣ въ поле чистое, къ кудравой березѣ, отпустилъ коня во чисты поля, а самъ сѣлъ на берегу. Увидавъ лебедей, Дмитрій видитъ дурное предзнаменованіе въ ихъ полетѣ и признаетъ себя виновникомъ того бѣдствія, которое въ лицѣ Мамаи постигло Русь. „За грѣхи мои окаянны“, говоритъ онъ,—„пущаетъ Господь Богъ на Русскую землю Мамай безбожнаго; не по насъ птицы летать: будетъ на Русь православную побѣда“. Въ бѣгѣ волковъ Дмитрій тоже видитъ дурное предзнаменованіе. Наконецъ, князь заснулъ. Въ это время на полѣ Буликовомъ „по молитвѣ всей рати могучей, изъ-за темныхъ лѣсовъ, зеленыхъ дубравъ“ является на помощь „сильное воинство“ и обращаетъ татаръ въ бѣгство.

Первымъ дѣломъ воеводѣ послѣ битвы было отыскать князя; никто не знаетъ, куда онъ дѣвался. Понуривъ буйныя головы, отправилась во свояси рать-сила могучая. Наконецъ, вездѣ отличающійся Захарія находитъ князя на извѣстной березѣ и, упавъ ему въ ноги, сообщаетъ результатъ битвы. „Настигали они рать-силу могучую, находили въ томъ радость-веселіе“, заканчиваетъ сказка.

Мы умышленно остановились довольно подробно на этой сказкѣ,

¹⁾ Упомянутое о двухъ короляхъ—анахронизмъ, устанавливающій до извѣстной степени время появленія сказки.

чтобы показать, до какой степени прочно удержалось въ памяти народной воспоминаніе о знаменитой битвѣ, и съ какою любовью народъ развивалъ и мотивировалъ основные эпизоды ея, выводы, даже въ ущербъ исторической правдѣ, различныя лица и перенося съ свойственною ему чисто-дѣтскою наивностью и простотою личность Донскаго, какъ борца и „печальника“ за Русь, чуть ли не въ эпоху казачества и знакомства со шведами ¹⁾).

Съ теченіемъ времени, въ дополненіе къ сказаніямъ о Куликовской битвѣ, появляется и лубочная картина, изображающая Мамаево побоище и занимающая въ атласѣ г. Ровинскаго (въ буквальной копіи) 2¹/₂ арш. Покойный Снегиревъ въ своей статьѣ: „Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ“ говоритъ, что онъ видѣлъ очень рѣдкій экземпляръ—картину на 4-хъ большихъ склеенныхъ листахъ: „Ополченіе и походъ въ 1380 году великаго князя Дмитрія Ивановича противъ злочестиваго и безбожнаго царя Мамаѣ“. Снегиревъ прибавляетъ, что „Куликовская битва“ издавалась неоднократно тетрадкою въ четвертку, съ текстомъ, заимствованнымъ изъ Синописа, съ гравированными картинками, буквы уставныя ²⁾).

Наконецъ, не только лица, участвовавшія въ борьбѣ съ татарами, памяты народу,—онъ въ своихъ пѣсняхъ величаетъ Днѣпръ-рѣку, хотя и не имѣющую прямаго отношенія къ битвѣ ³⁾, но чаще другихъ выдающую татаръ. Вотъ что говоритъ „матушка Нѣпра-рѣка на вопросъ Сухана-богатыря о причинѣ ея смутности:

Какъ же мнѣ было течи по старому,
 Какъ за мной, за матушкой Нѣпррой-рѣкой
 Стоитъ сила татарская-невѣрная,
 Мостать ови мосты калиновы;
 Днемъ мостать, а ночью я повмрою:
 Изъ силъ матушка Нѣпра-рѣва повыбилась ⁴⁾.

Наконецъ, вскорѣ послѣ Куликовской битвы появляется въ нашей литературѣ особое произведеніе, имѣющее своимъ предметомъ, такъ сказать, специальное описаніе битвы и всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ, находящихся съ нею въ связи эпизодовъ, это—„Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“.

1) Нѣкоторыя черты этой сказки близко сходны съ письменными сказаніями о Куликовской битвѣ.

2) Лубочныя картинки, *Снегирева*, стр. 70.

3) Мѣсто битвы—„Межи Дономъ и Днѣпромъ“, по опредѣленію сказанія.

4) Пѣсня *Рыбникова*, т. I.

Составляя смѣсь историческихъ фактовъ съ вымыслами и преданіями, это произведеніе, сохранившееся въ многочисленныхъ спискахъ, представляетъ въ одной редакціи спокойное, прагматическое изложеніе событія, изрѣдка лишь прерываемая вставками во вкусѣ Слова о полку-Игоревѣ, а въ другой, гораздо менѣе пространной, является рабскимъ подражаніемъ слову, его копией и притомъ довольно блѣдною. Въ первомъ типѣ мы относимъ „Повѣданіе и сказаніе о побойщѣ великаго князя Дмитрія Донскаго“, съ вариантами, ко второму—„Задонщину“, напечатанную архимандритомъ Варлаамомъ и „Слово о великомъ князѣ Дмитрѣ Ивановичѣ“, изданное Ундольскимъ. Эти-то произведенія и составляютъ специальный предметъ нашего изслѣдованія.

I.

У профессора Н. С. Тихонравова есть списокъ „Повѣданія“ о Задонскомъ боѣ, представляющій наиболѣе полный текстъ этого памятника. Постараемся рассмотреть этотъ списокъ какъ можно подробно, чтобы затѣмъ установить преемственную связь всѣхъ извѣстныхъ намъ списковъ на основаніи тѣхъ или другихъ отклоненій отъ первоначальной редакціи.

Рукопись профессора Тихонравова носитъ слѣдующее заглавіе: „Лѣта 7491и году сказаніе о задонскомъ бою“. Въ ней же помѣщена и „Похвала великому князю Дмитрію Іоанновичу и его брату Владимиру Андрѣевичу“. Рукопись писана скорописью конца XVI или XVII вѣка, крайне неразборчиво; раздѣлена на главы, и каждая изъ нихъ носитъ особое названіе.

Главныя части сказанія слѣдующія: вступленіе; отправленіе посольства къ Мамаю; приготовленіе великаго князя къ битвѣ; выступленіе и смотръ войска; раскаяніе отложившихся князей; переправа черезъ Довъ и приведеніе войска въ боевой порядокъ; примѣты Дмитрія Волынца; описаніе битвы; возвращеніе Дмитрія; бѣгство Мамаю и его судьба. Между этими частями вставлены эпизоды, къ которымъ относятся: переписка между дѣйствующими лицами, моленія князя, плачь великой княгини и боярынь и проч. Связь между этими частями—искусственная; онѣ обыкновенно соединяются такимъ переходомъ: „но се пакы оставимъ и на предѣ возвратимся“.

Главная мысль „Повѣданія“—та, что сила Божія и заступничество угодниковъ Божіихъ, а не удаливость русскихъ храбрецовъ или личная отвага князя, одолѣли татарь.

Герой Слова о полку Игоревѣ, Игорь князь Сѣверскій,—храбръ;

предпріимчивъ, но не благоразуменъ: онъ готовъ на все, лишь бы „испити шеломомъ Дону“; братъ его—такой же удалецъ: Буй-Туръ Всеволодъ—называетъ его Слово. Дмитрій въ „Повѣданіи“—человѣкъ кроткій, лишь въ силу необходимости предпринявшій опасную войну: „образъ смиренномудрія носить“, говорятъ про него Повѣданіе; онъ не вѣритъ въ собственныя силы и постоянно обращается за помощью къ Богу. Идя на поле битвы, онъ уже знаетъ отъ преподобнаго Сергія, что исходъ битвы будетъ для него благоприятенъ, но все-таки молитва не сходитъ съ устъ его и служитъ ему нравственнымъ подкрѣпленіемъ.

Обращаемся къ содержанію Повѣданія. Въ лѣто 6888 (1380), „попущеніемъ Божиимъ, отъ навожденія дьявола“, воздвигся на Русь царь восточныя страны, по имени Мамай, „вѣроу еллинъ, идоложрецъ, иконоборецъ“. Онъ задался задачей—„разорить“ православную вѣру и истребить на Руси христіанство. Завидуя своему предшественнику Батю и древнему отступнику Уліану, онъ захотѣлъ „побить“ князя и княгиню и сѣсть въ ихъ красномъ градѣ. Переправясь черезъ Волгу и дойдя до устья рѣки Воронежа, Мамай распустилъ своихъ „улусниковъ“, запретилъ имъ сѣять хлѣбъ. „Будите готовы“, сказалъ онъ имъ,—„на русскіе хлѣбы“. Безумный Олегъ („о горе безумнымъ симъ властелемъ“), князь Рязанскій, узнавъ, что „сильный и вольный“ царь Мамай идетъ на Москву, посылаетъ грамоту на Литву къ Ольгерду (sic)¹⁾, предлагая ему присоединиться къ Мамаю, который дастъ Олегу Коломну и „иные“ города, а ему, Ольгерду, давно желанную Москву. Послѣ совѣщанія съ „панами“, Ольгердъ посылаетъ одновременно поздравительный отвѣтъ Олегу и „нѣкоего мудра мужа Чацкое земли (Чешской?), Бортыша, съ „безчисленными“ подарками и „книгами“, въ которыхъ заключалась просьба: „да привдетъ держава“ Мамаю на князя Дмитрія. Не ожидавшій помощи отъ измѣнившихъ Москвѣ князей, Мамай отвѣчаетъ имъ „въ писаніи“, что ему ихъ помощь не особенно надобна, ибо онъ, если бы только захотѣлъ, могъ бы плѣнить „тотъ древній Іерусалимъ“. Теперь же, съ помощью ихъ, его грознымъ именемъ „распуженъ“ будетъ Дмитрій Московскій. Послы, отправленные къ Мамаю, объявили „скудоумнымъ князьямъ“, что царь благодаритъ ихъ: „здравствуетъ велики и вамъ захвалилъ по велику“. На вопросъ

¹⁾ Въ это время въ Литвѣ былъ Ягайло (1377—1434). Здѣсь живемъ дѣло съ однимъ изъ многихъ въ Повѣданіи анахронизмовъ.

Ольгерда о Мамаѣ Бордяшъ дѣлаеть такую характеристику послѣдняго: „человѣкъ возрастомъ средній, разумомъ же не велики твердъ, въ рѣчи не памятливъ, но гордъ велики“.

Подобная характеристика Мамаа, вложенная въ уста послу недовольнаго Москвой князя, особенно любопытна. Составитель Повѣданія, вѣроятно, подъ вліяніемъ свѣжаго воспоминанія о недавней бѣдѣ, не пожалѣлъ темныхъ красокъ для обрисовки личности хана. Подобное отношеніе къ Мамаау проявляется и въ описаніи посольства Захарія въ орду, какъ увидимъ ниже. Войско Мамаа, по отзыву посла, многочисленно, но Дмитрію легко его „раслужить“, ибо все оно „яко овцы безъ пастыря, гордостью вознесены“. Составитель Повѣданія замѣчаетъ, что всѣ „панове“ были поражены словами Бортыаша, „желавшаго сердцемъ въ Мамаа“. Опять характерная черта: ненависть къ татарамъ и любовь къ родинѣ.

Когда „вѣстники“ сообщили Дмитрію о безбожномъ „нахожденіи“ (нападеніи) татаръ, князь сильно опечалился, — у Мамаа было „9 орьдъ“ и 70 князей, — пошелъ въ свою опочивальню и здѣсь упалъ на колѣни предъ стоявшимъ въ изголовьѣ образомъ. Въ молитвѣ князь считаетъ себя виновникомъ грозящей бѣды: „Вѣмъ бо, Господи, яко хочещи мене ради всю землю нашу погубить, азъ бо предъ Тобою согрѣшилъ паче всѣхъ человекъ“. Подкрѣпивъ въ молитвѣ, Дмитрій посылаетъ по князя Владимира Андреевича, бывшаго въ Боровскѣ, и „по всѣмъ князямъ русскіе князи“, чтобъ они прибыли на Москву. По прибытіи князя Владимира, Дмитрій, вмѣстѣ съ нимъ, идетъ къ митрополиту Кипріану сообщить о грозившей бѣдѣ. По совѣту митрополита, Дмитрій отправляетъ къ Мамаау посольство съ подарками — „много злата“, хотя дань была „исправлена“ не только „по преданію отецъ“, но еще „наипаче“. Не успѣло посольство дойти до орды, какъ Дмитрія поразила новая вѣсть. Княжій посолъ, Захарія Трутшевъ, изъ Рязанской земли, уведомилъ князя о измѣнѣ Ольгерда и Олега. Больше прежняго опечалился князь: „Суди, Господи, межъ нами и мною“, говоритъ онъ и снова идетъ къ митрополиту. Кипріанъ утѣшаетъ князя словами: „Хранимаго Богомъ весь міръ не можетъ убить“. Дмитрій приступаетъ къ воинскимъ распоряженіямъ и идетъ на военный совѣтъ, собранный у Миколы Васильевича¹⁾, гдѣ рѣшаютъ отправить „въ поле“ сторожевыя посты изъ „вѣрнѣихъ оруженниковъ“.

¹⁾ Карамзинъ (т. IV, 74) называетъ его сыномъ тысяцкаго. По Родословной Книгѣ («Родъ Воронацовыхъ и Вельяминовыхъ») бояръ Николай или Ми-

Между тѣмъ Захарія, приѣдъ въ орду, поднесъ дары Мамаю. На принесенное золото царь велѣлъ купить конскихъ плетей въ надеждѣ, что скоро все золото московское будетъ въ его рукахъ. Вся бесѣда Захарія съ Мамаемъ изложена такъ, чтобы Захарія передъ читателемъ явился умнымъ, изворотливымъ, находчивымъ посломъ. Онъ льститъ Мамаю, притворяясь его сторонникомъ: „Лучше есть злу царю служить, нежели благу князю“. Великая почеть является наградой Захаріи: ему даютъ свиту изъ лучшихъ и любимыхъ князей Мамаю и „иныхъ татаръ челоувѣкъ до пятьдесятъ“. Хитрый Захарія, дойдя до Оки, увѣдомилъ князя о возвращеніи и просилъ выслать ему „встрѣчу“. При помощи присланныхъ ему трехсотъ челоувѣкъ Захарія перевязалъ своихъ спутниковъ, а разорванную ханскую грамоту отдалъ „худьшему“ татарину для передачи безумному царю.

По прибытіи Захаріи, великій князь посылаетъ по городамъ грамоты съ приказомъ быть къ Успеньеву дню на Коломнѣ всѣмъ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ. Это было 5-го августа 1380 года. Но еще ранѣе полученія грамотъ собираются на Москву князья Вѣловскіе, Ярославскіе, Глѣбъ Курскій, Дмитрій Ростовскій и другіе: „Уже бо ратенъ стукъ стучить и громъ гремитъ, стучить сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича въ славномъ граде Москве“.

Но не ратный шумъ, не эти воинскія приготовленія одушевляють князя. Онъ ищетъ поддержки духовнаго и находитъ его въ бесѣдѣ съ преподобнымъ Сергіемъ. „Господине“, сказалъ отшельникъ,— „Христось Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ!“ „И рече ему тайно“— добавляетъ Повѣданіе— „имаши побѣдить враги своя, елико долѣветъ твоему государству“. Преподобный далъ князю двухъ иконовъ Пересвѣта и Ослябя или, какъ названы они въ цитируемомъ нами спискѣ: „Александръ да Пересвѣтъ братъ его, рекомый асета“. Въмѣсто обыкновеннаго оружія, Сергій далъ имъ схику съ нашитымъ на ней крестомъ. Обвеселился сердцемъ Дмитрій, но не сказалъ никому повѣданнаго тайно ему Сергіемъ и пошелъ въ Москву, какъ будто онъ нашель „нѣкое многоцѣнное сокровище“.

Собравшіяся на проводы великая княгиня Евдокія и „иныхъ

кула Васильевичъ былъ братъ казненнаго Ивана Вельяминова, былъ женатъ на дочери Дмитрія Константиновича и, слѣдовательно, приходился своимъ великому князю.

князей* княгини съ „воеводскими“ женами не могутъ слова промолвитьъ отъ слезъ. Великій князь не плачетъ лишь „варода ради“, но сердцемъ „горько плачетъ“ и утѣшаетъ свою княгиню словами: „Если Господь по насъ, то кто можетъ на насъ зло помыслити?“ Князь совершаетъ моленія предъ образомъ Спасовымъ, „Божіимъ“, предъ иконой Богоматери, „юже Лука евангелистъ писалъ при своемъ животѣ“¹⁾, у гроба блаженнаго чудотворца Петра' Новаго. Поднимаютъ образа. Идутъ „освященные соборы“ въ ворота Кремля съ честными крестами, чудотворными иконами, благословить каждаго воина, а князь съ братомъ своимъ Владиміромъ въ храмѣ архистратига Михаила приступаетъ къ гробамъ „православныхъ князей, прародителей своихъ“ и просить ихъ о помощи, зоветъ ихъ подвизаться съ войскомъ.

Дмитрій вступилъ въ златокованное стремя и сѣлъ на своего „избраннаго“ коня. Сѣли на коней князья и воеводы. Солнце съ восхода свѣтитъ и показываетъ имъ путь. Какъ соколы, выѣхали князья Вѣлозерскіе изъ каменнаго града Москвы. Любо уржены полки ихъ. Войско выступило разными дорогами изъ Москвы: одна дорога не вмѣстила бы его. Спереди солнце сіяетъ и „добрѣ“ грѣетъ, а сзади тихій вѣтеръ вѣетъ. Великая княгиня, съ своею снохою²⁾, княгинями и воеводскими женами, всходитъ на свой златоверхній теремъ и изъ выходящихъ на югъ оконъ смотритъ на князя и выходящее войско. Плачетъ княгиня, вспоминая битву на Калкѣ назадъ тому 160 лѣтъ и страшныя потери, и просить Бога возвратитъ князя невредимымъ, не дать погибнуть двумъ „малымъ отраслямъ“, князьямъ Василю и Юрію.

Съ Дмитріемъ пошло десять сурожанъ для путеводительства „въ дальнихъ земляхъ“: Василій Капица, Сидоръ Елеуферьевъ, Козьма Ковыръ, Константинъ Болдъ, Михаилъ Саларевъ, Тимофей Весяковъ, Дмитрій Черный, Семень Антоновъ, Иванъ Шихъ, Дмитрій Саларевъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе похода до Коломны, сборнаго пункта для войска. Русскіе сныи идутъ на битву словно на пиръ: хотятъ себѣ добыть честь и славное имя. Владиміръ Андреевичъ переправляется черезъ Москву-рѣку на Красномъ перевозѣ въ Борзовскѣ.

¹⁾ Этотъ образъ принесенъ въ Москву въ 1395 г. при нападеніи Татерлянъ, но упоминаніе о немъ въ данномъ случаѣ есть анахронизмъ, повторяющійся во всѣхъ спискахъ, даже въ Хроникѣ Славянско-Русской.

²⁾ Которой въ 1380 г. не было еще (Ист. Госуд. Росс. Карамзина, т. V, прим. 70).

Въ это время въ Новгородѣ собирается вѣче. Новгородъ былъ тогда самовластенъ; государя надъ нимъ не было. Новгородцы—повѣствуетъ связатель—жили въ большой славъ, земля ихъ отличалась великимъ богатствомъ, войско у нихъ было отборное, числомъ 300,000 человекъ. Когда въ Москву пришла вѣсть о нахожденіи Мамаея, тамъ были съ товарами „торгу ради“ гости новгородскіе, которые, возвратясь въ Новгородъ, сообщили посаднику новость ¹⁾. По совѣту архіепископа, собирается вѣче. Архіепископъ держитъ рѣчь къ собранію народа, прося оказать помощь великому князю. Народъ согласился, и вотъ на другой же день сорока-тысячное войско съ шестью воеводами выступило къ Москвѣ. Дмитрій уже былъ въ Коломнѣ. Ласково встрѣтилъ онъ „нечаянную“ помощь, воеводы приглашены были даже къ столу князя—„асти хлѣба“. Войско раздѣлили на полки, и каждому полку князь назначилъ воеводу.

У Коломны уражено все войско (великій князь прибылъ въ среду 28-го августа). Его встрѣтилъ епископъ Евфимій въ воротахъ города, съ иконами и крестами. На другой день Дмитрій дѣлаетъ смотръ войску, смотръ его „обвеселилъ“. Урядивъ полки, князь повелѣлъ передовому полку переправляться черезъ Оку, заповѣдавъ (запретивъ) обижать Рязанцевъ. Переправясь черезъ Оку, князь назначаетъ сторожу, „яко да купно видится со стражами татарскими“. По докладу Владиміра Андреевича, русской рати оказывается на лицо 400,000.

Между тѣмъ Олегъ Рязанскій, узнавъ о движеніи Дмитрія съ войскомъ и о духовной ему со стороны „Сергія калугера“ помощи, утрашился сердцемъ и „распался“ мыслями. Бесѣдуетъ онъ съ боярами, сердится на нихъ, что они не посовѣтовали ему ранѣе умолить Мамаея—оставить Русь въ покоѣ, и утѣшается лишь тѣмъ, что не онъ одинъ „оскудѣлъ“ умомъ, а и Олгердъ „продумалъ“, но съ него, Олега, все-таки больше взыщется, такъ какъ онъ исповѣдуетъ истинную вѣру, а не законъ Петра Гугниваго ²⁾. Раздумывая о томъ,

¹⁾ Разказъ о событіяхъ въ Новгородѣ, находящійся въ двухъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ, указываетъ на время ихъ появленія. Слова: «тогда государя еще не было надъ Новгородомъ», находящіяся въ обоихъ спискахъ, указываютъ, что эти списки относятся къ самому концу XV или началу XVI вѣка, то-есть, къ тому времени, когда Новгородцы лишились уже своей самостоятельности, воспоминаіе о которой жило еще въ нихъ. Подробности см. ниже.

²⁾ Статья о Петрѣ Гугнивомъ, внесенная въ наши Еормчія XVI в., относится къ XII и XIII вв., когда между греческими и римскими богословами явилось сказаніе объ этомъ Петрѣ. Основаніемъ послужила ересь папы, именовавшагося Petrus Mongus или Blaesus (гугнивый), который жилъ въ V вѣкѣ.

что ему дѣлать, сравнивая себя съ Святополкомъ, Олегъ приходитъ къ рѣшенію — присягнуть тому, „кому Богъ поможетъ“. Ольгердъ, узнавъ о нерѣшимости Олега, „не подвижеса нигдѣ же“.

Сыновья Ольгерда, князья Андрей и Дмитрій, покидаютъ отца и переходятъ на сторону великаго князя, который принялъ ихъ съ честью, многими дарами почтилъ и даже послалъ вѣсть о ихъ присоединеніи пресвященному Кипріану, великой княгинѣ Евдокии и игумену Сергію. На Москвѣ молитвы не умолкаютъ: великая княгиня молится въ церквахъ „день и ночь“ и раздаетъ милостыню „убогимъ“.

5-го сентября передовые сторожа, „Петръ Горкой да Карпъ Алексинъ“ привели языка, который сообщилъ, что Мамаевой рати и счету нѣтъ, царь-де дожидается только Ольгерда и Олега. Ольгердовичи совѣтуютъ Дмитрію переправиться черезъ Донъ, чтобы ни одинъ воинъ не подумалъ о возвращеніи; всякій станетъ биться безъ обмана, а въ великую силу Мамаю нечего вѣровать: Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. Ольгердовичи приводятъ въ примѣръ великому князю Ярославу и Александру Невскаго. Переправились черезъ Донъ. Стражи постоянно доносятъ, что уже близко татары: радуются русскіе удалцы.

Природа (какъ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ) посылаетъ свои предзнаменованія. На мѣстѣ битвы появляется множество волковъ, воютъ они безпрестанно по дѣлымъ ночамъ: страшно слышать ихъ вой, но все-таки онъ придаетъ мужество храбрымъ полкамъ. Вороны собрались, неумолчно граютъ; галки свою рѣчь говорятъ; орлы съ устьевъ Дона приспѣли; лисиды на кости брешутъ, „ждучи дня грознаго, Богомъ изволеннаго“, когда достанется имъ множество труповъ, и многая кровь прольется, „какъ воды морскія“. Отъ такого страха, отъ такой грозы деревья преклоняются, и трава „постилается“¹⁾. Многіе унываютъ, видя передъ глазами смерть. Стыдно и страшно поганымъ, а „вѣрные“ ликуютъ, ожидая вѣнцовъ отъ Вседержителя. Вѣстники безпрестанно доносятъ о приближеніи „поганыхъ“. Семень Меликъ докладываетъ князю, что царь уже на Гусиномъ бродѣ, что одна ночь раздѣляетъ русскіе и поганые полки, такъ какъ послѣдніе на утро придутъ „на Непрядну (sic) рѣку“.

Князь великій съ своими братьями, князьями и воеводами выѣхали на высокое мѣсто: на христіанскихъ знаменахъ, какъ „пѣки свѣтильницы солнечны“, блестятъ „образы“ святыхъ; знамена тихо тре-

¹⁾ Дубенскій считаетъ эти слова переводомъ слѣдующихъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: «ничить трава жалощами, а древо стугою преклонилось».

пещуть, какъ облака; хоругви, какъ живыя, кажутся; доспѣхи русскіе что воды, колеблемыя вѣтромъ; шелома украшены золотомъ—что утренняя заря въ хорошую погоду; еловцы ¹⁾ же шеломовъ—что пламя огненное.

Все это воинство, всѣ эти „удальцы“ одушевлены однимъ желаніемъ—умереть другъ за друга; у нихъ единоголосная мольба: „Боже, съ высоты призри на ны и даруй православному князю нашему яко Моисею покорити подъ нозѣ ему враги, яко же кроткому Давиду Голиафа“. Дмитрій, увидѣвъ образцовый порядокъ въ войскѣ („достойно упряжены полки“), обеселился сердцемъ, сошелъ съ коня ²⁾ на ковыль-травѣ, прямо противъ великаго полка и чернаго знамени, на которомъ былъ „воображенъ“ образъ Иисуса, началъ изъ глубины сердца звать велегласно: „О Владыко Вседержителю, взгляни „смотряливымъ“ окомъ своимъ на людей твоихъ. Обрати лице твое на нечестивыхъ съ яростію: они творять зло рабамъ Твоимъ“. Окончивъ молитву, великій князь сѣлъ на коня и обратился къ войску съ слѣдующею рѣчью: „Братья мои милые, сыны русскіе, уже приспѣла ночь, близокъ день грозный: мужайтесь и крѣпитесь! Оставайтесь всѣ на своихъ мѣстахъ, завтра некогда снаряжаться. Гости наши уже на рѣкѣ Непряднѣ“. Послѣ рѣчи, князь отпустилъ Владимира Андреевича вверхъ по Дону въ дубраву и съ нимъ воеводу Дмитрія Волинца.

Тепла и тиха наступила почъ на канувъ праздника Рождества Богородицы, ночь „несвѣтлая невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе“. Дмитрій Волинецъ позвалъ великаго князя на поле Куликово—наблюдать примѣты, которымъ послѣдній, не смотря на глубокую свою религіозность, вѣритъ. Съ татарской стороны слышенъ былъ стукъ и крикъ, словно торжище снималось, словно громъ гремитъ или трубы голосать; позади же полковъ волки грозно воютъ, справа орлы клекчуть и вороны и галки ³⁾, а по рѣкѣ Непряднѣ гуси и лебеди крыльями плещуть, „необычайную грозу повѣдающе“. Волинецъ спросилъ князя: слышалъ ли это онъ, и тотъ съ горемъ отвѣчаетъ: „Слышалъ, брате, грозу велику“. Волинецъ велѣлъ обра-

¹⁾ Ермол. сп. «яловчики». *Абзо*—гребень на шлемѣ; *Еблосос*—съ красивымъ гребнемъ.

²⁾ Здѣсь пропущено, находящееся въ другихъ спискахъ: «паде на колѣна».

³⁾ Въ рукописи это мѣсто испорчено: «верно и гальцы», въ прочихъ спискахъ: вороны и галицы.

тяться къ русскимъ полкамъ, — тихость была тутъ великая. Князь увидѣлъ зарю огненную, и Волынецъ увѣрилъ его, что „добрая эта примѣта“, и слѣзъ съ коня — попытать еще одну примѣту. Прилегъ онъ ухомъ на землю и лежалъ долгое время („на долгъ часъ“). Поднявшись, поникъ-гадатель головой и, на вопросъ князя о значеніи примѣты, лишь послѣ долгаго колебанія, отвѣчалъ: „Одна примѣта тебѣ на пользу, другая—болѣзна (скорбная)! Слышала я землю, плакала она двояко: одна сторона ея, какъ жена (=женщина), другая же, какъ дѣвушка („нѣкая юноша“) плачевнымъ голосомъ „просиѣла“ (какъ бы на сопѣлѣ, свирѣли). Я испыталъ много подобныхъ „боевъ“: побѣда будетъ надъ татарами, но и христіанамъ будетъ многимъ „падежь“. „Да будетъ воля Божья“, прослезился князь. Въ ту же ночь одинъ изъ стражи, Ома Халцубеевъ, видѣлъ на небѣ облако, изъ котораго вышли два юноши свѣтозарные: шли они на татаръ и сказали: „Кто вамъ повелѣлъ истреблять отечество наше? Намъ его даровалъ Господь“. Затѣмъ юноши начали рубить татаръ. Эти юноши были Борисъ и Глѣбъ.

Наступилъ праздникъ Рожества Богородицы, день „великому спасенію христіанскому“. На разсвѣтѣ (считающу пятку = въ пятницу, 8-го сентября) начали трубить трубы и развѣвать знамена. Во второмъ же часу дня начали трубить трубы (выступление?), и оба войска двинулись другъ на друга: „начаша сниматися“, трубы татарскія точно онѣмѣли. Застонала земля, вѣщаетъ грозу отъ востока и до запада. Поле Куликово „прегибается“, рѣки выступили изъ береговъ: много было полковъ тутъ. Дмитрій развѣзжаетъ по полю, повсюду разнося слово ободренія: „Отцы и братья! Господа ради подвизайтесь ради вѣры христіанской и ради Божіихъ церквей! Эта смерть—не смерть, но животь вѣчный. Оставимъ земное и усвоимся на свое дѣло“.

Послѣ этой рѣчи Дмитрій возвратился подъ свое черное знамя, пересѣлъ на другаго коня, снялъ съ себя царское одѣяніе и надѣлъ другое, а своего коня и свое одѣяніе отдалъ Михаилу Андреевичу Брянскому (Вренку), своему любимцу. Послѣ этого великій князь, ставъ на своемъ мѣстѣ и возрѣвъ на небо, обратился съ молитвой къ живоносному кресту, который носилъ на груди („за пазухой“), и въ которомъ были части живоноснаго древа. Въ это время отъ игумена Сергія пришло письмо съ благословеніемъ великому князю и всему воинству; при письмѣ преподобный приложилъ еще „освященный“ хлѣбъ. Посланіе укрѣпило князя, „аки нѣкими бронями твер-

дыми". Не смотря на просьбы воеводъ не принимать участія въ битвѣ, Дмитрій рѣшилъ раздѣлить общую участь: или умереть съ другими, или остаться въ живыхъ и раздѣлить радость побѣды, опять же съ другими. Передовой полкъ поручаетъ князь Дмитрію Всеволожскому, а въ правой рукѣ у него Микула Васильевичъ ведетъ коломничей со иными князьями и новгородскіе посадники съ силами своими ¹⁾.

Мамай выѣхалъ на высокое мѣсто съ тремя князьями смотрѣть на битву. Битва начинается единоборствомъ. Изъ татарскаго лагера выѣзжаетъ богатырь „еллинскій“ Тебей (по всей вѣроятности, описка вмѣсто: Телебей, находящагося въ большинствѣ рукописей), „похваляясь и храбрыся, какъ и древній Голиаф“²⁾. Инокъ Александръ, называемый Пересвѣтомъ, двинулся противъ татарина со словами: „Игумень Сергій, помогай мнѣ молитвою святою“. Ударились борцы копыями такъ сильно, что „едва земля не провалилась подъ ними“, кони ихъ пали „на корачки“, и сами они, упавъ съ коней, тутъ же скончались. Въ третьемъ часу дня битва слѣдалась всеобщей, и вотъ какъ описываетъ ее сказатель, хорошо знакомый, очевидно, со Словомъ о Полку Игоревѣ ³⁾: Трещать копыя харалужныя, звенять доспѣхи злаченые, стучать щиты червленые. На Куликовомъ полѣ, какъ ни велико оно, мало мѣста войску: люди погибають въ свалкѣ („сами о себя избивахуся и отъ великія тѣсноты задыхахуся“), множество передавлено лошадьми. Потекли кровавыя озера, трепещутъ молніи „отъ облистанія мечнаго“, страшный шумъ идетъ „отъ мечнаго сѣченія“ и конскаго „вопленія“; солнца не видно, полки — словно густыя облака, а оружіе — точно молнія въ нихъ; Донъ наполнился кровью, трупы „поганныхъ“, словно лѣсъ посѣченный. Проходитъ четвертый часъ, проходитъ и пятый — неослабно бьются христіане съ татарами (въ рукописи: „съ печенѣги“). Въ шестомъ часу татары „Божіимъ поущеніемъ“ и „нашихъ ради согрѣшеній“ начали одолявать русскихъ. Много именитыхъ русскихъ удалцовъ побито; какъ „древеса дубравная“, падаютъ они на землю, подъ копыта лошадей. Самого великаго князя вельми уязвили. Много нашихъ знаменъ уже подрублено. Въ это время, по разказу одного изъ самовидцевъ, на небѣ было замѣчено слѣдующее явленіе: на от-

¹⁾ Обращаемъ вниманіе на упоминаніе о новгородцахъ. См. ниже.

²⁾ Этого описанія въ нашей рукописи нѣтъ. Оно находится, напримѣръ, въ спискѣ, который Слегривъ называетъ *Тимковскимъ*.

верстомъ небѣ появилось облако, наполненное человѣческими руками: однѣ держали вѣнцы, другія— „древеса нѣбая, красны зѣло“, иныя— цвѣты. Въ тяжелый часъ (то-есть, шестой) эти вѣнцы опустились изъ облака на головы русскія. Сѣча между тѣмъ усиливается: отъ человѣческихъ тѣлъ нѣтъ возможности пробраться конямъ: „бродяте по волѣно кони въ крови“. Татары, наконецъ, окружаютъ русскихъ.

Находящійся въ засадѣ князь Владиміръ Андреевичъ, видя страшное побоище и превосходство татаръ, рвется на помощь брату, но опытный Дмитрій Волынецъ сдерживаетъ его, уговаривая подождать „до времени“, до осьмаго часа. Грустно рати князя Владиміра видѣть пораженіе своихъ, рвутся они, „какъ званые на пиръ вина нить“. Насталъ и осьмой часъ. Потянулъ южный вѣтерокъ на сидѣвшихъ въ засадѣ. Волынецъ закричалъ: „Князь Владиміръ, настало время! Дерзайте, братья, съ нами сила Святаго Духа!“

Выѣхали изъ дубровы „единомысленные друзья“, какъ соколы обученные на стада журавлиныя. Съ крикомъ: „перемудрила насъ Русь, худшіе съ нами бились, а лучшіе сохранились“, татары обратились въ бѣгство („даша плещи своя“). Словно дѣсь, они клонятся; какъ трава отъ косы постилается, такъ татарскіе полки сѣкутся русскими мечами. Количество бѣжавшихъ было такъ велико, что, по выраженію сказателя, холмы и луга протоптаны были, рѣки и озера наполнились убѣжавшими отъ преслѣдованія и искавшими убѣжища „въ Лукоморьѣ“ татарами. Скрежетъ зубовный и проклятія сопровождаютъ Мамай со стороны его единомышленниковъ. Богатая добыча досталась побѣдителямъ: узорочье, доспѣхи, кони, верблюды, дорогіе камни, атласы и сахаръ (sic) повезутъ побѣдители женамъ своимъ. Видя пораженіе своихъ, Мамай бѣжитъ и призываетъ на помощь боговъ своихъ: Перуна, Хорса и Салавата, Ирацда и Турка и великаго пособника своего Багмета ¹⁾. Но боги помощи не подаютъ. Бѣжалъ Мамай съ четырьмя князьями, русскіе догоняли ихъ, но наступившая ночь остановила преслѣдованіе. Когда погоня возвратилась, стали осматривать поле битвы: множество тѣлъ татарскихъ оказалось по ту сторону Непрядвы, гдѣ и не были русскіе полки: это было дѣломъ видѣнныхъ Ѡмой Бориса и Глѣба. Князь Владиміръ, ставъ „на костехъ“, подъ чернымъ знаменемъ великокняжескимъ и не найдя брата своего, великаго князя Дмитрія, велѣлъ

¹⁾ Въ Ермола. сп.: „Савата, Ираклія и Гурса“; въ Сигр. сп.: „Саланата“; въ Оболенск. сп.: Ираклія и Гурса. „Багметъ“, очевидно, „Магметъ“.

трубить сборъ. Прошелъ часъ, а Дмитрія все нѣтъ. Въ слезахъ Владиміръ объѣзжаетъ полки и спрашиваетъ всѣхъ и каждого, не выдадъ ли кто великаго князя. Одинъ отвѣчаетъ, что видѣлъ его въ девятомъ часу ¹⁾, другіе видѣли его позднѣе сражавшимся съ четырьмя печенѣгами. Нѣкто Стефанъ Новосильскій даетъ подробный отвѣтъ о состояніи князя: бился онъ съ четырьмя татарами и былъ „узвденъ велимъ“. Стефанъ хотѣлъ помочь ему, но конь его выбился изъ силъ, и налетѣвшіе татары отбили его отъ великаго князя. Рассыпались удалцы воины во всѣ стороны искать виновника побѣды („побѣды побѣдителя“). Одни за великаго князя приняли убитаго Бренка, другіе — князя Ѳедора Семеновича Бѣлозерскаго, „заеже приличнѣе бѣше ему“. Наконецъ, два воина уклонились направо въ дубраву и тамъ нашли Дмитрія, „бита велимъ и сѣченъ“, отдыхающимъ подъ срубленною березой. Воины были костромичи—Ѳедоръ Сабуръ и Григорій Холонищевъ. Тотчасъ же Сабуръ извѣстилъ о нахожденіи князя Владиміра. Быстро собрались воины вокругъ раненаго вождя, и Владиміръ возвѣстилъ ему побѣду. „Сей день, иже сотвори Господь“, восклицаетъ обрадованный князь Дмитрій, — „возрадуемся и возвеселимся въ оны!“.

Ему подвели „смирнаго“ коня, и онъ выѣхалъ на поле битвы: много побито русскаго воинства, а поганыхъ вчетверо. „Справедлива твоя примѣта“, сказалъ онъ Волицу. Объѣзжая поле, Дмитрій узнавалъ павшихъ богатырей: тутъ вмѣстѣ со всѣми Бѣлозерскими князьями лежитъ Микѹла Васильевичъ, тамъ лежитъ Михаилъ Брянскій (Бренокъ), близъ него „твердый стражъ“ Семень Меликъ, тутъ же чернецъ Пересвѣтъ съ „нарочитымъ“ богатыремъ татарскимъ.

Князь просить усопшихъ помолиться за оставшихся въ живыхъ. Затѣмъ приступаютъ къ погребенію христіанъ, а нечестивыхъ оставили звѣрямъ на добычу („повергоша звѣремъ на съеденіе“). Затѣмъ начинаютъ подводить итогъ падшимъ въ бою: убито 40 бояръ московскихъ, 12 князей Бѣлозерскихъ, да 17 пановъ литовскихъ, да 90 посадниковъ новгородскихъ ²⁾ и проч.

Въ числѣ другихъ татаръ, бѣжавшихъ „разными дорогами“ въ Лукоморье, былъ и самъ Мамай, прибѣжавшій въ городъ Кафу. Здѣсь

¹⁾ Очевидно, описка вмѣсто: въ пятомъ, какъ во всѣхъ остальныхъ спискахъ.

²⁾ Упомянутое павшихъ въ битвѣ посадниковъ, разумѣется, есть фикція сказателя, но оно важно для насъ при опредѣленіи хѣста возникновенія нашего списка. Всего убитыхъ русскихъ 303 тысячи.

его привнали фряжскіе купцы и убили за посягательство на Русскую землю.

На четвертый день битвы вѣсть о побѣдѣ надъ Мамаемъ дошла до Москвы, достигла и ушей Ольгерда, который долженъ „со студомъ“ возвратиться восвоаси. Въ день Воздвиженія Честнаго Креста переправились побѣдители черезъ Донъ. Испуганный Олегъ Рязанскій убѣждалъ, пока пройдетъ его землю войско, и укрылся на Литвѣ. Въ Коломиѣ великаго князя встрѣчаетъ епископъ Евѣмій съ духовенствомъ — торжественнымъ крестнымъ ходомъ. На Москвѣ великаго князя встрѣтила княгиня Евдокія во Фроловскихъ воротахъ, съ князьями Василиемъ и Юриемъ. Князь отправляется въ Архангельскій соборъ, затѣмъ въ Успенскій и, наконецъ, возсылаетъ мольбы у гроба чудотворца Петра. Отдохнувъ на Москвѣ¹⁾, великій князь отправился къ „молитвеннику своему“, игумену Сергію возблагодарить его за оказанную въ лицѣ Пересвѣта помощь и затѣмъ возвратился на Москву.

Таково содержаніе „Повѣданія“. Какъ преданіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій древне-русской жизни, какъ памятникъ народнаго самосознанія, оно имѣетъ значеніе для историка по своему содержанию, а по изложенію, методу его и формѣ—для критика, изучающаго древне-русскую литературу. Сочиненное кѣмъ-либо однимъ, а затѣмъ передѣлываемое, исправляемое подъ вліяніемъ многоразличныхъ условій мѣста и времени, оно представляетъ намъ ясный отголосокъ быта и духа народнаго, знакома, напримѣръ, съ переходомъ отъ древняго языка къ новѣйшему.

Какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ сквозитъ на каждомъ шагу языческой элементъ, языческія понятія, вѣрованія и суевѣрія,—такъ въ Повѣданіи мы должны отмѣтить измѣненіе религіозныхъ вѣрованій народа, выравнившееся со всею отчетливостью въ нашемъ памятникѣ, измѣненіе, совершившееся подъ вліяніемъ христіанскихъ учителей. Правильно, сознательно трактуемые въ Словѣ языческіе боги утратили навсегда для составителя Повѣданія свой смыслъ и свое значеніе. Такъ, напримѣръ, авторъ Повѣданія приписываетъ Мамаю знакомство съ слѣдующими богами, имена которыхъ дошли до него по наслышкѣ: Перуномъ, Хурсомъ, (передѣланнымъ въ Гурса) и Мокошемъ (въ сп. Тимковскаго), забывая, что это боги исключительно славянскіе; очевидно, эти боги утратили для автора свой настоящій смыслъ.

¹⁾ Въ одномъ спискѣ: „четыре дни“.

Въ Повѣданіи, какъ и въ Словѣ, природа даетъ русскимъ различныя предзнаменованія, но слогатель Повѣданія былъ слишкомъ отодвинутъ отъ языческой обстановки, у него слишкомъ сильно притупилось чутье въ истолкованіи различныхъ явленій природы, и тѣ предзнаменованія и „знаменья небесны“, которыя въ Словѣ вѣщаютъ Руси гибель, здѣсь, наоборотъ, возвѣщаютъ успѣхъ ей и гибель татарамъ. Наконецъ, господство христіанскаго элемента, особливо въ спискѣ профессора Тихомирова, до того уже сильно, что духовная окраска совершенно закрываетъ тотъ поэтический колоритъ, который замѣчается весьма въ ничтожныхъ разиѣрахъ въ Повѣданіи.

Кромѣ того, въ Повѣданіи сохранились любопытныя указанія на общественный и государственный бытъ современной ему эпохи. Вставка о „мужахъ новгородцахъ“ и ихъ сборахъ на помощь великому князю живо переноситъ въ ту эпоху кипучей новгородской жизни, когда въ Новгородѣ „еще не было государя“, когда дѣла рѣшало вѣче по почину посадниковъ и архіепископа, когда Новгородъ кипитъ вышѣль богатствами, когда у новгородцевъ были

... погребя все глубокіе
Краснаго золота, чистаго серебра
И мелкаго скатнаго жемчуга,

какъ говорится въ одной былинѣ.

Съ другой стороны, Повѣданіе знакомитъ насъ съ тою порой московской государственной жизни, когда идея самодержавія еще только слагалась, когда на ряду съ великимъ княземъ стояло народное вѣче, когда князь обязанъ былъ слушать дружину—въ первое время, или позднѣе—совѣтчиковъ, тоже князей, какъ и онъ, когда духовенство, въ качествѣ „божьихъ предстателей“, призывалось къ государеву совѣту въ тяжелыя критическія минуты; словомъ, Повѣданіе знакомитъ насъ съ эпохой до окончательнаго освобожденія отъ татаръ.

Издатель Повѣданія, Снегиревъ, въ предисловіи къ издаваемому памятнику, говоритъ: „Эта умильная повѣсть, какъ достопримѣчательный памятникъ нашей средней словесности, достойна чтенія наравнѣ съ другими произведеніями отечественной древности, проявляя въ себѣ черты русскаго народа“¹⁾. Изъ нашего изложенія содержанія памятника можно выбрать массу доказательствъ справедливости словъ Снегирева.

¹⁾ Русскій историческій сборникъ, т. III, стр. XIV.

На первомъ планѣ въ Повѣданіи стоитъ та глубокая ненависть русскихъ къ своимъ притѣснителямъ-татарамъ, которая засвидѣтельствована другими произведеніями народнаго творчества и послужила источникомъ многочисленныхъ, разсыпанныхъ въ Повѣданіи, прозвищъ и эпитетовъ, неслестныхъ для „безбожныхъ“ агарянь.

Горячая беззащитная любовь къ князю ¹⁾, готовность откликнуться на первый его призывъ, опасеніе потерять его въ битвѣ,—все качества народа русскаго, засвидѣтельствованныя какъ народными произведеніями, такъ равно и исторіей; любовь къ Богу, надежда исключительно на Его святую помощь, начинаніе cadaго дѣла съ горячей молитвы къ Нему и Его святымъ, наконецъ, вѣра въ чудесное вмѣшательство послѣднихъ и вступничество за правое дѣло,—опять-таки характерныя черты, составляющія отличительное свойство русскаго человѣка.

Даже въ самомъ языкѣ памятника связывается поворотъ къ новому языку. Полногласныя формы здѣсь уступаютъ уже мѣсто новымъ стяженнымъ: рядомъ съ словомъ сторожа мы встрѣчаемъ и стража; усѣченныя прилагательныя замѣняются новыми; попадаютъ дѣепричастія въ смыслѣ современныхъ русскихъ; дѣйствительныя глаголы употребляются вмѣсто возвратныхъ и страдательныхъ, напримѣръ, форма прошедшаго времени клоняху вмѣсто клоняхусь и т. д. Отдѣльныя слова обогащаютъ русскій языкъ, будучи заимствованы отъ татаръ. Таковы: ярлыкъ, харалужный ²⁾, улусы и т. д. Въ спискѣ князя Оболенскаго ³⁾ также много новыхъ словъ, наплывъ коихъ объясняется польско-литовскимъ вліаніемъ на Русь въ XV—XVI вѣкахъ; таковы: „сенаторы“, „паны“, „рада“ и др.

И такъ, въ этомъ необыкновенно распространенномъ произведеніи, какъ и въ другихъ народныхъ произведеніяхъ, извѣстная эпоха, извѣстныя общественныя и бытовыя условія, среди которыхъ сложилось наше Повѣданіе, выражаются весьма ясно, представляя такимъ обра-

¹⁾ Передъ битвой „мнози же князи рускіе воеводы одержаша его, глаголюще:... мы вси готовы есмь, государь, готовы сложити за тебя за ласковаго государя князя (сп. Тихонравова).

²⁾ Я слѣдую произведетву Снегирева въ этомъ словѣ, отъ татарскаго *Каралыкъ* (Росс. татарскій словарь. I. *Гимазова*. С.-Пб. 1804 г.).

³⁾ Я видѣлъ этотъ списокъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ № 94 (71), нач. „Лѣта 6889 сказаніе о Донскомъ побойщѣ въ безбожамъ царемъ Мамаемъ“.

зомъ для изслѣдователя нѣкоторую возможность опредѣлить время его возникновенія, разумѣется, при помощи и другихъ указаній.

Перейдемъ теперь къ разбору отдѣльныхъ списковъ Повѣданія, сначала чисто прозаическихъ, а затѣмъ и поэтическихъ, во вкусѣ Слова о полку Игоревѣ.

II.

Составители „Описанія славяно-россійскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстаго“ (изд. 1825 года), Строевъ и Калайдовичъ указываютъ шесть списковъ Повѣданія, принадлежавшихъ графу (нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ). Кромѣ этихъ списковъ, намъ извѣстны еще слѣдующіе: 1) списокъ въ библіотекѣ профессора Н. С. Тихонова, 2) отрывки изъ списка Ермолаева, 3) списокъ Морозова, напечатанный Сахаровымъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, 4) списокъ профессора Р. Ѳ. Тимковскаго, 5) списокъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ подъ № 94 (71), названный у Снегирева спискомъ князя Оболенскаго, 6) другой списокъ тамъ же, подъ № 93 (70): „Сказаніе о задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и его брату князю Владимиру Андреевичу“ и 7) списокъ (бѣлорусскаго письма) въ рукописномъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева: „Кроника славяно-русская“. Митрополитъ Евгеній, въ своемъ „Словарѣ писателей духовнаго чина“ (т. II, стр. 225), упоминаетъ списокъ, находящійся въ патриаршей библіотекѣ. Наконецъ, къ этому перечню я присоединяю бѣлорусскій списокъ: „Книга о побѣдѣ Мамая царя“.

Въ настоящей главѣ мы и ограничимся разборомъ исчисленныхъ списковъ, оставя пока въ сторонѣ еще два, весьма близкихъ къ слову о полку Игоревѣ и почти буквально съ него списанныхъ: изъ нихъ одинъ принадлежалъ Ундольскому и напечатанъ во *Временникѣ*¹⁾, а другой найденъ архимандритомъ Варлаамомъ и напечатанъ въ *Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по II-му отдѣленію*.

Такое обиліе списковъ нашего сказанія служитъ лучшимъ доказательствомъ популярности его на Руск. Какъ увидимъ ниже, оно вошло въ *лѣтопись, Софійскій временникъ* (т. I, стр. 355—368) и цѣлкомъ (почти изъ буквы въ букву) въ *Кіевскій Синописисъ*, а повидѣе предлагалось публикѣ въ видѣ историческихъ повѣствованій и снабжалось громкими заглавіями, какъ напримѣръ: „Низверженный

¹⁾ *Временникъ общ. истор. и др. рос. вѣн. XIV* (1852 г.).

Мамай“¹⁾, или „Битва задонская“²⁾, съ картинками въ текстѣ или безъ оныхъ.

Всѣ поименованные мною списки представляютъ одну и ту же канву; въ общихъ чертахъ содержаніе ихъ одинаково. Разница замѣчается только въ развитіи частныхъ мыслей, въ разработкѣ деталей. Въ однихъ, какъ напримѣръ, въ спискѣ профессора Тихонравова, развитіе подробностей не оставляетъ желать большаго. Затѣмъ, разница заключается въ интерполяціяхъ, возникшихъ подъ влияніемъ условій времени и мѣста. Наконецъ, разница въ чтеніи списковъ является слѣдствіемъ широкаго произвола переписчиковъ. Что переписчику казалось сомнительнымъ, что не подтверждалось устнымъ преданіемъ или другимъ спискомъ, то онъ, какъ мелочь, могъ отбросить. Какъ уже замѣчено, списокъ профессора Тихонравова является, по развитію частныхъ (напримѣръ, крайне подробное описаніе посольства Захаріи въ орду), самымъ полнымъ; съ него, какъ будто, списывались всѣ остальные списки, при чемъ, разумѣется, подробности зачастую выпускались. Но при всемъ томъ, мы не можемъ признать и его первоначальнымъ оригиналомъ остальныхъ списковъ. Отъ этого предположенія удерживаютъ насъ, во первыхъ, позднѣйшія въ немъ вставки и восторыхъ, (и это особенно слѣдуетъ имѣть въ виду) то, что тутъ союзникомъ Мамаю является Ольгердъ, уже умершій во времени Куликовской битвы: невѣрность, ошибка въ имени (вмѣсто Ягайлы), которую не возможно допустить въ первоначальной редакціи, авторомъ которой былъ несомнѣнно человекъ, близко стоявшій къ описываемому событію и передававшій видѣнное и слышанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Списокъ Архива Мин. Иностр. Д. подл № 94 — наиболѣе близокъ къ списку профессора Тихонравова: здѣсь мы также находимъ разказъ о мужахъ-новгородцахъ и о путешествіи великаго князя послѣ битвы къ Троицѣ. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ подробностей о посольствѣ Захаріи.

Списокъ Ермолаева, судя по приложеннымъ въ изданіи Общества исторіи и древностей вариантамъ, довольно близокъ къ двумъ упомянутымъ, но значительно короче ихъ. Такъ, здѣсь нѣтъ подроб-

¹⁾ Изд. 1798 г., соч. *Ив. Михайлова*, автора „Исторіи о разореніи Іерусалима“ (1798 г.).

²⁾ Изд. 1825 года, соч. невѣстнаго автора. Гравюра на заглавномъ листѣ изображаетъ князя, отдыхающаго въ дубравѣ, „подъ посвященнымъ древомъ подъ беревою“. Оба изданія представляютъ библиографическую рѣдкость.

ностей о посольствѣ Захарін, нѣтъ разказа о новгородцахъ и походѣ великаго князя въ обитель преподобнаго Сергія.

Списки Морозова (напечатанный Сахаровымъ) и Тимковскаго (въ изданіи Общества исторіи и древностей) представляютъ болѣе краткую, чѣмъ вышеприведенные, рецепцію: здѣсь нѣтъ, напримѣръ, описанія походовъ великаго князя Дмитрія съ братомъ къ преподобному Сергію въ Троицкій монастырь. Въ обоихъ спискахъ пропущены разказы о новгородцахъ.

Если же мы начнемъ подыскивать сходныя мѣста, то найдемъ слѣдующія. Списокъ Тимковскаго начинается слѣдующимъ обращеніемъ къ Урану: „Сія повѣдай, Оуранъ, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ в безбожными Агаряны“ и проч. У Морозова: „Се повѣдай, Уранъ, намъ повѣсть, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ съ безбожными татари“. Заключение Повѣданія въ обоихъ спискахъ одинаково. У Тимковскаго: „Ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ, пойде вѣсть по всѣмъ градомъ: къ Орначу, Криму, къ Кафѣ, къ желѣзнымъ вратомъ, ко Царю граду на похвалу: Роусь поганья одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Непрядвѣ. Воздадимъ хвалу Русской земли! Кой градъ глава всѣмъ градомъ (?). Володымеръ и Ростовъ, хвалу воздають Богу со всѣми грады. Прославлю милость Божию во вѣки вѣковъ. Аминь“. То же самое у Морозова: „Ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ. Пойдѣ вѣсть по всѣмъ градомъ: ко Орначу, Криму, къ Кафѣ. . . . ¹⁾ хвалу вѣдають Богу со всѣми грады. Прославлю милость Божию во вѣки вѣковъ. Аминь“. Подобное, почти дословное, сходство двухъ послѣднихъ списковъ указываетъ, по моему мнѣнію, на общій оригиналъ, съ котораго и сняты оба копія.

Отрывки изъ списка Снегирева представляютъ то отличіе, напримѣръ, отъ списка Тимковскаго, что здѣсь помѣщено описаніе похода великаго князя послѣ сраженія, по возвращеніи въ Москву, къ преподобному Сергію, въ Троицкій монастырь.

Списокъ Царскаго, какъ свидѣтельствуетъ Снегиревъ, снабженъ картинками при каждомъ отдѣлѣ, изображающими передаваемыя происшествія въ лицахъ. Краски—соковыя. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось имѣть въ рукахъ эту любопытную рукопись.

Кромѣ великорусскихъ списковъ Повѣданія, мы знаемъ еще два списка бѣлорусскаго письма. Одинъ изъ нихъ мы нашли въ рукопис-

¹⁾ Далѣе буква въ букву съ Тимковскимъ спискомъ.

номъ сборникѣ конца XVII или начала XVIII вѣка, принадлежащемъ Ѳ. И. Буслаеву, подъ названіемъ Кроника Славяно-Русская, другою видѣли у профессора Тихонравова въ копіи: „Книга о побоищи“ и проч. Первый списокъ, какъ явствуетъ изъ начала его, снятъ съ оригинала, нѣсколько отличнаго отъ того, съ котораго сняты вышеуказанныя, хотя вообще довольно близкаго, напримѣръ, въ списку Н. С. Тихонравова. „Кроника“ писана въ Сибири ¹⁾ и, какъ полагаютъ по почерку Ѳ. И. Буслаевъ, въ петровское время. Рознище нѣсколько отъ предыдущихъ начало этого сказанія таково: На требованіе Мамаемъ отъ великаго князя „году и дани“, въ размѣръ „миліона грошей“, за „всѣ роки поганни отъ Батга и ста тысячъ „дѣтей-хлопцовъ“ Дмитрій отвѣчаетъ отказомъ и идетъ войной противъ Мамад. Битва окончилась въ пользу Москвы: трупъ татарскаго было „на 13 миль“. Тогда Мамай „на третье лѣто“ обрушился на Русь, и тогда - то и произошла Куликовская битва, которая здѣсь названа: „Поражца великая московская надъ татарами“. Кромѣ этой вставки, ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ вариантовъ сказанія не встрѣчающейся, въ этомъ списокѣ нѣтъ отличія отъ рассмотрѣнныхъ, уже намъ извѣстныхъ. Здѣсь, впрочемъ, нѣтъ разказа о новгородцахъ. Что же касается сходства, то разказъ Кроникѣ близко подходитъ къ разказу списка профессора Тихонравова. Обѣ рукописи раздѣлены на главы, и каждая глава имѣетъ особое названіе. Сходство простирается даже на отдѣльныя мѣста и выраженія. Напримѣръ, грамота (ярлыкъ) Мамад читается въ Кроникѣ такъ: „Отъ восточнаго царя, отъ большой орды, отъ широкихъ полъ“... и т. д. Въ списокѣ Тихонравова находимъ: „Отъ восточнаго и грознаго царя, отъ большія орды, отъ широкихъ полъ“... и т. д. Или сравнимъ выраженія Олега, почувствовавшаго раскаяніе. Въ Кроникѣ: „а такъ и меня земля пожретъ живаго аки Свѣтополка“. Въ списокѣ Н. С. Тихонравова: „ако же яного Святополка жива земля пожретъ мя“.

Переходимъ къ другой бѣлорусской редакціи. Прежде всего бросается въ глаза ея краткость сравнительно съ другими списками сказанія. Начинается она, въ извѣстной намъ рукописи, разказомъ о нашествіи Батга и о порядкѣ татарскаго управленія Русью. Во главѣ побѣдителей поставленъ князь „Семіонъ Ивановичъ Тверской“ и уже за нимъ, на второмъ мѣстѣ, поставленъ Дмитрій Ивановичъ.

¹⁾ „Писана въ Сибири, въ городе Красноярскѣ“ (замѣтка писавшаго сборникъ).

Здѣсь мы встрѣчаемъ такіе анахронизмы, которые могутъ помочь при разрѣшеніи вопроса о времени появленія этого списка или бѣлорусской редакціи. По ней выходитъ, что Занабекъ, сынъ Азбека, внукъ „Батѣвъ“ (Батыевъ), царствовалъ въ 1357 году, и въ числѣ другихъ подвластныхъ ему земель упомянута Крымская орда, неизвѣстная въ XIV вѣкѣ. Очевидно, рассматриваемая рукопись не современна описываемому событію, а возникла поодвѣе его. Въ этомъ спискѣ нѣтъ также разказа о новгородцахъ, и сжато переданы подробности посольства Захаріи Тушишина (вмѣсто Тушина?). Кромѣ того, существованіе особаго оригинала для бѣлорусскаго списка доказывается подробнымъ перечисленіемъ „оружниковъ“, поставленныхъ на сторожу (Родионъ Ржевскій, Яковъ Волосатый, Тупникъ, Климентъ Поляничъ, Иванъ Сыланикъ), отличающимся отъ подобнаго же въ другихъ спискахъ (Григорій Судожъ, Василій Тупникъ, Иванъ Свасловъ). Что же касается до поэтическихъ мѣстъ при описаніи самой битвы, то они въ большинствѣ случаевъ сходны съ тѣми, которые находятся въ указанныхъ выше спискахъ. Вотъ, напримѣръ, какъ здѣсь описаны сборы московскаго воинства. „Ажъ стукъ стучить, громъ гремитъ по ранней зарѣ отъ ихъ поѣзду, какъ вина пить весело спешатся“. А вотъ для сравненія подобное же мѣсто изъ списка Тимковскаго: „Не стукъ стучить, не громъ гремитъ, стучить рать великаго князя... грядуть аки медвяны чаши пити и стеблевинны ясти“.. Примѣты, сулящія тотъ или другой исходъ битвы, передаются здѣсь одинаково съ вышеуказанными списками. „Тутъ же почали збиратися волки стадами выючи безпрестанно галки и орлы отъ устья Дону кричати и ждучи битвы лисицы брешучи и иншіи звѣри на кровь чигаючи и на трупы“. Подобно этому, въ спискѣ Тимковскаго читаемъ: „За многіе же дни придоша на то мѣсто мнози волцы, по вся ноши воють непрестанно... и мнози ворони собрашася необычно грають... галцы же своею рѣчью говорятъ и мнози орли отъ усть Дону присиѣша, лисицы на кости брешуть“. Примѣты Дмитрія Волынца и видѣніе Оомы Хацибеева (здѣсь превратившагося въ Кацѣя) не отличаются отъ подобныхъ въ другихъ спискахъ. Имена воиновъ, нашедшихъ князя въ дубравѣ (подъ березой), названы также согласно съ другими списками. Здѣсь, какъ и въ спискѣ профессора Тихонравова, Мамай, обращаясь въ бѣгство, призываетъ слѣдующихъ боговъ: Перуна, Совата, Ираклія, Гурга (Гурса) и Мармета. Цифровая дата погибшихъ въ битвѣ здѣсь разнится отъ таковыхъ же въ другихъ спискахъ; но нѣтъ, вѣдь, двухъ списковъ, гдѣ

цифровыя даты были бы совершенно одинаковы. Подобное явленіе, при существованіи устной передачи, дополненій и комментаріевъ, вполне для насъ понятно. О походѣ великаго князя къ преподобному Сергію послѣ битвы въ бѣлорусскомъ спискѣ нѣтъ ни слова. Здѣсь, какъ и въ другихъ спискахъ, Мамай убѣгаетъ въ Кафу и тамъ отъ руки Фрагъ „злѣ“ оканчивается „животъ свой“.

Изъ подробнаго анализа всѣхъ поименованныхъ нами въ настоящей главѣ списковъ, изъяснительнаго сравненія ихъ одинъ съ другимъ вытекаютъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія соображенія. Въ основу всѣхъ разобранныхъ нами списковъ легло одно не дошедшее до насъ сказаніе; всѣ же извѣстныя намъ разночтенія и варианты представляютъ лишь разработку этого оригинала, вызванную условіями времени и мѣста и личными соображеніями переписчика.

Перехода къ двумъ другимъ спискамъ сказанія или Задонщины, обработаннымъ въ поэтическую форму, мы съ одной стороны, находимъ между ними близкую тѣсную связь, объясняющуюся почти рабскимъ подражаніемъ обоимъ общему прототипу—Слову о полку Игоревѣ; съ другой, видимъ отсутствіе почти всякаго сходства между этими двумя списками и другими, упомянутыми въ настоящей главѣ, по формѣ и по содержанию или, вѣрнѣе, по развитію частныхъ подробностей. Здѣсь эпическій характеръ уступаетъ мѣсто лирикѣ; мощные звуки пѣвца Игорева похода, овладѣвая авторомъ Задонщины, настраиваютъ его на поэтическій ладъ, не давая мѣста спокойному эпическому разказу. Изученіе этихъ списковъ, оригиналъ которыхъ также, вѣроятно, утраченъ, въ связи съ изученіемъ Слова о полку Игоревѣ, составитъ предметъ слѣдующей главы.

С. Тимошевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Всемирная исторія Ранке.

WELTGESCHICHTE. Von Leopold von Ranke. 5 Th. 3-te Auflage. 1833—1884.

До послѣдняго времени ни въ одной литературѣ не было такой „Всемирной Исторіи“, которая вполнѣ удовлетворяла бы современнымъ научнымъ требованіямъ. До сихъ поръ лучшими произведеніями въ этомъ родѣ считались исторіи Шлоссера и Георга Вебера. Но трудъ Шлоссера, не говоря уже объ извѣстной субъективности автора, устарѣлъ, а „Allgemeine Weltgeschichte“ Г. Вебера, выходящая теперь вторымъ исправленнымъ изданіемъ, есть скучная компиляція, которая, при всей своей добросовѣстности, не вездѣ стоитъ въ уровень съ современными изслѣдованіями. О трудностяхъ написать вполнѣ удовлетворительную „Всемирную Исторію“ нечего и говорить: онѣ очевидны. Задача эта, по видимому, не по силамъ одному человѣку. Необычныя знанія, чтобы по всѣмъ отдѣламъ идти въ уровень съ наукой и въ то же время самостоятельно разработать всю необъятную массу историческаго матеріала; умѣнье распорядиться этимъ матеріаломъ, чтобы не потеряться въ мелочахъ, соблюсти, такъ-сказать, историческую перспективу; необыкновенная широта и глубина взгляда, чтобы представить смыслъ и связь явленій и т. п., — вотъ качества, требуемая отъ автора „Всемирной Исторіи“, качества, почти несомнѣстимыя въ одномъ лицѣ. А между тѣмъ, различные сборники, которые составляются изъ произведеній нѣсколькихъ историковъ и являются, слѣдовательно, результатомъ совокупныхъ трудовъ многихъ лицъ, никогда не могутъ замѣнить „Всемирной исторіи“, какъ цѣльнаго произведенія одного автора. Это можно сказать даже о лучшихъ

вѣзъ нихъ, напимѣрь, объ извѣстномъ сборникѣ Геерена и Укерта (*Geschichte der europäischen Staaten*) и о новой коллекціи Онкева (*Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen*). Всѣ подобныя сборники страдаютъ неизбежнымъ недостаткомъ — отсутствіемъ необходимаго единства и цѣльности, несоразмѣрностью отдѣльныхъ частей; произведенія, входящія въ ихъ составъ, нерѣдко отличаются одно отъ другаго по характеру, качеству и даже по размѣрамъ: одни—слишкомъ подробны и спеціальны, другія—слишкомъ кратки и общи.

Понятно, поэтому, какое вниманіе должно было возбудить появленіе „Всемирной Исторіи“ Ранке. Если кто-либо, то именно Ранке, казалось, могъ выполнить подобную задачу. Его долгая жизнь, болѣе нежели полувѣковая ученая дѣятельность, безпристрастіе, критическій талантъ, необыкновенное умѣнье представлять взаимодѣйствіе и контрастъ различныхъ моментовъ, преобладаніе универсально-исторической точки зрѣнія въ прежнихъ его трудахъ, въ которыхъ исторія отдѣльныхъ странъ излагается болѣею частью въ связи съ обще-европейскими отношеніями,—все это, по видимому, ручалось за успѣхъ попытки.

„Всемирная исторія“ Ранке начала выходить лишь четыре года тому назадъ и теперь уже доведена до смерти Карла Великаго. Высокій интересъ, возбуждаемый этимъ трудомъ, имя автора даютъ особое значеніе его сочиненію.

По Ранке, всемирная исторія не есть простое собраніе исторій отдѣльныхъ народовъ: это значило бы „терять изъ виду связь вещей“, а задача всемирной исторіи именно и состоитъ въ томъ, чтобы „познать эту связь и указать на ходъ великихъ событій, связывающихъ всѣ народы“ (*Weltgeschichte, I Th., 1 Abth.; Vorrede, S. VII*). Ея предметъ—„историческая жизнь, которая переходитъ отъ одной націи въ другой, отъ одного круга народовъ къ другому“ (*ibid., S. IX*). Сообразно съ такимъ взглядомъ, Ранке оставляетъ совершенно въ сторонѣ древній Китай и древнюю Индію, какъ особыя, изолированныя міры, вѣвъ тѣсной связи съ остальнымъ человѣчествомъ, и вообще не вдается въ подробности, по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ частяхъ своего труда.

Каждая часть „Всемирной Исторіи“ Ранке состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ 1-мъ отдѣлѣ 1-й части находится общій обзоръ исторіи древняго Востока (156 стр.), при чемъ сравнительно большее вниманіе обращено на исторію евреевъ; затѣмъ идетъ исторія Греціи до конца Пелопоннесской войны и возстановленія въ Аѳинахъ демократіи

Тразибуломъ включительно. 2-й отдѣлъ 1-го тома начинается превосходнымъ обзоромъ умственной и художественной дѣятельности Грековъ, ихъ поэзіи, философіи и искусства (84 стр.) и оканчивается Агаокломъ. Во 2-й части—исторія Римской республики. 2-й отдѣлъ этой части начинается съ Гракховъ, о планахъ и реформахъ которыхъ говорится довольно кратко; оканчивается эта часть принципатомъ Августа. Съ 3-й части начинается болѣе подробное изложеніе. 1-й отдѣлъ ея, довольно объемистый томъ (551 стр.), весь посвященъ исторіи Римской имперіи до Константина Великаго включительно. Литература времени имперіи разсматривается здѣсь подробно (см., напримѣръ, о Сенекѣ); хорошъ также обзоръ развитія римскаго права. Обстоятельно говорится о распространеніи христіанства и въ особенности о дѣятельности апостола Павла. Цѣль труда Ранке, какъ онъ самъ выражается, „обнять цѣлое и изслѣдовать въ то же время частности“ (III, 2, Vorbemerkung, s. IX). Поэтому онъ удѣляетъ много мѣста изслѣдованію источниковъ. Такъ, весь 2-й отдѣлъ 3-й части (356 стр. убористой печати) состоитъ изъ „Analekten“, критическаго разбора главнѣйшихъ источниковъ древней исторіи, начиная съ „Книги Царствъ“ и Юсіафа Флавія и оканчивая Тацитомъ и историками позднѣйшихъ Римскихъ императоровъ. Переходъ отъ древней исторіи въ среднимъ вѣкамъ, положеніе императорской власти и христіанской церкви въ IV—VI столѣтіяхъ, паденіе Западной имперіи и основаніе романо-германскихъ государствъ въ ея предѣлахъ (до начала VII столѣтія),—такое содержаніе 4-й части. Законодательная дѣятельность Юстиніана и вообще вся его эпоха разсмотрѣны подробно: предъ нами тутъ три великія державы—Франки и Персы рядомъ съ имперіей Византійскою. Въ аналектахъ, помѣщенныхъ въ концѣ этой части, мы находимъ разборъ сочиненій Евсевія („Жизнь Константина“), Зосимы, Прокопія, Иордана и Григорія Турскаго. Наконецъ, въ 5-й части, вышедшей лишь въ концѣ прошлаго года, говорится объ Арабахъ, о Византійской имперіи въ VII—VIII столѣтіяхъ, о послѣднихъ Мервингахъ и майордомахъ, о Карлѣ Великомъ. Смертью Карла оканчивается 5-я часть, а въ аналектахъ находится разборъ извѣстій о завоеваніи Арабами Сиріи и Иерусалима, а также и Египта, изслѣдованіе о двухъ латинскихъ хронистахъ въ Испаніи при Омаядахъ¹⁾ и анализъ „Мецкихъ лѣтописей“.

¹⁾ Продолжатель Іоанна Визларскаго («Incerti auctoris additio ad Iouannem Biclarensem») и «Isidori Pacensis episcopi Epitome imperatorum vel Arabum Ephemerides atque Hispaniae chronographia sub uno volumine collecta».

Согласно съ своимъ взглядомъ на всемірную исторію, Ранке обозрѣваетъ большею частью разомъ всѣ одновременныя событія, хотя бы и отдѣленныя пространствомъ, и явленія, на первый взглядъ совершенно разнородныя и даже противоположныя. Этимъ преимущественно отличается 4-я часть, особенно конецъ 1-го отдѣла ея. Тутъ историкъ приходилось изображать борьбу и столкновение различныхъ элементовъ; здѣсь предъ нами, по выраженію Ранке, „неспокойное равномерное теченіе событій: вниманіе нужно обращать въ разные стороны“ (стр. 8—9). И дѣйствительно, онъ безпрестанно переноситъ свой взоръ съ крайняго Востока на крайній Западъ, съ береговъ Босфора въ Италію или Галлію и обратно. За описаніемъ отраженія Аттилы непосредственно слѣдуетъ обзоръ религіозно-догматическихъ споровъ. Самъ Ранке говоритъ по этому поводу, что при изложеніи всемірной исторіи „необходимо переходить отъ одного великаго интереса къ другому; ибо каждый изъ этихъ интересовъ существуетъ какъ бы самъ по себѣ и развивается самъ изъ себя, и въ то же время всѣ они связаны между собою динамически“ (IV Th., 1 Abth., S. 305). Нерѣдко Ранке подмѣчаетъ связь между такими явленіями, которыя мы привыкли представлять себѣ совершенно обособленными, не имѣющими ничего общаго между собой. Вообще, его „Всемирная Исторія“ — произведеніе вполнѣ оригинальное, поражающее вногда новизною взгляда или, по крайней мѣрѣ, уклоненіемъ отъ общепринятаго на Западѣ мнѣнія.

Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ воззрѣніяхъ и въ изложеніи Ранке. Примѣры мы будемъ брать изъ 4-й и 5-й части его „Всемирной исторіи“ въ виду того, что первыя двѣ части вышли уже сравнительно давно и, вѣроятно, многимъ ужъ извѣстны, а съ третьею частью читатели Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія могли познакомиться въ свое время изъ статьи проф. Виноградова (Январь, 1884).

Обратимъ вниманіе, напримѣръ, на характеристику императоровъ Констанція и Юліана Отступника: она рѣзко отличается отъ обычныхъ. Констанцій, по словамъ Ранке, въ обыденной жизни обнаруживалъ спокойствіе, умѣренность, даже скромность. Это былъ человѣкъ не безъ способностей; онъ, между прочимъ, былъ хорошій стрѣлокъ изъ лука, владѣлъ даромъ слова и перомъ. Онъ относился хорошо къ своимъ друзьямъ и, напротивъ, былъ неумолимъ къ своимъ врагамъ. По его убѣжденію, для благоденствія имперіи ничто не было такъ необходимо, какъ спокойное и невредимое существованіе вер-

ховнаго главы. Его противники казались ему врагами человѣческаго рода. Онъ преслѣдовалъ ихъ съ непреклонною строгостью. Обыкновенныя страсти были ему чужды, но ревнивое желаніе всецѣло одному обладать высшею властью превратилось у него въ страсть (IV Th., 1 Abth., 25—26). Нѣкоторая симпатія Ранке къ Констанцію проглядываетъ и при описаніи торжественнаго въѣзда императора въ Римъ въ 357 году (стр. 31). То же замѣчается и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о разрывѣ между Констанціемъ и Юліаномъ. Большая часть историковъ обвиняетъ здѣсь обыкновенно перваго. У Ранке, напротивъ, Констанцій является въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. По его мнѣнію, въ томъ, что Констанцій потребовалъ отъ Юліана присылки на Востокъ части западнаго войска, не было ничего особеннаго, необычнаго; это не было уловкой. Но нѣтъ ничего удивительнаго, если подобное требованіе встрѣтило сопротивленіе въ западныхъ легионахъ (стр. 93). Вообще же Ранке видитъ здѣсь въ Констанціѣ представителя идеи единства имперіи, а въ Юліанѣ—представителя провинціальныхъ интересовъ (стр. 94). Известно, что Юліанъ предъ окончательнымъ разрывомъ съ императоромъ обратился съ письмомъ къ послѣднему. По мнѣнію Ранке, еслибы Констанцій согласился на условія, предложенныя ему въ этомъ письмѣ Юліаномъ, то онъ предоставилъ бы своему двоюродному брату такую самостоятельность въ Галліи, какою пользовался нѣкогда Альбинъ по отношенію къ Септимію Северу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призналъ бы не разъ уже предъявляемыя притязанія западныхъ легионовъ не служить на Востокѣ (стр. 97). По словамъ Ранке, одна изъ лучшихъ чертъ въ жизни Констанція—та, что онъ предпочелъ отправиться сначала въ Арменію и противъ Персовъ, однимъ словомъ, противъ вѣчныхъ враговъ, а не противъ Юліана (стр. 97—98). Но особенно замѣчательны строки, въ которыхъ Ранке характеризуетъ Констанція по случаю его смерти (стр. 102). Здѣсь, кажется намъ, выказалась известная симпатія знаменитаго историка къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые являются представителями идеи единства и всемогущества государственной власти, — симпатія, замѣтно проглядывающая и въ прежнихъ его трудахъ.

Иначе относится Ранке къ Юліану. У него Юліанъ не идеализируется, какъ у иныхъ историковъ. Ранке видитъ въ нѣкоторыхъ его поступкахъ нарушеніе вѣтвы, данной императору, двоедушіе; онъ готовъ сомнѣваться въ чистотѣ побужденій, заставившихъ Юліана перейти на сторону язычества. Такъ, на стр. 95—96 Ранке говорить, что Юліанъ рѣшился идти къ войску, чтобы „съ виду“ ис-

полнить приказание императора (относительно отправки легионовъ изъ Галліи на Востокъ); а на стр. 99 онъ замѣчаетъ, между прочимъ, о Юліанѣ: „Кто знаетъ, служеніе ли азычскимъ богамъ пробудило въ немъ честолюбіе, или его честолюбіе привело его къ служенію богамъ“. Нѣсколько раньше (стр. 76) склонность Юліана къ древне-греческимъ ученіямъ и культамъ Ранке объясняетъ воспитаніемъ его: еще мальчикомъ онъ почерпнулъ основы нравственности и универсальныя возрѣвія не изъ христіанства, а у древнихъ Грековъ; къ этому впоследствии присоединилось знакомство съ неоплатоническою философійю. Ранке довольно подробно характеризуетъ возрѣвія Юліана на основаніи его сочиненій (стр. 69 — 86) и въ заключеніе называетъ его „ein Dogmatiker des göttergläubigen Hellenismus“ (стр. 86). По поводу похода Юліана противъ Персовъ, Ранке говоритъ о грандіозныхъ планахъ императора, о его намѣреніи пройти чрезъ всю Персію и проникнуть до Индіи, какъ передаетъ объ этомъ Либаній. Вотъ почему Юліанъ и сжегъ транспортныя суда по переходу чрезъ Тигръ: онъ думалъ, что въ нихъ нѣтъ болѣе надобности, и не хотѣлъ, чтобъ они достались въ руки непріятеля. Но для выполненія такого предпріятія нужна была армія, всецѣло проникнутая идеями императора и готовая всѣмъ жертвовать ради идеальной дѣли. Высшіе предводители, имѣвшіе право голоса, сначала, по видимому, согласились съ планомъ императора, и суда были сожжены. Но потомъ взяло перевѣсъ мнѣніе болѣе осторожныхъ. Рѣшено было идти вверхъ по Тигру безъ судовъ, которыя теперь были бы очень полезны. Такимъ образомъ, предпріятіе Юліана теряетъ свой грандіозный, религіозно-эллинистическій отпечатокъ, и весь вопросъ сводится къ тому: спасется ли погибнетъ римское войско? Сказавъ о гибели Юліана, Ранке (на стр. 123—126) даетъ замѣчательную характеристику его. Онъ видитъ въ Юліанѣ представителя противоположныхъ тенденцій его эпохи, — эпохи величайшаго переворота, когда новая религія заступила мѣсто старой. Юліанъ былъ въ одно и то же время и философъ, и императоръ, и пылалъ честолюбіемъ совершить что-нибудь необычайное въ той и другой сферѣ. Это, по словамъ Ранке, первый грекъ на императорскомъ престолѣ. Онъ не вполнѣ владелъ латинскимъ языкомъ; за то онъ съ энтузіазмомъ хранилъ преданіе о древне-римской добродѣтели и храбрости. Онъ хотѣлъ быть Александромъ Великимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Децемъ Мусомъ или вообще какимъ-нибудь древнимъ римляниномъ. Несправедливо было бы по отношенію къ Юліану объяснять всѣ его

дѣйствія политическою точкой зрѣнія. Развѣ можно объяснить политическимъ разчетомъ его возстаніе противъ Констанціи, естественнымъ наслѣдникомъ котораго онъ былъ, борьбу съ христіанствомъ, носившимъ въ себѣ неодолимыя жизненныя силы, нападеніе на Персію? Юліаномъ руководили всегда два импульса, предъ которыми все остальное отступало на задній планъ. Одинъ импульсъ — убѣжденіе, что именно ему, въ силу его происхожденія, принадлежитъ по праву престолъ. Другой импульсъ принадлежалъ къ кругу идей неоплатониковъ: Юліанъ думалъ въ союзѣ съ древними богами одержать побѣду надъ Персіей и рѣшить, такимъ образомъ, древнѣйшую и грандіознѣйшую борьбу, развѣдывавшую міръ. Его сердце жаждало вѣчной, неувыдаемой славы. Такая слава была бы его удѣломъ, еслибъ онъ съ побѣдоноснымъ войскомъ достигъ Индіи и возвратилъ бы эту страну и Римскую имперію, то-есть, по тогдашнимъ понятіямъ, весь земной шаръ, древнимъ богамъ. Именно послѣднимъ была бы приписана его побѣда.

Замѣчательно также и то, какъ относится Ранке къ религіознымъ распрамъ христіанъ, и какое мѣсто отводитъ онъ имъ въ своемъ изложеніи: онъ оцѣниваетъ ихъ важность не съ точки зрѣнія нашего времени, а съ точки зрѣнія тогдашняго общества; онъ признаетъ ихъ необходимость.

Для Римской имперіи важнѣйшимъ изъ всѣхъ внутреннихъ вопросовъ былъ вопросъ объ отношеніи императорской власти къ христіанской церкви. Сначала казалось, что церковь останется въ полномъ подчиненіи и зависимости отъ императоровъ. „Въ такомъ случаѣ“, говоритъ Ранке, „возникло бы сліяніе церкви съ государствомъ, что уничтожило бы внутреннюю жизнь первой и положило бы предѣлъ ея дальнѣйшему развитію. Если держаться такой точки зрѣнія, то споры христіанъ между собою являются чрезвычайно важными для взаимныхъ отношеній обѣихъ властей. Но и сами по себѣ они не могутъ быть осуждаемы“: среди развитыхъ философскихъ школъ, которыя тоже пытались разрѣшать высочайшія проблемы, христіанство не могло устоять безъ того, чтобы идеи первоначальнаго вѣрованія не приняли болѣе осмыслительнаго образа, какъ это было въ другихъ системахъ (стр. 35—36).

По словамъ Ранке, долгъ историка — представить объективно, хотя въ главныхъ, основныхъ чертахъ, борьбу между ученіемъ Арія и ученіемъ Аванасія (стр. 37). И дѣйствительно, онъ говоритъ подробно о личности послѣдняго, объ отношеніяхъ къ нему импера-

тора Констанція, о соборѣ въ Сардикѣ (343 г.), на которомъ между прочимъ постановлено было—на основаніи прерогативы, перешедшей, будто бы, къ Римскому престолу отъ св. Петра,— что если осужденный считаетъ свое дѣло правымъ, то онъ можетъ обратиться къ Римскому епископу, и тотъ долженъ учредить надъ нимъ новый судъ, и что если приговоренный къ низложенію епископъ выразитъ желаніе вести свое дѣло въ Римѣ, то не назначать ему преемника, пока не послѣдуетъ приговора отъ Римскаго престола (стр. 47—48), и т. д. Ранке придаетъ большое значеніе тому, что въ дѣлѣ Аенанасія Римскій епископъ Либерій и другія духовныя лица рѣшились противорѣчить императору Констанцію: неограниченности свѣтской власти противостояла церковная оппозиція. Это моментъ всемірно-исторической важности: между только что соединенными властями возникаетъ раздоръ, характеризующій слѣдующія столѣтія; мы видимъ здѣсь въ зародышѣ будущія отношенія между Восточною и Западною церковью, между духовнымъ и свѣтскимъ авторитетомъ, императоромъ и папой (стр. 53—55).

Руководясь такимъ взглядомъ, Ранке смотритъ иначе, чѣмъ большинство историковъ, и на нѣкоторыя явленія византійской исторіи. По его словамъ, императоръ Феодосій II у современныхъ ему церковныхъ писателей является вовсе не такимъ жалкимъ и презрѣннымъ, какимъ его обыкновенно представляютъ (стр. 286), а по поводу набожности и религіозности византійскаго двора онъ замѣчаетъ: „Всеу есть свое время; восточный дворъ нельзя осуждать за то, что онъ вмѣшивался въ религіозныя дѣла: умы людей заняты были именно религіозными вопросами“ (стр. 287).

Относительно такъ-называемаго „переселенія народовъ“ Ранке говорить, что ему не нравится это выраженіе: оно основывается на чрезвычайно неисторическомъ пониманіи древнѣйшей германской исторіи (IV Th., 1 Abth., 153). По замѣчанію самого Ранке, здѣсь его взглядъ отличается отъ общепринятаго преимущественно тѣмъ, что въ такъ-называемомъ „переселеніи народовъ“ онъ видитъ лишь продолженіе старыхъ пограничныхъ войнъ германцевъ съ римлянами и внѣшнимъ причинамъ, какъ напримѣръ, нашествію гунновъ¹⁾, придаетъ второстепенное значеніе (ibid., стр. 414). Такое великое собы-

¹⁾ Которые, по его мнѣнію, урало-енискаго происхожденія, подобно мадьярамъ и аварамъ; но онъ не рѣшается принять гипотезу, что эти гунны были изгнаны изъ Китая.

тіе, какъ вторженіе германцевъ въ Римскую имперію, было въ сущности дальнѣйшимъ развитіемъ Германской имперіи вообще. Первая эпоха этой исторіи обнимаетъ собою вторженіе римлянъ въ Германію и отраженіе ихъ, вторая—продолжающуюся цѣлыя столѣтія борьбу на римской границѣ; къ этой именно эпохѣ примыкаетъ потомъ третья—эпоха вторженія германцевъ въ римскія области (IV Th., 2 Abth., 229). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобный взглядъ на переселеніе народовъ въ настоящее время принадлежитъ не одному Ранке. Еще раньше Ранке ту же мысль высказывалъ извѣстный знатокъ этой эпохи, Данъ, въ передѣлкѣ труда Витерсгейма: „Geschichte der Völkerwanderung“ (1880—1881), въ „Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker“ (1 т. 1881) и въ „Deutsche Geschichte“ (1883) ¹⁾. Въ первоначальной исторіи германцевъ, въ ихъ движеніяхъ и переселеніяхъ Данъ также усматриваетъ внутреннее, такъ-сказать, органическое развитіе; вслѣдствіе того и онъ не придаетъ особеннаго значенія внѣшнимъ толчкамъ, въ родѣ, напри- мѣръ, появленія гунновъ, а считаетъ основною причиною всѣхъ этихъ переселеній переходъ германцевъ къ болѣе осѣдлому земледѣлію (отчасти подъ вліяніемъ отпора со стороны римской границы), вызван- ное этимъ увеличеніе народонаселенія и затѣмъ недостатокъ земли и голодъ, побуждавшіе ихъ искать новыхъ мѣстъ жительства. Такъ- называемое „переселеніе народовъ“ собственно не переселеніе, а по выраженію Дана, „распространеніе, послѣдняя волна того дви- женія, которое нѣкогда привело германцевъ изъ Азіи въ Европу“. Такой процессъ длился цѣлыя вѣка. Этимъ-то объясняется необы- чновенное упорство германцевъ въ борьбѣ съ римлянами (см. въ осо- бенности предисловіе къ „Deutsche Geschichte“).

По словамъ Ранке, Аларихъ, собственно говоря, не завоевалъ, а скорѣе занялъ Римъ. Совершенно ошибочно сравнивать это за- нятіе съ однимъ позднѣйшимъ завоеваніемъ, съ взятіемъ Рима войсками Карла V. Если говорить о совершенныхъ при этомъ насиліяхъ и жестокостяхъ, то это отчасти основательно, но все-таки изъ досто- вѣрныхъ извѣстій оказывается, что Аларихъ изъ благоговѣнія къ апо- столу Петру ввѣлъ подъ свое покровительство церкви ²⁾ и преимуще- ственно Ватиканъ (IV Th., 1 Abth., 246). На нѣкоторыхъ дру- гихъ частностяхъ, напри- мѣръ, на отношеніи Ранке къ извѣстнымъ

¹⁾ 4-я часть Ранке вышла въ концѣ 1883 года.

²⁾ Ср. *Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. 1-ter Band.*

разказахъ о призваніи вандаловъ въ Африку Бонифациемъ (*ibid.*, стр. 278—279), о смерти Аттилы (стр. 302—303) и т. п. останавливаться не будемъ.

О катастрофѣ, постигшей императора Маврикія, Ранке говоритъ подробно (IV Th., 2 Abth., 162—169). По его словамъ, событіе 27-го ноября 602 г. составляетъ одинъ изъ моментовъ всеобщей исторіи. Въ лицѣ Маврикія Римская имперія имѣла достойнаго и могущественнаго императора, который поддерживалъ всѣ ея притязанія. Его смерть произвела коренную перемѣну во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Она послужила поводомъ къ войнѣ персовъ, союзниковъ Маврикія, съ его убійцей, а съ этою войною связанъ переворотъ на Востокѣ: начинается, по словамъ Ранке, новая эпоха всемірной исторіи. Не менѣе значительно вліяніе этой катастрофы на Западъ. Одно изъ важнѣйшихъ ея слѣдствій—миръ съ аварами 604 года, впервые собственно положившій начало отчужденію Балканскаго полуострова; второе слѣдствіе — соглашеніе Фоки съ лангобардами, по которому признана была независимость большей части Италіи; только съ константинопольской революціи 602 года начинается самостоятельность лангобардовъ. Третье послѣдствіе—эманципація Римскаго престола, освобожденіе его отъ подчиненія константинопольскому двору (*ibid.*, 167—168).*

На источники Ранке смотритъ не только какъ на матеріалъ для исторіи извѣстнаго времени. Критика, по его словамъ, должна заниматься не одними лишь недостатками и ошибками, которые встрѣчаются въ произведеніяхъ, служащихъ источниками; ея дѣло—понять и оцѣнить самихъ авторовъ; каждый изъ нихъ служить представителемъ своего времени, религіи, національности, къ которой онъ принадлежитъ (IV Th., 2 Abth., 247). Почерпая у нихъ свѣдѣнія о фактахъ, мы знакомимся въ то же время также и съ духовнымъ развитіемъ и состояніемъ литературы ихъ эпохи (*ibid.*, стр. 248). Руководясь такою точкой зрѣнія, Ранке въ концѣ 4-й части разбираетъ главнѣйшіе источники по исторіи разсматриваемаго въ этой части періода. На характеристикѣ Евсевія, какъ біографа Константина Великаго, и Зосимы, мы останавливаться не будемъ ¹⁾, хотя и здѣсь у Ранке най-

¹⁾ Замѣтимъ только, что къ первому Ранке относится лучше, а ко второму строже, чѣмъ большинство западно-европейскихъ историковъ: Зосима, по его словамъ, — государственныи чиновникъ стараго времени, ограниченный узкимъ горизонтомъ, въ своемъ разказѣ «языческо-ортодоксальный», если можно такъ выразиться (*ibid.*, 266).

дета не мало оригинальнаго, а обратимся къ Прокопію Кесарійскому. Ранке сначала проводитъ параллель между нимъ и Амміаномъ Марцеллиномъ. Характеризуя далѣе воззрѣнія Прокопія, онъ замѣчаетъ, что Прокопій, безъ сомнѣнія, христіанинъ; но только у него мы встрѣчаемъ и античныя воззрѣнія. Представленія, свойственныя древнему міру, соединяются у Прокопія съ христіанскими идеями. Слѣдствіемъ соединенія такихъ противоположностей у него является смѣшеніе понятій, принадлежащихъ обоямъ мірамъ. О достовѣрности Прокопія Ранке того мнѣнія, что ему нельзя слѣдовать тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ отдаленныхъ событіяхъ: здѣсь онъ дѣлаетъ ошибки или подаетъ къ нимъ поводъ, встрѣчается иногда даже баснословіе. Но тамъ, гдѣ онъ касается собственнаго, главнаго предмета своего разказа, онъ является достовѣрнымъ, если и не въ частностяхъ, то по крайней мѣрѣ, въ общемъ. По Ранке, Прокопій обрабатывалъ уже готовые, заранѣе имъ собранные матеріалы. Но эти матеріалы онъ издавалъ отдѣльно, независимо одинъ отъ другаго. Во многихъ мѣстахъ предъ нами, собственно говоря, мемуары автора въ связи съ изложеніемъ событій, касающихся полководца Вѣлизарія. По отзыву Ранке, среди историковъ древнаго и новаго времени, описывающихъ современныя имъ событія, Прокопій Кесарійскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ (IV Th., 2 Abth., 285—299).

Какъ же рѣшаетъ Ранке спорный и запутанный вопросъ о подлинности „Historia arсала“ или Anekдota, и о принадлежности этого произведенія Прокопію? Послѣ тщательнаго анализа названной книги (ibid., 300—311), Ранке приходитъ къ слѣдующему выводу: Книга эта составлена изъ трехъ различныхъ составныхъ частей; она содержитъ въ себѣ: 1) дополненія къ Прокопьевымъ „Исторіямъ“, принадлежащія самому Прокопію; 2) страстныя нападенія на Юстиніана и 3) до нѣкоторой степени разумное изобличеніе недостатковъ управленія послѣдняго. „Я“, говоритъ Ранке, — „считаю всѣ три части продуктами того времени, только 2-ю и 3-ю часть нельзя приписывать историку Прокопію. Онѣ соединены вмѣстѣ, тамъ и сямъ связаны одна съ другою, но не одинаковаго достоинства: 1-я часть содержитъ въ своемъ родѣ полезныя извѣстія; 2-я — дикое выраженіе ненависти въ монашескомъ духѣ, 3-я — даетъ подробное изображеніе темныхъ сторонъ юстиніановой администраціи. Anekдota едва ли можно разсматривать какъ дѣльное литературное произведеніе, какъ настоящую книгу. Здѣсь нѣтъ собственно начала: вступительныя слова взяты изъ другаго сочиненія Прокопія и притомъ искажены. Повсюду повторенія

и противорѣчія. Сочиненіе это—компиляція изъ различныхъ кусковъ, которые соединены съ тою именно цѣлю, чтобы придать имъ видъ произведенія историка Прокопія. Въ общемъ это—выраженіе оппозиціи противъ Юстиніана, оппозиціи, которая сильно была возбуждена къ концу его правленія и въ началѣ слѣдующаго, и въ этомъ смыслѣ *Anekdota*—немаловажный документъ для исторіи современной имъ эпохи (*ibid.*, стр. 311—312).

Нельзя не обратить вниманія также на сравнительную оцѣнку источниковъ для исторіи франковъ у Ранке. Онъ сравниваетъ извѣстія Григорія Турскаго съ „*Historia epitomata*“ такъ-называемаго Фредегарія и съ „*Gesta Regum Francorum*“ и приходитъ къ тому заключенію, что двумъ послѣднимъ источникамъ въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе; „*Gesta*“ и „*Historia epitomata*“—далеко не простыя извлеченія изъ сочиненія епископа Турскаго; они обнаруживаютъ иногда особенную точку зрѣнія.

При описаніи завоеванія Египта Арабами, Ранке воспользовался новымъ источникомъ, лишь недавно сдѣлавшимся извѣстнымъ. Это—извѣстія Іоанна, яковитскаго епископа въ Никіу¹⁾ во второй половинѣ VII столѣтія. Извѣстія эти совершили, по выраженію Ранке, длинный путь прежде, чѣмъ дошли до насъ: съ греческаго языка они были сперва переведены на арабскій, потомъ на эіопскій, наконецъ на одинъ изъ западно-европейскихъ языковъ; именно Потенбергъ напечаталъ сначала извлеченія изъ хроники Іоанна въ *Journal asiatique* (VII série, t. X, XII, XIII), а потомъ издалъ и перевелъ эту хронику въ полномъ видѣ въ *Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale* (1883. t. XXIV, première partie; см. *Weltgeschichte*, V Th., 2 Abth., 141, п. 1). Извѣстія Іоанна заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что авторъ стоялъ очень близко къ описываемымъ имъ событіямъ. Давно, говоритъ Ранке,—ужь извѣстно было, что церковные раздоры въ Византійской имперіи способствовали успѣхамъ арабовъ. Но недоставало надежныхъ и подробныхъ свидѣтельствъ относительно этого. Теперь изъ извѣстій Іоанна мы узнаемъ, что событія въ Константинополѣ и Египтѣ по смерти Гераклія находятся въ са-

¹⁾ Городъ Никіу находился по дорогѣ изъ Меменса въ Александрію, на разстояніи 49 римскихъ миль отъ пераго и 96—отъ послѣдней. Онъ былъ расположенъ на восточномъ берегу Канопскаго рукава, на островѣ, образуемомъ этимъ и Себенитскимъ рукавомъ и каналомъ, связывающимъ оба эти рукава; объ этомъ островѣ упоминаетъ еще Геродотъ подъ именемъ Prosopitis. См. *Weltgesch.*, V Th., 1 Abth., 141, п. 1.

мой тѣсной связи между собою. По разказамъ арабскихъ историковъ, завоеваніе Египта Амру было слѣдствіемъ измѣны египетскаго на-мѣстника, родомъ копта. Иоаннъ же сообщаетъ, что именно по пору-ченію тогдашняго императора Гераклеона, Александрійскій патріархъ Каръ вступилъ въ переговоры съ Амру. Объясняется это тѣмъ, что Гераклеонъ и его мать, Мартина, не могли положиться на войско, которое было враждебно настроено противъ нихъ. По договору между Киромъ и Амру, византійскія войска должны были очистить Египетъ, Амру обѣщана была дань, а онъ въ замѣнъ этого обѣщалъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Египта, особенно въ церковныя. Та-кимъ образомъ, военная сила всецѣло перешла въ руки Амру, но онъ самъ, поборникъ ислама, вступилъ, по выраженію Ранке, нѣко-торымъ образомъ на службу къ моноотеистскому императору. Послѣ-довавшій затѣмъ переворотъ въ Константинополѣ, паденіе Мартины, о чемъ епископъ Иоаннъ сообщаетъ нѣкоторыя неизвѣстныя до сихъ поръ подробности, дали другой оборотъ египетскимъ дѣламъ: Амру, занявшій Египетъ по соглашенію съ Мартиной и ея сыномъ, осво-бодился теперь отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ и воспользо-вался случаемъ овладѣть страной для себя и для своего халифа (V Th., 1 Abth., 140—154; ср. Analekten, V Th., 2 Abth., 268—280).

Въ противоположность прежнимъ своимъ воззрѣніямъ, Ранке въ „Всемирной Исторіи“ придаетъ очень большое значеніе „личному м-менту“ (употребляя его выраженіе). Это особенно замѣтно въ 4-й и 5-й частяхъ и доходитъ въ этомъ иногда до крайности¹⁾. Непосредствен-нымъ поводомъ къ нашествію Аттилы Ранке считаетъ отношенія Гунн-скаго царя къ Гоноріи, дочери Платидіи (IV Th., 1 Abth., 292—293). „Не все въ мірѣ политика“, замѣчаетъ онъ;—„при вступленіи герман-цевъ на историческое поприще личныя страсти играютъ большую роль“ (ibid., стр. 296). На подобномъ же основаніи онъ не рѣшается от-вергнуть извѣстный разказъ, будто самъ Нарзесъ призывалъ ланго-бардовъ въ Италію, если этотъ разказъ очистить отъ несомнѣнно сказочныхъ прибавокъ (IV Th., 2 Abth., 140—141).

„Всемирную Исторію“ Ранке нельзя назвать одностороннею. Великій историкъ обращаетъ вниманіе и на явленія умственной жизни на-родовъ; какъ было уже упомянуто, въ его исторіи есть прекрасныя

¹⁾ Ср. рецензію Пальмана (Pöhlmann) въ *Histor. Zeitschr.*, 1884, 1 ч. 6 Heft, и статью профессора *Виноградова*: «Очеркъ западно-европейской исторіо-графіи» (*Ж. М. Н. Пр.*, 1884, январь).

страницы, посвященныя греческой поэзіи и философіи, въ особенности же Сократу и Платону, или напримѣръ, римской литературѣ и праву. Но къ сожалѣнію, у Ранке оставлена совершенно безъ вниманія экономическая и социальная сторона, и это пренебреженіе заходитъ слишкомъ далеко. Такой пробѣлъ замѣтенъ уже во 2-й части, при изложеніи эпохи Гракховъ, но особенно чувствителенъ онъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о паденіи Западной Римской имперіи. Смѣшно, конечно, объяснять это паденіе истощеніемъ почвы, какъ дѣлають нѣкоторые естественники (Либихъ). Но не менѣе ошибочно объяснять подобное событіе и одними лишь внѣшними причинами. А именно это и видимъ мы у Ранке: съ особенною подробностью говорится у него о всѣхъ внѣшнихъ, политическихъ событіяхъ, сопровождавшихъ паденіе древняго Рима, но нѣтъ ни слова о внутреннемъ разложеніи самого древняго міра, такъ что самый фактъ паденія колоссальной имперіи является чѣмъ-то случайнымъ и непонятнымъ. А къ какимъ ошибкамъ ведетъ подобная односторонность, на это указалъ уже Пѣльманъ въ своей рецензіи (*Histor. Zeitschrift*, 1884, 6 Heft). Такъ, по поводу войны Велизарія съ остъ-готами, во время вторичнаго пребыванія его въ Италіи, Ранке замѣчаетъ: „Подобно, тому, какъ до сихъ поръ верхняя и средняя Италія, такъ теперь нижняя была театромъ кровавой и опустошительной войны. Эта-то борьба и уничтожила прежнее благосостояніе Италіи. При Теодорикѣ это благосостояніе еще было“ (IV Th., 2 Abth., 88 — 89). Выходить, слѣдовательно, будто Италія благоденствовала при послѣднихъ Западно-Римскихъ императорахъ и позже до самой войны Восточной имперіи съ остъ-готами. Зато, при изложеніи нѣкоторыхъ политическихъ событій, Ранке вдается иногда въ излишнія подробности. Такъ, очень подробно говорится о всѣхъ смутахъ, возстаніяхъ и претендентахъ на византійскій престолъ въ царствованіе Юстиніана II: тутъ разказывается и о Леонтінѣ, и о Апсимарѣ (Тиберіи), и о Варданѣ (Филиппикѣ) и проч. Это было бы, пожалуй, умѣстно въ исторіи спеціальной, но не во всемірной, въ которой, напримѣръ, древнему Востоку и Греціи посвященъ всего только одинъ томъ (въ 2 небольшихъ отдѣлахъ), и которая, по словамъ же Ранке, должна „познать лишь связь вещей и указать на ходъ великихъ событій“. Здѣсь достаточно было бы общей характеристики тогдашнихъ византійскихъ смуть. Или, напримѣръ, съ особенною подробностью излагается исторія всѣхъ, даже незначительныхъ франкскихъ майордомовъ (о послѣднихъ Меровингахъ и майордомахъ до начала дѣятельности Карла Мартелла—стр.

249—275, V ч., I отд.), а о бенефициальныхъ и ленивыхъ отношеніяхъ упоминается лишь вскользь, мимоходомъ.

Но не смотря на это, „Всемирная Исторія“ Ранке — едва ли не самое выдающееся явленіе новѣйшей историографіи. Трудно повѣрить, что это произведеніе 90-лѣтняго старца¹⁾: оно дышетъ чисто юношескою свѣжестью. Съ обычнымъ своимъ мастерствомъ изображаетъ Ранке контрастъ и взаимодѣйствіе различныхъ „моментовъ“. Такой трудъ будетъ вполне достойнымъ завершеніемъ многолѣтней и плодотворной авторской дѣятельности маститаго историка.

Вл. Бузескуль.

Фрагменты Эннія и Невія.

Q. ENNI SCARMINUM RELIQUIAE. Accedunt Cn. Naevi Belli Poenici quae supersunt. Emendavit et adnotavit *Lucianus Mueller*. Petropoli, a. 1885.

Выпустивъ въ свѣтъ новымъ изданіемъ уцѣлѣвшіе отрывки твореній Эннія, г. Л. Миллеръ, безъ сомнѣнія, оказалъ важную услугу филологической наукѣ не только потому, что даже послѣднее изъ предшествовавшихъ изданій этихъ отрывковъ сдѣлалось почти библиографическою рѣдкостью, но и потому, что изданіе нашего ученаго латиниста, по своимъ достоинствамъ, значительно превосходить труды его предшественниковъ. Для правильной и справедливой оцѣнки послѣднихъ, не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что первые издатели отрывковъ поэмъ Эннія — Колумна и Мерула²⁾, имѣя дѣло почти съ rudis indigestaque moles обломковъ Энніевой музы и не располагая данными, добытыми впоследствии изслѣдователями древнѣйшихъ памятниковъ латинской рѣчи, работали при значительно менѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ издатели нашихъ временъ. Что же касается непосредственнаго предшественника нашего ученаго по изданію Энніевыхъ фрагментовъ, именно Фалена³⁾, то оцѣ

¹⁾ Ранке родился 21-го декабря 1795 г.

²⁾ Изданіе Колумны (*Hieronymus Columna*) вышло въ Неаполѣ въ 1590 г., изданіе Мерулы (*Paulus Merula*), обънимающее лишь Аявалы, въ Лейденѣ въ 1595 г. Первое переиздано съ дополненіями и индексомъ Гесселемъ (*Fr. Hessel*) въ Амстердамѣ въ 1707 г., второе Шпангенбергомъ (*Ern. Spangenberg*) въ Лейпцигѣ въ 1825 г.

³⁾ *Ennianae Poesis reliquiae*, rec. *Joannes Vahlen*. Lipsiae, 1854.

издалъ послѣднiе въ ранней молодости, еще не обладавъ ни опытомъ, ни знанiями въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для удовлетворительнаго выполненiя столь трудной задачи. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что въ качествѣ начинающаго ученаго, Фаленъ выполнилъ свою задачу такъ, какъ выполнили бы ее въ его возрастѣ весьма немногiе, такъ что его изданiе въ свое время представляло, правда, не значительный, но несомнѣнный шагъ впередъ и принесло извѣстную долю пользы. Онъ добросовѣстно воспользовался всѣмъ, что сдѣлано было филологическою наукою со времени появленiя предшествовавшихъ изданiй фрагментовъ Эннiа для установленiя ихъ текста и для уясненiя ихъ содержанiя, и извлекъ изъ этого матеріала все, что могъ извлечь изъ него юный, начинающiй ученый.

Хотя Фаленъ и не обнаружилъ особеннаго критическаго таланта въ вопросахъ о подлинности и принадлежности Эннiю отдѣльных отрывковъ, ни проницательности въ приуроченiи неопредѣленныхъ фрагментовъ къ отдѣльнымъ произведенiямъ Эннiа и ихъ частямъ, ни блестящаго дара комбинаціи въ воспроизведенiи содержанiя поэмъ Эннiа по уцѣлѣвшимъ фрагментамъ и другимъ даннымъ, хотя онъ далѣе и не оказался достаточно свѣдущимъ въ метрику и чуткимъ къ особенностямъ художественныхъ приемовъ Эннiа, за то ему удалось представить не малое количество тонкихъ и удачныхъ исправленiй испорченнаго текста, признанныхъ и принятыхъ и г. Д. Миллеромъ¹⁾. Нельзя также не отнести съ должною признательностью къ усердію и аккуратности, приложеннымъ Фаленомъ къ составленiю критическаго аппарата и предисланныхъ собранію отрывковъ *Quaestiones Ennianaе*. Эти качества изданiя Фалена обезпечили за нимъ тотъ успѣхъ, который выпалъ на его долю, не смотря на неудовлетворительность его въ другихъ отношенiяхъ. Эта неудовлетворительность, конечно, ощущалась и сознавалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ появленiя новыхъ изслѣдованiй, касавшихся какъ Эннiа и его произведенiй въ частности, такъ и латинскаго

¹⁾ Такихъ исправленiй отмѣчено г. Миллеромъ въ его критическомъ аппаратѣ и принято въ текстъ около 30 (четыре изъ нихъ приходятъ на Bell. Poen. Nebia). Особенно, но врядъ ли основательно, полюбилось нашему почтенному ученому чтенiе Фалена «Mettoī Fubettōī» (Metoi Fufetoi Muell.) Ann. v. 129; гдѣ, очевидно, слѣдуетъ читать «Meteto Fufeteio»; см. *Ritschl*, Op. Philol. IV, p. 262 sq. и *Fr. Schoell—Rhein. Mus.*, 1885, I (zu Ennius u. Quintilian).

языка и римской литературы архаическаго періода вообще. Но такая участь вѣдь постигаетъ, въ большей или меньшей степени и въ болѣе или менѣе короткій срокъ, всѣ ученые труды: ихъ абсолютное научное значеніе въ данное время, если они такое вообще имѣютъ, становится мало по малу относительнымъ, историческимъ. Въ настоящее время изданіе Фалена, безъ сомнѣнія, устарѣло, въ чемъ—думаемъ мы—убѣждены самъ Фаленъ и его друзья столько же, сколько и его противники. Такимъ образомъ явилась настоящая потребность въ новомъ, болѣе соответствующемъ состоянію и требованіямъ современной филологической науки изданіи фрагментовъ твореній замѣчательнаго и не оцѣненнаго до сихъ поръ по заслугамъ римскаго поэта. Такого изданія можно было ждать лишь отъ ученаго, обладающаго, помимо глубокихъ и всестороннихъ филологическихъ знаній, и крупнымъ критическимъ талантомъ, даромъ комбинаціи и опытностью, необходимой для столь труднаго дѣла, какъ изданіе отрывковъ, и притомъ отрывковъ, дошедшихъ до насъ въ столь плачевномъ видѣ, какой представляютъ болѣею частью сохранившіеся фрагменты поэмъ Эннія. Поэтому нельзя было не порадоваться извѣстію, что за эту нелегкую задачу взялся именно ученый, приобрѣвшій почетную извѣстность какъ издатель не только текстовъ цѣлостныхъ произведеній римскихъ поэтовъ, но и фрагментовъ¹⁾, и посвятившій Эннію и его литературной дѣятельности специальное изслѣдованіе, вышедшее въ прошломъ году подъ заглавіемъ „Q. Ennius, eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie“. Въ этомъ капитальномъ и блестящемъ трудѣ, явившемся плодомъ глубокаго и всесторонняго изученія не только уцѣлѣвшихъ остатковъ поэзіи Эннія, но и всей умственной, общественной и политической жизни современнаго Эннію Рима, авторъ проводитъ новые взгляды на ходъ и значеніе литературной дѣятельности гениальнаго поэта и культурную жизнь тогдашняго римскаго общества. Комбинируя сохранившіеся отрывки произведеній Эннія съ обстоятельствами его жизни, современными ему политическими событіями и данными историко-литературными, почерпаемыми изъ древнихъ источниковъ, авторъ представляетъ весьма удачныя и болѣею частью отличныя отъ принятыхъ взглядовъ помысли опредѣленія и воспроизведенія содержанія отдѣльныхъ произведеній римскаго поэта. Тутъ авторъ проявляетъ полное знаніе дѣла, здравое сужденіе и то

¹⁾ C. Lucilii saturarum reliquiae. 1872.

тонкое понимание художественности литературных произведений древних, которое приобретает только путем продолжительного и глубокого их изучения. Таким образом, читатель получает возможно определенное и ясное понятие о содержании поэм Эвния, въ особенности же лучшаго изъ его произведений — *Анналовъ*. Такъ какъ трудъ г. Миллера заключаетъ въ себѣ и обстоятельную характеристику формальной стороны произведений Эвния (языка, просодии, метрики и разныхъ приемовъ его поэтической техники), то эта замѣчательная книга служитъ лучшимъ комментариемъ къ удѣлѣвшимся отрывкамъ. Вообще понятное, живое и увлекательное изложение дѣлаетъ эту ученую книгу доступною и занимательною для всякаго, интересующагося римскою литературою, а масса тонкихъ наблюдений и почерпаемыхъ изъ нея свѣдѣній — необходимою для спеціалиста. Предъ глазами читателя развертывается полная интереса картина пѣлой эпохи культурной жизни римскаго народа, въ которой столь выдающуюся роль игралъ высокодаровитый поэтъ, имѣвшій столь сильное, продолжительное и благотворное влияние на ходъ и развитие литературы и языка, коимъ суждено было приобрести всемирное значеніе. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ этого труда, не умаляемыхъ замѣтнымъ увлеченіемъ автора личностью Эвния, его нельзя не рекомендовать особенному вниманію нашихъ филологовъ-классиковъ.

Перейдемъ, однако, къ изданію отрывковъ поэмъ Эвния и остатковъ Невіева повѣствованія о первой Пунической войнѣ, которымъ собственно посвящается настоящая замѣтка.

Вся книга, заключающая въ себѣ XLVIII и 295 страницъ, распадается на 1) введене (р. V — XLXIII), 2) собраніе фрагментовъ Эвниевыхъ „*Annales* (р. 3—70), *Saturae* (р. 73—88), драматическихъ произведений (р. 91—135), отрывковъ неопредѣленныхъ (р. 135—139), сомнительныхъ (р. 139—141), ошибочно приписываемыхъ Эвнію, и подложныхъ (р. 143—145), 3) собраніе дошедшихъ до насъ свѣдѣтельствъ древнихъ писателей, касающихся Эвнія и его произведений (р. 145—154), 4) собраніе отрывковъ Невіевой поэмы „*de bello Poenico*“ и нѣкоторыхъ другихъ, отчасти сомнительныхъ, отчасти не принадлежащихъ Невію (р. 157—169), 5) свѣдѣтельства древнихъ относительно Невія и его литературной дѣятельности (р. 169—170), 6) примѣчанія къ отрывкамъ Эвнія (р. 173—248) и Невія (р. 249—253), 7) *Indices* (р. 257—294), тутъ же добавленія и опечатки.

Три главы введенія касаются Энія, другія три, болѣе длинныя, отведены Невію.

Такъ какъ Энію и его произведеніямъ авторъ посвятилъ особое сочиненіе, о которомъ мы выше упомянули, то въ введеніи, предпосланномъ собранію отрывковъ, онъ могъ ограничиться вопросами, имѣющими ближайшее отношеніе къ изданію. И такъ, въ 1-й главѣ своихъ „*adversaria Enniana*“, озаглавленной „*Enni carminibus quatenus et quomodo usi sint veteres*“, авторъ даетъ весьма важныя указанія относительно усвоеннаго древними писателями, изъ которыхъ мы почерпаемъ фрагменты Энія, способа цитированія послѣднихъ. Тутъ мы узнаемъ, что Варронъ, цитируя изъ Эніевыхъ *Анналовъ*, никогда не называетъ этого сочиненія и не обозначаетъ цифрой книги, изъ которой онъ заимствуетъ выдержку; крайне рѣдко дѣлаетъ послѣднее и Цицеронъ, не болѣе двухъ разъ. Напротивъ, Фестъ обыкновенно упоминаетъ, изъ какой книги *Анналовъ* онъ приводитъ цитату. У Павла, эпитоматора Феста, мы вовсе не находимъ подобныхъ указаній. На сколько важно для собирателя и издателя отрывковъ обращать вниманіе на такія обстоятельства, авторъ иллюстрируетъ примѣромъ промаха, допущеннаго даже знаменитымъ М. Гауптомъ, отнесшимъ выдержку, приводимую Варрономъ изъ *Гѣтописи* (*apud les veteres*), къ извѣстной поэмѣ Энія, превративъ ее произвольно въ гекзаметры.

Далѣе авторъ указываетъ, изъ какихъ сочиненій Энія чаще, изъ какихъ рѣже древніе писатели приводятъ цитаты; затѣмъ, пользовался ли тотъ или другой писатель, у котораго мы находимъ цитаты изъ Энія, непосредственно его сочиненіями, или заимствовалъ цитаты изъ вторыхъ или третьихъ рукъ и т. п.

Эти обстоятельства, естественно, имѣютъ не малую важность для приуроченія неопредѣленныхъ нашими источниками отрывковъ къ тому или другому сочиненію Энія и для сужденія о степени исправности и надежности текста. Вторая глава введенія посвящена оцѣнкѣ предшествовавшихъ изданій фрагментовъ поэмъ Энія и заслугъ ученыхъ, трудившихся надъ ихъ исправленіемъ и толкованіемъ. Съ большою похвалою авторъ отзывается объ изданіяхъ Колумны и Мерули, но съ полнѣйшимъ неодобреніемъ и презрѣніемъ онъ относится къ изданію Фалена. Мы того мнѣнія, что въ настоящее время всякій безпристрастный цѣнитель отдастъ предпочтеніе изданію г. Миллера передъ публикаціей Фалена точно также, какъ съ 50-хъ годовъ до сихъ поръ отдавалось преимущество изданію послѣдняго передъ

устарѣвшими издавіями предшественниковъ. Но и о трудѣ нашего почтеннаго ученаго, не смотря на его несомнѣнныя достоинства; нельзя сказать: „*pes gradus est ultra...*“, какъ этого нельзя сказать ни о какомъ ученомъ трудѣ вообще, а о филологическомъ тѣмъ болѣе.

Въ третьей главѣ авторъ трагуетъ о пособіяхъ, которыми онъ пользовался для своего изданія, и о методѣ, котораго онъ придерживался. Нечего и говорить о томъ, что г. Л. Мюллеръ позаботился запастись самыми точными и надежными свѣдѣніями о состояніи текста памятниковъ римской литературы, изъ которыхъ мы почерпаемъ отрывки произведеній Энія. Для этой цѣли онъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существующія изданія неудовлетворительны или неполны, обращался за справками и разъясненіями къ ученымъ, занимавшимся изслѣдованіемъ относящихся къ дѣлу рукописей. И на возможность открытія новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ отрывковъ, обращено вниманіе, хотя старанія г. Л. Мюллера, направленные къ этой цѣли, не увѣялись успѣхомъ: новыхъ отрывковъ не оказалось (р. XV). Такимъ образомъ, весь относящійся къ дѣлу матеріалъ провѣренъ и вновь изслѣдованъ. Пріемовъ, которыхъ держался авторъ при размѣщеніи уцѣлѣвшихъ отрывковъ въ рамкахъ отдѣльныхъ поэмъ Энія, нельзя не одобрить (стр. р. XVIII); нѣкоторое неудовольствіе филологовъ однако вызоветъ, пожалуй, неполнота критическаго аппарата въ отношеніи къ рукописнымъ вариантамъ и особенно конъектурамъ, предложеннымъ разными учеными. На послѣднія слишкомъ уже скупъ аппаратъ разсматриваемаго изданія, содержа почти лишь тѣ, которыя приняты авторомъ въ текстъ. Мы вполне согласны со взглядомъ г. Мюллера на этотъ вопросъ, высказаннымъ имъ на стр. XIX, но все-таки полагаемъ, что въ болѣе важныхъ случаяхъ слѣдовало бы сообщать и необдобренныя издателемъ попытки исправить порченный текстъ, хотя бы для сравненія съ принимаемою или предлагаемою самимъ издателемъ конъектурой; это могло бы значительно способствовать къ усиленію довѣрія читающаго къ сужденію издателя. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы приводить конъектуры, свидѣтельствующія о томъ, что кто-либо другой вообще (или ранѣе издателя) заподозрилъ преданіе въ порчѣ, хотя бы ему, по мнѣнію издателя, и не удалось найти подходящее исправленіе. Большая полнота критическаго аппарата избавила бы пользующагося изданіемъ отъ необходимости обращаться за нужными справками къ пособіямъ, часто мало доступнымъ, и предупреждала бы повтореніе предложенныхъ уже другими конъектуръ. Последняго

избѣгъ бы и самъ нашъ почтенный ученый, еслибъ онъ обратилъ болѣе вниманія на эту сторону своего изданія. Мы лично далеки отъ желанія ставить ему въ упрекъ случайное совпаденіе нѣсколькихъ его эмендацій съ догадками, предложенными ранѣе другими учеными, но вѣдь могутъ найдтись недоброжелатели, которые, пожалуй, назовутъ если не присвоеніемъ себѣ чужаго достоянія, то намѣреннымъ игнорированіемъ заслугъ другихъ, послѣдствіе нѣкотораго, быть можетъ, даже лишь случайнаго, невниманія къ догадкамъ другихъ ученыхъ. Г. Миллеръ самъ въ высшей степени строгъ къ другимъ въ подобныхъ случаяхъ (стр. р. X sq.), такъ что не удивительно будетъ, если взыщутъ и съ него, хотя такого рода недомотры встрѣчаются, въ большей или меньшей мѣрѣ, во всякомъ почти критическомъ изданіи.

Перейдемъ, однако; ко второй части введенія, именно къ „*Quaestiones Naevianae*“.

Въ 1-й главѣ авторъ говоритъ о литературной дѣятельности Невія вообще и затѣмъ, болѣе подробно, о его повѣствованіи о первой пунической войнѣ, въ которой поэтъ самъ участвовалъ. Интересны высказываемыя тутъ авторомъ соображенія относительно содержанія отдѣльныхъ книгъ этой замѣчательной поэмы и попытка его приурочить къ нимъ нѣкоторые, отчасти неопредѣленные, какъ думаетъ авторъ, невѣрно опредѣляемые древними грамматиками и новѣйшими учеными отрывки (ст. р. XXV sq.). Съ значительною долей правдоподобности авторъ исправляетъ и приписываетъ Невію два фрагмента, отводимые другими учеными, въ видѣ плохихъ гекзаметровъ, Эннію (ст. р. XXII, XXV Q. Eppius, p. 137 sq.).

2-я глава трактуетъ объ сатурнійскомъ стихѣ. Объ этомъ любопытномъ, но трудномъ вопросѣ авторъ, лучший современный знатокъ латинской метрики, печатаетъ въ настоящее время особый трактатъ; судя по сжатому изложенію этого вопроса въ разсматриваемой книгѣ, ожидаемый трудъ г. Миллера принесетъ не мало новаго и притомъ болѣе опредѣленнаго и менѣе произвольнаго, чѣмъ до сихъ поръ предлагалось учеными, занимавшимися изслѣдованіемъ римскаго національнаго стиха (ст. р. XXXIV sqq.).

Въ послѣдней главѣ своихъ „*Quaestiones Naevianae*“ авторъ указываетъ на тѣ трудности, на которыя наталкивается критикъ вслѣдствіе порчи текста дошедшихъ до насъ, вообще немногочисленныхъ, отрывковъ произведеній Невія. Причину этой порчи авторъ усматриваетъ въ томъ обстоятельствѣ, что римскіе грамматикъ, имѣя весьма

смутное понятіе о сатурнійскомъ стихѣ, строй котораго въ своемъ разнообразіи представляетъ особенности, непонятныя для людей, усвоившихъ правила метрики, насажденной Энидемъ, произвольно интерполировали и измѣняли сатурніи, отступавшіе отъ основной схемы этого стиха (см. р. XLIV sqq.). Такимъ образомъ сатурніи нерѣдко превращались въ гекзаметры и іамбическіе сенары, за каковыя грамматикѣ принимали многіе сатурніи вслѣдствіе непониманія ихъ строя. Наглядный примѣръ такого превращенія сатурнійскаго стиха въ іамбическій сенаръ авторъ приводитъ на стр. XLVI. Принимая сатурній (Naev. B. P. v. 62 Mull.):

magnam domum decoramque, ditem vexarant,

въ которомъ тезисъ предпоследней стопы опущенъ, за сенаръ, Присцианъ счелъ нужнымъ измѣнить подлинное „vexarant“ на „vexegant“, благодаря чему и вышелъ изъ сатурніи въ самомъ дѣлѣ сенаръ. Тутъ же указаны и другіе примѣры подобной метаморфозы. Такъ какъ, однако, послѣдняя далеко не всегда объясняется такъ просто, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, то г. Миллеръ благоразумно предпочелъ не трогать преданія, находя превращеніе подобныхъ стиховъ въ сатурнійскіе рискованнымъ. Менѣе осторожно и научно поступалъ Фаленъ, втискивая гекзаметры и іамбическіе сенары насильственно въ рамки сатурнійскаго стиха (см. р. XLIII sq.).

Впрочемъ, между немногочисленными вообще фрагментами Невія попадаетъ весьма немного такихъ стиховъ. Что же касается гекзаметровъ, цитируемыхъ Присцианомъ изъ Одиссеи Ливія Андроника (см. р. XLV), то въ происхожденіи ихъ изъ сатурнійскихъ стиховъ по видѣ грамматиковъ можно сомнѣваться.

Приступимъ, однако, къ самой существенной части разсматриваемаго изданія, именно къ рецензій и интерпретаціи фрагментовъ. Начнемъ съ Эниевыхъ Анналовъ.

Отъ этой обширной поэмы, содержащей въ себѣ врядъ ли меньше 30,000 стиховъ, уцѣлѣло немногимъ болѣе 450 отрывковъ, заключающихъ въ себѣ около 600 стиховъ или частей стиховъ. Изъ этого сравнительно ничтожнаго количества фрагментовъ лишь весьма немногіе содержатъ болѣе 1 — 3 стиховъ; такъ какъ, въ добавокъ, почти $\frac{2}{3}$ отрывковъ дошли до насъ безъ опредѣленія книгъ, къ которымъ они принадлежали, а нѣкоторые (около 20) даже безъ засвидѣтельствованія принадлежности ихъ Энию, то становится понятнымъ, какъ трудно распредѣлить фрагменты по отдѣльнымъ книгамъ, которыхъ

часть сскл., отд. 2.

было 18, и о содержаніи которыхъ намъ почти ничего не извѣстно. Трудность дѣла значительно усиливается испорченностью текста фрагментовъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что весьма немногіе отрывки содержать въ себѣ данныя историческія, такъ какъ они представляютъ въ большинствѣ случаевъ цитаты, приводимыя грамматиками ради особенностей языка, просодіи и метрики, рѣже ради заключающихся въ нихъ философскихъ мыслей; къ послѣднимъ относятся, напримѣръ, отрывки, почерпаемые нами изъ философскихъ сочиненій Цицерона. Нужно отдать справедливость нашему почтенному ученому, выказавшему рѣдкую эрудицію, замѣчательную проницательность и даръ комбинаціи, какъ въ дѣлѣ исправленія и установленія текста фрагментовъ, такъ и въ размѣщеніи ихъ по отдѣльнымъ книгамъ Анналовъ и въ опредѣленіи содержанія послѣднихъ. Количество отрывковъ, не приуроченныхъ прежними издателями ни къ какой книгѣ Анналовъ, уменьшено г. Миллеромъ на сорокъ слишкомъ; кромѣ того, имъ предприняты многочисленныя перемѣщенія неопредѣленныхъ отрывковъ изъ одной книги въ другую сравнительно съ предшествовавшими изданіями; немало не засвидѣтельствованныхъ фрагментовъ признано имъ за Эниевскіе, между тѣмъ какъ другіе, напротивъ, исключены имъ изъ числа послѣднихъ. Такого рода измѣненій вообще сдѣлано г. Миллеромъ болѣе сорока, кромѣ перестановокъ отрывковъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ книгъ. Само собою разумѣется, что въ столь трудномъ дѣлѣ многое должно было остаться не рѣшеннымъ и подверженнымъ сомнѣніямъ, однако множество темныхъ и спорныхъ вопросовъ г. Миллеръ разрѣшилъ съ такою убѣдительною, что не остается мѣста сомнѣнію. Особенно удалось ему воспроизведеніе содержанія 1-й, 7—11 и 16—18-й книгъ Анналовъ. Изысканія, касающіяся начала 1-й и затѣмъ всей 16-ой книги, принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ страницъ книги „Q. Ennius“ (р. 137 sqq. и 177 sqq.), и соответственная редакция и размѣщеніе фрагментовъ — къ самымъ цѣннымъ результатамъ, представляемымъ изданіемъ г. Миллера. Съ наименьшимъ талантомъ и успѣхомъ, чѣмъ фрагменты Анналовъ, обработаны и редактированы и отрывки прочихъ произведеній Энія, хотя они не вызвали, да и не могли вызвать, столь блестящихъ и удачныхъ комбинацій со стороны издателя. То же самое можно сказать и объ отрывкахъ Невіева повѣствованія о первой Пунической войнѣ.

Комментаріи къ отрывкамъ Энія и Невія сжаты, но содержатъ въ себѣ все необходимое для пониманія ихъ какъ со стороны языка и формы, такъ и со стороны ихъ содержанія; недостающее восполнено

ссылками на сочиненіе „Q. Ennius“, знакомство съ которымъ вообще необходимо для пользованія изданіемъ. Что касается объясненія смысла и значенія отдѣльныхъ отрывковъ, то въ иныхъ случаяхъ можно, конечно, не соглашаться съ авторомъ, но дѣло въ томъ, что въ пользу другихъ толкованій врядъ ли можно привести болѣе вѣскіе аргументы, такъ какъ съ этой стороны выводы свои авторъ обставилъ съ полною и достаточною осторожностью.

Не безъ возраженій останутся, безъ сомнѣнія, многочисленныя конъектуры автора, особенно съ грамматической стороны; кое-что окажется не выдерживающимъ критики; но не смотря и на это, нельзя не признать, что изданіе г. Миллера представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими изданіями фрагментовъ Эннія и Невія, и что въ книгѣ „Q. Ennius“ мы приобрѣли весьма талантливое освѣщеніе личности и литературной дѣятельности одного изъ замѣчательнѣйшихъ римскихъ поэтовъ, равно какъ и разъясненіе цѣлага ряда вопросовъ, касающихся римской литературы, латинскаго языка, просодіи, метрики. Къ весьма полезнымъ отдѣламъ разсматриваемаго изданія слѣдуетъ отнести сводъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ относительно Эннія и Невія и въ высшей степени старательно составленный индексъ словъ и формъ, встрѣчающихся въ отрывкахъ произведеній обоихъ римскихъ поэтовъ; не менѣе полезенъ, наконецъ, и ключъ къ комментаріямъ. Такъ какъ обѣ книги почтеннаго профессора представляютъ образчики серьезной и талантливой филологической работы, изъ которыхъ читатель можетъ почерпнуть не мало полезныхъ знаній и указаній, то нельзя не рекомендовать ихъ вниманію нашихъ филологовъ.

О. III—ръ.

Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. 1.
П. Овидій Назовъ. Превращенія. Перевелъ В. Алексѣевъ. С.-Пб. 1885.

Г. Алексѣевъ возымѣлъ мысль ознакомить русскую публику съ твореніями слѣдующихъ классическихъ писателей: Геродіана, Геродота, Демосеена, Теофраста, Эвола, Непота, Овидія и Цицерона. Мысль не новая: уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстный знатокъ греческаго языка Ив. Ив. Мартыновъ также предпринялъ цѣлую серію переводовъ древнихъ, исключительно греческихъ, авторовъ и успѣлъ подарить интересующейся публикѣ рядъ переводовъ,

имѣвшихъ, по тому времени, значительныя достоинства. Подобное же предпріятіе, въ приложеніи къ авторамъ латинскимъ, видимъ мы въ 50-хъ годахъ, когда г. Клевановъ издалъ цѣлую серію латинскихъ классиковъ въ русскихъ переводахъ. И Мартыновъ, и Клевановъ руководились при выборѣ писателей извѣстными, опредѣленными принципами: первый хотѣлъ познакомить русскую публику съ величайшими произведеніями греческаго гения и потому переводилъ Гомера, Софокла, Пиндара, Геродота; второй руководился, какъ кажется, желаніемъ дать пособіе учащемуся юношеству и этимъ гарантировать распродажу своихъ изданій, почему и перевелъ: Ливія, Цезаря, Саллюстія, Овидія (Метаморфозы). Чѣмъ руководится въ своемъ выборѣ г. Алексѣевъ? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ, за отсутствіемъ ближайшихъ указаній переводчика, не легко: если предположить, что онъ руководится мѣриломъ эстетическимъ, то страннымъ кажется присутствіе такихъ авторовъ, какъ Непотъ и Геродіанъ; если же думать, что онъ желалъ дать пособіе гимназистамъ-классикамъ и студентамъ-филологамъ, то ни Геродіанъ, ни Теофрастъ, ни Эзопъ вовсе не читаются въ гимназіяхъ и чрезвычайно рѣдко объясняются въ университетахъ; если, наконецъ, полагать, что г. Алексѣевъ остановился на перечисленныхъ авторахъ потому, что до него они вовсе не были переведены на русскій языкъ, то этому будетъ препятствовать то обстоятельство, что и Геродіанъ, и Эзопъ, и Овидій, и Непотъ переведены были сполна и, притомъ, нѣкоторые, какъ первый, весьма удовлетворительно. Приходится пока предположить въ приведенномъ выборѣ случайность или личныя симпатіи переводчика къ вышеозначеннымъ авторамъ.

Какъ же думаетъ вести свое дѣло переводчикъ? „Мы далеки отъ мысли“, говорятъ онъ въ предисловіи, — „чтобы нашъ трудъ могъ удовлетворить строгимъ требованіямъ критики съ филологической своей стороны; хорошій переводъ древнихъ классиковъ появляется не вдругъ, — онъ долженъ быть плодомъ долгихъ, усидчивыхъ, соединенныхъ съ любовію, занятій. Переводчику предстоитъ трудная работа: ему нужно передать смыслъ и оттѣнокъ каждаго выраженія, силу и значеніе каждаго слова. Ему нельзя ослабить силы гения, ему необходимо сохранить стиль, эту, такъ сказать, душу автора. словомъ — ему надо не перевести, а переложить его. Вотъ, по нашему мнѣнію, качества образцоваго перевода. Для подобной работы мало быть переводчикомъ, — для нея нуженъ творецъ. На это завидное имя мы не имѣемъ ни малѣйшей претензіи“. Если, по собственному при-

знанію переводчика, его трудъ не имѣетъ претензіи быть образцовымъ, то можно усумниться въ необходимости его появленія: плохихъ переводовъ у насъ и безъ того не мало, и увеличивать ихъ количество не видится никакой нужды. Но между образцовымъ и плохимъ есть середина, и ее-то, по нашему мнѣнію, занимаетъ рассматриваемый переводъ г. Алексѣева: во всякомъ случаѣ, трудъ его выше предшествовавшихъ въ ближайшемъ прошедшемъ переводовъ Клеванова (1875), Матвѣева (1876), Мартынова (1878), превосходя ихъ близостью къ подлиннику, точностью и внѣшнею отдѣлкою формы—многія страницы его читаются легко и съ удовольствіемъ,—переводчикъ знаетъ въ достаточной степени латинскій языкъ и довольно внимательно пропитуировалъ подлинникъ; кромѣ того, онъ хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ и вслѣдствіе того не затрудняется подыскивать въ немъ выраженія и термины, близко соотвѣтствующіе латинскимъ. По этому нельзя не пожелать успѣха предпріятію г. Алексѣева. Но такъ какъ рассматриваемый выпускъ есть первый въ серіи обѣщанныхъ имъ переводовъ, и было бы желательно, чтобы послѣдующія книжки были еще лучше, чѣмъ настоящая, то мы считаемъ не излишнимъ съ большею подробностію остановиться на разсмотрѣніи недостатковъ этой послѣдней въ надеждѣ, что переводчикъ приметъ къ свѣдѣнію наши замѣчанія, которыя имѣютъ единственною цѣлю желаніе способствовать улучшенію его труда.

Первымъ недостаткомъ мы поставимъ особенность перевода чисто внѣшнюю—отсутствіе объяснительныхъ примѣчаній: предназначая свое изданіе для распространенія среди массы образованной публики, интересующейся произведеніями античныхъ литературъ, но не могущей наслаждаться ими въ подлинникахъ, переводчикъ не долженъ былъ опускать изъ виду то обстоятельство, что эта масса обыкновенно не бываетъ знакома и съ деталями древней жизни и быта, вслѣдствіе чего нуждается въ ориентирующихъ указаніяхъ, которыя помогли бы ей вполне понять всѣ частности читаемаго текста. Но что пойметъ даже образованный читатель—неклассикъ въ мѣстахъ, подобныхъ слѣдующимъ V, 607: „Могла я“, говоритъ преслѣдуемая Алфеємъ Аретуза,—„пробѣжать, не останавливаясь, Орхоменъ, Псофиду, Киллену, Менальскія горы, холодный Эримавтъ и Элей“. Или: VII, 350: „Не поднимись Медея на воздухъ на крылатыхъ драконахъ, не уйди бы ей отъ казни. Высоко надъ ти(ф)нистымъ Пеліономъ, жилищемъ сына Филеры, бѣжить она, бѣжить надъ Отромъ и мѣстностью, ставшею извѣстной случаємъ со старымъ Керамбомъ: когда нахлынуло

море и потопило обширную землю, онъ съ помощью нимфъ поднялся на крыльяхъ на воздухъ и счастливо избѣгнулъ Девкаліонова потопа. Вѣво оставила Медея эолийскую Питану и изсѣченную изъ камня статую огромнаго дракона, вѣво—рощу Иды, гдѣ Либеръ подъ видомъ мнимаго оленя скрылъ украденнаго сыномъ молодаго быка, гдѣ покоился въ скромной песчаной могилѣ отецъ Корита; пронеслась Медея и надъ тѣми землями, которыя устрашала Мера неслыханнымъ своимъ лаемъ, пронеслась и надъ городомъ Эврипила, гдѣ Косянки (?) (Соае) ходили съ рогами, въ то время, какъ оттуда выступало войско Геркулеса, надъ посвященнымъ Фебу . Родосомъ, надъ жившими на Ялизѣ Тельхинами: все глазили они, на что ни смотрѣли, и Юпитеръ возненавидѣлъ ихъ и потопилъ водами своего брата. Пронеслась Медея и надъ картейскими стѣнами древней Кеи, гдѣ отецъ Алкидамъ дивился, что его дочь могла превратиться въ кроткую голубку* и т. д.

Подобныя географическія, историческія и міеологическія детали и намеки, введенные въ значительномъ количествѣ Овидіемъ въ его произведенія, подъ вліяніемъ александрійскихъ образцовъ, непремѣнно нуждаются хотя бы въ краткихъ объясненіяхъ, безъ которыхъ новый читатель лишенъ возможности понять всѣ, нерѣдко довольно характерныя, намеки поэта. Необходимость такихъ поясненій чувствовалъ, какъ кажется, и самъ переводчикъ, такъ какъ въ концѣ книги присоединилъ подробный указатель собственныхъ именъ; но этотъ указатель, заключающій въ себѣ простое перечисленіе именъ, безъ всякаго поясненія, далеко не достаточенъ. Особенность его та, что введенныя указанія относятся къ страницамъ книги, что значительно затрудняетъ подыскиванія потребнаго мѣста. Было бы гораздо лучше эти указанія—какъ и дѣлается почти во всѣхъ подобныхъ индексахъ—приводить по книгамъ и стихамъ, что не составило бы затрудненія и при русскомъ прозаическомъ переводѣ, такъ какъ г. Алексѣевъ имѣлъ благоразуміе черезъ каждые пять стиховъ отмѣчать ихъ послѣдовательный порядокъ. Указатель составленъ довольно тщательно и нуждается лишь въ немногихъ дополненіяхъ; напримѣръ, Агра III, 212, Агріодъ III, 224, Альба (царь) XIV, 612, Аляа III, 217. Алятоя VII, 443, Амимона II, 240, Анубисъ IX, 691, Апшеникъ II, 226, Апуліецъ XIV, 517, Астипалейское царство VII, 461, Атракидянинъ XII, 208 и другія.

Другой недостатокъ разсматриваемаго изданія состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что переводчикъ избралъ для своей работы текстъ, установленный довольно давно, и не принялъ во вниманіе новѣйшихъ

рецензій *Метаморфозъ*, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить рецензію Корна (*P. Ovidius Naso. Recensuit Otto Korn. Tomus II Berolini 1880*); эти рецензії помогаютъ въ значительномъ количествѣ мѣстѣ ихъ болѣе правильному уразумѣнію и устанавливаютъ известное чтеніе на твердомъ базисѣ методической критики. Возьмемъ для примѣра нѣсколько мѣстъ: въ VII книгѣ, ст. 506 и слѣдующіе Эакъ говоритъ такіа слова:

„ne petite auxilium, sed sumite“, dixit, „Athenae:
nec dubie vires, quas haec habet insula, vestras
ducite; et omnia habet rerum status iste mearum:
robora non desunt, superat mihi miles et hosti:
*gratia dis, felix et inexcusabile tempus“.

Г. Алексѣевъ переводитъ, придерживаясь этого чтенія (находящагося, между прочимъ, въ изданіи *Метаморфозъ* Г. Гаупта *Berl. 1867*): „Не просите помощи, Аѳины, но получите ее и, не сомнѣваясь, своими считайте тѣ войска, которыя находятся на этомъ островѣ. Всего у меня довольно при такомъ состояніи моего государства, достаточно силенъ я, хватить у меня войска и для врага. Слава богамъ, счастлива моя жизнь, нельзя не признаться въ этомъ“. Но въ рукописяхъ стоятъ вмѣсто *habet* ст. 509 *ait*, и вмѣсто *omnia*— въ большинствѣ: *omnis*. Помимо этого, общепринятая эмендація имѣетъ тотъ недостатокъ, что послѣ *omnia habet* фраза: *non desunt* представляется ненужнымъ повтореніемъ только что высказанной мысли, потому что, само собою разумѣется, въ *omnia* должно заключаться и понятіе *robora*. Поэтому представляется заслуживающею серьезнаго вниманія эмендація Корна, который читаетъ: *ducite, non desunt (rerum status iste mearum) robora. Minor superat mihi miles et hosti*. Или: VIII, 284 при описаніи дикаго вепря читаемъ:

*sanguine et igne micant oculi, riget ardua cervix
et setae densis similes hastilibus horrent;
fervida cum rauco latos stridore per armos
spuma fluit; dentes aquantur dentibus Indis,
fulmen ab ore venit, frondes afflatis ardent.*

Стихъ 285, за коимъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слѣдуетъ еще: *stantque velut vallum, velut alta hastilia setae*, представляется совершенно излишнимъ распространеніемъ предыдущаго описанія, которое, при своей отрывочности и живости, замедляется имъ и тѣмъ утрачиваетъ значительную долю эффекта. Потому совершенно справедливо поступилъ уже Бенгли, признавъ ст. 285 за интерполяцію,

и Корнъ выбросилъ его изъ текста; между тѣмъ русскій переводчикъ удержалъ его, перевода: „словно острія копій, стоитъ щетина“.

Илл. X, 149. Iovis est mihi saepe potestas
dicta prius cecini plectro graviore Gigantas
sparsaque Phlegraeis victricia fulmina campis:
nunc opus est levioere lyra...

Сообразно съ этою интерпункціей переводить и г. Алексѣевъ, говоря: „его силу я нерѣдко воспѣвалъ и прежде, но въ болѣе звучныхъ пѣсняхъ; я пѣлъ, какъ погибли Гиганты, какъ сверкали побѣдныя молніи на флегрейскихъ поляхъ, — теперь меньше дѣла моей лиръ“ (это фраза неудачно передаетъ подлинникъ: Орфей, словами: nunc opus est levioere lyra хочетъ сказать, что сюжетъ его пѣсней измѣнился, изъ важнаго и возвышеннаго превратившись въ легкій и обыкновенный, что и выражаетъ послѣдующими словами: ruerosque sanatus.

dilectos superis inconcessisque puellas
ignibus attonitas meruisse libidine roenam

Но при этомъ представляется тавтологіей выраженіе saepe cecini prius, а слѣдующее въ стихѣ 152 nunc стоитъ одиноко, тогда какъ въ существѣ дѣла оно противопоставляется прежнему содержанию пѣсенъ Орфея; поэтому Корнъ предпочелъ интерпункцію послѣ dicta, чѣмъ устраняются сказанныя неудобства.

Этихъ трехъ примѣровъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что знакомство переводчика съ новѣйшими работами по исправленію текста принесло бы существенную пользу самому переводу.

Хотя выше мы заявили, что въ общемъ переводъ г. Алексѣева вѣрно передаетъ латинскій подлинникъ, тѣмъ не менѣ третій рядъ нашихъ замѣчаній будетъ относиться къ нѣкоторымъ частностямъ этой передачи, представляющимъ намъ не совсѣмъ удачными и вызывающими желаніе болѣе внимательнаго изученія оригинала со стороны переводчика. Для примѣра беремъ по сотнѣ стиховъ изъ III-й и XV-й книгъ. Кв. III ст. 18 оставлено безъ перевода (если не считать таковымъ нарѣчіе „быстро“, прибавленное г. Алексѣевымъ) выраженіе: pressoque legit vestigia gressu, означающее ту точность, съ которой Кадмъ исполнялъ повелѣніе оракула, слѣдуя за коровой, такъ сказать, по пятамъ. Въ ст. 26 опущенъ эпитетъ libandas, приданный слову undas и указывающій на то, что передъ жертвоприношеніемъ употребляли для возліанія или омовенія воду (Liv. 1. 45).

Ст. 29. virgis ac vimine densus переведено не совсѣмъ точно:

„обросшая густою травою и кустарником“. *Virgae* здѣсь обозначаетъ не траву, а прутья, кустарникъ, тогда какъ *vimen* (отъ *viere*)—вьющіяся растенія. Слѣдующая затѣмъ фраза: *efficiens humilem lapidum conragibus arcum* передана также неудачно: „отъ скатывавшихся въ одно мѣсто камней въ пещерѣ образовался низкій сводъ“. О томъ, что скатывались камни, Овидій не говоритъ; словомъ *conrages* онъ обозначаетъ, что камни въ пещерѣ такъ сплотились, что образовался низкій естественный сводъ.—Еще неудачнѣе переводъ стиха 45:

*Tantoque est corpore, quanto
si totum spectes geminas qui separat arctos—*

„если принять во вниманіе все тѣло дракона, то оно заняло бы то пространство, которое отдѣляетъ другъ отъ друга двѣ Медвѣдицы“. Страннымъ представляется, какимъ образомъ сравнивается тѣло дракона съ небеснымъ пространствомъ; странности этой нѣтъ въ подлинникѣ, гдѣ *qui serarat* указываетъ не на пространство, отдѣляющее двухъ Медвѣдицъ, а къ созвѣздію змѣи (II, 173 *quaeque polo posita est glaciali proxima serpens*), находящемуся между ними; слово же *totum* лучше относить не къ дракону, видѣнному Баджомъ, а къ небесному.

Въ ст. 48 напрасно оставлено безъ перевода *longis complexibus*, придающее разказу особую картинность; такъ же безосновательно опущена фраза въ ст. 103 *populi incrementa futuri*.

Ст. 108 *picto sono* неточно передано черезъ: „красивою верхушкою“, потому что здѣсь имѣется въ виду гребень шлема, окрашивавшійся обыкновенно красною краской. Точно также измѣнена картина подлинника въ ст. 110 *crescitque seges clipeata virorum*, что переведено: „увеличивается толпа щитоносныхъ мужей“. Слѣдующее за симъ сравненіе понято переводчицею невѣрно:

*Sic, ubi tolluntur festis aulaea theatris,
surgere signa solent, primumque ostendere vultus,
cetera paullatim, placidoque educta tenore
tota patent, imoque pedes in margine ponunt.*

Овидій сравниваетъ постепенное произрастаніе вооруженныхъ мужей изъ земли съ появленіемъ фигуръ, которыми росписавъ завѣсь въ театрѣ: необходимо при этомъ припомнить, что у древнихъ завѣсь передъ началомъ представленія не поднимался, какъ у насъ, а опускался, и, на оборотъ, при окончаніи—поднимался; съ этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ и сравниваетъ Овидій описываемое явленіе; сперва, при поднятій завѣсы, являются головы нарисованныхъ на

немъ фигуръ, затѣмъ по немногу является туловище, и, выходя постепеннымъ и тихимъ движеніемъ, эти фигуры представляются во весь ростъ и ногами своими касаются нижняго края занавѣса. Какъ же понялъ это мѣсто переводчикъ? „Такъ въ театрѣ“, говоритъ онъ, — „при представленіяхъ во время праздниковъ, когда поднимають занавѣсъ, обыкновенно показываются фигуры; сперва становятся видны ихъ лица, мало по малу и, остальное; тихо поднявшись, они дѣлаются видны всѣ и становятся въ глубинѣ сцены“.

Въ ст. 125 *terridam matrem* переведено черезъ: „холодную землю“. Беремъ начало XV-й книги: съ ст. 11 *veteris non inscius aevi* — переведено: „хорошо знавшій прежнюю исторію города“ несовсѣмъ точно, такъ какъ Овидій подъ *vetus aevum* разумѣетъ древность вообще.

Ст. 29: *roepaque mors posita patriam mutare polenti* переведено: „тотъ, кто вздумалъ бы измѣнить отчизнѣ, будетъ наказанъ смертью“. Рѣчь идетъ не объ измѣнѣ отчизнѣ, а о перемѣнѣ отечества, то-есть, о переселеніи въ другую землю.

Ст. 38: „подсудимый мрачно взглянулъ на небо“ — *squalidus ad superos tollens reus ora*. Эпитетъ *squalidus* объясняется чисто римскимъ обычаемъ, по которому обвиняемый надѣвалъ на себя траурную одежду для того, чтобы обозначить угнетенное состояніе своего духа и возбудить къ себѣ жалость. Слѣдующіе затѣмъ стихи неправильно поняты переводчикомъ. Миссель, обращаясь къ Геркулесу, восклицаетъ:

o cui ius caeli bis sex fuere labores,

выражая этимъ, что двѣнадцать подвиговъ, совершенныхъ этимъ героемъ, дали ему право на безсмертіе (cf. Senec. *Agamemn.* 850 *tuus ille bis, seno meruit labore adlegi caelo magnus Alcides*). Между тѣмъ г. Алексѣевъ переводитъ: „молю тебя, помоги мнѣ ты, съ помощью боговъ совершившій двѣнадцать подвиговъ“. Ст. 52 *Thurini sinus* невѣрно переведено черезъ: Туринскій заливъ. Городъ звался *Thurii*. Слѣдующій за симъ стихъ:

vixque pererratis quae spectant litora tectis

переведенъ слишкомъ свободно: „Много прибрежныхъ земель исходилъ Миссель“.

Ст. 58. *Talia constabat certa primordia fama esse loci*: „Такъ, разказываютъ правдивые люди, прославилась эта мѣстность“. О прославленіи мѣстности въ подлинникѣ нѣтъ рѣчи.

Ст. 64. *Oculis ea pectoris hausit* — „въ своемъ умѣ узналъ“. Въ переводѣ пропала картина подлинника, совершенно необходимая въ виду предыдущаго: *quae natura negabat visibus humanis*.

Ст. 70. *Juppiter an venti discussa nube tonarent* переведено неудачно:

„Грешить ли то Юпитеръ, или вѣтры сталкиваются съ облаками“.

Ст. 87. *heu quantum scelus est in viscera viscera condi,
congestoque avidum pinguescere corpore corpus,
alteriusque animantem animantis vivere leto!*

Переводъ значительно ослабилъ полное пафоса мѣсто: „О, какъ низко насыщать свое чрево мясомъ другихъ животныхъ, утучнять, ненасытное тѣло, поглощая другія существа, человѣку поддерживать свою жизнь на счетъ смерти другихъ!“ Въ этой передачѣ пропало необычайно эффектное сопоставленіе: *in viscera viscera, corpore corpus, animantem animantis*, и слово *scelus*, имѣющее, съ точки зрѣнія Платона и его школы, специальное значеніе, совершенно неудачно передано черезъ „низко“.

Приведенные примѣры показываютъ, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ переводчикъ или не совсѣмъ правильно понялъ смыслъ подлинника, или перевелъ его не вполне точно и удачно.

Предисланное переводу, введеніе, излагающее біографію и очеркъ литературной дѣятельности Овидія, довольно коротко, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ достаточное количество неточностей и даже промаховъ, свидѣтельствующихъ о недостаточной филологической подготовкѣ переводчика. Такъ, на стр. 6, прим. 7, объясняя терминъ *decemviri stlitibus iudicandis*, г. Алексѣевъ опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: „decemviri—сановники, составлявшіе законы и хранившіе книги Сивиллы“. *Decemviri legibus scribundis* и *XV viri libris Sibyllinis* ничего не имѣютъ общаго съ *X viri stlitibus iudicandis*.

На стр. 5, говоря о ссылкѣ Овидія, г. Алексѣевъ цитуетъ Вольтера и игнорируетъ новѣйшія работы, въ которыхъ разсматривается этотъ вопросъ, какъ на примѣръ, трудъ Г. Буассье (*G. Boissier. L'opposition sous les Césars*). Тутъ же онъ полагаетъ, что мѣстоположеніе Томъ не извѣстно положительно, тогда какъ найденныя французскими офицерами латинскія надписи въ Кюстендже неопровержимо указали мѣсто, занимаемое этимъ городомъ. Исслѣдованіе Вельтмана

(Донъ. М. 1866), признаваемое г. Алексѣевымъ за ученое, должно назвать скорѣе исполненнымъ необузданной фантазіи ¹⁾ и совершенно не методическимъ. На стр. 8 одна изъ многочисленныхъ латинпольскихъ поддѣлокъ принимается г. Алексѣевымъ за подлинный памятникъ древности: въ XVI в. (а не въ XVIII, какъ пишетъ г. Алексѣевъ), былъ, по свидѣтельству нѣкоего Л. Миллера (Laurentius Muller), найденъ на шестомъ днѣ пути отъ Днѣпра къ В. однимъ полякомъ Войнускимъ камень съ надписью:

hic situs est vates, quem divi Caesaris ira
Augusti Latia cedere iussit humo:
saepe miser voluit patriis occumbere terris
sed frustra: hunc illi fata dedere locum.

Поддѣлка очевидна, но не смотря на это, г. Алексѣевъ считаетъ возможнымъ, на основаніи ея, заявить (стр. 9), что мѣсто, гдѣ найдена надпись, заставляетъ предполагать, что поэтъ сосланъ былъ въ глубь Скиѣи.

И такъ, желая дальнѣйшаго успѣха предпріятію г. Алексѣева, не можемъ не обратить его вниманія на отмѣченные выше недостатки, устраненіе которыхъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ слѣдующіе выпуски его переводовъ гораздо болѣе безупречными, чѣмъ разсмотрѣнный.

Ив. Помяловскій.

Поэтика Аристотеля. В. И. Захарова. Варшава. 1885.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ появилась книга подъ заглавіемъ: „О поэзи. Сочиненіе Аристотеля. Перевелъ, изложилъ и объяснилъ Б. Ордынскій“ (Москва. 1854). Слѣдовательно, вышеозначенная книга г. Захарова оказывается не первымъ опытомъ ознакомить русское общество посредствомъ перевода съ сочиненіемъ философа-стагирита Περὶ ποιητικῆς, которое, не смотря на искаженіе первоначальной формы, представляетъ собою все-таки достойный полного вниманія памятникъ греческаго гениа. Каждый изъ этихъ двухъ трудовъ, разбѣденныхъ большимъ пространствомъ времени, представляетъ русскій переводъ греческаго текста, разборъ содержанія переведеннаго сочиненія и комментарий; но эти изданія отличаются

¹⁾ Доказательствомъ сему можетъ служить то, что Вельтманъ мѣсто ссылки Овидія считаетъ находившимся на берегахъ Дона.

другъ отъ друга тѣмъ, что первое, обвиняя лишь восемнадцать главъ подлинника, болѣе носить на себѣ характеръ филологической и критической обработки, а второе, нынѣ разсматриваемое, предлагая переводъ всѣхъ двадцати-семи главъ Аристотелева труда, во введеніи и въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ болѣе касается эстетическихъ законовъ, постановленныхъ родоначальникомъ перипатетиковъ.

Переводъ г. Захарова собственно—не переводъ, а парафразъ, передающій смыслъ греческаго текста русскою формою, болѣе или менѣе примыкающею къ синтаксическому строю подлинника, съ строгимъ сохраненіемъ распредѣленного по главамъ даннаго матеріала. Поэтому нельзя говорить о филологической точности перевода, но слѣдуетъ сказать, что на сколько позволяла шаткость греческаго текста, мысли философа переданы вообще вѣрно и языкомъ, вполне соответствующимъ достоинству предмета. Есть, конечно, въ сочиненіи Аристотеля мѣста, которыя можно было бы понять иначе, чѣмъ г. Захаровъ; но разборъ ихъ завлекъ бы насъ въ критическія изслѣдованія относительно самаго текста, который, какъ извѣстно, сохранился лишь въ весьма испорченномъ видѣ и даетъ просторъ разнымъ толкованіямъ, обусловленнымъ субъективностью взгляда толкователя. Но у г. Захарова есть и такія мѣста, противъ которыхъ, можно позволить себѣ возраженія въ виду несомнѣнной подлинности текста. Такъ, напримѣръ, въ гл. I (стр. 55) въ предложеніи: καὶ χρομασι καὶ σχήμασι πολλὰ μίμωσται κ. т. л. слово σχήμασι переведено: „посредствомъ позъ“. У Ордынскаго удачнѣе переведено „образами“, такъ какъ рѣчь идетъ объ очертаніи въ противоположность къ краскамъ и пѣнію. Въ гл. II ἤτοι βελτίονας ἢ καὶ ἥμας ἢ χείρονας ἢ καὶ τοιοῦτους г. Захаровъ (стр. 56) переводитъ: „представлять людей можно или лучшими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, или худшими, или таковыми, каковы они въ дѣйствительности“. Ордынскій переводитъ: „или лучше насъ, или подъ стать намъ, или хуже насъ“. И здѣсь нельзя не отдать преимущества Ордынскому, потому что въ этомъ мѣстѣ Аристотель не сравниваетъ идеала ни добра, ни зла съ дѣйствительностью, а лишь говорить о людяхъ, которыя, по своей нравственности (κακία καὶ ἀρετή), стоятъ выше обыкновенныхъ, или ниже ихъ, или имъ равны. Затѣмъ (стр. 56, ниже), въ словахъ: καὶ Νικοχάρης, ὃ τὴν Δηλιάδα (ποίησας) χείρους не заключается каррикатурнаго изображенія людей: χείρους суть люди, стоящіе ниже обыкновенныхъ; такихъ людей представлялъ Игемонъ. Каррикатура—лишь способъ изображенія и не всегда соответствуетъ нравственности изображаемаго. Въ гл. XII τὸ μὲν πάροδος, τὸ δὲ στάσιμον

г. Захаровъ переводить *παρόδος* парафразомъ: „пѣніе при шестви хора“ и далѣе *παρόδος μὲν ἢ πρῶτη λέξις ἔλου χοροῦ*—словами: „пѣніе при шестви будетъ первая вступительныя слова цѣлаго хора“. Это неясно и невѣрно. *Πάροδος*, говоритъ Аристотель, — есть первая пѣснь, произносимая цѣлымъ хоромъ по вступленіи его въ оркестру. Ордынскій поступилъ гораздо удачнѣе, удержавъ греческій терминъ *παρόδος* и затѣмъ перевелъ „пародъ—первая рѣчь всего хора“. Въ концѣ гл. XIV τὸ δὲ πρῶται δεῦτερον г. Захаровъ переводить: (стр. 74): „лучше уже выполнить свой преступный замыслъ“. Этотъ переводъ искажаетъ слова Аристотеля, который указываетъ два случая драматическаго дѣйствія: 1) когда лицо, намѣревавшееся совершить преступленіе, не приводитъ замысла въ исполненіе; 2) (*δεῦτερον*) если лицо выполняетъ его. Г. же Захаровъ понялъ, будто Аристотель въ художественномъ отношеніи ставитъ второй случай выше перваго. И тутъ Ордынскій вѣрнѣе понялъ подлинникъ, говоря: „второй за этимъ случай будетъ—сдѣлать“. Если г. Захаровъ ошибся, то лишь потому, что придалъ слову *δεῦτερον* значеніе „лучше“. Помимо однако этихъ единичныхъ недосмотровъ, парафразъ г. Захарова составленъ толково и обнаруживаетъ способность переводчика вникать въ сущность дѣла.

Предпосланное переводу введеніе содержитъ въ себѣ исторію греческаго текста и разборъ Аристотелевой идеи объ изящномъ, и въ особенности о драматической поэзіи. Эта статья свидѣтельствуешь о серьезности занятій автора и, судя по количеству ссылокъ на сочиненія французской и нѣмецкой литературъ, о значительной его начитанности. Читатель во введеніи найдетъ много поучительнаго и между прочимъ большое число указаній и на новѣйшую драматургію. Кое-гдѣ встрѣчаются легкіе недосмотры; такъ напримѣръ, на стр. 24 г. Захаровъ, парафразически передавая слова Аристотеля о вліяніи музыки на душу человѣка, употребляетъ выраженіе: „церковный аккордъ“, что, конечно, неумѣстно въ устахъ философа-язычника, указавшаго на *ἱερά μέλη* и т. д.

Наконецъ помѣщенныя, какъ приложение, объяснительныя примѣчанія составлены весьма цѣлесообразно; въ нихъ не пропущено ничего, что необходимо для полнаго и всесторонняго пониманія дѣла. Обиліе ссылокъ, являющихся въ этомъ комментарий, показываетъ, какъ велико было количество источниковъ, которыми пользовался г. Захаровъ при составленіи своего труда. О самомъ же главномъ источникѣ г. Захаровъ не упомянулъ, безъ сомнѣнія, по отсутствію предисло-

вія, въ которомъ обыкновенно сообщается перечень употребленныхъ въ дѣло источниковъ. А этотъ источникъ — нѣмецкое сочиненіе: *Classiker Bibliothek. Aristoteles Werke. Poetik, übersetzt und erklärt von Adolph Stahr*. Обстоятельство, что г. Захаровъ не упустилъ изъ виду столь важнаго труда, подтверждается тождественностью большей части цитатъ и преобладаніемъ примѣчаній, смыслъ которыхъ совпадаетъ со мнѣніемъ Штара, какъ, на примѣръ, между прочимъ примѣчаніе къ гл. XVIII (стр. 137), s. vv. ὡς περ Ἐβριπίδης Νιόβην καὶ μὴ ὡς περ Αἰσχολος, гдѣ г. Захаровъ отстываетъ отъ Штара лишь тѣмъ, что утверждаетъ, будто „во всѣхъ манускриптахъ эти слова находятся въ скобках“, тогда какъ Штаръ говоритъ: „Die von uns parenthesirten Worte stehen so in allen Handschriften“. Тому же отсутствію предисловія можно приписать и то, что г. Захаровъ не показываетъ, какими изданіями древнихъ авторовъ онъ пользовался при ссылкахъ. Такъ, на примѣръ, не зная, что на стр. 24 ссылка *Polit. V. 7* показана по порядку главъ, предлагаемому французскимъ ученымъ Бартеlemi Сентъ-Илеромъ, читатель станеть въ затрудненіе, если онъ по редакціи I. Беккера въ означенной главѣ не найдетъ ничего относительно музыки.

Не смотря на указанные недосмотры и промахи, трудъ г. Захарова можетъ быть названъ весьма почтеннымъ. Составитель (стр. 18) относительно переведеннаго имъ сочиненія говоритъ: „Конечно, Аристотель не сказалъ послѣдняго слова въ наукѣ. Умъ чловѣческій послѣ него прогрессировалъ; но все имъ сказанное вѣрно, безспорно и, какъ истина, не старѣетъ; всѣ имъ подмѣченныя и высказанныя мысли и поднесъ также свѣжи и юны, какъ въ первый день своего рожденія“. Совершенно соглашаясь со мнѣніемъ почтеннаго переводчика, мы привѣтствуемъ составленный имъ трудъ, тѣмъ болѣе, что книга Ордынскаго вышла изъ продажи и сдѣлалась уже библиографическою рѣдкостью. Жалѣемъ лишь о томъ, что г. Захаровъ не напечаталъ и самаго греческаго текста, безъ котораго критическія замѣтки и обсужденіе вариантовъ становятся непонятными, а приложеніе текста въ томъ видѣ, въ какомъ онъ служилъ основаніемъ перевода, сдѣлало бы книгу вполне округленнымъ дѣломъ.

В. Л.

Новыя изслѣдованія о латышскомъ языкѣ.

LETTISCHE DIALEKT-STUDIEN von *Adalbert Bezzenberger*. Göttingen. 1885.

Трудъ Беценбергера представляетъ новыя данныя о латышскихъ говорахъ юго-восточной части территоріи, обитаемой латышами. Книга раздѣлена на три части. Въ первой (стр. 6—65) напечатаны тексты, записанные самимъ издателемъ или мѣстными жителями, всего 18 статей; за сими слѣдуетъ (на стр. 66—165) рядъ розысканій и грамматическихъ замѣтокъ о звуковыхъ особенностяхъ, преимущественно о гласныхъ, въ различныхъ латышскихъ говорахъ губерній Витебской, Лифляндской и Курляндской; остальная часть книги представляетъ матеріалы для словаря.

Книга Беценбергера заслуживаетъ вниманія не только любителей латышскаго языка и этнографіи, но и русскихъ филологовъ, изслѣдующихъ западно-русскіе говоры, ибо въ латышскихъ говорахъ, какъ инфлянтскихъ уѣздовъ, такъ и верхней Курляндіи, не мало сходныхъ чертъ съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія.

Въ спискѣ книгъ, написанныхъ на инфлянтскомъ нарѣчій латышскаго языка мы не нашли у Беценбергера двухъ важныхъ изданій—одного старѣйшаго и другаго новѣйшаго. Первый—католическій молитвенникъ на инфлянтскомъ нарѣчій—изданъ въ 1753 году подъ заглавіемъ: *Evangelia toto anno singulis Dominicis et Festis diebus juxta antiquam Ecclesiae consuetudinem in Livonia Lothavis praelegi Svilita. Cum precibus et precatiunculis nonnullis, curâ quorundam ex clero Livonico secentissime juxta usitatiosem loquendi modum Lothavicum versa et translata ac in lucem edita 1753.* Вильна, въ типографіи академіи іезуитской. Въ „*approbatio*“ читаемъ: „*ad normam idiomatis lothavici hac in parte usitate, recentissime editam legi et judicavi*“ и т. д. Datum Ossuni (то-есть, Осувъ въ Динабургскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи) 1753. *Joseph. Młafewski.* Іезуиты не приняли того латышскаго нарѣчія, которое употребляется лютеранскимъ духовенствомъ въ Курляндіи и Лифляндіи, и такимъ образомъ инфлянтское нарѣчіе попало въ печать. Рижско-митавскія народныя книги, назначенныя для латышей, написаны на другомъ (акающемъ) нарѣчій, напечатаны готическимъ шрифтомъ, и потому недоступны для большей части ихъ витебскихъ соплеменниковъ. Въ 1860-хъ годахъ было запрещено печатать литовскія и латышскія книги латинскимъ шрифтомъ, и была сдѣлана попытка при-

мѣнить къ инфлянтскому нарѣчію русскій шрифтъ, которымъ и печатался латышско-русскій календарь; но въ 1875 г. изданіе его было, къ сожалѣнію, прекращено, и съ тѣхъ поръ инфлянтскіе латыши, составляющіе 200,000 душъ обоего пола, пытаются привозимую контрабандистами изъ Восточной Пруссіи контрфракціей, въ родѣ слѣдующей, наприимѣръ, азбуки: *Pytus Elemen tiers diel ziempjku ruzszkiju.* (Полный элементаріусъ для крестьянскихъ мальчиковъ). *Wilnoje.* 1857 Goda. 78 стр. Книга эта выдается за напечатанную 28 лѣтъ тому назадъ въ Вильнѣ, у І. Завадскаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она издана за границей и гораздо позже. Въ Иифландіи эта книга продается за 20 копѣекъ, а за границей за 5 коп. Она заключается въ себѣ азбуку, краткій катихизисъ и молитвенникъ. Книга составлена плохо и притомъ кишитъ опечатками.

Что инфлянтскіе латышскіе говоры, между прочимъ и по складу рѣчи, представляютъ болѣе чистый типъ древне-латышскаго нарѣчія, нежели рижскій литературный языкъ болѣе отмеченныхъ латышей-лютеранъ, это не подлежитъ сомнѣнію и очень ясно доказывается текстами Беценбергера. Въ нарѣчіи лифляндскихъ латышей употребляется нѣмецкій членъ *tas (der), ta (die)*, который въ инфлянтскомъ выпускается. Подобно тому, въ XVII вѣкѣ въ латышскихъ текстахъ іезуита Элгера встрѣчаемъ нѣмецкій соединительный союзъ *und*, который усвоенъ и современнымъ литературнымъ языкомъ латышей въ формѣ *un*. Но въ народной пѣснѣ это *un* попадаетъ весьма рѣдко, а у инфлянтскихъ латышей вмѣсто того употребляется русскій союзъ *и*. Въ послѣднее время латыши, изучившіе русскій языкъ, стали, впрочемъ, отбрасывать нѣмецкій членъ. Такъ, И. Я. Спрогисъ во второмъ изданіи своей „Русской грамоты для латышей“ (Вильна, 1884) выпускаетъ *ta s, ta t*, встрѣчающіеся въ 1-мъ изданіи (1876 г.) еще весьма часто. Въ этомъ отношеніи инфлянтское нарѣчіе значительно подходитъ къ строю славянскихъ нарѣчій; но въ особенностяхъ это сходство видно въ употребленіи видовъ. Въ лексическомъ отношеніи инфлянтское нарѣчіе также значительно сходно съ славянскимъ языкомъ. Замѣтимъ однако, что многое происходитъ въ немъ скорѣе изъ бѣлорускаго или великорускаго нарѣчія, чѣмъ изъ польскаго, какъ полагаетъ Беценбергеръ.

На стр. 67—79 Беценбергеръ касается литванизмовъ верхне-латышскаго нарѣчія и высказываетъ мнѣніе, что въ главныхъ чертахъ нѣтъ ни одного момента, который отдѣлялъ бы эти говоры отъ латышскаго, и что вслѣдствіе того литванизмы не представляютъ никакого

подверженія теоріи І. Шмита о переходныхъ говорахъ. Это замѣчаніе вообще кажется мнѣ вѣрнымъ, но вопросъ этотъ окончательно будетъ рѣшенъ только тогда, когда будутъ точно изучены сосѣдніе литовскіе говоры Ново-Александровскаго уѣзда Ковенской губерніи и Свенцьянскаго уѣзда Виленской губерніи, имѣющіе не мало чертъ, подходящихъ къ латышскимъ говорамъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что діалектологическіе этюды профессора Бенценбергера суть результатъ экспедиціи, предпринятой имъ вмѣстѣ съ пасторомъ Виленштейномъ изъ Доблена, въ Курляндіи, и съ профессоромъ Дерптскаго университета Л. Штидою лѣтомъ 1882 года при денежной поддержкѣ латышско-литературнаго общества въ Митавѣ и прусскаго министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

Э. Вольтеръ.

Французскіе дипломаты въ Россіи (1719—1721 гг.).

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XI. С.-Пб. 1884.

Въ сороковомъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества напечатано продолженіе документовъ о сношеніяхъ между Россіей и Франціей и депеши французскихъ дипломатовъ изъ Россіи при Петрѣ I ¹⁾, именно съ 1719 по 1721 годъ. Къ этому времени относится окончаніе Сѣверной войны. Такъ какъ Франція принимала нѣкоторое участіе въ заключеніи Ништатскаго мира, такъ какъ въ это время шла вообще рѣчь о сближеніи между Франціей и Россією, о заключеніи торговаго договора между ними и о бракѣ одной изъ дочерей Петра съ французскимъ принцемъ, то документы, издавшіе въ сороковомъ томѣ Сборника, занимаютъ видное мѣсто между источниками для исторіи послѣдняго времени царствованія Петра Великаго.

Въ предисловіи къ этому тому помѣщено продолженіе записки о сношеніяхъ между Франціей и Россіей, составленной въ 1726 году старшимъ чиновникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ Ледрэ-

¹⁾ Начало этихъ документовъ появилось въ 34-мъ томѣ *Сборника*, разборъ котораго см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. ССХХV и ССХХVII.

номъ. Издана именно та часть записки, которая относится въ 1719—1721 гг. Затѣмъ напечатано 113 документовъ, изъ коихъ 70 суть депеши французскаго консула де-Лави, а 24 — посланника Кампредова; остальные же документы суть: записки, поданныя русскимъ резидентомъ въ Парижѣ, барономъ Шлейницомъ, герцогу Орлеанскому, два письма послѣдняго къ Петру и кое-какія приложенія къ донесеніямъ де-Лави и Кампредова. Изъ числа ихъ особенно любопытна записка о финансовомъ положеніи Россіи, составленная, очевидно, послѣ 1722 года, такъ какъ въ ней приведены цифры, относящіяся къ концу этого года.

Документы 40-го тома Сборника болѣе или менѣе служатъ дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя встрѣчаются въ XVIII томѣ Исторіи Соловьева и въ донесеніяхъ иностранцевъ, находившихся въ это время въ Россіи. Веберъ, ганноверскій резидентъ, донесенія котораго были изданы Германномъ въ 1880 году, покинулъ Россію осенью 1719 года. Гольштинскій камеръ-юнкеръ Берггольдъ велъ свой дневникъ съ 13-го апрѣля 1721 до 30-е сентября 1725 года. Значитъ, донесенія де-Лави и Кампредова, относясь къ промежутку времени, могутъ считаться тѣмъ болѣе важнымъ источникомъ для періода съ осени 1719 по весну 1721 года.

Французскій консулъ де-Лави, прибывшій въ Петербургъ въ началѣ 1715 года, не игралъ важной дипломатической роли. При всемъ томъ онъ находился въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми сановниками, узнавалъ о кое-какихъ государственныхъ дѣлахъ, приглашался ко двору, иногда бесѣдовалъ даже съ царемъ и пр. До 1719 года онъ неоднократно просилъ французское правительство объ опредѣленіи его положенія болѣе точнымъ образомъ, о назначеніи ему достаточнаго содержанія, о высылкѣ ему шифра и пр. Но французское правительство, по видимому, не особенно дорожило дѣятельностью этого „коммиссара“, и потому его просьбы оставались безъ удовлетворенія.

Положеніе де-Лави оставалось неопредѣленнымъ и въ 1719—1721 годахъ. А между тѣмъ, такъ какъ Кампредонъ прибылъ въ Россію не раньше февраля 1721 года, уѣхалъ оттуда въ концѣ марта того же года и возвратился въ Петербургъ лишь въ концѣ октября, де-Лави почти во все это время былъ единственнымъ официальнымъ представителемъ Франціи при русскомъ дворѣ. Онъ постоянно собиралъ разныя свѣдѣнія о состояніи Россіи и о намѣреніяхъ Петра, сообщалъ своему правительству подробныя данныя о

матеріальныхъ средствахъ русскаго правительства и пр. Для собиранія свѣдѣній де-Лави тратилъ деньги и прибѣгалъ даже къ подкупу. Порою де-Лави приходилось улаживать непріятности, возникавшія въ средѣ французскихъ подданныхъ, проживавшихъ въ то время въ Россіи.

Осенью 1720 года самъ де-Лави имѣлъ столкновение съ директоромъ мануфактуры Менаромъ, и вслѣдствіе того у консула завязалась переписка съ Шафировымъ, который принялъ сторону Менара и далъ ясно почувствовать де-Лави, что на него смотрятъ не какъ на дипломата, а только какъ на консула, которому поручаются лишь дѣла по части торговли. Французское правительство, по видимому, не пожелало дѣятельно вступить за своего агента. Такое невниманіе къ трудному положенію де-Лави объясняется, какъ кажется, холодною тогдашнихъ отношеній Франціи къ Россіи. Мало того: 4-го января 1721 г. морской совѣтъ въ Парижѣ увѣдомилъ консула, что король болѣе не нуждается въ его услугахъ, приказываетъ ему немедленно вернуться во Францію и исполнить приказанія, которыя дастъ ему на этотъ счетъ Кампредонъ. Было ли это въ связи съ столкновеніемъ съ Шафировымъ — сказать навѣрное нельзя. Но де-Лави оставался въ Петербургѣ и послѣ пріѣзда туда Кампредона въ февраль 1721 г. и продолжалъ посылать донесенія кардиналу Дюбуа.

Послѣ того какъ лѣтомъ 1721 года въ Россію прибылъ герцогъ Гольштинскій, который долженъ былъ вступить въ бракъ съ дочерью Петра, де-Лави доноситъ 18-го іюля 1721 г.: „Я имѣлъ честь сдѣлать визитъ его свѣтлости герцогу Гольштинскому и принести ему поздравленіе съ счастливымъ прибытіемъ въ эту резиденцію. Меня сопровождалъ шефъ консульской канцеляріи. Герцогъ принялъ насъ очень учтиво“ и пр. (стр. 157). Очевидно, де-Лави считалъ себя дипломатомъ, представителемъ Франціи, тѣмъ болѣе, что въ это время Кампредона не было въ Петербургѣ. Однако русское правительство не обращало вниманія на консула. По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о заключеніи въ Петербургѣ Ништатскаго мира, де-Лави доноситъ 24-го октября 1721 года: „Въ тотъ день, когда возвѣщенъ былъ миръ, о немъ заявили всѣмъ иностраннымъ министрамъ, даже датскому секретарю посольства и консулу. А мнѣ, хотя я давно уже имѣю честь состоять единственнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ своего двора, этого заявленія не сдѣлали, что доказываетъ, что званіе консула нисколько не уважается при здѣшнемъ дворѣ“ (стр. 275). По этому случаю де-Лави снова возбудилъ предъ своимъ правительствомъ вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи его положенія, но также без-

успѣшно, какъ и прежде, тѣмъ болѣе, что осенью 1721 г. прибылъ въ Петербургъ Кампредонъ въ качествѣ французскаго посланника.

Еще осенью 1719 года кардиналъ Дюбуа формально предложилъ русскому посланнику въ Парижѣ Шлейницу посредничество Французскаго короля къ примиренію Россіи съ Швеціей. Кампредонъ, бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ французскимъ резидентомъ въ Стокгольмѣ, находился въ то время въ Парижѣ. Герцогъ Орлеанскій приказалъ ему возвратиться въ Швецію и употребить всевозможныя старанія къ заключенію мира между Швеціей и Англіей. Для подкупа шведскихъ сановниковъ Кампредону были выданы 300,000 экю. Въ 1720 году между Шлейницомъ и Дюбуа продолжались переговоры о посредничествѣ Франціи. Во Францію, для сближенія съ этою державою, былъ отправленъ поручикъ гвардіи Мусинъ-Пушкинъ¹⁾; а вскорѣ послѣ того во Франціи возникла мысль объ отправленіи Кампредона въ Петербургъ для веденія переговоровъ о мирѣ, при чемъ ему было вмѣнено въ обязанность дѣйствовать въ интересѣ Швеціи (стр. XLVIII). Въ февралѣ 1721 г. онъ прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь ему былъ оказанъ благопріятный пріемъ. Кампредонъ нѣсколько разъ видѣлся съ Петромъ и приступилъ къ переговорамъ. Онъ велъ ихъ съ Шафировымъ, Толстымъ и Остерманомъ, старался сблизиться съ резидентами Австріи и Пруссіи и составить себѣ точное понятіе о положеніи Россіи. Какъ сторовника интересовъ Швеціи, его не могло не беспокоить все то, что онъ видѣлъ въ Россіи. Онъ очень скоро убѣдился въ неуступчивости Петра и его министровъ. Въ одной изъ депешъ Кампредона сказано: „Я считаю своимъ долгомъ дѣйствовать необыкновенно деликатно и осторожно, такъ какъ окруженъ людьми, которые, подъ предлогомъ любезности, ищутъ только, какъ бы поймать меня на чемъ-нибудь, чтобы если возможно, подслужиться въ ущербъ мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я служу, ничто еще не казалось мнѣ такъ труднымъ, какъ вести переговоры съ здѣшними людьми, столь же высокоумными, сколько и подозрительными и не искренними. Ни одинъ изъ посѣщенныхъ мною министровъ не отдалъ еще мнѣ визита, кромѣ Румянцова и министровъ прусскаго, голландскаго, гольштинскаго и датскаго. Я не вижу еще никакого подобія тѣхъ почестей, которыя намѣревались оказывать мнѣ въ честь Е. В. Отведенный мнѣ домъ безъ мебели... я вынужденъ былъ купить все

¹⁾ См. весьма важныя данныя объ этихъ переговорахъ у *Соловьева* Ист. Р. XVII, 336—351.

самъ дорогою дѣною⁴ и пр. (стр. 214). Вскорѣ Кампредонъ убѣдился въ необходимости съѣздить на время въ Швецію, чтобы сообщить о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Россіи, о средствахъ, которыми располагалъ царь для продолженія войны, и объ условіяхъ, на которыхъ онъ готовъ былъ заключить миръ.

Онъ просилъ у царя позволенія съѣздить въ Швецію, при чемъ объяснял склонять короля къ миру представленіемъ о силахъ Россіи, о невозможности для Швеціи бороться съ нею; просилъ также позволенія объявить шведамъ, въ утѣшеніе имъ, что за уступленныя земли царь согласенъ дать имъ нѣкоторое вознагражденіе; наконецъ, просилъ позволенія объявить, что уступленныя Швеціей провинціи останутся за Россіей, не будутъ переданы никому другому (конечно, разумѣя тутъ герцога Гольштинскаго). Царь согласился, и Кампредонъ уѣхалъ¹⁾. Въ самый день своего отъѣзда (22-го марта) Кампредонъ имѣлъ у царя прощальную аудіенцію и получилъ отъ него бриллиантовую табакерку и письмо для передачи Шведскому королю (стр. 227).

Мы не имѣемъ свѣдѣній объ образѣ дѣйствій Кампредона въ Швеціи; вернулся же онъ оттуда въ Петербургъ не раньше октября 1721 года. 1-го ноября Кампредонъ уже писалъ къ кардиналу Дюбуа о бесѣдахъ своихъ съ Головиннымъ, Шафировымъ и пр., а въ слѣдующей депешѣ сообщилъ: „Какъ только царь узналъ о пріѣздѣ моемъ въ Кроншлотъ, онъ самъ прибылъ туда, принялъ меня чрезвычайно милостиво и приказалъ, чтобы меня, на пути сюда, окружали всевозможными удобствами... всѣ министры уже были у меня съ визитомъ“ (стр. 291).

Въ Петербургѣ Кампредонъ хлопоталъ о сближеніи между Россіей и Франціей, присутствовалъ при великолѣпныхъ празднествахъ, устроенныхъ Петромъ по поводу окончанія Сѣверной войны, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями представителей Австріи и Пруссіи.

Кампредонъ оставался въ Россіи не охотно, однако пробылъ здѣсь въ Россіи нѣсколько лѣтъ и былъ свидѣтелемъ кончины Петра. Но въ 40-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества изданіе повесеній Кампредона доведено лишь до конца 1721 года.

Сказавъ о липахъ, занимавшихъ въ Россіи постъ французскихъ агентовъ съ 1719 по 1721 годъ, укажемъ теперь на значеніе ихъ до-

¹⁾ Соловьевъ, XVII, 363; нѣсколько иначе у Кампредона—*Сборникъ Истор. Общ.*, XI, 226—227.

несеній и вообще документовъ, помѣщенныхъ въ 40-мъ томѣ Сборника.

Довольно часто и подробно, въ особенности въ донесеніяхъ де-Лави, говорится о военныхъ операціяхъ, происходившихъ въ послѣднее время Сѣверной войны, объ опустошеніи Швеціи русскими войсками и т. д. Въ началѣ 1719 года въ Петербургѣ еще не знали о кончинѣ Карла XII. Де-Лави писалъ 20-го января: „Нѣсколько времени тому назадъ царь пилъ за здоровье Шведскаго короля. Одинъ изъ его любимцевъ спросилъ его, зачѣмъ онъ пьетъ за здоровье своего врага, на что Его Величество отвѣтилъ, что тутъ его собственный интересъ, такъ какъ куда король живъ, онъ постоянно будетъ ссориться со всѣми“. Затѣмъ въ депешѣ де-Лави отъ 23-го января сказано: „На послѣднемъ праздникѣ Его Ц. В. провозгласилъ тостъ за то, чтобы 1719 годъ былъ также замѣчательнъ и счастливъ, какъ и годъ 1709, на вѣки памятный битвой подъ Полтавою... Смерть Шведскаго короля составляетъ предметъ всѣхъ нашихъ разсужденій здѣсь. Ганноверскій резидентъ спросилъ Его Величество на послѣдней ассамблеѣ, долженъ ли онъ привести поздравленіе или же выраженіе сожалѣнія, по случаю этого великаго событія. Царь пожалъ плечами и отвѣчалъ: „Не знаю самъ. Я желаю только, чтобы все послужило ко благу общаго дѣла“ (стр. 8—9).

Съ особеннымъ вниманіемъ де-Лави и Камиредонъ слѣдили за развитіемъ силъ и средствъ Россіи. Де-Лави писалъ: „Русскіе солдаты были бы непобѣдимы, еслибъ ихъ офицеры равнялись имъ по достоинству“ (стр. 56). Въ другой депешѣ: „Замѣчательно, что, не смотря на огромные расходы, которыхъ война, съ самаго начала, стоила царю, этотъ монархъ ничего не долженъ и имѣетъ огромные запасы серебра въ крѣпости; нѣкто, заслуживающій довѣрія, разказывалъ мнѣ, что самъ видѣлъ погреба, наполненные этимъ металломъ, и что по мѣрѣ того, какъ царскіе чиновники берутъ его для разныхъ надобностей, взятыя суммы скоро снова пополняются изъ провинціальныя и таможенныя доходовъ“ (стр. 99).

Камиредонъ, пріѣхавъ въ Россію, скоро убѣдился въ томъ, что царь, располагая столь значительными средствами, имѣетъ право настаивать на выгодныхъ для него условіяхъ мира. Весьма подробно объяснялъ онъ въ своемъ донесеніи отъ 14-го марта совершенную невозможность успѣха при наступательныхъ дѣйствіяхъ на Россію (стр. 183). Все это, разумѣется, должно было лишить Францію надежды путемъ посредничества обезпечить интересы Швеціи. Надежда на дѣйствія

англійскаго флота противъ Россіи оставалась тщетною. Соглашеніе между Швеціей, Англіей и Франціей (стр. XXV) не могло повести къ желанной цѣли. Напрасно король Георгъ I въ запискѣ къ императору выставлялъ на видѣ, что нельзя допускать царя сдѣлаться полновластнымъ владыкой Балтійскаго моря, предписывать законы Швеціи и Польшѣ и стать въ такое близкое сосѣдство съ Германіей, чтобъ имѣть возможность нарушить спокойствіе имперскихъ князей и проч. (стр. XXVIII)

Петръ, съ своей стороны, предпочиталъ медицію Франціи вмѣшательству въ дѣла Сѣвера императора и Англій. Это обстоятельство и заставило французское правительство отправить Кампредона въ Петербургъ. Министры Петра категорически объявили французскому дипломату, что царь собственноручнымъ письмомъ и чрезъ своихъ министровъ объяснилъ герцогу Орлеанскому, на какихъ условіяхъ согласенъ заключить миръ, и не видитъ причины измѣнять свои намѣренія; а если шведы предпочитаютъ войну миру на этихъ условіяхъ, то царь готовъ продолжать ее. На предложеніе Кампредона удовольствоваться Вексгольмскою областью до рѣки Систербека, Петербургомъ и Ингріей съ Нарвою царскіе министры отвѣчали только смѣхомъ (стр. LIV). Въ Петербургѣ очень хорошо знали объ отчаянномъ положеніи Швеціи.

Все это доставляло Петру значительныя выгоды. А между тѣмъ военныя приготовленія Россіи шли своимъ чередомъ. Не даромъ Петръ въ бесѣдѣ съ Кампредономъ сказалъ однажды, что онъ все ему уступленное оставитъ за собою, и прибавилъ смѣясь, что Господь наказалъ бы его, еслибъ онъ, изъ желанія сдѣлать удовольствіе другому, отдѣлилъ отъ своей имперіи плоды столькихъ трудовъ, крови и денегъ (стр. 179). Кампредонъ писалъ: „Если зрѣло и безпристрастно разсмотрѣть вещи, то оказывается, что Швеціи нѣтъ иного выбора, какъ уступить на время и оправдаться отъ своихъ потерь впоследствии, когда обстоятельства будутъ тому благоприятствовать“ (стр. 184). „Проектъ коалиціи противъ царя“— сказано въ другой депешѣ Кампредона— „безусловно невыполнимъ, и деньги, употребленныя съ этою цѣлью, были бы брошены въ воду“ (стр. 195). Убѣдившись, что нельзя надѣяться на заключеніе мира, хотя сколько-нибудь выгоднаго для Швеціи, Кампредонъ считалъ своимъ долгомъ дѣйствовать на шведское правительство въ духѣ уступчивости и миролюбія (стр. 221). Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе французскаго дипломата въ Петербургѣ въ февралѣ и мартѣ 1721 года содѣйство-

вало заключенію мира приведеніемъ въ ясность выгоднаго положенія, въ которомъ находилась Россія въ это время.

Опаснѣе, чѣмъ Швеція, была для Россіи въ послѣднее время Сѣверной войны Англія. Король желалъ изгнать царя изъ Балтійскаго моря (стр. XXXV). Но разстройство финансовъ помѣшало англичанамъ дѣйствовать наступательно противъ Россіи (стр. XXXIX и LIV). Съ самаго начала Сѣверной войны Англія и Голландія оказывались недоброжелателями Россіи. Но Петръ зорко слѣдилъ за дѣйствіями Англіи и зналъ, что она желала помѣшати миру (стр. 250). Предъ самымъ заключеніемъ Ништатскаго договора де-Лави доносилъ: „Русскіе побиваются, какъ бы и другая какая-нибудь держава не присоединилась къ королю Великобританскому въ пользу шведовъ“ (стр. 269). Послѣ заключенія мира Кампредонъ писалъ о сильномъ гнѣвѣ Петра на Англію. Въ декабрѣ 1721 года Шафировъ говорилъ Кампредону: „Повѣрьте, король Англійскій очень ошибается, если воображаетъ, будто царь станетъ въ немъ заискивать... Мы его не боимся нисколько, и еслибы не вниманіе наше къ его тѣсной дружбѣ съ Франціей, которой мы многимъ обязаны, мы уже приняли бы инныя мѣры, и королю Англійскому пришлось бы, можетъ быть, очень плохо“ и проч. (стр. 381).

Къ тому же времени относится и нѣкоторое охлажденіе между Петромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ I вслѣдствіе вліянія Англіи на Пруссію (стр. XII). Въ 1719 году отправленъ былъ въ Берлинъ Толстой. Де-Лави доносилъ: „Поѣздка его устроена тѣмъ поспѣшнѣе, что опасаются, какъ бы переговоры какой-нибудь другой державы не отняли выгодъ, которыя здѣшній дворъ извлекалъ изъ своихъ добрыхъ отношеній съ берлинскимъ“ (стр. 36). Впрочемъ, прусскій посланникъ Мардефельдъ довольно энергично содѣйствовалъ заключенію мира и потому сильно старался лично сблизиться съ Кампредономъ. Кампредонъ писалъ въ мартѣ 1721 года: „Не подлежитъ сомнѣнію, что царь и король Прусскій сблизились тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, и Мардефельдъ здѣсь любимый министръ“ (стр. 82).

Дружескія отношенія Кампредона къ Мардефельду возбудили однако неудовольствіе во Франціи, и кардиналъ Дюбуа, въ письмѣ отъ 25-го апрѣля 1721 года, упрекаетъ Кампредона по этому случаю (стр. 239). Мы не знаемъ, что отвѣтилъ Кампредонъ на эти упреки; но когда онъ возвратился изъ Швеціи въ Петербургъ, то опять возобновилъ дружескія сношенія съ прусскимъ дипломатомъ.

По крайней мѣрѣ Мардефельдъ ухаживалъ за Кампредономъ, равно какъ и посоль императора графъ Кинскій (стр. 320).

При натянутыхъ отношеніяхъ между Франціей и Австріей, графъ Кинскій сверва съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относился къ Кампредону. Карлъ VI старался имѣть вліяніе на русскія дѣла, дѣйствовалъ подкупомъ на нѣкоторыхъ русскихъ сановниковъ и желалъ противодѣйствовать вліянію Франціи. Браунгшвейгскій конгрессъ, состоявшійся подъ вліяніемъ Карла VI, не имѣлъ успѣха. Петръ предпочиталъ медиацию Франціи сближенію съ Австріей. Все это заставляло Кампредона дѣйствовать крайне осторожно относительно Кинскаго. Сначала онъ даже затруднялся приглашать къ себѣ графа Кинскаго: затѣмъ, однако, завязались между ними болѣе близкія отношенія, чѣмъ не мѣшало обоимъ дипломатамъ слѣдить другъ за другомъ (стр. 354, 388, 402, 403).

Вообще же, во все это время положеніе Кампредона при русскомъ дворѣ было довольно выгодное. Онъ содѣйствовалъ заключенію Ништатскаго мира, и потому на него было обращено нѣкоторое вниманіе при празднествахъ по этому случаю, о чемъ Кампредонъ не замедлилъ сообщить своему правительству (стр. 297—301, 305).

Въ недавно вышедшемъ сочиненіи Вандала (Vandal): „Louis XV et Elisabeth“ (Paris. 1882), сообщены нѣкоторыя данныя о желаніи царя выдать замужъ одну изъ своихъ дочерей или за Французскаго короля, или за одного изъ его родственниковъ. Переговоры по этимъ вопросамъ относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія Петра. Французское правительство къ этимъ планамъ относилось съ холодною, такъ что положеніе Кампредона при петербургскомъ дворѣ сдѣлалось вслѣдствіе того недовкимъ. Главные переговоры по этому вопросу происходили между Петромъ и Кампредономъ уже въ 1722 году, такъ что въ 40-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества включаются лишь данныя, относящіяся къ началу этихъ переговоровъ. Такъ въ сентябрѣ 1721 года де-Лави писалъ: „Многіе думаютъ здѣсь, что царскому министру въ Парижѣ поручено предложить одну изъ дочерей царя въ невѣсты королю. Это говорятъ о младшей, а старшую прочать, по слухамъ, за принца Астурійскаго“ (стр. 268). Кампредонъ писалъ въ ноябрѣ 1721 года о слѣдующихъ „инсинуаціяхъ“ Шафирова: „Чтобъ окончательно привлечь царицу на нашу сторону, желательно было бы устроить бракъ младшей дочери царя, очень милой и очень хорошенькой особы, съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, котораго легко бы, а при могуществѣ царя даже навѣр-

ное можно бы сдѣлать Польскимъ королемъ" (стр. 304). Кампредонъ не придавалъ особеннаго значенія этимъ разговорамъ и избѣгалъ болѣе подробныхъ объясненій. Однако слухи объ этомъ проектѣ не прекращались. Въ депешѣ Кампредона отъ 1-го декабря 1721 года сказано: „Здѣсь начинаютъ льстить себя надеждой на какой-нибудь брачный союзъ съ французскимъ домомъ съ тѣхъ поръ, какъ Кинскій увѣрился, будто ему положительно извѣстно, что Бель-Иль ѣдетъ сюда просить руки старшей принцессы русской для герцога Шартрскаго.“ (стр. 344). Въ донесеніи Кампредона отъ 15-го декабря сказано о Румянцевѣ и Ягужинскомъ: „Эти министры убѣждены, что ведутся переговоры о бракѣ герцога Шартрскаго съ старшею дочерью царя“ (стр. 396) и проч.

Довольно щекотливымъ вопросомъ сдѣлался императорскій титулъ, принятый Петромъ, послѣ заключенія Ништатскаго мира. Между тѣмъ какъ Пруссія и Нидерланды тотчасъ же признали царя императоромъ, другія державы, а въ томъ числѣ и Франція, были недовольны этою переименовкою. Во Франціи регентъ сказалъ Долгорукому: „Дѣло такой важности, что надобно о томъ подумать“¹⁾. Кампредонъ сильно испугался требованія Петра касательно императорскаго титула. Онъ писалъ кардиналу Дюбуа: „Вотъ неожиданное, но большое затрудненіе для меня, и я умоляю в. в. немедленно же извѣстить меня, какъ я долженъ поступать въ этомъ отношеніи“ (стр. 290). Сообщая о конференціи, которую онъ имѣлъ съ Шафировымъ о разныхъ дѣлахъ, Кампредонъ, въ своей депешѣ отъ 10-го ноября 1721 г., сообщаетъ слѣдующія довольно любопытныя подробности: „Когда я уже сталъ прощаться съ этимъ министромъ, онъ мнѣ сказалъ, что бумаги, лежація у него на столѣ, суть письма многихъ королей и республикъ, титуловавшихъ царя именемъ императора, что монархъ изъ скромности до сихъ поръ не требовалъ этого отъ другихъ, но теперь надѣется, что король не откажетъ ему въ этомъ титулѣ, такъ какъ онъ уже титулуетъ его „автократомъ“, что обозначаетъ то же самое, только на другомъ языкѣ. Засимъ онъ показалъ мнѣ письмо императора Максимилиана I, отъ 1514 года, въ которомъ онъ называетъ царя Василія Іоанновича императоромъ всея Россіи. Потомъ показалъ еще письмо Испанскаго короля, отъ 1718 года, короля Англійскаго и Венеціанской республики, отъ того же года, въ которыхъ во

¹⁾ Соловьевъ, XVIII, 120.

всѣхъ употребленъ тотъ же титулъ, и присовокупилъ, что мнѣ будетъ сдѣлано формальное заявленіе о томъ, что царь желаетъ получить отнынѣ этотъ титулъ отъ всѣхъ державъ, съ которыми будетъ состоять въ какихъ-либо сношеніяхъ. Я сказалъ ему, что все, что я могу сдѣлать въ этомъ случаѣ, это сообщать обо всемъ е. к. в.* (стр. 317; ср. стр. 338—339). Кампредонъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ Мардефельдомъ и Кинскимъ. Прусскій дипломатъ отвѣчалъ, что король Фридрихъ-Вильгельмъ I, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ царемъ, несомнѣнно согласится давать ему титулъ императора, тѣмъ болѣе, что царь, по увѣренію его министра, не претендуетъ ни на какія новыя прерогативы, ни на преимущества предъ другими королями. Иначе смотрѣлъ на это дѣло Кинскій, который объявилъ, что булла Максимилиана I есть документъ фальшивый и нимало не правдоподобный, и что Карлъ VI не признаетъ этого титула ни за кѣмъ инымъ, ни даже за султаномъ. Къ этому Кинскій прибавилъ, что „москвиты черезчуръ возгордились со времени заключенія мира“ и проч. (стр. 345). 12-го декабря Кампредонъ писалъ: „Мардефельдъ получилъ вчера приказъ признать императорскій титулъ за царемъ, и Прусскій король боится, какъ бы это не поссорило его еще больше съ императоромъ“ (стр. 393). Но вопросъ о признаніи Петра императоромъ со стороны Франціи оставался открытымъ, и признаніе послѣдовало только въ 1745 году.

Въ то же время безпокою Францію пребываніе въ Петербургѣ герцога Гольштинскаго. Проектъ Екатерины—женить его на принцессѣ Аннѣ, которую, какъ казалось, Петръ хотѣлъ сдѣлать своею наследницею, сильно не понравился французскому правительству. Къ тому же герцогъ ожидалъ, что покровительство Петра поможетъ ему добиться признанія его наследникомъ шведской короны и получить отъ Швеціи вознагражденіе за герцогство Шлезвигское, оставшееся во владѣніи Датскаго короля (стр. LXXIV). Такимъ образомъ, гольштинскій вопросъ значительно содѣйствовалъ усложненію русско-французскихъ отношеній.

Де-Лави въ маѣ 1720 года доносилъ о приѣздѣ въ Петербургъ гольштинскаго дипломата Штамке, имѣвшаго порученіе просить руки старшей дочери царя для герцога Карла-Фридриха (стр. 94). Вскорѣ узнали подробности о переговорахъ, въ которыхъ шла рѣчь не только о родственномъ союзѣ, но и о возстановленіи герцога въ его владѣніяхъ и о его будущемъ наследованіи шведской короны (стр. 132). Въ мартѣ 1721 года Кампредонъ писалъ: „Главнѣйшій пунктъ моей

инструкціи предписываетъ мнѣ убѣдить царя отказаться отъ намѣренія передать Эстонию и Ливонию герцогу Гольштинскому съ тѣмъ, чтобы выдать за него замужъ старшую дочь и принудить Швецію провозгласить его наследникомъ престола“ (стр. 179).

И самъ Петръ, и министры его неоднократно старались успокоить Кампредона, увѣряя его, что гольштинскій проектъ не имѣетъ особеннаго значенія. Такъ, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ 1721 году, Кампредонъ имѣлъ разговоръ, о которомъ сказано въ донесеніи французскаго дипломата слѣдующее: „Царь отвелъ меня въ сторону, подалше отъ своихъ министровъ, и сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ довѣрить мнѣ нѣчто, чего ни одинъ изъ нихъ не знаетъ еще; а именно то, что онъ не связанъ еще никакими обязательствами съ герцогомъ Гольштинскимъ и никогда ничего подобнаго не сдѣлаетъ, если миръ состоится скоро“ (стр. 227). Кампредонъ однако не переставалъ беспокоиться и замѣтилъ между прочимъ: „Если Швеція не согласится на предъявленныя царемъ условія, онъ употребитъ герцога Гольштинскаго на ея погибель. Большое заблужденіе—мысль, будто онъ дастъ ему Ливонію, которая тогда снова вернется къ Швеціи; нѣтъ, герцогъ будетъ въ ней, по самой большой мѣрѣ, вице-королемъ и всегда готовымъ орудіемъ для разжиганія внутреннихъ раздоровъ и междоусобицы въ Швеціи“ (стр. 229).

Вообще въ переговорахъ между Кампредономъ и русскими сановниками неоднократно шла рѣчь о герцогѣ Карлѣ-Фридрихѣ (см., напримѣръ, стр. 292); однако нельзя было узнать что-либо положительное о намѣреніяхъ царя. „Я сомнѣваюсь“, писалъ Кампредонъ,— „чтобы царь сталъ хлопотать о дѣлѣ герцога. Онъ видимо привлекъ его къ себѣ единственно для того, чтобы держать въ рукахъ пугало, страшая которымъ, можно было заставить Швецію поскорѣе заключить миръ“. Къ этому прибавлено извѣстіе о намѣреніи царя выдать Анну за одного изъ Нарышкиныхъ (стр. 295). И бесѣды Кампредона съ гольштинскимъ министромъ Бассевичемъ не могли привести въ ясность вопросъ о намѣреніяхъ царя. Однако французскій дипломатъ изъ всѣхъ собранныхъ имъ свѣдѣній вывелъ заключеніе, что Франція должна была всѣми мѣрами противодѣйствовать проектамъ Петра относительно герцога (стр. 320, 387—388).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что вопросъ о престолонаслѣдствіи въ Россіи долженъ былъ казаться весьма важнымъ для западно-европейскихъ державъ. О кандидатурѣ Екатерины на престолъ еще не было въ 1721 году рѣчи. Кампредонъ писалъ о ней: „Что касается

до царицы, то хотя царь по прежнему очень ласковъ къ ней и нѣжно любить принцессу, дочерей ея, но она не имѣетъ никакого вліянія на дѣла, въ которыя никогда не вмѣшивается. Всѣ ея заботы посвящены старанію сохранить любовь царя, отвлечь его, на сколько въ ея силахъ, отъ вина и отъ другихъ излишествъ, сильно подорвавшихъ его здоровье, и смягчить его готовый разразиться надъ кѣмъ-нибудь гнѣвъ. Эта государыня хорошо знаетъ что можетъ произойти, если она переживетъ царя, и старается создать себѣ креатуръ и заслужить себѣ любовь высшихъ сановниковъ. Говорятъ даже, что многіе и любятъ ее за ласковое обращеніе и за милосердіе: но она знаетъ, что всѣ ихъ заявленія почтенія и преданности дѣлаются единственно благодаря абсолютной власти монарха, и потому страстно желаетъ видѣть хоть одну изъ своихъ дочерей хорошо пристроенною и выданною за мужъ за какого-нибудь государя, который могъ бы оказать ей покровительство" (стр. 187).

Такимъ образомъ, вопросъ о выборѣ мужа для Анны Петровны представлялся очень важнымъ. Кампредонъ писалъ по этому поводу: „Царь сдѣлаетъ все на свѣтѣ для сохраненія введенныхъ имъ учрежденій и послѣ его смерти. Это главная цѣль его дѣйствій, какъ понятно изъ его намѣренія сдѣлать наслѣдницей его старшую дочь, давъ ей въ мужья государя, способнаго управлять, послѣ его смерти, руководствуясь тѣми же принципами, которые онъ преподастъ ему при жизни своей" (стр. 375).

Былъ, однако, еще другой кандидатъ на престолъ—сынъ покойнаго царевича Алексѣя, Петръ Алексѣевичъ. О немъ во французскихъ документахъ говорится очень часто. Изъ разказовъ де-Лави и Кампредона видно, что внучъ Петра Великаго, которому тогда было лишь нѣсколько лѣтъ, занималъ при русскомъ дворѣ довольно видное мѣсто, и далѣе, что императоръ Карлъ VI не переставалъ заботиться о правахъ царевича, своего родственника. Лѣтомъ 1719 года де-Лави писалъ: „Въ лѣтнемъ царскомъ дворцѣ готовится помѣщеніе для сына покойнаго наслѣдника, котораго величаютъ теперь великимъ княземъ Московскимъ. Многіе думаютъ, что это дѣлается съ цѣлью не допустить, чтобы тайные недовольные въ этомъ государствѣ не похитили его, въ отсутствіе царя и утвердили за нимъ московскую корону послѣ смерти дѣда" (стр. 40). Вскорѣ послѣ этого де-Лави писалъ: „Надѣются, что по возвращеніи Е. И. В., великій князь, сынъ покойнаго царевича Алексѣя Петровича, будетъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола, и что это послужитъ

дѣйствительнымъ средствомъ возстановить доброе согласіе между здѣшнимъ дворомъ и императоромъ, который, вслѣдствіе связей крови, нѣкоторымъ образомъ вынужденъ принять его сторону. Достоверно, что съ тѣхъ поръ, какъ юный принцъ помѣщенъ въ лѣтнемъ дворцѣ, вмѣстѣ съ принцессой, сестрой своею, итать его прислуги увеличенъ, и съ нимъ очень милостиво обращаются Ея Величество и принцессы, ея дочери. Онъ кажется вполне достойнымъ ихъ любви, потому что, кромѣ того, что это одинъ изъ самыхъ красивыхъ принцевъ, какихъ только можно встрѣтить, онъ обладаетъ чрезвычайною миловидностью, необыкновенною живостью и выказываетъ рѣдкую въ такіе молодые годы страсть къ военному искусству" (стр. 46).

Въ октябрѣ 1721 года де-Лави писалъ о празднованіи дня рожденія Петра Алексѣевича: „Прежде этотъ день никогда не праздновали; нынче это сдѣлано въ первый разъ, какъ полагаютъ, вслѣдствіе пребыванія здѣсь императорскаго министра, графа Кинскаго... юный князь подаетъ большія надежды на будущее“ (стр. 274). Около того же времени Кампредонъ доносилъ: „Узнаю сейчасъ изъ вѣрнаго источника, что графъ Кянскій предлагаетъ здѣсь назначить на слѣдникомъ престола маленькаго принца, племянника императора“ (стр. 302; ср. стр. 341, 354—355).

Такимъ образомъ, вопросъ о престолонаслѣдіи въ Россіи имѣлъ, такъ-сказать, международное значеніе. Гольштинскій бракъ, съ одной стороны, и возведеніе на престолъ Петра Алексѣевича, съ другой, были предметомъ переговоровъ между иностранными дипломатами и русскими сановниками. Проекты Петра относительно Анны и герцога Карла-Фридриха сильно не нравились Даніи, Швеціи, Франціи; старанія Карла VI дѣйствовать въ пользу внука Петра возбуждали гнѣвъ царя и содѣйствовали холодности въ отношеніяхъ между Россіей и Австріей (стр. 396). Обо всемъ этомъ во французскихъ документахъ встрѣчаются болѣе или менѣе любопытныя данныя.

О личности самого Петра въ донесеніяхъ де-Лави и Кампредона говорится весьма часто и довольно подробно. И тотъ, и другой были весьма высокаго мнѣнія о царѣ. Громадность плановъ преобразователя не могла не произвести глубокаго впечатлѣнія на французскихъ дипломатовъ.

Кампредонъ писалъ въ мартѣ 1721 года: „Царь порѣшилъ въ умѣ изъ конца въ конецъ измѣнить духъ, нравы и обычаи своей націи. Дѣлами онъ занимается съ неутомимымъ рвеніемъ и знаетъ и пони-

маеть ихъ лучше всѣхъ своихъ министровъ. Онъ присутствуетъ теперь на всѣхъ совѣщаніяхъ, и такъ какъ онъ знаетъ, что его не особенно любятъ, то часто поднаиваетъ тѣхъ, чьи секреты хотеть вывѣдать... Деньщики доносятъ ему обо всемъ, что происходитъ особеннаго въ частной жизни его подданныхъ. Онъ ласковъ со всѣми, а преимущественно съ солдатами, большую часть которыхъ составляютъ дѣти князей и бояръ, служащіе ему какъ бы залогомъ вѣрности своихъ отцовъ" (стр. 181).

О неустанной дѣятельности Петра, о цѣлесообразности принимаемыхъ имъ мѣръ Кампредонъ замѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: „Онъ часто собственноручно принимается за работу (напримѣръ, на верфяхъ), а повинуются ему съ покорностью невыразимую, и всѣ обваденія стоятъ ему неизмѣримо дешевле, чѣмъ другому, такъ какъ ему приходится платить только за материалы и конструкторамъ, все же остальное дѣлаютъ его солдаты... Если этотъ государь проживетъ еще лѣтъ десять, его могущество сдѣлается опаснымъ даже для самыхъ отдаленныхъ державъ. Хотя я мало времени пробылъ здѣсь, но достаточно могу судить, что онъ осторожно поступаетъ съ нами единственно ради своихъ интересовъ и чтобы добиться своихъ цѣлей, и какъ бы онъ ни принималъ иностранцевъ—въ дружескихъ ли сношеніяхъ, по дѣламъ ли торговли, но они никогда не добьются отъ него никакихъ выгодъ иначе, какъ если царь убѣдится, что они нужны ему" (стр. 210). Немногимъ позже Кампредонъ доноситъ о желаніи Петра заключить миръ: „Его цѣль посвятить всего себя выполненію труднаго и великаго плана внутренняго переустройства своего государства и прочнаго основанія торговли" (стр. 221). И де-Лави писалъ о такихъ намѣреніяхъ царя: „Если царь сохранить миръ съ сосѣдами, то онъ, надо полагать, предприметъ большія реформы въ войскахъ и посвятитъ все свое вниманіе возстановленію торговли, находящейся теперь въ упадкѣ, постаравшись возбудить въ своихъ подданныхъ соревнованіе и приохотить ихъ къ неизвѣстному доселѣ въ его государствѣ дѣлу ввѣшной торговли. Въ послѣднемъ случаѣ онъ заставитъ своихъ подданныхъ вступать въ ассоціацію съ иностранцами, учиться у нихъ и образовывать конторы, кои могли бы заводить сношенія" (стр. 350).

Весьма любопытенъ слѣдующій разказъ Кампредона въ его депешѣ отъ 24-го ноября 1721 года: „На дняхъ царь далъ чрезвычайно великодушный отвѣтъ сенату. Сенаторы, превознося его похвалами за миръ, намекнули, что теперь царь могъ бы уменьшить нѣсколько

расходы и облегчить тяготы своихъ подданныхъ, удаливъ со службы большую часть иностранныхъ офицеровъ, получающихъ весьма значительное содержаніе. Царь выслушалъ ихъ очень спокойно и затѣмъ сказалъ, что за миръ они должны прежде всего благодарить Бога, а онъ, царь, только содѣйствовалъ ему своими неусыпными трудами и заботами; что хотя они, сенаторы, и прославляютъ его за то, что онъ изъ ничего создалъ многое, но имъ не безызвѣстно, что онъ главнымъ образомъ обяванъ этимъ иностранцамъ, и потому предоставляеть имъ самимъ разсудить, какое мнѣніе должно составиться о нихъ въ свѣтѣ, если по заключеніи мира, купленного ихъ трудами, ихъ жизнью, положенною на служеніе Россіи, и ранами, полученными ими за нее, русскіе прогонять иностранцевъ, предоставивъ имъ доживать, гдѣ знаютъ, свой вѣкъ въ нуждѣ и въ справедливыхъ жалобахъ на встрѣченную ими вопіющую неблагодарность. Что касается до него, то онъ не проговоритъ ни одного изъ этихъ офицеровъ и имѣеть достаточно средствъ, чтобы содержать ихъ всѣхъ. „А если“, спросилъ одинъ изъ сенаторовъ, — „нѣкоторые сами будутъ просить отставки, развѣ и такимъ будетъ отказано въ паспортѣ?“ „Удерживать противъ воли я не буду никого“, отвѣчалъ царь, — „но я запрещаю вамъ кому бы то ни было выдавать паспортъ прежде, чѣмъ лицо, для коего таковой назначается, не объяснитъ мнѣ лично причину, заставляющихъ его просить отставки“. Разказывая объ этомъ, Кампредонъ прибавляетъ: „Ничто не можетъ быть ни великодушнѣе, ни разумнѣе таваго распоряженія въ странѣ, гдѣ всѣ дѣла совершаются путемъ ябеды и подвоховъ“ (стр. 366).

Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили иностранцы за антагонизмомъ между Петромъ и его подданными. Въ запискѣ Ледрана сказано: „Хотя и нѣтъ сомнѣнія, что большинство московитовъ вздыхаютъ о мирѣ, и почти всѣ бояре и офицеры сильно недовольны тѣмъ, что ихъ принуждаютъ служить въ чуждой странѣ¹⁾, гдѣ они разоряются и приходить въ отчаяніе отъ образа жизни, совершенно противоположнаго ихъ древнимъ обычаямъ, но пока царь живъ, онъ будетъ поступать по своему, не смотря ни на что, и всѣмъ этимъ людямъ нѣтъ иного выхода, какъ или смерть, или подчиненіе волѣ государя“ (стр. LVII). Де-Лави доносилъ въ февралѣ 1719 года: „Въ Москвѣ въ народѣ господствуетъ великое смущеніе, причиняемое насильствен-

¹⁾ То-есть, въ Петербургѣ.

нымъ взыскаіемъ 640,000 руб., которые царь потребовалъ отъ тамошняго губернатора, угрожая ему наказаніемъ, если эта сумма не будетъ представлена въ два или въ три мѣсяца... Губернаторъ совершаетъ неслыханныя насилія и продолжаетъ разорять область... часть жителей покидаетъ жилища и удаляется въ другія области" (стр. 16). Въ мартѣ 1719 г. де-Лави писалъ: „Бригадиръ Лефортъ, ѣздившій въ Данцигъ, привезъ сюда двухъ государственныхъ плѣнниковъ, которыхъ онъ захватилъ въ Польшѣ... Утверждаютъ, будто первый слишкомъ свободно говорилъ о царѣ и его правленіи... Ихъ помѣстили въ крѣпости, гдѣ они пробудутъ до возвращенія царя, послѣ чего ихъ подвергнутъ пыткамъ" (стр. 21). Лѣтомъ 1719 г. де-Лави писалъ о раздраженіи въ Москвѣ: „Русскіе ставятъ иностранцамъ въ вину всѣ великія преобразованія царя, хотя оныя и направлены ко благу государства и къ содѣланію собственнаго ихъ положенія болѣе счастливымъ" (стр. 38). Въ апрѣлѣ 1720 г.: „Мнѣ передавали, что одинъ офицеръ-морякъ имѣлъ смѣлость написать царю въ Олоонецъ письмо, въ которомъ упрекаетъ его за изданіе новыхъ законовъ, вредныхъ интересамъ его и его подданныхъ, утверждаетъ, что онъ вообще не имѣлъ права издавать никакихъ законовъ безъ согласія московскаго земскаго собора, и такія свои соображенія доказываетъ государю рядомъ весьма свободныхъ разсужденій" и пр. (стр. 83). Слухи объ арестованіи разныхъ государственныхъ преступниковъ возобновлялись постоянно (стр. 120, 165). Случаи взрывовъ народнаго неудовольствія не прекращались. Въ запискѣ о доходахъ царя, отъ 1723 года, говорится о рекрутскомъ наборѣ и о страшной смертности въ арміи. Здѣсь сказано: „Ихъ (то-есть, рекрутовъ) отъ голода и холода гибнетъ больше, чѣмъ на войнѣ, и одинъ рекрутѣ приходится на двадцать крестьянскихъ семей". Наборы матросовъ, рабочихъ всякаго рода—каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ—были также чрезвычайно тягостны для народа. „Другихъ ремесленниковъ", сказано далѣе, — „какъ-то: часовщиковъ, ювелировъ, слесарей, портныхъ и пр. берутъ всюду, гдѣ найдутъ, и привозятъ въ Петербургъ, гдѣ имъ ведутся списки... Если они не дѣлаютъ успѣховъ въ своемъ ремеслѣ, то ихъ наказываютъ, а въ случаѣ упорства въ невѣжествѣ лишаютъ жалованья и ссылаютъ на галеры". О рабочихъ при постройкѣ городовъ и крѣпостей, о солдатахъ и матросахъ сказано: „Насчитываютъ, что на работахъ крѣпостей и Ладожскаго и Кронштадтскаго каналовъ погибло болѣе 150,000 крестьянъ, да болѣе 500,000 на войнѣ и на флотѣ. Поэтому во многихъ провинціяхъ мужское насе-

леніе рѣдѣеть, и преобладають женщины и дѣти во множествѣ*. Далѣе говорится о томъ, какъ много терпитъ народъ при собираніи налоговъ, о печальномъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, объ увеличеніи числа раскольниковъ вслѣдствіе повсемѣстнаго недовольства, о невниманіи къ интересамъ народа со стороны чиновниковъ, объ образованіи большихъ шаекъ разбойниковъ, имѣвшихъ патроновъ и покровителей среди придворныхъ вельможъ, съ которыми они дѣлятся добычей, награбленною у прочихъ подданныхъ и пр. „Можно, конечно, найти страннымъ“, замѣчаетъ авторъ записки, — „что царь, вообще такой заботливый и проницательный, не положитъ предѣла подобнымъ злоупотребленіямъ; но это удивленіе пройдетъ, когда узнають, что источники злоупотребленій безконечно разнообразны, и глубину ихъ также трудно изслѣдовать, какъ воды океана“ (стр. 462—466).

Въ виду всего этого, вельзя удивляться тому, что среди иностранцевъ не считали прочнымъ дѣло преобразованія Россіи. И де-Лави, и Кампредонъ ожидали реакціи противъ мѣропріятій Петра послѣ его кончины. На этотъ счетъ достойны вниманія слѣдующія замѣчанія въ депешахъ французскихъ дипломатовъ.

Въ самомъ началѣ 1719 года, то-есть, въ то время, когда былъ еще живъ царевичъ Петръ Петровичъ¹⁾, де-Лави писалъ: „Надобно желать, чтобы Господь сохранилъ этого монарха до совершеннолѣтія его наслѣдника. Иначе мы имѣемъ полное основаніе опасаться, что если смерть наступитъ его равнѣ, то намъ придется увидать, какъ всѣ его великія преобразованія уничтожатся, и иностранцы подвергнутся смертельной опасности, потому что не слѣдуетъ сомнѣваться, что русскіе, которые ненавидятъ подобнаго рода нововведенія, хотя они имъ въ высшей степени полезны, приписываютъ ихъ иностранцамъ и стремятся отомстить послѣднимъ, уничтоживъ первыхъ“ (стр. 5). Лѣтомъ 1719 г. де-Лави писалъ о намѣреніи Петра назначить свою старшую дочь наслѣдницею престола. Къ этому прибавлено: „Но настоящая война не позволяетъ ему принять соотвѣтствующія мѣры, ибо онъ подвергъ бы этимъ большимъ неудобствамъ свою семью, въ случаѣ, еслибы смерть застигла его прежде заключенія мира и въ то время, какъ лишь наружное спокойствіе господствуетъ между вер-

¹⁾ Онъ умеръ въ концѣ апрѣля 1719 года. Въ настоящей коллекціи нѣтъ депешъ де-Лави между 7-мъ апрѣля и 4-мъ мая. Странно, что въ послѣдней депешѣ не упомянуто о кончинѣ царевича, случившейся за недѣлю до того.

ховниками* (стр. 33). Говоря о ненависти русскихъ къ иностранцамъ, де-Лави пишетъ: „Его царское величество, прекрасно понимая дурной нравъ своихъ подданныхъ и лучше всѣхъ зная, какъ слѣдуетъ управлять ими, не могъ воздержаться, чтобы не высказать, передъ отъѣздомъ, довольно рѣзко своихъ чувствъ князю Меншикову и генералъ-адмиралу. Перваго онъ укорялъ, что его болѣзнь—одно притворство, чтобы только не идти на войну, второму же сказалъ: „Хотя ты всегда одобрялъ мои дѣйствія, въ особенности по отношенію къ флоту, но я все же читаю въ твоемъ сердцѣ, что умри я прежде тебя, ты одинъ изъ первыхъ осудишь все, что я слѣлалъ, и“—прибавилъ онъ—,еслибы Шведская королева также хорошо знала васъ, какъ я, она согласилась бы на миръ и уступила мнѣ все, что я желаю сохранить, потому что послѣ моей смерти вы — я убѣжденъ — откажетесь отъ завоеванныхъ мною земель и даже согласитесь, лишь бы вернуться къ своему прежнему житію, уничтожить этотъ городъ и флотъ, которые стоили мнѣ столько крови, денегъ и труда“ (стр. 38).

• Происходилъ ли въ самомъ дѣлѣ такой разговоръ между Петромъ и Апраксинимъ—мы не знаемъ. Но можно считать вѣроятнымъ, что въ разказѣ французскаго консула есть нѣкоторая доля правды. И Кампредонъ былъ убѣжденъ въ томъ, что тотчасъ же послѣ кончины Петра все должно будетъ измѣниться въ Россіи (см. стр. 266). Говоря о желаніи Петра заключить миръ съ Швеціей, чтобы приступить ко внутреннимъ реформамъ, французскій дипломатъ прибавляетъ: „Все это продержится до сихъ поръ, пока онъ, царь, живъ“ (стр. 221). Къ тому же кончины Петра ожидали вскорѣ (стр. 240). Французскіе министры ожидали, что тотчасъ же послѣ перемены на русскомъ престолѣ Швеція можетъ вновь овладѣть уступленными Россіи по Нишгатскому миру областями. Кампредонъ писалъ въ ноябрѣ 1721 года: „Со смертію царя, за которою неизбѣжно послѣдуютъ большія перемены, а можетъ быть, и общая революція въ его государствѣ, утратятъ силу и обязательства, принятія относительно его“ (стр. 331).

Ожиданія де-Лави и Кампредона, однако, не сбылись. Послѣ кончины Петра не послѣдовало ни анархіи, ни реакціи противъ его системы; Петръ успѣлъ создать школу государственныхъ людей, способныхъ и готовыхъ дѣйствовать въ его духѣ; дальнѣйшая судьба Россіи была обезпечена.

Де-Лави, въ качествѣ консула, долженъ былъ обращать особенное вниманіе на экономическое состояніе Россіи, на торговлю и промыш-

ленность. Онъ постоянно слѣдилъ за всѣми законодательными и административными мѣрами, относившимися къ коммерческимъ дѣламъ и къ мануфактурамъ, и часто сообщаетъ объ этомъ въ своихъ депешахъ. То же отчасти находимъ и у Кампредона.

Объ отношеніяхъ Россіи къ Востоку въ депешахъ де-Лави и Кампредона говорится очень мало. Такъ, лишь вскользь упоминается о возвращеніи русскаго дипломата Измайлова изъ Китая (стр. 770) и о дипломатической дѣятельности Ланге, отправленнаго въ Китай для заключенія торговаго договора (стр. 788). А между тѣмъ крайній Востокъ обращалъ на себя сильное вниманіе Петра. Де-Лави доносилъ въ февралѣ 1719 года: „Мнѣ разказывали, что Е. Ц. В. послалъ въ Сибирь двухъ своихъ подданныхъ, специально изучавшихъ математику. По прибытіи въ Тобольскъ, они должны быть снабжены всѣмъ необходимымъ для путешествія въ страну самоѣдовъ и проникнуть оттуда до 75 градуса широты, чтобъ изслѣдовать, соединяется ли этотъ материкъ съ Америкой, какъ полагаютъ, или же ихъ раздѣляетъ морской проливъ. Они должны также снимать планы со всѣхъ мѣстностей, которыя будутъ проходить, для составленія новой карты. Думаютъ, что это путешествіе продлится два года“ (стр. 17—18). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь идетъ рѣчь объ отправленіи воспитанниковъ морской академіи Евреинова и Лужина въ Камчатку и на Курильскіе острова ¹⁾. Въ 1720 году де-Лави доносилъ: „Шведскій инженеръ Ванъ-Верденъ сналъ карту Каспійскаго моря и съ нарочнымъ прислалъ ее царю изъ Астрахани“ (стр. 73) ²⁾. Извѣстно, что Петръ, со времени пребыванія Волинскаго въ Персіи, обращалъ особенное вниманіе на Каспійское море. Въ сочиненіи Оларія карта Каспійскаго моря была нарисована чрезвычайно неправильно. За то карта, составленная Верденомъ, отличалась точностью ³⁾. Всѣ такого рода изслѣдованія въ высшей степени интересовали Петра.

Въ заключеніе замѣтимъ, что донесенія де-Лави отличаются отъ депешъ Кампредона большимъ разнообразіемъ содержанія. Между тѣмъ какъ послѣдній сосредоточиваетъ свое вниманіе на вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи и Франціи и развѣ только случайно говоритъ о другихъ предметахъ, письма де-Лави скорѣе похожи на

¹⁾ См. подробности въ сочиненіи *К. Э. Бера*: „Peters des Grossen Verdienste an die Erweiterung der geographischen Kenntnisse“ (S.-Pb. 1872), стр. 35 и слѣд.

²⁾ Ср. тамъ же, стр. 207.

³⁾ См. карту приложенную къ сочиненію Бера.

газеты, въ которыхъ говорится о всякой всячинѣ. Такъ, онъ разсказываетъ о похоронахъ врача царя—Эрскина, о приверженцахъ Стюартовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, объ учрежденіи коллегій и о расходахъ, съ которыми было сопряжено это нововведеніе, о судьбахъ шведскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Россіи, о сожженіи еретика, о намѣреніи одного изъ князей Салтъгъ жениться на дочери Меньшикова, о содержаніи въ арестѣ одной изъ сестеръ Петра и т. д.

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, въ какой степени депеши французскихъ дипломатовъ, напечатанныя въ сороковомъ томѣ Сборника Историческаго Общества могутъ служить матеріаломъ для исторіи этихъ годовъ царствованія Петра; 34-й и 40-й томы этого Сборника вообще займутъ видное мѣсто въ ряду источниковъ эпохи преобразованія.

А. Бриннеръ.

Сношенія Рима съ Москвою¹⁾.

V.

UN NONCE DU PAPE EN MOSCOVIE. Préliminaires de la trêve de 1582, par le P. Pierling. Paris. 1884.

Слѣдя за интересными работами о Пирлинга, относящимися къ русской исторіи, мы ожидали отъ него монографіи о Поссевиинѣ, дипломатическая дѣятельность котораго имѣетъ громадное значеніе въ исторіи восточной Европы XVI вѣка. Хотя это и не легкая задача, но мы не думаемъ, чтобы выполненіе ея было не по силамъ такого серьезнаго и трудолюбиваго ученаго, имѣющаго притомъ преимущество черпать полною рукою изъ сокровищъ Ватиканскаго архива. Книга „Папскій нунцій въ Московіи“ посвящена не общей характеристикѣ дѣятельности Поссевина, а изложенію одного эпизода московско-римскихъ сношеній, въ которомъ главную роль игралъ Поссевинъ. Такимъ образомъ, это еще не страница изъ исторіи восточной Европы, а лишь подготовительный очеркъ, знакомящій съ главными характерами. Наша цѣль при оцѣнкѣ этой книги будетъ

¹⁾ См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1884 годъ.

состоять въ изложеніи и провѣрѣтѣ главныхъ выводовъ автора и въ ознакомленіи съ новыми матеріалами, почерпнутыми о Пирлингомъ въ архивахъ.

Исслѣдованіе посвящено изложенію очень интересныхъ въ русской исторіи обстоятельствъ: посольство Истома Шевригина въ Римъ и Антонія Поссевина въ Москву, переговоры послѣдняго со Стефаномъ Баторіемъ и Иваномъ Грознымъ, а также съ польскими и московскими уполномоченными. Разказъ прерывается на концѣ 1581 года, то-есть, не доведенъ собственно до мира, заключеннаго въ Ямѣ Запольскомъ въ началѣ 1582 года, о чемъ авторъ предполагаетъ тратовать въ отдѣльной книгѣ.

Нельзя не согласиться, что посольство Шевригина въ Римъ является нѣсколько страннымъ въ московской политикѣ XVI вѣка, которая вообще относилась крайне недовѣрчиво къ Риму. Съ точки зрѣнія большинства изслѣдователей, раздѣляемой и о. Пирлингомъ, царь Грозный доведенъ былъ до этого очень для него тяжелаго шага несчастнымъ оборотомъ войны съ Польшей: отложивъ въ сторону обычное высокомеріе и пожертвовавъ традиціями, онъ принужденъ былъ стучаться въ двери папскаго дворца и просить о помощи. Въ самомъ Римѣ тогда же выразились про это посольство, что его гонять бичъ Польскаго короля. Тутъ есть маленькое недоразумѣніе, которое слѣдуетъ выяснить. Прежде всего обращеніе въ Римъ сопровождалось несомнѣннымъ успѣхомъ, и потому въ немъ нужно видѣть извѣстный тактъ московской дипломатіи и умѣнье пользоваться обстоятельствами. Грозный весьма благовременно рѣшился взять въ свои руки направленіе сношеній съ Римомъ, которыя до сихъ поръ зависѣли отъ Польши. Архивныя находки о Пирлинга (*Roche et Moscou*, p. 131) убѣждаютъ, что лѣтомъ 1580 года папскій нунцій въ Польшѣ, Калигари, занятъ былъ хлопотами объ отправленіи въ Москву римскаго посла, и что, потерпѣвъ неудачу въ переговорахъ объ этомъ съ королемъ, онъ пришелъ наконецъ къ мысли—послать довѣренное лицо въ Москву черезъ Швецію. Таковы были планы и расположенія папскаго уполномоченнаго въ Польшѣ: Иванъ Грозный, снаряжая въ августѣ 1580 года посольство въ Римъ, столько же шель на встрѣчу желаніямъ папы, сколько преслѣдовалъ и свои политическія цѣли. Обращая вниманіе на цѣлесообразность поступка Грознаго и на достигнутый имъ успѣхъ, мы не можемъ смотрѣть на посольство Шевригина, какъ на униженное стучанье въ дверь Римскаго епископа съ просьбой о помощи.

Есть одно весьма любопытное обстоятельство въ дѣлѣ о посольствѣ Шевригина, на которое не обратилъ вниманія о. Пирлингъ. Въ Римѣ вычитали въ письмѣ Грознаго гораздо больше того, сколько въ немъ содержалось, и вообще нашли возможнымъ гораздо шире поставить вопросъ о сношеніяхъ съ Москвою, чѣмъ это нужно было на основаніи письма Ивана Грознаго.

Грамота къ папѣ и наказъ Шевригину должны быть изучаемы съ точки зрѣнія римскихъ видовъ на Москву, и съ этой стороны упомянутые документы представляютъ любопытнѣйшій образецъ московской дипломатіи. Чего желалъ Московскій царь, отправляя въ Римъ посольство? Главныя положенія грамоты его къ папѣ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ прежніе годы между отцемъ нашимъ и Римскими папами были переговоры о любви и союзѣ. Съ своей стороны и мы неоднократно пересылались посольствами съ братомъ нашимъ императоромъ Максимилианомъ, при чемъ наши послы сказывали, что онъ имѣетъ сердечное желаніе стоять съ нами заодно противъ недруговъ, и что на это онъ имѣетъ твой совѣтъ и согласіе. Дружественныя сношенія продолжались у насъ и съ преемникомъ Максимилиана, сыномъ его Рудольфомъ, и мы питали душевное желаніе, чтобы домъ цезарей утвердился на польскомъ престолѣ.

2) Но случилось, что польская корона перешла къ посаженнику Турецкаго султана, Седмиградскому воеводѣ Стефану Баторію, который хотѣлъ сначала имѣть съ нами миръ на три года. Но когда мы отправили къ нему своихъ великихъ пословъ, онъ ихъ обезчестилъ и у себя задержалъ и, чего ни въ мусульманскихъ, ни въ другихъ государствахъ не бывало, нарушилъ крестное цѣлованіе и перемирную грамоту къ намъ назадъ отослалъ. Заручившись затѣмъ союзомъ съ султаномъ и Крымскимъ ханомъ, пришелъ въ нашу отчину въ Полоцкъ и поныгѣ, не переставая, разливаеъ кровь христіанскую. Желая прекращенія кровопролитія, мы опять отправили къ нему пословъ, а его люди въ то же время пришли на наши Украинны и добываютъ наши города.

3) А Стефанъ король разгнѣвался на насъ за то, что мы хотѣли союза съ цезаремъ и прочили польскую корону одному изъ императорскихъ принцевъ.

4) И вотъ мы, вида такую безмѣрную его гордость и союзъ съ невѣрными на пролитіе христіанской крови, посылаемъ къ тебѣ съ извѣщеніемъ, что ждаемъ быть въ союзѣ и единеніи съ тобою и

цезаремъ Рудольфомъ противъ бусурманскихъ государей, „дабы христіанство было въ тишинѣ и покоѣ и освободилось отъ мусульманскихъ ружь“.

5) А посему „ты бы Григорій папа, пастыръ и учитель Римскіе церкви... къ Стефану еси королю отъ своего пастырства и учительства приказавъ, чтобъ Стефанъ король съ бесерменскими государи не складывался и на кроворазлитіе крестьянское не стоялъ“.

6) Въ заключеніе высказывается желаніе, чтобы впредь между Римомъ и Москвою были сношенія по прежнему, и чтобы „наши люди“ свободно ѣздили изъ нашей страны въ вашу и на оборотъ, какъ было при отцѣ моемъ, и чтобы папа прислалъ своего челоувѣка съ извѣстіемъ, „какъ ты съ нами и Рудольфъ цезарь и иные христіанскіе государи противъ бесерменства во единствѣ и въ добромъ согласіи быти хотите“.

Исследователю прежде всего нужно считаться въ этомъ письмѣ съ искусствомъ московской дипломатіи. Для исторіи миссіи Шевригина и Поссевина не въ томъ нужно видѣть главное значеніе, что Грознаго „стегали бичи Польскаго короля“, а въ содержаніи приведеннаго документа, который составленъ не безъ обычнаго достоинства. Царь игнорируетъ всѣ попытки завязать сношенія съ Москвою, бывшія въ Римѣ въ тридцатилѣтній періодъ съ 1550 года. Для этого съ особенною силою выдвигаются дипломатическіе переговоры съ Максимилианомъ и Рудольфомъ и только по связи съ ними дается понятъ, что въ Москвѣ знаютъ кое-что о желаніяхъ папы. Мотивъ къ обращенію въ Римъ Грозный находитъ въ сношеніяхъ съ папой своего отца, и слѣдовательно, комментариемъ къ грамотѣ должны быть обстоятельства за тридцать лѣтъ до занимающаго насъ времени. Но папѣ предлагается, такъ-сказать, на видъ и современное положеніе дѣлъ: антитурецкая лига готова образоваться, участіе въ ней Москвы обезпечено уже переговорами съ императоромъ, все дѣло портить турецкій посаженникъ, а посему—не найдетъ ли папа удобнымъ употребить свою власть по отношенію къ польскому королю.

Но въ дипломатическихъ сношеніяхъ есть явныя рѣчи и тайныя рѣчи. Можетъ быть, Шевригину даны были секретныя порученія... Въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній (томъ X стр. 12—17) сохранился наказъ Шевригину, то-есть, такой документъ, который точно обозначаетъ полномочія посла—что и о чемъ ему говорить и чего не говорить. Но въ наказѣ прямо сказано, чтобы посоль не

выходилъ изъ предметовъ, обозначенныхъ въ письмѣ: „опричь грамоты приказу нѣтъ никакого“. Главная задача посла слѣдить и развѣдать о томъ, готовится ли союзъ на турокъ у папы, цезаря и другихъ государей, и гдѣ имѣютъ открыться военныя дѣйствія. Отмѣтимъ еще одну статью въ наказѣ, значеніе которой выяснится ниже. „А нѣчто начнетъ папа или его думные люди Истомѣ говорить, чтобъ гости изъ Рима и изъ Венеціи ходили въ государевы земли... Истомѣ говорить: пошлетъ папа къ государю нашему своего человѣка, и онъ о томъ прикажи къ государю нашему и въ своей грамотѣ отпиши, а со мною что накажешь къ государю моему и азъ то до государя своего донесу“. Словомъ, и въ наказѣ Истомѣ не предоставлено инициативы, и по вопросу о торговлѣ ему рекомендуется лишь настаивать на томъ, чтобы въ Римѣ формулировали свои желанія и снарядили посла.

Такимъ образомъ, въ официальныхъ актахъ весьма опредѣленно указаны основные мотивы и предметы посольства 1580 года. Достоинно замѣчанія, что мотивъ посольства, несомнѣнно лежащій въ московско-польскихъ отношеніяхъ, довольно старательно прикрытъ посторонними и, такъ-сказать, оттѣняющими его обстоятельствами. Не опасность отъ Стефана Баторія стоитъ на переднемъ планѣ, а давнія попытки образовать анти-оттоманскую лигу, въ осуществленію которой въ данный моментъ главное препятствіе оказывалось въ Стефанѣ Баторіѣ.

Римскій дворъ съ перваго же момента, какъ Шеврингъ явился въ Римъ, перенесъ переговоры на другую почву и, подобно тому, какъ это было въ началѣ XVI вѣка, взялъ на себя инициативу трактовать о такихъ вопросахъ, которые Грознымъ не были затронуты. О. Перлингъ, въ качествѣ католическаго ученаго, беретъ на себя задачу оправдать эту неосторожность престола св. Петра и необходимо вдается частію въ противорѣчія съ документами, частію въ произвольные выводы и заключенія. Мы постараемся свести къ немногимъ опредѣленнымъ положеніямъ данныя, заключающіяся въ письмѣ папы къ Грозному, въ инструкціи Поссевиному и въ другихъ документахъ, знакомящихъ съ римскими видами при снаряженіи въ Москву Поссевина.

Въ письмѣ къ Грозному (Памятники Дипломатическихъ Сношеній X, 81—85) папа восхваляетъ его, что, по примѣру предковъ, онъ рѣшился вступить въ сношенія съ Римомъ. Выражая готовность и желаніе поддерживать миръ и союзъ между христіанскими государями,

папа считаетъ нужнымъ заявить, что ему не было извѣстно о союзѣ Польскаго короля съ султаномъ и Крымскимъ ханомъ, ибо „тому ужъ два года какъ тотъ король явственно писалъ и извѣщалъ“. Совѣтуется прекратить вражду и возвратить то, что одинъ у другаго взялъ кривдою,—тогда можно будетъ направить польскія и московскія силы на невѣрныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ особенныхъ пожеланій и предложеній. Единенія не можетъ быть внѣ любви христіанской, и нѣтъ мѣста любви внѣ союза съ Римскою церковью. Константинополь потому и палъ, что не остался вѣрнымъ постановленіямъ Флорентійскаго собора; теперь турецкое порабожаніе угрожаетъ всѣмъ, кто не стоитъ въ союзѣ съ Римомъ. Совѣтуется Грозному подумать объ этомъ и ознакомиться съ постановленіями Флорентійскаго собора, а затѣмъ для него все будетъ сдѣлано со стороны Рима и христіанскихъ государей, если онъ будетъ въ союзѣ съ апостольскою церковью. Остальное скажетъ Поссевинъ, который рекомендуется особому вниманію царя. Что касается до инструкціи Поссевину, она представляетъ собою пространнѣйшій документъ и касается многихъ предметовъ (издана у Тургенева, *Historica Russiae Monumenta* I, № ССХІІ р. 299—305, и у Чампи, *Bibliografia critica* I, р. 242).

1) Прежде всего Поссевину рекомендуется обсудить съ венеціанцами дѣло о торговыхъ сношеніяхъ съ Москвою, для чего нужно разъяснить республикѣ благочестивое намѣреніе, соединяемое папой съ этимъ дѣломъ, именно пользу религіи и выгоды Венеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно настаивать на необходимости присоединиться венеціанцамъ къ лигѣ противъ турокъ.

2) Съ Польскимъ королемъ нужно трактовать о мирѣ съ Москвою. Такъ какъ объ этомъ написано уже нунцію въ Польшѣ (Калигари), то Поссевину предоставляется войти въ соглашеніе съ этимъ послѣднимъ. Отъ короля во всякомъ случаѣ нужно получить такой отвѣтъ, изъ котораго Московитъ убѣдился бы, какъ важно въ этомъ дѣлѣ посредничество папы.

3) Прибывъ въ Москву, посолъ долженъ выразить удовольствіе папы по случаю любезнаго посланія царя и желанія его вступить въ лигу противъ невѣрныхъ. Его святѣйшество давно уже желало привлечь къ союзу великаго князя, котораго могущество и военная слава могутъ оказать большую пользу общему дѣлу. Увѣривъ Ивана Грознаго, что папа охотно принимаетъ на себя посредничество въ дѣлѣ между Москвою и Польшей и питаетъ надежду на успѣхъ, посолъ долженъ былъ затѣмъ приступить къ вопросу вѣри, имѣя въ

виду слѣдующія общія положенія: Для образованія лиги необходимо соединиться единствомъ вѣры съ Римомъ, котораго епископъ давно уже и всѣми признанъ главою церкви. Апостольскій престолъ, имѣя цѣлю всѣхъ вести къ небесной жизни, удостоиваетъ и здѣсь почестей и великихъ титуловъ тѣхъ князей, которые заслужаютъ того благочестіемъ и своею храбростію. И его высочество можетъ надѣяться на большое приращеніе чести и государствъ при посредствѣ католической церкви, этой любвеобильной матери.—Слѣдуетъ при этомъ поставить на видъ, какъ унижительно такому князю подчиняться Константинопольскому митрополиту, который не есть истинный пастырь, но симоніакъ и рабъ султана. Еслибы духовенство русское начало выражать слишкомъ сильно неудовольствіе, Посевинъ долженъ былъ всѣми средствами стараться ихъ смягчить. Чтобъ имѣть средства бороться противъ заблужденій, необходимо изучать вѣрованія московитовъ, равно какъ обряды ихъ, подмѣчая во всемъ сходство и различіе между ними и католиками. Изложивъ письменно свои наблюденія, посолъ долженъ былъ переслать все въ Римъ. Послу рекомендуется объяснить князю, какія важныя выгоды для него будутъ отъ участія въ лигѣ съ христіанскими князьями: какъ ближайшему къ Турціи и могущественнѣйшему государю, ему предстоитъ завладѣть многими турецкими землями и участвовать въ такихъ экспедиціяхъ, которыя напомнятъ эпоху крестовыхъ походовъ.—Собравъ свѣдѣнія о числѣ военныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи царя, слѣдуетъ указать ему на силы императора и другихъ князей и дать понять, что съ такими средствами навѣрное можно сокрушить могущество Турціи. Въ концѣ концовъ нужно стараться, чтобы царь отправилъ въ Римъ новое посольство для окончательныхъ переговоровъ объ уніи и позволилъ устроить въ Москвѣ нѣсколько католическихъ церквей.

Римская точка зрѣнія на предметъ рисуется еще въ другихъ документахъ. Таково, напримѣръ, письмо государственнаго секретаря папы, кардинала ди. Кома, отправленное къ нунцію въ Польшу Андрею Калигари (Чіампи, I, 237). Это письмо въ особенности любопытно для знакомства съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Римѣ посольствомъ Шерригина. „Вѣроятно, въ Польшѣ уже есть слухи о прибытіи сюда московскаго посла... На сколько можно замѣтить и судя по словамъ самого посла, онъ не важная персона, а только камергеръ князя. Изъ привезеннаго имъ письма и изъ его словъ можно заключить, что великій князь желаетъ союза со святымъ пре-

столомъ и другими христіанскими князьями и имѣть въ виду открыть торговныя сношенія съ нашими народами. Далѣе, жалуется на войну, которую ведетъ съ нимъ Польскій король, и проситъ посредничества папы для заключенія мира, чтобъ имѣть возможность соединить свои войска съ христіанскими противъ турокъ. Дѣло очень важное, но всѣ понимаютъ, что посольство вызвано не добрыми намереніями, а добрыми ударами короля въ послѣдніе два года (ma a ich sà come sarpriato tutti, che questo non nasce du buona intentione, ma solo dalle buone battiture che il serenissimo Re gli ha date in questi due anni...), и потому мало надежды, чтобы вышло изъ того что-либо путное, тѣмъ болѣе, что о вѣрѣ хоть бы единое слово! Это очень удивило его святѣйшество, который надѣялся, что князь, если и не искренно, то по крайней мѣрѣ для виду окажетъ нѣкоторое расположеніе къ святому престолу, чтобы побудить его согласиться на свои желанія. Тѣмъ не менѣе, обсудивъ дѣло и выслушавъ мнѣніе опытѣйшихъ и благочестивѣйшихъ людей, папа рѣшился не пренебрегать и этимъ случаемъ, чтобы поискать заблудшую овцу. Рѣшено отправить кого-нибудь, по всей вѣроятности—іезуита, можетъ быть—патера Поссевина, главнымъ образомъ, чтобы трактовать о вѣрѣ и попытаться обратить князя и его народъ. Но очевидно, что къ религіозной попыткѣ нельзя приступить иначе, какъ подъ прикрытіемъ посредничества и перемирія, о которомъ проситъ князь. Посему его святѣйшество поручитъ избранному для посольства отцу и это дѣло, предложивъ свое содѣйствіе къ примиренію Москвы и Польши, если князь оставитъ свои схизматическія заблужденія. Поспѣшите заявить его величеству, что папа рѣшается на это посредничество въ увѣренности, что оно не будетъ неприятно и, напротивъ, сулитъ выгоды королю. Напомните ему, что теперь время подумать и о восточныхъ дѣлахъ, въ особенности о Валахіи, столь нужной для Польши (dicendoli seriamente che certo sarebbe hora et il tempo opportuno di pensare a le cose di Levante, e massime della Valacchia, tanto comoda a le cose di Polonia). Миръ съ Москвою удовлетворитъ короля и дастъ ему возможность распространить свои владѣнія. Просите его величество дать пропускъ посламъ, чтобы ускорить это дѣло“.

Наконецъ, официальное римское возвращеніе на миссію Шевригина свидѣтельствуется въ письмѣ нунція Калигари къ королю отъ 29-го апрѣля 1581 года (Тургеневъ I, 306). Оно въ сущности воспроизводитъ данныя предыдущаго документа, нѣсколько болѣе распространяясь только о выгодахъ, ожидающихъ короля: „Если Богъ по-

можетъ благополучно устроить это дѣло, оно обратится къ расширенію предѣловъ Польши и къ вѣчной славѣ короля. Можно ли сомнѣваться, что когда дойдетъ до заключенія мира, его святѣйшество охотнѣе будетъ держать сторону католическаго короля и ревностнаго защитника вѣры, чѣмъ поддерживать интересы Московскаго князя?“

Не можетъ быть сомнѣнія, что изслѣдованіе о сношеніяхъ Рима съ Москвой въ 1580—1581 годахъ должно отправляться изъ тщательнаго изученія приведенныхъ документовъ. Это необходимо для того, чтобъ отличать въ дипломатическихъ сношеніяхъ главные факты отъ второстепенныхъ, прямыя отъ косвенныхъ, и чтобъ избѣгнуть разныхъ недоразумѣній. Прямые и главные факты, заявленные въ письмѣ Грознаго, играютъ второстепенное значеніе въ отвѣтѣ папы, въ инструкціи Поссевина и въ дальнѣйшихъ документахъ. И этимъ-то второстепеннымъ фактамъ, съ другой стороны, суждено было играть важнѣйшее значеніе въ переговорахъ Поссевина съ Иваномъ Грознымъ.

Римскому двору принадлежитъ инициатива не только по возбужденію религіознаго вопроса, но даже по направленію дипломатическаго вмѣшательства и усложненію его такими деталями, которыя на первый разъ кажутся совсѣмъ излишними съ точки зрѣнія русскихъ документовъ. Таковъ, между прочимъ, эпизодъ о переговорахъ съ Венеціей, который занимаетъ въ книгѣ о Пирлинга всего вторую главу и часть первой. Оказывается, что Шевригинъ на пути въ Римъ посѣтилъ Венецію, гдѣ выдалъ себя за посла къ правительству республики и передалъ даже подложное письмо Ивана Грознаго, и что этотъ, Шевригинымъ сочиненный, документъ ввелъ въ обманъ и царское правительство, бывъ причиною различныхъ мѣропріятій, изложенныхъ въ инструкціи Поссевину. На этомъ обстоятельствѣ, дѣйствительно, стоить остановитъ вниманіе.

Въ статейномъ спискѣ по дѣлу о посольствѣ Шевригина не находимъ и слѣда документа, который значится въ венеціанскихъ посольскихъ дѣлахъ подъ 8-мъ августа 1580 года: *lettera del Gran Duca di Moscovia* (Пирлингъ р. 144). Въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній (X, 364) находимъ письмо Грознаго къ венеціанскому дожу, но оно было отправлено съ Яковымъ Молваншиновымъ, и изъ него видно, что это было первое письмо, отвѣчающее на не дошедшую до Москвы грамоту изъ Венеціи: „Которую еси къ нашему царскому величеству послалъ грамоту съ нашимъ человѣкомъ съ Истомою Шевригинымъ, и та грамота до насъ не дошла, потому съ которымъ съ люб-

скимъ нѣмчинномъ тое грамоту нашъ человекъ Истома къ намъ напередъ себя послалъ, и того человека на дорогѣ ограбили, и тое твою грамоту у него взяли⁶. Этотъ несчастный случай съ венеціанскою грамотой засвидѣтельствованъ въ официальномъ донесеніи Шевригина (Памятники, стр. 27) и не представляетъ собою ничего невѣроятнаго, такъ какъ почти предсказанъ въ письмѣ Калигари къ кардиналу ди Комо отъ 10-го іюня 1581 года (Тургеневъ I, 314): *essendo già Riga a devotione del Re di Polonia, il mare baltico infestato dall'armata del Re di Svetla ambj nemici del Mosco, si discovre che l'Ambasciatore Moscovita non potrà passare da Lubecca a Narva nè così presto, nè senza manifesto pericolo di essere fatto captivo, o ucciso.*

О. Пирлингъ не вѣритъ этимъ показаніямъ и настаиваетъ на странной мысли, будто Шевригинъ самъ сочинилъ письмо къ дожу... *pour provoquer les largesses de la Seigneurie*, а потомъ, чтобы скрыть слѣды подлога, уничтожилъ письмо дожа къ Грозному. Въ этомъ взглядѣ нашъ авторъ слѣдуетъ за Антономъ Поссевинымъ, который первый догадался объ обманѣ или, лучше сказать приведенъ былъ къ этой догадкѣ словами одного изъ спутниковъ Шевригина, итальянца Палавичино, который разъ въ ссорѣ съ Шевригинымъ угрожалъ донести на него царю за составленіе подложнаго письма (Пирлингъ, р. 14—15).

По этому поводу напомнимъ о. Пирлингу, что ужь если былъ подлогъ, то въ немъ долженъ былъ принимать дѣятельное участіе итальянскій переводчикъ Шевригина, а затѣмъ условія, при которыхъ высказано обвиненіе, заключаютъ въ себѣ достаточно причинъ сомнѣваться въ справедливости его. Въ данномъ случаѣ и Поссевинъ не удовлетворяетъ весьма умному требованію, заявленному въ одной изъ инструкцій римскому послу: „Съ должною осмотрительностью принимайте сами извѣстія, выдавая за истину только то, что сами узнаете доподлинно, и подъ сомнѣніемъ—въ чемъ сами не убѣдились. Каждый разъ указывайте источники и причины вашей увѣренности или недовѣрія“ (Русская Историческая Библіотека, VIII, 39). Объяснить источникъ клеветы на Шевригина поможетъ намъ самъ о. Пирлингъ. Бѣдному Шевригину пришлось не мало пострадать отъ умнаго и ловкаго іезуита, который, овладѣвъ расположеніемъ спутниковъ его Поплера и Палавичино и вывѣдавъ чрезъ нихъ слабости русскаго посла, употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дискредитировать его и пользоваться его незнаніемъ иностранныхъ языковъ. Такъ, онъ присту-

пиль къ Шевригину съ требоваіемъ написать подь его диктовку письмо къ Грозному и взялъ копію съ него себѣ. Въ этомъ письмѣ (Пирлингъ, р. 55—56) рассыпались похвалы папѣ и обществу Іисуса за ревность о славѣ Божіей; въ немъ же было замѣчено и о передачѣ венеціанцамъ письма, того подложнаго документа, о которомъ была рѣчь выше. Шевригинъ давалъ этимъ рукописаніе на свою голову и спохватился только въ Вѣнѣ, гдѣ употреблялъ тщетныя усилія выручить у Поссевина копію. О. Пирлингъ прибавляетъ впрочемъ, что Поссевинъ не представилъ царю этого письма, хотя, по его мнѣнію, *les procédés de ce genre n'étaient pas inutiles vis-à-vis des Moscovites*. Можно только прибавить, что посредствомъ такихъ же *procédés* вынуждено было и письмо къ Венеціанской республикѣ, которое также не было бесполезно въ виду московской миссіи.

Замѣтимъ, что съ римской точки зрѣнія установленіе торговыхъ сношеній съ Москвою значило то же, что начать католическую пропаганду въ Россіи. Такъ понимали это и въ Москвѣ, и потому наблюдали осторожность относительно иноземныхъ гостей. Кому было нужно письмо, затрагивающее вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ, и кто воспользовался имъ? Ужь никакъ не Шевригину, положеніе котораго, при незнаніи языковъ и въ виду спутниковъ и соглядатаевъ, было далеко не авантажное, и преступленіемъ котораго съ большою для себя выгодой могли бы воспользоваться Поплеръ и Палавичино, да и самъ Поссевинъ, который могъ бы угодить этимъ царю. Если же на Шевригина никто не донесъ, то ужь конечно, не изъ снисхожденія къ нему. Черезъ посредство торговыхъ сношеній Венеціи съ Москвою Римъ давно уже пытался проложить себѣ дорогу въ Россію; ему даже указывали не разъ на этотъ путь венеціанскіе кушцы. Подложное письмо къ дожу давало римскимъ дипломатамъ нѣкоторую точку опоры, открывало нѣкоторыя основанія для дѣйствій, которыхъ недоставало въ письмѣ къ папѣ, слишкомъ незначительномъ по содержанию. Для самого Шевригина разыгранная имъ роль въ Венеціи въ январѣ 1581 года была сюрпризомъ, къ которому онъ не былъ подготовленъ; его просто заставили явиться официальнымъ лицомъ въ Венеціи, на чтѣ онъ не былъ уполномоченъ Грознымъ. Что дѣйствительно весь этотъ эпизодъ направленъ къ оправданію видовъ Рима и придуманъ въ интересахъ католической пропаганды, это доказываетъ вся вторая глава книги о. Пирлинга. Такъ какъ изъ хода дѣлъ видно, что личныя намѣренія папы, заявленныя въ консисторіи 6-го марта, были противоположны тѣмъ, которыя выражены въ инструк-

ціи Поссевину отъ 27-го марта, то мы готовы допустить, что самъ папа могъ не знать о подложномъ письмѣ къ венеціанскому дожу.

Послѣдуемъ за Шевригинимъ и Поссевиномъ въ Венецію, куда они прибыли въ началѣ апрѣля 1581 года, и гдѣ начинается осуществленіе проекта, созданнаго въ Римѣ. Миссія Поссевина, говоритъ нашъ авторъ (р. 45),— была тѣмъ важнѣе, что тогда замѣчалось охлажденіе между Римомъ и Венеціей; по мнѣнію папы, послѣдняя недостаточно была склонна къ военнымъ предпріятіямъ; возлагались однако надежды на тогдашняго дожа Николо да Понте, который былъ представителемъ Венеціи на Тридентскомъ соборѣ, и на вліятельныхъ вельможъ Барбариго и Тіеполо, извѣстныхъ приверженностью къ Риму. Главнѣйшими вопросами, которые Поссевину предстояло разрѣшить въ Венеціи, были: установленіе торговыхъ сношеній между Москвою и Венеціей и приготовленіе почвы для анти-оттоманской лиги. Благодаря розысканіямъ о. Перлинга, мы имѣемъ возможность ознакомиться съ возрѣніями Поссевина на восточный вопросъ, высказанными имъ въ рѣчи 11-го апрѣля передъ дожемъ и совѣтомъ десяти. Эту рѣчь непремѣнно нужно было бы издать въ оригиналѣ.

За исключеніемъ видовъ Рима на Москву, Поссевинъ обратилъ вниманіе своихъ слушателей на Востокъ. Постановленія Тридентскаго собора, говорилъ онъ,— приняты уже во многихъ областяхъ; восточные христіане приходятъ учиться въ Римъ; Антиохійскій патріархъ призналъ главенство папы и проситъ утвержденія въ своемъ санѣ; въ Перѣ есть католическій епископъ, божественная служба совершается при воротахъ Стамбула; рагузскіе іезуиты подвигаются въ Македонію и достигли Бѣлграда, другіе стали твердою ногой на вершинахъ Ливана и распространяются по Сиріи. Исчислив рядъ успѣховъ католической церкви, Поссевинъ говоритъ затѣмъ о необходимыхъ мѣрахъ для закрѣпленія этихъ успѣховъ, приводя въ примѣръ Польскаго короля, котораго побѣдоносныя знамена распространяютъ вѣру. Венеція должна поддержать католическое движеніе и воспользоваться представляющимъ случаемъ, который открывается въ московскомъ дѣлѣ. Если Москва желаетъ завязать торговые сношенія, то слѣдуетъ требовать вольностей для торговыхъ людей республики и уравнианія ихъ въ религиозныхъ вопросахъ съ лютеранами и мусульманами, которые пользуются абсолютною свободой. Потомъ можно мало по малу привлечь царя къ лигѣ противъ турокъ и приготовить путь къ религиозному единству. Отвѣтъ даже на эту рѣчь былъ уклончивъ. Онъ ограничился въ сущности одною стороною дѣла —

часть сскл, отд. 2.

вопросомъ о лигѣ. На основаніи недавняго и горькаго опыта при Лепанто, говорятъ дождь, — Венеція не можетъ возлагать много надежды на лигу, а затѣмъ, по отношенію къ московскому дѣлу, выразился, что посоль царя въ сущности передалъ только привѣтствіе республикѣ. Венеція не менѣе прочихъ государствъ сознаетъ опасность отъ турокъ и искренно желаетъ ослабить ихъ. Примиреніе Грознаго и Баторія и соединеніе ихъ силъ противъ Турціи было бы лучшимъ способомъ разрѣшенія восточнаго вопроса: таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе дожда, къ которому онъ пришелъ личнымъ опытомъ, основаннымъ на путешествіяхъ. Было бы благоразумно принять мѣры въ этомъ смыслѣ, не ожидая даже обращенія Московскаго царя въ католичество. Посевинъ сдѣлалъ замѣчаніе на то мѣсто рѣчи дожа, гдѣ шла рѣчь о московскомъ посольствѣ: миссія Шверигина, по его словамъ, не должна быть понимаема какъ привѣтствіе только ради этикета, но какъ желаніе завязать торговыя сношенія. Рѣчь Поссевина была затѣмъ обсуждаема въ сенатѣ. По совѣту Тисоло, онъ приготовилъ для сената еще дополнительную записку, въ которой вопросъ введенія католицизма въ Россіи разсматривался съ точки зрѣнія Восточной имперіи и притязаній царя на константинопольское наслѣдство: также весьма важный документъ, не сообщенный однако о Пирлингомъ въ его обширныхъ приложеніяхъ.

Таковъ весьма любопытный венеціанскій эпизодъ въ миссіи Шверигина, очень хорошо восстановленный съ своей точки зрѣнія о Пирлингомъ. Бѣдный русскій посоль, конечно, игралъ въ этомъ дѣлѣ очень жалкую роль. Не ему принадлежитъ честь навязать Ивану Грозному очень сильное желаніе торговыхъ сношеній съ Венеціей. Въ Римѣ эта мысль, по видимому, нашла себѣ защитника въ лицѣ кардинала, въ Венеціи отстаиваетъ ее передъ дожемъ Посевинъ, и тотъ же Посевинъ будетъ умалать ея значеніе въ переговорахъ съ Баторіемъ. По нашему мнѣнію, венеціанскій эпизодъ относится къ тому же роду дипломатическихъ актовъ, какъ известная мистификація Шаяттева и Штенберга; онъ внесенъ въ прологъ для того, чтобы составить нужное количество актовъ въ драмѣ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ миссіи Поссевина практическія внушенія венеціанскаго дожа не остались безъ слѣда: Посевинъ частію оставляетъ въ сторонѣ религіозный вопросъ, жертвуя имъ для политическаго.

Главнѣйшій интересъ третьей главы (стр. 61 — 87) сосредоточивается на переговорахъ Поссевина съ Стефаномъ Баторіемъ. По-

слѣдній, не смотря на любезныя завѣренія, полученныя изъ Рима посредствомъ Калигари, что святой престолъ прежде всего будетъ блюсти интересы Польши и не промѣняетъ католическаго короля на схизматика, почему-то постоянно выражаетъ сомнѣнiе и безпокойство на счетъ русскаго посольства въ Римѣ. Причины недовѣрія короля частію возможно видѣть и въ официальной перепискѣ того времени: онъ боится соглашенія между Римомъ и Москвою, съ одной стороны, и козвей Германскаго императора—съ другой (Гургеневъ I, 298, № ССХ); на него произвели непріятное впечатлѣнiе рѣчи и проекты Поссевина, изложенныя въ Венеціи (ibid. p. 314); онъ объясняетъ въ дурномъ смыслѣ и то обстоятельство, что Шеврингъ измѣнилъ направленіе пути, а Поссевинъ замедлилъ своимъ появленіемъ въ Польшѣ (ibid. p. 313). Правда, на это обращаетъ вниманіе и о. Пирлингъ, но все же онъ недостаточно выясняетъ причины опасеній Польскаго короля. Впервыя, нужно имѣть въ виду, что Польскій король могъ руководиться не только слухами и извѣщеніями, получаемыми отъ римской нунціатуры въ Польшѣ. Онъ долженъ былъ болѣе довѣрять сообщеніямъ своего уполномоченнаго въ Римѣ, епископа Плоцкаго, а этотъ послѣдній ставилъ на видъ королю и нѣчто другое, о чемъ не сообщалъ Калигари. Вотъорыхъ, при первомъ же свиданіи съ Баторіемъ, 17-го іюня 1581 года, Поссевинъ долженъ былъ оправдывать такія изъпріятія и рѣшенія въ коллегіи кардиналовъ, которыя казались подозрительны королю, и о которыхъ нѣтъ почти слѣда въ официальныхъ документахъ римской канцеляріи.

Миссія А. Поссевина входитъ въ исторію восточной Европы; говоря о Поссевинѣ, нельзя не принимать во вниманіе событій, касающихся Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи. И раяѣ мы указывали о. Пирлингу на необходимость расширить историческую перспективу и теперь имѣемъ случай подтвердить это новыми фактами. Въ его распоряженіи былъ рядъ документовъ, которыми онъ не воспользовался, слишкомъ ограничивъ свою задачу. Марта 30-го (1581 года) епископъ Плоцкій писалъ между прочимъ слѣдующее: „Извѣщаютъ изъ Венеціи, что туда пріѣхалъ изъ Франціи какой-то валашскій воевода, котораго султанъ, по ходатайству и настояніямъ Французскаго королья, хочетъ посадить на валашское воеводство. Съ нимъ не мало французовъ, всѣ отправляются въ Константинополь. Głozą się snadz na nasz, mówiąncz ze ukrzłwdzeni są od nas, ale podobno upamiętają się, albo ie kto upomni“. (Кояловичъ, Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, стр. 10). Что это, по види-
9*

тому, отдаленное обстоятельство не мало занимало короля, можно видѣть изъ многихъ документовъ польскихъ (Дневникъ похода, стр. 70, 285), въ особенности же изъ письма преемника Каллигари по нунціатурѣ въ Польшѣ, нунція Болоньетти, отъ 27-го іюля (Тургеневъ I, 321 № ССХХІІІ). Принимая въ соображеніе, что Валахія была предлагаема изъ Рима Польскому королю, какъ вознагражденіе за ожидаемыя отъ него уступки по дѣлу Шевригина, мы дѣйствительно не можемъ не находить странную политику папы, который въ то же время усердно поддерживалъ во Франціи и Турціи кандидатуру воеводы Петра Черчеля (ибо о немъ идетъ рѣчь въ указанныхъ документахъ). Не скрываемъ, что выясненіе этого вопроса повело бы о. Пирлинга къ ознакомленію съ цѣлыми томами французскихъ дипломатическихъ сношеній того времени (*Charrière, Négociation de la France dans le Levant, Paris 1853*) и въ особенности съ относящимся сюда томомъ документовъ по румынской исторіи (*Documente privitoare la Istoria Românilor, culese de Hurmuzaki, vol. III, 1576 — 1599. Bucuresci 1880*), что не могло бы не заставить его значительно расширить поле изслѣдованія.

Свиданіе Поссевина съ королемъ состоялось 17-го іюня 1581 года. Обширный документъ, изданный въ первый разъ (Пирлингъ, р. 148—168), даетъ подробный отчетъ о происшедшемъ при этомъ разговорѣ. Поссевинъ, прежде всего, старается не столько объяснить, сколько оправдать дѣйствія папы по отношенію къ московскому посольству и ознакомить короля съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. По выраженію самого оратора, первая часть рѣчи направлена къ тому, чтобы устранить нѣкоторыя недоразумѣнія (*scrupulos anquos eximat*), касающіяся роли кардинала Мадруццо при обсужденіи дѣла о посольствѣ Шевригина, равно какъ словъ и дѣйствій русскаго посла. Что вмѣстѣ съ тремя кардиналами—Фарнезе, Комо и Комендоне, расположеніе которыхъ къ Польшѣ хорошо извѣстно, участвовалъ въ обсужденіи московскаго дѣла и германскій протекторъ, кардиналъ Мадруццо, это объясняется слѣдующимъ: онъ всегда участвовалъ въ дѣлахъ, касающихся вопросовъ вѣры въ сѣверныхъ странахъ, и удалить его отъ совѣщаній по московскому дѣлу значило бы поселить недовѣріе въ императорѣ. Не говоря уже о томъ, что онъ не могъ посовѣтовать чего-нибудь вреднаго для Польши, самъ папа никогда не допустилъ бы предпочесть интересамъ короля интересы Московія. Что касается дѣйствій русскаго посла въ Венеціи, тутъ также нѣтъ ничего, что могло бы безпокоить ваше величество. Посоль представилъ дожу при-

вѣстивіе и письмо отъ своего князя и затѣмъ сдѣлалъ намекъ, изъ котораго можно было понять (ac demum aliquid innuerat, quo testaretur, suum, ut ille vocabat, Caesarem, cupere, ut Veneti in Moscoviam navigarent), что его царь желаетъ, чтобы Венеція завела морскую торговлю съ Московіей. Хотя и папа, и венеціанская синьорія находятъ, что это сопряжено съ большими трудностями, тѣмъ не менѣе его святѣйшество, желая изъ этого дѣла извлечь вѣкоторую пользу, приказалъ мнѣ отправиться въ Венецію и объяснить, что, можетъ быть, царь позволитъ построить католическую церковь, если къ нему придутъ венеціанскіе торговцы. Если я найду царя расположеннымъ вступить въ торговые сношенія съ католиками, то я предполагаю оставить тамъ священниковъ, которыхъ теперь веду съ собою. Если же онъ откажетъ въ этомъ, то будемъ знать, что онъ обманываетъ христіанскихъ князей и занятъ лишь присканіемъ средствъ избѣгнуть опасности отъ вашего величества. — Церешедши затѣмъ къ тому, что составляло специальный предметъ миссіи въ Польшѣ, Поссевиѣ продолжалъ: Его святѣйшество желаетъ васъ увѣрить, что все предпринятое относительно Московіи имѣетъ цѣлю распространеніе славы Божіей. Хотя хорошо извѣстенъ дурной нравъ и лицемеріе князя, но папа, какъ намѣстникъ Христа, не могъ отказать отъ долга сѣять слово Божіе на всякой почвѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Что касается мира Московскаго князя съ вашимъ величествомъ, если онъ предоставляетъ вамъ Ливонію, то мнѣ остается сказать, что его святѣйшество желаетъ такого почетнаго для васъ мира. Открывъ для католической вѣры Ливонію, такой миръ уподобилъ бы васъ Карлу Великому. Въ заключеніе ораторъ просилъ пропуска въ Московію.

Едва ли король могъ быть удовлетворенъ объясненіями Поссевина, которыя въ сущности не выяснили случая, имѣвшаго мѣсто въ коллегіи кардиналовъ, не въ надлежащемъ свѣтѣ передали венеціанскій эпизодъ и вообще несправедливо приписали какую-то инициативу русскому послу. Король ограничился замѣчаніемъ, что онъ не имѣетъ причинъ недовѣрять папѣ, но что императоръ, изъ зависти къ его успѣхамъ, можетъ питать противъ Польши враждебные замыслы. Относительно мира онъ затрудняется теперь сказать что-либо рѣшительное; нужно ожидать, пока возвратятся изъ Москвы его послы, отправленные съ послѣдними и рѣшительными требованіями. Король приглашалъ Поссевина послѣдовать за нимъ въ лагерь въ Дисну, откуда онъ можетъ потомъ ѣхать въ Москву на Великія Луки.

Второй разговор между королемъ и Поссевиномъ происходилъ 5-го июля. На этотъ разъ Баторій былъ гораздо сообщительнѣе и высказалъ свой взглядъ на восточный вопросъ съ славянской точки зрѣнія. Конечно, съ точки зрѣнія восточнаго вопроса второй разговоръ важнѣе перваго, но на этотъ разъ о Пирлингъ не сообщаетъ оригинала (р. 79—80), а ограничивается небольшими извлечениями. Баторій высказалъ мнѣніе, что въ настоящихъ условіяхъ напрасны надежды на царя Московскаго въ анти-оттоманской лигѣ. Грозный не можетъ предпринять войны съ турками, будучи отдѣленъ отъ нихъ непроходимыми степями и находясь во враждѣ съ татарами. Между тѣмъ есть одна уязвимая сторона для Турецкой имперіи, это — крѣпость Азовъ.

Въ польскомъ лагерѣ Поссевинъ познакомился съ однимъ торговымъ человѣкомъ, италіанскаго происхожденія, который долго проживалъ въ Москвѣ и хорошо зналъ Грознаго. Это былъ Джіованни Тедалди, который сообщилъ Поссевину много полезныхъ свѣдѣній о Россіи, тогда же послѣднимъ записанныхъ и сохранившихся въ Ватиканскомъ архивѣ. Реляція Тедалди дѣйствительно очень любопытна и займетъ не послѣднее мѣсто между иностранными извѣстіями о Россіи XVI вѣка. Сообщенія Тедалди отличаются сочувственнымъ тономъ къ Россіи. Съ благодарностью ссылаясь на VIII-е приложение книги о Пирлинга (р. 169—179), мы ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ къ характеристикѣ реляціи Тедалди. Онъ много путешествовалъ по Московіи, пользуясь содѣйствіемъ и расположеніемъ царя; зналъ пути сообщенія на отдаленный востокъ, знакомъ и съ Европейскою Россіей. Въ Польшѣ и Литвѣ распространены преувеличенные слухи про жестокость Грознаго. Такъ, несправедливо, будто, по взятіи Полоцка, онъ перебилъ бернардинцевъ; равно какъ не вѣрно, что евреи подвергаются ирелсѣдованіямъ, всего было два три случая, да и тѣ объясняются интригой одного польскаго купца. Что съ польскими послами часто происходятъ недоразумѣнія, это объясняется дурнымъ поведеніемъ самихъ поляковъ. Лютеранскіе наборы слишкомъ нескромно сами навязывали свои религіозныя убѣжденія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что имъ запрещена открытая проповѣдь. Польскіе послы оскорбляли высокоуміемъ, мало цѣни его подарки и возвышая цѣнность своихъ. Если слушать поляковъ, такъ въ Москву опасно и заглядывать; самъ Тедалди испыталъ это на себѣ. Наслушавшись въ Польшѣ дурныхъ слуховъ, онъ уже думалъ было изъ Полоцка вернуться назадъ, но его образумило одно сло-

вечко полоцкаго палатина: „Не такъ страшень чортъ, какъ его малюють!“ Разъ Грозный спрашивалъ Тедаaldi, какъ о немъ думаютъ на западѣ? Когда италіанецъ замѣтилъ, что его считаютъ жестокимъ, царь отвѣчалъ: „Да, я жестокъ съ злодѣями, но съ добрыми я милостивъ“. На вопросъ, отчего царь не выпускаетъ изъ своей земли иностранцевъ, былъ полученъ отвѣтъ: потому что назадъ ихъ не пропустатъ. Иностранцы жили въ Москвѣ въ особой слободѣ, называемой Наливка ¹⁾ (*una cum piscoia città chiamata Nalivca*). Поссевинъ предлагалъ италіанскому куцу вопросы по предметамъ, которые его специально могли интересовать: о взглядахъ Грознаго на Римскую церковь, о русскомъ духовенствѣ, о бритьѣ бороды; объ одеждѣ, о службѣ въ Москвѣ, о дарахъ царю и т. п. По всѣмъ этимъ вопросамъ отвѣты и совѣты Тедаaldi отличаются практическимъ смысломъ и знаніемъ дѣйствительныхъ отношеній.

Четвертая глава книги о Пирлинга (стр. 88—103) излагаетъ попытку Поссевина согласовать московскія и польскія требованія. Юля 15-го возвратился изъ Москвы польскій посолъ и привезъ отъ Грознаго письмо, наполненное упреками Стефану Баторію. Грозный уступалъ только часть Ливоніи и осмѣивалъ претензіи о военныхъ издержкахъ. Нѣтъ нужды останавливаться здѣсь на переговорахъ, происходившихъ въ іюль 1581 года и хорошо извѣстныхъ по изданнымъ уже документамъ. Роль Поссевина опредѣляется въ нихъ ясно: онъ желалъ уравновѣсить требованія той и другой стороны, такъ какъ въ сущности и Москва, и Польша желали мира. Не желая затягивать войну, для которой не хватало денегъ, Баторій возложилъ всю надежду на личную инициативу Поссевина, согласившись уступить Грозному по двумъ пунктамъ—по вопросу о срытіи нѣкоторыхъ крѣпостей и о вознагражденіи за военныя издержки. Рѣшившись 20-го іюля дать Поссевину пропускную грамоту въ Московію, Баторій самъ на другой же день двинулся къ Пскову. Нѣсколько новыхъ подробностей за это время находимъ въ письмѣ къ кардиналу ди Комо, въ первый разъ изданномъ о Пирлингомъ (р. 180—176). Любопытно, между прочимъ, что Баторій предлагалъ Грозному поединокъ: *et perche quel principe mostrava tanto horrore dell' effusione del sangue, sua Maesta gli offeriva duello della sua persona con lui..*

¹⁾ Замоскворѣцкая слобода, гдѣ жили иностранцы, называлась Наливка, см. *Бараманъ*, VII, стр. 127.

Пятая глава (стр. 106—139) посвящена путешествію Поссевина въ Москву, переговорамъ съ Грознымъ и поѣздкѣ его снова въ польскій лагерь подъ Псковомъ, то-есть, обнимаетъ событія между августомъ—октябремъ 1581 года. Относительно этой главы нужно сдѣлать одно замѣчаніе. Такъ какъ авторъ не находитъ возможнымъ писать исторію мира въ Ямѣ Запольскомъ „jusqu'à l'époque où les archives de Moscou auront publié les documents qu'elles possèdent sur ce sujet“¹⁾, то лучше было бы повременить изложеніемъ главы, въ которой Поссевинъ вступаетъ въ личныя сношенія съ Иваномъ Грознымъ. Исслѣдователю нужно здѣсь провѣрить много данныхъ, и притомъ въ связи со всѣми обстоятельствами касательно мира 1582 года; чтобы быть въ состояніи рѣшить вопросъ о томъ, въ интересахъ ли поляковъ дѣйствовалъ Поссевинъ, какъ полагали русскіе, или на оборотъ, какъ думали поляки, желалъ болѣе угодить Грозному.

Частныя замѣчанія могутъ относиться къ тѣмъ страницамъ, на которыхъ излагается исполненіе Поссевиномъ возложенныхъ на него порученій. Какъ исполнена была инструкція, данная послу изъ Рима? Изложеніе о. Пирлинга страдаетъ въ этомъ отношеніи неполнотой, отрывочностью и вообще не можетъ быть признано искуснымъ. Десятый томъ Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній, гдѣ находится переводъ съ рѣчей папина посла (стр. 90 и слѣдующія), заслуживаетъ болѣе тщательнаго вниманія. Первая задача Поссевина въ переговорахъ съ боярами заключалась въ выясненіи его точки зрѣнія на дѣло. Онъ подробно излагаетъ исторію своей миссіи, начиная съ посольства въ Римъ Шевригина и до прибытія въ Москву, даетъ личную оцѣнку нѣкоторымъ фактамъ, мимоходомъ касаясь однихъ и съ особеннымъ стараніемъ выставляя другіе. Понятно, что подмѣтить личныя взгляды Поссевина въ переговорахъ съ боярами составляетъ важную задачу исслѣдователя.

Особенный интересъ представляетъ переводъ съ третьей рѣчи Поссевина (Памятники, стр. 100—110), отправляющейся отъ торговыхъ сношеній съ Венеціей. Мы видѣли, что этому вопросу приписывали въ Римѣ большое значеніе и выдвинули его съ особымъ стараніемъ. Посмотримъ теперь, какъ Поссевинъ ставитъ его предъ царемъ. Твое высочество писалъ папѣ, чтобъ изъ Венеціи торговые люди съ твоимъ государствомъ торговлей промышляли; по-

¹⁾ Le Saint-siège, la Pologne et Moscou. Paris 1885, Préface 1—11.

сему папа послалъ меня съ Истомой Шевригинымъ въ Венецію, и они насъ любезно приняли, а твоего посла наградили подарками и тебѣ послали грамоту. Меня же пригласили въ свой тайный соборъ, гдѣ я говорилъ о твоёмъ величествѣ и твоихъ дѣлахъ. Они очень желаютъ, чтобы вы помирились съ королемъ, вы обломали бы тогда рога бусурманскому недругу и расширились бы до Азовскаго моря. Венеціанцы хорошо знаютъ, что твое величество заслуживаетъ подобной чести. Что касается до торговыхъ сношеній, мысль эта имъ очень нравится, только они желали бы знать, которою дорогой начать сношенія—Чернымъ или Азовскимъ моремъ, или чрезъ Польскую и Литовскую землю. Сверхъ того нужно знать, что венеціанцы, какъ и Римскій цезарь и другіе короли, держатъ вѣру католическую и владѣютъ значительною частью Греческаго царства, торговые люди ихъ имѣютъ обычай ѣздить съ священниками римской вѣры, чтобы на случай болѣзни или смерти было передъ кѣмъ покаяться. Вашему высочеству слѣдуетъ о томъ подумать, что мнѣ сказать по этому вопросу папѣ и венеціанцамъ. Если вы разрѣшите, чтобы изъ дальнихъ земель христіане ѣздили въ ваше царство, то позвольте имъ брать съ собою и ценовъ и дайте свободу строить церкви,—въ этомъ будетъ лучшее доказательство, что вы дѣйствительно желаете быть въ дружбѣ съ папой, а же могу и теперь оставить у васъ латинскихъ поповъ, которые со мною пришли.

По вопросу объ анти-оттоманской лигѣ Поссевинъ развиваетъ такіе взгляды: Ваше заявленіе о желаніи соединиться съ христіанскими князьями противъ султана сулитъ вамъ великую славу и расширение вашего царства. Про васъ всѣ христіанскіе народы будутъ говорить съ честью и благоговѣніемъ, какъ про тѣхъ героевъ, которые ходили на освобожденіе Сиріи и Іерусалима. Предки вашего величества счастливо ходили въ Азію и въ Цареградъ, но не удержали за собою тѣхъ странъ; между тѣмъ предопредѣлено, чтобы страны на востокъ за тобою вѣчно были, и святѣйшій апостольскій престолъ имѣетъ прямыя указанія на то, чтобы твое государство всегда было на восходѣ солнца и тебя бы государя великаго честью и титулами умножить, которые приличествуютъ твоему величеству. Пока собираются императоръ, Испанскій и Французскій король, Венеція и италіанскіе государи, надобно и тебѣ заявить, когда и съ которой стороны ты можешь напасть на султана. Пошли объ этомъ извѣщеніе въ Римъ, „и узнаютъ то всѣ христіанскіе князья, что ты начальникъ той войнѣ“.

На эти и другія рѣчи посла, вообще касавшіяся трехъ вопросовъ—союза съ папой и другими князьями, анти-оттоманской лиги и мира съ Польшей, отвѣты были даваемы не сразу, а послѣ тщательнаго обсужденія ихъ въ думѣ государя. Для московскихъ дипломатовъ не то считалось важнѣйшимъ въ переговорахъ, что для Поссевина; поэтому одни пункты въ отвѣтахъ обсуждались весьма подробно, а на другіе почти не обращалось вниманія. Въ отвѣтахъ бояръ на рѣчи Поссевина для насъ любопытно то обстоятельство, что они стараются свести сущность дѣла на московско-польскую войну, выходя изъ того предположенія, будто намъ очень желательно знать, „за что межъ Грознымъ и Баторіемъ нелюбе движется и кровь христіанская проливается и на чемъ бы намъ можно помириться и свои войска поворотить на султана, и чтобъ Поссевину было по чему привести къ мирному постановленію между Москвою и Польшей (Памятники, стр. 122). Такая точка зрѣнія точно также не соотвѣтствуетъ латинскимъ документамъ и намѣреніямъ папы, какъ обратная мало отвѣчаетъ дѣйствительнымъ желаніямъ Грознаго. Поэтому-то русскіе отвѣты или уклончивы, или весьма сухи по тѣмъ вопросамъ, къ которымъ всего чаще обращается Поссевинъ. „Что съ тобой“ говорятъ бояре—„напа наказывалъ, чтобъ скорѣй къ миру къ прямому межъ всѣми государи христіанскими и противъ бы бесерменъ задинъ поставить противленіе, ино и мы тово любительно хотимъ, да только, не постави межъ собой мирнаго постановленія, ино какъ возможно противъ бесерменства стоять?“ Или другой отвѣтъ: „А что говорилъ еси о дорогахъ, на Любекъ или на иныя на которыя мѣста пріѣзжать торговымъ людямъ, ино то положили на папинѣ волѣ, которою дорогой похочетъ къ намъ послати... А чтобъ Венетомъ къ намъ пріѣзжати и съ своими попы, и мы о томъ волю даемъ, а церквамъ римскимъ въ нашемъ государствѣ быти непригоже, потому что до насъ прежде того обычая не бывало, и мы то хочемъ по старинѣ держать“. Между тѣмъ, когда дѣло доходить до отношеній къ Польшѣ, бояре становятся очень пространны въ своихъ отвѣтахъ, подробно излагая неправды Стефана Баторія и смылаясь на его войну съ Иваномъ Грознымъ.

Чтобы возстановить въ надлежащемъ свѣтѣ роль Поссевина въ переговорахъ между Москвою и Польшей, нужно точно опредѣлить намѣренія его по пріѣздѣ въ Москву и сопоставить его планы съ желаніями московскаго правительства. Иначе нельзя придти къ оцѣнѣ важнѣйшаго акта его дипломатической дѣятельности: сдѣлалъ ли

онъ все, что могъ при существующихъ обстоятельствахъ, и чьи выгоды по преимуществу имѣлъ онъ въ виду? Но мы здѣсь выходимъ за предѣлы того, что даетъ разбираемая книга, ибо въ ней нѣтъ еще подробнаго изложенія дипломатической дѣятельности Поссевина, кончившейся Запольскимъ миромъ. Выше отмѣчены нами документы, которые желательно было бы видѣть въ оригиналѣ, а не въ краткой передачѣ. Тѣмъ болѣе можно настаивать на этомъ желаніи, что въ приложеніяхъ помѣщены тексты и иногда обширные, которые можно было бы или значительно сократить, или просто выбросить.

VI.

Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou 1582—1587. Par le P. Pierling, S. J. Paris 1885.

Въ этомъ новомъ сочиненіи о Пирлинга излагаются московско-римскія сношенія въ періодъ между смертью Грознаго и Баторія (1582—1586 гг.). Цѣлая половина книги занята приложеніями, гдѣ сообщаются въ первый разъ любопытные архивные матеріалы. Можно пожалѣть, что не всѣ находившіеся въ распоряженіи автора матеріалы вошли въ приложенія; такъвъ упоминаемый въ 5-мъ приложеніи документъ: *La Transylvania di Antonio Possevino*, сообщеніе котораго было бы весьма желательно. Но и то правда, что увеличеніе количества приложеній слишкомъ было бы невыгодно для текста, а нашъ авторъ желаетъ быть читаемымъ публикой.

Главное содержаніе книги можетъ быть выражено въ немногихъ словахъ: изложеніе сосредоточивается по преимуществу на выясненіи военныхъ плановъ Стефана Баторія. Нигдѣ еще не приводимо было столько данныхъ для характеристики этого короля, и никогда еще историкъ не удавалось такъ живо изобразить политическую программу Польши въ концѣ XVI вѣка.

Баторій хотѣлъ воспользоваться смертью Грознаго и разомъ покончить счеты съ Москвою. По его соображеніямъ, разрѣшеніе Восточнаго вопроса должно начаться съ подчиненія Московіи, московская война можетъ быть окончена въ три года, за подчиненіемъ Москвы послѣдуетъ завоеваніе Закавказья и Персіи, движеніе на Константинополь со стороны Малой Азіи и завладѣніе проливами Босфоръ, какъ можно видѣть, грандіозный и далеко не такой сумасбродный, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Послѣдующая исторія Восточнаго вопроса и нынѣшнее его состояніе показываютъ что турецкій вопросъ разрѣшимъ не только со стороны Балканскаго

полуострова. Баторій настаивалъ на томъ, чтобъ ему предоставлена была инициатива въ этомъ дѣлѣ, и чтобы не мѣшали ему устроить изъ Московскаго государства точку опоры для предпріятій противъ султана. Поссевиизъ, котораго Баторій посвятилъ въ этотъ планъ, увлекся имъ не менѣе короля и сдѣлался истолкователемъ его передъ папой.

Съ проектомъ Баторія мы знакомимся по письму Поссевина къ кардиналу ди Комо отъ 29-го августа 1584 года (Ширлингъ, приложение VIII р. 133—152); приводимъ изъ него нѣсколько извлеченій. „Король заявилъ, что онъ ждалъ меня съ нетерпѣніемъ, желая сообщить о дѣлѣ высочайшей важности, по которому мнѣ не только нужно писать, но и отправиться самому для переговоровъ съ нѣкоторыми князьями. По его мнѣнію, пользуясь настоящимъ состояніемъ Московскаго государства, при содѣйствіи нѣкоторыхъ князей можно въ три года завоевать Москву и, при посредствѣ татаръ, обращенныхъ къ христіанству, отнять у турокъ средства вредить христіанской Европѣ. Завоевавъ черкесовъ и грузинъ и заключивъ союзъ съ Персіей, король найдетъ возможность покончить съ турками и на востокѣ. Онъ указалъ мнѣ даже, что у литовскаго маршалка, когда онъ возвращался изъ Іерусалима, былъ разговоръ съ кандіотами, которые, прося его побудить короля предпринять что-либо для освобожденія востока, ссылались на слабость султана и обѣщались давать субсидію въ 300,000 скуди въ годъ. Выслушавъ это, я указалъ хорошо на трудность дѣла и присовокупилъ, что проектъ его слѣдуетъ внимательно обсудить, и что безъ сомнѣнія, предпріятіе будетъ осуществлено въ интересахъ христіанской вѣры и не сопряжено будетъ съ такими жестокостями и разрушеніемъ, которыя я видѣлъ въ Московіи. Если означенное выше окажется достойнымъ вниманія, то прошу принять въ соображеніе слѣдующія мои замѣчанія: во-первыхъ, нужно всемѣрно остерегаться заронить въ Москвѣ подозрѣніе, будто святой престолъ замышляетъ противъ Россіи какое зло. Было бы, можетъ быть, полезно теперь же войти въ сношенія съ великимъ княземъ и боярами и предложить имъ отъ его святѣйшества, что ратосіиницъ Польскаго короля предохранилъ бы ихъ отъ ига и плѣненія татарскаго. Такое предложеніе было бы выгодно для короля, не обременительно для Московитовъ и не связывало бы апостольскій престолъ. Вовторыхъ, слѣдуетъ снестись съ венеціанцами и побудить ихъ пристать къ лигѣ. Хотя венеціанскій дожъ говорилъ мнѣ многократно, что соединенныя московскія и поль-

скія силы въ состояніи будутъ обломать рога Турціи, но венеціанцы могли бы помочь въ этомъ, давъ нѣкоторую сумму королю на два или на три года и сдѣлавъ диверсію противъ турокъ. Этимъ путемъ они оказали бы содѣйствіе и святому престолу, которому король чувствовалъ бы себя обязаннымъ за эту помощь“....

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Поссевинъ сочувствовалъ планамъ Баторія. Его озабочивало лишь то обстоятельство, чтобы не узнали о томъ въ Москвѣ, и чтобы не связать себѣ руки на случай неуспѣха плановъ Баторія. Его занимаютъ еще соображенія о томъ, чтобы святому престолу не пришлось пожертвовать значительными денежными средствами. Между тѣмъ, авторъ толкуетъ этотъ документъ иначе: ему хочется отстоять безпристрастіе Поссевина и нерасположеніе въ Римѣ къ планамъ Баторія (р. 27—28). На толкованіи этого и нижеслѣдующихъ документовъ вообще всего легче понять и оцѣнить методъ о. Пирлинга. И въ приводимыхъ имъ матеріалахъ, и въ его собственномъ изложеніи недостаетъ безпристрастія.

Римскія воззрѣнія на проектъ Баторія рисуются въ письмахъ кардинала Комскаго къ Поссевину, одно изъ которыхъ было сообщено Баторію этимъ іезуитомъ (Приложенія р. 146—152). Въ одномъ письмѣ излагается слѣдующее: „На счетъ службы его величества короля по московскому дѣлу папа узналъ съ большимъ удовольствіемъ и готовъ съ своей стороны сдѣлать все, что можно. Но такъ какъ теперь его святѣйшество занимаютъ другія заботы, то онъ признаетъ неудобнымъ, чтобы вы принимались за это дѣло, и потому совѣтуется вамъ не двигаться съ мѣста, пока не выяснится исходъ нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствъ. Тѣ, на которыхъ вы основываете ваши надежды, то-есть, венеціанцы, очень неподатливы на субсидіи, точно также и флорентинцы; да нельзя много рассчитывать и на апостольскій престоль, обремененный другими расходами. Посему ожидайте, пока состоятся комидіи, и пока апостольскій престоль, знающій больше насъ, усмотритъ благопріятный случай взяться за это дѣло и чрезъ посредство кардинала Балоньетти вступить въ прямыя переговоры съ королемъ“. Почти цѣликомъ Поссевинъ сообщилъ это письмо Польскому королю, измѣнивъ въ немъ впрочемъ смыслъ того мѣста, которое относится къ Венеціи и Флоренціи.

Во второмъ письмѣ того же кардинала, отъ 20-го октября 1584 года, Поссевину рекомендуется слѣдующее (р. 29—31): „Его святѣйшество вообще не желаетъ давать совѣты королю по поводу его предпріятія противъ Московіи, предоставляя этотъ вопросъ вполне благо-

усмотрѣнію его величества, питая увѣренность, что король изберетъ самое мудрое и сообразное обстоятельствамъ рѣшеніе. Что касается до денежныхъ субсидій, папа находитъ неудобнымъ отъ своего имени требовать ихъ у Венеціи и Флоренціи, равно какъ не желаетъ, чтобы вы отправились для этого отъ имени короля, дабы никто даже не могъ и подумать, что это дѣло идетъ отъ папы. Между тѣмъ было бы сообразно съ желаніями его святѣйшества, еслибы король отъ себя отправилъ кого-нибудь безъ шума и въ секретѣ трактовать съ означенными князьями объ этомъ дѣлѣ. Если они согласятся, папа поступитъ какъ и они. Объясните это лично его величеству, предоставивъ ему поступить, какъ заблагоразсудится; вамъ же нѣтъ необходимости идти для этого въ Римъ или въ Италію“.

Какой смыслъ этого документа, спрашиваетъ Пирлингъ?—Онъ свидѣтельствуетъ, будто бы, и притомъ весьма ясно, о безпристрастїи папы и его любви къ миру. Еслибы, говоритъ нашъ авторъ,—папа желалъ гибели Москвы, онъ сталъ бы поступать иначе и лучше воспользовался бы представляющимся случаемъ. На рѣчь о субсидіи нельзя смотрѣть какъ на серьезное обѣщаніе. Это была просто дипломатическая увертка, чтобы избѣжать упрековъ Баторія и не поспориться съ нимъ.

Съ этимъ заключеніемъ мы никакъ не можемъ согласиться, и главнымъ образомъ потому, что субсидія Польшѣ обѣщана была не въ шутку, а дѣйствительно отправлена была, что и увидимъ ниже. Нерѣзительность папы объясняется на нашъ взглядъ не любовью его къ миру, а нѣкоторымъ недоувѣріемъ къ плану Баторія и нежеланіемъ связывать себѣ руки по отношенію къ Москвѣ въ томъ случаѣ, еслибы пришлось дѣйствовать не въ согласіи съ Польскимъ королемъ. Правильный взглядъ на разсматриваемыя отношенія съ достаточною ясностью открывается самимъ же авторомъ въ другихъ мѣстахъ книги. Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что авторъ напрасно разбилъ на нѣсколько главъ однородный матеріалъ, который лучше было разсмотрѣть въ одной главѣ (главы 2-я, 3-я и 4-я).

Нѣтъ ничего удивительнаго, если Поссевинъ сочувствовалъ смѣлому проекту Баторія; за этотъ планъ стоялъ и знаменитый канцлеръ Замойскій. О. Пирлингъ хорошо понималъ увлекающійся характеръ Поссевина, способнаго быстро создавать комбинаціи и склоннаго къ смѣлымъ проектамъ. Когда изъ Рима ему дали понять, что онъ напрасно думаетъ возложить на святой престолъ инициативу въ очень

сомнительномъ предпріятіи, онъ скоро усвоилъ себѣ другой кругъ воззрѣній, подъ вліяніемъ котораго вступаетъ въ переговоры съ московскими послами Троекуровымъ и Безинимъ въ началѣ 1585 года. Теперь онъ питаетъ надежду на близкій переворотъ въ Москвѣ, вслѣдствіе котораго Россія сдѣлается католическою страной, въ ней будетъ учреждено постоянное римское представительство, Московія соединится съ Польшей, и тогда сердце Азіи откроется для католической проповѣди (Пирлингъ р. 50—51). Объясненіе этой перемѣны въ воззрѣніяхъ Поссевина, равно какъ вообще уклончивости римской политики по отношенію къ завоевательнымъ планамъ Баторія; нужно искать не въ любви Рима къ миру, а въ слѣдующемъ соображеніи, практическое значеніе котораго понялъ въ концѣ концовъ и самъ Поссевинъ. „Я боюсь“, говорилъ онъ разъ Баторію,—„что вслѣдствіе вашихъ побѣдъ аріанизмъ и атеизмъ проникнетъ туда, гдѣ были прежде только схизма“ (Пирлингъ р. 48) Проще говоря, Поссевину было внушено, что съ завоеваніемъ Московіи Польскимъ королемъ едва ли много выиграетъ католичество. Съ этой точки зрѣнія, разсматриваемая авторомъ въ отдѣльной главѣ записка Замойскаго (р. 33—43) представляетъ въ себѣ только оправданіе и давленнѣйшее развитіе польскихъ видовъ на московскую войну, которые равнѣ раздѣлялъ и самъ Поссевинъ. Эта записка должна быть изучаема въ ближайшей связи съ проектомъ Баторія и имѣть цѣлю разсѣять нѣкоторыя сомнѣнія римскихъ дипломатовъ. Замоискій смотритъ на войну съ Москвою, какъ на военную прогулку. Благвременность ея вызывается положеніемъ Россіи, необходимость же обусловливается пользами христіанства. Теперь самое удобное время—думаетъ Замоискій—вооружиться противъ Турціи и отвратить силы ея отъ христіанскихъ государствъ. Война съ Москвою есть средство обуздать самихъ турокъ. Ибо если турки присоединятъ къ своей имперіи это огромное государство, на которое они уже бросаютъ взгляды, если они завладѣютъ Скивіей и Московіей и приблизятся къ Польшѣ съ двухъ сторонъ, чтò воспрепятствуетъ имъ обрушиться на Польшу и на самую Германію и выставить противъ христіанской Европы всѣ свои силы, доннѣ сдерживаемыя непреодолимыми препятствіями? Король руководится въ этомъ случаѣ единственно сознаніемъ опасности, угрожающей христіанской республикѣ, и считаетъ своимъ долгомъ, ради общей пользы, а не личныхъ выгодъ, посвятить себя на осуществленіе этого предпріятія и пожертвовать для этого даже своею жизнью, чтò и докажетъ всѣмъ, а въ особенности его святѣйшему.

Что касается до военныхъ средствъ, то король можетъ вести войну и на свой счетъ, еслибы отказались помогать ему. Въ случаѣ, еслибы москвиты добровольно уступили Польшѣ, тогда на собранныя средства можно было бы строить школы и церкви и распространять католичество въ Трансильваніи, наконецъ заняться укрѣпленіемъ этой страны, составляющей охрану Европы.

Въ виду указанныхъ проектовъ, которыми заняты были Баторій и канцлеръ Замойскій, предложеніе послѣдняго русскимъ посламъ о соединеніи Москвы и Польши въ одно государство въ случаѣ смерти Ѳедора Ивановича, дѣйствительно представляется довольно страннымъ и неожиданнымъ. Этотъ вопросъ разсматривается о. Пирлингомъ также въ двухъ главахъ (частію въ 4-й и во всей 5-й главѣ р. 54—69), при чемъ авторъ старается поставить въ связь воинственные проекты съ мирною миссіей Гарабурды и опровергнуть высказанныя на этотъ счетъ мнѣнія Карамзина и Соловьева (Пирлингъ р. 62). Мы не можемъ одобрить этой попытки, ибо нельзя соединять разнородные факты, которые объясняются изъ разности воззрѣній на московское дѣло въ Римѣ и Польшѣ. Римская политика заключалась въ томъ, чтобы, поддерживая воинственный пылъ Баторія, не подать въ то же время и тѣни подозрѣнія въ Москвѣ на счетъ сочувствія завоевательнымъ планамъ Польши. Эта политика была рекомендована самимъ Поссевиномъ и, очевидно, принята къ руководству. Такимъ образомъ, исторія воинственныхъ проектовъ представляетъ собою одну сторону политики, именно польскую, проекты же мирнаго соглашенія, въ которые въ сущности никто не вѣрилъ, составлялись въ угоду римской политикѣ. Нежеланіе отдѣлать два рода фактовъ привело автора къ противорѣчивымъ выводамъ, подобнымъ слѣдующему: „La vérité est que Bathory ne rêvait que la guerre avec Moscou, la mission de Haraburda se rattache à un plan de conquête!“ (р. 64) Известно, что миссія Гарабурды не имѣла успѣха. Въ дополненіе къ русскимъ официальнымъ актамъ по этому вопросу любопытно письмо Баторія къ Поссевину отъ 22-го іюля 1585 года, въ которомъ говорится, что въ Москвѣ начинается общее возмущеніе, что народъ желаетъ Баторія на царство и снаряжаетъ въ Польшу посольство; что напали турки и татары на Россію, перебивъ пять и плѣнивъ пятнадцать тысячъ, и что организуется новая турецкая армія. Взятое отдѣльно, это письмо совершенно правильно понято авторомъ (р. 72): это были для Баторія *les prémisses nécessaires des conclusions qu'il voulait établir et faire pratiquement accepter*. Но когда приходится судить о

римскихъ взглядахъ, тамъ автора оставляетъ здравая критика и безпристрастіе.

По смерти папы Григорія XIII, Баторій снова выступаетъ съ своими военными планами противъ Москвы (Пирлянгъ, р. 75—84), между тѣмъ какъ новый папа Сикстъ V думалъ продолжать традиціонную политику своего предшественника, то-есть, посылаетъ извѣстительную грамоту въ Москву о своемъ избраніи и поручаетъ Поссевину препроводить ее по назначенію. Для выясненія этихъ отношеній есть два документа, въ первый разъ изданные о. Пирлянгомъ (приложенія, р. 162—172).

Болѣе интереса представляетъ инструкція, данная Польскимъ кардиналу Андрею Баторію, отправленному въ Римъ къ новому папѣ. Принеся папѣ поздравленія, посолъ долженъ былъ войти въ обсужденіе политическихъ дѣлъ. Король надѣется, что отъ Московіи будетъ приращеніе христіанскому дѣлу и помощь противъ турокъ, если только во главѣ ея станетъ католическій князь. Московія — весьма обширная страна, соприкасающаяся съ Каспійскимъ моремъ и океаномъ и простирающаяся до азіатскихъ странъ и народовъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, которые называются грузинами и пятигорцами; въ нее входятъ и нѣкоторые смекскіе народы, подчиненные умершимъ княземъ. Если эти страны подпадутъ подъ власть католическаго государя, слѣдствіемъ того будетъ широкое распространеніе католической вѣры, и прежде всего сами москвиты, слѣдующіе греческому обряду, войдутъ въ унию съ католическою церковью, и въ землѣ ихъ возникнутъ католическія епископіи и церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдуетъ усиленіе христіанъ предъ султаномъ. Ибо не неизвѣстны вашему святѣйшеству силы врага и громадныя средства для нанесенія вреда, имѣющіяся въ его распоряженіи. Кто думаетъ нанести ему чувствительный ударъ, долженъ заручиться общимъ согласіемъ христіанскихъ князей. Опытъ предшествовавшихъ временъ учитъ, что, и потерпѣвъ пораженіе, султанъ имѣетъ способы снова собрать военныя силы, какъ случилось послѣ дѣла при Лепанто. Чувствительный ударъ султану всего удобнѣе нанести съ тылу. Средства для этого имѣетъ Московія, какъ по громадному протяженію земель, съ которыхъ можно набирать войско, такъ по важности своего положенія и по пограничности съ населеннѣйшими христіанскими странами. Она можетъ вступить въ союзъ съ персами, въ ея владѣніяхъ находится Каспійское море. Хотя это море не представляетъ хорошихъ гаваней, но въ немъ есть Астра-

часть сскѣ, отд. 2.

ханская гавань; кто ею владѣть, владѣть самымъ моремъ. Въ Астраханской гавани можетъ быть выстроенъ флотъ, а окрестное населеніе доставитъ хорошихъ моряковъ. Владѣющій флотомъ на Каспійскомъ морѣ можетъ въ союзѣ съ персами быть грозой для азіатскихъ и нѣкоторыхъ европейскихъ провинцій Турціи, дѣлая въ нихъ легкія высадки. Значеніе этого пункта видно изъ того, что отецъ султана Мурата предполагалъ соединить каналомъ Волгу и Донъ. Что прежде не удалось, можетъ быть достигнуто въ другой разъ, и потому можно опасаться, что турки, овладѣвъ Каспиемъ, захватятъ и Московію. Это обстоятельство чрезмѣрно увеличитъ могущество султана, персы тогда не будутъ ему страшны, и онъ безъ всякой помѣхи наложитъ на христіанскія провинціи. Для предупрежденія этого, его величество находитъ нужнымъ предварительно завоевать Московію, а потомъ подумать о мѣрахъ противъ Турціи. Въ настоящее время не представляетъ особенныхъ трудностей осуществленіе первой задачи. Московіей управляетъ больной и слабый князь, фактически власть перешла въ боярамъ, которые интригуютъ изъ-за преобладанія, народъ помышляетъ объ избраніи новаго государя. Имѣя въ виду родство русскихъ по языку и вѣрѣ съ малороссами, а также близость русскаго языка съ польскимъ, не будетъ трудно привести московитовъ къ сознанію пользы подчиненія Польскому королю, въ особенности если, съ одной стороны, напугать ихъ войной, а съ другой—подѣйствовать на нихъ гуманностью и убѣжденіемъ. Король, всегда чуждый честолюбія, задается этою мыслью не ради личныхъ выгодъ, но ради пользы всего христіанства; если его святѣйшество приметъ къ сердцу это дѣло и воспользуется случаемъ къ распространенію католической вѣры и умноженію христіанскихъ силъ, то онъ можетъ утребить короля какъ свое орудіе. Король готовъ былъ бы принять на себя осуществленіе этого проекта, но такъ какъ его государство истощено податями на предшествовавшія войны, и притомъ же по случаю московской войны ему придется по долгу отсутствовать изъ Польши и лишиться возможности своимъ личнымъ авторитетомъ вліять на назначеніе новыхъ податей, то чтобы не потерять случая оказать помощь христіанству, онъ рѣшился предложить это дѣло на благоусмотрѣніе папы. Пусть онъ взвѣситъ и обсудитъ это предложеніе, король же обѣщаетъ свою готовность, какое ни послѣдовало бы рѣшеніе.

Сказавъ это, посолъ долженъ былъ ждать отвѣта папы и о послѣдующемъ подробно увѣдомить Польскаго короля. Еслибы папа

пожелалъ узнать, сколько издержекъ потребуеть это дѣло, и сколько оно возьметъ времени, то отвѣчать, что по мнѣнію короля, будетъ достаточно двадцать-четыре тысячи пѣшаго и коннаго войска, экспедиція же потребуеть не больше трехъ лѣтъ. Можетъ случиться, что москвиты, отчаявшись въ своихъ силахъ и не надѣясь на своего князя, а также напуганные войной и подстрекаемые убѣжденіями, добровольно перейдутъ на сторону короля,—тогда все дѣло потребуеть менѣ хлопотъ и издержекъ. Расходовъ потребуется на четырехлѣтній срокъ 15 польскихъ флориновъ для коннаго и 12 флориновъ для пѣшаго воина, небольшая надбавка должна быть въ пользу дежуріоновъ и начальниковъ частей. Король принимаетъ на себя половину расходовъ, если папа покроетъ другую. Если спросятъ: деньгами или людьми потребуется субсидія, то сказать, что по многимъ причинамъ предпочтительнѣе деньгами, ибо людей предполагается вербовать въ сосѣднихъ провинціяхъ, привычныхъ къ климату Московіи.

Таковъ замѣчательнѣйшій документъ, извлеченный авторомъ изъ архивовъ Ватикана. Нужно признать, что въ исторіи московско-польскихъ отношеній конца XVI вѣка не была еще затронута та сторона дѣла, которая такими яркими красками изображена въ инструкціи кардиналу Ваторію. Много прекрасныхъ страницъ о Стефанѣ Ваторіѣ можно находить въ 6-мъ и 7-мъ томѣ изъ исторіи Соловьева (VI, 361—364; VII, 260, 277—278), но у Соловьева характеристика оказывается блѣдною по сравненію съ новыми матеріалами, заключающимися въ книгѣ о Пирлинга. Вспомнимъ, что оригинальный планъ разрѣшенія Восточнаго вопроса посредствомъ завоеванія Россіи и обращенія ея въ католичество окончательно выработанъ былъ Ваторіемъ въ 1586 году, что этотъ планъ не только не былъ отвергнутъ въ Римѣ, но исполненъ въ той части, которая касалась лично папы, ибо онъ послалъ часть субсидій. Ясно, что осуществленію его воспрепятствовала не римская руссофильская политика, какъ желаетъ доказать о. Пирлингъ, а неожиданная смерть Ваторія въ декабрѣ 1586 года. Римъ же и послѣ того всюду искалъ, какъ показывается инструкція Камуловичу (вновь и вполнѣ издана о. Пирлингомъ въ журналѣ Старина, въ XVI книгѣ), *sapere di si honorata et si nobile attione*, но не такъ легко было найти втораго Стефана Ваторія.

Но возвратимся къ ходу дѣла объ этомъ замѣчательномъ проектѣ. Между тѣмъ какъ Андрей Ваторій отправился въ Римъ, Поссевинъ

снова сдѣлался повѣреннымъ короля, который рѣшился отправить его въ Италію вступить въ соглашеніе съ Венеціей и Флоренціей. Получивъ на это согласіе папы, Поссевинъ отправился изъ Польши въ августѣ 1586 года.

По прежде чѣмъ произнести окончательное сужденіе о томъ, охладил ли папу донесенія и личныя сообщенія Поссевина относительно польскаго проекта, или же напротивъ, сдѣлали сторонникомъ и участникомъ, необходимо ознакомиться съ личными воззрѣніями на этотъ счетъ Поссевина. Еще 5-го іюля, то-есть, находясь въ Польшѣ, онъ писалъ къ кардиналу Аццолино о московско-польскихъ дѣлахъ и своемъ путешествіи въ Италію (Ширлингъ, р. 173—174). Прямыхъ заключеній о взглядахъ его на знаменитый проектъ нельзя однако извлечь изъ этого письма. Оно въ сущности высказывается только о затрудненіяхъ по отправкѣ въ Москву панскаго извѣстительнаго посланія. Поссевинъ выражаетъ опасеніе, не оскорбится ли король этимъ, и не лучше ли выждать отъ него кое-какихъ обѣщаній по отношенію къ еретикамъ Ливоніи. Вообще же онъ обѣщаетъ дать больше свѣта на темныя стороны вопроса и поставить папу въ возможность дѣйствовать съ полною увѣренностью посредствомъ личныхъ сообщеній. О томъ, что говорилъ Поссевинъ въ Римѣ въ сентябрѣ 1586 года, можно судить на основаніи донесенія венеціанскаго уполномоченнаго въ Римѣ Гритти. Онъ писалъ, что Поссевинъ имѣлъ аудіенцію у папы и долго бесѣдовалъ съ кардиналомъ Аццолино о московскихъ дѣлахъ, что возвратившійся изъ Польши іезуитъ обнадеживаетъ въ легкости осуществленія проекта, ссылаясь на нерасположеніе бояръ и народа къ великому князю, большому тѣломъ и душой, и на склонность ихъ подчиниться Польскому королю. Самъ король, по сходству въ языкѣ, обрядахъ и обычаяхъ съ москвитами, равно какъ по своей доблести и рѣшительности, признанъ весьма способнымъ къ осуществленію предпріятія (Ширлингъ, р. 175). Излишне было бы прибавлять, что въ сущности Поссевинъ былъ воспитателемъ и истолкователемъ тѣхъ же идей, которыя изложены въ инструкціи Андрею Баторію.

Автору, конечно, извѣстительно закрывать глаза на двойную политику римскаго двора, по отношенію къ Москвѣ. Во что бы то ни стало онъ хочетъ доказать, что въ Римѣ не одобрили проектъ Баторіи (р. 85—94), и противопоставляетъ для этого два письма папы отъ 20-го ноября 1586 года: одно къ Баторію, другое къ Московскому князю Федору Ивановичу. Въ письмѣ къ Стефану Баторію

Сикстъ V, выражая радость о распространеніи католической вѣры, находитъ однако лучшимъ сначала послать Поссевина въ Москву и попытаться согласить великаго князя на уступку Польскому королю, дабы соединить московскія и польскія силы противъ общаго врага. Въ случаѣ же несогласія Федора на предложенія, папа даетъ обѣщаніе охотно присоединиться къ польскимъ планамъ (*liberius poterimus tuis optimis conatibus adesse*). О денежной субсидіи не упоминается ни слова въ этомъ документѣ. Что касается до другаго письма—къ Московскому князю, оно въ сущности ничего не можетъ доказывать въ данномъ вопросѣ: вѣдь главная задача римской политики заключалась въ томъ, чтобы не заронить подозрѣнія въ Москвѣ на счетъ сочувствія враждебнымъ противъ нея замысламъ Польши. Чѣмъ любезнѣе письмо къ Федору Ивановичу, тѣмъ лучше достигалась предположенная цѣль. Такимъ образомъ, требуются другія доказательства, чтобы оправдать папу въ соучастіи съ Баторіемъ противъ Москвы.

О. Пирлингъ приводитъ данныя за и противъ обвиненія; на этихъ данныхъ позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться.

Какъ извѣстно (Карамзинъ, X, стр. 25), весь вопросъ здѣсь сводится къ опѣнкѣ извѣстія Гейденштейна о томъ, что Сикстъ V послалъ Стефану Баторію 25,000 скуди, какъ субсидію для войны съ Москвою. Нашъ авторъ не беретъ опровергать самый фактъ посланки денегъ, который засвидѣтельствованъ многими извѣстіями, но старается объяснить его нѣсколько иначе: выдача Стефану Баторію 25 тысячъ скуди еще не доказываетъ, будто бы, присоединенія папы къ польскому проекту. Приводимъ рассужденія о. Пирлинга (р. 91 и сл.): „Въ письмѣ къ кардиналу Алдолино, отъ 10-го января 1587 года, Поссевинъ рѣшительно утверждаетъ, что папа не одобрилъ проектъ московской войны, и что на просьбу Баторія о субсидіи, прямо отвѣчалъ: государи должны помогать папѣ, а не папа подавать милостыню государямъ. Можно такимъ образомъ заключить, что папа не сдѣлалъ никакихъ пожертвованій въ пользу этого грандіознаго плана, который не былъ притомъ разработанъ. Но, съ другой стороны, фактъ выдачи субсидіи засвидѣтельствованъ неопровержимо. Самъ Сикстъ V упоминаетъ о немъ въ рѣчи, произнесенной по случаю смерти Баторія. Онъ сказалъ, что его душа потрясена скорбію объ уtratѣ короля великодушнаго, храбраго и католическаго. Баторій былъ государь великаго духа, ибо онъ постоянно стремился въ возвышеннымъ дѣламъ, и даже въ послѣднее время въ его го-

ловѣ зрѣли благородные и смѣлые замыслы. Онъ былъ государь храбрый, ибо ни опасность, ни неудачи не могли отклонить его отъ задуманныхъ предпріятій и ослабить его энергію. Что касается его постоянства въ католической вѣрѣ, оно блистательно доказывается всѣмъ его поведеніемъ, и въ особенности извѣстною рѣчью, произнесенною на сеймѣ. Ибо, сказавъ, что онъ будетъ защищать католичество всѣми своими силами, онъ обнажилъ свою шпагу и воскликнулъ: „Этимъ однимъ оружіемъ, если утратимъ все остальное, будемъ защищать христіанскую вѣру!“ И обративъ остріе на свою грудь, присовокупилъ: „Еслибы мнѣ угрожала опасность умереть не католикомъ, я немедленно лишилъ бы себя жизни“. Такого государя утратили мы—продолжалъ папа—на котораго я возлагалъ возвышенныя надежды, и которому послалъ добрую сумму банковыми билетами—эта сумма простирается до 25 тысячъ скуди—въ намѣреніи направиться съ его помощію черезъ Московію противъ Турціи“.

Отдадимъ честь автору. Сообщение этого документа (*un témoignage irrécusable*) достаточно свидѣтельствуетъ объ его добросовѣстности и искренности, которую мы отмѣчали и во многихъ другихъ случаяхъ. Планъ Баторія былъ въ высшей степени заманчивъ, его военная слава и безспорно выдающіяся военныя дарованія не могли не увлечь папское правительство, и оно не устояло противъ соблазна. Неожиданная смерть Баторія дѣйствительно разстроила замыселъ противъ Москвы, который уже былъ организованъ и въ подробностяхъ осуществленія. Трудно, конечно, гадать, удалось ли бы Баторію подчинить Москву, но несомнѣнно, что въ 1587 и слѣдующемъ годахъ онъ могъ начать приводить въ исполненіе свой проектъ.

Объ участіи папскаго правительства въ польскомъ проектѣ противъ Москвы посредствомъ субсидіи свидѣтельствуютъ еще донесенія венеціанскаго посла въ Римѣ Гритти (приложенія, р. 176, 179). Въ одномъ говорится, что это дѣло еще не рѣшено, а что трактовать о немъ будутъ съ Поссевиномъ; въ другомъ, отъ 10-го января 1587 года, прямо уже утверждается, что папа послалъ извѣстную сумму Польскому королю.

О. Пирлингъ пытается защитить папу на основаніи текста этого послѣдняго донесенія Гритти, которое заключается въ слѣдующемъ: „Въ предыдущемъ донесеніи я извѣщалъ о субсидіи, просимой королемъ на предпріятіе противъ Московіи; теперь присоединяю къ этому: король Стефанъ обѣщался вести войну съ Турціей, а не съ Московіей; на этомъ условіи папа обѣщался помогать ему и послалъ

25 тысячъ солидовъ". Отсюда авторъ заключаетъ, что рѣчь шла не объ обязательствѣ ежемѣсячнаго взноса денегъ, что было бы равносильно полному одобренію польскаго проекта, но лишь о простомъ вспоможеніи на крестовый походъ противъ турокъ, имѣющій открыться черезъ Московію.

Но что жъ изъ этого? И мы можемъ подписаться подъ этимъ заключеніемъ, нисколько не измѣняя взгляда на соучастіе Сикста V въ польскомъ проектѣ. Весьма вѣроятно, что въ Римѣ найдена была подходящая формула, которая не связывала бы папѣ руки на случай неудачи проекта. Въ общемъ и Стефанъ Баторій, ссылаясь на благочестивую цѣль—войну съ турками, и онъ старался доказать, что разрѣшеніе Восточнаго вопроса, должно начаться съ завоеванія Россіи и подчиненія ея католическому государю. Присоединяясь къ проекту войны съ турками московскимъ путемъ, папа въ сущности одобрялъ въ цѣлостъ проектъ Баторія. Укажемъ еще, что простое приличіе требовало дать знать венеціанскому послу, у котораго и заимствуетъ авторъ облегчающее обстоятельство, что папа одобряетъ не московскую войну, а турецкую, ибо венеціанцы имѣли нѣкоторые интересы въ Россіи; притомъ же предполагалось, что и они примутъ участіе въ осуществленіи проекта Баторія денежными вспоможеніями.

Смерть Баторія разрушила оригинальный проектъ разрѣшенія Восточнаго вопроса. Этотъ проектъ есть столько же произведеніе военнаго гевія Стефана Баторія, сколько результатъ исконной вражды между Польшей и Россіей, которыя не могли ужиться рядомъ.... „Два раза“, говоритъ о Пирлингъ (р. 101) про Баторія,—„этотъ великій полководецъ направлялъ свои взоры на Москву. Завоеваніе Московіи открыло бы ему ворота въ Азію и отдало бы его арміямъ Константинополь; образовалась бы новая восточная имперія, въ которой господствовалъ бы славянскій элементъ, съ Польшей во главѣ. Таковы были политическія мечты Баторія“. Но правда ли, что эти планы исчезли изъ памяти поляковъ со смертію Баторія? Не помнили ли о нихъ польскіе государственные люди и въ самомъ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка? Изучающему московско-польскія отношенія позднѣйшаго времени слѣдуетъ чаще вспоминать политическія идеи Баторія, которыя въ первый разъ отчетливо выписываются въ разбираемой нами книгѣ.

Не соглашаясь съ толкованіемъ почтеннымъ авторомъ нѣкоторыхъ документовъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что богатство приводимыхъ имъ въ приложеніяхъ новыхъ матеріаловъ даетъ под-

готовленному читателю полную возможность извлекать изъ книги историческое зерно, очищенное отъ религиозныхъ примѣсей и тенденцій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ текстѣ. Рассмотрѣнный въ этой книгѣ эпизодъ изъ исторіи Восточнаго вопроса имѣетъ безспорно важное историческое значеніе и пополняетъ любопытѣйшими чертами исторію московско-польскихъ отношеній. Нельзя не пожелать, чтобъ авторъ продолжалъ разработку интереснаго вопроса, въ который онъ пролилъ уже много новаго свѣта.

Въ заключеніе позволимъ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній. Нельзя писать исторію Восточнаго вопроса, понимая такъ узко свою задачу, какъ это дѣлаетъ авторъ, необходимо расширить перспективу, то-есть, раздвинуть область изученія источниковъ и литературы. Нельзя одобрить приемъ—писать исторію политическихъ отношеній между государствами на основаніи однихъ официальныхъ актовъ. Наконецъ, въ частности по отношенію къ Поссевиному, мы желали бы болѣе обширнаго ознакомленія съ его дипломатическою дѣятельностью, какъ въ Москвѣ и Польшѣ, такъ въ Молдавіи и Валахіи. Мы глубоко убѣждены, что Ваторій и Поссевины дали новое направленіе развитію Восточнаго вопроса, и что проекты и планы ихъ далеко не остались безъ слѣда въ исторіи.

Въ октябрьской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1884 годъ (стр. 321 — 333) мы помѣстили разборъ изслѣдованія г. Пирлинга „Rome et Démétrius“. Тогда мы знали только лонское изданіе этого сочиненія, на основаніи котораго и провозносили свое сужденіе. Между тѣмъ существуетъ другое изданіе этого труда, значительно дополненное и переработанное: *Rome et Démétrius d'après les documents nouveaux avec pièces justificatives et facsimile* (Paris. 1878). Уже самъ о. Пирлингъ доставилъ намъ возможность ознакомиться съ этимъ вторымъ изданіемъ, любезно приславъ книгу. Какъ для изслѣдователя, такъ и для простаго читателя, весьма важно знать, что второе изданіе не только во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ первое, но и дѣлаетъ его совершенно ненужнымъ. Первое изданіе—маленькая книжка въ 90 страницъ, второе—почти вдвое больше (I—XXVI + 124). Судѣнные нами упреки автору по поводу перваго изданія за то, что онъ не сообщаетъ подлинныхъ актовъ, являются излишними при взглядѣ на второе изданіе, снабженное подстрочными примѣчаніями и обширными при-

ложеніями, въ которыхъ напечатаны новыя тексты (р. 157—218). Такъ какъ эти послѣдніе составляютъ безспорное преимущество трудовъ о. Пирлинга, давая обильный матеріалъ къ пересмотру старыхъ вопросовъ и къ постановкѣ новыхъ задачъ изслѣдованія, то легко понять, что изслѣдованіе о первомъ самозванцѣ ждетъ еще критики съ точки зрѣнія оправдательныхъ піесей, украшающихъ второе изданіе. Въ настоящее время нижеподписавшійся имѣлъ въ виду только извиниться передъ читателями и авторомъ за недомотръ.

Ф. Успенскій.

Меоодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Императорскимъ Варшавскимъ университетомъ въ 6-му апрѣля 1885 г., подъ редакціею орд. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885.

Отпразднованное минувшаго 6-го апрѣля всеславянское торжество прошло не безслѣдно для русской науки. Благодаря ему, наша и безъ того весьма значительная литература по Кирилло-Меоодіевскому вопросу обогатилась цѣлымъ рядомъ большихъ и малыхъ, научныхъ популярныхъ сочиненій и изданій. Наши высшія учебныя заведенія — университеты, духовныя академіи и историко-филологическіе институты, въ лицѣ своихъ ученыхъ представителей, естественно приняли повсюду самое живое участіе въ Меоодіевскихъ праздникахъ. Рѣчи и статьи, написанныя для юбилея профессорами славистики и русской литературы, занимаютъ выдающееся мѣсто въ этой новой кирилло-меоодіевской литературѣ. Но изъ всѣхъ русскихъ университетовъ наиболее достойнымъ образомъ ознаменовалъ чествованіе памяти великихъ славянскихъ просвѣтителей Варшавскій университетъ, издавшій ко дню 6-го апрѣля обширный „Меоодіевскій юбилейный сборникъ“. Ничего нѣтъ удивительнаго, что такое почтенное литературное предпріятіе осуществлено именно здѣсь, на окраинѣ Русскаго государства, а не гдѣ-либо въ центрѣ его, такъ какъ въ настоящее время Варшавскій университетъ въ силу особыхъ благоприятныхъ обстоятельствъ богаче всѣхъ остальныхъ университетовъ имперіи спеціалистами по разнымъ областямъ славяновѣдѣнія.

По словамъ редактора изданія, варшавскій „Меоодіевскій сборникъ“ вызванъ тѣми же побужденіями и провинуть тѣмъ же духомъ, что московскій „Кирилло-Меоодіевскій сборникъ“ 1863 года. Но такъ какъ мысль о варшавскомъ сборникѣ возникла очень поздно, и печат-

таніе его рѣшено лишь въ началѣ февраля текущаго года, то-есть, за два мѣсяца до юбилейнаго дня, то на статьяхъ его лежитъ печать срочной и спѣшной работы, чего нельзя, конечно, сказать о сборникѣ московскомъ. Дѣйствительно, при чтеніи сборника нельзя не замѣтить слѣдовъ спѣшной работы, какъ при составленіи, такъ и при печатаніи книги. Въ содержаніи статей попадаются повторенія, разногласія и даже противорѣчія во взглядахъ, что признаетъ и самъ редакторъ сборника. Съ вѣшной стороны въ книгѣ бросается въ глаза обиліе опечатокъ и отсутствіе непрерывной пагинаціи: каждая статья имѣетъ свой счетъ страницъ. Не смотря на всѣ эти недостатки, варшавскій юбилейный сборникъ и по лежащей въ основаніи его идеѣ, и по содержательности помѣщенныхъ въ немъ статей, и по важности затронутыхъ и рѣшаемыхъ въ немъ вопросовъ представляетъ высокій научный интересъ и по справедливости долженъ быть признанъ не за скромный, какъ думали составители, а за весьма цѣбный вкладъ въ обширную литературу о дѣятельности славянскихъ первоучителей и о судьбѣ завѣщанныхъ ими идей. Предлагаемое болѣе или менѣе подробное обзорнѣе содержанія сборника, надѣемся, послужатъ оправданіемъ такого нашего мнѣнія о немъ.

Въ сборникѣ приняли участіе своими трудами ректоръ университета Н. А. Лавровскій и пять профессоровъ: А. С. Будиловичъ, О. О. Первольфъ, П. А. Кулаковскій, К. Я. Гротъ и Ф. Ф. Загель.

Первая статья „Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи“ (20 стр.), принадлежитъ Н. А. Лавровскому. Авторъ старается обосновать уже прежде нѣсколько разъ высказанную (Гильфердингъ, Голубинскій и пр.) мысль о томъ, что христіанство проникло на Русь задолго до всенароднаго крещенія при Владимірѣ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ перешло къ русскимъ славянамъ просвѣщеніе, насажденное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ у западныхъ славянъ. Только подъ условіемъ принятія этого положенія можетъ сдѣлаться понятнымъ раннее происхожденіе такихъ литературныхъ памятниковъ, какъ слово Иларіона, поученіе Кирилла Туровскаго, Слово о полку Игоревѣ. „Краткаго періода времени“, говоритъ г. Лавровскій, — „какой-нибудь полусотни лѣтъ, протекшей отъ крещенія Руси до первыхъ опытовъ нашей самостоятельной литературной производительности, дѣйствительно недостаточно для объясненія естественности происхожденія слова Иларіона, какъ бы мы ни представляли себѣ нашихъ новыхъ христіанъ алчущими и жаждущими христіанскаго просвѣщенія. Слово объяснимо единственно при предположеніи для

его автора 'особой, исключительно для него лично устроенной образовательной среды, какъ скоро мы будемъ представлять себѣ русскихъ славянъ до Владиміра чуть не въ патріархальномъ состояніи, жившими чуть не звѣринскимъ бытаемъ; но такой исключительной среды, такихъ исключительныхъ образовательныхъ условий въ первой половинѣ XI вѣка у насъ быть не могло". Слѣдовательно, дѣло было иначе. На Руси, подобно тому, какъ это было въ Болгаріи, окончательному крещенію при Владимірѣ предшествовалъ болѣе или менѣе продолжительный подготовительный періодъ. Христіанское просвѣщеніе проникло къ русскимъ славянамъ по меньшей мѣрѣ за сто лѣтъ до Владиміра. Это просвѣщеніе, по мнѣнію автора, шло на Русь двумя путями: съ греко-славянскаго юга и изъ западно-славянскихъ земель. Г. Лавровскій ссылается на разнородныя мирныя и враждебныя сношенія русскихъ славянъ съ Византіей еще съ IX в., особенно на торговныя связи, которыя начались задолго до извѣстныхъ договоровъ русскихъ съ греками. Эти сношенія не могли пройти безслѣдно для русскихъ съ греками. „Съ христіанствомъ открывается письменность, требующая для развитія и своего содержанія, и своего языка весьма долгаго времени. Процессъ приспособленія языка для выраженія содержанія народной жизни совершается не въ одинъ вѣкъ, и должно полагать, что тотъ языкъ, на которомъ явились въ IX в. наши священныя книги, богатый, стройный и правильный, съ замѣчательно развитымъ синтаксисомъ, имѣлъ свою длинную предшествовавшую этому его состоянію исторію. Языкъ нашихъ договоровъ первой половины X в., вполне приспособленный для выраженія содержанія столь важныхъ международныхъ актовъ, могъ образоваться только постепенно". Тутъ авторъ припоминаетъ извѣстное свидѣтельство о русскихъ письменахъ, которыя нашелъ Кириллъ въ Херсонѣ около 860 г., и которыя, по всей вѣроятности, принадлежали русскимъ славянамъ, жившимъ къ Крыму и по сѣверному побережью Чернаго моря и находившимся въ общеніи съ приднѣпровскою Русью. Съ другой стороны, христіанское просвѣщеніе могло проникнуть на Русь и съ запада—изъ Чехіи и Польши, гдѣ также еще во времена Меодія были брошены сѣмена славянской народной церкви. Относящіяся сюда извѣстія, по мнѣнію автора, должны быть распространены и на Прикарпатскую Русь. Отсюда, говорятъ Н. А. Лавровскій,—необходимо заключать, что мы (русскіе) были непосредственными участниками подвиговъ Кирилла и Меодія въ самое время ихъ совершенія, что мы непосредственно приобщились къ великому

движенію, совершавшемуся во всемъ славянскомъ мірѣ въ половинѣ IX вѣка“.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе статьи Н. А. Лавровскаго. Если основная мысль ея не представляется совершенно новою въ нашей литературѣ, то нельзя не признать, что соображенія, приводимыя авторомъ, въ значительной степени придаютъ ей твердость и устойчивость. Вопросъ о непосредственномъ участіи и русскихъ на ряду съ другими славянами въ великомъ подвигѣ солунскихъ братьевъ и о болѣе раннемъ, чѣмъ предполагають доселѣ, началѣ просвѣщенія и литературы на Руси—теперь перестаетъ быть вопросомъ невозможнымъ. Н. А. Лавровскій въ свою аргументацію не внесъ какихъ-либо новыхъ фактовъ; соображенія его покоятся на данныхъ, давно извѣстныхъ въ наукѣ; тѣмъ не менѣе они неоспоримо даютъ толчокъ къ разрѣшенію одного изъ любопытныхъ и важныхъ вопросовъ славянскихъ древностей. Но возможно отысканіе и новыхъ историческихъ указаній, которыя представятъ болѣе убѣдительное обоснованіе указанной мысли. Въ доказательство того можно сослаться на прекрасную рѣчь профессора Новороссійскаго университета, Ф. П. Успенскаго, по случаю того же Меоодіевскаго праздника ¹⁾. Здѣсь нашъ извѣстный византиистъ, остановившись на тѣхъ же вопросахъ, какіе занимали Н. А. Лавровскаго, сопоставилъ показанія малозвѣстнаго житія Стефана Сурожскаго съ нѣкоторыми мѣстами Паннонскаго житія св. Кирилла и византийскими IX в. и пришелъ къ выводу, что „часть южно-русскаго племени (фульское колѣно), жившая вблизи отъ Крыма, могла быть обращена въ христіанство св. Кирилломъ, и что высокопросвѣтительная и всеславянская заслуга святыхъ братьевъ, заключающаяся въ изобрѣтенія славянской азбуки и въ переводѣ Священнаго Писанія на славянскій языкъ, можетъ быть если не приурочена, то сближена съ дѣятельностью ихъ въ южной Россіи и частью объяснена ею“. Ту же самую мысль, какъ увидимъ, отстаиваютъ и нѣкоторые другіе ученые.

Вторая статья, принадлежащая А. С. Будиловичу, — „Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меоодія“, безспорно самая замѣчательная въ сборникѣ. Обширная по объему (117 стр.), она отличается богатствомъ содержанія, оригинальностью взглядовъ автора и живымъ, блестящимъ изложеніемъ.

¹⁾ „На память тысячеклѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей“ въ газетѣ *Новороссійскій Телеграфъ*; есть отдѣльные оттиски.

Здѣсь затронуты всѣ важнѣйшіе спорные вопросы, касающіеся жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, и по каждому изъ нихъ предложены вполне опредѣленные, смѣлые и рѣшительные отвѣты. Статья состоитъ изъ девяти главъ. Авторъ начинается съ вопроса о національности Кирилла и Меѳодія и приходитъ къ убѣжденію, что „славянскіе первоучители не придавали никакого вѣса національнымъ различіямъ между греками и славянами и если не фактически, то хотя въ желаніи, слили въ своихъ жилахъ кровь греческую и славянскую“. Они являются, по словамъ автора, самыми извѣстными и блестящими, но далеко не единственными представителями образованнаго въ Византійской имперіи къ VIII—IX вѣкамъ этнологическаго типа. Къ этому сложному типу, развившемуся изъ физической и психической помѣси греческихъ туземцевъ ерако-идлійскаго полуострова со славянскими пришельцами, принадлежала уже въ IX вѣкѣ значительная часть населенія этого полуострова, съ его греческимъ продолженіемъ на юго-западѣ и съ мало-азійскимъ—на востокѣ. Не только Македонія, Фракія, Эпиръ, Фессалія, Эллада, Морея, но и часть Эгейскихъ Ионическихъ острововъ были тогда пронизаны славянскими поселеніями, въ большей или меньшей степени перемѣшанными съ греческими. И въ Солунѣ, мѣстѣ рожденія и воспитанія обоихъ братьевъ, и въ Царградѣ, гдѣ Кириллъ получилъ среднее и высшее образованіе, сильна была славянская стихія. Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій—говоритъ авторъ въ своей рѣчи, произнесенной 6-го апрѣля и представляющей сжатое изложеніе мыслей, выраженныхъ въ его статьѣ юбилейнаго сборника,—съ дѣтства имѣли два родные языка; болѣе того, они соединяли въ своемъ физическомъ и психическомъ типѣ характерныя черты двухъ народностей—греческой и славянской въ гармоническомъ сочетаніи. Важное вліяніе для направленія и развитія дѣятельности Кирилла и Меѳодія авторъ приписываетъ мало-азійскимъ славянамъ. Уже давно въ извѣстномъ сочиненіи В. И. Ламанскаго („О славянахъ Малой Азіи“ и т. д.) собраны извѣстія, устанавливающія фактъ славянской колонизаціи въ Малой Азіи. Здѣсь на Мраморномъ морѣ, у подошвы горы Олимпа, въ данную эпоху существовала дѣлая славянская область Опсикій. Не безъ основанія предположивъ, что малоазійскіе славяне приняли христіанство уже въ глубокой древности, раньше всѣхъ другихъ соплеменниковъ, г. Будиловичъ приурочиваетъ къ занимаемой ими странѣ нѣкоторые важные факты жизни и дѣятельности братьевъ. По его мнѣнію, тотъ Олимпъ, который, по словамъ паннонскихъ житій, служилъ Меѳодію, а потомъ

и Кириллу, мѣстомъ уединенія и отдыха послѣ трудовъ, и былъ именно малоазійскій Олимпъ. Этотъ же Олимпъ и была столь возлюбленная Мееодиємъ гора, о которой съ безпокойствомъ вспоминалъ Кириллъ на смертномъ одрѣ, обращаясь съ прощальною рѣчью къ брату. Здѣсь въ Малой Азій, въ предѣлахъ Опсикія, нужно предполагать и то словѣнское княженіе, которое ввѣрено было Мееодію. Здѣсь же, живя среди малоазійскихъ славянъ, братья обдумывали средства къ духовному просвѣщенію соплеменниковъ. Въ Полихронѣ или другомъ подолымпскомъ монастырѣ св. Кириллъ изобрѣлъ-де письмена и началъ переводъ Священнаго Писанія.

Нельзя не признать всѣ эти сужденія г. Будиловича столько же оригинальными, сколько правдоподобными. Его мнѣніе о греко-славянизмѣ Кирилла и Мееодія весьма остроумно подтверждается фактами византійской и славянской исторіи IX вѣка, а равно и объясняетъ ихъ. Заслуживаютъ полного вниманія и соображенія автора касательно Олимпа и пребыванія братьевъ среди малоазійскихъ славянъ. Но едва ли можно считать вѣрнѣе доказаннымъ мнѣніе автора о томъ, что Олимпъ Паннонскихъ житій былъ именно Олимпъ опсикійскій, а не ессалійскій. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Будиловичъ указываетъ на слѣдующее: 1) „Будь то Олимпъ ессалійскій или Аеонъ, не сподручно бы Кириллу сворачивать туда на побывку къ старшему брату, а царю Михаилу „възискати“ Философа оттуда“; 2) монастырь Полихронъ, въ которомъ игуменствовалъ Мееодій, находился не въ Эссалии, а близъ опсикійскаго Олимпа; 3) ессалійскій Олимпъ ни въ IX вѣкѣ, ни въ послѣдующіе вѣка не былъ такою горою „идеже живутъ святые отцы“. Изъ этихъ доводовъ имѣетъ нѣкоторое значеніе второй, первый же внутренно слабъ, а послѣдній не обставленъ доказательствами: упомянувъ о началѣ монашества на Аеонѣ, авторъ не приводитъ никакихъ историческихъ указаній касательно ессалійскаго Олимпа.

Въ III-й и IV-й главахъ г. Будиловичъ разбираетъ сарадинскую и хазарскую миссію. Авторъ приходитъ къ заключенію, что эти миссіи находились въ тѣсной органической связи между собою и съ миссіей моравско-паннонскою. Въ основѣ ихъ лежали однѣ и тѣ же идеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ имѣли значеніе подготовительнаго шага къ великому всеславянскому подвигу, осуществившемуся въ послѣднюю ихъ миссію. И у арабовъ, и въ Хазарскомъ царствѣ братья встрѣтились со славянами. Что при дворѣ эмира, который вызвалъ грековъ на богословскій диспутъ съ арабами, Кириллъ могъ найдти славянъ, это

авторъ подтверждаетъ нѣсколькими историческими свидѣтельствами о распространеніи славянской стихіи къ арабамъ. Что же касается Хазарскаго царства, то здѣсь Кирилль, по мнѣнію г. Будиловича, несомнѣнно встрѣтился съ русскими. Извѣстное мѣсто Паннонскихъ житій о Псалтырѣ и Евангеліи, писанныхъ русскими письменами, нашъ авторъ принимаетъ за свидѣтельство первостепенной важности. Поставивъ его въ связь съ нѣкоторыми другими фактами, особенно съ показаніемъ черноризца Храбра, „О письменахъ“, онъ приходитъ къ тому же заключенію о началѣ письменности на Руси задолго до Владиміра и о миссіи солунскихъ братьевъ среди русскихъ, какое, мы видѣли, раздѣляется гг. Лавровскимъ, Успенскимъ и другими новѣйшими учеными.

Въ V главѣ г. Будиловичъ сравниваетъ дѣятельность солунскихъ братьевъ съ дѣятельностью патріарха Фотія и доказываетъ, что это были люди не только одного круга и образованія, но и сходныхъ настроенія, характера и міросозерцанія. Проведя краснорѣчивую и правдивую параллель между этими тремя мужами, авторъ справедливо замѣчаетъ, что „тѣсная связь идей и дѣятельности солунцевъ, съ одной стороны, и Фотія—съ другой, тянется прямою нитью черезъ всѣ періоды ихъ жизни и всѣ моменты дѣятельности. Она доказываетъ между прочимъ присутствіе славянизма въ греческихъ стремленіяхъ Фотія, и грецизма славянскихъ подвиговъ Кирилла и Меѳодія. Ихъ личная дружба и солидарность въ дѣйствіяхъ указываютъ на тѣсное сродство идей греческихъ со славянскими и на выработку уже въ IX вѣкѣ не только теоретическихъ основъ, но и практическихъ формъ для развитія греко-славянства“.

Особенно любопытна и важна VI глава статьи „Сложеніе письменъ и переводъ книгъ“. Здѣсь авторъ даетъ сжатый, но весьма дѣльный и строго логичный разборъ старыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно юныхъ вопросовъ о славянскихъ азбукахъ и о происхожденіи церковно-славянскаго языка. Допустивъ, на основаніи классическаго извѣстія черноризца Храбра и соображеній о высокомъ культурномъ развитіи славянства въ такъ-называемый доисторическій періодъ, фактъ существованія у славянъ тройной системы письменности—рунической (черты и рѣзы), латинской и греческой, г. Будиловичъ приписываетъ св. Кириллу изобрѣтеніе кириллицы на основѣ греческой азбуки. Мнѣнія новѣйшихъ сторонниковъ древности и греческаго происхожденія глаголицы онъ подвергаетъ критикѣ и, въ концѣ

концовъ, слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой взглядъ на происхождение и взаимныя отношенія обѣихъ азбукъ:

1) Дуализмъ азбукъ основывается на докирилловскомъ употребленіи славянскаго алфавита греческаго на Востокѣ и латинскаго на Западѣ.

2) Кирилль Философъ былъ организаторомъ не латинской, а греческой системы славянскаго языка. Положивъ въ основу его 24 буквы греческаго унциально-литургическаго письма, онъ прибавилъ къ нимъ еще одну или полторы дюжины начертаній, видоизмѣнивъ для этой цѣли нѣкоторыя буквы греческія, или принявъ соотвѣтственныя буквы изъ другихъ знакомыхъ ему алфавитовъ.

3) Организованное Философомъ греко-славянское письмо или кириллица вслѣдъ за изобрѣтеніемъ перевесено было солунцами въ Великую Моравію, которая на ряду съ Цареградомъ стала второю метрополіей этой азбуки и центромъ ея распространенія въ земли болгарскія, русскія, польскія, чешскія, сербо-лужицкія, хорутано-словѣнскія и сербо-хорватскія.

4) Проникнувъ изъ Великой Моравіи (со включеніемъ Панноніи) въ Хорватское Приморье и Истрию, кириллица натолкнулась въ ней на своеобразное и очень старое мѣстное письмо, основанное на латинскомъ курсивѣ, съ примѣсью курсива греческаго и нѣкоторыхъ другихъ графическихъ стихій. Отъ комбинаціи кириллицы съ этимъ древнимъ истро-либурнскимъ письмомъ выработалась въ послѣдней четверти IX и въ X вѣкахъ круглая глаголица.

5) Эта латинно-греко-славянская азбука стала органомъ довольно замѣчательной, хотя и не самостоятельной письменности, благодаря разгрому Панноніи и усиленію въ X—XI вѣкахъ Хорватскаго государства, которое проложило глаголицѣ путь въ Боснію, Далмацію, а равно въ Паннонію въ X—XI вѣкахъ, откуда она могла затѣмъ проникать въ прочія юго-славянскія и западно-славянскія земли (ср. Киевскіе и Пражскіе глаголическіе отрывки).

6) Распространяясь на югъ, глаголица столкнулась съ богомилствомъ, котораго антигреческія тенденціи она отвѣчала лучше кириллицы, почему и вошла отчасти въ сектаторскую письменность.

7) Впослѣдствіи однако эта униатская графика повсемѣстно была вытѣснена болѣе однородными системами, именно кириллицей на Востокѣ и латиницей на Западѣ, уцѣлѣвъ лишь въ своемъ старомъ насажennomъ истро-либурнскомъ гнѣздѣ.

8) Въ XIII вѣкѣ хорватская глаголица получила отъ папы патентъ терпимости, въ XIV же вѣкѣ она пользовалась поддержкой и одного могущественнаго императора (Карла IV), дѣлавшаго попытки пересадить ее въ Чехію: но это оказалось невозможнымъ отчасти по противодѣйствию трезмычниковъ, отчасти же по внутренней несостоятельности самой этой азбуки въ сравненіи не только съ кириллицей, но даже съ латиницей.

9) Смѣшаннымъ латинно-греко-славянскимъ происхожденіемъ и униатскимъ, межеумочнымъ характеромъ глаголицы объясняется и тотъ энтузіазмъ, который она дониндѣ возбуждаетъ въ средѣ западныхъ славистовъ, недолюбливающихъ въ кириллицѣ ея отъявленно греческій или греко-славянскій типъ и значеніе.

Подобнымъ же образомъ, очень смѣло и рѣшительно г. Будиловичъ высказываетъ свое оригинальное сужденіе по вопросу о церковно-славянскомъ языкѣ. Убѣдительно доказывая несостоятельность столь распространеннаго въ наукѣ мнѣнія о панновскомъ происхожденіи священнаго языка славянъ, въ общемъ онъ является сторонникомъ теоріи объ искусственномъ образованіи и смѣшанномъ діалектическомъ составѣ церковно-славянскаго языка, которая блестящимъ образомъ развита въ извѣстной статьѣ В. И. Ламанскаго: „Недорѣшенный вопросъ“. Но теоріи этой нашъ авторъ даетъ новую, своеобразную постановку. По его мнѣнію, основнымъ элементомъ въ церковно-славянскомъ языкѣ было не македонское нарѣчіе, а то, которымъ говорили славяне, жившіе въ окрестностяхъ Цареграда и Малой Азіи (Опскій), такъ какъ переводъ священныхъ книгъ начатъ былъ Кирилломъ Философомъ не въ Солунѣ, не въ Македоніи, а въ Полихронѣ или другомъ подолимскомъ монастырѣ, при сотрудничествѣ Мееодія и другихъ „споспѣшниковъ“ изъ мѣстной книжной братіи. „Языкъ этотъ“, говоритъ г. Будиловичъ, — „принимая въ смыслѣ діалектическомъ къ говорамъ Македоніи и Болгаріи, долженъ былъ значительно возвышаться уже надъ непосредственностью и терминологическою бѣдностью сельскихъ говоровъ не только этихъ областей, но и Фракіи и Опскаго Слобвни. Въ немъ мы можемъ предполагать уже извѣстное грамматическое единообразіе и лексикальную устойчивость, между прочимъ нѣкоторый навыкъ къ передачѣ христіанскихъ понятій и обозначенію предметовъ христіанскаго культа“. Резюмируя свои соображенія о церковно-славянскомъ языкѣ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ новымъ, весьма любопытнымъ выводамъ:

1) Первымъ источникомъ его служили докирилловскіе переводы священныхъ книгъ христіанскаго культа, особенно составленные греческими миссіонерами для славянъ пропонтидскихъ (фракійскихъ, цареградскихъ, подолимскихъ).

2) Вторымъ источникомъ была разговорная рѣчь славянскаго образованнаго общества въ Цареградѣ и прилегающихъ къ нему на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ Мраморнаго моря греко-славянскихъ городахъ, селеніяхъ, монастыряхъ, — рѣчь, близкая діалектически къ говорамъ болгаро-македонскимъ, но и отличная отъ нихъ по уровню развитія.

3) Кирилъ Философъ съ Мееодіемъ и „споспѣшниками“ изъ этихъ пропонтидскихъ славянъ перевели съ греческихъ оригиналовъ Евангеліе (апостольскіе), Псалтырь, Апостолъ и важнѣйшія литургическія книги на тотъ языкъ, на которомъ они бесѣдовали между собою въ Цареградѣ, Полихронѣ, подъ Олимпомъ, воспользовавшись, вѣроятно, при этомъ и бывшими подъ рукою переводами прежнихъ греко-славянскихъ вѣроучителей.

4) Переводъ этотъ послужилъ нормой и образцомъ для послѣдующихъ ихъ переводовъ въ Великой Моравіи, Болгаріи и индѣ, а равно для позднѣйшихъ переводныхъ и оригинальныхъ славянскихъ сочиненій духовнаго содержания.

5) Діалектическия наслоевія на кирилло-меодіевскую основу ложились очень медленно и поверхностно, не измѣняя общаго пропонтидскаго фона, который въ библейскихъ и богослужебныхъ книгахъ донныѣ сохранился у юго-восточныхъ славянъ.

Всѣ указанныя соображенія и выводы г. Будиловича, быть можетъ, не всѣмъ покажутся достаточно убѣдательными; тѣмъ не менѣе они безспорно должны внести оживленіе въ изученіе все еще не порѣшенныхъ вопросовъ о славянскихъ азбукахъ и о происхожденіи церковно-славянскаго языка. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія основательная, прекрасная защита древности кириллицы, противъ которой въ новѣйшей ученой литературѣ раздавалось столько рѣзкихъ голосовъ. Здѣсь мы не можемъ заняться разборомъ вопроса по существу, но намъ думается, что авторъ зашелъ слишкомъ далеко, назвавъ „физическими и духовными родителями глаголицы Римъ и его духовныя чада“. Если усвоить глаголицѣ специально латинское, католическое происхожденіе, то какъ объяснить значительное распространеніе глаголической письменности въ странахъ православныхъ — Македоніи, Болгаріи, Руси? Какъ понять этотъ фактъ и цѣлый рядъ другихъ, указывающихъ на близкое, мирное сожителство кириллицы и глаголицы, если предполагать, что онѣ произошли изъ двухъ враждебныхъ, находившихся между собою въ антагонизмѣ источниковъ? Вотъ вопросы, на которые, по нашему мнѣнію, автору слѣдовало обратить вниманіе. Напрасно также онъ пытается усвоить глаголицѣ какую-то особую роль въ богумильской ереси. Богумилы въ своей письменности пользовались кириллицей больше, чѣмъ глаголицей, о чемъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что кирилловскихъ рукописей богумильскаго происхожденія сохранилось весьма значительное количество а глаголическихъ—всего нѣсколько экземпляровъ.

Касательно мнѣнія г. Будиловича о происхожденіи церковно-славянскаго языка мы позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Основнымъ элементомъ въ этомъ языкѣ онъ считаетъ нарѣчіе пропонтидскихъ славянъ (нарѣчіе еракійско-цареградское или опскійско-словѣнское), которое отличаетъ отъ нарѣчій македонскаго, и которому усвоаетъ извѣстную обработку уже въ IX вѣкѣ. Мы, съ своей стороны, находимъ весьма правдоподобною гипотезу объ участіи нарѣчій пропонтидскихъ славянъ въ этомъ переводѣ священныхъ книгъ, но всѣ

сужденія автора объ этомъ нарѣчїи кажутся намъ произвольными, ни на чемъ не основанными, такъ какъ нарѣчїе это, по словамъ самого г. Будиловича, вымерло. Не имѣя никакихъ данныхъ о предполагаемомъ проповѣдскомъ нарѣчїи, конечно, трудно судить объ отношенїи его къ нарѣчїю македонскому и о степени вліянія его на образованіе языка церковно-славянскаго.

Въ VII-й главѣ авторъ даетъ мастерскую оцѣнку всемірно-историческаго значенія велико-моравской миссіи Кирилла и Меодїа. Охарактеризовавъ бѣдственное положеніе западнаго славянства, уже сдѣлавашагося предметомъ вражды и ненависти со стороны латино-нѣмецкаго запада, и тѣ трудности, которыя пришлось здѣсь встрѣтить греко-славянскимъ миссіонерамъ, онъ краснорѣчиво излагаетъ великія историческія послѣдствїа, вызванныя этою послѣднею миссіей братьевъ.

Глава VIII-я посвящена обстоятельному разбору поѣздки Кирилла и Меодїа въ Римъ. Какъ извѣстно, поѣздка эта многимъ западнымъ ученымъ новѣйшаго времени представляется „крупнымъ поворотомъ братьевъ съ востока на западъ и вступленїемъ ихъ въ фарватеръ латино-нѣмецкой жизни, которымъ они плыли-де до смерти“. Путемъ тщательнаго пересмотра данныхъ, представляемыхъ первоисточниками, авторъ приводитъ къ признанію полной несостоятельности такого взгляда.

Послѣдняя (IX-я) глава посвящена Паннонско-Моравской архїепископїи. Разсматривая факты пятнадцатилѣтняго архїепископскаго служенїа Меодїа въ Паннонїи и Моравїи, авторъ убѣждается въ томъ, что „оно отмѣчено такимъ же греко-славянскимъ характеромъ, какъ и вся предшествующая дѣятельность обоихъ братьевъ“. Какъ въ тяжкіе годы гоненїй, такъ и въ моменты болѣе благосклоннаго отношенїа со стороны папства, Меодїй оставался все тѣмъ же греко-славянскимъ миссіонеромъ, поборникомъ культурныхъ идей христіанскаго востока, а не латино-нѣмецкаго запада. Занимающїй здѣсь автора вопросъ, какъ извѣстно, уже неоднократно обсуждался въ литературѣ; тѣмъ не менѣе г. Будиловичу удалось особенно рельефно освѣтить нѣкоторые частные факты и тѣмъ ярче выставить проводимую имъ неоспоримо вѣрную мысль о принадлежности Кирилла и Меодїа церкви восточной.

Вся статья г. Будиловича, соединяющая въ себѣ съ характеромъ ученаго изслѣдованїа изящное, всѣмъ доступное изложенїе, читается съ самымъ живымъ интересомъ. Не заключаая въ себѣ ника-

кихъ новыхъ данныхъ о жизни и дѣятельности солунскихъ братьевъ, она представляетъ однако, какъ мы видѣли, не мало новыхъ, оригинальныхъ, весьма любопытныхъ и важныхъ соображеній, мнѣній и замѣчаній автора, которыя не могутъ пройти бесслѣдно въ наукѣ. Что касается основной задачи труда почтеннаго слависта, состоявшей въ уясненіи греко-славянскаго характера дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, то нельзя не признать, что она выполнена блестящимъ образомъ. Сторонники иныхъ мнѣній могутъ еще, пожалуй, спорить относительно тѣхъ или другихъ частныхъ этюда г. Будиловича, но едва ли опровергнуть основную его идею: стоя на почвѣ достовѣрныхъ источниковъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, не сбиваясь съ пути строгой неумолимой логики, они не въ силахъ уже будутъ отнять святыхъ братьевъ у греко-славянскаго міра, изъ котораго они вышли и которому посвятили всю свою жизнь и дѣятельность.

Слѣдующая статья: „Словѣнскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ“ принадлежитъ О. О. Первольфу. По объему (126 стр.) не уступающая предыдущей, она далеко не представляетъ такого интереса, какъ трудъ г. Будиловича въ отношеніи оригинальности и занимательности содержанія. Авторъ не производитъ никакихъ изслѣдованій, а лишь излагаетъ общевѣстные факты изъ исторіи церковно-славянскаго языка. Въ основныхъ вопросахъ онъ раздѣляетъ мнѣнія другихъ авторитетныхъ славистовъ. Такъ, въ вопросѣ о происхожденіи церковно-славянскаго языка онъ держится такъ-называемой паннонской теоріи. Относительно кириллицы и глаголицы онъ принимаетъ новѣйшіе выводы академіка И. В. Ягича, объясняя кириллицу изъ греческаго унциальнаго письма, а глаголицу—изъ греческаго же курсива. Поставивъ передъ собою задачу весьма любопытную, но вѣстѣ съ тѣмъ и сложную, г. Первольфъ имѣлъ дѣло съ обширнымъ матеріаломъ, который, по нашему мнѣнію, сгруппированъ у него не совсѣмъ удачно. Не рѣдко факты одной и той же категоріи излагаются не въ естественной связи ихъ и разбиты между нѣсколькими главами; такъ, вопросъ объ изводахъ или редакціяхъ старославянскихъ рукописей разсматривается въ V-й и VII-й главахъ, о еудьбѣ церковно-славянскаго языка у чеховъ и поляковъ говорится во II-й и VI-й главахъ. Вообще на всей статьѣ лежитъ отпечатокъ спѣшной работы. Попадаютъ мѣстами и странныя противорѣчія; такъ, на стр. 29 читаемъ: „Славяне западные, южные и восточные, принявъ словѣнскій языкъ въ свой церковный и литературный, должны были его изучать какъ

чуждый, хотя и родственный, равнымъ образомъ какъ въ Ита-
ліи и во Франціи учились латинскому языку“, а на стр. 105:
„Словѣнскій языкъ, сдѣлавшись у другихъ славянъ языкомъ литера-
турнымъ и церковнымъ, былъ для нихъ, конечно, понятенъ, болѣе
понятенъ, чѣмъ, напримѣръ, латинскій языкъ для италіан-
цевъ или французовъ“. Спрашивается: на основаніи этихъ двухъ
противорѣчивыхъ сужденій какое представленіе можетъ получить чи-
татель о взглядѣ автора на отношеніе такъ-называемаго церковно-
славянскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ? При всѣхъ
недостаткахъ статья г. Перволюфа имѣетъ извѣстное значеніе какъ
сводъ разнообразныхъ свѣдѣній о замѣчательной судьбѣ старо-славян-
скаго языка. Здѣсь можно найдти извѣстія о распространеніи цер-
ковно-славянскаго языка и письменности у разныхъ славянскихъ на-
родовъ, о важнѣйшихъ памятникахъ кирилловскаго и глаголическаго
письма, о редакціяхъ старо-славянскихъ рукописей, о литературныхъ
связяхъ и сношеніяхъ православныхъ славянъ — болгаръ, сербовъ и
русскихъ, о первопечатныхъ книгахъ, о взглядахъ, господствовавшихъ
въ старину на церковно-славянскій языкъ, о первыхъ опытахъ науч-
ной обработки старо-славянскаго языка, о переводахъ со „словѣнскаго“
на живые славянскіе языки, о чествованіи памяти св. Кирилла и
Меѳодія у славянъ всѣхъ исповѣданій.

Весьма живо написана четвертая статья сборника „Очеркъ ис-
торіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ
У славянъ“ (56 стр.). Авторъ ея, П. А. Кулаковскій, вполне умѣстно
избралъ именно эту тему для своей юбилейной статьи. Онъ спра-
ведливо говоритъ, что „мысль объ единствѣ литературнаго языка у
славянъ можетъ быть названа завѣтомъ св. славянскихъ апостоловъ,
дошедшимъ и сохраненнымъ до нашего времени, не смотря на по-
терю единства церковнаго. Общеславянскій характеръ языка, на ко-
торомъ проповѣдывалось славянамъ Евангеліе, служить всему сла-
вянству великимъ указаніемъ, къ чему славяне должны стремиться,
если въ самомъ дѣлѣ имъ суждено играть видную роль въ исторіи
міровой цивилизаціи“. Въ настоящее время въ славянствѣ наблю-
дается чрезвычайное обиліе и разнообразіе литературныхъ языковъ:
каждый самый маленькій славянскій народъ имѣетъ свою литера-
туру и свой литературный языкъ. Нельзя, конечно, не признать за
всѣми этими маленькими славянскими литературами огромныхъ за-
слугъ въ исторіи національнаго развитія тѣхъ племенъ, интересамъ
которыхъ онѣ служатъ, но съ другой стороны, вѣрно и то, какъ за-

иѣчаетъ г. Кулаковскій, что литературы эти мелочны и не вызываютъ никакого вниманія за предѣлами славянскаго міра, что онѣ преслѣдуютъ узкія, ограниченныя цѣли и 'бесцѣльны служить міровымъ задачамъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, подлежатъ славянству въ его цѣломъ. Неудобства литературной разьединенности издавна сознавались и доселѣ сознаются лучшими умами у разныхъ славянскихъ народовъ. Не разъ уже дѣлались попытки найти общеславянской литературный языкъ, дабы выйти за тѣсныя предѣлы литературныхъ интересовъ отдѣльныхъ племенъ. Обзорѣнію этихъ попытокъ и посвящена статья П. А. Кулаковскаго.

Авторъ дѣлитъ эти попытки на два рода: „Одни старались выработать искусственный языкъ, навязавъ условныя формы тому типу языка, который долженъ былъ играть роль общеславянскаго, другіе находили выходъ изъ затруднительнаго положенія славянской раздробленности лишь въ томъ, чтобы всѣ славяне приняли одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ за общій литературный для удовлетворенія высшихъ потребностей славянской культурной жизни“. Сначала г. Кулаковскій разсматриваетъ попытки создать искусственный общеславянской языкъ. Онъ отмѣчаетъ три проекта: хорвата Юрія Крижанича въ XVII столѣтіи, словака Яна Геркеля и словенца Матія Мааяра Цильскаго въ нынѣшнемъ столѣтіи. Имя Крижанича хорошо извѣстно въ русской литературѣ. Свѣдѣнія же о Геркелѣ и Мааярѣ и ихъ литературныхъ трудахъ, если не ошибаемся, являются у насъ новинкой. Авторъ долѣе останавливается на проектахъ перваго и послѣдняго. Крижаничъ, какъ извѣстно, искалъ общеславянскаго языка въ русскомъ книжномъ языкѣ XVII вѣка, стараясь лишь установить типъ общихъ формъ примѣнительно разумѣнію всѣхъ остальныхъ славянъ, съ языками которыхъ онъ былъ болѣе или менѣе знакомъ. Мааяръ предлагалъ писать взаимно, то-есть, такъ, чтобы языкъ нишущаго приближался ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и чтобы при этомъ обойти нѣкоторыя различія своего языка отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ въ основѣ обоихъ проектовъ лежало смѣшеніе разныхъ славянскихъ нарѣчій. Г. Кулаковскій раскрываетъ въ подробностяхъ сложныя и запутанныя системы искусственнаго общеславянскаго языка, предложенныя Крижаничемъ и Мааяромъ, и разъясняетъ причины непримѣнимости ихъ на практикѣ. Съ вопросомъ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ естественно связывался вопросъ объ общемъ правоисавіи, сводившійся главнымъ образомъ къ вопросу о принятіи кириллицы

всѣми славянами. Весьма любопытны свѣдѣнія и замѣтки нашего автора, относящіяся и къ этому вопросу.

Далѣе г. Кулаковскій вкратцѣ знакомитъ съ идеями Коллара, который, для достиженія взаимности литературной у славянъ, считалъ необходимымъ, чтобы всякій образованный славянинъ изучалъ всѣ важнѣйшія славянскія нарѣчія, и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію мнѣній тѣхъ писателей, которые доказывали необходимость принятія одного изъ живыхъ славянскихъ языковъ за общелитературный. Указавъ на не встрѣтившія никакого отзыва предложенія (Гатталы, Хладника) принять малыя нарѣчія за языкъ общеславянскій, авторъ излагаетъ извѣстные взгляды Юнгмана, Кузмана и Штура, высказавшихся за русскій языкъ какъ за языкъ общелитературный для всѣхъ славянъ. Взгляды этихъ видныхъ представителей западно-славянской образованности уже не разъ были предметомъ обсуждения въ русской и другихъ славянскихъ литературахъ. Основательность ихъ въ настоящее время почти повсюду находятъ себѣ признаніе. Осуществленіе мысли о русскомъ языкѣ, какъ языкѣ общеславянской науки и взаимныхъ сношеній славянъ между собою, составляетъ только вопросъ времени и зависитъ отъ развитія культурныхъ связей между разрозненными славянскими народами и сильною Русью,

Такимъ образомъ г. Кулаковскій затрогиваетъ и разъясняетъ одинъ изъ любопытныхъ и важныхъ для славянства вопросовъ. Поэтому и его прекрасный „Очеркъ“ заслуживаетъ полного вниманія читателей.

Двѣ послѣднія статьи сборника опять непосредственно касаются оцѣнки подвига св. Кириллы и Меодія. К. Я. Гротъ въ небольшомъ этюдѣ (22 стр.) излагаетъ „взглядъ на подвигъ славянскихъ первоучителей съ точки зрѣнія ихъ греческаго происхожденія“. Признавая доказаннымъ, что братья были греки, авторъ усматриваетъ въ этомъ обстоятельстве глубоко-важный смыслъ. По его мнѣнію, „для того, чтобы стать вполне тѣмъ, чѣмъ стали для славянства св. Кириллъ и Меодій, имъ необходимо было по существу быть греками“. Г. Гротъ сомнѣвается, чтобы природные славяне, какой бы славянской народности они ни принадлежали, были въ состояніи въ ту эпоху справиться съ тою задачей, какую приняли на себя и выяснили Кириллъ и Меодій, совершить все то, что они совершили, какъ проповѣдники и просвѣтители всего славянства, и достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, стяжавъ себѣ неувядаемую славу и

вѣчную благодарную память во всемъ славянскомъ мірѣ. „Именно греческое происхождение Кирилла и Меѳодія и обусловило ихъ выступленіе на избранное поприще во всеоружіи высшаго византійскаго образованія и учености, во всеоружіи истинно-православныхъ вѣрованій и убѣжденій и опредѣлило въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи всю ихъ миссіонерную и учено-просвѣтительную дѣятельность“. Въ краснорѣчивомъ развитіи этихъ мыслей и состоитъ содержаніе статьи г. Грота.

Ө. Ө. Зигель въ своей статьѣ, заключительной въ сборникѣ, задается любопытнымъ вопросомъ — выяснитъ „общественное значеніе дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія“. Только часть славянъ, говоритъ онъ, — пошла по пути, указанному великими солунскими братьями; другія двѣ части, а именно славянство прибалтійское, оставшееся языческимъ, и славянство, сдѣлавшееся послѣ распадѣнія христіанской церкви католическимъ, уклонились отъ начертаннаго плана. Государственная жизнь обѣихъ этихъ послѣднихъ частей окончилась; она принадлежитъ исторіи, которая уже сумѣла раскрыть неизбѣжный рядъ причинъ и слѣдствій, приведшихъ къ паденію прибалтійское и западное славянство. Достаточно, поэтому, сравнитъ развитіе общественной жизни у юго-восточныхъ и западныхъ славянъ, чтобы придти къ убѣжденію въ безусловной вѣрности началъ, проводимыхъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Прежде чѣмъ приступить къ такому сравненію, авторъ сжато характеризуетъ культурное и политическое состояніе славянства въ IX вѣкѣ, при чемъ высказываетъ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ справедливыя сужденія о Византіи, которую представляетъ столь же враждебною славянству, какъ и франковъ: „И Византія въ этомъ отношеніи (порабощенію славянъ) во многимъ уступала франкамъ... и въ Византіи распространеніе христіанства среди славянъ считалось только средствомъ къ поглощенію славянъ... Такимъ образомъ на славянскій міръ, раздробленный и взвѣрившійся въ самомъ себѣ, наступали съ запада и юга двѣ грозныя организованныя силы, глубоко убѣжденныя въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и полныя презрѣнія и ненависти ко всей человѣческой расѣ“. Но такой взглядъ на отношенія Византіи къ славянству, стоящій въ противорѣчій со всѣми тѣми, что говорится о греко-славянскомъ мірѣ въ другихъ статьяхъ разбираемаго сборника, не находятъ себѣ подтвержденія и въ специальныхъ изслѣдованіяхъ византинистовъ и славистовъ новаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, ужели Византія и міръ латино-германскій были

одно и то же для славянъ? Если такъ, то какъ примирить эту вражду и ненависть Византіи къ славянамъ съ тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, какое имѣла византійская образованность на славянскій міръ? Не самъ ли авторъ въ данномъ трудѣ характеризуетъ благотѣльные послѣдствія, какія имѣла для славянства дѣятельность свв. Кирилла и Меодія? Но кому же, какъ не Византіи, славяне обязаны этими великими мужами, какое бы происхождение мы имъ ни усвоили—греческое или славянское?

Что касается параллели между двумя половинами славянства—сохранившею завѣты св. братьевъ и утратившею ихъ, то она проведена г. Зигелемъ весьма наглядно и обставлена достаточнымъ для популярной статьи количествомъ фактовъ. Изобрѣтеніе письменъ, переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, образованіе литературнаго языка, основаніе національной церкви, все это, по волюнѣ вѣрному мнѣнію автора, имѣло огромное вліяніе на развитіе культуры и общественнаго строя у разныхъ славянскихъ племенъ. Слѣды воздѣйствія языка переводовъ св. Кирилла и Меодія г. Зигель усматриваетъ даже въ нѣкоторыхъ древнихъ юридическихъ памятникахъ западныхъ славянъ, напримѣръ, въ чешской книгѣ папа Розенберга. Но въ общемъ у западныхъ славянъ благотворныя сѣмена славянской образованности были изглажены латинскимъ богослуженіемъ, латинскимъ языкомъ, латинскимъ духовенствомъ, что все влекло за собою усвоеніе западными славянами чуждыхъ понятій и формъ жизни и подрывало ихъ національную независимость. Между тѣмъ у славянъ, сохранившихъ національную церковь, основанную свв. Кирилломъ и Меодиємъ, то-есть, у болгаръ, сербовъ и русскихъ, славянская литература, славянскій языкъ рано получили сильное развитіе и не могли не оказать вліянія на образованіе болѣе самостоятельныхъ формъ общественной жизни.

Для поясненія своей мысли авторъ подробнѣе останавливается на нѣкоторыхъ юридическихъ памятникахъ южно-славянской редакціи. Съ развитіемъ письменности явились у южныхъ славянъ, а затѣмъ рано перешли и на Русь, переводы и передѣлки памятниковъ византійскаго законодательства, какъ-то: Номоканонъ, Законъ судный людемъ, Эклога Льва и Константина, Прохиронъ и др. При переводѣ памятниковъ создавались не только юридическая терминологія, но и формы, обороты и выраженія. А съ этими послѣдними еще болѣе, чѣмъ съ терминами, входили въ жизнь самыя представленія, самыя мысли. Такъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи, не мѣшав-

шимъ развитію и чисто-національныхъ чертъ, складывались у православныхъ славянъ особыя формы общественной жизни, отличныя отъ формъ западно-славянскихъ. „Тогда какъ славянская письменность самымъ своимъ языкомъ придавала единство обществу, на оборотъ— латинская литература, естественно находившаяся въ зависимости отъ общаго хода духовной жизни въ западной Европѣ, должна была вносить разнь между высшими и низшими слоями, между властью свѣтскою и духовною, должна была стремиться къ ослабленію центральной власти въ интересѣ аристократіи“. Въ своемъ живомъ очеркѣ г. Зигель указываетъ, почему у западныхъ славянъ народныя массы не могли принимать участія въ общественной жизни, почему у нихъ должна была выдѣлиться сравнительно съ народомъ малочисленная интеллигенція, почему она должна была стать въ умственную зависимость отъ западной Европы. Причины всѣхъ этихъ особенностей общественнаго строя западныхъ славянъ авторъ справедливо усматриваетъ въ уклоненіи ихъ отъ политической программы Кирилла и Меодія. Наиболѣе опредѣленно г. Зигель высказываетъ свой взглядъ на разсматриваемый имъ вопросъ въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ заключенія:

„Дѣятельность свв. Кирилла и Меодія произвела такой глубокой переломъ въ славянскомъ мірѣ, съ которымъ въ теченіе всей тысячелѣтней исторіи славянства ничто не могло сравниться. Славянскіе первоучители положили основы цѣлой новой, именно славянской образованности; они съ чрезвычайнымъ политическимъ умомъ начертали политическую программу для славянства, малѣйшее уклоненіе отъ которой почти равносильно было гибели. Ихъ государственная мысль была такъ глубока, что цѣлое тысячелѣтіе не было черезъ чуръ большимъ періодомъ для ея развитія; можно даже сказать, что ея чрезвычайная вѣрность можетъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнена только по прошествіи такого долгаго времени. Свяжемъ богѣе. Послѣдствія дѣятельности Кирилла и Меодія чувствуются сильно до настоящаго дня“.

Въ концѣ статьи г. Зигеля помѣщены два приложенія: 1) подлинный текстъ съ русскимъ переводомъ одного мѣста I. Каменіаты, важнаго для рѣшенія вопроса о славянской общинѣ въ Византіи, и 2) сообщеніе автора о произведенномъ имъ сравненіи древнеславянскаго перевода Прохирона съ печатною Кормчей и подлинникомъ.

Таково содержаніе юбилейнаго Меодіевскаго сборника. Изъ сдѣланнаго нами обзорѣнія заключающихся въ немъ статей видно, какое важное явленіе представляетъ онъ въ нашей литературѣ. Намъ остается только поблагодарить Варшавскій университетъ и его достойныхъ представителей-славистовъ за цѣнный подарокъ, сдѣланный ими

русской и славянской литературѣ къ дню 6-го апрѣля, и констатировать тотъ фактъ, что мысль, одушевлявшая участниковъ сборника при исполненіи задуманнаго ими предпріятія, осуществилась вполне: прекрасный варшавскій сборникъ дѣйствительно служить свидѣтельствомъ, „что священное знамя солунцевъ, водруженное ими тысячу лѣтъ тому назадъ въ сосѣдней Моравіи, развѣвается нынѣ и надъ привислинскою долиною, и что заѣты великаго Мееодія встрѣчаютъ уже тутъ болѣе вниманія, чѣмъ у того „поганьска кьназя, сильна вельми, сѣдаща въ Вислѣхъ“, которому онъ сказалъ однажды въ пророческомъ наитіи: добро ти са бѣи крѣтити, сыноу, волнѣж своимъ на свои земли, да не плѣненъ иждьми крѣщенъ бѣдеша на штоуждѣи земли и поманени ма.

Т. Флеринскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

В. Миропольскій. Курсъ русскоѣ грамматики. Примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ 8-ю, стр. XII и 218. С.-Петербургъ. 1885. Цѣна 1 руб.

Въ статьѣ „Отъ автора“, которою начинается книга, составитель даетъ руководящія нити къ обзорѣнїю его учебника. Послѣдуемъ за нимъ по пунктамъ.

Въ первыхъ строкахъ руководящей статьи авторъ объявляетъ, что „въ предлагаемомъ курсѣ русской грамматики изложена элементарно вся грамматика, со включеніемъ краткаго ученія о періодѣ“. Каково бы ни было это ученіе о періодѣ, едва ли можно признать его элементомъ грамматики. Споконъ вѣку періодъ входитъ въ риторику. Элементы грамматики—звуки, слова и предложенія; „видами же рѣчи“ (авторъ насчитываетъ ихъ, въ § 7, три: періодическая, отрывистая и разговорная) и „переноснымъ значеніемъ словъ“ (тропами) занимается риторика или, точнѣе, связывающая грамматику съ риторикой часть этой послѣдней—стилистика. Наконецъ то, что дано въ главѣ VIII синтаксиса о періодѣ, а именно: понятіе о періодѣ, виды періодовъ по мѣсту темы, раздѣленіе по составу, названія періодовъ, примѣры періодовъ, знаки препинанія въ періодѣ, можно назвать „краткимъ ученіемъ о періодѣ“ развѣ лишь потому, что сущность ученія о періодѣ, то-есть, о его строеніи, опущена.

„Курсъ приуроченъ къ развитію дѣтей, которыя уже усвоили

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

такъ-называемый приготовительный курсъ русскаго языка“. Но что разумѣть авторъ подъ такъ-называемымъ „приготовительнымъ курсомъ русскаго языка“? Если—умѣнье читать и писать, съ чѣмъ вступаютъ дѣти въ приготовительный классъ гимназій, то это не есть еще курсъ грамматики; если же—курсъ, назначаемый учебными планами министерства народнаго просвѣщенія для приготовительныхъ классовъ, то въ него входитъ уясненіе всѣхъ главнѣйшихъ грамматическихъ категорій, такъ что съ перваго класса есть возможность начать курсъ систематическій, который излагаетъ грамматику, какъ науку, и уже дѣло педагога преподавать ее такъ, чтобъ ученики не затруднились научною системою. Тогда къ чему же эти чуждыя всякой научности разглагольствованія о требованіяхъ благозвучія (стр. 12), о внѣшней или звуковой сторонѣ словъ и внутренней, то-есть, логической (18), о видахъ предметовъ (19), о значеніи правописанія (72), объ отношеніи языка къ природѣ и о значеніи частей рѣчи (107)? Все, что подъ этими названіями можно разумѣть научнаго, должно быть популярно преподавано въ приготовительномъ классѣ, гдѣ готовятся ученики къ систематическому курсу русской грамматики. Хотя авторъ и пытается ниже обосновать только что перечисленный матеріалъ, говоря, что „въ соотвѣтствіе требованіямъ практическаго обученія языку, грамматика изложена систематически въ восходящемъ порядкѣ“, но это замѣчаніе лишь пуще путаетъ дѣло; ибо практическое и систематическое ученіе суть понятія, взаимно другъ друга исключаютія: практическое ведетъ къ навыку, а систематическое—къ знанію. „Такимъ распредѣленіемъ и изложеніемъ грамматики“, продолжаетъ составитель.—„отнюдь не имѣется въ виду стѣснять преподавателя. Учитель можетъ держаться своего плана и порядка въ изложеніи грамматики. При практическомъ обученіи языку, учебникъ есть только помощникъ учителя и руководитель для его учениковъ“. Но если учебникъ есть помощникъ учителя, то руководителемъ долженъ быть учитель, а не учебникъ; иначе учителю придется быть свидѣтелемъ происходящаго въ классѣ. Нѣтъ, учебникъ долженъ быть или систематическій, или чисто-методическій; не должно мѣшать одно съ другимъ, путать методъ съ практикой, излагая грамматику „въ соотвѣтствіе требованіямъ практическаго обученія языку, систематически въ восходящемъ порядкѣ“.

Сбивчивое представленіе составителя о роли и изложеніи элементарнаго учебника приводитъ его къ новой ошибкѣ, которую впрочемъ онъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу, объясняя, что „въ виду прак-

тической (почему только практической?) важности правописанія и употребленія знаковъ препинанія, эти предметы изложены въ учебникѣ два раза: попутно, при изложеніи этимологии и синтаксиса, и въ системѣ, въ концѣ этимологии и синтаксиса“. Не даромъ авторъ назвалъ учебникъ „руководителемъ учениковъ“: онъ, дѣйствительно, хочетъ замѣнить имъ учителя и полагаетъ, что, изложивъ одно и то же два раза, доставитъ ученику тотъ навыкъ, который добывается лишь долговременнымъ и правильнымъ упражненіемъ въ чтеніи и писаніи, но на самомъ дѣлѣ лишь расширяетъ элементарный учебникъ, снова смѣшивая методъ, принадлежность учителя, съ системой, существеннымъ свойствомъ учебника, хотя еще на стр. 1 статьи: „отъ автора“ замѣчено, что „учитель можетъ держаться своего плана и порядка въ изложеніи грамматики“. Впрочемъ ниже, на стр. 1 той же статьи, авторъ самъ сознаетъ излишество даннаго имъ въ учебникѣ, говоря, что изъ многаго легко можно сдѣлать малое: „Если преподаватель найдетъ въ учебникѣ что-либо излишнимъ или преждевременнымъ для своихъ учениковъ, онъ легко можетъ опустить это при преподаваніи“. Но этимъ замѣчаніемъ авторъ снова противорѣчитъ себѣ, назвавъ учебникъ „руководителемъ учениковъ“.

„Изъ формъ древне-славянскаго языка введены только тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ формамъ русскаго языка... Объемъ свѣдѣній изъ фонетики и фонологіи въ учебникѣ обусловливается необходимостью ихъ для объясненія образованія, измѣненія, состава словъ и правописанія“. Эти замѣчанія, что ни разумѣлъ бы авторъ подъ формами, относятся къ первымъ двумъ главамъ учебника. Изъ нихъ первая носитъ заглавіе: „Ученіе о звукахъ (фонетика) и о буквахъ (фонографія)“ и подраздѣляется такъ: 1) членораздѣльности, человеческого голоса (?); буквы и азбука; 2) органы произношенія, приращеніе, звуки гласные и согласные; 3) различіе гласныхъ по силѣ и качеству; дьогласные звуки; 4) согласные звуки. И такъ, въ этой главѣ, между прочимъ, говорится о существѣ и природѣ звуковъ языка (это принято называть фонологіей, куда, какъ части, входятъ фонетика и графика, названная въ учебникѣ „фонографіей“ неправильно, ибо подъ фонографіей разумѣется одинъ изъ видовъ письма, гдѣ буквы обозначаютъ звуки, въ отличіе отъ идеографіи, гдѣ, какъ въ азбукахъ китайской и древне-египетской, буквы обозначаютъ слова, то-есть, цѣлыя представленія, и отъ силлабографіи, гдѣ, какъ въ азбуку японской, буквы представляютъ слоги). Такимъ образомъ первая глава начинается пуганицей терминовъ, что продолжается и пу-

таницей оседржанія. Чтобы объяснить членораздѣльность человѣческаго голоса (см. звуковъ человѣческаго языка), авторъ, въ силу убѣжденія, высказаннаго имъ въ статьѣ „отъ автора“, что „важнѣйшимъ нагляднымъ пособіемъ“, при изученіи грамматики, „являются примѣры“, которые должны быть разбираемы въ классѣ преимущественно съ цѣлію сдѣлать изъ нихъ одинъ опредѣленный выводъ который „ученики потомъ прочитываютъ въ учебникѣ“,—даетъ слѣдующій примѣръ: „Звенить... гудить... дробится мелкой трелью валдайскій колокольчикъ удалой.—Буря завываетъ.—Лѣсъ шумить.—Ледъ трещить.—Волкъ воетъ.—Собака лаетъ.—Соловей щелкаетъ и свищетъ.—Муха жужжитъ.—В-о-д-а к-р-а-с-о-т-а п-р-и-р-о-д-ы. А-з-б-у-к-а к-ъ м-у-д-р-о-с-т-и с-т-у-п-е-н-ь-к-а“. Авторъ убѣжденъ, какъ это явствуетъ изъ сопровождающаго примѣры „вывода“, что набранныя съ разрядкой слова суть „звуки, происходящіе отъ сотрясенія или движенія неодушевленныхъ предметовъ и издаваемые звѣрями, домашними животными, птицами и насекомыми, и не могутъ быть разложены, безъ особыхъ физическихъ (!) приборовъ, на отдѣльныя части, или члены; что ихъ можно назвать сплошными, то-есть, нераздѣлимыми на части“. И весь этотъ аппаратъ придуманъ составителемъ для того, чтобы сдѣлать слѣдующій выводъ: „Свойство человѣческой рѣчи раздѣляться на отдѣльныя части, или члены, называется членораздѣльностью“. Оказывается, что самъ авторъ запутался въ своемъ аппаратѣ: стремясь уяснить членораздѣльность звуковъ человѣческаго голоса, пришелъ къ членораздѣльности человѣческой рѣчи.

Вникнемъ въ дальнѣйшее содержаніе первой главы. На той же стр. 1 повѣствуется, что св. Кириллъ придумалъ для славянъ 43 буквы, тогда какъ свидѣтельства Храбра и сравненіе азбуки Остромирава Евангелія съ греческими текстами IX вѣка убѣждаютъ, что 24 буквы св. Кириллъ взялъ изъ греческой азбуки, а 14 начертаній, упоминаемыхъ Храбромъ, и восемь буквъ, дополняющихъ азбуку Остромирава Евангелія, несомнѣнно придуманы самимъ св. Кирилломъ или его ближайшими учениками.

Въ § 2-мъ объясняется, что „въ образованіи звуковъ человѣческой рѣчи принимаютъ участіе гортань, небо, языкъ, зубы и губы, которые поэтому и называются „органами произношенія“; что преобладаніе этихъ органовъ при образованіи звуковъ называется прираженіемъ; что звуки, которые образуются преимущественно голосомъ, называются гласными, всѣ же прочіе звуки, образующіеся при посо-

біа нѣба, гортани, языка, зубовъ и губъ — согласными". Изъ этого описанія слѣдуетъ, что согласные произносятся „органами произношенія“, а гласные—однимъ голосомъ, котораго не нужно для согласныхъ; что *о* и *у*, въ произношеніи коихъ участвуютъ губы (органъ произношенія), а также *і* и *е*, произносимые при помощи языка и нѣба (органовъ произношенія), суть согласные звуки. Но авторъ слѣдуетъ дополнить свое опредѣленіе: „такъ какъ гласные звуки образуются преимущественно голосомъ, то они способны къ протяженію“. Но подобно гласнымъ и согласные способны къ протяженію, и не только тѣснинные или длительные, но и смычные или мгновенные; сравнивь же русскія слова: а) веду — введу, судъ — ссудъ, женка—**ж**женка; б) пирь—Пиррь, алая—Аллахъ, Донъ—бездонный, страна—странна, Кама—гамма; в) ты—итти, опека—Мекка, и т. п., нельзя не убѣдиться, что и дыхательные, и плавные, и даже нѣмые согласные способны къ протяженію. Нѣтъ, въ образованіи гласныхъ лежитъ не „голосъ“, а тонъ, въ образованіи же согласныхъ — шорохъ, которые воспринимаются ухомъ въ качествѣ колебаній воздуха, производимыхъ колебаніями какаго-либо тѣла: тонъ получается отъ колебаній быстрыхъ и періодичныхъ, а шорохъ — при медленныхъ и неравномѣрныхъ. Поэтому въ тонѣ различаютъ силу, высоту и окраску (тембръ), что удерживается и гласными, но чуждо согласнымъ.

Въ § 3-мъ авторъ говоритъ о силѣ гласныхъ, но опредѣляетъ ее „силою гласности“, не имѣя никакой возможности выбѣться изъ логическаго *circuli viciosi*; мѣшаетъ гласные звуки съ гласными буквами и, наконецъ, сочетанія: *ай, ай, ой, уй, ий, ей, юй, ий* производить въ двоегласные, въ дифтонги, различивъ оныя отъ преіотованныхъ гласныхъ тѣмъ, что послѣдніе „при произношеніи не измѣняются, а первые (дифтонги) разлагаются: изъ *ай* въ протяженіи выходитъ *аи*. Но дифтонги языковъ древнихъ состоятъ изъ сочетанія двухъ различныхъ полныхъ гласныхъ, обозначая лишь переходъ отъ одного гласнаго уклада къ другому, а русскія сочетанія звуковъ соединяютъ полный гласный съ согласнымъ, хотя и неполнымъ; ибо въ противоположномъ случаѣ не были бы понятны звуко-сочетанія *ий* и *уу* (ов), *еу* (ев); еслибъ они изображали переходъ отъ *і* къ *и*, и отъ *у* къ *у*, то-есть, переходы между укладами тождественными. Если назвать эти сочетанія двоегласными, то къ нимъ нужно будетъ причислить и аналогичныя съ ними сочетанія преіотованныя *іа, іе, іу, іо*. Что же касается до даннаго въ учебникѣ различенія (§ 3)

двогласныхъ отъ гласныхъ йотованныхъ, то оно вѣншее, основанное на произвольномъ анализѣ, не подтвержденное фактами языка: вѣдъ и ѡя можно, если угодно, произнести *иа*, но что это доказываетъ? Между тѣмъ начертанія йотованныя пользовались въ церковно-славянскомъ двоякимъ значеніемъ: а) служили указаніемъ сочетанія полугласнаго *й* съ гласными: *а, е, у, ѣ, ѡ, ѡ* и мягкаго выговора предыдущаго согласнаго: *растѣѣаше, стыдѣѣаше* и т. п. Означай въ послѣднихъ формахъ ютація *ј*, онъ тотчасъ же вступилъ бы въ свои права, въ тѣснѣйшее единеніе съ предшествующею согласною, превратившись при этомъ въ *и, ѡ*; этого однако не бываетъ.

Во второмъ отдѣлѣ § 3, перечисляя буквы древне-славянскаго языка, авторъ означаетъ *у* по русски (вм. *оу*), а *я* различаетъ отъ церковно-славянскаго *ѡ*, усиливая эту ошибку (на стр. 7, въ отдѣлѣ объ ютѣ) утвержденіемъ, что присутствіе юта осталось въ русской азбукѣ лишь въ начертаніи *ю*, и не упоминая о начертаніи русскаго *я*. Авторъ какъ будто и не подозреваетъ, что есть различіе *ј* отъ *й* полугласнаго; что мой, твой, покой, край и т. п. въ позвукѣхъ именительномъ единственнаго *й*, тогда какъ въ именительномъ множественнаго они имѣютъ позвукъ гласный *і*. Согласный же задвезычный *ј* нужно полагать въ фонемахъ *дж, тј*, развившихся въ церковно-славянскомъ въ *жд, шт*, и въ фонемахъ *б, м*, превратившихся въ *ба, ма*. Словомъ, *й* имѣлъ въ церковно-славянскомъ характеръ полусогласнаго при сочетаніи съ предшествующею или послѣдующею гласною, а характеръ согласнаго—послѣ другаго согласнаго. „Для смягченнаго *о*“, продолжаетъ авторъ учебника,—„въ русскомъ языкѣ (вм. алфавитѣ?) нѣтъ соответствующей буквы, поэтому она изображается различно: *ю, ѡ, ѣ* и просто буквою *е* безъ знака надъ нею“. На самомъ же дѣлѣ *ѡ* въ русскихъ словахъ принято изображать просто чрезъ *е*; *ѣ* пишутъ только для выраженія народнаго говора, а *ѡ* лишь изъ оригинальности.

Объясняя выговоръ церковно-славянской буквы *ѣ*, авторъ предпо-сылаетъ перечень церковно-славянскихъ словъ съ ихъ русскими параллелями, гдѣ есть и такія сопоставленія, какъ стрѣти и стереть, вѣриѣ и вѣриѣ. Но между церковно-славянскимъ стрѣти и русскимъ стереть нѣтъ ничего общаго: стрѣти происходитъ отъ стрѣ и даетъ отъ себя слова: страна, просторъ, простирать, принадлежачія къ четыремъ степенямъ ряда *р*; въ словѣ же стереть корень *тър* (трєніє), отсюда за-тор-ъ, за-тир-а-ть, и вмѣстѣ съ производными оно относится къ ряду *А*. Форма же вѣриѣ совер-

шенно не свойственна древнему церковно-славянскому языку; она появилась под влиянием русского в позднейшей церковно-славянской письменности и держалась в ней не только при Ломоносовѣ, как утверждает составитель (не хотѣлъ ли авторъ вмѣсто Ломоносова назвать Сумарокова? во всякомъ случаѣ это было бы вѣрнѣе), но в народных говорахъ держится и по сіе время. Словомъ, всѣ эти примѣры нимало не объясняютъ природу звука ѣ. Примѣры же: блѣскъ и блескъ, брѣмя и бремя доказываютъ лишь то, что ѣ церковно-славянское равно русскому краткому е, а не то, что „въ древне-славянскомъ языкѣ буквою ѣ изображалось вообще протяженное или долгое е“. Наконецъ, послѣднее положеніе объясненія: „изъ примѣровъ видно, что въ иныхъ случаяхъ употребленіе ѣ въ древне-славянскомъ языкѣ совпадаетъ (?) съ русскимъ (сѣмя, цвѣтъ, цѣна, мѣра), въ другихъ не совпадаетъ (блескъ, время, бремя)“, выдаетъ полную беспомощность объясненія; ибо церковно-славянскія реченія: брѣмя, врѣмя, брѣгъ, будучи перегласованы по русски: беремя, веремя, берегъ, доказали бы не несовпаденіе русского е съ церковно-славянскимъ ѣ, а то, что церковно-славянское ѣ, послѣ р съ предшествующимъ согласнымъ замѣняемое въ русскомъ языкѣ двумя краткими, есть долгое. Все это ничего не объясняющее объясненіе заканчивается анти-педагогическою сентенціей, что ѣ „удерживается въ русской азбукѣ только по преданію и по привычкѣ“, то-есть, какъ негодное старое, ветошь.

Ученію о звукахъ ѣ и ѥ (названныхъ буквами) также предпосылается параллельная таблица реченій церковно-славянскихъ и русскихъ, изъ сравненія коихъ, по увѣренію составителя, видно, „что ѣ и ѥ были гласными звуками и имѣли свое (то-есть, определенное?) произношеніе, потому что иначе нѣкоторыхъ словъ (бѣдръ, легкѣкъ) невозможно было бы произнести; видно, что ѣ произносился какъ глухое о, а ѥ какъ глухое е“. Но что это за глухіе о и е? И въ церковно-славянскомъ, и въ русскомъ языкѣ о и е всегда были и остаются звуками гласными чистыми. Если бы ѣ и ѥ „имѣли свое произношеніе“, то св. Кириллъ и составитель глаголической азбуки нашли бы возможность обозначить ихъ какою-либо чистою гласною; напротивъ, они принуждены были придумать для этихъ гласныхъ новыя буквы „по словѣнстѣй рѣчи“. Имѣи ѣ и ѥ „свое произношеніе“, они не замѣнялись бы въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ различными гласными, какъ-то: о, у, а, е для Ъ-ра, а Е, И, А для Ь-ра; не смѣшивались бы между собою въ нѣкоторыхъ созвучіяхъ,

что подавало поводъ къ предположенію о совершенномъ ихъ безразличіи: влѣкъ и влькъ, врѣхъ и вѣрхъ, плѣть и плѣть и т. п. Даже изъ предпосланной объясненію таблицы реченій никакъ нельзя видѣть, что ѣ и ѣ соотвѣтствуютъ только о и е, ибо въ ней даны и такіе примѣры, какъ сѣнь и смѣнь, жѣду и жду, чѣто и что, дѣно и дно, пѣсати и писать, льпѣти и липнуть, гдѣ ѣ и ѣ то исчезаютъ, то чередуются съ ѣ, и, но чего совсѣмъ не замѣчаетъ объясненіе. Хотя составитель учебника какъ бы объясняетъ исчезновеніе ѣ и ѣ, говоря: „по мѣрѣ того, какъ глухіе звуки ѣ и ѣ утрачивались, приближаясь въ произношеніи къ о и е, ихъ постепенно (?) замѣняли на письмѣ (?) гласными о и е, а за тѣмъ они совсѣмъ утратили свою гласность“. Напротивъ, выговоръ церковно-славянскаго ѣ и ѣ тѣмъ и характеризуется, что они были обыкновенно краткими гласными, преимущественно въ концѣ слоговъ и словъ, и „очень рано потеряли слогообразующій характеръ, превратясь въ звуковые нули и тѣмъ нѣсколько усиливъ предыдущій слогъ, какъ: вѣренъ, день, левъ, весь, при параллельномъ начертаніи: вѣрна, дня, лва, всѣ, и въ префиксахъ: бездразоума, издрѣны, ижнею. И такъ, ѣ и ѣ „своего произношенія“ не имѣли: выговоръ ихъ былъ глухой и неопредѣленный, такъ что ѣ приближался къ е, а ѣ къ о.

Пройдя молчаніемъ церковно-славянскую гласный ѣ, вѣроятно,—въ убѣжденіи, что ученіе объ этомъ гласномъ не обусловливается „необходимостью его для объясненія образованія, измѣненія, состава словъ и правописанія“, не смотря на то, что такіе факты церковно-славянскаго и русскаго языка, какъ стыдъ и стодудъ, сынь и соунъ, нынѣ и нонѣ, зълый и злой, выѣ и вою, пламѣ и полымя вж. полоня, полынья вж. полонья, добръими кони при добръими законы, Давыдъ и Давидъ, могутъ быть пояснены лишь природою звука ѣ, авторъ приступаетъ къ гласнымъ носовымъ, тоже предпосылая имъ таблицу носовыхъ реченій, съ параллельными имъ русскими. Въ слѣдующемъ за таблицей ученіи о ѣсахъ сообщается, что они употреблялись только (?) предъ согласными, а передъ гласными разлагаются: ѣ на ѣж (дѣмѣ—дую), а ѣ на ѣж (жмѣ) и ѣж (жну, вж. ж). И въ этомъ объясненіи составитель не воспользовался даже данными имъ въ таблицѣ примѣрами того, что онъ именуетъ разложеніемъ: ѣгры и венгры, телѣ и теленокъ, брацати и бречать, звѣцати и звѣѣть. Кроме того, авторъ забылъ, что однѣ формы: добронѣ и добръѣж и т. п. разрушаютъ его ученіе. Покончивъ

такимъ образомъ съ природой носовыхъ гласныхъ звуковъ, составитель заявляетъ: „Истинное (?) произношеніе юсовъ утратилось (?), но ученые, на основаніи своихъ изслѣдованій, полагаютъ, что юсами означались носовые звуки, произносившіеся какъ *ам, ом, ям, юм, ом, ем. ем.* или какъ *эм, юм, ъм, ѡм*“. Ученые, напротивъ, утверждаютъ своими изслѣдованіями, что не юсы, а новые слоги *ем, ем* (ѡм, ѡн) или *ом, ом* (ѡм, ѡн) превращаются въ *м* и *н*, при чемъ гласные остаются, отъ согласныхъ же *м. н* сохраняется лишь носовой резонансъ ¹⁾. Но самая ошибка въ элементарномъ учебникѣ на ученыхъ есть ошибка: если нѣтъ возможности изложить научныя истинныя элементарно, то нечего ихъ и искажать, укрываясь авторитетомъ науки, который для элементарнаго школьника не можетъ имѣть никакой внушительности. Подъ конецъ статьи о юсахъ, не воспользовавшись данною въ учебникѣ таблицею, какъ и предыдущими, составитель говоритъ о слѣдахъ носовыхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ такъ: „Во словахъ: *имя, знамя, время, пламя, сѣмя*,—нѣтъ звука *м*, но когда эти слова въ рѣчи измѣняются (?), то *м* появляется, чего не бываетъ съ другими словами: *сѣмена, знамена, времена, племена, имена*“. Человѣку развитому, конечно, легко разгадать смыслъ этой фразы, но вѣдь книга назначена для элементарнаго образованія и дается ученикамъ въ руководители,—какъ же поймутъ ученики и даже учителя городскихъ училищъ, часто не владѣющіе филологическимъ образованіемъ, эту фразу? Они могутъ принять двѣ точки за знакъ, отдѣляющій опредѣляемое слово „словами“ отъ его приложений: „сѣмена, знамена“ и т. д., и совершенно исказить смыслъ сказаннаго.

Согласные звуки, разсматриваемые въ § 4, также объясняются по старой, обветшалой и наукой отвергнутой теоріи, то-есть, не на основаніи физиологическаго образованія въ резонаторѣ обозначаемого ими звука, а на основаніи отраженія его въ нашемъ слухѣ. Отсюда такая же путаница въ дѣленіи согласныхъ на виды, какъ и гласныхъ. Согласные дѣлятся: „1) по органамъ произношенія, 2) по степени ихъ согласности и 3) по силѣ прираженія голоса въ органамъ произношенія“. И этими органами произношенія являются гортань, небо, языкъ, зубы и губы, то-есть, части одного и того же духоваго ин-

¹⁾ Будиловичъ. Начертаніе церковно-славянскаго грамматики, стр. 15, § 12.

струмента, на которомъ играетъ человѣкъ, когда говоритъ; шейка этого инструмента лежитъ въ гортани, а надставная трубка (резонаторъ) въ полостяхъ глотки, носа и рта. Поэтому каждый звукъ, возвысится ли онъ въ степень тона, или останется шорохомъ, есть результатъ усилій цѣлаго органа рѣчи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что тоны, являясь преобладающею струей гласныхъ, разливаются по всѣмъ изгибамъ пассивной надставной трубки, тогда какъ шорохи локализованы въ опредѣленныхъ активныхъ ея частяхъ. Согласные шорохи образуются въ тѣснинахъ, которыя состояются изъ двухъ членовъ, активнаго и пассивнаго. Таковыми парами служатъ: а) губа нижняя съ верхнею или верхними рѣзцами, б) кончикъ языка съ зубами и деснами, в) средняя часть языка съ нѣбомъ, г) задняя часть языка съ нѣбомъ, д) двѣ гортанныя струны. Въ образованіи первыхъ четырехъ типовъ тѣснинъ, нижніе члены каждой пары принимаютъ болѣе дѣятельное участіе, такъ какъ они лежатъ на подвижной нижней челюсти, тогда какъ верхніе члены утверждены на неподвижной верхней. Поэтому соотвѣтственныя тѣснины справедливѣе назвать по активнымъ нижнимъ членамъ: а) губная, б) переднеязычная, в) среднеязычная и г) заднеязычная, а по этимъ тѣснинамъ и образующіеся въ нихъ звуки.

Предупредивъ, что „объемъ свѣдѣній изъ фонетики и фонографии въ учебникѣ обуславливается необходимостью ихъ объясненія образованія, измѣненія, состава словъ и правописанія“, авторъ тѣмъ не менѣе говоритъ о буквѣ зѣло, а также о кси и пси, хотя эти буквы не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ русской азбукѣ; задѣваетъ онъ и ѳ, говоря, будто она „удерживается, главнымъ образомъ, въ духовной письменности, въ свѣтской же выходитъ изъ употребленія“. Нужно полагать, что реченіе „свѣтскій“ употреблено здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Но забывши свои предположенія, авторъ помнитъ, что снабжаетъ младшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній учебникомъ въ качествѣ руководителя, почему и оканчиваетъ свою фонетику и фонографию ученіемъ о томъ, что „гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ 10, буквъ же для означенія этихъ звуковъ 11, но онѣ распределены неправильно (курсивъ въ текстѣ): для звуковъ и (і), е (ѣ) существуетъ по два знака, а для звука йо соотвѣтственнаго знака вовсе нѣтъ. Согласныхъ звуковъ 20, а буквъ 21; для звука ѳ есть двѣ буквы (ѳ и ѳ), то-есть, одна лишняя, и въ то же время нѣтъ буквы для звука, который въ другихъ языкахъ означается буквою g, а въ

греческомъ γ. Поэтому мы принуждены передавать одною буквою и два разные звука". Для чего же—спрашивается—авторъ прибѣгалъ къ помощи церковно-славянскаго алфавита, какъ не для того, чтобы уяснить исторически явившуюся между ними разницу, а не попрекать шнимыми недостатками тысячелѣтнаго старца, и притомъ предъ глазами дѣтей?

Авторъ самъ чувствуетъ недостаточность своей если не „фонологіи“, то „фонетики“: онъ посвящаетъ ей и вторую главу, хотя подъ другимъ, замысловатымъ заглавіемъ: „Измѣненія гласныхъ и согласныхъ при словообразованіяхъ (словообразованіи?) по требованіямъ благозвучія“. Ученію объ измѣненіи гласныхъ и согласныхъ предисылается здѣсь длинное для этимологическаго учебника объясненіе „благозвучія или эвфоніи“, въ основу коего полагается „любовь человѣка къ прекрасному во всѣхъ формахъ“, вслѣдствіе чего у людей явилась потребность не просто только говорить, но говорить легко, плавно, пріятно, изящно, съ силою и выразительно, что и называется въ языкѣ (?) благозвучіемъ. Ради благозвучія одни звуки замѣняются другими, иные вставляются, нѣкоторые опускаются или переставляются; но эти измѣненія звуковъ происходятъ въ языкѣ не случайно, не по произволу, а на основаніи свойствъ самихъ звуковъ, при соединеніи ихъ между собою“. Въ семъ самодѣльномъ объясненіи грамматическаго благозвучія опредѣляемое понятіе расширено признаками, ему совершенно чуждыми: „плавно, пріятно, изящно, съ силою и выразительно“, что принадлежитъ не грамматическому строенію словъ, а цѣлой рѣчи, а этимъ занимается уже стилистика и вообще риторика. Замѣтивъ, что „измѣненія звуковъ (въ строеніи слоговъ и словъ) происходятъ не случайно, не по произволу, а на основаніи свойствъ самихъ звуковъ“, составитель однако не указалъ ни этихъ свойствъ, ни измѣненій звуковъ, замѣнивъ все это обветшалыми, ничего не говорящими ученику терминами, какъ: 1) усиленіе и подъемъ, 2) ослабленіе, 3) переходъ однихъ звуковъ въ сродные имъ другіе, 4) уподобленіе, 5) опущеніе, 6) вставка, 7) перестановка, 8) чередованіе, 9) полногласіе. Но „переходъ звуковъ въ другіе имъ сродные“ (3) развѣ не одно и то же, что усиленіе и подъемъ (1), ослабленіе (2), уподобленіе (4)? Вѣдь всѣ эти измѣненія состоятъ именно въ переходѣ одного звука въ другой. Притомъ все это свалено въ одну кучу, не отличено измѣненіе гласныхъ отъ согласныхъ, тогда какъ категоріи измѣненія тѣхъ и другихъ многимъ различаются: гласнымъ, напримѣръ, свойственно замѣнительное усиленіе,

которое въ свою очередь подраздѣляется на свои виды. Наконецъ, самый принципъ измѣненія звуковъ, „благозвучіе“, отвергнуть наукою, которая строитъ свою систему на физиологической природѣ человѣческихъ звуковъ. Стремленіе сглаживать шероховатости въ звуковомъ построеніи слоговъ и словъ кроется не въ акустическихъ началахъ благозвучія, которое важнѣе для слушающаго, чѣмъ для говорящаго, а въ условіяхъ облегченія выговора, сбереженія мускульной силы. Переходя отъ одного звука къ другому, языкъ безсознательно сокращаетъ разстояніе между ними, сближая для того мѣста ихъ образованія въ резонаторѣ и ослабляя природные контрасты многихъ звуковъ. Сверхъ фонетическихъ измѣненій, обусловливаемыхъ общою природою звуковъ, ихъ расположеніемъ въ словѣ, вліаніемъ сосѣднихъ звуковъ и т. п., есть еще звукоизмѣненія, происходящія отъ особенности діалектическаго вырожденія. Такъ, напримѣръ, славянскій языкъ искони не терпѣлъ гласныхъ дифтонговъ, за то широко развилъ сѣтъ гласныхъ несовершеннаго (ъ, ѣ) и смѣшаннаго (ѣ, ѡ) образованія, а также и согласныхъ средневязычнаго пояса. Съ общимъ паденіемъ вокализма (гласныхъ), особенно въ защищенныхъ удареніемъ подзвучіяхъ словъ, увеличилось число согласныхъ группъ, и ослабло чувство несочетаемости многихъ разнородныхъ звуковъ, а вмѣстѣ и отчетливость ихъ выговора. Не всѣ, впрочемъ, звуковыя измѣненія объясняются физическими условіями ихъ образованія. Звуки являюся въ языкѣ не самодѣльно, а какъ орудія выраженія душевныхъ движеній—чувствъ, желаній и представленій; всѣ подобныя звукоизмѣненія, объясняемыя условіями взаимнаго психическаго притяженія смежныхъ по значенію корней, основъ и словъ, объединяются въ названіи грамматической аналогіи.

„Обычное дѣленіе предметовъ на одушевленные, неодушевленные и умственные, не охватывая всѣхъ предметовъ, производитъ обыкновенно въ умахъ учениковъ недоумѣнія“. Но вмѣсто того, чтобъ избавить учениковъ отъ этихъ недоумѣній, авторъ повергаетъ ихъ въ тупикъ. На стр. 19, давъ цѣлыя четыре категоріи примѣровъ, долженствующихъ соответствовать четыремъ нижеслѣдующимъ выводамъ, и опредѣленіе „предмета“, онъ учитъ: „Весь міръ состоитъ изъ предметовъ, которые постигаются нашими виѣшними чувствами; это предметы міра вещественнаго, видимаго (?), чувственнаго; совокупность ихъ иначе называется природою, свѣтомъ, вселенною“. Но развѣ все чувственное видимо, газы, напримѣръ, воздухъ, сила тяготѣнія? Но авторъ, какъ бы спохватившись, про-

должаетъ: „Есть предметы, недоступные вѣдѣнію вѣдѣннѣмъ чувствамъ, но постигаемые умомъ и вѣрою (вѣра не постигаетъ, а пріемлетъ, какъ чувство): Богъ, ангелы, злые духи, души умершихъ (почему только умершихъ?). Это — предметы религиозные, міръ духовный, невѣдомый, сверхъестественный, сверхчувственный“. До сихъ поръ авторъ руководился въ дѣленіи предметовъ на виды принципомъ „постиженія“, но такъ какъ дальше въ этомъ направленіи идти некуда, а виды предметовъ перечислены еще не всѣ, то, не стѣсняясь общими, даннымъ въ статьѣ „отъ автора“ представить „полную логическую классификацію“ предметовъ, „сообщить о нихъ болѣе ясное понятіе, облегчить отнесеніе какого-либо предмета къ тому или другому разряду и вмѣстѣ обогатить словарь учащихся“ (стр. IV), авторъ принимается за другой принципъ дѣленія — „созданіе“. „Есть предметы“, говоритъ онъ, — „созданные народною фантазіей, которые принимаются за дѣйствительныя существа, напримѣръ, вѣдьмы, лѣшіе и т. п., созданные творческою фантазіей сказочниковъ и поэтовъ: Баба-Яга, Кащей, и т. п. Это — предметы фантастическіе или сказочные, міръ фантастическій. Есть предметы, означающіе (?) не вещи или существа, а разныя явленія, свойства, качества и признаки ихъ (кого?); такіе предметы создаются дѣятельностью ума и существуютъ только въ мысляхъ, а не въ воображеніи человѣка: бѣдность, порокъ и тому подобное. Предметы эти называются умственными или отвлеченными... Такъ какъ всѣ предметы существуютъ или на самомъ дѣлѣ, то-есть, дѣйствительно, или въ нашей душѣ (уже, конечно, не дѣйствительно, а мнимо?), то всѣ имена предметовъ называются именами существительными“. Ходя такимъ образомъ кругомъ да около, авторъ хоть добрался было подъ конецъ до истины, что весь міръ нашего познанія дѣлится на двѣ половины: міръ осязаемый (конкретный) и міръ мыслимый (отвлеченный), но отвернулся отъ этой находки, не признавъ ея; а не признавалъ потому, что въ собственномъ его представленіи смѣшаны предметъ и наше представленіе о немъ. Авторъ не подозреваетъ, что словами языка называются не предметы, а наши представленія о предметахъ и ихъ признакахъ. И такъ какъ все, существующее само по себѣ въ природѣ или въ нашемъ представленіи, называется предметомъ, то предметы и могутъ быть только осязаемые (конкретные), подлежащіе нашимъ вѣдѣнію чувствамъ, и мыслимые (отвлеченные), созданные нашимъ духомъ. И такъ, „обычное дѣленіе предметовъ“ оказывается выше созданнаго авторомъ: въ нихъ та

лишь ошибка, что два вида (одушевленные и не одушевленные) не названнаго рода (конкретные предметы) сопоставлены съ родомъ „умственные“. Это даже не ошибка, а логическая неточность, обусловленная потребностью элементарнаго образованія, ибо въ основаніи этого обычнаго дѣленія лежитъ дихотомія представленія „міръ“.

„Существительныя имена собственные, общія, собирательныя, уменьшительныя и увеличительныя, родъ, число (§§ 14 — 17), степени сравненія (§ 26) выяснены на основаніи логики языка“ (?). Такъ сказано авторомъ на стр. IV предисловія. Хотя мы и видѣли, какъ составитель относится къ логикѣ языка, но все-таки интересно посмотреть и его логику языка. Въ § 14 („Различіе именъ по объему), кромѣ смѣшенія представленія съ словомъ въ самомъ заглавіи — ибо лишь представленіе владѣетъ объемомъ и содержаніемъ, а слово формой и значеніемъ, — имя собственное опредѣляется какъ означающее одинъ предметъ: „мой столъ“, на примѣръ, есть имя одного предмета, стало быть „мой столъ“ есть имя собственное? Правда, въ концѣ отдѣла 1-го авторъ прибавляетъ: „Если же нужно обозначить какой-либо предметъ, у котораго нѣтъ собственнаго имени, то указываютъ на него (этотъ улей, то дерево), или же описываютъ, на примѣръ: „С.-Петербургъ находится подъ 60° сѣверной широты и 48° восточной долготы“; но это замѣчаніе отнюдь не устраняетъ не-правильности даннаго опредѣленія и еще болѣе путаетъ дѣло, вмѣняя ученику въ обязанность каждый именуемый предметъ опредѣлять мѣстоименіемъ или описывать. Воспользуясь авторъ логикой мышленія, онъ сказалъ бы, что имя собственное отличаетъ единичное представленіе отъ представленій одного съ нимъ вида; что оно потому пишется съ большой буквы, что въ составѣ основы или слова ничѣмъ не отличается отъ именъ нарицательныхъ. Далѣе „Общее имя, означающее отдѣльную группу предметовъ, которые собраны въ одномъ мѣстѣ (?) и чѣмъ-либо соединены между собою, называется собирательнымъ“. Спириты? на примѣръ. Или: „Общее имя, означающее предметъ состоящій изъ одинаковыхъ частицъ (?), называется сплошнымъ“. А деревянная доска? Но не мудрствуя лукаво, сплошными и собирательными именами называютъ означающіе не отдѣльныя особи, а совокупность живыхъ существъ или неорганическихъ частицъ сборнаго представленія. Въ § 15-мъ: „Обозначеніе именами различія величины однородныхъ предметовъ“, рѣчь идетъ опредѣлахъ, а не объ именахъ, а потому не указаны основы именъ увеличительныхъ и уменьшительныхъ, аи ласкательныхъ и уни-

чижительныхъ, которыя въ изычномъ употребленіи нерѣдко переплетаются. Въ § 25: „Каждый предметъ содержитъ въ себѣ много разныхъ признаковъ, свойствъ, качествъ, принадлежностей“. Какъ будто свойства, качества и принадлежности не то же, что признаки! „Названія этихъ свойствъ и качествъ предмета суть имена прилагательныя“. Въ этомъ опредѣленіи смѣшаны имена прилагательныя съ причастіями: обѣ эти части рѣчи выражаютъ признаки предмета, но первая суть объективные признаки или качества предмета, а вторая — субъективные его отношенія къ дѣйствию или явленію, чѣмъ и обусловлена связь этихъ прилагательныхъ съ категориями залога и времени. Въ § 26: „Степени качества безотносительныя и сравнительныя“, гдѣ уже въ самомъ заглавіи *contradictio in adjecto*, говорится: „Качества, разсматриваемыя въ одномъ и томъ же предметѣ безъ сравненія съ однородными качествами другихъ предметовъ могутъ быть различныхъ степеней. Это различіе выражается прилагательными увеличительными и уменьшительными: бумага бѣловата, здоровехонекъ, преглупая книга, глуповатъ, глупенекъ... Когда качество одного предмета сравнивается съ тѣмъ же качествомъ въ другомъ предметѣ, то здѣсь возможны два случая: или качества по степени въ обоихъ предметахъ равны, или неравны: въ первомъ случаѣ является сравнительная степень равенства: нынѣшній день такъ же ясенъ и тепелъ, какъ вчерашній; во второмъ случаѣ будетъ сравнительная степень превосходства: лисица очень похожа на собаку, но тѣло ея граціознѣе и гибче“. Но въ данныхъ примѣрахъ перваго правила обозначается не качество, а количественные отгѣнки въ обнаруженіяхъ, обозначаемыхъ корнемъ признаковъ; сравнивая, напримѣръ, формы: пустоватъ, глуповатъ, подслѣповатъ и усатый, здоровенный, разудалый, наилучшій, тьма-тьмушая, замѣчаемъ отгѣнокъ уменьшительный въ первомъ ряду, и увеличительный — во второмъ. Во второмъ правилѣ смѣшана форма грамматическая съ риторическою.

„Объясненія залога, вида, наклоненія, связи видовъ глагола и временъ сдѣланы (?) соответственно взглядамъ, которые теперь преобладаютъ въ наукѣ (§§ 34—40)... „Обычное опредѣленіе глагола: Глаголъ выражаетъ дѣйствіе или состояніе предмета, не даетъ возможности отличить отглагольное существительное отъ глагола; напримѣръ, въ выраженіяхъ: дѣти шалить и шалость дѣтей означается одно и то же дѣйствіе дѣтей. Недостаточность общепринятаго понятія о глаголѣ происходитъ отъ опущенія въ немъ

существеннаго признака глагола—обозначенія имъ времени. Поэтому въ учебникѣ дано болѣе точное опредѣленіе глагола и вообще нагляднѣе выставлено значеніе его между частями рѣчи (§ 35)*. Сущность того, что говорится въ § 35 о значеніи глагола, можетъ быть выражена для краткости въ слѣдующемъ извлеченіи: „Предметы могутъ находиться въ различныхъ состояніяхъ, могутъ испытывать разныя измѣненія, могутъ оказывать вліяніе другъ на друга, могутъ дѣйствовать на другіе предметы; всѣ эти состоянія, измѣненія и дѣйствія предметовъ совершаются во времени; въ измѣнѣ всѣ эти состоянія, измѣненія и дѣйствія предметовъ, совершающіяся во времени, означаются особыми словами, которыя называются глаголами. Слѣдовательно, глаголь есть часть рѣчи, выражающая дѣйствіе, состояніе или измѣненіе во времени“. Сравнивая „обычное опредѣленіе глагола“ съ опредѣленіемъ автора, находимъ, что послѣднее отличается отъ перваго выраженіемъ „во времени“, поставленнымъ въ зависимость отъ выраженія: „дѣйствіе, состояніе, измѣненіе предмета“; другое различіе усматриваемъ въ плеонастическомъ оборотѣ: „состояніе или измѣненіе предмета“, чего впрочемъ нельзя поставить второму опредѣленію въ преимущество. Что же касается содержанія втораго опредѣленія, то оно ни мало не выиграло отъ прибавленія тоже плеонастическаго „во времени“; ибо дѣйствіе и состояніе, а тѣмъ паче измѣненіе, только и могутъ совершаться, что во времени, а не въ пространствѣ. А что „обычное опредѣленіе“ будто бы не даетъ возможности отличить отглагольное существительное отглагола, то ручаемся, что авторъ клеветаетъ на себя: грамматическое, формальное различіе онъ непремѣнно понимаетъ, если отличаетъ глагольное существительное отъ глагола. Нужно думать, что авторъ говоритъ здѣсь о семасіологическомъ различіи имени и глагола, этихъ двухъ основныхъ столбовъ этимологии и синтаксиса, въ основаніи коихъ (то-есть, имени и глагола) лежатъ матеріальные корни, выражающіе какой-либо признакъ предмета или явленія, какъ указаніе на одну изъ характеристическихъ чертъ представленія. Но въ именахъ признакъ этотъ изображается сосредоточеннымъ въ какомъ-либо реальномъ или воображаемомъ, прямо или косвенно обозначенномъ предметѣ; въ глаголахъ же онъ мыслится не какъ данный, а какъ возникающій въ опредѣленный моментъ времени (настоящее, прошедшее, будущее), и притомъ не въ отвлеченіи, а въ зависимости отъ лица, какъ производителя или даже пассивнаго виновника дѣйствія или явленія. И такъ, точное опредѣленіе лишь пообѣщано „отъ

автора", дано же притязательно-сбивчивое, уступающее противоположным качествамъ „обычнаго“. Неправильное и сбивчивое представление автора о глаголь и имени, само собою разумеется, отражается и на учении его грамматики о категорияхъ глагола, а потому считаемъ позволительнымъ уклониться отъ разсмотрѣнія, до какой степени „объясненія залога, вида, наклоненія, связи видовъ глагола и времени сдѣланы соотвѣтственно взглядамъ, которые теперь преобладаютъ въ наукѣ“.

Неправильное, но притязательное объясненіе имени в глаголовъ, этихъ столбовъ этимологіи и синтаксиса, даетъ полное право, опустивъ остальные отдѣлы этимологіи и орфографіи, наполненные ошибками, имъ же имя легіонъ, перейти къ синтаксису.

Начнемъ съ опредѣленія предложенія (стр. 109, § 3): „Говоря что-нибудь (даже и вздоръ?) мы тѣмъ самымъ предлагаемъ свою мысль (мысль не есть что-нибудь) или сужденіе; поэтому каждое сужденіе, которое высказано, то-есть, выражено словами, называется предложеніемъ“. Минувя неточность выраженій, коими изобилуетъ это опредѣленіе, обращаемся къ его содержанию. Здѣсь повторяется старая ошибка, давнымъ давно замѣченная и исправленная наукой: смѣшивается предложеніе съ сужденіемъ, авторъ изъ своей области вторгается въ чужую. Хотя предложеніе и является коррелятивомъ логическаго термина „сужденіе“, тѣмъ не менѣе строеніе и составъ того и другаго отнюдь не тождественны: форма сужденія одна и та же для всѣхъ вѣковъ и народовъ, форма же предложенія различна не только въ языкахъ разныхъ классовъ, но и въ разные періоды одного и того же языка; сужденіе въ логикѣ всегда владѣетъ двучленнымъ составомъ: обозначаетъ субъектъ и предикатъ, какъ частный и общій, апостериорный и априорный моменты атперцепціи; по выдѣленіи же въ предикатѣ отношенія связи и атрибута получается форма трехчленная (субъектъ, связка, атрибутъ), которая не есть видоизмѣненіе, а лишь иное объясненіе первой, двучленной. Предложеніе, напротивъ, можетъ стигиваться до одного термина и расширяться на цѣлыя ихъ десятки, не выходя изъ рамокъ единого синтаксическаго цѣлага. Предложеніе, вѣрное въ грамматическомъ отношеніи, можетъ быть нелѣпо въ логическомъ; предложеніе: „кругъ имѣетъ квадратную форму“ признается грамматикой, но отвергается логикой. Отсюда слѣдуетъ, что при анализѣ предложенія нужно руководиться не общими логическими схемами сужденія, а этимологическимъ составомъ

часть сскі, отд. 3. 2

оборота, числомъ, отношеніемъ и значеніемъ его фразеологическихъ группъ. Эти фразеологическія группы, то-есть, сочетанія нѣсколькихъ словъ по соединительному, опредѣлительному, дополнительному или обстоятельственному типу, хотя и представляютъ нѣкоторую самостоятельность и отдѣльный смыслъ, опредѣляемый со стороны матеріальной входящими въ нихъ корнями, а съ формальной—аффиксами, тѣмъ не менѣе онѣ не выражаютъ еще законченнаго акта мысли, а лишь составную часть его. Лишь предикативное сочетание словъ создаетъ грамматическій организмъ, соответствующій, но не тождественный логической формѣ сужденія. Предикативное отношеніе въ фразѣ характеризуется присутствіемъ личной формы глагола, тяготящей своими флексіями къ имени главнаго ея предмета. Вотъ почему въ языкѣ на первый планъ выдвигается предикативное сочетаніе, достигающее и большей самостоятельности употребленія и большей полноты значенія. Въ рамки его входятъ, съ различною легкостью и рѣшительностью, всѣ остальные фразеологическія группы, являясь въ болѣе или менѣе подчиненномъ и зависимомъ отъ него отношеніи. Вотъ почему предикативное сочетаніе словъ, или голое предложеніе, является высшею фразеологическою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и низшею синтаксическою единицею.

Смѣшавъ грамматическое предложеніе съ логическимъ сужденіемъ, авторъ необходимо повторяетъ ошибки своихъ предшественниковъ и давъ (въ § 5, на стр. 110) примѣры выраженія подлежащаго (трудиться нужно всякому; учиться пріятно и полезно; знать и умѣть—два дѣла разныя; красть и грѣхъ, и стыдно), объясняетъ: „Мы можемъ говорить о всевозможныхъ предметахъ, и все, о чемъ мы можемъ думать и говорить, можетъ быть подлежащимъ. Поэтому (?) подлежащее можетъ быть.. глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, если рѣчь идетъ вообще о дѣйствіи или состояніи предметовъ“. Правда, неопредѣленное наклоненіе, какъ и всѣ неизмѣняемыя части рѣчи, можетъ быть подлежащимъ, но тогда оно теряетъ свое матеріальное значеніе и разсматривается, какъ существительное; на примѣръ, въ предложеніи: писать оканчивается на ть. Но, не владея способностью измѣнять окончаніе по лицамъ и числамъ, оно, чтобъ имѣть отношеніе къ подлежащему, нуждается въ другомъ глаголѣ, почему и можетъ быть въ предложеніи, не теряя своего матеріальнаго и формальнаго значенія, частью составнаго сказуемаго (чѣмъ и является въ данныхъ учебникѣ примѣрахъ) и свя-

звываясь съ подлежащимъ чрезъ посредство главнаго сказуемаго (нужно, пріятно и полезно, дѣла), при чемъ связка (есть, суть) опускается; оно можетъ быть также главнымъ членомъ или связкою второстепеннаго сказуемаго (развѣ и вы хотите быть его учениками?), связкою второстепеннаго или аппозитивнаго объекта (далъ имъ власть быть сынами Божиими). Но авторъ не только повторяетъ обветшалое и отвергнутое: онъ и самостоятельно пускается въ домыслы. „Чаще всего“, говорить онъ ниже въ томъ же параграфѣ,—„бываетъ подлежащимъ имя существительное, которое, какъ подлежащее, ставится въ именительномъ падежѣ. Именительный падежъ есть наиболѣе обыкновенная форма подлежащаго“. Значить, есть случаи, когда подлежащее стоитъ и не въ именительномъ падежѣ, а въ косвенномъ? Отвѣтъ на это дается на стр. 164, д: „У сосѣдей есть, да у насъ нѣтъ.—На счастье нѣтъ закона.—Слышно за версту проказу.—Смерти никому не миновать.—Въ этихъ предложеніяхъ подлежащее выражено родительнымъ падежемъ (закона, у насъ), винительнымъ (проказу), дательнымъ при неопредѣленномъ наклоненіи (никому не миновать). Но это — подлежащія логическія, а по формѣ, то-есть, грамматически, это не подлежащія, а дополненія; поэтому предложеніе, въ которомъ подлежащее выражено въ косвенномъ падежѣ, относится грамматически къ безличнымъ“. Тутъ поражаетъ уже не непониманіе значенія подлежащаго, а та сбивчивость въ ассоціаціи представленій, которая есть неизбѣжное слѣдствіе смѣшенія двухъ началъ—логическаго и грамматическаго.

То же и въ ученіи о предложеніи сложномъ. Еще въ статьѣ „Отъ автора“ составитель учебника объявляетъ: „Въ существующихъ учебникахъ синтаксиса предложенія называются полными, неполными, распространенными, нераспространенными, повѣствовательными, вопросительными, вносными, вводными, вставочными, личными, безличными, простыми, сложными и т. д. Между тѣмъ ни въ одномъ руководствѣ нѣтъ яснаго указанія на логическое основаніе дѣленія предложеній соотвѣтственно упомянутымъ названіямъ, равно нѣтъ указанія категорій, по которымъ бы можно было распределить предложенія по ихъ названіямъ. Это неизбѣжно производитъ сбивчивость и путаницу въ умахъ учениковъ, только начинающихъ пріучаться къ логическому мышленію. Чтобы ввести порядокъ въ это смѣшеніе названій, указать ихъ логическое основаніе и объяснить отношеніе этихъ названій къ самому предложенію, въ синтаксисъ введена особая

глава, въ которой этотъ предметъ изложенъ хотя элементарно, но съ достаточною для цѣли полнотою (глава IV синтаксиса)*. Но на дѣлѣ эта глава оказывается самою лишнею изъ всѣхъ главъ учебника, а въ логическомъ отношеніи не менѣе несправною, чѣмъ всѣ другія: лишнею—потому, что съ системой своею элементарныя учебники могутъ знакомить учениковъ лишь практически, изъ самаго содержанія и постепенно, а не при помощи отдѣльной и голой схемы, дабы не впасть въ темную схоластику. Но и съ логической стороны данная классификація не состоятельна. Предложенія дѣлятся въ ней на три вида: 1) по формѣ, 2) по содержанію, 3) по составу. Но содержаніе предложенія вѣдаетъ логика: стало быть, принципъ дѣленія не вѣренъ.

Переходимъ къ подраздѣленію видовъ. Виды по формѣ обнимаютъ предложенія полныя, неполныя, эллиптическія, не распространенныя, распространенныя, личныя, безличныя. Но форма предложенія характеризуется не большею или меньшею полнотою (полнота—признакъ состава), а строеніемъ предложенія, то-есть, свойствомъ составляющихъ его фразеологическихъ частей и ихъ взаимнымъ отношеніемъ; на этомъ основаніи, подъ принципъ дѣленія „форма“ изъ всего ряда названныхъ предложеній могли бы подойти лишь два: личныя и безличныя. Предложенія повѣствовательныя, вопросительныя, отвѣтныя, восклицательныя, желательныя, повелительныя (?), утвердительныя и отрицательныя тоже называются такъ не за содержаніе, а за способъ выраженія содержанія. Въ третьемъ видѣ (по составу) принципу дѣленія подчиняются лишь простыя и сложныя предложенія, а вводныя и вносныя характеризуются не составомъ, а формой. При всей своей нелогичности классификація грѣшитъ еще и неполнотою, хотя въ то же время не чужда и излишества. Гдѣ въ ней одинъ изъ главнѣйшихъ видовъ—предложенія главныя и придаточныя? Они не названы ни въ одномъ изъ видовъ. Съ другой стороны, въ чемъ состоитъ разница между предложеніями полными и нераспространенными? Откуда авторъ взялъ предложенія вставочныя, желательныя и повелительныя? Изъ какихъ трудовъ ученыхъ изслѣдователей русскаго языка онъ заимствовалъ, что „въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ посредствомъ ни означается высшая степень качества или дѣйствія, наиримѣръ: „какъ смерть моя ни зла, все лучше чѣмъ терпѣть обиды отъ осла (Крыл., стр. 165)*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ни послѣ мѣстоименій и нарѣчій вопросительныхъ обозначаетъ вмѣстѣ съ ними форму уступленія? Откуда взялъ онъ, что „если сужденіе выражено не однимъ предло-

женіемъ, а двумя или нѣсколькими, то оно (сужденіе?) называется сложнымъ, и значить—его (тоже сужденіе?) можно разложить на простыя предложенія, изъ которыхъ оно сложилось“ (стр. 167, 2); что между сложными сочиненными предложеніями есть усиительныя и раздробительныя (стр. 189 и 190), и т. д. Наконецъ, неправильно и самое опредѣленіе грамматики, которое, въ силу „систематическаго изложенія въ восходящемъ порядкѣ“, предлагается въ концѣ книги и выдается за „болѣе научное“, чѣмъ „обычное опредѣленіе грамматики“. Это научное опредѣленіе гласитъ: „Грамматика есть наука о слогахъ и словесныхъ формахъ рѣчи, то-есть, грамматика есть наука о языкѣ“. Нужно полагать, что это опредѣленіе названо „научнымъ“ потому, что въ него вошло слово „наука“. Если есть въ немъ что вѣрное, то лишь первая фраза: „Грамматика есть наука о словахъ“, да и то выражено крайне неопредѣленно и туманно. Правда, авторъ предпосылаетъ своему опредѣленію какъ бы основанія, на коихъ оно зиждется, а именно: „Грамматика знакомитъ насъ съ словеснымъ богатствомъ роднаго языка; объясняетъ намъ формы нашей рѣчи и законы; дѣлаетъ насъ способными понять и оцѣнить даръ слова, относиться къ нему сознательно и пользоваться имъ разумно и правильно въ нашей устной и письменной рѣчи“ (стр. 218). Но основанія эти еще болѣе путаютъ дѣло: ибо богатство роднаго языка—наше природное достояніе, а развивается оно у каждаго рядомъ съ развитіемъ духовнымъ; формы и законы рѣчи не подлежатъ грамматикѣ, которая занимается вѣшнимъ строеніемъ языка и его внутренними отправлениями; способность цѣнить даръ слова—это даръ Божій, развитію коего грамматика не можетъ оказать никакого содѣйствія. Изъ этого слѣдуетъ, что выраженіе „наука о словахъ“ употреблено не научно. Но выраженіе: „словесныя формы рѣчи“, если понимать рѣчь въ примѣненіи къ грамматикѣ (что и не можетъ быть иначе въ данномъ случаѣ), то-есть, какъ слово или предложеніе, останется просто наборомъ словъ. Наконецъ, какимъ образомъ все это отождествляется съ предложеніемъ: „грамматика есть наука о языкѣ“? Это, надо думать, не понятно и самому автору, хотя отъ составителя грамматики и можно требовать умѣнья различать науку о языкѣ отъ грамматики.

Въ концѣ статьи „Отъ автора“ составитель дополняетъ разобранныя здѣсь руководящія указанія къ своему учебнику: „Менѣе существенныя дополненія и измѣненія, сравнительно съ существующими ру-

ководствами, сдѣланы при объясненіи и раскрытіи почти каждаго грамматическаго положенія. Но учебники не сочиняются. Если составитель поваго руководства, пользуясь трудами ученыхъ изслѣдователей русскаго языка, стоялъ на уровнѣ современной науки и педагогическихъ требованій, облекъ добытое учеными трудами въ формы, доступныя дѣтскому пониманію, и такимъ образомъ сдѣлалъ результаты научной работы достояніемъ школы, то его руководство имѣетъ право на существованіе". Этими словами самъ авторъ произноситъ приговоръ своему учебнику, ибо изъ существующихъ учебниковъ ему неизвѣстны ни почтенная книга г. А. Преображенскаго: „Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній: Этимологія (1882) и Синтаксисъ (1882)", ни на основаніи изслѣдованій гг. Потебни, Миклошича и Гейзе составленный научно „Русскій Синтаксисъ" для среднихъ учебныхъ заведеній, г. Баталина, ни ученое руководство профессора Будиловича: „Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго языка и другихъ родственныхъ языковъ": ибо, еслибы г. В. Миропольскій былъ знакомъ съ этими учебниками и руководствами, то по крайней мѣрѣ не позволилъ бы себѣ область грамматики смѣшать съ областью логики и воздержался бы отъ многихъ измышлений, разобранныхъ выше. Несомнѣнно, что составитель незнакомъ съ сочиненіемъ профессора Потебни: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ" (Воронежъ и Харьковъ, 1874), которое ниспровергло тѣ обветшалыя теоріи и схемы, коими составитель наполнилъ свою книгу.

Изложеніе учебника страдаетъ многорѣчивостью и до того неточно, что изъ всѣхъ разобранныхъ здѣсь опредѣленій грамматическихъ категорій и формъ ни одного нельзя признать удовлетворительнымъ. Наконецъ, самый объемъ элементарнаго учебника, въ 14 листовъ большой восьмушки и убористой печати, совершенно не соответствуетъ элементарному содержанію учебника, которое съ большими удобствами и даже дидактическою роскошью помѣщается на 7 или 8 листахъ формата въ 16-ю долю листа.

Юлія Тричевская. Систематическій курсъ русской грамматики. Словообразованіе и синтаксисъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ 1885. Въ 16-ю д. л. стр. XI и 174.

Не разъ замѣчено было, что большинство учебниковъ по русскому языку, выходящихъ въ свѣтъ за послѣднее время, составляется торопливо,

какъ бы на скорую руку, но и между этими учебниками „Курсъ русской грамматики“ г-жи Трачевской, по отсутствію системы, по небрежности изложенія, по малому знакомству автора съ предметомъ, занимаетъ выдающееся мѣсто. Просматривая его, невольно думаешь, не попали ли въ печать, по недоразумѣнію, какія-нибудь черновыя замѣтки. Отнестись къ такой книгѣ съ научною критикою почти не возможно, но тѣмъ болѣе легко указать на ея непригодность для какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній.

Книжка г-жи Трачевской прежде всего возбуждаетъ недоумѣніе: какой возрастъ, какіе классы, какое развитіе учащихся имѣлъ въ виду авторъ при составленіи своего курса? Въ этимологіи онъ (худо ли, хорошо ли) трактуетъ преимущественно о словообразованіи, съ первыхъ же страницъ свободно говоритъ о падежахъ, приставкахъ, корняхъ, даже о языкѣ древне-славянскомъ, какъ о предметахъ вполне знакомыхъ учащимся, а въ синтаксисѣ распространяется о „руссификаціяхъ“, сравниваетъ обороты русской рѣчи съ оборотами рѣчи французской и нѣмецкой и тутъ же поучаетъ о пяти чувствахъ, даетъ элементарнѣйшія опредѣленія частей рѣчи, понятій о словѣ, слогѣ, буквѣ, о словахъ простыхъ и сложныхъ, учить различать части предложенія по вопросамъ; нѣкоторые термины, употребленные въ началѣ книги, то поясняетъ въ серединѣ, въ концѣ ея, то совершенно произвольно (а можетъ быть, и случайно?) оставляетъ вовсе безъ поясненія (напримѣръ, не выяснено понятіе о падежѣ). Также произвольно даются правила. Г-жа Трачевская, напримѣръ, сочла нужнымъ указать на то, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ звукъ е способенъ переходить въ ё, онъ означается буквою ѣ только въ словахъ „гнѣзда, сѣдла и такъ далѣе“, но не сочла полезнымъ ни привести списка коренныхъ словъ съ буквою ѣ, ни указать на производныя отъ нихъ слова, замѣняющія коренное ѣ буквою е.

Вся эта непослѣдовательность, хотя и доведенная до послѣдней крайности, однако, ничто въ сравненіи съ небрежною редакціей опредѣленій и правилъ, предлагаемыхъ въ курсѣ г-жи Трачевской. Вотъ для примѣра нѣсколько опредѣленій:

„Синтаксисъ основывается на выводахъ логики или науки о законахъ мышленія (стр. IX); законы же эти вытекаютъ прежде всего изъ нашихъ пяти чувствъ... Кромѣ того, у человѣка есть способность воображенія. Все, что мы познаемъ нашими пятью чувствами или воображаемъ себѣ, называется предметомъ“ (X; ср. также стр. 64).

„Слово можетъ выражать одно или два понятія... Если оно выражаетъ два понятія, оно называется сложнымъ“ (10).

„Корнемъ называется часть слова, въ которой заключается выраженное словомъ понятіе“ (10).

„Слово, данное для склоненія или спряженія, называется темою“ (II; ср. также стр. 19).

„Видъ показываетъ продолжительность дѣйствія... виды замѣняютъ времена“ (34).

„Глаголы слагаются: 1) съ возвратнымъ мѣстоименіемъ 3-го лица (1) себя, сокращеннымъ ся. Такой залогъ называется возвратнымъ“ (40)...

„Слова, поясняющія подлежащее, называются опредѣленіями“ (65).

„Слова, обращенныя отъ лица говорящаго къ другому лицу или предмету, называются обращеніемъ“, (71) и т. д.

Не лучше изложены и правила, предлагаемыя для руководства учащимся; напримѣръ:

„Если въ серединѣ слова находятся два согласные звука, то одинъ относится къ одному слогу, другой къ другому“ (стр. 4). Далекое не всегда. Къ этому правилу недурно подысканъ примѣръ: о-лень!

„Буква ѣ изображала прежде долгое е; потому она пишется: 1) во всѣхъ случаяхъ, когда на звукъ е падаетъ удареніе; напримѣръ вѣтеръ, умѣлъ, свѣтъ“. (А „пренія, племя, тема“? А самое слово „удареніе“?)... 2) когда е не обращается въ ѣ, за исключеніемъ словъ: гнѣзда, сѣдла, звѣзды, приобрьлъ, расцвѣлъ...“ (6).

„Дательный падежъ употребляется часто вмѣсто родительнаго и предложнаго; напримѣръ, дайте сахару, въ лѣсу!...“ (17).

„Имена прилагательныя, употребляющіяся какъ существительныя, принимаютъ въ родительномъ флексію *ова* вмѣсто *аю*; напримѣръ: жаркое—жаркова, Толстой—Толстова“ (стр. 29).

„Во французскомъ языкѣ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ, а въ нѣмецкомъ—на первый“ (59).

Въ русскомъ языкѣ удареніе ставится... „на суффиксѣ ушка,— (а матушка?), от—(а тошнота?), на глагольныхъ примѣтахъ а, я, и (а угадывать, сѣять, глѣдить?), на флексіи настоящаго времени ю, у (а ломѣю, готовлю?); на флексіи ой, ое, ая (а черное, сѣрая?)“ (60).

Отмѣтивъ, что подлежащее между прочимъ можетъ быть выражено мѣстоименіемъ, г-жа Трачевская, считаетъ нужнымъ еще отдѣльно отмѣтить, что мѣстоименіе самъ бываетъ подлежащимъ, когда упо-

требуется въ смыслѣ существительнаго, вмѣсто: глава семейства, начальникъ; напримѣръ; самъ идетъ; самъ приказалъ" (стр. 75), и т. д. Кажется, достаточно этихъ образчиковъ изложенія г-жи Трачевской, чтобы признать книжку рѣшительно непригодною для школы.

Дешевая библиотка, издаваемая *А. С. Суворинимъ*:

Письма русскаго путешественника *Н. М. Карамзина*, съ портретомъ автора и рисунками. Тома 1 и 2. Цѣна за оба тома 1 руб.

Великій князь *Димитрій Іоанновичъ*, прозваніемъ Донской. Соч. *Н. М. Карамзина*. Цѣна 10 коп. (съ однимъ рисункомъ).

Царствованіе *Федора Іоанновича*. Соч. *Н. М. Карамзина*. Цѣна 15 коп.

Ябеда, комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. *В. В. Капниста*, съ портретомъ и біографіей автора. Цѣна 15 коп.

Полное собраніе стихотвореній *Веневитинова*, съ біографіей и портретомъ его. Цѣна 15 коп.

Полное собраніе басенъ и сказокъ *И. И. Хемницера*, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 15 коп.

Всѣ поименованныя произведенія на столько извѣстны, что говорить о ихъ значеніи для класснаго и внѣкласснаго чтенія учащихся совершенно излишне. Остается, стало быть, сказать только объ изданіи, какъ о планѣ его, такъ и объ исполненіи. Самое названіе „Дешевой библиотекы“ показываетъ, что издатель имѣлъ въ виду за малую цѣну дать возможность всякому приобрѣтать цѣнныя по содержанію, стодолія храненія книжки; при этомъ само собою разумѣлось, что изданы эти книжки должны быть исправно и прилично. Цѣли своей г. Суворинъ достигъ вполне, и успѣхъ нѣкоторыхъ изъ выпусковъ „Дешевой библиотекы“ (Повѣсти Карамзина вышли 4-мъ изданіемъ, „Горе отъ Ума“ 5-мъ) показываетъ, что и публика оцѣнила его намѣренія и ихъ исполненіе. За болѣе чѣмъ скромныя цѣны г. Суворинъ даетъ такъ много, какъ только возможно при условіяхъ нашей книжной торговли. Такъ напримѣръ, за 15 коп. (цѣна одного номера юмористическаго (?) русскаго журнала въ листъ равнѣромъ, съ 4 плохими карриатурами и „заимствованнымъ“ текстомъ, если его купить въ редакціи), г. Суворинъ даетъ полный и довольно исправный текстъ знаменитой комедіи „Ябеда“ и недурно составленную біографію Капниста, не считая его портрета, всего 184 страницы, или за тѣ же 15 коп.—Басни и сказки Хемницера, съ его пор-

тредомъ и біографіей, всего 160 исправно напечатанныхъ страницъ. „Письма русскаго путешественника“ и по сравнительно высокой цѣнѣ (1 рубль), и по обстановкѣ (превосходная статья Ѳ. И. Буслаева, исправленная для этого изданія и гравюры въ стилѣ Ходовецкаго), выходящая изъ плана „Дешевой бібліотеки“; но у кого же хватить духу обвинять издателя за то, что онъ рѣшился получить обставить такое классическое во всѣхъ отношеніяхъ произведеніе?

Для послѣдующихъ изданій тѣхъ же томовъ „Дешевой бібліотеки“ и для имѣющихъ вновь появиться томовъ г. Суворину можно было бы рекомендовать снабжать издаваемые имъ тексты введеніями и объяснительнымъ аппаратомъ, если не вновь составленнымъ, то взятымъ изъ другихъ болѣе дорогихъ изданій: нѣтъ сомнѣнія, что подобно тому, какъ г. Буслаевъ разрѣшилъ (см. стр. VII) воспользоваться статью о „Письмахъ русскаго путешественника“, въ виду благой цѣли издателя, ему съ удовольствіемъ разрѣшать то же и другіе.

Русская хрестоматія преимущественно для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Составилъ *Викторъ Богдановъ*, старшій учитель главнаго нѣмецкаго училища св. Петра въ С.-Петербургѣ. Въ трехъ частяхъ. Часть II (два выпуска). Съ русско-нѣмецкимъ словаремъ. Для третьяго и четвертаго классовъ гимназій, реальныхъ и другихъ училищъ. С.-Пб. 1884. Въ 8-ку стр. XII и 392. Цѣна не обозначена.

Названная книга составляетъ вторую часть хрестоматіи г. Богданова, часть, предназначенную для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Россіи съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Планъ, по которому г. Богдановъ составилъ первую часть своего труда, не измѣненъ имъ и во второй: и эта книга составлена вполне толково и обдуманно; въ нее вошли стихотворенія, басни Крылова и произаическія статьи. Выбранныя статьи, написанныя правильнымъ, часто художественнымъ языкомъ, по содержанию соотвѣтствующія предполагаемому возрасту, удобны для пересказа. Въ первой части помѣщались статьи строго повѣствовательныя, во второй допускается элементъ описательный, но не на столько, чтобы пересказъ затруднился имъ несоразмѣрно съ возрастомъ учащихся. Во второй части, какъ и въ первой, большинство статей знакомитъ читателя съ русскою природою и жизнью, а также съ главными моментами русской исторіи, но уже не въ анекдотической формѣ, какъ въ первой части, а въ видѣ болѣе крупныхъ отрывковъ изъ историческихъ сочиненій.

Считаемъ, однако, нужнымъ обратить вниманіе г. Богданова на двѣ небольшія погрѣшности въ прозаическихъ статьяхъ: статья Дала „Разсудительные“, довольно бѣдная содержаніемъ, вдобавокъ грѣшитъ произвольнымъ разъясненіемъ такъ - называемаго „паденія звѣздъ“: „Это кажущееся явленіе“, говоритъ Даль,—„ни что иное, какъ пары, воспламеняющіяся въ земной атмосферѣ и* потомъ снова угасающія“. Такихъ фантазій ученикамъ, очевидно, сообщать не подобаетъ. Слѣдуетъ также измѣнить заглавіе статьи 40-й (стр. 82): „Ночевка въ сибирскомъ лѣсу“. Статья эта — отрывокъ изъ извѣстнаго бытоваго очерка Печерскаго-Мельникова „Въ лѣсахъ“, мѣсто дѣйствія которыхъ не Сибирь.

Не вполнѣ удаченъ въ хрестоматіи г. Богданова выборъ стихотвореній 1-го выпуска II-й части: извѣстную сказку Пушкина „о золотомъ пѣтушкѣ“—вообще слабѣйшую изъ его прекрасныхъ сказокъ—умѣстнѣе было бы помѣстить въ первой части; „Внутренность избы“ Мея писана съ красивой театральной декорацией, а отнюдь не съ русской крестьянской избы, а потому съ русскимъ бытомъ знакомить не можетъ. „Зимній путь“ Некрасова—стихотвореніе крайне неудачное ¹⁾ и (также, какъ статья „Черный день пахаря“, стр. 4) рисующее картину горя крестьянской семьи при сдачѣ рекрутъ, о которой слѣдовало бы по крайней мѣрѣ сказать ученику, что она далеко не современна. Довольно безсодержательны стихотворенія гр. А. Толстаго: „Станція“ (стр. 115), „Картинка“ (стр. 5), „Лѣсъ въ Крыму“ (стр. 86); Я. П. Полонскаго „Вечеръ“ (стр. 17), А. А. Фета „Приближеніе весны“, воспѣвающее между прочимъ красавицу „съ румянцемъ сизымъ на щекахъ!“ (стр. 12). Въ нашей антологіи, у тѣхъ же поэтовъ, найдутся стихотворенія, несравненно болѣе способныя возбудить въ полужеземцахъ русско-нѣмецкой школы желаніе ознакомиться съ русскою изящною литературой.

Подборъ стихотвореній 2-го выпуска II-й части несравненно лучше.

Выборъ „басенъ Крылова“ довольно удаченъ. Изданіе вполнѣ опятно.

¹⁾ Въ немъ, наирямъ, встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

... былая краса
Пустынного русскаго края—
Угрюмо шумятъ строевые лѣса,
Гигантскія тѣчи бросаая.

Къ первой части хрестоматіи г. Богданова приложенъ словарь постатейный, „въ которомъ каждое русское слово передается только съ тѣмъ значеніемъ, какое ему принадлежитъ въ контекстѣ“.

Вторую часть своей книги г. Богдановъ счелъ болѣе удобнымъ снабдить азбучнымъ словаремъ. Рассмотрѣвъ этотъ словарь, должно сказать, что онъ отличается отъ постатейнаго только своимъ вѣшнимъ порядкомъ, въ сущности же каждое русское слово передается нѣмецкимъ большею частью въ томъ значеніи, какое ему, по мнѣнію составителя, принадлежитъ въ контекстѣ. Напримѣръ, глаголь заиграть переводится выраженіемъ *zu glänzen anfangen*, мѣшать—*stögen*; пѣнье, *das Krähen*, относится, конечно, къ статьѣ, въ которой говорится о пѣніи пѣтуха. Знатный, *vornehm*, не соответствуетъ выраженію „знатный малый“ (въ контекстѣ на стр. 159), но, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ хрестоматіи говорится о человѣкѣ знатнаго рода. Въ азбучномъ словарѣ различныя значенія одного и того же слова могутъ быть сопоставлены въ такомъ порядкѣ, который знакомилъ бы учащагося, какъ съ первоначальнымъ смысломъ слова, такъ, послѣдовательно, и съ различными отклоненіями отъ первоначальнаго смысла; когда же слова объясняются только въ одномъ томъ значеніи, въ какомъ онѣ встрѣчаются въ той или другой статьѣ, то расположить ли эти слова въ азбучномъ порядкѣ или размѣщать ихъ постатейно—совершенно безразлично.

Въ словарь не внесены слова и выраженія: глаза на выкатѣ, дожить, малый, на отрѣзъ, располагать, удалъ и пр. и пр.

Словарь г. Богданова страдаетъ и другими недостатками. Для краткости, вѣроятно, иногда слова разныхъ категорій подведены подъ одно слово; напримѣръ, печь опредѣляется и глаголомъ *backen*, и существительнымъ *der Ofen*; пастырь—существительнымъ *der Hachen* и глаголами *fallen*, *kröripen*. Авторъ соединяетъ даже слова разныхъ корней въ одно слово, напримѣръ, постырь *der* (слѣдуетъ *die*) *Fasten*, *der Posten*. Въ такихъ случаяхъ онъ не обращаетъ вниманія и на удареніе, подвода, напримѣръ, глаголь пропасть и существительное пропасть поды одно слово безъ ударенія: пропасть *verschwinden*, *verloren gehen*, *der Abgrund*. Русскія слова внесены въ словарь безъ ударенія. Между тѣмъ удареніе служило бы важнымъ подспорьемъ для облегченія правильнаго произношенія словъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и для пониманія ихъ.

Часто въ словарь г. Богданова встрѣчаются невѣрные переводы.

Напримѣръ: бить ключемъ stark klopfen, rochen (что значить: стучать); бобыль unverheirateter Bauer; былива die Lage (вѣроятно, опечатка вмѣсто Sage); валянья die Walkmühle (что значить: валяльня); гнуться nachgeben (вм. sich biegen); заронить umwerfen (опровинуть); кшпарись, что по нѣмецки die Cypresse, переведено die Ceder, что по русски кедрь; кривлячка, die Biegung (что по русски: извилина, сгибаніе, поворотъ); мараковать kritzeln (что значить: ставить каракули); молодица ein Blitzmädchen (русское слово означаетъ молодую замужнюю женщину); полнолѣсный (напечатано: полнолѣсній) schwerwiegend (вм. vollwichtig); равносторонній gleichschenkelig (вм. gleichseitig); скворецъ die Elster (что значить: сороза); статскій im Staatsdienst что по русски: въ государственной службѣ; существенный hauptsächlich (вм. wesentlich); ушатъ das Gefäß (вм. der Zuber) и пр.

Многія невѣрности могли произойти вслѣдствіе опечатокъ. Таковы напримѣръ: бороздить fürchten (вм. furchen); бразды die Ziegel (вм. Zügel); громъ вм. громъ der Donner; дворня das Hofgesindel (вм. Hofgesinde); жирѣть satt (вм. fett) werden; заключаться bestechen (вѣроятно, вмѣсто bestehen, что собственно значить состоять); кружить (вм. крутить) drehen; пахарь der Landmann (конечно, вм. Landmann; хотя пахарь по нѣмецки собственно Pflüger); поникшій gehenkt (вм. gesenkt); помышлять decken (вѣроятно, вм. denken); почесывать kauegen вм. krauegen; почивать (вм. потчивать, судя по не совсѣмъ точному переводу vorsetzen); права (вм. нравы, судя по переводу); синица die Meise (вм. Meise); стойкость die Fähigkeit (вм. Festigkeit); стругъ der Hebel (вм. Nobel); четверня das Viere (вм. Viergespann), и пр.

Приведемъ еще нѣсколько опечатокъ: дровиной (вм. дровяной); ловня (вм. ловля); масловойня вм. маслобойня; навѣщать (вм. навѣщать); постройка (вм. постройка); предубежденіе (вм. предубѣжденіе); презимистый (вм. приземистый); совладать (вм. совладать); сѣдена (вм. сѣдина; яство вм. яство. Въ нѣкоторыхъ словахъ неправильно стоитъ ѣ вмѣсто е: напримѣръ: замерѣть, обмерѣть, терѣть, смѣжнѣй; часто встрѣчаются е вмѣсто ѣ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: изобрести, малоречивость, мешокъ (стр. 360, а на стр. 361 правильно: мѣшокъ); нетленный, свѣденіе, сомненіе, укрепить, укрепиться, языковѣденіе, нынешнѣй.

..

Международные словари для средних учебныхъ заведеній, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія (?) *Н. Макаровымъ* и *В. Шеереромъ*. Часть нѣмецко-русская. Изданіе второе *В. Шеерера*. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 2 руб.

Въ первомъ изданіи, напечатанномъ лѣтъ восемь тому назадъ, словарь этотъ не удовлетворялъ требованіямъ учебнаго пособия, какъ по неудачному выбору самого матеріала, такъ и по многочисленнымъ неточностямъ всякаго рода. Къ сожалѣнію, второе недавно вышедшее изданіе его не представляетъ никакихъ, сравнительно съ первымъ, существенныхъ улучшеній.

По прежнему составитель внесъ въ словарь, предназначенный имъ для средних учебныхъ заведеній, многочисленные объясненія грамматическихъ формъ и терминовъ, каковы, напримѣръ, hältst наст. вр. изъяв. накл. 2-е л. гл. halten; hast наст. вр. изъяв. накл. 2-е л. гл. haben; ups дат. и вин. пад. мѣст. wir; Nominativ именительный падежъ; и пр. Все это учащійся найдетъ и въ грамматикѣ; ему, полагаемъ, не слѣдуетъ и пользоваться словаремъ, пока онъ еще не знаетъ измѣненія словъ и общепринятой терминологіи. Кромѣ объясненій, составляющихъ задачу грамматики, разсматриваемый словарь переполненъ словами и выраженіями, которыя не употребляются въ образованномъ языкѣ и не встрѣчаются у авторовъ, читаемыхъ въ школахъ, напримѣръ: man sollj. (уст.) но; только. Er könnte wohl, er will—nicht онъ могъ бы, но или да не хочетъ; lass es—gut sein только оставьте. Въ словарѣ выведено взятое изъ областнаго нарѣчія существительное женск. рода Pflanze, а соответствующія ему въ образованномъ языкѣ Ranke, Porfgranke не внесены. Вообще словарь этотъ, не смотря на свой объемъ (642 стр.), представляетъ значительные пропуски. Объясненія словъ часто и не полны, и расположены сбивчиво. Напримѣръ, при словѣ Spiel на первомъ планѣ стоитъ барабанъ, а потомъ уже игра; партія, колода (картъ) и пр. Глаголь ätzen объясняется словами: вытравливать крѣпкою водкой; гравировать; а первоначальное значеніе „жормить“ (о птицахъ) — опущено. Wildfang, по словарю, означаетъ только ловлю дивныхъ звѣрей, между тѣмъ какъ слово это часто употребляется въ смыслѣ „пострѣлъ“, „сорванецъ“. Часто употребляемый и въ литературѣ, и въ разговорномъ языкѣ глаголь zerfließen выведенъ въ словарѣ только какъ существительное средняго рода и объясняется словомъ размягченіе (мозга).

А такое выраженіе, какъ напримѣръ, in Thränen zerfließen заливаться въ слезахъ, въ словарѣ не приведено.

Кромѣ пропусковъ, словарь этотъ страдаетъ и другими недостатками. Выведенное на стр. 442 слово Sagacität, означающее чуткость, проницательность, прозорливость, переведено словами: сообразительность, легенда, сага, мнѣ; молва, слухъ, и кромѣ того подкрѣплено примѣрами: nach der—согласно преданію. Die—der Alten сказанія древнихъ. Im Reich der—въ области легенды. Es geht die—носится слухъ; говорятъ: Wenn der—zu trauern ist если вѣрить слуху или словамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ составитель смѣшиваетъ Sagacität съ словомъ Sage, не выведенномъ въ словарь. Слѣдующій же изъ приводимыхъ имъ подѣ словомъ Sagacität примѣровъ однако не подходитъ и къ слову Sage: Seiner—nach по его словамъ (что по нѣмцки: seinen Worten nach). Примѣры, приводимые г. Шеереромъ, часто помѣщены не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Напримѣръ, подѣ словомъ Hand приведено выраженіе durch die Hände (вмѣсто Finger) sehen смотрѣть сквозь пальцы; geräumig подкрѣпляется примѣромъ nach geräumiger (вмѣсто geraumer) Zeit съ давнихъ поръ; подѣ словомъ nur (только) приведенъ примѣръ: sie ist nur (вмѣсто eben) hinausgegangen, она только что вышла. Въ разсматриваемомъ словарѣ встрѣчается множество примѣровъ совершенно неправильнаго употребленія надежей; напримѣръ: Lassen Sie mir (вмѣсто mich) doch nur eine Stunde schlafen, дайте мнѣ поспать хоть часокъ; um wem (вмѣсто wen) trauern Sie? по комъ вы носите трауръ? Es ist um ihm (вм. ihn) geschehen, онъ погибъ; hinter einer (вм. eine) Sache kommen открыть что, добраться до чего; hüten Sie sich vor schlechte (вм. schlechten) Menschen берегитесь дурныхъ людей; seit drei Tage (вм. Tagen); auf dem Worte (вм. aufs Wort) glauben вѣрить на слово; подѣ словомъ setzen стоитъ фраза: den Stuhl vor der (вм. die) Thür setzen вызвать кого. Подѣ тѣмъ же словомъ стоитъ примѣръ: aus dem Französischen in's Deutsche setzen (вм. übersetzen) вм. переводить съ французскаго на нѣмецкій; etwas zum Voraus setzen предположить что (вмѣсто etwas voraussetzen). Подѣ словомъ Haupt читаемъ: Zum Haupt einer Tisch sitzen предѣдательствовать за столомъ (вмѣсто: an einem Tische den Vorsitz haben; zum Haupte или zu Häuptern въ головахъ (вмѣсто: zu Häupten). Подѣ словомъ gehen стоитъ примѣръ: der Abzug wird gleich vor sich gehen поѣздъ сейчасъ тронется (вмѣсто: der Zug wird gleich abgehen). и пр., и пр.

Опечатокъ въ книгѣ великое множество. Напримѣръ, вмѣсто ver-
rischen засмолить, напечатано—verrisken, вмѣсто Hagerkeit, худоща-
вость — Hagelheit; вм. siegprangend торжественный — siegrangend;
вмѣсто Kreta Критъ—Cretia, вм. Salomo Саломонъ—Salome, Salomon,
вм. Virgil—ius, Виргилій—Virgel—lius и т. д.

ПОПРАВКА.

Въ майской книгѣ журнала, въ рецензіи на книгу г-жи Леоно-
вой: „О религиозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей“, помѣщенной
подъ рубрикой „Наша учебная литература“, на стр. 37, въ стро-
кахъ 12-й и 13-й снизу, слово никакого должно быть замѣнено
словомъ особеннаго.

НАША УЧЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Народныя былины о русских могучих богатыряхъ. Чтеніе для народа и народныхъ школъ, съ объяснительнымъ словаремъ и съ примѣчаніями. Составлено по сборникамъ Кирши Давилова, Кирѣвскаго, Рыбникова, Авенариуса и др. *Н. Бунаковымъ*. Изданіе редакціи «Русскій начальный учитель». Стр. 146. С.-Пб. 1884. Ц. 40 к.

Нельзя рѣшать вопроса о томъ, можетъ ли вышеназванная книга служить пособіемъ при изученіи языка и исторіи, не коснувшись общаго вопроса: на сколько въ начальной и народной школѣ умѣстно и цѣлесообразно изученіе произведеній народной словесности и народнаго языка.

На вопросъ этотъ можно смотрѣть съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Можно разсуждать такъ: языкъ произведеній народной поэзіи нисколько не хуже, а напротивъ образнѣе, поэтичнѣе и въ то же время проще нашего литературнаго языка. Какъ по языку, такъ и по содержанію, народныя пѣсни должны быть понятнѣе, а стало быть, и занимательнѣе ребенку-крестьянину. Отчего же ими и не питать его умъ и чувство? Мы считаемъ нужнымъ знакомить нашихъ дѣтей съ произведеніями народной поэзіи; зачѣмъ же будемъ мы въ народной школѣ, гдѣ сидятъ прямые потомки безвѣстныхъ поэтовъ, составившихъ былины, избѣгать этой здоровой и питательной пищи?

Но можно разсуждать и совершенно иначе и, какъ кажется, съ болѣе основаніемъ. Чѣмъ ниже школа, чѣмъ меньше времени

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

остаются въ ней учащіяся, тѣмъ экономнѣе надо поступать съ ихъ временемъ. Если начальная школа не служитъ первою ступенью образованія, а заканчиваетъ его, то изученіе и даже чтеніе былинъ и народныхъ пѣсенъ въ ней неумѣстно, и вотъ по какимъ соображеніямъ: ребенка отрываютъ отъ домашней работы, посылаютъ часто за нѣсколько верстъ для того, чтобъ онъ сталъ грамотнымъ. Подъ грамотою прежде всего разумѣютъ: умѣнье читать и писать; далѣе: понимать читаемое и писать самому тѣмъ же языкомъ, какимъ пишутся книги, то-есть, языкомъ литературнымъ. Въ народной школѣ, какъ извѣстно, можно достигнуть этой послѣдней цѣли только въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, вслѣдствіе недостатка времени. Ясно отсюда, что всякій матеріалъ, доступный для пониманія учащагося и изложенный простымъ литературнымъ языкомъ, слѣдуетъ предпочитать народнымъ сценамъ, хотя бы и воспроизведеннымъ весьма художественно, сказкамъ, если послѣднія записаны съ фотографическою точностью, а слѣдовательно, и былинамъ. Самый наивный и неудачный разказъ „О большой и маленькой мухѣ“ (не помнимъ изъ какого-то популярнаго пособия) съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ предпочесть любой былинѣ, не смотря на всѣ ея художественныя и историческія достоинства. Ребенка учить отвѣчать кратко и ясно, руководствуясь правилами грамматики литературнаго языка; въ былинѣ, съ первыхъ же строкъ, онъ встрѣчается съ плеоназмами, тавтологіями, массою синонимовъ и формами въ родѣ: тныхъ, цыцарьскіихъ, изъ земли жидовскіихъ, изъ чиста поля и т. д. Такимъ образомъ изученіемъ былинъ будетъ разрушаться курсъ литературнаго и точнаго языка, преподаваемый въ школѣ. По содержанію, наиболѣе художественныя былинны опять-таки представляются менѣе пригоднымъ матеріаломъ, нежели разказъ: „О большой и маленькой мухѣ“. Слово школьный не даромъ часто является синонимомъ слова пошлый (ср. тривіальный отъ trivium): школьное объясненіе должно быть до извѣстной степени пошло, чтобы быть безусловно яснымъ и понятнымъ. Такое объясненіе вполнѣ приложимо къ разказу о мухѣ, но былина о Микулѣ Селянниновичѣ и Вольгѣ Святославичѣ не можетъ быть объяснена удовлетворительно въ начальной школѣ, потому что эта былина представляетъ одно изъ удачнѣйшихъ проявленій символики народной поэзіи. Умный крестьянскій мальчикъ, лѣтъ 12-ти или 13-ти, почувствуетъ ея прелесть и ея смыслъ, но въ школѣ едва ли умѣстно то, что только чувствуется, а не поддается объясненію.

Было бы, конечно, вредною крайностью сразу сажать крестьянского мальчика, за хрестоматіи, составленныя для среднихъ школъ, сразу отъ языка избы переносить на языкъ классическихъ писателей. Есть средній языкъ, языкъ Крылова, языкъ Азбуки графа Толстаго, наконецъ, языкъ сказокъ Пушкина. Это языкъ въ одно и то же время и литературный, и народный; произведенія, имъ написанныя, должны доставлять главный, если не исключительный матеріалъ для чтенія въ народной школѣ. Они послужатъ первымъ и самымъ важнымъ шагомъ усвоенія языка литературнаго.

Такой взглядъ подтверждается примѣромъ болѣе старой и болѣе опытной народной школы — нѣмецкой. Судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ намъ, учебникамъ и хрестоматіямъ, и по извѣстной педагогической энциклопедіи Шмидта (см. sub voce Volks-Schule), въ нѣмецкой. народной школѣ вовсе не изучаются ни произведенія провинціальной поэзіи, ни народныя пѣсни, ни древній героическій эпосъ; хрестоматіи состоятъ отчасти изъ статей, полезныхъ по содержанию, а больше изъ произведеній поэтовъ, которыхъ по отношенію къ народности можно приравнять къ Крылову, гр. Л. Толстому и отчасти Кольцову и Никитину. Издатели и составитель разбираемой книги, очевидно, сами чувствуютъ новизну и шаткость дѣла чтенія былинь, и два раза (одинъ разъ — на оберткѣ, другой разъ — въ концѣ „Объяснительнаго слова“) обращаются съ просьбой къ учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ сообщать имъ, какое впечатлѣніе чтеніе былинь произведетъ на учащихся, какъ они отнесутся къ ихъ языку и содержанию. Такіе запросы, очевидно, указываютъ на желаніе производить опыты надъ народною школою, будто in cogrope viii....

Не имѣемъ данныхъ, чтобы судить, какъ отнесутся къ языку и содержанию былинь ученики народной школы, до извѣстной степени переработанные ею и часто благоговѣющіе передъ своимъ учителемъ. Но думаемъ, что родители этихъ учениковъ, если только обратятъ вниманіе на это нововведеніе, едва ли будутъ имъ довольны. Даже сынъ какого-нибудь „свазителя“ Олонецкой губерніи можетъ найти, что его мальчикъ не дѣлу въ школѣ учиться, такъ какъ эти былины и небывальщины онъ могъ бы усвоить отъ стараго неграмотнаго дѣда въ лучшемъ видѣ, нежели отъ присланнаго начальствомъ учителя.

Не можемъ также думать, что былины представляютъ удобное пособіе при изученіи русской исторіи: вопервыхъ, на этотъ предметъ удѣ-

ляется въ народной школѣ слишкомъ мало времени для того, чтобы можно было изучать по памятникамъ поэзіи воззрѣнія, бытъ и нравы нашихъ предковъ, а былины, какъ историческій матеріалъ, имѣютъ только такое значеніе; въ торыхъ, учителю придется объяснять встрѣчающіеся въ нихъ анахронизмы, что поведетъ его слишкомъ далеко.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что былины едва ли могутъ служить пособіемъ въ народной школѣ, хотя, съ другой стороны, при хорошемъ составѣ старшаго отдѣленія школы, чтеніе нѣсколькихъ былинъ — не старинное, а курсорное, и пересказъ ихъ содержанія можетъ быть очень полезнымъ упражненіемъ.

Вотъ что мы думаемъ относительно идеи книги г. Бунакова; переходимъ къ ея исполненію. Выборъ былинъ сдѣланъ въ общемъ вполне удовлетворительно; только напрасно составитель пользовался книгой г. Авенаріуса въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ послѣдній не ограничивался выборомъ вариантовъ, а позволялъ себѣ присочинять свои стихи. Сохраненіе стиховъ въ родѣ: „Здравствуй женившись, да не съ кѣмъ спать“ (стр. 72), или: „Эта рука мнѣ не надобна: трепала она жѣня Горынича“ (стр. 66), можетъ быть, въ народной школѣ и не будетъ такъ неумѣстно, какъ въ школѣ городской; а все же, думаемъ, было бы лучше исключить ихъ, какъ „сомнительные“.

„Объяснительное слово“, предназначенное, очевидно, для преподавателей, не свободно отъ нѣкоторыхъ, впрочемъ не особенно вредныхъ, промаховъ. Такъ, напримѣръ, авторъ полагаетъ, что, дойдя до извѣстной формы, былина уже не измѣняется въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій (см. стр. 4), тогда какъ теперь доказано, что даже одинъ и тотъ же „сказитель“ одну и ту же былинку въ разное время передаетъ различно, а весь сборникъ Гильфердинга служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, на сколько редакціи измѣняются въ десятокъ лѣтъ.

На стр. 5 авторъ говоритъ, что „Старшіе богатыри относятся къ самому отдаленному времени народной жизни“, а на стр. 6 утверждаетъ, что встрѣча старинныхъ богатырей: Микулы и Волги отражаетъ позднѣйшіе перевороты и событія въ народной жизни“ и пр.

Число примѣчаній очень не велико; составитель, очевидно, былъ въ большомъ затрудненіи, какъ и всякій другой на его мѣстѣ, относительно того, что именно объяснять въ народныхъ пѣсняхъ дѣтямъ народа: съ одной стороны, внуки „сказителей“, жители Олонецкой губерніи, найдутъ въ былинахъ менѣе словъ непонятныхъ,

нежели самъ г. Бунаковъ; съ другой, для крестьянскихъ мальчиковъ Московской, Тульской, тѣмъ болѣе Харьковской губерніи для тѣхъ же былины окажутся необходимыми многія объясненія. При всемъ томъ систему, избранную г. Бунаковымъ, или, точнѣе, отсутствие всякой системы не можемъ признать дѣломъ удачнымъ: онъ то оставляетъ безъ всякаго объясненія слова въ родѣ волчанъ, пилигримище, то даже два раза (на стр. 26 и 35) толкуетъ слово тынъ, которое и въ Великороссіи, и въ Малороссіи извѣстно всякому деревенскому ребенку. Нѣкоторыя изъ объясненій произвольны, напримѣръ: на стр. 57 объясненіе слова тѣшнѣти; на стр. 65 перепадчивое—пугливое (на самомъ дѣлѣ: перемигивчивое); на стр. 64 туръ—воль и др.; нѣкоторыя являются неумѣстными въ такой книгѣ учеными домыслами, напримѣръ, на стр. 63 предположеніе, что змѣй, съ которымъ сражается Добрыня, представляетъ собою язычество; нѣкоторыя сами требуютъ объясненія, напримѣръ, толкованіе тура словомъ зуръ, или толкованіе былины о смерти Святогора тѣмъ, что „бродячюю очевю силою овладѣваетъ земля“ (стр. 18) и т. д. Но большая часть примѣчаній вѣрны и изложены языкомъ понятнымъ для ребенка.

Книга былины. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзи. Составилъ *В. П. Авенаріусъ*. Съ портретомъ пѣвца былины Рябинина, работы Л. А. Стрякова, и рисунками *А. В. Прохорова* и *П. Н. Карамина*. Изданіе третье, печатанное со втораго, безъ перемѣн. С.-Пб. 1885. Стр. XXV+288+XLII. Ц. 1 р. 50 к.

„Книга былины“ отличается отъ другихъ подобныхъ сборниковъ, во первыхъ, изящною внѣшностью и многочисленными рисунками; во вторыхъ, спеціальностью своего содержанія: она заключаетъ въ себѣ образцы только двухъ видовъ народной русской поэзи (былины и историческія пѣсни); третьихъ, составитель позволяетъ себѣ исправлять текстъ и самое содержаніе былины, возстановлять, какъ онъ выражается въ предисловіи (стр. XVII), древне-киевскую эпопею.

За изящную внѣшность книги, конечно, можно только благодарить г. Авенаріуса, также какъ и за рисунки, которые въ общемъ, и со стороны техники, и со стороны замысла, исполнены очень удовлетворительно и, по нашему мнѣнію, только въ двухъ мѣстахъ непремѣнно подлежатъ исправленію (см. рис. къ стр. 234, гдѣ Василию приходится говорить и биться съ колоколомъ въ лаптахъ вмѣсто

человѣка съ нахлобученнымъ на голову колоколомъ, и рис. къ стр. 263, который противорѣчитъ тексту, такъ какъ даже по передѣлкѣ г. Авенаріуса Никита Романовичъ долженъ сидѣть на конѣ неосѣдланомъ и неузданомъ).

Что касается до ограниченія своей задачи исключительно былевою поэзіей, нельзя ничего сказать противъ этого: если черезъ то г. Авенаріусъ и сдѣлалъ свою книгу менѣе пригодною въ качествѣ учебнаго пособия, хрестоматіи, за то онъ придалъ ей больше единства и цѣлостности, и она выиграла, какъ книга для чтенія.

Переходимъ къ третьему и важнѣйшему отличію „Книги былинъ“, къ исправленію текстовъ и восстановленію древне-кѣвской эпопеи. Воспроизводитъ съ дипломатическою точностью текстъ, записанный г. Рыбниковымъ или Гильфердингомъ, со всѣми неправильностями стиха, пестротой формъ и грубыми анахронизмами, въ книгѣ ли для чтенія, въ пособіи ли, не только не нужно, а даже не разумно; но съ другой стороны, передѣлывать былины, циклизировать ихъ, восстанавливать древне-кѣвскую эпопею, не имѣя выдающагося поэтическаго таланта,—дѣло, болѣе чѣмъ рискованное. Начать съ того, что восстанавливать возможно только что-либо бывшее, а въ существованіе древне-кѣвской эпопеи (фигурія отъ славныхъ въ архивѣ мечтаній нѣмецкой науки) никто теперь не вѣритъ. Далѣе: уже первая вольность, которую дозволилъ себѣ г. Авенаріусъ въ интересахъ эстетическаго достоинства былинъ, вложеніе въ уста Добрыни былинъ про Вольгу и пр. указываетъ, какъ опасна эта дорога: Добрыня вовсе не Демодокъ, не Воинъ, а богатырь, дѣятель; если онъ и владѣетъ гуслями, то какъ музыкантъ, а обращать его въ разказчика чужихъ подвиговъ также странно, какъ было бы странно вложить разказъ о битвѣ Ахиллеса съ Гекторомъ въ уста Аякса, который потѣшалъ бы имъ Алкиноя. Какъ ни вчитался г. Авенаріусъ въ слогъ былинъ, все же въ его дополненіяхъ встрѣчаются перѣдко стихи, рѣжущіе ухо невѣрностью тона. Возьмемъ, напримѣръ, стихъ (на стр. 99): И тебя не обошла бы благодарностью (ab uno disce multos); можетъ быть, онъ даже и встрѣчается въ какой-нибудь былинѣ, но онъ литературенъ, онъ чуждъ былинному складу, какъ согласится всякій; онъ отзывается Карамзиннымъ и тридцатыми годами. Самые анахронизмы былинъ (трубочка серебряная у Добрыни и пр.) характерны и поэтически необходимы, и замѣнять ихъ своими домыслами могъ только Гомеръ; даже Пушкинъ на это не рѣшался. Было бы лучше, еслибы г. Авенаріусъ

ограничился очищеніемъ текстовъ, выборкой лучшихъ вариантовъ, сведеніемъ нѣсколькихъ разночтеній въ одно болѣе полное; а теперь „Книга былинъ“ уже и потому одному едва ли годится, какъ пособіе, что изучать по ней придется не только произведенія народнаго творчества, но и творчества г. Авенариуса; а такъ далеко заходить въ изученіи новѣйшей русской поэзіи нѣтъ никакой возможности.

Предисловіе, примѣчанія и словарь составлены въ „Книгѣ былинъ“ съ достаточнымъ знаніемъ дѣла и искусствомъ, хотя, конечно, всякій, кто занимался былинами, найдетъ сотни частныхъ случаевъ, гдѣ не согласится съ г. Авенариусомъ (напримѣръ, Полканъ вовсе не полуконь, а Pulcane; стихъ: во лбу и глазъ ужъ въку нѣтъ никомъ образомъ нельзя толковать такъ, какъ его толкуеть г. Авенариусъ, стр. XXIII и т. д.); но таково уже свойство самого дѣла, — надо быть благодарнымъ комментаторамъ былинъ и за отсутствіе положительныхъ ошибокъ и абсурдовъ.

Греческая грамматика гимназическаго курса Э. Чернаго. Часть 1. Этимология по учебнику Э. Кожа. Изданіе четвертое, исправленное. Москва. 1885. Въ 8-ку, стр. 242. Цѣна 1 р.

Книга упражненій въ греческой этимологии по руководству И. Визенера съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе четвертое, дополненное. Москва. 1885. Въ 8-ку, стр. 312. Цѣна 1 р. 25 коп.

Метафразы для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій четырехъ первыхъ книгъ Анабазиса Ксенофонта. Съ прибавленіемъ главнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ объ употребленіи греческихъ наклоненій. Для IV и V классовъ гимназій. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1885. Въ 8-ку, стр. 80. Цѣна 50 коп.

Трудолюбивый составитель означенныхъ учебниковъ по греческому языку, приобрѣвшій уже извѣстность въ русской педагогической литературѣ, предлагаетъ учащемуся внѣшеству свои труды первые два — четвертымъ, а третій — вторымъ изданіями. Потребность новаго изданія этихъ учебниковъ доказываетъ, какъ удачно г. Черный выбралъ иностранные образцы, и съ какимъ умѣньемъ онъ ими воспользовался, составивъ учебныя книги, которыя, безъ сомнѣнія, могутъ быть причислены къ лучшимъ трудамъ этого рода на русскомъ языкѣ. Къ ихъ достоинствамъ слѣдуетъ отнести и то, что

составитель сумѣлъ овладѣть содержаніемъ подлинниковъ, что онъ передаетъ ихъ въ такомъ видѣ, въ которомъ они наиболѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ русской школы. Г. Черному удалось, по большей части, облечь нѣмецкую мысль въ русскую форму, прибавивъ, съ своей стороны, объясненія и указанія, вытекающія изъ своеобразныхъ законовъ отечественнаго языка учащихся. Появившіяся нынѣ новыя изданія отличаются отъ прежнихъ еще тѣмъ, что свидѣтельствуютъ о желаніи автора не останавливаться на достигнутомъ успѣхѣ, но, по возможности, стремиться къ высшему, посредствомъ устранения недостатковъ, присканія лучшихъ способовъ изложенія и дополненія того, что не вошло въ составъ прежнихъ изданій, но оказалось необходимымъ для дѣла. Такъ на примѣръ, въ этимологіи латинскія названія падежей, чиселъ, родовъ и др. замѣнены русскими, конечно—тамъ, гдѣ это было возможно безъ уклоненія отъ международной терминологіи, какъ названія временъ, наклоненій и залоговъ. Далѣе, на стр. 60 γ., вмѣсто словъ: „должно имѣть въ виду разницу въ постановкѣ члена“ мы читаемъ нынѣ болѣе удачную редакцію: „должно имѣть въ виду разницу значенія, смотря по постановкѣ члена“. На стр. 64 δ. добавлено: „вмѣсто простыхъ указательныхъ мѣстоименій τόσος употребляются почти всегда сложныя“. Тамъ же β. лучше формулировано: „Для указанія, большею частью, на слѣдующее: усиленія энклитическою приставкою — δέ . . . они сложнаются правильно“. На стр. 135, въ выноскѣ—чего прежде не было—перечислено шесть случаевъ, въ которыхъ буква η является самостоятельнымъ словомъ. На стр. 191 и 192 прим. 6-е и 9-е соединены, какъ и слѣдуетъ, въ одно (8-е), при чемъ изложеніе замѣтки точнѣе и дополнено выноскою: „Вмѣсто ἐπειγ лучше (Ном А. 169) писать ἐπει γ̄ (οο —), а βέβληται (Δ. 380) и ἤρωας (Z. 308) можно читать въ двухъ слогахъ (— —) по сивинцу“. На стр. 196, въ § 98 прибавлено примѣчаніе: „Элизинъ никогда не подвергаются слова: ἔτι, τί, τί, οὐί, αὐτί и т. д.“ равно какъ на стр. 216, въ § 140 прибавлена выноска, въ которой приводятся примѣры на энклит. σφῆ и νιν. „Книга упражненій“ въ новомъ изданіи не потребовала особенно рѣзкихъ измѣненій; но и въ ней замѣтна рука тщательнаго корректора. На стр. 115, ст. 88 прибавлено нѣсколько примѣровъ, а въ другихъ мѣстахъ явились выноски, указывающія на синтаксическія правила и облегчающія тѣмъ самымъ переводъ (см. ст. 56 выноска 8; ст. 66 выноска 7; ст. 70 выноска 11 и т. д.). Форма заголовковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подверглась измѣненію; такъ, на стр. LIX вмѣсто „Aoristus

слабый или 1 activ. и med. глг. чист. нинѣ читается „Aoristus I (слабый) и т. д.; на стр. LXXIX, вмѣсто „futurum слабое и т. д.“ поставлено: „futurum I (слабое) passivi; то же самое на стр. LXXXIII: вмѣсто Perfectum и plusquamptf. сильное и т. д.“ стоит „Perfectum и plusquamptf. II (сильное) и т. д.“ Изъ этого видно, что г. Черный готовитъ переходъ отъ прежней терминологіи, по которой формы глаголь раздѣлялись на „слабыя“ и „сильныя“, къ болѣе удобной, предлагаемой г. Курціусомъ терминологіи, обозначающей эти формы названіями: тематическія (thematische) и первобытныя (primitive).

„Метафразы въ новомъ изданіи вмѣщаютъ въ себѣ особое приложеніе, объединяющее всѣ разбросанныя по статьямъ, отрывочныя синтаксическія правила перваго изданія подъ заглавіемъ: „Главнѣйшія синтаксическія правила объ употребленіи греческихъ наклоненій“. На это приложеніе указываютъ нинѣ подстрочныя ссылки; это явное улучшеніе учебника въ педагогическомъ отношеніи. Затѣмъ устранены лишніе указанія на Анабазисъ Ксенофонта, и оставлены одни только греческія, соотвѣтствующія русскимъ оборотамъ, выраженія и фразы (см. фраз. 29, 5, фр. 48 и т. д.). Число выносокъ мѣстами увеличено (см. фр. 27, 28, 30 и т. д.). Наконецъ, русскій текстъ ближе подведенъ къ строю греческаго, не въ ущербъ первому (см. фр. 43 „Менонъ и его солдаты“ вмѣсто „Менонъ съ своими солдатами“; фр. 81 „(Киръ) былъ весьма любознателенъ и большой любитель верховой ѣзды“ вмѣсто „(Киръ) показывалъ склонность къ ученію и къ верховой ѣздѣ“). Очевидно, что такое приближеніе русскаго текста къ греческому подлиннику не только облегчаетъ переводъ, но и позволило сократить число выносокъ, оказавшихся необходимыми по различію оборотовъ греческихъ и русскихъ.

Во всѣхъ трехъ книгахъ замѣтна похвальная типографская отчетливость; въ нихъ устранены почти всѣ опечатки: явленіе, весьма рѣдкое въ нашихъ учебныхъ изданіяхъ.

Краткій синтаксисъ греческаго языка *Линднера*. Перевелъ *П. Пезачекъ*, преподаватель Московской 5-й гимназіи. Москва. 1885 года. Въ 8-ку стр. 74. Цѣна 50 коп.

Научный предметъ тѣмъ легче изучается, чѣмъ тверже и прочнѣе усвоены основные его законы, почему и въ педагогической литературѣ отъ времени до времени являются учебники, въ коихъ, съ устраненіемъ всего того, что относится къ подробностямъ предмета, въ наименьшемъ видѣ излагаются самыя центральныя, существенныя

правила, такъ-сказать, сообщается остовъ, который затѣмъ долженъ покрываться всѣми подробностями, представляющими свою совокупностью полный объемъ предмета. Такіе учебники не только необходимы въ тѣхъ классахъ, гдѣ предметъ только что начинается, но пригодны и въ высшихъ классахъ, когда дѣло идетъ объ отчетливомъ повтореніи пройденнаго уже предмета и о возобновленіи въ памяти тѣхъ положеній, на коихъ зиждется весь его строй. Къ числу лучшихъ учебниковъ этого рода по греческому синтаксису, безъ сомнѣнія, принадлежитъ нѣмецкая книга: *Griechische Syntax, in den Hauptregeln zusammengestellt von Dr. F. G. Lindner. Freiberg i. B.*, вышедшая пятимъ изданіемъ въ 1881 году. Пятикратное появленіе этого труда служитъ доказательствомъ, что книга удовлетворяетъ потребностямъ школы. И въ самомъ дѣлѣ, автору удалось изложить главныя правила греческаго словосочиненія въ строго систематическомъ, весьма рельефномъ и для учениковъ вполне доступномъ видѣ. Своею ясностью и точностью особенно выдаются правила объ употребленіи члена (§§ 1—11), отдѣлъ важный для учениковъ, въ народномъ языкѣ которыхъ не существуетъ члена, и правила о склоненіяхъ (§§ 139—193); свою же практическую отличаетъ перечень случаевъ, въ которыхъ употребляются отрицанія *οἷ* и *μῆ*, перечень, являющійся какъ бы итогомъ размѣщенныхъ по другимъ параграфамъ примѣчаній о томъ же предметѣ. Не менѣе толково обработаны и прочіе отдѣлы; примѣры къ правиламъ, хотя въ весьма ограниченномъ количествѣ, своею мѣткостью удачно освѣщаютъ предшествующія правила. Нельзя не похвалить г. Пехачка за выборъ труда Линднера для перевода на русскій языкъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ законы греческаго синтаксиса сопоставлены не столько съ нѣмецкимъ, сколько съ латинскимъ языкомъ. Но г. Пехачку слѣдовало на заглавномъ листѣ сказать не одно „перевелъ“, но „перевелъ примѣнительно къ русскому“, потому что онъ замѣнилъ смыслъ на нѣмецкій языкъ смыслами на русскій и, кромѣ того, кое-гдѣ прибавилъ отъ себя указанія для русскихъ учениковъ; см. §§ 18, 76, 113, 215 и другія. Самый же переводъ оказывается точнымъ, вѣрнымъ и яснымъ, за весьма немногими исключениями, какъ напримѣръ, на стр. 4, § 8, примѣчаніе: тутъ въ подлинникѣ сказано: „In der Bedeutung völlig, lauter und jeder fehlt der Artikel stets“. Г. Пехачекъ переводитъ: „Въ значеніи всякій, чистый, совершенный при существительныхъ члена не бываетъ“. Нѣмецкое слово *lauter* въ этомъ случаѣ не есть склоняемое имя прилагательное *lauterer*, *lau-*

tere, lauterer, что по русски значить: чистый, не смѣшанный и, пожалуй, совершенный, а несклоняемое, употребляемое въ видѣ нарѣчія при именахъ нарицательныхъ множественнаго и при отвлеченныхъ единственнаго числа, замѣняя русскія нарѣчія „только, лишь“, одинъ только, безъ исключенія“. Πᾶσι ἀναρχία—одно только безначаліе. Русскія слова чистый и совершенный относятся къ качеству, а Πᾶς и lauterer къ количеству. На стр. 36, § 125: „Conj и opt. въ предложеніяхъ самостоятельныхъ и предложеніяхъ цѣли“; тутъ пропущено „имѣютъ значеніе настоящаго времени“. Тамъ же § 126, „значеніе временное“ вмѣсто: „значеніе прошедшаго времени. На стр. 29, § 143, примѣчаніе 2-е не совсѣмъ ясно, и т. д.

Но вообще трудъ г. Пехачка представляетъ собою учебникъ отнюдь не бесполезный и имѣетъ право разчитывать на вниманіе преподавателей-филологовъ.

Элементарная нѣмецкая грамматика. Составилъ К. Крафтъ. Кіевъ. 1884. Часть I. *Этимологія*. Цѣна 50 коп.—Часть II. *Синтаксисъ*. Цѣна 40 к.

Означенная книга г. Крафта есть собственно воспроизведеніе грамматики того же автора, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кіевѣ же, подъ заглавіемъ: „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества“. На книгѣ однако не обозначено, что настоящее изданіе ея не есть первое. Слѣдовало бы это выяснить по крайней мѣрѣ въ предисловіи, но такого предисловія авторъ вовсе не предположилъ. Перепечатывая свой трудъ подъ новымъ заглавіемъ, г. Крафтъ устранилъ изъ него нѣкоторые недостатки. Глаголы сильнаго спряженія, которые въ прежнемъ изданіи его книги именовались неправильными, отнесены теперь, какъ и слѣдуетъ, къ глаголамъ правильнаго спряженія. Нѣкоторыя изъ другихъ неточностей остались не исправленными. Напримѣръ: въ §§ 44 и 47 (въ *этимологіи*) мѣстоименія: Nichts ничто, Etwas нѣчто, что-нибудь, кое-что, по прежнему причислены къ личнымъ мѣстоименіямъ неопредѣленнымъ. Склоненія именъ существительныхъ представляются въ прежней системѣ, неудобной тѣмъ, что она допускаетъ множество исключеній, которыя иногда не отличаются отъ правила. Такъ, напримѣръ, на 36 стр. „*Этимологія*“, въ § 23, озаглавленномъ „*Правила 3-го склоненія*“, объясняется: „*Именительный надежъ* множ. числа имѣетъ два окончанія en (или n) и e“. Правила эти подкрѣпляются на той же страницѣ примѣрами: die Blumen, die Hände (въ парадигмахъ); а на стр. 37 приведены, какъ исключенія, многія имена существитель-

ныя, принимающія во множ. числѣ окончаніе e, между прочими, die Hände. Въ первой части (стр. 74) глаголы раздѣляются по значенію на а) дѣйствительные, b) средніе и с) возвратные, а во второй части (стр. 27 и сл.) глаголы, по свойству своихъ отношеній въ предложеніи, раздѣляются на а) субъективные или безотносительные и b) объективные или относительные. Автору слѣдовало во второй части своего труда держаться дѣленія, принятаго имъ въ первой. Въ примѣчаніи къ § 77 (ч. 1) по прежнему сообщается, что Praesens глагола mahlen (молоть) „употребляется какъ съ чистюю, такъ и со смягченною гласною“. За исключеніемъ причастія прошедшаго времени, приведенный глаголь, въ литературномъ и разговорномъ языкѣ, измѣняется только по слабому спряженію.

Въ книгѣ г. Крафта, мѣстами, встрѣчаются допущенныя по недосмотру неточности, которыхъ не было въ прежнемъ изданіи. Такъ, напримѣръ, въ примѣчаніи къ § 79 говорится, что глаголы „schleifen точить, weichen уступать принимаютъ формы слабого спряженія“. Глаголы эти, въ приведенномъ значеніи „точить“, „уступать“ измѣняются, какъ указываетъ самъ г. Крафтъ въ § 79, по сильному спряженію.

Статья объ образованіи словъ, занимавшая въ „Учебной грамматикѣ“ много страницъ, не помѣщена въ рассматриваемомъ изданіи. Статья эта подлежала исправленіямъ и нѣкоторому сокращенію, но напрасно авторъ совсѣмъ исключилъ ее: ученіе, уясняющее пониманіе и значеніе словъ въ строеніи языка, совершенно умѣстно въ грамматикѣ. Небольшой параграфъ объ удареніи, помѣщенный въ прежнемъ изданіи въ началѣ первой части, опущенъ, конечно, только по недосмотру.

Издава книга г. Крафта весьма опрятно и на хорошей бумагѣ.

Полный русско-англійскій словарь, составленный А. Александровымъ. Часть I—A—H; часть II—O—V (Complete russian-english dictionary. Part I—A—H; part II—O—V). С.-Пб. 1883—1885, in-8°, стр. 1034 и 40.

Въ ряду нашихъ учебныхъ пособій давно замѣчался недостатокъ словарей англо-русскаго и русско-англійскаго, такъ какъ находящійся въ общемъ употребленіи словарь Рейфа рѣшительно не выполняетъ условій, которыя требуются отъ хорошаго словаря: онъ очень неполонъ и, главное, не даетъ руководства къ пониманію различныхъ значеній того же слова; вслѣдствіе самаго плана, которымъ заданъ

составитель, онъ не можетъ дать подборъ фразъ, выясняющихъ то или другое примѣненіе слова.

Недостатокъ въ англо-русскомъ словарѣ съ успѣхомъ пополненъ г. Александровымъ еще въ 1879 г. Англо-русскій словарь его удостоился единодушнаго одобренія за полноту въ подборѣ словъ, употребительныхъ не только въ современномъ англійскомъ языкѣ, но и у классическихкихъ писателей Англїи, а также за возможную близость въ передачѣ значенія англійскихъ словъ по русски. Въ настоящее время г. Александровымъ (или, вѣрнѣе, наслѣдниками его) выпущена вторая часть его труда, то-есть, словарь русско-англійскій.

Эта новая часть составлена также добросовѣстно, какъ и часть англо-русская. Отмѣтимъ прежде всего, что она очень содержательна: не гонясь за невозможною, конечно, полнотою въ подборѣ словъ научно-технической терминологїи, едва ли можно указать въ этой части на сколько-нибудь значительные пропуски. При большомъ тщанїи, мы, напримѣръ, изъ словъ на букву „б“ едва могли подыскать восемь или десять, не вошедшихъ въ словарь г. Александра (бѣбѣться, багетъ, безбѣдственный, бизонъ, брутто, бюрократъ, -тія, -тичскій); на 20-ти первыхъ страницахъ словъ на „о“ мы не нашли словъ: обвѣтшать, обострить, -ся, образный; на 30-ти первыхъ страницахъ словъ на „п“ можно бы, пожалуй, прибавить слова: пальцевидный, панна, паночка, паннчъ, парубокъ, первозванный, пепель-ерка, пильный. Объ отсутствїи большинства этихъ словъ мы и не упомянули бы, еслибъ у г. Александра не встрѣчались однохарактерныя слова: амуриться, балбесничать, галтель, беззарочный, обвѣщеніе, альпари, пальцеобразный, бандура, жупанъ, первозданный, брильни, дегтяря и т. п.). Во всякомъ случаѣ словарь этотъ несравненно полезѣ словаря Рейфа и не уступаетъ въ полнотѣ лучшимъ словарямъ русско-французскому Макарова и русско-нѣмецкому Павловскаго.

Но погоня же за полнотою и повредила словарю г. Александра. Мы готовы почти сказать, что словарь этотъ испорченъ избыткомъ научно-техническихъ терминовъ: онъ слишкомъ великъ, а между тѣмъ не достигаетъ задуманной пригодности для всѣхъ сферъ знанія и часто не обезпечиваетъ пользующемуся имъ точности въ переводѣ на англійскій языкъ даже тѣхъ русскихъ словъ, которыя вошли въ составъ его. Напримѣръ, русскія названія растений (а ихъ помѣщено очень много), не сопровождаемыя названіями латинскими, легко могутъ ввести въ заблужденіе. Ботаническій словарь Анненскаго и описаніе московской флоры Кауфмана удостовѣряютъ, что на русскомъ языкѣ тѣ же

названія въ разныхъ мѣстностяхъ нерѣдко примѣняются къ растеніямъ совершенно различнымъ. Отчего, напримѣръ, слово „шафранъ“ переводится saffron, stocus (латинское названіе), cuscum, а потомъ отдѣльно „дикій шафранъ—colchicum, bastard-saffron, distoff thistle“; „луговой шафранъ — meadow-saffron, а однозначущее „желтяница“ — saffron, bastard, safflower. Переводчикъ, очевидно, будетъ въ большомъ затрудненіи, какъ различить значеніе всѣхъ этихъ словъ. Еще болѣе смутится онъ, найдя, что означющимъ „шафранъ“ словомъ thistle переводится также слово „чертополохъ“. Чертополохъ называется иначе „волчедомъ, осотомъ“ (way-thistle, sow-thistle). А г. Александровъ словомъ way-thistle обозначаетъ еще и серпуху полевую. Еще труднѣе разобраться въ разновидностяхъ: намъ нужно, напримѣръ, узнать, какъ называется по англійски употребляемый въ медицинѣ „кудрявый волчецъ“. Этого мы у г. Александрова не находимъ. У него есть „волчецъ благословенный“ — holy-thistle. Догадаться о томъ, что благословенный и кудрявый—одно и то же, можетъ только знающій латинское названіе разновидности—cnicus benedictus. Слова „трефоль, трилистникъ, клеверъ“ переведены trefoil, clever.. и lucern, что невѣрно: клеверъ и люцерна, какъ знаетъ каждый сельскій хозяинъ, довольно сходныя, но далеко не одинаковыя растенія. Разобраться во всѣхъ этихъ затрудненіяхъ едва подъ силу даже спеціальному словарю по ботаникѣ. Въ общемъ, не спеціально-ботаническомъ, словарѣ, конечно, необходимы только названія растеній общеупотребительныхъ, часто встрѣчающихся въ обиходѣ, но къ чему слова въ родѣ: журавина (клюква), жуланъ (высокій сортъ зеленого чая), жеруха, желтокорень, будра, брундышка, брѣдовка, желтофіоль (а болѣе употребительнаго въ садоводствѣ нашемъ слова „лакфіоль“ нѣтъ), манилія (а затѣмъ еще разъ „магнолія“), гуява, горлецъ и т. п. Г. Александровъ старается дать столь же полный словарь морскаго дѣла, зоологіи, минералогіи, даже галантерейнаго товара (барезъ, барканъ, гроденаль, гродетуръ, линобатистъ и проч.), забывая, что въ гостинномъ дворѣ ежегодно раза два или три выставляются матеріи новыхъ названій: неужели же словарю есть возможность угнаться за ними! Чтобы еще убѣдиться въ примѣнимости давнихъ словаря къ переводу научно-техническихъ сочиненій, мы просмотрѣли терминологию органической химіи и не нашли словъ: аминъ, алдегидъ, алкогольъ, этиль, метиль и т. п. Между тѣмъ въ словарѣ встрѣчаются слова: алкали, алкалическій, алембикъ, бензой и т. п.

Не особенно обдуманно составителемъ словаря и отношеніе къ сло-

вамъ иностраннымъ. Въ хорошій русскій словарь должны несомнѣнно войти иноземныя слова, за немнѣніемъ соответствующихъ терминовъ или по инымъ причинамъ получившія право гражданства; напримѣръ: аудіенція, аудиторія, афиша, канцелярія, афоризмъ, интрига, инстанція, претензія и т. д. Допустимъ, что въ языкъ безъ нужды водворились и, слѣдовательно, могутъ войти въ лексиконъ слова въ родѣ слѣдующихъ: афера, афектація и т. п.; но рѣшительно нѣтъ основанія помѣщать въ русскомъ словарѣ слова: агрикультура, абдикація, арсеникъ, блезиръ, визитаторъ, тротъ, коммуникація, компонировать, компонистъ, тужурка, викторіальный, гемисфера, банкиръ и т. п. Зачѣмъ же, если такъ, пропущены слова: игнорировать, ассимилировать, гешефтъ.... Въ нашихъ газетахъ они встрѣчаются чаще, чѣмъ „тротъ“ или „тужурка“.

Напрасно увеличиваетъ объемъ книги также длинная вереница словъ русскихъ по корнямъ и составу, но рѣшительно неупотребительныхъ: ангеловидный, балахрысть, балахрыстка, барабаненье, вавакать, искусство, наготѣть, бездѣтство, беззарочный, безлѣтность, безмозгій (далѣе „безмозглый“ своимъ чередомъ), іераршество, жигучій (кромѣ того, „жгучій“), дышаніе („дыханіе“ отдѣльно), бичникъ (flagellator), подыскъ, благочествовать, блинничать (торговать блинами), бляхаръ (мастеръ, выдѣлывающій бляхи), варганъ, вертежь, плясалыщикъ и т. д., даже „ужастъ“ (рядомъ съ „ужасъ“) и „журналишко“ (между тѣмъ „домишко“, „сынишко“ нѣтъ).

Окончимъ на этомъ указаніе на разряды словъ, значительно расширившихъ объемъ словаря безъ существеннаго его пополненія.

Объемъ словаря могъ бы еще значительно сократиться безъ малѣйшаго ущерба его достоинству, еслибы слова одного корня, не разрозненныя въ алфавитѣ путемъ приставокъ и т. п., не разставлялись по отдѣльнымъ абзацамъ, еслибы, напримѣръ, вмѣсто:

аршинный или авторскій	или адресный	или ужинать, ужать
аршинникъ	авторство	адресовать, -ованный
аршинъ	авторствовать	адресъ
	авторъ	
		ужинный
		ужанный
		ужинъ
		ужинъ и т. д.,

напечатано было въ строку: аршинъ, -никъ, -ный; авторъ, -ство -ствовать, -скій; адресъ, -овать, -ованный, -ный; ужинъ, -инный; -инать, ужать; ужинъ, -ный, -ать.

Этимъ путемъ, повторяемъ, уберемъ много мѣста, а кромѣ

того, слова одного корня сгруппировались бы нагляднѣе. Система печатанія порознь, въ столбецъ, нѣкоторыхъ не разрозненныхъ алфавитомъ словъ одного корня тѣмъ болѣе странна, что она примѣняется не ко всѣмъ словамъ: иные печатаются по указанному нами способу, въ строку, съ обозначеніемъ однихъ суффиксовъ и окончаній; напримѣръ: ассигнація, -ціонный; атмосфера, -рный, -рический и т. п.

Для болѣе нагляднаго изображенія состава словъ, необходимо также отдѣлять приставки чертою. Несоблюденіе этого приѣма при печатаніи представляетъ значительныя неудобства. Взгляните, напримѣръ, на длинный рядъ словъ съ приставкой по, прерываемый нѣсколько разъ рядами словъ съ приставками под; словами, сложными съ „пол“ и „полно“, или просто словами, начинающимися на „по“: полоса, полчища, полотно, портретъ, портной, порохъ, пороть, порфира, пороша и т. д., или, не яснѣе ли: „у-досужиться, удочка, у-драть“, тѣмъ „удосужиться, удочка, удрать“?

Это печатаніе безъ отдѣленія приставокъ особенно неудобно тамъ, гдѣ словарь предлагаетъ одинъ переводъ для слова съ извѣстною приставкой и для того же слова, лишеннаго этой приставки, какъ-будто она не сообщала никакого оттѣнка значенію слова; напримѣръ, „поумничать, см. умничать“, „пубрать, см. убрать“ и т. п.

Не мѣшало бы также обозначать и различіе въ видахъ глаголовъ. Напримѣръ, очевидно, не вполне правильно для перевода словъ „заровнять, запрягать, обрадовать“ сослаться (см.) на переводъ словъ: „ровнять, заперчь, радовать“. Слѣдовало хотя бы помѣчать виды. Странно, что, не выполняя этого, составитель, счелъ однако нужнымъ въ списокъ сокращеній помѣстить *perf. asp.* (*perfect aspect*), а иногда считаетъ нужнымъ и возможнымъ передавать въ переводѣ оттѣнки значенія, выраженные видовыми приметами. Напримѣръ, „запѣвать, заребачиться“ онъ переводитъ: „to begin to sing, to begin to act childishly...“

Иностранцамъ, желающимъ ознакомиться съ русскимъ языкомъ, много помогло бы также болѣе тщательное обозначеніе, когда (въ литературномъ, или въ разговорномъ, или въ вульгарномъ языкѣ) употребляются данныя слова. Напримѣръ, при словахъ: треухъ, баламутъ, белиберда, дурнда, ера, ерникъ, бельмесъ, жилишь, жидоморъ — не стоитъ ни *vulg.* (*vulgar*), ни *pop.* (*popular*), ни даже *coll.* (*colloquial*), между тѣмъ какъ болѣе употребительныя „жучить, гада, лодарь, лодарничать“ и т. п. даже не помѣщены у г. Александрова. Помѣтка „coll.“ примѣняется къ словамъ, которыя нельзя признать

разговорными, или которыя, по крайней мѣрѣ, требовали бы помѣтки lit. us. (little used); таковы: белендрисы, балабанъ и т. п.

Впрочемъ, въ общемъ, значеніе русскихъ словъ передано г. Александровымъ по англійски вполне удовлетворительно. Если по поводу нѣкоторыхъ словъ и можно сказать что-либо, все это не на столько важно, чтобы поколебать достоинство дѣлаго. Перебирая слово за словомъ, можно, на примѣръ, сдѣлать замѣчанія такого рода.

Азартный переведено audacious, irritable, hazardous [можно бы прибавить bold, venturous]; -ная игра, a game of chance [также hazard-game].

Бабка [въ смыслѣ уложенныхъ сноповъ конопли или льна] — sheaves of hemp... нужно прибавить of line.

Гдѣ барышня?—Where is miss... (a christian name). Отчего christian?

Баянъ... признается нарицательнымъ именемъ славянскихъ лѣтцовъ.

Безпошлинно—without paying the entry-duties... Отчего упоминается только о ввозныхъ пошлинахъ?

обвалъ... въ переводѣ пропущено avalanche.

обдумывать... къ даннымъ англійскимъ словамъ можно бы, пожалуй, прибавить to examine, даже to weigh.

обивать... къ даннымъ англійскимъ словамъ можно прибавить to carpet, to rare а tooom.

обитель переведено cloister, convent, monastery; иногда слѣдуетъ перевести просто habitation, residence.

балаганъ между прочимъ переводится: summer-hut of Kamtschadales... будто лѣтніе балаганы строятся только у камчадаловъ?

багровость передано lividness, lividity. Совсѣмъ неправильно: livid то же, что discoloured; багровый даже не purple, а скорѣе scarlet, black and blue.

баранъ переведено *gam, sheep; можно еще перевести mutton, whether и т. д.

Но такіе недосмотры, повторяемъ исчезаютъ передъ достоинствами труда г. Александрова.

Къ особеннымъ достоинствамъ этого труда слѣдуетъ отнести замѣчательную полноту въ подборѣ разнообразныхъ значеній того же слова, хотя врядъ ли можно согласиться со взглядомъ составителя на способъ передачи въ словахъ пословицъ, приводимыхъ для выясненія различныхъ значеній слова. „Въ виду важнаго значенія пословицъ

для объясненія оттѣнковъ одного и того же слова“, говоритъ г. Александровъ въ предисловіи къ англо-русской части своего труда, — „мы не преминули воспользоваться этимъ матеріаломъ, при чемъ сочли за лучшее переводить англійскія пословицы не буквально, а посредствомъ соотвѣтствующихъ ихъ смыслу русскихъ пословицъ“. Также поступалъ онъ при переводѣ русскихъ пословицъ на англійскій языкъ; смыслъ ихъ передается только приблизительно. Мы полагаемъ бы болѣе удобнымъ переводить пословицы дословно, а потомъ, пожалуй, сопоставлять ихъ съ соотвѣтствующими по смыслу поговорками другаго языка. Иначе духъ ихъ останется совсѣмъ непонятнымъ. Такой двойной переводъ нѣсколько (не много) увеличилъ бы объемъ книги, но мы указали столько средствъ сократить этотъ объемъ, что дословному переводу пословицъ или даже краткому комментарию по поводу ихъ, если онъ когда понадобится, мѣсто найти не трудно. Къ тому же англійскія поговорки часто передаютъ наши пословицы слишкомъ не точно; напримѣръ, врадѣ ли „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“ можно передать словами „кто могъ этого ожидать!“ (who could expect this!), или „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“ — словами „предупрежденъ, впередъ вооруженъ“ (fore — warned, fore — armed).

Какъ бы то ни было, трудъ г. Александрова — трудъ самостоятельный, вполне почтенный, и остается только пожелать, чтобы слѣдующія изданія не перепечатывались безъ исправленій, чтобы почтенный трудъ г. Александрова послужилъ основаніемъ къ выработкѣ русско-англійскаго словаря возможно-безукоризненнаго, способнаго разчитывать на многолѣтній, прочный успѣхъ.

Арифметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ П. Никульцевъ, преподаватель Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища. Москва. 1886 (sic!). Стр. VIII+264 въ 8-ку. Цѣна 70 коп.

Предназначивъ свой трудъ для среднихъ учебныхъ заведеній, г. Никульцевъ изложилъ въ первыхъ 262 параграфахъ книги тотъ курсъ арифметики, который проходится въ I, II и III классахъ гимназій и реальныхъ училищъ; послѣдніе 27 параграфовъ, съ § 263 по § 289 (теоремы, касающіяся дѣлимости чиселъ; системы счисленія; вычисленія съ данною точностью), „предназначены для учениковъ старшихъ классовъ“. Авторъ старался „совмѣстить ясность и полноту изложенія со строгостью доказательствъ“. Только въ „тѣхъ

случаяхъ, когда такое совмѣщеніе могло породить затрудненія для учениковъ младшихъ классовъ", г. Никульцевъ „поступался строгостью доказательствъ въ пользу ясности и полноты изложенія“. Такого рода уступокъ сдѣлано авторомъ, впрочемъ, весьма немного. Въ § 124 пропущено доказательство признаковъ дѣлимости на 6, 12, 15, 18, 24 и 45, отнесенное къ дополнительному отдѣлу книги (§ 265), и по примѣру большинства учебниковъ, распространено на періодическія дроби одно свойство, доказанное для конечныхъ десятичныхъ дробей (§§ 210—217). По нашему мнѣнію, авторъ поступилъ, при составленіи своего учебника, не строгостью доказательствъ, а научнымъ характеромъ изложенія и, къ вѣщему сожалѣнію, даже точностью опредѣленій, вдавшись въ послабленія призрачной несообразительности учащихся и не принявъ во вниманіе, что ариметика проходитъ всюду подъ руководствомъ преподавателей, обязанныхъ устремлять отъ вѣрренныхъ ихъ попеченіямъ питомцевъ всѣ трудности книжнаго обученія. Нѣкоторыя изъ послабленій автора на столько существенны и такъ невыгодно повліяли на строй и объемъ занимающей насъ книги, что мы считаемъ своею обязанностью отмѣтить ихъ.

„Словесному“ и „письменному“ счисленіямъ авторъ посвятилъ 9 страницъ, на которыхъ онъ не только перечислилъ слова, употребляемыя для „выраженія чиселъ до квинтиллионовъ“ (стр. 3), но опираясь на численные примѣры, даже установилъ восемь такихъ „правилъ“, напечатанныхъ курсивомъ, которые обыкновенно составляются самими учащимися и притомъ на первыхъ ступеняхъ изученія нумераціи, конечно, подъ руководствомъ преподавателей. Свою заботливость объ „ученикахъ младшихъ классовъ“ авторъ простеръ такъ далеко, что для „обращенія десятковъ, сотенъ и другихъ разрядовъ въ единицы“ преподалъ два „правила“ (стр. 9): одно—для обращенія только десятковъ, другое—общее для всѣхъ разрядовъ. Не довольствуясь и этими правилами, авторъ счелъ еще нужнымъ выяснитъ на примѣрахъ и отмѣтить курсивомъ измѣненія, претерпѣваемыя числами отъ приписки къ нимъ нулей съ той или другой стороны. При этомъ не забыта даже такая подробность (стр. 11), что „если въ серединѣ числа вставимъ нуль, то оно увеличится менѣе, чѣмъ въ 10 разъ; если вставимъ два нуля, то оно увеличится менѣе, чѣмъ въ 100 разъ и т. д.“.

Къ такому серьезному предмету, какъ дѣленіе цѣлыхъ чиселъ,

авторъ отнесся, конечно, съ большимъ вниманіемъ, съ большею еще обстоятельностью, чѣмъ къ нумераціи. Объ „опредѣленіи цифръ частнаго“ г. Никульцевъ распространился на двухъ страницахъ (§ 56), и „чтобы опредѣлить быстро цифры частнаго“, преподалъ опять „правила“ (въ 16 строкъ, стр. 43—44), коихъ слѣдуетъ придержи- ваться въ тѣхъ случаяхъ, 1) когда: „дѣлитель изображается значущею цифрой съ нулями“, 2) когда „вторая цифра слѣва въ дѣлительѣ 1 или 2“, 3) когда „вторая цифра слѣва въ дѣлительѣ 8 или 9“, и наконецъ 4), когда „вторая цифра слѣва въ дѣлительѣ (напечатано, конечно по ошибкѣ, въ дѣлительѣ) не 1, 2, 8, 9, а какая-нибудь другая“. „При помощи этихъ правилъ“, говоритъ авторъ, — „въ боль- шинствѣ случаевъ цифра частнаго опредѣляется вѣрно. Если же, сверхъ ожиданія, цифра частнаго окажется неточною, то легко ис- править ошибку“ (стр. 44). Конечно, легко—прибавимъ и мы отъ себя,—если учащійся позаботится приобрѣсти, помимо вышеприведен- ныхъ правилъ, еще навыкъ въ угадываніи цифръ, которыми слѣ- дуетъ задаваться въ частномъ. На изложеніе статьи о дѣленіи цѣлыхъ чиселъ, во всемъ ея объемѣ, автору потребовалось 24 стра- ницы: на 13 страницахъ онъ разсмотрѣлъ дѣленіе, какъ дѣйствіе „разложенія на равныя части“, на семи—какъ средство къ опредѣ- ленію „содержанія одного числа въ другомъ“, и на четырехъ— „какъ дѣйствіе, обратное умноженію“. Этотъ приемъ изложенія не новъ и, къ сожалѣнію, встрѣчается во многихъ учебникахъ ариеме- тики. Онъ оправдывается обыкновенно тѣмъ соображеніемъ, что уча- щемуся, даже имѣющему немалый навыкъ въ счетѣ, будто бы труд- но понять научное опредѣленіе дѣленія, не пройдя предварительно чрезъ примѣненія этого дѣйствія, выдаваемыхъ за его опредѣленіе. Выборъ опредѣленія, въ такихъ случаяхъ, зависитъ, конечно, отъ произвола составителей учебниковъ. Нѣкоторые авторы, подобно г. Никульцеву, говорятъ, напримѣръ, что „раздѣлить одно число на другое, значитъ разложить первое на столько равныхъ частей, сколько во второмъ единицъ“, и въ этомъ случаѣ „разложеніе на равныя части употребляется при рѣшеніи вопросовъ: 1) опредѣлить часть даннаго числа; 2) найти число, которое менѣе даннаго въ нѣсколько разъ; 3) уменьшить данное число въ нѣсколько разъ; 4) узнать, какое число надо умножить на данное, чтобы получить другое, дан- ное же (опредѣлить множимое по произведенію и множителю)“. Дру- гіе утверждаютъ, что „дѣлить одно число на другое значитъ умень-

пять одно изъ данныхъ чиселъ во столько разъ, сколько единицъ во второмъ данномъ числѣ", а опредѣленіе г. Никульцева ставить въ число „примѣненій дѣленія“ (стр. 45). Въ концѣ концовъ получается нѣсколько различныхъ опредѣленій одного и того же дѣйствія, а въ результатѣ—порядочная путаница, которую всякій авторъ считаетъ однако своею обязанностью непременно разрушить впоследствии и доказать, что всѣ данныя имѣ прежде опредѣленія не болѣе, какъ „примѣненія“ дѣйствія, посредствомъ котораго, по даннымъ произведенію двухъ множителей и одному изъ послѣднихъ, отыскивается другой множитель. Нашъ авторъ значительно отступилъ отъ этого пріема изложенія, но не въ лучшему, ибо путаницу въ опредѣленіяхъ дѣленія даже нѣсколько приумножилъ, а разобраться въ ней не потрудился. Въ самомъ дѣлѣ, не ограничиваясь вышеприведеннымъ опредѣленіемъ, авторъ далъ еще другое (стр. 47): „раздѣлить одно число на другое значитъ узнать, сколько разъ въ первомъ содержится второе“,—упустивъ изъ виду, что это самое опредѣленіе, въ нѣсколько измѣненной формѣ, поставлено имъ раньше въ число „примѣненій дѣленія“ (§ 58) и, кромѣ того, впоследствии еще трижды перефразировано въ § 67, при новомъ перечисленіи „примѣненій дѣленія“. И вся эта вереница опредѣленій не только оставлена безъ разъясненій, но даже обогащена еще новымъ опредѣленіемъ дѣленія, поставленнымъ на самомъ послѣднемъ планѣ статьи и съ оговорками, извращающими сущность дѣла окончательно (§ 70): „Если дѣленіе есть дѣйствіе, обратное умноженію, то можно дать ему такое опредѣленіе: Дѣленіемъ называется дѣйствіе, въ которомъ по произведенію и одному изъ производителей опредѣляется другой“. Казалось бы, что въ этомъ опредѣленіи, при всей его шероховатости и неумѣстной условной формѣ, по крайней мѣрѣ вполне ясно и точно указывается на единственное, и только единственное, значеніе дѣленія. Но нѣтъ, нашъ авторъ думаетъ иначе. По его мнѣнію (стр. 55), изъ даннаго опредѣленія „не трудно вывести, что, въ случаѣ цѣлыхъ чиселъ, дѣленіе имѣетъ двойное значеніе“, то-есть, „служить для разложенія на равныя части“ и „для того, чтобы узнать, сколько разъ одно число содержится въ другомъ“. А какъ понять оговорку: „въ случаѣ цѣлыхъ чиселъ“? Развѣ не посредствомъ дѣленія, напримѣръ, разлагается дробное 25% на 5 равныхъ частей, или опредѣляется, сколько разъ 5 повторяется въ 25% ? Статья о „дѣленіи дробей“ не разъясняетъ

этого вопроса. Изъ нея мы только узнаемъ, что „дѣленіе дробей“ не нуждается въ опредѣленіи, но имѣетъ четыре „значенія“ (стр. 131), тогда какъ дѣленіе цѣлыхъ чиселъ, какъ мы видѣли, при трехъ самостоятельныхъ „опредѣленіяхъ“, имѣетъ лишь два „значенія“.

Почти столь же не научно, хотя и съ меньшею тратой словъ, отнесся г. Никульцевъ къ вычитанію. Для вычитанія цѣлыхъ чиселъ онъ придумалъ одно опредѣленіе, для дробей — другое: „Вычитаніемъ“, говоритъ онъ (стр. 17), — „называется дѣйствіе, посредствомъ котораго отъ одного числа отнимается другое“.... „Вычесть одну дробь изъ другой значитъ найти разность частей, заключающихся во второй и въ первой дроби“ (стр. 125). Для вычитанія цѣлыхъ чиселъ изъ дробныхъ и, на оборотъ, дробныхъ изъ цѣлыхъ—опредѣленія не придумано. Объ общемъ, научномъ опредѣленіи вычитанія авторъ и не упомянулъ, если не считать за таковое фразу: „вычитаніе есть дѣйствіе, обратное сложенію“, попавшую какимъ-то образомъ въ статью о дѣленіи (стр. 54).

Къ указаннымъ нами недостаткамъ, запутывающимъ сущность дѣла и нарушающимъ стройность изложенія, слѣдуетъ отнести и присутствіе въ книгѣ г. Никульцева §§ 155 и 156, изъ которыхъ въ первомъ рѣшаются задачи на „опредѣленіе частей даннаго числа“, а во второмъ—задачи на „опредѣленіе числа по данной части“. Эти параграфы, зачѣмъ-то поставленные непосредственно за приведеніемъ дробей къ общему знаменателю, совершенно излишни, потому что все, что въ нихъ сказано, почти дословно повторено въ §§ 164 и 171 (п. 2-й).

Всѣ эти недостатки, конечно, немаловажны, но по счастью, они въ значительной мѣрѣ уравниваются многими хорошими качествами рассматриваемаго сочиненія. Книга г. Никульцева написана правильнымъ, точнымъ и удобопонятнымъ языкомъ. Всего менѣе удалась автору статья о вычитаніи и дѣленіи, но и въ ней техническая сторона производства дѣйствій разработана правильно. Всѣ остальные отдѣлы книги изложены вполне удовлетворительно, а нѣкоторые даже талантливо. Съ особенною тщательностью обработаны статьи о перестановкѣ множителей, о счетѣ времени, теоремы о дѣлимости чиселъ и весь отдѣлъ приложений ариметики къ рѣшенію сложныхъ вопросовъ. Книга г. Никульцева напечатана опрятно и отличается большою исправностью въ корректурномъ отношеніи.

Изъ очень ограниченнаго числа опечатокъ (стр. 44, 109, 206, 262) самая крупная бросается въ глаза на обложкѣ: книга, появившаяся полгода назадъ, показана напечатанною въ 1886 году.

Сборникъ арифметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Составилъ *И. Верещагинъ*. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1885. Стр. VIII + 356. Цѣна 80 к.

Первое изданіе сборника, составленнаго г. Верещагинымъ, разошлось менѣе чѣмъ въ теченіе одного года: успѣхъ, рѣдко выпадающій на долю русскихъ книгъ и, въ данномъ случаѣ, вполне заслуженный и заранѣе нами предвидѣнный (см. Журн. М. Н. Пр. іюнь 1884 г.). Новое изданіе сборника отличается отъ прежняго слѣдующими измѣненіями и дополненіями, которыя смѣло можно назвать улучшеніями:

1) Число задачъ значительно увеличено. Послѣдній параграфъ книги (§ 57), содержащій въ себѣ матеріалъ для повторенія арифметики учениками старшаго возраста и для письменныхъ испытаній абитуриентовъ, дополненъ 86-ю новыми задачами (№№ 3145—3230). Въ прочіе отдѣлы включено девять новыхъ упражненій, отмѣченныхъ буквами *a, b, c...*, съ дѣлію сохранить нумерацію задачъ перваго изданія, оставшуюся неизмѣненною.

2) Сборникъ изданъ теперь въ такомъ видѣ, что его можно разбросировать на отдѣльныя части и одновременно пользоваться однимъ экземпляромъ книги въ трехъ различныхъ классахъ.

3) Отвѣты на задачи помѣщены въ концѣ каждой изъ трехъ частей книги, а не въ одномъ мѣстѣ, въ концѣ тома, какъ было сдѣлано въ первомъ изданіи.

Помимо всѣхъ этихъ улучшеній, книга г. Верещагина отличается опротивою вѣнностью, небывалою дешевизной (по 3¼ коп. за печатный листъ) и большою исправностью въ корректурномъ отношеніи. Наши попытки отыскать въ ней какіе-либо недостатки дали весьма скудный результатъ. Такъ, мы замѣтили на стр. 169 несовсѣмъ ловкое выраженіе: „Лѣтнія каникулы продолжались до 20-го августа исключительно...“ Задачу № 2005 (стр. 192), по нашему мнѣнію, слѣдовало бы закончить такимъ вопросомъ: Сколько ведеръ чистаго вина и сколько ведеръ воды заключается въ боченкѣ (вмѣсто: „...будетъ заключаться тогда“)? Вотъ и все, если не считать опечатки *avoir du poids* (вмѣсто *avoir du poids*) на стр. 305.

Пятизначныя таблицы логарифмовъ чиселъ и тригонометрическихъ величинъ, съ прибавленіемъ логарифмовъ Гаусса, натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ и некоторыхъ другихъ таблицъ. Составилъ *Е. Пржевальскій*, преподаватель 3-го военного Александровскаго училища. Изданіе третье, стереотипное. Москва. 1883. Стр. XXX+168. Цѣна 75 коп.

Таблицы эти, при весьма небольшомъ объемѣ и недорогой цѣнѣ, отличаются полнотою содержанія. Расположеніе и употребленіе ихъ объяснено авторомъ на первыхъ 26 страницахъ достаточно полно и удобопонятно. Въ концѣ книги помѣщены формулы для рѣшенія треугольниковъ прямолинейныхъ и сферическихъ. Слѣдовательно, пользующіея этими таблицами не затруднятся найти необходимыя указанія для каждой данной задачи, хотя бы и забылъ относящіяся до нея алгебраическія или тригонометрическія формулы, теоремы или правила.

Въ объяснительномъ текстѣ и въ прибавленіяхъ къ таблицамъ почти нѣтъ ошибокъ и опечатокъ. Заслуживаетъ, однако, упоминанія ошибка на страницѣ XXIV; а именно напечатано:

$$\begin{aligned} \alpha x + \beta y &= \gamma \\ \alpha'x + \beta'y &= \gamma', \end{aligned}$$

тогда какъ должно быть:

$$\begin{aligned} \alpha y + \beta z &= \gamma \\ \alpha'y + \beta'z &= \gamma'. \end{aligned}$$

Можетъ также вызвать недоразумѣніе сказанное въ подстрочномъ примѣчаніи на страницѣ XXIII, относительно $\lg v' = 0,26477$ п: „Смотри прибавленіе“. Читатель будетъ искать въ книгѣ главы или параграфа подъ заглавіемъ: „прибавленіе“ и не найдетъ искомаго, такъ какъ объясненіе вышеупомянутому знаку дано на страницѣ XXIX, не подъ заглавіемъ „прибавленіе“, а подъ заглавіемъ „сложеніе и вычитаніе логарифмовъ, взятыхъ отъ отрицательныхъ чиселъ“.

На послѣдней страницѣ книги, приведены нѣкоторыя числовыя данныя, относящіяся до размѣровъ земнаго шара, продолжительности года, скорости свѣта и притягательной силы солнца. Въ послѣднемъ изъ этихъ чиселъ сдѣлана ошибка; именно напечатано: „Притягательная сила солнца по Гауссу— k въ частяхъ радіуса 0,0172021, k въ секундахъ...“, тогда какъ въ дѣйствительности числа эти выражаютъ не притягательную силу солнца (то-есть, не ускореніе k , которое сообщала бы эта сила, въ періодъ равный среднимъ солнеч-

нымъ суткамъ, тѣлу, находящемуся на разстояніи отъ солнца равномъ большой полуоси земной орбиты), а количество, обозначаемое чрезъ \sqrt{k} . Остальныя изъ упомянутыхъ данныхъ хотя и нельзя назвать ошибочными, такъ какъ они мало разнятся отъ нѣнѣ извѣстныхъ, тѣмъ не менѣе ихъ слѣдовало бы замѣнить этими послѣдними, то-есть, болѣе новыми.

Главнѣйшее условіе, которому должны удовлетворять таблицы, есть конечно, отсутствіе въ нихъ опечатокъ; поэтому только тогда можно сдѣлать точную оцѣнку степени пригодности таблицъ, составленныхъ г. Е. Пржевальскимъ, когда онѣ будутъ проверены вполнѣ. Мы сдѣлали пробныя проверки, то-есть, сличенія съ таблицами Баллета, почти на каждой страницѣ; такъ напримѣръ, въ первой таблицѣ, Бригговыхъ логарифмовъ, проверены 300 логарифмовъ (по 10 на каждой страницѣ), и въ результатѣ не оказалось у г. Пржевальскаго ни одной ошибки.

Курсъ прямолинейной тригонометрии и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ магистръ математики *Н. А. Шапошниковъ*. 2-е изданіе, нѣсколько измѣненное и дополненное. Москва. 1885. Стр. VIII+II+140. Цѣна 80 коп.

Означенное сочиненіе г. Шапошникова занимаетъ довольно видное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ. Въ основаніе его положена та мысль, что теорія тригонометрическихъ функцій есть въ сущности теорія чисто аналитическая, для первоначальнаго ознакомленія съ которою геометрическія представленія служатъ лишь вспомогательнымъ орудіемъ. Настойчивое проведеніе этой вѣрной мысли по всему сочиненію, мысли, имѣющей за собою уже то важное достоинство, что ею значительно облегчается переходъ отъ элементарной математики къ изученію высшаго анализа, составляетъ главное отличіе книги г. Шапошникова отъ существующихъ однородныхъ съ нею учебниковъ. Средства, употребленныя авторомъ, не новы, если не считать за новизну термины: „линія синуса“, „линія тангенса“ и т. под., наглядно выражающіе извѣстныя понятія, и терминъ „аргументъ“, принятый въ высшемъ анализѣ для означенія количества, отъ котораго зависитъ тригонометрическая функція. При обработкѣ своего труда авторъ стремился соединить обобщеніе научныхъ выводовъ со строгостью доказательствъ, не обременяя въ то же время учащихся ни массой тригонометрическихъ формулъ, ни излишнимъ умственнымъ напряженіемъ. Этой

почтенной цѣли, намъ кажется, г. Шапошниковъ вполне достигъ, благодаря разумной группировкѣ научныхъ фактовъ, умѣнью отдѣлить существенное отъ маловажнаго и счастливой идеѣ приложить къ каждому отдѣлу книги по особому сборнику задачъ и упражненій, вмѣстившему въ себѣ всѣ тѣ мелочи и варианты теоремъ, которые хотя и имѣютъ относительную цѣнность, но, включенные въ текстъ, нарушаютъ стройность изложенія и развлекаютъ вниманіе читателя.

Книга г. Шапошникова состоитъ изъ шести отдѣловъ. Въ 1-мъ отдѣлѣ разъясняются основныя понятія о видахъ функций, даются опредѣленія шести прямыхъ круговыхъ функций, и выводятся тригонометрическія формулы, выражающія соотношенія между функциями одного и того же аргумента. Во 2-мъ отдѣлѣ авторъ выводитъ такъ-называемыя формулы приведенія и доказываетъ, что всѣ измѣненія тригонометрическихъ величинъ совершаются въ предѣлахъ, соответствующихъ измѣненіямъ аргумента отъ нуля до $\frac{\pi}{4}$. Къ концу главы формулы приведенія обобщаются, и устанавливается связь ихъ между собою. Въ 3-мъ отдѣлѣ авторъ выводитъ, при пособіи чертежа, „теорему сложенія“ для синуса и косинуса, обобщаетъ ее аналитическимъ путемъ и развиваетъ слѣдствія, непосредственно вытекающія изъ этой формулы. Въ 4-мъ отдѣлѣ рѣшается вопросъ о вычисленіи тригонометрическихъ функций, при помощи разложеній синуса и косинуса въ строки (по способу неопредѣленныхъ коэффициентовъ), объясняются устройство и употребленіе тригонометрическихъ таблицъ (Лиланда), и излагается способъ введенія вспомогательныхъ угловъ. Въ 5-мъ отдѣлѣ книги помѣщенъ очеркъ теоріи обратныхъ круговыхъ функций. Авторъ объясняетъ здѣсь свойство многозначности этихъ функций, даетъ формулы, связывающія обратныя функции, разлагаетъ въ рядъ $\arctg n$ и выводитъ строку для вычисленія π . Этотъ отдѣлъ не имѣетъ прямого отношенія къ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ виду научнаго интереса и важности примѣненій круговыхъ функций, многіе преподаватели тригонометріи воспользуются сообщаемыми свѣдѣніями, конечно, при удобномъ случаѣ, на примѣръ, при благопріятномъ составѣ класса или издавшемся досугѣ.

Собственно тригонометрія изложена въ 6-мъ, послѣднемъ, отдѣлѣ книги. Авторъ строго разграничилъ въ немъ выводъ основныхъ соотношеній между частями треугольника отъ аналитическихъ слѣдствій такихъ соотношеній. Рѣшеніе треугольниковъ разобрано при

весьма разнообразной группировкѣ данныхъ условій. Въ этомъ же отдѣлѣ говорится о рѣшеніи четырехугольниковъ, вписываемыхъ въ кругъ, о рѣшеніи правильныхъ многоугольниковъ и, дается понятіе о приложеніи тригонометріи къ топографическимъ съемкамъ.

Каждый отдѣлъ книги г. Шапошникова сопровождается, какъ было сказано выше, задачами. Общее число послѣднихъ доходитъ до 500 нумеровъ, и многія изъ нихъ, могутъ служить хорошими темами для письменныхъ работъ учащихся.

Книга г. Шапошникова написана правильнымъ, удобопонятнымъ и сжатымъ языкомъ. Новое ея изданіе отличается отъ перваго нѣкоторыми измѣненіями, вѣрнѣе сказать—улучшеніями, коснувшимися, болѣе или менѣе, всѣхъ перечисленныхъ нами отдѣловъ. Сборникъ задачъ въ этомъ новомъ изданіи обработанъ почти заново и въ настоящемъ своемъ видѣ отличается весьма тщательною систематизаціей. Мы позволимъ себѣ однако упрекнуть почтеннаго автора за непріложеніе къ своему учебнику указателя опечатокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, правда немногія, вкравшіяся въ формулы, могутъ затруднить неопытнаго читателя (стр. 29, 64, 67 и нѣк. др.). Кромѣ того, можно посоветовать автору слѣдовать, при слѣдующемъ изданіи книги, извѣстное преобразование неравенства (§ 63)

$$\sin \alpha < \alpha < \operatorname{tg} \alpha$$

не въ два приѣма, а въ одинъ, раздѣливъ $\sin \alpha$ на каждое изъ выписанныхъ количествъ.

Задачи по начертательной геометріи. (Курсъ реального училища). Составилъ преподаватель начертательной геометріи въ реальномъ училищѣ при реформатской церкви въ Москвѣ В. А. Немолодышевъ. Москва. 1884. Стр. 40. Цѣна 40 коп.

Книжка г. Немолодышева состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый подраздѣленъ на двѣ главы. Въ первомъ отдѣлѣ 214 задачъ, относящихся къ проектированію точекъ, линій и плоскостей; во второмъ отдѣлѣ сгруппированы задачи и упражненія, въ числѣ 161 нумера, преимущественно на проектированіе тѣлъ многогранныхъ и круглыхъ. Въ первыхъ главахъ каждаго изъ отдѣловъ подобраны такія упражненія, которыя авторъ призналъ за „крайне необходимыя для полнаго и сознательнаго усвоенія теорій“. Въ заключительной главѣ книжки (зад. №№ 53—161) помѣщенъ матеріалъ, который, выражаясь опять словами автора, „долженъ представ-

лять вѣнецъ курса начертательной геометріи", проходимаго въ реальныхъ училищахъ.

Дѣйствительно, въ сборникѣ г. Немолодышева задачи систематизированы довольно обдуманно и, при всей своей немногочисленности, представляютъ разнообразный и, за малыми исключеніями, доброкачественный матеріалъ для изученія основаній начертательной геометріи. Говоримъ: „за малыми исключеніями“, потому что въ сборникѣ попадаются упражненія, сформулированныя несовсѣмъ удачно, какъ это видно изъ слѣдующихъ образчиковъ:

№ 22. „Провести чрезъ точку aa' двѣ пересѣкающіяся прямыя...“, какъ будто прямыя, проходящія чрезъ одну точку, могутъ не пересѣкаться.

№ 63. „Взять на плоскости точку и возставить изъ нея перпендикуляръ къ плоскости данной длины“. Плохая разстановка словъ содала здѣсь „плоскость данной длины“.

№ 142. „Чрезъ данную точку провести прямую, находящуюся на данномъ разстояніи отъ данной прямой, не лежащей съ ней (?) въ одной плоскости и составляющей прямой уголъ“. Кажется, авторъ требуетъ въ этой задачѣ провести чрезъ данную точку такую прямую, которая составляла бы прямой уголъ съ данною линіей и отстояла бы отъ послѣдней на данное разстояніе. Но если это такъ, то какое значеніе приписать словамъ: „не лежащей съ ней въ одной плоскости“?

№ 149. „Двѣ данныя прямыя, не лежащія въ одной плоскости, разсѣчь плоскостью такъ, чтобы въ сѣченіи была прямая данной длины“. Авторъ разумѣетъ здѣсь, конечно, данное разстояніе между точками пересѣченія.

Въ томъ же родѣ сформулирована задача № 167.

Задачи, неудачно редактированныя, попадаютъ и во второмъ отдѣлѣ разсматриваемой книжечки:

№ 28 (стр. 32). „По данной разверткѣ прямой призмы построить ее“.

Въ томъ же родѣ сформулированы и три слѣдующія задачи.

№ 68. „Чрезъ точку, взятую на шарѣ, провести линію и найти точку ея пересѣченія съ шаромъ“. Конечно, авторъ разумѣетъ здѣсь вторую точку пересѣченія.

Въ задачахъ похъ №№ 126, 127 и 128 упоминается о цилиндрѣ, конусѣ и шарѣ „полыхъ“, какъ будто этотъ эпитетъ имѣетъ какое-нибудь вліяніе на рѣшеніе предложенныхъ вопросовъ.

Наконецъ, нельзя не упрекнуть автора за употребленіе такихъ выраженій, въ правильности которыхъ онъ самъ, очевидно, сомнѣвается. Такъ, на одной и той же страницѣ (напримѣръ 13, 14, 21 и др.) онъ говоритъ: „перпендикулярно къ оси, къ плоскости“ (что, по нашему мнѣнію, совершенно правильно), и просто „перпендикулярно оси“, „перпендикулярна плоскости“. Въ учебной книгѣ всего мѣнѣе прилично коверкать, безъ надобности, разъ установившіяся формы извѣстныхъ выраженій.

И. Поддубнаго *Общій учебный атласъ Россіи. Второе изданіе дополненное. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 1 руб.*

Второе изданіе атласа г. Поддубнаго отличается отъ перваго только увеличеніемъ числа картъ; въ другихъ же отношеніяхъ атласъ остался неизмѣненнымъ. Изъ прибавленныхъ картъ наибольшая представляетъ Европейскую Россію въ административномъ и промышленномъ отношеніяхъ, въ масштабѣ одинаковомъ съ картою физическою ($\frac{1}{10,080,000}$); остальные прибавленія состоятъ въ семи побочныхъ картахъ и двухъ діаграммахъ. Наибольшую изъ побочныхъ картъ представляетъ Сибирь и Среднеазиатскія владѣнія съ подраздѣленіемъ на губерніи и области. Другія маленькія карты изображаютъ: „днѣпровскіе пороги, устье рѣки Западной Двины, устье Дона, Сибирь и Среднеазиатскія владѣнія, южное побережье Байкальскаго озера, раздѣленіе губерній по бассейнамъ, побережье отъ Батума до Поти“. Діаграммы представляютъ процентное отношеніе поверхности губерній и областей Европейской и Азіатской Россіи.

Съ внѣшней стороны вновь прибавленныя карты представляются столь же опрятными и наглядными, какъ и остальные карты. Но административная карта Европейской Россіи со стороны топографической не можетъ быть названа вполне безупречною; она требуетъ внимательнаго пересмотра и сближенія съ другими картами. Последнее необходимо въ видахъ устраненія несообразностей въ родѣ слѣдующихъ: Люблинъ, Сѣдлецъ и Або стоятъ далеко на востокъ отъ 40°; на картѣ же физической—на западъ; Кутансъ—далеко на востокъ отъ 60°, а на физической картѣ—на 60°; Калачъ—на правомъ берегу р. Дона, а на картѣ Степной области—на лѣвомъ берегу. Истоки р. Донца показаны на сѣверъ отъ Вѣлгорода, а на картѣ Степной области въ самомъ Вѣлгородѣ; верховья р. Вѣлой сѣвернѣе верховья Урала, а на картѣ горнозаводской промышленности обратнo.

Верхове р. Вологды показано въ Вологодской губерніи, а на картѣ фабрично-заводской промышленности въ Ярославской. Верхове рр. Волги и Западной Двины, а также г. Смоленскъ, показаны на востокъ отъ 50°, а на картѣ фабрично-заводской промышленности—на западъ, Ржевъ — на лѣвомъ берегу Волги, а на картѣ фабрично-заводской промышленности—на правомъ и т. д.

Во всякомъ случаѣ дополненія, сдѣланныя г. Поддубнымъ, не ослабляютъ, а усиливаютъ достоинства атласа.

Учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній и самообученія. Съ 255 политипажами въ текстѣ. Составилъ П. П. Ясенскій. Второе, значительно дополненное и исправленное изданіе. С.-Пб. 1885. Цѣна 2 рубля.

Изданіе это дѣйствительно очень дополнено, сравнительно съ первымъ, вышедшимъ въ 1883 году: вмѣсто прежнихъ 290 страницъ оно содержитъ въ себѣ 362 страницы такого же формата и шрифта; рисунковъ въ немъ на цѣлую сотню больше, чѣмъ въ первомъ изданіи. Сообразно съ этимъ и цѣна вмѣсто 1 руб. 50 коп. положена въ 2 рубля.

При такомъ объемѣ и при такомъ числѣ рисунковъ можно изложить и объяснить очень много учебнаго матеріала, если хорошо выбрать, расположить и изложить его. Вообще, увеличеніе объема такой книги, какъ учебникъ, должно имѣть для себя строгое оправданіе и быть дѣйствительнымъ улучшеніемъ, а не однимъ только внѣшнимъ наростаніемъ, требующимъ возвышенія цѣны. Спрашивается: Какъ же дѣло стоитъ въ настоящемъ случаѣ? Какія улучшенія представляетъ второе изданіе сравнительно съ первымъ?

Главная переиѣна, какъ оказывается, состоитъ въ добавленіи рисунковъ, имѣющихъ болѣе крупныя размѣры, чѣмъ рисунки перваго изданія. На счетъ этихъ рисунковъ нужно отнести по крайней мѣрѣ страницъ 50 изъ тѣхъ, которыми второе изданіе превосходитъ первое. Нѣкоторые изъ нихъ очень живописны, другіе вполне поучительны; но вообще они слишкомъ крупны, а многіе есть и лишніе. Таковы, напримѣръ: рис. 23—сеттеръ, 24—волкъ, 35—шотландскій быкъ, 46—арабская лошадь, 71—воробей, 72—ворона сѣрая, 80—пѣтухъ и курица доркингской породы, 168—лягушка сѣрая и т. д. Зачѣмъ давать изображенія предметовъ совершенно извѣстныхъ даже малымъ дѣтямъ? Рисунокъ долженъ имѣть совершенно опредѣленное назначеніе. Если цѣль его—дать общее понятіе о формѣ

предмета, то онъ бесполезенъ, когда относится къ общезвѣстнымъ предметамъ. Въ разбираемой книгѣ не говорится ни о собачьей породѣ сеттеровъ, ни о доркингской породѣ куръ, вообще породы не разбираются; если же онѣ попали въ книгу, то только потому, что самому составителю какъ будто совѣстно давать изображенія ежедневно видимыхъ предметовъ. Но лучше было бы выпустить и арабскую лошадь, и шотландскаго быка, а говорить о лошадяхъ и быкахъ безъ всякихъ рисунковъ. Другое дѣло, когда изображаются зубы или желудокъ коровы; это дѣйствительно поучительно.

Кромѣ рисунковъ, сдѣланы по всей книгѣ желкія добавленія въ текстъ и расширены нѣкоторыя статьи. Къ сожалѣнію, все это сдѣлано неравномѣрно и во многихъ случаяхъ ко вреду книги. Именно, авторъ отступилъ отъ первоначальнаго порядка и ввелъ полное однообразіе въ расположеніи предмета. Онъ вездѣ начинаетъ съ разсмотрѣнія родовъ или даже видовъ и потомъ заканчиваетъ общими характеристиками отрядовъ, классовъ, типовъ. Такое однообразіе, во первыхъ, вообще не методично, а во вторыхъ, при его установленіи составитель не соблюлъ послѣдовательности въ изложеніи частей. Онъ начинаетъ прямо съ гориллы и здѣсь уже помѣщаетъ главныя анатомическія описанія. Вотъ, напримѣръ, что тутъ говорится: „Между коренными (зубами) можно отлѣчить, какъ и у человѣка, двѣ формы зубовъ: ложные коренные, которые сидятъ ближе къ клыкамъ, имѣютъ заостренные бугорки, и истинные коренные, которыхъ бугорки тупы, и они сидятъ позади первыхъ. Тѣхъ и другихъ (то-есть, вмѣстѣ) по 5 съ каждой стороны челюсти, а всего двадцать“ (стр. 2). Эта черта сходства едва ли требовала такого подробнаго изложенія; но главное дѣло въ томъ, что настоящее понятіе о различіи между ложными и истинными коренными зубами ученикъ можетъ найти только на стр. 90, гдѣ сказано объ ихъ развитіи; да и тутъ онъ не узнаетъ, сколько же у человѣка и гориллы ложно-коренныхъ, и сколько истинныхъ?

Было бы слишкомъ долго останавливаться на всѣхъ подобныхъ неисправностяхъ. Они главнымъ образомъ состоятъ въ томъ, что черты, указываемыя въ характеристикѣ одного рода или одного отдѣла животныхъ, не соображены съ тѣми, которыя указаны въ другихъ характеристикахъ или въ общихъ описаніяхъ.

Болѣе всего можно подивиться тому, что составитель не только вообще не улучшилъ своей книги и въ этомъ, и въ другихъ отношеніяхъ, но даже не потрудился исправить ни одну изъ тѣхъ

ошибокъ, которыя были ему опредѣленно указаны. Напримѣръ, ему было указано, что характеристика сѣтчатокрылыхъ насекомыхъ у него неясна и неточна, и даже не объяснено самое ихъ названіе. Что же онъ сдѣлалъ въ новомъ изданіи? Онъ не только не поставилъ лучшей характеристики (прямо ему указанной), а выпустилъ прежнюю и оставилъ этотъ отрядъ безъ всякихъ признаковъ! Еще примѣръ: указано было противорѣчіе, состоящее въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ книги простѣйшія животныя раздѣлены на два класса—инфузоріи и корненожки, а въ другомъ говорится о трехъ ихъ классахъ—о корненожкахъ, грегаринахъ и наливочныхъ. Въ новомъ изданіи первое мѣсто осталось безъ переимѣны (см. стр. 354); но второе мѣсто „дополнено“, именно гласитъ: „Классы (простѣйшихъ); монеры, корненожки, грегарины, инфузоріи“ (стр. 361). И того четыре класса!

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ
ИНСТИТУТЪ ВЪ 1884—1885 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Въ 1884 году принято въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института безъ повѣрочныхъ испытаній 15, выдержавшихъ повѣрочныя испытанія 9. Къ концу мая 1885 года въ I курсѣ института состояло 26 студентовъ, во II курсѣ 28, въ III курсѣ 22, изъ которыхъ 10 на разрядѣ древнихъ языковъ и 12 на разрядѣ исторіи и географіи; въ IV курсѣ 16, изъ нихъ 12 на разрядѣ древнихъ языковъ и 4 на разрядѣ исторіи и географіи. И того, въ концѣ мая 1885 года въ институтѣ числилось 92 студента, изъ нихъ 77 на штатныхъ вакансіяхъ и 15 стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ. Изъ 92 студентовъ было 53 воспитанника гимназій, 39 духовныхъ семинарій. Всего 16 студентовъ IV курса окончили курсъ въ началѣ іюня текущаго года.

Преподаваніе Закона Божія и философіи ведено было по установленному плану въ первыхъ трехъ курсахъ института, причемъ одна лекція въ недѣлю по философіи въ III курсѣ была употребляема на чтеніе въ подлинникѣ „Этики“ Аристотеля.

По греческому языку и греческой словесности изъ авторовъ были читаны въ I курсѣ Одиссея и „Протагоръ“ Платона; во II курсѣ рѣчь Демосеена о вѣнцѣ, „Ифигенія Таврическая“ Еврипида, Пятка Аристотеля, Геродотъ и Фукидидъ; въ III курсѣ со студентами обояхъ разрядовъ былъ прочитанъ „Эдипъ Колонскій“ Софокла; со студентами разряда древнихъ языковъ были читаны „Дягушки“ Ари-

стофана, исторія императоровъ Геродіана и Фукидидъ; со студентами разряда исторіи и географіи читана Плутархова біографія Солона; въ IV курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ „Агамемнонъ“ Эсхила; со студентами разряда исторіи и географіи была читана Плутархова біографія Аристиды. При чтеніи Софокла и Эсхила въ III и IV курсахъ студенты были привлекаемы въ составленію критико-эзегетическихъ объясненій къ читаемымъ авторамъ по схолиастамъ и новымъ комментаторамъ. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ I и II курсахъ Одиссею, Илиаду, *Memoabilia* Ксенофонта и третью Филиппику Демосеена; въ IV курсѣ „Филоктеть“ Софокла и 4-ю книгу Фукидида. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго и (въ III курсѣ) съ латинскаго языка на греческій, соответственно степени познаній каждаго курса. По исторіи греческой литературы была въ III курсѣ изложена исторія поэтической литературы до александрийскаго періода. Греческія государственныя древности были прочитаны въ III курсѣ для обоихъ разрядовъ. Студенты IV курса разряда древнихъ языковъ слушали три спеціальныя курса: греческія религиозно-обрядовыя древности, сравнительную грамматику древне-греческихъ диалектовъ и исторію греческаго алфавита.

По латинскому языку и римской словесности были читаны слѣдующіе авторы: *Fasti* Овидія первая книга и Цицерова рѣчь *pro Murena*; во II курсѣ Цицерона *de officiis* и Тибуллъ; въ III курсѣ исторія Тацита и оды Горация, а на разрядѣ древнихъ языковъ, кромѣ того, Проперцій; въ IV курсѣ сатиры и *epistola ad Pisones* Горация и Катуллъ; со студентами разряда древнихъ языковъ Мерцатор Плавта. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ I курсѣ Цезаря *de bello civili* 1-ю книгу и Буколики Вергилія; во II курсѣ Овидія, *epistolae ex Ponto* и *Tristia*; въ III и IV курсахъ *Fasti* Овидія вторую книгу и Квинтилиана *Institutio oratoria*, десятую книгу. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Для студентовъ II курса профессоромъ Миллеромъ были прочитаны на латинскомъ языкѣ курсы метрики греческихъ и латинскихъ поэтовъ. Студенты III курса слушали римскія государственныя древности: государственное управленіе республиканскаго періода. Студенты раз-

ряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ вмѣстѣ слушали курсъ исторіи римской литературы.

Желающіе изъ студентовъ разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ или изученія надписей. Такихъ сочиненій было представлено десять. На темы, предложенныя преподавателемъ Нейлисовымъ, подали сочиненія студенты III курса Мирошниковъ, Клембровский и Прозоровъ. Студентъ Мирошниковъ сравнилъ Електру Софокла и Еврипида. Подробно разобравъ обѣ драмы, онъ показываетъ превосходство Софокловой пьесы какъ относительно плана, такъ и относительно характера дѣйствующихъ лицъ. Сочиненіе Мирошникова написано прекраснымъ языкомъ и отличается живостью. Студентъ Клембровский разобралъ языкъ Іоанна Малала на основаніи книгъ XI, XV, XVI и XVII хронографіи его. Указавъ на употребленіе у этого писателя члена, предлоговъ, наклоненій союзовъ и т. д., Клембровский составилъ словарь словъ 1) поэтическихъ или употребляющихся въ другомъ, чѣмъ у аттиковъ, значеніи, 2) взятыхъ изъ языка латинскаго и 3) словъ позднѣйшихъ, на сколько ихъ значеніе можетъ быть опредѣлено на основаніи подлежащихъ мѣстъ. Студентъ Прозоровъ сдѣлалъ хорошій переводъ панегирической рѣчи Исократа. На темы, предложенныя преподавателемъ Латышевымъ, подали сочиненія студенты III курса Васильковъ, Василій Петровъ и IV курса Бережковъ. Студентъ Бережковъ представилъ очень дѣльную работу подъ заглавіемъ „Замѣчанія о языкѣ аттическихъ доевклидовскихъ надписей“. Авторъ весьма добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла собралъ относящійся къ его темѣ матеріалъ изъ всѣхъ извѣстныхъ по настоящее время эпиграфическихъ памятниковъ и сдѣлалъ изъ него не мало интересныхъ выводовъ, относящихся къ фонетикѣ, морфологии и синтаксису аттическаго діалекта V вѣка, постоянно сравнивая языкъ надписей съ языкомъ писателей, особенно Оукидида и Антифонта. Къ сожалѣнію, авторъ за краткостью времени не могъ обработать тему во всей ея широтѣ: такъ напримѣръ, онъ принужденъ былъ отказаться отъ изслѣдованія вопроса объ употребленіи временъ въ языкѣ надписей, изслѣдованія, которое, безъ сомнѣнія, придадо бы его работѣ еще болшую цѣнность. Бережкову удалось въ нѣсколькихъ случаяхъ исправить и дополнить выводы о языкѣ надписей такихъ ученыхъ какъ Веклейнъ и Герверденъ, не говоря уже о докторской диссертациі Мухау, съ которымъ Бережковъ полемизируетъ

нерѣдко и почти всегда удачно. Еслибъ авторъ далъ себѣ трудъ дополнить синтаксическій отдѣлъ своей работы, прибавить объясненія нѣкоторыхъ фактовъ языка, относительно которыхъ онъ ограничивается простымъ констатированіемъ, и сгладить встрѣчающіяся шероховатости въ изложеніи, то его трудъ могъ бы появиться и въ печати и составить полезное приобрѣтеніе для нашей небогатой филологической литературы. Студентъ Василій Петровъ представилъ удовлетворительное сочиненіе на тему „Рѣчи первой книги Фукидида: историко-литературная характеристика, переводъ и комментарий“. Работа представляетъ собою хорошее свидѣтельство о трудолюбии студента, достаточной начитанности его въ Фукидидѣ и умѣньи справляться съ трудностями языка этого писателя. Сочиненіе студента Василькова на тему „Жизнь и дѣятельность Клеона“ можетъ быть признано удовлетворительнымъ. На темы, предложенныя профессоромъ Миллеромъ, представили сочиненія на латинскомъ языкѣ студенты III курса Цвѣтковъ и Меттусъ. Студентъ Цвѣтковъ на тему „*Taciti Annalium libri I et II elocutiones vel constructiones poeticae demonstrantur, ratione habita maxime Vergilii*“ написалъ сочиненіе старательно и хорошимъ латинскимъ языкомъ. Сочиненіе Меттуса на тему „*Lucretii de rerum natura libri I et II archaismi demonstrantur*“ показываетъ большую начитанность, такую, каковая рѣдко встрѣчается у молодыхъ людей его возраста. Задача исполнена удовлетворительно; встрѣчаются сужденія не только здравыя, но и тонкія и изящныя. Латинскій языкъ сочиненія живой и сильный, такой, каковымъ рѣдко пишутъ филологи. Недостатки сочиненія Меттуса свойственны молодому усердію; они одинаковы и по содержанію, и по формѣ; Меттусъ старается помѣстить въ сочиненіе какъ можно больше фактовъ изъ запаса своей начитанности и изложить фразами, какъ можно болѣе обильными и разнообразными, при чемъ по временамъ выражается темно. Студентъ VI курса Чернявскій представилъ профессору Владиславлеву удовлетворительное сочиненіе на тему „Очеркъ теологіи стоиковъ“. Достоинство сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ собралъ матеріалъ изъ первыхъ источниковъ, тщательно искалъ его у Цицерона, Плутарха, Сенеки, Корнута, Арріана, Діогена Лаерція, Секста Емпирика и др. Въ порядкѣ изложенія авторъ слѣдовалъ самимъ стоикамъ. Часть сочиненія, трактующая о послѣднихъ, имѣетъ свою цѣнность, какъ собраніе данныхъ о религіозномъ ученіи первыхъ представителей стоицизма. Историческое введеніе обилуетъ разными догадками автора и свободными интерпретаціями, такъ что эта часть работы

могла имѣть нѣкоторое личное для него значеніе, ибо повела его къ ознакомленію съ главными источниками первыхъ двухъ періодовъ греческой философіи.

По русскому языку въ I курсѣ излагалось ученіе о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка; студенты подавали письменныя работы, состоявшія въ разборѣ отрывковъ изъ кирилловскихъ и глаголическихъ памятниковъ древней церковно-славянской письменности въ фонетическомъ, этимологическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ. Во II курсѣ читались лекціи по сравнительной морфологіи русскаго языка.

По русской словесности въ I курсѣ было прочитано обзорнѣе древней русской литературы; во II курсѣ обзорнѣе русской литературы XVIII вѣка; для студентовъ III и IV курсовъ были читаны обязательныя лекціи—обзорнѣе литературной дѣятельности Пушкина. Всѣ студенты II курса подали курсовыя сочиненія на слѣдующія темы, предложенныя профессоромъ Ждановымъ: 1) разборъ повѣсти объ Азовскомъ сидѣніи; 2) теорія поэзіи по сочиненіямъ В. К. Тредіаковскаго; 3) Каріонъ Истоминонъ, русскій писатель конца XVII и начала XVIII вѣка; 4) бытъ и нравы московскаго общества XVI вѣка по сочиненіямъ митрополита Даниіла.

Изъ сочиненій по исторіи русскаго языка, представленныхъ студентами II курса, лучшимъ слѣдуетъ признать сочиненіе студента Листопада на тему: „Теорія поэзіи по сочиненіямъ Тредіаковскаго“. Видно, что студентъ Листопадъ работалъ надъ избранною задачей серьезно, съ любовью къ дѣлу. Тема разсмотрѣна полно. По мѣстамъ (напримѣръ, при разборѣ вопроса объ установленіи въ нашей литературѣ тоническаго стихосложенія) авторъ высказываетъ задатки самостоятельности въ разсмотрѣніи историческихъ явленій.

По всеобщей исторіи въ I курсѣ была прочитана древняя исторія, во II курсѣ средняя, въ III курсѣ на разрядѣ исторіи и географіи новая исторія. На томъ же разрядѣ въ III курсѣ былъ спеціальнѣе курсъ источниковъ древней исторіи: былъ читанъ обзоръ дошедшихъ до насъ авторовъ греческихъ и латинскихъ до I столѣтія по Р. Х. Студенты представляли на лекціяхъ отчеты о прочитанныхъ ими частяхъ изъ древнихъ авторовъ. Желавшіе изъ студентовъ занимались подъ руководствомъ профессора Соколова чтеніемъ греческихъ надписей. Въ IV курсѣ студенты разряда исторіи упражнялись подъ руководствомъ профессора Астафьева въ пробныхъ лекціяхъ, занима-

лись методикою преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и знакомились съ главнѣйшими средневѣковыми источниками.

По русской исторіи въ I курсѣ пройдена исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ до княженія Іоанна III; во II курсѣ со времени княженія Іоанна III до царствованія Екатерины II. Въ III и IV курсахъ на разрядѣ исторіи и географіи читаны: обзоръ источниковъ и пособій, относящихся ко времени царствованія Екатерины II; обзорнныя сочиненія, изслѣдованія и статей о лѣтописяхъ; о составѣ лѣтописей; объ юридическихъ памятникахъ съ XIV по XVI столѣтіе.

Студенты разряда исторіи и географіи III и IV курсовъ писали годичныя сочиненія. На тему профессора Соколова „Квисель и его потомки“ написалъ удовлетворительное сочиненіе студентъ III курса Богдановичъ. На тему профессора Астафьева „Татарское царство въ Азіи во второй половинѣ XIII столѣтія по сочиненію Марко Поло“ подалъ сочиненіе студентъ IV курса Шубинъ. На темы профессора Замысловскаго наилучшія сочиненія представили студенты III курса: Глѣбовъ—на тему „Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврический“, и Краснянскій на тему „Иноземцы, пріѣзжавшіе въ Россію съ 1600 до 1640 года“ „Кромѣ того, профессору Замысловскому представили сочиненія студенты III курса: Ансеровъ на тему „Пригороды Пскова въ эпоху его областной самостоятельности“; Колумбовъ— „Историко-географическія данныя, заключающіяся въ сѣверно-русскомъ сводѣ по Лаврентьевскому списку“; Кузнецовъ— „Служилые люди въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича“; Медьниковъ-Разведенковъ— „Посланія и грамоты митрополита Іоны“; Новачодовъ— „Великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской“; Фроловъ— „Жизнь и дѣятельность графа Мих. Мих. Сперанскаго“; студенты IV курса: Орловскій на тему— „Нумизматическія данныя, имѣющія значеніе для русской исторіи XIV и XV вѣковъ“; Александръ Смольяниковъ— „Русско-Персидская война 1826—1828 годовъ“; Щенетовъ— „Исторія занятія русскими Сибирскаго края“.

По географіи въ I курсѣ, вслѣдствіе болѣзни преподавателя Голубова, скончавшагося 20-го мая, преподаватель Соколовъ читалъ только съ начала втораго полугодія. Въ виду невозможности прочитать общій курсъ, было прочитано описаніе двухъ наиболѣ обширныхъ вѣввропейскихъ государствъ, именно Китайской имперіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. На разрядѣ исторіи и географіи въ III курсѣ по политической географіи предметами лекцій были: 1) краткіи очеркъ исторіи географіи; 2) основанія антропологич

и этнографіи, и 3) описаніе Австро-Венгерской монархіи. Для студентовъ того же курса и разряда былъ прочитанъ курсъ математической географіи. Въ IV курсѣ по политической географіи во все продолженіе учебнаго года читалась географія Россійской имперіи. Студенты того же курса слушали курсъ физической географіи.

Занятія новыми языками ведены были прежнимъ порядкомъ.

Занятія студентовъ IV курса въ гимназіи при институтѣ состояли, по заведенному порядку, въ томъ, что студенты посѣщали даваемые наставниками-руководителями уроки, преподавали сами подъ руководствомъ наставниковъ и въ вечернихъ бесѣдахъ съ ними разбирали данныя уроки и знакомились съ учебниками, принятыми въ гимназіяхъ или вновь вышедшими. Руководство студентовъ по преподаванію географіи въ гимназіи было съ начала учебнаго года поручено, за болѣвнью преподавателя Голубова, преподавателю Соколову. Въ виду желанія студентовъ IV курса разряда древнихъ языковъ заниматься также подготовкою къ преподаванію русскаго языка въ гимназіяхъ, назначены были бесѣды и по русскому языку.

Въ гимназіи при институтѣ въ 1884 году состоялся восьмой выпускъ воспитанниковъ. Окончили курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 11 человекъ. Всѣхъ воспитанниковъ гимназіи въ концѣ апрѣля текущаго года было 211.

Въ августѣ 1884 г. конференція института получила увѣдомленія объ опредѣленіи на мѣста всѣхъ студентовъ выпуска прошлаго года.

Въ засѣданіи 3-го іюня 1885 года конференція института предназначила студентовъ пятнадцатаго выпуска, окончившихъ вышій курсъ въ институтѣ, на слѣдующія учительскія мѣста:

Студенты разряда древнихъ языковъ: Иванъ Бережковъ предназначенъ въ Пермскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ; Алексѣй Богуславскій—въ Новозыбковскую женскую гимназію на русскій языкъ и исторію; Николай Кохъ—въ Измаильскую прогимназію на древніе языки; Александръ Лебедевъ—въ Прилуцкую гимназію на древніе языки; Александръ Лещинскій—въ Стародубскую четырехклассную прогимназію на греческій языкъ; Василій Модинъ—въ Прагскую гимназію на древніе языки; Петръ Молчановъ—въ Рыбинскую гимназію на древніе языки; Иванъ Пляшкевичъ—въ Иркутскую гимназію на латинскій языкъ; Павелъ Смольяниковъ—въ Вѣрнеускую гимназію на древніе языки; Анатолій Стефановъ—въ Павлоградскую шестиклассную прогимназію на древніе языки; Эрнестъ Штернъ, сибирскій степендіатъ,—въ Омскую гимназію на древніе языки.

Студенты разряда исторіи и географіи: Евстаѣій Орловскій, стипендіатъ Виленскаго учебнаго округа, — въ Гродненскую гимназію на греческій языкъ и исторію; Александръ Смольяниновъ — въ Стародубскую четырехклассную гимназію на исторію и географію; Ѳеодоръ Шубинъ — въ Вологодскую гимназію на исторію и географію; Викторъ Щенетовъ — въ Томскую гимназію на исторію и географію.

Означенныя предназначенія конференціи утверждены г. министрами народнаго просвѣщенія.

Изъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ прошломъ году, Якубовъ въ старшихъ курсахъ съ успѣхомъ занимался спеціально русскою исторіей; какъ финляндскій уроженецъ, онъ хорошо знакомъ съ языками шведскимъ и финскимъ и по собственному выбору посвятилъ свои труды изученію отношеній Россіи къ финскимъ племенамъ и Швеціи. По окончаніи курса, г. Якубовъ былъ назначенъ, согласно съ собственнымъ желаніемъ и по представленію конференціи института, преподавателемъ исторіи въ Гельсингфорскую женскую гимназію. На означенное мѣсто г. Якубовъ желалъ поступить, чтобъ имѣть возможность продолжать занятія избраннымъ предметомъ и въ канікулярное время заниматься въ шведскихъ архивахъ. Составленная г. Якубовымъ записка о предполагаемыхъ имъ работахъ въ Швеціи была вполне одобрена конференціей. Въ настоящее время состоялась командировка г. Якубова на лѣтнее вакаціонное время въ Стокгольмъ для занятій въ шведскомъ государственномъ архивѣ и Стокгольмской королевской бібліотекѣ. Профессоромъ Замысловскимъ составлена инструкція для занятій г. Якубова.

Изъ студентовъ прежнихъ выпусковъ двое, Никитскій и Новосадскій, командированы въ Грецію. Г. Никитскій издалъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1884 году интересную надпись, найденную нѣмецкими учеными нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Олимпіи и остававшуюся до него не разобранною. Она оказалась постановленіемъ одного малоазійскаго города, разрушеннаго землетрясеніемъ, въ честь императора Августа, приказавшаго возстановить городъ изъ развалинъ. Во время поѣздки въ Навпактъ г. Никитскій открылъ остатки храма Аскліпія, „что въ ключахъ“. Описаніе интересной мѣстности храма и изданіе нѣсколькихъ новыхъ документовъ западной Локриды составляетъ содержаніе второй напечатанной статьи г. Навитскаго (въ томъ же журналѣ). Въ ряду послѣдовавшихъ затѣмъ работъ г. Никитскаго замѣчательно изданіе новаго акта IV вѣка до Р. Хр. съ именемъ Клеомиса, тиранна Ми-

оимны. Всѣ работы г. Никитскаго отличаются строгою точностью изслѣдованія и полнымъ знакомствомъ съ литературою предмета. Въ институтѣ получено много частныхъ писемъ отъ него съ изложеніемъ хода его занятій. Эти письма со дня на день становятся интереснѣе и значительнѣе по содержанию. Вѣроятно, для магистерской диссертациі г. Никитскій изберетъ дельфійскіе документы; на дняхъ появятся въ аѳинскомъ изданіи нѣмецкаго археологическаго института важныя сообщенія г. Никитскаго о дельфійскихъ спискахъ проксеновъ.

Г. Новосадскій совершилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года поѣздку на островъ Критъ. Онъ пересѣкъ островъ въ срединѣ его длины съ сѣвернаго берега до южнаго, осмотрѣлъ развалины Кносса и Гортинны, ознакомился съ важнѣйшимъ новымъ открытіемъ въ области классической древности—древнѣйшимъ гортинскимъ законодательствомъ, начертаннымъ на камняхъ, и нашелъ нѣсколько новыхъ надписей. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ напечатаны первыя статьи г. Новосадскаго. Гг. Никитскій и Новосадскій поддерживаютъ наилучшія отношенія съ греческими и западно-европейскими учеными и печатаютъ статьи на новогреческомъ языкѣ.

Первымъ изъ студентовъ института былъ командированъ для таковыхъ занятій въ Аѳины В. В. Латышевъ. Ко дню институтскаго акта въ текущемъ году вышелъ въ свѣтъ его новый трудъ, первый томъ собранія надписей, найденныхъ въ Россіи, подъ заглавіемъ: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, заключающій въ себѣ надписи берега отъ устьевъ Дуная до границъ древняго Восторскаго царства, то-есть, приблизительно до нынѣшняго города Θεοδοσίη. По замѣчанію извѣстнаго знатока греческой эпиграфики Θ. Θ. Соколова, профессора и ученаго секретаря конференціи института, трудъ г. Латышева стоитъ на высотѣ современной науки. Знаменитое предпріятіе Берлинской академіи, общее собраніе всѣхъ греческихъ надписей „*Congrus Inscriptionum Graecarum*“, вслѣдствіе новыхъ открытій, устарѣло, прежде чѣмъ дошло до окончанія. Давно ощущается потребность въ новомъ полномъ собраніи греческихъ надписей. Но чтобъ исполнить эту задачу достойнымъ образомъ, соотвѣтственно современнымъ высокимъ требованіямъ науки, необходимъ громаднй трудъ, много времени. Начать съ того, что наука требуетъ самыхъ точныхъ списковъ надписей, а такихъ точныхъ копій, можно сказать, не умѣли дѣлать въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и достопамятному, славному

издателю перваго полнаго собранія греческихъ надписей, Августу Бёку, приходилось большею частью имѣть дѣло съ плохими копіями, случайно попадавшими ему въ руки. Но какъ списать всѣ греческіе камни, разсѣянные отъ береговъ Тирренскаго моря до Кавказа, Евфрата и водопадовъ Нида? Трудность была такъ значительна, что нѣмецкіе ученые не объявляли намѣренія издать новое полное собраніе греческихъ надписей, а стали издавать отдѣльные частные сборники, по странамъ и классамъ. Такихъ частныхъ сборниковъ вышло до сихъ поръ два: собраніе аттическихъ надписей, „Corpus Inscriptionum Atticarum“, и собраніе древнѣйшихъ надписей—„Inscriptiones Graecae antiquissimae. И такъ, начали съ Аѳинъ; въ музеяхъ этого города хранится громадная масса драгоценныхъ документовъ, не попавшихъ въ старое полное собраніе. Новое собраніе аѳинскихъ надписей было особенно желательно, и въ то же время, наиболѣе возможно, легче другихъ выполнимо. Оба вышедшіе сборника замѣняютъ два отдѣла перваго тома *Corporis Beka*. В. В. Латышевъ издаетъ теперь третій такой частный сборникъ, въ замѣвъ одного изъ отдѣловъ втораго тома *Corporis Beka*, отдѣла столь дорогаго и знакомаго русскимъ ученымъ. Но этого стараго знакомаго давно уже можно назвать устарѣвшимъ. Такимъ образомъ благодаря неустаннымъ трудамъ и блестящимъ дарованіямъ г. Латышева, Россія на этотъ разъ сама собрала свои классическія надписи, и наши друзья и учителя нѣмцы, при распредѣленіи между собою провинцій греческаго міра, могутъ нашу землю оставить за нами. Въ самомъ дѣлѣ трудъ г. Латышева вполне подходитъ къ уровню двухъ названныхъ сборниковъ, и лучшее доказательство тому заключается въ слѣдующемъ: еще прежде выхода въ свѣтъ перваго тома его сборника, по полученіи отдѣльныхъ листовъ книги, нѣмецкій археологическій институтъ, имѣющій отдѣленія въ Берлинѣ, Римѣ и Аѳинахъ, избралъ г. Латышева своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Сборникъ г. Латышева даетъ западно-европейскимъ ученымъ массу новаго для нихъ матеріала, такъ какъ этимъ ученымъ оставались недоступны, кромѣ неизданныхъ надписей, и многія такія, которыя были напечатаны въ русскихъ изданіяхъ; онъ даритъ много новаго и русскимъ ученымъ, потому что въ каждой почти надписи г. Латышевымъ даны многочисленныя и важныя исправленія невѣрныхъ чтеній. Изъ 250 номеровъ (считая съ *Addenda*) перваго тома сборника г. Латышева въ собраніи Бёка было издано только 64 номера. Изъ тѣхъ же 250 номеровъ 110 изданы г. Латышевымъ въ первый разъ. Между не-

изданными до г. Латышева есть документъ первостепенной важности— постановление ольвиополитовъ въ честь Никирата сына Папія. Въ числѣ неизданныхъ раньше есть такая надпись, въ которой первый издатель разобралъ только четыре буквы; въ сборникѣ г. Латышева читается вмѣсто этихъ четырехъ буквъ весь документъ, состоящій изъ 13 строкъ и заключающій въ себѣ краткое прозаическое посвященіе и шесть стиховъ элегическаго размѣра. Въ интересной надписи въ честь Аристана, сына Аттинаса, встрѣчаемъ одиннадцать несомнѣнныхъ исправленій невѣрныхъ чтеній перваго издателя. Драгоценный документъ Діофанта является въ первый разъ въ эпиграфической копіи.

Изъ этой краткой оцѣнки, сдѣланной О. О. Соколовымъ, видно, какое важное приобрѣтеніе для науки составляетъ трудъ г. Латышева. Изданіе это исполнено имъ по почину и на средства Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

II.

УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1884 ГОДУ.

Къ 1-му января 1885 года въ университетѣ св. Владиміра состояло слѣдующее число штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарныхъ 6, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, астрономъ-наблюдатель 1; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 4; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, прозекторовъ 2. Сверхъ того для всѣхъ факультетовъ состоялъ ординарный профессоръ православнаго богословія. И того штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ 35, экстраординарныхъ 19, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3, астрономъ-наблюдатель 1, прозекторовъ 2. Сверхштатныхъ преподавателей было 2: по кафедрѣ философіи—заслуженный профессоръ Гогоцкій и по кафедрѣ оперативной хирургіи—заслуженный профессоръ Караваевъ. Приватъ-доцентовъ состояло 16, по слѣдующимъ предметамъ: греческой словесности, римской словесности, химіи, минералогіи, физиологіи, фармакогнозіи и фармаціи, врачебной діагностики, терапевтической факультетской клиникѣ, терапевтической госпитальной клиникѣ, оперативной хирургіи, хирургической патологіи.

офтальмологической клиникѣ, акушерству и дѣтскимъ болѣзнямъ. Изъ числа преподавателей не имѣютъ ученой степени доктора слѣдующіе экстраординарные профессора: по кафедрѣ западно-европейскихъ литературъ—Дашкевичъ, славянской филологіи—Флоринскій, классической филологіи—Кулаковскій, римскому праву—Каванцевъ, политической экономіи и статистики—Пихно и уголовного права—Тальбергъ.

Въ теченіе года вакантными, болѣе или менѣе продолжительное время, были слѣдующія кафедры: на историко-филологическомъ факультетѣ—сравнительное языковѣдѣніе и санскритскій языкъ, исторія церкви, географія и этнографія; на физико-математическомъ—агрономія; на юридическомъ—церковное право; на медицинскомъ—фармакогнозія и фармація, врачебная діагностика съ пропедевтической клиникою, частная патологія и терапія, систематическое и клиническое ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, оперативная хирургія съ топографическою анатоміей и съ упражненіями въ операціяхъ на трупахъ, хирургическая патологія съ десмургіей и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, исторія и энциклопедія медицины. Изъ числа названныхъ кафедръ двѣ замѣщены по распоряженію центрального управленія министерства народнаго просвѣщенія, пять поручены частнымъ преподавателямъ изъ бывшихъ профессоровъ и доцентовъ, а для трехъ кафедръ имѣются въ виду кандидаты, о которыхъ ведется переписка, и кандидатъ на одну кафедру отправленъ за границу, откуда долженъ вернуться въ октябрѣ 1885 года. На преподавательскія должности баллотировались 6 лицъ (2 въ ординарные профессора, 2 въ экстраординарные и 2 въ штатные доценты), и всѣ они были выбаллотированы. Такой же результатъ имѣла баллотировка одного лица на оставленіе въ должности ординарнаго профессора на четвертое пятилѣтіе.

Преподаватели и другія служащіе въ университетѣ св. Владиміра издали отдѣльно и помѣстили въ повременныхъ изданіяхъ слѣдующіе учено-литературные труды: Ректоръ Н. К. Ренненкампфъ напечаталъ читанную имъ на юбилейномъ актѣ университета рѣчь: „О задачахъ университетскаго образованія въ Россіи“. Профессоры: В. С. Иконниковъ редактировалъ Университетскія Извѣстія, Кіевскую Старину, труды по поводу юбилея университета и биографическія замѣтки въ Русской Старинѣ; С. С. Гогоцкій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и напечаталъ отдѣльно третій выпускъ своего сочиненія „Философія XVII и XVIII вѣковъ“; П. В. Давловъ напе-

чатаць: а) о выставѣ картинъ Айвазовскаго въ Кіевѣ, б) автобіографію свою для біографическаго словаря профессоръ университета св. Владиміра и в) исторію составленія университетскаго художественнаго музея, для записки объ учрежденіяхъ университета; Ѳ. Я. Фортинскій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Опыты систематической обработки исторической критики“; В. Б. Антоновичъ напечаталъ: въ Кіевской Старинѣ—„Исслѣдованіе о Змѣевыхъ валахъ“ и въ Трудахъ Базанскаго археологическаго съѣзда— третій рефератъ по первоначальнымъ древностямъ Кіевской области, и составилъ для записки объ учрежденіяхъ университета историческіе очерки университетскихъ музея древностей и монцъ-кабинета; И. В. Лучицкій напечаталъ „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII вѣка“ и помѣстилъ: въ Земскомъ Обзорѣ (Полтава)—рядъ статей подъ заглавіемъ „Общинныя формы землевладѣнія на Днѣпровскомъ побережьи“ и въ Кіевской Старинѣ—„Новыя данныя о возстаніи въ Малороссіи 1687 года“; Н. П. Дашкевичъ помѣстилъ статьи: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Провансальское знатное общество и трубадурки“, „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ“ и „Переговоры папъ съ Данииломъ Галицкимъ объ уніи“ и въ Біографическомъ словарѣ профессоръ университета св. Владиміра—біографическія замѣтки о Метлинскомъ и характеристику произведеній В. И. Красова; А. А. Козловъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ окончаніе сочиненія „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“ и издалъ это сочиненіе отдѣльною книгою; Т. Д. Флоринскій напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Гусь и Виклефъ“ и „Новый русскій трудъ по исторіи Византіи“ (о книгѣ Скабалановича: „Византійское государство и церковь“), въ Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества—библіографическія замѣтки и мелкія статьи и редактировалъ VI выпускъ Славянскаго Ежегодника, въ которомъ помѣстилъ нѣсколько статей; А. И. Соболевскій издалъ 1-ю часть своего сочиненія „Очерки изъ исторіи русскаго языка“ и помѣстилъ нѣсколько статей и рецензій въ двухъ періодическихъ изданіяхъ; Ю. А. Булаковскій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статьи: „Помпейская стѣнная живопись“, „Древнѣйшій періодъ римской исторіи“, „Помянки по П. И. Аландскомъ“, „Греческія слова въ русскомъ языкѣ“ и „Армія въ Римской имперіи“; М. П. Авенаріусъ напечаталъ: въ Журналѣ Русскаго физико-химическаго Общества—„Объ общемъ за-

ковѣ расширенія жидкостей“, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ— „По вопросу о расширеніи жидкостей“ и въ журналѣ Элементарная Математика— „О критическомъ состояніи тѣлъ“; Н. А. Бунге помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Обзоръ журнальной литературы по технической химіи“ и редактировалъ „Указатель русской литературы по математикѣ и естественнымъ наукамъ“; П. П. Алексѣевъ напечаталъ 3-е изданіе своего труда „Органическая химія“, помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ— „Обзоръ русской химической литературы за 1883 годъ“ и въ Журналѣ Химическаго Общества— „О строеніи синяго индиго“ и „Объ азокумидовой кислотѣ“ и въ томъ же изданіи реферировалъ статьи изъ *Gazetta Chimica Italiana*; М. Е. Ващенко-Захарченко помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ въ журналѣ Элементарная математика и приготовилъ къ печати курсъ аналитической геометріи и алгебраическаго анализа; Н. Н. Шиллеръ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и выпустилъ отдѣльными оттисками окончаніе 1-й части „Основаній физики“ и „Теоріи потенциальной функціи“; Н. В. Бобрецкій издалъ 1-ю часть „Основаній зоологіи“; И. О. Шмальгаузенъ помѣстилъ въ Запискахъ Кіевскаго Общества естествоиспытателей статью „Матеріалы къ третичной флорѣ юго-западной Россіи“; П. Ф. Владимірскій-Будановъ составилъ по порученію совѣта „Исторію университета св. Владиміра въ царствованіе императора Николая Павловича“ и рѣчь на юбилейномъ актѣ университета; та и другая напечатаны; Д. Г. Тальбергъ помѣстилъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права рѣчь, читанную на актѣ Демидовскаго лицея, подъ заглавіемъ „Къ вопросу о наказаніяхъ“, Л. Н. Казанцевъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Свободное представительство въ римскомъ гражданскомъ правѣ“; В. А. Караваевъ издалъ отдѣльною книгой свой трудъ „Хирургическая факультетская клиника съ 1844 по 1882 г.“ съ атласомъ 55 изображеній и портретомъ автора; В. А. Бецъ продолжалъ печатать въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Анатомію поверхности головного мозга“ и помѣстилъ въ Исторіи учрежденій университета св. Владиміра подробную записку объ анатомическомъ театрѣ; Г. Н. Минхъ печаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ свой трудъ „Проказа на югѣ Россіи“; А. В. Ходивъ издавалъ журналъ Вѣстникъ офталмологіи, въ которомъ помѣстилъ много рефератовъ и двѣ статьи: „Краткій отчетъ о дѣятельности глазной клиники университета св. Владиміра“, а также изготовлялъ для парижскаго журнала *Revue générale d'Ophthalmologie* рефераты изъ русской офталмологической

литературы; Г. Е. Рейнъ сдѣлалъ въ Обществѣ Кіевскихъ врачей четыре сообщенія: а) двѣ оваріотоміи, б) случай извлеченія инороднаго тѣла изъ мочевого пузыря у дѣвушки, в) случай удаленія фиброміомы матки посредствомъ чревосѣченія, по способу Шредера, и г) случай оваріотоміи при нагноившейся кистѣ; О. К. Борнгауптъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ вступительную лекцію по предмету хирургіи съ госпитальною клинкой; М. И. Стуковенковъ сдѣлалъ въ Кіевскомъ Обществѣ врачей два сообщенія: а) атрофическія полосы кожи и б) случай твердаго шанкра правой миндалевидной железы. Приватъ-доцентъ: С. И. Бехъ помѣстилъ въ Циркулярѣ Кіевского учебнаго округа статью „Пути къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ“ (ч. 1); Н. Н. Жукъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ діагностическія таблицы легочныхъ болѣзней; А. К. Флейшѣръ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ замѣчанія по поводу статьи доктора Томашевскаго „Случай мягкаго шанкра на правой миндалевидной железн“.

Публичныя бесплатныя лекціи читалъ только одинъ профессоръ О. М. Гарничъ-Гарницкій — по химіи. Командированы были съ ученою цѣлю: а) за границу—7 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ и 2 доцента; сверхъ того, одинъ заслуженный ординарный профессоръ командированъ былъ въ качествѣ представителя университета св. Владиміра, на празднество 300-лѣтняго юбилея Эдинбургскаго университета; 2) внутри Россіи—4 ординарныхъ профессора и 5 экстраординарныхъ; сверхъ того, одинъ заслуженный ординарный профессоръ и съ нимъ доцентъ, хранитель минералогическаго кабинета и профессорскій стипендіатъ командированы были въ Юго-Западный край и губерніи Черниговскую, Полтавскую и Херсонскую для производства въ этихъ мѣстностяхъ геологическихъ изысканій. Нѣкоторые изъ профессоровъ, по порученію совѣта университета, независимо отъ преподаванія по занимаемымъ ими кафедрамъ, читали для студентовъ особые курсы, а именно: Фазоровъ—церковное законовѣдѣніе на юридическомъ факультетѣ, Эргардтъ—судебную медицину на томъ же факультетѣ, Вець—физиологическую анатомію студентамъ-естественникамъ, Теофилактовъ—минералогію студентамъ-медикамъ, Гарничъ-Гарницкій—химію тѣмъ же студентамъ, Паульсонъ—зоологію имъ же, Шмальгаузенъ—ботанику на медицинскомъ факультетѣ, Гейбель—исторію медицины на томъ же факультетѣ.

Совѣтъ университета св. Владиміра имѣлъ въ 1884 году 11 засѣ-

ній. Во второй половинѣ года, при введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 23-го августа сего года устава университетовъ, юридическій и медицинскій факультеты признали нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи каедръ. Юридическій факультетъ, въ виду того, что церковное право составляетъ отрасль права государственнаго, полагалъ каедры этихъ предметовъ соединить въ одну, назначивъ для государственнаго права втораго профессора, который раздѣлялъ бы преподаваніе съ занимающимъ эту обширную каедру профессоромъ. Такой порядокъ далъ бы возможность излагать въ надлежащей полнотѣ, какъ русское, такъ и иностранное государственное право въ историческомъ его развитіи, включая сюда и развитіе церковнаго устройства и управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ восполнялъ бы недостатокъ отдѣльной каедры исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. Что же касается церковнаго права, факультетъ полагалъ возможнымъ преподаваніе этого предмета возложить на профессора православнаго богословія, какъ на преподавателя болѣе компетентнаго въ дѣлѣ науки объ устройствѣ и управленіи священнодѣйствій и учительства православной церкви. Мѣра эта, однако, не одобрена г. министромъ народнаго просвѣщенія. Медицинскій факультетъ, обсуждая возбужденный деканомъ факультета вопросъ о необходимости измѣненій въ распредѣленіи каедръ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: а) каедру частной патологіи и терапіи, какъ самостоятельный предметъ преподаванія, упразднить, а преподаваніе этого предмета возложить на профессора терапевтической факультетской клиники; б) каедру хирургической патологіи съ десмургіей, какъ самостоятельный предметъ, также упразднить; преподаваніе же этого предмета поручить профессору хирургической госпитальной клиники, в) преподаваніе ученія о вывихахъ и переломахъ присоединить къ каедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміей, такъ какъ при этой каедрѣ, въ помощь профессору, полагается еще по уставу прозекторъ и помощникъ прозектора; г) обширную каедру гігіены, состоящую въ настоящее время изъ трудно-совмѣстимыхъ спеціальностей, раздѣлить на двѣ каедры, и вмѣсто двухъ предлагаемыхъ къ упраздненію учредить новую каедру: эпидемиологія, эпизоотія, ветеринарной полиціи и медицинской статистики. Вмѣстѣ съ тѣмъ медицинскій факультетъ, въ виду затруднительнаго положенія вновь учрежденной каедры нервныхъ и душевныхъ болѣзней безъ соотвѣтственной клиники, призналъ необходимымъ, предварительно замѣщенія этой каедры, ходатайствовать объ учрежденіи клиники

нервныхъ и душевныхъ болѣзней или, по крайней мѣрѣ, объ устройствѣ клиническаго отдѣленія для нервныхъ и психическихъ болѣзней при мѣстномъ военномъ госпиталѣ, съ правомъ приема въ это отдѣленіе гражданскихъ больныхъ. Независимо отъ вышеназложеннаго, совѣтъ занимался обсужденіемъ слѣдующихъ вопросовъ:

1) При разсмотрѣніи проекта правилъ о порядкѣ приема студентовъ на медицинскій факультетъ въ предѣлахъ комплекта, установленнаго Высочайшимъ повелѣніемъ 23-го августа 1883 года, совѣтъ университета обратилъ вниманіе на слѣдующее: число студентовъ, поступавшихъ въ послѣднія 10 лѣтъ на 1-й курсъ медицинскаго факультета, постоянно возрастало, и въ 1883—1884 учебномъ году, еще до полученія закона 23-го августа, было принято вновь 292, и осталось на томъ же курсѣ 81, такъ что состояло на первомъ курсѣ 373. Общее свойство студентовъ первыхъ курсовъ всѣхъ факультетовъ, особенно же медицинскаго, заключается въ томъ, что обыкновенно $\frac{1}{4}$, а иногда и $\frac{1}{2}$ ихъ остается на томъ же курсѣ, главнымъ образомъ потому, что они вовсе не приступаютъ къ экзамену, что подтверждается цифровыми данными. При такомъ числѣ остающихся и комплектъ на 1-мъ курсѣ въ 150 человекъ, слѣдовало ожидать, что въ 1884—85 году вакансій будетъ не болѣе 50-ти, а можетъ быть, и гораздо менѣе. Такъ какъ подобное положеніе дѣла можетъ быть для молодыхъ людей, которые съ юныхъ лѣтъ рѣшились посвятить себя медицинской наукѣ и не имѣютъ возможности ѣхать въ другіе университеты, крайне тягостнымъ и не заслуженнымъ, то совѣтъ призналъ необходимымъ и соответственнымъ ввести въ дѣйствіе установленный комплектъ постепенно, и въ виду того, что въ 1883—1884 учебномъ году было принято на медицинскій факультетъ 292 человекъ, ходатайствовать объ увеличеніи числа могущихъ быть принятыми на 1-й курсъ медицинскаго факультета вмѣстѣ съ оставшимися—до 250 человекъ. Ходатайство это удостоено Высочайшаго разрѣшенія.

2) Совѣтъ университета, при обсужденіи доклада о тѣхъ затрудненіяхъ для молодыхъ людей, поступающихъ въ студенты медицинскаго факультета на 1-й курсъ, которые возникнуть вслѣдствіе малочисленности на означенномъ факультетѣ комплекта студентовъ, призналъ необходимымъ допускать приемъ молодыхъ людей еврейскаго исповѣданія въ студенты медицинскаго факультета на 1-мъ курсѣ не болѣе 10% общаго числа студентовъ этого курса въ университетѣ св. Владиміра. Ходатайство по этому вопросу представлено въ министерство народнаго просвѣщенія.

3) Сущестующій въ университетѣ св. Владимира порядокъ производства устныхъ испытаній на степень доктора медицины признанъ медицинскимъ факультетомъ и совѣтомъ университета неудовлетворительнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: при современномъ развитіи отдѣльныхъ дисциплинъ медицины рѣшительно невозможно требовать, чтобъ экзаменующійся могъ одновременно удержать въ памяти всю массу фактовъ, касающихся 13-ти предметовъ и достаточную, чтобъ удовлетворить даже скромнымъ требованіямъ отдѣльныхъ экзаменаторовъ; съ другой стороны, и для членовъ факультета въ высшей степени утомительно оставаться въ теченіе трехъ и болѣе часовъ, экзаменуя или ассистируя при подобныхъ испытаніяхъ. Наступающее при такихъ условіяхъ утомленіе, какъ экзаменаторовъ, такъ и экзаменующихся, несомнѣнно можетъ неблагоприятно вліять на исходъ испытаній. Посему совѣтъ университета, согласно съ заключеніемъ медицинскаго факультета, нашель болѣе цѣлесообразнымъ ввести испытаніе по группамъ предметовъ, которое производитъ за одинъ разъ лишь по предметамъ одной группы, а именно: а) физиологія здороваго челоуѣка съ физиологическою химіей, б) физиологія больного челоуѣка, гигиена и судебная медицина, в) фармакологія, рецептура, общая и частная патологія, г) теоретическая хирургія, офталмологія, акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни. Такое предположеніе совѣтъ представилъ на усмотрѣніе попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Къ 1-му января 1884 года въ университетѣ св. Владимира состояло 1,704 студента; въ теченіе года поступило 1,809 (изъ гимназій по аттестатамъ зрѣлости 271, изъ гимназій по свидѣтельствамъ зрѣлости 16, изъ духовныхъ семинарій 1, изъ реальныхъ училищъ 1, изъ бывшихъ студентовъ университета св. Владимира 1,509, изъ студентовъ другихъ университетовъ 30, изъ студентовъ военно-медицинской академіи 17); въ теченіе года вышло 1,956 (до окончанія курса 1,800, по окончаніи курса 156). Затѣмъ къ 1-му января 1885 года оставалось 1,562; изъ курса въ курсъ переведено 1311 студентовъ изъ общаго числа 1672. Постороннихъ слушателей было въ первой половинѣ года 50, во второй половинѣ ихъ не имѣлось. Оставшіеся къ 1885 году студенты распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ 177, на физико-математическомъ 241 (по разряду естественныхъ наукъ 69, по разряду наукъ математическихъ 172), на юридическомъ 351, на медицинскомъ 793. Изъ общаго числа бывшихъ въ университетѣ студентовъ стипендіями воспользовались 142 студента, всего на сумму

33,898 руб. 38 коп., въ томъ числѣ: 12,850 руб. 8 коп. изъ суммъ государственнаго казначейства, 4,467 руб. 50 коп. изъ специальныхъ средствъ университета и 16,580 руб. 80 коп.—изъ пожертвованныхъ капиталовъ и другихъ источниковъ. Размѣръ стипендій былъ отъ 125 руб. до 600 руб. включительно. Единовременныхъ пособій за научныя занятія и во вниманіе къ несостоятельности, а также на лѣченіе, погребеніе и по другимъ причинамъ, выдано было студентамъ на 3,024 руб., въ томъ числѣ 2,794 руб.—изъ суммъ казны, а остальные 230 руб.—изъ специальныхъ средствъ университета. Отъ платы за право слушанія лекцій освобождены 272 студента, въ томъ числѣ 57 получившихъ денежное пособіе; уменьшена плата на половину 71 студенту.

Университетъ св. Владиміра, убѣдившись въ дѣйствительной пользѣ, приносимой учащейся молодежи, какъ научными практическими занятіями, такъ и повѣрочными испытаніями, призналъ необходимымъ и въ 1884 году продолжать способы контроля надъ занятіями студентовъ, установленнаго изданными въ томъ году правилами, впредь до утвержденія новыхъ правилъ, имѣющихъ быть изданными министерствомъ народнаго просвѣщенія на основаніи устава университетовъ 23-го августа 1884 года. Для студентовъ историко-филологическаго факультета, въ видахъ приготовленія ихъ къ педагогической дѣятельности, были установлены практическія занятія по классической филологіи, русскому языку, всеобщей и русской исторіи. Кромѣ того, студенты II и IV курсовъ представляли обязательныя сочиненія. Студенты физико-математическаго факультета занимались практически въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ сего факультета. На юридическомъ факультетѣ приняты были слѣдующія мѣры: а) представленіе студентами обязательныхъ сочиненій, какъ необходимое условіе для допущенія ихъ къ испытаніямъ на II и IV курсахъ; б) практическія занятія подъ руководствомъ профессоровъ по гражданскому праву и судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству, политической экономіи, энциклопедіи права, исторіи русскаго права, римскаго права и государственнаго права, и в) годичныя испытанія, обязательныя для всѣхъ студентовъ, именно контрольныя на I курсѣ и окончательныя на остальныхъ курсахъ. Студенты младшихъ двухъ курсовъ медицинскаго факультета занимались въ анатомическомъ театрѣ приготовленіемъ препаратовъ изъ разныхъ частей и конечностей человѣческаго тѣла, а студенты высшихъ курсовъ занимались въ томъ же театрѣ хирургическими операціями на

трупахъ и въ хирургической анатоміи, а также въ лабораторіяхъ: химической, гигиены, медицинской химіи и въ клиникахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, эти студенты приучаемы были обращаться съ стетоскопомъ, термометромъ и офтальмоскопомъ. Независимо отъ указанныхъ мѣръ, существовали контрольныя годичныя испытанія и обязательное ежегодное представленіе сочиненій.

Для соисканія наградъ медалями назначены были факультетами слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ — „Папа Сильвестръ II“, „Политическія собранія и организація политическая кальвинистовъ во Франціи въ XVI вѣкѣ“, „Критическій разборъ извѣстій о славянахъ въ Эдладѣ въ средніе вѣка“, „Зависимость Лессинга отъ Аристотеля въ учении о поэзій“, „Критическій разборъ филантропической школы Вазедова“ и „Литературная дѣятельность Гоголя“; физико-математическимъ факультетомъ: „Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ“, „Приложеніе теоріи непрерывныхъ дробей къ рѣшенію разнаго рода вопросовъ математическаго анализа, какъ-то: а) изслѣдованіе квадратичныхъ функцій, б) къ разложенію функцій, в) къ интерпеллированію функцій, г) къ нахожденію условий, чтобы нѣкоторые изъ интеграловъ выражались алгебраическими функціями“; юридическимъ факультетомъ—„Давность, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности по римскому праву“, „Исторія кодификаціи уголовныхъ законовъ въ Россіи отъ императрицы Елисаветы Петровны до настоящаго времени“ и „Исторія сословныхъ собраній на Западѣ до XVIII столѣтія“; медицинскимъ факультетомъ—„О низшихъ органахъ, встрѣчающихся въ послѣродовыхъ отдѣленіяхъ при правильномъ и при патологическомъ леченіи послѣродоваго періода“. Такъ какъ, по случаю прекращенія, во второй половинѣ 1884 года, лекцій въ университетѣ св. Владиміра и увольненія всѣхъ студентовъ, не было представлено студентами сочиненій на вышеозначенныя темы, то темы эти перенесены на 1885 годъ. Къ нимъ юридическимъ факультетомъ прибавлены двѣ новыя темы: „Договоръ личнаго найма въ историческомъ развитіи по русскому законодательству“ и „Исторія законодательства объ общественномъ призрѣніи въ Россіи“.

По выдержаніи испытаній и по защищеніи диссертацийъ совѣтомъ университета утверждены: въ степени доктора медицины — лѣбаръ Зенкевичъ, въ степени магистра, кандидаты: П. Голубовскій — русской исторіи и А. Казанцевъ—гражданскаго права; въ степени кандидата—40 (по историко-филологическому факультету 25, по физико-математическому 7, по юридическому 8); въ званіи дѣйствитель-

наго студента—47 (по историко-филологическому факультету 13, по физико-математическому 16, по юридическому 18); медицинскихъ степеней и званій удостоено: степени лѣкаря — 77, званія инспектора врачебной управы—1, званія уѣзднаго врача—8, степени провизора—15, степени аптекарскаго помощника—28, званія дантиста—3, званія повивальной бабки—2. Сверхъ того, по поводу празднованія университета юбилея 50-ти-лѣтняго существованія и на основаніи университетскаго устава, возведены въ степень доктора: а) изъ русскихъ: оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената Н. А. Неклюдовъ—уголовнаго права, доцентъ московскаго университета Ф. Ф. Фортунатовъ—сравнительнаго языкованія и доцентъ Дерптскаго университета Г. А. Бунге—медицины; б) изъ иностранцевъ: каноникъ соборной церкви въ Львовѣ Авт. Петрушевичъ, профессоръ Львовскаго университета Исид. Шараневичъ, профессоръ Альфр. Рамбо — всѣ трое по русской исторіи и чешскій ученый А. Патера—по славянской филологіи.

Для приготовленія къ профессорскому званію и для усовершенствованія въ избранной спеціальности, выдержавшій въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи испытаніе на степень магистра Сергій Богдановъ, предназначенный къ занятію вакантной каведры агрономіи, командированъ за границу, съ содержаніемъ изъ средствъ центрального управленія. Съ тою же цѣлію оставлены при университетѣ въ качествѣ стипендіатовъ 18 кандидатовъ и 3 лѣкаря, именно: 4 — по историко-филологическому факультету (по русской исторіи, всеобщей исторіи и греческой словесности), 6—по физико-математическому (по минералогіи и геологіи, чистой математикѣ, физикѣ, теоретической механикѣ и астрономіи, 5—по юридическому, (по международному праву, энциклопедіи права, полицейскому праву, государственному праву и уголовному праву) и 3 — по медицинскому (по частной терапіи, гистологіи и оперативной хирургіи). Изъ числа оставленныхъ при университетѣ стипендіатовъ двое, для научной цѣли, командированы: одинъ, готовящійся по греческой словесности, въ Дерптскій университетъ, а другой, готовящійся по теоретической механикѣ, въ С.-Петербургскій практической технологической институтъ.

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныя суммы: къ 1-му января 1884 года имѣлось остатка отъ 1883 года 9,775 руб. 91 коп., въ 1884 году ассигновано было изъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 343,625

руб. 71 коп. (на личный составъ университета 221,845 руб. 86 коп., на учебныя пособия, хозяйственныя и другіе расходы 100,759 руб. 85 коп., на стипендіи и пособия 21,020 руб.), въ теченіе года израсходовано 344,589 руб. 40 коп., затѣмъ, къ началу 1885 года оставалось на лицо 8,812 руб. 22 коп. Спеціальныя средства: а) пожертвованныя капиталы наличными, билетами, вкладными сдѣлками и другими актами: отъ 1883 года оставалось 701,301 руб. 15 $\frac{1}{2}$ коп., въ 1884 году поступило 177,684 руб. 97 $\frac{1}{2}$ коп., въ теченіе года израсходовано 153,273 руб. 53 коп., къ началу 1885 года было остатка 726,713 руб. 40 $\frac{1}{2}$ коп.; б) сумма сбора со студентовъ за право слушанія лекцій: въ 1884 году поступило 42,393 руб. 52 коп.: израсходовано въ теченіе года 33,697 руб. 70 коп., оставалось къ 1885 году 8,305 руб. 82 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на пособия служащимъ и вдовамъ ихъ 5,625 руб., на стипендіи и пособия студентамъ 4,085 руб., на путешествія, командировки и подъемныя 3,950 руб., на печатаніе Университетскихъ Извѣстій 3,518 руб., на добавочное жалованье 3,465 руб., на приобрѣтеніе капитальныхъ сочиненій для библіотеки 3,129 руб., на содержаніе студентскаго отдѣла библіотеки 2,408 р., на вознагражденіе профессоровъ и другихъ лицъ за особые курсы 2,275 руб., на расходы по случаю университетскаго юбилея 2,274 р., на изданіе профессорскихъ сочиненій 2,200 руб., на постройку шкафовъ для студентскаго отдѣла библіотеки 2,179 руб., на добавочныя квартирныя деньги ректору, проректору и инспектору студентовъ 1,325 руб., на надобности клиникъ университетскихъ 1,257 руб., на лабораторіи общей патологіи, гігіены и фармакологическую 1,161 руб.

Движеніе больныхъ въ семи университетскихъ клиникахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ факультетскихъ клиникахъ: терапевтической, имѣющей 25 кроватей — въ теченіе 1884 года поступило 167, изъ нихъ выздоровѣло 149, умерло 18, больныхъ, приходившихъ за совѣтомъ было 506; хирургической (25 кроватей) — оставалось отъ 1883 года больныхъ 21, въ 1884 году вновь поступило 88, выздоровѣло 103, умерло 6, приходило за совѣтомъ 248; глазной (10 кроватей) — къ 1884 году оставалось 10, въ 1884 году вновь поступило 84, выздоровѣли всѣ 94, приходившихъ больныхъ было 800; акушерской 125 кроватей — отъ 1883 года оставалось 1, въ 1884 году поступило 63, выздоровѣло 61, умерло 3, приходило за совѣтомъ 300; б) въ госпитальныхъ клиникахъ: терапевтической

(48 кроватей)—къ началу 1884 года оставалось 42, въ этомъ году поступило 377, выздоровѣло 338, умерло 41, къ 1885 году оставалось 40; хирургической (53 кроватей)—отъ 1884 года оставалось 33, въ 1884 году поступило 150, умерло 124, выздоровѣло 7, осталось къ началу 1885 года 55, приходившихъ за совѣтами было 24; дерматологической и сифилитической (100 кроватей) — къ началу 1884 года имѣлось 65, въ теченіе года вновь поступило 416, выздоровѣло 403, умерло 6, къ 1885 году оставалось 72, приходило за совѣтами 43.

При университетѣ св. Владиміра состоитъ Кіевскій центральный архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской. Положеніе и дѣятельность этого учрежденія за 1884 годъ были таковы: къ 1-му января 1884 года въ архивѣ имѣлось: актовыхъ книгъ 5,883, отдѣльныхъ документовъ 454,979, старыхъ дѣлъ 55,512 (гражданскихъ 8,512, уголовныхъ 47,000). Въ теченіе 1884 года изъ Кіевского окружнаго суда принято важныхъ въ научнои отношеніи дѣлъ бывшей Кіевской палаты гражданского суда 23,000. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1885 года въ архивѣ состояло на лицо: актовыхъ книгъ и отдѣльныхъ документовъ прежнее число, а старыхъ дѣлъ 78,512 (гражданскихъ 8,512, уголовныхъ 70,000). Къ началу 1884 года составлены были 71 опись къ 71 актовой книги, заключающей 22,270 отдѣльныхъ документовъ; въ 1884 году вновь составлено 4 описи къ 4-мъ книгамъ, содержащимъ 2,033 отдѣльныхъ документа, такъ что къ 1-му января 1885 года на лицо находилось 75 описей къ 75 актовымъ книгамъ, въ которыхъ было 24,303 документа. Изъ означеннаго количества описей 31 отпечатана, 20 разрѣшены къ печати, остальные 24 приготовляются къ печати. Къ 1-му января 1884 года оставались неисполненными три требованія о выдачѣ и посвидѣтельствovanіи шести документовъ; въ теченіе 1884 года вновь поступило 6 подобныхъ требованій о 9-ти документахъ; къ началу 1885 года всѣ означенныя требованія были исполнены. Пошлинныхъ денегъ за выдачу выписей и посвидѣтельствovanіе документовъ въ 1884 году поступило 12 рублей.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЯНЬ-ЭРНЕСТЪ СМОЛЯРЬ.

(По поводу годовщины его смерти).

1-го іюня истекшаго года въ отдаленномъ уголкѣ славянскаго міра, именно въ Лужицахъ, умеръ замѣчательный дѣятель, имя котораго останется незабвеннымъ въ исторіи славянства. Это—лужичанинъ Янь-Эрнестъ Смоляръ, всю жизнь свою посвятившій на безкорыстное служеніе своему народу, руководясь единственно цѣлью—спасти лужицкихъ сербовъ отъ окончательнаго исчезновенія подъ потоками германизма, со всѣхъ сторонъ неудержимо стремящимися на этотъ клочекъ славянской земли. Какъ этнографъ и историкъ, какъ ученый славистъ, какъ публицистъ и издатель, Смоляръ всегда и вездѣ ратовалъ за права своего народа, за его языкъ, будилъ въ лужицкихъ сербахъ чувство собственнаго достоинства и національную гордость. Если съ теченіемъ времени, послѣ тяжелыхъ испытаній, сербы-лужичане добились наконецъ сколько-нибудь сноснаго положенія, то этимъ они прежде всего обязаны своимъ энергичнымъ до самоотверженія руководителямъ, которые даже въ самыя трудныя минуты умѣли разумно и неуклонно вести ихъ къ предположенной цѣли. Къ числу такихъ именно общественныхъ дѣятелей принадлежалъ и Смоляръ, котораго нѣмцы—замѣтимъ вкстати—переименовали съ своею обычною тенденціей въ Шмалера.

Лужицы, какъ извѣстно, дѣлятся на сѣверную или нижнюю и южную или верхнюю. Нижняя Лужица и сѣверо-восточная часть Верхней на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года были утверждены за Пруссіей, благодаря чему подверглись особенно сильной германизациі; меньшая часть ССХІ, отд. 4.

же часть Верхней Лужицы оставлена за Саксоніей, которой передъ тѣмъ принадлежала вся страна лужичанъ. Дѣятельность Смоляра касалась, главнымъ образомъ, верхнихъ, то-есть, саксонской Лужицы. Здѣсь, на берегахъ рѣки Шпре, въ окрестности Будишина (Bautzen), Смоляръ родился въ 1816 году въ деревнѣ Луко (Merzdorf), гдѣ его отецъ былъ учителемъ и канторомъ въ евангелической церкви. Родители его оба были сербы, и въ семьѣ говорили исключительно на сербо-лужицкомъ языкѣ. Въ Будишинѣ Смоляръ окончилъ въ 1836 году курсъ гимназіи и оттуда поступилъ въ Бреславльскій университетъ, гдѣ до 1840 года изучалъ теологію, а затѣмъ перешелъ на филологическій факультетъ и до 1844 года занимался изученіемъ славянскихъ языковъ и исторіей славянскихъ литературъ.

Еще гимназистомъ Смоляръ началъ обдумывать тѣ общественные вопросы, которые касались самыхъ существенныхъ условий жизни горсти лужицкихъ славянъ среди нѣмцевъ. Таковъ былъ вопросъ о языкѣ. Въ послѣдніе два вѣка и особенно со времени наполеоновскихъ войнъ, когда лужицкіе сербы ближе познакомились съ иноземными обычаями, они все болѣе и болѣе переставали цѣнить свое старое и легче стали поддаваться вліянію сосѣдей-нѣмцевъ. Всюду началъ входить въ употребленіе нѣмецкій языкъ, а сербо-лужицкій сталъ считаться недостойнымъ образованнаго человѣка. Когда Смоляръ явился въ Будишинскую гимназію, онъ не услышалъ здѣсь звуковъ родной рѣчи, а между тѣмъ Будишинъ былъ центромъ верхне-лужицкой земли. Сербскій языкъ не входилъ въ программу гимназическаго курса, и молодые лужичане, готовившіеся на служеніе своему народу, забывали родной языкъ; даже на улицахъ города рѣдко можно было услышать его. Юношѣ Смоляру было очень горько быть свидѣтелемъ очевидной гибели народной рѣчи, а вмѣстѣ съ нею и народности, и онъ, собравъ кружокъ изъ своихъ товарищей-сербовъ, обратился къ директору гимназіи съ просьбой о томъ, чтобъ имъ позволили собираться два раза въ недѣлю для изученія роднаго языка теоретически и практически. Директоръ-нѣмецъ добродушно выслушалъ проектъ Смоляра и далъ ему разрѣшеніе, прибавивъ только, что нѣтъ никакого смысла практиковаться въ языкѣ, который черезъ два-три десятка лѣтъ долженъ безслѣдно исчезнуть съ лица земли.

Вскорѣ послѣ того, какъ организовался кружокъ Смоляра, гражданское, такъ-сказать, положеніе сербскаго языка было нѣсколько обеспечено тѣмъ, что, благодаря усиленнымъ стараніямъ другихъ

патріотовъ, особенно члена земскаго сейма, адвоката Клина, онъ былъ введенъ въ сербскихъ народныхъ школахъ. Это былъ первый фактъ признанія за сербо-лужицкимъ языкомъ законнаго права на существованіе, между тѣмъ какъ до сихъ поръ лужичане принуждены были собственными силами охранять свой языкъ отъ грозившей ему гибели со стороны нѣмцевъ. До конца XVIII вѣка сербо-лужицкій языкъ такъ твердо держался, что пасторы должны были печатать для лужичанъ книги духовно-нравственнаго содержанія на ихъ родномъ языкѣ.

Но не смотря на все это, было ясно, что сербскій языкъ съ каждымъ годомъ падалъ все больше и больше. Помимо нѣмецкаго вліянія, было еще одно очень важное условіе, не благоприятствовавшее судьбѣ этого языка. Онъ не имѣлъ хорошей орфографіи, а безъ того нельзя было ждать успѣшнаго развитія, распространенія и литературной выработанности языка. У лужичанъ - протестантовъ была въ употребленіи одна система письма—протестантская (многія книги печатались даже прямо на нѣмецкомъ языкѣ), а у католиковъ—католическая; вслѣдствіе того происходила большая путаница, и такое раздвоеніе, конечно, не могло способствовать ни жизни, ни росту языка, ни единодушію народа. Были попытки реформировать лужицкій алфавитъ въ духъ единства, но всѣ онѣ не увѣнчивались успѣхомъ, отчасти вслѣдствіе непрактичности новыхъ системъ, отчасти по недостатку энергіи у ихъ изобрѣтателей. Смоляръ первый принялся за это дѣло, какъ слѣдуетъ, и исполнилъ его съ успѣхомъ, обезпечивъ такимъ образомъ живанъ своего языка и литературы и давъ сербамъ возможность нравственнаго и общественнаго развитія въ духъ національности, при единствѣ этого главнаго двигателя народнаго образованія—языка.

Въ дѣлѣ этой реформы большую службу сослужило Смоляру его близкое знакомство съ другими славянами и съ ихъ письменностью еще въ періодъ своего университетскаго образованія. Главную роль тутъ играли поляки и чехи, такъ какъ языкъ тѣхъ и другихъ близко подходитъ къ сербо-лужицкому. Въ Бреславльскомъ университетѣ Смоляръ нашелъ кружокъ польскихъ студентовъ, при посредствѣ которыхъ и познакомился съ языкомъ и литературой поляковъ. Что же касается изученія чешскаго языка, то въ этомъ отношеніи Смоляръ нашелъ себѣ прекраснаго руководителя среди профессоровъ Бреславльскаго университета, а именно извѣстнаго представителя чешскаго возрожденія, физиолога Пуркинѣ.

молодаго лужицанна среди славянской молодежи, Пуркинѣ пригласилъ его къ себѣ и, сблизившись съ нимъ, сталъ ему оказывать какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку. Онъ поручилъ Смоляру воспитаніе двухъ своихъ сыновей и, кромѣ того, сдѣлалъ его смотрителемъ своей обширной бібліотеки, которая была для Смоляра истиннымъ кладомъ, такъ какъ заключала въ себѣ богатый отдѣлъ по славяновѣднію. Когда Смоляръ перешелъ на филологическій факультетъ, то въ методическомъ изученіи славистики имъ руководилъ другой чешскій патриотъ, знаменитый Челаковскій, съ которымъ Смоляръ путешествовалъ по Чехіи. Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій этого знакомства съ поляками и чехами и вообще занятій по славистикѣ была именно реформа сербо-лужицкаго алфавита. Устранивъ совершенно нѣмецкій шрифтъ, Смоляръ положилъ въ основаніе алфавитъ латинскій, и вѣтвямъ, пользуясь системами польскою и чешскою, бралъ изъ обѣихъ знаки для выраженія звуковъ родной рѣчи, смотря по тому, въ которой изъ названныхъ системъ извѣстный звукъ выражался точнѣе и въ то же время проще. Такимъ образомъ, сербо-лужицкое письмо представляетъ въ настоящее время смѣсь чешскаго съ польскимъ. Новое правописаніе тотчасъ было принято въ кружкѣ будишинской сербской молодежи, а также университетскими земляками Смоляра.

Этотъ радушный приѣмъ новой системы со стороны молодого поколѣнія уже достаточно обезпечивалъ ея будущность; тѣмъ не менѣе, Смоляръ не остановился на подорожѣ. Онъ сознавалъ необходимость возможно большаго и скорѣйшаго расширенія своей системы, зналъ, что только проведеніе ея въ массу читающей публики можетъ ручаться за ея успѣхъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ издавать практическія руководства, занялся составленіемъ лужицко-нѣмецкихъ діалоговъ, словаря, грамматики, вообще всевозможныхъ пособій, облегчающихъ изученіе языка. Слѣдуетъ упомянуть, что на одномъ поприщѣ со Смоляромъ трудились еще филологъ Перуль, поэтъ Зейлеръ, а также недавно умершій славистъ Йорданъ, издавшій, между прочимъ, лужицкую грамматику, и другіе. Благодаря соединеннымъ усиліямъ, дѣло, начатое Смоляромъ, было доведено до конца, и положеніе новой системы правописанія вполне упрочилось въ сербо-лужицкой литературѣ. Спустя нѣкоторое время, сербо-лужицкій языкъ былъ допущенъ и въ Будишинской гимназіи, какъ предметъ необязательный; наконецъ, по прекращеніи революціи 1848 года, равноправность языка сербскаго, наравнѣ съ нѣмецкимъ, была

признана саксонскимъ правительствомъ въ школѣ, въ церкви и въ судѣ. Но величайшимъ торжествомъ для сербовъ и въ особенности для Смоляра былъ тотъ фактъ, что въ 1849 году даже князь Альбертъ, наслѣдннй принцъ Саксонскій, во время своего пребыванія съ полкомъ въ Будшинѣ, пожелалъ изучить сербо-лужицкій языкъ. Въ руководители себѣ онъ пригласилъ Смоляра, и занятія продолжались полтора года. Это обстоятельство имѣло самое благотворное вліяніе на сербовъ: если и были еще среди нихъ такіе, которые пренебрегали родною рѣчью, то теперь они были пристыжены поступкомъ будущаго короля и должны были измѣнить свои взгляды.

Пылая горячею любовью къ своему народу, готовый во всемъ, гдѣ только представлялась возможность, отстаивать національные интересы, Смоляръ, разумѣется, не могъ обойтись безъ того, чтобы не изучить какъ можно ближе свой народъ, его прошлое и настоящее, чтобы тѣмъ увѣреннѣе и энергичнѣе ратовать за его будущее. Это изученіе началось опять-таки еще съ гимназической скамьи. Прислушиваясь во время вакацій къ деревенской пѣснѣ, которой грозила такая же гибель, какъ и всей національности лужичанъ, Смоляръ напалъ на мысль записывать сербскія народныя пѣсни. Съ этого и началось его непосредственное изученіе своей народности. Въ теченіе университетскаго курса онъ еще болѣе расширилъ кругъ своихъ наблюденій въ этой области, изучилъ всю свою страну, обозначилъ крайніе пункты, въ которыхъ еще слышалась сербская рѣчь, и количество этнографическаго матеріала постепенно накоплялось. Но и здѣсь Смоляръ, не ограничиваясь тѣмъ, что могъ сдѣлать собственными силами, постарался привлечь къ тому же дѣлу и другихъ и поставить его на болѣе серьезную почву. И въ Бреславльскомъ университетѣ подобно тому, какъ и въ Будшинской гимназій, Смоляръ образовалъ кружокъ изъ лужицкой молодежи, и вскорѣ имъ былъ представленъ ректору на утвержденіе проектъ сербскаго общества, имѣющаго цѣлью изученіе исторіи, этнографіи и языка лужицкаго народа. Проектъ былъ утвержденъ, и кромѣ того, одинъ изъ профессоровъ предложилъ новому обществу свое покровительство и руководство. На первомъ же собраніи общества Смоляръ прочиталъ рефератъ о горно-лужицкихъ народныхъ пѣсняхъ. Съ теченіемъ времени, плодомъ этнографическихъ работъ Смоляра явился большой, двухтомный сборникъ лужицкихъ пѣсенъ, заключающій въ себѣ, помимо главнаго предмета, массу разнороднаго матеріала и послужившій весьма цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу.

Для изданія этого труда потребовалось однако нѣкоторое покровительство нѣмцевъ: единственный книгопродавецъ, взявшійся издать этотъ сборникъ, поставилъ необходимымъ условіемъ, чтобы къ пѣснямъ былъ приложенъ нѣмецкій переводъ. Сдѣланный Смоляромъ переводъ переложилъ въ стихи нѣкто Гауптъ и сборникъ вышелъ въ свѣтъ подъ названіемъ: „Pjesnički hornuch a delnych Lužiskich Serbow“ (Volkslieder der Wenden etc.), при чемъ имя Гаупта красуется на первомъ планѣ. Не смотря на высокую цѣну, сборникъ быстро разошелся и въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Подъ скромнымъ названіемъ „Сборника пѣсенъ“ въ этомъ прекрасномъ изданіи скрывается богатый этнографическій матеріалъ: въ видѣ приложения здѣсь напечатаны народныя легенды, сказки, пословицы, повѣрья, остатки древне-славянской мифологии, описаны обычаи и образъ жизни лужичанъ, дана общая характеристика сербо-лужицкаго языка; наконецъ, къ сборнику присоединены нѣзочно раскрашенные типы лужичанъ и лужичанокъ народности и географическо-статистическая карта съ перечнемъ и описаніемъ лужицкихъ городовъ и другихъ мѣстностей, не выключая и тѣхъ, которыя были уже въ то время совершенно онемечены. Изданіе этого матеріала пришлось какъ нельзя болѣе кстати. Въ то время кипѣла уже работа въ этомъ направленіи по всѣмъ уголкамъ славянскаго міра, и Смоляръ какъ бы напомнилъ остальнымъ славянамъ о существованіи лужичанъ, показалъ имъ, что этотъ народъ борется всѣми силами, отстаивая свою національность, и что въ этой упорной борьбѣ лежитъ залогъ его дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія на ряду съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Трудъ Смоляра былъ вполнѣ оцѣненъ наукой, и не только славянскіе, но и нѣмецкіе журналы встрѣтили его появленіе весьма сочувственно. Мало того, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV награждалъ Смоляра за изданіе пѣсенъ золотою медалью. Сборникъ вышелъ въ свѣтъ въ то время, когда Смоляръ окончилъ курсъ богословія (1840), именно, 1-я часть—въ 1841 году, а 2-я—въ 1843.

Не спѣша занять мѣсто въ приходѣ, Смоляръ по окончаніи курса оставался пока въ Бреславлѣ. Его мучила мысль, что дѣятельность въ роли пастора будетъ слишкомъ ограничена, между тѣмъ какъ раньше ему казалось, что на этомъ поприщѣ, соприкасаясь непосредственно съ народомъ, онъ будетъ имѣть возможность принести ему наибольшую долю пользы. Случай помогъ ему выбрать болѣе широкій путь. Въ Бреславль пріѣхалъ король Вильгельмъ IV. Церемоніей-

стеръ короля графъ Алькantara пригласилъ къ себѣ Смоляра, чтобы поручить ему переводъ старинныхъ чешскихъ документовъ, касавшихся его древняго рода. Въ разговорѣ со Смоляромъ графъ первый подалъ ему мысль о приготовленіи себя къ кафедрѣ славянскихъ нарѣчій въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, при чемъ посовѣтовалъ ему даже подать королю прошеніе о назначеніи стипендіи. Король очень охотно согласился выдавать въ теченіе трехъ лѣтъ стипендію изъ собственныхъ суммъ съ тѣмъ, чтобы Смоляръ ежегодно давалъ ему отчетъ о своихъ занятіяхъ. Поощренный такимъ вниманіемъ, Смоляръ со всею свойственною ему энергіей принялся за изученіе славистики подъ руководствомъ Челаковскаго, а во время вакацій по мѣрѣ возможности знакомился съ славянскими краями. Къ этому времени относится между прочимъ составленіе упомянутыхъ выше руководствъ къ изученію сербо-лужицкаго языка, а также переводъ „Отголосковъ русскихъ пѣсенъ“ Челаковскаго и извѣстной „Краледворской рукописи“ на лужицкій языкъ. Тогда же послѣдовало и знакомство его съ русскими учеными—Срезневскимъ и Бодянскимъ, которые оказали громадное вліяніе на дальнѣйшую его дѣятельность.

Но пребываніе Смоляра въ Бреславль, вдали отъ своей родной земли, какъ будто отдаляло его отъ его главной дѣли. Прилежно занимаясь наукой, онъ иногда невольно начиналъ думать, что непростительно предаваться сухимъ теоретическимъ изысканіямъ въ то самое время, когда повсемѣстно начиналось движеніе въ духѣ возрожденія и когда прежде всего требовались практическіе дѣятели и руководители. Онъ понималъ, что для того, чтобы пробудить въ народѣ самосознаніе, надо обратиться къ этому народу непосредственно съ живою и понятною для него рѣчью, надо много разъ повторять ему однѣ и тѣ же истины, чтобы провести ихъ въ сознаніе массы. Къ величайшей своей радости узналъ Смоляръ, что въ Будишинѣ съ 1842 года будетъ выходить первая газета на лужицкомъ языкѣ, предназначенная для народа — *Jutnička* П. Иордана. Но уже на патомъ мѣсяцѣ редація заявила, что за недостаткомъ подписчиковъ изданіе не можетъ продолжаться. Виною тому было отчасти новое правописаніе, введенное самимъ Иорданомъ и отталкивавшее непривычныхъ читателей, а отчасти и содержаніе газеты; къ тому же редакторъ ея получилъ приглашеніе въ Лейпцигскій университетъ на кафедру славянскихъ нарѣчій. Смоляръ не могъ равнодушно смотрѣть на прекращеніе только что начатаго дѣла; имѣвшаго первостепенную важность. Оставивъ Бреславль, онъ посѣщилъ

на родину и самъ принялся за журнальную дѣятельность, начавъ издавать газету *Tudzeńke Nowiny*. Съ немалыми трудностями было сопряжено на первыхъ порахъ это дѣло: не было ни сотрудниковъ, ни подписчиковъ; къ тому же научныя занятія постоянно отвлекали Смоляра въ Бреславль. Главными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были его отецъ и лужицкій пасторъ поэтъ Зейлеръ; оба они жили въ селѣ Лазѣ (Lohsa), въ 3¼ миляхъ отъ Будишина, а газета выходила въ Будишинѣ. Тѣмъ не менѣе, благодаря соединеннымъ усиліямъ, изданіе удержалось и вскорѣ приобрѣло большую популярность, такъ какъ оно было разчитано на вкусы народа, а издатели, стоя въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ, хорошо понимали его первѣйшія нужды и умѣли затрогивать въ своемъ изданіи самые животрепещущіе вопросы. Число подписчиковъ постепенно прибавлялось, значеніе газеты росло съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и популярность Смоляра. Такимъ образомъ, постепенно увеличивалось среди лужичанъ число читателей средней руки, которыхъ прежде не было. До какой степени возросла въ народѣ потребность въ чтенію на родномъ языкѣ, доказываетъ тотъ фактъ, что первый изданный Смоляромъ лужицкій календарь въ короткое время разошелся въ двухъ изданіяхъ по 1,000 экземпляровъ.

По мѣрѣ того, какъ просвѣщеніе развивалось среди народа, и его духовныя силы крѣпли, въ головѣ Смоляра начала зарождаться мысль о такомъ учрежденіи, въ которомъ эти силы могли бы централизоваться, которое могло бы руководить общественнымъ развитіемъ страны и стоять на стражѣ народныхъ сербскихъ интересовъ. Извѣстный словацкій ученый Колларъ первый подаль мысль объ учрежденіи въ Будишинѣ литературно-издательскаго общества на подобіе чешской „матицы“. А затѣмъ во время своего путешествія съ Челаковскимъ по Чехіи, Смоляръ наглядно убѣдился, до какой степени полезно подобное учрежденіе.

Мечты Смоляра объ учрежденіи „матицы“ сбылись только въ 1847 году: саксонское правительство разрѣшило лужичанамъ учредить матицу, которая очень скоро распространила свою дѣятельность и на прусскія Лужицы. Образованные сербы записывались членами общества безъ различія вѣроисповѣданія и сословія: пасторы, ксендзы, учителя, чиновники судебнаго вѣдомства, студенты, гимназисты; были также мѣщане и даже крестьяне. Къ концу перваго года общество уже насчитывало около полутора ста членовъ. Кромѣ природныхъ лужичанъ, въ общество поступали также и люди другихъ народ-

ностей; таковъ, наирямѣръ, нѣмецъ-гимназистъ, извѣстный впоследствии Германнъ Лотце, таковы чехи: Ганка, Челаковскій, поляки: князь Любомирскій, Павликовскій и другіе. Предсѣдателемъ общества былъ избранъ горячій патриотъ, депутатъ на дрезденскомъ сеймѣ Клинь, а Смоляру было поручено редактированіе Часописа, издаваемого матицей. Въ первой же книжкѣ этого журнала Смоляръ началъ печатаніе своего обширнаго труда о сербско-лужицкомъ правописаніи, а предсѣдатель Клинь написалъ предисловіе съ характеромъ воззванія къ сербамъ. Но и безъ этихъ воззваній сердца сербовъ начали уже оживленіе и тревоженіе биться въ предчувствіи чего-то новаго. Наступалъ 1848 годъ. *Tudzenska Nowina* къ этому времени получила разрѣшеніе прибавить къ своей программѣ политической отдѣлъ, и читатели съ особеннымъ интересомъ слѣдили за движеніемъ среди австрійскихъ, познанскихъ и другихъ славянъ. Это оживленіе всего яснѣе сказалось въ первомъ же общемъ засѣданіи членовъ матицы. Всѣ говорили, всѣ предлагали проекты въ національномъ духѣ: одинъ заявлялъ о необходимости имѣть во всѣхъ отрасляхъ правленія представителей изъ среды сербовъ; даже въ министерствѣ, по мнѣнію Смоляра, долженъ былъ быть хоть одинъ сербъ; другой жаловался на то, что въ семинаріи не обучаютъ будущихъ священниковъ сербскому языку; иные, напротивъ, выражали свои опасенія и совѣтовали сидѣть смиренно, чтобы не навлечь на себя еще большихъ бѣдъ; но на подобныя заявленія было замѣчено, что ратовать за права сербовъ еще не значить дѣйствовать враждебно противъ нѣмцевъ, а сидѣть сложа руки, не заявляя о своемъ существованіи, все равно, что добровольно обречь себя на гибель. Наконецъ, по предложенію Смоляра, была набрана коммиссія для редактированія петиціи къ Саксонскому королю. Петиція была составлена, закрѣплена подписями, которыхъ набралось болѣе пяти сотъ, и подана правительству. Отвѣтъ на нее былъ полученъ только по усмиреніи революціи въ Дрезденѣ, и результатомъ ея было, какъ мы упомянули выше, признаніе равноправности сербскаго языка съ нѣмецкимъ въ школахъ, церкви и судѣ. Эти услуги сербамъ были наградою за то разумное отношеніе ихъ къ революціи, которому много была обязана правительственная власть. Понимая очень хорошо, что въ случаѣ неудачи революціи участіе въ ней могло бы повлечь за собою неминуемую гибель маленькой лужицкой народности, а равно понимая и то, что нѣмецкая демократія, въ случаѣ своего торжества, не замедлитъ усилить мѣры къ опѣмеченію, лужичане держали себя

спокойно и продолжали добиваться своего исключительно легальнымъ путемъ; они не мечтали о политической независимости, а старались лишь охранить свою національность и поднять уровень нравственнаго и экономическаго развитія своего народа. Въ такомъ именно духѣ дѣйствовала матица, руковода и другими обществами, возникшими въ различныхъ мѣстахъ не только въ городахъ, но и въ селахъ.

Въ первое время послѣ революціи Смоляръ посвящалъ много труда газетѣ *Tudzeńska Nowina*. Послѣ женитьбы своей въ 1850 году онъ получилъ возможность приобрести это изданіе въ полную собственность и съ тѣхъ поръ постоянно вводилъ въ немъ разныя улучшения: два раза увеличивалъ форматъ и объемъ газеты, ввелъ постоянную рубрику для народнаго чтенія и т. д. Въ 1854 году онъ переименовалъ газету въ *Serbske Nowina*, и подъ этимъ названіемъ она выходитъ до настоящаго времени. Вообще это изданіе сослужило большую службу дѣлу развитія лужичанъ и поднятію народнаго духа. Смоляръ сумѣлъ такъ вести газету, что ее съ одинаковымъ интересомъ стали читать и католики, и протестанты, а приверженцы этихъ вѣроисповѣданій были тамъ, какъ и вездѣ, далеки одни отъ другихъ. Постепенно число подписчиковъ увеличивалось, и уже вскорѣ послѣ 1849 года Смоляръ имѣлъ ихъ до 1200: цифра весьма значительная при 90,000 всего верхне-лужицкаго населенія. Съ 1858 года при газетѣ Смоляра стало выходить еженедѣльное приложение, которое черезъ два года преобразовалось въ самостоятельный журналъ для легкаго литературнаго чтенія, подъ названіемъ *Lužica*. Въ немъ стали писать молодые литераторы изъ сербовъ; слѣдуетъ упомянуть изъ нихъ Горника, который сдѣлался ближайшимъ другомъ Смоляра, и которому послѣдній, спустя два года, передалъ и редактированіе *Lužičanina*. Журналъ этотъ, благодаря своему содержанию, возбуждалъ въ публикѣ интересъ къ литературѣ и имѣлъ большое вліяніе на выработку языка и слога; къ тому же и правописаніе здѣсь было принято новое, усовершенствованное Смоляромъ.

Изъ другихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ Смоляръ принималъ дѣятельное участіе, слѣдуетъ назвать *Jahrbücher für Slavische Literatur*. Сначала этотъ журналъ выходилъ въ Лейпцигѣ подъ редакторствомъ вышеупомянутаго Юрдана, а Смоляръ былъ его сотрудникомъ; но съ 1846 онъ уже принялъ отъ Юрдана и редакцію журнала. Черезъ нѣсколько лѣтъ изданіе прекратилось; но потомъ Смоляръ, поселившись въ Будишинѣ, началъ тамъ

новую серію Jahrbücher (1852—1858), которая выходила по мѣрѣ накопленія матеріала. Съ небольшими перерывами изданіе продержалось до 1869 года, хотя и подъ разными названіями, а именно сначала подъ именемъ Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft (1862—1865), а потомъ: Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie (1865—1869). Въ собственныхъ работахъ по разнымъ вопросамъ, помѣщаемыхъ въ этихъ журналахъ, Смоляръ всегда старался соединять свой народный патриотизмъ съ широкими общеславянскими интересами. Причиной же малаго успѣха изданій было то обстоятельство, что, за недостаткомъ мѣстныхъ ученыхъ силъ, въ немъ помѣщались преимущественно вещи переводныя (запримѣръ, сочиненія Гильфердинга, переведенныя самимъ Смоляромъ, также изслѣдованія Срезневскаго и др.). Тѣмъ не менѣе, значеніе этихъ изданій не только для лужичанъ, но и для всего славянства, было не малое: въ тогдашнее время, при полномъ почти отсутствіи сношеній между славянскими народностями, это было одно изъ вѣрныхъ средствъ для взаимнаго ознакомленія, обмѣна мыслей и сближенія.

Но самымъ любимымъ, самымъ дорогимъ дѣтищемъ Смоляра была будишинская сербская матица. Въ осуществленіи этого учрежденія онъ видѣлъ исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній и не жалѣлъ для своего дѣтища ни силъ, ни средствъ. До 1853 года онъ состоялъ редакторомъ журнала, издаваемого матицей; въ этомъ журналѣ печатались и его собственные статьи и изслѣдованія. Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, онъ исполнялъ обязанность секретаря матицы, наконецъ, въ 1872 году, на чрезвычайномъ собраніи общества, по случаю смерти предсѣдателя, Смоляръ единодушно былъ избранъ на эту послѣднюю почетную должность. Это было для него какъ бы наградой за его неуспѣшные труды на пользу родины. До чего доходила эта преданность своей народности, видно между прочимъ изъ того, что онъ два раза отказывался отъ катедры славянскихъ языковъ и литературъ въ Варшавѣ. Смоляръ хорошо понималъ, до какой степени необходимо было его присутствіе въ Будишинѣ какъ для родины, такъ и для него самаго. Вполнѣ оцѣнивъ этотъ поступокъ своего вождя, общество сербской матицы въ собраніи 1863 года поднесло ему адресъ и выбрало его своимъ первымъ почетнымъ членомъ. Незадолго передъ тѣмъ Смоляръ былъ пожалованъ русскимъ орденомъ св. Анны второй степени по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи.

Задачи, какія должна была преслѣдовать сербская матица, Смоляръ понималъ очень широко. Общество, по его мнѣнію, должно было быть не однимъ собраніемъ ученыхъ силъ страны,—оно должно было руководить образованіемъ и просвѣщеніемъ всей массы простаго народа. Сдѣлавшись въ 1850 году учителемъ сербо-лужицкаго языка въ Будишинской гимназіи, онъ, отчасти при помощи своихъ, учениковъ, а въ большинствѣ случаевъ самъ лично старался въ различныхъ мѣстахъ своей родины организовать сельскіе кружки, которые всѣ тяготѣли къ матицѣ и пользовались ея поддержкой и руководствомъ. Въ собраніяхъ этихъ кружковъ читались сербскія книги и газеты, дававшія матеріалъ какъ для веселыхъ, такъ и для серьезныхъ разговоровъ, пѣлись народныя сербскія пѣсни, а иногда тутъ же шло обученіе чтенію и письму на родномъ языкѣ; въ одномъ будишинскомъ кружкѣ „Bjesada“, основанномъ Смоляромъ еще въ 1848 году, давались даже представленія и концерты на сербскомъ языкѣ. Однимъ изъ главныхъ средствъ, которыми матица могла всего успѣшнѣе пользоваться для поднятія уровня народнаго образованія и для поддержанія національности, было, конечно, изданіе и распространеніе книгъ и брошюръ на сербскомъ языкѣ. Для большаго успѣха этого дѣла Смоляръ открылъ въ Будишинѣ книжный магазинъ, который сдѣлался немаловажнымъ центромъ распространенія народнаго образованія. Отсюда проникали въ массу народа полезныя книжки, брошюры, газеты, листки, издаваемые матицей и самимъ Смоляромъ. Лавка нарочно была открыта на торговой площади, куда стекается больше всего народа. Въ праздничные и базарные дни Смоляръ обыкновенно самъ сидѣлъ въ лавкѣ съ утра до вечера и велъ безпрерывныя бесѣды съ своими посѣтителями изъ просто-народа, надѣлая ихъ всѣмъ, что только было новаго, интереснаго и особенно полезнаго для каждаго въ отдѣльности. Въ праздничные дни, когда крестьяне пріѣзжаютъ въ городъ за покупками или помолиться, каждый изъ нихъ считалъ какъ бы долгомъ своимъ побывать въ лавкѣ у Смоляра не только съ тѣмъ, чтобы купить себѣ или дѣтямъ какую-нибудь интересную книжечку, но и съ тѣмъ, чтобы спросить у него совѣта относительно своихъ домашнихъ, хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ; всѣ вопросы, какіе могли зародиться въ головѣ деревенскаго жителя, касались ли они его обыденной жизни, или общественно-политическихъ событій, все это здѣсь разъяснялось простымъ живымъ и понятнымъ словомъ, и каждый посѣтитель уходилъ отъ своего патріарха съ облегченнымъ сердцемъ, съ просвѣт-

ленною мыслью, каждому помогая Смоларь, чѣмъ только могъ. Однажды одинъ русскій ученый г. В. посѣтилъ Смоларя въ такой праздничный день и засталъ его окруженнымъ множествомъ посѣтителей. Воспользовавшись посѣщеніемъ г. В., Смоларь сталъ говорить, между прочимъ, о братствѣ русскихъ и лужичанъ и о ихъ сочувствіи къ лужицкому народу, равно какъ и къ остальнымъ славянамъ, при чемъ рекомендовалъ всѣмъ присутствовавшимъ своего гостя; пошли безконечныя пожатія рукъ съ выраженіемъ самаго искреннаго чувства расположенія, и пріѣзжій русскій сдѣлался нѣкоторымъ образомъ героемъ дня. Лавка Смоларя съ теченіемъ времени превратилась въ богатый магазинъ, сдѣлавшійся однимъ изъ центровъ славянской книжной торговли. Въ 1863 году Смоларь нашелъ себѣ компаньона въ лицѣ Пеха (переводчика Тургенева на лужицкій языкъ), и основалъ въ Будишинѣ издательскую и книгопродавческую фирму „Schmoler und Pech“; съ этого времени особенно оживилась книжная торговля въ Лужицахъ.

Но какъ ни успѣшно, казалось, шло постепенное возрожденіе лужицкаго народа въ духѣ самобытности, тѣмъ не менѣе вожди этого возрожденія не могли не сознавать, что лужичане составляютъ слишкомъ незначительную горсть, чтобы собственными усиліями, безъ поддержки родственныхъ сосѣдей, достигнуть чего-нибудь прочнаго. По крайней мѣрѣ Смоларь всегда думалъ о томъ, чтобы завязать возможно болѣе близкія сношенія съ остальнымъ славянскимъ міромъ и достигнуть единенія, по крайней мѣрѣ, на литературномъ поприщѣ. Эта мысль руководила имъ уже при изданіи *Slavische Jahrbücher*; впоследствии, когда расширилась дѣятельность сербской матицы, и когда у Смоларя явилась собственная фирма, необходимость подобнаго сближенія и общенія казалась еще настоятельнѣе. Между тѣмъ въ 1858 году Будишинъ посѣтилъ русскій ученый А. Ф. Гильфердингъ, который совѣтовалъ Смоларю съѣздить въ Россію. Оживленіе въ русскомъ обществѣ, вызванное Крымскою войною, и безъ того манило Смоларя; кромѣ того, онъ хотѣлъ войти въ сношеніе съ русскими книгопродавцами, а также разчитывалъ получить матеріальную поддержку для сербской матицы. И вотъ въ 1859 году, съ незначительнымъ запасомъ денегъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но какъ разъ въ такое время, когда изъ города большинство разъѣхалось на дачи, именно въ іюнѣ. Приходилось или возвращаться ни съ чѣмъ, или ждать осени, между тѣмъ какъ жить было не на что. Какой-то добрый человекъ къ счастью рѣшился

открыть прїѣзжему иностранцу кредитъ до 500 рублей; большая часть этой суммы, оставшаяся въ запасѣ, и составляла все, съ чѣмъ онъ вернулся слѣдующею весною изъ Россіи на родину. Въ Петербургѣ онъ жилъ отчасти литературнымъ трудомъ при нѣкоторыхъ журналахъ, гдѣ помѣщалъ статьи по вопросу, который передъ крестьянской реформой весьма интересовалъ русскихъ людей, а именно о поземельныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ нѣмецкихъ государствахъ; кромѣ того, онъ работалъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ надъ составленіемъ указателя вновь вышедшихъ въ Россіи книгъ, что помимо вознагражденія давало ему матеріалъ для его библіографіи. Черезъ посредство прежнихъ друзей, Срезневскаго и Гильфердинга, Смоляръ въ теченіе зимы завелъ новыя знакомства съ русскими учеными и литераторами и, напутствуемый ихъ добрыми пожеланіями, уѣхалъ весной на родину, сопровождая семейство Срезневскаго, отправлявшееся за границу.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1867 году, открылась этнографическая выставка въ Москвѣ, во время которой состоялся также съѣздъ славянскихъ представителей, имѣвшій цѣлью установить тѣсное общеніе между славянами. Представителемъ сербовъ лужицкихъ прїѣхалъ опять Смоляръ вмѣстѣ съ докторомъ Дучманомъ. Въ это время Смоляръ въ числѣ другихъ депутатовъ, представлялся покойному Государю Императору. Государь очень радушно принялъ депутацию въ Царскомъ Селѣ и, между прочимъ, говорилъ со Смоляромъ по русски. На вопросъ Государя, какъ онъ находитъ Россію во второй свой прїѣздъ, Смоляръ отвѣчалъ: „Въ короткое время Россія измѣнилась до неузнаваемости: крѣпостное право отиѣнено, суды—гласные, прессы получила большую свободу“. Императоръ остался доволенъ такимъ отвѣтомъ. Милостиваго вниманія удостоился Смоляръ и со стороны покойной Императрицы Маріи Александровны и великой княжны Маріи Александровны. Отиѣтимъ еще одинъ фактъ, относящійся ко второму прїѣзду Смоляра въ Россію. На одномъ обѣдѣ, въ собраніи славянскихъ гостей, зашла, между прочимъ, рѣчь о томъ, что необходимо увеличить въ Россіи число классическихъ гимназій. Графъ Толстой замѣтилъ на это, что трудно найти для классическихъ языковъ преподавателей, знающихъ русскій языкъ. Тогда Смоляръ подалъ мысль объ учрежденіи въ Лейпцигѣ учительской семинаріи, въ которой иностранцы могли бы учиться русскому языку, а русскіе древнимъ языкамъ. Какъ извѣстна, эта мысль въ послѣдствіи была приведена въ исполненіе.

Объ поѣздки Смоляра въ Россію вызвали противъ него цѣлую кучу нападокъ со стороны нѣмцевъ, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на возрожденіе сербо-лужицкой народности вообще и на Смоляра, какъ главнаго виновника и представителя этого движенія. На всѣ эти нападки Смоляръ не обращалъ вниманія: онъ сознавалъ, что бояться ему было нечего, такъ какъ его дѣятельность не затрогивала политики, а была направлена, главнымъ образомъ, къ изысканію средствъ для распространенія просвѣщенія среди своего народа и къ поддержанію духовной связи его съ остальными славянами.

Сдѣлавшись предсѣдателемъ сербской матицы, Смоляръ задумалъ привести въ исполненіе давно лелѣванную имъ мысль объ учрежденіи такъ-называемаго „сербскаго дома“. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ у общества не было собственнаго дома, и оно не имѣло для себя постоянного пританища. Библиотека общества постепенно росла, собраніе памятниковъ народной старины также увеличивалось, благодаря усиленнымъ стараніямъ Смоляра и его друзей, и все это не могло быть открыто для публики. „Сербскій домъ“, который удовлетворялъ бы этой настоятельной потребности, сдѣлался завѣтной мечтой Смоляра. Продавалась въ Будиницѣ земля съ небольшимъ домою; упустить этотъ случай было жаль, а между тѣмъ денегъ у общества не было. Смоляръ, не обладая и самъ никакимъ капиталомъ, рѣшается купить этотъ домъ на свой рискъ. Благодаря своей популярности и репутаціи въ высшей степени честнаго человѣка, онъ нашелъ для себя кредитъ даже у нѣмцевъ и досталъ 500 талеровъ, чтобы совершить купчую. Но это была лишь капля въ морѣ, такъ какъ требовалось около 20 тыс. талеровъ. Пришлось обратиться за помощью къ другимъ славянамъ, принимавшимъ къ сердцу интересы лужицкаго возрожденія. Съ этою цѣлью Смоляръ со своею второю женою отправился въ путешествіе большою, и притомъ не болѣе какъ съ 85 талерами въ карманѣ, считая въ томъ числѣ 50 талеровъ, полученныхъ съ жильцовъ, которымъ онъ сдалъ свою квартиру на время отъѣзда. Дорого обошлась ему это путешествіе, и только мысль о томъ, что у лужичанъ будетъ „сербскій домъ“, могла облегчать для него и физическое, и нравственное страданіе. Какъ бы то ни было, однако была собрана порядочная сумма путемъ подписки и пожертвованій, и домъ съ принадлежащею къ нему землею перешелъ во владѣніе матицы. Правда, что для уплаты процентовъ общество принуждено

было сдавать часть пріобрѣтенной собственности въ аренду; но тѣмъ не менѣе тамъ нашлось болѣе или менѣе удобное помѣщеніе для библиотеки и для археологическихъ коллекцій и, что особенно важно, для собственной типографіи. Значеніе первой сербской типографіи было громадное: теперь всѣ книги могли выходить своевременно и безпрепятственно, изданія обходились втрое дешевле; кромѣ того, типографія, образцово веденная Смоляромъ, стала давать немалый доходъ обществу, тѣмъ болѣе, что въ ней одной на всѣ Лужицы имѣются приспособленія для печатанія нотъ. До какой степени типографія способствовала стремленіямъ матицы, видно изъ того, что въ первые четыре года ея существованія сербскихъ книгъ вышло въ свѣтъ больше, чѣмъ въ предыдущія 15 лѣтъ.

Такимъ образомъ, при содѣйствіи этого энергичнаго и неутомимаго дѣятеля, быстрыми шагами подымалось впередъ великое дѣло возрожденія лужицкихъ сербовъ. Уже ясны были плоды упорной полувѣковой работы, и о Лужицахъ Смоляръ смѣло могъ сказать то же, что онъ когда-то сказалъ о Россіи: въ короткое сравнительно время Лужицы измѣнились до неузнаваемости: до такой степени ожилъ въ лужичанахъ народный духъ, окрѣпла идея національнаго самознанія, поднялся уровень общественнаго развитія. На поприще общественнаго служенія выступало уже молодое поколѣніе, воспитанное Смоляромъ, и онъ радовался, что начатое имъ дѣло не погибнетъ, что молодые дѣятели съ такою же энергіей и твердостью понесутъ впередъ поднятое имъ знанія.

Къ несчастію, нѣкоторыя печальныя обстоятельства омрачали радость этого достойнаго труженика. Такова, наиримѣръ, исторія съ „сербскимъ домомъ“. Одинъ русскій ссудилъ сербскую матицу суммою въ 6 тысячъ талеровъ, которую общество обязывалось ему возтить при первой возможности. Эти деньги были даны подъ залогъ недвижимаго имущества матицы, то-есть, земли съ домомъ. Между тѣмъ благотворитель запутался въ дѣлахъ, имущество его было назначено къ продажѣ съ аукціона, и съ сербской матицы потребовали возврата ссуды съ процентами, угрожая, въ противномъ случаѣ, продажей недвижимаго имущества. Какъ громомъ сразило это извѣстіе бѣднаго старца; ему представлялось, что всему, что было достигнуто невѣроятными усиліями, суждено погибнуть, что матица, лишившись земли, дома и денежныхъ средствъ, рано или поздно прекратитъ свое существованіе, а въ мѣстѣ съ нею прекратится и

умственное движеніе лужицкихъ сербовъ. Подъ этимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отправился онъ опять за границу, но на этотъ разъ на-шелъ тамъ слишкомъ малую матеріальную поддержку, тѣмъ болѣе что изъ его давнишнихъ заграничныхъ друзей многіе уже сошли въ могилу, а молодое поколѣніе увлеклось иного рода вопросами. Такъ это дѣло и осталось въ печальномъ положеніи. Сербамъ, кажется, удалось только выхлопотать льготныя условія уплаты ипотечнаго долга, спасти недвижимую собственность матицы, но каковъ будетъ исходъ всего этого—неизвѣстно.

Другимъ, еще болѣе прискорбнымъ фактомъ для лужичанъ и въ особенности для Смоляра явилось въ послѣднее время постепенное уменьшеніе числа сербскихъ священниковъ: старые одинъ за другимъ умирають, а замѣстить освобождающіеся приходы не кѣмъ; правитель-ство грозитъ прислать въ эти приходы нѣмецкихъ пасторовъ, не говорящихъ по сербски, и такимъ образомъ отнять у народа главнѣйшее средство сохраненія національности. Смоляра въ его послѣд-нюю поѣздку этотъ вопросъ мучилъ еще больше, чѣмъ вопросъ о денежномъ долгѣ, особенно когда съ родины его извѣщали о новой потерѣ одного или нѣсколькихъ священниковъ. Къ 1881 году оста-валось вакантными около десяти приходоѡ. Чтобы замѣстить ихъ людьми, которыхъ народъ могъ бы понимать, приходилось прибѣ-гнуть къ единственному средству—вызвать священниковъ изъ слова-ковъ, такъ какъ ни чеховъ, ни поляковъ правительство не позво-ляло приглашать. Но на собраньяхъ Смоляромъ пожертвованія оказа-лось возможнымъ замѣстить только два прихода.

Эти грустныя обстоятельства дѣйствовали на изнуреннаго долго-лѣтнею работой патріарха лужичанъ самымъ роковымъ образомъ; жизнь, исполненная ненормальныхъ усилій, лишеній, борьбы, страда-ній, близилась къ концу. Уже въ 1882 году, будучи въ Петербургѣ, Смоляръ былъ такъ слабъ, что боялся одинъ выходить на улицу, но тѣмъ не менѣе не переставалъ хлопотать о своихъ родныхъ сербахъ. Вскорѣ онъ вернулся на родину, но болѣзнь и слабость не только не покидали его, но еще болѣе усиливались, пока не уложили его въ могилу. Еще за нѣсколько часовъ до смерти онъ спросилъ для просмотра нумеръ своей газеты, приготовленный для печати, но тутъ уже убѣдился, что глаза отказались ему служить. Скоро его и совсѣмъ не стало!

Но Смоляръ положилъ начало великому дѣлу — возрожденію лу-
часть сскл, отд. 4.

жицкихъ сербовъ. Отнынѣ ихъ задачей будетъ — неуклонно слѣдовать по указанному пути и приводить къ осуществленію великіе идеалы, завѣщенные имъ ихъ воскресителемъ. А остальные славяне и въ особенности мы, русскіе, должны считать своимъ нравственнымъ долгомъ — помогать нашимъ кровнымъ братьямъ въ достиженіи ихъ добрыхъ цѣлей ¹⁾).

Н. Шичуикъ.

¹⁾ Пожертвованія въ пользу общества сербо-лужицкой матицы могутъ быть адресованы на имя председателя общества—Горняка Bautzen Königreich Sachsen), Herrn M. Hornik, im Domstift.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ДЕРПТСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1884 ГОДУ.

Въ 1884 году въ Дерптскомъ университетѣ состояло на лицо слѣдующее число штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 42, экстраординарный 1, доцентовъ 9, прозекторъ 1, ученый аптекарь 1, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 3, преподаватель началъ архитектуры 1 и учителей искусствъ 5, а всего 64 штатныхъ преподавателя. Сверхштатныхъ преподавателей было два: одинъ ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи и одинъ учитель зубо-врачебной техники. Приватъ-доцентовъ имѣлось 6, по слѣдующимъ предметамъ: по фармакологіи, фармаціи и внутренней медицинѣ, сравнительному языковѣдѣнію, ботаникѣ и одинъ въ богословскомъ факультетѣ. Такимъ образомъ преподавателей всѣхъ категорій въ 1884 году состояло 72 лица. Вакантными были слѣдующія девять преподавательскихъ должностей: профессоровъ а) государственнаго и народнаго права, б) фармакологіи, діететики и исторіи медицины и в) богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, одна доцентура, должность прозектора при институтѣ сравнительной анатоміи, лекторовъ англійскаго и италіанскаго языковъ и учителей гимнастики и плаванія. На вакантную кафедру государственнаго и народнаго права избранъ подходящій ученый и представленъ на утвержденіе высшаго начальства; переписка университета съ лицомъ, имѣющимся въ виду на кафедру фармакологіи, діететики и исторіи медицины, не приведена еще къ окончанію. Въ теченіе 1884 года баллотировались на преподавательскія должности два лица: одинъ въ ординарные профессоры по физико-математическому и одинъ въ экстраординарные по юридическому факультету,

и оба были избраны. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университетѣ два кандидата: Меклеръ — по древне-классической филологіи и Кадикъ — по чистой математикѣ, а командированному за границу для приготовленія къ профессорскому званію по русскому языку и литературѣ магистру Э. Вольтеру срокъ командировки продолженъ на два года.

Факультеты Дерптскаго университета имѣли въ теченіе года засѣданій: богословскій 8, юридическій 15, медицинскій 11, историко-филологическій 17, физико-математическій 14. Въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія измѣненій не послѣдовало. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ не только были приняты общія мѣры, какъ-то назначеніе стипендій и пособій, освобожденіе отъ взноса гонорара и присужденіе медалей за научные труды, изданіе отличнѣйшихъ трудовъ на счетъ университетскихъ суммъ, производство испытаній семестральныхъ и на ученые степени, но и производились, независимо отъ обязательныхъ теоретическихъ лекцій, по всѣмъ факультетамъ бесѣды, ренетиціи, практическія работы, письменныя упражненія, и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ. Результаты научныхъ занятій студентовъ обнаружались какъ на испытаніяхъ, такъ и въ письменныхъ трудахъ, представленныхъ ими въ факультеты для соисканія наградъ и для приобрѣтенія ученыхъ степеней. Изъ числа разсужденій на ученые степени, выдающихся особенною основательностію, полнотой и самостоятельностью было представлено: отъ богословскаго факультета одно, отъ юридическаго три, отъ медицинскаго четыре, отъ историко-филологическаго шесть, отъ физико-математическаго семь сочиненій.

Факультетами разсмотрѣны диссертациі на высшія ученые степени: богословскимъ факультетомъ одна магистерская, юридическимъ одна докторская, медицинскимъ 29 докторскихъ и 5 магистерскихъ (провизоровъ), историко-филологическимъ — двѣ докторскія и одна магистерская, физико-математическимъ одна магистерская. Всѣ эти диссертациі получили одобренія факультетовъ. Диссертациі pro venia legendi не было представлено.

На соисканіе наградъ медалями предложены были факультетами слѣдующія темы: богословскимъ „Библейско-богословское изслѣдованіе ученія апостола Павла объ евхаристіи“, юридическимъ — „Ученіе о вѣзъемельности“, медицинскимъ — „Изслѣдовать, встрѣчаются ли у пресмыкающихся животныхъ, у птицъ или у млекопитающихъ откры-

тыя жаберныя отверстія, и результатъ изслѣдованія примѣнить къ сравнительной анатоміи“, историко-филологическимъ — „Вывести систематически методику начального счисленія изъ принципа“, и физико-математическимъ — „Ислѣдованіе по сравнительной анатоміи надземныхъ и подземныхъ вѣтвей кустарныхъ растений нѣкоторыхъ туземныхъ породъ“. За представленныя на эти темы сочиненія нижеслѣдующимъ студентамъ присуждены золотыя медали: богословскаго факультета Александру Шенейху, юридическаго барону Альфонсу Гейкингу, медицинскаго—Ильѣ Лисснеру, историко-филологическаго—Рудольфу Калласу и физико-математическаго—Владиславу Роберту

Преподаватели и другія служащія въ университетѣ лица въ теченіе 1884 года напечатали и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Фолькъ—„In wie weit ist der Heiligen Schrift Irrthumslosigkeit zuzuschreiben“ и рѣчь для университетскаго акта „Ueber die Stellung der Semiten in der Welt-und Culturgeschichte“ и помѣстилъ въ Herzog-Plitt Realencyclopädie статью „Semiten“; Мюлау—въ Rehm-Biblisches Handwörterbuch помѣстилъ нѣсколько статей географическаго содержанія; Ф. Гершельманъ напечаталъ „Die evangelische Wahrheit“; Бонвезъ помѣстилъ въ Zeitschrift für kirchliche Wissenschaft статью „Die Prophetie im apostolischen und nachapostolischen Zeitalter“; Энгельманъ напечаталъ брошюру: „Die Leibeigenschaft in Russland“ и нѣсколько статей юридическаго содержанія въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ; Эрдманъ помѣстилъ въ Zeitschrift für Rechtswissenschaft der Dorpater Juristenfacultät статью „Die Ungültigkeit der Testamente nach Provincialrecht“; Драгендорфъ издалъ 1-ю ч. VIII тома „Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft“ и помѣстилъ двѣ статьи въ Pharmaceutische Zeitschrift für Russland; Гофманъ напечаталъ въ Frerich- und Leyden-Zeitschrift статью „Betrachtungen über absolute Milchdiät“; Стида помѣстилъ нѣсколько рефератовъ и статей въ двухъ германскихъ періодическихъ изданіяхъ и въ Russische Revue статью „Ethnographisches aus Prshewalski's Reise nach Tibet; фонъ-Валь напечаталъ въ двухъ изданіяхъ статью „Ueber die diagnostische Bedeutung der Arteriengeräusche bei Verletzungen derselben“; Керберъ помѣстилъ въ Vierteljahresschrift für gerichtliche Medicin статью „Die Durchschnittsmasse ausgetragener Neugeborenen und ihre Lebensfähigkeit“; Рельманъ напечаталъ въ Graefes Archiv für Ophthalmologie статью „Histolo-

gische und klinische Untersuchungen über die folliculäre Entzündung der Conjunctiva oder das Trachom"; Рунге помѣстилъ статьи въ Deutsche medicinsche Wochenschrift— „Geburtshilfe und Gynäkologie“, въ Archiv für Gynäkologie — „Kritisches und Experimentelles zur Lehre vom Fieber in der Schwangerschaft und im Wochenbett“; Тома напечаталъ „Ueber einige senile Veränderungen des menschlichen Körpers und ihre Beziehungen zur Schrumpfiere und Herzhypertrophie“ и помѣстилъ въ Virchow-Archiv für pathologische Anatomie— „Ueber die Abhängigkeit der Bindegewebsnaubildung von den mechanischen Bedingungen des Blutumlaufes“ и „Ueber das Verhalten der Arterien in Amputationsstümpfen“; Меѣръ издалъ „Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache. Erster Band. Zweite Hälfte. Zweite Auflage“ и помѣстилъ въ повременномъ изданіи Геттингенскаго университета статью „Ueber die Flexion des praesentischen Principis und des Comparativs im Gothischen“; Тейхмюллеръ напечаталъ въ Бреславлѣ „Literarische Fehden im IV Jahrhundert von Christo. Zweiter Band“ и помѣстилъ въ Rigasche Zeitung статью „Ueber die Ueberbürdung des Schüles“; Брикнеръ помѣстилъ въ Russische Revue — рецензію сочиненія Деруа-Болье „L' Empire des czars et les Russes“ и „Die Post in Moskau 1717“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — некрологъ „Ф. А. Германъ“, въ Zeitschrift für Geschichte— „Die Post in Russland 1654“ и „Russisches Postwesen im XVII und XVIII Jahrhundert“ и въ Historische Zeitschrift — „Laurentius Rinhüber“; Мендельсонъ напечаталъ въ Jahrbücher der Philologie статью „Zur Ueberlieferung von Ciceros Briefen“; Ленке напечаталъ „Vermuthungen zur griechischen Kunstgeschichte und zur Topographie Athens“; Гаусманъ помѣстилъ статьи въ Allgemeine deutsche Biographie — „Magnus, Herzog von Holstein, Bischof von Oesel und Curland, König von Livland“ и въ Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft— „Dorpat nach dem Nordischen Kriege“; Висковатовъ помѣстилъ статьи въ Русской Старинѣ — „Лермонтовъ на Кавказѣ“, въ Вѣстникѣ Европы — „Вновь найденныя стихотворенія Пушкина“ и въ Русской Мысли — „Биографія Лермонтова“; Бодуэнъ-де-Куртенэ напечаталъ „Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhang mit den anderen arioeuropäischen (indogermanischen) Sprachen, Antrittsvorlesung“ и помѣстилъ въ Archiv für slavische Philologie — „Der Dialect von Cirkno“ и „Sprachproben des Dialectes von Cirkno“, въ сборникѣ Prace filo-

logiczne — „Z patologii i embryologii języka“, въ Филологическихъ Запискахъ— „Изъ лекцій по латинской фонетикѣ“, въ польскомъ повременникѣ Ateaeum и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія— двѣ рецензіи о новомъ лингвистическомъ журналѣ Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft, herausgegeben von F. Techmer“; К. Шмидтъ помѣстилъ статьи въ Baltische Wochenschrift— „Der Wiezen und Zuckerrüben-Culturbroden des Gutes Ssarokotjagi“, въ сборникѣ академика Абиха— „Chemisch-geologische Untersuchungen aus dem Kaukasus- und Ararat-Gebiete“; Гревингъ напечаталъ поздравительную статью къ пятидесятилѣтнему юбилею Рижскаго Общества исторіи и древностей Остзейскаго края; Шварцъ помѣстилъ въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft статью „Ueber die Resultate der Vega-Expedition des Professors Nordenskiöld“; Руссовъ въ томъ же изданіи напечаталъ статью „Ueber die Auskleidung der Intercellularen“; Вейраухъ помѣстилъ нѣсколько статей въ ученыхъ журналахъ и издалъ 2—5 тетради III части „Meteorologische Beobachtungen in Dorpat 1877—1880“; Линдштедтъ напечаталъ въ Annales de L'ecole normale статью „Sur la détermination des distances mutuelles dans le problème des trois corps“; Браунъ помѣстилъ статью въ Archiv für Naturgeschichte— „Bericht über die wissenschaftlichen Leistungen in der Naturgeschichte der niederen Thiere pro 1881—1882“, въ Archiv für die Naturkunde Liv- Est- und Curlands— „Beiträge zur Kenntniss der Fauna baltica. II. Die Land- und Süßwassermollusken der Ostseeprovinzen“ и „Phisicallische und biologische Untersuchungen im westlichen Theile des finnischen Meerbusens“ и въ Baltische Monatschrift — „Ueber Lehnwürmer“. Преподаватель началъ архитектуры Гүлке помѣстилъ въ Baltische Monatschrift статью „Der Dóm zu Riga“. Астрономъ-наблюдатель Гартвигъ напечаталъ нѣсколько статей въ астрономическихъ изданіяхъ; Дерго напечаталъ въ S.-Petersburger medicinsche Wochenschrift — „Zwei Fälle von doppelseitiger Lähmung der Musculi cricoarytae-hoidei portici“ и „Reminiscenzen vom medicinischen Congress zu Kopenhagen“; Л. Мазингъ помѣстилъ въ Göttingensche gelehrte Anzeigen рецензію Маріинскаго Евангелія, въ изданіи г. Ягача; Л. фонъ-Шредеръ издалъ въ Лейпцигѣ „Pythagoras und die Inder. Eine Untersuchung über Herkunft und Abstammung der pythagoräischen Lehren“ и помѣстилъ въ Deutsche Literaturzeitung рецензію сочиненія „Der Hitopadescha, Altindische Märchen und Sprüche. Aus dem Sanskrit übersetzt von J. Schönberg“

Приватъ-доценты: Манделіявъ помѣстилъ двѣ статьи въ *Pharmaceutische Zeitschrift für Russland*; Кнауеръ издалъ „*Das Gohhilagz-hyasutra*“; Зеберъ напечаталъ „*Zur Geschichte des Begriffs der Kirche*“. Сочиненію умершаго заслуженнаго профессора М. фонъ-Энгельгардта подъ заглавіемъ „*Das Christenthum Justin's des Märtyrers, eine Untersuchung über die Anfänge der katholischen Glaubenslehre*“ совѣтъ университета присудилъ назначенную на 1884 годъ полную премію за научныя сочиненія.

Нижеслѣдующіе профессора Дерптскаго университета читали въ теченіе 1884 года публичныя лекціи: Фолькъ — по вопросу: на сколько можно приписывать Священному Писанію непогрѣшимость, Мюлау — по вопросу: имѣемъ ли мы первоначальный текстъ Священнаго Писанія; Энгельманъ — „Графъ Яковъ-Іоанвъ Сиверсъ“; Роландъ — „О преступномъ содѣяніи чрезъ опущеніе“; Рельманъ — „О значеніи открываемаго офтальмоскопомъ кровообращенія на сѣтчаткѣ для общаго кровообращенія“; Тома — „О нѣкоторыхъ старческихъ измѣненіяхъ въ человѣческомъ тѣлѣ“, Тейхмюллеръ — „Понятіе объ истинной вѣрѣ“; Брикнеръ — „Къ исторіи состраданія“ и „Объ исторіи народныхъ болѣзней въ Россіи“; Лешке — „Солнце, луна и звѣзды въ вѣрованіи и въ искусствѣ грековъ“ и „Группа Лаокоона и алтарныя ваянія изъ Пергама“; Мукке — „Отношеніе официальной статистики къ частной“; К. Шмидтъ — „О кислотахъ и алькаліяхъ“; Вруннеръ — „О технологіи и промышленности съ бродильными веществами“; Линдштедтъ — „Начала механики“; Браунъ — „Исслѣдованіе вида плоской глисты (*Botriocercus latus*) у щукъ изъ озера Бургнекъ“, „О нѣкоторыхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ новыхъ земныхъ и прѣсноводныхъ моллюскахъ“, „О балтійскихъ раковинахъ, собранныхъ академикомъ Шренкомъ“, „Земные и прѣсноводные моллюски Псковской губерніи“, „О температурѣ и количествѣ соли въ водѣ Финскаго залива“, „О пузырчатой глистѣ въ мышцахъ зайца“ и „О ненормальныхъ инкуденціяхъ въ куриныхъ яйцахъ“; доцентъ фонъ-Шредеръ — „О сентенціяхъ у индусовъ“; приватъ-доцентъ Кнауеръ — „Объ исторіи индійской грамматики“.

Нѣкоторые изъ преподавателей Дерптскаго университета командированы были за границу съ ученою цѣлю, а именно: профессора: Мюлау — съ цѣлю занятій въ заграничныхъ библіотекахъ по обработкѣ предпринятаго имъ вмѣстѣ съ профессоромъ Фолькомъ новаго изданія Гезеніусова ручнаго словаря еврейскаго и халдейскаго языковъ ветхаго завіта; Роландъ — для окончанія предпринятаго имъ научнаго

труда по уголовному праву; Грфманъ—для посѣщенія и осмотра извѣстнѣйшихъ больницъ въ Германіи и Англій; А. Шмидтъ—для научныхъ занятій на зоологической станціи въ Неаполѣ; Мендельсонъ—для обработки новаго изданія писемъ Цицерона *ad familiares*; Линдштетдъ — для ознакомленія съ новыми методами профессора Вейерштрасса въ Берлинѣ въ области теоріи функцій; доцентъ Шредеръ—для окончанія третьей и четвертой частей издаваемого имъ *Mâitrayâm Samhitâ*; приватъ-доцентъ Подвысоцкій—для продолженія занятій по электрофизиологіи. Внутрь Россіи командированы были профессора: Энгельманъ и Висковатовъ—въ Одессу, для участія въ бывшемъ 7-мъ археологическомъ съѣздѣ, и исправляющій должность доцента по кафедрѣ русскаго языка и литературы Мазинъ—для научныхъ занятій въ университетахъ имперіи. Доценту Шредеру совѣтомъ университета присуждена полная стипендія, назначенная для поѣздовъ съ научною цѣлью.

Совѣтъ университета имѣлъ въ теченіе года 14 засѣданій. Въ правилахъ для студентовъ введено слѣдующее примѣчаніе: „Студенты, которые сами дрались или участвовали въ поединкахъ на пистолетахъ, одновременно съ передачей ихъ уголовному суду, исключаются и не принимаются вновь въ число студентовъ Дерптскаго университета.“

На основаніи постановленій дѣйствующаго устава Дерптскаго университета, совѣтомъ университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) почетнаго доктора—библіотекаръ Рижской городской бібліотеки Георгій Берггольдъ; б) въ степени доктора магистры: К. Бергбомъ—государственнаго и междунаrodnаго права, Э. фонъ-Штернъ—древне-классической филологіи, Ф. Кнауеръ—сравнительнаго языковѣдѣнія и 29 лѣкарей—медицины; в) въ степени магистра, кандидаты: Р. Зебергъ—древне-классической филологіи и І. Семирадскій—минералогіи, и провизоры: А. Берггольдъ, Р. Ленардсонъ, А. Фридолинъ, П. Насъ и А. Зейдель — фармаціи; г) въ степени кандидата — 39 (по богословскому факультету 6, по юридическому 14, по историко-филологическому 12, по физико-математическому 7); д) въ званіи дѣйствительнаго студента — 51 (по богословскому факультету 12, по юридическому 23, по историко-филологическому 10, по физико-математическому 6). Медицннскихъ ученыхъ степеней и званій, кромѣ вышепоказанныхъ, удостоено слѣдующее число лицъ: лѣкаря 18, уѣзднаго врача 7, провизора 35, аптекарскаго

помощника 66, зубнаго врача 4, повивальной бабки 29. Всего удостоено ученыхъ степеней и званій 289 лицъ.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1884 года состояло 1,417 студентовъ; въ теченіе 1884 года вновь поступило 496 (изъ гимназій 272, изъ духовныхъ семинарій 1, аптекарскихъ помощниковъ 52, изъ другихъ университетовъ 38, вторично поступившихъ 143); въ теченіе года выбыло 438 (до окончанія курса 259, по окончанія курса 179); затѣмъ къ 1-му января 1885 года оставалось 1,485, то есть, на 68 человекъ болѣе противъ предыдущаго года. Постороннихъ слушателей въ 1884 году поступило 60; въ теченіе года выбыли всѣ поступившіе, такъ что къ началу 1885 года не оставалось ни одного посторонняго слушателя. Оставшіеся къ 1-му января 1885 года 1,485 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ—на богословскомъ факультетѣ 200, на юридическомъ 242 (по правовѣдѣнію 236, по дипломатіи 6), на медицинскомъ 735 (по медицинѣ 640, по фармаціи 95), на историко-филологическомъ 191 (по историко-филологическому отдѣленію 139, по камеральному 52), на физико-математическомъ 117 (по математическому отдѣленію 45, по отдѣленію естественныхъ наукъ 72); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 68, римско-католиковъ 101, лютеранъ 1,110, реформатовъ 30, евреевъ 176; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 511, духовнаго званія 127, почетныхъ гражданъ и купцовъ 373, мѣщанъ и разночинцевъ 285, крестьянъ 130, иностранныхъ подданныхъ 59; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 1,250, изъ другихъ учебныхъ заведеній 140, аптекарскихъ помощниковъ 95; д) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся учебныя заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 129; Московскаго 24, Казанскаго 9, Харьковскаго 8, Одесскаго 23, Киевскаго 31, Виленскаго 38, Варшавскаго 47, Дерптскаго 1,148, Оренбургскаго 2, сибирскихъ училищъ 1, изъ заграничныхъ заведеній 25. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями воспользовались 49 лицъ, всего на сумму 9,353 руб. 39 коп.; въ счетъ этой суммы употреблено: 5,502 руб. 75 коп.—изъ суммъ государственнаго казначейства, а остальные 3,850 руб. 64 коп.—изъ процентовъ пожертвованныхъ частными лицами капиталовъ; размѣръ стипендій—отъ 25 руб. до 440 руб. включительно. Стипендіи лишень былъ одинъ студентъ. Единовременныя пособія, въ размѣрѣ отъ 10 до 40 руб. включительно, выданы были 33 студентамъ, всего на 1,135 руб. на счетъ государственнаго казначейства. Отъ платы за слушаніе лекцій

освобождено было 192 студента на 2,880 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, на всѣ способы вспомоцествованія студентамъ израсходовано 13,368 руб. 39 коп.

Въ университетскомъ судѣ производилось одно дѣло о дуэли, которое передано уголовному суду. Нарушеніе порядка въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета со стороны студентовъ, а равно и столкновеній студентовъ съ университетскими чиновниками, не было.

Денежныя средства Дерптскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: Штатныя суммы: къ 1-му января 1884 года имѣлось въ остаткѣ 5,085 руб. 92 коп., въ 1884 году отпущено изъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 247,678 руб. 70 коп., въ теченіе года израсходовано 244,391 руб. 12 коп., затѣмъ къ началу 1885 года оставалось 8,373 руб. 50 коп. Специальныя средства университета: а) сборъ со студентовъ въ пользу университета, плата за матрикулы, за пользованіе больныхъ въ клиникахъ, и доходъ, получаемый отъ продажи произведеній ботаническаго сада: къ 1-му января 1884 года оставалось 13,551 руб. 43 коп., въ 1884 году поступило 44,681 руб. 65 коп., въ тотъ же срокъ израсходовано 48,907 руб. 78 коп., къ началу 1885 года остатка было 9,325 руб. 30 коп.; б) пожертвованные капиталы: остатокъ къ началу 1884 года составлялъ 80,980 руб. 55 коп., приходъ 1884 года—41,180 руб. 6 коп., расходъ — 40,344 руб. 59 коп., въ остаткѣ къ 1885 году имѣлось 81,816 руб. 2 коп. Всего къ 1885 году, вмѣстѣ съ 100 руб. переходящихъ, было 99,614 руб. 82 коп. Главнѣйшіе расходы изъ специальныхъ средствъ были слѣдующіе: жалованье сверхштатному ординарному профессору Вальтцу 2,352 руб., на усиленіе штатной суммы зоологическаго музея 943 руб., на изготовленіе медалей для награжденія студентовъ 642 руб., на приобрѣтеніе пароваго насоса для психіатрической клиники 854 руб., на квартирные деньги педагогамъ 800 руб., на усиленіе штатной суммы бібліотеки 700 руб., на усиленіе штатной суммы медицинской клиники 500 руб., на заемъ писца для правленія университета 400 руб., вознагражденіе экстраординарному профессору Брауну за читанія лекціи 400 руб., на усиленіе штатной суммы института сравнительной анатоміи 363 руб., вознагражденіе зубному врачу Витасу-Роде за обученіе медицинскихъ студентовъ зубо-врачебной техники 300 руб., вознагражденіе оберъ-педаля, секретарю, переводчику, чиновнику по счетной части и двумъ помощникамъ бібліотекаря—по 300 руб. каждому изъ поименованныхъ лицъ.

При Дерптскомъ университетѣ имѣются шесть клиникъ и клиническихъ отдѣленій. Движеніе больныхъ въ этихъ учрежденіяхъ, количество практикантовъ въ нихъ и произведенныхъ операций въ нѣкоторыхъ выражаются слѣдующими цифрами: Въ медицинской клиникѣ, при 171 практикантѣ (въ 1-мъ семестрѣ 73, во 2-мъ 98)—къ 1-му января 1884 года состояло 12 больныхъ, въ теченіе 1884 года принято 171, въ теченіе года выздоровѣло 67, получило облегченіе или оказалось неизлѣчимыми 77, въ теченіе года умерло 26, затѣмъ къ 1-му января 1885 года осталось на излѣченіи 13. Въ хирургической клиникѣ при 146 практикантахъ (въ обонхъ семестрахъ по 73): отъ 1883 года оставалось 10 больныхъ, въ 1884 году вновь поступило 487, въ теченіе года выздоровѣло 100, получило облегченіе или оказалось неизлѣчимыми 381, умерло 5, къ 1885 году осталось 11; въ клиникѣ произведено было 83 болѣе важныхъ операций. Въ офтальмологической клиникѣ, при 60 практикантахъ (въ 1-мъ семестрѣ 33, во второмъ 27): къ началу 1884 года состояла больной 1, въ теченіе 1884 года принято 319, выздоровѣло 45, получило облегченіе или признано неизлечимыми 258, къ концу 1884 года осталось на излеченіи 17. Въ акушерской и женской клиникѣ, при 106 практикантахъ (въ 1-мъ семестрѣ 68, во 2-мъ 38): отъ 1883 года оставалось 6 больныхъ, въ 1884 году вновь поступило 159, выздоровѣло 142, получившихъ облегченіе или неизлѣчимыхъ 14, умерло 5, къ 1-му января 1885 года состояло на лицо 4. Въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы, при 17 практикантахъ (въ 1-мъ семестрѣ 10, во 2-мъ 7): въ теченіе 1884 года принято 253, изъ нихъ выздоровѣло 163, получили облегченіе или оказались неизлѣчимыми 73, умерло 17. Въ отдѣленіи этомъ сдѣлано 119 вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій. Въ практическихъ занятіяхъ отдѣленія обязаны участвовать одни лишь казеннокоштные медицинскіе студенты. Въ отдѣленіи терапевтической клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней, при 47 практикантахъ (въ 1-мъ семестрѣ 34, во 2-мъ 13): къ 1-му января 1884 года оставалось 50 больныхъ, въ теченіе 1884 года вновь принято 92, въ теченіе года выздоровѣло 35, получили облегченіе или оказались неизлѣчимыми 34, умерло 10, къ началу 1885 года оставалось на излѣченіи 63.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Июль 1885.

I.

Общество высшего преподавания окончило обсужденія вопроса объ университетахъ. Это общество занимаетъ видное мѣсто въ нашемъ педагогическомъ мѣрѣ, и многія реформы, имъ предложенныя, были приняты правительствомъ. Результаты преній общества по вопросу объ университетахъ появились въ ювской книжкѣ *Revue internationale de l'Enseignement* въ видѣ донесенія, редактированнаго Боссиромъ. Вотъ заключенія этого доклада:

1) Университетъ долженъ заключать въ себѣ всѣ факультеты, которые предположены закономъ.

2) Университетамъ и всѣмъ входящимъ въ составъ ихъ факультетамъ присвоается значеніе юридическаго лица, то-есть, право получать пожертвованія и наслѣдства по духовнымъ завѣщаніямъ. Дѣйствительно, это весьма желательная реформа. Наши высшія учебныя заведенія вообще не богаты; имѣя съ своимъ распоряженіемъ только тѣ ограниченныя средства, которыя ассигнуются на нихъ бюджетомъ, они не могутъ не обогащать свои научныя собранія, ни увеличивать число каедръ; происходитъ же это оттого, что имъ не дано права приобрѣтать личную собственность; частное лицо не можетъ сдѣлать пожертвованія прямо въ пользу какого-либо факультета; оно должно внести жертвованную сумму въ министерство народнаго просвѣщенія, которое, въ свою очередь, затрудняется дать жертвованію назначеніе согласно намѣреніямъ жертвователя. Все это составляетъ длинную процедуру. Ди и притомъ въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ столь рѣзко раздѣленіе политическихъ партій какой-нибудь меце-

нать можетъ пожелать направить свои пожертвованія въ пользу своего роднаго города, а не въ руки правительства. Если университетамъ будетъ предоставлено право пріобрѣтать собственность на равнѣ съ частными лицами, для нихъ откроется новый источникъ обогащенія. Достаточно взять въ соображеніе, какъ велики суммы, ежегодно за-вѣщаемы различнымъ академіямъ, составляющимъ Французскій институтъ, или суммы, расходуемыя на частныя учрежденія. Напримѣръ, въ Парижѣ, школа политическихъ наукъ, весьма богатая средствами, обязана своимъ существованіемъ исключительно щедрости одного частнаго лица.

3) Каждымъ университетомъ долженъ управлять канцлеръ, избираемый на годъ, при содѣйствіи совѣта, составленнаго изъ представителей не только факультетовъ, но и тѣхъ учреждений и лицъ, которыя своими пожертвованіями способствовали увеличенію матеріальныхъ средствъ университета. Эта мѣра должна служить для поощренія городскихъ обществъ и частныхъ лицъ къ пожертвованіямъ.

4) Профессора факультетовъ должны быть назначаемы президентомъ республики согласно представленію министра народнаго просвѣщенія и на основаніи двухъ списковъ кандидатовъ, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ должно быть названо не менѣе двухъ лицъ; одинъ изъ этихъ списковъ представляется факультетомъ, имѣющимъ не занятую кафедру, а другой — делегатами другихъ факультетовъ; этою мѣрою предполагается устранить слишкомъ мѣстныя вліянія и nepотизмъ. Кроме того, предполагается допустить къ чтенію лекцій и постороннихъ факультету лицъ, какъ имѣющихъ степень доктора, такъ даже и не имѣющихъ ея.

5) Отдѣльные факультеты, изъ соединенія которыхъ не образовалось университета, не подвергаются измѣненію.

Таковъ выводъ изъ проекта, представленнаго обществомъ высшаго преподаванія. Съ своей стороны, министръ сдѣлалъ запросъ факультетамъ, и по полученіи отзывовъ отъ нихъ, онъ представитъ свои соображенія въ высшій совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, а затѣмъ въ палаты. Конечно, все это займетъ еще не мало времени. По всей вѣроятности, первый университетъ будетъ образованъ для опыта въ Нанси, городѣ, уже теперь имѣющемъ четыре факультета, и значеніе котораго сильно возросло послѣ потери Франціей Эльзаса и Лотарингіи.

Два или три года тому назадъ я писалъ вамъ объ основаніи въ Парижѣ особаго клуба профессоровъ и ученыхъ. Это учрежденіе

очень упрочилось. Кружокъ Saint-Simon (такъ называется этотъ клубъ) вступилъ нынѣ въ четвертый годъ своего существованія и находится въ цвѣтущемъ положеніи. Изъ отчета за 1884 годъ видно, что кружокъ насчитываетъ 750 членовъ, состоящихъ большею частію изъ членовъ института, литераторовъ, профессоровъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Кружокъ не только служитъ мѣстомъ сборищъ и не только предлагаетъ своимъ членамъ богатѣйшее собраніе научныхъ журналовъ, но и организовалъ у себя научныя сообщенія, которыя дѣлаются лучшими изъ нашихъ ученыхъ и имѣютъ весьма большой успѣхъ (Тэнъ, Реналь, Масперо, Леонъ Сэ). До сихъ поръ чтенія эти печатались въ бюллетеняхъ кружка, выходившихъ три или четыре раза въ годъ; теперь же предпринимается серія специальныхъ изданій, которыя членами клуба будутъ получаться даромъ, а сверхъ того, будутъ пущены въ продажу. Два выпуска этой серіи уже вышли въ свѣтъ; первый есть трудъ талантливаго молодого историка Вандаля, о замѣчательной книгѣ котораго „Людовикъ XV и императрица Елизавета Петровна“ я сообщалъ вамъ въ свое время. Теперь онъ написалъ эту же о Бонневалдѣ-пашѣ, замѣчательномъ авантюристѣ XVIII вѣка. Второй томъ заключаетъ въ себѣ эту же о расширеніи Германіи—Фламмермона (*Essai sur l'expansion de l'Allemagne*). Фламмермонъ состоитъ профессоромъ словеснаго факультета въ Пуатье; въ сочиненіи своемъ онъ излагаетъ приемы нѣмцевъ для расширенія своего языка и говоритъ именно о школьныхъ кружкахъ (*Schulvereine*). Книги кружка Saint-Simon издаются очень изящно и не замедлятъ составить цѣлую бібліотеку, не только занимательную для людей любознательныхъ, но и привлекательную для бібліофиловъ. Клубъ Saint-Simon имѣетъ одну отличительную черту: онъ допускаетъ въ свою среду студентовъ за весьма скромную плату въ 2 франка въ мѣсяцъ; но студенты числятся не членами клуба, а только гостями его.

Въ прошломъ году я писалъ вамъ о смерти Альберта Дюмона, состоявшаго директоромъ высшаго преподаванія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и много способствовавшаго развитію этой отрасли образованія во Франціи. Дюмонъ посвятилъ нѣсколько статей педагогическимъ вопросамъ; теперь эти статьи, разбросанныя по журналамъ, собраны въ одинъ томъ (*Librairie Collin*), подъ заглавіемъ: „Замѣтки и Рѣчи 1873—1884“ (*Notes et Discours*). Въ книгѣ этой находятся очень любопытные документы, напримѣръ, рѣчи, произнесенныя Дюмономъ въ первомъ засѣданіи института греческой кор-

респонденціи въ Аеннахъ, а также при открытіи курса археологіи въ нашей Римской школѣ, теперь столь процвѣтающей; тамъ же помѣщены официальные рѣчи, сказанныя при открытіи провинціальныхъ факультетовъ, рѣчи, въ которыхъ Дюмонъ знакомилъ общество со взглядами правительства на успѣхи высшаго образованія во Франціи, и кромѣ того, очень цѣнный этюдъ объ успѣхахъ историко-филологическихъ наукъ во Франціи и Германіи, напечатанный въ *Revue des deux Mondes* 1874 г. Книга заключается весьма важнымъ документомъ — „Замѣтками о высшемъ преподаваніи во Франціи“ (*Note sur l'enseignement superieur en France*), написанными въ августѣ 1884 г. Я познакомилъ вашихъ читателей съ этимъ этюдомъ въ свое время (*Журналъ М. Н. Пр.* 1884 г., октябрь, стр. 46=47).

II.

Книга Альберта Сореля: „Европа и французская революція“. (*L'Europe et la Revolution française. 1 vol. in 8°. Paris, Plon*) есть важнѣйшее изъ историческихъ сочиненій, появившихся у насъ за послѣднее время. Сорель, секретарь сената и профессоръ въ школѣ политическихъ наукъ, состоялъ прежде при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ историкъ и въ то же время публицистъ. Вы уже знаете о его сочиненіи: „Восточный вопросъ въ XVIII вѣкѣ“ и объ изданномъ подъ его наблюденіемъ собраніи инструкцій французскимъ посланникамъ при Австрійскомъ дворѣ. Нынѣшнее его сочиненіе въ томъ же родѣ, какъ и трудъ Тэна: „О происхожденіи современной Франціи“. Но Тэнъ ограничивается внутреннею исторіей политическихъ идей и нравовъ Франціи; Сорель, напротивъ того, занимается внѣшнею исторіей Франціи въ періодъ революціи. Трудъ его будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Въ первомъ онъ изучаетъ политическіе нравы и преданія Европы до французской революціи. Онъ доказываетъ, что въ Европѣ общественное право до революціи опиралось только на силу, и что европейское равновѣсіе покоилось единственно на различіи политическихъ интересовъ. Франція никогда не имѣла другаго принципа, и революція слѣдовала въ этомъ отношеніи традиціямъ монархіи. Европейское общественное право въ 1789 г. выражается по Сорелю тремя словами: государственная потребность какъ принципъ, интрига какъ средство, и сила какъ законъ. Злоупотребленіе этой политики привело Европу къ упадку и разьединенію, необыкновенно облегчившими успѣхъ революціи въ смыслѣ военномъ и дипломатическомъ. Въ цѣломъ рядѣ блестящихъ очерковъ Сорель изображаетъ

блескъ общественныхъ умовъ въ концѣ XVIII столѣтія, положеніе правительствъ по отношенію къ народамъ, огромное вліяніе Франціи на Европу, а затѣмъ набрасываетъ общую картину Европы, въ которой мастерски очерчиваетъ каждое государство. Замѣчательный этюдъ свой Сорель заключаетъ такъ: „Французская революція, которая представляется однимъ какъ разрушеніе, другимъ какъ обновленіе стараго европейскаго міра, въ сущности есть естественное и необходимое слѣдствіе исторіи Европы; въ ней нѣтъ ничего, что не было бы результатомъ этой исторіи и не объяснялось бы предшествовавшимъ, старымъ режимомъ“. Вѣроятно, такое заключеніе I-го тома труда Сореля будетъ оспариваемо многими, но никто не станетъ отрицать ни его огромной эрудиціи, ни его литературнаго таланта. По изложенію я могу сравнить его только съ Тэнномъ. Я не сомнѣваюсь, что это сочиненіе доставитъ ему въ близкомъ будущемъ мѣсто въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, а быть можетъ, и во Французской академіи.

Сочиненіе столь же интересное, какъ книга Сореля, хотя и съ меньшими литературными достоинствами, издано Мазадомъ: это „Переписка маршала Даву“ (*Correspondance du maréchal Davout. 4 vol. in 8°. Paris, Plon*). Маршалъ Даву былъ однимъ изъ блестящихъ генераловъ Наполеона и его послѣднимъ военнымъ министромъ; его официальная переписка обнимаетъ большую часть военной исторіи консульства и имперіи. Самые важные эпизоды изъ карьеры маршала суть кампанія 1805 г. (Аустерлицъ), кампанія 1806—1807 гг., въ которой онъ приобрѣлъ титулъ герцога Ауэрштедтскаго и въ первый разъ сталъ лицомъ къ лицу съ русскою арміею, и послѣ которой былъ сдѣланъ главнокомандующимъ французскихъ войскъ въ царствѣ Польскомъ, затѣмъ австрійская кампанія 1809 г., въ которую Даву подготовилъ побѣду при Экмюлѣ, походъ въ Россію, гдѣ сначала онъ былъ въ авангардѣ, вступилъ съ Наполеономъ въ Москву и затѣмъ, какъ главнокомандующій арьергарда, прикрывалъ отступленіе французовъ, наконецъ—кампанія 1813 г., въ которой Даву взялъ Гамбургъ и выдержалъ въ немъ достопамятную осаду. Во всю свою службу Даву рывазывалъ рѣдкія способности, какъ воинъ, администраторъ и дипломатъ. Эти четыре тома во многомъ восполняютъ то, что намъ извѣстно по сочиненіямъ историковъ, писавшихъ прежде о консульствѣ и имперіи. Русскіе историки найдутъ здѣсь много для себя любопытнаго. Укажу особенно часть переписки, касающуюся царства Польскаго и кампаніи 1812 г. Издатель переписки Даву, Ма-
часть ссхъ, отд. 4.

задѣ, членъ Французской академіи, написалъ къ ней любопытное предисловіе и большой комментарий исторической и военной. Эти четыре тома займутъ должное мѣсто во всѣхъ историческихъ библиотекахъ.

Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поручила члену своему, Анри Бодрильяру, изучить положеніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи. Исполнить это порученіе Бодрильяру было тѣмъ легче, что онъ дѣлаетъ постоянные разъѣзды въ качествѣ главнаго инспектора библиотекъ. Кроме того, онъ отличный экономистъ и ученый историкъ: еще недавно я писалъ вамъ о весьма замѣчательномъ его сочиненіи: „Исторія роскоши“ (*Histoire du luxe*). Бодрильяръ началъ изученіе земледѣлія во Франціи съ двухъ близкихъ къ столицѣ провинцій — Нормандіи и Бретани; это и составило первый томъ его огромнаго труда, теперь начавшаго выходить, подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Земледѣльческое населеніе Франціи“ (*Les populations agricoles de la France*. Paris, Hachette). Авторъ не довольствуется наблюденіемъ надъ теперешнимъ состояніемъ нашихъ крестьянъ, но восходитъ къ среднимъ вѣкамъ, разказываетъ исторію народныхъ нравовъ и народнаго образованія, разсматриваетъ современное состояніе образованія въ нашихъ деревняхъ и указываетъ средства къ поднятію его уровня. Такимъ образомъ, книга его есть не только сочиненіе политико-экономическое, но и цѣнный вкладъ въ исторію цивилизаціи нашей страны. Оно заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся исторіей французскаго народа. Разработанный въ такомъ размѣрѣ, весь трудъ составитъ по крайней мѣрѣ томовъ восемь или десять; остается пожелать, чтобъ авторъ его (которому теперь 65 лѣтъ) могъ довести до конца.

Товарищъ Бодрильяра по академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, Фюстель де-Куланжъ, профессоръ исторіи въ Сорбоннѣ, издалъ любопытную и умную книгу подѣ заглавіемъ: „Изысканія по нѣкоторымъ историческимъ задачамъ“ (*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*). Фюстель — одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ историковъ; онъ пишетъ не много, но все имъ написанное отличается большими достоинствами. Ваши читатели знаютъ его книгу о древней городской общинѣ (*Cité antique*), два раза, если не ошибаюсь, переведенную на русскій языкъ. Фюстель прежде всего — самостоятельный изслѣдователь. Изъ всѣхъ нашихъ современныхъ писателей онъ болѣе другихъ напоминаетъ Монтескье. „Вотъ уже двадцать-пять

лѣтъ, какъ я преподаю“, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—„и имѣю счастье готовить ежегодно четырехъ или пять учениковъ. Я болѣе всего приучалъ ихъ къ изслѣдованію, особенно охотно побуждалъ ихъ не вѣрить всему легко и никогда не проходить мимо историческихъ задачъ, не обдумавъ ихъ. Въ одной только истинѣ старался убѣдить ихъ—въ томъ, что исторія есть труднѣйшая изъ наукъ“. Вотъ вопросы, разработанные Фюстелемъ въ его книгѣ: „Что такое римскій колонатъ?—Была ли извѣстна германцамъ поземельная собственность? (статья, вызвавшая огромные споры въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ).—Что такое германская марка?—О судебной организаціи Франкскаго королевства. Эта книга написана преимущественно для историковъ по профессіи.

Одинъ изъ учениковъ Фюстеля, Гаске, профессоръ словеснаго факультета въ Клермонъ-Ферранъ, выдалъ для употребленія студентовъ „Краткій перечень политическихъ и общественныхъ учреждений старой Франціи“ (*Précis des institutions politiques et sociales de l'ancienne France*. 2 тома). Онъ разбираетъ ихъ послѣдовательно и съ большою ясностью, опираясь на лучшія пособія; рассматриваетъ образованіе королевской власти, администраціи центральной и провинціальной, юстиціи, финансовъ, духовенства, дворянства, буржуазіи, ремесленныхъ корпорацій и земледѣльческихъ классовъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Къ труду этому приложена хорошая библиографія. Мы уже имѣли словарь учреждений старой Франціи Шерюзля. Но словарь не даетъ мѣста общимъ взглядамъ и общей характеристикѣ историческаго развитія, а они-то и составляютъ достоинство сочиненія Гаске.

Давая вамъ отчетъ о литературныхъ новостяхъ, я рѣдко упоминаю о переводахъ, но не могу не упомянуть о переводѣ любопытной для васъ книги Ж. Р. Сидей, профессора Кембриджскаго университета, озаглавленной: „Расширеніе Англіи“ (*L'extensjon de l'Angleterre*); переводъ сдѣланъ хорошо извѣстнымъ въ Россіи А. Рамбо, который написалъ къ ней большое введеніе и очертилъ въ немъ колониальную политику Англіи и Франціи. Въ своемъ сочиненіи Сидей развиваетъ ту мысль, что Англія и ея колоніи должны слиться въ одно государство, имѣющее одинъ общій парламентъ и одно общее правительство. На дѣлаемые ему возраженія о громадности разстояній Сидей отвѣчаетъ, что электричество и паръ устранили это затрудненіе; онъ приводитъ въ примѣръ Соединенные Штаты и Россію и доказываетъ, что Британская имперія въ такомъ видѣ будетъ

неизмѣримо сильнѣе вашего отечества, или какъ онъ наивно выражается, „того конгломерата славянъ, нѣмцевъ, туркменовъ, армянъ, православныхъ, католиковъ, протестантовъ, мусульманъ, буддистовъ, который называется Россіей“. Вы видите, что эта книга особенно любопытна для русскихъ. Прибавлю еще, что Силей — одинъ изъ лучшихъ англійскихъ профессоровъ. Трудъ его выдержалъ уже восемь изданій въ Англии и только что перепечатанъ въ Лейпцигѣ. Онъ не могъ найти во Франціи лучшаго переводчика и толкователя, какъ Рамбо.

Книгопродавческая фирма, называемая la Librairie de l'Art, принимаетъ изданіе любопытной коллекціи, подъ заглавіемъ: „Знаменитые художники“ (Les artistes célèbres). Это будетъ серія монографій, посвященныхъ биографіи величайшихъ художниковъ. Редактируетъ это изданіе Евгений Мюнтцъ, хранитель галлерей въ школѣ изящныхъ искусствъ, въ нынѣшнемъ году имѣвшій честь замѣнить Тэна по кафедрѣ эстетики въ томъ же учебномъ заведеніи. Я уже писалъ вамъ о его трудахъ; теперь онъ считается лучшимъ знаткомъ художественной исторіи эпохи возрожденія. Мюнтцъ открылъ печатаніе коллекціи книгой о скульпторѣ Донателло, полною свойственныхъ ему эрудиціи и вкуса. Надо замѣтить, что всѣ иллюстраціи этого изданія изящны, а самыя книги хорошо напечатаны и дешевы: томъ въ малую четверку стоитъ 5 франковъ. Несомнѣнно, что это изданіе будетъ имѣть большой и скорый успѣхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сообщалъ вамъ о появленіи еще другой коллекціи, отчасти въ томъ же родѣ: это — „Библіотека для изученія изящныхъ искусствъ“ (Bibliothèque de l'enseignement des beaux-arts), изданіе книжной фирмы Quantin. Теперь это собраніе насчитываетъ уже томовъ двадцать. Нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ весьма драгоценныя руководства для изученія археологіи различныхъ странъ Европы. Особенно укажу на руководство къ греческой археологіи—Коллинсона, на руководство къ этрусской и римской археологіи—Марта, и на исторію византійскаго искусства—Баіе, бывшаго члена французской Аѳинской школы. Всѣ эти сочиненія заключаютъ въ себѣ отъ 300 до 400 страницъ, хорошо написаны, изящно изданы и баснословно дешевы: въ готовомъ переплетѣ томъ стоятъ 4 фр. 50 с. Въ книгѣ Марта приложена къ каждой главѣ подробная библіографія, дающая возможность ориентироваться въ археологической литературѣ; Баіе воспользовался для своего труда лучшими сочиненіями нѣмецкими и французскими по этой части;

правда, автору неизвѣстны русскія сочиненія по исторіи искусства, но все же онъ посвятилъ нѣсколько страницъ русской церковной архитектурѣ и воспроизвелъ даже видъ Боголюбова монастыря и Дмитровскаго собора во Владимірѣ. Намъ недоставало такого руководства по византійскому искусству. Авторъ его много разъ былъ на Востокаѣ.

Но вотъ изданіе болѣе специальное. Вамъ извѣстно, что въ Парижѣ основалось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Общество латинскаго Востока, занимающееся преимущественно изученіемъ роли французовъ въ эпоху крестовыхъ походовъ въ Греціи, Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ. Въ числѣ главныхъ членовъ общества состоятъ графъ Ріанъ, Шеферъ, Шленбергеръ, Масъ-Латри и др. Обществомъ уже изданы важныя сочиненія—старинные дорожники и путешествія въ Святую Землю, а также труды Шленбергера о византійской нумизматикѣ. Одинъ изъ членовъ общества, Тессье, профессоръ словеснаго факультета въ Канѣ, издалъ недавно диссертацию о четвертомъ Крестовомъ походѣ и объ экспедиціи въ Зару и Константинополь. Трудъ этотъ вполне входитъ въ кругъ занятій Общества латинскаго Востока. Всѣ знаютъ, что четвертый Крестовый походъ (начала XIII вѣка) уклонился отъ своей цѣли, и франки, вмѣсто того, чтобы идти въ Египетъ или Сирію, пошли завоевывать Зару и Константинополь. Но причины этого уклоненія довольно мало извѣстны. Тессье предпринялъ изыскать причины этой пережвы. Книга его любопытна и даетъ много новыхъ фактовъ; но къ сожалѣнію, они изложены имъ недостаточно ясно, и книга читается не легко.

Наша педагогическая литература обогатилась хорошимъ и полезнымъ сочиненіемъ — „Исторіей греческой литературы“ Дельтура главнаго инспектора въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Я уже писалъ вамъ прежде о книгѣ Дельтура по французской литературѣ, озаглавленной „Враги Расина“ (*Les ennemis de Racine*). Руководство, только что имъ изданное, не претендуетъ на оригинальность. Онъ имѣетъ въ виду обстоятельно познакомить съ греческою литературой при помощи переводовъ и разборовъ; онъ приводитъ множество отрывковъ и тѣмъ располагаетъ своихъ юныхъ читателей къ ближайшему изученію произведеній греческой словесности. Кроме того, онъ старается дать вѣрное понятіе о средѣ, въ которой возникли эти образцовыя произведенія; такъ, прежде чѣмъ приступить къ изученію драматическихъ писателей, онъ излагаетъ матеріальное устройство театра въ Афинахъ, условія драматическихъ состязаній, патріо-

тический и нравственный характеръ греческой трагедіи; точно также, прежде чѣмъ говорить объ аттическихъ ораторахъ, онъ описываетъ важнѣйшіе судебные обычаи аѳинянъ. Наконецъ, Дельтуръ отвѣлъ въ своемъ сочиненіи большое мѣсто эпохѣ упадка и эпохѣ христіанства, весьма мало разработаннымъ, а у него занимающимъ почти треть книги (250 страницъ изъ 700); исторія его кончается паденіемъ Константинополя. Это сочиненіе найдетъ мѣсто во всѣхъ бібліотекахъ нашихъ лицеевъ, рядомъ съ прежнимъ руководствомъ по тому же предмету—Пьеррона.

Изъ сочиненій для школьнаго употребленія особеннаго вниманія заслуживаетъ: „Пять частей свѣта“ (Les cinq parties du monde) — Фонсена, главнаго инспектора по среднему образованію и секретаря общества для распространенія французскаго языка. Эта книга написана по совершенно новому плану; Фонсень держится того мнѣнія, что географіи нельзя учиться безъ картъ, которыя должны быть постоянно передъ глазами. Поэтому его книга напечатана въ 4-ку въ три столбца, и текстъ ея служитъ только комментариемъ къ картамъ, которыя въ свою очередь сопровождаются иллюстраціями, какъ напримѣръ, видами городовъ, изображеніями костюмовъ и т. д. За ничтожную цѣну въ 6 франковъ 50 сан. дается 75 раскрашенныхъ картъ и болѣе 60 рисунковъ. Въ текстѣ сообщаются свѣдѣнія историческія, экономическія, этнографическія, способныя заинтересовать юношество. Географія, излагаемая въ такомъ видѣ, становится наукою живою и въ высшей степени интересною. Это руководство, по моему мнѣнію, образцовое, предназначено обновить у насъ изученіе географіи, состоявшее долгое время въ сухомъ перечислѣ городовъ, рѣкъ и горъ.

Впрочемъ, въ настоящее время у насъ географія въ большомъ ходу. Недавно основанъ въ Парижѣ новый журналъ, подъ названіемъ *Revue française de l'étranger et des colonies*, предназначенный знакомить съ чужими странами и поощрять къ путешествіямъ и изученію живыхъ языковъ; вышедшіе нумера этого журнала представляютъ большое разнообразіе содержанія. Эдуардъ Марбо, издатель его, — авторъ любимаго книги, напечатанной года два тому назадъ, подъ заглавіемъ: „Славяне и Тевтоны“ (*Slaves et Teutons*).

Академія надписей и визанціи словесности лишилась одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ членовъ—Леона Ренье, бывшаго профессора латинской эпиграфики во Французской коллегіи и директоромъ бібліотеки въ Сорбоннѣ. Онъ былъ также въ числѣ сотрудни-

ковъ Наполеона III, когда императоръ писалъ жизнь Цезаря. Интересъ Наполеона къ римской археологii способствовалъ успѣхамъ эпиграфической науки, и Ренье, которому поручено было составить сборникъ латинскихъ надписей изъ Галліи и Алжира, оказалъ огромныя услуги этой наукѣ, тогда еще новой во Франціи, и былъ первымъ профессоромъ по этому предмету во Французской коллегіи. Въ 1845 г. онъ основалъ *Revue de philologie, d'histoire et de littérature ancienne*, напечаталъ много изслѣдованій въ *Revue Archéologique* и въ сборникѣ Общества французскихъ антикваріевъ. Кромѣ того, былъ редакторомъ „*Encyclopédie moderne*“. Когда Дюрюи основалъ школу высшихъ знаній, Ренье былъ назначенъ первымъ ея директоромъ; онъ состоялъ на службѣ до самой смерти, но потерялъ память и не могъ болѣе заниматься преподаваніемъ. Во Французской коллегіи его замѣстилъ Дежарденъ; директоромъ же школы высшихъ знаній назначенъ вмѣсто него Гастокъ Парисъ.

Я не пишу вамъ о смерти Виктора Гюго. Это—европейское событіе, выходящее изъ размѣровъ моего письма. Спустя нѣсколько дней послѣ его кончины, Французская академія утратила еще одного изъ своихъ членовъ, герцога де-Ноалля, избраннаго въ 1849 г. и имѣвшаго честь занять мѣсто Шатобриана. Онъ оставилъ только два сочиненія: „Исторію г-жи Ментенонъ“ (*Histoire de Madame de Maintenon*) и „Исторію Сень-Сирскаго учебнаго заведенія“ (*Histoire de la maison de Saint-Cyr*), основаннаго г-жею Ментенонъ. Онъ давно пересталъ писать, и многіе думали, что онъ уже умеръ. Ему было 83 года. Наконецъ, Академія нравственныхъ наукъ лишилась также одного изъ своихъ членовъ—Вюитри, бывшаго министра Наполеона III. Онъ написалъ весьма почтенный трудъ: „Финансовое управленіе во Франціи до революціи“ (*Le Régime financier de la France avant la Revolution*).

Л. Л—ръ

обнаруживается во многихъ фактахъ. Такъ, египтяне считали землю тѣломъ Изиды ¹⁾, а это указываетъ, что Изида, подобно Димитрѣ, была божествомъ хтоническимъ. Геродотъ разсказываетъ, что во время праздника Димитры въ Египтѣ, установленнаго по преданію Рамсиснитомъ, жрецъ ѣхалъ къ храму богини на двухъ волкахъ ²⁾. Этотъ странный обрядъ становится понятнымъ, если мы вспомнимъ, что по учевію египтянъ Озирисъ приходилъ на помощь Изидѣ противъ Тифона принявъ видъ волка ³⁾. Изида считалась изобрѣтательницей медицины ⁴⁾; по вѣрованію египтянъ, она подавала больнымъ совѣты во снѣ ⁵⁾. Хотя нѣтъ прямыхъ указаній на то, что и Димитра открыла искусство врачевать, но на близкое отношеніе ея къ этому искусству указываетъ празднованіе Епидаврій въ одинъ изъ дней великихъ мистерій.

Наконецъ, въ томъ же сходствѣ представленій объ Изидѣ и Димитрѣ нужно искать объясненія того факта, что еволпиды и кирики влялись Изидой ⁶⁾.

Совершенно иное понятіе объ Изидѣ предлагаетъ самъ Плутархъ. Онъ говоритъ, что подъ именами Озириса и Изиды нельзя разумѣть что-нибудь вещественное, воду, солнце, землю, небо; но все, чтѣ есть въ мірѣ благоустроеннаго, хорошаго и полезнаго, во всемъ этомъ слѣдуетъ почитать дѣло (ἔργον) Изиды, образъ, подражаніе и разумъ Озириса ⁷⁾. Итакъ, по Плутарху, Изида есть сила совидающая, но не самостоятельная, такъ какъ созданія ея должны отражать въ себѣ тотъ первоначальный, высшій разумъ, выраженіемъ котораго служить Озирисъ. Приведенное Плутархомъ представленіе объ Изидѣ по своей отвлеченности едва ли могло быть доступнымъ большинству его современниковъ. Это не тотъ образъ, какой возникалъ въ душѣ грека, когда онъ молился Изидѣ, а отвлеченная философская доктрина, притомъ и у самаго Плутарха проведенная не вполне послѣдовательно ⁸⁾.

Культъ Изиды въ Греціи, также какъ и въ Египтѣ, носилъ ми-

¹⁾ Plut. De Iside. 38. a.

²⁾ Herod. II. 122.

³⁾ Dioid. I. 88.

⁴⁾ Dioid. I. 25.

⁵⁾ Dioid. Ibid. cf. Cic. De Divinat. I. 58, гдѣ жрецы Изиды, гадящіе по свовидваніямъ, называются coniectatores.

⁶⁾ Dioid. I. 29. 4.

⁷⁾ Plut. De Iside. c. 64.

⁸⁾ Cf. Plut. De Iside. c. 53 a. c. 60.

стическій характеръ. Это видно изъ словъ Плутарха ¹⁾: *αὶ δὲ τῶν ἄλλων ἔνεκα δεῖ μάρτυρα παραθέσθαι, τὰ μὲν ἀπόρρητα κατὰ χώραν εἶμεν. Τὰ ἀπόρρητα* указываетъ, что въ ученіи объ Изидѣ были стороны, которыхъ нельзя было открывать непосвященнымъ. Съ этимъ можно сопоставить другое мѣсто Плутарха ²⁾: *Ὁ Τοφῶν, πολέμιος τῇ θεῇ καὶ δι' ἀγνοίαν καὶ ἀπάτην τετοφομένος, καὶ διασκῶν καὶ ἀφανίζων τὸν ἱερὸν λόγον, ὃν ἡ θεὸς συνάγει καὶ συντίθησι, καὶ παραδίδωσι τοῖς τελοῦμένοις θεώσεως, и т. д.* Но кажется, что не во всей Греціи культъ Изиды имѣлъ характеръ мистическій, а только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Павсаній, упоминая о храмѣ Изиды, находившемся въ разстояніи сорока стадій отъ храма тибейскаго, указываетъ, какъ на особенность, на то, что въ этотъ храмъ доступъ не былъ открытъ всѣмъ безъ разбора ³⁾. Тутъ же разказываетъ онъ, какъ одинъ челоѣкъ, вошедшій въ этотъ храмъ изъ любопытства и потомъ разгласившій тибейцамъ о томъ, что онъ въ этомъ храмѣ видѣлъ, былъ пораженъ смертію за открытіе тайны ⁴⁾. Если бы таинственный, мистическій характеръ былъ во всей Греціи соединенъ съ культомъ Изиды, то Павсанію не было бы причины указывать на это, какъ на особенность, при описаніи тибейскаго храма Изиды.

По всей вѣроятности, и въ Афинахъ служеніе Изидѣ не имѣло мистическаго характера. Существованіе по близости Афинъ, въ Елевсинѣ, центра мистическаго служенія хтоническимъ божествамъ скорѣе могло препятствовать, чѣмъ содѣйствовать, установленію въ Афинахъ мистическаго культа Изиды, также хтоническаго божества.

И. Номосаденій.

¹⁾ Ibid, с. 35.

²⁾ Plut. De Iside. с. 2. b.

³⁾ Paus. X. 32. 13 — 16.

⁴⁾ Paus. X. 32. 17.

ФРАКИСКИЙ ГОРОДЪ ВЕРІА.

Множество греческихъ надписей, которыя отчасти раньше, главнымъ же образомъ послѣ окончанія послѣдней русско-турецкой войны, были найдены въ развалинахъ болгарскаго города Старой Загоры (по турецки Ески Загра), навели извѣстнаго автора „Исторіи Болгаръ“, К. О. Иречка, на мысль рѣшить вопросъ о томъ, гдѣ именно находилась Верія (Вегоеа), городъ, основанный римлянами во Фракіи¹⁾. К. Иречекъ обладаетъ обширными свѣдѣніями по исторіи Балканскаго полуострова, и рѣшеніе вышеуказаннаго вопроса удалось ему исполнѣ. Поэтому считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ главными доводами, на которыхъ основано утвержденіе Иречка, что Верія находилась на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Старая Загора.

Старая Загора расположена у подошвы Малыхъ Балканъ, тамъ, гдѣ дорога изъ Филиппополя въ Сливно пересѣкаетъ дорогу изъ Казанлыка въ Карабунаръ и Харманли. Городъ лежитъ на мѣстѣ, немного наклоненномъ къ юго-востоку, и почти со всѣхъ сторонъ окруженъ обширными виноградниками. На сѣверѣ и западѣ поднимаются вершины Малыхъ Балканъ, а восточная и южная стороны совсѣмъ открыты. На югъ отъ города открывается прелестный видъ на безконечную равнину, которая, по справедливости, можетъ быть названа житницей Восточной Румелии: между полями, поросшими отличною пшеницей, кукурузой и льномъ, зеленѣютъ густые ряды высокихъ орѣховыхъ и миндальныхъ деревьевъ. Климатъ здѣсь уже исполнѣ

¹⁾ *Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество*. Бл. II. 1882. Сръдецъ. Стр. 28—69.

ожный, и лѣтнія ночи теплы. Далеко на юго-востокѣ выступаютъ надъ горизонтомъ отчетливыя очертанія горы Сакаръ-Бавръ, а на югѣ видѣются контуры Родопскихъ отроговъ.

Старая Загора служитъ центромъ одного изъ шести департаментовъ Восточной Румелии и, по числу жителей (13,279 человекъ), послѣ Филиппополя, Сливна и Татаръ-Базарджива, является самымъ большимъ городомъ ея. До прибытія нашихъ войскъ въ эти мѣста въ іюлѣ 1877 года Старая Загора состояла почти изъ 4,000 домовъ и домиковъ, но когда оба наши отряда принуждены были отступить передъ тридцати-тысячною арміею Сулейманъ-паши, то городъ и его окрестности подверглись звѣрству турецкихъ войскъ: вся Старая Загора была уничтожена пожаромъ, остался одинъ турецкій кварталъ въ юго-западной части города, составляющій приблизительно четверть всего города. По окончаніи войны, жители стали снова строить свои жилища, но не такъ, какъ прежде, а по правильному, опредѣленному плану, и можно надѣяться, что возрожденная Старая Загора будетъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ болгарскихъ городовъ.

Разрушеніе и обновленіе города обнаружило множество римскихъ древностей, которыя прежде таились подъ византійскими, болгарскими и турецкими постройками, и доставило наукѣ неоцѣненный матеріалъ для разработки топографіи и исторіи римской провинціи Тракия.

Во время турецкаго владычества внутренняя часть города называлась „хиссаръ“, то-есть, крѣпость, и была отчасти защищена стѣнами и воротами, остатки которыхъ еще теперь можно видѣть. Это укрѣпленіе имѣло форму правильнаго четырехугольника, стороны котораго были обращены къ четыремъ странамъ свѣта. Отъ восточной стѣны уцѣлѣла довольно значительная часть — до 60 шаговъ длины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6 метровъ вышины. По матеріалу и способу кладки, постройка эта вполне римская. Почти въ шести шагахъ передъ нею находятся фундаменты другаго укрѣпленія. Уже это приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ этихъ мѣстахъ находился когда-то римскій городъ; но еще больше говорятъ въ пользу нашего мнѣнія найденные здѣсь обломки и остатки статуй (Минервы, Януса, гладіатора съ четырехугольнымъ щитомъ и короткимъ мечемъ) и многочисленныя греческія ¹⁾ надписи временъ Римскихъ императоровъ.

¹⁾ *Alb. Dumont*, Inscriptions et monuments figurés de la Thrace. Paris. 1877, pag. 61: «L'épigraphie de la Thrace est grecque et non latine. Les inscrip-

Изъ числа надписей, напечатанныхъ въ болгарскомъ журналѣ *Период. Списание*, приведемъ только тѣ, на которыхъ Иprechъ основываетъ свое мнѣнiе.

Въ первой изъ нихъ упоминается объ императорѣ Коммодѣ (180—192), во второй—объ Антоніѣ Гордіанѣ (238—244), а третья надпись 575 года относится ко времени Юстини II и его соправителя Тиверія.

Вотъ надписи:

I.

Ἄγαθῆ τύχῃ τὸν θεϊότατον καὶ μέγιστον αὐτοκράτορα Καίσαρα Μ. Αὐρήλιον Κόμμοδον Ἀντωνῆνον Σεβαστὸν Γερμανικὸν Σαρματικὸν Βρεταννικὸν, ἀρχιερέα μέγιστον, δημ(οτικῆς) ἐξουσίας τὸ β. αὐτοκράτορα τὸ ἰ. ὕπατον τὸ ε. πατέρα πατριδος, ἡγεμονεύοντος τῆς Θρακῶν¹⁾ ἐπαρχείας Καί(ου) Κ(λαυδίου) Ματέρνου πρεσβ(ευτοῦ) σεβ(αστοῦ) ἀντιστρατηγοῦ, Ἀντίπατρος Ἀπολλωνίου τοῦ ἀρχιερέως β. κατὰ ὑπόθεσιν τοῦ πατρὸς ἐκ τῶν ἰδίων ἀνάστησεν²⁾.

II.

Τὸν μέγιστον καὶ θεϊότατον αὐτοκράτορα δεσπότην τῆς οἰκουμένης Μ. Ἀντωνίον Горδιανὸν εὐσεβῆ εὐτυχῆ σεβαστὸν ἢ βουλῆ καὶ ὁ λαμπρότατος δῆμος ..ἀνέων (?) ἐκ τῶν Ὑπερκαίωνων ἡγεμονεύοντος τῆς Θρακῶν ἐπαρχείας Καττίου Κέλερος³⁾.

III.

... αἰωνίου Αὐγούστου καὶ αὐτοκράτορος ἔτους ἐνδεκάτου καὶ Φλαβ(ίου) Τιβαρίου Κωνσταντίνου τοῦ εὐτοχεστάτου ἡμῶν Καίσαρος ἔτους δευτέρου ἰνδ(κτιῶνος)... ἐπὶ Ἀρμάτου βιχαρίου Θράκης διὰ Χρυσαρίου ἐργολάβου.

tions latines sont très rares dans cette province. ... On sait qu'au nord de l'Hémus la langue latine domine au contraire dans Périgraphie.

¹⁾ Дюмонъ и Иprechъ пишутъ *Θρακίας*. Cf. *Dumont*, l. c., p. 29.

²⁾ Эта надпись, здѣсь впервые изданная, чѣмъ у Дюмона, относится не къ 190 году, какъ говоритъ Иprechъ,—потому что въ этомъ году Коммодъ былъ не въ пятый разъ консуломъ, а къ 186 оду. См. *Dio Cassius ed. Dindorf*, vol. V, pag. XLIII. Ср. *Dio Cass.* 72, 15.

³⁾ *Dumont*, l. c., pag. 30.

Теперь представляется вопрос: какому древнему городу принадлежат эти всё остатки, найденные въ Старой Загорѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что нужно искать этотъ городъ во Фракіи, въ одной изъ тѣхъ шести провинцій, на которыхъ, по мнѣнію большинства ученыхъ ¹⁾, былъ раздѣленъ, во время Діоклетіана, Фракійскій діоцезъ, какъ объ этомъ въ первый разъ упоминаетъ Амміанъ Марцеллинъ (около 330—400) ²⁾. Граница, которая отдѣляла Фракійскую провинцію отъ соседней области того же діоцеза, именно отъ провинціи Гемимонта, пересѣкала большую дорогу, идущую черезъ Филиппополь въ Византію, около „*mutatio Rhamae*“, между Харманли и Мустафа-Кюпри, недалеко отъ моста, построеннаго черезъ рѣку Марицу ³⁾. Отсюда же граница, по всей вѣроятности, тянулась прямо на сѣверъ въ Балканамъ. По свидѣтельству Амміана Марцеллина, къ провинціи Гемимонту, кромѣ Адрианополя, принадлежалъ тоже городъ Анхіаль на берегу Чернаго моря, такъ что, по всей вѣроятности, древній Гемимонтъ занималъ почти то же самое пространство, какое впоследствии занимала Адрианопольская епархія, простиравшаяся отъ Сливна, Ямбола и Карнабата до Люле-Бургаса ⁴⁾. Городъ Кабиле, извѣстный читателямъ Демосоена (у византійцевъ Διὸς πόλις — Διάπολις — Ὑάμπολις — нынѣшній Ямболъ) также принадлежалъ, какъ видно изъ древнихъ источниковъ, къ Гемимонту.

„Кромѣ того“, продолжаетъ К. Иречекъ, — „нѣкоторыя изъ прежде приведенныхъ надписей ясно свидѣтельствуютъ, что древній городъ принадлежалъ къ ἐπαρχία Θράκη“, то-есть, къ Фракійской провинціи, части діоцеза Фракійскаго. Но здѣсь этотъ ученый оказывается не послѣдовательнымъ, упуская изъ виду сказанное имъ же самимъ немного раньше, то-есть, что названіе Θράκη до царствованія Діоклетіана (284—304) имѣло другое значеніе, а послѣ этого времени опять другое и что, слѣдовательно, въ первыхъ двухъ надписяхъ Θράκη имѣетъ болѣе обширное значеніе, чѣмъ въ третьей. Во времена, къ которымъ относятся первыя двѣ надписи, Фракія занимала все пространство, находившееся между провинціей Македоніей

¹⁾ *J. Marquardt*, Römische Staatsverwaltung. Leipzig. 1873. I, 159.

²⁾ *Ammian.* 27, 4, 12. 13. Названія шести провинцій были: Thracia, Haemimontus, Moesia, Scythia, Europa, Rhodopa.

³⁾ *K. Jireček*, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag. 1877, стр. 47.

⁴⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* июнь 1882, стр. 172.

Нижней Мезией, Чернымъ и Эгейскимъ морями. Что въ это время не было еще діоцеза Тракийскаго, видно, напримѣръ, изъ того, что Нижняя Мезія была самостоятельной провинціей: ἡ Μοισία ἡ κάτω. У древнихъ писателей и въ надписяхъ можно найти много мѣстъ, свидѣтельствующихъ въ пользу этого мнѣнія, но мы ограничиваемся Діономъ Кассіемъ, который жилъ въ то самое время, къ которому относятся наша первая надпись. Не забудемъ, что Діонъ родился недалеко отъ Тракіи, что лично посѣтилъ Византію ¹⁾, и что, будучи высокопоставленнымъ лицомъ въ Римской имперіи, онъ хорошо зналъ состояніе провинцій. Разказывая о расположеніи легионовъ въ римскихъ провинціяхъ, онъ ясно говоритъ, что седьмой легионъ въ его время находился въ провинціи Верхней Мезіи (ἐν τῇ Μοισίᾳ τῇ ἄνω), а одиннадцатый—въ Нижней Мезіи (ἐν τῇ Μοισίᾳ τῇ κάτω)²⁾; онъ знаетъ особыхъ правителей Мезіи и особыхъ правителей Тракіи, да и вообще вездѣ въ его сочиненіи не сказано, что Мезія принадлежитъ къ Тракіи.

Изъ всего этого очевидно, что Иречку въ его доказательствахъ слѣдовало опираться только на третью надпись, въ которой названіе Θράκη употребляется уже не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось до Діоклетіана.

Судя по множеству и важности древностей, найденныхъ въ Старой Загорѣ, можно сказать, что искомый нами городъ былъ вторымъ по значенію городомъ во Тракийской провинціи, то-есть, какъ видно изъ Амміана Марцелліана и Иордана, — Верія ³⁾.

Тождество Веріи и Старой Загоры подтверждаютъ еще нѣсколько данныхъ, сохранившихся въ древнихъ памятникахъ, о разстояніи Веріи отъ другихъ мѣстъ, на что уже до Иречка нѣкоторые ученые обращали вниманіе. Въ первый разъ о городѣ Веріи упоминается въ описаніи римскихъ дорогъ, въ такъ называемомъ „Itinerarium Antoninum“, и въ римской картѣ, известной подъ именемъ „Tabula Peutingeriana“. По этой картѣ городъ „Berone“ (sic) находился въ 52 римскихъ миляхъ на западъ отъ города Кабиле, что вполне согласно съ разстояніемъ Ямбола и Старой Загоры. Даже известно, что изъ Веріи къ большой византійской дорогѣ вели два пути: одинъ къ „mutatio

¹⁾ Dio Cass. 74, 14, 5.

²⁾ Dio Cass. 55, 23, 3. 4.

³⁾ Ammian., l. c.: Thracia.... quam Philippopolis, Eumolpias vetus, et Berone amplae civitates exornant. Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. августъ 1882, стр. 379.

(станція) *Ranilum*¹⁾, на разстояніи 36 римскихъ миль (теперешняя дорога черезъ Чирпанъ и Хаджи-елесь), и другой, въ 30 миль, къ „*maaisio Castra Zabrag*“ (нынѣшная дорога черезъ Акбунаръ въ Сейменли около рѣки Марицы)¹⁾.

Иорданъ (*De origine actibusque Getarum*, cap. 18), описывая войну съ германскими готами, которые часто переправлялись черезъ Дунай и нападали на римскія провинціи, разсказываетъ, что въ 250 году императоръ Децій, спѣша изъ *Nisopolis ad Naesum* (Никюпъ у Тырнова)²⁾ въ Филиппополь, перешелъ черезъ вершины Балканъ и прибылъ къ городу Веріа; но здѣсь былъ онъ разбитъ на голову готами, которые между тѣмъ по другой дорогѣ переправились черезъ Балканы и догнали его около Веріа. Въ 587 году жители Веріа, сообщаясь жителями сосѣдняго города Діоклетіанополя, храбро отразили нападеніе аваровъ; Діоклетіанополь, по всей вѣроятности, нужно искать тамъ, гдѣ теперь находятся воды Хиссаръ, описанныя Дюмономъ (I. c., pag. 68) и въ послѣдній разъ Х. Шворнломъ, учителемъ Сливенскаго реальнаго училища³⁾. Въ древнѣйшихъ спискахъ христіанскихъ епископовъ на Востокѣ упоминается между прочими и *ἐπίσκοπος Θράκης ὁ Βερόης*. Во времена болгарско-византійскихъ войнъ Веріа, крайнее укрѣпленное мѣсто на равнинѣ у подошвы Малыхъ Балканъ, была одною изъ самыхъ важныхъ крѣпостей Римской имперіи. Императоръ Никифоръ поселилъ въ 802 году множество малоазіатскихъ христіанъ въ Адрианополѣ, Анхіалѣ, Веріа, въ окрестностяхъ Филиппополя и на берегахъ рѣки Струмы (турецкая Бара-су); но уже десять лѣтъ спустя эти колонисты покинули пограничныя крѣпости Анхіалъ и Веріа, испугавшись отважныхъ походовъ Болгарскаго князя Крума. Въ спискѣ византійскихъ епархій во время императора Льва Философа (886—907 гг.) Веріа уже не упоминается; вѣроятно, въ это время Веріа перешла во власть Болгарскихъ князей. Въ XII столѣтіи о Веріа говорится во время войны Византійскихъ императоровъ съ задунайскими печенѣгами, которые въ своихъ походахъ доходили до этихъ мѣстъ; въ 1122 году императоръ Іоаннъ разбилъ ихъ *περὶ πόλιν Βερόην*⁴⁾. Въ царствованіе Исаака Ангела, въ разказѣ объ Асѣнѣ и Петрѣ, говорится тоже о Веріа; мимо этого

¹⁾ *K. Iireček*, Heerstrasse, стр. 46.

²⁾ *F. Kanitz*, Donau-Bulgarien. 2 Aufl. Leipzig. 1882. I, 181.

³⁾ *Ископаема богатства въ България*. Сливень. 1882, стр. 8. 9.

⁴⁾ *Киннамъ*. Изданіе Боняслов, стр. 7.

города прошелъ Исаакъ изъ горъ въ равнину послѣ великаго пораженія, которое ему нанесли болгары въ горахъ. Незадолго до того крестовоспы, зимую во время третьяго похода въ Филиппополь, отправили, между прочимъ, одинъ отрядъ подъ предводительствомъ Фридриха, герцога Швабскаго, и Бертольда изъ Андекса (въ Тиролѣ) на сѣверо-востокъ къ Малымъ Балканамъ, и они, прошедши десять нѣмецкихъ миль, внезапно напали на „очень богатый городъ Верои“ (*Veroi civitatem opulentissimam*). Теперь изъ Филиппополя въ Старую Загору считается 11 часовъ ѣзды ¹⁾. Въ византійской грамотѣ, данной венеціанцамъ въ 1119 году, говорится о „*provincia Philippopolis, Bergoea, Morghae et Achridis*“; послѣднія двѣ провинціи находились въ Родопскихъ горахъ. Осенью 1206 года Латинскій императоръ Генрихъ преслѣдовалъ Болгарскаго царя Калояна отъ Адрианополя до Веріи четыре дня. Жители Веріи убѣжали отъ приближающагося латинскаго войска въ близкія горы, такъ что городъ остался совершенно пустымъ. Латиняне пробыли здѣсь два дня и собрали громаднѣю добычу, потому что Верія и ея окрестности изобиловали хлѣбомъ и стадами воловъ и буйволовъ ²⁾. Изъ этого разказа ясно, что Верія уже до занятія Константинополя латинянами перешла отъ византійцевъ въ руки болгаръ. Два года спустя, въ іюнь 1208 года, императоръ Генрихъ пришелъ съ латинянами по той же дорогѣ къ Веріи и разбилъ тамъ болгаръ. Въ 1230 году въ грамотѣ, данной Іоанномъ Асѣномъ II купцамъ города Рагузы, встрѣчается названіе „Боруйска хора“ (*χώρα*). Это названіе было въ ходу еще 250 лѣтъ тому назадъ; рагузскій лѣтописецъ Іаковъ Лукаричъ, который, самъ будучи купцомъ, часто бывалъ въ Филиппополь, разказываетъ въ своемъ сочиненіи: *Copioso ristretto degli annali di Rausa. Venezia. 1605, pag. 64*, что Солиманъ, послѣ сраженія съ сербами у Чирмена на рѣкѣ Марицѣ, овладѣлъ то же городомъ Боруйградомъ, который лежалъ между Ямболомъ и Филиппополемъ: „*Solimán con occasione di questa vittoria s'impadronò d'Adrinopoli, Filippopoli et di Boruigrad et di Jambol*“.

• Когда царство Асѣной начало распадаться, Верія около 1255 года среди зимы была взята Византійскимъ императоромъ Ѳеодоромъ II Ласкарисомъ посредствомъ нечаяннаго нападенія. Современный писатель Агрополита разказываетъ, что городскія стѣны Веріи были тогда

¹⁾ X. H. C. Отечественна географія. Пловдивъ. 1881, стр. 71.

²⁾ Villehardouin, éd. de *Wailly*, pag. 267; Никита, pag. 852.

въ плохомъ состояніи, отчасти разрушены и со многими отверстіями, такъ что не трудно было взять городъ. Послѣ этого событія нигдѣ больше не встрѣчаемъ съ названіемъ „Верія“. Во власть турокъ этотъ городъ перешелъ въ началѣ царствованія Мурада I, который вступилъ на престолъ въ 1362 году.

Названія Берея, Верія или Боруиградъ въ Болгаріи теперь совсѣмъ забыты. Ихъ мѣсто заняли названія: Ески-Загра, Ески-Зара или Стара Загора. Названіе „Желѣзникъ“, которое встрѣчаемъ между прочимъ въ сочиненіи Иречка „Исторія Болгаръ“ и на прекрасной картѣ Киперта ¹⁾, совсѣмъ новаго происхожденія и встрѣчается — на сколько извѣстно — въ первый разъ въ книгѣ Априлова „Болгарскія Грамоты“, изданной въ 1845 году въ Одессѣ. Это слово, вышедшее совершенно изъ употребленія, произошло вѣроятно, хотя ошибочно, изъ греческаго названія Σιδηρῆ или Πόλις Σιδηραῖ, — ошибочно потому, что оно имѣло у византійцевъ совсѣмъ другое значеніе, ибо византійцы обозначали этимъ именемъ тотъ проходъ въ Балканахъ, который и теперь называется Демиръ-капу, то-есть, „Желѣзные ворота“ ²⁾.

Вл. Шиорниль.

¹⁾ Generalkarte der europ. Türkei, Berlin, 1870.

²⁾ F. Kanitz, III, 171.

КРИТСКІЯ НАДПИСИ.

I. Вблизи раскинувшихся на большомъ пространствѣ развалинъ могучаго въ древности Кносса находятся теперь бѣдное селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ домовъ. Во время путешествія своего по Криту я, благодаря обязательному указанію гражданина города Кандін И. А. Паладаки, нашелъ тамъ обломокъ древней надписи βουτροφηδόν, хранящейся въ домѣ поселанина Константина Кукураки. Надпись эта, положенная обратной стороной у порога при выходѣ изъ дома, сохранилась еще довольно хорошо. Вырѣзана она на сѣромъ камнѣ длиной 0,65, шириной 0,35, толщиной 0,16; среднее разстояніе между строками 0,03; средняя высота буквъ 0,07. Какъ можно видѣть изъ прилагаемой копіи, не всѣ буквы имѣютъ одинаковую величину. Я читаю эту надпись такъ:

. . . . [δα]ρχμὰς ἱκατι
. . . . ἡστίας (= ἑσθλός?) . . .
. . . . [δαρχ]μὰς ἱ[κ]ατι . . .

Очевидно, на этомъ камнѣ былъ вырѣзанъ какой-то счетъ. При незначительности обломка мнѣ кажется слишкомъ смѣлымъ категорически рѣшить вопросъ о томъ, на какой предметъ были израсходованы упоминаемыя въ немъ суммы. Можно бы сдѣлать нѣсколько предположеній, но всѣ они имѣли бы за собою одинаковую степень вѣроятности, и только; поэтому, ограничусь немногими замѣчаніями о томъ, чтò представляется въ сохранившейся надписи.

I и 3 стр. δαρχμὰς—ср. Mittheilungen. 1884. 374. I. 31. Ibid. 375. II. 10. Форма ἱκατι (= εἰκοσι) интересна по своему начертанію: въ ней для изображенія звука и употреблены два различные знача. Въ Гортинской подписи, найденной въ концѣ прошедшаго года, то же

числительное ἕκατι, при одинаковомъ начертаніи, какъ долгаго, такъ и краткаго звука и, имѣеть въ началѣ *f* (Mittheilungen. 1884. 377. IV. 14).

2-я стр. ἤσολός. Замѣна въ критскомъ діалектѣ придыхательнаго звука θ соответствующимъ ему твердымъ τ встрѣчается въ упомянутой уже мною Гортинской надписи въ словахъ ἀντροπος и ἀντροπινα (Mittheilungen. 1884. 383. X. 25. 44. XI. 24).

II. Другая списанная мною надпись находится въ городѣ Кандія въ домѣ русскаго вице-консула И. Г. Мицотакиса. Она вырѣзана также на сѣромъ камнѣ. Камень этотъ разбитъ на три части, но линия разлома не слишкомъ широка, такъ что отдѣльные куски довольно плотно приходятся одинъ къ другому. Длина камня 0,61; ширина 0,82; толщина 0,08. Средняя высота буквъ 0,018; среднее разстояніе между строками: 008. Копія:

1. Ἀπόλ[λ]ω[ν] Δε|καταφόρωι καὶ τοῖς|
δῶδε[χα] θεοῖς καὶ Ἀθα[να]ΐαι πολ[ι-]
ἀδι ἐπε[μ]έληθεν ἐκ θεμηλίω ᾄ—
χρη ἐπὶ τὸ[μ] ἀταλοβ?.. τὸμ ἐπὶ τῶ[ι]
5. ὀρθοστά[ται] καὶ τὰ θυρώματα [αἰ?ε-]
πὶ τῶν Δουα[ί]ων κοσμοντω[ν]
Ἀγχιμαάχω τῶ [Σ?]ωτέλεος
Σώσιος τῶ [Ἀ?]μη[λίωνο]ς?
Εὐφάμω τῶ. ασα. . .
10. Εὐφάμω τῶ. . . εἰ. α. . .
Πρατο[φά]νεος τῶ. . . ω.
Θίωνος [τ]ῶ [Ἀ?]μηλίω[ν?]ος
Θώρακος τῶ Κ[λεοβώ]λω?
Θώνος τῶ. τεος
15. Ξενοφίλω [τ]ῶ Ἴμε.
Βουλῶτω.

Камень этотъ, по словамъ владѣльца, найденъ въ Иерапитнѣ. Известно, что въ Иерапитнѣ дѣйствительно былъ установленъ культъ Аэинны-Полиады¹⁾. Знаемъ также, что въ этомъ городѣ находился

¹⁾ С. I. G. 2556. 1.77—78 = *Cauer*² n° 119: στασίτων δὲ τὰς στάλας—οἱ μὲν Ἱεραπότνιοι ἐν τῷ ἱερῷ τὰς Ἀθαναίας τὰς Πολιιδος... cf. *Cauer*² n° 116. l. 5—6. С. I. G. 2555. l. 12. Ibid. n° 2:65.

Къ статья г. Новосадскаго о критскихъ надписяхъ.

Υ Ζ Τ Α Ξ Ι Μ Α Ψ Κ Ρ
Π Μ Τ Γ Μ Σ
Ξ Τ Δ Υ Ι Μ Α Ψ

ΑΠΟΛΩ ΚΑΤΑΦΟΡΩΙΚΑΙΤΟΙΣ
ΔΩΔΕΚΘΕΟΙΣΚΑΙΑΘΑΨΙΑΙΠΟΛ
ΑΔΙΕΓΕΛΕΛΗΘΕΝΕΚΘΕΜΗΛΙΩ
ΧΡΙΕΠΙΤΟΜΑΙΑΛΟΒΓΤΟΜΕΠΙΤΟ
ΟΡΘΟΣΤΑΚΛΙΤΑΘΥΡΩΜΑΤΑ
ΠΙΤΩΝΔΥΜΑΙΩΝΚΟΣΜΟΝΤΩ
ΑΓΗΣΙΜΑΧΩΤΩΩΤΕΛΓ
ΣΩΣΙΟΣΤΩΜΗΛΩ
ΕΥΦΑΜΩΤΩΑΣΦΑ
ΕΥΦΑΜΩΤΩΕΥΙΑ
ΠΡΑΤΟΝΕΟΣΤΩΩ
ΘΙΩΝΟΣΩΜΗΛΩ
ΘΩΡΑΚΟΣΤΩΚΑΩΡΩ
ΘΥΩΝΟΣΤΩΓΕΟΣ
ΞΕΝΟΦΙΛΩΩΦΜΕ
ΒΟΥΛΩΤΩ

Дит. А. Ивѣна. С. II. В.

храмъ Аполлона Пивейскаго ¹⁾, но Аполлонъ δεκατηφόρος, не смотря на широкое развитіе почитанія Аполлона на всемъ Критѣ, встрѣчается въ критскихъ надписяхъ, кажется, въ первый разъ. Съ этимъ эпитетомъ Аполлонъ встрѣчается въ одной аргосской надписи: С. I. G. n° 1142:

Δεξιόστρατος Ἀρχιπ[ου]

Ἀπόλλωνι δεκα[τηφόρῳ].

Павсаний говоритъ (I. 42. 5), что въ Мегарахъ была статуя Аполлона Δεκατηφόρου.

Разсматриваемая нами надпись представляетъ актъ о починкѣ храма въ честь Аполлона, „получающаго десятину“, двѣнадцати боговъ и Аины-Полиады (стр. 1—2). Починка была произведена отъ основанія до ἀταλοβ., находящагося на ороостатѣ (стр. 3—5). Слово ὀρθοστάτης; встрѣчается и у авторовъ, и въ надписяхъ, напримеръ, въ С. I. G. n° 160. l. 60: τὸς ὀρθοστάτας ἀκαταχρῆστος ἐκ τῷ ἔχουθεν ἐγὼ κόκλοι πλὴν τῶν ἐν τῇ προστάσει τῇ πρὸς τοῖς κερροκίαι. Бекъ объясняетъ это мѣсто такъ (ibid. p. 279): „Intellige omnes pilos angulares: duas stoeae maioris (parastatam versus orientem, antam in occidentem), totidem ad parietem fenestratum, item ad prostylum“... Но можно сомнѣваться, примѣнимо ли такое объясненіе къ нашей надписи. Слово ὀρθοστάτης, имѣя нѣсколько значеній (cf. K. O. Müller. Handbuch der Archæol. der Kunst. 1878, p. 376) ²⁾, можетъ обозначать также и тѣ каменные плиты въ видѣ колоннъ, утверждаемыя на εὐθυνηρία ³⁾, на которыхъ непосредственно воздвигалась стѣна ⁴⁾. Въ этомъ значеніи, какъ наиболѣе обыкновенъ, хотя не на столько исключительномъ, какъ это, по видимому, полагаетъ Г. В. Дёрифельдъ (Mittheilungen 1884, 151 b.); слово ὀρθοστάτης, кажется, употреблено и въ 5-й строѣ разбираемой нами надписи. Что касается до ἀταλοβ... (4-я строка), то ни одинъ изъ лексикографовъ не приводитъ слова, которое имѣло бы такой же звуковой составъ. Не имѣя основанія предпологать въ этомъ случаѣ ошибку

¹⁾ С. I. G. 2555 l. 13. cf. *Cauer* ² n° 116. l. 13—14. Ibid. n° 117 l. 21.

²⁾ Eurip. *Ἰων.* v. 1132: ὁ δὲ νεανίας σεμνῶς ἀτοίχους περιβολὰς σηκωμάτων ὀρθοστάταις ἰδρῶν ἥλιου φλόγα καλῶς φυλάττας...

³⁾ *Dittenberger.* Sylloge. n° 352. l. 19. Hesych. Εὐθυνηρία. τὸ ἐν ἐδάφει σύμμαγμα ὑπὸ τῶν ἀρχιτεκτόνων.

⁴⁾ *Dittenberger.* Sylloge. n° 352. l. 27: „ἐπὶ ἐκ τοῦ ὀρθοστάτου πλινθίσιν οἰκοδομήσει τοὺς τοίχους. Cf. Vitruv. II. 8.

рѣзчика, допускаю возможность ошибки въ копіи, хотя нѣсколько разъ провѣрялъ ее по камню.

Возобновленіе храма произошло ἐκὶ τῶν Διραίων κοσμήτων (6 стр.). Въ извѣстныхъ уже надписяхъ изъ Іерапитны космы обыкновенно обозначаются именами своихъ епонимовъ ¹⁾, и не встрѣчается указанія на то, чтобы космы избирались въ этомъ городѣ исключительно изъ членовъ одного рода. До настоящаго времени имѣлись документальныя свѣдѣнія объ избраніи на Критѣ космовъ изъ одного рода въ двухъ городахъ: въ Дрерѣ—изъ рода Αἰθαλέων ²⁾ и въ Аесѣ—изъ рода... τιδᾶν ³⁾. Конечно, отсутствіе указаній на избраніе въ Іерапитнѣ космовъ изъ членовъ одного рода не приводитъ къ тому заключенію, что эта надпись должна происходить изъ какого-нибудь другаго мѣста. Впрочемъ возможно, что во II вѣкѣ до Р. X. ⁴⁾ выдвинулась въ Іерапитнѣ своими заслугами и богатствомъ какая-нибудь фамилія, изъ которой стали избирать космовъ.

Разсматриваемая надпись интересна еще въ томъ отношеніи, что въ ней приведены имена всѣхъ космовъ, число которыхъ согласно съ свидѣтельствомъ Аристотеля (Polit. II. 7. 3.), что космовъ было десять, между тѣмъ какъ въ другихъ критскихъ надписяхъ приводятся имена то четырехъ космовъ (Bulletin 1885, p. 15. A.), то шести (Ibid. p. 18. n° 13).

Та часть надписи, на которой были выражены отчества космовъ (стр. 7—10), сохранилась очень плохо. Нѣкоторыя имена совершенно нельзя возстановить (стр. 11 и 16), возстановленіе другихъ можетъ представлять различные варианты. Въ строкахъ 7-й я читаю: [Λ?]ωτάλεος. Нельзя однако не замѣтить, что между двумя ω недостаточно мѣста для Σ. Въ строкахъ 8-й предъ Μ видны двѣ точки, которыя я принимаю за остатокъ Α. Съ перваго же взгляда обнаруживается сходство въ тѣхъ буквахъ, какія сохранились отъ имени отца Σώπιος и отца Θίωνος (стр. 12-я); поэтому я возстановляю и то, и другое одинаково,

¹⁾ Cauer ² n° 118 l. 1: „Ἐβοῦεν Ἱεραπολιτῶν τοῖς κόσμοις τοῖς σὺν Ἀλεξάνδρῳ“. Ibid. n° 119 l. 1—2: „ἐκὶ κόσμων ἐν μὲν Ἱεραπολίτῃ τῶν σὺν Ἐπίπαντι τῷ Ἑρμῶν“.

²⁾ Rangobé. n° 2478=Cauer² n° 121. cf. Bulletin. 1885. p. 15. A.

³⁾ Bulletin. 1885. n. 16. Примѣч. 1-е.

⁴⁾ Наша надпись, какъ видно изъ начертанія буквъ, позже надписи Cauer² n° 118, относящейся по мнѣнію Набера (Mnemosyne 1852. p. 115) ко времени послѣ 220 г. до Р. X.

но восстанавлиаемаго имени 'Αμηλίων нѣтъ въ словарѣ собственныхъ именъ Пале-Бензелера. Нѣтъ также и имени Βούλωτος (стр. 16-я).

Нахожу не лишнимъ сказать въ заключеніе, что при болѣе сильномъ освѣщеніи (камень находится въ корридорѣ, куда свѣтъ проникаетъ только чрезъ дверь) надпись можетъ быть прочитана лучше, чѣмъ мнѣ это удалось.

И. Новосадеміѣ.

ВАКХАНКИ.

ТРАГЕДІЯ ЕВРИПИДА.

Вольный переводъ съ греческаго.

(Посвящается доброму наставнику Константину Матвѣвичу Блумбергу).

Діонисъ.

Сынъ Зевса, я пришелъ въ страну эивандевъ....
Меня когда-то Кадма дочь Семела
На свѣтъ произвела средь блеска молній,
Низверженныхъ съ небесъ рукою Геры!..
Я божескій свой видъ перемѣнилъ
На обликъ челоуѣка. Посѣщаю
Источникъ Дирку и Исмена воды.
И вотъ теперь лежитъ передо мной
Могила матери, убитой громомъ.
Да, здѣсь вблизи дворца стоятъ
Ея хоромъ развалины; надъ ними
Туманить дымъ небесную лазурь...
И до сихъ поръ не гаснетъ пламень Геры,
Какъ ревности минувшей мавзолей!..
Душевно одобряю дѣда Кадма
За то, что здѣсь соорудилъ овъ храмъ,
Семелѣ псвященный; это мѣсто
Я зеленю заботливо прикрылъ, —
И возрасли здѣсь грозды винограда.

Покинувъ Лидію и край фригійцевъ,
 Богатый золотомъ, и персовъ земли,
 Палимыя лучами солнца юга,
 И стѣны Бактріи, мидійцевъ
 Холодную отчизну и поля
 Аравіи, страны счастливой,
 И Азію, лежащую у моря
 Соленаго,—я посѣтилъ сперва
 Тѣ города, гдѣ варвары и греки
 Соединились между собой,
 Тѣ города, гдѣ много грозныхъ башенъ.
 Оттуда первымъ на моемъ пути,
 Изъ греческихъ, былъ городъ Ѡивы. Всюду
 Я учреждалъ свой культъ и торжества,
 Съ той цѣлью, чтобы стало ясно
 Мое происхожденіе отъ Зевса!
 Ѡиванцевъ я привелъ въ восторгъ безумный,
 Когда въ олени шкуры ихъ облекъ
 И каждому вручилъ я тирсъ плющевый.
 Но такъ какъ сестры матери моей
 (Имъ это менѣ всего пристало!)
 Осмѣлились свидѣтельствомъ безбожнымъ
 Отца боговъ и Геру оскорбить,
 По наущенью Кадма утверждала,
 Что будто Діонисъ не сынъ Зевеса,
 Что мать моя со смертнымъ въ связь вступила
 И обманула мужа своего
 (За чтó ее и умертвилъ всесильный),
 Я выгналъ ихъ изъ дома моего,
 Наславъ безумье, поселилъ на скалахъ.
 Сидятъ онѣ тамъ съ дочерями Кадма
 Въ пещерахъ подъ навѣсомъ скалъ и сосенъ.
 Необходимо мнѣ Ѡиванцевъ городъ,
 Доселѣ чуждый нашимъ торжествамъ,
 Завербовать въ мой культъ и быть защитой
 Семели, чтобы людямъ доказать,
 Что ея отъ Зевеса былъ рожденъ я.
 Но Кадмъ ужъ передалъ престолъ Пенѳею,
 Рожденному отъ дочери его.

Враждебнѣ мнѣ сей новый царь еиванцевъ,
 Со мной войну вести готовый. Огъ
 Меня лишилъ и жертвъ, и возліяній.
 Я докажу преступнику-царю
 Свое высокое происхожденье.
 Установивъ здѣсь таинства, отправлюсь
 Въ другія земли: если же еиванцы
 Оружіемъ дерзнуть прогнать вакханокъ,
 Тогда съ вакханками я выйду во главѣ,
 И бой кровавый съ ними разразится!
 Вотъ почему я принялъ смертный видъ!...

(Обращаясь къ хору вакханокъ).

Покинувъ Лидіи защиту Тмоль,
 Я спутницами сдѣлалъ васъ, менады,
 Изъ Азіи отъ варваровъ увелъ.
 Къ врагамъ моимъ, не знайте вы пощады!
 Пусть каждая возьметъ тимпанъ скорбе
 (Во Фригіи имѣлъ онъ свой успѣхъ
 Созданный Діонисомъ вмѣстѣ съ Реей,
 Какъ средство человѣческихъ утѣхъ).
 Да внемлютъ Оивы радостному звону,
 Когда къ дворцу поидетъ вашъ хороводъ!
 Я жъ удалюсь къ святому Клеерону,
 Гдѣ ждутъ меня вакханки и народъ.

Хоръ вакханокъ (№ 1).

Покинувъ Тмоль священный,
 Изъ Азіи святой
 Пришли мы пѣть толпой
 Гимнъ Вакху вдохновенный!
 Пусть жители вселенной
 Молчанье сохранять
 И слушаютъ смиренно
 Обычныхъ пѣсень рядъ.

* * *

Тотъ блаженъ, кто посвященный
 Въ торжества боговъ самихъ,
 Жертвы имъ несетъ отъѣнно

Средь долинъ и горъ святыхъ!
 Тотъ, по истинѣ, блаженный,
 Кто вѣнкомъ плюща обвить,
 Кто, имѣя тирсъ священный,
 Мать Кибелу сердцемъ чтить.
 Проводите жь съ горъ, менады,
 Вакха въ города Эллады!
 Пусть знакомая дорога
 Вновь увидитъ сына бога!
 Онъ когда-то отъ Семелы
 Умерщвленной былъ рожденъ,
 И на свѣтъ явился бѣлый
 Посреди ненастья онъ.

* * *

Жребій счастья даъ ребенку:
 Зевсъ его отъ Геры скрылъ,
 Въ драгоцѣнную пеленку
 Діониса онъ зашилъ.
 Но лишь часть поры законной
 Для младенца былъ пробить,—
 Вакхъ, на свѣтъ новорожденный,
 Зевсомъ былъ вѣнкомъ обвить.
 Свѣжимъ плющемъ зелегѣя,
 Раузуукрашенъ былъ вѣнокъ:
 Въ вѣтви въ немъ вплетались змѣи
 И бычачій грозный рогъ.
 И теперь въ обыкновенье
 Межъ менадами вошло
 Головное-украшенье
 Вакха, бога своего.
 Оявы, родина Семелы!
 Украшайтесь плющомъ
 Изъ плодовъ гирлянды свѣлой
 Тиса сладкаго вѣнкомъ!
 Шкуру пеструю оленьи
 Шерстью каждый обовѣтъ
 И въ нѣмомъ благоговѣннѣ
 Въ руки тирсъ пускай возьметъ!

Скоро всей земли народы
 Вакху славу воздадутъ /
 И лихіе хороводы
 Въ горахъ дальнихъ заведутъ,
 Гдѣ въ ущельяхъ безпредѣльныхъ
 Діониса ждуть приходъ:
 Всю толпу отъ руководѣльныхъ
 Отзываетъ онъ работъ...

.

Здравствуй, рядъ пещеръ священный,
 Зевса домъ, отца вселенной,
 И куретовъ островъ Критъ,
 Славить васъ душа велитъ:
 Корибанты тамъ въ почтеньи
 Барабанъ изобрѣли
 И свое изобрѣтенье
 Реѣ въ даръ приподнесли,
 А его ударъ могучій
 Слили съ флейтою пѣвучей.
 И сатиры разъ въ три года,
 Подъ надѣле его,
 Совершаютъ хороводы
 Въ славу бога своего!
 Счастливъ тотъ, кто въ утомленьи,
 Совершивъ свои обѣты,
 Сядетъ на землю, въ оленье
 Шкуры пестрыя одѣтый.
 Сердце жертвы ждетъ закладой,
 Умъ стремится далеко —
 Въ горы Лидіи богатой!
 Всюду льется молоко,
 И вино кипитъ волною;
 Льется медъ, пчелы краса,
 Благовонною струею
 Дымъ уходитъ въ небеса
 Отъ горящаго ливана...
 Всюду крики: „Діонисъ!“
 Съ пѣвьемъ флейты и тимпана
 Въ шумъ торжественный слились.

Самъ же онъ — виновникъ пира —
 Въ руки факель, тирсъ возьметъ,
 Для вакханки и сатира
 Къ пляскѣ знаки подаетъ,
 На бѣгу жезломъ тѣмъ вѣя.
 Но средь шума, тѣсноты
 Криковъ всѣхъ людскихъ яснѣ
 Слышенъ голосъ съ высоты:

Шествуйте смѣло, вакханки, впередъ!

Каждая въ злато себя уберетъ,

Каждая Вакху пусть гимны поетъ!

Бога веселья весельемъ почите,

Вакха въ Элладу родную введите!

Громче играйте въ звуковъ тимпанъ

И воскуряйте пріятный ливанъ!

Флейта раздается: вы всѣ, какъ стада,

Въ Вакху собирайтесь, менады, тогда!

Въ радости шумной иль въ пляскѣ лихой

Всѣ мы помчимся за богомъ толпой!

Тирезій.

Гдѣ сторожъ? Вызвать мнѣ изъ дому Кадма!

Сынъ Агенора, онъ Сидонскій городъ

Оставилъ и построилъ Фивы здѣсь!

Онъ знаетъ, для чего къ нему пришелъ я,

И въ чемъ условился старикъ со старикомъ:

Чтобъ взялъ онъ тирсъ, одѣлся въ шкуру

Олена, чтобъ украсилъ

Сѣдую голову свою вѣнкомъ!

Кадмъ.

Мой другъ! Услышавъ рѣчь твою, сейчасъ же

Къ тебѣ готовый я пришелъ, чтобъ то

Для бога сдѣлать, что необходимо,

Чтобъ онъ, сынъ дочери моей и Зевса,

Явившись людямъ, былъ почтенъ на столько,

На сколько хватитъ силы въ насъ съ тобой!..

Куда идти? Гдѣ преклониться богу?

Какъ старецъ, старцу объясни мнѣ это:
 Тебя Зевесъ умолю не обдѣлили!
 Я склоненъ думать, что на враньѣ усталость
 Умѣрить пылъ души моей способна
 И силу рукъ, держащихъ тирсъ священней.
 Въ избыткѣ счастья мы съ тобой вабыли
 Нашъ возрастъ старческій.

Тирезій.

Да, чувствъ святыхъ
 Исполнена душа: я молодѣю
 И съ радостью пускаюсь въ хороводъ!

Кадмъ.

Итакъ, скорѣй на колесницахъ въ горы!

Тирезій.

Нѣтъ! Это непростительно для насъ
 По отношенію къ богамъ безсмертнымъ!

Кадмъ.

Какъ старецъ, я руковожу тобою!

Тирезій.

Нѣтъ! Пусть самъ богъ насъ поведетъ туда!

Кадмъ.

Но развѣ мы одни изъ Ѡивъ пойдемъ?

Тирезій.

Мы благо дѣлаемъ, другіе жъ грѣхъ!..

Кадмъ.

Нельзя жъ намъ медлить! Обопрись на руку.

ТИРЕЗІЙ.

Но ты меня поддерживай подтверже!

КАДМЪ.

Въ душѣ моей къ безсмертнымъ нѣтъ презрѣнья!

ТИРЕЗІЙ.

Не станемъ мудрствовать съ тобою, Кадмъ,
 Мы относительно боговъ,—вѣдь нашей
 Отцовской вѣры не сломить софизмамъ,
 Хотя истина была бы найдена
 Старательнымъ анализомъ; быть можетъ,
 Кто-либо скажетъ, что во мнѣ совсѣмъ
 Къ сѣдой главѣ моей нѣтъ уваженья,
 Когда ее я плющемъ увѣнчалъ...
 Для бога безразлично, молодой ли,
 Или старикъ почтить его желаетъ.
 Богъ принимаетъ почести отъ всѣхъ,
 Ни возрасту, ни полу предпочтенья
 Не отдаетъ въ величїи своемъ.

КАДМЪ.

А такъ какъ ты не видишь свѣта солнца,
 Я буду толкователемъ твоимъ.
 Вотъ кстати и Пеноей, сынъ Эхіона,
 Которому правленье надъ страной
 Я передалъ. Онъ скорою стопою
 Идетъ сюда я къ дому своему.
 Онъ видимо взволнованъ. Что-то скажетъ?

ПЕНОЕЙ.

Во время моего отсутствїя изъ этой
 Страны, бѣда постигла городъ нашъ:
 Всѣ женщины, дома свои покинувъ,
 На вакханалїи спѣшать толпами
 Въ тѣнистые лѣса и горы Дїониса:

Онъ новыхъ оргій коноводомъ сталъ.
 Среди толпы наполненные кубки...
 И женщины одна вслѣдъ за другой
 Разврату предаются... Называютъ
 Себя менадами, но служатъ всѣ
 Не Вакху, а богинѣ Афродитѣ!...
 Поймалъ я нѣсколькихъ, связалъ въ темницахъ,
 А остальныхъ, какъ Ино и Агаву,
 Родившую меня отъ Эхюна,
 А также Автоною, скоро
 Переловлю въ лѣсахъ и, оковавъ
 Желѣзными цѣпями, умерщвлю!..
 Не пощажу и коновода ихъ!
 Миѣ говорятъ, что этотъ чужеземецъ,
 Обманщикъ, съ русыми кудрями
 Пахучихъ, вьющихся волосъ по плечамъ,
 Румяный, полный сладострастья, прибылъ
 Изъ Лидіи, чтобъ здѣсь и дни, и ночи
 Творить развратъ подъ видомъ вакханалій...
 Пускай лишь попадется миѣ онъ въ руки:
 Заставлю я его все прекратить,
 Маханье тирса, головы качанье;
 Я Вакху голову мечемъ снесу.
 Пусть говорятъ, что этотъ проходимецъ —
 Богъ Діонисъ, котораго когда-то
 Зевесъ зашилъ въ бедра своемъ: неправда!
 Отецъ боговъ убилъ его и мать
 За то, что дерзкая свой низкій грѣхъ
 Осмѣлилась приписывать Зевесу.
 Кто бы ни былъ онъ, достоинъ, какъ злодѣй,
 Позорной петли за такое дѣло!..
 Но что я вижу? Самъ старикъ Тирезій
 Одѣтъ въ оленью шкуру... и... мой дѣдъ
 Жезломъ вооруженъ... Чтѣ это значить?
 Хоть стары вы, но все жъ безумье ваше
 Возможнаго границы перешло!
 О дѣдъ мой, брось вѣнокъ плющевый этотъ
 И тирсъ, Тирезіемъ врученный: жрецъ
 Тебя наставилъ въ глумомъ святотатствѣ!

Ему, конечно, выгодно вводить
Предметы поклоненья, божества,
Чтобъ извлекать барышъ отъ смертныхъ
За жертвоприношенья въ честь боговъ.

Когда бъ не серебрилась сѣдина
На головѣ твоей преступной, старецъ,
Давно бъ ты сверженный сидѣлъ въ оковахъ
За таинства нелѣпныя свои!.

Что можетъ быть достойное похвалъ
Въ тѣхъ оргіяхъ, гдѣ женщины и дѣвы,
Безъ мѣры напиваются виномъ?

Хоръ.

Чужеземецъ, ты готовъ
Осмѣять безумнымъ словомъ
Торжества самихъ боговъ!
Къ жертвоприношеньямъ новымъ
Племя Кадмово идетъ,
Ты жъ насмѣшкою лукавой,
Эхіона сынъ, свой родъ
Заклеймишь позорной славой!

Тирезій.

Когда предметъ для разговора есть
Разумному, то говорить не трудно!
Ты жъ—человѣкъ краснорѣчивый, даже
Не глупый, но и не смотря на это,
Въ твоихъ рѣчахъ теперь не вижу смысла.
А всякій, кто краснорѣчивъ, но глупъ,
Не можетъ быть полезнымъ гражданиномъ!
Я объяснить не въ силахъ то значенье,
Какое Вакху выпадетъ въ Элладѣ,
А ты его позоришь наглымъ смѣхомъ!..
Повѣрь, Пенеей, что два лишь божества
Имѣютъ для людей значенье: это,
Вопервыхъ (называй ее какъ хочешь),
Богиня всей земли Деметра; смертныхъ
Она питаетъ пищею сухою; ей

Помощникомъ явился сынъ Семелы,
 Онъ ввелъ въ употребленье мезъ людьми
 Напитокъ виноградный... Если горе
 Тебя постигнетъ, ты къ вину прибѣгни:
 Оно печаль мгновенно разгоняетъ
 И сердце отъ терзаний облегчаетъ!
 Вино — лѣкарство противъ всѣхъ несчастій,
 Оно собой приноситъ сонъ, забвеніе
 Длкихъ невгодъ средъ жизненнаго моря...

Для смертныхъ Вакхъ всегда снискать готовъ
 Всевышней милости! Тебѣ на диво,
 Что Вакха Зевсъ зашилъ въ своемъ бедрѣ,
 Но для преданія есть разъясненіе:
 Когда отецъ боговъ ребенка спасъ
 Изъ пламени, низверженнаго съ неба,
 И на Олимпѣ помѣстилъ, то Гера
 Его съ небесъ хотѣла свергнуть; Зевсъ
 Перехитрилъ жену: онъ изъ ээира,
 Что землю окружаетъ, сотворилъ
 Заложника, похожаго на сына,
 И Гера гнѣвъ на призракъ обратила,
 А смертные разказывали послѣ,
 Что Вакхъ въ бедро заложенъ Зевсомъ былъ...
 Такимъ-то образомъ созвучьемъ словъ
 Былъ искаженъ и самый смыслъ преданья!

Но, сверхъ того, что я тебѣ сказалъ,
 Богъ одаренъ и даромъ предсказанья,
 И всякій человекъ, имъ доведенный
 До изступленія, получить этотъ даръ!
 Вліяетъ также Вакхъ на участь битвы,
 Распространяя страхъ въ средѣ солдатъ,
 Когда они совѣмъ готовы къ бою.

Великимъ ты увидишь Діониса,
 Когда жезломъ онъ мощно потрясаетъ
 И съ факеломъ бѣжитъ средъ горъ Дельфійскихъ.
 О царь, внимли, ты слову правды старца,
 Забудь о гордой власти надъ людьми!
 Когда же мнишь о мудрости своей,
 То знай, что это заблужденіе...

Не отрекайся ты отъ бога моего,
 Скорѣй почти его благоговѣнно
 И вакханаліей, и возліаньемъ
 И голову обвей вѣнкомъ плющевымъ!
 А что до цѣломудрія, то богъ
 Его предписывать не хочетъ людямъ,
 Однако, вѣдь оно въ природѣ женщинъ...
 И дѣвушка отнюдь не развратится
 Отъ бурныхъ вакханалій Діониса..
 Сколь счастливъ ты, когда народъ покорный
 Сберется у твоихъ воротъ толпой
 И славить имя добраго Пенеея,
 Столь радуется богъ почтенью смертныхъ!..
 И мы, съ осмѣяннымъ тобою Кадмомъ,
 Какъ старые друзья, себя вѣнчаемъ
 Плющемъ и будемъ вмѣстѣ въ хоровахъ!
 Твоею рѣчью убѣжденный, все же
 Не стану я противиться безсмертнымъ.
 Твое безумье вышло изъ границъ!
 И хоть оно по волю Діониса,
 Тебя не исцѣлитъ теиерь лѣкарствомъ.

Хоръ.

Старецъ вѣщій, возражая
 Ты разумно постушалъ,
 Вакху славу воздавая,
 Удостоишься похвалъ!..

Кадмъ.

Пенеей, Тирезій далъ совѣтъ хорошій:
 Послѣдуй намъ! Не отвергай ты бога!
 И здравый умъ не въ состоянїи намъ
 Опроверженья вѣрныхъ придумать!..
 На почвѣ ложной ты стопшь, мой внукъ;
 Когда бы Діонисъ и не былъ богомъ,
 Ты все же утверждай, что онъ безсмертный;
 Хоть ври, но говори: „онъ—сынъ Семелы!“
 Чтобъ вѣрили, что богъ рожденъ былъ ею;

Лги ради чести нашей, ради выгодъ,
 Которыя предвижу впереди! . .
 О, вспомни, другъ, объ участи, постигшей
 Безумца Актеона! Хвасталъ онъ,
 Что Артемиды онъ ловчѣе на охотѣ. . .
 И былъ растерзанъ собственными псами. . .
 Остерегайся подражать ему!
 Позволь мнѣ возложить вѣнокъ плющевый
 На голову твою и съ нами виѣсть
 Ты почести Діонису воздай!

Пенеей.

Не тронь меня рукою, старецъ! Самъ
 Бѣснуйся, сколько хочешь, но не думай,
 Что буду я на столько глушь, какъ ты,
 И что рѣшусь себя позорить съ вами. . .
 Виновика жъ безумья твоего
 Достойному подвергну наказанью.

Пусть къ дому кто-нибудь пойдетъ его,
 Откуда птиць полетъ онъ наблюдаетъ
 И, расатавъ жилище все ломами,
 Вѣнки плющевые подарить вѣтру! . .
 Ничѣмъ нельзя такъ досадить ему!
 Другіе жъ пусть толпой нагрянуть въ Фивы
 И въ городъ отыщутъ пришлеца,
 Изъ-за котораго всѣ жены наши
 Подверглися пороку, оскорбляютъ
 Супружескія узы. Если слуги
 Его найдутъ, пусть приведутъ ко мнѣ
 Въ оковахъ, чтобы, камнями побитый,
 Скончался онъ, предъ смертью увидавъ
 Плачевное паденье культа въ Фивахъ! . .

Тирезій.

Несчастный! Ты не понимаешь то,
 Чтò говоришь: разсудокъ твой заглохъ,
 И ты совсѣмъ уже подпалъ безумству.
 Пойдемъ же, Кадмъ, и вознесемъ молитвы

За грѣшнаго отступника Пенеея;
 За городъ свой помолимся, дабы
 Вакхъ не подвергнулъ Фивы наказанью.
 Возьми жь обвитый тирсъ, иди за мною!
 Поддерживать другъ друга мы начнемъ,—
 Вѣдь стыдно старикамъ упасть споткнувшись...

Нашъ долгъ—служить Зевеса сыну Вакху.
 Лишь берегись, какъ бы твой домъ избѣгъ
 Изъ-за Пенеея—горемыки горя:
 Я говорю, не прорицая это—
 На положенья дѣлъ построивъ мнѣнье!
 Пенеей, ума лишенный, говоритъ
 Непозволительныя рѣчи.

Хоръ (№ 2).

Ты слышишь ли, Озія, дерзкое слово:

Клевететь на сына Семелы Пенеей!...

На радужныхъ крыльяхъ для пира святого
 Лети къ намъ, богиня, и наглость развѣй!...

Сына славнаго Семелы
 Собраліся мы почтить
 И гирляндой тиса спѣлой
 Мы чело спѣшимъ обвить!
 Вакхъ на пирѣ позволяетъ
 Флейтой душу услаждать,
 Каждый смертный забываетъ
 И томиться, и страдать...
 Время сладостнаго пира
 Гонить всѣ заботы прочь,
 И гремить тимпанъ и лира
 Въ эту сладостную ночь!
 Ходить чаша круговая
 Съ влагой свѣтлой, Вакхъ, твоей,
 Сонъ волшебный навѣвая
 На увѣчанныхъ людей.
 Дерзость—скорби привлекаетъ
 И кончается бѣдой;
 Жизнь разумная вліяетъ
 И на счастье, на покой!..

Хоть безсмертныя далеко
 Обитаютъ въ небесахъ,
 Все жь ихъ бдительное око
 Знаетъ о людскихъ дѣлахъ! . . .
 О дѣяньяхъ силы вышней,
 Непостигнутой умомъ,
 Разсуждать для насъ излишне:
 Признакъ мудрости не въ томъ. . . .
 Человѣкъ пусть не хлопочетъ,
 Не жалѣетъ многихъ дѣлъ:
 Слишкомъ многого кто хочетъ,
 Тотъ теряетъ, что имѣлъ. . .
 И мое такое мнѣнїе:
 Лишь безумный человѣкъ
 Жизни дастъ то направленье—
 Краткосроченъ жизни бѣгъ.
 Въемли жь наши, Вакхъ, моленья!
 Счастье ждетъ насъ впереди,
 Вдаль отъ грустнаго селенья
 Ты на Кипръ насъ отведи!
 Въ царство вѣчной Афродиты,
 Гдѣ святой Олимпа склонъ:
 Тамъ счастливыя хариты,
 Тамъ прелестникъ-Купидонъ!
 Тамъ страна, гдѣ нѣтъ заботы.
 Нѣтъ дождей, но много рѣкъ,
 Тамъ, гдѣ пѣниемъ Эроса
 Очарованъ человѣкъ! . . .
 Въ царство музы беззаботной, —
 (Тамъ веселье), къ торжествамъ! . . .
 Легче птицы быстролегной
 Принесется радость къ намъ! . . .
 Сынъ божественной Семелы,
 Покровитель насъ, менадъ,
 Счастливъ, слыша смѣхъ веселій,
 Вакханалиямъ онъ радъ;
 Цѣнить онъ богиню мира,
 Битвъ не любить Діонисъ!
 Слово нашего кумира:

„Пей вино и веселись“.
 Онъ лишень лицепріятъ
 Межь богатымъ, бѣднякомъ:
 Открываетъ всѣмъ объятъ,
 Всѣхъ поитъ своимъ виномъ.
 Въ немъ заботъ лихихъ забвенье...
 Лишь противенъ Вакху тотъ,
 Въ комъ упорно нерадѣнье
 Къ торжествамъ его живетъ,
 Смертный, будь далекъ душою
 Отъ безумныхъ гордецовъ!
 Почитается то мною,
 Чтò народъ принять готовъ!...

Слуга.

Мы прибыли, Пеноей, къ тебѣ съ добычей
 (За нею ты изволилъ насъ послать);
 Нашъ трудъ вполнѣ увѣнчанъ былъ успѣхомъ!
 Звѣрь этотъ кротокъ совершенно: онъ
 Удрать отъ насъ не выказалъ желанья,
 А для оковъ самъ руки протянулъ,
 И блѣдность не гнала съ лица румянецъ;
 Съ усмѣшкою позволилъ взять себя
 И съ мѣста не подвинулся, даванъ
 Возможность мнѣ исполнить твой приказъ.
 И я сказалъ ему въ благоговѣнны:
 Тутъ воля не моя, ты, чужеземецъ,
 По приказанью схваченъ былъ Пеноей!
 А что до тѣхъ вакханокъ, чтò въ темницы
 По твоему закованы вѣлѣнью,
 То знай, что всѣ онѣ исчезли
 И въ рѣзвости ужъ пляшутъ на свободѣ
 И прославляютъ бога Діониса.
 Съ ихъ ногъ и рукъ чудесно спали дѣпи,
 И у дверей раскрылися замки...
 Безъ помощи малѣйшей человѣка...
 Не забывай, что этотъ чужеземецъ,
 Придя въ нашъ край, свершилъ чудесъ не мало!..

Пеней.

Освободите руки Ваху: онъ,
Со всѣхъ сторонъ слугами окруженный,
Не такъ увертливъ, чтобы убѣжать.

Однако, чужеземецъ, ты прекрасенъ
И высокъ стоишь во мнѣннхъ женщинъ!..
Конечно, цѣль прихода твоего —
Побѣды легкія надъ женскими сердцами.
Ужъ по кудрямъ, разсыпаннымъ по плечамъ,
Я вижу, что ты, полный сладострастья,
Не занимаешься палестрой вовсе;
Свое извѣженное тѣло холяшь,
Оберегаешь отъ лучей свѣтила
И прячешь въ тѣнь его, боясь загара.
Свою красотой ты смѣло можешь
Поспорить съ Афродитой; но скажи:
Кто ты такой? Откуда родомъ?

Дионисъ.

Мнѣ не чѣмъ хвастать тутъ; сказать не трудно:
Не знаешь ли по слухамъ Гимолъ цвѣтущій?

Пеней.

Не тотъ ли, что вокругъ Сарды стѣной стоитъ?

Дионисъ.

Тотъ именно: мнѣ Лидія—отчизна.

Пеней.

Откуда вводишь ты свой культъ въ Элладу?

Дионисъ.

Сюда привелъ насъ Дионисъ, сынъ Зевса.

Пеней.

Тамъ развѣ Зевсъ боговъ рождаетъ новыхъ?..

Діонисъ.

Не тамъ—онъ здѣсь съ Семелой въ связь вступилъ.

Пеноей.

Когда жъ онъ посвятилъ въ свой культъ тебя?

Діонисъ.

Наединѣ меня жрецомъ назначилъ!

Пеноей.

Какая жъ цѣль всѣхъ вашихъ вакханалій?

Діонисъ.

Ее постичь нельзя непосвященнымъ.

Пеноей.

Какая жъ польза для жрецовъ ея?

Діонисъ.

Тебѣ нельзя постичь! А надо бы, Пеноей...

Пеноей.

Меня ты подстрекаешь ловкой рѣчью.

Діонисъ.

Тѣ оргіи противны всѣмъ безбожнымъ.

Пеноей.

Каковъ же богъ собою? Опиши!

Діонисъ.

Всѣ образы подвластны Діонису!

Пеноей.

Опять не отвѣчаешь прямо, глупый!..

ВАХАНКИ.

Діонисъ.

Для глупаго и умный неразумень...

• Пенѣей.

Что жь? Ты пришелъ въ Элладу прямо? Или...

Діонисъ.

Нѣтъ! Посвятилъ всѣхъ варваровъ уже!

Пенѣей.

Да, но они развитѣе ниже грековъ...

• Діонисъ.

Такъ! Тѣмъ постыднѣе Элладѣ умной...

Пенѣей.

Когда же—днемъ или ночью праздникиъ культа?

Діонисъ.

Мракъ придаетъ торжественность пирамъ.

Пенѣей.

Но женщинамъ удобно ль это время?

Діонисъ.

Но вѣдь и днемъ грѣшится возможно также.

Пенѣей.

За зло твое тебя ждетъ наказанье!

Діонисъ.

Тебя достойное, безбожникъ дерзкій!

Пенѣей.

Однако, ты не сдержанъ на языкъ!

Дюнисъ.

Какое жь наказанье ждетъ меня?

Пеней.

Сначала ты своихъ мудрей лишишься...

Дюнисъ.

Какъ? Тѣхъ мудрей, что посвятилъ я богу?

Пеней.

Затѣмъ, изъ рукъ твоихъ тирсъ отнять будетъ!

Дюнисъ.

Возьми его: онъ богу посвященъ.

Пеней.

Въ темницу запертъ будешь ты подъ стражей!

Дюнисъ.

Освободятъ меня, коль захочу!..

Пеней.

Да, но вѣдь здѣсь твоихъ заступницъ нѣтъ!..

Дюнисъ.

Вакхъ — между нами: видитъ горе наше!

Пеней.

Но гдѣ же онъ? Его не замѣчаю.

Дюнисъ.

Онъ — возлѣ насъ! Ты не достоинъ видѣть!

Пеней.

Связать его: онъ насмѣхаться смѣетъ!

Діонись.

Остерегись: я не поддамся вамъ.

Пеноей.

Но я сильнѣй тебя: ты будешь связанъ.

Діонись.

Не сознаешь, что говоришь и кто ты!..

Пеноей.

Пеноей, Агавы сынъ отъ Эхіона.

Діонись.

Да, принесетъ тебѣ несчастье имя!

Пеноей.

Прочь отъ меня! Вы, слуги, привлгите
Скорѣ къ яслямъ конскимъ гордеца.
Пускай во мракѣ черномъ пребывая,
Попляшетъ тамъ! Его помощницъ дерзкихъ
Въ зловредныхъ оргіяхъ заставимъ мы
Покончить страшный шумъ рукоплесканій
И барабановъ гулъ: возьму ваханокъ
Къ себѣ въ служанки и, отдавъ въ работу,
Приставлю ихъ ко ткацкому станку!

Діонись.

Пойду, пожалуй, я, но не придется
То претерпѣть, что мнѣ не суждено!..
Тотъ Діонись, отвергнутый царемъ,
Воздастъ Пеноею кару по заслугамъ:
Меня, закоывая въ цѣли, царь
Тѣмъ самымъ бога оскорбилъ!..

Хоръ. № 3.

О, Дирка, Ахёлая дочь пресвятая,
 Мы славу тебѣ пропоемъ,
 Ты, нѣвогда Вакха въ водахъ принимая,
 Заботилась славно о немъ!..

Вакха отъ жены спасаю
 (Онъ былъ съ матерью въ огнѣ),
 Зевсъ сказалъ, въ бедро влагая:
 „Диеирамбъ, приди ко мнѣ!
 „Для эиванцевъ пусть прозванье
 „Это будетъ у тебѣ!..“

Въ чемъ твое негодование?
 Вакханалій не любя,
 Ты бѣжишь отъ насъ въ смущеніи
 И не думаешь о томъ,
 Что получишь наслажденье
 Отъ Діониса потомъ.

Я клянуся лучезарной
 — Даромъ Вакховымъ — лозой,
 Что Діонисъ благодарный
 Вдругъ предстанетъ предъ тобой!
 Что за гнѣвъ неzasлуженный
 Обнаружилъ здѣсь Пенеей,
 Отъ дракона нарожденный.
 Въ дерзкой шалости своей,
 Эхіона сынъ, озлобленъ
 Онъ на бога моего
 И гигантамъ уподобленъ
 Силой гнѣва своего.
 Дерзновенною рувою
 Насъ въ темницы заключилъ.
 Вакхъ, взгляни: здѣсь предъ тобою
 Сонмъ молящихся стоитъ.
 Мы воюемъ за свободу
 И за культъ нашъ, Діонисъ!
 Внемли вѣрному народу,
 Въ силъ мощной поважись!..
 Знакомъ тирса золотого
 Положи скорѣй предѣлъ

Поношеньямъ мужа злаго:
Онъ смирится не хотѣлъ...

* * *

Холмы Низы ли звѣриной
Намъ назначены тобой,
Кириѣйскія ль вершины,
Иль Олимпа склоны святой.
Тамъ, гдѣ въ древности когда-то
Пѣлъ божественный Ореей
И мелодіей богатой
Привлекалъ гѣса, звѣрей...
О, счастливая Піерья!
Діонисъ тебя почититъ:
Онъ намъ всѣмъ, безъ лицемѣрья,
За собой идти велитъ!..
Заведемъ мы хороводы
(Богъ торжественности радъ),
Перейдемъ Аксія воды
Рѣзво пляшущихъ менадъ,
Перейдемъ благословенный
Лидій — счастье онъ даритъ
Скромнымъ жителямъ вселенной,
Въ изобиліи поитъ
Край, что славится конями,
И хрустальною водой
Протекаетъ межъ полями
Нашей Лидіи родной!..

Діонисъ.

О, собирайтесь, менады,
Каждый слову покорись!

Хоръ.

Кто зоветъ? Мы богу рады!..

Діонисъ.

Сынъ Семелы, Діонисъ,
Призываю васъ къ себѣ я!

Хоръ.

Вакхъ, моленіямъ внемли:
Пусть свершится смерть Пеноеа
Сотрясеніемъ земли...

Чу! Раздвинулись каменья...
Діонисъ... освобожденъ...
Домъ — жилище преступленья —
Будетъ пламенемъ сожженъ!..

Діонисъ.

Въ руки факель, менады, возьмите
И Пеноеа дворець подожгите!..

Хоръ.

Неужли не видишь: вобругъ
Гроба матери пламень священный?
Это дѣло божественныхъ рукъ:
Такъ взликуйте, менады, отъивно:
Діонисъ во дворцѣ сокровенномъ.

Діонисъ.

Зачѣмъ, женщины, (страхъ васъ постигъ)?
Вы бѣжите всѣ, страхомъ влекомы:
Вы не знаете развѣ: вашъ Бромій великъ,
Онъ разрушилъ Пеноеа хоромы!..

Хоръ.

О, небесный свѣтъ пріятный!
Ты всегда блистаешь намъ
И сіяешь, благодатный,
Вакханалій торжествамъ!...

Діонисъ.

Но зачѣмъ вы потеряли
Ваше мужество, когда
Діониса заковали?

Хоръ.

Вѣдь могла жь съ тобой бѣда,
Діонисъ нашъ, приключиться.
Кто бы намъ заступникъ былъ,
Кто жь тебя освободилъ?..

Діонисъ.

Но уйти отъ нихъ свободно
Мнѣ никто не помѣшалъ!..

Хоръ.

Развѣ, въ зависти бесплодной,
Царь тебя не заковалъ?

Діонисъ.

Презираю царя я за то глубоко,
Что, связать меня давъ приказанье,
Меня тронуть не смѣлъ онъ своею рукой
И стоялъ въ сторонѣ, въ ожиданьи...
Возлѣ яслей, темницы холодной моей,
Отыскалъ онъ быка. Торопливо
Обливаясь потомъ, безумный Пенеей
Ему петлю накинулъ трусливо!..
Недалеко я молча въ молчаньи сидѣлъ.
Въ это время, средь шума, удара
Вдругъ огонь изъ гробницы Семелы взлетѣлъ:
Видитъ царь наступленье пожара,
Заметался въ смущеньи и крикнулъ рабамъ,
Чтобъ носили воды съ Ахелоя,
И пока они тщетно трудились тамъ,
Во дворецъ посѣпшаетъ за мною.
Всемогущій нашъ Бромій (такъ вѣжется мнѣ)
На дворѣ призракъ мой созидаетъ,
И Пенеей, далеко не въ моей сторонѣ,
Этотъ призракъ мечемъ сокрушаетъ.
Но немилости Бромія нѣту конца:
Домъ Пенеея сравнилъ онъ съ землею,
И теперь на томъ мѣстѣ не видно дворца—

Лишь развалины съ пылью сѣдоу!..
 Утомленный, усталый бросаетъ онъ мечъ;
 Онъ наказанъ за дерзкое дѣло...
 Да, за то, что направилъ безумную рѣчь
 Противъ бога великаго смѣло.
 Не смущаясь, оттуда я медленно шелъ,
 Явно слыша царя приближенъе,
 Я къ рѣшенью такому пришелъ:
 Твердо вынести ударъ нападенья,
 Еслибъ тутъ же на встрѣчу попался онъ мнѣ:
 Что жъ бояться его наказанья—
 Мудрецу-человѣку довольно вполнѣ
 Въ правотѣ своихъ дѣйствій сознанья?..

Пенѳей.

Какую вѣсть ужасную я слышу?
 Тотъ чужанинъ, что мною былъ закованъ,
 Ушелъ отъ насъ... А, это ты, злодѣй!
 Что означаетъ твой поступокъ странный?
 Скажи: какъ ты посмѣлъ остаться здѣсь,
 Освободившись отъ оковъ неволи?

Дюнисъ.

Умѣрь свой гнѣвъ, безумный царь Пенѳей!

Пенѳей.

Какъ смѣлъ ты цѣпи разорвать для бѣгства?

Дюнисъ.

Вѣдь я сказалъ, что нѣкто мнѣ поможетъ!

Пенѳей.

Ты говоришь загадочно всегда!

Дюнисъ.

Тотъ, кто пятаетъ смертныхъ виноградомъ!

Певней.

Да, Вахъ тебѣ услугу оказалъ;
Теперь же я закрою всѣ ворота!

Дюнисъ.

Что жь, и онѣ преградой не послужать!

Певней.

Ты ловокъ тамъ, гдѣ ловкости не надо.

Дюнисъ.

Всегда я былъ разуменъ въ тѣхъ дѣлахъ,
Гдѣ мудрость мнѣ была необходима.
Послушай вѣстника сперва, не бойся:
Не убѣгу, останусь съ вами здѣсь!..

Вѣстникъ.

Великій царь! Я прибылъ съ Клеерона,
Съ того, на чьей вершинѣ нѣтъ снѣговъ.

Певней.

Какія жь новости принесъ съ собою?

Вѣстникъ.

Я видѣлъ на холмахъ, въ лѣсу, вакханокъ,
Обуреваемыхъ страстями... Царь,
Пришелъ, чтобъ разказать тебѣ и Фивамъ
О страшныхъ и достойныхъ удивленья
Поступкахъ ихъ! Но вѣдать мнѣ позволь:
Могу ль тебѣ свободно говорить я,
Иль сдерживать языкъ правдивый надо:
Боюсь твоей я вспыльчивости, царь!

Певней.

Свободно говори; уйдешь отсюда
Безъ наказанья: чѣмъ страшнѣе вѣсти,
Тѣмъ болѣе достоинъ наказанья
Тотъ, кто безуміе наслалъ на женщинъ!..

Вѣстникъ.

Итакъ, начну — недавно это было:
 Всклоило солнце на небо, даря
 Лучи свои проснувшейся вселенной;
 На пастбища я гналъ стада, какъ вдругъ
 Три группы женщинъ вижу на лугу
 И во главѣ одной изъ нихъ Агаву,
 Другой же — Автоною, третьей — Ино...
 Всѣ женщины лежали на землѣ.
 Однѣ изъ нихъ — къ деревьямъ прислоняся,
 Другія жъ — осторожно опустивъ
 На кучи листьевъ головы. Казалось,
 На вѣжды ихъ слетѣлъ глубокой сонъ.
 Я ничего такого не замѣтилъ,
 Что ты всѣмъ намъ разказывалъ про нихъ:
 Онѣ не предавались наслажденьямъ
 Киприды и на видъ всѣ были трезвы.

Услышавъ ревъ быковъ, Агава встала
 Среди менадъ, крича, чтобы проснулись,
 И всѣ — сказать на удивленье — встали:
 И дѣвушки, и женщины; сейчасъ
 По плечамъ кудри распустили. Шкуры
 Оленьи всѣ надѣли на себя.
 Ихъ пояса украшены змѣями,
 И гады кротко лижутъ щеки имъ.
 Иныя тутъ, обнявъ волчицъ, газелей
 Кормили грудью, полной молока.

Плющевые, дубовые вѣнки
 Ихъ головы листвою украшали.
 Одна, взявъ тирсъ, ударила въ скалу,
 И брызнула ключемъ вода изъ камня,
 Другая лишь жезломъ земли коснулась,
 И богъ ей далъ источника вина.
 А тѣ, которымъ молока хотѣлось,
 Ногтами землю роя, получали
 Молочные потоки, а изъ тирсовъ
 Лялися струи меда, по желанью.
 Когда бы видѣлъ ты, Пенеей, все это,

Почтилъ бы Ваха, — сталъ бы нѣмъ языкъ
Для порицанія чудесъ великихъ.

Мы, пастухи, собрались вмѣстѣ всѣ,
Чтобъ обсудить невѣдомое диво.

Межъ тѣмъ какой-то горожанинъ ловкй
Сказалъ: „Хотите ль вы поймать Агаву?
„Мы тѣмъ царя заслужимъ благодарность“.
Его слова пришли въ вкусъ намъ.
Мы скрылись за густой листвою деревьевъ
И замерли, ловитвы въ ожиданьи.

Насталъ урочный часъ. Махая тирсомъ,
Онъ единогласно звали Ваха,
И вся гора свершала вакханалы,
И звѣри притаились въ норахъ...
Но вотъ ко мнѣ идетъ Агава... Я
Какъ выскачу изъ-за своей засады
И брошусь ловить, покинувъ чашу.
Тутъ вскрикнула она: „Ко мнѣ, менады!
„Мужчины насъ поймать хотятъ! Ко мнѣ!“
Мы бѣгствомъ лишь едва спаслись отъ нихъ,
Но на стада накиннулись вакханки...
Онъ ножей съ собою не имѣли,
Въ рукахъ одной увидѣть могъ бы ты
Мычашую телицу молодую...
На части тамъ корову разрывали...
И мяса окровавленныя части
Подъ соснами качались на вѣтру.
Быки, грозившіе еще недавно
Рогами острыми, упали на земь
Подъ тысячами женскихъ рукъ. Скорѣ
Мгновенія онъ содрали кожу съ нихъ.
Затѣмъ, какъ стая быстрыхъ птицъ, менады
По плодотворнымъ египетскимъ пашнямъ, мимо
Электри, Гизы, свата Кнеерона,
Къ водамъ Азона бросились. Подобно
Врагамъ, онъ разграбили дома,
Малютокъ похищали изъ жилищъ
И клали ихъ себѣ за плечи. Странно

Онѣ у нихъ держались безъ оковъ,
 Не падая на землю безъ привязокъ,
 Ни мѣди, ни желѣза нѣтъ у нихъ;
 На волосахъ несли огонь, который
 Не причинялъ обычнаго вреда..
 Ограбленные бросились за ними
 Съ оружіемъ въ рукахъ, пылая местию,
 И тутъ произошелъ ужасный бой!
 Безъ помощи оружья, силой тирсовъ
 И рукъ своихъ, мужчинъ сломили жены
 И обратили въ бѣгство всѣхъ враговъ.
 Потомъ онѣ на мѣсто возвратились
 Къ ручью, который созданъ Діонисомъ,
 Въ водахъ омылися толпой менады,
 Со щевъ ихъ кровь слизали змѣи кротко...
 Великій царь, услышь мои моленья!
 Почти ты Вакха: онъ по истинѣ великъ;
 Ему благодаря, подавлены мученья,
 И смертный утѣшеніе постигъ...
 Безъ Вакха нѣтъ Киприды наслажденья,
 Безъ Вакха нѣтъ и радостей другихъ!..

Хоръ.

Страшно намъ правду вѣщать предъ царемъ,
 Но Діонису мы славу поемъ:
 Богъ вакханалій, вина и пировъ,
 Чѣмъ Діонисъ ниже прочихъ боговъ?

Ценевѣй.

Но какъ огонь, безуміе вакхановъ
 Все болѣе выходитъ изъ границъ!
 Поди и прикажи къ вратамъ Электры
 На быстрыхъ коняхъ всадникамъ спѣшить,
 Вели и копьеносцамъ, и стрѣлкамъ
 Идти встрѣчать вакхановъ! За предѣлы
 Возможнаго давно зашли менады,
 Къ позору всей Эллады! Намъ терпѣть
 Ихъ дерзости—довольно мы терпѣли!

Дионисъ.

Моя слова, Пенеей, ты слышалъ? Бога
Ты оскорбилъ, но все же я скажу:
Не слѣдуетъ войной идти на Вакха,
Онъ не прогнать съ горъ менадъ, когда
Онъ тамъ вакханалии свершаютъ.

Пенеей.

Меня не убѣдишь! Иль, можетъ быть,
Ты хочешь убѣжать отъ насъ, безумный?
Наказанъ будешь ты!..

Дионисъ.

Не лучше ль жертву
Ему принести, чѣмъ тщетно спорить съ нимъ?

Пенеей.

Вотъ подожди, и жертва скоро будетъ:
Какъ женщинъ накажу и Клееронъ
Въ порядокъ приведу!..

Дионисъ.

Какой позоръ!
Мужчины со щитами побѣгутъ
Отъ женщинъ съ тирсомъ! Всѣ уже погибли...

Пенеей.

Зачѣмъ судьба связала насъ со злобнымъ
Скитальцемъ!.. Мы не въ силахъ приказать
Ему умолкнуть... Что же это значитъ!..

Дионисъ.

Возможно все добромъ еще окончить...

Пенеей.

Но какъ? Нельзя жъ рабьямъ подчиняться!

Діонисъ.

Я женщинъ безоружныхъ приведу къ вамъ.

Пеноей.

Онъ что-то замышляетъ противъ насъ!.

Діонисъ.

Ну, вотъ еще! Спаси тебя хочу я.

Пеноей.

Вы вѣрно сговорились что-то сдѣлать,
Чтобъ вакханалии свершать повсюду!.

Діонисъ.

Но помни: сговорилися мы... съ богомъ!.

Пеноей.

Принести оружья мнѣ! А ты умолкни!.

Діонисъ.

Не хочешь ли, Пеноей, увидѣть ты,
Какъ на горахъ въ лѣсу сидятъ менады?

Пеноей.

Да, много далъ бы я тебѣ за то!

Діонисъ.

Откуда жъ у тебя желанье это?

Пеноей.

Я видѣть ихъ хочу, моихъ враговъ.

Діонисъ.

Но все же *видѣть* хочешь ихъ, Пеноей?

Пеноей.

Нѣтъ, тайно наблюдать ихъ буду я...

Діонисъ.

Онъ тебя и скрытаго найдутъ!

Пенеей.

Ну, такъ открыто правду ты сказалъ...

Діонисъ.

Я проведу тебя, за мной послѣдуй!

Пенеей.

Итакъ, скорѣй, хотъ времени довольно!

Діонисъ.

Теперь одѣнься въ женскую одежду.

Пенеей.

Зачѣмъ мужчинѣ обращаться въ бабу?

Діонисъ.

Мужчину вѣдь убить вакханки могутъ!

Пенеей.

Такъ! Это вѣрно! Ты не глупъ, какъ вижу.

Діонисъ.

Да! Діонисъ меня такъ воспиталъ.

Пенеей.

Какъ можно привести то въ исполненье,
О чемъ ты говорилъ мнѣ, повтори!

Діонисъ.

Я самъ займусь теперь твоимъ нарядомъ!..

Пеней.

Но платье женское одѣть не ловко!..

Дюнисъ.

Твой пылъ въ рѣшенью нашему остылъ.

Пеней.

Ты говоришь: мнѣ женщиной одѣться...

Дюнисъ.

Я вудри распушу твои по плечамъ.

Пеней.

А что ты съ платьемъ сдѣлаешь моимъ?

Дюнисъ.

Я длинный плащъ вручу тебѣ и шапку.

Пеней.

Ну, а еще что? Говори: я внемлю.

Дюнисъ.

Тирсъ—въ руку, на плечи—оленью шкуру!

Пеней.

Но не могу жь одѣться въ платье я..

Дюнисъ.

Ты дорого заплатишь за упрямство!..

Пеней.

А на развѣдкахъ быть необходимо!..

Діонисъ.

Да! Это поумнѣй, чѣмъ дерзости творить
Съ дряннымъ и недостойнымъ человѣкомъ!..

Пенеей.

Но какъ укрыться отъ оиванцевъ намъ?

Діонисъ.

Я проведу тебя путемъ окольнымъ.

Пенеей.

А это поумнѣй, чѣмъ подвергать
Себя насмѣшкамъ ихъ. Пойдемъ ко мнѣ!..

Діонисъ.

Менады, этотъ человѣкъ попался
Въ раскинутыя сѣти... Смертью злою
Заплатить онъ за всѣ свои грѣхи!
Ну, Діонисъ, за дѣло! Близокъ
Тебѣ для отомщенья случай!..
Лиши его разсудка и безумьемъ
Ты гордаго Пенеея порази!..
Въ разсудкѣ здоровомъ платья бѣ не одѣлъ онъ!
Съ ума сойдя, готовъ онъ и на это...
Теперь женоподобнаго чрезъ горы
Я поведу на посмѣянье Оивамъ.
Пойду то украшенье захватить,
Съ которымъ онъ сойдетъ въ Плутоу:
Познаетъ онъ меня Зевеса сына,
Который всѣмъ безбожнымъ людямъ грозенъ
И кротовъ для благочестивыхъ!..

Хоръ № 4.

Темной ночью межъ горами
Намъ удастся поплясать:

Радость вѣчно будетъ съ нами
И веселья благодать!

* * *

Беззавѣтныя менады
Съ ланью сложи: какъ она,
Избѣжавъ лихой засады,
Мчится по полю одна!

* * *

Ловко, въ рѣзвости удамой,
Миновала рядъ сѣтей,—
Тутъ охотникъ запоздало
Свору гонить вслѣдъ за ней!..

* * *

Мчится съ вѣтра быстротою
По равнинѣ близъ рѣки:
Къ нелюдимому покою
Лань направила прыжки.
Лучше что, чѣмъ даръ прекрасный:
Надъ врагомъ повелѣвать
И рукою самовластной
Имъ свободно управлять?

* * *

Вѣрной, медленной стогою
Сила вышняго градеть,
Для толпы всегда съ собою
Наказаніе нестеть

* * *

Тѣмъ, кто чуждъ богопочтенья,
Беззаконенъ, дерзокъ былъ,
Кто, коснѣя въ самомнѣвьи,
Діониса не почтилъ!..
Могутъ скрыться лишь на время
Беззаконники: всегда
Ихъ постигнетъ жизни бремя—
Неизбѣжная бѣда.

* * *

Сердцемъ вѣрить въ то не трудно,
Что для насъ освящено,

Что́ безсмертныхъ властью чудной
Въ человѣкѣ́ врождено!...

* *
*

Все разумное—прекрасно!
Сколь отраденъ даръ боговъ:
По желанью, самовластно
Усмирять своихъ враговъ...

* *
*

Счастливы, кто морей изгибы
Безопасно избѣжалъ,
Въ мирный домъ, въ свои долины
Своевременно попалъ.

Все различно подъ луною:
Часто смертный предъ другимъ
Различается судьбою
Иль могуществомъ своимъ..

* *
*

Каждый смертный здѣсь легѣтъ
И надежды, и мечты,
Но концовъ ихъ не владѣть:
Всѣмъ, судьба, владѣешь ты!

* *
*

Многихъ счастье здѣсь улыбкой
Своевольно оварить,
Но въ пучинѣ моря зыбкой
Многихъ горе посѣтитъ...

* *
*

Разсудивъ благоразумно,
Мы счастливымъ назовемъ
Тѣхъ, кто радостно и шумно
Провождаетъ день за днемъ!..

Діонисъ.

Ну, выходи изъ дому и предстань
Передо мной, Пенеей, въ одеждѣ женской,—
О ты, который любишь то смотрѣть,
На что смотрѣть тебѣ не подобаетъ,

Заботиться о томъ, о чемъ нельзя!..
Шпіонъ! За матерью слѣдить идущій,
Похожъ ты сталъ на Кадма дочерей!...

Пенѳей.

Мнѣ кажется, что вижу я два солнца,
Что городъ Фивы больше сталъ...
Что... бнкъ меня ведетъ, что у тебя
Вдругъ выросли рога, и звѣремъ сталъ ты!.

Діонисъ.

Ты видишь все теперь, какъ нужно. Богъ,
Боторый прежде гнѣвался, ведетъ насъ!

Пенѳей.

Но какъ—скажи—я выгляжу: на Ино
Иль на Агаву похожъ я болѣе?

Діонисъ.

Взглянувъ, мнѣ кажется, я вижу ихъ;
Но волосы твои ужъ растрепались,
Я ихъ подъ шапкою прибралъ неровно.

Пенѳей.

Встряхнувши головою, я привелъ
Ихъ въ безпорядокъ.

Діонисъ.

Ну, такъ я
Ихъ самъ поправлю. Выше поднимись!

Пенѳей.

Смотри: вотъ здѣсь. Во всемъ я повинуюсь!

Діонисъ.

Ослабъ и поясъ, и у ногъ твоихъ
Болеблется ужъ складками одежда.

Пеней.

Согласенъ я: дѣйствительно, не ладно
У этой вотъ ноги, а здѣсь—въ порядкѣ!...

Дюнисъ.

Почтишь ли ты меня, какъ друга, если
Найдешь благоразумными менадъ?

Пеней.

Скажи: въ какой рукѣ держать мнѣ тирсъ,
Чтобъ походить тѣмъ лучше на вакханокъ?

Дюнисъ.

Конечно, въ правой. Правую жъ ногою
Ступай впередъ; ты право поумнѣлъ!

Пеней.

Могу ли я низвергнуть Киберонъ,
Съ менадами въ союзѣ?

Дюнисъ.

О, конечно!

Теперь ты разсуждаешь здраво; прежде
Не правильно ты думалъ,—самъ сознайся!

Пеней.

Не захватить ли рычага съ собою?
Иль хватить силы рукъ однѣхъ и плечъ?

Дюнисъ.

Не разрушай святой для нимфъ долины:
Великій Панъ играетъ тамъ на флейтѣ.

Пеней.

Согласенъ: слѣдуетъ не силой женщинъ
Намъ побѣждать. Подъ соснами я скроюсь.

Діонисъ.

(Да, спрятанъ будешь по заслугамъ ты,
Какъ хитрому лазутчику и надо!..)

Пенеей.

Предвижу: всё попрячутся по скаламъ,
Какъ стаи птицъ скрываются по гнѣздамъ!

Діонисъ.

А ты идешь туда, какъ птицеводъ.
Поймашь ихъ, воль пойманъ самъ не будешь..)

Пенеей.

Такъ проводи жь меня чрезъ Фивы; я
Иду одинъ изъ города роднаго.

Діонисъ.

(Да, ты одинъ полатышься за всёхъ.
Тебя ждетъ страшная борьба, Пенеей!..)
Иди жь за мною; доведу покуда,
А тамъ тебя другіе поведутъ.

Пенеей.

Кто жь? Мать моя Агава?

Діонисъ.

Да, она!

Пенеей.

Иду затѣмъ...

Діонисъ.

Назадъ тебя снесутъ!..

Пенеей.

Ты слово молвилъ о триумфѣ?

Дюнисъ.

Да!

Во власти матери твоей...

Пеноей.

Ты льстишь мнѣ?

Дюнисъ.

Да какъ еще!

Пеноей.

Гордиться есть причина.

Дюнисъ.

Идешь ты на опасность храбро, царь,
И слава вознесетъ тебя до неба.
Агава, Кадма дочери, готовьтесь!
На бой кровавый я веду Пеноея.
Торжествовать же буду я и Бромій.
Конецъ изъ этого вамъ ясенъ!...

Хоръ № 5.

Вы, богини возмездя, собирайтесь, слуги!
Поспѣшите на горы, гдѣ пляшутъ менады:
Приведите въ неистовство, правды подруги,
Соглядатая дерзкаго празднествъ Эллады!
Мать увидитъ его съ неприступной скалы:
Онъ взираетъ, какъ пляшутъ менады...
Собирайтесь на жертву, какъ Зевса орлы,
Пусть врага не смущаютъ васъ взгляды!...
Онъ — не женщины сынъ, онъ волчицей рожденъ,
Иль изъ чрева Горгоны исторгнуть былъ онъ...
О, вакханки, настигнемъ скорѣе шпіона:
Пусть Гермесъ отведетъ его въ царство Плутона!
Пусть богиня возмездія съ нами летитъ,
Пусть навязжетъ его за напасти,
Мечъ пусть въ горло ему глубоко водрузитъ,

Пусть растерзанъ онъ будетъ на части!..
 Кто преступенъ и въ бога не вѣритъ, менады,
 Тотъ во вѣкъ не увидитъ отъ Вакха пощады.
 Въ своей дерзости наглою онъ смѣло идетъ
 Противъ оргій вакханокъ, Кибелы,—
 Соберите свой грозный врагамъ хороводъ:
 Умирая, онъ встрѣтитъ день бѣлый!..
 О, поднимемте тирсы и сдвинемъ ихъ разомъ!
 Славься, Бромій, врага отуманившій разумъ!..

* *

Пріятное смертному счастье богами
 Тому ниспослется, кто мудрость имѣеть!
 Блаженною жизнью живетъ онъ межъ нами,
 И радость его неотступно лелѣеть!
 Излишне мудрить: мы стремимся охотно
 Къ другимъ—очевиднымъ и важнымъ дѣламъ
 И къ жизни счастливой, къ судьбѣ беззаботной,
 И къ полной поворотности вышнимъ богамъ...
 Приди жъ къ намъ, богиня, во имя закона!
 Ты, Вакхъ, удави царя петлей своей:
 Забылся въ безумьи онъ, сынъ Эхіона,
 Говнитель порочный святни твоей!..

Вѣстникъ.

Дворецъ, печальный видъ являешь ты...
 А прежде надъ тобой сіяло счастье,
 Владѣтель мощный твой, сидонскій старецъ,
 Посѣялъ на землѣ дракона зубы
 И съ нихъ собиралъ достойный урожай...
 Пускай я рабъ, но и душа раба
 Горюеть о судьбѣ твоей несчастной!..

Хоръ.

Что слышимъ мы: какою вѣсть—скажи—
 Ты намъ приносишь отъ вакханокъ?

Вѣстникъ.

Да!...

Сынъ Эхіона, царь Пенеей погибъ!..

Хоръ.

О, Бромій, ты по истинѣ великъ! . . .

Въстникъ.

Чему жь тутъ ликовать? Не понимаю!
Вы словно рады смерти человѣка?

Хоръ.

Мы славимъ приплеча достойнымъ гимномъ:
Исчезли страхъ и трепеть предъ неволей! . .

Въстникъ.

Но развѣ такъ ослабла сила Эивъ?

Хоръ.

Не Эивы, Діонисъ имѣеть власть! . . .

Въстникъ.

Простительно для васъ, но все жь нечестно
Рукоплескать чужой бѣдѣ или горю.

Хоръ.

Скажи намъ, какъ погибъ Пеноей.

Въстникъ.

Жилища Эивъ съ царемъ покинувъ, мы
Въ ущелье кноэронское вошли,
Эвона воды быстрыя минуя.
Съ проводникомъ шли тихо и въ молчаньи,
Чтобъ не замѣченными быть вблизи,
Самихъ менадъ и ихъ распутство видѣть.
Долина тутъ, сокрытая въ горахъ,
Съ ручьемъ попалась по дорогѣ нашей.
Менады тамъ водили хороводы
Или веселыми дѣлами занимались:

Тѣ, тирсы взявши, ихъ святымъ плещемъ
 Руками обвивали граціозно,
 Другія же, оставивши работу,
 Затягивали пѣсни на свободѣ.
 Пеноей несчастный, игръ не видя ихъ,
 Сказалъ проводнику: „Послушай, право
 „Не вижу я отсюда, я бѣ хотѣлъ
 „Взойдти на верхъ утеса иль на вѣтви
 „Сосны развѣсистой взобраться, чтобы
 „Развратъ наложницъ Вакха видѣть!“
 Сказалъ, и что жъ увидѣлъ я (о чудо!):
 За вѣтви горную сосну схвативъ,
 Дугою спутникъ нашъ согнулъ ее,
 Какъ лукъ иль на подобье колеса,
 Которое, вокругъ оси вращаясь,
 Круги отъ спицъ даетъ глазамъ. Затѣмъ,
 Свершивъ нечеловѣческое дѣло,
 Пеноея онъ на вѣтви посадилъ
 И, постепенно сосну выпрямляя,
 Пеноея къ верху поднялъ высоко,
 Заботясь, чтобъ съ вѣтвей онъ не свалился.
 Упругій стволъ, отпущенный изъ рукъ,
 Вверхъ постепенно гордо выпрямлялся,
 И поднялъ высоко вершину онъ,
 А съ нею и царя Пеноея въ вѣтвяхъ!
 Но горе! Царь скорѣй замѣченъ былъ,
 Чѣмъ самъ увидѣлъ бѣшеныхъ вакханокъ.
 Ужасный чей-то голосъ вдругъ надъ нимъ,
 Какъ Зевса громъ проклятiя, раздался...
 Миѣ показалось: будто Діонисъ
 Вѣщалъ съ небесъ къ отмщенью призывая:
 „Вакханки, вотъ я вамъ привелъ теперъ
 „Того, который надо мной и нами
 „Смѣялся дерзко! Мстите же скорѣй!“
 Лишь молвилъ онъ, и вотъ огонь священный
 Взвился съ земли и устремился къ небу...
 Замогло все, листья деревъ и воздухъ.
 Нельзя услышать было ревъ звѣрей!..
 Но ясно голосъ съ высоты гремѣлъ...

Занятя бросивъ и смотря кругомъ,
Вакханки слушали его покорно...
Опять онъ приказанье повторилъ,
И Вакха Кадма дочери узнали,
И бросились съ поспѣшностью менады,
Какъ голуби летять, съ такою быстротою,
Воспламененныя, неслись онѣ
Черезъ бурный ручей и обрывы смѣло
И вотъ увидѣли Пенеея... Тотчасъ
Взобравшись на ближайшую скалу,
Онѣ его оттуда поражали
И камнями, и сучьями отъ сосенъ;
Другія же, избравъ Пенеея цѣлью,
Кидали тирсами въ него нещадно;
Но такъ какъ царь несчастный былъ высоко,
И тщетны были всѣ усилья ихъ,
Онѣ, со скоростью мгновенья ока,
Изъ дуба выломали сучья, вѣтви
И въ ходъ пустили, какъ рычаги,
Но все-таки не спѣрилась работа...
Сказала тутъ Агава: „Ну-же, станьте
„Вокругъ дерева, чтобъ звѣрь не убѣжалъ
„И объ обрядахъ нашихъ не сказалъ!“...
За сѣснѹ тысячи схватились рукъ,
И рухнула сосна съ ужаснымъ трескомъ!..
Съ огромной высоты упалъ Пенеей
И позналъ наступленье скорой смерти...
Какъ жрица, мать взялась за совершенье
Кроваваго обряда надъ царемъ...
Несчастный, онъ, сорвавъ съ кудрей повязку,
Взмолился, прикасаясь щекъ Агавы
Въ надеждѣ на пощаду: „Это я,
„О мать моя, твой сынъ отъ Эхiона!
„О, пощади, прости мнѣ заблужденье!“
Она же въ изступленiи вращала
Глазами въ стороны, не внемля сыну.
Руками ухватившись, безъ труда,
Но не безъ тайной помощи боговъ,
Ему она плечо свихнула. Ино

Со злобой принялась тиранить тѣло,
 Потомъ и Авронуя подскочила,
 И сонмъ вакханокъ. Вся долина вскорѣ
 Покрылась восклицаніями восторга
 И стонами несчастнаго царя. . . .
 Одна тащила руку, а другая
 Обутую въ сандалю ногу. . . Были
 Бока обнажены, и части мяса
 Раскидывались въ стороны повсюду:
 И на скалу, и въ ближніе кусты!
 Въ безумьи мать Агава приняла
 За льва роднаго сына своего
 И голову его несетъ на тирсѣ
 Черезъ киееронскія ущелья, а сестеръ
 Оставила среди менадъ безумныхъ.
 Придетъ она съ доспѣхами триумфа
 И къ Фивамъ, Броміа зови къ себѣ—
 Его, помощника въ побѣдѣ славной,
 Принесшаго намъ столько слезъ и горя!
 Но я уйду отсюда прежде, чѣмъ
 Она домой успѣетъ возвратиться.

Теперь я убѣжденъ, что благочестье
 И полное почтеніе къ богамъ
 Необходимы жителямъ вселенной:
 „Безъ нихъ—бѣда, а вѣра—кладъ для смертныхъ!“..

Хоръ № 6.

Будетъ нами Вакхъ воспѣтъ:
 Отъ дракона порожденный,
 Въ платьѣ женское одѣтъ,
 Падъ Пенеей, на смерть сраженный!

* *

Со священнымъ тирсомъ, смѣло
 На погибель онъ пришелъ
 За быкомъ и—Вакха дѣло—
 Тамъ несчастіе обрѣтъ! . . .

* *

Побѣдную пѣсню споемъ и гимнъ славы
 На горе еиванцамъ, въ честь битвы такой,

Гдѣ руки почтительной Вакху Агавы
Запачканы кровью родной!...

* * *

Но вотъ она, Пенея мать,
Идетъ знакомою дорогой.
Должны, менады, вы принять
Его въ триумфъ, достойный бога!...

АГАВА.

Менады, къ вамъ я обращаю рѣчь!

ХОРЪ.

Зачѣмъ зовешь ты насъ?

АГАВА.

Какъ драгоценность,
Несу поблекшее растенье съ горь.

ХОРЪ.

Да, видимъ мы; съ восторгомъ восхищенья
Участницу триумфа мы почитимъ.

АГАВА.

Намъ удалось льва диваго поймать
Безъ помощи оружья.

ХОРЪ.

Какъ и гдѣ?

АГАВА.

На Кисееровѣ мы его убили.

ХОРЪ.

Но кто же первый поразилъ его?

АГАВА.

Мнѣ эта честь далась.

Хоръ.

О, ты счастлива!

АГАВА.

Меня уже прославили хороводъ!

Хоръ.

А кто же помогалъ тебѣ, Агава?

АГАВА.

Мнѣ помогали дочери.

Хоръ.

Но чьи же?

АГАВА.

За мною Кадма дочери напали.

Хоръ.

Но что за славная добыча, право!...

АГАВА.

Приму, какъ дань, участіе въ пирахъ.

Хоръ.

Въ какихъ пирахъ, несчастная Агава?

АГАВА.

Смотрите: пухъ на щѣкахъ у него!...

Хоръ.

Вотъ именно: точь въ точь, какъ грива льва!

АГАВА.

Какъ ловко выслалъ Бромій на охоту

За этимъ звѣремъ всѣхъ менадъ покорныхъ!

ХОРЪ.

Нашъ царь всегда былъ на охотѣ ловокъ!

АГАВА.

И хвалите ль его за это вы?

ХОРЪ.

О, да, отъ сердца!

АГАВА.

Всѣ кадмейцы скоро...

ХОРЪ.

И смнѣ Пеней...

АГАВА.

Меня прославятъ

ХОРЪ.

За славную поимку..

АГАВА.

Льва.

ХОРЪ.

Довольна ль ты?

АГАВА.

Еще бы: я

Свершила славный подвигъ!

ХОРЪ.

Ну, покажи, несчастная, трофей,
Тобою полученный, всѣмъ оиванцамъ!..

АГАВА.

О, жители достойныхъ Фивъ! Придите,
 Взгляните вы на славную добычу,
 Какую Кадма дочери поймали
 Безъ помощи тенетъ и безъ оружья,
 Безъ копій ессалийскихъ, силою рукъ.
 Да что! Не только мы поймали звѣря,
 Руками же на клочья растерзали!..
 Но гдѣ жь отецъ мой престарѣлый? Пусть
 Придетъ сюда ко мнѣ; а гдѣ Пенеей?
 Пускай приставитъ лѣстницу къ дворцу оный
 И голову повѣситъ на стѣнѣ!..

Кадмъ.

Сюда, за мной! Къ дворцу съ почетной ношей.
 Нашелъ я, наконецъ, останки ввуча
 Въ ущельи Клеерона. Тѣло было
 Растерзано, разбросано повсюду
 И хворостомъ завалено сухимъ.
 Узналъ я о неслыханныхъ поступкахъ
 Моихъ дѣтей, когда ужь со жрецомъ
 Вернулся съ вакханалій въ городъ Фивы;
 Я отыскалъ его, убитого толпою
 Вакханокъ. Видѣлъ Автоною тамъ
 И Аристею, Агтеона мать,
 А съ ними также Ино—всѣ въ безумьи.
 Агава—говорить—спѣшитъ сюда...
 Чу! Слышу голосъ дочери моей!

АГАВА.

Гордись, отецъ, я выказала храбрость
 Предъ всѣми. Бросила веретено
 И ткацкую работу, ихъ смѣнила
 Охотою за звѣремъ. Видишь ты:
 Несу въ рукахъ достойную добычу,
 Дабы привѣсить къ дому мой трофей!
 Возьми жь его, отпразднуй нашу радость

И позови на пиршество друзей!
Да, счастливъ ты! Вѣдь я свершила подвигъ!

Кадмъ.

О, какъ мнѣ горестно убійство это,
Свершенное несчастными руками.
Увы, ты жертву принесла богамъ
И смѣешь призывать меня на пиръ!
Ты виновата, ты... и я... виновенъ!
Какъ страшно и какъ справедливо Бромій
Насъ наказалъ съ тобою, дочь моя!...

Агава.

О, какъ болтлива старость, и какъ мрачно
Глядитъ она на все!.. О, еслибъ сынъ мой
Равнялся храбростью со мною, еслибъ
Охотился такъ ловко онъ съ друзьями,
Способенъ онъ лишь съ богомъ состязаться!...
Отецъ, предупредить его намъ нужно...
Не позоветъ ли кто-нибудь Пеноея,
Чтобы и онъ увидѣлъ наше счастье!...

Кадмъ.

Постой! Придешь ли ты въ себя, Агава,
Сколь страшное постигнетъ горе васъ,
Но если вы останетесь въ безумьи,
Тогда, конечно, вы не будете считать
Себя несчастными, о дочери мои!...

Агава.

Но что же здѣсь преступнаго, скажи!

Кадмъ.

А ну-ка, погляди на небо. Видишь?

Агава.

Въ немъ ничего особеннаго нѣтъ!

Кадыъ.

Но развѣ нѣтъ въ немъ перемѣнъ, Агава?

Агава.

Оно еще свѣтлѣе, лучезарнѣй!

Кадыъ.

Неужели ты все еще въ безумьи?

Агава.

Смыслъ словъ мнѣ не понятенъ; я какъ будто
Ужъ возвратилась къ прежнимъ мыслямъ! Да!...

Кадыъ.

Ты слышишь все? Ты можешь отвѣчать?

Агава.

Забыла я все то, что прежде было!

Кадыъ.

Отвѣть, за кѣмъ ты замужешь, Агава?

Агава.

Супругъ мой—сынъ дракона, Эхюнь!

Кадыъ.

Имѣешь ли дѣтей отъ брака ты?

Агава.

Имѣю, да: нашъ сынъ Пенсей, твой внукъ!

Кадыъ.

Чья жь голова лежитъ въ твоихъ объятяхъ?

АГАВА.

Чья голова? Льва дикаго... Повѣрь мнѣ:
То подтвердятъ тебѣ и всѣ менады.

КАДМЪ.

Ну, посмотри попристальнѣй! Вглядись!

АГАВА.

О, боги! Что я вижу! Что со мною!

КАДМЪ.

Смотри, смотри! Ставайся распознать!..

АГАВА.

Увы, о горе! Я несчастна! Горе!..

КАДМЪ.

Такъ что жь: кого ты обвиняешь, дочь?

АГАВА.

О Боже! Это... сынъ мой, сынъ Пенеей!..

КАДМЪ.

Горюй, Агава! Плачу я съ тобою!..

АГАВА.

Какъ онъ попалъ ко мнѣ? Скажи, отецъ!

КАДМЪ.

Къ несчастью своему, узнаешь это!

АГАВА.

О, говори скорѣй! Я трепещу!..

Кадмъ.

Тамъ знай же! Тутъ виновна ты и сестры!

Агава.

Но гдѣ же, гдѣ же онъ погибъ несчастный!...

Кадмъ.

Тамъ, гдѣ и Актеонъ растерзанъ былъ!...

Агава.

Зачѣмъ же онъ пришелъ на Клееронъ?

Кадмъ.

Желалъ онъ, бога выслѣдить и васъ!

Агава.

Но какъ попали мы на Клееронъ?

Кадмъ.

Въ безумьи тамъ свершали вакханалѣи!

Агава.

О, понимаю; богъ насъ погубилъ..

Кадмъ.

Осмѣянный, не признанный у васъ!..

Агава.

Но гдѣ же тѣло бѣднаго Пенеея?

Кадмъ.

Вотъ здѣсь съ трудомъ найдённое лежитъ.

Агава.

Но все ли собрано оно, отецъ?

И какъ Пенеей является безумнымъ,
 Такимъ же, какъ безумной я была?

Кадмъ.

Онъ тѣмъ похожъ былъ на тебя, Агава,
 Что также непочтителенъ былъ къ богу,
 И Вакхъ его и насъ подвергъ несчастью.
 Онъ погубилъ нашъ домъ, обрекъ меня,
 Лишеннаго наслѣдника, увидѣть
 Несчастную Пенееву кончину.
 А на него весь домъ взиралъ съ почтенемъ
 И лучшія надежды возлагалъ!...

О внучекъ, ты погибъ, но помнишь старецъ:
 Ты былъ грозой для города роднаго!
 Въ твоемъ присутствіи никто не смѣлъ
 Мнѣ оскорбленіе нанести: всѣ знали,
 Что должное возмездіе получаютъ.

Теперь же я—когда-то Кадмъ великій—
 Изъ Эивъ позорно буду изгнанъ!.. Я—
 Родоначальникъ эивскаго народа,
 Собравшій столько жатвъ съ родныхъ полей!..

О, милый другъ, тебя ужъ нѣтъ въ живыхъ!..
 Не будешь больше ты касаться ручкой
 До подбородка дѣда своего,
 Лаская Кадма, говорить съ угрозой:
 „Кто оскорбитъ тебя?! О, кто посмѣетъ
 „Нечестно поступить съ тобою? Гдѣ,
 Гдѣ тотъ, кто сердце дѣдушки смущаетъ?
 „Скажи мнѣ—разчитаться нужно съ нимъ!“

Теперь несчастенъ я... Убита горемъ
 Агава, и родные всѣ тоскуютъ.

За то ужъ всѣ, не вѣряще въ бога,
 Увидѣвъ смерть, повѣрятъ въ силу Вакха!..

Хоръ.

Жалѣетъ, Кадмъ, тебя, хотъ наказанье
 Заслуженное получилъ Пенеей:
 Кончина причиняетъ много горя!

АГАВА.

Отецъ, мой образъ мыслей измѣнился...

ДЮНИСЬ.

Простися съ видомъ челоуѣка, старецъ:
Ты будешь мною превращенъ въ дракона!..
Гармонію, твою супругу, дочь
Ареса, тожь постигнетъ участь злая:
Она змѣею станетъ... Ты поѣдешь
На колесницѣ, запряженной парой
Быковъ,—вѣщаетъ Зевса предсказанье —
Начальствовать надъ варварами будешь
И много городовъ разрушишь съ ними!
Когда же нападутъ на Апполона храмъ,
Твоихъ помощниковъ бѣда постигнетъ:
Несчастливыми на родину вернутся!..
Тебя жъ съ Гармоніей спасетъ Аресъ
И водворитъ въ Элизіи на вѣки.
Все будетъ такъ, повѣрь мнѣ, сыну Зевса!
Когда бъ не оскорбили бога вы,
Теперь вкушали бъ счастье съ нимъ въ союзѣ!

АГАВА.

Прости намъ, Діонисъ, великій грѣхъ!..

ДЮНИСЬ.

Не во время раскаяніе ваше!..

АГАВА.

Мы знаемъ это, но ужъ слишкомъ строгъ ты!..

ДЮНИСЬ.

Но вѣдь и я былъ вами оскорбленъ!

АГАВА.

Гнѣвъ бога быть не долженъ равенъ вовсе
По мстительности гнѣву челоуѣка.

Дионисъ.

Отецъ боговъ такъ быть опредѣлялъ!..

Агава.

Увы, отецъ, все кончено! Пойдемъ же!..

Дионисъ.

Зачѣмъ вы долго думали надъ тѣмъ,
Чему не миновать, что быть должно?

Кадмъ.

Какое горе страшное постигло,
Дитя мое, тебя и всѣхъ сестеръ.
Несчастлива ты, и я, старикъ убогій,
Идти въ страну чужую обреченъ.
Но тѣмъ моя судьба еще ужаснѣй,
Что мнѣ предсказано вести враговъ
Въ предѣлы Греціи разноплеменныхъ!..
Дракономъ ставъ, къ гробницамъ, алтарямъ,
Въ сопровожденіи копьеносцевъ, я
Гармонію сведу, мою супругу,
А бѣдная она дракономъ тоже будетъ.
Да! Не избѣгнуть мнѣ ужасныхъ бѣдствій...
Не буду я спокоенъ и тогда,
Когда переплыву черезъ Ахеронъ...

Агава.

Отецъ мой, я, тебя лишившись, тотчасъ
Въ изгнанье горькое пойду на горыъ.

Кадмъ.

Не обнимай, дитя мое, отца:
Въ объятіяхъ ты не забудешь горя.

Агава.

Куда идти мнѣ, изгнанной изъ Оивъ?

Бадмъ.

Не знаю, дочь: плохой теперь помощникъ
Отецъ тебѣ!..

Агава.

Прощай, мой край родной!
Прощай, дворецъ, ты, колыбель моя!..
Покину васъ изгнанницею бѣдной...

Кадмъ.

Ступай же, дочь моя!

Агава.

Тебя оплакать,
Отецъ, не въ силахъ я, повѣрь...

Кадмъ.

Агава!

Тебя я сожалѣю также! Сестры
Твои и ты оплаканными будутъ
Отцемъ несчастнымъ!

Агава.

Казнь намъ ниспослалъ
На твой дворецъ властитель Діонисъ.

Кадмъ.

Подумай: вѣдь и онъ терпѣлъ отъ насъ,
Въ оиванцахъ уваженъ не встрѣчая...

Агава.

Прощай, отецъ!

Кадмъ.

Счастлива будь, Агава!
Несчастлива, когда ты только можешь
О счастья думать!

АГАВА.

Шествуйте скорѣ,
 Вы, спутники мои! Сестеръ догонимъ,
 Изгнанницъ жалкихъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось
 Гуда бѣжать, гдѣ вѣту Киоерона
 Ужаснаго, откуда видѣть даже
 Его нельзя мнѣ было.. гдѣ не можетъ
 Напоминаеье быть о тирсѣ превнемъ..
 Пускай о немъ заботятся менады:
 Онъ опостылъ изгнанницѣ Агавѣ!..

Хоръ.

Во многихъ образахъ слетаетъ
 На землю къ людямъ божество,
 И человекъ не ожидаетъ,
 Что будетъ съ нимъ, что ждетъ его..

*
*
*

Завѣсой сумрачной, туманной
 Отъ насъ сокрыта даль времени..
 И такъ негаданно-нежданно
 Былъ этотъ приговоръ свершенъ!..

А. Пушкинъ.

КЛЕОМИСЪ, ТИРАННЪ МИФИМНЫ.

Въ мартѣ текущаго года я приобрѣлъ у одного аѳинскаго торговца древностями обломокъ аттической надписи. Камень (0,11 длины, 0,14 ширины и 0,07 толщины) цѣлъ только съ правой стороны; надпись вырѣзана στοιχηδόν; между послѣднею строкой и нижнимъ краемъ камня остается незапятнмъ приблизительно 0,02. Обломокъ этотъ несомнѣнно относится къ тому же документу, часть котораго уже была напечатана сначала Питтакисомъ ('Εφημ. Ἀρχ. I сер. № 228), затѣмъ Рангависомъ (Antiq. Hell. II, № 497) и наконецъ Келеромъ (С. I. A. II, № 141). Присоединяя новый обломокъ справа къ прежде извѣстному, мы получаемъ слѣдующее:

- . . . κρατης κα
. . . ν ὑπὸ τῶν ληϊστῶν, ἐψηφίσθαι τῆι
βουλῆι τοῦς προέδρους οἱ ἂν λαχῶσ-
5. ιν]προεδρεύειν ἐν τῶι δήμῳ εἰς τη-
ν πρώτην ἐκκλησίαν χρηματίσαι[πε-
ρι τ]ούτων, γνώμην δὲ συμβάλλεσθαι
τῆς βουλῆς εἰς τὸν δῆμον ὅτι δοκεῖ
τῆι β]ουλῆι ἐπ[αινε]σαι μὲν Κλέομιν
10. Ἀπολλοδώρου [Μηθ]υμναῖον, ἐπειδὴ κ-
αὶ τοῦς ἀλόνητας ὑπὸ τῶν ληϊστῶν ἐλ-
ύσατο] καὶ ποιεῖ[δ]τι δύναται ἀγαθὸ-
ν τὸν δῆμον τὸν Ἀ[θ]ηναίων καὶ εἶναι
αὐτὸν πρό]ξενον [κ]αὶ εὐεργέτην αὐτ-
15. ὄν καὶ ἐχρόν[ου]ς τοῦ δήμου τοῦ Ἀθην-
αίων].

Дополненія 'Απολλοδώρου [Μηθ]υμναῖον на мой взглядъ несомнѣнны. По начертанію буквъ Келеръ относитъ № 141 къ промежутку между

106-ю и 111-ю олимпиадами (ср. примѣч. къ С. I. А, II, 127). Если при этомъ принять во вниманіе, что имя Κλέομις принадлежитъ къ числу весьма рѣдко встрѣчающихся (см. Rare-Names s. v.), то становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что въ настоящемъ постановленіи афинскаго совѣта и народа рѣчь идетъ о тираннѣ города Миоимны (на Лесбосѣ), котораго Исократъ ставитъ въ примѣръ тиранну Гераклею Понтійской Тимоою въ письмѣ къ послѣднему, написанномъ около 346 или 345 года (Isocr. Ep. ad. Timoth. § 8 и 9; овремени письма Schaefer, Demosth. und seine Zeit, I, стр. 435, в Blass, Die Attische Beredsamkeit, II Abth., стр. 303). Можно даже сказать, что наша надпись, говоря объ услугѣ, оказанной Клеомисомъ афинянамъ, является превосходнымъ документальнымъ подтвержденіемъ характеристики его у Исократа. Думаю, что и Шеферъ, и Блассъ, видя одно и то же лицо въ Κλέομις Исократа и Κλεομένης Афиня (X, p. 442 F изъ Θεόπομπα), руководились не только сходствомъ именъ, а также и соответствіемъ отзывомъ о томъ и о другомъ. Менѣе вѣроятнымъ было и прежде предположеніе, встрѣчающееся между прочимъ у Корая (Ἰσοκράτους ἄπαντα, II-е изданіе 1840 г., II томъ, стр. 239), что упоминаемый Демосееномъ (contra Boeotum II, 37) Κάμης тождественъ съ Κλέομις. потому что Демосеенъ говоритъ о тираннѣ не Миоимны, а Митилены; теперь же, узнавъ изъ надписи объ отношеніяхъ Клеомиса Миоимнскаго къ афинянамъ, мы должны сказать, что предположеніе Корая рѣшительно не возможно, потому что Κάμης у Демосеена выставленъ не только не другомъ, а даже врагомъ афинявъ (Κάμης τῆ τυραννοῦσι Μιτιλήνης — ὅς καὶ ὑμῖν κοινῆ καὶ ἐμοὶ ἰδίᾳ ἐχθρὸς ἐστίν). Опасаясь впасть въ подобную же ошибку, я не считаю возможнымъ на основаніи только тождества именъ утверждать что-либо о родственныхъ отношеніяхъ между нашимъ Аполлодоровымъ сыномъ Клеомисомъ и такъ-называемыми οἱ Ἀπολλοδώρειοι—οἱ πρότερον τυραννήσαντες въ Ересѣ, о которыхъ говоритъ извѣстная ересская надпись о тиранахъ (изд. въ послѣдній разъ у Collitz, Dialect-Inschriften, Heft II, № 281; та часть ея, гдѣ упомянуты οἱ Ἀπολλοδώρειοι, относится приблизительно къ промежутку между 306—301 гг. (см. тамъ же стр. 108).

А. Никитскій.

Σ Λ Ι
 Η Λ Λ Ε Σ Ο Α ,
 Ο Ν Ο Τ Ι Δ Ο Κ Ε Ι
 Α Ι Μ Ε Ν Κ Λ Ε Ο Μ Ι Ν
 Ι Ν Α Ι Ο Ν Ε Π Ε Ι Δ Η Κ
 Ο Τ Ω Ν Λ Η Ι Σ Τ Ω Ν Ε Λ
 Ι Δ Υ Ν Α Τ Α Ι Α Γ Α Ο Ο
 Ι Ν Α Ι Ω Ν Κ Λ Ι Ε Ι Ν Α Ι
 Α Ι Φ Ύ Ε Ρ Γ Ε Τ Η Ν Α Υ Τ
 Μ Ο Υ Τ Ο Υ Α Ο Η Ι

Из статьи в "Нижнетагском" Клеанисе.

ТРЕТЬЯ ¹⁾ ЭЛЕГИЯ КЪ ДЕЛИМ.

(Albii Tibulli carminum lib. I el. 2 ²⁾).

Дайте вина мнѣ, да имъ успокою я новое горе,
Чтобъ побѣдивъ отягчилъ очи усталыя сонъ.
Пусть опьяненнаго Вакхомъ тревожить меня не дерзають,
Чтобъ успокоилась сномъ горечь несчастной любви.
Горе! Поставлена стража у дома возлюбленной нашей, 5
И заперта ея дверь прочнымъ и крѣпкимъ замкомъ.
Двери капризной хозяйки! Пусть дождь васъ счтетъ безопадно,
Пусть посылаетъ на васъ молніи гнѣвный Зевесъ!
Двери, откройтесь предъ мною однимъ, побѣжденныя просьбой,
И не гремите замкомъ, тайно открытыя мной! 10
То же, что я пожелалъ вамъ дурнаго въ безумствѣ, простите:
Пусть на меня же падутъ злобныя рѣчи мои...
Вспомните: часто внимали вы мой умоляющій голосъ,
Я же вѣнками цвѣтовъ вамъ косяки украшалъ!
Делія, ты же не бойся обманывать стражу; будь смѣлой: 15
Смѣлымъ Венера сама будетъ во всемъ помогать.
Знай: благосклонна она, если юноша ищетъ свиданья,
Иль отворяетъ ему прибраннымъ дѣва ключемъ.

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884 г. ноябрь.

²⁾ Вторая элегія I-й книги раздѣляется многими на три части (1—32; 33—78; 79—98). Первая заключаетъ въ себѣ жалобы Тибулла, что Делія въ его отсутствіи вышла замужъ; вторая—выраженіе его надежды, что ея бракъ не помѣшаетъ ихъ любви; въ третьей части онъ совершенно отчаивается въ успѣхъ и только вопрошаетъ небо, чѣмъ заслужилъ онъ такую немилость.

Учить она, какъ неслышно съ пуховаго ложа подняться
 И осторожно ступать по полу нѣжной ногой; 20
 Звонками учить она объясняться въ присутствіи мужа,
 Учить любовную рѣчь въ формѣ условленной скрыть.
 Только не всѣхъ она этому учить: лишь тѣхъ, кому лѣньность,
 Страхъ не мѣшаютъ вставать и въ непроглядную ночь.
 Имъ не допустить на встрѣчу такого, кто бѣ ранилъ мечемъ ихъ 25
 Или старался отнять силой одежду у нихъ.
 Тѣ, кто во власти любви, невредимыми странствовать могутъ
 Всюду, и козни враговъ вовсе для нихъ не страшны.
 Въ ясную ночь не вредитъ ни суровый морозъ мнѣ нисколько,
 Ни выпадающій дождь, хоть бы ручьями онъ лилъ. 30
 Мнѣ ни по чемъ этотъ трудъ, если Делія, двери открывши,
 Молча меня поманить пальчикомъ нѣжнымъ своимъ.
 Женщину ль, или мужчину мы встрѣтимъ,—на насъ не глядите.
 Хочетъ Венера отъ всѣхъ тайны любовныя скрыть.
 Шумомъ шаговъ не пугайте насъ, не окликайте бѣгущихъ, 35
 Не подносите къ лицу ярваго факела намъ.
 Если же кто насъ случайно увидитъ, пусть держитъ какъ тайну,
 И, призывая боговъ, пусть говоритъ: „не видалъ“.
 Всякій, кто будетъ болтать, долженъ знать, что отъ крови Венера
 И отъ пѣнящихся волнъ, какъ говорятъ, родилась.
 Впрочемъ ему не повѣрять твой мужъ; общала мнѣ вѣрно
 Это Сивилла сама чарой волшебной своей ¹⁾.
 Я ее видѣлъ сводицею звѣзды съ лазурнаго неба;
 Пѣнемъ заклятій она путь отклоняетъ рѣки;
 Почву она расщеляетъ, чтобъ вызвать изъ гроба усопшихъ 45
 И воздвигаетъ еще теплыя кости съ костра.
 Духовъ подземныхъ волшебнымъ шипѣниемъ она вызываетъ,
 То, окропивъ молокомъ, скрыться назадъ имъ велитъ.
 Если захочетъ, то согонитъ съ угрюмыхъ небесъ она тучи,
 Если захочетъ, то снѣгъ выпадетъ съ лѣтнихъ небесъ. 50
 Травы Меденъ волшебныя всѣ, говорятъ, ей извѣстны,
 И укрощаетъ она дикихъ Гекаты собакъ.
 Мнѣ сочинила заклятье она: съ нимъ обманывать можешь.

¹⁾ Римляне, будучи очень суевѣрны, вѣрили въ дѣйствіе чаръ. Tib. Lib. I, 8, 19—22.

Спой его трижды и плюнь трижды, пропѣвши его,—
 И никому не повѣрять о насъ твой супругъ; даже если 55
 Вмѣстѣ застанетъ насъ самъ, онъ не повѣрять себѣ.
 Но отъ другихъ отстраняйся; о нихъ онъ узнаетъ навѣрно;
 Только меня одного не заподозрить ни въ чемъ.
 Что же я вѣрю? Не та же ль Сивилла сказала, что можетъ
 Пѣньемъ и травами мнѣ горечь любви облегчить; 60
 И, окуривъ меня смолами, въ ясную ночь заколола
 Черную жертву *) богамъ тайныхъ заклатій и чаръ?
 Я жь не просилъ, чтобъ забыть мнѣ тебя, но чтобъ стала
 Только взаимной любовью; могъ ли я бросить тебя?
 Тотъ изъ желѣза жестокой, кто, могши остаться съ тобою, 65
 Вдругъ предпочелъ на войну ради добычи идти.
 Пусть предъ собою онъ гонитъ толпу взятыхъ въ плѣнъ киликійцевъ
 И разбиваетъ у нихъ лагерь военный въ поляхъ;
 Золотомъ и серебромъ весь блистающій пусть онъ гарцуетъ
 На быстроногомъ конѣ, издали видимый всѣмъ; 70
 Лишь бы съ тобою мнѣ жить, самъ быковъ запрягать я рѣшился бъ
 И на пустынной горѣ, Делія, стадо пасти,
 И, если можно въ объятіяхъ нѣжныхъ твоихъ оставаться,
 Радъ позабыться я сномъ даже на голой землѣ.
 Что безъ взаимной любви хотъ на тирскомъ покоиться ложѣ, 75
 Если безсонная ночь слезы приносить однѣ?
 Тутъ вѣдь ни мѣрнымъ журчаньемъ воды, ни бѣлѣющимъ пухомъ,
 Ни покрываломъ цвѣтнымъ сна не приманишь къ себѣ...

* * *

Не оскорбилъ ли я рѣчью достоинства славной Венеры
 И наказанье терплю за нечестивый языкъ? 80
 Ужъ не вступалъ ли я въ храмы боговъ съ нечестивою мыслью
 И не срывалъ ли вѣнковъ, дерзкій, съ святыхъ алтарей?
 Но если я виноватъ, я готовъ на колѣняхъ валяться
 И униженно лобзать прахъ у пороговъ святыхъ,
 Иль на колѣняхъ, моля о прощениі, по полу ползати 85
 И ударять о порогъ жалкой своей головой.

*) Богамъ подземнаго царства приносили въ жертву животныхъ темнаго цвѣта (ср. Odyss. X, 520); Цирцея приказываетъ Одиссею:

Τειρεσίη δ' ἀπάνευθεν ὄνι τερεῖσσεμεν οἴῳ
 παρμελάν', ἕς μύλοισι μεταπρέπει βυετέροισιν.

Ты же, что нашимъ несчастьямъ смѣешься такъ зло, берегися.
 Вѣдь не всегда жъ раздраженъ на одного только богъ.
 Видѣлъ я старца, шутившаго прежде надъ юноши страстью:
 Какъ онъ склонился въ армо славной Венераѣ потомъ. 90
 Старческимъ голосомъ вѣжныя рѣчи себѣ бормоталъ онъ,
 Также старался завить бѣлые волосы онъ
 И не стыдился стоять предъ дверями, и даже съ служанкой
 Милой своей посреди площади онъ говорилъ.
 Тѣсной толпою всегда окружая его, молодые 95
 Въ тогу плевали ¹⁾ тайкомъ каждый при видѣ его.
 Ты же, Венера, прости мнѣ: тебѣ я былъ предавъ душою:
 Что же, сердитая, жжешь лучшія нивы свои?

К. С—ский.

¹⁾ Сравни. Theophrast. charact. 16. μαινόμενόν τε ἰδὼν ἢ ἐπίληπτον φρίξας εἰς κολπὸν πύσαι; и стихъ 54; Plin. h. n. XXVIII, 4.

ДЕКАРТЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О МЕТОДѢ
ДАБЫ ХОРОШО НАПРАВЛЯТЬ СВОЙ РАЗУМЪ
И
ОТЫСКИВАТЬ НАУЧНЫЯ ИСТИНЫ.

ПЕРЕВОДЪ И ПОЯСНЕНІЯ

Н. А. ЛЮБИМОВА

заслуженнаго профессора Московскаго Университета.

Съ подробнымъ изложеніемъ ученій Декарта о мірѣ и человекѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій взв., № 78.

1885.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Философія Декарта была для меня съ давняго времени предметомъ довольно внимательнаго изученія, къ которому я не разъ возвращался на пути моихъ научныхъ занятій, и въ послѣдній разъ въ трудѣ, помѣщенномъ въ 1878 году въ Русскомъ Вѣстникѣ и озаглавленномъ «Изъ исторіи физическихъ ученій съ эпохи Декарта». Изъ изученія моего я вынесъ убѣжденіе, что мы и нынѣ находимся еще въ томъ же періодѣ развитія человѣческой мысли, начало котораго ознаменовалось великими размышленіями Декарта. Задачи и вопросы, данные и поставленные Декартомъ, рѣшенія которыхъ онъ искалъ и надѣялся найти чрезъ «естественный свѣтъ разума», и нынѣ стоятъ предъ нами, какъ великія задачи разумѣнія и тревожные вопросы бытія.

Въ области изученія природы Декартъ положилъ основаніе механикѣ природы: великой задачѣ—всѣ явленія матеріальнаго міра привести къ простымъ механическимъ началамъ. Картезіанскимъ направленіемъ и противоположнымъ ему, и съ нимъ еще не примиреннымъ, ньютоніанскимъ, внесшимъ въ механику природы понятіе силы, исчерпываются и до нынѣ усилія наши проникнуть въ тайны строенія и свойствъ вещества. Современная физика, ньютоніанская въ содержаніи своемъ, можетъ быть названа картезіанскою въ своихъ стремленіяхъ. Теоріи, стремящіяся свести всѣ явленія исключительно къ явленію движенія;

идеи о сохраненіи энергіи въ природѣ, о всенаполняющемъ эфирѣ, атомныхъ вихряхъ, средѣ, порождающей притяженія и отталкиванія; кинетическая теорія газовъ, — все это ученія, возобновляющія задачи картезианской физики.

Въ кругѣ философскаго мышленія и идеализмъ, породившій претендовавшія на всеобъемлемость системы германскихъ философовъ нынѣшняго столѣтія, и эмпиризмъ англійскихъ психологовъ, вышедшій первоначально изъ борьбы съ идеями Декарта, и критика познанія, и столь распространенныя нынѣ матеріалистическія ученія, развивающія одну сторону Декартовой системы, имѣютъ корни свои въ философіи Декарта.

Въ области біологическихъ знаній устраненіе идеи жизненной силы, носившей въ эпоху Декарта наименование души растительной и души животной; ученіе о рефлексахъ, возобновленное и играющее важную роль въ современной физиологін; первое созданіе той научной области, которая въ новѣйшее время получила названіе психо-физиологін, все это идетъ отъ Декарта.

Отъ него же идутъ попытки научной космогоніи со смѣлыми гипотезами касательно глубокаго прошлаго и нашей планеты и всей солнечной системы.

Многое, провозглашавшееся въ новѣйшее время, какъ нѣкоторыя новыя откровенія, есть простое возобновленіе идей Декарта, высказанныхъ притомъ съ философскою шириною воззрѣнія, такъ часто недостающею новѣйшимъ глашатаямъ этихъ откровеній.

Между сочиненіями Декарта первое, какимъ онъ раскрылъ себя ученому міру, есть Разсужденіе о методѣ, «Discours de la méthode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences», изданное на французскомъ языкѣ, въ Лейденѣ въ 1637 году, вмѣстѣ съ тремя трактатами: Діоптрикою, Метеорами и Геометріей, долженствовавшими служить образцами приложенія методы къ научнымъ изслѣдованіямъ въ об-

ласти природы и математики. Въ небольшомъ по объему Разсужденіи, составившемъ эпоху въ исторіи философіи и по языку поставившемъ автора въ число классическихъ писателей Франціи, Декартъ разказываетъ исторію своей мысли и набрасываетъ очеркъ своей системы. Потому сочиненіе это представляетъ собою, съ одной стороны, любопытныя страницы автобіографіи, съ другой — родъ конспекта всей философіи Декарта.

Принявъ во вниманіе это обстоятельство, я возымѣлъ мысль дать русскій переводъ Разсужденія и снабдить его поясненіями, въ которыхъ, не стѣсняя себя требованіями строгой полноты и послѣдовательности, изложить біографію и систему Декарта. По кругу занятій моихъ мое вниманіе, естественно, болѣе всего остановится на физическихъ и фізіологическихъ теоріяхъ Декарта, и я надѣюсь дать изложеніе ученія Декарта о мірѣ и человѣкѣ, въ связи съ современными намъ ученіями, болѣе полное, чѣмъ гдѣ-либо. Метафизическую часть имѣю въ виду изложить кратко. Замѣчу, что Декартъ признавалъ ее, по обработкѣ, слабѣйшею частію своего Разсужденія.

Переводить Разсужденіе—задача не особенно легкая. О многомъ Декартъ лишь намекаетъ, и точная передача подобныхъ мѣстъ требуетъ знакомства со всею совокупностію его трудовъ. Языкъ, хотя простой и образный, есть языкъ старый. Это какъ бы языкъ Ломоносова, по отношенію къ нашему современному, только безъ напыщенности и безъ латинской структуры слога ломоносовскихъ рѣчей (такой, какъ, напримѣръ, въ предисловіи къ переводу «Физики» Вольфа). Одна изъ трудностей языка Декарта въ Разсужденіи есть чрезвычайная длиннота періодовъ, въ которыхъ на главной мысли обыкновенно развѣтвлено много побочныхъ, всегда умѣстно поставленныхъ, но затрудняющихъ передачу. Переводчику приходится бороться между желаніемъ сохранить оригинальность подлинника и опасеніемъ впасть въ тяжеловѣсность, которая въ переводѣ необходимо

IV

должна чувствоваться много сильнѣе, чѣмъ въ подлинникѣ; ибо естественное сплетеніе фразы съ ея боковыми побѣгами иное въ разныхъ языкахъ. Чтобы сохранилось впечатлѣніе оригинала, надлежитъ въ мѣру разбивать періоды.

Куно Фишеръ о трудностяхъ перевода Разсужденія говорить такъ: «Тогдашній французскій слогъ труднѣе переводить, чѣмъ нынѣшній. Длинные періоды, крайне развѣтвленные, хотя всегда стройные и логически построенные, какими писалъ Декартъ, переданные какъ есть по нѣмецки, представились бы крайне неуклюжими. То, что Декартъ соединяетъ въ одномъ періодѣ, у насъ показалось бы нагроможденнымъ и обнаружило бы недостатокъ, далеко не въ такой мѣрѣ обременяющій французскій оригиналъ».

Прибавлю, что есть русскій переводъ Разсужденія М. М. Скіады, изданный въ Воронежѣ въ 1873 году. Видно, что переводчикъ занимался дѣломъ съ любовью. Слогъ перевода вообще гладокъ, но оригинала не передаетъ. Желая сдѣлать изложеніе болѣе удобопонятнымъ, переводчикъ въ простыхъ мѣстахъ, безъ нужды, слишкомъ отступаетъ отъ подлинника, а трудныя мѣста передаетъ почти всѣ не точно, многія совсѣмъ не вѣрно.

РАЗСУЖДЕНІЕ О МЕТОДѢ

дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины.

Если рассужденіе это покажется слишкомъ длиннымъ для прочтенія заразъ, то его можно раздѣлить на шесть частей. Въ первой находится различныя соображенія касательно наукъ; во второй — главные правила методы, какую искалъ авторъ; въ третьей—нѣсколько правилъ нравственности, выведенныхъ авторомъ изъ той методы; въ четвертой—доводы, помощью коихъ онъ доказываетъ существованіе Бога и души человѣческой, что составляетъ основаніе его метафизики; въ пятой — порядокъ эмпирическихъ вопросовъ, какіе онъ изслѣдовалъ, и, въ особенности, объясненіе движенія сердца и нѣкоторыхъ другихъ трудностей, относящихся къ медицинѣ; далѣе,—разница, какая есть между душою нашею и душою животныхъ; а въ послѣдней указаніе того, что должно быть приобрѣтено, дабы двинуться въ изслѣдованіи природы далѣе автора, а также объясненіе соображеній, какія побудили его писать.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Соображенія касательно наукъ.

Здравомысліе¹⁾ есть вещь, наилучше распределенная въ мірѣ, ибо каждый считаетъ себя на столько имъ надѣленнымъ, что даже тѣ, кого всего труднѣе удовлетворить въ какомъ-либо другомъ отношеніи, не имѣютъ обыкновенія желать здраваго смысла болѣе, чѣмъ

¹⁾ Bon sens; въ латинскомъ переводѣ аббата де-Курселя, просмотрѣнномъ Декартомъ,—*bona mens*. Мы перевели: здравомысліе, такъ какъ выраженіе здравый смыслъ имѣетъ въ нашемъ употребленіи отглаголъ нѣкоторой проны по отношенію къ научно-искусственному способу рассужденія. Декартъ говоритъ о здравомъ смыслѣ въ строго серьезномъ значеніи. Передавъ такъ первыя слова автора, въ дальнѣйшемъ мы употребляли выраженіе: здравый смыслъ, не опасаясь уже неточнаго истолкованія. Слова: *qui est progressus se qu'on posside le bon sens ou la raison*, въ латинскомъ переводѣ переданы: *quam proprie bonam mentem seu rectam rationem appellamus*.

сколько у нихъ его есть. При этомъ невѣроятно, чтобы всѣ заблуждались. Это свидѣтельствуетъ скорѣе, что способность правильно судить и различать истину отъ лжи,—что собственно и составляетъ, какъ принято выражаться, здравый смыслъ или разумъ, — отъ природы одинакова въ людяхъ. Такимъ образомъ, различіе нашихъ мнѣній происходитъ не отъ того, что одни изъ нихъ болѣе разумны, чѣмъ другіи, но только отъ того, что мы направляемъ мысли наши разными путями и рассматриваемъ не тѣ же вещи. Ибо не довольно имѣть доброкачественный разумъ: главное — хорошо его прилагать. Навысшія души одинаково способны и къ наивысшимъ порокамъ, и къ наивысшимъ добродѣтелямъ, и тѣ, кто идутъ медленно, могутъ, если слѣдуютъ прямымъ путемъ, далеко уйдти впередъ сравнительно съ тѣми, кои бѣгутъ, но отъ него удаляются.

Что меня касается, я никогда не считалъ разумъ мой выше самаго обыкновеннаго, и нерѣдко желалъ имѣть мысль столь быструю, или воображеніе столь ясное и раздѣльное, или память столь обширную и всегда наготовѣ¹⁾, какъ у нѣкоторыхъ другихъ. Иныхъ качествъ, кои служили бы къ духовному совершенству, кромѣ сихъ, указать не умѣю; что же касается разума или смысла²⁾, на сколько онъ есть единственная вещь, дѣлающая насъ человѣкомъ и отличающая отъ животныхъ,—то желаю думать, что онъ цѣльностію заключается въ каждомъ человѣкѣ. Слѣдую въ томъ общему мнѣнію философовъ, говорящихъ, что различіе по отношенію къ больше и меньше можетъ быть только между акцидентами³⁾, а не между формами⁴⁾ или природами особеі одного рода.

Не опасаясь, однако, сказать, что имѣлъ, по мнѣнію моему, счастье съ юности попасть на нѣкоторые пути, кои привели меня къ сооб-

¹⁾ La mémoire aussi ample ou aussi présente. Въ латинскомъ переводѣ: memoriae capacitate atque usu. Кино Фишеръ слово présente переводитъ gegenwärtig.

²⁾ Sens. Слово это выпущено въ латинскомъ переводѣ.

³⁾ Accidents; accidentia, случайныя свойства. К. Фишеръ: zufällige Beschaffenheiten.

⁴⁾ Entre les formes ou natures des individus d'une même espèce. Въ латинскомъ переводѣ: inter formas substantiales individuorum ejusdem speciei. См. въ поясненіяхъ.

раженіямъ и правиламъ, позволившимъ мнѣ составить методу, помощію которой могу, какъ мнѣ кажется, постепенно увеличивать мое знаніе и мало-по-малу доводить его до высшей точки, какой позволяетъ достигнуть посредственнѣсть моего ума и краткій срокъ жизни. Помощію методы этой я собралъ уже многіе плоды. И хотя, согласно сужденію, какое имѣю о самомъ себѣ, я стараюсь всегда склоняться болѣе въ сторону недоувѣрія, чѣмъ самоувѣренности, и хотя вообще между людскими дѣйствіями и предпріятіями, если смотрѣть глазомъ философа, я ни одного почти не усматриваю, которое не казалось бы мнѣ суетнымъ и бесполезнымъ,—я не могу, однако, не чувствовать крайней удовлетворенности успѣхомъ уже сдѣланнаго, какъ полагаю, мною въ отысканіи истины. И на будущее не могу не возмѣть надеждъ, и осмѣливаюсь даже думать, что если есть между занятіями людей, въ качествѣ чисто людей, дѣйствительно хорошее и важное занятіе, то именно то, какое избрано мною.

Во всякомъ случаѣ возможно, что я ошибаюсь и кое-что изъ мѣди и стекла принимаю ¹⁾ за золото и алмазы. Я знаю, какъ подвержены мы ошибкамъ во всемъ, насъ касающемся, и какъ недоувѣрчиво должны мы относиться къ сужденіямъ друзей, когда они высказываются въ нашу пользу. Но мнѣ очень хочется показать въ этомъ разсужденіи какими путями я слѣдовалъ и изобразить жизнь мою, какъ въ картинѣ, дабы каждый могъ составить свое сужденіе, и дабы я, узнавъ изъ общаго говора ²⁾, какія будутъ мнѣнія объ изложенномъ, обрѣлъ въ томъ новое средство наученія и присоединилъ оное къ тѣмъ, какими обычно пользуюсь.

Такимъ образомъ, намѣреніе мое не въ томъ, чтобы научать здѣсь методъ, какой надлежитъ каждому слѣдовать, дабы хорошо направлять свой разумъ, но только, чтобы показать, какимъ образомъ старался я направлять собственный мой разумъ. Кто беретса другимъ давать наставленія, долженъ почитать себя искуснѣйшимъ, чѣмъ тѣ,

¹⁾ *Que je prends.* Въ латинскомъ переводѣ: *vendito*, что выдаю (за золото).

²⁾ *Du bruit commun.* Въ латинскомъ переводѣ прибавлено: *ipse post tabulam desitescens*, самъ скрываясь за картиной.

кого наставляеть, и если въ малѣйшей вещи окажется несостоятельнымъ, подлежить порицанію. Но предлагая настоящее сочиненіе только, какъ исторію или, если угодно, какъ вымыселъ, гдѣ между указаніями подражанія достойнаго, найдете, можетъ быть, многое, чему слѣдовать не надлежитъ, я надѣюсь, что оно будетъ полезно нѣкоторымъ, не повредивъ никому, и что всѣ отдадутъ справедливость моеѣ искренности.

Я съ дѣтства былъ вскормленъ на книжномъ знаніи¹⁾, и такъ какъ меня увѣрили, что помощію его можно получить ясное и твердое познаніе всего полезнаго для жизни, то я имѣлъ чрезвычайное желаніе пріобрѣсти его. Но какъ только кончилъ я курсъ ученія, завершаемый обыкновенно принятіемъ въ ряды ученыхъ, я совершенно перемѣнилъ мнѣніе, ибо очутился такъ запутаннымъ въ сомнѣніяхъ и заблужденіяхъ, что стараніемъ моимъ въ ученія достигъ, казалось, одного: болѣе и болѣе убѣждаться въ моемъ невѣдѣніи. А между тѣмъ я учился въ одной изъ славнѣйшихъ школъ въ Европѣ и полагалъ, что если есть на землѣ гдѣ-нибудь ученые люди, то именно тамъ должны быть таковыя. Я изучалъ тамъ все, что изучали другіе, и, не довольствуясь преподаваемыми свѣдѣніями, пробѣжалъ всѣ попавшіяся мнѣ подъ руку книги, гдѣ трактуются свѣдѣнія любопытнѣйшія и наиболѣе рѣдкія. вмѣстѣ съ тѣмъ я зналъ, какъ думаютъ обо мнѣ другіе, и не видѣлъ, чтобы меня считали ниже товарищей, хотя нѣкоторые между ними назначались уже къ занятію мѣстъ нашихъ наставниковъ. Наконецъ, вѣкъ нашъ казался мнѣ цвѣтущимъ и обильнымъ высокими умами не менѣе какого-либо изъ ему предшествовавшихъ. Все это дало мнѣ смѣлость по себѣ заключать и о всѣхъ другихъ и думать, что такого знанія, какимъ меня первоначально обвадеживали, нѣтъ въ мірѣ.

Во всякомъ случаѣ, я весьма цѣнилъ упражненія, какими занимаются въ школахъ. Я зналъ, что изучаемыя тамъ языки необходимы

¹⁾ J'ai été nourri aux lettres de mon enfance. Въ латинскомъ переводѣ: ab ineunte aetate ad literarum studia animum adjeci. Еуно Фишеръ передаетъ: von Kindheit an bin ich für die Wissenschaften erzogen worden; едва ли точно.

для пониманія сочиненій древнихъ; что прелесть вымысловъ живить умъ¹⁾; что памятки историческія дѣянія его возвышаютъ, и что разумное ознакомленіе съ ними содѣйствуетъ образованію правильного сужденія; что чтеніе хорошихъ книгъ есть какъ бы бесѣда съ лучшими умами²⁾ прошлыхъ вѣковъ, и бесѣда подготовленная, въ которой авторы раскрываютъ лучшую часть своихъ мыслей; что краснорѣчіе обладаетъ силою и красотою несравненными, поэзія имѣетъ плѣнительныя тонкости и сладости; что математика представляетъ искуснѣйшія изобрѣтенія, способныя удовлетворить любознательность, облегчить производства и уменьшить трудъ людей; что писанія, касающіяся нравственности, содержатъ множество указаній и поученій, служащихъ къ добродѣтели и очень полезныхъ; что богословіе указываетъ путь къ небу; что философія доставляетъ средства говорить правдоподобно о всякихъ вещахъ и давить мало свѣдущихъ; что юриспруденція, медицина и другія науки приносятъ почести и богатство тѣмъ, кто ими занимаются; что, наконецъ, хорошо ознакомиться со всяческими отраслями знанія, даже наиболѣе исполненными суевѣрій и заблужденій, дабы опредѣлить ихъ истинную цѣну и не поддаться обману.

Но я полагаю, что достаточно уже отдалъ времени языкамъ, а также чтенію древнихъ книгъ съ ихъ исторіями и вымыслами. Бесѣдовать съ писателями другихъ вѣковъ то же что путешествовать. Хорошо въ извѣстной мѣрѣ познакомиться съ нравами разныхъ народовъ, дабы болѣе здраво судить о нашихъ и не считать смѣшнымъ и неразумнымъ всего, что не согласно съ нашими модами, какъ нерѣдко дѣлаютъ люди, ничего не видавшіе. Но если слишкомъ долго путешествовать, то можно сдѣлаться чужимъ своей сторонѣ, и кто слишкомъ интересуется дѣлами прошлыхъ вѣковъ, обыкновенно становится несвѣдущимъ въ томъ, что происходитъ въ его вѣкѣ. Кромѣ

¹⁾ La gentillesse des fables reveille l'esprit. Въ латинскомъ переводѣ: artificiosas fabularum narrationes ingenium quodammodo excolire et excitare.

²⁾ Les plus honnêtes gens des siècles passés. Въ латинскомъ переводѣ: presantissimorum totius antiquitatis ingeniorum.

того, вымыслы заставляют воображать, какъ возможны, такіа событія, какія въ дѣйствительности невозможны¹⁾. И въ болѣе вѣрныхъ историческихъ описаніяхъ, авторы, — въ случаяхъ даже когда не преувеличиваютъ и не измѣняютъ цѣну вещей, — дабы сдѣлать изложеніе болѣе привлекательнымъ для чтенія, все-таки почти всегда выпускаютъ болѣе низкое и менѣе славное, и оттого происходитъ, что и остальное представляется не такимъ, какъ было. А посему тѣ, кои сообразуютъ нравственность свою съ такими образцами, могутъ легко впасть въ безумство паладиновъ²⁾ нашихъ романовъ и замышлять затѣи, превышающія ихъ силы.

Я высоко почиталъ краснорѣчіе и влюбленъ былъ въ поэзію, но полагалъ, что это болѣе дарованія ума, чѣмъ плодъ ученія. Тѣ, чье разумѣніе сильнѣе, и кто лучше перевариваютъ³⁾ мысли, такъ что онѣ становятся ясными и понятными, всегда лучше, чѣмъ другіе, могутъ убѣдить въ предлагаемомъ, хотя бы говорили по нижне-бретонски⁴⁾ и никогда не учились риторикѣ. А тѣ, кто одарены привлекательностію изобрѣтенія и способны выражаться съ прелестію и украшеніемъ, будутъ наилучшими поэтами, хотя бы искусство поэзіи было имъ не знакомо.

Мнѣ особенно правилась математика вѣрностію и очевидностію разсужденій, но я еще не усматривалъ ея истинныхъ примѣненій, а полагалъ, что она примѣняется только къ механическимъ искусствамъ, и удивлялся, какъ на столь прочномъ и крѣпкомъ фундаментѣ не воздвигнуто чего-либо болѣе возвышеннаго. Наоборотъ, писанія древ-

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ прибавлено: *irritantque nos hoc pacto vel ad ea suscipienda quæ supra vires, vel ad ea speranda quæ supra sortem nostram sunt; и такимъ образомъ возбуждаютъ насъ, или предпринимать то что выше нашихъ силъ, или надѣяться на то что выше нашего жребія.*

²⁾ *Extravagances des paladins*, по латыни передано *deliria antiquorum Heroum*.

³⁾ *Qui digèrent le mieux leurs pensées.* Въ латинскомъ переводѣ: *qui ea que cogitant quam facillimo ordine disponunt.* Куно Фишеръ: *die grösste Geschicklichkeit besitzen ihre Gedanken zu ordnen.*

⁴⁾ *Vas-breton*, по латыни передано: *Gothorum lingua.*

нихъ язычниковъ, трактующія о нравственности¹⁾, сравниваю я съ гордыми и великолѣпными дворцами, построенными лишь на пескѣ и грязи. Они возвеличиваютъ добродѣтели и чествуютъ ихъ, но часто то, что зовутъ они этимъ прекраснымъ именемъ, оказывается не болѣе, какъ безчувственностію, или гордостію, или отчаяніемъ, или отцеубійствомъ.

Я чтить наше богословіе и не менѣе кого-либо другаго разчитывалъ обрѣсти путь къ небу. Но узнавъ, какъ вещь вполне достовѣрную, что путь сей равно открытъ невѣдующимъ, какъ и ученѣйшимъ, и что откровенныя истины, къ нему ведущія, выше нашего разумѣнія, я не осмѣливался подвергать ихъ слабости моего разсужденія и думалъ, что, дабы предпринять ихъ изслѣдованіе и успѣть въ томъ, надлежитъ получить чрезвычайную помощь свыше и быть болѣе, чѣмъ человекомъ.

О философіи скажу одно. Видя, что она отъ многихъ вѣковъ разрабатывается превосходнѣйшими умами и, не смотря на то, нѣтъ въ ней положенія, которое не было бы предметомъ споровъ и, слѣдовательно, не было бы сомнительнымъ, я не нашелъ въ себѣ столько самоувѣренности, чтобы надѣяться на большой успѣхъ, чѣмъ другіе. И принимая въ соображеніе, сколько относительно одного и того же предмета можетъ быть разныхъ мнѣній, способныхъ быть поддержанными учеными людьми, тогда какъ истиннымъ необходимо должно быть какое-нибудь одно изъ нихъ, я сталъ все что представлялось мнѣ не болѣе какъ правдоподобнымъ считать за ложное.

Далѣе, касательно другихъ наукъ, на сколько онѣ заимствуютъ начала отъ философіи, я полагаю, что на столь непрочныхъ основаніяхъ нельзя ничего построить крѣпкаго. Почести и выгоды, ими обѣщаемыя, не были для меня достаточною приманкою, чтобы посвятить себя ихъ изученію. Благодаря Бога, я не былъ въ положеніи, которое заставляло бы меня дѣлать изъ науки ремесло для обезпеченія своего благосостоянія. И хотя я презрѣніе славы не обращалъ въ свою про-

¹⁾ *Ecrits des anciens païens qui traitent des mœurs.* По латыни передано: *veterum ethnicorum moralia scripta.*

фессію, какъ циники, однако и не придавалъ себѣ такой цѣны, которую могъ пріобрѣсти лишь по подложному праву. Касательно, наконецъ, дурныхъ ученій¹⁾, я достаточно зналъ имъ цѣну, чтобы не быть обманутымъ обѣщаніями какого-нибудь алхимика, предсказаніями астролога, штуками магика, всякими хитростями и хвастовствомъ людей, выдающихъ себя за знающихъ болѣе того, что имъ дѣйствительно извѣстно.

Вотъ почему, какъ только возрастъ позволилъ мнѣ выйти изъ подчиненія моимъ наставникамъ, я совсѣмъ оставилъ занятія по книгамъ и рѣшился искать только той науки, которую могъ обрѣсти въ самомъ себѣ или же въ великой книгѣ міра, и употребилъ остатки моей юности на то, чтобы путешествовать, увидѣть дворы и арміи, войти въ сношеніе съ людьми разныхъ нравовъ и положеній, собрать разные опыты, испытать себя въ встрѣчахъ, какія представить судьба, и повсюду поразмыслить надъ встрѣчающимися предметами, такъ чтобы извлечь какую-либо пользу изъ такихъ размышленій. Ибо, казалось мнѣ, я могу встрѣтить болѣе истины въ разсужденіяхъ, какія каждый дѣлаетъ о прямо касающихся его дѣлахъ,—исходъ коихъ немедленно накажетъ его, буде дурно разсудилъ,—чѣмъ въ кабинетныхъ соображеніяхъ ученаго человѣка, не разрѣшающихся дѣйствіемъ и имѣющихъ для него одно послѣдствіе: что онъ тѣмъ болѣе можетъ изъ нихъ извлечь тщеславія, чѣмъ дальше они отъ здраваго смысла, такъ какъ въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе приходилось ему потратить ума и искусства, дабы сдѣлать ихъ правоподобными. Я же всегда имѣлъ величайшее желаніе выучиться различать истинное отъ ложнаго, дабы ясно обозрѣваться въ дѣйствіяхъ своихъ и идти увѣренно въ сей жизни.

Правда, въ то время, когда изучалъ я нравы и поведеніе другихъ людей, не находилъ въ нихъ ничего, на что бы могъ опереться, ибо замѣтилъ столько же разнообразія, сколько прежде усмотрѣлъ въ мнѣніяхъ философовъ. Главнѣйшее сдѣланное мною пріобрѣтеніе было то,

¹⁾ Les mauvaises doctrines. Въ латинскомъ переводѣ: ac denique jam satis ex omnibus etiam maxime vanis et falsis (scientiis) degustasse me judicabam.

что,—видя какъ много кажущееся намъ смѣшнымъ и страннымъ, оказывается общепринятымъ и одобряемымъ среди другихъ великихъ народовъ,—я научился не придавать твердой вѣры ничему вошедшему въ убѣжденіе мое только чрезъ примѣръ и обычай. Такъ я мало-по-малу освободился отъ многихъ ошибокъ, могущихъ затенить нашъ естественный свѣтъ и сдѣлать насъ менѣе способными слышать голосъ разума. Но послѣ того, какъ употребилъ я нѣсколько лѣтъ на такое изученіе въ книгѣ міра и приобрѣлъ нѣкоторый запасъ опыта, я принялъ въ одинъ день рѣшеніе предаться также изученію внутри самого себя и употребить все силы ума, дабы избрать пути, каковыми долженъ слѣдовать. Это, кажется, удалось мнѣ много лучше чѣмъ было бы, если бы я не удалился изъ моего отечества и отъ моихъ книгъ.

ПОЯСНЕНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I. Исторія появленія перваго печатнаго труда Декарта.—II. Біографическія свѣдѣнія о Декартѣ до двадцатитрехлѣтняго возраста.—III. Связь первыхъ строкъ *Разсужденія* съ идеєю Декарта объ естественномъ свѣтѣ и объ умѣ въ естественномъ состояніи.—IV. Дань схоластикъ: мѣсто о субстанціальныхъ формахъ.—V. Краткое изложеніе содержанія первыхъ трудовъ Декарта, сдѣланное словами автора.

I.

Разсужденіе о методѣ (*Discours de la méthode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences*), написанное Декартомъ по французски, издано въ первый разъ въ Лейденѣ въ 1637 году, въ одномъ томѣ съ *Диоптрикою*, *Метеорами* и *Геометрією* (*la Dioptrique, les Météores et la Géométrie*). Сочиненіе было напечатано у типографщика Мера (*Maire*) и выдано безъ имени автора. Книга отпечатана весьма тщательно съ отчетливыми гравюрами и чертежами въ текстѣ.

Латинскій переводъ *Разсужденія* былъ сдѣланъ аббатомъ де-Курселемъ (*abbé Étienne de Courselles*) и изданъ въ 1644 году въ Амстердамѣ у Л. Эльзевира, съ именемъ автора. Книга озаглавлена: *Specimina philosophiae seu Dissertatio de methodo recte regendae*

rationis et veritatis in scientiis investigandae; Dioptrice et Meteorora, ex gallico translata et ab autore perfecta, variisque in locis emendata, Amstelodami apud Ludovicum Elzevirium. 1644. Cum privilegiis. Переводъ этотъ имѣетъ тотъ интересъ, что былъ просмотрѣнъ Декартомъ, измѣнившимъ и пояснившимъ нѣкоторыя мѣста. Самъ Декартъ такъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи ¹⁾:

„Эти Образчики философіи, написанные мною по французски и изданные семь лѣтъ тому назадъ, были вскорѣ послѣ того однимъ моимъ другомъ переведены на латинскій языкъ. Переводъ былъ врученъ мнѣ, дабы я сдѣлалъ, по усмотрѣнію своему, измѣненія въ томъ, что мнѣ болѣе или менѣе не понравится. Такъ я и поступилъ въ различныхъ мѣстахъ и, кромѣ того, сдѣлалъ многія перемѣны и въ другихъ мѣстахъ. Перемѣны эти познаются чрезъ то, что почти всегда вѣрный переводчикъ старался передавать текстъ слово въ слово, я же часто мѣнялъ самыя выраженія и всюду старался передавать не слова, а смыслъ, какой съ ними соединяю“.

Въ нашемъ переводѣ перемѣны, сдѣланныя Декартомъ, отмѣчены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

По письмамъ Декарта можно прослѣдить исторію изданія Разсужденія о методѣ съ приложенными къ нему Діоптрикою, Метеорами и Геометріей. Послѣ пребыванія въ Парижѣ, въ 1627 и 1628 годахъ, Декартъ принялъ рѣшеніе переселиться въ Голландію и посвятить жизнь уединеннымъ научнымъ размышленіямъ и изслѣдованію явленій природы. Въ 1629 году онъ и исполнилъ свое намѣреніе. Къ этому времени у него въ рукописи было уже нѣсколько начатыхъ трудовъ, о которыхъ отчасти звали его друзья. Но Декартъ не хотѣлъ спѣшить изданіемъ сочиненій и даже всячески скрывалъ свои труды. Въ письмѣ къ своему парижскому другу, отцу Мерсенну, отъ 15-го апрѣля 1630 года, изъ Амстердама, онъ говоритъ ²⁾:

¹⁾ „R. Des Cartes lectori suo S. D. Haec Specimina a me gallico scripta et ante septem annos vulgata paullo post ab amico in linguam latinam versa fuere, ac versio mihi tradita, ut quicquid in ea minus placeret pro meo jure mutarem. Quod variis in locis feci, se forsan etiam alia multa pratermisi: haec que ab illis ex eo dignoscuntur quod ubique fere fidus interpres verbum verbo reddere conatus sit, ego vero sententias ipsas saepe mutarim et non ejus verba sed meum sensum emendare ubique studuerim. Vale“.

²⁾ *Oeuvres de Descartes publiées par V. Cousin, T. VI, 99.*

Прину васъ вѣрить, что я чувствую себя безконечно обязаннымъ вамъ за добрыя услуги, вами мнѣ оказываемныя. Онѣ слишкомъ многочисленны, чтобъ я могъ благодарить за каждую въ отдѣльности. Но увѣряю васъ, что, въ отвѣтъ, исполню все, что вы отъ меня пожелаете, на сколько только буду въ состояніи. Не упущу сообщать вамъ о мѣстахъ моего пребыванія. Только, пожалуйста, не говорите о томъ никому. Прошу васъ также лучше разувѣрять тѣхъ, кто могутъ думать, что я намѣренъ писать, чѣмъ поддерживать ихъ въ такомъ мнѣніи. Ибо, влянусь вамъ, не вырази я прежде такого намѣренія,—такъ что могутъ сказать будто я не справился съ его осуществленіемъ,—никогда бы я на то не рѣшился. Я не такъ дикъ, чтобы не быть довольнымъ, когда думаютъ обо мнѣ и имѣютъ доброе мнѣніе; но предпочелъ бы, чтобы вовсе не думали. Я болѣе боюсь извѣстности, чѣмъ ея желаю, ибо извѣстности, на мой взглядъ, всегда уменьшаетъ нѣкоторымъ образомъ свободу и досугъ тѣхъ, кто ее пріобрѣтаетъ, а этими двумя вещами я владѣю въ такой мѣрѣ и цѣню ихъ такъ, что нѣтъ монарха въ мірѣ, который былъ бы достаточно богатъ, чтобы ихъ у меня купить. Это не воспрепятствуетъ мнѣ окончить небольшой трактатъ, который я началъ. Но я не желаю, чтобы это знали, дабы имѣть возможность не признать его своимъ. Работаю надъ нимъ медленно, такъ какъ болѣе нахожу удовольствія въ пріобрѣтеніи знаній, чѣмъ въ томъ, чтобы излагать на письмѣ то немногое, что знаю. Занимаюсь теперь химією и анатомією вмѣстѣ и всякій день узнаю что либо, чего нѣтъ въ книгахъ. Очень бы желалъ дойти до изученія болѣзней и средствъ, чтобы найдти какое-либо отъ рожи, которою, къ огорченію моему, вы такъ давно страдаете. Время, отдаваемое пріобрѣтенію знаній, идетъ такъ пріагно, что только по принужденію пишу трактатъ, чтобы исполнить принятое рѣшеніе—если не умру, привести трактатъ въ такое состояніе, чтобы можно было выслать его къ вамъ къ началу 1633 года. Опредѣляю время, чтобы еще болѣе себя связать и чтобы вы не упрекали меня, если не удастся исполнить. Вы удивитесь, конечно, что назначаю столь долгій срокъ для написанія разсужденія, которое воображаю себѣ столь короткимъ, что его можно будетъ прочесть въ одно послѣ-обѣда. Но я болѣе забочусь и считаю болѣе важнымъ изучить то, что необходимо для поведенія жизни, чѣмъ забавляться опубликованіемъ немногаго изученнаго. А если вы найдете страннымъ, что, начавъ въ бытность въ Парижѣ нѣсколько другихъ трактатовъ, я не продолжалъ ихъ, то скажу вамъ причину. Пока я работалъ, я пріобрѣлъ болѣе знанія, чѣмъ сколько имѣлъ начиная;

сообразно съ приобретенымъ, я долженъ былъ составить замыселъ болѣе широкой, чѣмъ первоначальный. Это подобно тому, какъ если бы кто началъ постройку зданія для своего жилья и во время ея приобрѣлъ богатство, на которое не разчитывалъ и которое измѣнило его положеніе, такъ на начатое зданіе было бы для него слишкомъ тѣсно. Никто не осудилъ бы его, если бы онъ началъ другое болѣе подходящее къ его состоянію“.

Прошли три года. Декартъ не забылъ своего обѣщанія, и въ этотъ періодъ времени почти привелъ къ концу сочиненіе: *Міръ*, изъ котораго потомъ выросли *Начала философіи*. Этотъ трудъ онъ располагалъ выслать лѣтомъ 1633 года къ отцу Мерсенну.

„Трактатъ мой почти оконченъ“, пишетъ Декартъ къ отцу Мерсенну 22-го іюля 1633 года ¹⁾, — „но еще остается посправить и переписать. Такъ боюсь этого труда, что не обѣщай я вамъ, три года тому назадъ, выслать трактатъ къ концу текущаго года, думаю, долго бы не привелъ его къ концу. Но постараюсь исполнить обѣщаніе, а пока прошу любить и жаловать“.

Но произошло событіе, произведшее сильное впечатлѣніе на Декарта и временно парализовавшее его дѣятельность. Событіе это — осужденіе Галилея инквизиціею. Декартъ высказалъ свои впечатлѣнія въ письмѣ къ Мерсенну ²⁾ отъ 23-го ноября 1633 года.

„Такъ было, когда получилъ ваше послѣднее письмо отъ одиннадцатаго числа сего мѣсяца; и я хотѣлъ поступить какъ дурные плательщики, которые, чувствуя приближеніе срока платежа, просятъ кредиторовъ о небольшой отсрочкѣ. Дѣйствительно, я предположилъ послать вамъ мой *Міръ* къ новогоднему подарку (*pour les etrennes*) и дней пятнадцать тому назадъ совсѣмъ было рѣшился отправить по крайней мѣрѣ часть его, если бы не успѣлъ переписать всего къ тому времени. Но скажу вамъ, что, освѣдомившись на этихъ дняхъ въ Лейденѣ и Амстердамѣ, нѣтъ ли тамъ Системы міра Галилея, — такъ какъ слышала, что книга эта напечатана въ Италіи въ прошломъ году, — я получилъ въ отвѣтъ, что, правда, книга была напечатана, но что всѣ ея экземпляры сожжены въ Римѣ, и Галилей при-

¹⁾ *Oeuvr.*, ed. Cousin, VI, 236.

²⁾ *Oeuvr.*, VI, 238. Въ изданіяхъ писемъ Декарта письмо отъ 23-го ноября слито съ письмомъ отъ 22-го іюля. Объясняется это рукописью, съ которой печатались письма.

сужденъ къ какому-то наказанію. Это меня такъ поразило, что я почти рѣшился сжечь всѣ мои бумаги или, по крайней мѣрѣ, не показывать ихъ никому; ибо я не въ состояніи былъ вообразить себѣ, чтобы онъ, Италіанецъ, пользовавшійся даже расположеніемъ папы, могъ быть осужденъ за то, безъ сомнѣнія, что хотѣлъ доказать движеніе земли, что, знаю, было осуждено нѣкоторыми кардиналами, но что, я слышалъ, затѣмъ публично преподавалось даже въ Римѣ. Признаюсь, если движеніе земли есть ложь, то ложь и всѣ основанія моей философіи, ибо они явно ведутъ къ тому заключенію. Ученіе о движеніи земли такъ связано со всѣми частями моего трактата, что я не могу его исключить, не сдѣлавъ все остальное негоднымъ. Но такъ какъ я ни за что въ мірѣ не пожелалъ бы, чтобы отъ меня вышло сочиненіе, гдѣ хотя бы слово было, неодобренное церковью, то лучше хочу уничтожить его, чѣмъ выдать обрѣзаннымъ. Я никогда не былъ охотникомъ писать книги и если бы не связалъ себя обѣщаніемъ, даннымъ вамъ и нѣкоторымъ другимъ моимъ друзьямъ, съ цѣлью, чтобы желаніе сдержать слово побуждало къ большому изученію, я никогда его не кончилъ бы. Но увѣренъ, что вы не пошлете пристава, чтобы принудить меня уплатить долгъ и, можетъ быть, довольны будете избавиться отъ труда читать плохую вещь. Въ философіи столько уже мнѣній, имѣющихъ видъ вѣроятія и которыя можно поддерживать въ диспутахъ, что если и мои не болѣе имѣютъ вѣрности, то никогда не желалъ бы ихъ и обнародовать. Впрочемъ, я не простилъ бы себѣ, если бы послѣ столькихъ данныхъ обѣщаній задумалъ расплатиться этою выходкою (boutade); потому не оставляю препроводить къ вамъ что сдѣлаю, но прошу еще отсрочку на годъ, чтобы просмотрѣть и сгладить что нужно“.

Спустя полтора мѣсяца (10-го января 1634 года), Декартъ послалъ другое письмо ¹⁾ о томъ же предметѣ. Въ немъ Декартъ какъ бы оправдывается въ преувеличеніи своихъ опасеній. „Конечно“, говоритъ онъ, — „можно сказать, — и я это очень хорошо знаю, — что рѣшенное римскими инквизиторами не есть еще догматъ вѣры и требуется споръ, чтобы оно стало таковымъ; но я не такъ влюбленъ въ свои мысли, чтобы прибѣгать къ такимъ исключеніямъ, дабы имѣть средство эти мнѣнія поддерживать. А желаніе остаться въ покоѣ и про-

¹⁾ Оestr., VI, 242.

должать начатый образъ жизни, принявъ девизомъ bene vixit qui bene latuit, производить то, что я болѣе доволенъ, освободившись отъ опасенія приобрести, сверхъ желанія, моимъ сочиненіемъ новыхъ знакомыхъ, чѣмъ сколько досажу на потерю времени и труда при его составленіи... Что касается движенія земли, то удивляюсь, какъ человѣкъ, принадлежащій къ церкви ¹⁾, осмѣливается писать объ этомъ. Я видѣлъ текстъ осужденія Галилея, отпечатанный въ Лейденѣ 20-го сентября 1633 года. Тамъ стоятъ слова: *quavis hypothetice a se illam proponi simularet*, такъ что, повидимому, запрещается даже въ качествѣ гипотезы пользоваться этимъ ученіемъ въ астрономіи. Это и удержало меня сообщать мои мысли по этому предмету. Но вида, что рѣшеніе это не утверждено папою или соборомъ, а исходить отъ частнаго совѣта кардиналовъ-инквизиторовъ, не теряю еще надежды, что тутъ случится то же, что съ антиподами, которыя были почти такимъ же образомъ осуждены²⁾.

Окончательное рѣшеніе Декарта печатать свои сочиненія состоялось въ 1636 году. Руконись Міра была отложена въ сторону. Предъ публикою онъ рѣшился выступить съ Разсужденіемъ о методѣ, — написанномъ, полагать надо, въ промежутокъ отъ 1633 до 1636 года, — присоединивъ къ нему три трактата, озаглавленные: Діоптрика, Метеоры и Геометрія, въ качествѣ образцовъ приложенія методы къ оптикѣ, метеорологіи и геометріи. Декартъ колебался, печатать ли свое сочиненіе въ Голландіи или, переслать въ Парижъ на попеченіе отца Мерсенна. Онъ пишетъ ³⁾ къ Мерсенну въ мартѣ 1636 года:

„Вотъ уже пять недѣль, какъ я получилъ послѣднее ваше письмо, а предшествовавшее ему пришло днями четырьмя или пятью прежде. Замедлилъ отвѣтомъ, такъ какъ надѣялся скоро сообщить, что занятъ печатаніемъ. Съ этою цѣлью я и прибылъ въ этотъ городъ (Амстердамъ). Но Эльзевиры, прежде очень выражавшіе желаніе быть моими книгопродавцами, тутъ, — вообразивъ, по видимому, что, находясь здѣсь, не ускользну отъ нихъ, — захотѣли заставить просить себя. Потому я рѣшилъ обойтись безъ нихъ. И хотя здѣсь можно найдти достаточно другихъ книгопродавцевъ, однако, не рѣшу ни съ однимъ изъ нихъ прежде, чѣмъ не получу вѣсти отъ васъ, буде только не

¹⁾ Декартъ говоритъ о Робервалѣ.

²⁾ *Оеигт.*, VI, 275.

слишкомъ она запоздаетъ. Если вы полагаете, что писанія мои удобнѣе могутъ быть отпечатаны въ Парижѣ, чѣмъ здѣсь, и если вамъ угодно будетъ принять заботу эту на себя, какъ вы мнѣ это прежде обявательно предлагали, то я могъ бы ихъ прислать къ вамъ немедленно по полученіи отъ васъ извѣстія. Только не будетъ ли затрудненія въ томъ, что рукопись моя написана не лучше этого письма; орографія, запятія соблюдены не лучше, какъ здѣсь, а чертежи сдѣланы моею рукою, то-есть, очень дурно; такъ что если вы не выясните себѣ ихъ значеніе изъ текста и не объясните потомъ граверу, онъ никакъ ихъ не пойметъ. Кромѣ того, я желалъ бы, чтобы все было отпечатано очень хорошимъ шрифтомъ и на очень хорошей бумагѣ и чтобы книгопродавецъ далъ мнѣ по крайней мѣрѣ двѣсти экземпляровъ, такъ какъ я имѣю желаніе раздать сочиненіе очень многимъ особамъ. А чтобы сообщить вамъ что именно хочу я печатать, скажу вамъ, что это будутъ четыре трактата, написанные всѣ на французскомъ языкѣ, подъ общимъ названіемъ: „Проектъ всеобщей науки, способной поднять нашу природу на высшую ступень ея совершенства, съ присовокупленіемъ Діоптрики, Метеоровъ и Геометріи, въ коихъ любопытнѣйшіе предметы, какіе могъ выбрать авторъ, дабы дать образцы предлагаемой всеобщей науки, изложены такъ, что даже неученные могутъ ихъ понять“. Въ этомъ „проектѣ“ я открываю часть моей методъ; стараюсь доказать бытіе Бога и души отдѣльной отъ тѣла, и присоединяю многія другія вещи, кои, думаю, будутъ не неприятны читателямъ. Въ Діоптрикѣ, кромѣ вопросовъ о преломленіи и устройствѣ зрительныхъ трубъ, говорю въ особенности о глазахъ, свѣтѣ, зрѣніи и о всемъ, относящемся къ катоптрикѣ и оптикѣ. Въ Метеорахъ я останавливаюсь главнѣйше на природѣ солей, причинахъ вѣтра и грома, фигурахъ снѣга, цвѣтахъ радуги; стараюсь вообще объяснить, въ чемъ натура каждаго цвѣта; объясняю круги (соулпнес) или haloes и ложныя солнца или parhelia, подобныя тѣмъ, какіе были видны въ Римѣ шесть или семь лѣтъ тому назадъ. Въ Геометріи я старался дать общій способъ рѣшать всѣ задачи, кои никогда не были еще рѣшены. И все это составитъ томъ не болѣе, какъ въ пятьдесятъ или шестьдесятъ листовъ. Имени автора, впрочемъ, я выставять не хочу, согласно давнему моему рѣшенію. И васъ прошу не говорить никому, развѣ если найдете полезнымъ вступить въ сношенія съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ, который пожелалъ бы мнѣ служить. Однако же, до полученія моего отвѣта,

условія, сдѣлайте милость, не заключайте. Я рѣшу, смотря по тому, что вы мнѣ обязательно сообщите. Не желалъ бы только имѣть дѣло съ книгопродавцами, которыя находятся въ сношеніи съ Эльзевиромъ, который ихъ извѣстилъ, конечно, такъ какъ какъ знаетъ, что я пишу къ вамъ⁴.

Кончилось тѣмъ, что Декартъ порѣшилъ печатать книгу въ Лейденѣ. Отецъ Мерсеннъ, съ своей стороны, усердно хлопоталъ въ Парижѣ о полученіи для изданія королевской привилегіи, какъ того желалъ Декартъ. Хлопоты эти задержали выпускъ, и это раздражило впечатлительнаго Декарта, написавшаго къ своему другу ѣдкое и несправедливое письмо. Дѣло въ томъ, что отецъ Мерсеннъ, въ избыткѣ дружескаго усердія, старался достигъ привилегіи въ возможно лестныхъ для Декарта выраженіяхъ. Полученіе лестной привилегіи было дѣло достижимое, такъ какъ могущественный кардиналъ Ришелье интересовался трудами Декарта и впоследствии готовъ былъ оказать содѣйствіе устройству дѣлаго заведенія для шлифовки оптическихъ стеколъ по способамъ Декарта. Нетерпѣливый авторъ Разсужденія написалъ къ Мерсенну, въ апрѣлѣ 1637 года, слѣдующія строки:

„Желая слишкомъ много обязать, вы поставили меня въ затрудненіе. Мнѣ значительно пріятнѣе была бы привилегія въ самой простой формѣ, о какой, сколько помню, именно и просилъ васъ, до того, что даже дѣлалъ оговорку касательно слова показавшагося мнѣ, въ присланномъ вами прежде проектѣ, слишкомъ хвалебнымъ. Вы уговариваете меня печатать другія сочиненія и задерживаете между тѣмъ печатаніе этого. Не смѣю писать все что приходитъ на мысль (*je n'ose écrire tout ce que j'en pense*). Но, ради Бога, прошу васъ или сдѣлайте, чтобы мы какъ можно скорѣе получили привилегію въ какой бы то ни было формѣ, или напишите по крайней мѣрѣ, что въ ней отказано, — безъ сомнѣнія, по винѣ просившихъ. Книгопродавецъ не выдастъ ни одного экземпляра и не выплетъ ни одного изъ Лейдена, пока не будетъ привилегіи; по полученіи же ея, прошу васъ прислать подлинникъ Меру (*Jean Maire* — типографщикъ-издатель въ Лейденѣ) съ первою почтою, оставивъ у себя засвидѣтельствованную копію, на случай потери.

„Усматриваю изъ вашихъ писемъ, что вы показывали мою книгу многимъ безъ нужды и, напротивъ, не показали г. канцлеру, для котораго единственно я прислалъ ее, желая, чтобы она была представлена ему въ дѣломъ составѣ. Я предвидѣлъ, что вы дадите ему основательный поводъ къ отказу, такъ какъ желаете испросить привилегію

въ болѣ широкой формѣ, чѣмъ какъ она должна быть. Если онъ согласится на эту форму, вы будете причиною, что я долженъ буду чувствовать себя особенно ему обязаннымъ за вещь, которой я вовсе не желалъ. Ибо, кромѣ того, что вы заставляете меня говорить совсѣмъ наоборотъ моему намѣренію, испрашивая поврительства для сочиненій, о коихъ я прямо заявлялъ, что не намѣренъ ихъ печатать, — вы, кажется, хотите сдѣлать изъ меня кропателя (faiseur) и продавца книгъ, что совсѣмъ не согласно ни съ характеромъ, ни со званіемъ моимъ. Меня во всемъ этомъ касается лишь позволеніе печатать. Что же касается привилегіи, то она важна только для книгопродавца, опасющагося контрафакціи его экземпляровъ, авторъ же не имѣетъ въ этомъ никакого интереса“.

Привилегія, однако, была исходатайствована и въ концѣ апрѣля Декартъ получилъ ее. Привилегія была составлена въ крайне лестныхъ выраженіяхъ. Она дана была, „чтобы печатать не только четыре представленные трактата, но и все, что авторъ писалъ до сего времени и что можетъ написать въ теченіе своей жизни, и притомъ, гдѣ пожелаетъ—внутри ли, внѣ ли королевства французскаго“.

Декартъ раскаялся въ письмѣ своемъ, написанномъ въ минуту раздраженія и которое огорчило Мерсенна, особенно словами: „не смѣю написать все, что приходитъ на мысль“, принятыми Мерсенномъ за намекъ, будто онъ хочетъ для себя воспользоваться открытіями Декарта. Недоразумѣніе исчезло послѣ весьма душевнаго письма, присланаго Декартомъ.

„Я чрезвычайно огорченъ“¹⁾, писалъ онъ, — „что написалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ нѣсколько неприятныхъ вещей, и прошу вашего прощенія. Но увѣряю васъ,—и протестую противъ всякаго инаго толкованія,—что въ письмѣ этомъ я жаловался только на излишекъ усердія, съ какимъ старались вы обязать меня, и на вашу великую доброту, заставлявшую меня опасаться того, что и случилось, какъ вы сами потомъ мнѣ писали, а именно, что вы кому-то дали мою книгу, прежде испрошенія привилегіи, и онъ задержалъ ее, чтобы прочесть. Я опасался, не убѣдилъ бы онъ васъ, чтобы имѣть больше

¹⁾ Въ Письмахъ Декарта письмо это вставлено въ другое, относящееся къ 15-му марта 1634 года. Такая сшибка писемъ отъ разныхъ датъ встрѣчается нѣсколько разъ въ издавіяхъ Писемъ. Въ издавіи Кузена случаи эти обозначены по отгѣткамъ, сдѣланнымъ на экземплярѣ, находящемся въ бібліотекѣ Французскаго института.

времени,—просить объ общей привилегіи, въ расчетѣ, что откажутъ, а чрезъ то пройдетъ много времени. Вотъ почему я написалъ, что не смѣю высказать всего что приходитъ на умъ. Сказать же, будто вы имѣли какое-либо намѣреніе воспользоваться для себя содержащимся въ книгѣ, мнѣ никогда, клянусь вамъ, и въ голову не приходило. Могъ ли я имѣть такое мнѣніе о чловѣкѣ, въ дружбѣ и искренности котораго я увѣренъ, когда не имѣю такового даже о людяхъ. завѣдомо меня не любящихъ и принадлежащихъ къ разряду стремящихся приобрести репутацію фальшивыми вѣвѣсками. На форму привилегіи жаловался я изъ опасенія, чтобы не подумали тѣ, съ кѣмъ вамъ надлежало о ней говорить, что это я добиваюсь ея въ такомъ видѣ. Если бы я имѣлъ такую претензію, и она была бы отвергнута, то полагаю, былъ бы справедливый поводъ смѣяться надо мною. Но, получивъ нынѣ ее, не могу не цѣнить ее очень высоко и чрезвычайно вамъ за нее обязанъ. Знаю, что многіе величались бы, получивъ подобную. Здѣсь мнѣ одинъ сказать, прочитавъ привилегію,—что предпочелъ бы ее патенту на рыцарское званіе (*lettres de chevalerie*). Что касается того, что вы сказали нѣкоторымъ мое имя и показывали книгу, то я очень хорошо знаю, что сдѣлали вы это, желая оказать мнѣ услугу, и я обнаружилъ бы очень дурной характеръ, если бы обидѣлся тѣмъ, что, знаю, сдѣлано съ цѣлью оказать мнѣ услугу*.

Накоонецъ, сочиненіе было отпечатано и разослано многимъ ученымъ, въ особенности при посредствѣ отца Мерсенна. Изданіе, какъ выше было уже упомянуто, появилось безъ имени автора. Потому и привилегія напечатана въ немъ въ сокращенномъ видѣ, безъ лестныхъ выраженій выше приведенныхъ. Привилегію въ полномъ видѣ находимъ въ латинскомъ изданіи, сдѣланномъ у Элезевира въ Амстердамѣ въ 1644 году ¹⁾.

¹⁾ Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть какъ первое Лейденское изданіе *Разсужденія* съ приложеніями, такъ и латинское изданіе Элезевира 1644 года. Оба изданія отпечатаны весьма тщательно, съ отчетливыми гравюрами и чертежами въ текстѣ. (Отнесеніе изображеній на особые листы много портитъ внѣшнюю сторону изданія Кузена). Изъ другихъ изданій *Разсужденія* съ приложеніями, сдѣланныхъ въ XVII вѣкѣ, въ Публичной Библіотекѣ находятся: латинское изданіе 1656 года, въ Амстердамѣ apud Johanneſſem Janssonium; французское 1657 года; французское 1658 года; латинскія изданія: 1664 (въ Лондонѣ), 1692 (у Элезевира), 1685 (въ Амстердамѣ, входящее какъ часть въ *Opera philosphica*), 1692 (въ Амстердамѣ, въ *Turographia Blaviana*, какъ часть *Opera phil.*), 1698 (въ Амстердамѣ, какъ часть *Opera phil.*).

Въ письмахъ Декарта сохранилось не мало возраженій ученыхъ на его книгу между прочимъ возраженія Ферма и Роберваля, и объяснительные отвѣты Декарта. Дѣлалъ свои замѣчанія и отецъ Мерсенъ, высказавшій, между прочимъ, нѣкоторое недоумѣнiе относительно заглавія сочиненія. Въ письмѣ (отъ іюля или августа 1637 года ¹⁾), вставленномъ въ другое (по счету латинскаго изданія, въ письмо 112-го тома перваго), Декартъ отвѣчаетъ:

„Я не хорошо уразумѣлъ возраженіе ваше относительно заглавія. Я не сказалъ Трактатъ о методѣ, но Разсужденіе о методѣ; а это то же, что Предисловіе или Изъясненіе касательно метода, дабы показать, что не имѣлъ намѣренія научить ей, но только говорить о ней. Ибо, какъ легко усмотрѣть изъ того что говорю, она состоитъ болѣе въ практикѣ, чѣмъ въ теоріи. Остальные трактаты я именую образцами метода (*essais de cette méthode, specimenna*), такъ какъ думаю, что вещи, въ нихъ заключающіяся, не могли бы быть найдены безъ нея; и по нимъ можно познать ея цѣну. Кромѣ того, въ первомъ разсужденіи, я помѣстилъ кое-что изъ метафизики, физики и медицины съ цѣлью показать, что она простирается на предметы всякаго рода“.

Въ томъ же письмѣ Декартъ говоритъ:

„Очень благодаренъ за возраженія, которыя вы мнѣ сообщаете умоляю продолжать присылку всего что услышите, и въ возможно неблагопріятномъ для меня видѣ. Это наибольшее удовольствіе, какое можете мнѣ доставить. Я не имѣю обыкновенія жаловаться, когда перевязываютъ мои раны. И тѣ, кто окажутъ мнѣ благосклонность: научать меня или сообщать мнѣ что-либо, встрѣтять во мнѣ всяческую готовность принять наученіе“.

II.

Первая часть Разсужденія имѣетъ автобиографическій интересъ. „Намѣреніе мое“, говоритъ Декартъ, — „не въ томъ, чтобы научать здѣсь методѣ, какой подлежитъ каждому слѣдовать, дабы хорошо направлять свой разумъ, но только чтобы показать, какимъ образомъ старался я направлять собственный мой разумъ“. Съ этою цѣлью Декартъ разказываетъ исторію развитія своей мысли, начиная съ школьнаго возраста.

¹⁾ Такъ опредѣлена дата письма у Кулена. Кажется, оно писано раньше, до выхода *Разсужденія. Oeuvres*, VI, 138.

Декартъ родился 31-го марта 1596 года, среди старинной дворянской семьи въ маленькомъ городкѣ въ Бретани. Онъ былъ второй сынъ совѣтника мѣстнаго парламента, Іоакима Декарта. Мать умерла вскорѣ послѣ его рожденія. Ребенокъ родился слабымъ и былъ обязанъ сохраненіемъ жизни и укрѣпленіемъ здоровья крѣпкой кормилицѣ Нормандкѣ. Декартъ во всю жизнь сохранилъ въ ней благодарность и платилъ ей пожизненный пенсіонъ. Умственное развитіе обнаруживалось съ ранняго возраста, и маленькаго Декарта звали въ семьѣ „философомъ“. На восьмомъ году отецъ помѣстилъ Декарта въ недавно тогда основанную іезуитскую коллегію въ Ла-Флешѣ, городкѣ въ Анжу, возникшую подъ покровительствомъ Генриха IV. Возстановивъ орденъ іезуитовъ въ Франціи, король возмѣлалъ мысль съ помощію ихъ устроить новое учебное заведеніе, въ которомъ французское дворянство могло бы воспитываться „въ хорошемъ ученіи и въ правилахъ истинной религіи“. Король отдалъ новому учрежденію свой дворецъ въ Ла-Флешѣ, выдалъ значительную сумму на первое устройство, обезпечилъ доходомъ въ одиннадцать тысячъ золотыхъ экю, а чтобы учащіеся не были вынуждены отправляться въ другое мѣсто для изученія наукъ, не преподаваемыхъ обыкновенно у іезуитовъ, опредѣлилъ при коллегіи еще четырехъ профессоровъ правъ, четырехъ медицины и двухъ анатоміи и хирургіи; учредилъ, наконецъ, двадцать четыре стипендіи для бѣдныхъ. Возникъ почти цѣлый университетъ, и заведеніе, открытое въ январѣ 1604 года, въ маѣ 1610, въ годъ смерти короля, насчитывало до тысячи двухъ сотъ учащихся. Учреждая коллегію, Генрихъ IV, завѣщая, чтобы по его смерти сердце его было перенесено въ Ла-Флешъ и хранилось въ церкви коллегіи. Балье въ своей обширной и обстоятельной біографіи ¹⁾ Декарта описываетъ, какъ въ послѣдній день мая 1610 года,

¹⁾ Сочиненіе Балье (Baillet), большой томъ in 4° въ двухъ частяхъ (первая въ 417, вторая въ 602 страницъ), съ портретомъ Декарта, выдано въ 1691 году и озаглавлено: *La vie de monsieur Descartes*, à Paris chez Daniel Horthemels, rue Saint-Jacques au Mésépas, 1691, avec privilège du Roi. Имя автора выставлено начальными буквами подъ посвященіемъ канцлеру. Въ 1693 году было задано сокращеніе біографіи подъ заглавіемъ: *La vie de monsieur Descartes, contenant l'histoire de sa philosophie et de ses autres ouvrages et aussi ce qui lui est arrivé de plus remarquable pendant le cours de sa vie*. А Paris chez la veuve Mabre Crapouzi, 1693. Вскорѣ послѣ смерти Декарта, послѣдовавшей 11 февраля 1650 года, въ Швецію, куда онъ прибылъ по приглашенію королевы Христіаны, пожелавшей имѣть его своимъ руководителемъ въ философскихъ занятіяхъ, царственная ученица его пожелала, чтобы была составлена его біографія. Черезъ по-

длинная процессія двинулась на встрѣчу драгоценной ношѣ, сопровождаемой двадцатью іезуитами и многими придворными. Впереди шла городская стража, за нею тысяча двѣсти воспитанниковъ. Коллегія, іезуиты въ облаченіи съ зажженными свѣчами, въ рукахъ, губернаторъ провинціи въ сопровожденіи двадцати молодыхъ дворянъ, пенсіонеровъ коллегіи, въ томъ числѣ и Декарта. Ворота города, входъ церкви св. Оомы, гдѣ было поставлено тѣло прежде перенесенія въ церковь коллегіи, были покрыты трауромъ, какъ и зданіе коллегіи, при входѣ въ которое воздвигнута была траурная арка. Сердце было вложено въ особо устроенную арку въ церкви коллегіи.

Декартъ сохранилъ весьма благодарное воспоминаніе о годахъ своего ученія въ іезуитской коллегіи. Во вниманіе къ способностямъ Декарта и его некрѣпкому здоровью, опытные іезуиты-педагоги предоставляли ему значительную свободу занятій и позволяли долго оставаться въ постелѣ. Въ послѣдствіи и въ зрѣломъ возрастѣ Декартъ сохранилъ привычку утромъ со свѣжею головою предаваться научнымъ размышленіямъ въ постелѣ, приподнимаясь по временамъ, чтобы набросать кратко на бумагѣ являющіяся идеи.

Когда во время пребыванія Декарта въ Голландіи, одинъ изъ друзей его хотѣлъ послать своего сына учиться въ Лейденъ, Декартъ

средство Шаню (Chanut), французскаго посланника въ Стокгольмъ, ревностнаго послѣдователя и преданнаго друга Декарта, она обращалась къ французскимъ друзьямъ философа. Но предпріятіе осуществилось не скоро. Ни самъ Шаню, ни Клерселье (Clerelier), шурина Шаню и также другъ Декарта, которымъ прежде всего сдѣлано было предложеніе, не рѣшились принять на себя трудъ біографа. Отказался и отецъ Пуассонъ (авторъ Комментарія о методѣ Декарта). Достойный біографъ нашелся не ранѣе тридцати лѣтъ по смерти философа. Трудъ Балье, какъ узнаемъ изъ его предисловія, предшествовало нѣсколько жизнеописаній Декарта, составленныхъ разными лицами, отчасти въ Голландіи, отчасти во Франціи. Вскорѣ послѣ смерти Декарта, Даниэль Листорпій (Daniel Listorpius), профессоръ въ Любецѣ, издалъ на двухъ печатныхъ листахъ жизнь Декарта по свидѣніямъ изъ Голландіи. Въ сочиненіи *Specimen philosophiae cartesianae* (Лейденъ 1653 года, авторы — Schooten и Raey) помѣщена краткая біографія философа. Въ концѣ того же года медикъ Борель издалъ въ Лангедокѣ и чрезъ три года (въ 1656 году) перепечаталъ въ Парижѣ краткое жизнеописаніе Декарта — *Vita Cartesii*. Въ 1674 году вышла въ Нюрнбергѣ, подъ общающимъ заглавіемъ, но слабая по исполненію, краткая *Historia philosophiae cartesianae Iohannis Terelii*. Кроме того, Балье упоминаетъ о *Introduction historique à la philosophie de Descartes* Врусса (Vries), профессора въ Утрехтѣ.

отсвѣтывалъ ему это дѣлать и писалъ¹⁾ (въ августѣ 1641 года): „Желаніе имѣть возможность оказать вамъ въ лицѣ вашего сына какую либо услугу, возбранило бы мнѣ отсвѣтывать посылать его сюда, если бы я думалъ, что намѣренія ваши относительно его воспитанія могутъ найти здѣсь свое осуществленіе. Философія преподается здѣсь очень дурно. Профессора преподають по часу въ день въ теченіе полугода, не диктуя ничего письменнаго и не оканчивая курса въ опредѣленное какое либо время. Желающіе что-либо узнать должны брать частныя уроки у учителей, какъ дѣлають въ Франціи при изученіи права, имѣя въ виду поступленіе на судебныя должности. И хотя я вовсе не думаю, чтобы все преподаваемое въ философіи было вѣрно какъ Евангеліе, полагаю однако, такъ какъ это ключъ другихъ наукъ, — что очень полезно пройти цѣлый ея курсъ тѣми путями какъ обучаютъ ей въ іезуитскихъ школахъ, прежде чѣмъ приступить къ поднятію своего ума выше педанства, дабы стать ученымъ хорошаго разбора (*se faire savant de la bonne sorte*). Я долженъ отдать честь моимъ учителямъ и сказать, что, по моему сужденію, нѣтъ на землѣ мѣста, гдѣ бы философія преподавалась лучше чѣмъ въ Ла-Флешѣ. Кромѣ того, мнѣ кажется слишкомъ велика перемѣна — прямо изъ родительскаго дома быть перенесеннымъ въ страну другаго языка, другихъ обычаевъ и религіи. Между тѣмъ Ла-Флешъ въ сосѣдствѣ вашемъ. Туда собирается множество юношей изъ всѣхъ частей Франціи, и они образуютъ такую смѣсь характеровъ, что чрезъ сношенія и разговоры между собою научаются почти столько же, сколько научились бы, еслибы путешествовали. Наконецъ, то равенство, какое іезуиты полагають между ними, совершенно одинаково обращаясь и съ знатыми и съ простыми, есть отличное изобрѣтеніе; чтобы отнять изнѣженность и другіе недостатки, пріобрѣтаемые отъ привычки быть предметомъ ухаживанія въ родительскомъ домѣ“.

Отношеніями своими къ іезуитамъ Декартъ дорожилъ всю жизнь и зная солидарность всѣхъ членовъ ордена, былъ встревоженъ, когда іезуитъ, отецъ Бурденъ, выступилъ публично въ Парижѣ на диспутѣ противникомъ Размышленій Декарта. Въ письмѣ по этому поводу къ провинціалу іезуитовъ, отцу Дине, Декарта говорить, что всегда „читилъ іезуитовъ какъ своихъ учителей и единственныхъ руководителей своей молодости“.

¹⁾ *Oeuvres*, VIII, 445.

Иезуитскую коллегію въ Ла-Флешѣ Декартъ оставилъ въ 1612 году, послѣ почти девятилѣтняго въ ней пребыванія. Отецъ назначалъ его въ военную службу и отправилъ въ Парижъ ознакомиться съ общественной жизнью. Декартъ увлекся примѣромъ молодыхъ сверстниковъ и два года велъ разсѣянную жизнь молодыхъ дворянъ того времени. Но дружескія отношенія съ славившемся тогда математическими знаніями Мидоржемъ и съ отцомъ Мерсенномъ¹⁾, воспитывавшемся въ той же коллегіи какъ и Декартъ и затѣмъ пошедшимъ въ монахи и скоро пріобрѣтшемъ большую навѣстность въ ученомъ мирѣ, поддерживали въ Декартѣ интересы науки и знанія. Когда отецъ Мерсеннъ получилъ назначеніе внѣ Парижа, Декартъ вдругъ разорвалъ всѣ связи съ товарищами своихъ развлеченій, поселился въ отдаленной улицѣ, предался научнымъ занятіямъ и такъ усердно скрывался въ теченіе двухъ лѣтъ, что всѣ думали, что онъ давно оставилъ Парижъ, когда наконецъ одинъ изъ его товарищей случайно встрѣтилъ его на улицѣ, узналъ и прослѣдилъ до квартиры. Декартъ вернулся въ прежній кругъ, но не на долго.

Въ 1617 году наступили для Декарта годы странствованія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ концѣ первой книги Разсужденія. Онъ отправился прежде всего въ Голландію, гдѣ и остался два года, вступивъ волонтеромъ въ армію принца Морица Нассаускаго. Въ 1619 году перешелъ въ Германію, видѣлъ во Франкфуртѣ коронованіе Фердинанда II, давшее сигналъ къ Тридцатилѣтней войнѣ. Посѣтилъ Баварію, Австрію, Богемію, Венгрію, былъ на сѣверѣ Германіи и вернулся въ Голландію, гдѣ и провелъ въ Гагѣ конецъ 1621 и начало 1622 года. Въ февралѣ отправился на родину. Къ военной службѣ Декартъ не имѣлъ призванія. Въ началѣ лагерная и гарнизонная жизнь интересовала его новостью впечатлѣній, но потомъ онъ почувствовалъ къ военному ремеслу даже нѣкоторое отвращеніе. „Обычай, писалъ онъ въ одномъ письмѣ²⁾ и примѣръ заставляютъ почитать военное ремесло какъ самое благородное. Но я смотрю на него какъ философъ, цѣню по настоящей цѣнѣ и даже затрудняюсь помѣстить его между почетными профессіями, видя, что какъ привлекаютъ къ нему людей два мотива: праздность и распутство“.

¹⁾ Отецъ Мерсеннъ былъ семью, а Мидоржъ одиннадцатью годами старше Декарта. Claude Mydorge trésorier de France en la généralité d'Amiens, fils d'un conseiller de la Grand-Chambre, какъ именуется его Балъе.

²⁾ Baillet, *Vie de Descartes*, II, 42; *Oeuvr.* VIII, 418.

III.

Въ первыхъ строкахъ Разсужденія, гдѣ идетъ рѣчь о естественномъ здравомысліи человѣка и о способности посредственнаго даже ума достигать высшихъ научныхъ истинъ, если онъ слѣдуетъ правильной методѣ размышленія, Декартъ касается одной изъ основныхъ своихъ мыслей. Это мысль о естественномъ свѣтѣ (*lumière naturelle*) и объ умѣ въ естественномъ его состояніи.

Въ письмѣ къ отцу Мерсенну, отъ 16-го октября 1639 года¹⁾ Декартъ говоритъ о присланной ему Мерсенномъ книгѣ, въ которой авторъ трактуетъ о томъ, что такое истина. По этому поводу Декартъ высказываетъ и свои соображенія о естественномъ свѣтѣ разума, общимъ для всѣхъ людей.

„Есть“, говоритъ онъ,— „средства испытать вѣсы, прежде чѣмъ ими пользоваться, но если бы мы, по самой натурѣ ея, не знали что такое истина, то не имѣли бы средства узнать что она такое..“

„То же думаю я и о многихъ другихъ вещахъ, весьма простыхъ и познаваемыхъ естественно, каковы: фигура, величина, движеніе, мѣсто, время и т. п. Тотъ, кто прохаживается по залѣ, гораздо лучше объясняетъ намъ, что такое есть движеніе, чѣмъ тотъ, который говоритъ, что движеніе *est actus entis in potentia prout in potentia*. Авторъ (разбираемаго сочиненія) беретъ правиломъ для распознаванія истины общее согласіе. Мое правило—только естественный свѣтъ. Въ этомъ отчасти сходствую съ авторомъ; ибо такъ какъ всѣ люди имѣютъ тотъ же естественный свѣтъ, то, казалось бы, всѣ должны имѣть тѣ же понятія. Но дѣло въ томъ, что никто почти не пользуется надлежащимъ образомъ этимъ свѣтомъ. Отсюда происходитъ, что многіе, напримѣръ, всѣ, кого мы знаемъ могутъ согласно имѣть ту же ошибку. И есть множество вещей, кои могутъ быть познаны естественнымъ свѣтомъ и о коихъ между тѣмъ никто никогда и не думалъ“.

„Авторъ“, прибавляетъ далѣе Декартъ, — „рекомендуетъ въ особенностяхъ слѣдовать естественному инстинкту, изъ коего и выводить понятія, общія всѣмъ. Что до меня,—я различаю два рода инстинкта: одинъ, присущій намъ, въ нашемъ качествѣ человѣка, чисто умственный: это естественный свѣтъ или *intuitus mentis*, коему единственно, по мнѣнію моему, надлежитъ довѣряться. Другой пребываетъ въ насъ, какъ

¹⁾ *Oeuvr.*, VI, 168.

въ животныхъ, и есть извѣстное стремленіе природы къ охраненію нашего тѣла, къ тѣлеснымъ наслажденіямъ и прочее, которому не всегда надлежитъ слѣдовать“.

Сохранилось и опубликовано по смерти уже автора начало цѣлаго особаго сочиненія Декарта, озаглавленнаго: „Исканіе истины естественнымъ свѣтомъ, который, изъ себя самаго и безъ помощи религіи и философіи, опредѣляетъ мнѣнія, какія должны имѣть человекъ о всѣхъ вещахъ, могущихъ быть предметомъ его мыслей, и проникаетъ въ любопытнѣйшія тайны науки“¹⁾. Сочиненіе издано въ 1704 году, вмѣстѣ съ другими посмертными трудами. Отрывокъ имѣетъ форму разговора между тремя лицами: Eudoxe, Polandre и Epistémon. Первый— „человѣкъ средняго ума (припомнимъ, что такъ характеризуетъ себя Декартъ въ началѣ Разсужденія о методѣ), но сужденія котораго не испорчены еще никакими ложными мнѣніями и разумъ еще такой, какимъ онъ получилъ его отъ природы“. Евдокса посѣтили, въ его сельскомъ уединеніи, два пріятеля, „люди настоящаго вѣка, жадные къ познаніямъ, обширнаго ума; изъ нихъ одинъ никогда ничему не учился, а другой, напротивъ, хорошо знаетъ все, чему можно научиться въ школахъ“. Полиандръ замѣтилъ было, что ему пріятно присутствовать при ученомъ разговорѣ, но не думаетъ, чтобы могъ извлечь себѣ изъ того какую-либо пользу. „Повѣрьте, Полиандръ“, отвѣчаетъ Евдоксъ,— „разговоръ нашъ будетъ для васъ чрезвычайно полезенъ, ибо умъ вашъ свободенъ отъ предрасудковъ, и мнѣ легче будетъ приводить васъ на правую сторону, чѣмъ Эпистемона, который часто окажется на противной сторонѣ“. Содержаніе разговора есть уясненіе знаменитаго афоризма *cogito ergo sum*, къ которому путемъ послѣдовательныхъ разсужденій приходятъ бесѣдующіе. Относительно естественнаго свѣта разума лицо, изображающее самого Декарта, Евдоксъ, дѣлаетъ такое указаніе:

„Затѣмъ мы будемъ говорить о наукахъ, выберемъ въ нихъ, что есть наиболѣе прочнаго, и предложимъ методу, чтобы двинуть ихъ дальше и найдти намъ самимъ, съ средними нашими способностями,

¹⁾ *Recherche de la verité par la lumière naturelle, qui à elle seule et sans le secours de la religion ou de la philosophie, détermine les opinions que doit avoir un honnête homme sur toutes les choses qui peuvent faire l'objet de ses pensées et pénétre dans les secrets des sciences les plus curieuses.* Сочиненіе было писано по французски, но оригиналъ утраченъ, и сохранился лишь не извѣстномъ сдѣланный латинскій переводъ.

то, что могут открывать лишь тончайшіе умы... То, что сообщу вамъ, окажется столь хорошо доказаннымъ, что человѣкъ здраваго ума, хотя бы воспитанный въ пустынѣ и ничѣмъ не просвѣщенный, кромѣ естественнаго своего свѣта, не можетъ придти къ иному мнѣнію, какъ наше, если тщательно разберетъ тѣ же доводы^а.

Ту же мысль высказываетъ Декартъ въ предисловіи „Исканія истины“, говоря: „Знанія, не превышающія предѣлы человѣческаго ума, соединены между собою столь чудною связью и могутъ быть выводимы одни изъ другихъ въ такой необходимой послѣдовательности, что не требуется особыхъ искусства и мудрости, чтобы ихъ найти: надо только умѣть начинать съ простѣйшихъ, восходя по ступенямъ къ высшимъ. Это и постараюсь я здѣсь показать помощію разсужденій, самыхъ легкихъ и общедоступныхъ. Каждый убѣдится, что если онъ не открылъ того же что я, то это происходило единственно отъ того, что смотрѣлъ не въ надлежащую сторону и не на тѣ предметы, какъ я. Я не болѣе заслуживаю славы моими открытіями, какъ крестьянинъ, нашедшій случайно кладъ, издавна ускользавшій отъ многочисленныхъ исканій“.

Въ предисловіи къ „Принципамъ философіи“, въ свой чередъ, Декартъ говоритъ: „Исслѣдуя естественное состояніе (le naturel) многихъ умовъ, я обратилъ вниманіе, что нѣтъ такого отсталаго и грубаго, который не могъ бы войти въ добрыя чувства и овладѣть даже высшими науками, если введенъ надлежащимъ образомъ. Потому я желалъ бы увѣрить тѣхъ, кто не надѣется на свои силы, что въ писаніяхъ моихъ нѣтъ ничего, чего бы они не могли понять вполне, если дадутъ трудъ разобрать; а вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить другихъ, что и отличнѣйшіе умы будутъ имѣть нужду въ значительномъ времени и большомъ вниманіи, чтобъ замѣтить все, что я туда вложилъ“.

„Педанты менѣе способны пользоваться разумомъ, чѣмъ если бы не учились вовсе“, замѣчаетъ Декартъ въ другомъ мѣстѣ того же предисловія.

Отъ естественнаго состоянія разума, освобожденнаго отъ ложныхъ мнѣній, внесенныхъ въ него ошибками чувствъ, вслѣдствіи непроявленныхъ сужденіями и заимствованіями со стороны, не далеко путь къ идеѣ о естественномъ состояніи человѣка вообще, идеѣ, имѣвшей такую силу у французскихъ философовъ восемнадцатаго вѣка и породившей политическія ученія революціонной эпохи, согласно которымъ „естественныя права человѣка“ объявлены были крае-

угольнымъ камнемъ государственной конституціи. Можно полагать, что Руссо тему своихъ краснорѣчивыхъ тирадъ о естественномъ состояніи человѣка и объ искаженіяхъ, внесенныхъ цивилизаціей, заимствовалъ у Декарта, какъ несомнѣнно заимствовалъ у него идею, развиваемую въ началѣ *Contrat Social*. Это послѣднее заимствование было указано мною въ сочиненіи моемъ о французской революціи, озаглавленномъ *Противъ теченія*, въ которомъ, между прочимъ, я разбираю также и вообще вліяніе картезіанскихъ идей на политическія ученія, породившія революцію.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ ¹⁾ Декартъ, говоря о достоинствахъ сочиненій Бальзака, касается вопроса о краснорѣчии вообще и выражается такимъ образомъ: „Искусство краснорѣчія во всѣ времена имѣло свои пороки и свои добродѣтели. Въ первые вѣка, когда люди не были еще цивилизованы, когда жадность и честолюбіе не внесли еще раздора въ міръ и языкъ, безъ принужденія, слѣдовало чувствованіямъ и влеченіямъ ума искренняго и чуждаго лжи,—въ великихъ людяхъ была дѣйствительно нѣкоторая сила краснорѣчія, имѣвшая въ себѣ нѣчто божественное. Простекая отъ обилія здравомыслія и отъ ревности къ истинѣ, она вывела полудикихъ людей изъ лѣсовъ наложила на нихъ законы построила города. Для нея убѣждать было то же, что повелѣвать Но затѣмъ судебныя диспуты и частое произношеніе рѣчей испортили эту силу у грековъ и римлянъ излишнимъ употребленіемъ. Отъ устъ мудрыхъ она перешла къ обыкновеннымъ людямъ, которые, не надѣясь побѣдить умъ слушателя единственно оружіемъ истины, стали прибѣгать къ софизмамъ и пустымъ тонкостямъ рѣчи“.

IV.

„Pour la raison ou le sens, d'autant qu'elle est la seule chose qui nous rend hommes et nous distingue des bêtes, je veux croire qu'elle est tout entière en un chacun, et suivre en ceci l'opinion commune des philosophes, qui disent qu'il n'y a de plus ou de moins qu'entre les accidents et non point entre les formes ou natures des individus d'une même espèce“ ²⁾.

¹⁾ *Oeuvres*, VI, 193.

²⁾ Въ нашемъ переводѣ мѣсто это передано такъ: „Что же касается разума или смысла, на сколько овъ есть единственная вещь, дѣлающая насъ человѣ-“

Въ латинскомъ переводѣ Декартъ нѣсколько измѣнилъ это мѣсто. Онъ исключилъ слова „ou les sens“, или смыслъ; и говоря о формахъ, присоединилъ субстанціальныхъ, *formas substantiales*.

Мѣсто это, сравнительно неясное для вышшняго читателя, поставлено авторомъ для поясненія его мысли. Отдана дань времени, когда такія понятія, какъ матерія, форма, акцидентъ, были ходячими школьными понятіями.

Лейбницъ, въ *Essais sur la bonté du Dieu et la liberté de l'homme*, трактуетъ вопросъ о происхожденіи человѣческой души и о мнѣніяхъ богослововъ касательно этого предмета (три мнѣнія: предсуществованіе души въ другомъ мірѣ; порожденіе изъ души родителей *par traducem*; созданіе), говоритъ, что вопросъ этотъ повелъ къ философскому диспуту о происхожденіи формъ вообще. При этомъ понятіе форма Лейбницъ поясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Аристотель“, говоритъ онъ, — „и школа его послѣдователей назвали формою то, что есть принципъ дѣйствія и находится въ томъ что дѣйствуетъ. Этотъ внутренній принципъ бываетъ или субстанціальный, именуемый душою, если находится въ органическомъ тѣлѣ, — или случайный, обыкновенно называемый качествомъ. Тотъ же философъ даетъ душѣ родовое имя энтелехія или актъ. Слово энтелехія происходитъ, полагать надо, отъ греческаго слова, означающаго совершенный. По этой причинѣ знаменитый Ермолай Варваръ, *Hermodolus Barbarus*, выразилъ его по латыни, слово въ слово, *perfectivus*, ибо актъ есть исполненіе сокрытой мощи. (Для такого измысленія этотъ Ермолай Варваръ едва ли, впрочемъ, имѣлъ нужду сноситься съ дьяволомъ, какъ онъ, по разказахъ, сдѣлалъ). Аристотель признаетъ два рода актовъ: актъ постоянный и актъ послѣдовательный. Актъ постоянный или длительный (*durable*) есть не иное, что какъ форма, субстанціальная или случайная (субстанціальная форма, какъ душа, напримѣръ, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, вполнѣ постоянна; случайная — только въ теченіе нѣкотораго времени). Но актъ вполнѣ преходящій, природа коего заключается въ переходности, есть

комъ и отличающая отъ животныхъ, то желаю думать, что онъ цѣлностью включается въ каждомъ человѣкѣ. Слѣдую въ томъ общему мнѣнію философовъ, говорящихъ, что различіе по отношенію къ больше или меньше можетъ быть только между акцидентами, а не между формами, или природами особей одного рода.

само дѣйствіе" (*Oeuvres de Locke et Leibnitz, édition Thurot; Paris, 1839, стр. 543*).

Есть комментарий на Разсужденіе о методѣ Декарта, составленный отцомъ Пуассономъ и изданный подъ заглавіемъ: *Commentaire ou remarques sur la Méthode de René Des Cartes, par L. P. N. I. P. P. D. L. Vendosme, 1670*. Книжка, впрочемъ, весьма мало интересная, и изъ нея трудно что-либо извлечь для поясненія произведенія Декарта. Въ поясненіе равенства умовъ какъ субстанціальныя формы (*les esprits sont les formes substantielles des hommes*), отецъ Пуассонъ замѣчаетъ, что, согласно философамъ, одинъ огонь можетъ имѣть больше теплоты, чѣмъ другой, но субстанціальная форма огня одинакова въ томъ и другомъ (*cette forme substantielle du feu n'est pas plus ou moins en l'un qu'en l'autre*).

Дѣйствительно полезный комментарий къ Декарту есть сочиненіе Мальбранша Исканіе истины, *Recherche de la vérité*. Мальбраншъ усвоилъ себѣ идеи Декарта и отъ нихъ выходилъ въ построеніи собственной философіи. Уразумѣніе и оцѣнка идей Декарта и выводъ изъ нихъ слѣдствій, какія представлялись тонкому, способному къ метафизическимъ размышленіямъ уму Мальбранша, вотъ въ чемъ главное значеніе этого философа, отличающагося въ произведеніяхъ своихъ блестящимъ, замѣчательно изящнымъ изложеніемъ.

Изгнаніе идей того порядка, къ какому принадлежатъ субстанціальныя формы, реальныя и потаенныя качества и инныя тому подобныя сущности (*entités*), Мальбраншъ ставитъ въ особую заслугу Декарту. Въ допущеніи такихъ „сущностей“ онъ видитъ язычество и именуется его „опаснѣйшею ошибкою философіи древнихъ“. „Предполагають“, говоритъ онъ ¹⁾,— „что въ тѣлахъ находятся нѣкоторыя сущности, отличныя отъ ихъ матеріи. Не имѣя ясной и раздѣльной идеи объ этихъ сущностяхъ, легко можно вообразить, что онѣ то и суть истинныя и главныя причины дѣйствій, какія наблюдаемъ. Это общепринято въ обыкновенной философіи. И именно, чтобъ объяснить наблюдаемыя дѣйствія, философы придумали, что есть субстанціальныя формы, реальныя качества (*qualités réelles*) и тому подобныя сущности“. Если ближе взглядѣтся—указываетъ далѣе Мальбраншъ,—то въ представленіи о такихъ сущностяхъ не трудно усмотрѣть идеи о чемъ-то божественномъ, о нѣкоторой верховной силѣ

¹⁾ *Recherche de la vérité*, изданіе 1762 года, III, 81.

или, по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ низшихъ божествахъ. Это не иное что какъ язычество: „Скажутъ, можетъ быть, что субстанціальныя формы, напримѣръ, такъ-называемыя пластическія, кон считаются производящими животныхъ и растенія, не создаютъ того, что свершаютъ, и слѣдовательно, какъ лишеныя разумія, никакого отношенія не имѣютъ къ божествамъ язычниковъ. Но кто же можетъ повѣрить, чтобы тотъ, кто производитъ дѣла съ мудростію превышающею мудрость всѣхъ философовъ, свершалъ это безъ разумія?“

Измышленіе такихъ идей, какъ субстанціальныя формы, есть результатъ переноса понятій изъ одной области въ другую. Въ каждомъ актѣ нашего сознанія присутствуетъ различіе субъекта и объекта, чего-то внутренняго, мое я составляющаго, и чего-то внѣшняго, моему я противостоящаго,—души и тѣла въ тѣсномъ ихъ единствѣ. Это основное ощущеніе нашего бытія мы невольно переносимъ на все утверждаемое нами какъ имѣющее бытіе. Каждая вещь, все имѣющее наименованіе: солнце, лѣсъ, громъ, болѣзнь, красота, всякій предметъ отдѣльный или коллективный, всякое явленіе или группа явленій, всякое отвлеченіе, все разсматривается съ признаками существа, то-есть такой формы бытія, въ которой внутреннее, какъ бы духовное, соединяется съ внѣшнимъ, какъ бы тѣлеснымъ. Происходитъ невольное, всеобщее олицетвореніе и одухотвореніе. Вся рѣчь наша основана на этомъ началѣ. Связавъ нѣкоторую совокупность явленій отвлеченною идеею болѣзни, мы разсматриваемъ то, что подъ идеею этою подразумѣваемъ, какъ нѣчто самостоятельно существующее, способное придти, быть выгнаннымъ, уступить, ожесточиться и т. п. Декартъ, полагая пропасть между духовнымъ и матеріальнымъ (усматривая первое исключительно въ явленіяхъ сознанія и характеризую второе исключительно идеею протяженія) изгонялъ изъ области природы всякія одухотворенія, стремясь всѣ явленія природы свести къ простотѣ механическихъ началъ.

„Многіе“, говорятъ Мальбраншъ,—„отвергаютъ философію Декарта по тому смѣшному поводу, что она слишкомъ проста и легка... Школьные философы, продолжаятъ онъ,—разъясняютъ и даютъ отвѣтъ на вопросы: почему солнце притягиваетъ пары, почему хива прекращаетъ лихорадку, ревень чиститъ желчь; а не могутъ объяснить, какъ лошади тянутъ повозку, какъ пыль останавливаетъ часы, щетка чиститъ платье, наждакъ полируетъ металлы. Не смѣшно ли

бы было прибѣгать къ движенію отъ притяженія или къ притягательной способности для объясненія перемѣщенія повозки, или къ чистительной способности въ щеткѣ, для объясненія какъ она чиститъ платье“.

Ученіе о субстанціальныхъ формахъ составляло существенную часть школьной философіи въ эпоху Декарта. Отреченіе Декарта отъ субстанціальныхъ формъ было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ обвиненію, что философія его ведетъ къ атеизму. Декартъ самъ старался высказываться осторожно по вопросу о субстанціальныхъ формахъ и въ особенности рекомендовалъ осторожность молодому послѣдователю его философіи Ле Руа (Regius), профессору-медику въ Утрехтѣ, горячему приверженцу новыхъ идей и открытій.

Субстанціальныя формы были главною темой яростнаго нападенія на картезіанское ученіе со стороны утрехтскаго богослова Воеція, мѣстной знаменитости. Воецій (Voetius) былъ главный пасторъ въ Утрехтѣ, профессоръ, а затѣмъ ректоръ Утрехтскаго университета. Побѣдоносный въ диспутахъ, славившійся громами своихъ проповѣдей, онъ выступилъ рѣшительнымъ и страстнымъ противникомъ ученія Декарта (котораго, впрочемъ, лично не зналъ) и его университетскихъ приверженцевъ. Онъ открылъ кампанію въ 1639 году тезисами объ атеизмѣ, въ которыхъ, не называя Декарта, разоблачалъ будто бы скрытый въ его ученіи атеизмъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ писалъ въ слѣдующемъ году во Францію къ отцу Мерсенну и приглашалъ его соединиться противъ еретической, по его мнѣнію, философіи, стремящейся образовать „новую, невиданную и неслыханную секту“, приверженцы которой чтутъ ея автора какъ „нѣкоего новаго бога, съ неба упавшаго“. Мерсеннъ отвѣтилъ Воецію, что если тотъ имѣетъ какія-либо возраженія на книгу Декарта, то прислалъ бы ихъ; письмо же переслалъ Декарту.

Декартъ, въ письмѣ къ отцу Дине (Dinet) ¹⁾ изображаетъ своего противника такими чертами: „Это человѣкъ который слыветъ въ свѣтѣ за богослова, за проповѣдника и человѣка преній и диспута; онъ приобрѣлъ великій кредитъ у толпы тѣмъ, что, ораторствуя противъ римскаго исповѣданія и другихъ отличныхъ отъ его собственнаго, или грома сильныхъ вѣка, показываетъ горячее и неупорядоченное рвеніе въ своей религіи, вставляя къ тому же иной разъ въ свои рѣчи

¹⁾ Оеивр. IX, 34.

слова насмѣшки, являющіяся толпѣ. Выдавая чуть не каждый день брошюрки не стоящаго прочтенія, цитируя разныхъ авторовъ, чаще говорящихъ противъ него чѣмъ за него и которыхъ онъ можетъ быть знаетъ только по отглавленіямъ; говоря наконецъ очень дерзко и безперемонно о всѣхъ наукахъ, какъ будто знатокъ, онъ слыветъ между невѣждами за ученаго. Но мало-малыски разумные люди, знающіе, какъ онъ готовъ сдѣлаться со всякимъ, сколько разъ на диспутахъ прибѣгалъ онъ къ оскорбленіямъ вмѣсто доводовъ и со стыдомъ удался разбитый, — открыто надъ нимъ смѣются и презираютъ его, если не однихъ съ нимъ убѣжденных; если же однихъ, то хотя извиняютъ и терпятъ какъ могутъ, но внутренно никакъ не одобряютъ. Не смотря на этотъ неестный портретъ, трудно не признать искренности увлеченій страстнаго въ полемикѣ богослова.

Не имѣя возможности настичь самого Декарта, Воецій направилъ свои удары на Регіуса, преподававшаго въ своихъ урокахъ мнѣнія Декарта касательно философіи, и которому такимъ образомъ грозила опасность, какъ замѣчаетъ Декартъ (Oeuvr. IX, 257) „сдѣлаться ихъ первымъ мученикомъ“.

Воецій первоначально покровительствовалъ Регіусу и помогъ ему получить катедру на медицинскомъ факультетѣ. Но когда молодой профессоръ выступилъ проповѣдникомъ новыхъ идей и ученій и горячимъ приверженцемъ Декарта, неукротимый богословъ отступился отъ него. Факультетъ съ своей стороны былъ вооруженъ противъ Регіуса за то, что тотъ держался ученія объ обращеніи крови въ тѣлѣ.

Въ мартѣ 1641 года, Воецій сдѣлался ректоромъ Утрехтскаго университета. Регіусъ старался умиротворить могущественнаго защитника школьныхъ ученій, представляя ему заранѣе тезисы, служившіе предметомъ диспутовъ, на которыхъ Регіусъ предсѣдалъ; исполнялъ его совѣтъ ставить спорныя положенія условно, съ обозначеніемъ, что выставлены для упражненія въ диспутѣ (*exercitii causa defendemus*), какъ принято было писать, когда въ тезисахъ ставились парадоксальныя мысли съ цѣлью обнаружить искусство въ спорѣ. Но и это не помогло. Въ горячности диспутовъ новыя идеи съ увлеченіемъ защищались ихъ приверженцами и выходили торжествующими. Это раздражало противниковъ новой философіи, съ Воеціемъ во главѣ. Устраивались шумныя демонстраціи съ криками, свистками и рукоплесканіями. Замѣчу мимоходомъ, что рукоплесканія въ XVII вѣкѣ имѣли, по видимому, иное значеніе, чѣмъ какое имѣютъ нынѣ. Въ

письмъ противъ Воеція ¹⁾ Декартъ упоминаетъ о подстроенныхъ на диспутъ крикахъ противъ его ученія и о „насмѣшливыхъ рукоплесканіяхъ“, „*applaudissemens dѣrisoires*“; а въ письмѣ къ Регіусу ²⁾ по поводу того же случая говорить: „Такъ и въ прежнее время со всѣмъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ что выдѣлываетъ танцоръ на канатѣ, а актеровъ, представлявшихъ изящную комедію Теренція, выгоняли со сцены подобнымъ же хлопаніемъ въ ладоши“.

На диспутѣ въ декабрѣ 1641 года разбирался между прочимъ тезисъ, которому Регіусъ не приписывалъ важности, но который не былъ предварительно на просмотрѣ ректора. Тезисъ гласилъ: *ex mente et corpore non sit unum per se, sed per accidens*, единеніе души и тѣла есть единеніе случайное, а не по существу (при чемъ подъ *ens per accidens* разумѣлось то, что составлено изъ двухъ совершенно различныхъ субстанцій). Тезисъ подалъ поводъ къ провозглашенію Регіуса еретикомъ. Воеціей собранъ богословскій факультетъ. Было положено воспретить студентамъ-богословамъ слушать чтенія Регіуса. Воеціей издавъ свои тезисы снабдивъ ихъ, отъ имени богословскаго факультета, слѣдующими тремя королларіями:

„Мнѣніе атеиста Таурелла и Давида Гарлея, учащихся что человекъ, состоящій изъ души и тѣла, есть *ens per accidentem*, а не *per se*, ошибочно и неправо.“

„Движеніе земли, введенное Кеплеромъ и другими, прямо и очевидно протявно авторитету Священнаго Писанія и никакъ не согласно съ доводами естественнаго свѣта разума, какіе философія преподавала до сихъ поръ.“

„Философія, которая отвергаетъ субстанціальныя формы вещей (*formes substantielles des choses*) съ ихъ собственными специфическими свойствами, ихъ дѣятельными качествами, отвергаетъ, слѣдовательно, отличную специфическую натуру вещей,—какъ философія, какою въ наши дни хотѣли ввести Таурелль (Taurellus), Гарлей (Garleus) и Бассонъ (Basson),—не можетъ быть соглашена ни съ физикою Моисея, ни со всѣмъ, чему учитъ Писаніе. Эта философія опасна, благоприятна скептицизму, способна разрушить наши вѣрованія касательно разумной души, происхожденія лицъ во Святой Троицѣ, воплощенія Іисуса Христа, первороднаго грѣха, чудесъ, про-

¹⁾ *Oeuvres*, XI, 3.

²⁾ *Oeuvres*, VIII, 587.

рочествъ, благодати нашего возрожденія, дѣйствительности бѣсноватости (possession réelle des démons)⁴.

Поднялось было дѣло объ удаленіи Регіуса изъ университета. Къ счастью, молодой ученый нашелъ покровителя въ консулѣ Vanden-Hoock. Консулъ признавалъ Воеціа и принудилъ его отказаться отъ намѣренія выдать три приведенныя положенія отъ имени факультета.

Диспутъ о тезисахъ Воеціа начался 18-го декабря и продолжался три дня. „Я былъ“, говоритъ Декартъ въ письмѣ ¹⁾ къ утрехтскимъ властямъ,—„названъ по имени, чтобы не было сомнѣнія, что Воецій считаетъ меня авторомъ мнѣній, о которыхъ въ тезисахъ онъ выразилъ такую похвалу, что кто ихъ держится—или атеистъ, или дуракъ. Онъ говорилъ съ насмѣшкой: *Elias veniet* (Илія придетъ), какъ будто я глава какой-то новой секты еретиковъ и выдаю себя за пророка“.

Регіусъ рѣшился отвѣчать на тезисы Воеціа не на диспутѣ, а въ печати и писалъ объ этомъ Декарту. Декартъ, въ письмѣ ²⁾ отъ 6-го февраля 1642 года, далъ ему любопытные совѣты и набросалъ проектъ отвѣта Воецію.

„Я думаю“, пишетъ Декартъ,—„что въ продолженіе нѣкотораго времени вы должны воздержаться отъ публичныхъ диспутовъ и какъ можно стараться не раздражать никого противъ себя слишкомъ рѣзкими словами. Желалъ бы также, чтобы вы не выдвигали никакихъ новыхъ мнѣній, а по имени держались старыхъ, и только приводили бы новые доводы, къ чему никто не можетъ придраться. А тѣ, кто принялъ бы эти доводы, сами уже вывели бы заключеніе, въ какому вы желаете ихъ привести. Вотъ, напримѣръ, касательно субстанціальныя формъ: какая необходимость ихъ отвергать? Вы можете припомнить, что въ Метеорахъ, на стр. 173 французскаго изданія ³⁾, я прямо говорю, что нисколько не отвергаю и не отрицаю субстан-

¹⁾ *Oeuvr.*, IX, 285.

²⁾ *Oeuvr.*, VIII, 580.

³⁾ Въ *Метеорахъ*, въ концѣ первой рѣчи, Декартъ говоритъ: «Знайте также, что, дабы не разрывать мира съ епископами, я вовсе не желаю отрицать того что воображаютъ они существующимъ въ тѣлахъ, кромѣ упоминаемаго мною,—ихъ субстанціальныя формъ, реальныхъ качествъ и т. д.; но мнѣ казалось, что доводы мои тѣмъ болѣе должны встрѣтить одобренія, чѣмъ менѣе количество вещей, отъ которыхъ я поставляю ихъ въ зависимость».

ціальныхъ формъ, но только не имѣю никакой необходимости прибѣгать къ нимъ въ моихъ объясненіяхъ. Если бы вы держались той же системы, никто изъ слушателей не принялъ бы ихъ, видя, что въ нихъ нѣтъ никакой надобности, а вы не возбудили бы ненависти товарищей вашихъ. Но что сдѣлано, то сдѣлано. Теперь надлежитъ, по мнѣнію моему, защищать высказанныя вами истинныя положенія возможно скромнымъ образомъ“.

Декартъ совѣтовалъ далѣе Регіусу начать отвѣтъ свой письмомъ къ Воецію, гдѣ было бы высказано удовольствіе, что такой великій мужъ коснулся въ своихъ превосходныхъ и тончайшихъ тезисахъ субстанціальныхъ формъ и другихъ предметовъ относящихся къ физикѣ. Нѣтъ-де сомнѣнія, что такой ученый привелъ наилучшіе доводы въ пользу мнѣній прямо противоположныхъ тѣмъ, какихъ держится Регіусъ, усматривающій въ этомъ какъ бы вызовъ на благородное соревнованіе въ розысканіи истины.

На первый тезисъ о томъ, что нѣтъ надобности изгонять безъ основанія субстанціальныя формы и тому подобное, Регіусъ долженъ былъ отвѣтить: мы ихъ и не отвергаемъ, только не видимъ въ нихъ нужды для объясненія естественныхъ явленій. Всѣ эти сущности ведутъ только „къ ослѣпленію ума юности и на мѣсто ученаго невѣдѣнія, о которомъ говоритъ г. ректоръ, ставятъ невѣжество другого рода, полное суетности и надменности“.

Главное обвиненіе новой философіи, особенно щекотливое для обвиняемыхъ, было то, что новое ученіе ведетъ будто бы къ атеизму. Воецій утверждалъ¹⁾, что Декартъ „вѣроломно и незамѣтнымъ образомъ учить атеизму“; что къ атеизму необходимо должна вести „опасная метода тѣхъ кто, доволья нѣкоторымъ образомъ сами себѣ и довольствуясь своими естественными способностями, (*se contentant en quelque sorte d'eux mêmes et de leur facultés naturelles*), хотятъ на этомъ основаніи построить человѣческія знанія“. Къ атеизму же, по словамъ Воеція, должны направлять—„и мнимая свобода въ философіи, и химерическое обѣщаніе усовершенствоваться и обновить всѣ знанія, и надежда установить удивительныя и не слыханныя методы, догматы, правила“. Тепеліусъ, авторъ книжки (не имѣющей сама по себѣ значенія) *Исторія картезіанской философіи*²⁾, го-

¹⁾ Посланіе Декарта, *Oeuvr.*, XI, 61.

²⁾ Joh. Tepelius, *Historia philosophiae cartesianae*. Norumburgae, 1674; стр. 45.

ворилъ: „Философы и богословы обвиняютъ картезіанскую философію въ атеизмъ, спектицизмъ, энтузіазмъ, безуміи и нелѣпости“. Нелѣпость усматривалась, между прочимъ, въ предложеніи отказаться отъ всѣхъ приобретенныхъ знаній и все подвергнуть сомнѣнію; безуміе въ томъ, что философія эта учитъ отвлекаться не только отъ показаній чувства, но и отъ идей и образовъ, рисующихся въ фантазіи: „non modo a sensibus, sed etiam ab ideis et imaginibus in phantasia depictis abstrahere docet“.

Возможно ли—спрашиваетъ Воецій въ одномъ изъ тезисовъ—„огласить Священное Писаніе съ мнѣніями тѣхъ кто отрицаютъ субстанціальныя формы?“.

„Пророки апостолы и другія священныя лица, писавшія подлѣ вдохновеніемъ Святаго Духа“, совѣтуетъ отвѣтить Декартъ,—„никогда и не думали объ этихъ философскихъ сущностяхъ, невзвѣстныхъ вѣдѣ школъ. Чтобы удалить всякую двусмысленность въ словахъ, должно замѣтить, что подлѣ именемъ субстанціальныхъ формъ, кои мы отрицаемъ, принято разумѣть нѣкоторую субстанцію, соединенную съ матеріей и образующую съ нею одно цѣлое, чисто тѣлесное; но которая въ то же время есть субстанція, существующая сама по себѣ, какъ и матерія, и даже съ большимъ правомъ на это наименованіе, чѣмъ матерія, ибо о субстанціи этой говорится, что она есть актъ, а о матеріи, что она есть мощь или способность (qu'elle est un acte, et que la matiere n'est appelée que puissance). Но мы думаемъ, что Священное Писаніе нигдѣ не упоминаетъ о такой субстанціи или субстанціальной формѣ, отличной отъ матеріи въ вещахъ чисто тѣлесныхъ“. Истинная субстанціальная форма есть душа человѣка, замѣчаетъ далѣе Декартъ, и прибавляетъ: „Не тѣ кто отрицаютъ субстанціальныя формы, а скорѣе тѣ кто допускаютъ ихъ заслуживаютъ названіе скотовъ и атеистовъ“. „Субстанціальныя формы придуманы мнимыми учеными, похваляющимися, что все знаютъ и могутъ объяснить, какъ будто можно назвать объясненіемъ когда темная вещь изъясняется другою еще темнѣйшею... Не зная природы какого-нибудь качества, заключаютъ, что это потаенное качество, то-есть, непроницаемое для ума человѣческаго“.

Когда появился отвѣтъ Регіуса и прозвезлъ впечатлѣніе, Декартъ 1-го марта 1642 года, писалъ своему ученику: „Субстанціальныя формы освистаны всѣми; прямо говорятъ, что если остальное въ нашей философіи будетъ также разъяснено, то всѣ ее примутъ“.

Вскорѣ Декартъ, въ двухъ объемистыхъ письмахъ самъ выступилъ противъ противниковъ своей философіи.

Первое письмо (1642 г.) было писано на имя одного изъ главныхъ членовъ иезуитскаго ордена, отца Дине (Dinet); другое, печатное (1643 г.), — на имя самого Воеція. Послѣднее есть цѣлое сочиненіе: озаглавленное, Письмо Рене Декарта Гисберту Воецію о двухъ книгахъ недавно изданныхъ Воеціемъ въ Утрехтѣ, одна о Братствѣ Святой Маріи, другая о картезианской философіи („*Epistola Ren. Descartes ad celeberrimum virum D. Gisbertum Voetium, in qua examinantur duo libri nuper pro Voetio Ultrajecti simul editi, unus de Confraternitate Mariana, alter de philosophia Cartesiana*“).

„Съ тѣхъ поръ“ — такъ начинается Декартъ свое письмо къ Воецію, ¹⁾ — „какъ я сдѣлалъ изданіемъ нѣсколькихъ оцѣтовъ, извѣстную философію, какую считалъ истинною и полезною человечеству, многіе писатели, особенно между слывущихъ искуснѣйшими и ученѣйшими, убѣждали меня усовершенствовать ее и опубликовать вполнѣ. Исполненный уваженія къ ихъ мнѣнію, я смотрю однакожь, какъ на еще сильнѣйшее свидѣтельство въ пользу моего ученія, на ожесточеніе нѣсколькихъ лицъ, вскормленныхъ на школьныхъ диспутахъ, которыя тщатся подавить его клеветами при самомъ рожденіи. Философскія мнѣнія всегда были свободны; не мало было въ наукѣ о природѣ заблуждавшихся, но никому вреда отъ того не было. Если и я ошибаюсь, какъ они, никакой опасности отъ того для рода человѣческаго не произойдетъ. Но еслибъ я случайно нашелъ истину, я оказалъ бы этимъ большую услугу. Вотъ, безъ сомнѣнія, почему друзья истины, въ надеждѣ хотя слабой и сомнительной найти ее въ моихъ писаніяхъ, приглашаютъ все-таки меня ихъ издать. Но никакъ не вижу, изъ какихъ побужденій другіе нападаютъ на мои мнѣнія съ такою горечью: развѣ отъ того что вынуждаемые съ ними согласиться, боятся, чтобы признанная истина не лишила всякаго кредита ихъ схоластическія пренія, составляющія основу ихъ ученія. Такъ какъ они противопоставляютъ мнѣ не доводы, а личности, то я не считаю нужнымъ отвѣчать имъ. Но Гисбертъ Воецій не обвиняетъ меня только, какъ другіе, въ ошибкахъ и невѣжествѣ: онъ взводитъ на меня такія

¹⁾ Оеувр., XI, 3.

гнусныя обвиненія и нападаетъ такимъ вѣроломнымъ способомъ, что я не могу хранить молчанія“.

Декартъ ¹⁾ указываетъ, что Воецій называлъ его, между прочимъ „боязливою данью, человѣкомъ чувствующимъ себя храбрымъ лишь во мракѣ своего уединенія“; утверждалъ, будто бы Декартъ „воспользовался однимъ медикомъ, чтобы попытаться ввести въ университетъ, недавно основанный, но уже знаменитый, свой бесплодный вздоръ (plaiseries), какъ бы истинную и чистую философію, въ презрѣніе всей древней“.

„Философія, которой ищу“, отвѣчаетъ Декартъ, — „есть познаніе истинъ, какія дано намъ пріобрѣтать помощію естественнаго свѣта и кои могутъ быть полезны человѣческому роду. Напротивъ того, господствующая философія, которой обучаютъ въ школахъ и университетахъ, есть собраніе въ кучу неясныхъ мнѣній, большею частью сомнительныхъ, какъ доказываютъ диспуты, къ какимъ они подають поводъ ежедневно, и совершенно бесполезныхъ, какъ показали мнѣ продолжительный опытъ. Кто въ самомъ дѣлѣ могъ извлечь какую-нибудь пользу изъ первой матеріи, субстанціальныхъ формъ, потаенныхъ качествъ и другихъ вещей въ томъ же родѣ?.. Безъ сомнѣнія, въ дѣлѣ религіи всякая попытка нововведенія ненавистна. Иное совсѣмъ въ философіи“.

Раздраженный Воецій поспѣшилъ принести жалобу утрехтскимъ властямъ, обвиняя Декарта въ клеветѣ и диффамаци, тѣмъ болѣе что книга о картезіанской философіи была выдана отъ имени профессора Шокіа (Schoockius), объявившаго себя ея единственнымъ авторомъ. Вѣстѣ съ тѣмъ Воецій выставялъ Декарта врагомъ господствующаго въ странѣ исповѣданія. Ему удалось выхлопотать призывъ Декарта къ суду. Призывъ былъ объявленъ съ необычною торжественностью, при звукахъ колокола, напечатанъ и вывѣшенъ на стѣнахъ. Когда извѣстіе о томъ дошло до Декарта, который не былъ тогда въ Утрехтѣ, онъ поспѣшилъ составить и напечатать свое объясненіе, которое и прислалъ своимъ неожиданнымъ судьямъ. Анонимныя письма извѣстия его, что требуютъ, чтобы онъ явился лично какъ обвиняемый, и грозятъ силой привести къ суду. Онъ поспѣшилъ обратиться къ покровительству французскаго посла. Между тѣмъ Воецій торжествовалъ и былъ увѣренъ, что Декартъ будетъ заочно осужденъ на из-

¹⁾ Оливр, XI, 15, 25.

гнаніе изъ провинціи и на значительную пеню, книги же его сожжены. „Меня увѣряють“, пишетъ Декартъ (IX, 268),— „что Военій даже вошелъ въ переговоры съ палачемъ, дабы тотъ развелъ костеръ какъ можно больше, чтобы пламя было видно издали“. Но вмѣшательствомъ посла и принца Оранскаго дѣло было прекращено (1643 г.).

V.

Считаемъ не излишнимъ привести здѣсь краткій обзоръ сочиненій Декарта, сдѣланный имъ самимъ въ письмѣ къ переводчику на французскій языкъ *Principia Philosophiæ*, служащемъ предисловіемъ къ французскому изданію *Принциповъ*.

„Десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ“ (то-есть, въ 1637 году), говоритъ онъ, — „я издалъ сочиненіе, въ коемъ представилъ образцы того, что мнѣ удалось изучить. Первую часть сочиненія составило Разсужденіе касательно методы какъ правильно вести разумъ и отыскивать истину въ наукахъ. Тутъ я изложилъ главные правила логики и нравственности, несовершенной, но которой можно временно слѣдовать при незнаніи лучшей. Другія части составили три трактата: о діоптрикѣ, о метеорахъ и о геометріи. Діоптрикой я имѣлъ въ виду показать, что философію можно повести далеко, такъ что при помощи ея возможно достигъ познанія искусствъ, полезныхъ для жизни, а именно въ области изобрѣтенія зрительныхъ трубъ, этого столь труднаго предмета изысканій. Помощію Метеоровъ я хотѣлъ выставить разницу между философіей, какою занимаюсь, и тою, какою обучаютъ въ школахъ, гдѣ обыкновенно излагается этотъ предметъ. Наконецъ, Геометріей я имѣлъ претензію показать, что нашелъ много вещей, до тѣхъ неизвѣстныхъ, и породить мысль о возможности открытія еще множества другихъ, дабы чрезъ то побудить всѣхъ людей къ изысканію истины“. Въ этомъ письмѣ Декартъ говоритъ и о дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ — *Размышленіяхъ* и *Принципахъ* философіи. „Послѣ того времени“, пишетъ онъ, — „предвидя трудности, соединенныя съ пониманіемъ основъ метафизики, я старался разъяснить главнѣйшія изъ нихъ въ книгѣ *Размышленій* (*Meditationes*), небольшой, но которой объемъ разросся и содержаніе много освѣтилось чрезъ присовокупленіе возраженій, присланныхъ мнѣ многими учеными людьми и моихъ имъ отвѣтовъ. Затѣмъ, когда мнѣ казалось, что всѣ эти сочиненія достаточно подготовили умъ читателей къ принатію началъ философіи, я наконецъ издалъ ихъ“. Изложивъ

кратко содержаніе четырехъ книгъ Принциповъ (первая метафизическая; для пониманія которой Декартъ совѣтуетъ прочесть прежде Размышленія; остальные—объ общихъ законахъ природы, о строеніи вселенной, „о природѣ земли, воздуха, воды, огня и магнита, кои суть тѣла, повсюду вокругъ насъ находящіяся“), Декартъ при-совокупляетъ: Чтобы довести планъ до конца, надлежало бы трактовать еще въ подробностяхъ о минералахъ, растеніяхъ, животныхъ, и особенно о человѣкѣ, далѣе, о медицинѣ, морали и о механическихъ искусствахъ. „Вотъ что долженъ былъ бы я исполнить, дабы дать людямъ полный курсъ философіи... Я имѣлъ бы смѣлость взять на себя это предпріятіе, еслибъ имѣлъ удобства произвести всѣ опыты, въ какихъ буду имѣть нужду, чтобы на нихъ опереться оправдать мои соображенія. Но это потребовало бы такихъ издержекъ, на какія не хватитъ достоянія частнаго человѣка“.

Эти слова имѣютъ тотъ интересъ, что поясняютъ, какое именно значеніе давалъ Декартъ опыту въ области своихъ изслѣдованій природы. Опытный матеріалъ, на которомъ онъ строилъ свое физическое ученіе, состоялъ изъ опытовъ всендневной жизни и того небогатаго запаса фактовъ, какой представляла тогдашняя наука. Опыты въ тѣсномъ смыслѣ Декартъ производилъ въ области оптики и изученія строенія тѣла чрезъ вскрытія животныхъ. Опытъ, какъ источникъ открытія явленій и законовъ природы и какъ средство установленія таковыхъ законовъ въ области основныхъ механическихъ явленій, не игралъ главной роли въ изслѣдованіяхъ Декарта и имѣлъ значеніе въ глазахъ его, главнымъ образомъ, какъ оправданіе и подтвержденіе законовъ, выведенныхъ дедуктивно, и какъ изслѣдованіе частныхъ-

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Главные правила методы.

Я жилъ тогда въ Германіи, куда былъ приведенъ событіями войны, донынѣ еще тамъ не кончившейся. Когда я возвращался съ коронаціи императора въ армию¹⁾, начавшаяся зима остановила меня на квартирѣ, гдѣ я, не имѣя никакихъ развлекающихъ разговоровъ и къ тому же не тревожимый, по счастью, никакими заботами и старостями, оставался цѣлый день одинъ въ комнатѣ, имѣя полный досугъ предаваться размышленіямъ. Между размышленіями этими однимъ изъ первыхъ было то, что перѣдко работа, составленная изъ многихъ частей и руками разныхъ мастеровъ, не имѣетъ такого совершенства, какъ работа, надъ которою трудился одинъ. Такъ, мы видимъ, что зданія, задуманныя и исполненыя однимъ архитекторомъ, обыкновенно красивѣе и лучше расположены, чѣмъ такія, которыя многіе старались починить, пользуясь старыми стѣнами, построенными для другихъ цѣлей. Также точно старыя города, разрастающіяся съ теченіемъ времени изъ небольшихъ посадовъ, обыкновенно такъ дурно соразмѣрены, безъ правильной разбивки по мысли инженера, планирующаго на равнинѣ, что кажутся,—хотя въ отдѣльныхъ зданіяхъ и обнаруживаютъ болѣе искусства, чѣмъ города правильной постройки,—скорѣе дѣломъ случая, чѣмъ разумной воли людей, такъ ихъ расположившихъ: тутъ большой домъ, рядомъ маленькій, улицы кривыя и неровныя. А если сообразимъ, что тутъ всегда были должностныя лица, заботившіяся, чтобы частныя постройки служили къ украшенію города, то станетъ яснымъ, какъ не легко, имѣя дѣло съ чужимъ трудомъ, произвести что-либо хорошо законченное. Подобнымъ образомъ представлялъ я себѣ, что народы, бывшіе прежде въ полудикомъ состояніи и которые постепенно дивилизовались и со-

¹⁾ Коронація императора Фердинанда II происходила во Франкфуртѣ 30-го августа ст. стили 1619 года.

ставляли законы, по мѣрѣ того, какъ были принуждаемы къ тому неудобствомъ свершаемыхъ преступлений и возникшихъ жалобъ, не могутъ представлять такого благоустройства, какъ тѣ, кои, съ самой минуты, какъ собрались, соблюдаютъ установленія какого-нибудь мудраго законодателя. Также очевидно, что область истинной религии, постановленія коей даны единымъ Богомъ, должна быть безъ сравненія лучше устроена, чѣмъ какія либо другія. А чтобы говорить о людскихъ дѣлахъ, полагаю, что Спарта была нѣкогда въ столь цвѣтущемъ состояніи не отъ того, что законы ея, каждый въ отдѣльности, были особенно хороши,—нѣкоторые были очень странны и даже противны добрымъ нравамъ,—но потому что, будучи всѣ составлены однимъ человѣкомъ, направлялись къ одной цѣли. Подобнымъ образомъ думалъ я, что и науки, заключающіяся въ книгахъ, по крайней мѣрѣ тѣ, коихъ доводы не болѣе какъ вѣроятны и не представляютъ доказательствъ,—сложившись и разросшись мало по малу изъ мнѣній многихъ разныхъ лицъ, не такъ близки къ истинѣ, какъ простыя разсужденія, какія естественно можетъ сдѣлать здравомыслящій человѣкъ относительно представляющихся ему предметовъ.

Къ тому же, думалъ я: такъ какъ мы всѣ были дѣтьми, прежде чѣмъ сдѣлаться мужчинами, и долгое время управлялись нашими склонностями и нашими наставниками, часто противорѣчившими одни другимъ и не всегда, быть можетъ, и тѣмъ, и другіе, совѣтовавшими намъ лучшее, то почти не возможно, чтобы сужденія наши были такъ чисты и прочны, какъ были бы, если бы мы находились въ полномъ обладаніи разумомъ съ самой минуты рожденія и руководствовались бы всегда только имъ.

Правда, мы не видимъ, чтобы разрушали всѣ дома въ городѣ съ единственною цѣлью передѣлать ихъ иначе и сдѣлать улицы красивѣе; но видимъ, что многіе ломаютъ собственные дома, чтобы ихъ перестроить, да иногда и вынуждены это сдѣлать, если дома грозятъ паденіемъ, и фундаментъ ихъ не проченъ. По этому примѣру я заключилъ, что если не приличествуетъ частному человѣку замышлять передѣлать государство, переменная его основанія и разрушая, чтобы

вновь возвыгнуть, или затѣвать передѣлать весь корпусъ наукъ и порядокъ, установленный въ школахъ для преподаванія, то съ другой стороны, относительно мнѣній, мною до того времени приобретенныхъ, я ничего лучшаго не могъ предпринять, какъ удалить ихъ, однажды, всё изъ моего убѣжденія, съ цѣлью замѣнить ихъ потомъ лучшими или тѣми же, если окажутся на уровнѣ разума. И я твердо былъ увѣренъ, что этимъ способомъ мнѣ удастся повести жизнь много лучше, какъ если бы я строилъ только на старыхъ основаніяхъ и опирался только на начала, въ какихъ далъ себя убѣдить съ юности, не разбирая никогда, истинны ли они. Ибо если и предстояли трудности, то онѣ не были неустранимы, и ихъ нельзя было сравнивать съ тѣми, которыя обнаруживаются при преобразованіи малѣйшихъ вещей, касающихся государственнаго устройства. Великія государственныя знанія слишкомъ не легко поднять, если они повержены, трудно даже удержать отъ паденія, если поколеблены, и паденіе ихъ сокрушительное. Далѣе, что касается ихъ несовершенствъ, когда таковыя бывають, — а что бывають во многихъ, о томъ не трудно заключить изъ ихъ разнообразія,—то практика, безъ сомнѣнія, сильно умягчила ихъ и позволила нечувствительно устранивъ и исправить многое, чего заранѣе разчитать не могло бы никакое благоразуміе. Къ тому же, почти всегда несовершенства ихъ легче переносятся ¹⁾, чѣмъ пережвы. Такъ, большія дороги, извивающіяся между горъ, мало по малу становятся столь наѣзженными и удобными, отъ частаго посѣщенія, что много лучше слѣдовать по нимъ, чѣмъ предпринимать болѣе прямой путь, карабкаясь по скаламъ и спускаясь въ пропасти.

Потому никоимъ образомъ не одобряю я безпокойнаго и волнующагося права тѣхъ, кои, ни по рожденію, ни по богатству не будучи призваны къ веденію общественныхъ дѣлъ, имѣють всегда въ мысли какое-либо преобразование: и еслибъ я могъ подумать, что въ этомъ сочиненіи есть хотя чтонибудь, по чему могла бы подозрѣвать во

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ прибавлено: *ab assuetis populis* — привышшими къ нимъ народами.

мнѣ такую глупость, я очень огорчился бы, что его выдалъ. Намѣреніе мое никакъ не шло далѣе преобразованія моихъ собственныхъ мыслей и постройки на основанія, всецѣло мнѣ принадлежащемъ. Изъ того, что трудъ мой на столько понравился мнѣ, что я рѣшился показать здѣсь его обрашки, не слѣдуетъ, чтобъ я хотѣлъ посоветовать кому-либо ему подражать. Тѣ, кого Богъ болѣе, чѣмъ меня, наградила своими милостями, будутъ, можетъ быть имѣть болѣе возвышенныя намѣренія; но боюсь, не было бы и мое слишкомъ смѣлымъ для многихъ. Уже рѣшеніе отдѣлаться отъ всѣхъ принятыхъ мнѣній не есть примѣръ, которому всякій долженъ слѣдовать. Міръ составленъ почти изъ двухъ только сортовъ умовъ, коимъ обоимъ мое намѣреніе не приличествуетъ, а именно: изъ тѣхъ, кои, мня себя искуснѣе, чѣмъ каковы на самомъ дѣлѣ, не могутъ удержаться отъ послѣднихъ сужденій и не имѣютъ довольно терпѣнія, чтобы по порядку вести свои мысли, отчего происходитъ, что, разъ взявъ волю сомнѣваться въ принятыхъ принципахъ и уклоняться отъ общей дороги, никогда не пойдутъ по тропѣ, какую надлежитъ взять, чтобы идти прямо, и станутъ блуждать всю жизнь; во вторыхъ, изъ тѣхъ, кои,—имѣя довольно ума и скромности, дабы видѣть, что они менѣе способны различать истинное отъ ложнаго, чѣмъ другіе, могущіе быть ихъ учителями,—должны довольствоваться тѣмъ, чтобы слѣдовать мнѣніямъ этихъ другихъ, не отыскивая сами лучшихъ.

Что до меня, я былъ бы, конечно, въ числѣ сихъ послѣднихъ, еслибъ имѣлъ всегда одного учителя или не зналъ, различія во всѣ времена бывшаго между мнѣніями наученнѣйшихъ людей. Но на школьной еще лавкѣ я узналъ, что нельзя придумать ничего такого страннаго и невѣроятнаго, что не было бы высказано какимъ-либо философомъ, а потомъ въ путешествіяхъ убѣдился, что тѣ, чьѣ понятія весьма несогласны съ нашими, не суть еще чрезъ это варвары или дикіе, но что многіе столь же и даже болѣе разумны, чѣмъ мы. Тотъ же человекъ, съ тѣмъ же умомъ, воспитанный съ юности между французами или англичанами, становится отличнымъ отъ того, чѣмъ бы онъ былъ, живя всегда между китайцами или каннибалами.

Даже относительно моды платья, та же вещь, которая правилась десятки лѣтъ тому назадъ и, можетъ быть, опять лѣтъ черезъ десятокъ будетъ правиться, теперь кажется смѣшною. Очевидно, что насъ болѣе убѣждаетъ обычай и прижѣръ, чѣмъ точное знаніе, а потому, для мало-мальски трудныхъ истинъ, большинство голосовъ есть самое ничтожное доказательство, ибо гораздо вѣроятнѣе, чтобы нашелъ истину одинъ человѣкъ, чѣмъ цѣлый народъ. По симъ соображеніямъ, я не могъ никого выбрать, чьи мнѣнія должны были бы предпочесть мнѣніямъ другихъ, и былъ, такимъ образомъ, какъ бы вынужденъ предпринять самъ быть своимъ руководителемъ.

Но какъ человѣкъ, идущій въ темнотѣ, и рѣшившій идти такъ медленно и съ такою осторожностію, что если и мало буду подвигаться впередъ, по крайней мѣрѣ не упаду. Я даже не хотѣлъ цѣликомъ отбрасывать всѣ мнѣнія, какія прокрались въ мое убѣжденіе, не будучи введены разумомъ, прежде чѣмъ не употреблю достаточно времени, чтобы составить проектъ труда, который предпринялъ, и изыскать истинную методу для достиженія познанія всего, къ чему способенъ мой умъ ¹⁾.

Я изучалъ немного,—будучи моложе,—между частями философіи логику, а между частями математики анализъ геометровъ и алгебру, три искусства или науки, которыя, казались мнѣ, должны соответствовать моему намѣренію. Но ознакомившись съ ними, я замѣтилъ, что въ логикѣ ея силлогизмы и большинство другихъ ея предписаній служатъ болѣе къ тому, чтобы изъяснять другому то что намъ извѣстно, или даже, какъ искусство Лудлія, чтобы говорить безъ собственнаго разсужденія²⁾ о томъ чего не знаешь, а не къ тому, чтобы что-либо

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ мѣсто это нѣсколько измѣнено и пояснено. «Sed ut veterem domum inhabitantes non eam ante diruunt, quam novae in ejus locum extruendae exemplar fuerint praemeditati, sic prius qua ratione certi aliquid possim invenire cogitavi; et satis multum temporis impendi in quaerenda vera methodo etc.» (И подобно тому, какъ живущіе въ старомъ домѣ приступаютъ къ его разрушенію не прежде, какъ составивъ планъ зданія, которое должно его замѣнить, и прежде всего сталъ обдумывать, какъ могу я найти что-либо вполне вѣрное; и долго искалъ истинную методу).

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ прибавлено: et soriose (и многоглаголюно).

изучать. Правда, логика содержит не мало правилъ очень вѣрныхъ и очень хорошихъ, но къ нимъ примѣшано столько вредныхъ и излишнихъ, что раздѣлить ихъ столь же почти трудно, какъ вызвать Діану или Минерву изъ не обдѣланнаго еще куска мрамора. Что касается анализа древнихъ и алгебры новыхъ, то кромѣ того, что они касаются вещей очень отвлеченныхъ и не имѣющихъ, по видимому, никакого примѣненія, первый такъ ограниченъ разсмотрѣніемъ фигуръ, что не можетъ упражнять умъ, не утомляя сильно воображенія, а вторая такъ загромождена разными правилами и знаками, что образуетъ собою темное и запутанное искусство, затрудняющее умъ, а не науку, умъ развивающую. По этой причинѣ я долженъ былъ искать иного метода, который, вмѣщая въ себѣ достоинства упомянутыхъ трехъ, былъ бы свободенъ отъ ихъ недостатковъ. А такъ какъ обиліе законовъ доставляетъ нерѣдко поводъ къ оправданію пороковъ, и государство лучше управляется, если ихъ не большое число, но они строго соблюдаются, то и я, вмѣсто того большого числа правилъ, изъ какихъ слагается логика, думалъ: довольно мнѣ четырехъ слѣдующихъ, только бы я рѣшился твердо и постоянно соблюдать ихъ безъ отступленія.

Первое: принимать за истинное лишь то, что съ очевидностію познается мною таковымъ, то-есть, избѣгать послѣдствій и предубѣжденія и принимать къ сужденію лишь то, что представляется такъ ясно и раздѣльно моему уму, что никакимъ образомъ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

Вторыхъ: дробить каждую изъ трудностей, какія буду разбирать, на столько частей, сколько только можно, дабы ихъ лучше разрѣшить.

Третьихъ: всякія мысли по порядку начинать съ предметовъ простѣйшихъ и легчайшихъ и восходить мало по малу, какъ по ступенямъ, до познанія болѣе сложныхъ, допуская, что есть порядоеть даже между такими, которые естественно не предшествуютъ одни другимъ.

Впослѣднихъ, дѣлать всюду перечни столь полные и обзоры столь общіе ¹⁾, чтобы быть увѣренными, что ничего не опущено.

Тѣ длинныя цѣпи выводовъ, каждый отдѣльно простыхъ и легкихъ, какими геометры имѣютъ обыкновеніе пользоваться, чтобы доходить до труднѣйшихъ доказательствъ, дали мнѣ поводъ сообразить, что и всѣ вещи, кои могутъ подпасть подъ человѣческое разумѣніе, стоятъ между собою въ подобной же послѣдовательности, и что можно, — если только остерегаться не принять бы какую изъ нихъ за истинную, тогда какъ она не такова, и постоянно соблюдать порядокъ, въ какомъ надо выводить ихъ однѣ изъ другихъ, — достигъ самыхъ отдаленныхъ и открыть наиболѣе сокровенныя. Отыскать тѣ вещи, съ коихъ слѣдовало начать, мнѣ не представило большаго труда, ибо я зналъ уже, что слѣдовало начинать съ простѣйшихъ и доступнѣйшихъ познанію. А принявъ въ соображеніе, что между всѣми искавшими до нынѣ истину въ наукахъ только математикамъ удалось найти нѣкоторыя доказательства, то-есть, нѣкоторыя точныя и очевидныя соображенія, я не сомнѣвался, что и мнѣ надлежало начать съ того что разбирали они ²⁾, хотя и не надѣялся чрезъ то достигъ иной пользы, кромѣ приученія ума питаться истиной и не довольствоваться фальшивыми доводами. Но я не возмѣлъ намѣренія изучать для того всѣ отдѣльныя науки, составляющія то что принято называть математикою. Види, что всѣ онѣ, — хотя предметы ихъ различны, — согласуются между собою въ томъ, что разсматриваютъ не иное что, какъ разныя отношенія и пропорціи, въ нихъ встрѣчающіяся, думалъ, что наилучше будетъ, если я стану разсматривать только эти отношенія вообще, предполагая ихъ, правда, не иначе какъ въ предметахъ, кои облегчили бы мнѣ ихъ познаніе, но и не стѣсняя ихъ сими предме-

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ прибавлено: *tum in quaerendis mediis, tum in difficultatum partibus percurrentis* (какъ въ отысканіи средоточій, такъ и въ обзорѣ трудностей во всѣхъ ихъ частяхъ).

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ мѣсто это дополнено и выражено такъ: *satis intelligebam illos circa rem omnium facillimam fuisse versatos, mihi quidem circo et illam eandem primam esse examinandam* (я хорошо понималъ, что они вслѣдовали легчайшія вещи, и это было для меня побужденіемъ съ такихъ вещей и начать).

тами, дабы имѣть возможность тѣмъ лучше приложить потомъ ихъ къ другимъ, подходящимъ подъ нихъ предметамъ. Затѣмъ, принявъ во вниманіе, что для лучшаго познанія ихъ мнѣ потребуется иногда разсматривать пропорціи эти каждую отдѣльно, а иногда только удержатъ ихъ въ памяти или обнять многія разомъ, я полагаю, что для лучшаго разсмотрѣнія въ частностяхъ долженъ предполагать ихъ въ видѣ линий, такъ какъ не находилъ ничего болѣе простаго и такого, что могъ бы болѣе отчетливо представить моему воображенію и моимъ чувствамъ. А чтобъ удержатъ ихъ и обнять многія разомъ, требовалось, чтобы я изъяснилъ ихъ нѣсколькими знаками возможно кратко. Черезъ это я занимствовалъ лучшее и изъ геометрическаго анализа и изъ алгебры и поправлялъ недостатки одного помощью другой.

И дѣйствительно, смѣю сказать, что точное соблюденіе немногихъ принятыхъ мною правилъ доставило мнѣ такую легкость въ разборѣ вопросовъ, коими занимаются эти двѣ науки, что въ два или три мѣсяца, употребленные мною на ихъ изслѣдованіе, начиная съ простѣйшихъ и наиболѣе общихъ и пользуясь каждою находимою истиною, чтобъ отыскивать новыя, я не только разрѣшилъ многіе вопросы, казавшіеся мнѣ прежде очень трудными, но пришелъ къ тому, что въ концѣ могъ, какъ мнѣ казалось, опредѣлять, относительно даже незнакомыхъ мнѣ задачъ, какими средствами и на сколько могутъ быть онѣ разрѣшены. И при этомъ не покажусь, быть можетъ, вамъ очень тщеславнымъ, если примете во вниманіе, во первыхъ, что истина касательно каждой вещи только одна, и кто нашелъ ее знаетъ все что о ней можно знать: такъ, ребенокъ наученный ариметикѣ, сдѣлавъ правильно сложеніе, можетъ быть увѣренъ, что нашелъ касательно разсматриваемой суммы все что умъ человеческій можетъ найти; а вовторыхъ, что метода, обучающая слѣдовать истинному порядку и перечислять въ точности всѣ обстоятельства того что ищется, обладаетъ тѣмъ, что даетъ достовѣрность правиламъ ариметики.

Но особенно доволенъ я былъ въ этой методѣ тѣмъ, что при ней я во всемъ пользовался умомъ моимъ, если не въ совершенствѣ, то по крайней мѣрѣ, какъ могъ лучше. Кромѣ того, я чувствовалъ,

предлагая ее, что умъ мой привыкаетъ мало по малу представлять предметы отчетливо и раздѣльно, и что я могу надѣяться приложить ее къ другимъ наукамъ, кромѣ алгебры, такъ какъ не подчинилъ ей условіямъ какого-либо частнаго круга. Это не значить, чтобъ я тотчасъ дерзнулъ предпринять разборъ всѣхъ наукъ, какія бы представились. Это было бы противно порядку, какой именно предписывается методомъ. Но, принявъ во вниманіе, что начала ихъ должны быть заимствованы изъ философіи, а въ ней я достовѣрныхъ началъ не усматривалъ, я полагалъ, что прежде всего, надлежало установить таковыя. И такъ какъ это дѣло великой важности, въ коемъ надо было опасаться всякой поспѣшности и всякаго предубѣжденія, то я никакъ не долженъ былъ брать на себя довести его до конца, прежде чѣмъ достигну возраста болѣе зрѣлаго, чѣмъ двадцать-три года, какіе имѣлъ тогда, и прежде чѣмъ употреблю много времени на подготовительную работу, искореняя изъ ума моего всѣ недоброкачественныя мнѣнія, до того приобрѣтенныя, собирая запасъ опытовъ, который послужилъ бы матеріаломъ для моихъ размышленій, и упражняясь постоянно въ принятой методѣ, дабы укрѣпляться въ ней болѣе и болѣе.

ПОЯСНЕНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. Знаменательный годъ перваго пробужденія гевія Декарта.—II. Математическія открытія Декарта.—III. Отношеніе Декарта къ трудамъ предшественниковъ.—IV. Сочиненіе Декарта: *Правила о направленіи разума*.—V. Разборъ *Правилъ* сравнительно съ *Разсужденіемъ о методѣ*.—VI. Общая характеристика метода Декарта.

I.

Эпоха, о которой говоритъ Декартъ въ первыхъ строкахъ второй книги Разсужденія, начиная ее словами: „я жилъ тогда въ Германіи“, есть 1619 годъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ жизни философа, важный въ исторіи его внутренняго развитія. Декарту было тогда двадцать-три года. Отъ этой эпохи сохранился любопытный документъ, розысканный графомъ Фуше де Карейлемъ (Foucher de Careil) въ королевской библиотекѣ въ Ганноверѣ, среди бумагъ Лейб-

ница и напечатанный въ 1859 году въ книгѣ озаглавленной: *Oeuvres inédites de Descartes, précédées d'une introduction sur la méthode par m. le c-te Foucher de Careil*. Документъ этотъ: Мысли Декарта (*Cartesii cogitationes privatae*, какъ озаглавилъ Лейбницъ), набросанныя по латыни ¹⁾ молодымъ Декартомъ въ 1619 и отчасти 1620 годахъ и представляющія собою замѣтки философскаго и математическаго содержанія, а также планы нѣкоторыхъ геометрическихъ и физическихъ инструментовъ.

Приведемъ нѣсколько набросковъ Декарта. Они интересны для изображенія внутренняго міра его въ эпоху, когда въ немъ зародились мысли, получившія потомъ широкое развитіе въ его сочиненіяхъ.

Январь 1619.

„Подобно актеру, надѣвающему маску, чтобы не видѣли краски на его лбу, я, выходя на сцену міра, гдѣ былъ доселѣ только зрителемъ, появляюсь замаскированнымъ.

„Въ юности, при видѣ остроумныхъ изобрѣтеній, я началъ пытаться, не могу ли изобрѣтать и самъ безъ руководителя. При этомъ замѣтилъ, что дѣйствую по нѣкоторымъ опредѣленнымъ правиламъ ²⁾.

„Наука какъ женщина: у ней есть свой стыдъ. Пока она при мужѣ, ее уважаютъ; становится публичною—презирается.

„Въ большинствѣ случаевъ стоитъ прочесть нѣсколько строкъ, проглядѣть нѣсколько чертежей, чтобы узнать всю книгу; остальное лишь для наполненія бумаги.

„Сокровище математики Полибія Космополита. Въ немъ указываются истинныя средства разрѣшать всѣ трудности сей науки и доказывается, что умъ человѣческой не можетъ идти далѣе въ разрѣшеніи ея задачъ. Оно назначено, дабы будить лѣность однихъ и посрамить дерзость другихъ, общающихся новыя чудеса во всѣхъ наукахъ, а также дабы уменьшить утомленіе и трудъ запутавшихся въ гордіевыхъ узлахъ математики и безъ пользы по-

¹⁾ Въ изданіи Фуше де Карейя они приведены и по латыни, и во французскомъ переводѣ.

²⁾ «*Juvenis, oblati ingeniosis inventis, quærebam ipse per me posse inveni etiam non lecto autorie: unde paulatim animadverti me certis regulis uti.*»

требляющихъ силы своего ума. Сочиненіе вторично предлагается ученымъ всего міра и въ особенности знаменитымъ братьямъ Розоваго креста въ Германіи ¹⁾.

„Подобно тому какъ воображеніе пользуется фигурами, чтобы представлять себѣ тѣла, умъ пользуется нѣкоторыми чувственными предметами, какъ вѣтеръ, свѣтъ, чтобы изображать духовныя вещи. Болѣе глубокая философія можетъ поднять умъ, помощію познанія, на чрезвычайныя высоты. Можетъ показаться страннымъ, что великія мысли чаще встрѣчаются въ сочиненіяхъ поэтовъ, чѣмъ въ сочиненіяхъ философовъ. Это потому, что поэты пишутъ подъ дѣйствіемъ энтузіазма и силы воображенія. Въ нихъ находятся зародыши науки, какъ зародыши огня въ кремнѣ. Философъ извлекаетъ ихъ помощію разсужденія; вызываемые воображеніемъ поэтовъ, они искрятся и блещутъ сильнѣе ²⁾.

„Богъ свершилъ три чуда: міръ изъ ничего, свободную волю человѣка и Бого-Человѣка.

„Человѣкъ познаетъ естественныя предметы помощію аналогіи ихъ съ чувственными предметами. Лучшій и глубочайшій философъ— тотъ, кто умѣетъ наиболѣе счастливо уподоблять искомыя вещи чувствами познаннымъ предметамъ ³⁾.

¹⁾ *Polybii Cosmopolitani Thesaurus mathematicus*, in quo traduntur vera media ad omnes hujus scientiae difficultates resolvendas, demonstraturque circa illas ab humano ingenio nihil ultra posse praestari, ad quorundam qui nova miracula in scientibus omnibus exhibere pollicentur vel cunctationem provocandam et temeritatem explodendam, tum ad multorum cruciabiles labores sublevandas qui (F. Ros. Cruc.) in quibusdam hujus scientiae nodis Gordiis noctes diesque irretiti, oleum ingenii inutiliter absumunt; totius orbis eruditus et specialiter celeberrimis in. G. (Germania) F. R. C. denuo oblatus».

²⁾ Ut imaginatio utitur figuris ad corpora concipienda, ita intellectus ititur quibusdam corporibus sensibilibus ad spiritalia figuranda, ut vento, lumine: unde altius philosophantis mentem cognitione possumus in sublime tollere. Mirum videri possit quare graves sententiae in scriptis poetarum magis quam philosophorum. Ratio est quod poetae per entusiasmum et vim imaginationis scripserunt: sunt in nobis semina scientiae, ut in silice, quae per rationem a philosophis educantur, per imaginationem a poetis excutiuntur magisque elucunt».

³⁾ Cognitio hominis de rebus naturalibus tantum per similitudinem eorum quae sub sensu cadunt; et quidem cum veris philosophatum arbitramur qui res quaevis felicitius assimilare poterit sensu cognitis». Замѣчательная мысль. Аналогія

„Абсолютное совершенство некоторых дѣйствій животныхъ заставляетъ подозрѣвать, что они не имѣютъ свободной воли“¹⁾.

Между набросанными мыслями въ рукописи встрѣчаются слова: „Anno 1620 intelligere coepi fundamentum inventi mirabilis“ (въ 1620 году я началъ понимать основанія чудеснаго изобрѣтенія), и далѣе, слова: „Somnium 1619 nov. in quo carmen 7 cujus initium: quod vitae sectabar iter? Auson“ (въ ноябрѣ 1619 г. видѣлъ сонъ; во снѣ читалъ стихотвореніе Авзонія, начинающееся словами: какиимъ путемъ жизни пойду?). А на поляхъ сдѣлана отмѣтка: „Olympica, 10 nov. coepi intelligere fundamentum inventi mirabilis“ (Олимпика, 10-го ноября началъ понимать основанія чудеснаго изобрѣтенія).

О какомъ снѣ идетъ тутъ рѣчь? Какое чудесное изобрѣтеніе подразумѣвается? Что обозначаетъ слово *Olympica*? Вотъ загадочные вопросы, возбуждаемые приведенными словами.

Относительно сна и значенія слова *Olympica* разъясненіе находимъ у Балье. Наименованіемъ *Olympica* озаглавлена была небольшая рукопись Декарта, утраченная вмѣстѣ съ некоторыми другими его бумагами, но которая была предъ глазами Балье. Въ Олимпикахъ, по свидѣтельству Балье, Декартъ описалъ сонъ или точнѣе три сна, которые видѣлъ въ ноябрѣ 1619 года, и о которыхъ упоминаетъ въ Мысляхъ.

Балье сообщаетъ содержаніе этихъ сновъ²⁾.

10-го ноября 1619 года Декартъ заснулъ, „исполненный энтузіазма и поглощенный мыслию, что въ тотъ день нашелъ основанія некоторой удивительной науки“. Ему представились видѣнія (*quelques fantômes*), повергнушія его въ ужасъ. Укрываясь отъ нихъ, онъ видитъ себя идущимъ по улицамъ, чувствуетъ сильную боль въ правомъ боку и не безъ труда подвигается впередъ, склоняясь на лѣвую сторону. Старается выпрямиться, но чувствуетъ сильный вѣтеръ,

дѣйствительно есть главный приемъ открытія. Ничто такъ не освѣщаетъ путь изобрѣтателя, какъ счастливо усмотрѣнная аналогія, то-есть, подведеніе новаго и неизвѣстнаго подъ извѣстное. Въ этомъ главнымъ образомъ состоитъ остроуміе изобрѣтателей.

1) «Ex animalium quibusdam actionibus valde perfectis suspicamur ea liberum arbitrium non habere». Въ этой мысли первый зародышъ ученія Декарта объ автоматизмѣ животныхъ.

2) Baillet, I, 81.

объявѣвшій его своимъ вихремъ и заставившій обернуться нѣсколько разъ на лѣвой ногѣ. На пути видитъ открытый дворъ какой-то коллегіи и церковь на дворѣ. Направляется къ церкви, но на пути встрѣчаетъ знакомое лицо, прошедшее мимо не поклонившись. Декартъ хочетъ вернуться, чтобы поздороваться со встрѣтившимся, но сильный вѣтеръ влечетъ его по направленію къ церкви. Встрѣчается другое лицо, зовущее его по имени и сообщающее, что его ждетъ N., имѣющій нѣчто передать ему. Декартъ почему-то догадывается, что это дѣня, привезенная изъ какой-нибудь иностранной земли. Приходятъ еще другія лица. Декартъ дивится, что всѣ они стоятъ твердо на ногахъ, тогда какъ онъ едва держится на своихъ. Въ эту минуту онъ проснулся и почувствовалъ дѣйствительную боль въ боку. Это заставило его подумать, не былъ ли онъ подъ дѣйствіемъ какого-либо злаго духа. Повернулся на другой бокъ, произнесъ мысленно молитву и часа черезъ два заснулъ.

Во снѣ слышитъ сильный трескъ, какъ бы ударъ грома. Просыпается испуганный и видитъ въ комнатѣ какъ бы искры. Нѣсколько разъ закрываетъ и открываетъ глаза, слѣдя за явленіемъ ¹⁾. Страхъ прошелъ, и онъ засыпаетъ спокойно.

Видитъ третій сонъ. Предъ нимъ на столѣ книга. Отырываетъ и видитъ, что это лексиконъ. Думаетъ, что лексиконъ этотъ будетъ ему полезенъ, но встрѣчаетъ подъ рукою другую книгу, — сборникъ стихотвореній: *Corpus poetarum*.

Открывъ, встрѣчаетъ стихъ: *quod vitae sectabor iter?*

Въ то же время видитъ какого-то незнакомца, который показываетъ ему другое стихотвореніе, начинающееся словами: „*est et pop*“, и очень его хвалить. Декартъ говоритъ, что ему извѣстно это стихотвореніе, и что оно находится, въ числѣ идиллій Авзонія, въ лежащемъ на столѣ сборникѣ. Незнакомецъ спрашиваетъ: откуда Декартъ взялъ этотъ сборникъ. Декартъ отвѣчается невѣдѣніемъ и прибавляетъ, что сейчасъ видѣлъ на столѣ и другую книгу, куда-то исчезнувшую. Пока онъ говорилъ, лексиконъ оказался на другомъ концѣ

¹⁾ Валье дѣлаетъ при этомъ странное замѣчаніе, недо полагать, принадлежавшее ему самому, а не заимствованное изъ Олимпикъ: „Это часто случалось съ Декартомъ, и не разъ бывало, что при пробужденіи среди ночи глаза его искрились такъ, что онъ могъ видѣть (?) ближайшіе предметы“ (*il ne lui etait pas extraordinaire, en se reveillant au milieu de la nuit, d'avoir les yeux assez étincellants pour lui faire entrevoir les objets les plus proches de lui*).

стола, но уже не полный. Въ сборникѣ Декартъ не находилъ стихотворенія, начинающагося словами: *est et pop*, и замѣтилъ незнакомцу, что есть другое стихотвореніе того же автора, еще лучшее, начинающееся словами: *quod vitae sectabor iter?* Хотѣлъ показать, но и книга и незнакомецъ исчезли изъ воображенія, хотя Декартъ еще не проснулся. „Замѣчательно“, прибавляетъ Балье,—„что Декартъ во снѣ сталъ сомнѣваться, былъ ли это сонъ, или было видѣніе. Продолжая находиться во снѣ, онъ истолковалъ себѣ видѣніе. Рѣшилъ, что лексиконъ обозначаетъ всѣ науки въ ихъ совокупности, а сборникъ стихотвореній, озаглавленный *Cogrus poetarum*, знаменуетъ болѣе особымъ образомъ философію и мудрость“. Далѣе Балье приводитъ ту мысль о поэтахъ, тающихъ въ себѣ истину, какъ камень таитъ искры,—которую мы привели выше между отрывками, заимствованными изъ изданія Фуше де Карейля.

Балье повѣствуетъ далѣе, что и проснувшійся Декартъ продолжалъ истолкованіе своихъ сновъ: что первый сонъ онъ принялъ какъ бы за предостереженіе; дню объяснялъ какъ знаменіе пріятностей уединенія; вѣтеръ, толкавшій по направленію къ перкви, какъ дѣйствіе злаго духа, влекшаго его силою къ мѣсту, куда онъ намѣренъ былъ идти добровольно; въ молніи, трескъ коей слышалъ, усматривалъ „знаменіе Духа истины, на него сошедшаго и имъ объяснаго“.

„Этотъ послѣдній вымыселъ воображенія“ (*cette dernière imagination*), прибавляетъ Балье,—„имѣлъ свой источникъ, безъ сомнѣнія, въ возбужденіи энтузіазма. Можно бы подумать, что Декартъ выпилъ лишнее ложась спать. Въ самомъ дѣлѣ, это было на канунѣ Мартынова дня, когда,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Декартъ, какъ и во Франціи,—въ обычаѣ предаваться кутежу. Но Декартъ завѣряетъ, что провелъ вечеръ и весь день въ полной воздержности; да и въ продолженіе дѣлныхъ трехъ мѣсяцевъ онъ не пилъ вина. Декартъ прибавляетъ, что геній, возбуждившій въ немъ энтузіазмъ, разгорячившій въ предшествовавшіе дни его мозгъ, предсказалъ ему эти сны (?), прежде чѣмъ онъ легъ въ постель, и что умъ человѣческій не имѣлъ тутъ никакого участія“ (*Il ajoute que le Génie qui excitait en lui l'enthousiasme, dont il se sentait le cerveau échauffé depuis quelques jours, lui avait prédit ces songes avant que de se mettre au lit et que l'esprit humain n'y avait aucune part*).

Трудно разобратъ въ пересказѣ Балье и уяснить что въ изложенномъ принадлежитъ самому Декарту и что внесено біографомъ. Можно даже подозрѣвать, не имѣло ли изложеніе Декарта нѣкото-

рый аллегорическій характеръ. Дублинскій профессоръ Мехеффи ¹⁾ (Mahaffy) подозрѣваетъ, что Балье кое-что выпустилъ, именно то, что могло выставить Декарта противникомъ теологіи и защитникомъ правъ естественнаго разума. Гевій, гнавшій къ церкви, куда Декартъ „намѣренъ былъ идти добровольно“, долженъ обозначать, по словамъ Мехеффи, „опасность, какой подвергался въ своей юности Декартъ сдѣлаться теологомъ“ (danger he ran in his youth of becoming a theologian). Во всякомъ случаѣ сонъ дѣйствительно былъ, такъ какъ о немъ есть свидѣтельство въ Мысляхъ, выше приведенное.

Балье прибавляетъ, что успокоившійся Декартъ далъ обѣщаніе отправиться пѣшкомъ на поклоненіе Лоретской Богоматери. О такомъ намѣреніи находимъ упоминаніе и въ Мысляхъ, но тамъ оно помѣчено сентябремъ 1620 года. Декартъ пишетъ:

„Предъ концомъ ноября изъ Венеціи пѣшкомъ достигну Лоретты, если окажется удобнымъ и таковъ обычай. Если же нѣтъ, то во всякомъ случаѣ свершу путь со всѣмъ благочестіемъ, какъ принято.

„До Пасхи вполне окончу мой трактатъ, и если не будетъ недостатка въ книгахъ и найду его достойнымъ, то издамъ, какъ далъ обѣщаніе сегодня 23-го сентября 1620 года“.

Можно думать, что два приведенные абзаца, поставленные въ изданіи Фуше де Карейля рядомъ, какъ относящіеся къ одному времени, а во французскомъ переводѣ даже совсѣмъ слитые, принадлежатъ къ разному времени и соединены въ одно по ошибкѣ. Дѣйствительно, вѣроятнѣе, что мысль идти на поклоненіе въ Лоретту возникла у Декарта въ дни описаннаго сна, чѣмъ черезъ годъ, въ сентябрѣ 1620 года, когда онъ далъ обѣщаніе издать свой трактатъ.

Что Мысли внесены въ рукописи Лейбница и попали затѣмъ въ изданіе Фуше де Карейля отчасти въ переиъшанномъ порядкѣ, и нѣкоторыя не относятся къ тому времени, какимъ помѣчены, можно подозрѣвать по включенію въ ихъ рядъ и къ началу 1619 года Проекта математическаго сокровища Полибія Космополита. Въ проектѣ упоминается о розенкрейцерахъ и онъ наименованъ вторымъ изданіемъ. Въ біографіи Балье находимъ, что Декартъ зимою 1620 года услышалъ въ разговорѣ о существованіи въ Германіи тайнаго общества ученыхъ людей, извѣстныхъ подѣ

¹⁾ *Descartes* by Mahaffy; 1884, 2 ed. въ прекрасномъ собраніи: *Philosophical Classics for English Readers*, by W. Knight.

именемъ братьевъ Розоваго Креста (Frères de la Rose-Croix). Декартъ—прибавляетъ біографъ—весьма интересовался обществомъ, но нигдѣ не могъ напасть на его слѣдъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ трудно объяснить посвященіе проекта розенкрейцерамъ. По общему тону заглавіе Сокровища подходитъ къ тѣмъ заглавіямъ, какія Декартъ придумывалъ для своихъ трактатовъ въ болѣе позднее время.

II.

Что подразумѣвалъ Декартъ, отвѣтивъ подъ 10-мъ ноября 1619 г.: „началъ понимать основаніе чудеснаго изобрѣтенія?“

Есть полное основаніе полагать, что изобрѣтеніе это относится къ области математическихъ занятій Декарта. Въ эту эпоху умъ его былъ по преимуществу поглощенъ математическими изысканіями. Изобрѣтеніе, о которомъ идетъ рѣчь, есть очевидно расширеніе алгебры, попытка создать универсальную математику, о которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говоритъ Декартъ.

Декартъ распространилъ употребленіе алгебраическихъ обозначеній на пространственныя отношенія и создалъ аналитическую геометрію. Аналитическая механика, математическая физика ведутъ свое начало отъ великой идеи, озарившей голову двадцатитрехлѣтняго философа, — выражать алгебраическими уравненіями взаимную связь нѣсколькихъ переменныхъ величинъ. Декартъ вполне оцѣнилъ громадное значеніе этой идеи и въ Геометріи своей ¹⁾, говоритъ о выраженіи свойствъ кривыхъ линій помощію уравненій, замѣчаетъ: „Смѣю сказать, что задача эта не только полезнѣйшая и самая общая изъ всѣхъ, какія знаю въ геометріи, но такая далѣе, которой никогда даже желанія мои не простирались (et j'ose dire que c'est ceci le problème le plus utile et le plus général non seulement que je sache, mais même que j'ai jamais désiré de savoir en géométrie). „То, что даю во второй книгѣ относительно природы и свойствъ кривыхъ и способовъ ихъ изслѣдованія“, говоритъ Декартъ въ письмѣ къ отцу Мерсенну въ апрѣлѣ 1637 года, — „стоитъ на столько выше обыкновенной геометріи, какъ реторика Цицерона надъ дѣтскою азбукою“.

Приложенія способа не ограничиваются областію геометріи. Алгебраическими формулами выражаются физическія явленія и законы, на сколько входящіе въ нихъ факторы подлежатъ измѣренію. Декартъ не разъ высказывался, что его способъ изчерпываетъ под-

¹⁾ *Oeuvres*, V, 358.

лежащіе приложенію его вопросы до крайнихъ предѣловъ, доступныхъ человѣческому уразумѣнію. И великій математикъ имѣлъ нѣкоторое право на такое заявленіе. Всѣ свойства данной кривой заключаются въ ея уравненіи; надо только умѣть ихъ вывести. Всѣ свойства явленій механическаго характера скрыты въ формулахъ и уравненіяхъ механики, и каждый успѣхъ математическаго анализа служить къ ихъ разъясненію. Правда, Араго замѣтилъ, по отношенію къ отвлеченнымъ математическимъ изысканіямъ по теоріи свѣта знаменитаго математика Коши, что всѣ явленія свѣта заключаются въ его общихъ математическихъ формулахъ, но открыть ихъ тамъ не менѣе трудно, чѣмъ въ самой природѣ. Тѣмъ не менѣе мысль о могуществѣ математическаго анализа сохраняетъ свое значеніе.

Въ Разсужденіи о методѣ Декартъ отчасти указываетъ, какъ дошелъ онъ до того расширенія приложеній алгебры, изъ котораго вытекаетъ аналитическая геометрія. Повторимъ его слова.

„Вида“, говорить онъ, — „что всѣ отдѣльныя науки, составляющія то что принято называть математикою, согласуются между собою въ томъ, что рассматриваютъ не иное что, какъ разныя отношенія и пропорціи, въ нихъ встрѣчающіяся, я думалъ, что наилучше будетъ, если я стану рассматривать только эти отношенія вообще, — предполагая ихъ, правда, не иначе, какъ въ предметахъ, кои облегчали бы мнѣ ихъ уразумѣніе, но и не стѣсняя ихъ этими предметами, дабы имѣть возможность приложить ихъ и къ инымъ, подъ нихъ подходящимъ. Затѣмъ, принимая во вниманіе, что для лучшаго уразумѣнія мнѣ потребуется иногда рассматривать пропорціи эти каждую отдѣльно, а иногда удерживать ихъ въ памяти или обнимать многія разомъ, я полагалъ, что для лучшаго рассмотрѣнія въ частностяхъ я долженъ предполагать ихъ въ видѣ линій, такъ какъ не находилъ ничего болѣе простаго, такого, что могъ бы болѣе отчетливо представить моему воображенію и мнѣ чувствамъ. А чтобы удержать я обнять многія пропорціи разомъ, я означилъ ихъ нѣсколькими знаками, возможно кратко. Черезъ это я заимствовалъ лучшее и изъ геометрическаго анализа, и изъ алгебры и поправлялъ недостатки того и другой“. Декартъ прибавляетъ, что два или три мѣсяца, посвященные разбору математическихъ вопросовъ такимъ приемомъ, привели его къ тому, что онъ могъ относительно даже незнакомыхъ ему задачъ опредѣлять, какими средствами и на сколько могутъ онѣ быть разрѣшаемы.

Въ Правилахъ для направленія ума встрѣчаемъ болѣе

подробныя указанія на ходъ математическихъ идей Декарта. Въ эпоху составленія Правиль „метода“ имѣла для Декарта значеніе преимущественно въ области математическаго познанія. Говоря о ея правилахъ, онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, математику. Распространеніе метода на другія области есть дѣло позднѣйшаго періода.

„О методѣ“ въ началѣ правила IV (озаглавленнаго: метода необходима для исканія истины — *la méthode est nécessaire pour la recherche de la vérité*), Декартъ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Люди“, говоритъ онъ, — „одержимы столь слѣпымъ любопытствомъ, что часто направляютъ умъ на неизвѣстные пути безъ опредѣленной надежды, но только чтобы посмотрѣть, не находится ли тамъ случайно то чего ищутъ. Словно человѣкъ, который былъ бы свидѣлемъ столь безумнымъ желаніемъ найти кладъ, что рисковалъ бы по всѣмъ дорогамъ, ища, не оставилъ-ли такого какой нибудь путешественникъ. Такъ изучаютъ почти всѣ химики, большинство геометровъ и много философовъ. Не отрицаю, что среди заблужденій иногда выходила удача встрѣтить какую-нибудь истину. Но за это не могу почесть ихъ болѣе искусными, а назову ихъ только болѣе счастливыми. Лучше вовсе не искать истины относительно какой-либо вещи, чѣмъ искать безъ метода. Изученіе безъ ворядка и разныя темныя размышленія только мутаютъ естественный свѣтъ и погружаютъ умъ во мракъ, а кто привыкнетъ ходить въ темнотѣ, у того такъ слабеетъ зрѣніе, что онъ не можетъ выносить дневнаго свѣта. Опытъ подтверждаетъ это. Какъ часто видимъ, что люди не учившіеся судятъ обстоятельнѣе и яснѣе о представляющемся, чѣмъ постоянно ходившіе въ школу. Подъ методомъ разумно я опредѣленные и легко исполнимыя правила, строгое соблюденіе которыхъ не дозволяетъ принимать за истину то, что ложно, и даетъ возможность уму, не истощаясь въ бесполезныхъ усиліяхъ, доходить до истиннаго познанія вещей, на сколько только можно его достигнуть...“

„Такъ какъ выгода метода столь велика, что предаваться занятію науками безъ нея скорѣе вредно, чѣмъ полезно, то мнѣ представляется, что высшіе умы съ давняго времени уразумѣли ее, будучи руководимы своею природою. Ибо умъ человѣческій заключаетъ въ себѣ нѣчто божественное; въ немъ заложены самыя полезныя мысли, которыя даютъ сами собою плодъ, какъ бы ни были пренебрегаемы и заглушаемы. Доказательство имѣемъ въ легчайшихъ наукахъ—арифметикѣ и геометріи. Дѣйствительно, замѣчено, что древніе

математики пользовались нѣкоторымъ анализомъ, который рас-пространяли на рѣшеніе всѣхъ задачъ, хотя и позавидовали передать это знаніе потомству. Да и мы развѣ не пользуемся нѣкотораго рода араметикой, именуемою алгеброй, которая состоитъ въ томъ, чтобы производить надъ числами то, что древніе производили надъ фигурами? Эти два рода анализа не иное что, какъ самородные плоды врожденныхъ началъ методы. Не удивительно, что въ приложеніи къ столь простымъ предметамъ этихъ двухъ наукъ начала эти получили больше развитія, чѣмъ въ приложеніи къ другимъ наукамъ, въ которыхъ они обыкновенно заглушаются болѣе значительными препятствіями, но въ области которыхъ могутъ несомнѣнно достигать полной зрѣлости, если будутъ тщательно разрабатываемы.

„Въ этомъ главная цѣль настоящаго трактата. Я не придалъ бы большой цѣны этимъ правиламъ, еслибъ они годились только для разрѣшенія пустыхъ задачъ, какими любятъ занимать свой досугъ калькуляторы и геометры. Вышло бы, что я успѣлъ только достичь большей тонкости въ занятіи этими пустяками. И хотя въ трактатѣ этомъ я буду часто говорить о фигурахъ и числахъ, ибо нѣтъ науки, къ которой можно было бы обратиться за приѣмами столь ясными и вѣрными, какъ представляемые математикой, однако же кто прослѣдитъ внимательно мою мысль, тотъ легко замѣтитъ, что меня менѣе всего занимаетъ обыкновенная математика, и что и излагаю нѣкоторую новую науку, для коей обыкновенная математика есть скорѣе оболочка, нежели часть. Эта наука должна содержать въ себѣ первые начатки человѣческаго разумѣнія и, кромѣ того, служить для извлеченія изъ какого-либо предмета истинъ, въ немъ заключающихся. Сказать прямо, я увѣренъ, что она предпочтительнѣе всѣхъ другихъ знаній, ибо есть ихъ источникъ. Если говорю объ оболочкѣ, то не въ томъ смыслѣ, чтобы хотѣлъ завернуть и скрыть эту науку, дабы удалить не посвященныхъ; напротивъ, я хотѣлъ бы одѣть и украсить ее, чтобы сдѣлать доступнѣе уму.

„Когда я началъ заниматься математикой, то сталъ прежде всего читать многочисленныя сочиненія, трактующія объ этомъ предметѣ. Я изучилъ въ особенностяхъ геометрію и ариметику, какъ простѣйшія, по общему признанію, и какъ путь для достиженія другихъ наукъ. Но ни въ геометріи, ни въ ариметикѣ не встрѣтилъ автора, который удовлетворилъ бы меня вполне. Конечно, подвергая повѣркѣ вычисленія выведенныя предложенія о числахъ, я находилъ, что большая часть ихъ точны; что же касается фигуръ, то авторы ставили, такъ сказать,

предъ моиѣ глазами значительное число истинъ и часто дѣлали вѣрныя заключенія, направляясь по указанію извѣстныхъ результатовъ (*en se dirigeant d'après certains résultats*). Но почему было такъ, и какъ доходили они до открытія, я этого не усматривалъ. Потому я не удивлялся, что люди искусные и образованные, коснувшись этихъ наукъ, бросали ихъ, какъ знанія безплодныя и пустыя, или же на оборотъ останавливались на порогѣ, испуганные ихъ трудностію и сбивчивостію.

„Дѣйствительно, ничто не можетъ быть пустѣе, какъ заниматься безплодными числами и воображаемыми фигурами и имѣть видъ желающаго погрузиться въ знаніе подобныхъ пустяковъ; нѣтъ ничего бесполезнѣе этихъ поверхностныхъ доказательствъ, говорящихъ болѣе глазамъ, чѣмъ уму, такъ что утрачивается привычка разсуждать. Нѣтъ, наконецъ, ничего труднѣе, какъ высвободить, помощію этой методы, трудности изъ путаницы чиселъ, ихъ облакающихъ. Но когда я спрашивалъ себя, почему же первые изобрѣтатели философіи не хотѣли допускать къ изученію мудрости людей, не обладающихъ математическими знаніями,—какъ будто наука эта казалась имъ простѣйшею и необходимѣйшею, дабы образовать умъ и приготовить его къ принятію высшихъ знаній,—я сталъ подозрѣвать, что они знали нѣкоторую математику, отличную отъ обыкновенной математики нашего времени. Не хочу сказать, чтобъ они вполнѣ знали эту науку. Безумныя восторги и жертвоприношенія по случаю какого-нибудь мало-важнаго открытія ясно свидѣтельствуютъ, какъ невысоко стояли они въ этомъ отношеніи. Машины, изобрѣтенныя ими и восхваляемыя историками, не измѣняютъ моего мнѣнія. Не удивительно, что онѣ хотя были очень просты, прославлялись какъ нѣкоторое чудо невѣжественною толпою, которую изумить не трудно. Однако же я убѣжденъ, что первые зародыши истины, вложенные природою въ умъ человѣка и которыя мы заглушаемъ въ себѣ, читая и слушая каждый день столько заблужденій, имѣли въ этой наивной и простой древности такую силу, что люди, при помощи того же умственного свѣта, который указалъ имъ, что добродѣтель предпочтительнѣе наслажденія и честь выше пользы, хотя они и не знали причины такого предпочтенія,—составили вѣрное представленіе о философіи и математикѣ, хотя и не могли еще вполнѣ понять эту науку. Но мнѣ кажется, что нѣкоторые слѣды истинной математики находятся еще у Паппа и Діафанта, которые, не принадлежа къ древнѣйшимъ временамъ, жили однако

за много вѣковъ до насъ. Но я склоненъ думать, что писатели эти, съ достойною осужденіемъ хитростію, сами исключили потому мѣста, гдѣ трактовалось объ этомъ. Подобно тому какъ многіе ремесленники скрываютъ секреты своего изобрѣтенія, и они, боясь, быть можетъ, обнаружить простоту и ясность метода и обезцѣнить ее общедоступностію, предпочли, дабы заставить себѣ удивляться, представить намъ, какъ произведенія своего искусства, нѣкоторыя безплодныя, но и великія тонкости, выведенныя ими, вмѣсто того чтобы сообщать самое искусство, знаніе котораго уничтожило бы все наше изумленіе. Наконецъ, нѣсколько людей большаго ума пытались въ нашемъ вѣкѣ воскресить эту методу. Ибо то, что называется иностраннымъ словомъ алгебра,—если освободить науку эту отъ множества знаковъ и необъяснимыхъ фигуръ, ея покрывающихъ (*multiplicité de chiffres et de figures inexplicables qui la couvrent*), и чрезъ то придать ей ясность и высшую легкость, кон соединяются съ представленіемъ объ истинной математикѣ,—есть не иное что, какъ эта метода.

„Когда мысли эти привели меня отъ частнаго изученія ариѳметики и геометріи къ общимъ математическимъ изысканіямъ, я спросилъ себя прежде всего: что собственно надо разумѣть подъ именемъ математики, и надлежитъ ли, какъ части математики, разсматривать не только ариѳметику и геометрію, но также астрономію, музыку, оптику, механику и многія другія науки? ¹⁾ Дѣйствительно, не достаточно обратиться къ этимологіи слова, ибо слово математика обозначаетъ науку, и слѣдовательно, исчисленныя науки имѣютъ такое же право на наименованіе математикою, какъ и геометрія. Впрочемъ, всякій, кто переступалъ порогъ школы, легко различитъ между представляющимися ему предметами—какіе относятся къ математикѣ, и какіе къ другимъ наукамъ.

„Внимательнѣе размыслия объ этомъ, я открылъ наконецъ, что къ математикѣ надлежитъ относить всѣ вещи, въ коихъ разсматривается по-

¹⁾ Въ латинскомъ текстѣ мѣсто это не ясно и, по видимому, заключаетъ въ себѣ недосмотръ. Сказано: „*quaesivi imprimis quidam precise per illud nomen omnes intelligant et quare non modo jam dicta sed astronomia etiam, musica, optica alique complures mathematicae partes dicantur*“. Въ изданіи Оме Мартена мѣсто это переведено по буквальному смыслу: „*non seulement l'arithmétique et géométrie, mais encore l'astronomie*“ etc... Кузень, по связи рѣчи, исправляетъ: „*pourquoi l'arithmétique et la géométrie seulement, et non l'astronomie etc.*“... Мы передали въ снѣгахъ вопроса.

рядомъ и мѣра, все равно—будетъ ли то въ числахъ, фигурахъ, звѣздахъ, звукахъ. Потому должна быть общая наука, налагающая все, что касается порядка и мѣры, безъ приложенія къ какой-либо спеціальной области, и науку эту надлежитъ обозначать не иностраннымъ именемъ, а старымъ и употребительнымъ наименованіемъ универсальной математики, ибо она содержитъ въ себѣ всѣ элементы, благодаря коимъ другія науки называются частями математики. Доказательствомъ, что наука эта превосходитъ много въ пользѣ и легкости всѣ отъ нея зависящія, служитъ то, что она простирается на всѣ предметы сихъ послѣднихъ и, кромѣ того, на многіе другіе, и если заключаетъ въ себѣ какія трудности, то трудности эти встрѣчаются и въ другихъ наукахъ, имѣющихъ, кромѣ ихъ, свои—зависящія отъ ихъ частнаго предмета и которыхъ нѣтъ въ общей наукѣ. Но почему же теперь, когда всѣ знаютъ имя этой науки, и каждый, не занимавшійся ею, представляетъ себѣ ея предметъ, большинство ищетъ, съ немалыми трудностями, знанія другихъ наукъ, а ее изучать никто не хочетъ дать себѣ труда? Это удивило бы меня, еслибъ я не зналъ, что всѣ смотрятъ на нее, какъ на легкую, и еслибъ я не замѣтилъ давно, что умъ человѣческій, оставляя въ сторонѣ то, что мнѣтъ легко достижимымъ, спѣшитъ бѣжать за предметами новыми и высшими.

„Но я, въ сознаниі своей слабости, положилъ себѣ за правило—въ исканіи знаній начинать всегда съ вещей простѣйшихъ и легчайшихъ и переходить къ другимъ лишь тогда, когда не остается ничего болѣе желать относительно первыхъ.“

„Вотъ почему до сего дня я, на сколько могъ, разработывалъ эту общую математику, такъ что думаю, могу отнынѣ изучать науки нѣсколько высшія, не опасаясь преждевременности усилій. Но прежде постараюсь собрать и привести въ порядокъ то, что нашелъ достойнаго замѣчанія въ предшествовавшихъ занятіяхъ, дабы при нуждѣ найти все это въ книгѣ, когда память съ возрастомъ ослабѣетъ, а также дабы снять бремя съ памяти и имѣть возможность перенести на другія предметы умъ болѣе свободный“.

Замѣтимъ, что въ послѣднихъ строкахъ есть указаніе, свидѣтельствующее, что Правила писаны прежде Разсужденія. Декартъ говоритъ, что онъ до сего дня занимался общею математикою и имѣеть только намѣреніе перейти къ другимъ, высшимъ наукамъ. Едва могъ бы Декартъ такъ выразиться, если бы Правила не были произведеніемъ сравнительно ранняго періода его дѣятельности.

III.

Наибольшее значеніе во всемъ изданномъ въ 1637 году Декартъ придавалъ своей Геометріи. Онъ высказываетъ это въ письмѣ къ отцу Мерсенну, писанномъ въ апрѣлѣ 1637 года ¹⁾). Письмо весьма характеристично и заслуживаетъ быть приведеннымъ.

„Я равнодушенъ“, пишетъ Декартъ,—къ сужденію автора Геостатики ²⁾ о моихъ писаніяхъ и вовсе не желалъ бы распространяться въ похвалахъ самому себѣ. Но такъ какъ очень немногіе могутъ понимать мою геометрію, а вы непременно желаете, чтобъ я высказался, какъ о ней думаю, то теперь будетъ кстатѣ связать свое мнѣніе. Геометрія моя такова, что большаго ничего не могу желать. Діоптрикой, Метеорами я старался убѣдить, что метода моя лучше обыкновенной. Думаю, что это я доказалъ Геометріей. Съ самаго начала я разрѣшилъ вопросъ, для котораго, по свидѣтельству Паппа, никто изъ древнихъ не нашелъ рѣшенія. Можно сказать, что рѣшить не могъ никто и изъ новыхъ, ибо никто не писалъ объ этомъ вопросѣ, а между тѣмъ искуснѣйшіе старались разрѣшить другія задачи, о которыхъ въ томъ же мѣстѣ говоритъ Паппъ, какъ о бывшихъ предметомъ исканія древнихъ. Такъ дѣлали Apollonius Rodivinus, Apollonius Batavus и другіе, въ числѣ коихъ надо помѣстать и вашего совѣтника de maximis et minimis ³⁾). Но ни одинъ изъ нихъ не могъ произвести ничего, что не было бы извѣстно древнимъ. То, что я даю во второй книгѣ относительно природы и свойствъ кривыхъ и способовъ ихъ изслѣдованія, кажется мнѣ стоящимъ на столько выше обыкновенной геометріи, на сколько реторика Цицерона выше дѣтской азбуки. Очень мало вѣрю въ то, что обѣщаетъ вамъ геостатикъ, когда онъ говоритъ, что дастъ способъ находить касательныя къ кривымъ лучшій, чѣмъ мой. Онъ кажется мнѣ столь же смѣшнымъ, какъ капитаны въ итальянскихъ комедіяхъ. Не достаетъ, чтобъ онъ сказалъ, что сообщаемое мною легко найдти у Віета. Напротивъ, мой трактатъ потому и трудно понимать, что я старался включить въ него лишь то, чего, полагаю, не знали ни Віетъ, ни кто другой. Въ этомъ можно убѣдиться, сравнивъ то, на примѣръ, что писалъ я о числѣ

¹⁾ *Opuscula*, VI, 294.

²⁾ Богрива (Beaugrand), пріятеля Мерсенна.

³⁾ Ферма.

корней каждаго уравненія на страницѣ 372 (гдѣ начинаю давать правила моей алгебры) съ тѣмъ, что пишетъ Виетъ въ самомъ концѣ своей книги *De emendatione æquationum*. Всякій видитъ, что я опредѣляю число это вообще во всѣхъ уравненіяхъ, тогда какъ Виетъ, давъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, которымъ приписывалъ такую важность, что этимъ пожелалъ заключить свою книгу, тѣмъ самымъ показалъ, что не могъ сдѣлать общаго опредѣленія. Такимъ образомъ я началъ, гдѣ онъ кончилъ. И сдѣлалъ это, не думая о томъ, ибо я болѣе перелистовалъ Виета съ тѣхъ поръ, какъ получилъ ваше послѣднее письмо, чѣмъ когда-либо прежде; да и встрѣтилъ книгу его случайно въ рукахъ одного изъ моихъ пріятелей. Виетъ знаетъ меньше, чѣмъ я думалъ, хотя и очень искусенъ. Впрочемъ, опредѣливъ, какъ я, во всякомъ родѣ вопросовъ все, что можно сдѣлать, и показавъ средства, какъ это сдѣлать, имѣю претензію думать, что не только сдѣлалъ нѣчто большее противъ моихъ предшественниковъ, но что и потомки не найдутъ ничего въ этой области, чего не моръ бы найти и я, еслибы далъ себѣ трудъ поискать. Прошу, чтобы все это осталось между нами, я былъ бы очень сконфуженъ, если бы другіе узнали, что я вамъ такъ писалъ⁴.

Извѣстна черта Декарта—въ сочиненіяхъ своихъ не упоминать о своихъ предшественникахъ. Отсюда неоднократныя обвиненія Декарта, со стороны его противниковъ, въ присвоеніи чужихъ открытій. И нынѣ трудно установить право первенства Декарта въ томъ или другомъ случаѣ (по отношенію, напримѣръ, къ закону преломленія свѣта). Въ свое время англійскій ученый Валлисъ (Wallis), крайне пристрастно относившійся къ Декарту, обвинялъ его въ скрытомъ заимствованіи алгебраическихъ открытій у англійскаго математика Гарріота (Harriot). Французскіе математики указывали на Виета, (какъ смотрѣлъ на свои отношенія къ трудамъ Виета самъ Декартъ, видимъ изъ только что приведеннаго письма). Удовленіе Декарта, дѣйствительное или кажущееся, доставляло, по человѣческой слабости, не мало удовольствія его соперникамъ на поприщѣ математики. Монтюкла разказываетъ въ своей Исторіи математики ¹⁾ такой анекдотъ. Роберваль говорилъ съ лордомъ Кавендишемъ о счастливой идеѣ Декарта приравнивать всѣ члены уравненія нулю. Кавендишъ раскрылъ книгу Гарріота и показалъ, что англійскій математикъ дѣлалъ то же самое. Роберваль воскликнулъ: „il l'a vu, il

¹⁾ Montucla, *Histoire des mathém.*, II, 144.

Г'а. vii" (онъ видѣлъ, онъ видѣлъ); и потомъ разказывалъ объ этомъ повсюду.

„Декартъ“, говоритъ Лейбницъ ¹⁾, — „хотѣлъ, чтобы думали, что онъ ничего не читалъ. Это уже слишкомъ. Весьма важно изучать открытія другихъ, такъ чтобы раскрылся источникъ изобрѣтенія, и чтобы такимъ образомъ оно сдѣлалось нашею собственностію“. „Желательно“, прибавляетъ Лейбницъ, — „чтобы авторы излагали исторію своихъ открытій и пути, какими ихъ достигали. Если они не дѣлаютъ этого, надо стараться это угадать, дабы лучше пользоваться ихъ сочиненіями. Если бы журналисты дѣлали это въ своихъ разборахъ книгъ, они оказали бы большую услугу публикѣ“.

Упомянутая черта Декарта заслуживаетъ вниманія. Предпринявъ перестройку научнаго зданія съ основанія, Декартъ какъ бы отвѣзлся отъ своихъ предшественниковъ, охотно выставлялъ на видъ презрѣніе къ ученію изъ книгъ, и въ увлеченіи' своимъ методомъ, — которая казалась ему единственно способною на всѣхъ путяхъ вести умъ къ открытію истины, на сколько умъ къ тому способенъ, — былъ склоненъ не давать цѣны чужимъ открытіямъ, видѣть въ нихъ общую собственность или свою мысль, почему-либо не осуществленную, и даже ощущать нѣкоторое неудовольствіе при достиженіи результатовъ инымъ путемъ и другими. Въ 1630 году, до изданія еще Разсужденія, Декартъ, узнавъ, что старый Бекманъ, голландскій ученый, съ которымъ онъ былъ прежде въ близкихъ сношеніяхъ, выставляетъ себя учителемъ молодаго французскаго философа и говоритъ о немъ, какъ о своемъ способномъ ученикѣ, написалъ къ Бекману гордое и рѣзкое обличительное письмо ²⁾. „Обратите вниманіе“, пишетъ онъ между прочимъ, — „чему одно лицо можетъ выучиться отъ другаго, и вы убѣдитесь, что это — языки, исторія, опыты, убѣждающіе умъ, и доказательства, подобныя геометрическимъ. Что же касается мнѣній и философскихъ правилъ, то высказывать ихъ не значитъ научать. Платонъ говорить одно, Аристотель — другое, Эпикуръ — третье, Телезій, Кампанелла, Бруно, Бассо, Ванини и всѣ новаторы говорятъ каждый разныя вещи. Кто изъ всѣхъ ихъ научаетъ, не говорю меня, но кого бы то ни было любящаго мудрость? Безъ сомнѣнія, тотъ кто можетъ первый убѣдить своими доводами или по крайней мѣрѣ своимъ авторитетомъ. И если кто-нибудь не вслѣдствіе подчиненія авторитету и не вслѣд-

¹⁾ Письмо къ Bourguet. *Opera philosophica*, ed. Erdmann. Berlin, 1840, стр. 722.

²⁾ *Œuvres*, VI, 146.

ствіе доводовъ, узванныхъ отъ другихъ, убѣдился въ какой-нибудь вещи, то хотя бы онъ и слышалъ, что и другіе утверждаютъ то же, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ эти другіе научили его тому. Даже можетъ быть, что онъ узналъ это, будучи подвигнутъ истинными доводами, тогда какъ другіе о томъ истиннаго знанія не имѣли, хотя и того же были убѣжденія, ибо дѣлали выводы изъ ложныхъ началъ... Смѣшно и нахально забавляться, какъ дѣлаете вы, разбирая въ области науки что ваше и что не ваше, какъ будто бы дѣло шло о владѣніи землею или деньгами. Если вы знаете что-нибудь, это что-нибудь вполне принадлежитъ вамъ, хотя бы вы научились тому отъ другаго. Почему же, въ силу такого права или, лучше сказать, вслѣдствіе какого болѣзненнаго состоянія вы не можете терпѣть, чтобы другіе, зная то же, что вы, могли сказать, что это имъ принадлежитъ?⁴

Отношеніе Декарта къ чужимъ трудамъ весьма характеристично выражается въ его сужденіяхъ о сочиненіяхъ и открытіяхъ Галилея. Въ письмѣ ¹⁾ къ отцу Мерсенну въ августѣ 1634 года онъ говоритъ, что, получивъ отъ знакомаго ученаго книгу Галилея (Разговоръ о системѣ міра) въ субботу вечеромъ, онъ долженъ былъ въ понедѣльникъ утромъ возвратить ее, такъ что имѣлъ ее въ рукахъ только тридцать часовъ. "Тѣмъ не менѣе", пишетъ онъ, — "я перелистывалъ ее всю и нахожу, что Галилей довольно хорошо рассуждаетъ о движеніи... но сколько я могъ замѣтить, у него болѣе встрѣчается недостатковъ тамъ, гдѣ онъ слѣдуетъ принятымъ мнѣніямъ, чѣмъ гдѣ отъ нихъ удаляется, исключая однакоже того, что говоритъ о приливахъ и отливахъ: я объясняю эти явленія совсѣмъ иначе, хотя, какъ и онъ, поставляю ихъ въ зависимость отъ движеній земли. Тамъ и самъ я не пропустилъ замѣтить нѣкоторыя изъ моихъ мыслей, между прочимъ двѣ, о которыхъ, кажется, писалъ вамъ, а именно, что пространства, какія пробѣгаютъ тяжелыя падающія тѣла относятся между собою какъ квадраты временъ, употребляемыхъ на прохожденіе... Я выражаю это впрочемъ съ большими ограниченіями, ибо законъ этотъ на дѣлѣ не бываетъ никогда вполне справедливымъ, какъ Галилей думаетъ это доказать. Второе—что розмахи данной струны всѣ происходятъ въ равныя почти времена, хотя бы были одни гораздо больше другихъ".

¹⁾ Оснет., VI, 247.

Такъ легко относился Декартъ къ такимъ замѣчательнымъ открытіямъ Галилея, какъ законъ паденія тѣлъ и исхронность малыхъ качаній.

Замѣтимъ, что въ письмахъ къ отцу Мерсенну Декартъ нѣсколько разъ касается вопроса о законахъ паденія тѣлъ (*Oeuvr.* VI, 70, 75, 216). Онъ правильно разбираетъ значеніе сопротивленія воздуха. По видимому, и истинный законъ паденія (пропорціональность пройденнаго пространства квадрату времени) дѣйствительно былъ ему извѣстенъ. По крайней мѣрѣ, говоря объ опытахъ Мерсенна относительно времени паденія тѣлъ, Декартъ прибавляетъ, что, по его вычисленію, тѣло, падающее съ высоты 50 футовъ, употребляетъ для прохожденія послѣднихъ 25 футовъ времени втрое меньше чѣмъ сколько употребляетъ для прохожденія всѣхъ 50 футовъ. Это не точно, но не далеко отъ истины. Декартъ, по видимому, зналъ законъ квадрата времени и пользовался имъ при вычисленіи. Галилеемъ законъ открытъ былъ еще въ 1602 году, но въ печати сообщенъ въ Разговорѣ о системѣ міра, изданномъ въ 1632 году (въ Словарѣ Гелера и въ Исторіи физики Поггендорфа не точно утверждается, что законъ паденія сообщенъ въ печати въ первый разъ въ Разговорахъ о механикѣ, изданныхъ въ 1638 году). Зналъ ли Декартъ объ открытіи Галилея—рѣшить трудно, но весьма возможно, что зналъ.

Въ 1638 году Декартъ возвращается къ сочиненіямъ Галилея и въ письмѣ къ отцу Мерсенну дѣлаетъ замѣчаніе на новую книгу Галилея—Разговоры о механикѣ, изданную въ этомъ году у Эльзевировъ въ Лейденѣ. Декартъ находитъ, что Галилей дѣлаетъ безпрерывныя отступленія и не останавливается достаточно ни на одномъ изъ трактующихъ предметовъ: „А это доказываетъ, что онъ не изслѣдовалъ ихъ по порядку и, не принимая въ соображеніе первыхъ причинъ природы, искалъ объясненія нѣкоторыхъ только отдѣльныхъ явленій, и потому строилъ безъ основанія.... Относительно Галилея“, заключаетъ Декартъ свой разборъ, не представляющій какихъ либо существенныхъ замѣчаній,—„скажу вамъ, что никогда не видалъ его, ни въ какихъ сношеніяхъ съ нимъ не былъ и, слѣдовательно, не могъ ничего отъ него заимствовать. Да и не вижу въ его книгѣ ничего, что возбуждало бы во мнѣ зависть и почти ничего, что желалъ бы признать своимъ ¹⁾“.

¹⁾ *Oeuvres*, XII, 443.

Возвращаясь къ математическимъ трудамъ Декарта, упомянемъ, что первымъ истолкователемъ его Геометріи, великаго, но скато и трудно изложеннаго (отчасти намѣренно) сочиненія, былъ французскій геометръ Бонъ (Beaune, родился въ 1601 году, былъ друженъ съ Декартомъ, съ которымъ познакомился въ 1626 году) въ его Florimundi de Beaune in Cartesii Geometriam notae breves. Бону принадлежитъ изобрѣтеніе обратной методы тангенсовъ.

Другой истолкователь геометріи Декарта былъ голландскій ученый Schooten. Оба комментарія—и Бона, и Шотена, вошли въ изданіе сочиненій Декарта 1662 года.

IV.

Въ эпоху,—о ней идетъ рѣчь во второй книгѣ Разсужденія,— когда Декартъ устанавливалъ правила своей методы и прилагалъ ихъ къ рѣшенію математическихъ трудностей, ему было только двадцать-три года. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ концѣ второй книги. Говоря о намѣреніи, какое возмѣлялъ, послѣ успѣховъ въ области математики, распространить свою методу на философію и другія науки, онъ прибавляетъ: „А такъ какъ это дѣло великой важности, въ коемъ надо было опасаться всякой послѣдственности и всякаго предубѣжденія, то я никакъ не долженъ былъ брать на себя довести его до конца, прежде чѣмъ достигну возраста болѣе зрѣлаго, чѣмъ двадцать-три года, какіе имѣлъ тогда“.

Кромѣ Разсужденія, есть еще два источника, касающіеся той же знаменательной эпохи. Мы уже упоминали о нихъ: это Мысли и Правила о направленіи разума. Мысли прямо относятся къ 1619 и 1620 годамъ. Когда написаны Правила—не извѣстно. Что они писаны прежде Разсужденія, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Полагаю, что время ихъ составленія не должно быть очень далеко отъ 1619 года и во всякомъ случаѣ ранѣе 1629, какъ надѣюсь показать по нѣкоторымъ признакамъ.

Мы упоминали уже о намекѣ, заключающемся въ четвертомъ правилѣ, гдѣ Декартъ говоритъ, что до сего дня занимался универсальною математикою. Еще яснѣе выражается онъ во второмъ правилѣ. „Нынѣ, когда мы освободились отъ клятвы, приковывавшей насъ къ словамъ учителя, и достигли возраста достаточно зрѣлаго, чтобы уйдти изъ-подъ ферулы“, читаемъ тамъ. Фраза напоминаетъ сказанное въ первой книгѣ Разсужденія о выходѣ изъ школьной зависимости:

„Какъ только возрастъ позволилъ мнѣ выйти изъ подчиненія моимъ наставникамъ“ и т. д. Словами этими обозначена эпоха странствованій и математическихъ занятій, о которой подробнѣе идетъ рѣчь во второй книгѣ Разсужденія. На этотъ же періодъ, очевидно, указываютъ и выраженія, встрѣчающія въ Правилахъ.

Далѣе, есть замѣчательное совпаденіе одного изъ афоризмовъ, встрѣчающагося въ Мысляхъ, съ началомъ десятаго правила. Въ Мысляхъ читаемъ (афоризмъ этотъ былъ приведенъ нами выше): „Въ юности, при видѣ остроумныхъ изобрѣтений, началъ пытаться, не могу ли изобрѣтать и самъ, безъ руководителя. Прѣ этому замѣтилъ, что дѣйствую по нѣкоторымъ опредѣленнымъ правиламъ“.

Десятое правило Декарта начинается словами: „Я рожденъ—признаюсь—съ умомъ такого качества, что главное мое удовольствіе въ ученіи было всегда не въ томъ, чтобы слушать доводы другихъ, но чтобы отрывая таковыя самому. Имѣя съ юности влеченіе къ занятію науками, я всякій разъ, когда какая-нибудь книга заглавіемъ своимъ обѣщала новое какое-либо открытіе, старался, прежде чѣмъ пойти далѣе, пробовать, не могу ли достичь чего подобнаго помощію естественной сообразительности, и воздерживался отнять у себя это невинное удовольствіе послѣднимъ чтеніемъ. Это мнѣ столько разъ удавалось, что наконецъ я замѣтилъ, что достигаю истины не такъ, какъ другіе—неопредѣленными и слѣпыми исканіями, болѣе помощію удача, чѣмъ помощію искусства, а пользуюсь нѣкоторыми постоянными правилами, найденными долимъ опытомъ, весьма полезными при подобномъ изученіи, и коими я потомъ воспользовался, чтобы найти и другія правила. Такимъ образомъ, я тщательно разработывалъ эту методу и убѣдился, что въ принципѣ слѣдовалъ наилучшему способу изслѣдованія“.

Черты сходства съ Разсужденіемъ, въ свою очередь, замѣтны въ Правилахъ. Замыселъ, принявшій потомъ размѣры цѣлой перестройки научнаго зданія, высказывается въ Правилахъ. „Мы отбросимъ“, говоритъ Декартъ въ началѣ втораго правила, — „всѣ знанія, кои только вѣроятны, и поставимъ принципомъ, что должно довѣряться лишь достовѣрнымъ, въ коихъ нельзя сомнѣваться... Надлежитъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (правило десятое), — „однажды въ жизни, прежде чѣмъ перейти къ изученію частныхъ, тщательно розыскать, какія суть тѣ знанія, кои достижимы уму человѣческому... Нѣтъ вопроса болѣе важнаго, какъ вопросъ, что такое есть человѣческое

знаніе, докуда оно простирается. Вотъ что разъ въ жизни долженъ разобрать каждый сколько-нибудь любящій истину^а.

Во второй части Разсужденія мы уже читали: „Относительно мнѣній, до того времени пріобрѣтенныхъ, я ничего лучшаго не могъ предпринять, какъ удалить ихъ однажды всѣ изъ моего убѣжденія, съ цѣлью замѣстить ихъ потомъ лучшими, или тѣми же, если окажутся на уровнѣ разума“.

Въ концѣ десятаго правила Декартъ пишетъ: „Въ трактатѣ этомъ мы постараемся въ такой мѣрѣ розыскать пути, открытые къ познанію истины, и облегчить къ нимъ доступъ, чтобы человѣкъ, глубоко проникшійся этою методою, какова бы впрочемъ ни была посредственность ума его, увидѣлъ, что всякая область знанія для него открыта, также какъ для другихъ, и что если онъ не знаетъ чего-либо, то зависитъ это не отъ недостатка ума или способности. Всякій разъ, какъ онъ приложитъ умъ къ познанію какой-либо вещи, онъ или вполнѣ достигнетъ цѣли, или откроетъ, что удача зависитъ отъ опыта, произвести который не въ его власти, и не обвинитъ своего разума, хотя и вынужденъ будетъ остановиться, или наконецъ докажетъ, что искомая вещь превосходить всѣ усилія человѣческаго ума. И въ послѣднемъ случаѣ не будетъ считать себя невѣжественнымъ, ибо послѣдній результатъ есть тоже своего рода знаніе, не ниже другихъ“.

О доступности всяческихъ знаній посредственному уму, если онъ направляется правильно методою, мы читали уже не мало въ Разсужденіи и другихъ писаніяхъ Декарта.

У.

Въ Разсужденія правила методы сведены къ четыремъ положеніямъ:

Принимать за истинное лишь то, что съ очевидностію познается мною таковымъ.

Дробить каждую трудность на столько частей, сколько только можно, дабы ихъ лучше разрѣшать.

Начинать съ предметовъ простѣйшихъ и легчайшихъ, дабы легче по ступенямъ восходить до познаній болѣе сложныхъ.

Дѣлать перечни и обзоры, столь полные и общіе, чтобы быть увѣреннымъ, что ничего не опущено.

Въ Правилахъ (не оконченныхъ) подобныхъ положеній Декартъ исчисляеть двадцать одно въ слѣдующемъ порядкѣ:

„1) Цѣль изученія—направлять умъ такъ, чтобъ онъ давалъ основательныя и вѣрныя сужденія о всѣхъ предметахъ, кои ему представляются.

„2) Заниматься лишь тѣми предметами, о коихъ умъ нашъ способенъ приобрести знаніе точное и несомнѣнное.

„3) Относительно предметовъ изученія искать не миѣнй другихъ и не собственныхъ предположеній, а того, что усматривается съ очевидностію или выводится съ достовѣрностію: научное знаніе не приобрѣтается иначе“.

Въ объясненіи къ этому третьему правилу, Декартъ указываетъ, что есть два акта нашего разумѣнія, помощію которыхъ мы можемъ достигать познанія, не опасаясь впасть въ заблужденіе; два вѣрные пути для достиженія знанія: ясное представленіе или интуиція (Intuition) и дедукція или выводъ одной вещи изъ другой. Декартъ поясняетъ, что подъ именемъ интуиціи онъ разумѣеть „не довѣренность къ измѣнчивому свидѣтельству чувствъ и не обманчивое сужденіе воображенія, „плохаго наставителя“¹⁾, но непосредственное возрѣніе (conception) ума здраваго и внимательнаго, столь легкое и раздѣльное, что не остается мѣста никакому сомнѣнію относительно пониманія; или что то же, твердое представленіе, рождающееся въ здоровомъ и внимательномъ умѣ, и которое, будучи проще дедукціи, чрезъ то даже вѣрнѣе ея... Такъ, каждый чрезъ интуицію можетъ видѣть, что онъ существуетъ, думаетъ, что треугольникъ ограниченъ тремя линиями, что шаръ имѣеть одну поверхность, и инныя подобныя истины. Такихъ истинъ болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, пренебрегая прилагать умъ къ столь простымъ вещамъ“. Подъ дедукціей Декартъ разумѣеть дѣйствіе ума, чрезъ которое мы понимаемъ всѣ вещи, необходимо вытекающія изъ какой-либо, о которой имѣемъ прочное познаніе. Такое дѣйствіе требуется, такъ какъ выводъ не всюду представляется очевиднымъ и получается лишь чрезъ постепенное движеніе мысли съ яснымъ представленіемъ cadaго ея шага. „Такъ,

¹⁾ „Non la croyance au témoignage variable des sens ou les jugemens trompeurs de l'imagination, mauvaise régulatrice“.

мы знаемъ, что послѣднее кольцо длинной цѣпи соединено съ первымъ, но обозрѣть разомъ всѣ соединяющія звенья не можемъ и должны пробѣгать ихъ постепенно, сохраняя въ памяти, что каждое связано съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Такимъ образомъ мы отличаемъ интуицію отъ дедукціи.

„Въ дедукціи усматриваемъ движеніе и опредѣленную послѣдовательность, чего нѣтъ въ интуиціи. Кроме того, дедукція не имѣетъ нужды въ наличной очевидности (*dans évidence présente*), но свою достовѣрность получаетъ нѣкоторымъ образомъ отъ памяти. Потому предложенія, кои суть непосредственныя слѣдствія какого-либо перваго начала, могутъ быть познаваемы или чрезъ интуицію, или чрезъ дедукцію, въ зависимости отъ того, съ какой точки зрѣнія мы смотримъ; но начала познаются лишь помощію интуиціи, а отдаленныя слѣдствія—лишь помощію дедукціи“. Нахожденію „простыхъ началъ“, Декартъ приписываетъ капитальную важность и видитъ въ немъ главный секретъ методы. Такъ выражается онъ по поводу шестаго правила, говоря, что „правило это не научаетъ чему либо новому, но заключаетъ въ себѣ главный секретъ методы“, состоящій въ томъ, чтобъ „отыскивать тщательно во всемъ, что есть въ немъ абсолютнаго“¹⁾.

„4) Метода необходима для исканія истины.

„5) Метода состоитъ въ порядкѣ и расположеніи вещей, къ коимъ необходимо направить умъ для открытія истины. Мы слѣдуемъ ей, если приводимъ постепенно неясныя и спутанныя положенія къ простѣйшимъ, и если, выходя отъ яснаго представленія (*intuition*) простѣйшихъ вещей, стараемся тѣми же ступенями подняться къ познанію прочихъ.

„6) Чтобы различать простѣйшія вещи отъ сложныхъ и дѣлать это въ порядкѣ, надлежитъ въ каждой серіи предметовъ или истинъ, кои мы прямо вывели изъ другихъ истинъ, усматривать, какая вещь есть простѣйшая, и на столько другія болѣе или менѣе отъ нея удалены.

¹⁾ J'appelle absolu tout ce qui contient en soi la nature pure et simple que l'on cherche; ainsi, par exemple, tout ce qu'on regarde comme indépendant, cause, simple, universel, un, égale, semblable, droit etc.; et je dis que l'absolu est ce qu'il y a de plus simple et de plus facile et que nous devons nous en servir pour résoudre les questions“.

„7) Для пополненія знанія, надлежитъ непрерывнымъ движеніемъ мысли пройти всѣ предметы, относящіеся къ нашей цѣли, и подвергнуть ихъ полному переименованію“.

Подъ такимъ переименованіемъ Декартъ разумѣетъ индукцію, провозглашенную Бекономъ, какъ главное орудіе изслѣдованія. Индукція, вспомошествоваемая опытомъ, даетъ въ каждой области полный перечень вещей въ нее входящихъ. „Перечисленіе или индукція“, говоритъ Декартъ въ поясненіи седьмага правила, — „есть изысканіе всего, что относится къ данному вопросу. Изысканіе это должно быть на столько прилежно и тщательно, чтобы можно было съ достовѣрностію заключить, что мы ничего не пропустили по своей ошибкѣ. Такимъ образомъ, если бы, не смотря на такое перечисленіе, искомая вещь отъ насъ ускользнула, мы приобрѣли бы по крайней мѣрѣ то убѣжденіе, что путями намъ извѣстными нельзя придти къ ея отысканію. А если бы, какъ нерѣдко случается, намъ удалось пройти всѣ пути, къ ней ведущіе, то мы можемъ смѣло утверждать, что она выше человеческого разумѣнія“. Индукція, замѣчаетъ далѣе Декартъ, есть средство съ большею достовѣрностію ведущее къ открытію истины, чѣмъ какой-либо другой способъ доказательства, исключая интуиціи. Какъ скоро нельзя какое-либо знаніе привести къ очевидности возрѣнія, разумѣемой подъ словомъ интуиція, „надлежитъ отбросить узы силлогизма и довѣряться только индукціи, какъ единственному остающемуся средству“. Дедукція, какъ слагающаяся изъ ряда выводовъ, изъ коихъ каждый отдѣльно основывается къ очевидности, приводится къ той же интуиціи.

Такимъ образомъ, пути отысканія истины сводятся къ тремъ: интуиція, дедукція и индукція, Декартъ, въ поясненіи правила четырнадцатаго, указываетъ еще одинъ путь, имѣющій капитальное значеніе, но котораго онъ касается лишь вскользь. Путь этотъ — сравненіе и аналогія. Мы отиѣтили уже выше любопытную замѣтку Декарта о значеніи аналогіи, встрѣчающуюся въ его Мысляхъ. Въ поясненіи четырнадцатаго правила онъ говоритъ о сравненіи, какъ объ операціи ума, „помощію которой мы утверждаемъ, что искомый предметъ въ томъ или другомъ отношеніи подобенъ, тождествененъ или равенъ данной вещи. Въ каждомъ разсужденіи истину мы узнаемъ, строго говоря, только помощію сравненія. Такъ напримѣръ, въ разсужденіи: все А есть В, все В есть С, слѣдовательно все А есть С, мы сравниваемъ искомую вещь съ данною, то-есть, А и С, въ томъ

отношеніи, въ какомъ А и С суть В. И такъ какъ форма силлогизма ни въ чемъ не помогаетъ для усмотрѣнія истины, то читатель хорошо сдѣлаетъ, отбросивъ ее совсѣмъ и убѣдившись, что всякое знаніе, не приобретаемое чрезъ простую интуицію отдѣльнаго предмета, приобретается лишь чрезъ сравненіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ между собою. Почти вся работа (*toute l'industrie*) ума человѣческаго состоитъ въ подготовленіи этой операціи. Когда она ясна и проста, то нѣтъ надобности въ помощи какого-либо искусственнаго приѣма для усмотрѣнія истины, ею открываемой: истина эта прямо усматривается помощію естественнаго свѣта. Сравненіе просто и ясно, когда искомая и данная вещи одинаково присутствіи той же природѣ (*participent également d'une certaine nature*). Въ прочихъ случаяхъ требуется подготовленіе, такъ какъ общая природа не одинаково присутствуетъ въ предметахъ сравненія, но лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и пропорціяхъ, ее облекающихъ. И главнѣйшая часть умственной работы человѣка состоитъ въ томъ, чтобы привести пропорціи эти къ такому пункту, чтобы равенство между искомымъ и извѣстнымъ было явственно усмотрѣно“.

„8) Если въ рядѣ вещей изслѣдуемыхъ встрѣтится такая, которую умъ нашъ не можетъ хорошо понять, надлежитъ остановиться и не разбирать слѣдующія, и воздержаться отъ излишняго труда.

„9) Надлежитъ всѣ силы ума направлять на вещи легчайшія и наименѣ важныя, долго на нихъ останавливаться, пока не привыкнемъ ясно и раздѣльно усматривать истину.

„10) Дабы умъ приобрѣлъ проницательность, надо упражнять его въ нахожденіи вещей, уже открытыхъ, и методически заниматься искусствами, наименѣ даже важными, но кои изъясняютъ порядокъ или предполагаютъ его. (Декартъ указываетъ искусства ткача, обойщика, кружевницъ).

„11) Разсмотрѣвъ, въ ихъ очевидности, нѣкоторыя простѣйшія положенія и выводы новыя, полезно пройти ихъ всѣ непрерывнымъ движеніемъ мысли, размыслить о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и раздѣльно представить разомъ возможно большее ихъ число. Такъ знаніе наше приобретаетъ болѣе вѣрности и умъ болѣе ширины.

„12) Наконецъ, надлежитъ употреблять всѣ ресурсы разумѣнія, соображенія, чувства, памяти, какъ для того, чтобы привести къ ясному

представленію простыя предложенія, такъ и для того, чтобы сравнивать то, что ищемъ, съ тѣмъ, что извѣстно, дабы этимъ средствомъ найти искомое, или по крайней мѣрѣ то, что надлежитъ сравнивать между собою. Словомъ, надлежитъ не пренебрегать ни однимъ изъ средствъ. кои во власти человѣка.

„13) Когда мы вполне понимаемъ вопросъ, надлежитъ отвлекаться отъ всякаго излишняго разсмотрѣнія, приводить вопросъ этотъ къ простѣйшимъ элементамъ и подраздѣлять его на возможное число частей, помощію ихъ перечисленіи.

Послѣдующія правила относятся къ области математическихъ образованій. Они вмѣстѣ съ объясненіями, иногда довольно длинными, представляютъ собою намеки и наброски, сдѣланные вчера и для себя, въ значительной долѣ мало понятныя нынѣшнему читателю. По отношенію къ геометріи и вообще къ вопросу объ измѣреніяхъ вещи (терминомъ измѣреніе, dimension, Декартъ обозначаетъ не только три геометрическія измѣренія, но и вѣсъ, и скорость движенія, и напряженіе звука, и проч.) дѣло идетъ, по видимому, отчасти о приемахъ аналитической геометріи, отчасти о символическихъ изображеніяхъ помощію фигуръ, каково, напримѣръ, графическое изображеніе законовъ движенія помощію кривыхъ и площадей. Подъ фигурами въ правилѣ 14-мъ Декартъ разумѣетъ между прочимъ линіи, именующіяся нынѣ координатами. Въ объясненіи правила 16-го, весьма не яснаго, онъ трактуетъ о буквенномъ обозначеніи величинъ данныхъ и неизвѣстныхъ и объ употребленіи обозначенія помощію показателей (обозначеніе второй, третьей и т. д.) степени какой-нибудь величины a^2 , a^3 и т. д., первенство котораго оспаривается у Декарта въ пользу Гарріота). Остальныя правила изъ которыхъ три послѣднія не сопровождаются никакимъ объясненіемъ, относятся къ приемамъ составленія алгебраическихъ уравненій изъ вопросовъ помощію разсмотрѣнія, въ общей связи съ данными величинами, неизвѣстныхъ величинъ такъ, какъ еслибъ онѣ были извѣстны.

„14) То же правило должно быть прилагаемо къ протяженію (*l'étendue réelle*) тѣлъ. Его надлежитъ цѣликомъ представлять воображенію помощію фигуръ (*la représenter tout entière à l'imagination par des figures nues*). Такъ оно лучше будетъ понято разумѣніемъ.

„15) Полезно, въ большинствѣ случаевъ чертить эти фигуры и представлять ихъ внѣшнимъ чувствамъ, дабы легче сохранять вниманіе ума.

„16) Что касается измѣреній, не требующихъ непосредственнаго вниманія ума, то хотя они и необходимы для заключенія, лучше изображать ихъ очень короткими фигурами, чѣмъ цѣлыми фигурами (*il faut mieux les désigner par des figures très courtes, que par des figures entières*). Такимъ образомъ память не владеть въ заблужденіе, и мысль не будетъ вынуждена раздѣляться, чтобъ удержать эти измѣренія, пока прилежитъ къ отысканію другихъ.

„17) Надлежитъ прямо пробѣгать умомъ предложенную трудность, отвлекаясь отъ того, что нѣкоторые члены ея извѣстны, другія неизвѣстны, и слѣдя вѣрнымъ путемъ ихъ взаимную зависимость.

„18) Для этого требуются только четыре дѣйствія: сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе; часто даже не надо прибѣгать къ двумъ послѣднимъ, дабы не усложнять безъ пользы дѣла, и такъ какъ они легче могутъ быть приложены впоследствии.

„19) Этою методой надлежитъ отыскивать столько величинъ, выраженныхъ двумя разными манерами, сколько есть неизвѣстныхъ членовъ. Такимъ образомъ получимъ такое же число сравненій между равными величинами.

„20) Найдя уравненія, должно восполнить дѣйствія, которыя остались въ сторонѣ, но не прибѣгая къ умноженію, когда можетъ имѣть мѣсто дѣленіе.

„21) Если есть нѣсколько такихъ дѣйствій, ихъ надлежитъ приводить къ одному (*c'est-à-dire, à celle dont les termes occuperont le plus petit nombre de degrés dans la série des grandeurs en proportion continue, selon laquelle ces termes doivent être ordonnés*).

Есть основаніе полагать, что не конченный трудъ, какой представляютъ собою Правила, во всякомъ случаѣ былъ сдѣланъ до 1629 года. Дѣйствительно, въ Правилахъ нѣтъ никакого упоминанія о мысли, игравшей такую важную роль въ философіи Декарта, и къ которой онъ многократно возвращается въ сочиненіяхъ, слѣдовавшихъ послѣ изданія Разсужденія. Я говорю о знаменитомъ афоризмѣ: *cogito ergo sum*. Въ правилахъ есть мѣсто, отдаленно приближаю-

щеся къ этому основному положенію Декартовой философіи и отчасти поясняющее его нарожденіе въ умѣ философа.

„Связь простыхъ вещей между собою бываетъ или необходимая, или случайная... Необходимая связь встрѣчается не въ однихъ только чувственныхъ вещахъ. Когда, напримѣръ, Сократъ говоритъ, что онъ во всемъ сомнѣвается, то заключеніе изъ этихъ словъ необходимо таково: онъ понимаетъ, по крайней мѣрѣ, что сомнѣвается; и еще: онъ знаетъ, слѣдовательно, что бываетъ нѣчто истинное и нѣчто ложное. Эти заключенія необходимо связаны съ природою сомнѣнія. Связь бываетъ случайною, когда соединяемыя вещи не связаны между собою нераздѣльнымъ образомъ. Напримѣръ, когда говоримъ: тѣло одушевлено, человѣкъ одѣтъ и т. п. Есть, кромѣ того, немалое число положеній, въ коихъ связь необходимая, но большинствомъ принимается за случайную, ибо соотношенія не замѣчается. Таковы положенія: я емъ, слѣдовательно, есть Богъ; я понимаю, слѣдовательно, имѣю умъ отдѣльный отъ тѣла, и т. д. Наконецъ, надлежитъ замѣтить, что есть немалое число положеній необходимыхъ, но при обращеніи становящихся случайными. Такъ, напримѣръ, хотя изъ моего существованія я съ достовѣрностію заключаю о бытіи Бога, однако изъ того, что Богъ есть, не слѣдуетъ, что я существую“ (Правило двѣнадцатое).

Изъ письма Декарта къ Мерсенну, писаннаго вскорѣ послѣ изданія Разсужденія о методѣ, въ іюлѣ или августѣ 1637 года¹⁾, узнаемъ о слѣдующемъ фактѣ: „Восемь лѣтъ тому назадъ“, говоритъ Декартъ,—я написалъ по латыни начало метафизики, гдѣ это (рѣчь идетъ объ отдѣльности души и ея природѣ, заключающейся въ томъ, что она мыслить, и о бытіи Бога) подробно высказано“.

Декартъ говоритъ, очевидно, о первыхъ наброскахъ *Meditationum de prima philosophia* (изданы въ 1644 году), гдѣ прежде всего развивалъ идею, сжато сформулированную въ выраженіи *cogito ergo sum*. Отсюда слѣдуетъ, что къ концу двадцатыхъ годовъ XVII вѣка у Декарта были уже тѣ размышленія, которыя составили основу его философіи и которыя только еще въ неясныхъ начертаніяхъ встрѣчаются въ Правилахъ. Слѣдуетъ заключить, что Правила написаны прежде этого времени.

И другія существенныя идеи Декарта встрѣчаются въ Правилахъ еще въ неясныхъ очертаніяхъ. Идея о тождествѣ матеріи и протяженія—основаніе физическаго ученія Декарта—еще не вы-

1) *Oeuvres*, VI, 139.

работалась. Но уже въ правилѣ четырнадцатомъ Декартъ останавливается на мысли, что число и протяженіе, разсматриваемыя отдѣльно отъ исчисляемыхъ и протяженныхъ предметовъ, суть отвлеченія нашего ума, не имѣющія реальнаго бытія. Существуютъ не число или протяженіе, а нѣчто подлежащее исчисленію, нѣчто протяженное. Впослѣдствіи Декартъ выразилъ, что это нѣчто протяженное и есть субстанція, именуемая матеріей, коей природа цѣликомъ выражается въ атрибутѣ — протяженіе.

Далѣе, Правила писаны, когда Декарту, по видимому, не былъ еще извѣстенъ законъ преломленія свѣта (указанный въ Діоптрикѣ, изданной вмѣстѣ съ Разсужденіемъ въ 1637 году). Объ этомъ слѣдуетъ заключить изъ разсужденій, въ какія входитъ Декартъ (въ правилѣ десятомъ) о „линіи, именуемой амаклатикою, чрезъ которую лучи параллельные преломляются такъ, что послѣ преломленія пересѣкаются всѣ въ одной точкѣ“. Для нахождения ея — указываетъ Декартъ — надо знать соотношеніе между углами паденія и преломленія. Математикъ, не знающій этого соотношенія, долженъ оставить задачу. Если допустимъ какое-либо предположительное соотношеніе, то будемъ рѣшать нѣкоторую воображаемую задачу, а не дѣйствительную. Но человекъ, занимающійся не исключительно математикой, а ищущій научныхъ истинъ, займется изысканіемъ самого этого соотношенія. Онъ приметъ во вниманіе, что „отношеніе между угломъ паденія и преломленія зависитъ отъ измѣненія, какое производитъ въ соответствующей величинѣ сихъ угловъ различіе срединъ; что знаніе свойства луча проникать въ тѣло предполагаетъ знаніе природы свѣта, и наконецъ, что, дабы понять дѣйствіе свѣта, надо знать, что такое есть вообще естественная сила (*puissance naturelle*)... Онъ перечислитъ всѣ другія естественныя силы, дабы усмотрѣть, нельзя ли по аналогіи вывести познаніе той, которая ему неизвѣстна“. Открывъ искомое соотношеніе, онъ въ состояніи будетъ разрѣшить вопросъ объ амаклатикѣ, и нѣтъ основанія думать, чтобы онъ не нашелъ этой линіи, которой до сего дня тщетно искали многіе философы. Описываемый здѣсь путь вполнѣ напоминаетъ путь, принятый Декартомъ въ Діоптрикѣ относительно вывода закона преломленія (помощію аналогіи съ переходомъ тѣла или сообщаемаго дѣйствія изъ одной среды въ другую) и опредѣленія преломляющихъ поверхностей, соединяющихъ лучи въ одну точку.

Идея о мгновенномъ распространеніи дѣйствія и сравненіе съ наскою, конецъ которой подвигается въ тотъ самый моментъ, какъ то-

какотъ начало (такъ представлялъ себѣ распространеніе дѣйствія чрезъ палку Декартъ и прилагалъ это къ объясненію мгновеннаго распространенія свѣта)¹⁾, встрѣчается въ Правилахъ въ слѣдующей формѣ: „Допустимъ“, говоритъ Декартъ (правило девятое, по поводу приведенія явленій къ возможной простотѣ объясненія), — „что я хочу изслѣдовать, есть ли въ мірѣ естественная сила, которая можетъ въ одно мгновеніе перейти съ одного мѣста на другое, пройдя чрезъ среду, эти мѣста раздѣляющую. Я не обращаю ума къ магнитному дѣйствию, вліянію звѣздъ, ни даже къ быстротѣ свѣта, чтобы разыскать мгновенны ли такіа дѣйствія, ибо это было бы труднѣе доказать, чѣмъ то, что ищу. Но я лучше стану размышлять о передвиженіи тѣлъ съ мѣста на мѣсто. Замѣчу, что камень не можетъ перейти мгновенно съ мѣста на мѣсто, ибо онъ тѣло; но сила, поддѣбная той, которая движетъ камень, не можетъ сообщаться иначе, какъ мгновенно, если она переходитъ отъ предмета къ другому. Такъ, когда я двигаю конецъ палки, какъ бы длинна она ни была, я легко понимаю, что движущая палку сила приводитъ въ движеніе въ то же мгновеніе всѣ ея части, ибо она одна сообщается, а не заключена въ тѣлѣ,—въ камнѣ, напримѣръ,—которое уносило бы ее съ собою“.

Приведенныя мѣста ставятъ внѣ сомнѣнія раннее происхожденіе Правиль, о которомъ догадка была высказана Куно Фишеромъ и развита Бауманомъ²⁾ въ формѣ, впрочемъ, лишь общихъ соображеній. Поэтому Правила получаютъ интересъ особаго рода, такъ какъ позволяютъ слѣдить первую формовку многихъ мыслей, вошедшихъ потомъ въ общую систему Декартовой философіи.

Укажемъ, въ заключеніе, еще одно мѣсто, касающееся области, нынѣ именуемой психо-физиологіей и психо-физикой. Декартъ высказываетъ нѣкоторыя идеи, которыя впоследствии подробно развилъ въ сочиненіи О человѣкѣ, писанномъ въ 1645 году. Полагая пропасть между духомъ и матеріей, какъ разнородными субстанціями, Декартъ ставилъ тѣло наше, со всѣмъ разнообразіемъ его физиологическихъ явленій, всецѣло въ область матеріи и ея механиче-

¹⁾ Ошибка Декарта относительно мгновенности распространения свѣта произошла именно отъ ошибочнаго представленія, будто если толкнуть начало палки, то конецъ подвигнется въ тотъ же моментъ. На дѣлѣ распространеніе точака чрезъ тѣло требуетъ замѣтнаго времени, зависящаго отъ упругости тѣла: это то же, что распространеніе звука.

²⁾ *Zeitschr. für Philos.*, LIII, 1868, p. 189.

скихъ законовъ. Тѣло человѣка и животнаго представлялось ему какъ машина. Идеи о томъ, что въ болѣе новое время принято было именовать жизненною силой, и что въ эпоху Декарта разумѣлось подъ наименованіями растительной души, животной души; Декартъ не допускалъ.

Въ Правилахъ Декартъ не развиваетъ еще этихъ идей и вообще вопроса о духѣ и тѣлѣ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но уже полагаетъ начало критики познанія, указывая въ правилѣ двѣнадцатомъ четыре способности, служащія намъ для познанія предметовъ: разумъ, воображеніе, чувства и память.

„Внѣшнія чувства наши“, указываетъ Декартъ, — „пассивно принимаютъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, какъ воскъ принимаетъ оттискъ печати. И это не аналогія только. Внѣшняя форма чувствующаго тѣла дѣйствительно измѣняется предметомъ, какъ воскъ печатью. И это не только когда мы осязаемъ какой-либо твердый или шероховатый предметъ, но и когда ощущаемъ дѣйствіе тепла или холода. Глазъ принимаетъ фигуру, впечатлѣваемую лучами. Кожа уха, поздравей, языка, получаютъ новую фигуру (*empreinte une figure nouvelle*) отъ дѣйствія звука, запаха, вкуса. Что такое цвѣтъ? (въ смыслѣ — подразумѣвается — тѣлеснаго измѣненія органа, принимающаго впечатлѣніе цвѣта). Вообразите что хотите, но не можете отрицать, чтобъ это не было нѣчто протяженное, слѣдовательно, фигурообразное (*quelque chose d'étendue et par conséquent de figuré*). Какая бѣда, если мы, дабы не придумывать какой-нибудь новой бесполезной сущности, и не отрицая того, что другимъ угодно думать о цвѣтахъ, будемъ представлять себѣ разницу между бѣлымъ, синимъ, краснымъ и т. д. подобною той, какаѣ существуетъ между прилагаемыми фигурами (Декартъ приводитъ три фигуры, составленныя изъ нѣсколькихъ линій, въ одной расположенныхъ параллельно, въ другой пересекающихся подъ прямымъ угломъ, въ третьей съ наклонными пересѣченіями) или иными въ томъ же родѣ. То же можно сказать и о другихъ вещахъ. Для меня несомнѣнно, что безконечное разнообразіе фигуръ достаточно для того, чтобы выразить различіе чувственныхъ предметовъ между собою¹⁾.

„Послѣ того, какъ внѣшнее чувство приведено въ движеніе пред-

¹⁾ Зародышъ теоріи матеріи, какъ нѣкоторой мозаики пространства (раздробленіе его на малые пространственные элементы разной фигуры). О теоріи этой будемъ говорить впоследствии.

метомъ, фигура, имъ произведенная, переносится въ другую часть тѣла, именуемую общимъ чувствилищемъ (*sens commun*¹⁾), и это совершается мгновенно, при чемъ ничто въ дѣйствительности не перемѣщается съ одного пункта на другой. Явленіе происходитъ совершенно такъ, какъ теперь, когда я пишу, изображая буквы на бумагѣ: въ движеніи находится нижній конецъ пера, но онъ не можетъ сдѣлать малѣйшаго движенія, не сообщивъ его всему перу; и верхняя часть пера описываетъ въ воздухѣ тѣ же движенія, какъ нижняя, хотя въ то же время ничто—я это ясно понимаю—не переходитъ въ дѣйствительности съ одного конца на другой“.

Декартъ описываетъ далѣе, что „общее чувствилище (*sens commun*) дѣйствуетъ на воображеніе, какъ печать на воскъ, и впечатляетъ тамъ фигуры или идеи, безъ матеріальнаго переноса чего-либо отъ вѣдшихъ чувствъ. Это воображеніе есть часть тѣла и такой величины, что въ ней могутъ образоваться многія фигуры, различные между собою. Фигуры эти обыкновенно сохраняются долго. Тогда это то, что называется памятью“.

Терминологія Декарта можетъ показаться странною, но она не должна смущать насъ. Надлежитъ имѣть въ виду, что термины: воображеніе, память и проч. имѣютъ для Декарта, какъ сейчасъ и увидимъ, двоякое значеніе: съ одной стороны—какъ акты и части тѣлесныя, съ другой—какъ акты сознанія духовныя, параллельно и соотвѣтственно съ первыми происходящіе.

Отъ мозга—поясняетъ далѣе Декартъ—идутъ нервы и исходить движущая сила. „Воображеніе движетъ нервами (и чрезъ нихъ мускулами) на тысячу манеровъ и тѣмъ способомъ, какъ вѣдшее чувство движетъ общее чувствилище, или какъ нижняя часть пера движетъ все перо“. При этомъ Декартъ дѣлаетъ такое замѣчаніе. Различныя части пера движутся не одинаково съ нижнею его частию: верхній конецъ имѣетъ даже движеніе обратное съ нижнимъ. Этотъ примѣръ уясняетъ, говоритъ Декартъ,—„какимъ образомъ воображеніе можетъ быть причиною большаго числа движеній въ нервахъ въ случаяхъ, когда образъ этихъ движеній и не впечатлѣнъ въ немъ, а впечатлѣнны нѣкоторые другіе образы, послѣдствіемъ коихъ и являются

¹⁾ *Sens commun*. Въ переводѣ неудобно было бы часть тѣла наименовать здравымъ смысломъ, по буквальному переложенію. Впоследствии Декартъ именовавъ это предполагаемое имъ мѣсто въ мозгу: *siège du sens commun*; *sensus communis sedes* (сѣдалище чувственныхъ воспріятій).

эти движения". Такимъ образомъ, заключаетъ Декартъ, — „мы понимаемъ, какъ могутъ происходить всѣ движения въ животныхъ, хотя бы не признавали въ нихъ никакого познанія вещей, а только чисто тѣлесное воображеніе. Такъ свершаются и въ насъ всѣ дѣйствія, кои мы замѣчаемъ происходящими безъ содѣйствія разума“. Мы видимъ, что теорія рефлексовъ, получившая важное значеніе въ новѣйшее время, заложена во всѣхъ ея основаніяхъ Декартомъ.

Отъ тѣлесныхъ явленій Декартъ переходитъ къ духовнымъ.

„Та сила“, говоритъ онъ, — „помощью которой мы познаемъ вещи, есть сила чисто духовная. Она на столько отлична отъ всего тѣла, какъ (въ тѣлѣ) кровь отлична отъ костей, рука отъ глаза; и она недѣлима“ (elle est une). Сила эта является иногда пассивною, иногда дѣятельною: „Иногда она подобна печати, иногда воску—сравненіе, которое, впрочемъ, надлежитъ принимать лишь какъ простую аналогію, ибо въ области тѣлесныхъ вещей нѣтъ ничего, что было бы вполне подобно этой способности... Если сила эта прилагается, въ согласіи съ воображеніемъ, къ общему чувствулицу, то это выражается словами видѣть, осязать; если прилагается только къ воображенію, то говорится: вспоминать; если прилагается къ воображенію, чтобы создавать новыя фигуры, то говорится: воображать или представлять; если, наконецъ, дѣйствуетъ одна, то это значить: понимать. Такимъ образомъ, сила, о коей идетъ рѣчь, именуется, по разнымъ отправленіямъ своимъ, чистымъ разумѣніемъ, воображеніемъ, памятью, ощущеніемъ. Она называется собственно умомъ, когда образуетъ новыя идеи въ воображеніи, или когда прилагается къ образованнымъ уже, и мы разсматриваемъ ее какъ способную къ этимъ разнымъ операціямъ“.

Таковъ, сдѣланный Декартомъ, первый набросокъ его психо-физиологическаго ученія, къ которому еще будемъ имѣть случай вернуться съ нѣкоторою подробностію.

Основной приѣмъ, какимъ пользовался Декартъ въ вопросахъ такого рода, есть разсмотрѣніе матеріальныхъ измѣненій, происходящихъ въ мозгу соотвѣтственно и параллельно операціямъ сознанія. Въ чемъ состоятъ эти измѣненія—Декартъ не зналъ: не многимъ болѣе знаемъ и мы. Но точка его зрѣнія значительно облегчаетъ пониманіе явленій. Не бесполезно даже дополнить приѣмъ Декарта. Дополненіе это, какъ увидимъ ниже, облегчить намъ, какъ пониманіе идей Декарта, такъ и вообще представленіе явленій психо-физиологическаго характера. Вообразимъ себѣ, что мы обладаемъ возможностью наблюдать во всѣхъ подробностяхъ матеріальное состояніе мозга какаго-либо

мыслящаго субъекта: имѣемъ удивительныя трубы, раскрывающія нашему глазу всю внутренность этого мозга со всѣмъ разнообразіемъ колебаній его частицъ. При каждомъ актѣ сознанія наблюдаемаго субъекта мы замѣтили бы ту или другую пляску частицъ и по поведеніямъ субъекта знали бы, какая пляска какому акту соотвѣтствуетъ. Наблюденіе такое не возможно, но схема его кажется мнѣ весьма полезною. Еслибъ оно было возможно, мы убѣдились бы, безъ сомнѣнія, что имѣемъ предъ собою цѣлый міръ колебаній и измѣненій, но что наступленіе сознанія субъекта опредѣляется не одною только величиною этихъ колебаній и измѣненій. Они могутъ быть значительны и не возбуждать сознанія. Есть нѣкоторый тѣлесный процессъ, происходящій параллельно тому, что мы зовемъ актомъ вниманія въ операціяхъ сознанія; представимъ его себѣ, въ видѣ, на примѣръ, прилива крови, хотя, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, это есть нѣчто со-сѣмъ иное. Допустимъ, что этотъ токъ вниманія освѣщаетъ, въ полѣ арбія нашей фантастической трубы, особымъ образомъ частицы, къ какимъ приносится. Мы могли бы въ такомъ случаѣ слѣдить за операціями сознанія. Что же бы мы увидѣли?

Согласно идеямъ Декарта, при актѣ „чистаго разумія“, труба наша не показала бы никакого движенія или измѣненія наблюдаемыхъ частицъ. Но соединись онъ сколько-нибудь съ дѣйствіемъ возбужденія, получи облеченіе въ слово, хотя бы не произносимое, труба обнаружила бы движеніе частицъ. Между операціями сознанія одна изъ главнѣйшихъ есть одновременное усмотрѣніе нѣсколькихъ представленій или идей. Такъ, одновременное наблюденіе комплекса А впечатлѣній данной минуты и слѣда В, оставшагося отъ прежнихъ впечатлѣній и усматриваемаго съ большею или меньшею живостію, есть то, что именуется памятью. Въ нашей трубѣ, въ случаѣ акта памяти, засвѣтился бы приливомъ тока слѣдъ В, сознаваемый субъектомъ одновременно съ ослабленными чрезъ отливъ впечатлѣніями А данной минуты.

Если бы при наблюденіи нѣкотораго комплекса представленій А новаго для сознанія и дѣлающаго потому вниманіе не устойчивымъ, не отличающимъ главнаго отъ побочнаго, одновременно явилось сознаніе комплекса В, знакомаго, но въ которомъ встрѣчается то же расположеніе представленій, какъ въ неизвѣстномъ А, но такое одновременное сознаніе немедленно освѣтило бы комплексъ А и доставило бы возможность приложить къ нему то, что намъ знакомо въ В. Это тотъ актъ сравненія, которому приписываетъ, какъ мы видѣли, такую важ-

ность Декартъ. Въ этомъ актѣ главный секретъ изобрѣтенія. Когда удавливаются черты сходства въ вещахъ, по видимому, совершенно разнородныхъ, мы признаемъ это актомъ остроумія. Когда усматривается однородность натуры или по крайней мѣрѣ одинаковость схемы между неизвѣстными или, точнѣе, непонятными еще актомъ А и извѣстными актомъ В, то это есть открытіе. Наша фантастическая труба показала бы, что въ моментъ изобрѣтенія токъ вниманія сдѣлался бы устойчивымъ, и въ комплексъ А явились бы освѣщенными тѣ части, кои таковы въ комплексъ В.

Логика Аристотеля и его изслѣдователей есть логика силлогизма. Беконъ провозгласилъ индукцію, какъ орудіе открытій. Но истинная логика изобрѣтенія есть логика сравненія или аналогіи.

VI.

Мы привели то, что говоритъ Декартъ въ Разсужденіи и въ Правилахъ о своей „методѣ“, помощію которой, по словамъ его, умъ среднихъ способностей можетъ достигать высокихъ званій. Онъ подтверждаетъ достоинства ея приложеніемъ къ рѣшенію вопросовъ діоптрики, метеорологии и геометріи въ „образцахъ“ (*essais, spécimens*) изданныхъ вмѣстѣ съ Разсужденіемъ и озаглавленныхъ Диоптрика, Метеоры и Геометрія.

Этихъ сообщеній и указаній едва ли однако было бы достаточно для того, кто пожелалъ бы самъ пойти по пути, предлагаемому Декартомъ, и сдѣлать самостоятельную попытку исканія истины по рекомендуемому философомъ способу. Наставленіе несомнѣнно оказалось бы слишкомъ общимъ, и можно ожидать, что „посредственный умъ“ скоро сбился бы съ пути. Таково, впрочемъ, общее свойство наставленій, даваемыхъ относительно того, какъ дѣлать открытія. Человѣкъ, сдѣлавшій въ нынѣшнемъ столѣтіи, можетъ быть, наибольшее количество открытій, англійскій физикъ Фарадей, читалъ разъ лекцію о воспитаніи ума и имѣлъ въ намѣреніи пояснить, какимъ правиламъ слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ. Наставленія Фарадея вышли однако еще болѣе общи и отвлеченны, чѣмъ Декартовы, и еще менѣе вводятъ въ тайныя открытій. Это свидѣтельствуетъ, что для творческой дѣятельности недостаточно изобрѣтенія методовъ и правилъ.

Утвержденіе Декарта о способности „посредственнаго ума“ къ исканію и открытію научныхъ истинъ не есть однако какое-либо

притворство гевія. Посредственный умъ, о которомъ трактуетъ Декартъ, надлежитъ разсматривать не какъ умъ отдѣльнаго человѣка, а какъ умъ человѣчества. То, что происходило въ умѣ молодого французскаго дворянина, странствовавшаго по Германіи и Голландіи, происходило въ умѣ человѣчества той эпохи. Опытъ всеобщаго сомнѣнія, перестроившаго зданіе нашихъ познаній, описываемый Декартомъ, какъ событіе его личной внутренней жизни, на самомъ дѣлѣ былъ общимъ опытомъ человѣческаго ума въ эпоху, съ которой начинается періодъ въ исторіи человѣческаго разумѣнія, обнимающій еще и насъ своимъ потокомъ. Посредственный умъ Декарта есть человѣческій умъ, освобожденный отъ тонкостей и осложненій схоластической мысли, не подвигающей познаніе впередъ, а оставляющей его на ступени диспута, умъ, требующій отъ истины общедоступной очевидности и имѣющей цѣлю приращеніе знанія открытіемъ новыхъ истинъ, удовлетворяющихъ условію простоты и очевидности и способныхъ къ практическому приложенію.

Передать свою методу такъ, чтобы читатель могъ непосредственно примѣнить ее къ самостоятельному изслѣдованію, Декартъ впрочемъ и не бралъ на себя. Въ письмѣ къ одному іезуиту ¹⁾, писанномъ 24-го января 1638 года, онъ говоритъ о своемъ изданіи 1637 года: „Намѣреніе мое не въ томъ, чтобы обучить всей моей методѣ помощію Разсужденія, гдѣ я ее предлагаю. Я желалъ только сказать о ней на столько достаточно, чтобы убѣдить, что новыя мысли, высказанныя мною въ Діоптрикѣ и Метеорахъ, задуманы не налегкѣ и стоятъ труда быть разобранными. Я не могъ также показать употребленіе этой методы въ трехъ данныхъ мною трактатахъ, ибо она предписываетъ порядокъ въ изысканіи вещи иной, чѣмъ тотъ, какой я счелъ нужнымъ принять для ихъ изложенія.

„Впрочемъ я показалъ образчикъ (употребленія методы), описывая радугу, и если дадите себѣ трудъ перечестъ это описаніе, то надѣюсь, оно удовлетворитъ васъ болѣе, чѣмъ какъ могло удовлетворить при первомъ чтеніи; ибо предметъ самъ по себѣ довольно труденъ“.

Объясненіе радуги находится въ восьмой главѣ Метеора и представляетъ собою дѣйствительно въ высокой степени замѣчательныя страницы.

¹⁾ *Oeuvres* VII, 376.

„Радуга“, говоритъ Декартъ ¹⁾,— „есть чудо природы столь замѣчательное, и причина ея во всѣ времена была съ такимъ любопытствомъ изыскиваема проницательными умами и столь мало извѣстна, что я не могъ избрать предмета болѣе способнаго показать, какъ помощію методы, коей пользуюсь, можно дойти до познаній, какихъ не имѣли тѣ, чьи писанія были у насъ подъ глазами“.

По обыкновенію, Декартъ не указываетъ, какія были эти писанія, и что онъ зналъ изъ нихъ. Нѣтъ возможности рѣшить, знакомъ ли онъ былъ съ сочиненіемъ іезуита архіепископа Антонія de Dominis (Господиновича), которому первому принадлежало правильное объясненіе радуги, и который дѣлалъ опыты съ отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ стекляннаго шара, наполненнаго водою. Но если бы даже это было извѣстно Декарту, его изученіе явленія радуги представляетъ собою замѣчательный образецъ физическаго изслѣдованія.

Декартъ шель такимъ путемъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что радуга наблюдается не только въ небѣ во время дождя, но и въ брызгахъ фонтана, освѣщаемыхъ солнцемъ. Явленіе, очевидно, происходитъ отъ отраженія въ глазѣ солнечныхъ лучей водянными каплями. Величина капель не имѣетъ вліянія, и потому, чтобы прослѣдить явленіе, Декартъ взялъ круглый стеклянный сосудъ, наполненный водою и представлявшій собою какъ бы огромную каплю, сталъ къ солнцу затылкомъ и, держа предъ собою сосудъ, поднималъ и опускалъ его. Декартъ опредѣлялъ то положеніе, когда смотрящему глазу въ нижней части сосуда обнаруживался яркій красный цвѣтъ, радужно оквѣмленный и переходившій въ зеленый при небольшомъ пониженіи шара. Помощію этого опыта Декартъ нашелъ, что красный цвѣтъ, появляется въ нижней части шара, когда линія, проведенная отъ глаза къ шару, дѣлаетъ съ направленіемъ солнечныхъ лучей (направленіе это въ свою очередь опредѣляется линіей проведенною отъ солнца къ головѣ наблюдателя, и паралельными съ нею) уголъ около 41° . Если бы поставить много шаровъ или передвигать въ сторону одинъ шаръ, то чтобы видѣть красный цвѣтъ, надлежало бы расположить шары или двигать одинъ по дугѣ, сохраняя упомянутый уголъ постоянно равнымъ 41° , что соотвѣтствуетъ дугѣ радуги.

Ходъ лучей до шара внутри его и потомъ по выходѣ изъ шара до глаза Декартъ прослѣдилъ, поставляя малое препятствіе въ разныхъ мѣстахъ на ихъ пути.

¹⁾ *Optics*, V, 265.

Требовалось объяснить, почему появляются цвѣта радуги. Декартъ обратился къ призмѣ и, бросивъ солнечные лучи на призму, которой задняя сторона была закрыта непрозрачнымъ тѣломъ, имѣвшимъ разрѣзъ, нашелъ, что лучи, выходящiе изъ призмы чрезъ этотъ разрѣзъ, были окрашены и на подставленной бумагѣ давали радужную полосу (спектръ, какъ явленiе названо было впоследствии). Декартъ заключилъ, что цвѣта чрезъ преломленiе лучей образуются на границѣ свѣта и тѣни. Не ограничиваясь установленiемъ факта, Декартъ сталъ обдумывать, почему это можетъ быть, и составилъ физическую гипотезу, допустивъ, что частицы вещества движению коихъ составляетъ явленiе, а дѣйствiе на глазъ—ощущенiе свѣта, имѣютъ движение это въ двоякой формѣ: поступательное и вращательное, отъ извѣстнаго соотношенiя коихъ и зависятъ цвѣта. На границѣ свѣта и тѣни соотношенiе это мѣняется, и лучъ изъ блага становится цвѣтнымъ.

Но какая же граница свѣта и тѣни въ опытѣ съ шаромъ? Декартъ подвергъ вычисленiю (и въ этомъ труднѣйшая, съ математической стороны, часть его изслѣдованiя) на основанiи закона преломленiя, имъ же указаннаго въ Дюнтрикѣ, ходъ лучей въ шарѣ и остроумнымъ приѣмомъ показалъ, что направленiе, соответствующее упомянутымъ 41° , есть то, по которому изъ шара выходитъ наибольшее количество лучей. По этому только направленiю идетъ отъ шара къ глазу полоса свѣта, по другимъ же направленiямъ лучей приходитъ столь мало, что можно разсматривать ихъ какъ тѣнь, на границѣ которой и появляются цвѣта.

Декартомъ объяснено происхожденiе не только первой радуги, но и второй, что составляетъ вполне оригинальную часть его труда.

Въ настоящемъ сжатомъ и потому, быть можетъ, не довольно ясно изложенiи изслѣдованiя Декарта о радугѣ мы имѣли въ виду отбѣтить ходъ его мысли, такъ какъ, по собственному его указанiю, на этомъ примѣрѣ можно ознакомиться, какъ онъ на дѣлѣ прилагалъ свою методу. Видимъ, что метода эта есть общая метода точнаго опытнаго изслѣдованiя явленiй природы. Глава Декарта о радугѣ есть замѣчательное физическое изслѣдованiе, въ которомъ опытъ соединяется съ вычисленiемъ, та же метода, какою потомъ пользовался Ньютонъ въ своихъ великихъ изысканiяхъ. Но есть одна особенность, принадлежащая исключительно Декарту, и которую можно разсматривать какъ характеристическую въ его методѣ. Особенность эта—прибѣгать къ физической гипотезѣ, и притомъ въ такой формѣ: Встрѣ-

чается онъ съ явленіемъ цвѣтовъ. Что такое свѣтъ вообще и цвѣтъ въ особенности? спрашиваетъ онъ. Чтобы отвѣтить, надлежитъ привести явленіе къ простѣйшимъ механическимъ началамъ, пользуясь приѣмомъ аналогіи. Всѣ механическія явленія суть передвиженія частей и частицъ протяженной матеріи. Должны быть особыя частицы, чрезъ которыя происходитъ распространеніе явленія, именуемаго свѣтомъ. Въ чемъ могутъ состоять это распространеніе и это явленіе? Декартъ ищетъ подходящей механической схемы. Прибѣгаетъ къ разнообразнымъ аналогіямъ. То находитъ сравненіе съ палкой, передающею толчекъ, то сравниваетъ съ шаромъ, наклонно брошеннымъ въ воду, и путь коего преломляется при входѣ въ воду. Встрѣчаемъ приемы и той теоріи, которая именуется теоріей истеченія, и той, которая именуется теоріей волненія. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы угадать подходящую механическую схему. Свойства и законы этой схемы извѣстны или могутъ быть изслѣдованы. По аналогіи они переносятся на изслѣдуемое явленіе, и такимъ образомъ открываются его законы и выводятся слѣдствія, подлежащія оправданію. Въ вопросѣ о цвѣтахъ схема была та, что частицы свѣта имѣютъ каждая поступательное и вращательное движеніе, равныя при бѣломъ цвѣтѣ, но разныя при другихъ. Нарушается равенство движеній—получается цвѣтъ, тотъ или другой, въ зависимости отъ степени нарушенія.

Вообще теоретическій приѣмъ Декарта состоитъ въ томъ, чтобы выбрать простѣйшую механическую схему и перебрать въ ней всѣ возможные случаи: одинъ изъ нихъ долженъ быть подходящимъ къ явленію, если схема къ нему приложима. Построеніе физическихъ гипотезъ указаннымъ приѣмомъ есть главная черта собственно Декартовой методы въ приложеніи къ явленіямъ природы. Последнее приложеніе этого приѣма породило многочисленныя фантазіи картезианской физики. Противъ него выступилъ Ньютонъ, съ своею болѣе осторожною методою, въ сущности приходящею къ тому же приѣму, но обставленной строгими требованіями.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Нѣсколько правил нравственности выведенныхъ изъ этой методы.

И наконецъ, такъ какъ, приступая къ новому возведенію помѣщенія, гдѣ живешь, мало сломать старое, припасти матеріалы и архитекторовъ или самому заняться архитектурною частію, и кромѣ того, имѣть тщательнo начертанные планы, а надо еще озаботиться какимъ-нибудь другимъ помѣщеніемъ, гдѣ можно было бы прожить во время работъ, а также съ цѣлю не быть нерѣшительнымъ въ дѣйствіяхъ въ продолженіе времени, пока разумъ будетъ обязывать меня быть нерѣшительнымъ въ сужденіяхъ, и вромѣ того, дабы прожить время это по возможности счастливо,—я составилъ себѣ нѣкоторыя предварительныя правила нравственности, три или четыре, кои охотно вамъ сообщу.

Вопервыхъ, повиноваться законамъ и обычаямъ страны, сохраняя религію ¹⁾, въ которой по благодти Божіей воспитанъ, и слѣдуя во всемъ остальномъ мнѣніямъ наиболѣе умѣреннымъ, удаленнымъ отъ всякихъ крайностей и общепринятымъ наиболѣе благоразумными людьми въ кругу, гдѣ буду жить. Не давая цѣны своимъ мнѣніямъ, такъ какъ имѣлъ въ виду всѣ ихъ подвергнуть изслѣдованію, я былъ убѣжденъ, что не могу лучше поступить, какъ слѣдуя мнѣніямъ благоразумнѣйшихъ. А такъ, какъ благоразумные могутъ быть также среди Персовъ, Китайцевъ, какъ и между нами, то мнѣ казалось полезнѣйшимъ направлять себя согласно съ тѣми, среди кого буду жить. А дабы знать, какія дѣйствительно ихъ мнѣнія; я долженъ былъ обращать вниманіе болѣе на то, какъ они поступаютъ, чѣмъ на то что они го-

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ прибавлено: *quam optimam judicabam*—которую за лучшую почиталъ.

ворять; и не только потому, что при испорченности наших нравовъ мало людей, которые высказываютъ то что думаютъ, но и потому, что многіе сами того не знаютъ; ибо дѣйствіе мысли, чрезъ которое человекъ вѣрить чему-либо, отлично отъ дѣйствія, помощію котораго онъ знаетъ, что вѣрить; одно изъ этихъ дѣйствій часто бываетъ безъ другаго. А между многими мнѣніями одинаково распространенными я выбиралъ всегда умѣреннѣйшее, какъ наиболѣе удобное въ практикѣ и, по всей вѣроятности, лучшее, такъ какъ каждая крайность обыкновенно дурна, а также дабы, въ случаѣ ошибки, быть менѣе удаленнымъ отъ истиннаго пути, чѣмъ если бы, выбравъ одну крайность, долженъ былъ потомъ переходить въ другой. Въ особенности въ разрядъ крайностей я поставлялъ всѣ обѣщанія, болѣе или менѣе ограничивающія свободу. Не потому, чтобъ я не одобрялъ законовъ, которые, дабы противодѣйствовать непостоянству слабыхъ умовъ, позволяютъ для какой-либо доброй цѣли или просто безвредной, — для коммерческаго, напримѣръ, обезпеченія, — дѣлать обязательства и договоры, принуждающіе къ исполненію условій ¹⁾. Но такъ какъ я ничего не видѣлъ въ мірѣ, что оставалось бы неизмѣннымъ, и такъ какъ лично я стремился усовершенствовать болѣе и болѣе мои сужденія, а никакъ не дѣлать ихъ худшими, то я полагалъ, что сильно погрѣшилъ бы противъ здраваго смысла, еслибы, одобряя какую-либо вещь въ данную минуту, я обязывалъ бы себя считать ее хорошею и тогда, когда она перестала быть таковою, или я пересталъ ее таковою почитать.

Мое второе правило было: быть твердымъ и рѣшительнымъ въ дѣйствіяхъ, и принявъ какое-либо мнѣніе, хотя бы сомнительное, но на которое я разъ рѣшился, слѣдовать ему, какъ еслибы оно было вполне истинное. Такъ заблудившійся въ лѣсу путешественникъ не долженъ блуждать изъ стороны въ сторону, а выбравъ путь, какой кажется вѣроятнѣйшимъ, слѣдовать неуклонно ему, не сходя съ него безъ поводовъ, развѣ особенной важности. Если онъ и не при-

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ прибавлено: *modo ne bonis moribus adversentur*—только не были бы противны нравственности.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-СОРОКОВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (8-го мая 1885 г.). Объ учрежденіи премія при русской учительской семинаріи въ Дерптѣ	3
2. (8-го мая 1885 г.). О формѣ одежды студентовъ Императорскихъ російскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго Харьковскаго, св. Владимира и Новороссійскаго	—
Описаніе форменной одежды студентовъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго, св. Владимира и Новороссійскаго.	4
3. (18-го мая 1885 г.). По проектамъ положенія о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и штата сего института .	5
Положеніе о клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны	—
4. (16-го апрѣля 1885 г.). По проектамъ положенія и штата Харьковскаго практическаго технологическаго института	14
Положеніе о Харьковскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ	15
5. (7-го мая 1885 г.). Объ учрежденіи въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ . . .	28
6. (30-го мая 1885 г.). Объ открытіи въ Сумскомъ реальномъ училищѣ двухъ высшихъ классовъ, въ замѣвъ коммерческаго отдѣленія .	111

7. (23-го мая 1885 г.). О сокращеніи сроковъ на выслугу пенсій лицамъ женскаго пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ.	112
8. (23-го мая 1885 г.). Объ учрежденіи при попечителѣ Кавказскаго учебнаго округа должности третьяго окружнаго инспектора	113
9. (11-го іюня 1885 г.). Объ окладахъ пенсій должностнымъ лицамъ Курской земской учительской школы	—

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ. 26

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

3-го іюня 1885 г. (№ 9)	114
-----------------------------------	-----

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го мая 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества, Великой Княжны Ксении Александровны, при Слободской женской прогимназій.	29
2. (9-го мая 1885 г.). Положеніе о стипендіи Ярославскаго дворянства	30
3. (10-го мая 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно веденія формулярныхъ списковъ приватъ-доцентовъ въ университетахъ	31
4. (15-го мая 1885 г.). Правила о приѣмѣ въ студенты университета.	—
Правила о платѣ за слушаніе лекцій въ университетѣ.	34
Правила для студентовъ университета во время прохожденія курса.	35
Правила о назначеніи студентамъ стипендій и денежнымъ пособій.	40
Правила для арестованныхъ въ карцерѣ студентовъ	42
Правила о допущеніи въ университетъ постороннихъ слушателей	44
Приложенія къ § 8 правилъ о приѣмѣ въ студенты университета	47
5. (20-го мая 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Петровскаго окружнаго суда, Владиміра Николаевича Варварина, при Петровской мужской гимназій.	54
6. (25-го мая 1885 г.). Правила для стипендій, учрежденныхъ на капиталъ, завѣщанный статскимъ совѣтникомъ Марковымъ	—
7. (27-го мая 1885 г.). Правила о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Алексѣя Александровича Потемкина	55
8. (28-го мая 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о форменной одеждѣ для студентовъ университетовъ	—
Описаніе форменной одежды студентовъ Императорскихъ российскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Казанскаго, Харьковскаго, св. Владиміра и Новороссійскаго.	56

9. (30-го мая 1885 г.). Циркулярное предложение гг. попечителям учебных округов съ разъясненіемъ статьи 105-й университетскаго устава 1884 года	57
10. (30-го мая 1885 г.). Циркулярное предписаніе гг. попечителямъ учебных округовъ о невключеніи въ 15% общаго числа студентовъ университета тѣхъ студентовъ, которые нынѣ освобождены отъ платы за слушаніе лекцій	59
11. (5-го мая 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Сѣдлецкой мужской гимназій	60
12. (5-го мая 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Сѣдлецкой мужской гимназій	—
13. (5-го мая 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени дворянина Михаила Антоновича Фирсова при Тифлисской мужской 2-й гимназій	61
13. (5-го мая 1885 г.). Правила о стипендіи имени покойнаго дочента Императорскаго Московскаго университета доктора медицины Дмитрія Ивановича Найденова	62
14. (14-го іюня 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Николая Алексѣевича Стремоухова при Курской гимназій	115
15. (14-го іюня 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Самаркандскомъ, Ташкентскомъ, Перовскомъ, Базалинскомъ и Петро-Александровскомъ городскихъ училищахъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II	116
16. (13-го іюня 1885 г.). Положеніе о стипендіи врача коллежскаго совѣтника Павла Андреевича Верболозова при Николаевской Александровской гимназій	117
17. (24-го іюня 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени свв. Кирилла и Меводія при Якобштадтскомъ городскомъ училищѣ	119
18. (28-го іюня 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Тверскаго купца Владиміра Григорьевича Чибисова, учреждаемыхъ при Тверской Маріинской женской гимназій	120
19. (30-го іюня 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени надзирательницы Люблинской женской гимназій, Софіи Кирилловны Жилий	121

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(6-го іюня 1885 г.)	63
-------------------------------	----

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О брошюрѣ: В. Г. Котляникова „Бесѣды по земледѣлію. О сѣнокошныхъ угодьяхъ и травосѣяніи“	73
О книгѣ: „Книга упражненій по латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца. Составили Ю. Ходобай и П. Виноградовъ“	—
О книгѣ: „Поэтика Аристотеля. В. И. Захарова“	—

О книгѣ: „Арифметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ <i>П. Никулицевъ</i> “	73
О книгѣ: „Задачи по начертательной геометріи. Составилъ <i>В. А. Немолодышевъ</i> “	—
О книгѣ: „Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ <i>Н. А. Шапошниковъ</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній и самообученія. Составилъ <i>П. П. Яценскій</i> “	—
О книгѣ: „Сборникъ разказовъ, анекдотовъ и отрывковъ, выбранные изъ лучшихъ русскихъ писателей“	74
О книгѣ: „Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. <i>В. С. Мятловича</i> “	—
О книгѣ: „Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій. Составили <i>А. Кирпичниковъ</i> и <i>Ф. Гилляровъ</i> “	122
О книгѣ: „Синтаксисъ русскаго языка преимущественно въ правописаніи. Составилъ <i>А. Кирпичниковъ</i> “	—
О книгѣ: „Фонетика русскаго и древне-церковно-славянскаго языка. <i>Романовича</i> “	—
О книгѣ: „Русская хрестоматія. Составилъ <i>Петръ Смирновскій</i> “	128
О книгѣ: „Русская хрестоматія для приготовительнаго класса среднѣ-учебныхъ заведеній. Составилъ <i>Н. Покровскій</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ географіи. <i>Н. Раевскаго</i> “	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: священника <i>Николая Пономарева</i> „Въ школѣ и дома“	74
О брошюрѣ: „Бассіанъ одинокій“ . Изданіе редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ“	—
О книгѣ: „Церковно-славянская азбука и первая книга для чтенія на первоно-славянскомъ и русскомъ языкѣ. Издалъ <i>А. Радонежскій</i> “	—
О книгѣ: „Бесѣды о русскомъ гѣсѣ. Черногѣсье. Сочиненіе. <i>Дм. Кайгородова</i> “	75
О брошюрѣ: „Гѣсъ. Значеніе гѣса. Составилъ <i>А. Леонтьевъ</i> “	—
О книгѣ: „Баянъ. Составили <i>Г. В. Дольдъ</i> и <i>А. С. Фамининъ</i> “	—
О книгѣ: „Книжка для чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ. Составилъ <i>А. Сердобольскій</i> “	—
О книгѣ: „Школьное изданіе. Сочиненія <i>И. С. Никитина</i> , подъ редакціей <i>С. Миропольскаго</i> “	123
О книгѣ: „Руководство къ началному обученію Библии, священной исторіи и древне-еврейскому языку. Составилъ <i>Л. Р. Клячко</i> “	—
О девятомъ присужденіи премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	77
Официальныя извѣщенія	75 и 124

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

	СТРАН.
Ө. И. Успенскій. Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византін	1
Ө. Д. Батюшковъ. Сага о Финнобогъ	53
Н. А. Любовичъ. Альбрехтъ герцогъ Пруссій и реформація въ Польшѣ	173
С. П. Тимоѣевъ. Сказанія о Куликовской битвѣ	203

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. П. Кондаковъ. Русскій лицевой Авокамписсъ	110
А. И. Соболевскій. Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ и Виленской публичной библиотекѣ. Вильно. 1884	142
Н. П. Д—въ. Прошлое Петербурга	145
Н. П. Барсовъ. По поводу рецензій А. И. Соболевскаго на „Очерки русской исторической географіи“	162
Вл. П. Бузускулъ. Всемирная исторія Равне	232
О. А. Ш—ръ. Фрагменты Эниа и Невія	246
И. В. Помяловскій. Библиотека греческихъ и римскихъ клас- сиковъ въ русскомъ переводѣ. В. Алексѣва, С.-Пб. 1885	255
В. Х. Л. Поэтика Аристотеля. В. И. Захарова. Варшава. 1885	264
Э. А. Вольтеръ. Новыя изслѣдованія о латышскомъ языкѣ	268
А. Г. Врикнеръ. Французскіе дипломаты въ Россіи (1719—1721 гг.).	270
Ө. И. Успенскій. Сношенія Рима съ Москвою	290
Т. Д. Флоринскій. Мееодіевскій Сборникъ. Варшава 1885	325

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 25 книгъ)	1 и 33
--	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. И. Янчукъ. Янъ-Эрнестъ Смоляръ	25
Наша учебная заведенія: I. С.-Петербургскій историко-филологиче- скій институтъ въ 1884—1885 году	1
II. Университетъ св. Владиміра въ 1884 г.	11
III. Дерптскій университетъ въ 1884 году	43
Л. Д—ръ. Письмо изъ Парижа	53

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

	СТРАИ.
Н. Новосадскій. Къ вопросу о культѣ Изиды въ Греціи	337
Вл. Шкорниль. Фракійскій городъ Верія	339
Н. Новосадскій. Нѣсколько замѣтокъ объ Елевсини	347
А. П. Шукаревъ. Вахванки. Трагедія Еврипида	352
А. В. Никитскій. Клеомисъ, тиранъ Миевны	411
К. Н. С—скій. Третья элегія къ Дедіи	413

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Н. А. Любимовъ. Декартъ. Разсужденіе о методѣ дабы хорошо направлять свой разумъ и отыскивать научныя истины	I
---	---

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛО НОВОЕ (ДЕСЯТОЕ) ИЗДАНИЕ КНИГИ:

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устноѣ и письменномъ изложеніи.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ 50-Ю РИСУНКАМИ.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКІЙ.

ВЪ 10-мъ ИЗДАНІИ НОВЫЕ РИСУНКИ:

„Молебень предъ ученіемъ“, „Чтеніе Манифеста 19 февраля“, „Святель“, „Св. Сергій Радонежскій благословляетъ на брань съ Мамаемъ Дмитрія Донскаго“. Въ 9-мъ изданіи помѣщены рисунки: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Баязета“, „Скобелевъ“ и др.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. „для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскіяхъ и народныхъ училищахъ.“

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія, посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣбкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

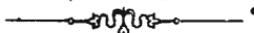
НОВАЯ КНИГА:

„Церковно-славянская азбука и первая книга для чтенія на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками.

Изд. А. РАДОНЕЖСКІЙ.

Въ книгѣ 73 статьи изъ ВІВЛІИ, ЕВАНГЕЛІЯ, ЧЕТІЙ-МИНІЙ, ПАТЕРИКА, сочиненій СВ. ДИМИТРІЯ РОГОВСКАГО, ТИХОНА ЗАДОНСКАГО и др., съ объясненіями, грамматическими разборами и славянскимъ оловаремъ.

Цѣна 25 коп.

1-го АВГУСТА вышла и разошла подписчикам VIII-я книга исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Тайная канцелярія въ царствованіе Петра I. Очерки и разсказы по подлиннымъ дѣламъ, 1720—1724 гг. Сообщ. Н. М. В.—II. Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 гг. Очеркъ по документамъ мѣстнаго архива. Сообщ. Д. Д. Ахшарумовъ.—III. Записки Н. И. Мердера, воспитателя цесаря Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. VIII.—IV. Война съ польскими патешниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ.—V. Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг. Записки и дневникъ бывшаго начальника артиллерійскихъ парковъ южной и крымской арміи, ген.-маіора Д. Г. Духонина.—VI. Николай Ивановичъ Пироговъ въ Севастополѣ въ 1854—1855 гг.: его письмо къ доктору Зейдлицу, 19-го марта 1855 г. Сообщ. Н. Э. Здекауеръ.—VII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, 1844 г. Сообщ. А. В. Смирновъ.—VIII. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ письмахъ къ его брату Николаю Сергѣевичу, 1863—1878 гг.—IX. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 г.—X. Библиографическій листокъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1885 г.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Продается книга: «ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ», третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семеваго, съ портретами и рисунками. Цѣна два руб. 50 коп. съ пересылкою.

«СЛОВО и ДѢЛО», историческіе очерки М. И. Семеваго, съ рисунками пытокъ въ XVIII в., третье изданіе. Цѣна два рубля съ пересылкою.

„Записки Сельскаго Священника“, изданіе исправленное. Цѣна одинъ руб.

